

Национальная идея России:

**«Моя страна должна быть,
и должна быть всегда!»**

или

**О том, что должны делать власть
и общество, чтобы это было так**

Том I

Москва
Научный эксперт
2012

УДК 316.334.3:321(066)

ББК 60.032.61

Н 35

Н 35 Национальная идея России. В 6 т. Т. I. — М.: Научный эксперт, 2012. — 752 с.

ISBN 978-5-91290-116-4

Авторский совет:

Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Кара-Мурза С.Г., Лексин В.Н.

В исследованиях и написании монографии приняли участие:

Аверков В.В., Ахметзянова И.Р., Багдасарян В.Э., Бахтизин А.Р., Белобородов И.И., Белов П.Г., Буянова Е.Э., Васюкова Д.А., Венедиктов Д.Д., Вилисов М.В., Воробьева О.Д., Глигич-Золотарева М.В., Гундаров И.А., Данилина Т.А., Деева М.В., Дерин С.В., Дмитриев А.В., Журавлев Д.А., Кара-Мурза С.Г., Каримова Г.Г., Клейнхоф А.Э., Ключев Н.Н., Колесник И.Ю., Кондаков А.В., Куренкова Е.А., Куропаткина О.В., Лексин В.Н., Леонова О.Г., Липский И.А., Макурина Л.А., Малков С.Ю., Малчинов А.С., Манько В.Л., Маслова А.Н., Метлик И.В., Мчедлова М.М., Нетесова М.С., Орлов И.Б., Пантелеев С.Ю., Петренко А.И., Погорелко М.Ю., Репин И.В., Сазонова Е.С., Сафонова Ю.А., Сивков К.В., Симонов В.В., Скуратов Ю.И., Смирнов В.С., Строганова С.М., Сулакшин С.С., Сундиев И.Ю., Тимченко А.В., Фролов Д.Б., Фурсов А.И.

Под общей редакцией С.С. Сулакшина

Научные рецензенты текста научного макета новой Конституции России:

Елизаров В.Г., к.ю.н., советник Комитета по конституционному законодательству Совета Федерации; Ефремов А.А., к.ю.н., Воронежский госуниверситет; Колесников В.М., академик РАН, ректор Ростовского государственного университета путей сообщения; Лексин И.В., к.ю.н., к.э.н., доцент МГУ им. М.В. Ломоносова; Лисицын-Светланов А.Г., д.ю.н., член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН; Мишина Н.В., к.и.н., доцент кафедры теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения; Насыров Р.В., к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета; Осейчук В.И., д.ю.н., профессор, директор Высшей школы государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета; Петров А.А., к.ю.н., директор Иркутского областного государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского»; Тихомиров Ю.А., д.ю.н., заслуженный деятель науки РФ, профессор, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Чиркин В.Е., д.ю.н., заслуженный юрист РФ, профессор, Институт государства и права РАН.

Ростехнологии

Издание осуществлено при поддержке ГК «Ростехнологии»

Содействие и поддержку изданию оказал С.В. Липатов

© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2012

ISBN 978-5-91290-116-4

Вопрос о национальной идее России имеет длительную историю. Он столь же важен для страны, как вопрос о смысле жизни для каждого человека. Без ответа на него цели, ценности, жизненная энергия, успех становятся малоосязаемыми и труднодостижимыми. Современная Россия особо остро сталкивается с этим вопросом в двух аспектах. Во-первых, во внешнем мире: что есть Россия, зачем она в мировой истории, каков ее современный вклад в развитие мира? Этот вопрос сродни поискам «русской идеи», волновавшим многих русских мыслителей, начиная с Достоевского, Соловьева, Бердяева. Во-вторых, чтобы говорить о смысле жизни, нужно, чтобы жизнь была! Чтобы говорить о России, ее миссии и предназначенности, необходимо, чтобы Россия существовала! Получается даже, что это не «во-вторых», а «во-первых»! В XX веке Россия как государственность была разрушена дважды. В современности многое указывает на очередную угрозу этого уровня.

В коллективной монографии на основе мультидисциплинарного научного подхода, логико-философского и математического моделирования успешности страны, в качестве показателя ее жизнеспособности, проанализирована специфика России как цивилизации, как государства, как страны, как человеческого сообщества. Показана связь качества конкретного многофакторного государственного управления, общественной активности и успешности страны в целом. Выявлены специфические ключи к успеху России, отличающиеся от таковых для иных государств-цивилизаций. Показано, что современная социально-экономическая и политическая модель страны мало совместима с жизнеспособностью России. «Модель страны», «успешность страны» вводятся как базовые категории в научно формализованном пространстве функций цели и множества независимых параметров государственного управления, управленческого выбора. Установлена связь Основного закона (Конституции) России, программирующего развитие страны, с реальными ее достижениями и вызовами. По результатам исследования предложены научный макет новой Конституции России, Доктрина безопасности и развития России и производная от этих базовых документов система нормативно-правовых актов, институциональных, социально-экономических, региональных, финансовых, внешнеполитических и гуманитарных принципов жизнеустройства России.

Для государственных служащих, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Содержание*

ТОМ I

Вводная глава	11
В.1. Постановка задачи	11
В.2. Национальная идея России в истории мысли	59
В.3. Центральная методология исследования	80
В.4. Судьба и действие (трансцендентный вызов)	121
В.5. Всероссийская фокус-группа: национальный девиз России	131

Часть I. Жизнеспособность страны: содержание, история, факторы

Введение I	143
Глава 1. Страна, государство, государственность	144
1.1. Государственность России в мегаистории	144
1.2. Государственность страны: территория	163
1.3. Государственность страны: народонаселение	186
1.4. Государственность страны: государственная (публичная) власть	206
1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление	223
1.5.1. Высшие ценности государства как факторы жизнеспособности страны и их конституционное закрепление	223
1.5.2. Конституция как ценностно-мировоззренческий феномен	233
1.5.3. Ценностно-мировоззренческий компонент в государственных документах высокого уровня	257
1.5.4. Ценностные основания витального потенциала российского народа	271
1.6. Программирующие документы стран мира и в истории России	305
1.7. Цивилизационно-ценностная «генная инженерия»	329
1.8. Традиции и изменчивость	351
Глава 2. Состояние и особенности российской государственности	385
2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность	385
2.1.1. Ментальность	385
2.1.2. Семья	404
2.1.3. Этничность	438

* Прямым шрифтом выделена часть общего содержания шеститомной монографии, приходящаяся на данный том.

2.1.4. Ценности современного российского общества: реальность и мифы	456
2.1.5. Трудовые мотивации и культура труда	483
2.1.6. Экономическая российская специфика	502
2.1.7. Сельское хозяйство и сельское поселение	568
2.1.8. Обороноспособность	649
2.1.9. Внешнеполитическая судьба России	675
Список литературы	724

ТОМ II

Глава 2. Состояние и особенности российской государственности (продолжение)	763
2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность	763
2.1.10. Гуманитарный образ страны: культура, образование, воспитание, наука, демография, здравоохранение.....	763
2.1.10.1. Гуманитарный образ страны: культура	763
2.1.10.2. Гуманитарный образ страны: образование	790
2.1.10.3. Гуманитарный образ страны: воспитание	812
2.1.10.4. Гуманитарный образ страны: наука.....	836
2.1.10.5. Гуманитарный образ страны: демография.....	853
2.1.10.6. Гуманитарный образ страны: здравоохранение	875
2.1.10.7. Роль русских за рубежом в формировании гуманитарного образа страны.....	903
2.1.11. Вероисповедание.....	942
2.1.12. Пассионарность народонаселения, пропаганда и мобилизация.....	965
2.1.13. Система государственного управления и политическая система....	1000
2.1.14. Государственно-территориальное устройство страны	1045
2.1.15. Исторические уроки кадрового рекрутинга (на примере КПСС).....	1070
2.1.16. Коррупция власти.....	1092
2.2. Славянское ядро: история, значение, ресурсы цивилизационного и государственного строительства	1109
2.3. Антифакторы успешности Российского государства.....	1126
2.4. Эрозия идейно-духовного состояния российского общества и ценностные инверсии.....	1197
2.5. Общество и правящая элита как факторы жизнеспособности страны	1247
Глава 3. Цивилизация и жизнеспособность страны (теоретико- методологическая модель)	1274
3.1. Категория «цивилизация»	1274

3.2. Авторская модель цивилизации и универсальный прогресс человечества	1311
3.3. Количественный цивилизационный портрет России и иных цивилизаций	1330
Глава 4. История борьбы с российской государственностью	1410
4.1. Существуют ли «вечные» противники и противостояние с Россией	1412
4.2. Российская империя в закулисных стратегиях Запада	1430
4.3. Запад и революция в России	1438
4.4. «Холодная война» как особая форма борьбы с российской государственностью.....	1444
4.5. Перестройка и разрушение СССР.....	1455
4.6. Постсоветский период: борьба с российской государственностью продолжается	1464
Список литературы	1476

ТОМ III

Часть II. Угрозы жизнеспособности страны

Введение II.....	1507
Глава 5. Несиловые методы разрушения российской государственности.....	1509
5.1. Скрытые угрозы российской государственности завтра станут явными	1509
5.2. Войны нового типа	1520
5.3. Россия в фокусе западного (американского) проекта	1534
5.4. Россия — «страна-изгой», или проблема мировой изоляции	1586
5.5. Стратегические ловушки для России.....	1616
5.6. Территориальное устройство России	1651
Глава 6. Деградация народонаселения России	1665
6.1. Человеческий капитал.....	1665
6.1.1. Культура	1670
6.1.2. Здоровье населения и здравоохранение в России	1695
6.1.3. Образование и квалификация	1721
6.1.4. Наука	1752
6.1.5. Воспитание.....	1766
6.2. Критическая этика	1792
6.3. Специфика российского менталитета	1808
6.4. Разрушение демографических потенциалов	1827
6.5. Семья	1861
6.6. Разрушение религиозных скреп российской государственности	1896

6.7. Деструкция системы национальных отношений	1933
6.8. Официальная демографическая политика	1948
Глава 7. Проблема удержания территории	1956
7.1. Внутренняя миграция и обезлюживание территории.....	1956
7.2. Этническое замещение	2003
7.3. Региональная дезинтеграция.....	2016
7.4. Геополитическое сворачивание и зона интересов России.....	2061
7.5. Историческая территория, зона русского мира и национальных интересов России	2145
Список литературы	2180

ТОМ IV

Глава 7. Проблема удержания территории (продолжение)	2211
7.6. Экономическая деградация.....	2211
7.7. Обороноспособность России	2266
Глава 8. Качество и компетентность государственного управления	2361
8.1. Качество государственного управления в России.....	2361
8.2. Законодательная пирамида	2454
8.3. Научность государственного управления.....	2481
8.4. Российское государственное управление и вызовы безопасности страны	2501
8.5. Государственная кадровая политика в новейшей истории (1992–1999 и 2000–2009 гг.).....	2548
8.5.1. Партийная кадровая политика	2551
8.5.2. Вертикаль власти — кадровый аспект.....	2556
8.6. Коррупция и криминализация как делегитимизация государства	2584
8.6.1. Коррупция	2584
8.6.2. Криминализация государства и криминально-психологическое состояние общества	2608
8.7. Административная система и ее реформирование	2640
8.8. Судебная и правоохранительная системы	2662
8.9. Пенитенциарная система	2697
Глава 9. Клановые механизмы	2721
9.1. Понятие клана и вызовы государственного управления	2721
9.2. Коэффициент клановости в России.....	2728
Список литературы	2742

ТОМ V

Часть III. Что делать? Программа действий

Глава 10. Алгоритмизированный ответ на вызовы и управленческие акты как основания формирования Программы действий государства и общества	2763
10.1. Методология реконструкции управленческих пакетов успешного и ошибочного (теневого, диверсионного) государственного управления как решение прямых и обратных задач.....	2763
10.2. Законодательное закрепление программирующих развитие страны начал	2790
Глава 11. Территориальная целостность	2806
11.1. Региональное измерение государственной политики.....	2806
11.2. Территориальная справедливость.....	2850
11.3. Территориальная целостность: транспортная скрепа	2877
11.4. Территориальное управление миграцией.....	2895
11.5. Территориальная целостность: освоение пространственного ресурса	2912
11.6. Буферная геополитическая зона России	2937
11.7. Проблемные регионы России.....	2956
11.7.1. Проблемы Кавказа	2956
11.7.2. Проблемы Дальнего Востока	2966
11.7.3. Проблемы удаленных северных территорий.....	2980
11.7.4. Проблемы моногородов	2994
11.8. Этнический сепаратизм	3022
Глава 12. Народосбережение: демографическая программа действий	3041
12.1. Демографическая политика.....	3041
12.2. Интегративное управление миграцией населения.....	3090
12.3. Социальное государство	3107
12.4. Утечка мозгов	3125
Глава 13. Гуманитарное строительство	3145
13.1. Человеческий капитал	3145
13.2. Здоровье	3154
13.3. Этническая проблема	3177
13.4. Проблема русского мира — гуманитарное строительство	3195
13.5. Вероисповедание	3199
13.6. Культура	3215
13.7. Образование	3225
13.8. Наука.....	3244
13.9. Воспитание	3256

13.10. Семья	3266
13.11. Средства массовой коммуникации	3291
13.12. Пропаганда и мобилизация	3300
Глава 14. Государственное строительство	3308
14.1. Вертикаль власти (управленческо-политический аспект)	3308
14.2. Государственно-территориальное строительство.....	3318
14.3. Административно-управленческое устройство.....	3326
14.4. Кадровая политика и строительство элиты	3351
14.5. Преодоление коррупции и перерождения страны в криминальное государство	3370
14.5.1. Преодоление коррупции	3370
14.5.2. Преодоление перерождения страны в криминальное государство.....	3407
14.6. Оборонная политика	3421
Список литературы.....	3436

ТОМ VI

Глава 15. Экономическое развитие	3459
15.1. Теория успешности сложной социальной системы	3459
15.2. Феноменологическая модель экономической успешности России	3475
15.3. Концепт перехода при модернизации экономической модели России	3494
15.3.1. Оптимальные значения основных экономических факторов жизнеспособности страны	3494
15.3.2. Концепт перехода при модернизации экономической модели России	3521
15.4. О цивилизационной идентичности экономического успеха страны	3535
15.5. Инновационный механизм	3553
15.6. Инфраструктуры России	3571
15.7. Ресурсный резерв и культура рачительности.....	3624
15.8. Экономическая доктрина России	3656
Глава 16. Россия в мире	3679
16.1. Глобальные вызовы и угрозы российской государственности.....	3679
16.2. Россия в глобальном мире и перспективе	3724
16.3. Дипломатия XXI века	3752
16.4. Оборона XXI века	3785
16.5. Мир-экономика России XXI века	3799
16.6. Миссия России: исторические воплощения и современный шанс	3828
16.7. Россия на экологической карте мира.....	3861

Глава 17. Неизбежные реформы оздоровления и будущее России	3921
17.1. Выход на сценарий оздоровления современного элитогенеза	3921
17.2. Политическая реформа	3940
17.3. Футурология России	3962
Глава 18. Максимизация жизнеспособности страны как основа методологии государственного управления	4000
18.1. Стратегическое управление в России	4000
18.2. Жизнеспособность России как системообразующая категория в политике государственного управления.....	4004
18.3. Построение «поверхности успешности»	4013
Глава 19. Научный макет новой Конституции России и Доктрина безопасности и развития России — базовые документы, программирующие переход к модели жизнеспособной России	4021
19.1. Методологический подход к проектированию научного макета новой Конституции России	4021
19.1.1. Выбор ценностного ядра научного макета Конституции России.....	4021
19.1.2. Как факторное дерево успешности страны преобразуется в текст конституции: методологическое решение	4026
19.1.3. Сопоставительный анализ научного макета новой Конституции России с конституциями зарубежных стран	4049
19.2. Проблемный комментарий к Конституции Российской Федерации	4063
19.3. Научный макет новой Конституции России.....	4261
19.3.1. Пояснительная записка к научному макету новой Конституции России.....	4261
19.3.1.1. Почему появился научный макет новой Конституции России	4261
19.3.1.2. Ключевые концепты научного макета новой Конституции России	4267
19.3.2. Научный макет новой Конституции России	4282
19.4. Доктрина безопасности и развития России	4402
19.4.1. Доктрина как политико-управленческий нормативный правовой акт	4402
19.4.2. Действующие нормативно-управленческие решения в сфере обеспечения безопасности страны.....	4406
19.4.3. Макет Доктрины безопасности и развития России	4410
Список литературы	4425

Вводная глава

Если будет Россия, значит, буду и я

В.1. Постановка задачи

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования традиционно берется за самые актуальные и масштабные проблемы жизни государства и общества, страны в целом. Его подход объединяет как усилия по пониманию содержания вызова, проблемы, так и в обязательном порядке — разработку предложений по решению поставленных проблем и задач. Это не только констатация «что плохо», но и ответ на вопрос «почему плохо?», а главное — предложения «что делать, как действовать». И эти рекомендации адресуются прежде всего российской публичной власти.

Что это за самые актуальные проблемы? Они касаются прежде всего угроз стране в ее текущем развитии и применительно к будущему. Эти проблемы *самые актуальные* потому, что беспокоят не только власти, но каждого человека, каждую семью. Они касаются основ нашей жизни, ее смысла, уверенности в будущем, планирования своей жизни.

В ряде работ¹ Центра доказано, что в отличие от неоразумленной, неодушевленной живой природы для человека и человеческого сообщества важны не только материальные условия жизни, но еще и ментальные состояния. Что значит «важны»? Достоверно известно, что в тяжелейших испытаниях — например, в смертельно угрожающих условиях в плену, в болезни — выживают сильные духом люди. Для человека важны идея, смысл существования и преодоления. Зачастую они играют большую роль, чем материальные условия.

И это важно не только для человека в его индивидуальной жизни. Страна в целом побеждала тогда, когда воины знали, за что они воюют. Страна прирастала территориями, осваивала их, когда людьми двигала значимая и осознанная идея. Страна развивалась позитивно демографически, когда у людей была уверенность, уверенность в будущем, когда они вслед за руководством страны знали, чем живет Россия, куда она движется, что для нее важно и ценно. Страна тогда была успешна, значима и привлекательна для своего народа и иных народов и стран мира, когда она понимала, в чем смысл ее «жизни», когда у нее были идея и проект, ее жизнь, как и жизнь отдельных людей, была идейной и одухотворенной. Не корысть, потребление и недостаток всегда были и остаются движущей силой России в истории, а *идея*. Не менялы в храме вели или приведут ее к успеху, а исповедание ис-

¹ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт. 2007; и др.

тин и ценностей, которые должны в этом храме звучать, следование им, а не навязываемым беспомощным, бессовестным и корыстным догмам.

Упадок, смута, наблюдаемые накануне распада и в процессе самого распада страны (Российской империи, СССР), неприязнь и страх, испытываемые в мире к России, характерны именно для тех периодов, когда идея России исчезала, когда ни руководство не знало, чем жить, куда идти, что в будущем, каковы ценности и смыслы, ни народ. Выскажем сразу авторскую позицию: в современной России ситуация близка именно к такой. И поэтому возвращение *идеи* в жизнь страны сверхактуально.

Кто-то может подумать, что речь вновь идет о трансцендентных религиозных или интеллигентских исканиях, туманных неопределенностях и иных интеллектуальных томлениях. Нет, строго математически доказано, что фактором жизнеспособности — например, в демографическом смысле — для населения России является нематериальный ментальный фактор. И если в текущий момент население России вымирает, то это как раз совпадает с сегодняшним российским безвременьем, бездумьем, отсутствием смысла существования как у страны, так и у большинства ее граждан. Такие «смыслы», как «воруй и не попадайся», «обогащайся за счет других», «однова живем, после нас — хоть потоп», «на наш век хватит», «до царя далеко — до Бога высоко», «стыд глаза не выест», «не обманешь — не продашь» и т. д., и т. п., очень заметны в современной России, к ее успеху, историческому выживанию и процветанию, без всяких сомнений, не приведут.

А какие смыслы приведут? В чем состоит та искомая идея страны, идея жизни каждого ее гражданина и одновременно всех вместе, что всегда в истории России была живительным источником энергии созидания, творчества открытий и прорывов, героизма и свершений? В каких она зафиксирована документах, манифестах, уложениях, произведениях литературы, искусства, наконец, в чем и как она выражена в действующей версии Конституции страны? Может быть, она звучит в Посланиях Президента? Может быть, правительство строит свою антикризисную деятельность, исходя из нее? Может быть, она каждый день слышна по телевидению, как, например, матерщина в «Камеди-клуб» или скабрёзности в «Доме-2»? Может быть, ее уже многие годы пропагандируют герои бесконечных ток-шоу? Может быть, мы видим, какими целеустремленными, одухотворенными наши дети приходят с улицы, из школы или университета, с дискотеки и прочих танцполов? Может быть, со всех сопредельных стран в Россию стремятся эмигрировать интересные, образованные и культурные люди? Может быть, иные страны стремятся к союзу с Россией, и ее авторитет, международные позиции и гарантии успеха в мире возрастают?

Все эти вопросы, так или иначе, сводятся к вопросу о национальной идее страны, ее воплощении в базовых документах и многоплановой практике жизни государства и общества во всех их проявлениях. Вопрос, тема, зада-

ча — непросты. Сама постановка задачи, которую взялся исследовать и решить Центр, авторский коллектив, — непроста. Но, как известно, грамотно поставить задачу — это наполовину ее решить.

Ключевые понятия

Нарушая обычный порядок изложения, заключающийся в постепенном подводе к ключевому понятию, в силу авторской претензии на особенный взгляд на национальную идею и методологию ее нахождения, дадим основное определение того, что в настоящей работе понимается под национальной идеей.

Национальная идея — это устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания.

Об этом еще будет идти разговор, но национальная идея в основном адресована внутрь страны, себе самой. Тот ее компонент, который обращен вовне, к миру, в авторском словаре именуется мессианской идеей. Они связаны, но не тождественны.

Страна (государство в широком смысле) — это существующий и развивающийся во времени и пространстве «живой» организм, образованный территорией, народонаселением, проживающим на ней, и скрепленный единым государственным управлением.

Государство (в узком смысле) — созданный обществом институт (аппарат) единого управления на территории.

Индивид — это человек, ассоциирующий себя с народонаселением (народом) страны, в том числе могущий проживать вне территории страны (диаспора).

Жизненные усилия индивида — это основная и системно построенная часть деятельности индивида в личной (семейной), общественной (групповой, профессиональной) сфере, государственно-властной области.

Смысл существования страны I (как формы сущности) — это сам факт существования ее в настоящем и гарантированности ее существования в будущем (развитие). Это — «быть».

Смысл существования страны II (как содержания сущности) — это устремленность к достижению определенных качеств и состояний как собственного существования, так и в человечестве и мире. Это — «каким именно быть».

Жизнеспособность страны — это ее способность существовать и воспроизводить (сохранять) себя в своей идентичности во времени.

Жизнеспособность страны почти эквивалентна понятию «успешность» страны.

Образующие начала страны как формы — территория, народонаселение, проживающее на ней, единое государственное управление.

Миссия России I (в узком смысле) — это обеспечение территориальной целостности, прогрессивного демографического развития, эффективного управления².

Миссия России II (в широком смысле) — спасти себя и мир от расчеловечивания.

Качество государственного управления — это его результативность по публично объявленным целям.

Высшие ценности государства — это перечень факторов жизнеспособности страны, закреплённый нормативно-правовым образом.

Факторы жизнеспособности страны — это причины, обстоятельства, потенциалы, состояния институтов, отношений, систем, влияющие на жизнеспособность страны.

Целевые (оптимальные) состояния факторов жизнеспособности страны — это количественные, полуколичественные, качественные значения и состояния факторов, максимизирующие жизнеспособность страны.

Приведены не просто дежурные определения, почерпнутые из универсальных контекстов справочников, энциклопедий или учебников. Там таких определений не найдешь. Напротив, принципиально, что определения в работах, связанных с оригинальными исследованиями и, особенно, с управленческим проектированием, обязаны быть контекстными и функциональными в рамках конкретной поставленной задачи исследования. Наиболее важные определения, которые сформулированы в целях настоящей работы и в контексте настоящей задачи, системно организуют весь понятийный аппарат и даже структуру исследования. И совершенно понятно, что если базовые понятия не определены или определены несистемно и нецеленаправленно применительно к решаемой задаче, то степень беспомощности и неопределенности результата не будут, конечно, удовлетворять ни авторов, ни потребителей предлагаемого интеллектуального продукта.

В самих определениях уже содержатся ответы на некоторые вопросы.

К предложенным определениям необходимы некоторые дополнительные пояснения, которые не включены в сами дефиниции с целью не перегружать их. Пояснения как раз уже намечают путь пирамидальной смысловой развертки и постижения, которое задается ядром определения. Именно в этом смысле выше указано, что определения организуют все предстоящее исследование.

Итак, несколько пояснений.

Целеполагание жизненных усилий индивида ограничивается (не фактически, а идеально) средствами, которые опосредуются добросердечием, милосердием, добропорядочностью, любовью к человеку, ответственностью

² Как для любой страны.

перед будущими поколениями (для верующих — перед Богом), жертвенностью, неалчностью, неэгоизмом. Вводя понятие очеловечения и расчеловечивания, конечно, нужно представлять себе признаки того и другого.

Национальная идея, существуя для индивида, одновременно является ценностно-мотивационным представлением в рамках и масштабах всего общественного сознания, которое закрепляется и проявляется в государственных актах и атрибутике, произведениях литературы и искусства, актуальных научных задачах, образовательных стандартах и учебниках, деятельности СМИ, пропаганде и воспитании, уличной рекламе и в иных материальных воплощениях.

Национальная идея — это среда (сродни воздуху) в которой живет, развивается и действует каждый гражданин, общество в целом, элита и чиновники, политические деятели и руководители. Без нее, как без воздуха, возможны только неуспех, угасание и в пределе — гибель страны. В значительной степени вопрос о национальной идее актуализируется в современной России именно в связи с ее очевидной тотальной деградацией и угасанием. Причем есть такие люди, которые искренне недоумевают: «Ну и что? Ну, угасает, ну, деградирует... Мне-то лично неплохо. Да и вон сколько машин в личном пользовании стало. Какая свобода наступила. Въехать-выехать из страны теперь можно свободно! Обогащаться можно без ограничений. Полки в магазинах ломаются от всего. Оставьте нас в покое! Не нужно нам никакой национальной идеи. Дайте попотреблять! Да и какая мне разница, где жить — в России, в Канаде...»

Приведенная цитата — не авторская выдумка. Это реальный, очень достойный человек, известный академик РАН так говорит со всероссийской телетрибуны (июнь 2010 г.). И не он один. Такая точка зрения имеет место.

Но достаточно легко видеть, что это точка зрения меньшинства. Меньшинство часто впадает в эгоцентризм. «Мне хорошо, значит и все хорошо, значит и всем хорошо». Но вот это уже с очевидностью может быть и не так. Если 20% населения нищие — это значит всем хорошо? Если продолжительность жизни низкая, как в странах восьмого десятка в мире, — это хорошо? Если рождаемость упала, а смертность возросла — это хорошо? Если страна столь беззащитна, что может оказаться объектом агрессии — от информационной, экономической до военной — это хорошо? Если международный экономический обмен таков, что российское население нещадно эксплуатируется и обирается, питается и лечится суррогатами и некондицией — это хорошо? Если страна на грани распада с неизбежными потоками слез и крови — это хорошо?

Понятно, что национальная идея — это для тех, кто думает не только о своем благе, для тех, кто думает и о других, и о своей стране.

Национальная идея формируется и прививается прежде всего в семье (внутрисемейные межпоколенческие социальные коммуникации), в школе, в поле общественного и государственного образовательного, воспитательного, пропагандистского информационного воздействия. Национальная

идея формируется и закрепляется исторически, передается в поколениях, отражает оптимальную меру традиции и модернизации, находя современные формы своего воплощения, но не меняя своей сущности, своего глубинного содержания.

Национальная идея фиксируется в нормативно-правовых актах государства (прежде всего в Конституции), учебной, художественной литературе, иных произведениях искусства. Глядя на современную российскую Конституцию, сказать, что у России есть национальная идея нельзя, поскольку *эта* Конституция ее прямо запрещает, именуя в ст. 13 государственной идеологией. Ключевой же иной подход заключается в том, что не только общество, но именно государство обязано формировать, поддерживать национальную идею, преследовать за ее подрыв.

Национальная идея есть живая, развивающаяся во времени, рефлекслирующая к изменениям окружающей среды идея, характерное время изменчивости которой измеряется поколениями, а основная суть в общем-то неизменна.

Часто возникает смещение понятий, в особенности когда национальную идею воспринимают не совсем так, как предложено в настоящей работе для системного продвижения и конструирования государственно-управленческой доктрины и активной деятельности в ее связи, а как «русскую идею». Как мессианскую идею России. Они и близки, но и различны, и обе самодостаточны. Национальная идея обращена вовнутрь страны, она вопрошает и отвечает на вопросы: «Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чем наша идентичность и смыслы? Как именно нам жить, чтобы *жить*?».

Но есть ведь и иные вопросы. Зачем наша Россия выдумана в этом мире? Чтобы показывать всем, как не надо жить? Чтобы что-то миру объяснить, показать примером, призвать, повести за собой, предложить? В конце концов, действительно научить мир чему-то ценой собственной жертвы?

Глубочайшие умы ставили эти вопросы, которые частью уходят в трансцендентное пространство мысли, но они в то же время практичны и актуальны, ибо страна живет не в вакууме, а в реальном мире. И от того, как она понимает самое себя, какой видит себя в этом мире, что она может ему предложить, зависит и отношение мира к России. Зависит число ее союзников и врагов, в конечном итоге — собственное благополучие и благополучие мира и человечества. Россия всегда была, и если выживет, то всегда будет важным звеном и фактором мирового развития.

Российский мировой проект всегда был необходим, российский мессианизм предписан ей имманентно, но это самостоятельная тема. Она еще будет разрабатываться авторским коллективом, частично основы перехода к ней с позиций национальной идеи закладываются и в этой работе. Но важно подчеркнуть в самом начале: национальная идея страны и ее мессианская идея — суть вещи самодостаточные и самостоятельные. Они связаны. Они даже взаимопроникают, взаимно обуславливают друг друга. Но националь-

ная идея — это не мессианская идея. Мессианская идея, российский мировой проект — это не национальная идея. В этой работе — все основное исследование посвящено национальной идее.

Ставим задачу исследования

Словосочетание «национальная идея» столь же знакомо и постоянно на слуху — особенно начиная с 1990-х гг., — сколь на самом деле неясно, неопределенно и неоднозначно. Спросите любого, спросите себя самого: «Что такое национальная идея?» И вы испытаете короткое мгновение абсолютной убежденности, что это совершенно ясно, что это настолько очевидно, естественно, привычно и само собой разумеется, как дышать, как видеть свет. А спустя мгновение наступит оторопь. Действительно, что это такое? Почему это так волнует, почему ее, эту национальную идею, все ищут и никак не найдут? Ельцин в свое время даже эдикт издал: «Разработать за два месяца мне национальную идею России!» Президиум РАН пытался соответствующую НИР открыть. Ничего тогда не получилось. Теперь-то ясно почему, учитывая что ельцинское время в историческом смысле было временем как раз уничтожения животворящей национальной идеи России.

Зачем она нужна — национальная идея? Что она означает? Почему — идея? Почему — национальная? Нельзя ли без нее обойтись? А они, эти национальные идеи, у разных стран (или государств, или наций, или народов) — разные? Или она единая для всего человечества?

И все же, главное — что это такое и зачем нужно. К любому глубокому понятию может быть много разных подходов. Подход зависит от контекста, от задачи, которая стоит перед вопрошающим. Может быть, просто любопытно; может быть, нужно для ответа на предстоящем экзамене по обществоведению; может быть, нужно для яркой речи публичного лидера — да мало ли зачем нужно.

В этом исследовании задача заключается в том, чтобы понять ЧТО это такое, ПОЧЕМУ это жизненно важно, для ЧЬЕЙ ЖИЗНИ это важно, КАКОВА ОНА конкретно для России, КАК ПРИВНЕСТИ национальную идею в жизнь страны, очевидно и уже долго болеющую и, не исключено, что такой болезнью, от которой не выздоравливают. И это особый вопрос — есть ли у больного шанс? Какова нагрузка в этом деле на государственное управление? ЧТО ДЕЛАТЬ, чтобы национальная идея стала жизнью страны и частью жизни ее граждан?

Во всех ли государствах имеется национальная идея? Да, в таком виде, как национальная идея определена в настоящей работе, — конечно, во всех состоявшихся государствах она существует, и по структуре, функциям и назначению они — национальные идеи — схожи. Специфика же связана с идентичностью страны.

В этой работе задача ставится, таким образом, и познавательная, исследовательская. И деятельностная, активная, проецирующаяся на государственное управление. В целом это управленческая и проектная задача. В ее итоге — проект новой Доктрины безопасности и развития России и научный макет новой Конституции России. Понимать «что», «почему» и «зачем», понимать «что делать», «как спланировать», знать, «как спроектировать, исполнить и реализовать» — вот творческий замысел настоящей работы.

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования давно убедился, что масштабные и жизненно важные стороны жизни человека, общества, государства требуют многодисциплинарного подхода — историков, социологов, философов, политологов, психологов, медиков, математиков, физиков-теоретиков, управленцев, педагогов. Глубинные вопросы жизни и смерти страны, являющиеся реальными вызовами нашей жизни (гибель СССР), не терпят поверхностности, одной лишь публицистичности и красивого интеллектуального разговора. Когда-то И. Бунин описал³, как русские люди, русская интеллигенция, похихатывая, наблюдали сползание России в «это гробное корыто».

В наши дни Россия вновь «сползает». И заметны многие сильные «интересанты», которые тому способствуют и организуют это сползание. Но еще больше тех, кто вновь похихатывает или не понимает, или самоустраивается от понимания, что «гробное корыто» вновь может для России стать реальностью. Вызов состоит в том, что многие, осознав происходящее, могли бы встать на пути этого сползания, совершить нужное действие.

На рис. В.1.1 приблизительно показано, как выглядит в истории введенная ранее жизнеспособность страны в количественном отображении.

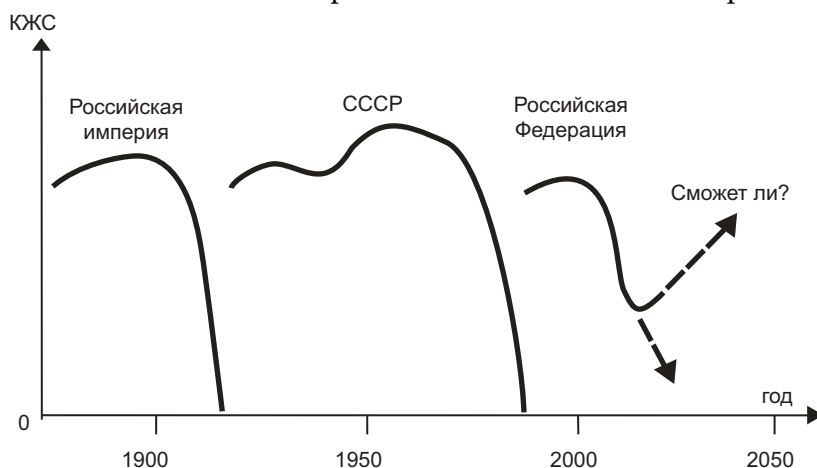

Рис. В.1.1. Коэффициент жизнеспособности страны в ее истории

³ Бунин И.А. Окаянные дни. Соч. М.: АСТ, 2006.

Каждому очевидна обоснованность количественной меры жизнеспособности страны, поскольку в двух «нулевых» точках (1917 г. и 1991 г.) государственность страны исчезала. Если апеллировать к базовой строанообразующей триаде (территория, народонаселение и единое государственное управление), то очевидно, что разрывалась территория, население испытывало тяжелейшие удары и приносило кровавые жертвы, и главное, что в ноль обращалось государственное управление.

Страна распадалась, ее текущая идентичность исчезала. Затем она как бы реинкарнировалась, возрождалась, что-то преемствуя, что-то изменяя. Обратимся взором к текущему времени. Разве не является вызовом то, что сегодня жизнеспособность России устремлена в своем развитии вниз, практически во всех своих компонентах? В дальнейшем эта кривая будет вычислена досконально, но интуитивно разве не ощущается, что страна гибнет? Что ее население вымирает и замещается иноцивилизационным контингентом? Что ее культура, наука, образование суррогатизируются? Что ее государственное управление и политический процесс становятся все более абсурдными, лживыми, коррумпированными, непрофессиональными и беспомощными? Что в мире не осталось настоящих геополитических союзников? Что... Список подобных вопросов длинен и только подтверждает тревогу.

Современным вызовом является вопрос: сумеет ли Россия изменить ход падающей кривой, изображенной на рис. В.1.1? От чего этот поворот зависит и что для него нужно сделать обществу и государству?

Очевидность «нулевых» точек позволяет спросить: а в иные моменты истории жизнеспособность страны значит была ненулевой? А какой? А от чего она зависит и как складывается? Можно ли строго продиагностировать как положительно (животворяще) действующие на жизнеспособность страны факторы, так и негативно (смертетворяще) действующие, чтобы на них повлиять целевым образом? А можно ли в итоге на нее влиять, чтобы не допустить гибели страны и так управлять государственным строительством, общественным развитием, чтобы страна была максимально жизнеспособна?

Ставится строгая научная задача декомпозировать факторы жизнеспособности страны, определить те из них, которые подвержены государственному управлению и дать рекомендации, как их активизировать с целью спасения страны и вывода ее на гарантированное историческое существование. Причем и авторов, и сам процесс исследования все время преследует дуализм задачи. С одной стороны — только что сформулированный технократический подход и метод, а с другой стороны — совершенно ясно, что если нет огня в душе человека и всего общества, если нет идейно-духовной энергетики, то любые самые точные научные и управленческие рекомендации реализованы не будут. Всем управляет человек, а он — существо эмо-

циональное и одухотворенное. Национальная идея потому и *идея*, что она предназначена для человека чувствующего, а не только рассуждающего. Поэтому национальная идея должна быть выражена не только цифрами, графиками и программными государственно-управленческими документами. Она еще должна быть призывом. Понятным, ложащимся на душу русского⁴ человека, мобилизующим его на свершения. Она должна быть в ряду высших ценностей Российского государства, в ряду его высшей государственной атрибутики. Таким, как герб, гимн, флаг, должен стать и девиз-лозунг, выражающий национальную идею России. И он должен быть вписан в Конституции России.

Задача этой работы состоит в том, чтобы разобраться: что критически важно для жизнеспособности страны, что из ее потенциалов поражено болезнью и разъедается, как лечить эту болезнь и кто и как может это сделать.

Итак. Национальная. Идея. России.

Почему России? Идея как сущность (мысль) вроде бы является принадлежностью индивидуального сознания, отдельной личности. И это так. Однако ключевым посылом настоящей работы и подхода, в ней развиваемого, является мысль о жизни, жизнеспособности некоего живого организма. Что это за живущий и развивающийся организм? Организм человека? Групп людей, в пределе — общества в целом? Каких-то институтов? Да, это все как частные составляющие, но в предлагаемом подходе — это страна в целом.

Кого-то возмутит наша постановка. В чем же, спросят они, смысл жизни? Жизнь ради чего? Жизнь ради жизни? Национальная идея — выжить? Но, возражают они нам, ради *высшей идеи* человек способен на самопожертвование. Значит, есть нечто выше жизни как таковой. Во имя «русской веры» Русь выбирала риски уничтожения комфортности интегрированного европейского бытия (исторический выбор Александра Невского). Для коммунистической эпохи была характерна такая же установка в отношении идеи коммунизма (по существу русского мессианства). Имеет ли перспективы «житийная, если не сказать животная, идеология»?

Да, действительно довольно непросто дойти до предлагаемой авторами сути. Все время возмущает ум то, что человеку предлагается сравняться с животным. Но на самом деле все обстоит принципиально обратным образом, совсем не так. Выживаемость человека, человеческого сообщества и страны как живого организма связана как раз с *отличием* от животного и от животности.

---

⁴ В работе принципиально слово «русский» употребляется, если не сделано оговорки, не в значении «по крови», не в этническом, а в цивилизационном смысле, в качестве «российский». При этом нельзя забывать, что русский народ — это доминанта в населении и основной ресурс исторического формирования и поддержания российской государственности и российской цивилизации.

Смысл *существования* (жизни) по определению заключается в сохранении *сущности*. Если ей кто-то или что-то угрожает, то возникает необходимость защищать сущность. Если мы конструируем национальную идею как мотивацию на сохранение страны, то надо быть последовательным. Сущность страны задается необходимой и достаточной (в смысле избыточности) атрибутикой. Атрибутов или сущностных признаков три: территория, народонаселение и управление на этой территории (рис. В.1.2). Убери любой из них, и сущность — «страна» — пропадет. Математически (что в дальнейшем используется) это выражается следующей формулой:

$$\text{Жизнеспособность страны} = (\text{сущностный признак 1}) \times (\text{сущностный признак 2}) \times (\text{сущностный признак 3}).$$

Обратив любой из сомножителей в ноль, мы получаем нулевое значение жизнеспособности страны.

Добавлять ничего на этот уровень не надо, так как это будет избыточно, и далее это будет обсуждаться подробно. В вышеприведенных «возмутительных» примерах самопожертвование человека (как якобы торжество более значимой идеи, чем *существовать*), если проанализировать, означает только то, что жертва собственной жизни принесена во имя жизни других. Человек — не только биологический организм, но существо даже не просто социальное (муравьи и пчелы тоже в известной мере социальны), а социализированное, духовное (одухотворенное, одушевленное).

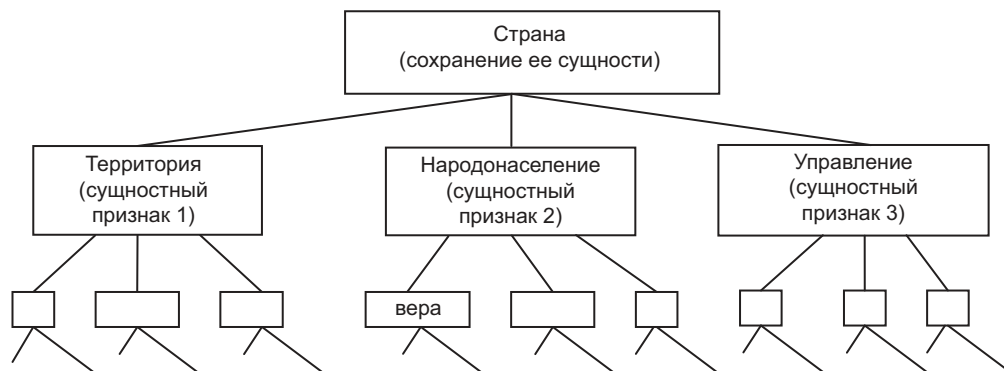

Рис. В.1.2. Структура сущности страны и необходимых и достаточных сущностных признаков

Жертва жизнью во имя веры — на самом деле это жертва во имя жизни. Для верующего человека жизнь не кончается с прекращением его физического или биологического существования. Душа, т. е. истинная жизнь че-

ловека, бессмертна. И жертва во имя веры — это жертва во имя истинной жизни человека.

Мать, жертвуя собой, защищает детей. Солдат, совершая подвиг, защищает жизни своих товарищей или подразделения, или мирных жителей. Осознанная жертва — всегда во имя жизни! Но опять, а если не во имя жизни, а во имя веры? Глядя на рис. В.1.2, мы видим, что жертва во имя веры на самом деле, соответственно факторной декомпозирующей цепочке, отдана во имя сохранения сущности страны (в ее потенциале — народонаселение).

Напомним, что в работах Центра показано, что вероисповедание есть фактор демографии. Поэтому выбранная трактовка национальной идеи как идеи сохранения сущности своей страны (ее существования и жизнеспособности) с этой точки зрения универсальна.

Сложнее дело обстоит с отличительностью человека от животного, но и здесь есть ответ.

В этой работе речь идет о жизнеспособности страны. В этом понятии сосредоточены и территория (территориальная целостность), и народонаселение (демографическое состояние и процесс), и управление (публичная власть и качество государственного управления), организующее всю систему как единую. Страна (государство в широком смысле) представляется в виде живого организма, который когда-то родился, растет и развивается, который может болеть, может умереть (СССР). На него воздействует внешняя среда. У него может ослабевать иммунитет. Он может быть умным или глупым (наука, национальный интеллект). Он может быть интеллигентным (культура, образованность), может быть хамом (сила есть — ума не надо). На него могут нападать извне, даже желая его гибели. Он может быть сильным (армия и спецслужбы). Он может быть идейно-духовным (мировоззрение, вероисповедание), он может быть милосердным и гуманным по отношению к людям, живущим в такой стране, или наоборот.

То есть, как и любой живой организм, страна может быть жизнеспособной или наоборот. Наоборот — это значит, что все перечисленные (и еще не перечисленные) потенциалы жизнеспособности страны снижаются, достигают критического значения и... И живой организм умирает. Как для любого живого организма страна, формируясь в определенных исторических условиях ландшафта, климата, накапливаемых социокультурных традиций, опыта взаимодействия с внешней средой и окружением, приобретает характерный облик, наиболее адаптированный и специфичный для ее оригинальной истории.

И точно так же как для пингвина, оказавшегося в тропиках, если страну вдруг переместить в иные цивилизационные условия и обстоятельства — в первую очередь внутреннего гуманитарного порядка, — то заболевание, а то и похуже, случится неизбежно. Точно так же, как живой организм, закаливаясь, тренируясь, наращивает мощь своих жизнеобразующих потен-

циалов и становится более жизнеспособным, страна может либо усиливать свои потенциалы, либо заниматься самоубийством, подсаживая себя на безделье, примитивность, глупость и непрофессиональность, нефтяные и разного рода иные «иглы», разврат физический и духовный, проедание и несозидание. Признаемся, что выписывая приведенный перечень, мы мысленно во многом срисовывали портрет с современной России.

Вполне очевидно, что можно достаточно строго и доказательно определить перечень и суть потенциалов жизнеспособности страны. Можно также определить факторы, воздействующие на эти потенциалы. Определить специфические вирусы и бактерии, запускаемые с целью усилить негативно действующие факторы, подрывающие потенциалы жизнеспособности страны. Жизненный, витальный подход к рассмотрению феномена государственности (государственности как живой системы) — акцент в этой работе.

Представление государства как живого организма в определенной степени является новым, а потому обязывающим подходом. И национальная идея в этом контексте рассматривается не вполне традиционно, не в виде некой умозрительной конструкции, но в качестве жизненно важной функции социального (государственного) организма. В этом смысле ее определение есть не вопрос субъективного выбора, а результат довольно жесткого диагностирования видовой специфики исследуемой государственности.

Применение витального подхода к социальным явлениям в науке известно и формировалось в рамках цивилизационного и этнологического дискурсов. Функционирование локально-исторических культур уподобляли жизнедеятельности живых существ О. Шпенглер и А.Д. Тойнби, Н.Я. Данилевский и П.А. Сорокин⁵. Согласно теории происхождения государства Г. Спенсера государство понимается как некий общественный организм, состоящий из отдельных людей, подобно тому, как живой организм состоит из клеток. Если организм здоров, то клетки его функционируют нормально. Если клетки больны, то они снижают эффективность функционирования всего организма, т. е. государства⁶.

Культурно-исторические общности, согласно Н.Я. Данилевскому, развиваются исключительно в плоскости своего видового биосоциального существования. Особая историческая миссия народов зависела, по его мнению, от уровня аккумулированной ими «жизненной силы». Однако положение о биосоциальной природе цивилизаций в дальнейшем цивилиза-

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1993; Тойнби А. Постигание истории. Соч. М.: Прогресс, 1991; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Соч. СПб.: Изд-во СПбГУ, Глаголь, 1995; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

⁶ Спенсер Г. Основания социологии. Монография. СПб., 1908.

ционном дискурсе практического развития не получило. Уподобление цивилизаций живым организмам было воспринято не более чем красивая аллегория. Между тем речь может идти о более глубоком содержании аналогии социальных форм и живой природы.

Более развитая объяснительная связь общественных феноменов с витальными принципами существования получила развитие в работах о природе этноса. Наиболее системный подход представлен в трудах Л.Н. Гумилева⁷. Однако этнологический дискурс ограничивался, как правило, экстраполяцией витальной теории только на два компонента государственности — народонаселение и территорию, оставляя вне поля рассмотрения третью составляющую — сферу властного управления. Ввиду этого управленческий потенциал получаемых выводов оказывался невысоким. В предлагаемом подходе витальные принципы объяснения распространяются и на государство в его узкофункциональном управленческом понимании. Исключение из топологии организма государственности любого из трех проявлений государственного бытия выглядит поэтому как деформация его видовой анатомии, которая в предельных случаях ведет к смерти организма.

Проведя диагностику «живого организма» можно предложить рецепт излечения и усиления иммунитета страны. По сути, в таком образном виде описан классический управленческий цикл: от ценности — к цели, к определению проблем как препятствий на пути к цели, декомпозиция проблем на задачи, решение задач и формирование программы действий⁸.

Чьих действий? Государства в первую очередь (государства в узком смысле, как института публичной власти), общества, политических и гражданских институтов, каждого. Поэтому видение конечной цели работы и конечного продукта будет формулироваться именно с этих позиций.

А почему речь идет о стране? Не о человеке, не об обществе, как принято расставлять приоритеты в разговорно-политическом жанре, навязываемом России последние 20 лет? При чем тут абстрактная страна? Разве для многих она уже не стала воспоминанием при взгляде на нее из Лондона, США, Израиля и т. п.? Но все дело в том, что просто для этих отпочковавшихся их страна — там. А все остальное там точно так же, как для нас здесь.

Страна — это оболочка нашей жизни, как воздух, вода, пища, духовный смысл жизни. Если ее нет, то нет ничего. В прямом смысле этого слова. Нет самой жизни индивида. Нет общества. И здоровый духовно человек интуитивно осознает эту неразрывную связь, потребность, необходимость. Именно в этой связи родились понятия Отечества, Родины, патриотизма. Наряду с тем, что эти понятия ментальные, оказывается, что они приобретают значение вплоть до физических, физиологических усло-

⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Соч. М.: Экопрос, 1993.

⁸ Сулакшин С.С. Системная методология проектирования государственно-управленческих решений. Труды Центра. Вып. № 2. М.: Научный эксперт, 2006.

вий жизнеспособности организма каждого конкретного человека. «Умер от тоски по родине» — это абстракция для отпочковавшихся. А вот выживание в фашистских концлагерях идейно и духовно сильных (в частности, верующих) людей — это факт. То есть это условие жизнеспособности для абсолютного большинства здоровых членов общества.

Поэтому, говоря о национальной идее страны, которая есть принадлежность каждого, заявляя, что это индивидуальная и общественная мысль о стране, мы на деле предлагаем реконструкцию самого главного, самого всеобщего условия жизни каждого. Вот мы и добрались до коренного содержания используемого словосочетания — жизнеспособность. Жизнеспособность страны — это жизнеспособность каждого. Его семьи, его детей и родителей.

Поэтому национальная идея страны — это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти. И это основа его индивидуальной жизнеспособности.

Но может возникнуть момент неуверенности. Что считать сохранностью сущности страны? Ведь все течет, все меняется. Исторически государственные границы России существенно изменялись. Были, в частности, и периоды территориальных потерь. Сохраняется ли при этом сущность страны? Если да, то вроде бы целостность страны не есть для нее определяющий фактор. Одно дело — потеря Дальнего Востока, совсем другое — Москвы. А при том было и кутузовское: «Отдадим Москву — сохраним Россию!». Возможно, целесообразно ставить вопрос об «исторической колыбели государственности», без которой она несостоятельна? На самом деле имеет смысл ставить вопрос о допустимой мере изменчивости потенциалов сущности и критической (пороговой) мере, за которой сущность исчезает. Это различие особенно важно при конструировании Доктрины безопасности страны, в которой необходимо понятие порога безопасности.

В настоящей работе вопрос ставится таким образом, что перечисленные потенциалы, факторы, на них воздействующие, не есть продукт только естественных, самих по себе развивающихся обстоятельств. При понимании, что обстоятельства — в том числе неблагоприятные — *создаются* теми, кто желает вашей гибели, речь идет об активной политике (как государственном управлении) государства, общества по формированию и усилению позитивно действующих обстоятельств. И о работе по снижению рисков и угроз как вероятности агрессивных событий, намерений и действий, способных нанести ущерб стране во всех ее сущностных проявлениях. Заметна близость пространства национальной идеи и безопасности страны.

А это — классическая управленческая постановка. Именно это — один из акцентов, отличающих настоящую работу от многих художественных, публицистических, политических аналогов. Работа ставит целью четко ответить на конечный вопрос: что делать?

«Что делать?» — вопрошал перед походом к Куликову полю князь Дмитрий святого Сергия. «Русь защищать», — отвечал ему святой. Последующая интеллигентская рефлексия вокруг вопроса «что делать?» все время подвергала сомнению очевидность императива, сформулированного отцом Сергием. Авторский ответ на извечный вопрос русского самосознания, закладываемый в формуле «национальная идея — идея сохранения сущности страны», есть на самом деле возвращение к святоотеческой формуле — «Русь защищать». Это ведь и означает — сохранять сущность страны. Защита, безопасность и сохранение сущности — категории почти тождественные.

Что есть идея как категория? Озарение, конкретная мысль, красивый лозунг? Философски оторванная от человека идеальная сущность?

В настоящем контексте — это, конечно, проявление активного сознания. Мысль, но не просто отражающая мир или констатирующая какое-то обстоятельство. В настоящем контексте идея — это тревожная, основная, жизненно важная, затрагивающая коренные обстоятельства жизни, ответственно-деятельностная мысль, мысль как призыв и как технология действия.

Идея — мотивирует, активизирует на действие, программирует обязательный набор представлений, установок и действий. Идея пронизывает жизнь человека — от первого осознания себя человеком мыслящим до последнего дня земной жизни, подвигая его быть ответственным за все, что происходит не только в его личной, его семейной жизни. Но и в окружающем мире, в первую очередь — в его общегитии, народе, стране.

Поэтому национальная идея страны — это не благолепное томление в поиске самого себя или новых образов непознанного мира, но активная программа жизни и действия каждого гражданина, общества, государства и страны в целом. А ключевое слово в раскрытии понятия — это жизнь. Жизнь человека. Его сообщества. Страны в целом.

Почему идея *национальная*? Не государственная, не всеобщая, не какая-либо еще?

С этим англицизмом в русском языке много неоднозначности. В английском языке *national* — от *nation* — это принадлежащий к гражданству данного государства. Этничность определяется словом *ethnic*. Однако этничность, национальность и принадлежность к нации связаны друг с другом. То есть в основном смысле этот термин тяготеет к понятию «всеобщий, всеобщественный, общетерриториальный, общегосударственный», без признаков этничности. Обозначает интегративный масштаб всего государства. Или всего общества. Есть еще и *civil nation*, как гражданская нация, также выводящая за скобки этничности и обозначающая народонаселение территории данной страны в целом. Надо еще вспомнить и гражданское общество как конкретный признак или свойство общества в политической системе взаимодействия с публичной властью.

В русском языке в смысловой нагрузке термина *национальный* больший акцент традиционно делается на этничности. Поэтому в России национальную идею часто отождествляют с *русской идеей*. А ее, в свою очередь, относят преимущественно к русскому этносу. Но Россия — такое особое государство, государство-цивилизация, в котором русскость — это не только и даже не столько этничность. Это цивилизационность. Поэтому национальная идея — это не только идея русского народа, как доминантного в стране, как государствообразующего народа, это идея российскости, устойчивости русской (российской) цивилизации. Когда в настоящей работе речь идет о национальной идее, одновременно говорится и о судьбе русского народа и его государственности, и о судьбе России в целом как страны многих народов, культур и вероисповеданий.

Термин «государство» имеет два смысла. Узкий — как аппарат управления, созданный упорядочивавшимся в истории населением. Как институт. Как публичная власть. В дальнейшем будет употребляться термин «публичная власть» (для России включающая государственную власть федерального уровня и уровня субъекта Федерации, а также муниципальный уровень власти, точнее — самоуправление).

Широкий смысл понятия «государство» включает территорию, народонаселение и управление (т. е. государство в узком смысле). Чтобы максимально избегать терминологической путаницы, в работе будет употребляться понятие *страна*. Поэтому в теме «Безопасность» будет употребляться не термин «государственная безопасность» или «национальная безопасность», а термин «безопасность страны». (Например, Доктрина безопасности и развития страны, а не Доктрина национальной безопасности или Доктрина государственной безопасности).

Люди, проживающие на территории страны, будут именоваться не нацией (чтобы не путать с этносом) или населением (что звучит немного обездушенно), а народонаселением. «Народ» — термин тоже многозначный. С одной стороны — надэтнический (российский народ, американский народ, советский народ). С другой стороны — этнический (русский народ, татарский народ, еврейский народ). Поэтому вновь — более четко и однозначно — «народонаселение». А когда это необходимо — «этнос» или «народ» (в этническом смысле, что, строго говоря, требует постоянной оговорки), нация (в этническом смысле), гражданская нация (когда нужен интеграционный надэтнический смысл), нация (как народонаселение). Это когда по каким-то причинам (например, переводческого характера) без указанных неоднозначных терминов трудно обойтись.

Другая двойственность термина «этнос» заключается в разграничении понимания его как биологической, по преимуществу, популяции (главное — «кровь») и как особой общности историко-культурного типа, не исключающей полностью биологичности. Авторы используют этнос во втором, более широком смысле.

Но тогда почему идея в настоящей работе предлагается все-таки *национальная*? Причин тому несколько.

Во-первых, это слишком общепринятое и общевостребованное, ожидаемое ныне в России словосочетание. Тут термин «национальная» как бы теряет свою изначальную многозначность. Во-вторых, в содержании национальной идеи, конечно, принципиально присутствует оттенок этнической самобытности, скорее связанный с цивилизационной идентичностью. Но в случае России обозначение «русский» одинаково неизбежно и по отношению к русской цивилизации, русским цивилизационно-ценностным накоплениям, и по отношению к названию многоэтнической страны. В английском языке одно слово *russian* означает и российский, и русский.

Самой главной причиной, заставляющей принять этот термин (национальная идея России), является основная гипотеза настоящей работы. Гипотеза утверждает, что конкретный профиль факторов жизнеспособности страны является уникальным для каждой цивилизационно самостоятельной или идентичной страны. Факторный профиль — это как паспорт страны или своеобразные отпечатки пальцев. Факторный профиль — это набор факторов, которые в своей совокупности зафиксированных оптимальных значений определяют максимальный уровень жизнеспособности страны (рис. В.1.3).

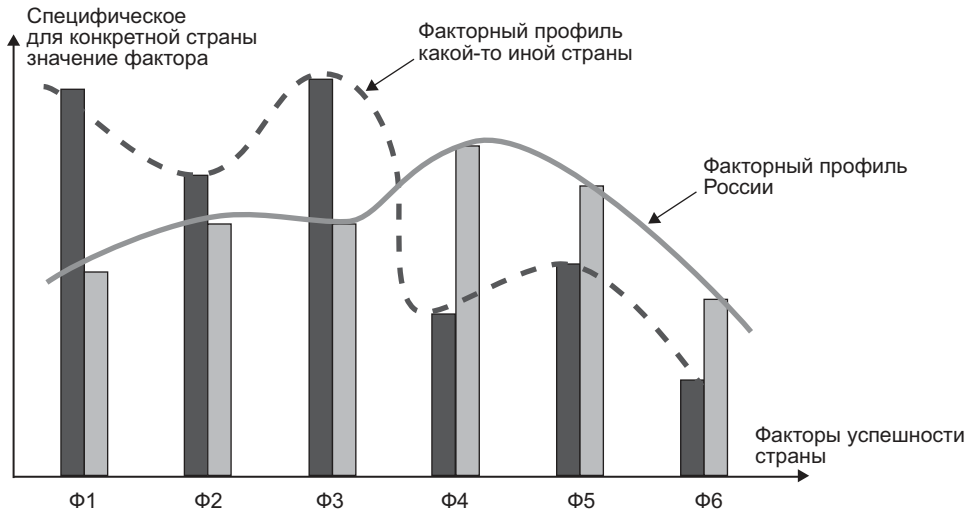

Рис. В.1.3. К понятию факторного профиля страны. При одинаковой жизнеспособности набор оптимальных факторов для разных стран может быть разным (профили гипотетические, условные, используемые для иллюстративной цели)

Окончательный перечень значимых факторов и их оптимальных значений, максимизирующих жизнеспособность страны, и должно дать исследование. Примерами факторов выступают: степень автаркии, степень этатичности, материальная или ментальная мотивация труда, доля государственных расходов в ВВП страны, доля государственной собственности, идейно-духовное состояние народонаселения и т. п. Именно на этом пути авторы вводят в научный оборот понятие поверхности успешности сложной социальной системы, что позволяет применять строгие математические методы для управления успешностью страны.

Можно сказать, что одной из задач работы является достоверное установление (в том числе строгими математизированными методами) упомянутых факторных профилей разных стран или цивилизационных ареалов — в первую очередь России.

Новой постановкой является обнаружение соответствующих факторных профилей для иных стран с целью компарации. Можно сказать, что работа нацелена на верификацию народной мысли: «Что русскому хорошо, то немцу смерть». Выводами и последствиями предполагаемого доказательства будут сверхважные управленческие решения. Во-первых, в работе определяется комплекс решений, отвечающих за преодоление того, что навязывалось России последние двадцать лет, и являющихся в укрупненной (без деталей) трактовке прививкой от смертельно опасной болезни. По сути, речь идет об облике политической, социальной, экономической, региональной модели страны. И если остро понимается, что навязанная России модель является нежизнеспособной, то в работе как раз и вычисляется и противопоставляется ей модель, максимизирующая жизнеспособность России.

Во-вторых, срочно необходимо начинать лечение, пока стадия злокачественной опухоли на теле страны не перешла в необратимую четвертую стадию. В-третьих, после оперативного облегчения состояния больного (России) необходимо восстановительное лечение и усиление иммунитета и общего уровня здоровья, т. е. программирование развития на стратегическую перспективу.

Управленческое содержание всех трех платформ предполагается развить через диагностику, реанимацию и рецептуру излечения и восстановления, реабилитации живого организма страны.

Уже заметно, что в тексте слова «жизненный», «жизненно важный» употребляются довольно часто. Что значит «жизненно важный» применительно хоть к человеку, хоть к стране?

Жизненно важный — это, как ни парадоксально, на самом деле — смертельно опасный. Жизненно важно то, что смертельно опасно. Поэтому в исследовании, наряду с поиском оптимального по жизнеспособности страны набора значений факторов, имеет смысл определять их и в области неуспешности, в целях понимания угроз и ошибочных решений в управлении стра-

ной! И это новая и очень ответственная постановка. Ведь что такое смерть? Это исчезновение самого факта существования. Именно поэтому повторим, что первое важнейшее содержание смысла жизни — это сам факт ее физического существования. На формальном методологическом языке это означает, что, разыскивая, вычисляя значения факторов, максимизирующих жизнеспособность страны, необходимо получить связь жизнеспособности с фактором в достаточно широком диапазоне его изменчивости, чтобы в результате найти его оптимальное значение и получить максимум жизнеспособности. Вообще говоря, это постановка задачи на многомерную оптимизацию, в которой функцией цели выступает жизнеспособность России. Или, иными словами, необходимо вычислить форму поверхности успешности страны, позволяющую взобраться на вершину ее успешности.

С учетом того, что внешняя среда (неживая природа, хотя бы) меняется, очевидно, что факт существования для своего наличия требует развития организма, его изменчивости. *Развитие* живого организма — это второе содержание его смысла жизни. И этих двух содержаний для живой системы совершенно достаточно. Но только не для человека, который разумен и одушевлен. Хотя тут возникает необходимость примирить верующего и атеиста — впрочем, как и всех людей — по-разному формирующих свое мировоззрение в этом отношении.

На вопрос «что такое душа?» рационально мыслящему материалисту никто ответить пока не может. Пока — в смысле современного уровня науки и знаний человечества. Но никто также не может запретить саму мысль о том, что в будущем понимание того, что или кто есть и суть Бог, разум, сознание, душа, — может возникнуть на уровне соответствующих теорий, моделей и научного знания, подобного накопленному человечеством до настоящего времени.

И в этом нет посягательства на иной строй мысли по-настоящему верующего человека. Иной строй мысли — это трансцендентный, метафизический строй. Ему не нужно ни понимания, ни знания. Его мысль о ценном, значимом, о смысле жизни не нуждается в теории и разъяснениях. Он обладает конечной ценностью — верой. Убежденность, что это так и не иначе, что это наиболее важно и ценно, и формирует его земную жизнь. Нет тут противоречия и взаимного посягательства.

Однако заявить, что для человека смысл его жизни ограничен фактом материального (земного) существования, воспроизводством подобного факта в потомстве, экспансией его жизни в ответ на воздействия меняющейся среды — явно недостаточно. Выпадает важнейший вопрос: чем отличается человек от иной живой природы? А отличие есть. Это разум, сознание (для материалиста), душа (для верующего человека).

И это порождает третье содержание критериев жизненно важных обстоятельств. Это свобода человеческого развития. Для верующего — вос-

хождение к Богу (возвращение к отцу, породившему тебя по образу и подобию). Для атеиста — идейно-духовное саморазвитие, уход от животного искушения и приближение к идеалу *homo sapiens*.

Вопрос о соотношении религиозного и материального начала в объяснении содержания национальной идеи, как и внешней мессианской идеи, нуждается в пояснении. В чем исходная точка генезиса национальных идей — в Боге или бренном существовании?

У Вл.С. Соловьева «русская идея» — это то, что Господь замыслил о России, ее высшее предназначение в мировой истории. Отталкиваясь от бренного, национальная идея определяется другим — сохранением страны в смысле ее сущностного (категориального) существования. Здесь важен уже не сам Бог, а вера в него как один из механизмов обеспечения жизнеспособности страны — прежде всего в ее гуманитарном человеческом начале или потенциале. Это очень непростой вопрос, поскольку он вторгается в деятельностное содержание конструируемой национальной идеи. Говоря очень упрощенно, один подход — фаталистский. Будет только то, что попустит Господь. Что бы ты, бренный человек, ни делал или, наоборот, ни не делал, произойдет только предписанное. Этот подход имеет право на существование, но его активный, деятельностный потенциал невысок.

Во втором подходе и верующий человек может исходить из мысли, что главное из того, что Бог дал человеку, — это свобода выбора. Понимая ценностную заповедь, человек может действовать во имя ее достижения! Не только ждать свершения начертания судьбы, но действовать. Конечно, будет именно то, что будет. Но оно придет только в той связи, в которой ты действовал. Авторский подход — осознанно деятельностный, и это зафиксировано в базовом определении национальной идеи. Это зафиксировано в частых апелляциях к управленческой и государственно-управленческой атрибутике.

Вновь обратим внимание, что часто, как интуитивно, так и системно рационально, пытаются представить национальную идею России как ее мессианскую идею. Всемирную идею. Конечно, национальная идея в авторской трактовке и мессианская идея связаны друг с другом. Ну, хотя бы потому, что если России нет — то нет и мессианской нагрузки. Сначала надо *быть*, затем надо быть *неким, определенным*, а затем еще и быть *зачем-то* в этом мире. Отвечать на вопрос: а зачем Россия придумана для этого нашего мира? В чем ее пример миру, ее призыв к миру?

Наверное, это очевидно, насколько важны перечисленные вопросы, но столь же очевидно, что мессианская, мировая идея России — это следующий шаг в самоопределении. И этот шаг предстоит сделать в следующей работе авторского коллектива, которая так и будет называться — «Российский мировой проект».

Национальная же идея — это идея России о самой себе, для ее собственной жизни и успешности. Всякой идее присуща своя нагрузка. Поэтому всё

последующее в настоящей работе исходит из мысли, что наряду с национальной идеей должна быть и мессианская, мировая идея России.

Разумеется, авторы никому не навязывают своих взглядов. Эти взгляды и научные и проектные результаты потом будут соревноваться в виде материалов, программ, публикаций, когда работа станет достоянием общественности, после ее публикации. Когда работа будет либо поддержана, будет захватывать умы и души людей, либо оставит их равнодушными.

И уж, конечно, каждый волен выбрать иную трактовку, рассуждать, лежа на диване или судачить в интеллектуальном клубе. И невольно при этом подразумевая: а действуют пусть — другие!

Подход в работе четко иной — действовать самим. Понимать, как надо действовать. Отдавать людям и обществу, публичной власти свои разработки о том, как именно следовало бы действовать.

Национальная идея в авторской постановке, апеллирующей к стране как живому организму, сродни инстинкту самосохранения. Однако инстинкт самосохранения ограничен закрепленным (бессознательно) опытом. А национальная идея, кроме опыта, включает еще и осознанную реакцию на потребность жить, а не умирать.

Таким образом, выделяются три блока существенно важных обстоятельств в формировании понятия национальной идеи.

Факт существования витального субъекта, сохранения субъектной сущности (бытийности).

Развитие субъекта в условиях меняющейся среды.

Человеческое восхождение от биологических к человеческим, т. е. к нематериальным, ценностям.

Почему при управленческом подходе используется термин «субъект», а не «объект»? Потому что превалирует деятельностное намерение: «человек, общество, страна» — это и есть субъектные сущности, первой из которых является страна. Хотя можно говорить и об объекте управления — для той же страны. Субъект и объект переходят друг в друга, меняются местами.

Поскольку тут невольно были смешаны представления или разговоры о человеке и о живом организме — стране, то требуется уточнение.

В настоящей работе судьба страны полагается жестко связанной с судьбами людей, ее населяющих. Если происходит массовое идейно-духовное разложение людей (советский эксперимент по выращиванию нового человека, без Бога в душе, например), то страна становится нежизнеспособной. Если происходит массовое расчеловечивание населения, превращение его в сообщество потребителей, то болезненный результат для здоровья страны в целом будет неизбежен, а, возможно, будет состоять как раз в отсутствии шанса на ее выздоровление, как это происходит в современной России.

Если в 1991 г. было массово вбито в сознание людей отождествление опостылевшей геронтократии и КПСС с самим государством, собственной Ро-

диной, то Родины и не стало в результате. Поэтому живой организм страны в этом несколько художественном сравнении, так же как и человек, может болеть физически (территория, ресурсы, экономика, оборона), но может болеть и метафизически. Оказываясь без смысла жизни, надобности и возможности восхождения к нематериальному, страна также может болеть и умирать.

Поэтому можно сказать, что национальная идея страны нужна не только каждому, это своеобразный смысл жизни страны в целом, ответ на вопросы, что она есть, куда и зачем идет (развивается), что для нее ценно и непродается, почему ее должны в мире уважать — за одни ли кулаки и ракеты, почему мы можем ею гордиться и почему мы уверены, что наших детей ей можно доверить в их и ее будущем, когда нас уже не станет.

Именно поэтому в настоящей работе полагается, что разговор о национальной идее более строг, чем просто интеллигентские беллетристические рассуждения. Разговор ведется на уровне государственного управления, в том числе с пониманием, что национальная идея страны должна быть системно зафиксирована в Конституции страны. На сегодня же Конституция России, принятая в 1993 г. — году сомнамбулизма национального самосознания, с «подсказками» со стороны людей, очень стратегично мыслящих, но в категориях национальных интересов иных стран и народов, — являет собой, по сути, источник российских болезней. В конституциях стран мира есть другой опыт и образцы, которые также входят в предмет исследований настоящей работы. России для обеспечения ее жизнеспособности нужна другая Конституция.

Управленческий подход к проблеме национальной идеи России означает не «поговорить и разойтись», а, продиагностировав состояние страны с позиций угроз ее жизнеспособности, выдать рецепт излечения и план действий.

Можно видеть несколько функций (или миссий) национальной идеи России.

В плане индивидуальных жизней и потребностей это функции:

- мотивационная;
- психологически мобилизующая;
- национально консолидирующая, интегрирующая, объединяющая;
- социально-поведенчески ориентирующая;
- ценностно задающая;
- патриотически формирующая.

В плане управленческого потенциала и энергетики это функции:

- наполняющая содержанием и методологией понятие безопасности страны;
- формирующая суть и содержание организации и функционирования национальных систем образования, воспитания, культуры, массового информационного воздействия;
- направленная на пассионарный подъем и мобилизацию народа на свершения;

- задающая политикообразующее начало во внутренней и внешней политике (как сферах государственного управления);
- определяющая образующее начало в социально-экономической политике;
- определяющая образующее начало в политике пропаганды.

Национальная идея должна дать «смысл жизни» стране (если страна — это живой организм), смысл присоединения к этой стране — для различных народов и различных государств и регионов. Именно поэтому у сотен стран мира национальная идея существует.

Если усиливать тезис, то без национальной идеи никакая государственность в долгосрочной перспективе не может существовать. Национальная, иными словами — как это показано выше — государственная идея (идеология) в контексте настоящей работы синонимичны. Ее наличие устойчиво обнаруживается в истории, начиная с древнейших цивилизаций. Античный Рим, например, руководствуясь идеологией *Pax Romana*, исторически реализовывал проект формирования мировой империи. Вполне осознанной целевой идеологической установкой обладала Московская Русь, обнаруживая ее в представленном в идее о Третьем Риме образном понятии «Святая Русь».

В императорский период российская идеология вмещена в уваровскую формулу «Православие. Самодержавие. Народность», призыв «За Веру, Царя и Отечество!». Такая степень смысловой агрегации, конечно, близка идее жизнеспособности страны в целом.

Идеология советского государства определялась мессианской эсхатологией коммунизма. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», несмотря на свой подчеркнутый интернационалистский характер, использовался в качестве именно национальной идеологии. В СССР национальная и мессианская идея совместились, что, вероятно, было преждевременно в историческом смысле. Авторы понимают — и далее в работе это будет обсуждаться, — что в исторической мегашкале времена национальных государств, цивилизационного размежевания человечества уступят место периоду его консолидации, конвергенции различий. Но для этого понадобится, может быть, миллион лет.

Последующая идеологическая коррекция была связана с практикой строительства социализма в одной стране. «Вместо Третьего Рима, — рассуждал в связи с большевистской идеологической трансформацией Н.А. Бердяев, — в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма». Обратим в этой цитате внимание на соединение русской и национальной идеи. В настоящей работе они, не противопоставляясь, рассматриваются авторами для современного глобального исторического периода как самостоятельные.

Ту или иную систему идеологического самоопределения имеет значительная часть государств современного мира. Для США — это мировой проект Pax Americana. Национальным девизом США выступает идеологема «In God We Trust» («На Бога уповаем»), соотносящаяся в истоках с протестантской мировоззренческой доктриной «Manifest Destiny» — «божественного предопределения». Французы со времен Великой революции оперируют в качестве национальной идеологемы формулой «Свобода, Равенство, Братство».

В качестве девиза итальянского национального освобождения использовался сформулированный младоитальянцами императив «Бог и народ», проводящий идею, что борьба за государственное единение Италии является религиозным долгом каждого. Современное итальянское государство оперирует также идеологемой «Новая Италия — сегодня», реализующей установку нации на развитие.

Идеология сионизма составляет, как известно, идеологическую основу существования государства Израиль. Образ «Земли обетованной» составляет семантическое ядро израильской национальной идеологемы. В соответствии с принципами, заложенными создателем нового турецкого государства Кемаля Ататюрка, Турция идеологически ориентирована на реализацию национального пантюркистского проекта. Принудительное идеологическое опустошение России в 90-е гг. XX в. диссонирует в этом отношении с мировой традицией и современной ее практикой идеологического закрепления формулы государственного бытия.

В табл. В.1 приводится перечень наиболее мощных формулировок национальной идеи, закреплённой чаще всего в виде официально принятого девиза.

Таблица В.1

Формулы национальной идеи разных стран мира

Страна	Национальный девиз, формула национальной идеи
Австрия	Австрия погибнет последней
Ангола	Единство обеспечивает силу
Аргентина	В союзе и свободе
Армения	Помним прошлое, сильны в будущем
Белоруссия	Жыве Беларусь!
Восточный Тимор	Честь, Родина и Народ
Вьетнам	Независимость, Свобода, Счастье
Габон	Единство, Труд, Правосудие
Гайана	Один народ, одна нация, одна судьба
Гвинея	Работа, Справедливость, Солидарность
Гвинея-Бисау	Единство, Борьба, Прогресс

Страна	Национальный девиз, формула национальной идеи
Испания	Превыше всего — Испания, превыше Испании — Бог
Камерун	Мир, Работа, Отчизна
Коморские Острова	Единство, Справедливость, Развитие
Ливия	Свобода, социализм, единство
Мавритания	Честь, Братство, Справедливость
Мадагаскар	Отечество, Свобода, Прогресс
Мали	Один народ, одна цель, одна вера
Польша	Бог, Честь, Отчизна
Российская империя	Православие. Самодержавие. Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество
СССР	Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вперед, к победе коммунизма!
Россия	Отсутствует
Сент-Люсия	Отчизна, Народ, Процветание
Сьерра-Леоне	Единство, Свобода, Справедливость
Тёркс и Кайкос	Один народ, одна нация, одна судьба
Франция	Свобода, Равенство, Братство
Центральноафриканская Республика	Единство, Достоинство, Труд
Чехия	Истина восторжествует
Швейцария	Один за всех — все за одного
Южная Корея	Все для блага народа!
Ямайка	Все как один
Япония	Страна восходящего солнца

У России ее нет, а сотни стран имеют свои «формулы жизни». Не все из них можно признать в достаточной степени удачными (пример — девиз Бермуд: «Куда кривая выведет»). Однако само наличие выраженного в виде девиза определения национальной идеи страны имеет важное интегрирующее значение.

Чаще всего формула-девиз национальной идеи содержит в себе императив государственного единения. Распространенная группа формулировок определяет базовый принцип национального существования. Многие национальные формулы конструируются в виде номинации высших государственных ценностей.

Российская Федерация представляет собой одно из редких исключений, как государство, не обладающее в современности девизом (формулой) национального существования. Если же говорить о больших, сопоставимых странах современности, то Россия — абсолютная аномалия.

Нужно вновь подчеркнуть, что настоящая работа — не «разговор на тему». Для этого уже написано множество художественной, публицистической и иной гуманитарной литературы. Настоящая работа — это строгое междисциплинарное исследование как четкая постановка научных задач, выбор методов их решения и их применение. Собственно решение задач, получение ответов на поставленные вопросы, их интерпретация и перевод в методологию и практику государственного управления и общественной активности. Поэтому цепочка исследования выглядит, как показано на рис. В.1.4.

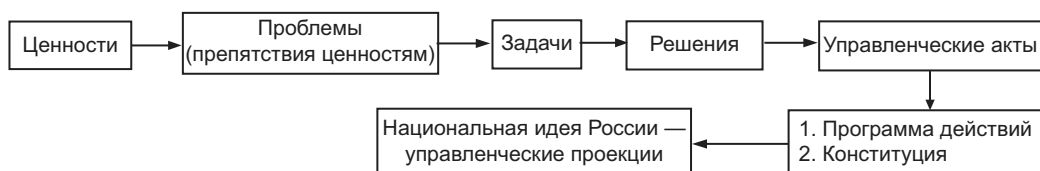
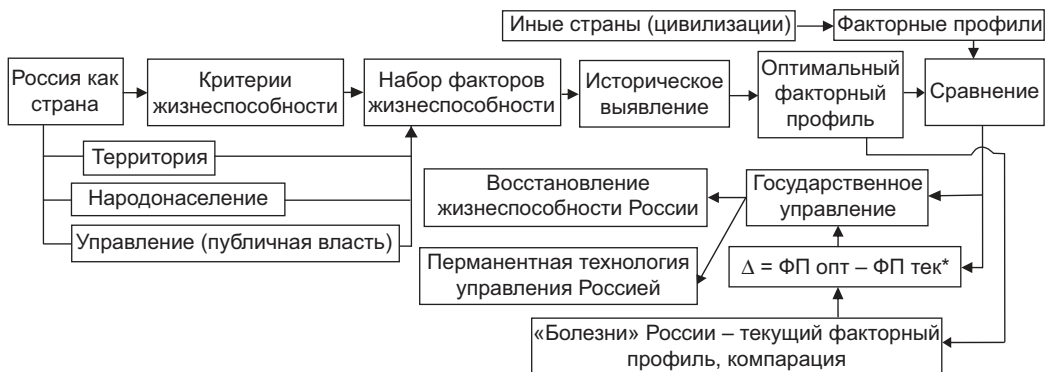

Рис. В.1.4. Логическая последовательность исследования и управленческого проектирования в настоящей работе

На рис. В.1.5 показана также логическая топология универсальной задачи, доминирующей в исследовании, исходящем из модели страны как живого организма. Как видно, универсальным циклом исследования в каждом тематическом блоке будет историческая верификация (выявление и доказательство) значимости тех или иных факторов жизнеспособности, современная диагностика состояния этих факторов и предложения-рецептура, что делать в госу-

* ФП опт — оптимальный факторный профиль;
 ФП тек — текущий факторный профиль;
 Δ — сигнал рассогласования, идущий на вход активного управления

Рис. В.1.5. Универсальная научная задача, доминирующая в исследовании

дарственном строительстве и общественном развитии — прежде всего в государственном управлении — для максимизации жизнеспособности страны.

В чем особенность настоящей работы

Чем настоящая работа отличается от многих сходных по используемому словарю?

Ряд крупных и текущих исследований многих ученых, публицистов, политиков, литераторов посвящен затрагиваемым проблемам. Поднимались те же самые вопросы. В чем смысл жизни человека, человечества, государства (или его назначение)? Куда движется Россия? Какова ее цивилизационная сущность и идентичность? Какова нагрузка и судьба русского народа в российской истории и современности?

Нужно отметить «Русскую доктрину»⁹ 2005 г., анонимный «Проект Россия»¹⁰, «Как нам обустроить Россию»¹¹, много иных заметных работ, ряд работ Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования¹².

⁹ Русская доктрина. Монография / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., Язуа-пресс, 2007.

¹⁰ Проект Россия. В 4 кн. М.: Эксмо, 2005–2008.

¹¹ *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию. Спецвыпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда» от 18.09.1990 г.

¹² *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Межуев В.М. и др.* От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2006; *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Порфирьев Б.Н. и др.* Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности. Монография. М.: Наука, 2006; *Якунин В.И., Богомолов О.Т., Макаров В.Л. и др.* Постановка задачи разработки концепции экономической политики России (приглашаем к сотрудничеству). Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2006; *Сулакишин С.С.* Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. Монография. М.: Научный эксперт, 2006; *Якунин В.И.* Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития Монография. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2006; *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. и др.* Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт. 2007; *Якунин В.И., Роик В.Д., Сулакишин С.С.* Социальное измерение государственной экономической политики. Монография. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007; *Российская модернизация. Экономические беседы* / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007; *Якунин В.И.* Формирование государственной политики в современной России. Монография. М.: РОСПЭН, 2006; *Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакишин С.С.* Применение вычислимых моделей в государственном управлении. Монография. М.: Научный эксперт. 2007; *Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации* Монография. В 2 т. Т. 1. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008; *Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России.* Монография. В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008; *Региональное измерение государственной экономической политики России.* Монография / Под общ. ред. А.С. Малчинова. М., Научный эксперт. 2007; *Орлов И.Б., Сулакишин С.С., Колесник И.Ю.* Государство социального гуманизма — от теории к практике. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; *Сулакишин С.С.* Российская экономика: от сырья к знаниям (технология перехода). Монография. М.: Научный эксперт, 2008; *Финансовые*

В истории русской философии вообще весьма трудно найти какого-либо крупного мыслителя, который не выступал бы с подобным вопросом и проектом, — от Чаадаева до Солженицына.

Еще Нестор-летописец в «Повести временных лет» задавался вопросом: «откуда есть пошла Русская земля?». Общеизвестной чертой русской философии является ее акцентированно историософский характер. Именно в рамках историософии ставится триединая задача — сущностного определения прошлого, настоящего и будущего России в их связи. А именно это, в соответствии с предлагаемым определением, и составляет содержание понятия «национальная идея».

Немало работ претендуют на реализацию комплексного и даже проектного подхода: «Русская симфония», «Вперед, в СССР-2», «Проект «Евразия», «Вождю Третьего Рима», «Национальная, идея или Чего ожидает Бог от России», «Русская доктрина», «Матрица Россия», «Проект Россия» и др. В табл. В.2 в хронологическом порядке приводится перечень значимых и знаковых попыток определения национальной идеи в истории российской мысли, выбранных из многих десятков работ.

Таблица В.2

Поиск национальной идеи

Год	Автор	Название работы
1117	Владимир Мономах	Поучение детям
1480	Вассиан Рыло	Послание на Угру
XVI в.	Филофей	Послания
1761	Ломоносов М.В.	Рассуждение о размножении и сохранении российского народа
1839	Хомяков А.С.	О старом и новом
1851	Герцен А.И.	Русский народ и социализм
1874	Фадеев Р.А.	Чем нам быть. Русское общество в настоящем и будущем

рынки и экономическая политика России. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008; Якунин В.И., Сулакшин С.С., Вилисов М.В. и др. О модернизации государственной системы управления экономическим развитием в России. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Кашенов А.В., Сулакшин С.С., Малчинов А.С. Рынок труда: проблемы и решения. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Идеология экономической политики. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Экономическая доктрина Российской Федерации (макет-проект) / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Образование как фактор экономического развития. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Симонов В.В., Сулакшин С.С., Подпорина И.В. Бюджет и налоги в экономической политике России. Монография. М.: Научный эксперт, 2008; Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. Монография. В 5 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008; Economy policy ideology. М.: Nauchnyi expert, 2009.

Год	Автор	Название работы
1888	Соловьев В.С.	L'idee russe
1890	Астафьев П.Е.	Национальность и общечеловеческие задачи. К русской народной психологии
1905	Айвазов И.Г.	Всемирная задача христианства
1905	Менделеев Д.И.	Заветные мысли
1907	Соболевский А.И.	Чего желаем мы, русские?
1918	Бердяев Н.А.	Судьба России
1921	Масленников А.М.	Идеология Российской Императорской Власти
1922	Карсавин Л.П.	Восток, Запад и Русская Идея
1932	Федотов Г.П.	И есть и будет. Размышления о России и революции
1956	Ильин И.А.	Наши задачи (цикл статей)
1956	Каргашев А.В.	Воссоздание Святой Руси
1970	Семанов С.Н.	О ценностях относительных и вечных
1987	Серафим (Соболев)	Русская идеология
1990	Солженицын А.И.	Как нам обустроить Россию
1994	Сагатовский В.Н.	Русская идея: продолжим ли прерванный путь?
1995 2000	Платонов О.А.	Русская цивилизация. Святая Русь. Энциклопедия русской цивилизации
2003	Зиновьев А.А.	Идеология партии будущего
1995	Троицкая Н.	Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом
1995	Бабурин С.Н.	Российский путь
1996	Подберезкин А.И.	Русский путь
1997	Кобылянский В.А.	Русская идея и возрождение России
1997	Осипов Г.В.	Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты
1998	Иоанн, митр.	Русская симфония
1999	Путилов С.В.	Национальная идея как форма концептуализации национального самосознания
2001– 2002	Можайскова И.В.	Духовный образ русской цивилизации и судьба России
2002	Панарин А.С.	Православная цивилизация в глобальном мире
2003	Калашников М.	Вперед, в СССР-2
2004	Дугин А.Г.	Проект «Евразия»
2004	Назаров М.В.	Вождю Третьего Рима
2004	Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М.	Национальная идея, или Чего ожидает Бог от России
2005	Кобяков А.Б., Аверьянов В.В. и др.	Русская доктрина

Год	Автор	Название работы
2007	Нарочницкая Н.А.	Русский мир
2007	Кара-Мурза С.Г.	Матрица «Россия»

Характерной особенностью известных актуальных работ различных творческих группировок является их публицистический характер. Нет ничего предосудительного в публицистичности. Это очень уважаемая и ценная сфера производства интеллектуального продукта. Но есть существенные отличия по сравнению с научным и проектным видом творчества. Часто мнение преобладает над доказательством, вкусовое предпочтение — над постановкой и решением задач на оптимизацию в условиях естественных конфликтов интересов, которые повсеместны в социальной жизни. Строго методологически выверенный научный и проектно-управленческий подход, к сожалению, практически во всех таких работах не имеет места или вторичен и фрагментарен. Причем авторы хорошо понимают и осознают, что вводя требование или ожидание проектно-управленческого аспекта в работе, они тем самым налагают существенные ограничения на возможности сугубо гуманитарных методов познания.

Значимо в работе, что и основной вопрос о цивилизационной идентичности России до сих пор не решен. То ли она принадлежит к Западу. То ли в ней есть восточные признаки. То ли это некий евразийский синтез. То ли Россия вообще не обладает цивилизационной идентичностью. Главное, что не был предложен и не найден объективный научно состоятельный способ доказательства утверждаемой позиции. Часто «методология» стратификации, отнесения к той или иной цивилизации основывается на вкусовых или политических предпочтениях или стремлении подавить оппонента бесконечным рядом иногда малосвязанных иллюстраций, что методологически доказательством не является. Рассуждения такого рода напоминают сборники статей различных авторов, которые говорят на разных языках, используют разные понятия, часто даже не озадачиваясь вопросом, с какой целью они все это говорят, понимают ли их, а итоговый материал даже не подвергается единой редакции. Именно поэтому в настоящей работе развита новая теоретико-методологическая модель цивилизации, в которой впервые предлагается универсальная количественная мера идентичности цивилизации. Основное ограничение, упомянутое выше, при этом значительно ослабляется. И стратификация, и отнесение к цивилизациям, их отличия и историческая динамика становятся вполне верифицируемыми материями.

Ценностные рассуждения, критический анализ, диагностика болезней страны практически никогда не переходят в системно связанный и построенный государственно-управленческий программный документ. Можно,

конечно, кому-то поморщиться по поводу программ КПСС. Но на определенном историческом этапе программы выполнялись, и страна знала, куда и почему она идет. Страна туда действительно шла. Совершала истинные подвиги — трудовые и военные. Сегодня остается только сожалеть об отсутствии самой возможности ответить на подобные вопросы и по поводу результатов текущего момента истории страны. Можно вспомнить программирующие документы иных стран, пятилетние планы, индикативные планы и программы, дающие им путеводный смысл и, соответственно, эффективность развития.

В современной России, кроме предвыборных суррогатов и малопрофессиональных, малосостоятельных официальных программ, подобных документов нет. Исследовательские проекты, как правило, на разработку управленческой части не претендуют. Это объяснимо, потому что политическая риторика, предвыборный пиар, гуманитарные исследования и профессиональное государственное управление — вещи существенно отличающиеся.

Соединить несоединимое чрезвычайно трудно в силу различия знаний, словаря, методологий, незнания регламентов и т. п. Государственный регламент, реальные механизмы управления — вещь очень профессиональная, и чаще всего опыт и знания накапливаются практически, ибо то, чему учат в университетах на факультетах государственного управления, полезно лишь в отдаленной степени. А уж философы, социологи, политологи, историки и представители иных вполне уважаемых в их специализации отраслей знания с практическим государственным управлением соприкасаются весьма относительно. В этом большая трудность.

Поэтому настоящая работа ставит целью соединить фундаментальный, прикладной и практический экспертный уровни познания с последним этапом работы — разработкой (проектированием) управленческих документов и программ. В ее итоге естественны и необходимы два наиболее значимых документа: «Доктрина безопасности и развития России», как программно-управленческий документ, и научный макет новой Конституции России.

Первый из документов представляется как аналог государственно-управленческих программ ведущих правящих группировок или правящих партий, учитывающий лучшие образцы разных стран и времен, не исключая собственный опыт России и СССР. Второй документ должен конституировать высшие ценности государства как критически жизненно важные факторы, которые будут определены в исследовании, и заложить механизмы их имплементации. Именно Конституция должна выступать как ценностный и управленческий документ, отвечающий на вопрос «что делать?», как документ высшего, неоспоримого и однозначно трактуемого уровня. Конституция — это не только декларация, она должна организовывать жизнь страны во всех сферах ее жизнеустройства. Но, если с этой позиции посмотреть на действующую российскую Конституцию, то ее организующая роль заключа-

ется как раз в обратном. Декларируя императивы либерализма, антирусские цивилизационные парадигмы, контрпродуктивные с позиций обеспечения жизнеспособности России, она снижает жизнеспособность страны до такой степени, что возникает угроза самому ее существованию.

Основным оригинальным моментом, отличием научной методологии в настоящей работе выступает феноменологический метод доказательства цивилизационной идентичности России, ее факторного профиля жизнеспособности и максимизированного по жизнеспособности набора конкретных оптимальных значений факторов, которые могут быть операционализированы в государственном программировании и управлении развитием страны. Это прежде всего компаративный, корреляционный и регрессионный, экспертный анализ. Основаны они на анализе временных динамических рядов, с одной стороны, факторов жизнеспособности, с другой стороны, количественно выраженной жизнеспособности страны, а также на синергетическом складывании компетенций большого ансамбля экспертов в самых разных областях знания.

Методология факторного анализа, разработанная в Центре, позволяет устанавливать не только наличие причинно-следственной связи и ее значение, но еще и направление связи (т. е. что есть причина, а что есть следствие). Понятно, что наборы тех и других показателей должны быть сгенерированы и обоснованы.

Напомним еще раз, что кроме факторного профиля жизнеспособности страны необходимо еще вычислить и факторный профиль неуспешности или угроз жизнеспособности страны.

Существует важный вопрос: «на какой исторической глубине сложился и стал закрепленным, т. е. устойчивым, факторный профиль страны?». Понятно, что так же как для биологических живых организмов, имеет место изменчивость и закрепление новых признаков и свойств организма страны.

Когда сложилась русская цивилизация и закрепились жизненно важные цивилизационно-ценностные признаки и свойства? Может быть, до Петра и Петр — это символ разрушения сущностного содержания России? А в какой степени советский период внес вклад, и что это за вклад (позитивный или разрушительный?) в цивилизационный генокод России?

Можно гипотетически предположить, что объективные формулы жизнеспособности страны несколько менялись с ходом истории, например, на рубежах «Российская империя — СССР» и «СССР — Российская Федерация».

По сути дела все это — задачи, решение которых получено в ходе исследования. Разбивая исторический процесс цивилизационного генеза на отрезки возможно видеть, как формировался факторный профиль страны, как он менялся в истории, когда он стабилизировался. Правда, тут есть естественная сложность, которая заключается в наличии и доступности временных рядов. Хотя, конечно, наиболее актуально увидеть, что за аномалии имеют место в последние 20 лет истории России. Как оказалось, 20 лет — это

уже целая эпоха. Сколько страна создала, воздвигла и преодолела, а не только испытала за 1917–1937 гг. Сколько страна создала за 1945–1965 гг.! И что она создала за 1991–2012 гг.? Время уже не терпит, пришла пора поставить и решить описанные выше научные задачи, чтобы предупредить неизбежную катастрофу России, если, как показало исследование, модель страны не будет видоизменена от нынешней аномальной и нежизнеспособной к обоснованно жизнеспособной.

Опорная методология работы

Поставленные задачи имеют вид не приглашения к разговору, а классических научных задач. Их решение требует выбора и обоснования адекватных методов решения. Опорными в исследовании методологическими шагами являются следующие.

1. Необходимо определить основные категории и дать функционально контекстные определения базовых понятий, которые будут способны организовывать последующее исследование.

2. Необходимо определить набор критериев (функций цели) жизнеспособности страны в структуре: территория, народонаселение, управление (публичная власть), имея в виду, что единственным верхним, самым интегративным критерием является параметр «жизнеспособность», который вычисляется и мониторируется в количественном виде.

3. Необходимо определить набор факторов (количественные параметры, условия, обстоятельства, конструкции институтов, состояния акторов и т. п.), которые влияют на показатели (количественно, полуколичественно, качественно выраженные потенциалы) жизнеспособности страны.

4. Нужно сравнить во временных исторических развертках на максимальную временную глубину и по скользящим историческим отрезкам динамические ряды факторов и потенциалов, как и самой жизнеспособности страны. Отсюда получить корреляционно и регрессионно связанный набор оптимальных значений факторов (факторный профиль).

5. Нужно проделать это же самое для иных стран и цивилизационных ареалов и сравнить с российским случаем.

6. Нужно увидеть идентичные факторные профили, т. е. специфичные профили различных стран и цивилизаций, в том числе определить и доказать, что существует оригинальный идентичный факторный профиль России. Если это подтвердится, данный факт будет говорить о ее цивилизационной принадлежности — во-первых, и о содержании оптимального государственного управления по критерию максимальной успешности в своих миссиях — во-вторых.

7. Полученный оптимальный факторный профиль России нужно будет сравнить с текущим, разница даст основания формулировать управлен-

ческие воздействия на текущие факторы с целью приведения их в соответствие с оптимальными. Управленческие воздействия получаются как решения соответствующих управленческих задач, которые должны быть поставлены в явном виде. Весь пакет решений управленческих задач создаст программу действий и программу нормативно-правового обеспечения предлагаемой программы действий. В нормативно-правовой пакет входят прежде всего новая Конституция страны, ключевые доктрины и законы.

Другими словами, методология подчинена необходимости решить поставленные задачи для того, чтобы сформулировать все значимые обстоятельства перехода от аномальной современной модели России к ее жизнеспособному варианту.

Факторы и потенциалы жизнеспособности страны

И факторы, и потенциалы жизнеспособности страны — это показатели или параметры. В случае факторов они описывают условия, обстоятельства, состояния институтов и акторов, которые как *причина* влияют на показатели иерархически выстроенных потенциалов жизнеспособности страны — как *следствия*. Жизнеспособность складывается из показателей потенциалов в первом приближении как линейная сумма:

$$\text{Жизнеспособность} = (\text{потенциал } 1) + (\text{потенциал } 2) + \dots + (\text{потенциал } N).$$

В свою очередь, иерархичность причинно-следственных цепочек означает, что каждый потенциал соответствующего уровня также складывается из определенных факторов в виде таких же линейных сумм. Разумеется, что существуют подстроечные коэффициенты, которые отражают специфику цивилизационной модели страны. Кроме того, есть различие математического выражения коэффициента жизнеспособности как формы и как содержания сущности — страны.

Для простоты пока эти тонкие детали в формуле не показаны. Далее они будут в соответствующих разделах обсуждены и вычислены. Управленческий подход исходит из того, что государство (общество, человечество) может влиять на факторы тем или иным управленческим воздействием. То есть фактор — это управляемый параметр, его значение выбирается в актах управления. Есть, разумеется, и неуправляемые факторы, факторы внешней среды (природные, например) или очень слабо меняющиеся. Потенциал и, в итоге, интегративный показатель — это целевой параметр «коэффициент жизнеспособности страны».

Например, угол поворота руля в автомобиле — это параметр управления. Потенциал конечного успеха — это точное прохождение автомобилем

поворота дороги. Плохо руль повернешь — можешь не вписаться в поворот. А, например, степень открытости экономики страны (отношение внешне-торгового оборота к ВВП) — это параметр управления (фактор). И экономический (финансовый) суверенитет страны, ее неуязвимость от внешних кризисных или диверсионных воздействий — это потенциал ее жизнеспособности. В частности, российский кризис 2008 г. (в отличие от Китая, Индии, Белоруссии) искусственно запрограммирован собственными руками, в силу того, что экономика чрезмерно открыта, а потому кризисно уязвима.

В ходе работы выводятся полные факторные наборы и наборы потенциалов страны с целью максимизации ее жизнеспособности. Условием отфильтровывания из сотен факторов является их значимость. Поэтому необходимо иметь в виду, что стартовые факторные наборы неизбежно будут избыточными. Часть из них отфильтруется в силу недостаточности данных, часть не покажет причинно-следственных связей, которых либо действительно нет, либо они очень незначительны на фоне ансамбля иных факторных механизмов, либо закамуфлированы шумами измерений (недостаточной точностью данных).

Можно привести несколько примеров, чтобы обозначить рядоположение при формировании двух векторов состояний — факторного и потенциального. К факторам относятся:

1. Степень этатизма.
2. Степень автаркии.
3. Геополитическая конфигурация буферной зоны.
4. Степень социокультурной и в целом цивилизационной идентичности.
5. Степень идейной духовности народонаселения и многие аналогичные другие.

К потенциалам жизнеспособности страны относятся:

1. Демографические показатели.
2. Территориальная целостность и уровень угроз.
3. Положение в различных мировых табелях о рангах.
4. Коэффициент счастья.
5. Показатели здоровья, образованности, культуры.
6. Показатели авторитетности и влияния в мире.
7. Показатели обороноспособности.
8. Уровень суверенности страны.
9. Показатели пассионарности¹³ народонаселения.
10. Социально-политическая устойчивость.
11. Эффективность и результативность публичной власти.
12. Устойчивость развития

и т. д.

---

¹³ Термин «пассионарность» здесь и далее используется в значении «готовность и стремление народа к свершениям».

Еще раз заметим, что как факторы, так и потенциалы жизнеспособности страны должны быть выражены количественно. Однако не всегда это возможно. Поэтому предполагается, что неформально описанные показатели (качественные, полуколичественные) будут оцифровываться в соответствии с используемой авторами методологией экспертной оценки¹⁴.

Если говорить о трех основных сущностных признаках (потенциалах) страны, то критерий количественной успешности в блоке *народонаселения* — это коэффициент витальности страны ($K_{\text{вит}}$), введенный в научный оборот в работах Центра (в частности, в работе¹⁴). Он объединяет основные демографические макропоказатели: рождаемость, смертность, ожидаемую продолжительность жизни и сальдо миграции в единый показатель убыли или прибыли народонаселения на территории страны. Другими потенциалами являются качественные характеристики населения: образованность, культурность, воспитанность, здоровье, квалифицированность, духовность и т. п.

Для *территории* тоже нужно ввести количественную меру в виде ее площади. Понятно при этом, что фактическая площадь зависит от многих факторов, которые в итоге декомпозиции в работе выявлены. Это такие факторы, как конфигурация благоприятной, связанной со страной геополитической и геоэкономической пространственной зоны, транзитный и внутренний транспортный потенциал, связанность и скрепленность территории, потенциалы, разрывающие территорию (сепаратизм, внешние притязания и т. п.), показатель обороноспособной обеспеченности и т. д.

Стартовый факторный набор территориального потенциала жизнеспособности страны выглядит следующим образом:

- обороноспособность территории;
- достаточность естественно-природной и инфраструктурной атрибутики территории государства;
- изменчивость территории (убывание/возрастание);
- заселенность территории;
- экономическая освоенность территорий;
- разрывы в развитости регионов;
- угроза сепаратизма;
- обеспеченность природными ресурсами;
- международный авторитет;
- состояние зоны национальных интересов России;
- состояние зоны русскоязычного мира;
- состояние буферной геополитической и геоэкономической зон;
- договоры о границах;
- договоры о союзнчестве с сопредельными государствами;

¹⁴ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт. 2007.

- внешние притязания на территорию;
- собственные российские притязания на внешние территории;
- транспортно-инфраструктурная скрепленность территории;
- транзитно-транспортный потенциал;
- насыщенность территорий связью;
- административно-государственное устройство;
- коэффициент этнической однородности по пространству;
- экология;
- иное.

Интегральный коэффициент жизнеспособности является при этом сверткой показателей потенциалов жизнеспособности территории, народонаселения и качества государственного управления как количественной меры этого потенциала — сущностного признака. Подробно это будет обсуждаться ниже.

Болезни современной России

Что понимается под болезнями России? Это, во-первых и прежде всего, провал в потенциалах жизнеспособности страны в ее основных миссиях. Что это за миссии?

1. Территориальная целостность.
2. Народосбережение.
3. Эффективное и результативное по объявленным целям управление.

В связи с естественной управленческой логикой настоящей работы провалам в потенциалах жизнеспособности должны соответствовать отвечающие за этот провал факторы, которые собственно практически уже почти параметры государственного управления.

Приведем несколько примеров имеющих в виду провалов. Нужно подчеркнуть, что это только примеры. В ряде работ авторов анализ проведен по многим десяткам показателей состояния потенциалов жизнеспособности страны. Предварительный вывод, если делать его в виде укрупненной формулы, выглядит следующим образом.

С начала 1990-х гг. происходит снижение практически всех потенциалов жизнеспособности страны, не останавливающееся в условиях управленческих действий в рамках современной модели страны и подводящее Россию к грани несостоявшегося государства по сценарию СССР.

О том, что этот вывод не является вкусовым и навязываемым предпочтением авторов, говорят результаты специально проведенной фокус-группы по вопросам: «Положительно или отрицательно текущее состояние потенциалов жизнеспособности России?» и «Положительна или отрицательна изменчивость состояния потенциалов жизнеспособности России?». Результаты работы фокус-группы приведены в табл. В.3.

**Оценка состояния и динамики потенциалов жизнеспособности¹⁵
современной России, %**

Параметр оценки	Положительная оценка	Отрицательная оценка
Состояние потенциалов	14	86
Динамика потенциалов	19	78

Это, конечно, еще не результат исследования, а только набросок оценки на уровне ориентаций при постановке задачи. Однако какая убедительная картина! Еще более убедительной она становится, когда основана на статистике¹⁶.

Посмотрим на текущую демографическую картину России (рис. В.1.6).

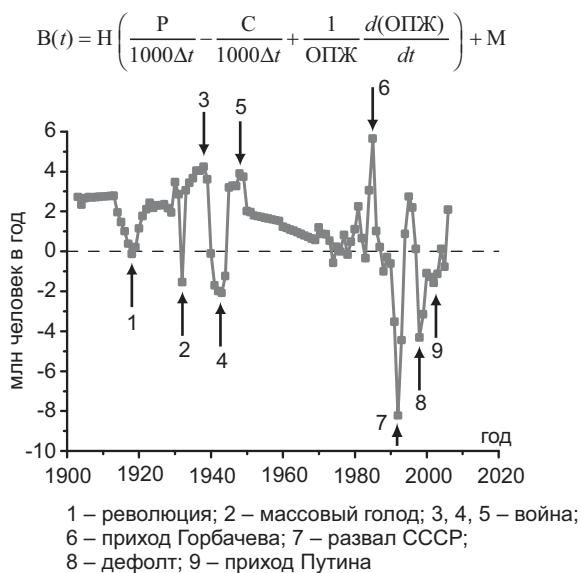

Рис. В.1.6. Коэффициент витальности страны¹⁷ — величина прибыли или убыли населения за счет рождаемости, смертности, эффективных жизней с учетом ожидаемой продолжительности жизни и сальдо миграции

¹⁵ Оценивались 16 потенциалов жизнеспособности: обороноспособность, целостность территории, демография, образование, культура, воспитание, наука, здравоохранение, инновационная система, финансовый суверенитет, экономический суверенитет, промышленность, АПК, качество государственного управления, преступность, уровень жизни.

¹⁶ Россия в цифрах — 2010. Статистический сборник. М.: Росстат, 2010; Багдасарян В.Э. О неизбежности смены современной российской социально-экономической модели. Доклад // Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всероссийской научной конференции, 4 июня 2010 г., Москва. М.: Научный эксперт, 2010. С. 66–103.

¹⁷ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2007.

На рис. В.1.7 показана продолжительность жизни в России в сравнении с показателями других стран мира.

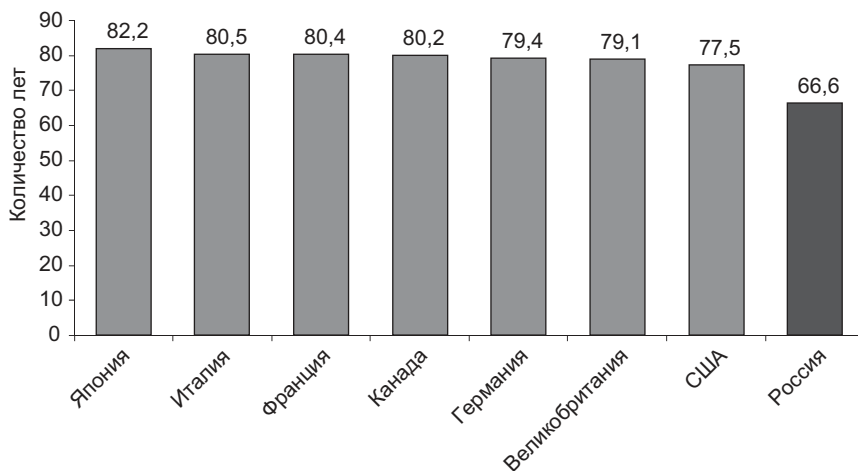

Рис. В.1.7. Ожидаемая продолжительность жизни по странам¹⁸

На рис. В.1.8 показана динамика структуры экономики России, свидетельствующая о ее движении к экспортно-сырьевому типу, ведущему к неустойчивости ввиду исчерпаемости невозпроизводимых ресурсов и спроса на них¹⁹.

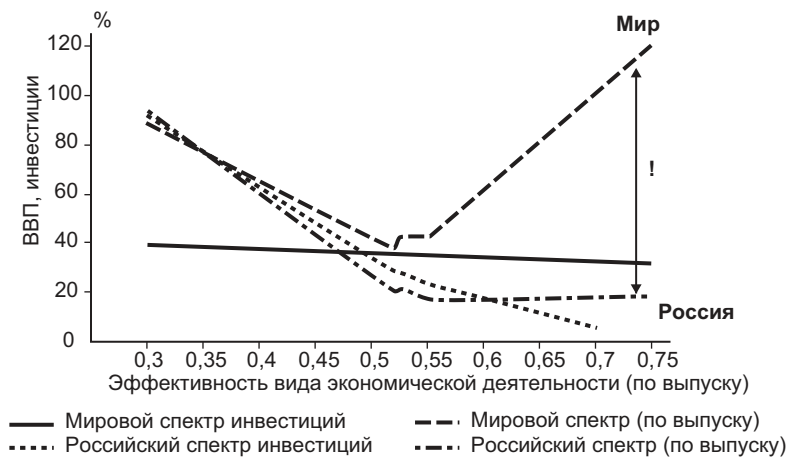

Рис. В.1.8. Сравнение российского и мирового облика экономики.
 Российская экономика имеет неэффективный сырьевой тип

¹⁸ Российский статистический ежегодник — 2007. М.: Росстат, 2007.

¹⁹ Сулакшин С.С. Российская экономика: от сырья к знаниям (технология перехода). Монография. М.: Научный эксперт, 2008.

На рис. В.1.9 показано соотношение состояния вооружений и военной техники России и других государств.

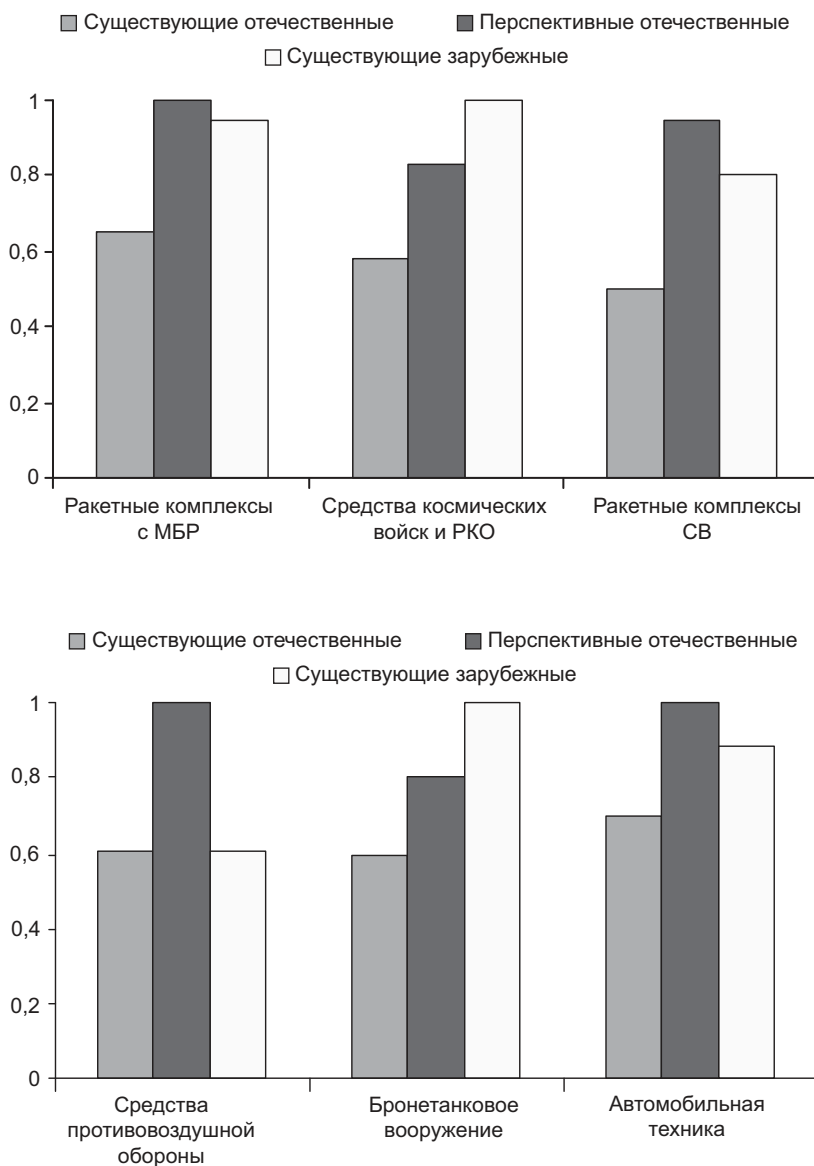

Рис. В.1.9. Сравнительное качество российских и иностранных вооружений и военной техники²⁰

²⁰ Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. Монография. В 5 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008.

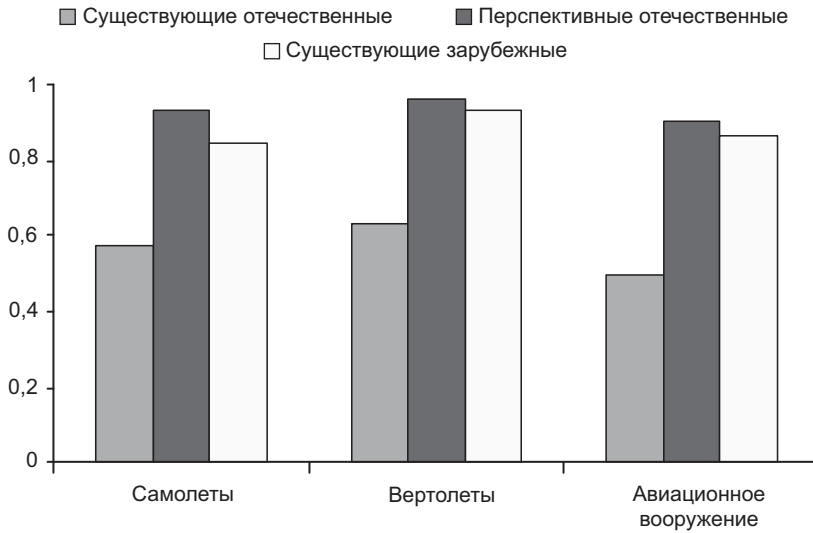
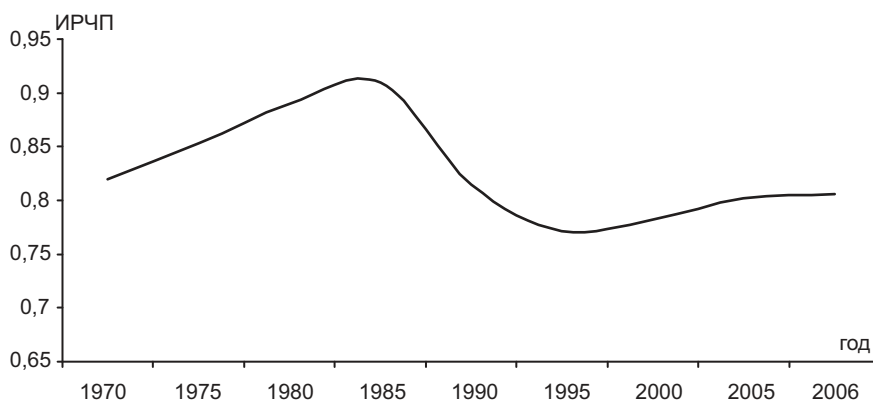

Рис. В.1.9 (продолжение). Сравнительное качество российских и иностранных вооружений и военной техники

Сравнительная российская обороноспособность под большим вопросом, проблема состояния оборонно-промышленного комплекса, Вооруженных сил России остается весьма острой.

На рис. В.1.10 показана динамика развития человеческого потенциала в России.

Источник: UNDR. 2007/2008 Human Development Report. Russian Federation

Рис. В.1.10. Динамика человеческого потенциала в России (ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала)

Социальное положение народонаселения наиболее ярко характеризует-ся заболеваемостью туберкулезом²¹ (рис. В.1.11).

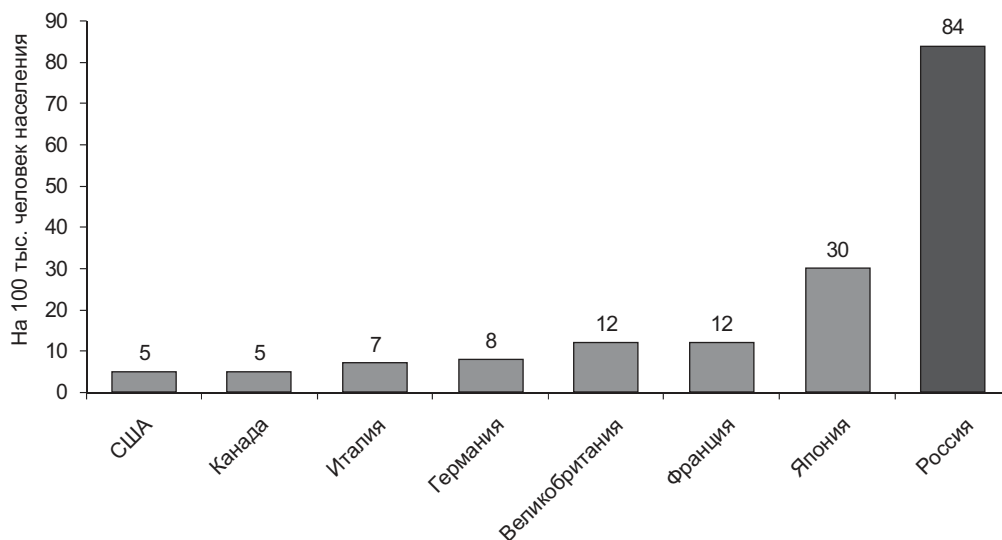

Рис. В.1.11. Наиболее информативный показатель социального состояния страны — уровень заболеваемости туберкулезом

²¹ Российский статистический ежегодник — 2007. М.: Росстат, 2007.

На рис. В.1.12 показан уровень потребления населением мяса и мясopодуков²².

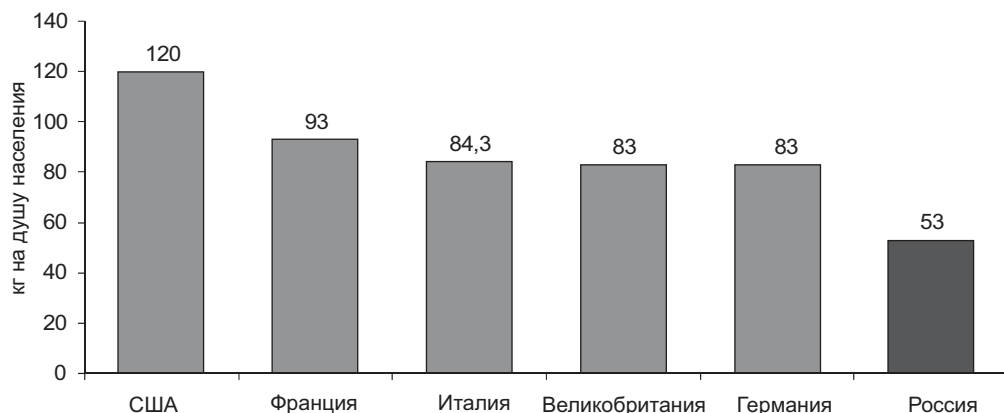

Рис. В.1.12. Потребление мяса и мясopодуков на душу населения в год

Интегративным результатом функционирования национальной системы образования, воспитания и, отчасти, культуры является совокупный показатель IQ²³ (рис. В.1.13).

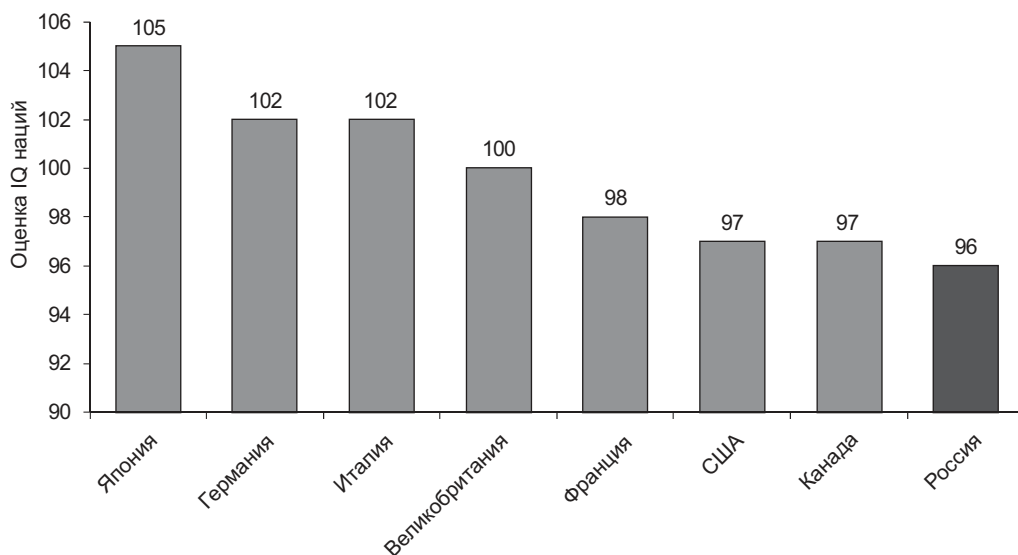

Рис. В.1.13. Национальный уровень IQ (по странам мира)

²² Россия и страны мира — 2006. М.: Росстат, 2006.

²³ Индикаторы науки — 2007. Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 327; IQ. Статья // <<http://ru.wikipedia.org/wiki/IQ>>.

Инновационный потенциал страны характеризуется прежде всего изобретательской деятельностью²⁴ (рис. В.1.14).

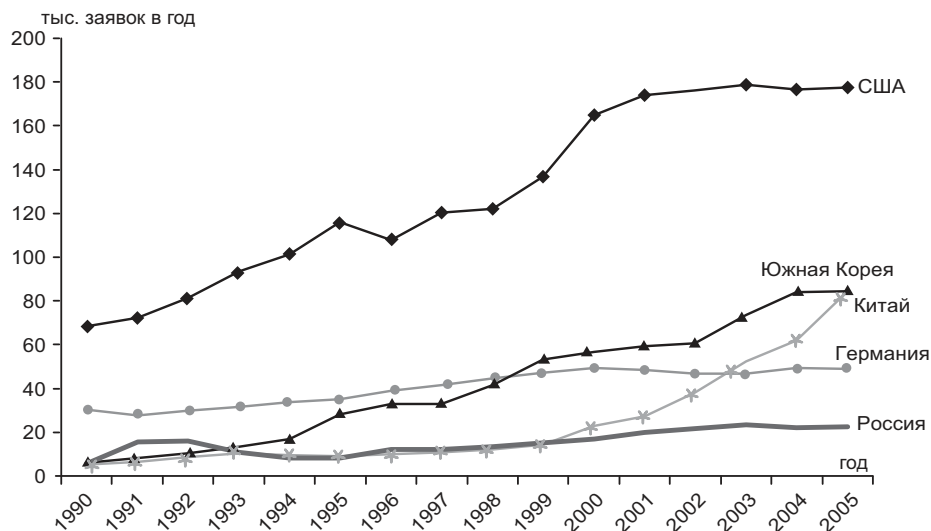

Рис. В.1.14. Динамика общего количества заявок на патенты (по странам происхождения)

Важнейший индикатор успешности страны — это положительное и отрицательное отношение к ней во внешнем мире. Российские показатели последние 20 лет в среднем ухудшаются (рис. В.1.15).

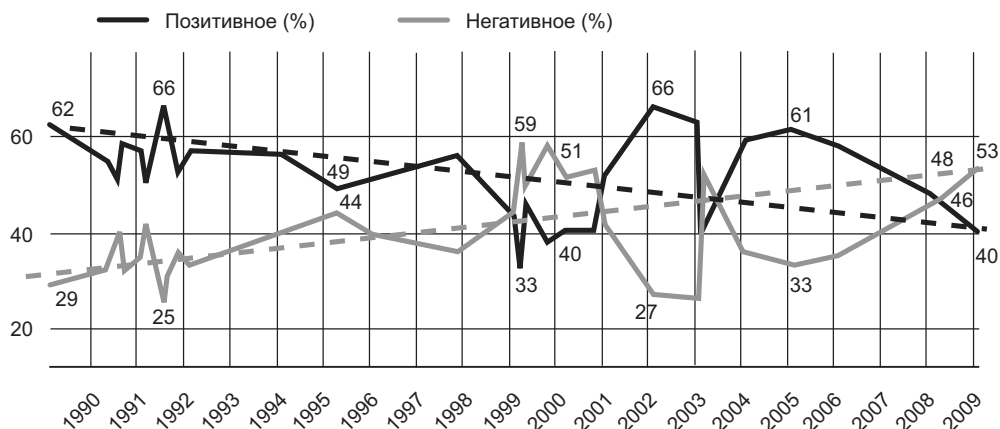

Рис. В.1.15. Отношение в странах мира к России²⁵ (пунктиром показаны тренды)

²⁴ WIPO Statistics Database. July 2008.

²⁵ Country Ratings // <<http://www.gallup.com/poll/1624/Perceptions-Foreign-Countries.aspx#2>>.

Впервые в новейшей истории неприязнь к России, как тренд, стала превышать положительное к ней отношение. Линейный экстраполяционный прогноз показывает, что страна превращается в страну — страну неприязни. Что именно мировое сообщество (по крайней мере, западное) обща делает со странами-изгоями (по их терминологии) — хорошо известно. Россия, конечно, ракетно-ядерная страна, но эти арсеналы не предохраняют от экономической, финансовой, продовольственной блокады, от массированного информационно-психологического воздействия на население; в итоге это ведет к тому же, что произошло с СССР, — распаду государственности.

Нет сомнений в том, что подобные иллюстрации указывают, в том числе, на системные неудачи (назовем это так) в государственном управлении страной. Если вновь вернуться к образу живого организма, то очевидно, что Россия очень серьезно больна. Больна настолько, что далеко не очевиден ответ на вопрос: «выздоровеет ли она?».

Выявление факторов, потенциально управляемых, и указание, как именно надо ими управлять, — цель настоящей работы. А поскольку предварительные работы Центра²⁶ показали, что искажения и ошибки не случайны, и редко их истоки кроются в технологии, а чаще всего носят мировоззренческий характер, то оказывается, что управленческая интерпретация национальной идеи страны совершенно обоснована и очень ответственна.

Структура исследования

Страна как сущность обладает структурно иерархичными сущностными признаками, состояние которых обуславливается промежуточными потенциалами и, в итоге, — факторами, подверженными государственному управлению. Повышающий жизнеспособность страны факторный профиль («жизнетворящий» факторный профиль) заставляет думать о существовании и его противоположности — понижающем жизнеспособность страны факторном профиле («смертетворящий» факторный профиль). Начальное (верхнее) структурирование топологии исследовательского пути в настоящей работе показано на рис. В.1.16.

Особый вопрос возникает по поводу местоположения экономики. Не следует ли ее поместить в ряд трех базовых сущностных признаков? По размышлении следует ответ, что нет. Поскольку она производна и обуславливает, с другой стороны, и территориальный ресурс, и человеческий капитал, и управление. Экономика все-таки по иерархии ниже.

На рис. В.1.16 видно, как формируется иерархия факторов-потенциалов жизнеспособности страны, как они связаны причинно-следственными связями. И все это является достаточно строгим разложением, говорящим

²⁶ Сулакшин С.С. Об инфляции «не по Кудрину». Монография. М.: Научный эксперт, 2009.

о том, что путь формирования конечных управленческих документов не является вкусовым или фантазийным. Конечные управленческие документы высокого уровня — это прежде всего Конституция России и Доктрина безопасности и развития России.

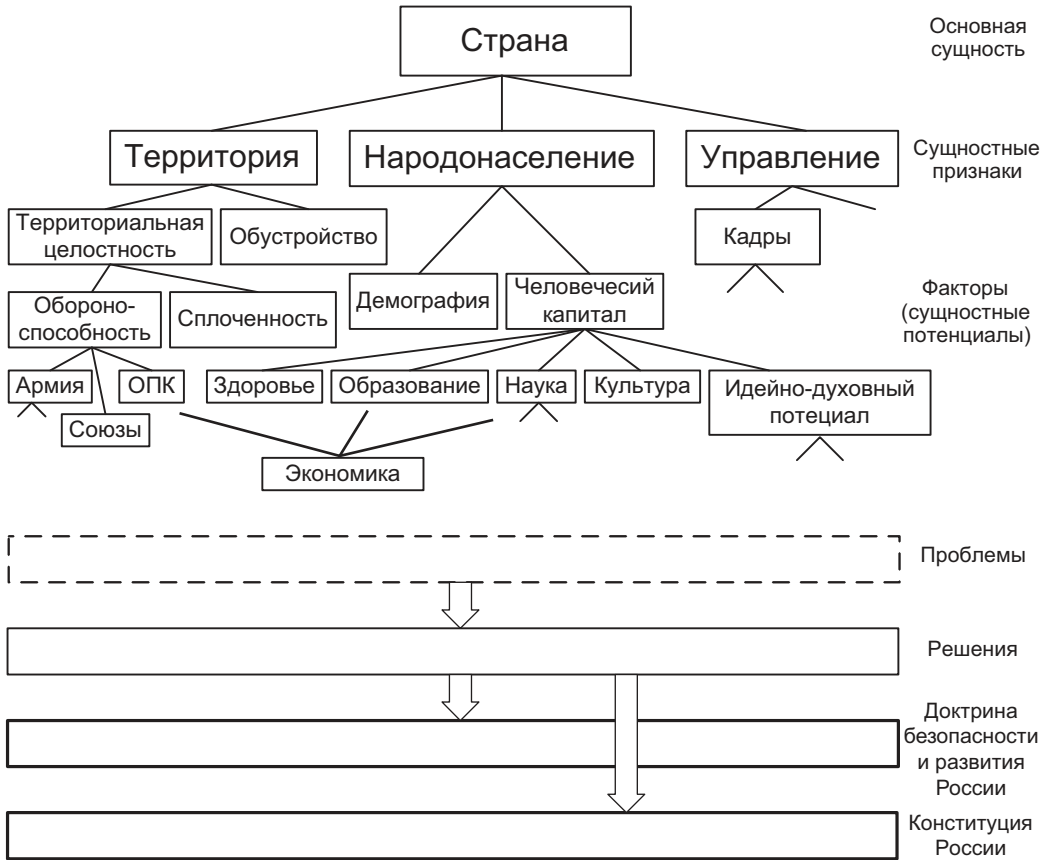

Рис. В.1.16. Структура исследования (головная часть и пирамидальное развитие, которое будет итогом факторного анализа)

Разумеется, что документов необходимо гораздо больше, но все они субординированы по отношению к двум вышеупомянутым, и это легко объяснимо.

Жанр исследования, как видно, довольно нестандартный. Угрозы современной России настолько серьезны, что необходима масштабная междисциплинарная исследовательская работа, направленная в конечном итоге на разработку практических рекомендаций и действий.

Поэтому конечный продукт работы носит не только научный характер, но и управленческий, предлагает публичной власти конкретные и системо-

образующие, точнее — модернизирующие высокоранжированные документы, первым из которых выступает новая Конституция страны.

Очень важно, что конечный продукт — и это отличительная особенность работы — является публично очень резонансным, проникая в сферы политики, экономики, государства и права, пропаганды, образования, культуры, воспитания. Нет ни одной сферы жизнедеятельности страны, которая не рассматривалась бы в предлагаемой работе. Интеллектуальный продукт настоящей работы является жизненно важным для судеб страны потому, что ясно: речь действительно идет об историческом выживании России. Речь идет об интеллектуальном, политическом, государственном и планетарном противостоянии, которое слишком заметно в отношении нашей России и которое слишком реально и опасно, чтобы можно было закрывать на него глаза.

Авторы глубоко благодарны многим и многим российским специалистам, корреспондентам в научных коммуникациях за их участие в разных формах в исследованиях, за материалы и консультации, которые сделали предлагаемую монографию реальностью.

С предложениями, материалами и по иным вопросам дальнейшего развития работы можно обращаться по тел.: (495) 981–57–03 (04, 09).

Сайт Центра: www.rusrand.ru.

Электронная почта: frpc@cea.ru.

Почтовый адрес: 107078, Москва, ул. Каланчевская, 15, подъезд 1, этаж 5. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

Профессору Сулакшину С.С.

В.2. Национальная идея России в истории мысли

*Без высшей идеи не может существовать
ни человек, ни нация*
Ф.М. Достоевский

Из введения может сложиться впечатление, что авторы претендуют на совершенно оригинальный подход к теме национальной идеи. Что не просмотрены десятки предыдущих подходов и сотни работ предшественников и современных исследователей. Это не так. При работе в предложенном методологическом подходе был изучен богатый опыт; и хотя авторы критически относятся к нему, применительно к поставленной задаче — определить национальную идею как ядро деятельности, активную управленческую программу, генератор конституции и основополагающих государственное развитие доктрин, — было важно видеть весь интеллектуальный контекст. Главное авторское намерение — что вновь необходимо подчеркнуть — заключается в стремлении придать национальной идее энергию действия, потенциал организации жизни страны. Она нужна не сама по себе как блестящее интеллектуальное упражнение. Она нужна для действия, управления, движения к успеху народа и страны в целом. Для самоорганизации, целеполагания и движения к цели. Содержание национальной идеи для авторов является императивным. И тем более интересно рассмотреть, что же понимали предшественники, оперируя вроде бы похожей формулой — «национальная идея».

Характерной чертой интеллектуальной жизни российского общества всегда выступал постоянный поиск смысла его существования, определения места России в мировой «системе координат» и ее высшего предназначения. Концепция «Москва — Третий Рим» и теория официальной народности, идея мировой революции и лозунг «нового политического мышления» — все это конкретные проявления данного поиска¹. Понятие «национальная идея» в России появилось уже в XIX в., и называлась она тогда русской идеей. У истоков этого понятия стоял А.С. Хомяков со своей идеей «соборного спасения во Христе». Становление «русской идеи» связано с именами Вл.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского², Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, И.А. Ильина, П.А. Флоренского и других русских мыслителей. Актуализируя разные стороны этой проблемы, они обратили внимание, что для русского человека «сакральное спасение» ассоциируется не с индивидом, но с неким мистическим коллективом, объединенным не территориально,

¹ Менищikov В.В. Евразийство и национальная идентичность России. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 406.

² Впервые термин «русская идея» употребил именно Ф.М. Достоевский, позднее доклад с тем же названием сделал Вл.С. Соловьев.

а духовно³. Оригинальная постановка вопроса о русской идее в творчестве И.А. Ильина исходит из концепции четырехмерности русской идеи: русская религиозность, русское искусство, русская наука и русское право⁴.

Ряд современных исследователей объявляет «русскую идею» мифологемой, призванной подчеркнуть своеобразие российского человека, т. е. те свойства, которые отличают его от человека Запада и определяют особенности исторического развития России. По мнению противников национальной идеи, рассматриваемой в данном воплощении, последняя, как любая мифологема, не поддается однозначной интерпретации и включает разные смыслы: «соборность» — у А.С. Хомякова, «всеединство» — у Вл. Соловьева, «вселенское служение» — у Вяч. Иванова, идею «созерцающего сердца» — у И.А. Ильина, «идею коммюнитарности и братства людей и народов» — у Н. Бердяева и т. п.⁵

В. Кожинов соглашается с наличием английской, французской и германской национальных идей, но считает, что «у России нет и не может быть национальной идеи». Свою позицию он аргументирует тем, что идея Третьего Рима, идея «метаморфозиса» при Петре I и коммунистическая идея не являются по своей сути национальными. Причем в отрицании национальной идеи как движущей силы русского народа писатель не видит национального унижения. Ведь еще Чаадаев писал, что для нас узки любые национальные идеи, так как Провидение поручило нам интересы человечества. То есть Россия выше такой идеи⁶. Напомним авторские ремарки, сделанные во введении, о существовании двух типов идеи — национальной и всемирной мессианской. Если их все-таки различать, то многие разночтения оказываются искусственными построениями.

О надуманности категории «национальная идея» говорит Е.М. Чепурных, предлагая опираться на устоявшиеся национальные ценности и идейные течения. В этой схеме национальная идея выводится как за рамки ценностей, так и идей, попадая в сферу общественного подсознания⁷. «Такого понятия в природе не существует, это очередное изобретение политтехнологов»⁸, «дискуссии о национальной идее — бесплодные

³ Вязовик Т.П. Особенности консолидирующей идеи в России. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 636.

⁴ Ильин И.А. О русской идее // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 430–431.

⁵ Вязовик Т.П. Указ. соч. С. 636.

⁶ Кожинов В. У России нет и не может быть национальной идеи. Интервью // <http://www.patriotica.ru/religion/kozhinov_idea.html>.

⁷ Чепурных Е.М. О национальной идее. Статья // <<http://www.yurclub.ru/docs/other/article60.html>>.

⁸ Сидоренко П. Чего стоит имперский стакан без украинского сала? Статья // Российская газета. 1996. 5 дек.

дискуссии»⁹, — вот наиболее распространенная аргументация противников национальной идеи.

В свою очередь, сторонники национальной идеи, формулируя ее принципы, чаще всего постулируют их от обратного, т. е. отмечают, почему и какой эта идея *не должна* быть. Сюда, например, можно отнести отказ национальной идее в этничности, конфессиональности, столичности, чрезмерной пафосности, политизированности и т. п.¹⁰ Портрет национальной идеи выстраивается, как правило, исходя из приписываемых ей функций (рис. В.2.1).

Современные науки об обществе демонстрируют целый набор подходов к определению сущности национальной идеи: политический и геополитический, религиозный и философский, художественно-публицистический.

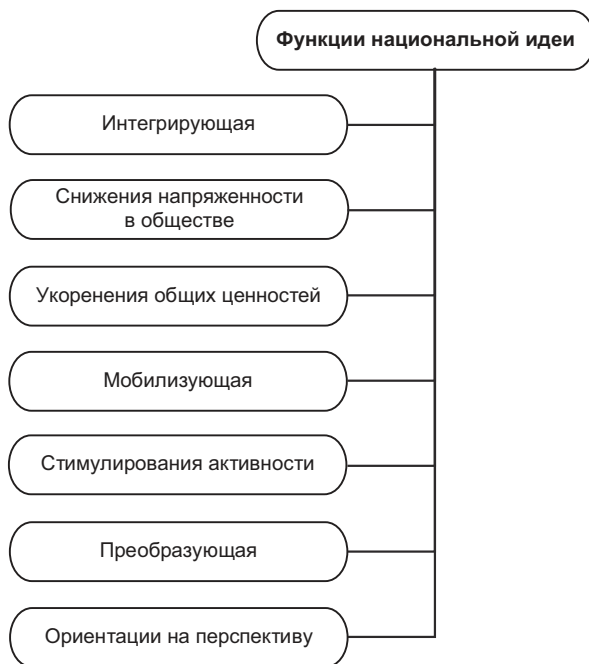

Рис. В.2.1. Часть функций национальной идеи

Ряд авторов исходят из уместности классического термина «русская идея» лишь в случае воссоздания исторической ретроспективы или описания взглядов теоретиков. Контекст употребления понятия «русская национальная идея» связан со стремлением декларировать русский народ как связующий и центральный элемент национального единства. В то же вре-

⁹ Гуцин В. Отчизна-мать в предвкушении нового мученика. Статья // Независимая газета. 1999. 12 нояб.

¹⁰ Ситников А.П. К вопросу о национальной идее. Статья // <<http://www.image-contact.ru/library/articles/?id=35&f=29>>.

мя в термине «российская идея», из которого исключается этническая составляющая, отражено желание подчеркнуть приверженность новому типу государственности, ориентированному на западные стандарты. А термин «идея для России» указывает на некое заимствование, внешнее происхождение идеи, чем уменьшает ее самоценность и придает призыву к разработке характер госзаказа со всеми вытекающими отсюда последствиями¹¹.

Представляет интерес обратиться к тому, каким содержанием наполняет понятие национальной идеи российское население. Центр «Индем» еще в 1997 г. провел лингвостатистический анализ понятия «национальная идея», выявивший 15 типов интерпретации данной категории. В основном, национальная идея ассоциировалась с такими понятиями, как демократия, возрождение России, государственная доктрина, идеология, культура, неопределенность, мессианство, объединяющее начало, православие и соборность, приоритет личности, приоритет национального, монархия, социализм, коммунизм, целостность, ценности и экономический фактор.

Отсюда видно, что в целом национальная идея понимается людьми как механизм осуществления эффективной коммуникации между гражданами России и властными структурами с целью дальнейшего формирования демократического общества¹². Очевидно и то, что национальной идеей должно стать некое понятие, адекватно и похожим образом воспринимаемое большинством населения страны, независимо от языка, вероисповедания, образа жизни, социального статуса, образования и культурного уровня.

Потребность в национальной идее вырастает прежде всего из необходимости мобилизовать общие усилия вокруг некоей цели. И здесь начинаются принципиальные разногласия между сторонниками идеи «для внутреннего употребления» и обязательности мессианизма как составной черты национальной идеи. Народ как «этнос, наделенный миссией» — из этой формулировки А.Г. Дугина вытекает идея, что «универсальную масштабность миссии» народа выражает в себе цивилизация¹³. Специфику русской миссии, по А.Г. Дугину, определяет воспроизводство на русской почве «иудейского эсхатологического сценария» («Москва — Третий Рим»), оплодотворенного христианско-православным пониманием истории и коммунистической идей. Именно эта миссия является константой, которая и делает народ народом. Исходя из этого у Китая нет никакой всемирной миссии, кроме сохранения и укрепления своей цивилизации¹⁴. Впрочем, А.В. Шубин считает, что

¹¹ Соловьев Э. Почему русская национальная идея до сих пор не овладела массами? Статья // Московские новости. 1997. № 12.

¹² Ситников А.П. К вопросу о национальной идее. Статья // <<http://www.image-contact.ru/library/articles/?id=35&f=29>>.

¹³ Дугин А.Г. Структура русского социогенеза. Статья // Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: Научный эксперт, 2009. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 29, 30, 32.

миссий в истории России было несколько, т. е. мессианство переменчиво не только содержательно, но и количественно. Константой же является культура, носителем которой является язык. Соответственно, следует говорить не об одной национальной идее, а о ряде «национально-адаптированных идей, доминирующих в идейном спектре данной страны»¹⁵.

Аргументацией для апологетов мессианской составляющей национальной идеи нередко служит отсылка к авторитету Вл. Соловьева с его знаменитой формулой: «...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»¹⁶. При таком подходе национальная идея представляет собой вклад, который в соответствии с божественным планом данный народ должен внести в мировое развитие¹⁷. Но в такой трактовке национальная идея превращается в заданную свыше программу, и связь с активным деятельностным программированием человека исчезает. Зачем в этом случае говорить о национальной идее, если она наверху, а не здесь, в реальных вызовах жизни и ответственности за выбор и действие? Странная метаморфоза: такой подход к национальной идее убивает ее как таковую.

Некоторыми исследователями выход из этой дилеммы видится в разграничении понятий «национальная» и «общенациональная» идея. Так, Н.З. Ярошук полагает, что именно последнее имеют в виду властители, требующие сформулировать национальную идею. То есть речь идет не о национальной идее как «сверхдуховной квинтэссенции нации», а об объединяющей идее в многонациональном государстве, т. е. идее политической нации, гражданского общества. Такая идея может быть выражена предельно кратко, как политический лозунг или призыв¹⁸.

Кстати, довольно распространенным является представление о национальной идее как компактной связке основополагающих мифологем, упакованных под ключевым и представительским символом, в метафоре или лозунге. Впрочем, для А.Н. Окары национальная идея не сводима к какой-то одной идее или слогану. Она представляет собой целостный дискурс, т. е. «развернутый во времени процесс существования смыслов, выраженных словами, знаками и знаковыми действиями», демонстрируя единство трех

¹⁵ Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства. Материалы научного семинара. Вып. 4. М. Научный эксперт, 2009. С. 64, 65; Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 118.

¹⁶ Русская идея. Соч. М.: Республика, 1992. С. 187.

¹⁷ По материалам сайта <<http://www.moskvam.ru/>>.

¹⁸ Ярошук Н.З. Национальная идея в современном обществе. Статья // Инновации в условиях реформ (экономические, технологические, социально-психологические). М., 1998. С. 196; Он же. Политическая нация и национальная идея. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 728–729.

сфер: метафизики, геополитики и экономики¹⁹. Замечательное, конечно, умение, но пусть кто-нибудь попробует от таких интеллектуальных «высот» перейти к каким-нибудь практическим надобностям развития — хоть общества, хоть государства.

Тем не менее, несмотря на концептуальный и категориальный разброс, из всего многообразия мнений и оценок можно извлечь следующие концептуальные положения.

Во-первых, утверждения о несинонимичности понятий «национальная» и «государственная» идея. В частности, попытка указать на нетождественность национальной идеи идеологии подчеркнута в работе Сектора междисциплинарных исследований общественного сознания Института философии РАН «Россия в поисках идеи». Правда, за этим следует маловразумительное определение национальной идеи как «отдельного произведения идеологии», служащего «окрашивающим фильтром для общего комплекса идеологического строительства»²⁰. Авторам предельно чужды такие «научные» искания, которые за очередным поворотом мысли опровергают сами себя.

В литературе чаще всего водораздел между этими двумя понятиями предлагают проводить по линии этничности, т. е. национальная идея рассматривается как идея данного народа в ее этническом значении. Правда, понять, зачем разыскивается нетождественность национальной идеи и государственной идеологии, трудно. Единственным объяснением является факт запрета государственной идеологии в Конституции России. В ситуации, когда высшая власть требует от науки (в частности, РАН) найти национальную идею, а государственная идеология запрещена, конечно, нужно поднатужиться и изобрести доказательства, далекие от объективных. Национальная идея должна быть объявлена нетождественной государственной идеологии, что в принципе является очевидным нонсенсом!

Набор абсурдной аргументации при этом выстраивается весьма обширный. Государственная идея представляет собой совокупность политических, юридических, социальных и экономических принципов, на которых основывается государство. Другими словами, оказывается, что не может быть российской национальной идеи — существует только российская государственная идея. И самое главное: не всякая государственная идея способствует реализации национальной идеи народа²¹. Например, современная государственная идея Российской Федерации находится в очевидном противоречии с национальной идеей русского народа. Национальную идею любого народа можно определить по формуле: «традиционная религия плюс

¹⁹ Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 142, 144.

²⁰ Цит. по: *Ситников А.П.* К вопросу о национальной идее. Статья // <<http://www.image-contact.ru/ru/library/articles/?id=35&f=29>>.

²¹ По материалам сайта <<http://www.moskvam.ru/>>.

народность». Из этого следует, что у страны, население которой состоит из потомков иммигрантов (и постоянно пополняется эмигрантами из различных стран), являющихся осколками различных этносов и религий — как, например, в США, — национальной идеи как таковой не существует, а имеется лишь государственная идея²².

Во-вторых, несводимость национальной идеи к идее чисто этнической. То есть идея может быть национальной, но у нее не может быть национальности. Масштабы национальной идеи должны быть как минимум цивилизационными. Неслучайно в качестве **главной идеи чаще всего предлагается «глубокое осознание и принятие обществом того, что Россия есть уникальное, самобытное государство-цивилизация с собственным путем исторического развития»**²³.

В-третьих, невозможность «навязывания» национальной идеи народу «извне» — идея рождается «изнутри», исходя из выработанных веками ценностных ориентиров. Это, в свою очередь, предполагает коллективную творческую деятельность (апперцепцию, по определению основателя когнитивной психологии В. Вундта). Прав был П.Я. Чаадаев, отрицавший идею народа как чисто теоретическую конструкцию, создаваемую в процессе интеллектуального поиска. Ведь идея народа — это прежде всего духовный настрой, направляющий его деятельность.

В-четвертых, баланс религиозного и светского наполнения идеи. Связующим звеном здесь выступает этос как система психических и нравственных норм поведения, эстетических представлений и народных преданий. Современную политическую культуру определяют сформированные длительным исповеданием религий массовые психологические установки. Ведь этика в религиозных конфессиях выработала качественно не сводимые друг к другу массовые ориентации на «добро» и «зло». В силу этого уничтожение религиозно-ментальных оснований государственности приводит к тому, что политическая система может сохраняться по инерции не более одного физического поколения²⁴.

В-пятых, национальная идея имеет внутреннее и внешнее измерение. Первое представляет собой особое представление о своей стране, а второе — идею, направленную на окружающий мир. Только всемирная значимость идеи поднимает нацию до мирового масштаба. В литературе русская национальная идея трактуется как «объективно существующее» в массовом общественном сознании представление об историческом предназначении русской нации. Упор на духовность, вневременность и апелляция к божест-

²² Там же.

²³ Кузнецов С. Идеология и задачи новой России. Статья // <<http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=0E251950CEFE4D3F94E7421FBAE18F28>>.

²⁴ Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб.: ОВИЗО, 2002. С. 16, 197.

венным символам выражают претензию русского народа на сакральность его исторической роли в мировом историческом процессе.

В-шестых, национальная идея, представляемая как система целей, зависит от множества факторов. Так как многие из этих факторов носят временный характер, то и идея изменяется во времени и в пространстве. Поэтому невозможно выдвинуть одну национальную идею на все времена для всех народов. Любая национальная идея должна быть актуальной. Однако остается ценностная константа, отражающая устойчивые характеристики государственности того или иного народа.

В-седьмых, национальная идея должна обладать определенными атрибутами, делающими ее жизнеспособной и эффективной, главным из которых является ее интегрирующий характер. То есть национальная идея объединяет общество, отодвигая на второй план существующие социокультурные различия. Национальная идея интегративна в силу того, что увязывает интересы личности, общества и государства в единый долгосрочный, позитивный национальный проект. Образно говоря, национальная идея указывает «обществу-кораблю» систему координат в безбрежном цивилизационном «море», а идеология государства служит «компасом» для соотнесения собственного курса в этой системе координат.

В-восьмых, национальная идея обязана быть направлена в будущее. Она по самой своей сути футуристична, так как задает некий проект будущего и программу *действия*. Например, для русского народа времен царской России была актуальной национальная идея, выраженная в понятии «земля и воля». Большевики на протяжении 70 лет воодушевляли российский народ идеей построения коммунизма на всей земле. Национальная идея существует не для того, чтобы фиксировать достигнутое состояние социума, а чтобы звать вперед²⁵.

В-девятых, национальная идея должна быть жизнеспособной, чтобы выстоять в течение десятилетий и столетий²⁶.

В-десятых, национальная идея, представляя совокупность оригинального философского творчества, неизбежно включает как самобытные компоненты, так и результаты заимствования, адаптации или синкретизма²⁷.

Схематически сущность национальной идеи представлена на рис. В.2.2.

Обычно в многочисленных интерпретациях любая национальная идея представляет собой «формулу», из которой разворачивается базовая идеологическая концепция, определяющая жизнь государства, общества и граждан на длительную перспективу.

²⁵ Куценков А.А. Индия: идея «на вырост». Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. М.: ИСР РАН, 2004. С. 267.

²⁶ Мадор Ю.П. Английская идея. Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004. С. 69.

²⁷ Молодяков В.Э. Япония: От «национальной науки» к «рисовой цивилизации». Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. М.: ИСР РАН, 2004. С. 222.

Рис. В.2.2. Сущность национальной идеи

Каков же механизм формирования национальной идеи? Ведь нельзя же назвать национальной идеей любые шаги правительства, направленные на благо своих народов. Этносы и государства проходят этапы своего развития с разными скоростями. Поэтому государственный строй «первопроходцев», первыми достигших определенного уровня развития, до какого-то времени вполне можно воспринимать как уникальный, а идеи, связанные с его становлением, — как «национальные». Например, говоря о ранних буржуазных революциях, мы имеем в виду идеи самой радикальной из них — Великой французской, идеи «реального построения коммунизма» связываем с Октябрьской революцией в России, а идеи «реального социализма» — со Скандинавией. Таким образом, идеи, которые позволяют совершить очередной рывок в развитии мировой цивилизации или значительно влияют на это развитие, становятся «национальными» идеями страны, начавшей или инициировавшей соответствующие процессы²⁸.

Проблема формирования национальной идеи тесно связана с духовным выбором народа, о значении которого хорошо сказал испанец Э. Филиппс: «Периоды величия страны выражаются в устремлении людей, ее населяющих, к духовному идеалу и Истине, к некоей великой идее. В эти моменты духовного подъема страны проявляется душа ее народа. Период упадка выражается в измене этому идеалу и его утрате в обмен на обреченное и упадочническое прельщение страстью мира к земным богатствам, земле и власти, помрачению высших устремлений народа и его духовной сути»²⁹.

²⁸ Ганжа А.Г., Тугаринов И.А. Место «всеобщего банка знаний» в концепции ноосферы. Статья // Техничко-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. М.: ГЕО-ПЛАНЕТА, 2000. С. 176–188.

²⁹ Цит. по: Воловикова М.И. Нравственный идеал и антиидеал в контексте особенностей российского менталитета. Доклад // Национальная идентичность России и демографичес-

Тем не менее в настоящее время в литературе нет единого общепринятого мнения относительно ряда параметров национальной идеи. Остается открытым вопрос о соотношении государственной идеологии и национальной идеи, разграничении или синонимичности понятий «национальная» и «общенациональная», роли элиты в формировании национальной идеи и степени распространенности последней на диаспору. Речь идет и о противоречии между национальной идеей, как продуктом теоретического мышления и политической доктриной, и объективно существующими в глубине массового общественного сознания целями и задачами самой нации. И, наконец, каков должен быть процент граждан, разделяющих идею, для признания ее национальной?

В российской истории национальная идея обычно акцентируется и выходит на поверхность в условиях внешней угрозы или цивилизационного вызова. То есть тогда, когда она призвана сыграть интегрирующую и мобилизующую роль. Другими словами, национальная идея открывается как скрытый до поры до времени цивилизационный потенциал народа. Но на этом пути стоит ряд серьезных препятствий. Идеология державности примитивизирована до концепта сильного государства, сводимого к бюрократической мобилизации. А для этого не нужна ни национальная идея, ни даже идеология. Разрыв между бедными и богатыми все более сужает поле национального консенсуса и диалога. В условиях, когда большинство россиян думает о примитивном выживании, национальной идее, на первый взгляд, не остается места. Но это не так: ведь национальная идея не сводится к сиюминутным интересам.

Национальная идея: между ценностью и интересом

Большинство мыслителей склоняются к тому, что национальная идея выступает как некий набор ценностей в их духовном и символическом выражении. Однако наивно было бы считать, что стоит провозгласить удачную, броскую формулировку общенациональной идеи — и задача будет решена. В истории идея неизменно посрамляла себя, как только вообще отделялась от интереса³⁰. Для В.М. Межуева идеи связаны с интересами, но не тождественны им. Ведь в интересе выражено то, что народ или человек хочет для себя, в идее — то, что он хочет и для других, т. е. в принципе — для всех. Цели, которые ставит перед собой человек, предполагают знание им средств их практической реализации, а ценностям он верен по самому факту их существования. То есть идеи имеют своим источником не только интересы, но и ценности. Идея — это интерес, «получивший форму всеобщей нормы

кий кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 730.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. В 50 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 89.

и правила, заключающий в себе представление о желаемом, должном, необходимом для всех общественном порядке»³¹.

Осознанная или неосознанная национальная идея во многом представляет собой важный импульс в жизни любого народа. Иначе говоря, его историческому существованию сопутствует «широко разделяемая органическая система ценностей, верований, убеждений»³². Национальная идея нежизнеспособна, если она не базируется на ценностях и становится идеологическим суррогатом, если хотя бы не отражает их.

Если рассматривать ценности как совокупность значений и смыслов, которыми пользуется в повседневной жизни конкретное сообщество на данном этапе развития³³, то национальную идею можно расценивать как набор символов и ценностей, объединяющих граждан, артикуляцию принципов, лежащих в основе национальных интересов³⁴. Если в общественно-политическом измерении национальная идея проявляется как вопрос о природе общественного строя, то в метаисторическом контексте национальная идея тесно увязана с основными ценностями государственности, опирающимися в свою очередь на ценностные ориентации народа. В частности, высшими ценностями Российского государства являются государственная суверенность России, накопленные в веках и поколениях ценности культуры, религий, традиций, духовное достоинство, права и свободы человека. То есть содержанием национальной идеи являются живые архетипы, в которых укоренена иерархия ценностей, определяющих установки, модели поведения и идеалы народа. Тем самым национальная идея обретает способность задавать целеполагание нации и мобилизовывать потенциал народа на исторические свершения.

Применительно к России такое положение вещей было освящено православной традицией, для которой главным был вопрос не прав человека (как на Западе), а поиска смысла жизни. И еще одно немаловажное обстоятельство. Можно согласиться с В.В. Можаровским об универсальности установок религиозного менталитета. К примеру, категория «православный» подразумевает соблюдение неизменных этических норм по отношению к представителям всех конфессий и всех национальностей. Так же религиозный менталитет, сформировавшийся в течение тысячелетия в России, имеет необходимые характеристики устойчивости и стабильности, т. е. его ценности за столь длительное время стали внутренне связаны с ценностями госу-

³¹ Межуев В.М. Гуманитарная наука и идеология. Доклад // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2007. С. 28.

³² Лапицкий М.И. «Американская мечта». От «плавильного котла» к «салатнице». Доклад // Национальная идея: история, идеология, миф. М.: ИСР РАН, 2004. С. 63.

³³ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 189.

³⁴ Салмин А.М. Миф истории и история мифа. Вместо введения // Национальная идея: история, идеология, миф. М.: ИСР РАН, 2004. С. 4.

дарства³⁵. Понятие о величии Русского государства, наследовавшего Византии, и государственной идее русские трансформировали в психологически приемлемую форму православного царства с византийской идеологической основой³⁶. Следует заметить, что православная эпоха в русском сознании стала совершенно новым этапом выработки «русской идеи» из глубин народного духа. На рубеже XIII–XIV вв. произошел весьма существенный сдвиг в системе ценностей, определивших и цивилизационные сдвиги. Примерно с этого времени можно говорить о формировании особого, русского варианта православия, окончательно оформленного Стоглавым собором 1551 г.³⁷ Другими словами, на протяжении многовековой российской истории русское православие выступало одним из ценностных компонентов национальной идеи. Причем, в данном случае важна сама вера в Бога как один из механизмов обеспечения жизнеспособности страны³⁸.

Более-менее признано, что еще одним ценностным центром национальной идеи является патриотизм, играющий роль одного из главных механизмов осуществления преемственности между поколениями. Нельзя не заметить, что сегодня к патриотическим идеям в поисках конструктивной парадигмы обращаются самые различные политические силы. В результате под общей эгидой «патриотизма» оказываются разнообразные идейно-политические течения, дающие разноречивую его трактовку³⁹.

Полезно вспомнить, какое понимание сущности патриотизма было свойственно В.Г. Белинскому, отмечавшему, что «любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому»⁴⁰. Содержание современного патриотизма следует рассматривать в тесной связи с утверждением социального гуманизма. Из всего выше обозначенного следует определение: «Патриотизм — это позиция, отражающая достоинство и духовное состояние личности, выражающее любовь к Отечеству, причастность к обществу и миру»⁴¹. Только патриотизм способен обеспечить консолидацию общества, сохранение

³⁵ Можаровский В.В. Указ. соч. С. 220.

³⁶ Сургуладзе В.Ш. Русская идея и отражение кризиса национальной идентичности в русской философии. Монография. М.: Компания Спутник+, 2006. С. 45.

³⁷ Менищиков В.В. Евразийство и национальная идентичность России. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 409.

³⁸ Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 29.

³⁹ Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века. Статья // Новый мир. 1994. № 7. С. 174.

⁴⁰ Белинский В.Г. ПСС. В 13 т. Т. 4. М., 1954. С. 489.

⁴¹ Здерева Г.В. Современная концепция патриотизма — основа идейного позиционирования в международном сообществе. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 672.

общественно-политической стабильности в стране, восстановление национальной экономики и укрепление обороноспособности государства.

В целом же национальная идея как система базовых идеалов национальной культуры рассматривается как социокультурная целостность. Посредством актуализации в духовном производстве она создает и поддерживает чувство психологического комфорта и защищенности.

Национальная идея как механизм обретения идентичности

В литературе разделяют два смысла понятия «национальная идея». В широком смысле это синоним национальной (общероссийской, общегражданской) идеологии, т. е. система идей и ценностных принципов, лежащих в основе консолидации и развития российского общества. В узком смысле это система представлений, связанных с ценностными установками в области этнической идентичности⁴². Впрочем, имеет место и еще один подход, согласно которому национальная идея выступает осознанием не национальной, а цивилизационной идентичности⁴³.

Универсальность национальной идеи определяется, в числе прочего, тем, что она представляет собой механизм поиска и обретения идентичности⁴⁴. Но в силу биосоциальной природы этноса проблема идентичности является проблемой нерационального типа. Так, национальная идея в биосоциальной проекции — «одна из скреп популяции, фактор жизни»⁴⁵.

Следует учитывать и то, что в России на протяжении веков при обсуждении почти всех жизненно важных проблем общественного развития параллельно всегда возникала проблема отношения к Западу или, точнее, самоосмысления, самоутверждения себя на европейском фоне⁴⁶. Это, конечно, не может не влиять на процесс формирования идентичностей. Восстановление самоидентификации российского общества может идти только на базе идеи «конструктивного реванша» в глобальной конкуренции и путем глубоко эшелонированной реидеологизации общества.

---

⁴² *Арбатская М.* Система организации избирательных процедур — инструмент реализации активного избирательного права. Статья // Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов. Материалы международной конференции / Под ред. А. Иванченко и А. Любарева. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 303–313.

⁴³ Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 73.

⁴⁴ Там же. С. 126, 138; *Мадор Ю.П.* Английская идея. Статья // Национальная идея: История, идеология, миф. М.: ИСР РАН, 2004. С. 64, 68.

⁴⁵ Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 121.

⁴⁶ *Игрицкий Ю.* Россия и Запад. К философско-политическому осмыслению проблемы. Статья // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 74.

Национальную идею имеют все состоявшиеся государства. Другими словами, нация — это народ, обладающий национальной идеей. То есть она схожа по структуре, функциям и назначению, а ее специфика связана с идентичностью стран.

Она неразрывно связана с процессом государственного строительства и институционализацией национальных отношений⁴⁷. В частности, в иберийском мире «национальная идея» получила религиозную окраску в качестве легитимизации военной экспансии и была сведена к стремлению превратить Испанию в «мировую империю»⁴⁸. В России начало «активизации» национальной идеи как части идеологического архетипа было положено событиями на Куликовом поле⁴⁹. Становление русской нации началось в период борьбы с татаро-монгольским игом. Именно тогда возникает первая национальная идея — идея освобождения.

Русская история в целом в силу ее катастрофичности может быть понята как поиск русским народом своей национальной идентичности. Российское общество нуждается в общенациональной солидаризирующей идеологии/идее, укорененной в национальном архетипе русских, доминирующими скрепами которого являются ценности коллективизма, сотрудничества и справедливости⁵⁰. Так как Россия изначально формировалась как многонациональная страна, ее национальная идентичность — это соединение людей «вне различия национальности, крови и почвы»⁵¹.

В русском историческом процессе государство и государственная идеология всегда занимали особое место, играя значительную самостоятельную, а иногда и решающую роль ввиду наших специфических природных и геополитических условий. Византийское православие, тесно слившись со светской властью, обеспечило ей нравственную опору⁵². Идея от Бога данной власти

⁴⁷ Семенов С.И. Преображение «нации» в Латинской Америке. Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. М.: ИСР РАН, 2004. С. 188, 206.

⁴⁸ Там же. С. 190.

⁴⁹ См.: Буданов В.Г. Ритмокаскады в истории России. Статья // Стратегии динамического развития России. Единство самоорганизации и управления. Международный симпозиум «Синергетика в решении проблем человечества XXI века: диалог школ». Т. 3. Ч. 2. М.: Проспект, 2004. С. 31–33; Он же. Ритмокаскады истории: Россия и будущее цивилизации. Статья // Новые методы в социальных науках. Сборник статей / Под ред. В.Г. Федотовой. М.: ИФ РАН, 2006. С. 308–322.

⁵⁰ Родионова Н.А. Кризис российской идентичности и поиски общенациональной идеи. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 455.

⁵¹ Львова Н. Национальная (цивилизационная) идентичность, этничность и гражданственность — российская формула гражданской нации. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 489.

⁵² Медушевский А.Н. Общество и государство в русском историческом процессе. Статья // Вестник МГУ. Сер. № 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 17.

тесно переплеталась с идеей справедливости, в которой царь выступал носителем справедливости и правды в качестве наместника Бога на земле⁵³. Отсюда сакральное отношение к государству и его интересам как к высшей ценности.

Защита государственных интересов на международной арене с позиций цивилизационной самоидентификации является характерной чертой современного политического процесса. Ведь «национальная идентичность — это принятие исторического опыта нации»⁵⁴. На практике разработки собственных национальных концепций развития зачастую объединялись с религиозной и этнической идентификацией. В контексте общемировой тенденции религиозного возрождения обращение к церкви как хранительнице национальной и культурной идентичности становится необходимой составляющей процесса самоидентификации народа. При этом религия обращается к новым ориентирам, когда за цель принимаются не светские тенденции, а возвращение священных основ организации общества и государства⁵⁵. Отталкиваясь от религиозной идентичности, мир направляется к идентичности национальной, культурной, цивилизационной, утверждая собственную ценность в условиях давления западного универсализма на пути глобализации и модернизации⁵⁶. Впрочем, для современной России религиозная идентичность может выступать одной из преград на пути формирования национальной идентичности: попытки построения общенациональной идеологии на основе православия встречают непонимание среди верующих — сторонников конфессиональных меньшинств⁵⁷.

Важно учитывать, что для большинства русских православие является не религией, а символом русского своеобразия и его духовной ценности, одним из маркеров культурной, этнической или идеологической идентификации⁵⁸. «Идеологические православные» отличаются от «просто православных» тем, что почти не соблюдают обрядов и не являются воцерковленными. Греческие ученые констатируют, что начавшееся в конце XX в.

⁵³ Бердяев Н.А. Судьба России. Соч. М. АСТ, 2004. С. 543–544.

⁵⁴ Национальная идентичность — это принятие исторического опыта нации. Интервью РА Вадима Леонидовича Цымбурского // <<http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a120.htm>>.

⁵⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Соч. М.: АСТ, 2003. С. 139.

⁵⁶ Перфильева А.А. Религиозная оставляющая национальной идентичности как инструмент противодействия глобализационным и вестернизационным тенденциям в современном политическом процессе. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 537–541.

⁵⁷ Шумилова Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: ИС РАН, 2006. С. 132–140.

⁵⁸ Митрофанова А.В. Россия и славяно-православный мир: от иллюзий к реальности. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 178–179.

«православное возрождение» представляло собой не возрождение религии как таковой, а возрождение национализма, отождествленного с православием, т. е. «идеологическое православие», распространившееся в России и других бывших советских республиках⁵⁹.

Кроме того, особенности культурно-ценностных предпочтений и образа жизни российских граждан свидетельствуют о распространении характерных для советской эпохи идентификационных ориентаций. При этом, хотя такие ориентации присутствуют (в измененном состоянии), все же можно говорить об их трансформации, выражающейся в стремлении к синтезу российской и советской идентичности⁶⁰. Национальная или национально-государственная идентичность формируется не только на основе различения своих и чужих особенностей, но и на понимании исторических (цивилизационных) интересов. Можно согласиться с А.И. Неклессой, что у каждой страны, даже небольшой и искусственно созданной, есть собственный национальный интерес. Но для того, чтобы интерес созрел до национальной идеи, он должен пройти через стадию обретения национальной идентичности⁶¹, важнейшим элементом которой выступает отношение к истории собственной страны. Ведь национальная идея формируется, закрепляется и развивается исторически, передаваясь в поколениях и отражая «оптимальную меру традиции и модернизации»⁶². История России и ее государственности — это история ее национальной идеи.

Национальная идея — цель, инструмент и результат государственного управления

В литературе нередко звучат заявления о тупиковости попыток путем академических усилий создать некую «русскую национальную идею». То есть формирование национальной идеи выводится за рамки негативно оцениваемой академической традиции — в сферу исторического опыта в частности советского. Б.И. Поварницын в основе формирующегося единства советского народа видел три основания. Владение русским языком (хотя бы инструментальное), представление о территории Советского Союза как о единой общей среде обитания, единое представление о «социальной спра-

⁵⁹ *Molokotos-Liederman L. The Religious Factor in the Construction of Europe: Greece, Orthodoxy and the European Union. Paper presented at the 1st Symposium on Modern Greece «Current Social Science Research on Greece». L.: London School of Economics. 2003. 21 June. P. 6.*

⁶⁰ *Попов М.Е. Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 607–617.*

⁶¹ *Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 6.*

⁶² Там же. С. 13.

ведливости», об общих правилах отношений людей между собой, а также отношений между людьми и государством⁶³.

Современная научная мысль развивается в диапазоне от ограниченности понимания национальной идеи (в свое время премьер-министр М. Фрадков связал национальную идею с повышением конкурентоспособности российских товаров⁶⁴) до придания ей всемирного характера. На этом фоне далеко не всемирной целью представляется даже идея сбережения русского народа. Но введенное выше авторами различие мессианского воплощения национальной идеи и национальной идеи, обращенной вовнутрь страны, в значительной степени снимает эту коллизию.

Определенный выход из этой ситуации видится в признании того, что формирование и утверждение национальной идеи связано, с одной стороны, с таким рациональным понятием, как «политический успех», а с другой — с представлением об «исторической миссии» страны и народа. Тут следует даже усилить мысль: не только политический, но любой и в целом успех страны в своем развитии.

Как уже отмечалось, ни национальный характер, ни национальные интересы не сводимы к сущности национальной идеи, поскольку национальная идея объединяет в себе и общую мировоззренческую концепцию, и конкретно-исторические формы ее воплощения. Главное отличие национальной идеи от идеи народной в том, что первая предполагает институциональное закрепление на государственном уровне ценностей и норм, которые были исторически сформированы народом или народами, входящими в состав нации⁶⁵. А это дает возможность «перевода» национальной идеи на язык государственного управления.

Изобретателям очередных «великих утопий» следует помнить предостережение русского мыслителя И.Л. Солоневича об опасности изъятия идеи из «жизненного оборота» самим ходом истории. Такая идея «становится трагедией нации, язвой ее желудка и раком ее печени: она съедает народ. Она ставит перед ним явно непосильную задачу, конструирует некую «миссию», в жертву которой приносится национальное бытие». Но и без идеи общество приобретает нетрадиционный для российской цивилизации характер.

Понятны проявления традиционной гуманитарной беспомощности в виде сомнений относительно возможности в современной социокультурной реальности определить национальную идею в качестве одной, все покрывающей формулы, как это было со знаменитым афоризмом монаха Филофея

⁶³ Поварницын Б.И. Российская национальная идентичность и советский опыт. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 422.

⁶⁴ Троицкий Е.С. Русская этнополитология и возрождение Отечества. Статья // Русская этнополитическая и национальная идея. Сборник статей. М.: Граница, 2006. С. 32.

⁶⁵ Иванова С.Ю. Указ. соч. С. 634.

о «Москве — Третьем Риме» или даже с известным тезисом «Православие. Самодержавие. Народность»⁶⁶. Но что запрещает результативность такого поиска?

Успешность внедрения национальной идеи зависит от множества факторов, среди которых можно выделить три основных (рис. В.2.3).

Рис. В.2.3. Условия внедрения национальной идеи

Делаются также попытки выстроить критерии качества национальной идеи, ведущими из которых выступает способность идеи «объединять нацию по отношению к единой цели» и «сохранять и преумножать силы нации»⁶⁷. Как видно, пусть и медленно, но пробивает дорогу методология и методика перевода национальной идеи на язык государственного управления. Это, в свою очередь, открывает перспективы законодательного (прежде всего конституционного) закрепления основных принципов национальной идеи.

Новая идея для современной России: актуальность и общие принципы

Не секрет, что механизмом реализации современной российской политики выступает замещение и принижение собственных многопоколенческих и многовековых ценностных накоплений в российской государственности. В сфере идеологии⁶⁸ это проявляется в отсутствии национальной идеи, в области политики — в непризнании идеи государства-нации, а в экономической сфере — в отказе от протекционистской политики по отношению к национальному бизнесу и внутреннему рынку.

Интерес к этой теме проявляли в равной степени как действующая власть, так и оппозиция. Выше уже говорилось об обращении президента Б.Н. Ельцина к отечественной интеллигенции с призывом выработать современный вариант «идеи для России». О приверженности национальной идее в самых

⁶⁶ Там же. С. 626.

⁶⁷ Национальная идея — возрождение и развитие России. Статья // <<http://natio-idea.narod.ru/>>; Крестинин Е.И. Отрывки из книги «Гимн России и национальная идея» // <http://zarus1.narod.ru/ZaRus2_8.htm>.

⁶⁸ Под идеологией в данном случае понимается система идей и ценностных ориентаций, в которых важное место, наряду с политическими, занимают ценности эстетические и нравственные.

разных ее трактовках высказывались и представители коммунистов⁶⁹, и правые демократы⁷⁰, и радикально настроенные патриоты⁷¹.

Но на практике действия власти сводились и сводятся скорее не к поиску национальной идеи, а к созданию информационного продукта, адресованного обществу и способного обеспечить функционирование государственной власти в тех рамках, которые для нее являются оптимальными⁷². Контент-анализ официальных веб-сайтов партии «Единая Россия»⁷³ по состоянию на 2005 г. показывает, что категория «национальные интересы» содержится в 221 документе из 2333 (9,5%), а «национальная идея» рассматривается в 133 документах (5,7%)⁷⁴. Еще в меньшей степени (в 39 документах, или 1,7%) упоминаются «национальные символы». В целом же проект российской идентичности партии «Единая Россия» — это концепт государственной идентичности, где основной ценностью признается лояльность государству. Понятно, что в таком формате существует опасность того, что активизация русской идеи будет приводить только к апологетике правящего режима⁷⁵.

Но, с другой стороны, национальное возрождение возможно только вокруг общей идеи⁷⁶, «общегосударственный механизм выхода из кризиса — вот общенациональная идея»⁷⁷, именно так выглядят сегодня рутинные общественные ожидания.

В середине ноября 2007 г. завершился конкурс «Национальная идея России», организованный компанией креативных коммуникаций BNT Alliance. Экспертами наиболее высоко оценены следующие работы⁷⁸:

- «Русские вперед!».
- К свободе, силе, процветанию, прогрессу путь начертан здесь: Россия — миру, мир — России!
- Граждане — на благо России, Россия — на благо мира.

⁶⁹ Зюганов Г.А. Современная русская идея и государство. Соч. М.: «РАУ — Корпорация», 1995. С. 12–35.

⁷⁰ Новодворская В.И. По ту сторону отчаяния. Соч. М.: Новости, 1993.

⁷¹ Дугин А.Г. Абсолютная Родина. Монография. М.: АРКТОГЕЯ, 1999.

⁷² Большаков С.Н. Дискурс национальной идентичности в условиях глобализации. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 544–546.

⁷³ Официальный веб-сайт партии «Единая Россия» <<http://edinros.ru>>; Официальный веб-сайт фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ <<http://edin.ru>>; Официальный сайт московской организации партии «Единая Россия» <<http://mos-partya.ru>>.

⁷⁴ При этом под национальной идеей понимается прежде всего реализация «национальных проектов» и укрепление государства.

⁷⁵ Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009. С. 127.

⁷⁶ Маслаков А. Потерянное поколение? Статья // Советская Россия. 1998. 21 июля.

⁷⁷ Бочаров О. Выход из кризиса как общенациональная идея. Статья // Независимая газета. 1998. 13 ноября.

⁷⁸ Конкурс «Национальная идея России» // <<http://nationidea.bntru.com/>>.

- Опыт, Ресурсы, Люди — Прошлое, Настоящее, Будущее!
- Проект «Родовые поместья» — построй дом, посади сад, вырасти сына!
- Россия — это народ!
- Россия, с Богом!
- Россия в каждом из нас!
- Необъятная Россия — богатейшая страна. Русь — ты Мать своих народов. Ты свободна и сильна.
- В Отчизне хочешь быть уверен — люби ее и будь ей верен!
- Величие единства людей, идей и культур.
- Культурная империя.
- Вера, надежда, любовь.
- Пространство возможностей.
- Державность, демократия, духовность.
- Россия — Достоинство Народа, Величие Милосердия!

Несмотря на то что победил проект культурной экспансии, явно доминируют две темы — национально-патриотическая и патриархальная. Именно ими ограничивается известное поле современного выбора национальной идеи. При этом содержательное наполнение предлагается весьма разнообразное: от возрождения культуры и охраны здоровья до защиты достоинства и чести граждан. Но отчетливо видно, что общего характера и энергетики строительства, действия выразить так и не удалось.

Очевидно, что современное изменение идеологической ориентации политического курса требует взятия на вооружение идеологической доктрины, отличной от либерализма, определяемой геополитическими условиями страны, доведения ее до сознания населения, и создания соответствующих структур, способных проводить эту доктрину в жизнь⁷⁹. При этом решение ключевых российских проблем возможно путем разработки новой идеологии, а значит, и модели развития, которая должна обеспечить высокие темпы национального прогресса и устойчивый рост основных экономических, демографических и социальных параметров страны.

Проблема формирования интегративной идеи не может быть решена без осмысления исторического вызова, стоящего перед страной. Активная часть российского общества видит будущее России как великой державы, сильного социального государства, основанного на возвращении к традициям и моральным ценностям⁸⁰.

⁷⁹ *Малиновский Л.Г.* Анализ статистических связей. Модельно-конструктивный подход. Монография. М.: Наука, 2002; *Он же.* Модельно-конструктивное мышление. Монография. М.: Наука, 2003.

⁸⁰ *Ткаченко О.В.* Архетип народных представлений в формировании новой тимической парадигмы. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 764.

Лейтмотивом русской национальной идеи в литературе на современном этапе является осознание единства России как самостоятельной сущности, как целого и как организма⁸¹. Для этого сама национальная идея должна быть цельной, т. е. содержащей в себе базовые ценности личного, общественно-го и государственного бытия, обеспечивающей основу согласия в обществе и дающей перспективу развития. Такая идея должна иметь понятную стратегию и механизмы ее воплощения. То есть в своих основных принципах она призвана стать координационной платформой практической деятельности всех органов власти.

Таким образом, нельзя сказать, что авторы со своим подходом являются первопроходцами в пространстве поиска национальной идеи России. Множество работ и исторического, и современного плана посвящено этой теме. Диапазон типов задач при этом простирается от общефилософских, историкофилософских до попыток облечь ее в программный вид, придать практический организующий и задающий управление и развитие смысл.

Становится очевидным, что авторы в настоящей работе развивают именно последнее направление, но продвигаются существенно вперед с точки зрения четкой научной организованности познания заявленного предмета исследования, начиная от строгости дефиниций, вводят операциональную и управленческую деятельностьную нагрузку в поле национальной идеи России. Национальная идея России в авторской трактовке ведет не только к консолидации и пониманию, она ведет к организации всей жизнедеятельности страны, во всех практических сферах. Императивной целью при такой организации выдвинута жизнеспособность страны. Противостояние государства, общества и индивида снимается идеей их единства.

---

⁸¹ Рогольченко М.Г. Синетика. Русская национальная идея. Монография. М., 2004. С. 141.

В.3. Центральная методология исследования

О самодостаточности идентичности сущности для максимизации ее бытийной способности

Выше уже говорилось о жизнеспособности страны как способности сохранять свою сущность в условиях вероятных агрессий, стремящихся ее разрушить. Понятие *сущность* является одной из краеугольных категорий философии и представления об окружающем мире. Специфический подход к сущности с позиций безопасности страны (способности сохраняться сейчас и в будущем) позволяет получить важную методологию обеспечения ее максимальной способности самосохраняться в своей идентичности и бытийности. Проведенные исследования показали, что рассмотрение условий максимизации жизнеспособности страны как сущности выводит на более общее понимание того, что в мире жизнеспособность сущностей запрограммирована имманентно, в их собственной идентичности. В результате становится возможным построить алгоритм вычисления, в прямом смысле этого слова, условий максимальной жизнеспособности страны.

Окружающий человек мир состоит из вполне идентифицируемых предметов, явлений, процессов, которые, в свою очередь, характеризуются различными свойствами. Каждая из перечисленных сущностей определяется в сознании как вполне определенный объект сознания (ноумен), со своими особенностями, отличающими его от иных, со своими связями с внешними по отношению к нему сущностями, и, самое главное, по какой-то причине вызывающий наше человеческое неравнодушие. Одни предметы для нас полезны, другие вредны; одни представляются красивыми, другие отвратительными. Мы даже изобретаем новые сущности, не фиксируемые пока что в практике. Человек окружен сущностями.

Говорить, что они существуют только в сознании человека, что нет сущности-феномена — непродуктивно, поскольку сущности взаимодействуют сами с собой, меняя мир и меняясь сами, и слишком самонадеянно человеку считать себя венцом природы, который волен объявлять ее существующей или нет только потому, что его сознание так или иначе представляет себе действительность. И сами мы преходящи, и сознание наше скорее всего не единственное в природе. Во всяком случае, такое предположение более ответственно, чем противоположное, хотя бы потому, что если есть человеческое сознание, то что запрещает существование чего-либо подобного вне человека?

Сущность нетождественна предмету, она может относиться к явлению, процессу, она может быть вполне абстрактной, но, тем не менее, присутствующей в материальных связях в природе. Главное ее общее свойство во всех этих случаях — сущность *существует* в сознании и в природе. Существует — это значит имеет место бытие данной сущности.

Подчеркнем еще раз, что сущность потому — сущность, что она имеет устойчивые отличительные свойства или — назовем их так — сущностные признаки. Если мы хотим, чтобы данная сущность существовала (была, находилась в состоянии бытия), то ее сущностные признаки должны иметь место и должны сохраняться во времени. Лучше, если они будут совершенствоваться, усиливаться, становиться все более отчетливыми, выраженными, устойчивыми, защищенными от внешних размывающих воздействий. Определенность, устойчивость, способность сохранять самое себя с течением времени при разрушающих внешних воздействиях — вот сущностно образующие свойства сущностных признаков, которые, во-первых, фиксируют бытийность данной сущности, а во-вторых, максимизируют ее способность выживать во времени, сохранять себя.

Нужно напомнить, что эта довольно абстрактная часть связана с практическим характером всей работы вполне определенно. Сущность — это страна. Национальная идея в авторской интерпретации: страна должна быть, и должна быть всегда!

Итак, у сущности для ее существования (бытийности) должны быть признаки и способность их сохранять. Признаки и способность. Оказывается возможным показать, что этих двух описаний сущности достаточно для выведения правил максимизации ее жизнеспособности из идентичности ее самой.

Какое отношение имеет это рассуждение к теме национальной идеи? Полагая ее как мысль о безоговорочном существовании своей страны, своей Родины, возможно перейти к пониманию страны как некоей сущности, вопрос о жизнеспособности которой и становится основным.

От чего зависит жизнеспособность страны? Что это такое конкретно? Какие параметры экономики, социальной сферы, гуманитарного контура, внешней политики и множества иных качеств страны нужно выбрать, чтобы ее жизнеспособность стала бы максимальной и устойчивой, желательно навсегда? Как подойти к этому выбору, какие критерии определения оптимальных значений параметров, максимизирующих жизнеспособность страны, нужно выработать и применить, чтобы рецепты государственного управления общественным развитием, государственным строительством стали бы работоспособными?

Имеет место настоящая необходимость выбора универсальной и эффективной методологии, отвечающей указанным требованиям.

Часто употребляемые теоретические и доктринерские концепты государственного управления типа теорий либерализма или социализма (коммунизма), их вариаций в виде консервативных и иных комбинаций не имеют в своей основе жесткой логической конструкции, гарантирующей достижение декларируемых целей. Вполне очевидно, что эти более-менее системные теории скорее отражают интересы устойчивых и всегда противостоя-

щих групп — меньшинства человечества и его большинства, имманентных его истории. И поэтому они не только не универсальны и неработоспособны, они корыстны и локальны по интересам групп. В работе же ставится задача найти такую формулу государственного управления, которая будет максимизировать жизнеспособность страны в интересах самой страны как высшей ценности для всех ее граждан, которая будет вытекать не из групповых интересов, а из всеобщего интереса: страна должна быть и должна быть всегда.

Поэтому в настоящей работе ставится задача найти такие формулы и параметры государственного устройства, устройства страны в целом и управления ею, чтобы ее устойчивость была бы обеспечена навсегда. При этом необходимо, чтобы ключевым основанием в поиске ответов были бы не интересы групп или авторов разработки, а единственный общенациональный ИНТЕРЕС, как раз и выражающийся в национальной идее. Моя Родина должна быть! И должна быть всегда!

Здесь сталкиваются две стороны бытийности. Одна из них — это «быть» и только. «Быть» — это наличествование сущностных признаков. Наличествование для человека как наблюдателя или субъекта — это фиксирование признака. Фиксирование зависит от способности наблюдателя (сознания человека) уловить признак. Возникает формально-логическое требование, чтобы признака было «много», как можно больше. По существу, парадоксальное свойство вытекает из требования максимально надежного фиксирования наличествования признака. Чем его больше, тем лучше.

Абсолютное значение этой количественной меры соотносится на практике, конечно, с обстоятельствами материального мира, сопровождающими человека. Причем из опять-таки практических соображений понятно, что здесь возникает трудное для принятия мыслью, для понимания противоречие. Призыв «чем больше, тем лучше» означает, что бесконечное значение какой-либо количественной меры сущностного признака — это наилучший вариант.

Но попробуем представить себе бесконечный рост и вес человека. Ясно, что уже при сотнях килограммов веса человек просто умирает. Пример приведен тоже с внутренним противоречием, поскольку далее будет более детальное уточнение — что есть сущность человека, но этот пример выявляет трудность логико-философского построения, которое мы осуществляем. Противоречие снимается при уточнении, что речь идет лишь о процедуре фиксации сущностного признака. Чем он надежнее фиксируется, тем — из этих соображений и только из этих соображений — он более жизнеспособен. Заметим, что здесь неявно предположено, что фиксация осуществляется одномоментно, без вопроса о ходе времени и будущем этого сущностного признака. Все это такая философская сторона бытия сущности, как ее форма, как отражение факта существования. Однако всегда присутствует вопрос: а что

вперед? Не приведет ли сегодняшнее состояние к гибели сущностного признака завтра? Поэтому, кроме формы сущности, важно еще такое ее состояние, как содержание сущности. Кроме сущностных признаков важны еще признаки содержательные, отвечающие на вопрос о способности сущности максимизировать свою жизнеспособность.

Поэтому еще раз подчеркнем основное определение, в рамках которого ведется построение. Жизнеспособность сущности — это ее способность быть (существовать) и сохранять (воспроизводить) себя во времени. Быть (наличествовать) — это всего лишь форма существования сущности. И в этом плане, чем больше количественная мера того, что есть «быть», тем лучше, тем выше жизнеспособность. Но это качество жизнеспособности сущности вообще-то ограничено, поскольку к ней еще не применен второй вопрос о способности быть всегда, быть во времени. А вот если его применить, то возникает еще один путь к определению жизнеспособности.

Каким быть, чтобы быть способным быть во времени, а не только в мгновение опознавания формы — существования сущности как факта ее фиксации. Мы видим, что логико-философское разложение дает два пути подхода к определению свойств сущности, которые могут максимизировать ее жизнеспособность. В дальнейшем будет видно, что эти два самостоятельных пути представляют собой фундаментальные свойства формы и содержания, и их сочетанное применение позволяет вывести формулу свойств сущности и управления ею для максимизации ее жизнеспособности.

Связь и гармония (по критерию жизнеспособности) формы и содержания сущности дают исходящий только из нее самой рецепт максимизации ее жизнеспособности.

Есть еще одно очень важное свойство сущности как категории. И касается оно исключительной темы — человека. Приведем пример. Человек как сущность — это руки, ноги, все остальные 75 кг мяса и костей — это способность мыслить. Он — есть. Ограничиваясь одной этой идеей «быть», приходится на вопрос «а зачем быть?» отвечать: «для того, чтобы быть». Итак, быть — для того, чтобы быть. Существовать, чтобы существовать. И это действительно в общем случае так. Сущность исчезнет, как только «смысл» ее бытия станет отличаться от основной идеи сущности — быть. Это неизбежное следствие из принятого определения сущности. И, если смотреть на природу неодушевленную, живую и неживую, то мысленного сопротивления такой постановке вопроса в общем-то не возникает. Действительно, если способность «быть» исчезает, то и само состояние «быть» прекращается. Сущность исчезает. Но для человека как сущности — быть — значит быть именно человеком. Если у него исчез сущностный признак — разум, при сохранении всей остальной физиологии жизни, то человеком его уже назвать нельзя. Он вроде бы есть, но то, что есть, — уже не человек. Хотя разумеется категориальность этого пока чисто логического утверждения в

реальной жизни корректируется общественной конвенцией в рамках выбора морали.

Отсюда возникает естественное требование не только к факту — «быть», но еще и к качеству «быть». «Быть» ТАК и ТАКИМ, чтобы быть именно данной сущностью и быть всегда — это нечто вполне определенное и заранее неустановленное. Поэтому неизбежно возникает следующий, связанный с предыдущим вопрос: КАКИМ быть? Возникает вопрос не только о факте существования без конкретизации свойств как о ФОРМЕ бытийности. Возникает вопрос и о СОДЕРЖАНИИ в этой форме, определяющем способность сущности к бытийности. Оно выражается не просто в абсолютных количественных мерах только сущностных признаков, но в виде качества сущности, которое, в свою очередь, представляется как совокупность количественных мер множества характеристик, свойств, качеств сущности, которые суть причинно-следственные разложения немногочисленных признаков (или даже единственного сущностного признака) на составные детали.

Возникает факторное поле качеств, от которых зависит жизнеспособность сущности. Отметим, что это иной и самостоятельный путь к определению жизнеспособности, чем тот, который мы получили при утверждении для формы сущности, что количественная мера сущностного признака должна быть наибольшей. Подчеркнем: мы нашли два самостоятельных пути к определению жизнеспособности сущности. Именно их корреспондирование (коррелирование) и позволяет выводить оптимальные значения содержательных свойств сущности для максимизации ее жизнеспособности.

На этом новом пути мы подходим и к новому критерию — свойства факторов должны быть оптимальны. А это речь о качестве признаков. То есть как раз о содержании сущности, ибо содержание множественно, многомерно, детально, красочно и более жизненно, чем формальное фиксирование сущностных признаков в их, желательно, самых больших количественных проявлениях. Сущностные признаки принадлежат смысловому пространству ФОРМЫ, качественные признаки и свойства принадлежат смысловому пространству СОДЕРЖАНИЯ. Наилучший путь максимизации жизнеспособности сущности — это гармония сущностных признаков и качественных свойств, единство формы и содержания в смысле их оптимального соотношения, максимизирующего жизнеспособность сущности. Здесь важна опора на общеизвестный философский принцип единства формы и содержания.

Таким образом, мы получаем два важных для существования (бытийности) пространства описания и поиска оптимумов сущности. Причем они независимы друг от друга, что дает методологическую возможность сопоставления, корреляций, как способа нахождения оптимальных характеристик сущности.

Итак, форма и содержание. Для формы характерно состояние — просто «быть». Просто факт — «быть». И этот факт требует максимальной (в пределе — парадоксально бесконечной) количественной меры сущностного признака. Для содержания характерно состояние качества бытия — «каким именно быть». Качество здесь как категория возникает в связи с тем, что содержание — это суть множество признаков, свойств, характеристик, состояний. Каждое из них измеримо, имеет свою количественную меру, но, в отличие от формального логико-философского требования к количественной мере сущностного признака как формы, в случае содержательных признаков их количественная мера не стремится к бесконечности, а оптимизируется по критерию (функции цели) максимизации жизнеспособности сущности.

Просто **быть** — это абсолютное количество, быть максимально жизнеспособным — это быть **каким** — т. е. иметь оптимизированное количество каждого из множества признаков сущности, но уже не сущностных (необходимых для существования формы), а содержательных, необходимых для задания качеств сущности как ее жизнеутворяющих свойств.

Здесь становится видно, что от того, «каким быть», зависит и ответ на вопрос: а сумеет ли «быть» данная сущность?

Что первично: форма или содержание? Исходя из формальной логики, форма первична, поскольку если нет формы, то нет и бытия. И нет оснований говорить о каком-либо содержании. И наоборот, если форма есть, но содержание какое-то **никакое**, то сам факт существования от этого не исчезает. Возникает только подозрение, что состояние «быть» может быстро прекратиться, поскольку способность быть (зависящая от содержания, от качества, от вопроса, каким именно быть), определяемая «никаким», непригодным содержанием, конечно, тоже низкая. Поэтому последовательность поиска очевидна — от формы к содержанию, и поэтому ограничиться только формой не удастся. Связка вопросов неразрывна: один только факт существования («быть» и всё) увязан с более сложным вопросом «каким быть» («зачем быть»).

В применении к человеку и человеческому обществу этот вопрос относится к самым основополагающим. И он особенен, как выше было анонсировано. Для неживой природы и живой, но неоразумленной (на языке атеиста), неодушевленной (на языке верующего) смысл существования — в самом существовании, и это естественно вытекает из вышеприведенных рассуждений о сущности.

Но зададим вопрос, обращенный к одушевленному адресату. В чем смысл жизни? Моей? Моего народа? Моей страны? Человечества? Если применительно, скажем, к горе, реке, муравейнику, оленю, собаке, вирусу, бактерии — ответ «просто быть» вполне удовлетворителен, он объясняет их способность к самовосстановлению, размножению, защитным реакциям, то относительно человека такой простой ответ не проходит, чего-то не хватает.

Действительно, если человек в силу болезни или иного несчастья стал «овощем», то представляет ли он собой человека как сущность? Для обезьяны такая ситуация интерпретируется проще: обезьяна во всех состояниях обезьяна. Для сообщества муравьев или пчел такая ситуация интерпретируется проще: в любых состояниях они муравьи и пчелы.

Для человека же и человеческого сообщества подобный подход не годится. **Сущность человека** заключается в том, что он не является предметом неживой и неодушевленной природы, для которой ответ «просто быть» удовлетворителен. Сущность человека сосредоточена, наверное, больше не в форме, а в содержании, и это является уникальным и единственным в природе примером. Этот вывод очевидно переносится и на сообщество людей.

Основной сущностный признак человека — это быть *человеком*.

То есть быть существом одушевленным (в религиозном смысле души), оразумленным (для атеиста). «Овощ» без способности мыслить — не человек. Однако человек парализованный, но способный мыслить, что, например, фиксируется по его биотокам мозга, способный переживать и передавать по проводам с датчиков эти сигналы другим людям — это человек. Человек отличителен в своей социальности, но не только в смысле кооперативной самоорганизации, как муравьи или пчелы. Человек социален потому, что он сопереживает, потому что он живет для других в глубоком смысле этого слова, жертвенен (не только, например, жертвуя своим телом — протеинами, как погибающий самец-паук для укрепления самки в целях продолжения рода). Потому, что есть такие свойства, как жалость, совесть, добро и все то, что именно для человека является уникальным. Найти их для неодушевленного адресата не представляется возможным.

Жить негодяем и свиньей — это действительно «быть». Жить по законам социал-дарвинизма, если говорить о сообществе, это действительно «быть». Однако авторы полагают аксиоматическим утверждение, что в мегаисторическом смысле человеку **таким** жить — это значит не быть максимально жизнеспособным. Для верующего человека это выясняется быстро — на божьем суде после его физической кончины. Для атеиста логика подсказывает, что рано или поздно такие жизненные принципы и поведение станут наказуемыми со стороны общества. На рис. В.3.1 можно увидеть некую шкалу очеловеченности и соответствующую зависимость жизнеспособности сущности по имени *человек*.

Образно говоря, если человек живет как негодяй и свинья, то от этого очень страдает его жизнеспособность как сущности. Как человека. Конечно, любой критик тут же скажет: ну и что? а кому лучше-то живется? К примеру, взяточнику или честному труженику, пытающемуся выжить на зарплату? Ответ очевиден: если под жизнью понимать существование животного типа, то, конечно, негодяю. Но при чем тут человек?

В.3. Центральная методология исследования

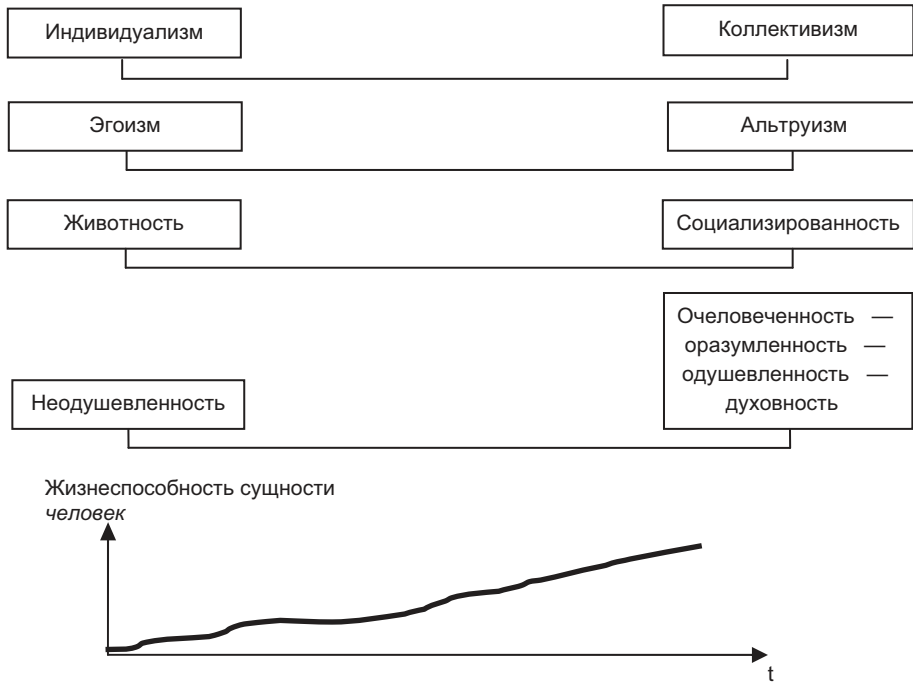

Рис. В.3.1. Шкала количественных мер множества содержательных признаков, максимизирующих жизнеспособность сущности *человек* и исторический сущностный прогресс

Самое глубинное проникновение в этот вопрос, конечно, дает религия, потому что она выносит вопрос о качестве жизни человека в иное пространство суждения — на божью оценку. В брэнном мире тоже есть способ воспроизведения такого суда — это нравственность, совесть как мерило, чья жизнь лучше.

«Каким жить», что почти тождественно «зачем жить», в чем смысл жизни человека — практически становится параметром оптимизации факторов или максимизации жизнеспособности сущности, сохранение которой во времени для нас является необходимым.

Если для человека-индивидуума этот вопрос более-менее понятен, то для человеческого сообщества и страны в целом вопрос становится не очень прозрачным. Может ли быть цель существования, отличная от самого существования, у страны? Достаточно ли, разыскивая национальную идею для страны, ограничиться только ее устремлением «быть»? Вероятно, также уместно спросить: а каким быть государству, стране? Может быть, и в этом случае «какой быть» является для страны фактором ее жизнеспособности? Здесь форма и содержание, конечно, более разведены, но связь все равно существует. От того, какая страна, какие кондиции, состояния, качества

и характеристики для самой себя она преследует в своем государственном управлении, общественном устремлении и развитии, зависит, насколько она будет жизнеспособной.

В чем смысл бытия страны? Грабить соседей, быть эгоцентричной? Быть расслоенной на благоденствующее меньшинство и отверженных — большинство, к которому относятся как к быдлу? Вероятно, как одушевленность для человека, так и некоторые свойства страны также могут делать ее более или, напротив, менее жизнеспособной. Что это за свойства? Кажется, что они должны быть проекциями и производными от человеческих качеств. Качества социализированности. Совестьливости, благородства, милосердия. Страна, так же как и человек, может быть более очеловеченной или более оживотленной (приносим извинения за необычный термин). Может увлекаться индивидуализмом или коллективизмом (социальностью). Может ориентироваться на потребление (животное начало) или на духовный рост и восхождение человека и сообщества в такой стране именно к состоянию человека каждым индивидуумом и всем вместе. В общем, как человек делает свой выбор в шкале от животного до человеческого состояния (одушевленного), так и страна может быть более или менее очеловеченной. Верующие сказали бы, что более близкой к Богу или более далекой от него.

Получается, что найдя рецепт жизнеспособности страны, мы не можем уйти от необходимости выразить его на языке смыслов жизни человека и его сообщества — страны. А поскольку люди мыслят не всегда цифрами или формальными логиками, то они должны не только понимать, но и чувствовать, почему нужно действовать так, а не иначе.

Иными словами, национальная идея должна ответить в том числе и на общечеловеческим языке: в чем смысл жизни моей страны? В чем ее назначение, миссия, более высокая, чем просто существование? Еще раз подчеркнем, что все эти рассуждения не дань интеллигентскому томлению, а достаточно жесткая управленческая методология, открывающая путь к определению ответственных и оптимальных государственно-управленческих практик.

В разложении факторного (содержательного) причинно-следственного дерева жизнеспособности страны на верхнем уровне, следующем за уровнем собственно страны как формы, уровне сущностных признаков, для описанной интерпретации национальной идеи нет места. Там есть формальное утверждение о том, есть ли сущностный признак или нет, и чем он масштабнее выражен, тем он надежнее фиксируется. Однако при дальнейшем иерархическом разложении факторов, определяющих уже содержание, появляются такие вещи, как качество народа, граждан страны, которые, во-первых, реализуют большинство факторов (кроме, может быть, сугубо природно-климатических и внешнесредовых) и, во-вторых, подвержены воздействиям в ходе государственного управления. В настоящей работе

в конце концов получается именно рецепт государственного управления, максимизирующего жизнеспособность страны.

Говоря о гражданах, мы ведем речь и об элите. Так вот, от состояния всех этих людей, их мотивированности, их энергетичности, их ценностных установок, их убежденности, их человеческих качеств, той самой очеловеченности, одушевленности и социализированности (социальности) зависит работоспособность национальной идеи. Будет ли она эффективной, работающей или останется формальным призывом, вроде неработающей и неадекватной сегодняшней Конституции. В факторном содержательном разложении поэтому и появляются такие факторы, как пассионарность народа (как готовность и решимость народа к свершениям), гуманитарные показатели, связанные с пропагандой, воспитанием, культурой, здоровьем народа (в том числе духовным), как нравственность, верность заветам предков, цивилизационная идентичность, гордость за свою Родину и множество других, странных с точки зрения материальной, но естественных с позиций одушевленности человека факторов.

Поэтому главное, что именно на уровне мотивации большинства и элиты народа национальная идея должна быть сформулирована еще и в форме лозунга, наиболее сжато и эмоционально, выражена как концентрат всех вычисленных оптимальных факторов, максимизирующих жизнеспособность страны.

Сравним две формулировки. Первая: «Добьемся оптимальности факторов, ответственных за жизнеспособность нашей страны!». Можно ли выходить с такой формулировкой, что называется, на люди, не рискуя распугать их?

И вторая, например такая (на локальном примере): «Отечество в опасности. Все на защиту Москвы!». Привести пример всеобщей энергетично-эмоциональной формулировки национальной идеи непросто, поскольку это должна быть удивительная формулировка, вечная формулировка, отражающая всю суть русской истории, особенностей русской ментальности и цивилизации, специфики страны, смысла существования и человека, и самой России, трансцендентной «назначенности» России. Формализованное, вычисляемое значение ансамбля факторов жизнеспособности совершенно необходимо для формирования содержания государственного управления, составления программы развития страны, для ее адекватной и животворящей конституции, но не для выхода на люди, не для психологически эмоционального привития российским гражданам их национальной идеи. При этом, не понимая природы обеспечения жизнеспособности России, всего набора определяющих ее жизнеспособность факторов, выйти на точное образное и эмоциональное лозунговое отображение национальной идеи тоже вряд ли возможно.

Подчеркнем еще раз, что искомая формула должна быть в итоге и математически точной, строгой и достоверной с позиции призыва к действию, повышающему и гарантирующему жизнеспособность России, и эмоцио-

нально привлекательной, понятной, психологически напряженной и притягивающей, мотивирующей каждого гражданина страны — от простого человека до академика, генерала и президента. От малыша в детском садике и подростка в школе до глубокого старца, стремящегося нести пользу своей стране и на финишном отрезке своей жизни. Поэтому понятно, что сформулировать таким доходчивым образом, но столь информационно и «управленчески-технологически» нагруженную вербальную формулу совершенно непросто.

Проведенный Центром проблемного анализа в 2009 г. всероссийский конкурс по поиску лозунгового выражения национальной идеи выявил множество (около 200) версий-попыток. Первые рейтинговые места в нем заняли следующие лозунги :

- Помня прошлое, создаем настоящее с мыслью о будущем.
- Сила — в единстве, успех — в труде, победа — в бесстрашии.
- Восток и Запад объединяя!
- Священное прошлое, ответственное настоящее, великое будущее.
- Закон. Справедливость. Процветание.
- Целостность, Стабильность, Развитие.
- Единство всех для благополучия каждого.
- Россия, вперед!
- Своей дорогой, но по пути со всеми!
- Сила, свобода, правда и честь.
- Будущее зависит от каждого из нас!
- Верим в себя. Отвечаем за Родину!
- Не в силе Бог, а в правде!
- Великая страна — великие перспективы.
- Свободная Россия — надежда мира.
- В многообразии — наше единство.
- Будем достойны достойного будущего!
- Россия: гармония через созидание!
- Вера. Надежда. Любовь.
- Мы разные. Но вместе мы можем все!
- Россия — это Мы!
- Одна жизнь, одна Отчизна.
- Счастье людей, Величие страны.
- Державность. Соборность. Отечество.
- Россия. Спаси и сохрани.
- Могущество — в единстве, единство — в вере.
- Русские не сдаются!
- России — быть, народу — жить! Страну и веру нам крепить!
- Наше дело правое, Победа будет за нами!
- Вместе мы — сила!

Особенно важна подобная формула-лозунг для российской ментальности. Есть такое ощущение, что миссия России — спасти мир. Своим жертвенным опытом, своим призывом, своим противопоставлением высокого низкому, духовного — материальному, социального — индивидуально-эгоистическому, восходящего — потребительскому, очеловеченного — животному. Западный мир сваливается в потребительство, отходит от естественно-человеческого к извращению, к эксплуатации самых низменных инстинктов, доходящую до «оскотинивания». Спасти мир от «оскотинивания» выглядит как существенная задача.

Для верующего это означает, что российская миссия — привести себя, человека, мир к Богу, к его заповедям: каким быть, зачем быть, к чему стремиться. К образу и подобию. Для атеиста это означает сохранить человечество очеловеченным.

Но вернемся к общей методологии нахождения оптимизирующих жизнеспособность сущности параметров и состояний (факторов) и управленческих способов их достижения.

Характеристика НАЛИЧИЯ сущностных признаков может быть вычислена, как коэффициент жизнеспособности, через упоминаемую выше количественную меру сущностных признаков. Сущность наличествует только тогда, когда все ее сущностные признаки имеют место. Это означает логическую конъюнкцию, которая математически выражается произведением количественных мер сущностных признаков. Возникает вопрос: произведением чего? Выше уже говорилось, что чем масштабнее, попросту — больше значение количественной характеристики, фиксируя которую мы получаем право заявить, что сущностный признак имеет место, тем более надежно это заявление. Здесь возникает некоторая трудность в виде выхода за рамки реальности. Действительно, бесконечно большой количественно народ на территории делает ее нежизнеспособной, что развил в своей теории еще Мальтус. Бесконечная по размеру территория также не может быть сильной конкретной стране. Парадокс разрешается тем, что в реальности история все равно оптимизирует показатели страны.

Но методологический ключ подхода заключается в том, что мы разделяем вопрос существования формы, с одной стороны, и наполнения оптимизирующего жизнеспособность содержания — с другой. Требование одновременного существования (достижения) того и другого порождает возможность соотнесения двух независимых замеров (формы и содержания) и коррелирования их в истории, пользуясь динамическими временными рядами соответствующих количественных характеристик. Максимальна жизнеспособность тогда, когда форма и содержание соответствуют друг другу наиболее гармоничным образом (рис. В.3.2).

Как указанный общий подход воплощается в случае сущности — страны, жизнеспособность которой мы хотели бы сделать максимальной? Как

от логико-философского построения перейти к методологии определения конкретных значений факторов жизнеспособности, а затем к рецептам государственного управления?

У страны как сущности есть только три сущностных признака: территория, народонаселение и единое государственное управление (рис. В.3.3).

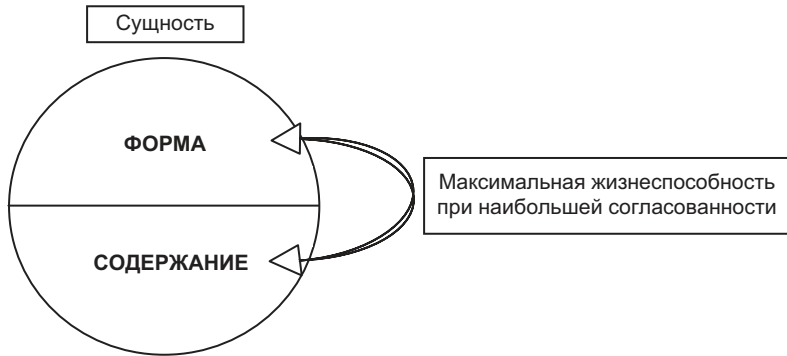

Рис. В.3.2. Если содержание увязано с требованием существования формы, то жизнеспособность сущности становится максимальной

Рис. В.3.3. Форма и содержание страны и переход к продуцированию рекомендации для государственного управления. КЖС — коэффициент жизнеспособности страны

Вопрос о существовании этих сущностных признаков определяется наличием их количественной меры. Повторим, что чем более она выражена, тем более явно, что признак существует. В случае страны, как уже отмечалось, признаков три: территория, народонаселение и единое государственное управление. Почему только три признака? Во-первых, их должно быть необходимое и достаточное количество. Во-вторых, они должны быть независимы друг от друга.

Действительно, если нет территории — можно ли говорить о стране? — Нет.

Если нет на этой территории народа, можно ли говорить о стране? — Нет.

Если на территории с людьми нет единой надстройки, государственного управления — можно ли говорить о стране? — Нет.

С другой стороны, что бы еще ни предложить в качестве сущностного признака, всегда окажется, что это касается не формы, а содержания, относится не к сущностному признаку, а к содержательным признакам — характеристикам.

Иными словами, для существования страны как формы, не входя в качество этой формы, необходимо и достаточно только три признака: территория, народонаселение и единое государственное управление. Возможно переложить это утверждение на язык логики и количественной характеристики, вводя количественное понятие коэффициента жизнеспособности страны. Эта характеристика показывает степень выраженности бытийности. Очень грубо говоря, «быть» можно много или «быть» можно очень мало. Если «быть» очень мало, то сущность существует на грани способности существовать и может, переходя за эту грань, исчезнуть.

Например, если население страны будет выкошено чумой, то страна как сущность исчезнет. Или если враги захватят всю территорию, то страна исчезнет. Или если государственное управление бесконечно беспомощно, то страна также исчезнет. Таким образом, каждый сущностный признак страны должен характеризоваться количественной мерой, и чем больше этот показатель, тем более выражено существование данного сущностного признака. Так, чем больше территория страны (измеряемая, например, в квадратных километрах), хоть до площади всего земного шара, тем более уверенно мы можем говорить о существовании страны как формы. То же самое касается численности населения на территории и эффективности (качества) единого государственного управления.

В случае государственного управления возникает напряжение с терминологией. Качество государственного управления, на первый взгляд, вроде бы должно относиться к этажу не формы, но содержания. Но зададим вопрос: что есть количественная мера государственного управления? Что-то типа количества государственного управления. Чем измерить — много или мало

управления? Вспоминается дискуссия с либералом, который утверждает, что государства в экономике должно быть как можно меньше. Что понимается под словом «государство» в этом примере? Речь идет, конечно, о каких-то количественных мерах, характеризующих наличие государственного управления. Это может быть эффективность государственного управления как результативность его по поставленным целям. Это может быть относительная доля реализованной эффективности государственного управления по отношению к теоретически возможной эффективности на тот момент исторического времени. Ясно, что современное государственное управление эффективнее, чем в Средние века, так как развиты информационные связи, иные способы коммуникации, насилия с целью принуждения и т. п.

В настоящей работе была выбрана количественная мера государственного управления, названная качеством государственного управления, которая увязана с эффективностью государственного управления как эффективностью реализации заявленных публично целей развития. Ниже методика ее экспертной оцифровки приведена достаточно подробно.

В этом случае коэффициент жизнеспособности страны КЖС вычисляется как конъюнкция количественных показателей сущностных признаков.

$$\text{КЖС} = (\text{показатель признака № 1}) \times (\text{показатель признака № 2}) \times (\text{показатель признака № 3})$$

Произведение характеристик признаков отвечает идее о конъюнкции сущностных признаков в определении самого вопроса о существовании страны в данном случае.

Конечно, хочется посопротивляться кажущейся абсурдности утверждения, что страна с бесконечно большой численностью населения — самая жизнеспособная. И это действительно абсурдно, если не принимать во внимание, что жизнеспособность как факт бытийности, как факт существования только формы — это одно, а жизнеспособность как способность обеспечивать бытийность (содержание) во времени — это другое. Другое и в части оптимизации состояний и характеристик тех факторов, от которых зависит бытийность данной сущности. Например, очевидно, что если страна не способна оборонять территорию, то она ее может лишиться и исчезнуть как страна. Но если страна будет тратить непомерные средства на оборону, то она подорвет свой экономический и человеческий потенциал и произойдет то же самое. Принципиально возникают задачи управления класса *оптимизационных* задач, из которых, собственно, и выводятся рекомендации для государственного управления.

Если люди в стране будут больные и вымрут, то страна исчезнет. Если государственное управление будет безграмотным и некачественным, то судьба страны также будет под вопросом. Поэтому количественные меры оптимальных (а не бесконечных) состояний содержательных признаков

(в отличие от сущностных), от которых зависит жизнеспособность страны, определяются на уровне характеристик содержания формы, представляющего собой пирамидальное разложение факторов, от которых зависит состояние территории, народонаселения и управления. Причем, поскольку мы ввели показатель жизнеспособности в виде конъюнкции признаков, возникает возможность оптимизировать частные характеристики множеств состояний факторов, от которых зависит факт существования страны.

На рис. В.3.3 видно, что для существования формы сущности должен быть достаточно высок КЖС. Для того же, чтобы он был высок, многие факторы, влияющие на надежность существования каждого признака, должны быть вполне определенными, оптимальными.

Как определить их оптимальные значения? Значения факторов, как показано выше, должны коррелировать с КЖС. Если есть исторические кривые для КЖС и для соответствующего фактора (временные ряды), то их связь можно установить путем корреляционного и регрессионного анализа. А кроме того, определить, при каком оптимальном значении данного фактора КЖС максимален.

Получается, что требование соответствия формы и содержания сущности, при наличии определенной истории ее существования, позволяет вычислить оптимальные значения параметров факторов, отвечающих за ее существование. Оптимальные значения факторов — есть функции цели для практического государственного управления в случае сущности — страны.

Еще раз повторим, что руководят и исполняют, трудятся — люди. От их понимания, согласия, энергии, огонька в душе зависит, как эффективно будет реализовываться управленческий импульс, двигающий массами. То есть у человека, от самого обычного до президента страны, должен быть огонек в душе, должна быть такая формула национальной идеи, которая ему понятна без формул и цифр, которая пронизывает все информационное пространство жизни данного социума. Которую младенец начинает слышать, как только что-то начинает понимать, а уходящий в мир иной завещает своим потомкам.

Мы приходим к пониманию, что национальная идея имеет два воплощения: строгое, технократизированное управленческое и, с другой стороны, чувственно-понятийное, которое близко и понятно не только дипломированным и выдающимся управленцам, но любому члену общества. Всему обществу в целом. Такая формулировка скорее всего должна звучать как лозунг, как призыв, как заповедь. В отличие от формализованного результата решения оптимизационных задач. Вместе с тем ясно, что смысл жизни человека и смысл жизни его страны без грамотного, достоверного и оптимизированного управления могут быть легко извращены, растоптаны, погублены внешней средой, врагом, случайностью, неспособными управленцами и т. п.

Таким образом, последовательность поиска оптимальных параметров факторов в управлении страной включает в себя вычисление коэффициента жизнеспособности страны и затем — корреляционно-регрессионного установления: какие факторы за него ответственны и каково их наилучшее значение.

Коэффициент жизнеспособности страны

В соответствии с изложенным подходом три основных сущностных признака страны — это территория, народонаселение и государственное управление. Коэффициент жизнеспособности страны (КЖС) можно вычислить как произведение показателей, характеризующих эти три признака. Для вычисления коэффициента жизнеспособности страны необходимо следующее.

1. Выбрать величины, которые могут служить показателями сущностных признаков страны.

2. По статистическим данным или с помощью экспертной оценки вычислить значения показателей на максимальную историческую глубину, приводя показатели к одной сопоставимой шкале (выбрана шкала 0...100 отн.ед.).

3. Найти коэффициент жизнеспособности как произведение трех показателей.

Для проверки и повышения надежности вычисленного КЖС был применен метод дублирующего независимого определения несвязанными способами вычисленного (по трем показателям, только один из которых, а именно — качество государственного управления, определялся в экспертной оценке) коэффициента с коэффициентом, который был определен путем интегративной экспертной оценки (рис. В.3.4). Группа экспертов (15 человек) давала оценку КЖС, используя его качественное определение, данное выше. Предполагалось, что при значении КЖС = 0 страна исчезает, как нежизнеспособная. Шкала оценки составляла (0...100) относительных единиц.

Вычисление коэффициента жизнеспособности как произведения трех показателей сущностных признаков (территории, народонаселения и качества государственного управления) проводилось с использованием следующих количественных мер показателей.

1. Для территории.

В качестве количественного показателя $K_{мерп}$ принимается площадь территории. Значения площади страны S нормированы на исторический максимум и приведены к шкале 0...100 по формуле (1). Значения показателя приведены на рис. В.3.5.

$$K_{мерп} = \frac{S}{S_{max}} \cdot 100 \quad (1)$$

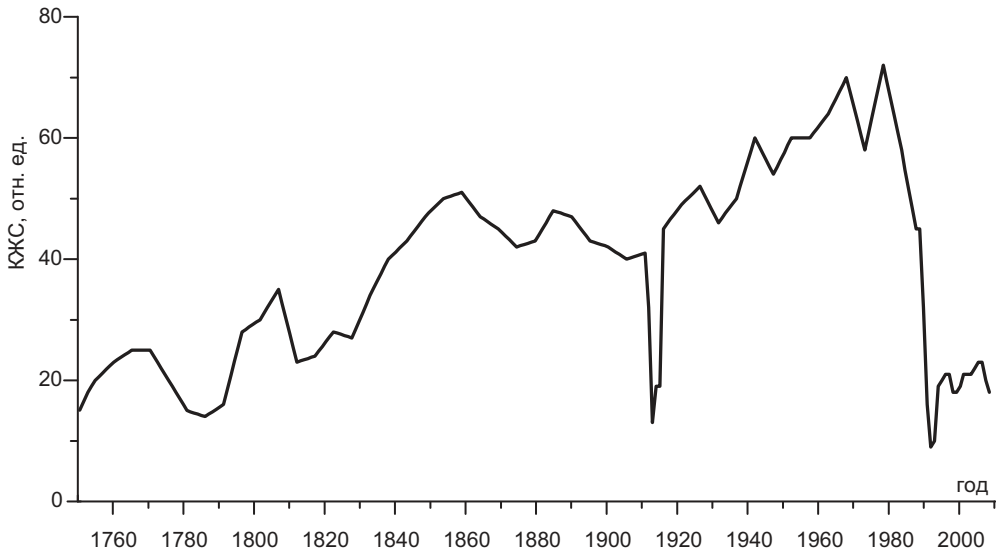

Рис. В.3.4. Коэффициент жизнеспособности России, определенный методом интегративной экспертной оценки. Среднеквадратический разброс оценки $\pm 8,5\%$

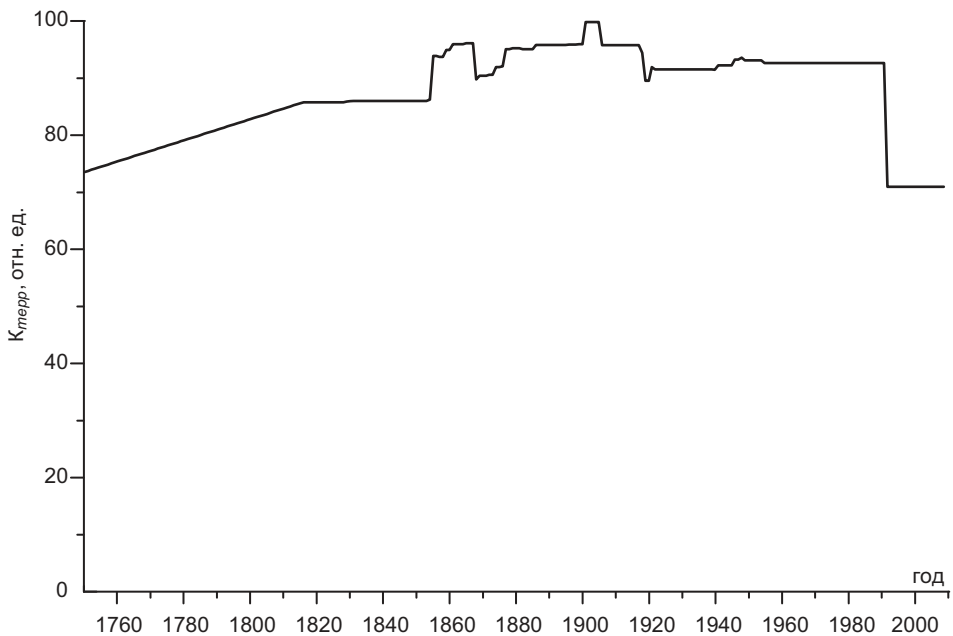

Рис. В.3.5. Показатель K_{terr}

2. Для народонаселения.

а) Количественный показатель $K_{нас}$ может быть выбран в виде численности населения. При этом представляется правильным нормировать этот показатель на численность мирового населения, чтобы корректнее проводить сравнения в исторической перспективе, поскольку просто население в истории растет за счет естественного приращения, а не вследствие высокой жизнеспособности страны.

Для определения показателя $K_{нас}$ вычислена доля населения России в мировом населении, эта величина нормирована на исторический максимум и приведена к шкале 0 ... 100 по формуле (2). Значения показателя приведены на рис. В.3.6.

$$K_{нас} = \frac{N_{Рос}/N_{мир}}{(N_{Рос}/N_{мир})_{max}} \cdot 100 \quad (2)$$

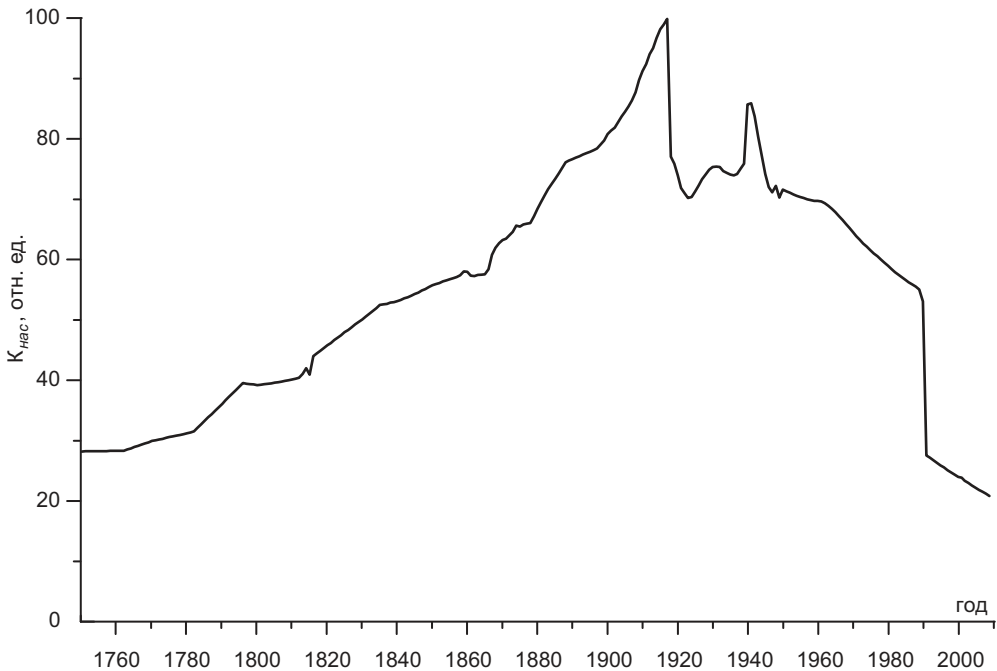

Рис. В. 3.6. Исторический ход доли населения России в мировом населении

б) Количественный показатель $K_{нас}$ может быть выбран в виде коэффициента витальности¹ как производной от численности населения, поскольку она также характеризует жизнеспособность страны — способность на-

¹ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.

родосбережения и приращения. Производная от численности населения, нормированная на значения численности, обобщенно отражает демографические процессы в стране. Производная от численности населения вычислена по формуле (3):

$$\left(\frac{dN}{dt}\right)_t \approx \frac{1}{2} \left(\frac{N_t - N_{t-1}}{\delta t} + \frac{N_{t+1} - N_t}{\delta t} \right) = \frac{N_{t+1} - N_{t-1}}{2\delta t}, \quad (3)$$

где N_t — численность населения в год t , δt — 1 год.

В моменты 1917–1918 гг., 1939–1940 гг., 1991–1992 гг., когда изменение численности населения было связано с приобретением или потерей территорий, а не с демографическими процессами, значения производной должны быть заменены на линейную интерполяцию значений соседних лет.

Логарифмическая производная $y = \frac{1}{N} \frac{dN}{dt}$ вычислена путем деления производной на численность населения в соответствующем году. Значения производной в период 1939–1949 гг. изображены на рис. В.3.7 пунктирной линией, поскольку изменение численности населения тогда было связано с военными потерями, т. е. определялось внешним воздействием на страну,

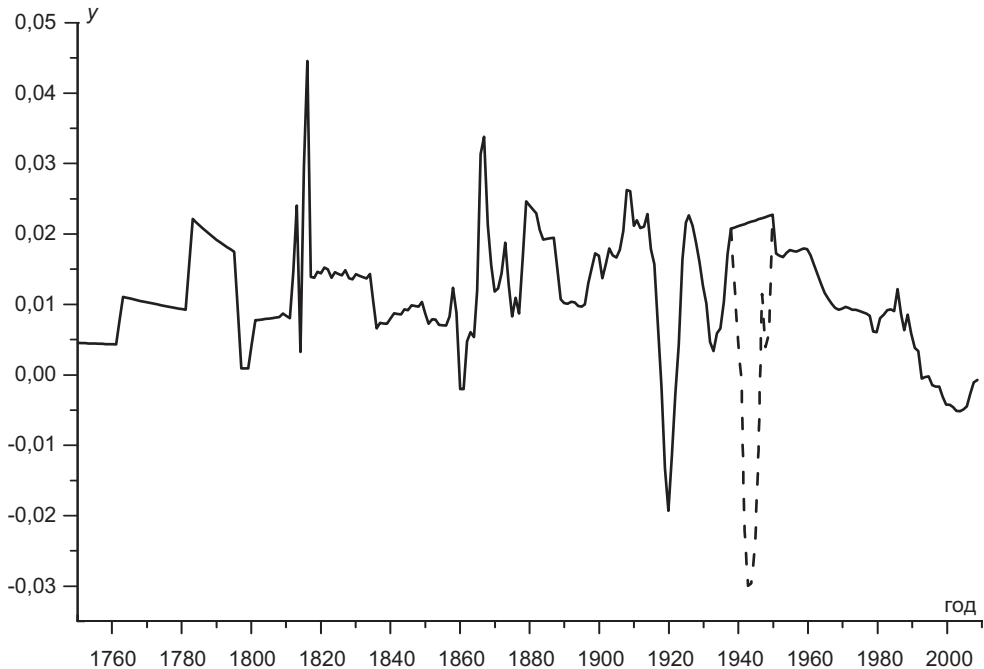

Рис. В.3.7. Значения логарифмической производной численности населения России

а не ее имманентными характеристиками. В связи с этим значения логарифмической производной заменены на линейную интерполяцию между 1938 г. и 1950 г.

Значения логарифмической производной переводятся в шкалу 0 ... 100 с помощью линейного преобразования (4). При этом максимальному значению y ставится в соответствие значение 100, а минимальному — $K_{нас}^{\min}$.

$$K_{нас} = K_{нас}^{\min} + (100 - K_{нас}^{\min}) \cdot \frac{y - y^{\min}}{y^{\max} - y^{\min}} \quad (4)$$

Выбор подстроечного значения $K_{нас}^{\min}$ будет определять относительный масштаб изменения показателя $K_{нас}$ и, следовательно, степень его влияния на итоговый расчетный коэффициент жизнеспособности. Для выбора значения $K_{нас}^{\min}$ была исследована зависимость коэффициента корреляции вычисленного по трем параметрам КЖС, и КЖС, независимо интегративно оцененного экспертами и приведенного на рис. В. 3.4. Коэффициент корреляции принимает наибольшие значения при $K_{нас}^{\min} > 40$ (рис. В.3.8). Соответственно, значение 40 было принято для дальнейших вычислений.

Значения показателя $K_{нас}$, вычисленные по двум описанным методам, приведены на рис. В.3.9.

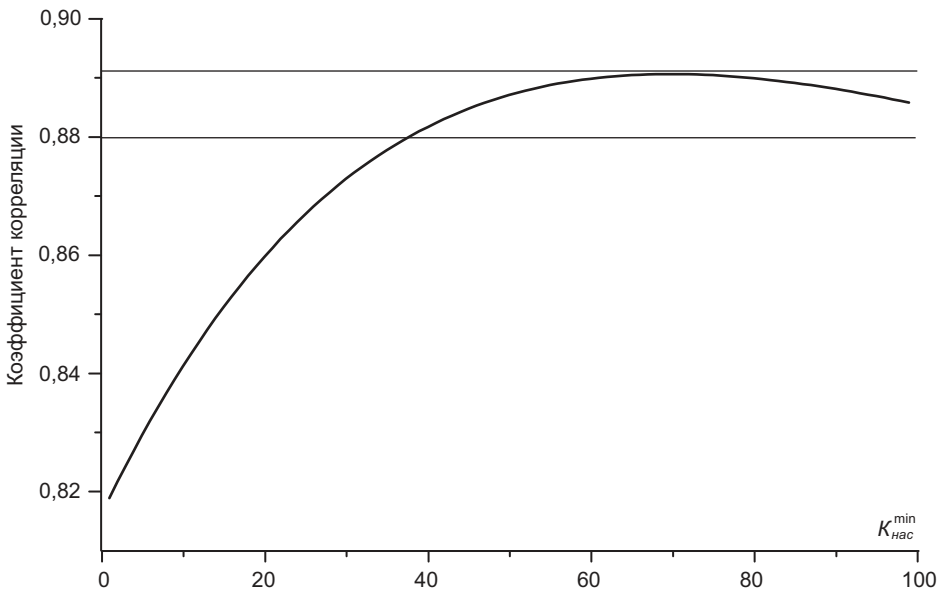

Рис. В. 3.8. Коэффициент корреляции независимо определенного КЖС и КЖС, вычисленного по формуле $K_{z/y} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас}$, при различных значениях $K_{нас}^{\min}$.

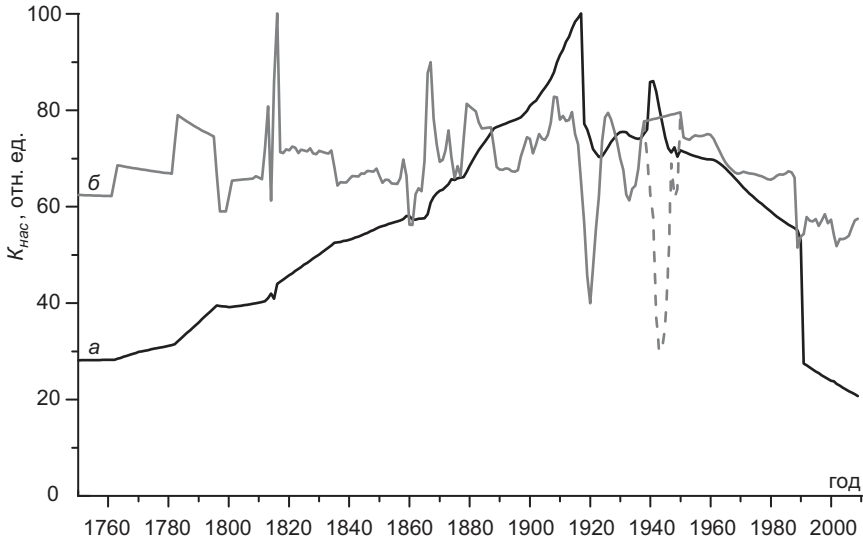

Рис. В. 3.9. Показатель $K_{нас}$, вычисленный по двум методам: *а* — как доля мирового населения, *б* — как производная от численности населения

3. Для качества государственного управления.

Численные значения качества государственного управления $K_{г/у}$ получены методом экспертной оценки. Оценку проводили с частотой один раз в пять лет. В промежуточных точках значения получены методом линейной интерполяции (рис. В. 3.10). Далее будет дано подробное описание процедуры.

Рис. В.3.10. Показатель качества государственного управления $K_{г/у}$

Вычисление коэффициента жизнеспособности

1. Для случая представления признака населения через численность населения как доли мирового населения расчетный результат показан на рис. В. 3.11. $KЖС = K_{з/у} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас}$ (а) — сплошная линия, КЖС из интегративной экспертной оценки — пунктирная линия.

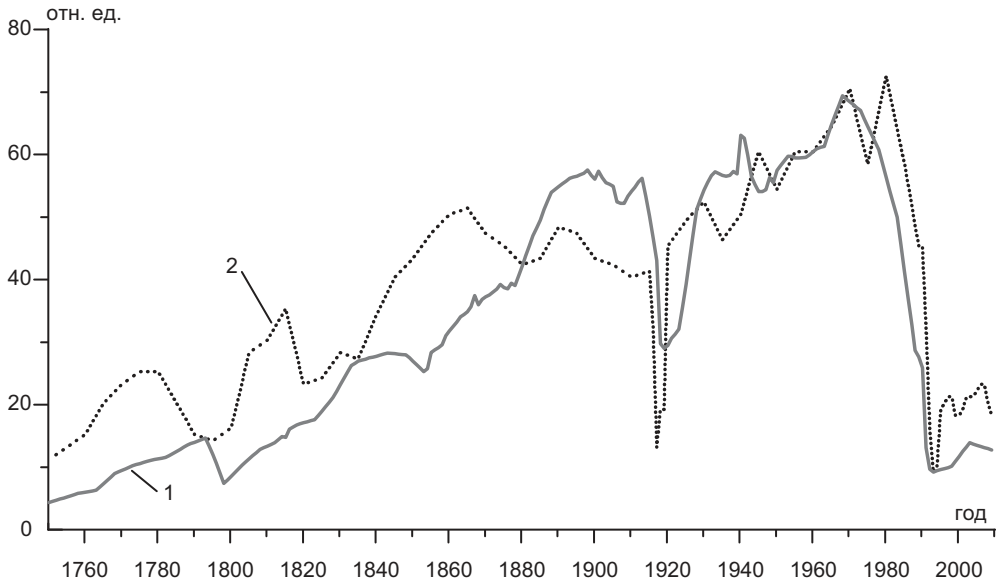

Рис. В.3.11. КЖС вычисленный (1) и независимо интегративно оцененный экспертно (2) (население как доля мирового)

2. В случае, когда население охарактеризовано его производной, результат приведен на рис. В.3.12. Представляет интерес оценить «вклад» отдельных существенных признаков и их комбинаций в КЖС. Для этого были вычислены коэффициенты корреляции КЖС и его компонент и их комбинаций.

Результаты вычисления коэффициентов корреляции независимо интегративно определенного КЖС (рис. В. 3.4) и комбинаций, использованных при вычислении по формуле $KЖС = K_{з/у} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас}$, представлены в табл. В.3.1.

Наибольшую степень корреляции с коэффициентом жизнеспособности имеет качество государственного управления. Характерные особенности кривой качества государственного управления оказывают наибольшее влияние на вид рассчитанной кривой КЖС.

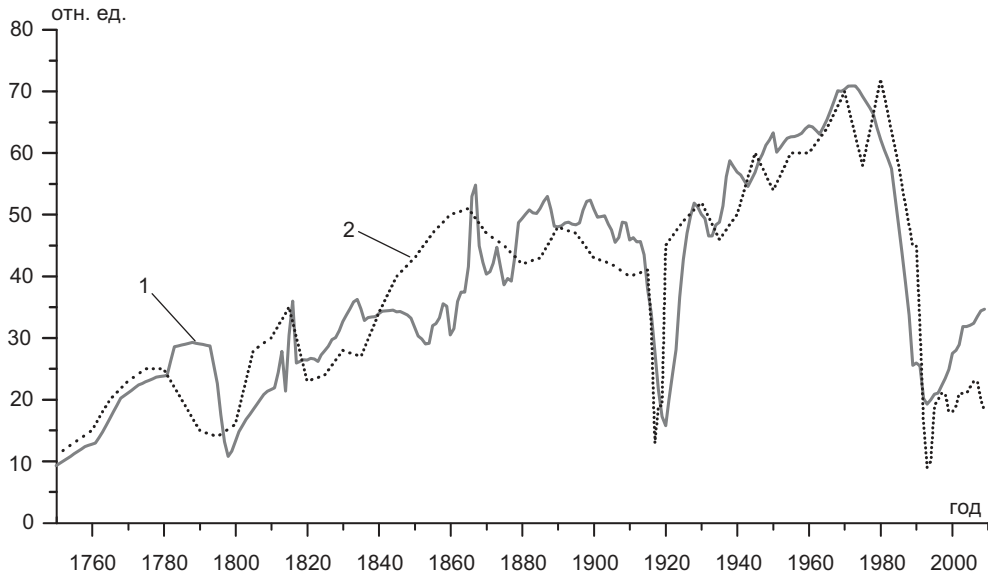

Рис. В. 3.12. КЖС, вычисленный (1) и независимо интегративно оцененный экспертно (2) (население как производная его численности)

Таблица В.3.1

Корреляция комбинаций существенных признаков с КЖС

Показатель (комбинация) существенных признаков	Коэффициент корреляции с КЖС
$K_{терр} (a)^*$	0,784
$K_{нас} (б)$	0,709
$K_{нас}$	0,270
$K_{z/y}$	0,814
$K_{z/y} \cdot K_{терр}$	0,886
$K_{z/y} \cdot K_{нас} (a)$	0,884
$K_{z/y} \cdot K_{нас} (б)$	0,842
$K_{z/y} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас} (a)$	0,881
$K_{z/y} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас} (б)$	0,882

* а и б — варианты учета признака населения

Значения КЖС, рассчитанные по формулам $KЖС = K_{z/y} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас}$ (а) и $KЖС = K_{z/y} \cdot K_{терр} \cdot K_{нас}$ (б), имеют довольно высокую и практически одинаковую степень корреляции с независимо интегративно определенным коэффициентом жизнеспособности. Как видно из сравнения рис. В.3.11 и рис. В.3.12, метод вычисления (б) дает более тонкую структуру коэффициента жизнеспособности (больше количество особенностей).

Таким образом, итоговый коэффициент жизнеспособности России как страны, используемый в дальнейшей работе, с помощью корреляции с которым можно найти оптимальные значения соответствующих факторов жизнеспособности, имеет вид, показанный на рис. В.3.13.

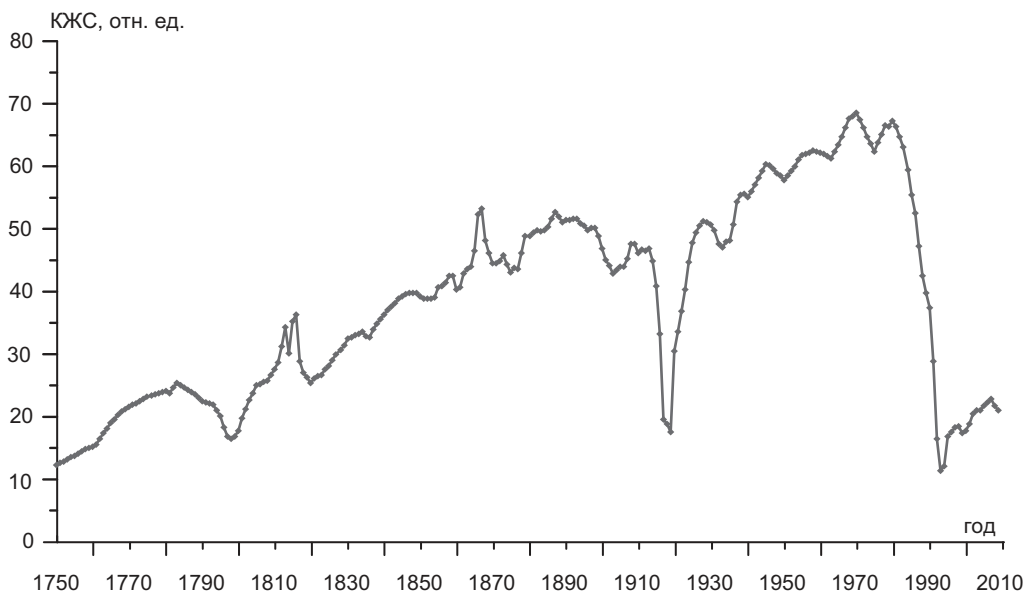

Рис. В.3.13. Усредненный по двум независимо полученным значениям коэффициент жизнеспособности страны

Косвенным критерием достоверности полученного результата является хорошее совпадение кривых КЖС, полученных независимыми способами (рис. В.3.14).

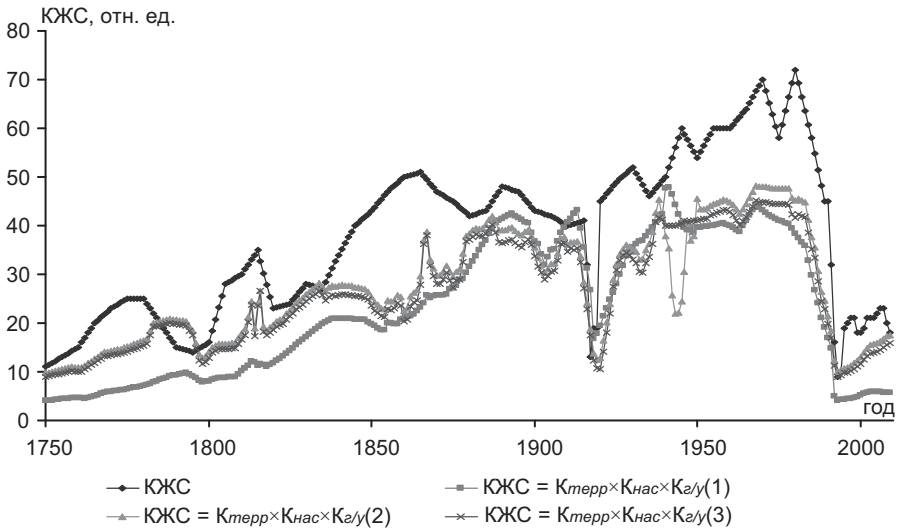

Рис. В.3.14. Хорошая корреляция кривых коэффициента жизнеспособности России, полученных независимыми способами, подтверждает устойчивость и степень достоверности результата

Процедура экспертной оценки и качество государственного управления

Методика осуществления экспертной оцифровки слабоформализуемых исторических показателей была описана Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования в работе². В настоящей работе она использовалась в случаях, когда статистические данные отсутствовали или интересующий параметр было трудно формализовать для применения какого-либо материального измерителя. А компетентное мнение эксперта дает возможность «ввести» количественную меру в шкале от «плохо», полагаемого за ноль, до «хорошо», полагаемого за 10 или 100, что не очень важно. Шкала оценки при этом полагается линейной.

В частности, экспертная оценка использовалась для вычисления коэффициента жизнеспособности как произведения показателей территории, народонаселения (измеряемых непосредственно по данным статистики) и качества государственного управления, как раз и вычисленного по экспертной оценке.

С другой стороны, независимая от первой другая группа экспертов оценивала коэффициент жизнеспособности как интегративную характеристику в це-

² Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография. М.: Научный эксперт, 2007; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М.: Научный эксперт, 2010.

лом, без разложения на показатели территории, народонаселения и качества госуправления. Этой группе экспертов при постановке задачи была объяснена качественная суть жизнеспособности страны. В частности, были предложены две опорные количественные точки на шкале оценки от 0 до 100. 0 — страна нежизнеспособна и распадается (например, в 1917 г. и в 1991 г.) 100 — страна максимально жизнеспособна (идеальная модель). Подчеркнем еще раз, что этой группе экспертов ничего не говорилось ни о качестве госуправления, ни о территории, ни о народонаселении. Речь шла только о конституированности страны в виде ее государственности в широком смысле.

Первой группе экспертов, напротив, ничего не говорилось об оценке территории, народонаселения или некоей жизнеспособности. Речь шла только о качестве государственного управления. Поэтому можно считать, что первый и второй путь получения коэффициента жизнеспособности являются независимыми и разными. Если результат в таком образом методологически организованном исследовательском подходе совпадает, то это является косвенным критерием научной истины. Иными словами, объективности и достоверности полученного результата.

Приведем более подробно результаты оценки качества государственного управления России в ее истории от 1750-х гг. до современности. Иные экспертные оценки делались аналогично.

Экспертам было предложено оценивать эффективность государственного управления в рамках каждой из самостоятельных 42 государственных политик в разных областях управления. Предложенный экспертам перечень государственных политик выглядел следующим образом.

1. Продовольственная политика.
2. Энергетическая и энергосберегающая политика.
3. Промышленная политика.
4. Аграрная политика.
5. Транспортная политика.
6. Политика в сфере жилищного обеспечения.
7. Политика в сфере производительности труда.
8. Правоохранная политика: борьба с преступностью.
9. Правоохранная политика: обеспечение судебного процесса.
10. Политика в сфере развития оборонно-промышленного комплекса.
11. Политика, находящаяся в компетенции служб безопасности.
12. Военная политика.
13. Демографическая политика.
14. Политика в сфере доходов и оплаты труда.
15. Политика в сфере экологии.
16. Политика в сфере бытового обслуживания населения.
17. Пенсионная политика.
18. Политика в сфере здравоохранения.

19. Политика занятости.
20. Политика развития физкультуры и спорта.
21. Политика в рекреационной сфере (реализация права на отдых).
22. Молодежная политика.
23. Политика социальной защиты населения.
24. Политика в сфере культуры.
25. Политика в сфере национальных отношений.
26. Политика взаимоотношений с религиозными институтами.
27. Политика духовного развития народа.
28. Политика в сфере науки и инноваций.
29. Политика в сфере информатизации и связи.
30. Политика в сфере образования.
31. Региональная политика.
32. Государственная кадровая политика.
33. Политика выравнивания социальных диспаритетов.
34. Бюджетная и налоговая политика.
35. Денежно-кредитная и банковская политика.
36. Государственная ценовая политика.
37. Инвестиционная политика.
38. Политика управления государственным долгом.
39. Внешнеэкономическая политика.
40. Международная (дипломатическая) политика.
41. Политика в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.
42. Геополитика.

Оцифровка велась с пятилетним шагом в историческом диапазоне 1750–2009 гг. Шкала оценки была установлена от 0 до 10 относительных линейных единиц.

В эксперименте по оцифровке принимали участие специалисты по истории России в количестве 15 человек. Из них — 10 докторов наук, профессоров, 5 кандидатов наук, доцентов. Эксперты представляли 8 различных учебных заведений и научно-исследовательских центров. Эксперимент проводился в формате заочной экспертной сессии. Эксперты не были связаны друг с другом и не отбирались по признакам политических предпочтений или каким-либо иным. Гарантировался анонимный характер работы.

Творческое задание для участника эксперимента определяло, что оценка 0 означала, что качество госуправления никуда не годится, 10 означала его отличное качество. По тем из государственных политик, действие которых не обнаруживалось на соответствующей временной глубине или в отношении которых отсутствовала достоверная информация, эксперту предлагалось ставить прочерк, что учитывалось при усреднении результатов изменением нормировки при вычислении среднего.

На рис. В.3.15–В.3.17 представлены типичные примеры средних значений полученных экспертных оценок для некоторых государственных политик.

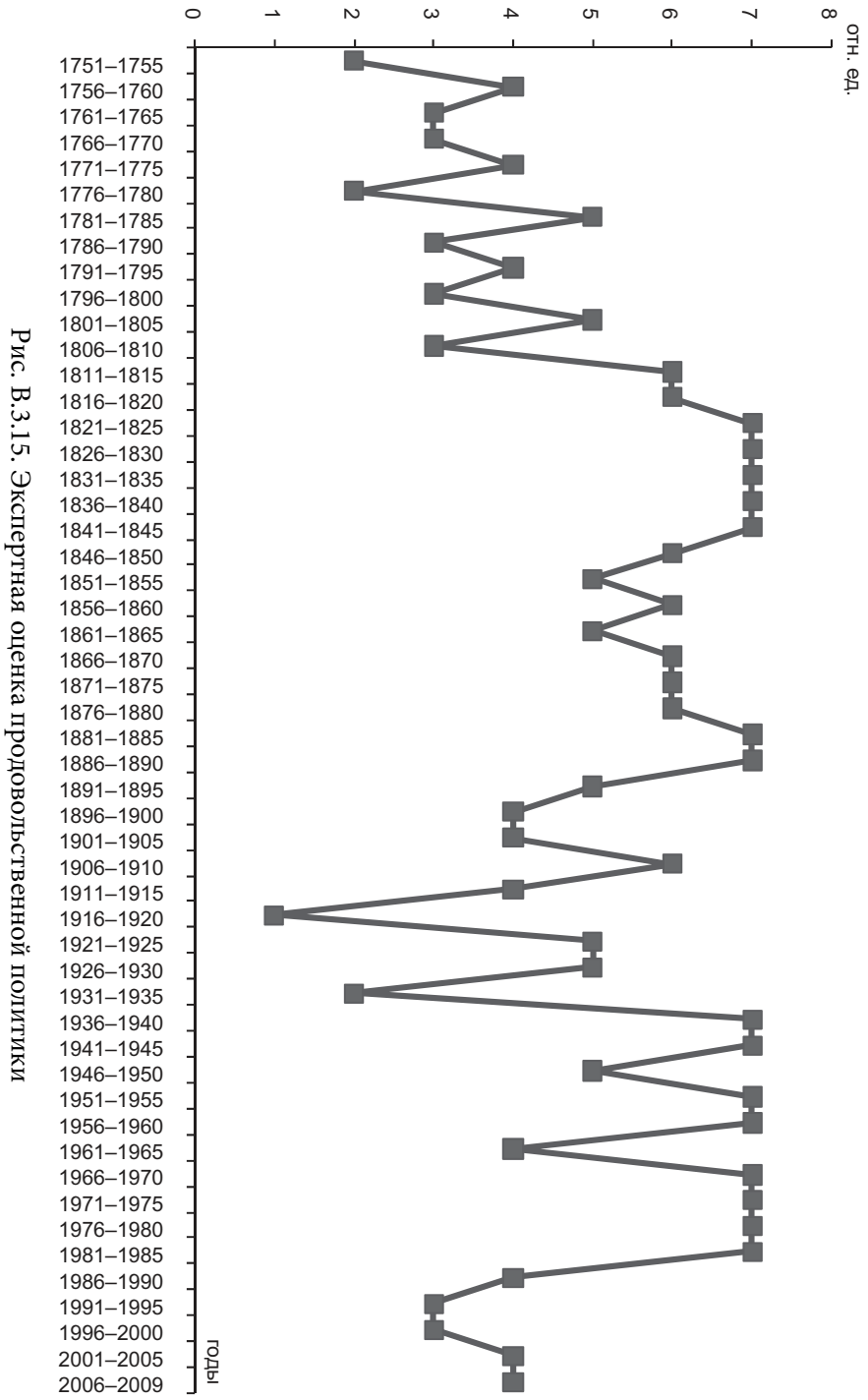
Экспертная оценка, на первый взгляд, представляется не очень строгой величиной по сравнению с прямой статистикой. Однако если она производится не на основании искажений, в силу, например, каких-то политических или иных внеучебных целей, то экспертная оценка приобретает как сумма компетенций экспертов, при достаточном их количестве, и устойчивость, и достоверность относительно исследуемого процесса, отражает его объективные свойства. Методами установления перечисленных свойств экспертной оценки является анализ статистических свойств сходимости оценки и применения экспертной оценки в совокупности с прямыми статистиками, позволяющими выявить явления, достоверность которых оценивается из иных соображений или данных. Таким образом, косвенные методы установления научной истины вполне позволяют относиться к экспертной оценке как к обоснованному замеру тех или иных слабоформализуемых процессов.

Приведем некоторые статистические свойства экспертной оценки качества государственного управления.

Из общих соображений возможно предположение, что современные эксперты (хотя бы и историки) имеют тем менее точное представление о реальности, чем она глубже по исторической шкале. И напротив, чем ближе к современности, тем больше массив сведений, тем они более известны, достигаемы, интерпретируемы и наиболее равным образом доступны экспертам. Однако эксперимент показал, что устойчивой связи с глубиной времени у экспертной оценки не наблюдается (рис. В.3.18).

Более того, максимальна дисперсия оценки в середине XX в. и в годы нестационарности в период развала СССР. Вывод в отношении равномерности достоверности экспертной оценки по исторической оси следует вполне благоприятный. Однако разброс мнений в периоды нестационарности, по-видимому, отражает саму эту нестационарность. Во всяком случае, вопрос о построении объяснительной модели для неустойчивой реальности скорее всего подводит к мысли, что и модель становится неустойчивой.

Важен вопрос и об отраслевой универсальности компетенций экспертов. Действительно, предлагая эксперту давать оценки в области самых разных и весьма специфичных сфер государственной политики трудно предполагать, что эксперты одинаковым образом компетентны во всех сферах. Представляет интерес установить сферы максимальной и минимальной солидарности (как отражение компетенции) мнений экспертов по отдельным областям деятельности государства. На рис. В.3.19 приведено распределение дисперсии оценки в зависимости от вида государственной политики.

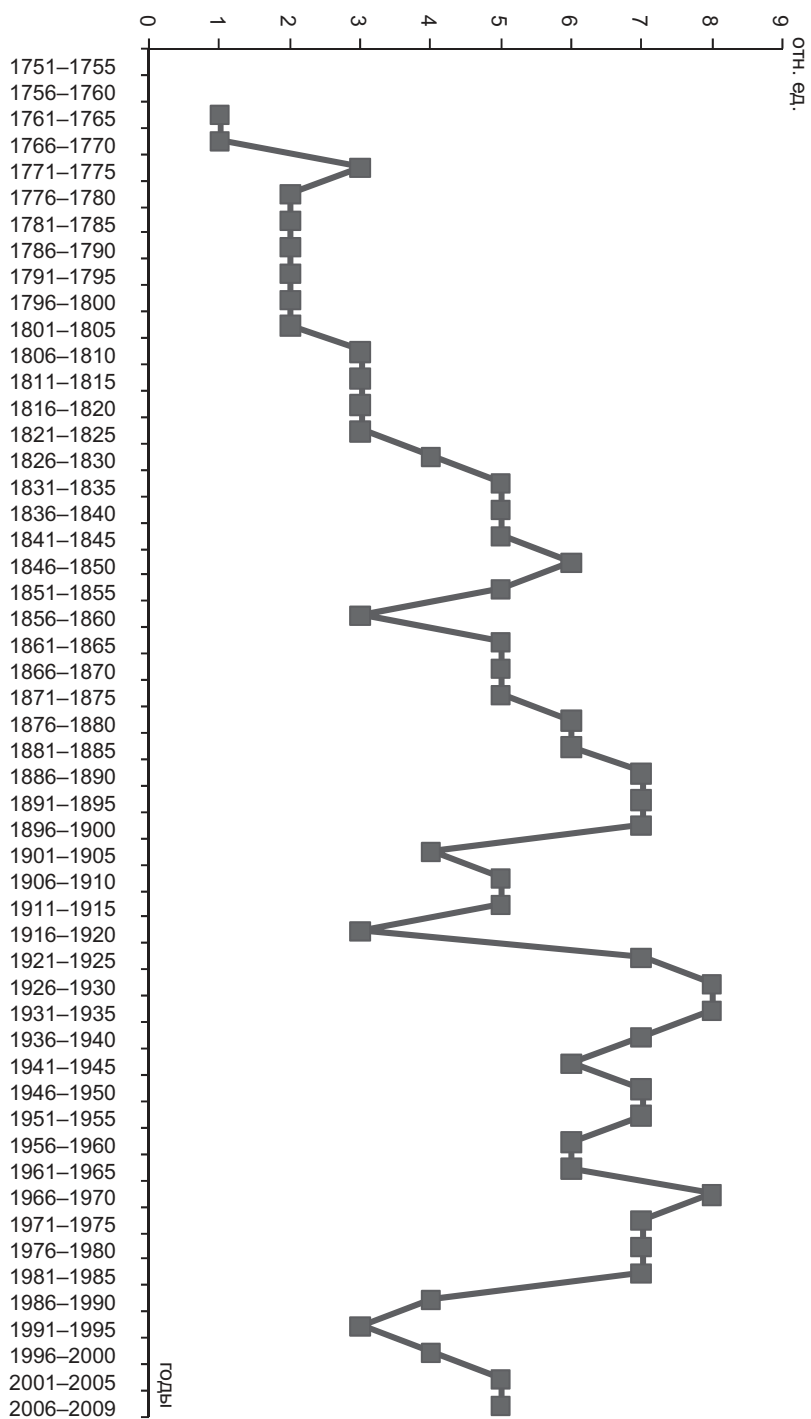

Рис. В.3.16. Экспертная оценка энергетической и энергосберегающей политики

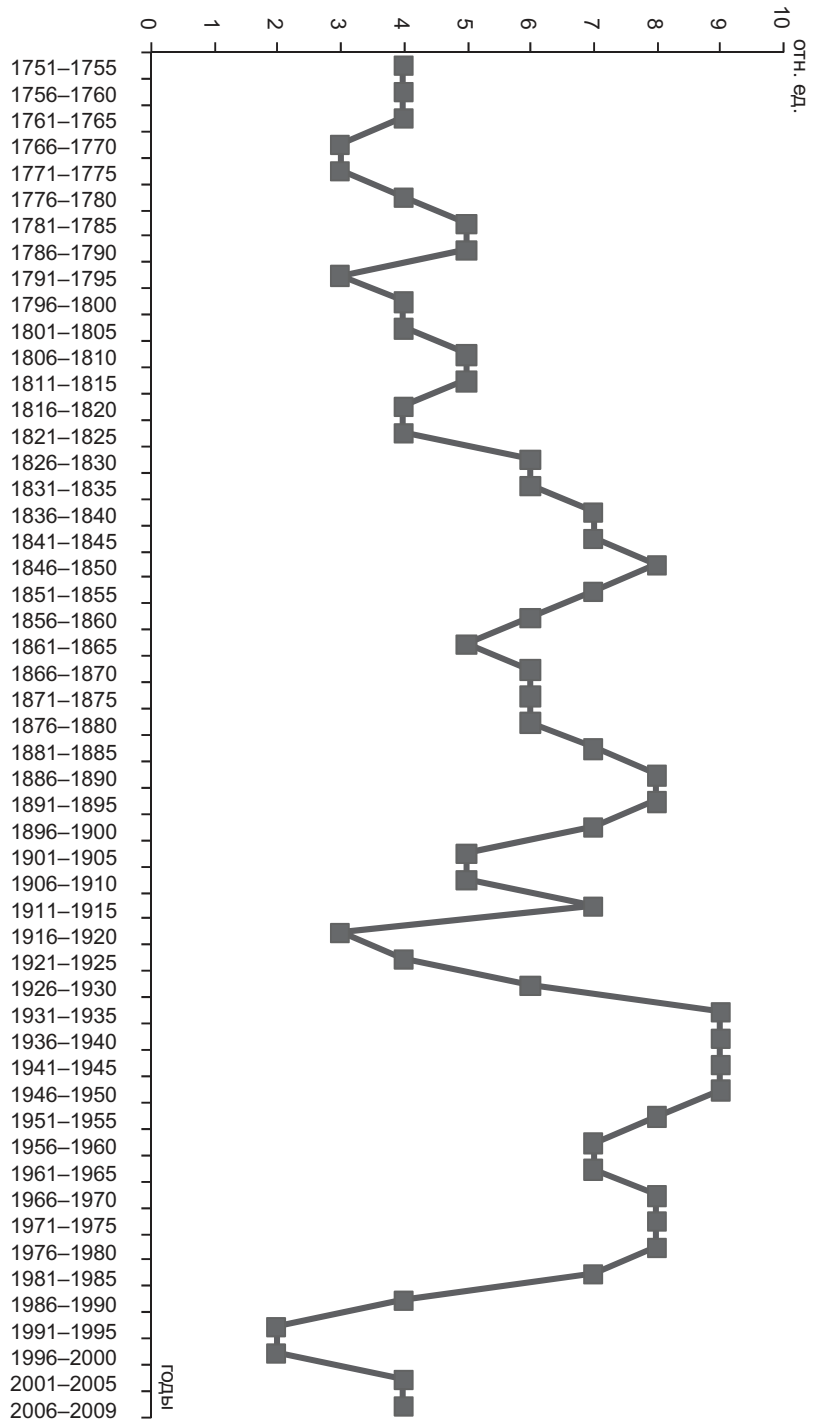

Рис. В.3.17. Экспертная оценка промышленной политики

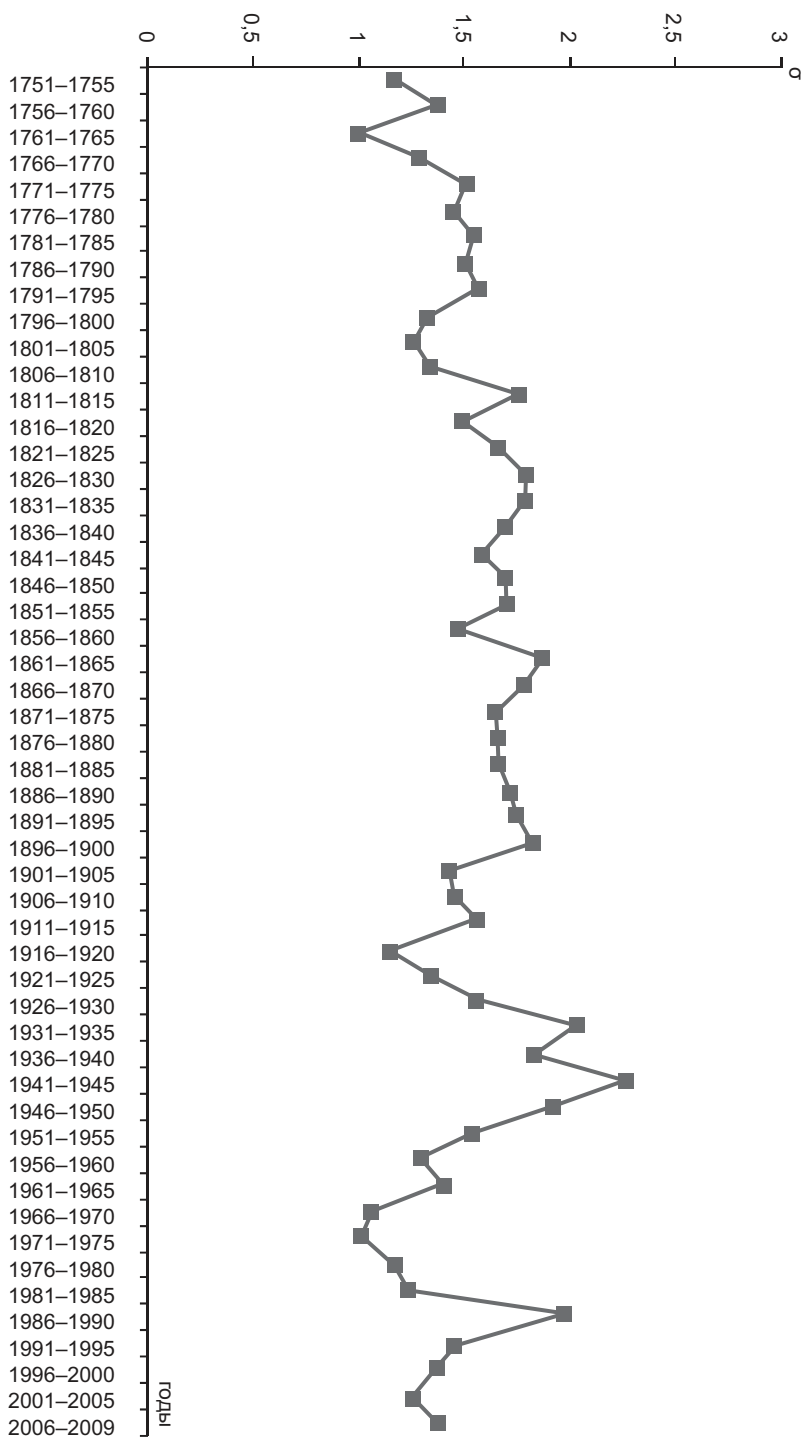

Рис. В.3.18. Зависимость дисперсии экспертной оценки от глубины погружения в историческое время

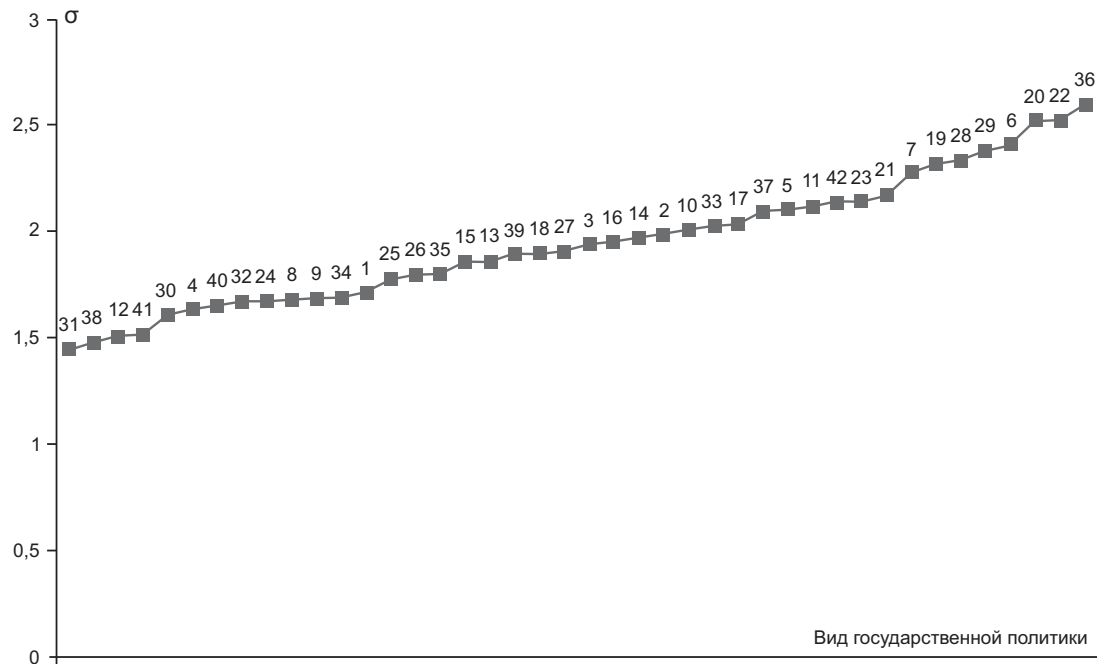

Рис. В.3.19. Зависимость дисперсии экспертной оценки от вида государственной политики

1. Продовольственная политика. 2. Энергетическая и энергосберегающая политика. 3. Промышленная политика. 4. Аграрная политика. 5. Транспортная политика. 6. Политика в сфере жилищного обеспечения. 7. Политика в сфере производительности труда. 8. Правоохранная политика: борьба с преступностью. 9. Правоохранная политика: обеспечение судебного процесса. 10. Политика в сфере развития оборонно-промышленного комплекса. 11. Политика, находящаяся в компетенции служб безопасности. 12. Военная политика. 13. Демографическая политика. 14. Политика в сфере доходов и оплаты труда. 15. Политика в сфере экологии. 16. Политика в сфере бытового обслуживания населения. 17. Пенсионная политика. 18. Политика в сфере здравоохранения. 19. Политика занятости. 20. Политика развития физкультуры и спорта. 21. Политика в рекреационной сфере (реализация права на отдых). 22. Молодежная политика. 23. Политика социальной защиты населения. 24. Политика в сфере культуры. 25. Политика в сфере национальных отношений. 26. Политика взаимоотношений с религиозными институтами. 27. Политика духовного развития народа. 28. Политика в сфере науки и инноваций. 29. Политика в сфере информатизации и связи. 30. Политика в сфере образования. 31. Региональная политика. 32. Государственная кадровая политика. 33. Политика выравнивания социальных диспаритетов. 34. Бюджетная и налоговая политика. 35. Денежно-кредитная и банковская политика. 36. Государственная ценовая политика. 37. Инвестиционная политика. 38. Политика управления государственным долгом. 39. Внешнеэкономическая политика. 40. Международная (дипломатическая) политика. 41. Политика в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. 42. Геополитика.

В данном перечне можно видеть, какие именно типы политики вызвали минимальный разброс, а какие — максимальный. Приведены по 10 примеров с каждой стороны.

Минимален разброс оценки для следующих политик

1. Региональная политика.
2. Политика управления государственным долгом.
3. Военная политика.
4. Политика в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.
5. Политика в сфере образования.
6. Политика в аграрной сфере.
7. Международная (дипломатическая) политика.
8. Государственная кадровая политика.
9. Политика в сфере культуры.
10. Правоохранная политика: борьба с преступностью.

Максимален разброс оценки для следующих политик

1. Государственная ценовая политика.
2. Молодежная политика.
3. Политика развития физкультуры и спорта.
4. Политика в сфере жилищного обеспечения.
5. Политика в сфере информатизации и связи.
6. Политика в сфере науки и инноваций.
7. Политика занятости.
8. Политика в сфере производительности труда.
9. Политика в рекреационной сфере (реализация права на отдых).
10. Политика социальной защиты населения.

Анализ представленных двух пакетов политик подтверждает предположение, что разброс связан со специфичностью государственных политик, требующих специальных знаний. Тем не менее уровень отличий в разбросе является приемлемым.

Существенно также представлять, какое число экспертов достаточно для оценки с точки зрения устойчивости оценки (выхода на стационарное значение дисперсии). Априори неясно, зависит ли это пороговое значение от области знаний или задачи оценки. В работе³ в области демографических оценок была получена зависимость, показанная на рис. В.3.20.

В настоящем исследовании оценка велась в существенно иной области знаний и к тому же весьма многоотраслевой. Полученная в этом случае зависимость разброса оценки от числа экспертов показана на рис. В.3.21. В обо-

³ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2007.

их случаях получено, что при увеличении числа экспертов до 4–7 человек разброс почти не изменяется. Оценка становится настолько устойчивой, насколько, по-видимому, это позволяет компетенция экспертов.

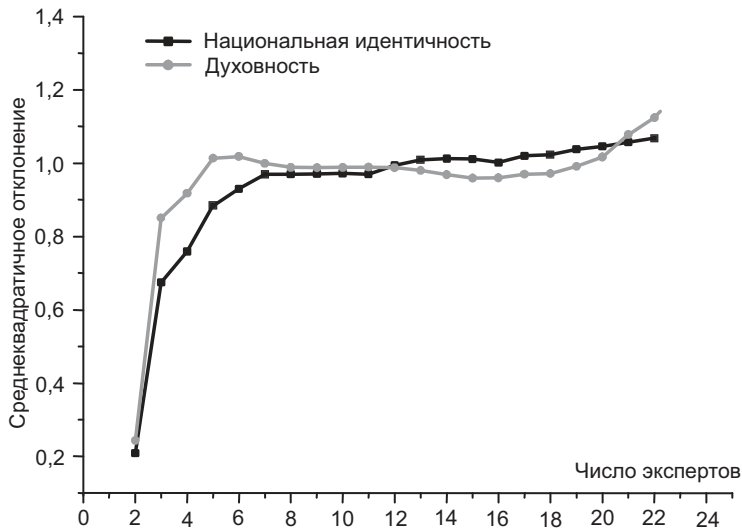

Рис. В.3.20. Зависимость среднеекватричного отклонения оценок показателей национальной идентичности «русскости» и духовности общества от числа экспертов

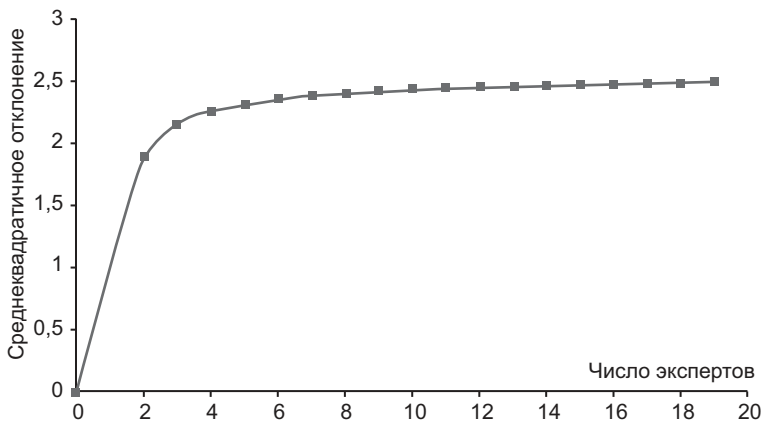
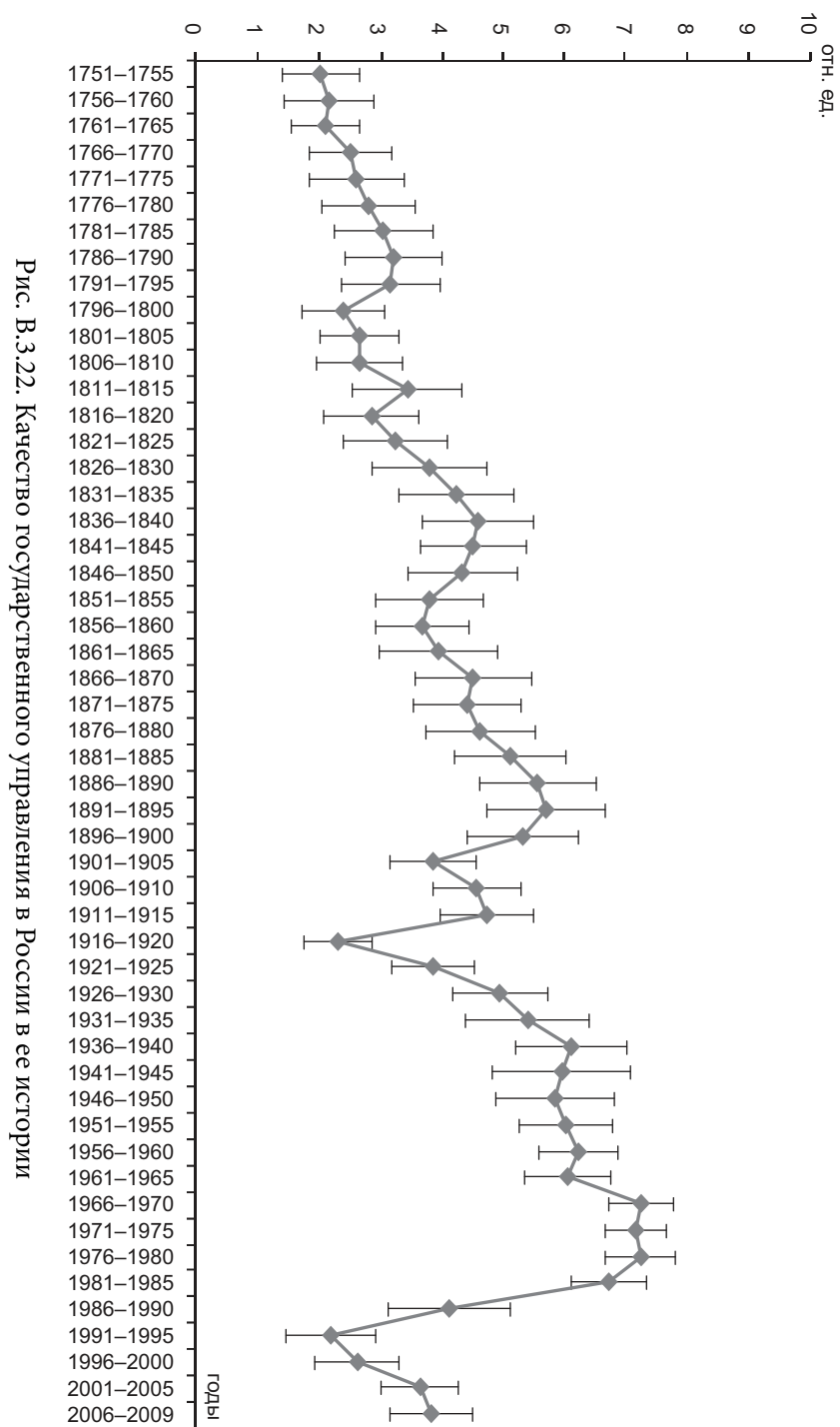

Рис. В.3.21. Зависимость среднеекватричного отклонения оценки качества государственного управления в истории России от числа экспертов

В итоге историческая зависимость качества государственного управления в России, которая в дальнейшем будет неоднократно использоваться, получилась следующей (рис. В.3.22).

Следует заметить, что качество государственного управления может пониматься трояким образом. Во-первых, в шкале бюджетные (или иные нефинансовые) затраты — результат (своеобразный аналог коэффициента полезного действия — КПД). Во-вторых, как фактически реализованная на практике доля от теоретически возможных на тот момент времени предельно качественных результатов. И, наконец, как соотношение реализованных на практике публично заявленных властью целей развития. Еще раз уточним, что в настоящей работе используется третий подход, наиболее интегративно характеризующий дееспособность власти и государственных управленцев.

Методология определения оптимальных значений факторов, максимизирующих жизнеспособность страны

Имея коэффициент жизнеспособности страны можно определить значения факторов, максимизирующих его. Для этого необходимо иметь их временные ряды, которые можно будет сопоставлять с временным рядом КЖС (рис. В.3.23).

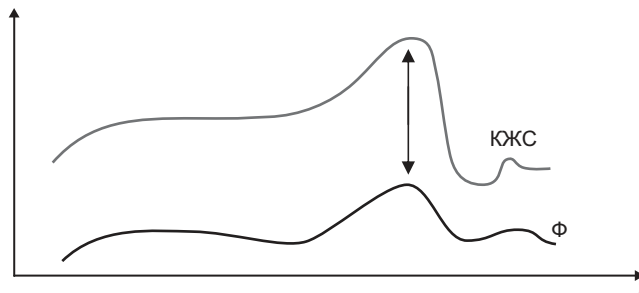

Рис. В.3.23. Историческое сопоставление коэффициента жизнеспособности с соответствующим фактором позволяет найти его оптимальное значение

Что можно получить из такого сопоставления? Во-первых, по значению корреляции можно сделать вывод о значимости фактора и таким образом отсеять незначимые и отобрать значимые факторы. Из всех экспертным образом предположенных факторов, которые возникли при факторной декомпозиции сущностных признаков (рис. В.1.16), останутся только действительно работающие на жизнеспособность.

Таким образом, получается факторная линейка или набор факторов, ответственных за жизнеспособность страны и подверженных государственному управлению.

Затем путем построения регрессионной связи (рис. В.3.24) можно установить оптимальное значение соответствующего фактора, при котором

жизнеспособность страны максимизируется. Возможны несколько случаев связи. Например, фактор в диапазоне своей исторической изменчивости действительно обнаруживает оптимальное значение. А может быть и так, что оптимальное значение фактора находится вне пределов этого диапазона. В этом случае правомочно предположение, что оптимальным по факту значением является значение на границе диапазона. Но вполне вероятно, что оптимум находится за этой границей — в области возрастания КЖС. Причем возможно применение экспертной оценки или модели для того, чтобы «достроить» регрессионную кривую в область эмпирически ранее ненаблюдающуюся, но необходимую для определения оптимального значения фактора.

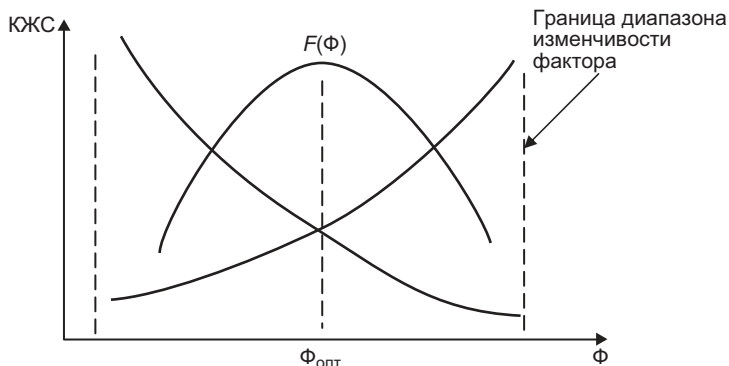

Рис. В. 3.24. Регрессионная связь, полученная из двух временных рядов — КЖС и фактора (Ф)

В итоге становится возможным следующее построение. Как мы ранее видели, КЖС, вычисленный по соображениям бытийности формы сущности, не выявляет всех детальных факторов жизнеспособности, которые могут быть предметом государственного управления. Их определение становится возможным на пути сопоставления формы и содержания сущности — страны. Далее каждый фактор может быть представлен в результате регрессионного анализа как аргумент функции, вносящей свой вклад в коэффициент жизнеспособности страны.

$$\text{КЖС} = F_1 (\text{фактор } 1) + F_2 (\text{фактор } 2) + \dots + F_n (\text{фактор } N),$$

где n — количество выявленных значимых факторов.

В простейшем случае вид функций является линейной зависимостью, но это не ограничивает возможность применения и иных, более сложных зависимостей. Для нормировки этого показателя каждый фактор-функция должен быть нормирован на свой исторический максимум, а сумма — на число факторов n . В отличие от определения КЖС по совокупности сущ-

ностных признаков, требование о необходимости и достаточности которых приводит к произведению (логической конъюнкции) соответствующих количественных мер, в этом случае факторы не являются необходимыми и достаточными. Отдельные из них вполне могут обращаться в ноль, при этом жизнеспособность в ноль может и не обращаться, а только чувствовать этот упадок, в какой-то мере снижая свое суммарное значение. Поэтому в данном случае работает логическая формула дизъюнкции или арифметического сложения факторных показателей:

$$\text{КЖС}(\Phi_1, \Phi_2, \dots, \Phi_n) = 1/n (F_1(\Phi_1) / F_{1\max} + F_2(\Phi_2) / F_{2\max} + \dots + F_n(\Phi_n) / F_{n\max}).$$

При такой нормировке $0 < \text{КЖС} < 1$.

Очевидно, что эта формула, в отличие от формулы

$$\text{КЖС} = K_{\text{терр}} \times K_{\text{нас}} \times K_{z/y},$$

описывает жизнеспособность на языке свойств содержания, т. е. через множество конкретных свойств сложной системы — страны.

Функции F_n , выявляемые регрессионным анализом, могут иметь самый различный вид (рис. В.3.23), в котором должны быть подстроечные параметры, различные коэффициенты. Требование единства формы и содержания формализуется в этом случае как совпадение КЖС, полученного для формы, и КЖС, полученного для содержания. Совпадение при том способе выявления значимых факторов, который описан выше, вообще говоря программируется автоматически, однако в силу ошибок статистики необходимо подогнать подстроечные параметры и коэффициенты в F_n . Сделать это возможно при максимизации корреляции КЖС (терр, нас, г/у, t), назовем его КЖС_Ф (Ф — от формы), и КЖС (F_n , t), назовем его КЖС_С (С — от содержания).

$$K_{\text{корр}}(\text{КЖС}_\Phi, \text{КЖС}_С) = \max$$

В результате может быть уточнен вид функций, получаемых из регрессионного анализа, что необходимо в силу различных «шумовых» наслоений на первичные данные.

Определение факторов и их значений, функциональных зависимостей, дающих максимальную жизнеспособность страны, по сути представляет собой алгоритм наиболее успешного государственного управления страной. Его обоснованность вытекает из того факта, что он определяется из особенностей самой страны, проявленных в ее истории, т. е. учитывает ее цивилизационную специфику и идентичность. Таким образом, определенный алгоритм управления является теоретически наиболее эффективным.

Практическая программа государственных управленческих действий в этом случае должна строиться следующим образом. Определяются текущие значения основных значимых факторов жизнеспособности. Они сопоставляются с требуемыми оптимальными, и на основании этого сопоставления предлагаются государственно-управленческие воздействия с целью привести их в соответствие с оптимальными значениями. Такие шаги и составят программу действий, которая может быть оформлена как государственно-управленческий документ высокого уровня, программирующий развитие страны как в текущей и среднесрочной перспективе, так и в долгосрочной. Это может быть Доктрина безопасности и развития России. Наиболее важные закономерности жизнеспособности России должны быть внесены в ее Конституцию как высший, гарантирующий устойчивость и успешность страны документ.

Возвращаясь же к универсальному, поставленному в начале раздела вопросу и идее о достаточности соотнесения сущностных признаков формы и потенциалов содержания некоей сущности для выявления ее конкретных характеристик, требуемых для максимизации ее жизнеспособности, можно сказать, что получен следующий алгоритм.

1. Выявляются сущностные признаки, как необходимые и достаточные для существования сущности как формы. Конъюнкция их количественных мер дает коэффициент жизнеспособности сущности как формы.

2. Выявляются путем разложения причинно-следственных связей сущностных признаков потенциалы, состояния, компоненты, детали содержательных признаков сущности теперь уже как содержания. Вычисляется коэффициент жизнеспособности как дизъюнкция количественных мер всех содержательных признаков.

3. Основываясь на базовом философском императиве требования гармоничного сочетания формы и содержания (единства формы и содержания) для максимальной жизнеспособности сущности из равенства полученных разными путями коэффициентов жизнеспособности получают конкретные оптимальные значения содержательных характеристик сущности, максимизирующие ее жизнеспособность.

В результате становится возможным организовать управление в стране, максимизирующее ее жизнеспособность.

Такое государственное управление, во-первых, идентично цивилизационно (если речь о государстве-цивилизации), во-вторых, максимально (в предельном теоретическом отношении) эффективно.

В.4. Судьба и действие (трансцендентный вызов)

Национальная идея, а также второе — мессианское ее прочтение входят в сферу самых чувствительных для человека вопросов бытия. Выше уже отмечалось, как много существует неопределенности, как не останавливается поиск ответов на такие вопросы. Неизбежно вхождение в проблематику предопределенного, в анализ конфликта необходимости действовать и ощущения, что за тебя уже все решено. Будет только то, что будет и от тебя ничего или мало что зависит. Эта постановка вопроса неслучайна в настоящей работе потому, что национальная идея в ней ищется не просто как лозунг, а как программирующий активную управленческую деятельность и государства, и общества, и человека список предписаний и правил. Работа ищет ответ на вопрос «что делать?» в гораздо большей степени, чем на вопрос «интересно, а что там такое будет за горизонтом?».

Трансцендентный вызов по отношению к задаче формирования национальной идеи заключается в вынесении ее за рамки человеческой воли и действия. Выхолащивание волевой парадигмы национальной идеи продуцирует угрозу установки на социальную пассивность, подмену деятельностного начала метафизическим мирозерцанием. Национальная идея всегда общественно субъектна. В этом смысле ее трансцендентализация подразумевает десубъективизацию, по существу, упразднение самой идеи.

Предельно четко трансцендентный подход был сформулирован в рамках софиологии Вл.С. Соловьева. Как выше уже цитировалось, русская идея, утверждал он, является не мыслью народа о России в историческом времени, а замыслом о ней Творца. Какого-либо деятельного следствия из принятия этого концепта им не предусматривалось. Чему быть, того не миновать. Судьба России предопределена¹.

Само слово «судьба» указывает на определенный фатум. Человек со своей субъектной волей не в состоянии изменить божественного предначертания. Даже сама национальная идея остается вне его полного понимания, лишь частично открываясь перед ним в различных аспектах исторического существования. Идея нации подменяется в данном случае идеей о нации.

Авторский подход заключается в том, что национальная идея не тождественна религиозному откровению. Безусловно, Нагорная проповедь Христа должна восприниматься каждым христианином как моральный кодекс. Однако применение ее в качестве национальной идеи невозможно. И дело здесь не в ее общечеловеческой апелляции. Божественное откровение, равно как и заповедь, адресно ориентировано от Бога к людям. Человек в данном случае выступает не деятельностным субъектом, а медиатором идущих свыше установлений (рис В.4.1).

¹ Соловьев В.С. Спор о справедливости. Соч. М.—Харьков: Эксмо-Пресс, Фолио, 1999.

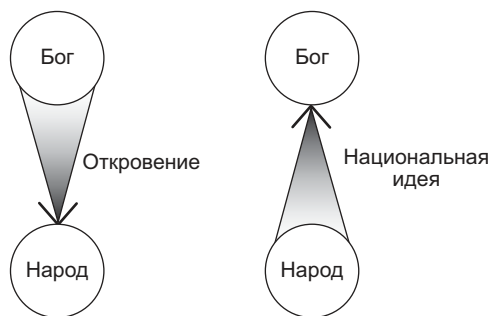

Рис. В.4.1. Различие национальной идеи и божественной заповеди

Национальная идея имеет прямо противоположную направленность. Она выстраивается не от Бога к человеку, а от человека к Богу. Место Божества может быть занято и каким-либо другим общественным идеалом. Важны в данном случае деятельностный мобилизующий акцент национальной идеи и ее ориентированность на безусловный ценностный источник.

Моисей, получив от Бога откровение на горе Синай, имплементировал его в еврейский закон — Тору. Моисеевы заповеди являются национальной идеей евреев. Национальная идея заключается в обретении «земли обетованной». В первом случае имела место рефлексия восприятия внешнего идейного воздействия, во втором — идея деятельного решения.

К чему может привести подмена национальной идеи божественными заповедями иллюстрирует пример содержательных выводов толстовского учения. Христианские заповеданные постулаты, утверждал Л.Н. Толстой, в их буквальном действенном выражении никто не соблюдает. Кто, например, рассуждал он, готов в ответ на удар по одной щеке подставить другую?! Пафос толстовского призыва заключался в принятии христианских заповедей как руководящей общественной идеи. Итогом было формулирование Л.Н. Толстым концепции о «непротивлении злу насилием»². Конечно же, признавал он, при отсутствии силового противодействия зло глобально восторжествует. Но тогда-то и произойдет вмешательство трансцендентных сил. Но, спросим мы, а если не произойдет?! Может ли человек уйти от своей ответственности?

Пацифистский утопизм Л.Н. Толстого был подвергнут беспощадной развернутой критике как с правых, так и с левых позиций. В противовес толстовской идее непротивления И. Ильин выдвинул концепт «православного меча»³.

² Ломунов К.Н. Лев Толстой в современном мире. Монография. М.: Современник, 1975; Гусейнов А.А. Понятие веры, Бога и ненасилия в учении Л.Н. Толстого. Статья // Разум и экзистенция. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999; Мелешко Е.Д. Философия непротивления Л.Н. Толстого: Систематическое учение и духовный опыт. Монография. Тула: Изд-во ТГПУ, 1999.

³ Ильин И.А. Путь к очевидности. О противлении злу силою. Соч. М.: Республика, 1993.

Деятельностный подход к национальной идее не рассматривается авторами настоящей работы в качестве альтернативы религиозному миропониманию. Религия не только может быть встроена в идеологию, но может и выступать по отношению к ней целе- и ценностноопределяющим источником.

Православие, как ни одно другое из направлений христианства, соответствует деятельной парадигме национальной идеи. Августиновская линия всеобщей предопределенности для него неприемлема. Бог, согласно православному богословию, даровал человеку свободу выбора между добром и злом. В реальной жизни высшей заданности греховности и добродетельности не существует.

Впрочем, и учение о предопределении может быть интерпретировано в деятельностном ключе. Бог предопределяет судьбу человека и государств, однако постигнуть божественный замысел невозможно. Ж. Кальвин рассматривал успех человека в качестве свидетельства богоизбранности. Опираясь на данное положение, кальвинизм, как никакое другое направление христианства, оказался праксиологически (деятельностно) ориентирован⁴. Именно эта сторона кальвинистского учения позволила М. Веберу утверждать, что основанием генезиса капитализма в Европе стала реформационная ценностная инверсия⁵.

Теория предопределения может, таким образом, служить и в качестве катализатора социальной активности, и основанием пассивного мирозерцания. Следовательно, религиозность и активная жизненная позиция, вопреки представлениям классиков марксизма, не противоречат друг другу.

В модернизированных философских системах в качестве трансцендентного окормления национальной идеи выступает уже не Творец, а Закон. Коль скоро ход истории объективно предопределен, то какие-либо деятельностные возможности у человека отсутствуют. Программное преобразование мира, противоречащее направленности высшего закона, при этой постановке вопроса невозможно.

В свое время парализующее воздействие на русских гегельянцев оказывало положение философии Гегеля о «разумной действительности»⁶. Если рассуждали они, самодержавный строй в России действителен, следовательно, его существование разумно. Только открытие ими впоследствии другого гегельянского положения — о том, что все действительное не только разумно, но и «достойно гибели», — позволило актуализировать субъектную деятельностную роль человека. Именно это открытие привело В.Г. Белинского к переходу на революционную платформу. Однако, опять-таки закон,

---

⁴ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Соч. В 3 т. М.: Изд-во РГГУ, 1997–1999.

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Соч. // М. Вебер Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.

⁶ Гегель Г. Политические произведения. М.: Политиздат, 1978.

а не ценностное целеполагание субъекта, задавал в данном случае характер политической позиции⁷.

Такой же трансцендентный фатализм обнаруживается и сегодня в дискурсе о вызовах глобализации. Тренд разрушения национальных государств провозглашается ныне многими аналитиками как объективная предопределенность. Для российской государственности, а шире — и русской цивилизации, в данной футурологической проекции не остается места. Мы, поясняют свою позицию сторонники указанного подхода, лично против глобализационной унификации. Однако наша ценностная позиция тут ни при чем. Гибель цивилизаций и национальных государств есть объективный вектор развития мира. Поэтому противостоять этим процессам, как выражению трансцендентного закона, якобы бессмысленно. Парадоксальным образом личное отрицание унифицирующего глобализма нивелируется посредством принятия идеи трендового фатума. Антиглобалист превращается в адепта глобализма. Суть позиции сводится к каллаборационистскому отношению к доминирующей в современном мире силе. Стоит ли противостоять врагу, если его победа в силу очевидного превосходства предопределена?!

Логическая цепочка, ведущая от представления о фатуме до пассивного принятия вероятной гибели российской государственности, прослеживается с достаточной степенью очевидности. Авторское понимание природы национальной идеи основывается на принципиально иной методологической платформе. Общественные тренды и закономерности не есть фатум. Субъективная воля человека сама является фактором исторического процесса. Посредством целенаправленных усилий тренд может быть изменен. Исследования Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования по демографической проблематике иллюстрируют на широком спектре страновых примеров такого рода возможности. Казалось бы, тренд репродуктивного указания человечества предопределен, будучи подтверждаем статистикой устойчивого снижения динамики рождаемости по большинству стран современного мира. Однако в тех случаях, когда государство брало на себя задачу проведения целенаправленной комплексной демографической политики, трендовая заданность разрушалась. Принцип управляемости противопоставляется в данном случае принципу трансцендентной предопределенности.

Трансцендентный перекосяк общественного сознания выступал зачастую тормозящим активное развитие фактором. При радикальной постановке вопроса презрение к земной жизни вело к утверждению биофобских установок и в итоге — к социальной дезорганизации. Л.Н. Гумилев определял трансцендентно деформированные модели такого рода понятием «химеры»⁸. За чем, формулировался вызов для трансценденталистов, обустроить земное

⁷ Шпет Г. К вопросу о гегельянстве Белинского: Этюды // Вопросы философии. 1991. № 7.

⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Соч. М.: Экопрес, 1993. С. 312–316.

бытие, если главная цель человека — жизнь небесная. Все устроения этого мира — прах перед вечным измерением потустороннего существования.

Впрочем, данный подход, ввиду его очевидной деструктивности, осуждался с позиций самих же традиционных религий. В западном христианстве он был осужден и преследовался как «манихейская ересь». В России он связывался с маргинализированными группами раскольников и сектантов, будучи также подвержен гонениям со стороны официальной церкви. Аксиологическая система ортодоксального христианства никогда не противопоставляла категории «земля» и «небо», полагая земную жизнь хоть и низшей, но ценностно значимой, божественно одухотворенной сферой. Понятие «национальная идея» также выражает интегральное единство. «Нация» в ней соотносится с земным аспектом бытия, тогда как «идея» — с небесным — трансцендентным.

Наряду с пространственной трансцендентностью, существует вызов историко-временного трансцендентализма. Прежде всего он представлен радикализированным эсхатологизмом. Применительно к российскому историческому контексту он определялся парадигмой христианской апокалиптики. Утвердившись в представлении о наступлении царства Антихриста сторонники эсхатологического миропонимания переориентировались от практически-деятельной позиции борьбы со злом к молитвенно-рефлексивной. Старообрядческие самоожжения являются в этом плане чередой наиболее ярких иллюстраций не только антидеятельной, но и антижизненной парадигмы трансцендентализации сознания⁹.

Противоположным по отношению к трансцендентализму препятствием в выдвигании национальной идеи выступает позиция детрансцендентного прагматизма. В методологическом плане она соотносится с теорией позитивизма. Любые апелляции к идеальному при этом подходе отсекаются как метафизические сущности. Национальная идея подменяется национальным интересом. Предельная прагматизация приводит к утверждению императива «малых дел». Национальная идея сводится к формуле «починить забор».

Однако без наличия общественно значимого и признаваемого большинством населением идеала государственность несостоятельна. Чем приземленнее этот идеал, тем уже возможные горизонты развития.

Далеко не все народы, впрочем, оказались исторически способны к идеальному целеполаганию. Но именно в реализации этой способности и заключается проявление их мировой роли. Еще в свое время Гегель разграничивал народы на исторические и неисторические. Историчность определялась им

⁹ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовное движение XVII века. Монография. М.: Церковь, 1995. С. 445; Сапожников Д.И. Самоожжение в русском расколе со второй половины XVII и до конца XVIII вв. Статья // ЧОИДР. 1891. Кн. 3–4.

как миссия народов в земном воплощении, как саморефлексия Мирового Духа¹⁰.

Бытие человека многомерно. Одномерный подход марксистской философии, основанный на дифференциации материи и сознания, для понимания онтологичности феномена национальной идеи недостаточен. От неоплатонизма идет традиция трехуровневого (в отдельных вариациях — четырехуровневого) миростроительного моделирования. Эти уровни структурировались как нисходящие божественные эманации — дух, (ментальная субстанция и душа), логос (разум и рассудок), плоть. Общественное бытие, как проекция мироздания, включает в себя все эти структурные компоненты (рис. В.4.2)¹¹.

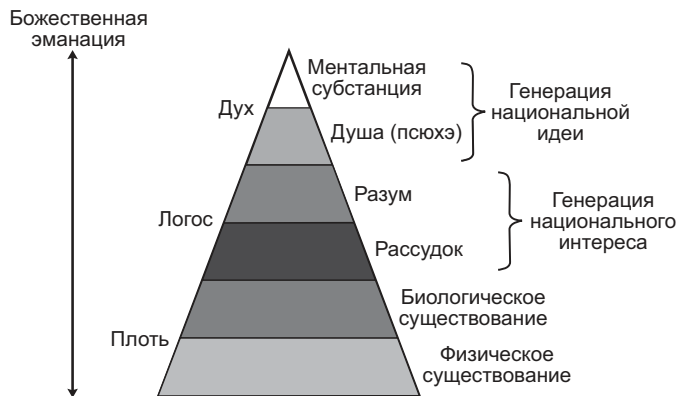

Рис. В.4.2. Неоплатоническая модель мироздания как проекция общественного бытия

Биологическое существование социума ограничивается материальным измерением бытия. Национальный интерес генерируется на уровне Логоса. Что же касается национальной идеи, то сугубо рассудочного осмысления для нее недостаточно. Она генерируется на высшем уровне пирамиды общественного бытия, что вместе с тем не означает игнорирования низших бытийных компонентов.

Еще один вызов в отношении предлагаемого в работе деятельностного подхода к национальной идее заключается в утверждении тезиса об отсутствии субъекта ее восприятия.

Как имманентное качество русского народа выдвигается парадигма социальной пассивности. Мол, тридцать три года на печи лежат... Поэтому приобретающую широкую популярность в конце перестроечного периода выдвигается

¹⁰ Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.

¹¹ Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. Монография. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 1996.

нутый Н.Я. Эйдельманом концепт «революции сверху»¹². Другие мыслители, работающие в рамках дискурса «русской идеи», представляли пассивность в благоприятном свете христианского императива терпения.

Однако исследование российского исторического процесса позволяет квалифицировать данное утверждение как идеомифологическое. Действительно, пассионарное угасание в России 2000-х гг. очевидно. Политическая жизнь, как следствие народной пассивности, казалось бы, фактически замерла. Однако еще на рубеже 1980–1990 гг. уровень пассионарной энергии масс выражался наивысшим градусом и напряжением. Система не удерживала дионисийской народной стихии и в конце концов рухнула.

Современная социальная пассивность не представляет собой фатума. Деятельностная активность масс — категория управляемая. Состояние пассионарности может быть изменено в направлении как повышения, так и понижения. Идеомиф о русской имманентной пассивности, как показал в свое время И.Л. Солоневич, имеет не историческое, а литературное происхождение. Обломовы, Маниловы, Каратаевы были представлены в русской классической литературе как национальные типажи¹³. Характерно, что не Дежневы и не Хабаровы. В 1920-е гг. на волне официальной русофобии Н.И. Бухарин прямо писал о русских как «нации Обломовых». «Обломовщина» стала своеобразным маркером России. Причины интеллигентской рефлексии понятны — народ категорически не воспринимал призывы к борьбе против национальной государственности и государственных традиций.

Остается только «загадкой»: каким образом «нации Обломовых» удалось создать крупнейшее в мире государство? Как было осуществлено хозяйственное и культурное освоение одной шестой части мировой суши? Динамика соотношения удельного веса российского народонаселения (русского народа) в мире и контролируемого им пространства не просто опровергает тезис о народной пассивности, но позволяет утверждать, что исторически уровень пассионарности русских был одним из наиболее высоких (рис. В.4.3).

В этой связи особого внимания заслуживает феномен русской колонизации. Хрестоматийным историографическим положением является тот факт, что народная колонизация шла впереди государственной. Землепроходцы из крестьян и казаков осваивали новые земли раньше военных и христианских миссионеров.

Именно доказательство этого положения составило научную основу диссертации В.О. Ключевского, признаваемой ныне классикой исторической науки.

¹² Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. Соч. М.: Книга, 1989.

¹³ Солоневич И.Л. Народная монархия. Соч. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 21.

Рис. В.4.3. Удельный вес территории и народонаселения России в мире

С пассивностью часто смешивается действительно характерный для России феномен доминирования царистской ментальности. Русские почти никогда не бунтовали непосредственно против «царя» (в различных политических облачениях данного понятия). Зато бунты против «бояр» были всегда в изобилии. Даже в новейший период истории России, когда рейтинг президента страны находился на безоговорочной высоте (для примера, 2004 г. — год переизбрания В.В. Путина на второй срок), динамика протестного движения против местной администрации являлась довольно интенсивной. По численности забастовок на соразмерное количество экономически занятого населения Россия показывала средний по Европе результат (рис. В.4.4). В сравнении же с восточноевропейскими странами, имеющими менее развитые, чем на Западе, традиции профсоюзного движения, российская позиция оказывается и вовсе выше среднего (рис. В.4.5).

На Западе человек ментально ориентирован в большей степени на критику высшей власти, чем своего непосредственного начальства (боязнь потерять работу). Для русского человека, напротив, вступить в конфликт с ближним руководством более ценно приемлемо, чем обличать верховного в государстве носителя властных полномочий. Однако в тот момент, когда приходило осознание что государь — «самозванец», народ доходил до такого обличения узурпатора, какое не было известно на Западе. Имелись

В.4. Судьба и действие (трансцендентный вызов)

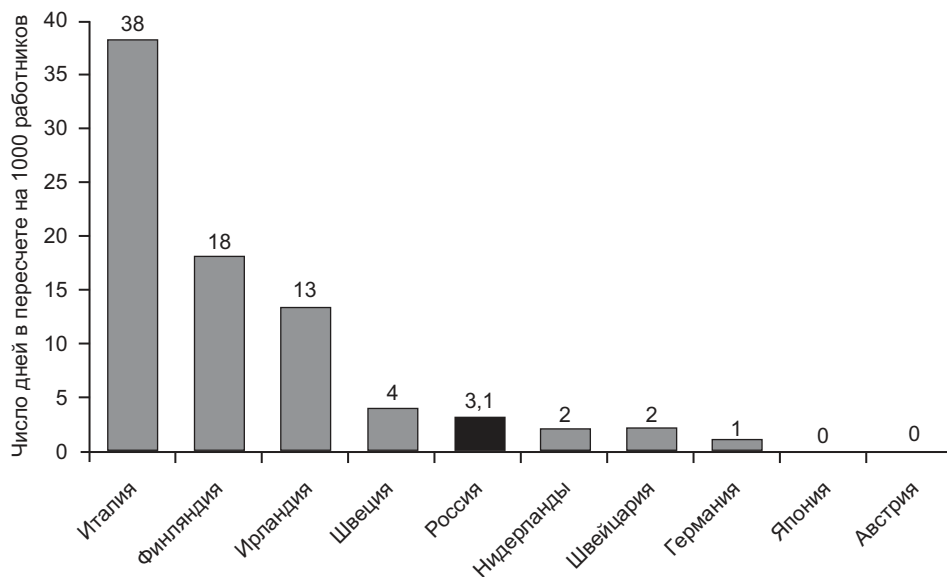

Рис. В.4.4. Продолжительность забастовок в России и ряде стран Запада

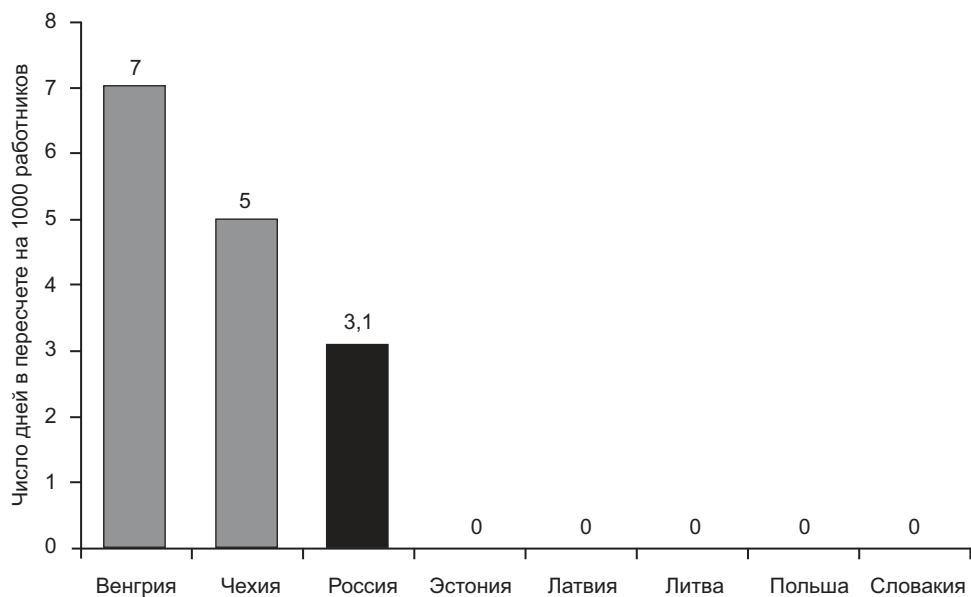

Рис. В.4.5. Продолжительность забастовок в России и ряде восточноевропейских стран

и многочисленные прецеденты достижения Россией успехов при профессионально некомпетентном правительстве и даже вообще при отсутствии правительства (народное ополчение в период Смуты). Следовательно, не только государственная власть, но и народ выступал деятельным субъектом российского исторического процесса.

Именно поэтому национальная идея для России, для русского народа (в цивилизационном смысле) не может не быть активно деятельностной идеей. Ее управленческое и программирующее начало является императивным методологическим началом предлагаемой авторами разработки. И авторы уверены, что *именно* в России *именно* такая идея и вытекающий из нее управленческий план действий не только необходимы современной России, но, по сути дела, представляют собой безальтернативный вызов и выбор. Программа действий, предлагаемая в настоящей работе, по убеждению авторов, в России более или менее полно, но будет реализована обязательно.

В.5. Всероссийская фокус-группа: национальный девиз России

Национальная идея, как было показано выше, имеет разные формы воплощения и имплементации в реальной жизни. Это деятельностная программа. Это большой идеологический манифест и манифестация, которые входят в сознание, традиции и практику. В образовательный, патриотический воспитательный и пропагандистский процессы, в монументальное и иное искусство. Это срез, наклонение и пафос литературы.

Но это еще и то, что именуется национальным девизом. Девиз — это еще не совсем национальная идея, но ее определенное отражение. Плотное, лозунговое, афористичное, запоминающееся, передающее самую суть и соль национальной идеи. Такими девизами обладают большинство государств современного мира (табл. В.1). Некоторым из них придан официальный статус, другие, не имея нормативного государственного закрепления, получили широкое распространение на уровне массового сознания. Российская Федерация оказалась в этом отношении вне мировой традиции использования девиза как одного из важнейших элементов национального самоопределения, хотя в ее истории такие девизы были.

Что же такое «национальный девиз», «девиз государства»? Тожественные ли это понятия?

Приведем определение девиза государства из Большого юридического словаря. Девиз государства — во многих зарубежных странах один из основных символов государства и его суверенитета, представляет собой краткое изречение, выражающее обычно наивысшие ценности данного государства и общества, его идеологические основы (например, в ФРГ — «Единство, закон и свобода», в Великобритании — «Бог и право личности» и т. д.). У Российской Федерации девиз государства отсутствует¹.

Последняя фраза звучит не то чтобы грустно, а как-то даже обреченно. Получается, что у Российской Федерации нет наивысших ценностей и уж тем более нет и не может быть идеологической основы. Россия — деидеологизированное государство, где любая государственная идеология запрещена. И не нужен стране никакой девиз. Но прав ли российский либерализм 1990–2000-х гг., стремящийся растворить страну в манкуртизме?

Авторы убеждены, что страна должна обрести свой национальный девиз, имеющий статус государственной символики, закрепленной в Конституции. Однако вопрос «как его найти?» не является простым.

В апреле 2009 г. Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования был проведен интернет-конкурс «Национальный девиз России». Участниками конкурса стали члены Экспертного

¹ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007.

сообщества «Российский сетевой интеллект», т. е., по сути, представители практически всех регионов России.

Первый результат был получен из самого факта участия в конкурсе. Предполагаемая реакция на предложение принять участие в конкурсе превзошла все ожидания организаторов. Люди воодушевились, творчески мобилизовались, активизировали по цепочке своих знакомых и родных. При генерировании различных вариантов девизов эксперты не ограничивались только прозой, подключая свои поэтические способности. Конкурс затронул самые глубинные структуры российской личности. Организаторы получали письма от экспертов с благодарностью: приглашение к участию в конкурсе взбудоражило ум, заставило начать думать о стране, о своем месте в ней, о месте страны в мире.

Письма с девизами продолжали приходиться и после завершения конкурса. Эта акция подвигла некоторых преподавателей провести аналогичные конкурсы среди молодежи — своих студентов.

По условиям конкурса, к предлагаемым участниками девизам предъявлялись следующие критериальные требования:

- наличие мобилизующего, психологического, патриотического, ценностного потенциала;
- отражение национальной ценностной специфики;
- интегративный по отношению к российскому народонаселению характер;
- определение наиболее весомых факторных оснований жизнеспособности российской государственности;
- лаконичность, яркость, афористичность;
- содержательная точность и глубина.

В конкурсе приняли участие более 120 человек, которые предложили более 230 вариантов девиза.

Конкурс подтвердил, насколько сложно разработать девиз, который отвечал бы всем предъявляемым выше требованиям и в то же время был бы по душе большинству.

Несмотря на общую волну патриотического оживления, вызванную проведением конкурса, стало отчетливо видно, насколько разобщено российское общество. Насколько результативной оказалась кампания 1990–2000 гг. по вымыванию патриотического и русского компонента массового сознания. Стало понятным, с какой целью в Конституции запрещена государственная идеология, почему процесс образования отрывается от воспитания, почему свобода слова превратилась в свободу безнравственного и антипатриотического опускания массового зрителя, слушателя и читателя. Зачем убрали из паспорта упоминание национальности. Зачем провоцировали и продолжают расширять национальные разломы, почему вдруг известные СМИ изобрели «русский» (именно «русский») фашизм и т. п.

Это факт, что на сегодня найти единый согласованный подход к девизу очень непросто. Нет единого понимания того, что такое девиз, каким он должен быть, в чем его роль и смысл.

Если исходить из данного выше определения, то девиз должен отражать наивысшие ценности страны и ее народа. Конкурс четко показал, что единого понимания народом своих собственных ценностей нет. И это еще раз обозначило, насколько актуальна задача восстановления национального цивилизационно идентичного, цивилизационно русского массового сознания.

Вместе с тем нельзя не увидеть во всем множестве представленных на конкурс девизов, что, несмотря на разнообразие вариантов, трактовок, смысловых нагрузок, практически все эксперты говорили об одном — о своей стране, о своей Родине, о России. И это очень оптимистично, это поддерживает всю настоящую работу. «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас не может обойтись без нее; горе тому, кто это думает, двойное — тому, кто действительно без нее обходится» (И. Тургенев).

Не служит ли это очередным веским доказательством, что именно наша страна является той высшей ценностью, которая нас всех объединяет, которая заставляет наши души волноваться, судьба которой будоражит умы миллионов? Ведь не зря людская молва родила такую присказку: «Русский — тот, кому за державу обидно».

Единство формы (моя страна должна быть и должна быть всегда) и содержания (она должна быть такой, чтобы «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы») — вот квинтэссенция направления мысли практически всех принявших участие в конкурсе экспертов.

Эксперты интуитивно выбирают в качестве высшей ценности свою Родину, однако выразить эту ценность в лаконичном, мобилизующем, всеми принимаемом девизе — очень важная, но крайне сложная, на первый взгляд даже невыполнимая задача.

Победителями конкурса по количеству набранных голосов стали следующие девизы:

- «Помня прошлое, создаем настоящее с мыслью о будущем» (Гнетнев А.И.);
- «Сила — в единстве, успех — в труде, победа — в бесстрашии» (Филь М.С.);
- «Восток и Запад объединяя!» (Вихрян А.П.);
- «Священное прошлое, ответственное настоящее, великое будущее» (Багдасарян В.Э.).

Все эти девизы, безусловно, красивы, заслуживают всяческого одобрения. Однако, на взгляд авторов настоящей работы, в них недостаточен мобилизующий, патриотический потенциал. Кроме того, три из них не отражают национальную ценностную специфику. По мнению П. Касьянова, эти девизы достаточно абстрактны, применимы к любому народу и времени.

Нельзя сказать, что они именно о России, причем о России начала XXI в., находящейся во вполне конкретной геополитической, цивилизационной, внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации.

Девиз А.П. Вихряна в этом смысле выигрывает, поскольку отражает специфику России. Однако, являясь с грамматической точки зрения деепричастием, он предполагает некоторое основное действие, которое остается недосказанным. Тем самым энергетика формулы как девиза существенно понижается. Скорее он звучит как намек или констатация, нежели как девиз-призыв.

Таким образом, проведенный конкурс только продвинул поиск в отношении основной задачи — найти достойную лозунговую формулу отражения рефрена национальной идеи в контексте всего настоящего исследования: «Моя страна должна быть и должна быть всегда!»

Этот рефрен очень точен, но, к сожалению, не афористичен, не публицистичен. А формула как девиз должна быть, поскольку ее функция — еще и объединение страны, всего народа, элит. На фокус-исследование экспертного сообщества «Российский сетевой интеллект» была предложена также следующая формулировка национального девиза России: «Спаси и сохрани себя, Россия».

По мнению его авторов, представленный девиз очень точно выражает смысл вышеприведенного управленческого рефрена национальной идеи. Если будет Россия, будет и все остальное. И наоборот, если распадается страна, то нет ничего, кроме унижения, развала, крови и лишений.

В девизе очень важны исторические и цивилизационные истоки. Ключевое слово в нем — Россия. Россия, Родина, Отечество — вот квинтэссенция единой, равной для всех ценности, основного содержания национальной идеи, истоков патриотизма, цельности народа и страны, ее судьбы и судеб каждого. Подвиги и подъем духа народа совершаются именно во имя этой ценности.

В мелодичности формулы улавливается схожесть с молитвенным слогом (устойчивое, знакомое всем — «спаси и сохрани»). Отчасти в этом слоге есть и личная апелляция к России. Спаси и сохрани себя, а значит, и меня, мою семью, моих детей...

Основная религия страны, которая на протяжении долгих лет являлась скрепой страны, — это православие². Это ровно так же, как русскость яв-

---

² Можно дискутировать и подвергать сомнению православный акцент в девизе страны, но отрицать ее православные истоки, роль православия в становлении и развитии России нельзя. Так думали и многие представители русской интеллигенции: «Судьбы православия слиты с назначением России» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Сентябрь — ноябрь 1877 года), «Без православия наша народность — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» (*А.И. Кошелева.* Письмо к А.С. Хомякову), «Православие, являясь традиционной религией многих народов России, было и остается стержнем нрав-

ляется не разделяющим этническим началом в российской цивилизации, а скрепляющим. Все народы России когда-то входили в ее состав, под защиту «белого царя», обретая защиту, а иногда и алфавит и культуру, сохраняя при этом свои традиции и культурные корни. И это в принципе отличает Россию от всех иных исторических имперских историй, в которых чаще всего автохтонные народы в ходе складывания единого государства истреблялись. В России это принципиально не так. Это ее скрепа. Именно поэтому «известные» СМИ, пропагандисты и манипуляторы бьют по этой скрепе.

Поэтому переключка в девизе с православными истоками, во многом определившими вектор развития истории России, культурную и духовную идентичность ее народа, является фактором инегративным. Хотя, конечно, получены реакции и противоположного содержания.

В девизе («Спаси и сохрани себя, Россия») прослеживается некоторая (даже какая-то мистическая) связь времен, наследование цивилизаций, которое выразилось в аббревиатуре девиза — СССР. При любом отношении к советскому периоду невозможно забыть о нем и отрицать его преемственность Россией, отрицать взлет мирового веса страны, великую победу. Кроме того, проведенные исследования доказывают, что Советский Союз цивилизационно во многом наследовал предыдущую Россию. Коренное отличие заключается только в государственном богоборчестве во времена СССР. Эта аббревиатура не является акцентом в девизе, но каждый может найти и увидеть ее для себя. Увидеть как некий дополнительный смысл.

В девизе есть обращение к «себе», возвратность. В нем отсутствует претензия на мировое мессианство, нет агрессивности, есть самообращенность.

Эксперты, участвовавшие в фокус-исследовании, должны были определить свою реакцию, свои ощущения на представленный вариант девиза. Их реакция должна была стать отражением общенародного восприятия девиза. Кроме того, экспертам предлагалось дать свою альтернативную или скорректированную формулировку девиза, которая более точно решала бы поставленную задачу, полностью отражала бы рефрен «Моя страна должна быть и должна быть всегда», но была бы приятнее по музыкальности, ритмичности слога и другим характеристикам.

Эксперты приняли активное участие в апробации этого девиза. Причем многие из них выражали не только свое личное мнение, но и мнение своих близких, коллег по работе. В ответе одного из экспертов было выражено совокупное мнение 63 опрошенных респондентов. Всего в опросе приняли участие свыше 200 экспертов. На рис. В.5.1 приведено распределение отношения к этому девизу.

ственности и культуры нашего общества» (С. Бабурин. Русские исчезнут без православного содержания).

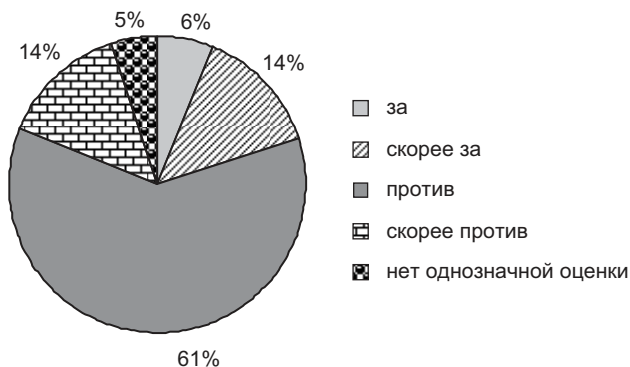

Рис. В.5.1. Реакция всероссийской фокус-группы на проект национального девиза «Спаси и сохрани себя, Россия»

В той или иной степени негативная реакция на девиз встречалась в 75% случаев. Позитивная реакция на девиз — в 20% случаев³.

Критические замечания можно сгруппировать в несколько основных блоков.

1. Отсутствие субъекта действия, адресности.

Россия в данном случае, по ощущениям, является некой абстракцией. Вызывает сомнение предположение, что граждане России, каждый в отдельности, ассоциируют себя с Россией. Возникает чувство отвлеченности от России, самоуспокоения: все само собой рассосется, мне делать ничего не надо; Россия сама по себе, я сам по себе. Неоднократно у экспертов возникла аналогия с лозунгом: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Слово «себя» в девизе, по мнению экспертов, не обладает должной мобилизующей силой, т. е. не воспринимается как адресованное лично к каждому, девиз не рождает подвигающих к действиям зрительных образов.

2. Негативная энергетическая заряженность.

Девиз порождает чувство тревоги, пессимизма, обреченности, носит пораженческо-жалостный характер типа «спасайся, кто может!».

3. Православный аспект многими рассматривается скорее как недостаток девиза, а не его достоинство. Делается акцент на многоконфессиональности, светскости Российского государства.

По мнению экспертов, девиз будет негативно восприниматься как православными, основной довод которых — недопустимость обращения с такой формулой к кому-либо, кроме Бога, так и атеистами и представителями других конфессий.

4. Отсутствие развития.

³ Оценка «за»/«против» выставлялась не самим экспертом, а координатором Экспертного сообщества при прочтении комментариев эксперта к девизу.

Девиз не носит вдохновляюще-побудительного характера, не мобилизует. Кроме того, создается впечатление, что необходимо «спасти и сохранить» действительное состояние вещей (ту Россию, которую мы имеем на данный момент с ее олигархами, экспортной зависимостью, социальным неравенством и т. д.). Это удивительно интересная рефлексия потому, что в реальной политике очередные манипуляционные проекты звучат именно таким образом: «социально-консервативный проект», «динамический консерватизм» и т. п.

«Спасение» России, по мнению экспертов, связано с ее развитием и движением вперед. В девизе же связи с преобразованием, развитием, возрождением страны не прослеживается.

5. Плохая ритмичность и звучание из-за обилия звука «с». Слово «себя» сбивает ритм.

Фактически фокус-группа предложила очень детальный алгоритм и методику поиска девиза и его верификации. Вместе с тем эксперты не ограничились лишь критикой, они активно предлагали пути совершенствования рассматриваемого девиза, а также свои собственные варианты (всего было предложено около 120 новых вариантов).

Среди предложенных на этом этапе девизов выделяются три основные группы.

Первая группа — это девизы, основанные на предложенном «Спаси и сохрани себя, Россия», но модифицированные с целью преодоления описанных выше недостатков.

В этой группе можно выделить несколько направлений мысли экспертов:

1. Уход от безадресности.

Примеры:

«Спасем и сохраним Россию» (И.В. Волосков)

«Спасем и сохраним тебя, Россия!» (В.М. Капицын, О.Н. Тынянова)

2. Смещение акцента на развитие.

Примеры:

«Спаси и возроди себя, Россия!» (А.А. Гаврилов)

«Преобрази и сохрани себя, Россия!» (В.М. Терехин)

Вместе с тем, несмотря на все попытки экспертов, модифицировать девиз и уйти от всех перечисленных выше недостатков не представилось возможным. Вероятнее всего, что повторная апробация любого из этих модифицированных девизов вызовет новую волну обоснованной критики.

Вторая группа. Эксперты из второй группы, так же как и эксперты из первой группы, приняли основной рефрен «Моя страна должна быть и должна быть всегда!», но не приняли по разным причинам предложенный вариант его лозунговой формы. Их девизы представляют собой попытки воплотить указанный рефрен в новых лозунговых формах. Например:

«Здравствуй, Россия!» (В.И. Герасимов)

«Возроди и укрепи себя, Россия!» (А.А. Лаптев)

«Будет Россия, будем и мы!» (В.Д. Магазанник)

«За Россию, за веру в будущее!» (Ю.Б. Бочаров)

«Россия, возродись и процветай!» (С.А. Тактаев)

Особую группу составляют девизы, которые в наиболее лаконичной форме максимально точно выражают рефрен «Моя страна должна быть и должна быть всегда!». К ним относятся следующие.

«Россия навсегда!» (Л.В. Батиев, Ю.Б. Бочаров)

«Наша Россия была, есть и будет!» (Ю.Б. Бочаров)

«Россия была, Россия есть, Россия будет!» (А.Ф. Петраков)

«Россия будет всегда!» (А.П. Вихрян)

«Россия была и будет всегда!» (В.А. Шумаев)

«Россия — на все времена!» (А.Ф. Петраков)

«России быть и процветать!» (Л.А. Таланина)

Третья группа. К ней относятся девизы экспертов, которые не приняли для себя основной рефрен «Моя страна должна быть и должна быть всегда!» и попытались сгенерировать для России иную высшую ценность и также выразить ее в форме девиза.

Эту группу предложений можно также классифицировать на девизы, в которых доминантой все-таки является Россия, и девизы, в которых высшими ценностями выступают иные категории, без национальной специфики. Например: мудрость, счастье, просвещение, честность, смелость, благородство, самодостаточность, инновации, истина, гармония, созидание и т. д. Безусловно, все эти ценности важны и заслуживают всяческой поддержки и защиты, но вряд ли любая из них может стать той единственной наивысшей ценностью, которая способна объединить народ России, запасть в душу каждому, создать дополнительные смыслы жизни каждого гражданина — от мала до велика.

Как уже было сказано выше, из всех представленных девизов наиболее точным, лаконичным, афористичным видится девиз «Россия навсегда!» (или «Россия будет всегда!»). Этот девиз выбран в качестве рабочего варианта для лозунгового отражения национальной идеи России.

С одной стороны, этот девиз содержит императивную уверенность в том, что Россия будет всегда во времени и пространстве. По словам А.П. Вихряна, главное в девизе то, что наша святая вера в незыблемость нашей страны, нашей Родины придает нам силы выживать и идти дальше по пути процветания и прогресса. Без развития, процветания и прогресса императив «Россия навсегда!» («Россия будет всегда!») был бы абсурден.

С другой стороны, помимо уверенности в вечности нашей страны, в девизе «Россия навсегда!» улавливается еще и глубокая привязанность и любовь к своей Родине. Россия навсегда: в моем сердце, в моей душе Россия навсегда со мной!

Как выбранная формула становится общим для всех девизом?

Существует несколько путей.

Интересна традиция появления девизов в Японии. У императорского дома не было фамилии, поэтому у монарха имелись только личное имя, девиз и посмертное имя. Девиз императора характеризовал время его правления, по нему велось традиционное японское летоисчисление, а после смерти императора девиз становился его посмертным именем. Девизы пришли из Китая в VII в., и до XIX в. императоры могли в течение правления менять девиз, но так как это приводило к путанице в календаре, император Мэйдзи изменил практику, и монарх мог иметь теперь только один девиз на все время правления⁴.

Такая практика характерна и для России. Цивилизационная традиция России — следовать за сильным лидером, а то, что исходит из его уст в качестве девиза, то и должно стать общей для всех ценностью⁵.

Однако такая практика не лишена подводных камней. Если в императорской Японии или Китае время действия девиза исчислялось временем правления монарха (как правило, пожизненным), то в России по такой технологии действие девиза может исчисляться четырехлетками (или шестилетками). Кроме того, у лидера государства нет никаких ограничений для неоднократной смены своих высших ценностей и, соответственно, девизов в течение всего периода его правления. И уж тем более не может идти и речи о преемственности высших ценностей среди руководителей государства, даже выходцев из одного «клана». Понятно, что такая ситуация, даже только в вероятностном смысле, мгновенно девальвирует потенциал и работоспособность девиза.

В связи с этим очевидна необходимость другого пути закрепления девиза.

Как правило, девиз государства помещается на государственном гербе, национальной валюте, но также может закрепляться и непосредственно в конституции. Так, на закреплённом Конституцией СССР гербе помещался девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В 1934 г. государственный герб печатался на казначейских билетах СССР.

Девизы в то или иное время помещались на гербах Австралии, Австро-Венгрии, Ботсваны, Великобритании, Восточного Тимора, Ганы, Замбии, Индии, Кирибати, Маврикия, Малайзии, Науру, Голландии, Панамы, Самоа, Сан-Марино, Сейшел, Сингапура, Соломоновых Островов, Судана, Тонга, Тувалу, Туниса, Чили, ЮАР и др.

⁴ По материалам сайта <<http://kafgospr.narod.ru/>>.

⁵ Имеют место интуитивные попытки Д.А. Медведева сформировать девиз государства «Вперед, Россия!». Однако вектор направленности этого движения в виде докладов ИНСОРа — это тупиковый и беспомощный для российской цивилизации путь. Примечательно, что формулировка девизов лидерами государства практикуется и в других странах бывшего СССР. Так, еще в 2005 г. президент Казахстана Н. Назарбаев обратился к гражданам Казахстана с обращением «Казахстан — только вперед!». С тех пор данный девиз признается неофициальным девизом Казахстана.

Аналогично закреплению девиза на гербе в американской практике встречались случаи закрепления девиза на государственных печатях. Так, печать Конфедеративных Штатов Америки содержала девиз «Deo Vindice» — «Под Богом, нашим защитником»⁶. На печати штата Калифорния изображен девиз «Eureka» — «Я нашел Его»⁷. Девизы на своих печатях имеют также штаты Иллинойс, Делавэр, Коннектикут, Колорадо, Аризона, Аляска, Алабама и многие другие⁸.

Встречаются девизы и на национальной валюте. Так, можно увидеть девизы на монетах Гватемалы, Кубы, Никарагуа, Словении.

Флаги также являются носителями девизов таких стран, как Ирак, Папарвай, Саудовская Аравия, Иран.

Кроме этого, значительное число стран в качестве источника закрепления девиза выбрали конституцию государства. К этим странам относятся следующие: Франция, Гвинея, Андорра, Алжир, Бенин, Габон, Гвинея-Бисау, Джибути, Доминиканская Республика, Камбоджа, Камерун, Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал. Законодательное закрепление девиза страны встречается также не только на уровне основного закона — конституции, но и на уровне обычных законов.

Так, секция 40 Республиканского закона Филиппин № 8491 наряду с описанием национального флага, гимна и других геральдических элементов содержит также девиз Филиппин — «За Бога, народ, природу и страну»⁹. В проекте Конституции Палестины предусматривается, что девиз этого государства наряду с флагом, гербом и т. п. должен устанавливаться законом¹⁰.

Наиболее устойчивыми способами закрепления национального девиза являются конституция, флаг и герб. Однако, учитывая исторические традиции флага и герба России, представляется, что единственно возможным путем принятия девиза является закрепление его в Конституции страны как основополагающем законе государства, устанавливающим его высшие ценности и базовые цели.

Итак, если национальная идея страны по существу это «Россия должна быть и должна быть всегда!», то национальный девиз, отражающий ее, — это, конечно:

«Россия — навсегда!».

⁶ По материалам сайта <<http://upload.wikimedia.org/>>.

⁷ По материалам сайта <<http://geraldika.ru/symbols/5729>>.

⁸ Там же.

⁹ <<http://www.gov.ph/aboutphil/RA8491.doc>>.

¹⁰ <<http://www.pcpsr.org/domestic/2001/constel.html>>.

Авторы благодарны многочисленным ученым — участникам всероссийских научных конференций РАН, организованных Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, на которых апробировались представленные в настоящем издании научные и проектные результаты. Материалы настоящего исследования были апробированы на следующих конференциях.

Национальная идентичность России и демографический кризис. *I Всероссийская научная конференция (Москва, 20–21 октября 2006 г.). РАН.*

Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина РФ. *Российское экономическое собрание (Москва, 19–20 октября 2007 г.). МГУ им. М.В. Ломоносова.*

Национальная идентичность России и демографический кризис. *II Всероссийская научная конференция (Москва, 15 ноября 2007 г.). РАН.*

Национальная идентичность России и демографический кризис. *III Всероссийская научная конференция (Казань, 13–14 ноября 2008 г.). Академия наук Республики Татарстан.*

Проблемы государственной политики регионального развития России. *Всероссийская научная конференция (Москва, 4 апреля 2008 г.). РАН.*

Россия: Путь к социальному государству. *Всероссийская научная конференция (Москва, 6 июня 2008 г.). РАН.*

Наука и власть: Проблема коммуникаций. *Всероссийская научная конференция (Москва, 26 сентября, 2008 г.). РАН.*

Стратегии России в историческом и мировом пространствах. *Всероссийская научная конференция (Москва, 5 июня 2009 г.). РАН.*

Конституции и доктрины России современным взглядом. *Всероссийская научная конференция (Москва, 17 марта 2009 г.). РАН.*

Политическая и партийная система современной России. *Всероссийская научная конференция (Москва, 2 октября 2009 г.). РАН.*

Национальная безопасность: Научное и государственное управленческое содержание. *Всероссийская научная конференция (Москва, 4 декабря 2009 г.). РАН.*

Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение. *Всероссийская научная конференция (Москва, 19 марта, 2010 г.). РАН.*

Футурологический конгресс: Будущее России и мира. *Всероссийская научная конференция (Москва, 4 июня, 2010 г.). ИНИОН РАН.*

Национальная идея России. *Всероссийская научная конференция (Москва, 12 ноября 2010 г.). РАН.*

Нравственное государство как императив государственной эволюции. *Всероссийская научная конференция (Москва, 27 мая 2011 г.). РАН.*

Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование. *Всероссийская научная конференция (Москва, 21 октября, 2011 г.). ИНИОН РАН.*

От СССР к РФ: 20 лет — итоги и уроки. *Всероссийская научная конференция (Москва, 25 ноября 2011 г.). РАН.*

Часть I

Жизнеспособность страны: содержание, история, факторы

Введение I

Жизнеспособность страны — это понятие не только относительно новое и еще непривычное в научно-практическом обороте, но и достаточно сложное. Чаще говорят о конкурентоспособности страны, но этот термин, как и предельно размытое содержание, угадываемое за ним, не является приемлемым для построения системы государственного управления, чему посвящена настоящая работа. Конкурентоспособность понятна и оправданна, как понятие и термин, для бизнеса, поскольку его успешность, как антитеза банкротству, заключается в доходности. Суметь продать произведенное благо себе не в убыток, в условиях действий на рынке конечного спроса продавцов такого же блага, — это есть конкурентоспособность. Чем торгует государство (в широком смысле) и с кем оно конкурирует? Что есть конкурентоспособность страны? Рационального ответа на эти вопросы нет, поскольку от научности такое терминопонятие тяготеет скорее в сторону художественной литературы. Но вопрос об интегральной характеристике успешности страны остается. Конечно, как это и отмечалось в вводной главе, самым значимым показателем успешности страны является ее жизнеспособность. Как бизнес может обанкротиться и «умереть», так и страна может развалиться, стать на политологическом языке «несостоявшимся» государством, т. е. тоже «умереть». Успешность страны — это не мифическая конкурентоспособность, а жизнеспособность.

Ровно так же как, обеспечивается конкурентоспособность (успешность) бизнеса при управлении деталями его баланса, рекламной кампании, маневром капитала, сбытовой политикой и многими другими факторами успеха, обеспечивается и успешность или жизнеспособность страны. Делает это прежде всего государство в процессе государственного управления. Управляет оно определенными факторами, которые должны быть известны. А для этого их необходимо вычислить, определить, взвесить по значимости и отфильтровать избыточные. Задача эта ввиду сложности страны как системы невероятно трудна, отягощена идеологической догматикой, политическими манипуляциями. Поэтому авторами для ее решения использовались и количественные — математические, статистические, и экспертно-оценочные методы, и компаративные исторические и ансамблевые по странам мира методы. История России, временные статистические ряды, истории иных стран, сравнительный качественный анализ в конце концов позволили получить набор факторов жизнеспособности России. Их идентификации, отчасти оценке, когда разделить эти этапы познания было трудно, и посвящен нижеследующий раздел монографии.

Глава 1. Страна, государство, государственность

1.1. Государственность России в мегаистории

Категория государственности

Русский язык различает категории «государство» и «государственность». Первое из указанных понятий эквивалентно английскому термину *state*, подразумевая главным образом систему власти. Лингвистически «государство» производно от «господарство», а оно в свою очередь — от «господарь», «господин» (хозяин, владелец). Исходным же по отношению ко всем ним понятием выступает, по утверждению лингвистов, слово «господь». Оба термина (и «господин», и «господь») указывают на определенную вертикаль, иерархизм отношений. Другое дело понятие «государственность»¹.

По правилам словообразования русского языка термины, заканчивающиеся на «енность», обозначают не какой-либо объект, а качественное состояние. Соответственно, государственность — это функциональное состояние государства: в узком смысле слова — властного механизма (например, «монархическая государственность» у Л.А. Тихомирова²), в широком смысле — страны.

Если речь идет о функциональном состоянии системы, то должны быть параметры, определяющие потенциалы функциональности (факторные параметры). Здесь вновь применяется основополагающая для настоящей работы формула существования любой государственности: наличие государственной территории, государствообразующего народонаселения и государства как публичной власти.

Само представление о государственности как единстве трех базовых потенциалов (территории, народонаселения и власти) является достаточно традиционным для теории в сфере государствоведения. Можно процитировать опубликованную еще в начале 1930-х гг. работу Н.В. Устрялова «Элементы государства»: «Как явствует из общепринятого формального определения государства, необходимыми элементами его должны быть признаки: 1) территория, 2) население и 3) власть. Каждый из этих трех признаков неизбежно присутствует во всяком государстве. Не может быть государства без людей, его населяющих, без территории, его определяющей, и без власти, в нем господствующей. Власть его воплощается в правительстве, но вопрос о самом принципе власти следует четко различать от вопроса о формах правительства. Государство, таким образом, есть явление сложное, как сама жизнь. Оно есть форма жизни, живое синтетическое единство. Бывает, что оно обращено к нам какой-либо одной стороной, одним из своих элементов.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Ростов н/Д.: ИДДК, 2004. С. 52–53.

² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Монография. СПб.: БСК, 1992.

Слово “народ” обозначает государство, рассматриваемое преимущественно с точки зрения составляющих его людей; слово “страна” или “земля” — государство, главным образом в аспекте территории; “держава” — государство под углом зрения власти и властных отношений; и, наконец, “правительство” есть государство, изучаемое специально с точки зрения его правящих органов»³. Видный шведский геополитик Р. Кьеллен выводил на основании фиксации трех базовых факторов существования любой страны соответствующие им три деятельностные проявления — геополитику, этнополитику и кратополитику.

В последующих разделах каждый из перечисленных базовых потенциалов государственности будет детально описан и факторно декомпозирован. Однако выявления соподчиненных им факторов для адекватного описания всей системы государственности недостаточно. Существуют еще и межфакторные горизонтальные связи.

Базовые потенциалы — территория, народонаселение и государственное управление имманентно связаны друг с другом. Однако топология этих связей не является постоянной. Исторически она может модифицироваться. Эти модификации в значительной мере определяются изменениями значимости каждого из базовых потенциалов для жизнеспособности страны. Их факторное действие не является равновесным. В различные исторические эпохи положения потенциалов в отношении их влияния на коэффициент жизнеспособности страны менялись местами. Структура отношений базовых потенциалов государственности в значительной мере определяет типологию государственности, а в трендах их переструктурирования прослеживается динамика исторических трансформаций России.

Историческая изменчивость значимости базовых потенциалов жизнеспособности страны

Вопросы об отношении к территории (дискурс о «Родине»), народу и государству — ключевые для любой государственной идеологии. Ответы на них формируют идеологическую парадигму страны. Тезис о парадигмальности базовых потенциалов государственности для формирования национальной идеи является в теории генезиса государственных идеологий достаточно хрестоматийным⁴ (рис. 1.1.1). Идеологически образующие вопросы имеют два формата: идентификационный («что есть?») и функциональный («в чем предназначение?»).

³ Устрялов Н.В. Элементы государства. Монография. Харбин: б/и, 1932.

⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Монография. В 3 ч. Ч. 3. М.: Практик, 2006. С. 143–150.

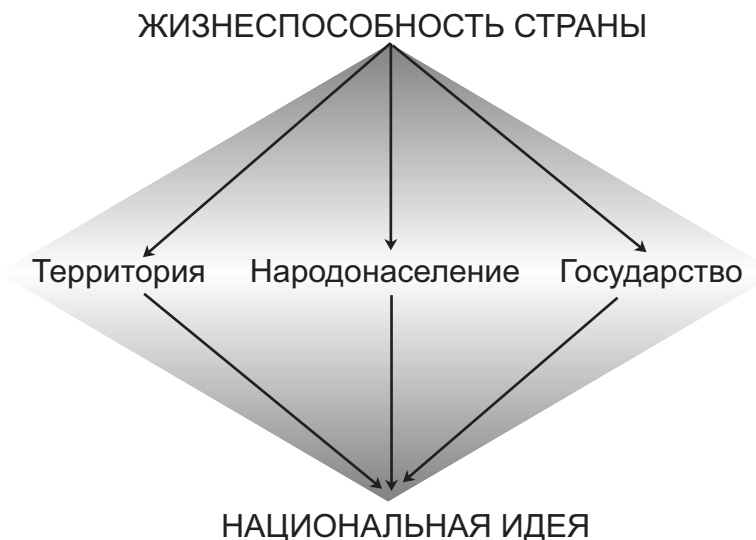

Рис. 1.1.1. Национальная идея как скрепа содержания базовых потенциалов государственности

Исторически изменчивость соотношений заключалась в переходе первенства самого значимого в триаде потенциалов фактора: от территории к народонаселению и от народонаселения к государственному управлению. Такая логика изменений корреспондирует с глобальным процессом эволюции. Человечество в своем развитии становится все более субъектным, освобождаясь от предопределенности средовых условий бытия. Оразумление мира, соответственно, повышает и его управляемость.

На ранних, архаических этапах бытия человечества доминирующее значение имел фактор месторазвития. Организация традиционного общества детерминировалась средой обитания. Человеческое сообщество на этой стадии своего существования имело заметное сходство с биологической популяцией. Традиционная культура выстраивалась как механизм адаптации человека к средовым условиям жизни. Вариативность цивилизаций также задавалась первоначально многообразием природных зон существования человеческого вида. Заметим, что снижение значимости пространственных условий развития объективно ведет к актуализации процесса цивилизационной конвергенции, что более подробно будет рассмотрено в главе 3.

По мере развития знаний и технологий человек становился все менее зависим от природных факторов бытия. Вторая (искусственная) природа замещает со временем по степени значимости для него совокупность компонентов естественного происхождения. Тренд понижения доли аграрного сектора в отраслевой структуре занятости населения в мире является одним из индикаторов уменьшения весомости первого из базовых потенциалов

странового развития. Новая эпоха характеризовалась переструктурированием модели государственности в направлении перемещения на первую позицию значимости фактора народонаселения. Начало этого перехода относится к периоду «великих географических открытий». Границы цивилизаций выходят с этого времени за прежние границы природных ареалов. Так, модель англосаксонской государственности цивилизационно репродуцировалась в Северной Америке и Австралии — экосистемах, совершенно отличных от условий Британского полуострова. Человек теперь не столько приспосабливается, сколько сам формирует среду своего существования. Исторически это означало закат традиционного общества и начало эпохи модерна⁵.

Период доминанты народонаселения означал переход от модели адаптационного бытия к парадигме глобального сетевого Разума. Вооружившись новыми промышленными и коммуникативными технологиями народы обретали отсутствующие у них ранее потенциалы глобальной исторической субъектности. Однако выражалась она еще в основном фрагментарно, как проявление целенаправленной деятельности определенных групп социума. При дефиците управленческих возможностей соответствующих государств задачу колонизации Сибири взяли на себя казаки-землепроходцы, а Америки — отряды конкистадоров. Тем же дефицитом управления объясняется феномен феодального права. Феодал управлял крестьянскими наделами, как вассал королевского дома. В русском варианте поместье являлось платой служивому сословию за государственную службу. Длительность сохранения дворянско-поместной системы в России, в сравнении с Западом, объясняется трудностями управленческого освоения российских пространств при крайне низкой плотности населения. Из этого же обстоятельства проистекает и специфика российской модернизации, осуществляемой в формате военно-феодального строя имперской государственности⁶.

Политологическим отражением особенностей периода доминанты фактора народонаселения явилось выдвигание различных концептов, акцентированных на политической субъектности народа. Наиболее типичным вариантом такого дискурса стало выдвигание переосмысленной по отношению к античной эпохе теории демократии.

Дальнейшее технологическое развитие неизбежно приводило к расширению управленческих потенциалов, а соответственно, и к повышению значимости фактора государственного управления. Это вовсе не означает позицию дирижизма. Напротив, управленческая директивность являлась

⁵ *Пешель О.* История эпохи открытий. Монография. М.: б/и, 1884; *Харт Г.* Морской путь в Индию. Монография. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954; *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. Монография. М.: Просвещение, 1967.

⁶ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Монография. В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.

отражением не силы государства, а его сравнительной слабости. Совершенствование управленческих технологий приводило к замене прямых директивных механизмов мягкими нитями управления. Чем выше оказывается технологический уровень государства, тем факторно более значимой для соответствующей страны становится управленческая роль власти. О том, что это именно так, свидетельствует индикатор доли государственных расходов в ВВП. Страны Запада занимают по данному показателю абсолютно лидирующие позиции.

А как же быть в таком случае с традиционно навязываемым западным либерализмом? Различие государственных систем в эпоху современного глобального управления имеет совершенно иную природу, чем, например, в период социалистическо-капиталистического противостояния. Ранее они онтологически определялись природно-средовыми условиями формирования. Социалистический этатизм в России объективно вызывался географическими особенностями российского месторазвития. Сегодня видимые различия государственных систем — это в значительной мере результат разноуровневости управленческих потенциалов. Одни государства уже перешли к технологиям *soft-power* управления (либерализм у них есть всего лишь эффект невизуальности управленческих импульсов), другие продолжают пользоваться директивным инструментарием, третьи остаются еще на уровне феодально-опосредованных моделей властвования.

Итак, значение факторов в истории возросло по направлению: территория — народонаселение — государственное управление. Либеральные утверждения обратного в последнем звене попросту необоснованны.

Инверсии моделей российской государственности в части ее базовых потенциалов

Тезис об инверсиях моделей российской государственности, как следствии изменения весомости ее базовых потенциалов, подтверждается посредством исторического корреляционного анализа (рис. 1.1.2).

Территория

Первоначально наивысший показатель корреляции с коэффициентом жизнеспособности страны обнаруживает фактор территории.

Об определяющем значении территории в исторических судьбах государства рассуждали еще античные философы. Аристотель проследил прямую связь между государственной культурой и климатом страны. В Новое время идея зависимости режимов управления от географических условий существования и, в частности, размеров территории получила обо-

1.1. Государственность России в мегаистории

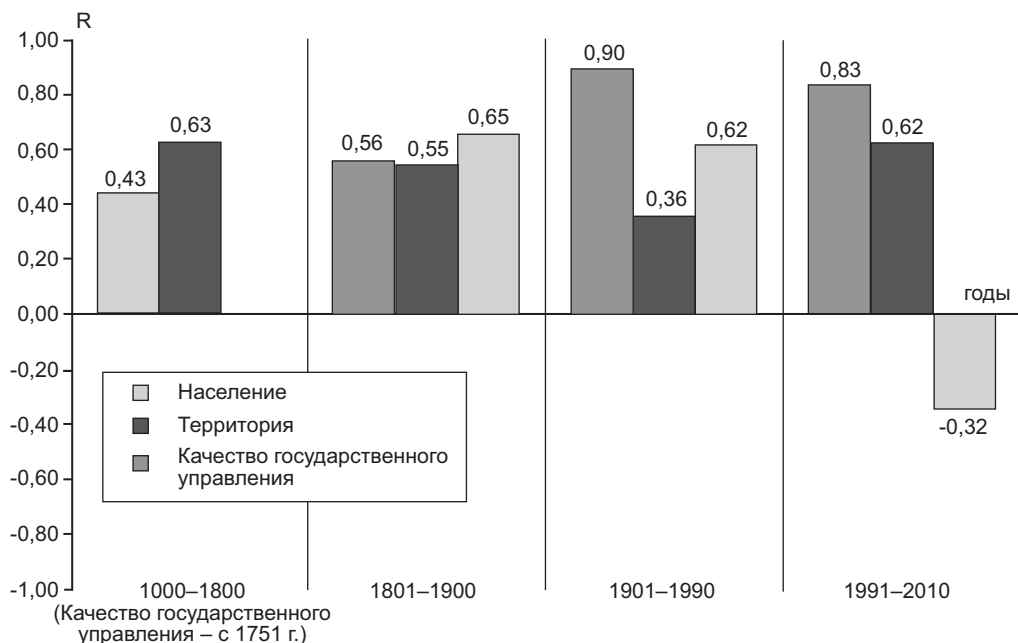

Рис. 1.1.2. Коэффициент корреляции между базовыми потенциалами (существенными признаками) российской государственности и коэффициентом жизнеспособности на различных исторических этапах

снование в трудах Ш. Монтескье и Ж. Руссо⁷. Даже Наполеон исходил из того, что «ключ политики государств — в их географии». Как «движущуюся географию» определял историю И. Гердер⁸. Основоположник политической географии Ф. Ратцель образно трактовал государство как «кусоч организованной земли»⁹. В наиболее завершенном классическом виде теория определяющего влияния географии на исторический процесс получила развитие в трудах Г. Бокля и И. Тэна¹⁰.

Применительно к российской истории значение природной среды было акцентированно представлено в обобщающих курсах классиков отечественной историографии С.М. Соловьева и В.О. Ключевского¹¹. Ключевский начинал свой знаменитый лекционный курс с рассуждения о триединстве

⁷ Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.

⁸ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Монография. М.: Наука, 1977.

⁹ Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007.

¹⁰ Бокль Г. История цивилизации в Англии. Монография. В 2 т. М.: Мысль, 2007; Тэн И. Происхождение современной Франции. Монография. СПб.: Типография П.О. Пантелева, 1907.

¹¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Голос, 1993; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1995.

факторов природной стихии — леса, реки и степи в формировании русского национального мировосприятия. В виде своеобразной борьбы стихий леса и степи рассматривал ход российской истории один из основоположников евразийского направления Г.В. Вернадский. Логика исторического развития обнаруживалась им в нахождении баланса между этими базовыми для Евразии географическими компонентами. Сообразно с данным объяснением выделялись следующие модели исторического воплощения евразийской государственности:

- 1) первые попытки объединения леса и степи (до 972 г.);
- 2) борьба леса и степи (972–1238 гг.);
- 3) победа степи над лесом (1238–1452 гг.);
- 4) победа леса над степью (1452–1696 гг.);
- 5) объединение леса и степи (1696–1917 гг.)¹².

Утверждение государственности исторически связывалось с укоренением феномена территориальной оседлости. Конечно, в истории известны и великие кочевые государства. Чего хотя бы стоит великая монгольская империя Чингисхана. Но тенденция существования и таких государств заключалась в последовательном усилении укладов оседлого развития¹³. Формирование государственных инфраструктур требует определенного уровня фиксации территориального бытия. Со временем те же монгольские ханы пришли к пониманию, что «империю можно завоевать верхом на коне, но управлять ею с седла невозможно». Данные тенденции исторически предопределили особую государствообразующую роль земледельцев восточных славян на евразийском пространстве. Кочевые тюркские и монгольские народы для этой миссии не вполне подходили. Таким образом, русская доминанта в формировании единой евразийской государственности имела в своем основании не только политику, но и особенности месторазвития, в частности, оседлости.

В истории России территориальная доминанта повлияла на средневековую модель государственности. Идеологически это закреплялось через рефлексию об особых свойствах русской земли. Не народ, не государство, а именно земля находилась в центре идеологического продуцирования. Мобилизационный императив формировался в виде призыва — «За землю Русскую!».

Уже в XII в. русские князья клялись именем «земли Русской». К «земле Русской» апеллирует возжигающий свечу в иерусалимском храме Гроба Господня паломник Даниил¹⁴. Тема противопоставления Родины и чужбины

¹² Вернадский Г.В. Русская история. Соч. М.: Аграф, 1997; Вернадский Г.В. Россия в средние века. Соч. Тверь — М.: Леан, Аграф, 1997.

¹³ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. Монография. М.: Восточная литература, 2006.

¹⁴ Хождение игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1978.

присутствует в Ипатьевской летописи¹⁵. «Повесть временных лет» сформулировала принцип сакрализации территории в качестве основополагающего для киевской государственности идеологического императива: «Имемся во едино и блюдем Русскую землю. Не посрамям земли Русской, но ляжем костьюми тут: только мертвые сраму не имут».

Характерно наименование летописного произведения, сюжетно посвященного разрушению древнерусской государственности под ударом татарского нашествия — «Слово о погибели Русской земли»¹⁶. Государственность в этот период истории понималась прежде всего как «земля».

С территориальной доминантой корреспондирует вотчинная модель государственного права. Основу правоотношений в средневековом обществе неслучайно составлял вопрос о землевладении. Стабильность системы обеспечивалась прикреплением населения к земле — институтом крепостного права. В дальнейшем процесс раскрепощения оказался хронологически связан со снижением факторной значимости для страны потенциала территории.

Показателем и иллюстрацией периода территориальной доминанты является титул верховного суверена. О выражении через него суверенной воли народа речи тогда не шло. Русский царь титуловался как владелец множества различных земель, но не народоводитель.

Святой апостол Андрей благословил место будущей Руси, но не племена ее населяющие¹⁷. Понятие «Святая Русь», так же как и «Третий Рим», имело первоначально вполне конкретные географические рамки воплощения¹⁸. Только с расколом возникло представление о Руси как преимущественно духовной субстанции. Еще Никон понимал Третий Рим главным образом в пространственном смысле. Никоновский проект состоял в максимальном расширении территориальных рамок православной теократии¹⁹. В старообрядческой среде выдвигается принципиально новая парадигма: Русь — там, где русские понимаются как истинно православные. В этой постановке уже отражалась тенденция перехода от территориальной к народонаселенческой доминанте в триаде базовых потенциалов государственности²⁰. Инте-

¹⁵ Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 2. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843.

¹⁶ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». Монография. М.–Л.: Наука, 1965.

¹⁷ Дулуман Е.К., Глушак А.С. Введение христианства на Руси: легенды, события, факты. Монография. Симферополь: Таврия, 1988. С. 17–18; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Монография. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991.

¹⁸ Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). Монография. М.: Индрик, 1998.

¹⁹ Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Монография. В 3 т. Варшава: б/и, 1931–1938; Патриарх Никон: трагедия русского раскола. Сборник статей. М.: ДАРЪ, 2006.

²⁰ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Монография. М.: Церковь, 1995.

ресно отметить, как совпадают данные количественного корреляционного анализа с событийным историческим рядом, что делает выдвигаемый концепт надежно обоснованным и достоверным.

Народонаселение

Фактор народонаселения приобретает наивысший среди базовых потенциалов показатель корреляции с коэффициентом жизнеспособности страны в XIX столетии. Однако предвестники этой переориентации фиксируются еще двумя столетиями ранее. Уже не земля, а народ выступает основным ориентиром в новой системе ценностных координат. Земский Собор, как общероссийский представительный орган, служит индикатором начавшегося процесса нациестроительства²¹.

До формулировки концепции суверенитета нации дело не дошло, но исторический вектор был определенно направлен в сторону идеологии гражданской суверенизации. Уже в Петровскую эпоху выдвигается концепт «государства всеобщего блага». Теория «официальной народности» помещала народ в центр новой модернизированной идеологии православной государственности²².

Начиная с дискуссии западников и славянофилов, основной дискурс шел по вопросу об имманентных качествах русского народа. Служение народной пользе стало признанным императивом в этике российской интеллигенции. Оппозиционная мысль десятилетиями воспроизводила аксиологию дихотомии государства и общества. Даже В.О. Ключевский выводил принцип антикорреляции между потенциалами народа и государственной власти («государство бухло, народ хирел»). В действительности борьба со стороны оппозиции шла не против государства, а против самодержавно-дворянского режима, выстраиваемого на парадигме территориального фактора государственности²³.

Идейный апогей народонаселенческой инверсии был достигнут в революции 1917 г. Революционные события стали в значительной мере модификационным сопровождением утверждения народной субъектности. Однако завершенного вида, по образцу западных демократий, модель государственности с народонаселенческой доминантой в России так и не обрела. С приходом к власти большевиков началось утверждение системы с переакцентировкой на решающую роль института государства.

---

²¹ *Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси. Монография. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1902.

²² *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ / RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.

²³ *Хоскинг Дж.* Россия: Народ и империя (1552–1917). Монография. Смоленск: Русич, 2001. С. 11; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1.

Еще в Древней Греции для раскрытия феномена народа использовались различные дефиниции. Если термин «лаос» подразумевал все население, проживающее на территории полиса, то «демос» — только ту его часть, на которую распространялись преференции участия в гражданском управлении. Соответственно и жизнеспособность России зависит не от самого факта наличия некоего количества индивидуумов, а от существования российского народа как деятельного субъекта истории. Это предполагает прежде всего самосознание народом своего единства, «мы»-идентификацию.

Исторически данная задача решалась в переходе от племенного быта к государственническому. Принцип кровного единства замещался принципом единства идейного (первоначально чаще всего религиозного). В этом смысле национальная идея является по своему генезису контраверзой этноцентричности. Строительство государственности шло по пути преодоления парадигмы первобытного расизма, доминанты биологических мотиваторов. Логика перехода от родового быта к государственному определила основную схему изложения хода российской истории в трудах представителей «юридической школы» в отечественной историографии во главе с С.М. Соловьевым и Б.Н. Чичериным²⁴.

Исторически были выработаны две основные модели нациестроительства. Первая представляла путь этнической унификации. Устанавливался единый национальный шаблон. Несоответствия ему устранялись чаще всего насильственным способом. Именно так происходило формирование национальных государств на Западе. Второй путь заключался в выстраивании этнически гетерогенной модели государственности. Наряду с сохраняемыми идентичностями отдельных народов формировалась единая цивилизационная идентичность. Российский исторический опыт реализовал вторую из описанных моделей. Причем ниоткуда не следует вторичность российской модели или ее ущербность по сравнению с западным опытом. Как раз наоборот, ее оригинальность тождественна ее адаптированности, а значит, оптимальности по отношению к реалиям России, как природным, так и историческим.

Специфика генезиса российского народонаселения заключалась в его этническом интегрализме. При государствообразующей роли русского народа сохранялось этническое и конфессиональное многоцветие государственности. Путь унификации был имманентно чужд ментальности российского народонаселения, в чем проявлялось его принципиальное отличие от миропонимания западного человека. Исторически Россия представляла собой в плане этноконфессиональных взаимоотношений особый тип интегрирующего государства. Ее специфика заключалась в нехарактерном для Запада сохранении этнической идентичности и традиций населявших российскую территорию народов.

²⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. Монография. М.: ОГИЗ, 1941.

Еще «Повесть временных лет» четко фиксирует объединение под маркером Руси по меньшей мере трех этнических компонентов — славян, финно-угров и варягов²⁵. Следствием ордынского периода в истории стало расширение цивилизационной интеграции народов в масштабах евразийского пространства. В дальнейшем, в период Московского царства и Петербургской империи, Российское государство активно инкорпорировало в свой состав представителей самых различных этнических групп. Такими же «лояльными» свойствами отличалась и русская культура. Была исторически реализована совершенно непохожая на западный колониализм модель этнически комплиментарной русской «имперскости».

Ни один народ, включенный в состав империи, не исчез с этнической карты России. Наоборот, многие из них под ее защитой и покровительством смогли достичь более высокого уровня собственного национального самознания. Имелись прецеденты переселения в Россию целых народов, спасавшихся под скипетром русского царя от этноцида, как, например, буддистов калмыков (XVII в.) или мусульман гагаузов (XVIII в.). Переселенческие потоки направлялись даже из Европы, составив, по статистике, за период с 1828 г. по 1915 г. 4,2 млн чел. Национальная принадлежность применительно к русским никогда не определялась по крови. Видными фигурами в историческом воплощении русскости были: имевший украинское происхождение Гоголь, грузинское — Багратион, армянское — Айвазовский, еврейское — братья Рубинштейны, немецкое — Фонвизин и др. Брачная этническая замкнутость среди русских исторически никогда не существовала. Инородческое происхождение не являлось препятствием для продвижения по службе и занятия самых высоких государственных должностей²⁶.

Модель СССР еще более акцентировала идею цивилизационной интеграции (советский народ) сохраняемого множества этнических идентичностей. Советский Союз самим фактом своего существования наносил решающий удар по позициям расизма. Эту мировую миссию СССР обнаруживал, в частности, вождь китайского национально-освободительного движения Сунь Ят-Сен: «Из полутора миллиардов населения земного шара четыреста миллионов людей белой расы — наиболее могущественные. Их намерение — разрушить, уничтожить цветные расы... Но в истории сделан большой поворот. Сто пятьдесят миллионов белых русских не убоились агрессивной политики белой расы. Они соединились с более слабыми азиатскими народами против натиска белой расы»²⁷. Такое позиционирование позволяло рассматривать СССР в странах третьего мира в качестве идейного знамени. Сегодня все эти

²⁵ Повесть временных лет. В 2 ч. Ч. 1 / Текст и перевод. 2-е изд., испр. и доп. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

²⁶ Ульянов Н.И. Русское и великорусское. Статья // <<http://www.angelfire.com/nt/oboguev/images/niurus.htm>>.

²⁷ Основные идеи Сан-Мин. Монография. Харбин: б/и, 1929. С. 44.

специфичные черты российской модели структурно-идентификационной организации народонаселения оказались максимально выхолащены.

Государственное управление

Наивысшие показатели корреляции с коэффициентом жизнеспособности страны среди ее базовых потенциалов в XX столетии приобретает фактор государственного управления. В осуществлении перехода к третьей факторной парадигме и состоял исторический смысл советской модернизации, хотя он и перешел границу гипертрофированности. Драматизм и многожертвенность первых десятилетий в истории СССР в значительной мере определялись форсированным характером осуществляемой инверсии.

Достаточные условия перехода к системе всеобщности государственного управления к тому времени еще не сложились. Исторически не исчерпала своих потенциалов народонаселенческая парадигма развития страны. Искусственное ее свертывание выразилось политически в виде маховика массовых репрессий. При дефиците соответствующих потенциалов государство использовало репрессивный механизм для достижения управляемости системой. Создание модели плановой экономики стало наиболее значимым индикатором реализованного исторического перехода²⁸.

Использование директивных методов управления не было имманентным признаком советской системы. Дирижизм объяснялся относительной неразвитостью технологических потенциалов. В 1970-е гг. СССР вплотную подошел к рубежу управленческой модернизации, заключающейся в переходе от методов прямой директивы к технологически сложным мотивационным механизмам управления. Однако этот переход, ввиду отсутствия в руководстве КПСС должного понимания общей направленности развития мира, не состоялся. Вместо усложнения системы управления был избран ложный ориентир управленческой дерегуляции²⁹.

И это притом что для России, в силу специфических условий ее развития, качество государственного управления еще более значимо, чем где бы то ни было. В России, сообразно с ее цивилизационными традициями, выстраивалась принципиально отличная от Запада модель государственности. Государство выступало не в качестве одного из субъектов отношений внутри социума, а как демиург всех основных форм и институтов общественной жизни. Не общество создало в России государство, а государство общество.

²⁸ Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н.А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007.

²⁹ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. Монография. М.: АСТ, 2006; Фуко М. Искусство государственного управления // М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. С. 183–211.

Российское общественное здание строилось, в отличие от западных, не снизу вверх, а сверху вниз. Оно воздвигалось не с фундамента, а с крыши. Вернее сказать, что государство и было этим фундаментом. Отечественная история, как весьма точно определил ее парадигму Н.М. Карамзин, есть прежде всего история государства Российского³⁰.

Природно-климатические условия, высокая степень пространственной распыленности, удаленность от культурных центров — все, казалось бы, обрекало Россию на отсталость. Объективно по своим стартовым условиям она проигрывала. И только железной волей государства страна могла каким-то образом двинуться вперед и составить конкуренцию своим геополитическим противникам³¹.

Специфическая роль государства в России исторически определялась следующими факторными обстоятельствами.

Во-первых, высокая дисперсность населения, несопоставимость наличных людских ресурсов с пространственными параметрами, требующая поддержания территориальной целостности за счет включения фактора государственных скреп.

Во-вторых, догоняющий тип российского модернизма, необходимость форсированной ликвидации технической отсталости от Запада, достигаемой посредством этатистской мобилизации сил.

В-третьих, особая роль государства в России определялась перманентной актуализацией военного фактора, парадигмой борьбы на уничтожение.

В-четвертых, этническая и конфессиональная гетерогенность России воплотились в особом имперском характере государственного управления как условия сохранения полиэтничности и поликонфессиональности.

Парадокс современной трансформации факторной значимости

Парадокс современного периода в истории России заключается в возвращении, вопреки всей логике мирового развития, к факторным доминантам более ранних исторических эпох. Данная контристорическая инверсия фиксируется в характере корреляционной связи базовых потенциалов страны с коэффициентом ее жизнеспособности (см. рис. 1.1.2, с. 149). Резко возросла значимость территории, катастрофически снизился показатель корреляции народонаселения, уменьшилась управленческая компонента.

Объяснение произошедшему переходу обнаруживается в переориентации государства на экспортно-сырьевые рельсы развития. Хронологически возрастание значимости фактора территории четко соотносится с «подсаживанием» страны на «нефтяную иглу» в 1970-е гг. В постсоветский период

³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Соч. В 4 кн. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.

³¹ Ульянов Н.И. Исторический опыт России. Монография. Нью-Йорк: б/и, 1962.

тенденция сырьевой инволюции только усилилась. Вектор оразумления человеческого бытия был заменен обратным процессом возвращения к природной доминанте существования. С этим парадоксом связана трудность формулирования новой национальной идеи России. Потребность выдвижения модернизационного концепта вступает в противоречие с реальностью ресурсно-сырьевой парадигмы. При этом население России владельцам нефтяной трубы оказалось совершенно не нужно. Оно, судя по показателю антикорреляции фактора народонаселения с коэффициентом жизнеспособности страны, фактом своего существования даже мешает функционированию сложившейся системы. Тезис об антинародном характере современной модели российской государственности получает, таким образом, прямое математическое подтверждение. Новая идеология должна не фиксировать существующую факторную структуру потенциалов государственности, а обозначать пути перехода к более совершенной государственной системе.

Национальная идея в истории российской государственности

Факторный взгляд на природу государственности позволяет рассматривать идеологию через функцию управленческой актуализации факторов в целях укрепления жизнеспособности страны. Национальная идея в этом смысле есть важнейший компонент государственного управления. Новационный факторно-управленческий подход к идеологии не только не отрицает других традиционно выделяемых ее функций (ориентационную, мобилизационно-мотивационную, интеграционную, идентификационную, воспитательную, когнитивную), но и позволяет аккумулировать их в рамках единого целеполагания. Посредством идеологий формируются исторические модели государственности. Именно национальная идея задает конкретные формы государственного бытия, будучи сама определяема набором факторов страновой жизнеспособности.

В этом отношении авторский подход принципиально отличается как от позиций материального детерминизма (идеальное есть производное от материального состояния), так и трансцендентализма (материальное есть эманация трансцендентных идей). Каждая завершенная идеология структурно состоит из ряда компонентов, которые, при включении ее в факторное дерево государственности, сами выступают в качестве факторов жизнеспособности страны.

История России представляла собой в идеологическом плане инверсию трех концептуально оформленных моделей государственного развития: Третьего Рима, православной империи и коммунизма. Помимо них в разное время выдвигались и другие идеологические проекты — Нового Константинополя (Ярослав Мудрый), Нового Иерусалима (Никон), Государства всеобщего блага (Петр I), Всемирной христианской империи (Павел I) и др.

Однако все они имели вторичный характер и не обладали тем уровнем доктринальной завершенности, как три вышеперечисленные модели, образующие идеологии. Морфология исторического выражения идеологических факторов российской государственности представлена в табл. 1.1.1.

Из ее анализа следуют два положения. С одной стороны, смена идеологием соотносилась с новыми реалиями и вызовами развития страны и мира. С другой стороны, их модификация носила зачастую формальный характер, скрывая за модифицированными маркерами постоянные принципы и ориентиры российской национальной идеи.

Традиционным механизмом закрепления ценностей, понимаемых в качестве факторов жизнеспособности страны, в коллективном сознании выступал феномен сакрализации. Сакрализировывались прежде всего те компоненты общественного бытия, которые являлись жизненно необходимыми для соответствующей государственности. Функциональное понимание категории «священного» позволяет рассматривать ее в качестве традиционного действенного инструмента государственной политики. Универсальный страновой характер имеет сакрализация базовых потенциалов государственности — территории, народонаселения и публичной власти. Сам факт универсальности «священного» подтверждает правильность определения основных факторов жизнеспособности страны.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что на всех стадиях истории российской государственности факторы территории, народонаселения и качества государственного управления имели определяющее значение. Это подтверждает правильность идентификации их в качестве базовых потенциалов страны. Исключение из общего правила российской истории представляет современный период. Данная констатация дает основание говорить о деформированном и нездоровом характере сложившейся на сегодняшний день в РФ модели государственности.

Факторной скрепой по отношению к базовым потенциалам государственности выступает национальная идея. Без нее страна не существовала прежде и не сможет существовать в будущем. Прослеживаемая связь с ней базовых потенциалов государственности подтверждает правильность методологии рассмотрения национальной идеи через призму факторного анализа и конечной апелляции к активной управленческой деятельности государства.

Исторические инверсии государственной идеологии России

Идеологический компонент	Москва — Третий Рим	Православная империя: православие, самодержавие, народность	Коммунизм	Будущая национальная идея России
Ценностная цель	Спасение мира от власти Антихриста. Царствие Христово на земле	Спасение мира от духовного разложения, определяемого нехристианской парадигмой развития. Царствие Христово на земле	Спасение мира из пут капитализма, эксплуатации человека человеком. Коммунизм	Спасение мира от угроз материализма, биологизации бытия человечества
Смысл бытия государственности	Удерживающая функция. Святая Русь фактом своего существования удерживает мир от апокалипсиса	Россия как оплот православия. Сохранение до окончания истории истинной христианской государственности	Советская социалистическая государственность как исторический переход к коммунизму	Россия как инициатор нового мессианского проекта цивилизационной интеграции. Российский цивилизационно-ценностный пакет как универсальное основание будущей конвергенции цивилизаций, как путеводитель глобальной эволюции всего человечества
Прошлое	Русь как духовная и политическая преемница «Рима и Византии». Мифологема о «белом клобуке». Главные исторические события: призвание Рюрика, крещение Руси, падение Византии	Российская история как противостояние православной государственности внешнему враждебному окружению. Канва героических свершений русского народа. Главные исторические события: крещение Руси, избрание на царство Михаила Романова, Отечественная война 1812 г.	Утверждение советской государственности — новая эра в истории человечества. Противопоставление советского и дореволюционного периодов истории. Главные исторические события: Октябрьская революция, Гражданская война, Великая Отечественная война	Единая канва российской истории: инверсии моделей государственности при постоянной цивилизационной доминанте. Главные исторические события: факторно определенные точки прорывов и катастроф в истории России

Идеологический компонент	Москва — Третий Рим	Православная империя: православие, самодержавие, народность	Коммунизм	Будущая национальная идея России
Настоящее (актуальный вызов)	Предэсхатологический период истории: «Четвертому Риму не бывать». Переходный этап вступления в византийское наследие, создание русского православного царства. Проблема синтеза русской национальной традиции с идеей имперской государственности	Проблема синтеза традиций православной государственности с весторнизацией петровского типа (московско-православная традиция и петербургский имперский модерн). Переходный реформационный этап к созданию промышленно-развитого, социально-мобильного государства западного образца, при сохранении духовного стержня православия	«Диктатура пролетариата» и советская государственность как переходный этап построения бесклассового коммунистического общества. Проблема синтеза коммунистической идеи с задачами государственной модернизации в условиях враждебного окружения	Проблема синтеза традиций и модернизации в рамках новой синергичной модели развития. Модернизация с опорой на цивилизационно-ценностные исторические накопления России
Будущее	Армагеддон. Царствие Христово на земле	Вселенская православная теократия	Мировая революция. Утверждение принципов коммунистического общества в мировом масштабе	Конвергенция цивилизаций. Россия как духовный центр и ориентир новой модели миростроительства
«Мы»—идентификация	Русские как православные. Православная идентификация	Русские как историческое единство великороссов, малороссов и белорусов, синтез православной и русской этнической идентификации	Русские как советские. Коммунистическая идентификация	Синтез концептов русской (российской) цивилизационной идентичности и российской гражданской нации
«Они» (образ антипода)	«Окаянная нерусь». Духовная автаркия. Враждебность всего неправославного окружения	Запад — католический, затем — секулярный	Мир капитала. Мировая система империализма	Экспансионный, унифицирующий и разрушающий духовные потенциалы человечества глобализм как распространение меркантилизма

Идеологический компонент	Москва — Третий Рим	Православная империя: православие, самодержавие, народность	Коммунизм	Будущая национальная идея России
Личностные идеалы	Образ христианского святого	Образ патриота русской православной государственности	Образ строителя коммунизма	Образ человека, личностно аккумулирующего «белый пакет» цивилизационно-ценностных накоплений Тип духовно ориентированной личности
Этические нормы	Этика жизни во Христе	Этика христианского служения православному государству. Принцип трудности	Этика служения «социалистической Родине». Принципы классовой и революционной целесообразности	Императив цивилизационной жизнеспособности России
Эстетические нормы	Идеал внутренней духовной красоты, неприятие эстетики плотских форм	Синтез христианского психологизма и имперского монументализма	Революционный монументализм, романтика строительства коммунизма	Новая гуманистическая эстетика одухотворенного бытия
Политическая модель	Синтез «священства» и «царства», московская теократия	Самодержавие. Имперский этатизм	Советская модель государственности, теория государства нового типа. Социалистический этатизм	Оптимизированная этатичность
Экономическая модель	Домостроительская модель экономики. Государственное вотчинное хозяйство	Общинно-патерналистская модель экономики. Дирижистская система экономического управления	Плановая экономика. Директивная система экономического управления. Государственные монополии	«Невидимые нити» государственного управления экономикой (стимулирующее, мотивационное управление). Оптимизированность экономической автаркичности

Продолжение таблицы 1.1.1

Идеологический компонент	Москва — Третий Рим	Православная империя: православие, самодержавие, народность	Коммунизм	Будущая национальная идея России
Социальная модель	Сословная система. «Государственные тягла» как функции сословий. «Хорошой принцип» общественной организации	Раскрепощение сословий: переход от сословной системы к модели социально мобильного общества. Общинность. Соборность	Бесклассовое общество. Советский производственный коллективизм. Принцип социального равенства	Социальный гуманизм. Коллективизм как ценностный ориентир цивилизационного развития
Правовая модель	Религиозное понимание права («священные книги» как правовой источник). Синтез традиционного и кодифицированного права	Божественная харизма как основание имперской легитимности. Синтез рационального (собрание законов) и харизматического (царистский культ) правосознания	Революционное правосознание. Право как рецидив классово-государственной	Разработка ценностно-мировоззренческих оснований российской правовой системы
Внешнеполитическая модель	Миссия соборности русских земель	Миссия защиты православия в мире	«СССР — родина мирового пролетариата». Интернационал. Миссия поддержки революционного и национально-освободительного движения	Россия как препятствие западному проекту унифицирующей глобализации. Новая модель интеграции в формате цивилизационного диалога

1.2. Государственность страны: территория

Территория как образующее начало страны, ее функции с точки зрения вклада в жизнеспособность страны интересуют авторов прежде всего как пространство определения факторов, влияющих на жизнеспособность страны во всем их разнообразии, взаимосвязи и иерархии. Выделяются факторы «первого уровня», обеспечивающие выполнение территорией своих функций в целях максимизации жизнеспособности страны. Выдвигаются также подходы по дальнейшему выявлению цепочки факторов с целью выработки управленческих реакций. Таким образом, настоящий раздел призван дать описание верхней части пирамиды факторов, полученной в результате факторного анализа территории как образующего начала страны (рис. 1.2.1).

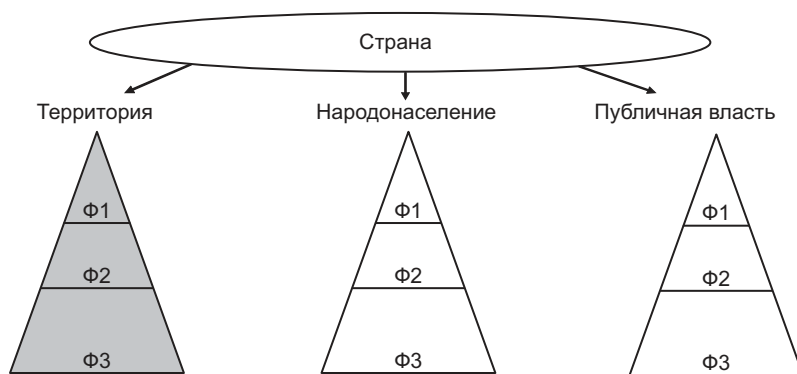

Рис. 1.2.1. Факторная пирамида

Каким образом территория становится значимой для жизнеспособности страны? Тривиальный ответ уже давался во введении: при отсутствии территории (территория = 0) отсутствует и страна.

Наличие у страны территории вызывает к жизни категорию суверенитета ее государственной власти. На одну территорию может распространяться суверенитет только одной государственной власти (одной страны). Все остальные случаи означают спорность территории и ведут к явным или скрытым конфликтам. Случай с федеральным территориальным устройством, согласно действующей Конституции нынешней России, когда на одну территорию формально распространяется действие двух видов государственной власти, должен исключать возможность трактовки этой власти как суверенитета: всегда должен быть определен единственный носитель суверенитета (федеральная власть). Однако действующая Конституция России фактически закрепляет этот правовой нонсенс.

Несмотря на то, что территория преимущественно является материальным атрибутом (элементом) страны, она имеет и нематериальное воплоще-

ние. Типичный пример — «Земля Обетованная» в иудаизме, впоследствии воспринятая в тех или иных формах и в христианской традиции. Отдельные территории могут иметь сакральный смысл для страны, стремление обладать ими может становиться идеей и побудительным мотивом деятельности (например, обладание Константинополем, горой Арарат и т. п.). Однако в рамках настоящего исследования нематериальное воплощение территории рассматривается как временное, переходное состояние, а цель при этом — материальное обладание территорией.

Зачем нужно материальное обладание территорией для страны? С точки зрения витального подхода территория обеспечивает следующие функции.

Территория определяет физические границы суверенитета страны, в пределах которых действуют законы и власть соответствующей страны. При этом власть должна распространяться в равной мере на всю без исключения подвластную территорию страны, не терпя никаких конкурентов, и должна бороться с любыми попытками организованного ей сопротивления или оспаривания в виде сепаратизма.

Территория определяет границы безопасности, отделяет «своих» от «чужих». Внутри границ на территории своей страны люди должны чувствовать себя в максимальной безопасности.

Территория — это место проживания народонаселения страны. В рамках исследования в качестве критерия для определения народонаселения взят именно территориальный признак, хотя представления о расколотом народе, соотечественниках за рубежом, цивилизационном географическом ареале, геополитической зоне и т. п. также имеют место в определенных контекстах.

Территория выполняет функцию ресурсной базы для страны: она является источником как всех жизненно важных ресурсов (воздух, вода, солнечный свет, биосфера), так и источником полезных ископаемых, используемых для различных видов хозяйственной деятельности.

Таким образом, территорию образно можно представить в виде некоего дома, снабженного всем необходимым для проживания в нем, и к тому же безопасного.

Рассмотрим вопрос, от чего зависит выполнение территорией своих функций, вопрос о факторах-потенциалах территории.

Факторы, воздействующие на территорию, — это условия и обстоятельства, состояния, влияющие на выполнение территорией своих функций по обеспечению жизнеспособности страны.

Что же это за условия, обстоятельства и состояния, которые могут влиять на выполнение функций территории? Предположений может быть много, поэтому был проведен анализ применительно к каждой функции с целью выявления групп факторов, которые могут положительно или отрицательно влиять на реализацию этих функций территории с точки зрения жизнеспособности (табл. 1.2.1).

Таблица 1.2.1

Анализ воздействия различных факторов на выполнение территорией своих функций в части обеспечения жизнеспособности страны

Функции территории	Факторы, влияющие на выполнение этой функции	Предположение о воздействии фактора на функцию
Границы суверенитета страны	1. Территориальная протяженность	Положительное: большая площадь является доказательством могущества относительно соседей, дает народонаселению необходимое жизненное пространство, дает больше шансов на обеспечение необходимыми природными ресурсами, предоставляет выход к морям. Отрицательное: увеличение управленческих издержек и издержек на оборону протяженных границ
	2. Транспортная насыщенность и территориальная связанность	Положительное: при увеличении минимизируются негативные факторы большой площади. Возможен негатив, если транспортная насыщенность и связанность неравномерны, особенно в районе границ с вероятными противниками
	3. Геополитическое соседство страны	Положительное: ближайшими соседями могут быть дружественные или зависимые страны, что приводит к увеличению эффективной территории и обеспечению стабильности на границах. Отрицательное: сильные и недружественно настроенные соседи могут создавать дополнительные риски, оказывать влияние на суверенитет и территориальную целостность
	4. Географическое положение 4.1. Наличие эксклава 4.2. Баланс развития по частям света	4.1. Отрицательное: возникает риск утраты суверенитета и территориальной целостности. Положительное: «опорный пункт» для реализации внешней политики, в том числе военной, возможность моделирования интеграции. 4.2. Положительное: фактическая представленность страны во всех частях света. Отрицательное: возможность экономического и политического тяготения регионов к иным центрам силы, утрата территориальной целостности

Функции территории	Факторы, влияющие на выполнение этой функции	Предположение о воздействии фактора на функцию
	5. Плотность населения, в том числе по регионам, в том числе «славянского ядра»	Положительное: чем более равномерное распределение, тем лучше
	6. Полнота суверенитета власти на всей территории	Положительное: максимальный внешний и внутренний суверенитет над территорией повышает жизнеспособность. Отрицательное: повышенный уровень закрытости, излишняя жесткость во внешней политике могут препятствовать интеграции, в том числе с соседями. Излишняя централизация может снижать эффективность региональной политики и создавать предпосылки для возникновения сепаратизма
	7. Природоресурсные характеристики территории	Неоднозначное: может вызывать конкуренцию со стороны других стран
Границы безопасности	1. Защищенность государственных границ	Положительное: чем лучше защищены государственные границы, тем лучше реализуется функция
	2. Геополитическое соседство	Положительное: в случае добрососедских отношений. Отрицательное: в случае соседства с недружественными и конкурирующими странами
	3. Полнота суверенитета власти на всей территории	Положительное: чем выше суверенитет, тем больше возможностей для обеспечения безопасности. Отрицательное: повышение суверенитета в случае нахождения в «подчиненном» положении в геополитической игре может повысить риски безопасности вследствие санкций за «выход из-под контроля»
Место проживания народонаселения страны	1. Природно-ресурсный потенциал в целом	Положительное: большое жизненное пространство с разнообразными ландшафтами, климатическими зонами и низкой плотностью населения создает широкие возможности для обустройства проживания народонаселения. Отрицательное: те же самые условия могут оказаться негативным фактором в части повышения угроз со стороны стран, страдающих от дефицита указанных положительных свойств

Функции территории	Факторы, влияющие на выполнение этой функции	Предположение о воздействии фактора на функцию
	2. Комфортность проживания	Неоднозначное: положительно сказывается на здоровье, снижает издержки производства. Возможен негатив в виде снижения инновационной активности, высокой конкуренции за такие территории. Важными факторами являются: доля территории, комфортной для проживания, соотношение плотности проживания на комфортных и некомфортных территориях, по сравнению с сопредельными странами
	3. Агроклиматические характеристики территории	Положительное: продовольственная безопасность и самообеспечение
	4. Освоенность территории (уровень развития производительных сил в зависимости от региона)	Положительное: в случае равномерности освоенности и отсутствия экологических рисков
Ресурсная база для страны	1. Пространственный ресурс	Положительное: чем он больше, тем лучше для жизнеспособности
	2. Природоресурсные характеристики территории (национальное природное богатство)	Положительное: чем больше и разнообразнее национальное природное богатство, тем лучше. Негативное: снижение инновационной активности

Представленный в табл. 1.2.1 набор факторов представляет собой результаты предварительного анализа. Требуется уточнение иерархии, значимости воздействия того или иного фактора на жизнеспособность страны. Эти уточнения выполнены с использованием различных методов: корреляционного и регрессионного анализа, компаративного метода, экспертной оценки.

Определим промежуточный перечень факторов, сформированный по результатам анализа, представленного в табл. 1.2.1:

- 1) территориальная протяженность;
- 2) транспортная насыщенность и территориальная связанность;
- 3) геополитическое соседство;
- 4) географическое положение:
  - 4.1) наличие эксклава;
  - 4.2) баланс развития по частям света;
- 5) плотность населения;
- 6) полнота суверенитета власти на всей территории;
- 7) защищенность государственных границ;
- 8) природно-ресурсный потенциал;
- 9) комфортность проживания (климатическая);
- 10) агроклиматические характеристики территории;
- 11) пространственный ресурс.

Приведенный перечень дает возможность сделать предположения об агрегировании некоторых факторов, установлении определенной иерархии в их взаимосвязи, а также возможность сформулировать новые факторы, тем самым переходя на следующий иерархический уровень факторов, влияющих на реализацию территорией своих функций:

1. Территориальная целостность:
  - 1.1) полнота суверенитета государственной власти на всей территории;
  - 1.2) географическое положение страны.
2. Освоенность территории:
  - 2.1) плотность населения;
  - 2.2) уровень развития производительных сил.
3. Связанность территории.
4. Природно-ресурсный потенциал:
  - 4.1) агроклиматические факторы;
  - 4.2) комфортность проживания;
  - 4.3) количество портов, выход к океанам, береговая линия;
  - 4.4) природные ресурсы.

Такая группировка факторов лучше отражает выполнение территорией своих функций: территориальная целостность отражает уровень обеспечения суверенитета государственной власти и границ безопасности, освоенность и связанность — функцию места проживания, природно-ресурсный потенциал — функцию ресурсной базы для страны.

Для наиболее точной оценки степени взаимосвязи и влияния предполагаемых факторов на жизнеспособность страны в качестве базового метода будет использоваться корреляционный и регрессионный анализ, что не исключает возможности использования и иных методов.

Определим систему возможных показателей для оценки того или иного фактора (табл. 1.2.2).

Проведем оценку основных факторов.

Территориальная целостность

Основным количественно измеримым фактором является территориальная целостность страны, под которой понимается неизменность территории и границ в сторону уменьшения. Авторы исходят из предположения, что уменьшение территории оказывает негативное воздействие на жизнеспособность и должно быть предотвращено любыми способами.

В качестве рациональных аргументов в пользу этого тезиса можно привести следующие.

Во-первых, площадь территории демонстрирует устойчивую корреляцию (0,67) с коэффициентом жизнеспособности страны (рис. 1.2.2).

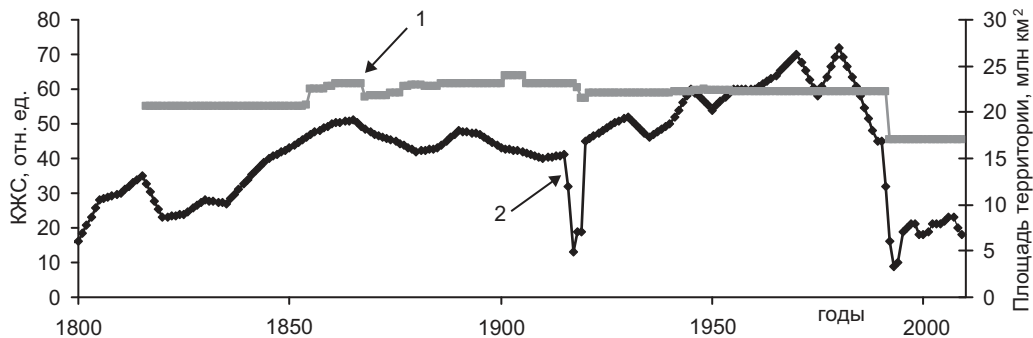

Рис. 1.2.2. Сопоставление исторической динамики площади территории (1) и коэффициента жизнеспособности (2)

Это представляется вполне логичным, так как тренд к уменьшению территории в принципе может привести к ее полной утрате, что означает исчезновение и страны.

Во-вторых, одним из косвенных показателей высокой жизнеспособности страны является ее положение в мире, лидерство по тем или иным показателям. В качестве комплексного показателя такого лидерства возможно использовать так называемые «базовые» показатели (в терминологии

Возможные показатели для оценки факторов

Наименование фактора	Формулировка возможных показателей	Возможность использования показателя для оценки фактора
1. Территориальная целостность	1. Наличие территорий, не признающих суверенитет государственной власти России. 2. Наличие территорий, оккупированных другими государствами. 3. Наличие территорий, на которых действуют незаконные вооруженные формирования. 4. Наличие анклавов и эксклавов. 5. Общая площадь территории	1–3. Наличие таких территорий говорит о нарушении территориальной целостности. 4. Наличие таких территорий создает дополнительные риски территориальной целостности. 5. Негативное значение имеет уменьшение площади территории
1.1. Полнота суверенитета государственной власти над всей территорией	1. Международное признание страны и ее границ. 2. Наличие споров о границах. 3. Наличие военных конфликтов с пограничными государствами. 4. Участие в военных блоках, союзах без потери суверенитета. 5. Наличие политического, экономического или военного сепаратизма	1. Отсутствие международного признания создает дополнительные риски, но может являться и индикатором самостоятельности внешней политики. 2. Наличие споров о границе имеет значение в зависимости от общей динамики: при увеличении споров можно говорить о давлении на суверенитет. 3. Наличие военных конфликтов: в зависимости от динамики и их результатов может служить показателем готовящейся экспансии как со стороны самой страны, так и со стороны ее соседей. 4. Участие в военных блоках на лидерской позиции означает укрепление суверенитета (например, ОВД); участие вопреки национальным интересам — его потеря (например, Антанта). 5. Наличие сепаратизма однозначно свидетельствует о негативной динамике суверенитета

Наименование фактора	Формулировка возможных показателей	Возможность использования показателя для оценки фактора
1.2. Географическое положение	1. Количество пограничных стран. 2. Количество приграничных территорий. 3. Количество выходов к морям, частям света и портов. 4. Площадь собственной территории и территории союзников. 5. Площадь территории потенциальных противников	1. Увеличение количества пограничных стран в целом слишком неоднозначный показатель: он может отражать как внешние процессы, так и внутренние. 2. Увеличение количества приграничных территорий потенциально негативно сказывается на жизнеспособности — потенциально большая опасность. 3. Для обеспечения статуса необходим выход и присутствие во всех частях света; для закрепления этого присутствия нужны коммуникации (порты, города и т. п.); однако присутствие должно быть сбалансированным. 4. Чем больше собственная площадь и площадь, занимаемая союзниками, тем лучше при прочих равных условиях. 5. Чем меньше площадь, занимаемая потенциальными противниками, тем лучше
2.1. Плотность населения	1. Средняя плотность населения, в историческом и страновом сравнении. 2. Соотношение плотности населения по регионам внутри страны	1. Чем ближе плотность населения к среднемировому показателю, тем лучше (но при условии сохранения территориальной целостности). 2. Чем равномернее распределение плотности населения внутри страны, тем лучше (но с учетом климатических особенностей); чем более равномерно распределение по частям света, тем лучше; чем меньше разрыв в плотности населения с соседними странами, тем лучше
2.2. Уровень развития производительных сил	1. Объем ВВП как интегральный показатель. 2. Объем капитальных вложений	1. Чем выше ВВП, тем лучше. 2. Чем выше капитальные вложения, тем лучше (при этом должен существовать баланс их вложения по регионам внутри страны)
3. Связанность территории	1. Плотность автомобильных и железных дорог. 2. Протяженность автомобильных и железных дорог.	1. Чем выше и равномернее плотность, тем лучше. 2. Чем больше совокупная протяженность дорог, тем лучше (но должно обеспечиваться сбалансированное развитие). 3. Чем выше темпы прироста, тем лучше.

Наименование фактора	Формулировка возможных показателей	Возможность использования показателя для оценки фактора
	3. Темпы прироста автомобильных и железных дорог. 4. Количество аэропортов, парк самолетов. 5. Объем грузооборота. 6. Объем пассажиропотока	4. Чем больше аэропортов и парк самолетов, тем лучше. 5. Чем выше объем внутреннего грузооборота, тем лучше (интегральный показатель связанности); при этом чем ниже стоимость тонно-километра, тем лучше (снижение транспортной нагрузки на экономику). 6. Чем больше объем пассажиропотока, тем лучше
4. Природно-ресурсный потенциал	1. Климатические и агроклиматические показатели. 2. Оценки объемов разведанных природных ресурсов	1. Чем больше площадь эффективной территории, тем лучше. 2. Чем выше объем разведанных природных ресурсов, тем лучше

Всемирного банка)¹: площадь территории, размер населения и «массу» экономики (размер ВВП). Как видно, такая методология весьма сходна с использованной в авторском подходе для определения жизнеспособности как таковой. На основании этих показателей А.И. Трейвишем разработан и предложен сводный показатель размера страны — СД (средняя доля страны)²:

$$СД = (P_T + P_N + P_{ВВП}) / 3,$$

где P_T , P_N , $P_{ВВП}$ — это процентные доли страны в мире по территории, населению и ВВП.

Результаты расчетов СД по крупнейшим странам мира представлены на рис. 1.2.3³.

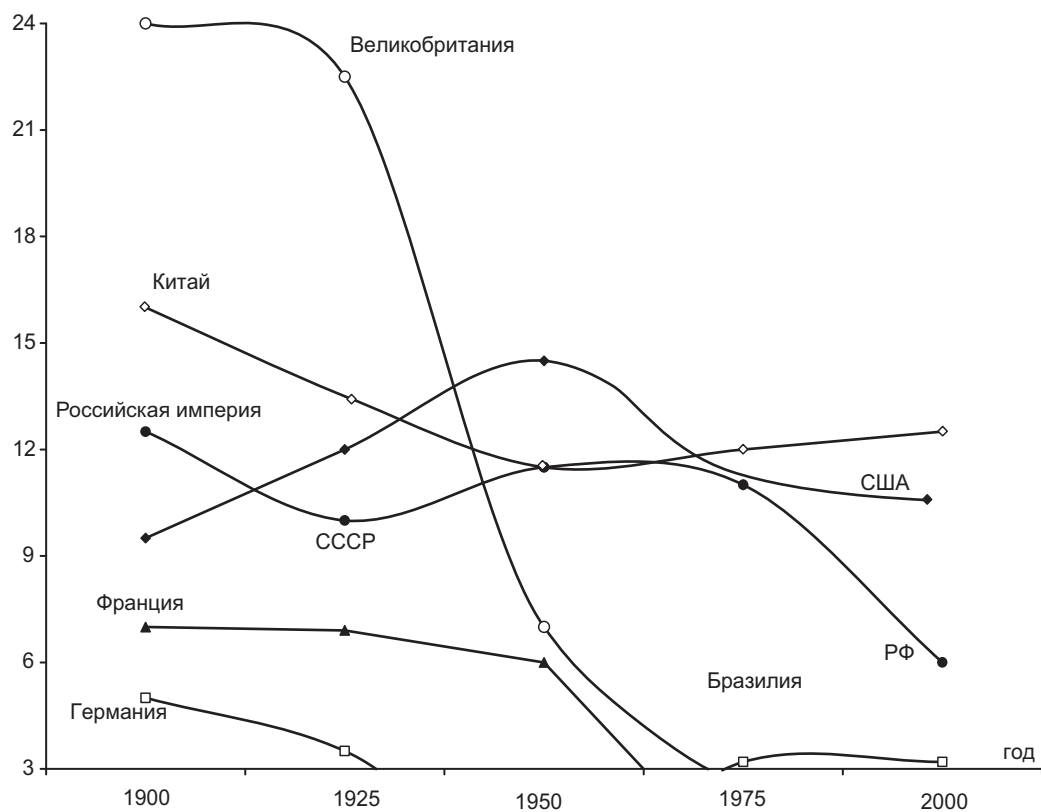

Рис. 1.2.3. Динамика СД крупнейших стран в XX в.

¹ Цит. по: *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. Монография. М.: Новый хронограф, 2009. С. 70.

² Там же. С. 72–73.

³ Там же. С. 77.

Общий вывод весьма неутешителен: Россия в «клубе крупнейших государств мира» удерживается исключительно благодаря размеру своей территории, который в настоящее время неадекватен ни ее населению, ни уровню развития экономики в сопоставлении с другими крупными странами.

Указанный вывод ставит перед современной Россией весьма жесткий вызов: неадекватность в скором времени может быть устранена концептуально в результате реализации одной из альтернатив: «подтягивая» отстающие показатели до уровня занимаемой территории или «снижая» территориальные показатели до уровня остальных. В логике формирования национальной идеи страны выбор очевиден: размер территории не может быть снижен, поэтому выход — в сохранении за Россией статуса великой державы путем повышения ее жизнеспособности и обеспечения баланса показателей большой территории, населения и экономического развития.

Территориальная целостность, как интегральный количественный фактор территории, в свою очередь определяется воздействием полноты суверенитета (внешнего и внутреннего) над территорией и географическим положением страны.

Интегральным показателем полноты суверенитета власти над территорией является качество (результативность) государственного управления или публичной власти (см. раздел 1.4). Полнота суверенитета определяется состоянием внешнего и внутреннего суверенитета страны.

Под внешним суверенитетом в контексте исследования понимается международное признание и способность страны реализовывать национальные интересы. Это, в свою очередь, определяется геополитикой (разделы 2.1.9 и 7.4), обороноспособностью (раздел 2.1.8), а также эффективностью публичной (государственной) власти (раздел 1.4).

Под внутренним суверенитетом понимается верховенство и легитимность государственной власти, основанные на балансе интересов регионов и Центра и отсутствии негативных факторов сепаратизма.

Безусловно, фактором внутреннего суверенитета над территорией является государственно-территориальное устройство (раздел 2.1.14). Эффективность государственно-территориального устройства определяет, в том числе, эффективность региональной политики. Корреляционная связь региональной политики и КЖС иллюстрируется рис. 1.2.4.

Территория и географическое положение страны также оказывают влияние на КЖС.

С распадом СССР, с которым было связано резкое падение КЖС, уменьшилась общая площадь страны, площадь государств-союзников, увеличилась площадь государств — потенциальных противников (рис. 1.2.5). Увеличилось количество пограничных государств и приграничных районов.

Эти факты можно рассматривать не только как следствие распада страны, но и как следствие снижения жизнеспособности. Однако напомним,

1.2. Государственность страны: территория

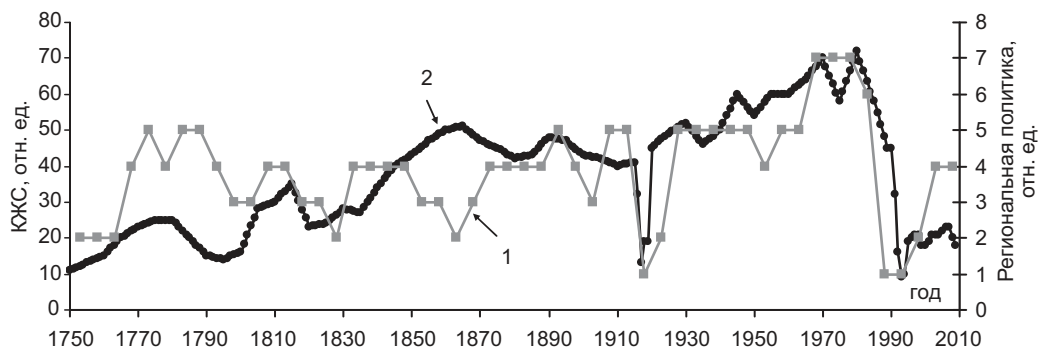

Рис. 1.2.4. Исторический ход качества государственной региональной политики (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2).
Корреляция равна 0,54

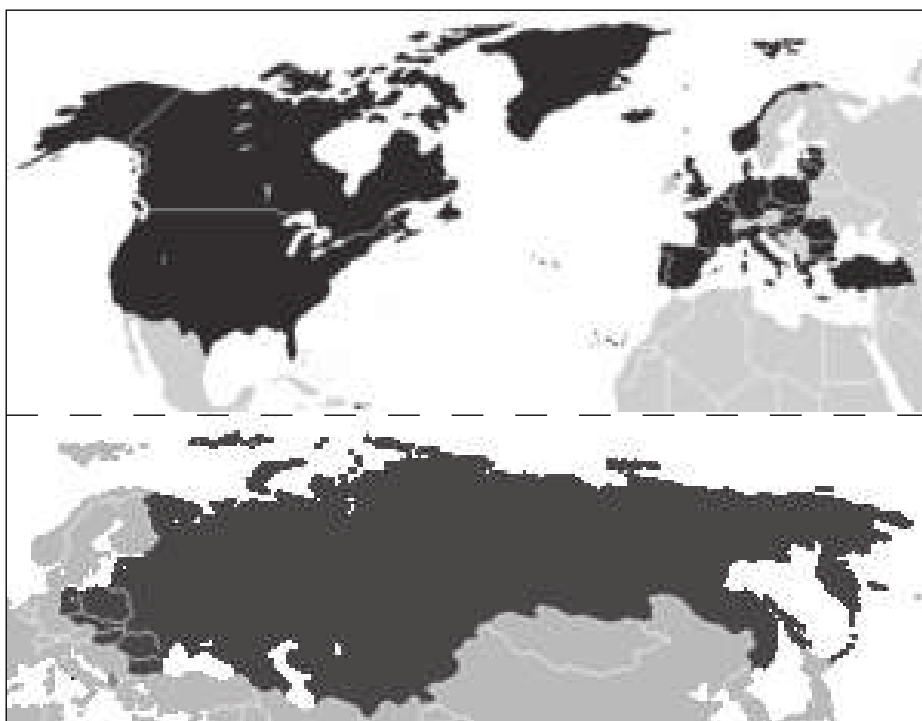

Рис. 1.2.5. Площадь территории стран — членов НАТО в 2010 г. (вверху) и площадь стран — участниц Варшавского договора до 1990 г. (внизу)

что распад СССР проходил под лозунгом позитивных целей: многие были убеждены, что это приведет к улучшениям. Поэтому в данном случае имеет смысл говорить как минимум о взаимозависимости целей и результатов.

Интерес представляют данные экспертной фокус-группы относительно взаимосвязи жизнеспособности страны и ее территории. Экспертам был задан вопрос: «Каким образом увеличение территории России до размеров территории бывшего СССР (неважно, каким способом) повлияет на жизнеспособность российской государственности?».

Ответы распределились следующим образом⁴ (рис. 1.2.6).

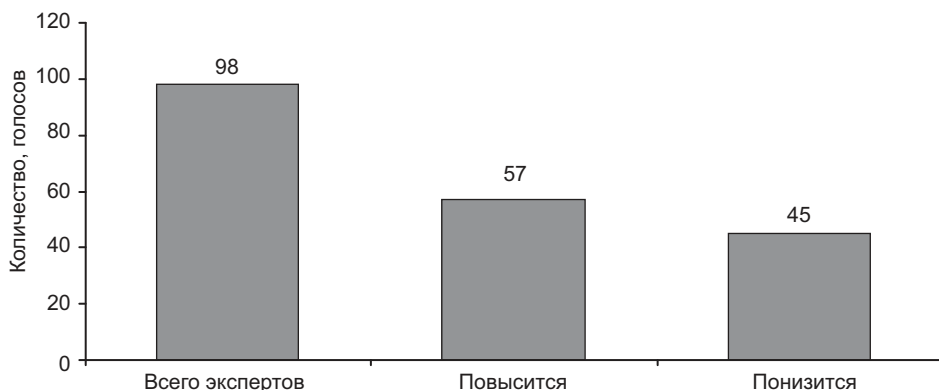

Рис. 1.2.6. Результаты экспертного опроса по теме влияния на жизнеспособность России увеличения ее территории до территории СССР

Как видно, мнения разделились. При этом мнения в пользу повышения жизнеспособности связаны скорее с личным опытом советского прошлого, что иллюстрирует анализ результатов оценок по возрастным группам (рис. 1.2.7).

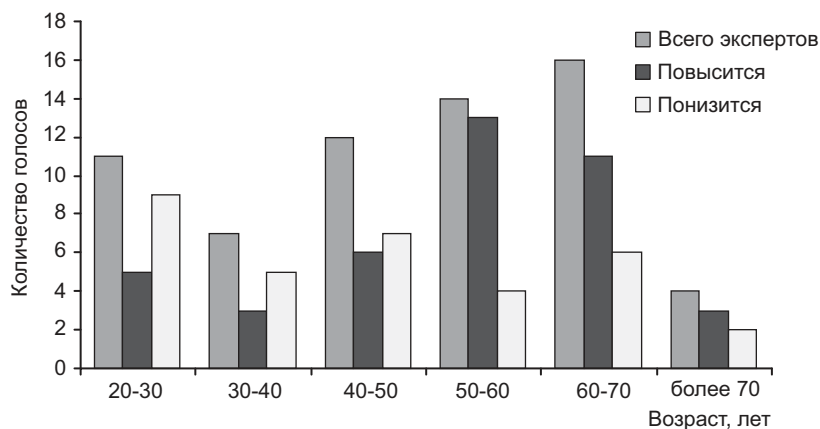

Рис. 1.2.7. Распределение голосов экспертов по возрастным группам

⁴ Некоторые эксперты приводили доводы как за повышение, так и за понижение жизнеспособности страны. Их голоса учитываются и в той и в другой категории.

Освоенность территории

Факторами, определяющими освоенность территории, являются плотность населения и уровень развития и размещения производительных сил. Соответственно, их показатели могут являться индикаторами уровня освоенности территории.

С развалом СССР существенно уменьшилась плотность населения страны: с 13 человек на кв. км до 8,4 человек на кв. км, что существенно меньше среднего показателя по миру (47,9 чел./кв. км)⁵ и меньше соответствующих показателей крупных развитых стран: Индия (328), Германия (230), КНР (136), Украина (78), США (30). Сопоставимыми по плотности являются Канада (3,3) и Австралия (2,6), чьи показатели объясняются колониальным прошлым, климатическими и ландшафтными особенностями; северная Швеция имеет плотность намного выше — 20 чел./кв. км.

Динамика ВВП России по сравнению с СССР вообще катастрофична, но даже в сравнении с динамикой ВВП РСФСР она свидетельствует о существенных негативных тенденциях (косвенно ее можно наблюдать в динамике средней доли страны (СД) на рис. 1.2.3).

Интересные результаты получаются при анализе плотности населения. История показывает примеры агрессивных войн за «жизненное пространство», в которых Россия выступала объектом нападения: ее «разреженные» пространства привлекали внимание в основном с запада. Российской империи, а впоследствии СССР, удавалось с этим эффективно бороться, в том числе за счет выравнивания дисбаланса при собственном укрупнении, присоединяя населенные и освоенные регионы (Кавказ, Среднюю Азию). Распад СССР привел к утрате этого баланса, а Россия оказалась в кругу соседей, не только более развитых, но и более плотных и интегрированных (Евросоюз, Китай, Япония). При этом ближайшее окружение (постсоветские страны) быстро оказалось под влиянием бывших геополитических конкурентов, что затрудняет реинтеграцию. При развитии только за счет собственных ресурсов Россия вынуждена будет решать эту проблему. В то же время, начинаются серьезные разбалансировки в этом показателе по регионам России и, глобально, по ее европейской и азиатской макрочастям. Освоенность первой исторически выше, плотность превышает северо-европейскую — 27 (Швеция — 20, Финляндия — 15,4, Норвегия — 14,1), освоенность второй — ниже, а плотность (2,5) сопоставима с бывшими английскими колониями Канадой и Австралией, а также Монголией, Намибией и Ботсваной. Тенденция снижения плотности населения в азиатской части и роста плотности в европейской при сохранении действующей модели социально-экономического развития страны может создать угрозу ее распада.

⁵ CIA World Factbook 2004 // <<http://ru.wikipedia.org/>>.

Связанность территории

Факторами, определяющими связанность территории, являются территориальная протяженность, транспортная насыщенность, развитость инфраструктур, наличие административных, экономических связующих механизмов.

Территориальная протяженность производна от площади территории. С учетом требования территориальной целостности территориальная протяженность не подлежит уменьшению, являясь своего рода константой. В связи с этим она должна рассматриваться в совокупности с транспортной политикой и инфраструктурной обеспеченностью территории (разделы 11.3 — Транспортная скрепа, 11.5 — Освоение пространственного ресурса). Взаимосвязь транспортной политики и КЖС показана на рис. 1.2.8.

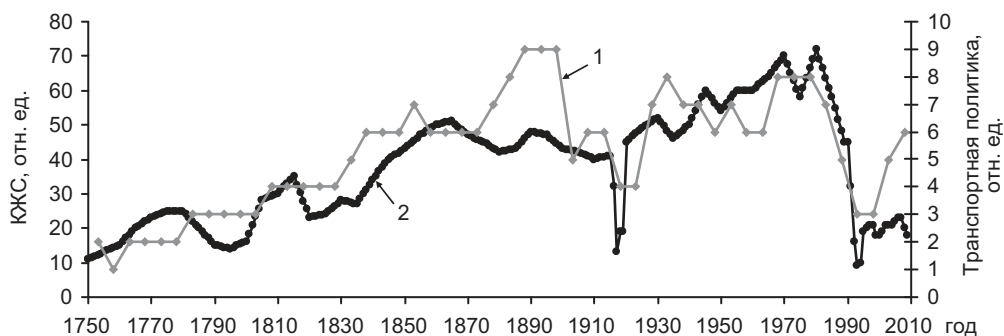

Рис. 1.2.8. Исторический ход качества транспортной политики (1) и коэффициента жизнеспособности России (2). Корреляция равна 0,8

Административные и экономические связующие механизмы как факторы жизнеспособности страны рассмотрены в разделе 2.1.14. Государственно-территориальное устройство страны.

Природно-ресурсный потенциал

Его воздействие на жизнеспособность как фактора первого уровня определяется действием следующих факторов:

- 1) агроклиматических (раздел 2.1.7);
- 2) комфортности проживания (климатические факторы);
- 3) природоресурсных факторов (раздел 15.7).

Характер воздействия климатических факторов требует особого внимания. В научной литературе всерьез рассматривается проблема геодетерминизма развития. Одним из наиболее известных произведений российских авторов является книга А.П. Паршева «Почему Россия не Америка»⁶,

⁶ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. Монография. М.: Крымский мост-9Д, 2005.

ставшая почти хрестоматийной для многих исследователей и публицистов в этой области. Зарубежные авторы также не оставляли вниманием эту тему. Наиболее показательным здесь является труд Ф. Хилл и К. Гэдди, известный как «Сибирское проклятье»⁷. Название книги в данном случае говорит само за себя и позволяет определить содержание предлагаемых рекомендаций зарубежных специалистов, абсолютно неприемлемое, с нашей точки зрения.

В то же время объективные характеристики свидетельствуют: климатические условия в России действительно одни из самых худших, даже по сравнению с «холодными» странами типа Канады и Швеции, и этот фактор усугублен характером расселения жителей России, которые гораздо многочисленнее представлены именно в холодных областях страны⁸. Однако выход из ситуации в виде сокращения населения, проживающего в неблагоприятных климатических районах, не представляется возможным. Для этого надо практически отказаться от российского присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке (относительно благоприятными для проживания являются районы европейской части России, а также отдельные районы юга Западной Сибири и Приморского края — рис. 1.2.9⁹) и от освоения их природных ресурсов (приведенные на рис. 1.2.10¹⁰ цветовые (в градациях серого) обозначения в зависимости от интенсивности окраски отражают стоимость разведанных запасов природных ресурсов, которые в основном сконцентрированы в неблагоприятных с климатической точки зрения местах).

Взаимосвязь и иерархия факторов, влияющих на потенциал вклада территории в жизнеспособность страны, отражены в факторном «дереве» (рис. 1.2.11). Первичные оценки значимости факторов представлены в табл. 1.2.3.

⁷ Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.

⁸ Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. С. 137–145.

⁹ Кузык Б.Н. Россия и мир в XXI веке. Монография. М.: Институт экономических стратегий, 2006. С. 122–123.

¹⁰ Там же. С. 136–137.

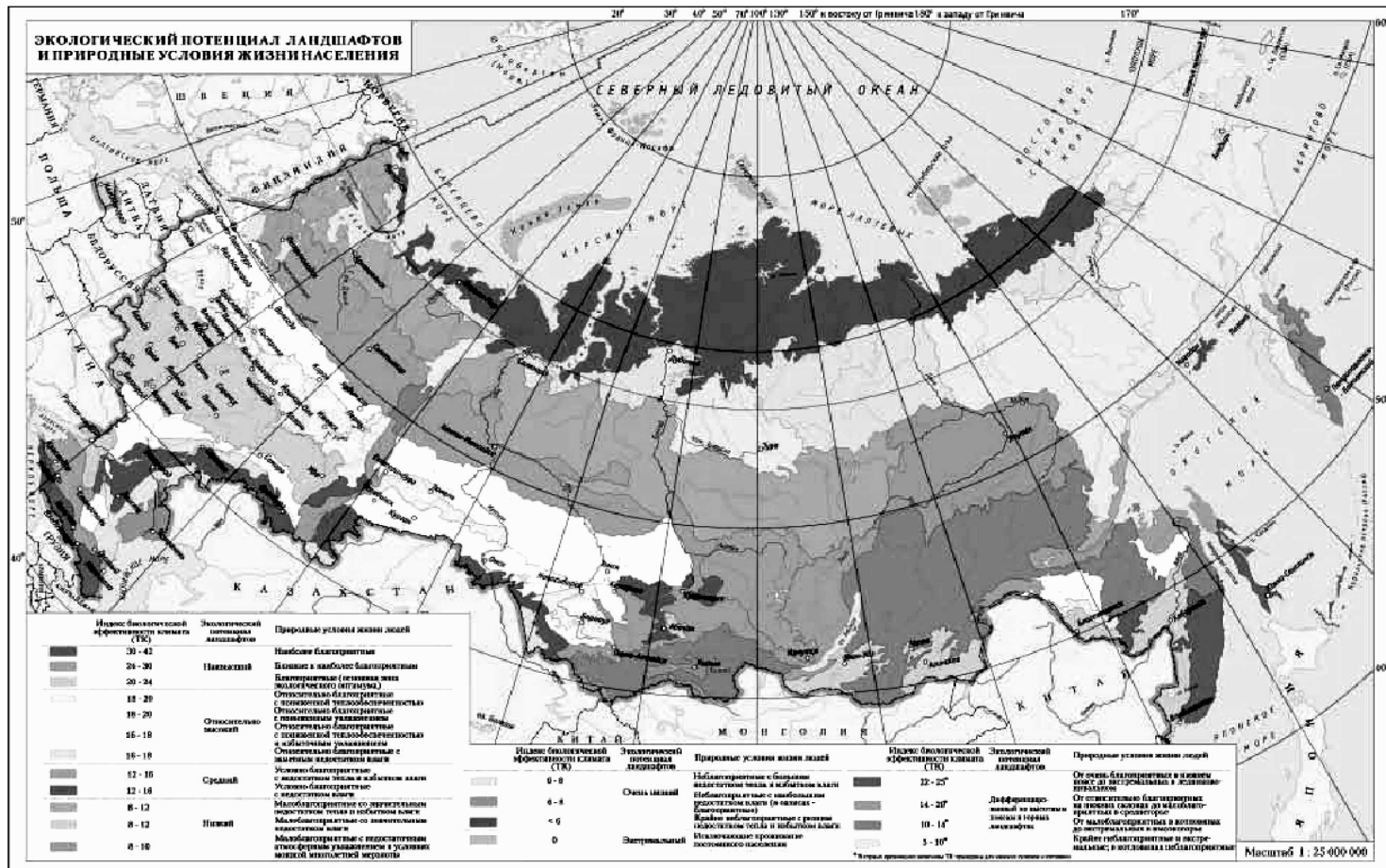

Рис. 1.2.9. Характеристики ландшафтно-климатической пригодности территории России для проживания (индекс биологической эффективности климата)

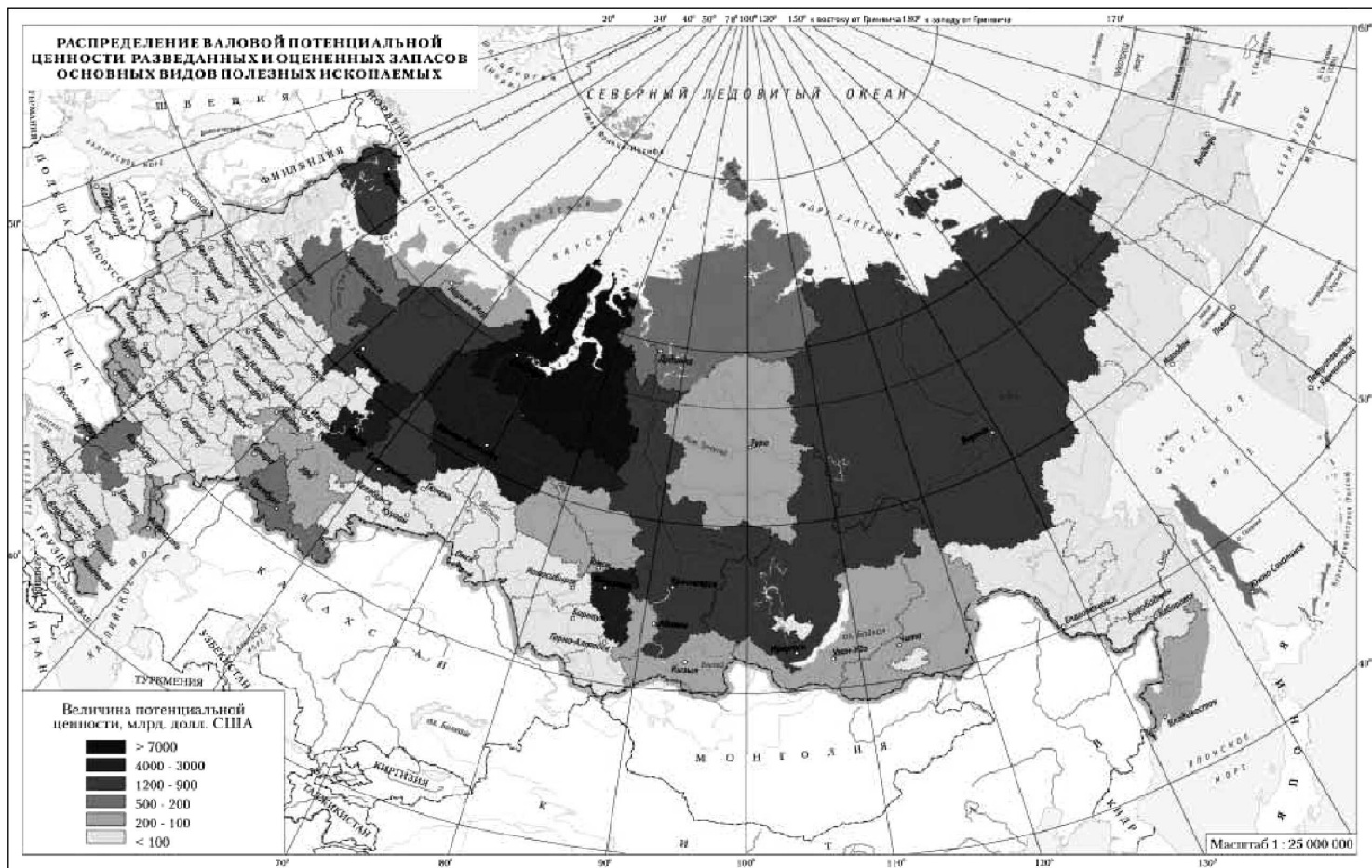

Рис. 1.2.10. Распределение валовой потенциальной ценности разведанных и оцененных запасов основных видов полезных ископаемых

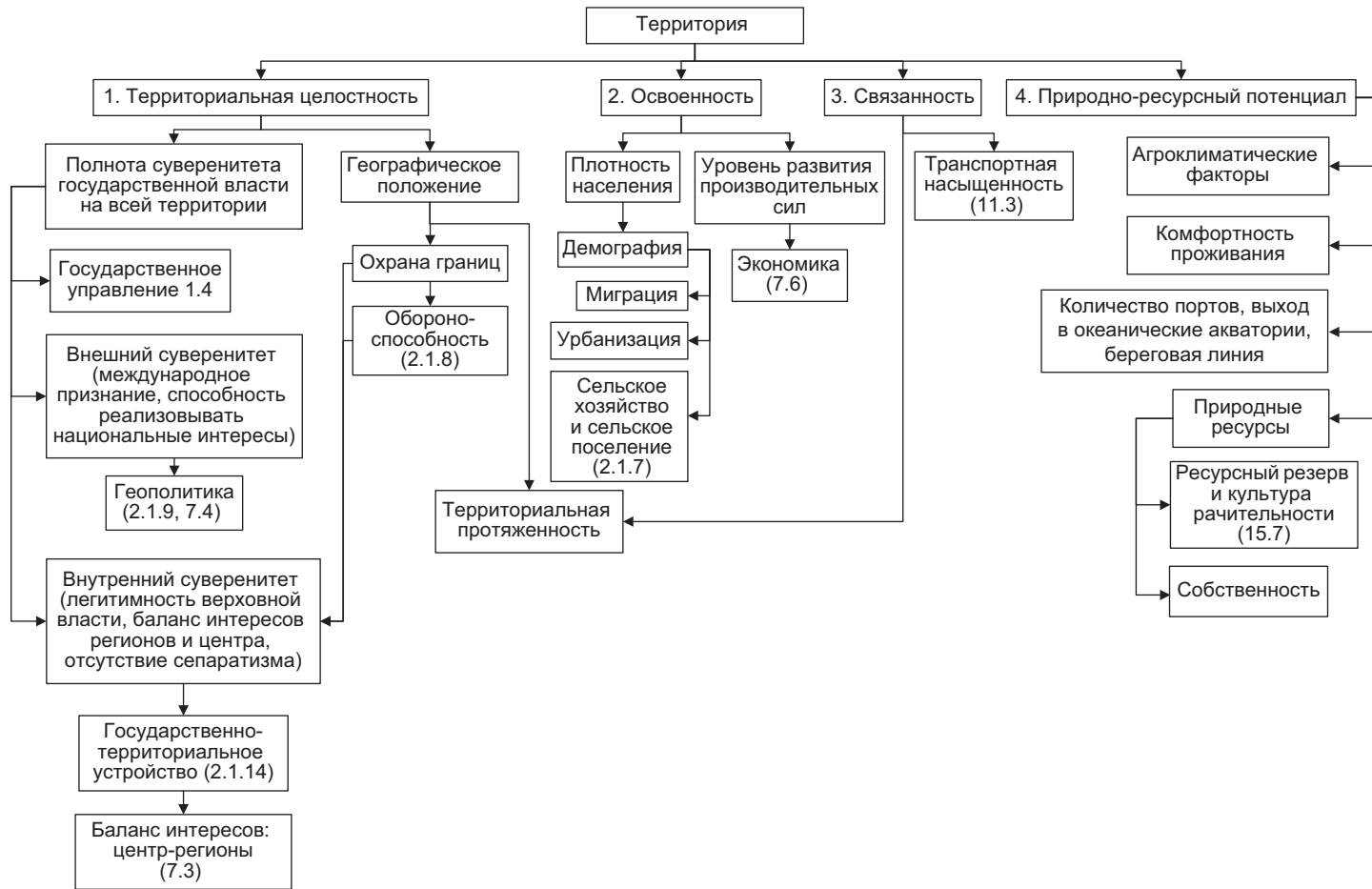

Рис. 1.2.11. Факторное дерево (в скобках указаны разделы настоящей работы)

Таблица 1.2.3

Анализ воздействия различных факторов на выполнение территорией своих функций в части обеспечения жизнеспособности страны

Наименование фактора	На какие функции территории оказывает влияние	Формулировка возможных показателей фактора	Подтверждение предположения о воздействии фактора на функцию
1. Территориальная целостность	1. Границы суверенитета 2. Границы безопасности 3. Место проживания 4. Ресурсная база	1. Наличие территорий, не признающих суверенитет государственной власти России 2. Наличие территорий, оккупированных другими государствами 3. Наличие территорий, на которых действуют незаконные вооруженные формирования 4. Наличие анклавов и эксклавов 5. Общая площадь территории	Получена положительная корреляция площади и жизнеспособности. Отрицательных воздействий не выявлено
2. Освоенность 2.1. Плотность населения	1. Границы суверенитета 2. Границы безопасности 3. Место проживания	1. Средняя плотность населения, в историческом и страновом сравнении 2. Соотношение плотности населения по регионам внутри страны	Выявлена связь плотности населения и жизнеспособности на этапе слома советской государственности и становления новой российской государственности
2. Освоенность 2.2. Уровень развития производительных сил	1. Место проживания 2. Ресурсная база	1. Объем ВВП как интегральный показатель 2. Объем капитальных вложений	Показана связь ВВП и жизнеспособности страны
3. Связанность территории	1. Границы суверенитета 2. Границы безопасности 3. Место проживания 4. Ресурсная база	1. Плотность автомобильных и железных дорог 2. Протяженность автомобильных и железных дорог 3. Темпы прироста автомобильных и железных дорог 4. Количество аэропортов, парк самолетов 5. Объем грузооборота 6. Объем пассажиропотока	
4. Природно-ресурсный потенциал	1. Границы безопасности 2. Ресурсная база	1. Климатические и агроклиматические показатели 2. Оценки объемов разведанных природных ресурсов	

Таким образом, рассмотрение жизнеспособности страны в части вклада потенциала ее территории приводит к ряду факторов первого уровня, а именно — к потенциалу территориальной целостности, освоенности и связанности территории, природно-ресурсному потенциалу.

Указанные факторы присутствуют как объекты управления в различных сферах государственного управления: в геополитике, обороноспособности, государственно-территориальном устройстве, сельском хозяйстве и сельском поселении, экономике, управлении собственностью, вопросах ресурсных резервов и культуры рачительности. Все эти факторные пространства детально рассмотрены во второй и третьей частях работы, выводя уже на конкретные государственно-управленческие парадигмы управления.

Нынешней территории России в основном достаточно для обеспечения жизнеспособности страны. Однако ситуация меняется вследствие воздействия множества внутренних и внешних факторов, чем обусловлена необходимость мониторинга состояния и поиска оптимальных показателей тех или иных факторов с точки зрения жизнеспособности. При этом первичный анализ показал, что один и тот же фактор в зависимости от конкретной ситуации может играть как положительную, так и отрицательную роль в поддержании жизнеспособности. Поэтому речь идет действительно, как это и указывалось во вводной главе, об оптимизации факторных значений. Существенно отличаться может воздействие одних и тех же факторов в долгосрочной и краткосрочной перспективе.

Количественные факторы территории оказывают положительное воздействие на жизнеспособность: «размер имеет значение». Корреляция установлена, однако функцию связи из имеющейся эмпирики определить затруднительно. Поэтому пока не опровергнуто, но и не подтверждено предположение о том, что чем больше территория России, тем лучше. Это подтверждается и данными экспертного опроса. При этом абсолютно недопустимой является ситуация с уменьшением территории России по целому ряду причин (геополитических, международно-правовых, психологических, экономических). Кроме того, помимо суверенной территории значение имеет территория геополитического влияния.

Обнаружен и рассмотрен вызов климатического детерминизма. Аналогов России в мире по климатическим условиям нет (среднегодовые показатели температуры воздуха для России и Канады составляют $-5,5^{\circ}\text{C}$ и $-4,4^{\circ}\text{C}$, однако для районов, где постоянно проживает население, эти же показатели составляют $+2,8^{\circ}\text{C}$ и $+5,8^{\circ}\text{C}$ соответственно). 14 крупных российских городов находятся в зонах, где январская температура ниже -15°C (хрупкость углеродистой стали). За рубежом имеются всего два таких города. При этом ряд комфортных с климатической и ландшафтной точек зрения территорий утрачены в ходе распада СССР. Рецепт западных специалистов состоит в перемещении населения в теплые регионы. Но это неприемлемо. Освоение

северных территорий было для России объективным историческим процессом, сформировавшимся еще в дореволюционные времена. Этот фактор нельзя признавать однозначно обременительным или непреодолимым, он управляем и в некоторых случаях может стать конкурентным преимуществом (например, при освоении Арктики, развитии Северного морского пути и т. п.) и инновационным мотиватором.

Природные ресурсы России — это ее преимущество и угроза одновременно. Значительная часть природных ресурсов находится в неблагоприятных с климатической точки зрения местностях. Это делает территориальную целостность жизненно важной при любой модели развития, особенно при сырьевой, но это и вызов, так как география расселения обратно пропорциональна залежам. Многие ресурсы находятся в приграничных районах. А это потенциальная угроза, как и излишнее природное богатство. Финансовая оценка разведанных природных ресурсов весьма типична и может указывать районы главных геополитических угроз и линии возможного распада страны в случае ее дальнейшего ослабления.

Экономическая освоенность России в целом равномерна по мировым меркам и с учетом климатических факторов, обеспечивая при этом достаточное пространство для жизни и развития населения. Однако пространственное развитие России происходит в направлениях «регионы — Центр», «село — город», «север — юг», «восток — запад», что содержит в себе негативные тенденции в плане экономического освоения и расселения. Расселение характеризуется высокой плотностью в центрально-западных и южных районах Европейской части с усилением этой тенденции в последние годы. Системную проблему представляет неосвоенный Дальний Восток, что создает угрозы территориальной целостности. Принимая во внимание, что экономически многие регионы России тяготеют к экономическим центрам силы, расположенным за ее пределами, идейно-идеологическая и транспортная скрепы, разумная региональная политика приобретают большое значение.

Транспортная скрепа, освоение транспортного ресурса играют большую роль в выполнении территорией своих функций по обеспечению жизнеспособности страны.

Таким образом, в российском государственном управлении, ставящем целью максимизацию жизнеспособности страны, вопросы управления состоянием территории присутствуют постоянно. Никакие рыночные саморегуляции в этой сфере не могут заменить государственное управление.

1.3. Государственность страны: народонаселение

В вводной главе было показано, что представление о народонаселении как образующем начале страны, его функции с точки зрения обеспечения жизнеспособности страны ведет к выявлению основных факторов, влияющих на выполнение этих функций, факторов, по поводу оптимизации которых и формируется государственное управление. Речь в настоящем разделе прежде всего идет о факторах «первого уровня», обеспечивающих выполнение народонаселением своих функций в целях максимизации жизнеспособности страны. В разделе изложены основные гипотезы и подходы по дальнейшему выявлению цепочки факторов в целях выработки управленческих реакций, которые получают более подробное изложение в последующих частях работы. Таким образом, настоящий раздел призван дать описание верхней части пирамиды факторов, образующейся в результате факторного анализа народонаселения как образующего начала страны (рис. 1.3.1).

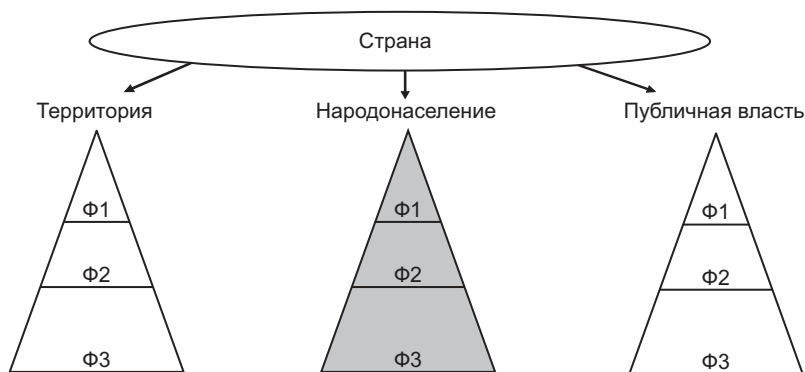

Рис. 1.3.1. Факторная пирамида народонаселения как потенциала жизнеспособности страны

Народонаселение является образующим началом страны, и формально это означает, что если не будет народонаселения, то и страны быть не может. В отличие от других двух образующих начал, подобное утверждение абсолютно: территория может быть временно захвачена врагом, власть может перейти к оккупантам; но пока жив народ, он борется за свою страну. Тысячелетняя борьба еврейского народа за свою государственность является наиболее показательным, но далеко не единственным тому примером. Народ является субъектом политики, в том числе мировой; в общепринятом государственном праве за ним закреплено право на самоопределение и на образование государственности. В контексте настоящей работы был избран термин «народонаселение», который более точно отражает поставленную задачу рассмотрения народа не как единой общности, но народона-

селения как составляющей части страны. Термин «народонаселение» более безликий, но в то же время более многоликий, позволяющий рассматривать в случае необходимости и отдельные социальные группы, и даже конкретного человека, что намного более сложно при использовании термина «народ» в его монолитности. При этом важно, что термин «народ» в русском языке не имеет устойчивой ассоциации с нацией в ее западном понимании. Напротив, он более ассоциируется с этничностью, что составляет особую проблему. Поэтому термин «народонаселение» более нейтрален и подходит для решения поставленной конкретной задачи.

Применительно к этой задаче под народонаселением понимаются граждане Российской Федерации, лица без гражданства, законно проживающие на территории Российской Федерации, соотечественники за рубежом. В исторической ретроспективе граждане и подданные СССР, Российской империи, Московского княжества представляют собой цивилизационное измерение народонаселения.

Очевидно, что, во-первых, население должно быть (в случае отсутствия населения страна перестает существовать); во-вторых, население должно иметь устойчивую связь со страной. Эта связь проявляется в том, что народонаселение живет на территории страны и подчиняется публичной власти страны.

Указанные признаки достаточно формальны и позволяют довольно точно идентифицировать народонаселение, отделить «чужих» от «своих». В то же время, использование таких признаков далеко не всегда позволяет решить все исследовательские задачи, поэтому в ходе исследования в рамках каждого блока соответствующее понятие может уточняться и подвергаться дополнительной интерпретации. При такой постановке признаки народонаселения максимальным образом соответствуют правовому понятию «гражданство»¹. Однако не все так просто.

С точки зрения настоящего исследования и ожидаемых результатов, безусловно, есть большая разница в том, как относиться к распаду СССР и как определять народонаселение, т. е. кого считать «своими»? Можно исходить из статус-кво и идентифицировать своих как «россиян», граждан Российской Федерации. Можно расширить (или сузить) понимание, обратившись к «славянскому ядру» России, определившему его исторический облик и фактически создавшему страну, а сейчас оказавшемуся разделенным в пределах нескольких государств. Можно воспринимать в качестве «своих» всю ту большую и действительно во многом близкую евразийскую общность, которая называлась «советским народом». Очевидно, что вектор действий при каждом выборе будет разным, так же как разным будет в итоге и вывод о нынешнем состоянии страны: она больна, развалена, разобщена или, наоборот,

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

находится в некоем оптимальном (по этим параметрам) для себя состоянии. Любой из выбранных вариантов способен как минимум вызвать жесточайшие дискуссии и самые разные последствия для страны, подчас просто даже в силу сделанного выбора, что многократно усиливает ответственность.

При этом очень большим заблуждением является позиция, согласно которой отсутствие ответа на этот вопрос сможет смягчить эти противоречия. Скорее, напротив, это может их маскировать, но не решать. Так или иначе, авторы вынуждены отвечать на эти вопросы в контексте реальной политики. Если нынешняя территория России оптимальна для нее и утрата территорий с распадом СССР не является проблемой, то почему Россия так ревностно относится к активизации контактов США и других западных стран с государствами на постсоветском пространстве? Если народонаселение России — это только проживающие на ее территории люди, то почему она озабочена проблемой русского языка в странах бывшего СССР? Почему защищает единство Русской православной церкви на территории России и Украины?

Отсутствие четких ответов на эти вопросы ведет к неопределенности, неустойчивости политической позиции и в итоге не приводит ни к каким результатам, создавая лишь имидж России как достаточно непредсказуемого и непоследовательного игрока на мировой политической арене. При наличии ответов на эти вопросы все было бы иначе, появилась бы концептуальная основа для долгосрочной российской политики.

Предположим, ответы таковы:

- нынешняя территория России оптимальна, государственная граница незыблема, распад СССР — необходимый и закономерный шаг на пути развития России;
- народонаселение России — это ее граждане.

В общем, на этом базируется официальная позиция Российского государства, что не очень явно, но следует из Конституции Российской Федерации (которая просто не оперирует такими категориями, но содержит соответствующие понятия: «территория», «народ») и норм международного права.

Исходя из такой позиции, Россия должна максимально быстро решить проблемы, связанные с разделом имущества и размежеванием стран бывшего СССР, установить и защитить новые границы государства, четко идентифицировать своих граждан и обеспечить собственную юрисдикцию над ними, дистанцироваться от проблем государств бывшего СССР, за исключением вопросов обеспечения собственной безопасности.

Описанное выше будет наиболее достоверно характеризовать ситуацию, когда распад СССР — это распад союза равных государств, интересам которых этот союз перестал удовлетворять и которые решили, что всем по отдельности будет проще. Конкретно для России такая ситуация характеризовалась бы снятием «груза» проблем союзных республик, возможностью самостоятельно развиваться, а не «кормить» союзное руководство и союз-

ные республики. Формально все так и происходило, однако одно обстоятельство существенно откорректировало такой подход: Россия была признана продолжательницей² бывшего СССР. Этот юридический термин означает, что она приняла на себя все права и обязанности бывшего государства, признавая их своими, т. е., с одной стороны, признавая легитимность бывшего союза, а с другой — наибольшую (вернее, даже исключительную) важность интересов бывшего СССР именно для себя. Заметим еще раз, что правопреемниками СССР не стали все 15 союзных республик или хотя бы три союзные республики, его образовавшие. Правопреемницей осталась одна Россия. То есть Россия — прямой наследник СССР. С этой позиции распад СССР по формальной логике интерпретируется как утрата Россией территорий в виде территорий ныне независимых государств (бывших союзных республик), и утрата единства советского народа, жившего на единой территории и оказавшегося разделенным по разным странам³.

Описанное выше дает основание теоретически предположить возможность и других ответов на вопросы о нынешних территории и народонаселении России:

- нынешняя территория России не оптимальна, в результате распада СССР Россия потеряла значительную часть своих территорий, оказалась раздробленной, что нанесло ущерб ее жизнеспособности;
- бывший ранее единой общностью советский народ оказался разделенным, попал под юрисдикцию разных государств, что является угрозой для его существования как единой общности и составляет предмет особой заботы России как наследницы СССР.

² Органы власти СССР как субъект международного права прекратили существование 25–26 декабря 1991 г. Россия объявила себя продолжателем членства СССР (а не правопреемником, как это часто ошибочно указывается) в международных институтах, взяла на себя долги и активы СССР и объявила себя собственником всего имущества СССР за границей. По предоставленным РФ данным, на конец 1991 г. пассивы бывшего Союза оценивались в 93,7 миллиарда долларов, а активы — в 110,1 миллиарда. Депозиты Внешэкономбанка составляли около 700 миллионов долларов. Так называемый «нулевой вариант», по которому Российская Федерация стала правопреемницей бывшего Советского Союза по внешнему долгу и активам, включая и зарубежную собственность, не был ратифицирован Верховной Радой Украины, которая претендовала на право распоряжаться имуществом СССР. 25 декабря Президент СССР М.С. Горбачев объявил о прекращении своей деятельности на посту Президента СССР «по принципиальным соображениям», подписал указ о сложении с себя полномочий Верховного главнокомандующего советских Вооруженных сил и передал управление стратегическим ядерным оружием Президенту России Б. Ельцину // Распад СССР. Статья // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%B4_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0>

³ Необходимо отметить и наличие позиции, которая отрицает прекращение существования СССР и заявляет, что Советский Союз продолжает существовать де-юре, в статусе временно оккупированной страны; де-юре продолжает действовать Конституция СССР 1977 г., сохраняется правосубъектность СССР на международной арене. См., например, сайт <<http://cccp-kpss.narod.ru/>>.

Исходя из такой теоретической позиции, Россия может иметь в виду стратегию воссоединения исторических территорий, предоставления возможности для граждан бывшего СССР получить гражданство России, содействия сохранению единого культурного и языкового пространства на территории бывшего СССР. Что касается народонаселения России, то вполне очевидно: такой правоведческий подход подразумевает, что народонаселение России в ее нынешнем положении — более сложная категория, чем только граждане России. В этом категориальном поле возникают такие правовые понятия, как «соотечественники за рубежом», «разделенный народ», «русская диаспора», наконец, важнейшее геополитическое понятие о воссоединении не только исторических территорий, но и, в цивилизационном смысле, народа России. Причем нужно успокоить тех, кто считает, что такая постановка вопроса граничит с экспансией или даже объявлением об агрессивных намерениях. Нет. Современная практика государственного развития в мире показывает, что диапазон интеграционных, совершенно легитимных и основанных на доброй воле процессов простирается от создания союзных государств до процессов типа тех, что формируют объединенную Европу. Главное, что в последующем анализе всегда будет оговариваться, какое именно народонаселение в исторических отрезках времени имеется в виду: народонаселение Российской империи, СССР или только живущие на территории современной России.

Исторически при таком подходе Россия в 1980–1990-е гг. должна была бы максимально препятствовать распаду СССР, используя политические, юридические и другие средства.

На деле Россия сама инициировала распад СССР, несмотря на волеизъявление его народа на референдуме, и активно содействовала его юридическому закреплению.

Таким образом, позиция России (точнее, официального руководства страны, ее политической власти) в отношении концептуальных вопросов осознания собственной территории и народонаселения противоречива, и при этом она не стала менее противоречивой в 2000-е гг. Если для 1990-х гг. было характерно противоречие, выразившееся в юридическом признании распада СССР, но фактически — в оказании помощи и участии в делах бывших союзных республик (через контакты в рамках СНГ, поставки энергоресурсов по льготным ценам, миротворческие функции), то для 2000-х гг. характерной стала обратная ситуация. Распад СССР признан трагедией (хотя без каких бы то ни было дальнейших юридических действий в этом направлении). Некоторые юридические последствия распада СССР подвергаются сомнению (территориальная целостность Грузии, Украины, Молдовы), активизируется политика по противодействию западному влиянию на страны бывшего СССР. При этом сворачиваются программы экономической помощи, фактически прекращает свою деятельность СНГ — ужесточаются миграционные правила на постсоветском пространстве.

Подобная политическая непоследовательность вызывает недоверие как внутри страны, так и за ее пределами, но самое главное, препятствует нормальному стратегическому планированию. При этом приходится признать, что выбор любой модели и его последовательная реализация будет большим благом, чем дальнейшие попытки ухода от принятия решения.

Можно предположить, что такая непоследовательность является следствием противостояния на концептуально-ценностном уровне, нешуточной борьбы, которая явно или неявно протекает в умах российской политической элиты. Важным моментом является то, что пока не будет достигнут консенсус в оценке распада СССР и нынешнего состояния России, быстрого движения вперед не произойдет, потому что векторы движения прямо противоположны и сдерживают друг друга.

Этот экскурс понадобился авторам, чтобы показать, насколько непросто вопрос и о народонаселении страны. В итоге работы будет предложен новый вид Конституции страны, в которой должны быть даны достаточно ясные ответы на возникающие вопросы. Поэтому перечисленные вопросы — это по существу задачи, которые в ходе исследования придется решать при осознании единой цели — максимизации жизнеспособности страны.

В данном исследовании не стоит задача давать оценки политическим процессам прошлого, задача — установить с научной точки зрения, как эти процессы сказываются на жизнеспособности страны, исходя из того, что Россия является продолжателем СССР и свой переход в нынешнее состояние совершила добровольно, хотя и под воздействием ряда сильных внешних факторов. Это означает признание в целом юридических последствий распада СССР, но не исключает возможности выработки обоснованных научных предложений по компенсации очевидных потерь, в том числе и в народонаселении, которые страна понесла в результате этого перехода⁴. Что касается механизмов реализации таких предложений, то они будут результатом последующего исследования. Оговорим лишь, что современный внешнеполитический, экономический и культурный арсенал дает массу возможностей для конструирования эффективных механизмов в этой сфере.

В связи с этим определение народонаселения осуществляется не только через категорию гражданства, но и через категорию лиц без гражданства и соотечественников за рубежом⁵, поскольку многие бывшие граждане

---

⁴ Для целей исследования территория и народонаселение в качестве факторов жизнеспособности страны оцениваются в физических показателях — квадратных километрах и людях, отнесенных соответственно к общей площади земли и населению планеты. Исходя из этого, распад СССР при условии продолжения (преемственности) его Россией однозначно негативно сказывается на жизнеспособности страны.

⁵ Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.

СССР волею судьбы оказались в этом качестве, и Россия, как продолжательница СССР, должна нести перед ними определенные обязательства.

С точки зрения жизнеспособности страны народонаселение выполняет следующие функции для обеспечения существования страны.

Народонаселение является носителем единого цивилизационно-ценностного кода, формирующего страну. Несмотря на то что при определении народонаселения был взят в основном территориальный признак, ценностно-целевое единство является важнейшим признаком народонаселения, определяющим его функцию — именно оно позволяет отличать «своих» от «чужих», именно оно движет желанием собрать всех «своих» вместе, именно оно определяет, чем страна дорожит в прошлом и к чему стремится в будущем.

Народонаселение выполняет важную функцию «снабжения» страны людскими ресурсами для обеспечения ее безопасности, заселения и освоения территории. То есть важно не просто собрать всех «своих» в своем «доме», но и обеспечить им нормальную жизнедеятельность, безопасность, сохранить важные отличия от других или просто некие важные качества для всей соответствующей общности. Народонаселение — это трудовые ресурсы и одновременно цель и смысл существования государства. Люди создают государство для себя, своей жизни, своего счастья.

Иными словами, народонаселение должно обладать желанием и способностью сохранять и развивать свою страну.

Именно через призму реализации этих важнейших функций предлагается рассматривать факторную роль народонаселения в обеспечении жизнеспособности страны, а также систему факторов, влияющих непосредственно на потенциалы народонаселения. Это необходимо для того, чтобы понять, как и каким образом можно в рамках системы государственного управления целенаправленно формировать именно такое состояние народонаселения, которое будет способствовать максимизации потенциала жизнеспособности страны. То есть основная цель — получить конкретные государственно-управленческие инструменты формирования оптимального облика народонаселения.

Исходя из описанных выше функций народонаселения можно сделать предположения о факторах, влияющих на их реализацию. Обобщенно их два: это численность населения и его качество.

Значимость численности населения для обеспечения жизнеспособности страны трудно подвергнуть сомнению: пространство, составляющее территорию страны, удерживается именно людьми. «Свои» люди свободно перемещаются и расселяются на своей территории, ограничивая, а иногда и запрещая, перемещение «чужих» людей. Очевидно, что как при оседлом, так и при кочевом образе жизни населения, при прочих равных условиях, перевес в численности создает преимущества одних народов перед другими

в борьбе за пространство. Образуются резервы трудовой и военной силы, которые являются важными факторами военно-экономической мощи страны. Однако и переоценивать значение количественного фактора для жизнеспособности страны не стоит — избыток населения в целом или в отдельных регионах может создавать проблемы: голод, эпидемии, социальные конфликты.

Высокая численность населения по сравнению с соседями не гарантирует автоматически безопасности и суверенитета. В истории известны масса примеров, когда многочисленные страны и народы были покорены и даже стерты с лица земли менее многочисленными. В условиях военных конфликтов во все времена народонаселение служило таким же ресурсом, как и ресурсы материальные. Покоренные народы входили в состав войск завоевателей, служили товаром, да и просто ресурсом для принудительного труда — здесь в полной мере возможно провести аналогию с природными ресурсами. Их избыток может быть как благом, так и проклятьем. Тем не менее роль (положительная или отрицательная) количественного фактора народонаселения в обеспечении жизнеспособности страны сомнению не подлежит, и она будет выявлена математически с использованием статистических временных рядов.

Проблема численности населения в современных условиях — это проблема демографии. Тенденции и особенности демографического состояния и политики России ранее подробно рассматривались в работах Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, в которых обосновывалась четырехфакторная модель демографического развития России⁶. В контексте настоящего исследования нас интересуют все эти факторы: идейно-духовное состояние общества, социально-материальный фактор, цивилизационная идентичность, качество государственного управления. В связи с тем, что роль публичной власти (государственного управления) сквозной темой проходит через все настоящее исследование, а сама власть рассматривается в качестве самостоятельного потенциала жизнеспособности (раздел 1.4), рассмотрим три фактора демографической политики: идейно-духовное состояние общества, социально-материальный фактор, цивилизационную идентичность.

Не менее важными по сравнению с количественными являются качественные факторы народонаселения. Как уже отмечалось, в истории есть масса примеров, когда более многочисленные народы покорялись или стирались с лица земли менее многочисленными. Ярчайшим примером этому является деятельность европейцев при освоении Америки, численность коренного населения которой, по разным оценкам, была сопоставима с численностью населения Европы, однако стремительно сократилась в последующие годы,

⁶ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.

что привело к упадку культуры аборигенов и утрате идентичности⁷. Таким образом, качество народонаселения, включающее обеспечение его цивилизационной идентичности, интеллектуальный и духовный потенциал, является важнейшим фактором. От чего оно зависит? Это следующие группы факторов.

Факторы физического и интеллектуального развития — условия и обстоятельства, характеризующие состояние здоровья, продолжительность жизни, уровень интеллектуального развития (образование, наука) всего народонаселения и отдельных его групп, в том числе в сравнении с зарубежными странами. В целом эти факторы отражают уровень физической и интеллектуальной готовности народонаселения и отдельных социальных групп к жизни и активным действиям в современных условиях в целях обеспечения жизнеспособности страны.

Это идейно-духовные факторы — условия и обстоятельства, характеризующие ценностно-мировоззренческое состояние общества и отдельных социальных групп с точки зрения влияния на жизнеспособность страны.

И это государственно значимые факторы — условия и обстоятельства, характеризующие потенциалы народонаселения, важные для эффективного осуществления функций публичной власти, направленных на обеспечение жизнеспособности страны (табл. 1.3.1).

Как видим, перечисленные группы факторов могут действовать как в положительном, так и отрицательном направлении. Это означает, что возникают управленческие задачи на оптимизацию значений факторов как показателей для выбора в управлении. А функция цели при этом — жизнеспособность России. Такая постановка характерна не только для вопроса о факторах народонаселения. Она универсальна для всего исследования.

Таким образом, оказывается возможным сформулировать примерный перечень факторов-потенциалов жизнеспособности страны в части народонаселения.

1. Количество (численность) народонаселения:
  - 1.1) идейно-духовный фактор;
  - 1.2) социально-материальный фактор;
  - 1.3) цивилизационная идентичность.
2. Качество народонаселения:
  - 2.1) факторы физического и интеллектуального развития;
  - 2.2) идейно-духовные факторы;
  - 2.3) государственно значимые факторы.

⁷ *Баумгартен А.* Американский геноцид. Статья // <<http://www.usinfo.ru/indejcy2.htm>>; *Russell T.* American Indian Holocaust and Survival: A Population History Since 1492 // *Civilization of the American Indian*. Vol. 186. Oklahoma City: University of Oklahoma, 1990; *David S.* American Holocaust: The Conquest of the New World. Oxford: University Press, 1993.

Анализ влияния различных факторов на вклад потенциала народонаселения в жизнеспособность страны

Функции народонаселения	Факторы, влияющие на выполнение функции	Предположение о воздействии фактора на функцию
Функция народонаселения как идентификатора страны, носителя цивилизационно-ценностного кода	1. Идеино-духовные факторы	Положительное: при сохранении цивилизационно-ценностной идентичности и обеспечении преемственности и соответствия ценностей актуальным вызовам. Отрицательное: при утрате и подмене ценностей
	2. Государственно значимые факторы	Положительное: народонаселение должно активно следить за соответствием реализуемой властью политики задачам максимизации жизнеспособности страны и активно корректировать эту политику в случае ее несоответствия
	3. Количественный фактор	Положительное: чем больше носителей единой цивилизационно-ценностной идентичности, тем лучше. При этом совершенно не обязательно ограничиваться территориальными пределами страны, этническими признаками и т. п.
Функция народонаселения как ресурса для освоения территории и создания единого государства как организации всего общества	1. Количественный фактор	Положительное: рост численности народонаселения и его равномерное распределение при освоении территории повышают гарантию территориальной целостности, выравнивая показатели по плотности населения с сопредельными странами. Отрицательное: переизбыток численности, излишняя концентрация населения в отдельных регионах могут вести к негативным последствиям: голод, эпидемии, социальные конфликты; избыток численности при низких значениях остальных факторов создает угрозу жизнеспособности (утрата цивилизационной идентичности, территориальной целостности, государственности)
	2. Фактор физического и интеллектуального развития	Положительное: чем выше уровень физического и интеллектуального развития, тем выше потенциал народонаселения в части освоения территории и решения иных задач. Отрицательное: при низком уровне идейно-духовных и государственно значимых факторов может создавать угрозу

Функции народонаселения	Факторы, влияющие на выполнение функции	Предположение о воздействии фактора на функцию
		жизнеспособности (превалирование частных интересов над общими); также угроза возникает при неравномерном распределении показателей этого фактора среди разных социальных групп
	3. Идеино-духовные факторы	Положительное: при высоком уровне развития идейно-духовных факторов и их соответствии в ценностном плане задачам обеспечения жизнеспособности страны. Отрицательное: при несоответствии ценностей задачам обеспечения жизнеспособности страны
	4. Государственно значимые факторы	Положительное: при соответствии ценностных установок элиты задачам обеспечения жизнеспособности страны. Отрицательное: при несоответствии ценностных установок элиты задачам обеспечения жизнеспособности страны

Рассмотрим эти факторы подробнее.

Для наиболее точной оценки степени взаимосвязи и влияния предполагаемых факторов на жизнеспособность страны с точки зрения влияния на реализацию народонаселением своих функций в качестве базового метода будет использоваться корреляционный и регрессионный анализ, что не исключает возможности использования и иных методов. Часть исследований в целях выявления факторного перечня отражена в данном разделе, часть исследований содержится в последующих разделах настоящей работы.

Определим систему возможных показателей для оценки того или иного фактора (табл. 1.3.2).

Таблица 1.3.2

Возможные показатели для оценки факторов

Наименование фактора	Формулировка возможных показателей	Возможность использования показателя для оценки фактора
Численность народонаселения	Коэффициент витальности	Коэффициент витальности является интегральным показателем для оценки численности народонаселения в настоящий момент и для прогноза, учитывает действие всех факторов четырехфакторной модели
Качество народонаселения. <i>Факторы физического и интеллектуального развития</i>	1. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). 2. Доля населения со средним и высшим образованием. 3. Доля научных работников 4. Показатели индивидуальных спортивных и научных достижений. 5. Миграционное saldo высокообразованных людей	1. ИРЧП — композитный индекс, сочетающий в себе оценку долголетия (средней продолжительности жизни при рождении), оценку грамотности и совокупной доли учащихся, оценку уровня жизни (через ВВП на душу населения по паритету покупательной способности). Может быть использован для косвенной оценки факторов физического и интеллектуального развития, однако может «зашумляться» показателями оценки уровня жизни. 2. Может использоваться для оценки массовости и доступности образования. 3. Может использоваться для оценки степени распространенности научной деятельности в обществе. 4. Может использоваться как индикатор уровня развития спорта и науки в обществе по сравнению с другими странами. 5. Может использоваться для оценки востребованности и комфортности проживания образованных людей в стране

Продолжение таблицы 1.3.2

Наименование фактора	Формулировка возможных показателей	Возможность использования показателя для оценки фактора
Качество народонаселения. <i>Идейно-духовные факторы: ценностно-целевое единство, уровень пассионарности</i>	1. Количество протестных выступлений, динамика социальных конфликтов (митинги, забастовки, вооруженные восстания, вспышки массового насилия, террористические акты). 2. Уровень политической активности (ширина политического спектра). 3. Уровень преступности. 4. Экспертные оценки	1. Слабо формализуемый и сложно сопоставимый показатель, однако может продемонстрировать определенную динамику конфликтов и возможность их оценки с точки зрения ценностного содержания. 2. Может быть использован для оценки уровня пассионарности, степени ценностно-целевого единства. 3. Может быть использован для оценки морально-нравственного состояния, уровня пассионарности. 4. Могут быть использованы для комплексной оценки фактора
Качество народонаселения. <i>Государственно значимые факторы</i>	1. Социологические опросы по легитимности власти, рейтинги национальных лидеров. 2. Избирательная активность. 3. Политическая активность. 4. Количество протестных выступлений, динамика социальных конфликтов (митинги, забастовки, вооруженные восстания, вспышки массового насилия, террористические акты). 5. Коэффициент фондов	1. Могут использоваться как косвенные индикаторы, желательно иметь несколько источников. 2. Есть данные за незначительный период времени, возникают сложности в сопоставлении в связи с изменениями законодательных требований. 3. Оценки политического спектра. 4. Может использоваться для оценки уровня доверия власти. 5. Может использоваться для комплексной оценки уровня социально-экономического расслоения

Можно произвести оценку основных факторов.

Численность народонаселения

Подробно демографическая политика рассматривается в разделе 2.1.10. Предвосхищая отдельные его выводы, важно отметить, что с учетом размеров территории России и плотности населения (раздел 1.2) перенаселение России не грозит, поэтому численность населения имеет положительную корреляцию с жизнеспособностью. Жизнеспособность страны будет только возрастать при росте численности населения. При этом следует отметить, что одним из важнейших факторов роста численности населения является

идейно-духовный. Это, в совокупности с иными факторами, рассматриваемыми в настоящем разделе, означает, что рецепт «импорта» недостающего населения в результате управляемой миграции для России неприемлем.

Факторы физического и интеллектуального развития народонаселения

К этой группе относятся факторы, определяющие здоровье народонаселения, его интеллектуальное развитие. Состояние здоровья в современном обществе во многом определяется развитостью системы здравоохранения, доступностью медицинского обслуживания, общим уровнем развития культуры, в том числе физической.

Интегральным показателем состояния здоровья является средняя продолжительность жизни (эти вопросы рассмотрены в разделах 2.1.10 и 6.1.2). Для оценки состояния физической культуры сложно использовать какой-то интегральный показатель: косвенным показателем уровня развития физической культуры могут служить достижения большого спорта, хотя они отражают состояние системы профессионального спорта. В разделе 2.1.10.1 (Гуманитарный образ страны: культура) использован метод экспертной оценки для оцифровки состояния государственной политики в области физической культуры.

В какой-то мере интегральным показателем физического и интеллектуального развития может служить Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Однако при его использовании необходимо учитывать, во-первых, что в отношении уровня интеллектуального развития он отражает скорее процесс (образование), чем результат (уровень образованности и интеллектуального развития); во-вторых, возможны искажения, связанные с включением в индекс оценки уровня жизни (ВВП на душу населения, рассчитанный по паритету покупательной способности).

Тем не менее, расчеты корреляции ИРЧП и КЖС показывают наличие корреляции (рис. 1.3.2).

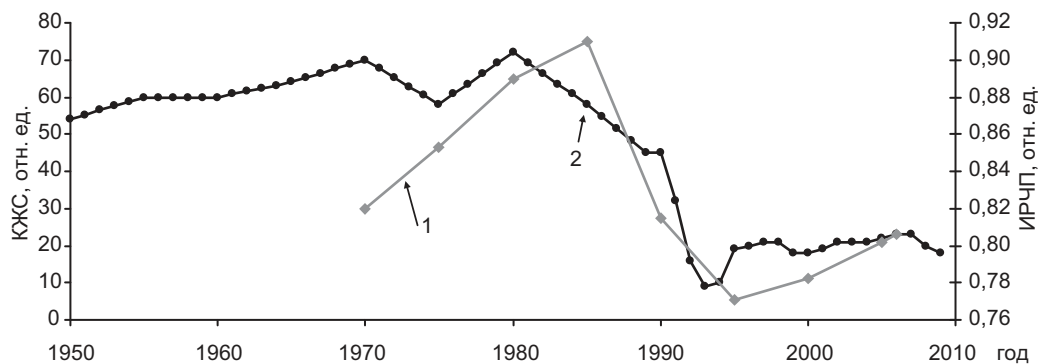

Рис. 1.3.2. Исторический ход ИРЧП (1) и КЖС (2) России

К биолого-социальным факторам относятся:

- 1) здоровье (блок 6.1.2);
- 2) интеллектуальные способности и развитие (блоки 6.1.3, 6.1.4);
- 3) социальность, человечность (блоки 2.1, 6.1.1, 6.1.5, 6.6).

Коэффициент корреляции за период 1970–2006 гг. составил 0,78, что служит доказательством значимой связи. Резкое падение ИРЧП в 1990 г. объясняется скорее всего как раз падением уровня жизни и возросшей смертностью (сложно предположить, что при этом все резко «поглупели»). Интересно, что корреляция на отрезке 1970–1990 гг. отсутствует (коэффициент 0,3), зато становится очень высокой на отрезке 1995–2006 гг. (коэффициент 0,9). Вполне возможно, что здесь проявляется фактор обратной зависимости: в период 1970–1990 гг. страна «вкладывалась» в ИРЧП, и он рос за счет этой государственной политики, а с 1995 г. народонаселение само стало его поднимать, увеличивая следом и жизнеспособность. Может быть и другое объяснение: новое время лучше отражает те показатели, в которых присутствуют финансы. Более подробно человеческий капитал как фактор жизнеспособности страны рассмотрен в разделе 6.1.

Идейно-духовный фактор

Идейно-духовный фактор является универсальным фактором народонаселения как образующего начала страны. Этому есть множество причин, одна из основных заключается в том, что именно он определяет идентичность, позволяет отделить «своих» от «чужих» не по формальным (наличие или отсутствие гражданства) или внешним признакам (внешний вид, обычаи), а по системным и глубинным качествам, относящимся к культуре, религии, образу мышления и жизни. К идейно-духовным факторам относятся ценностно-целевое единство народонаселения⁸, социальные функции религии⁹, пассионарность¹⁰.

Высокая значимость перечисленных факторов для жизнеспособности страны сочетается с трудностью их выявления и исчисления. Объективной (как, впрочем, и любой другой) статистики по ним часто недостает. В связи с этим в исследовании активно используется метод экспертных оценок. Некоторые иллюстрации к полученным результатам приведены на рис. 1.3.3, 1.3.4, 1.3.5, которые через высокую корреляцию полученных экспертным путем данных и КЖС подтверждают выдвинутые гипотезы: для жизнеспособности страны имеют большое значение общие для всего народонаселения цели, выдвинутые государственными и народными лидерами и сплачивающие народ.

---

⁸ Разделы 2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность, 6.3. «Специфика российского менталитета», 6.4. Разрушение демографических потенциалов и др.

⁹ Раздел 2.1.11. Вероисповедание.

¹⁰ Раздел 2.1.12. Пассионарность народонаселения, пропаганда и мобилизация.

1.3. Государственность страны: народонаселение

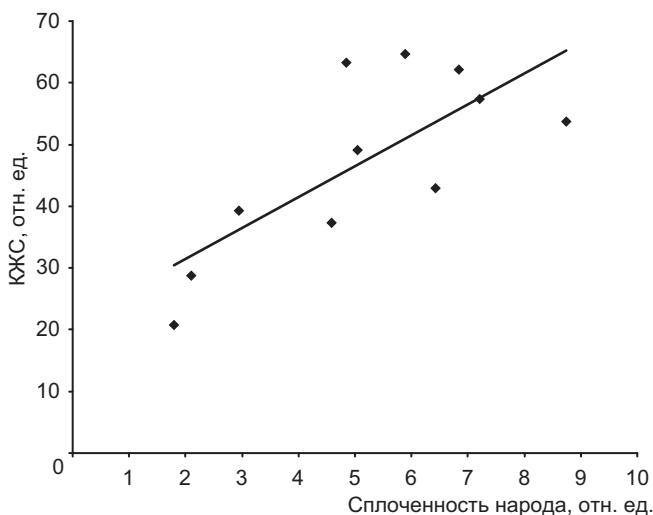
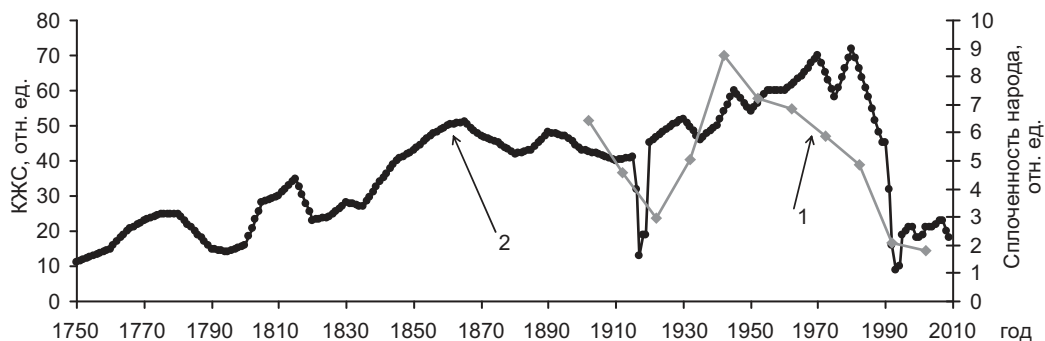

Рис. 1.3.3. Исторический ход и регрессионная связь сплоченности народа (1) (экспертная оценка) и КЖС (2). Коэффициент корреляции равен 0,75

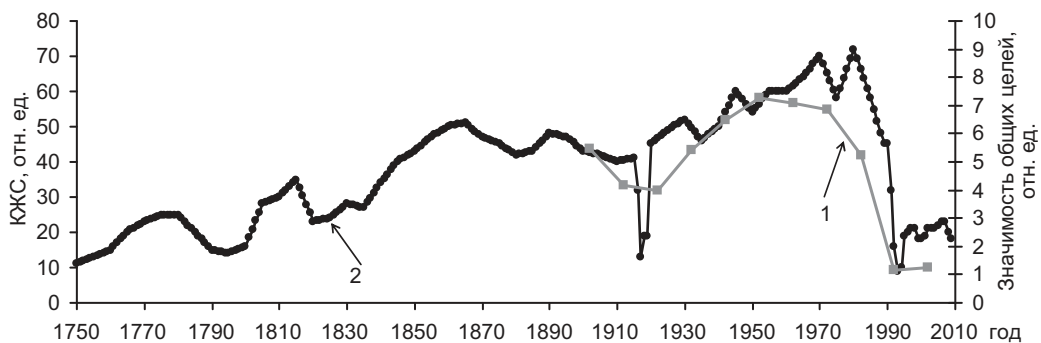

Рис. 1.3.4. Исторический ход и регрессионная связь уровня значимости общих целей в обществе (1) (экспертная оценка) и КЖС (2). Коэффициент корреляции равен 0,9

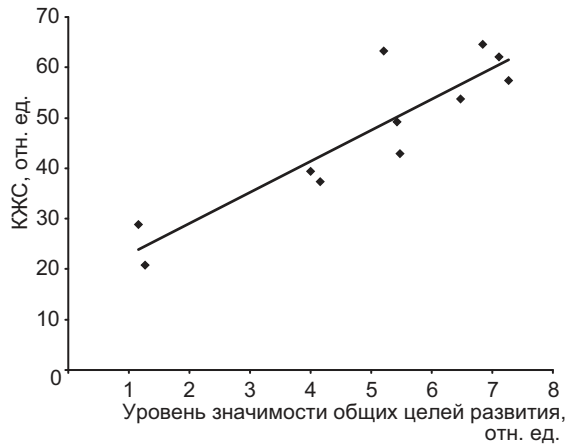

Рис. 1.3.4 (продолжение). Исторический ход и регрессионная связь уровня значимости общих целей в обществе (1) (экспертная оценка) и КЖС (2). Коэффициент корреляции равен 0,9

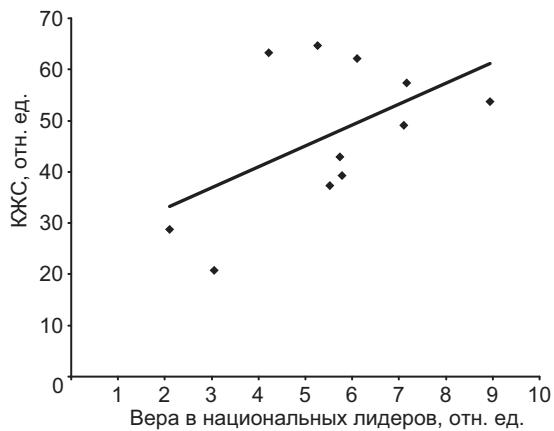
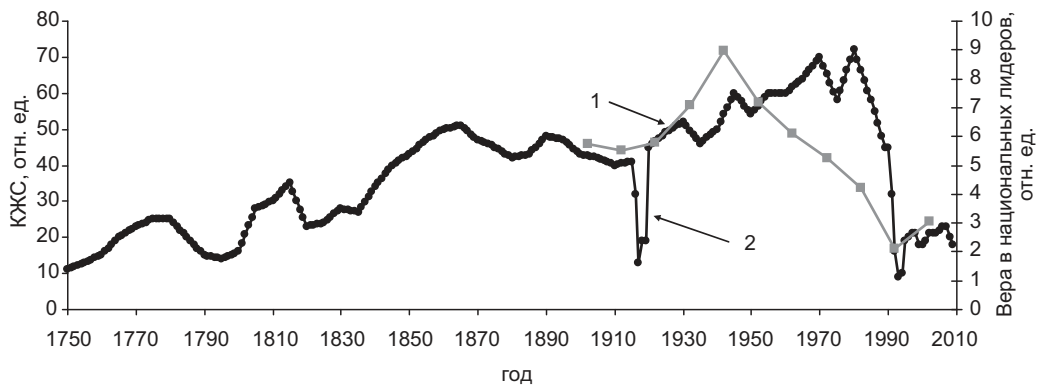

Рис. 1.3.5. Исторический ход и регрессионная связь веры в национальных лидеров (1) (экспертная оценка) и КЖС (2). Коэффициент корреляции равен 0,53

Государственно значимые факторы

Государственно значимые факторы народонаселения — это те условия и обстоятельства, которые оказывают влияние на строительство государства, определяют своего рода «уровень государственного инстинкта» народонаселения, его стремление к сохранению, упрочению и развитию государственности. Иначе эту группу факторов возможно назвать «функцией государствовоительства», присущей народонаселению. Степень оптимальной развитости этой функции у разных стран и народов различная. Более подробно данная тематика рассмотрена в разделе 1.4, здесь же определим перечень таких факторов. Это:

- 1) поддержка власти (легитимность власти);
- 2) политическая активность общества;
- 3) самоидентификация;
- 4) характеристики расселения;
- 5) социально-экономические характеристики.

Таким образом, жизнеспособность страны в части ее народонаселения формулирует ряд факторов первого уровня, к которым относятся:

1. Численность народонаселения, которая, в свою очередь, зависит от:
  - 1.1) идейно-духовного фактора;
  - 1.2) социально-материального фактора;
  - 1.3) качества государственной политики;
  - 1.4) цивилизационной идентичности.
2. Качество народонаселения, в том числе:
  - 2.1) факторы физического и интеллектуального развития;
  - 2.2) идейно-духовные факторы;
  - 2.3) государственно значимые факторы.

Указанные факторы входят в различные сферы государственного управления и анализа в рамках настоящего исследования: глава 2 — Состояние и особенности российской государственности, глава 3 — Цивилизация и жизнеспособность страны, глава 6 — Деградация народонаселения России, и в дальнейшем будут подробно в них рассмотрены. На этом этапе, тем не менее, обоснованы следующие промежуточные выводы. Качественные и количественные тенденции развития народонаселения России по своим трендам копируют западные, но имеют тенденцию к значительному ухудшению.

Реализуемая модель государственного управления влечет за собой усиление этих тенденций из-за негативного действия всех четырех демографических факторов.

Копировать западный опыт (активной миграционной политики) в сложившихся условиях невозможно, так как он неминуемо связан с дальнейшим разрушением скреп российской государственности, в частности цивилизационной идентичности народонаселения.

Народонаселение по своим количественным и качественным показателям фактически перестает в современной России выполнять важнейшие для обеспечения жизнеспособности страны функции — это является серьезной угрозой жизнеспособности и оценивается в качестве таковой многими экспертами.

В целом иерархическая связь факторов жизнеспособности в субпирамиде потенциала народонаселения показана на рис. 1.3.6.

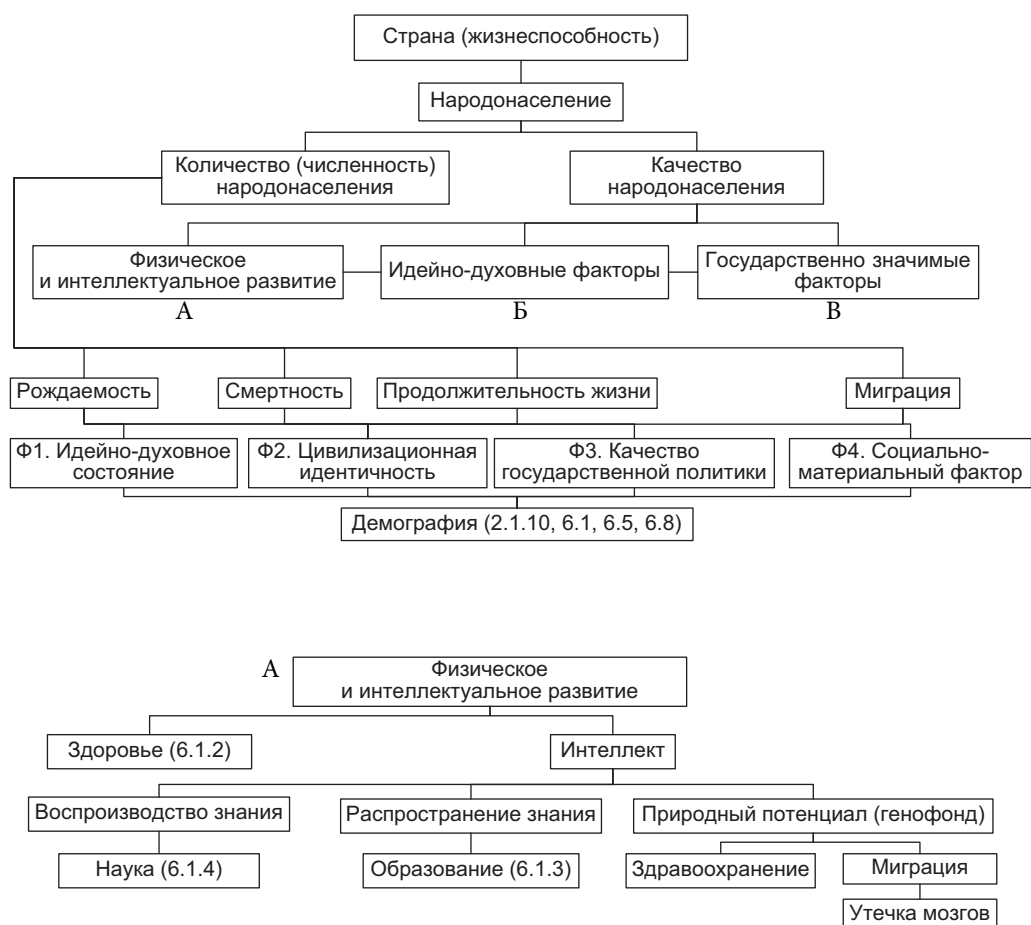

Рис. 1.3.6. Дерево факторов в иерархическом разложении потенциала народонаселения для жизнеспособности страны

1.3. Государственность страны: народонаселение

Рис. 1.3.6 (продолжение). Дерево факторов в иерархическом разложении потенциала народонаселения для жизнеспособности страны

1.4. Государственность страны: государственная (публичная) власть

Во вводной главе было показано, что публичная власть выступает как образующее начало страны, весьма значимы ее функции с точки зрения жизнеспособности страны. В этой связи необходимо выявление основных факторов, влияющих на выполнение этих функций. В первую очередь необходимо представление о факторах «первого уровня», обеспечивающих выполнение властью своих функций в целях максимизации жизнеспособности страны. В дальнейшем становится возможным выявление всей иерархической цепочки факторов в целях выработки управленческих реакций. Таким образом, настоящий раздел призван дать описание верхней части пирамиды факторов, образующейся в результате факторного анализа публичной власти как образующего начала страны (рис. 1.4.1).

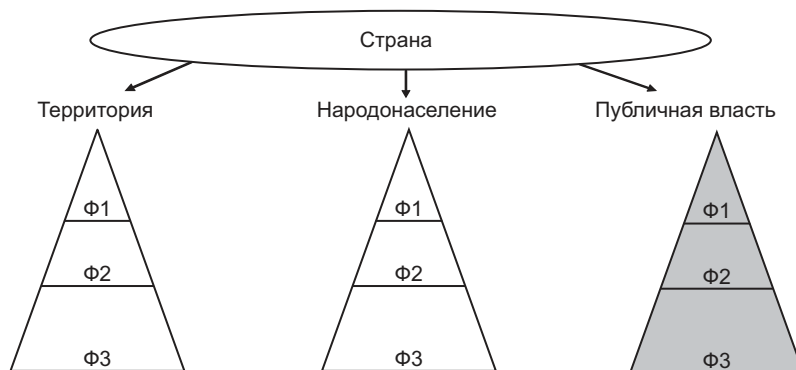

Рис. 1.4.1. Факторная пирамида жизнеспособности страны

При том, что в самых разных контекстах определений государственной власти может быть множество, в рамках настоящего раздела и в целях всего исследования под государственной (публичной) властью авторы понимают высшую управляющую силу в пределах территории страны, имеющую право действовать от имени государства. Это позволит в полной мере использовать междисциплинарные способы исследования и уйти от проблем, связанных с изменением форм правления, политических режимов, сменой элит, формой и содержанием государственной власти.

При исследовании публичной власти (использование данного термина представляется более оправданным со стилистической точки зрения) основное внимание будет уделяться не только содержанию отношений при ее осуществлении, но и внешней форме ее существования — т. е. будут рас-

смотрены государственная административная система, государственно-территориальное устройство, политическая система¹.

В чем заключается роль (функции) публичной власти в обеспечении жизнеспособности страны и от чего зависит выполнение этих функций?

Публичная власть является субъектом, во многих случаях олицетворяющим, персонализирующим страну, выступающим ее представителем во взаимоотношениях с другими странами. Очень часто публичная власть отождествляется с государством, которое при этом понимается как аппарат, реализующий власть (государство в узком смысле слова).

Существует много версий о природе публичной власти. Принимая во внимание сущностную близость публичной власти и государства в узком смысле, представляется возможным объединить теории происхождения государства с теориями о происхождении публичной власти. В результате получается примерно следующая классификация подходов:

- 1) мифологические, религиозные (теологические) теории (древнегреческая, древнеиндийская, древнекитайская, христианская и др.);
- 2) патриархальные теории (Конфуций, Аристотель);
- 3) органические теории (Конт, Спенсер);
- 4) естественно-правовые (договорные) теории (Гоббс, Локк, Руссо);
- 5) насильственные теории (Дюринг, Гумплович, Каутский);
- 6) психологические теории (Тард, Коркунов, Петражицкий);
- 7) марксистская теория (Маркс, Энгельс, Ленин);
- 8) либертарно-юридическая теория (В.С. Нерсисянц);
- 9) патримониальная теория.

Во многих из этих теорий зачастую происходит смешение в понимании государства в узком смысле (в контексте настоящего исследования для этого используется термин «публичная власть») и государства в широком смысле (для этого в настоящем исследовании используется понятие «страна»).

Методологической базой для настоящего исследования в целом авторами предложен витальный подход², однако это не означает, что при рассмотрении феномена публичной власти будет использован только он. В конце концов, основная цель настоящего исследования состоит не в изучении природы публичной власти, а в изучении ее функций с точки зрения жизнеспособности страны. В связи с этим важным становится основное свойство публичной власти: быть главной, высшей организующей силой внутри страны, верховенство которой признает все или подавляющее большинство народонаселения страны и которая контролирует всю территорию страны.

Исходя из этого представляется возможным сформулировать следующие функции публичной власти: организация и консолидация народонасе-

¹ Разделы 2.1.13. Система государственного управления и политическая система, 5.6. Территориальное устройство России и др.

² Сложная социальная система — страна как «живой» организм.

ления, представительство интересов страны внутри и вне ее, обеспечение безопасности, суверенитета и блага для всего народонаселения в пределах ее территории. С другой стороны, невозможно предложить ни один вопрос жизнедеятельности страны, который не «волновал» бы публичную власть. Здесь важно подчеркнуть авторский подход. Государство отвечает за все! Это не означает, что оно всем рулит и командует, как это обычно переводят на терминологию тоталитаризма примитивизирующие вопрос сторонники либеральной школы, идеологии и политической практики. Государство оптимизирует свое участие по нескольким управленческим направлениям. С одной стороны — прямое управление государственными ресурсами (бюджетом, имуществом, иными ресурсами) и в вертикали административной подчиненности. С другой стороны — не командование свободным предпринимателем и частным капиталом и инициативой, а создание мотивирующих его поведение условий хозяйствования через нормотворческую функцию и исключительное право на это государства. Чаще всего такой подход порождает задачи на оптимизацию, что и будет видно в последней, «конструирующей» управленческие программы части настоящего исследования.

Этот подход, как и вышеперечисленный набор функций, позволяет сделать обобщение и утверждать, что основной функцией публичной власти является обеспечение жизнеспособности страны. Такой подход в целом соответствует традиционному взгляду на природу власти и государства, характерному для мифологических, религиозных, патриархальных теорий, предполагающих наличие власти и государства как некоего естественного состояния жизни и организации людей, как наиболее гармоничное и удобное состояние взаимосвязи и сосуществования государства и общества (в некоторых теориях они даже не разделяются между собой). Однако, принимая во внимание положения иных теорий, можно сделать предположение о наличии иных функций власти, являющихся производными от ее разделения с остальным обществом, — функций, направленных на обеспечение своей монополии на территории страны и во внешней политике (обеспечение внутреннего и внешнего суверенитета власти). Исторические эмпирические данные и более подробные исследования, приводимые в работе в последующем, подтверждают правомерность таких предположений.

В связи с этим, с учетом объективной реальности представляется возможным сформулировать функции публичной власти как баланс стремления к обеспечению своей монополии на территории страны и стремления обеспечить жизнеспособность страны. Баланс этих функций является результатом сложной диалектической связи между ними, когда каждая из функций одновременно старается и исключить другую, и не может быть реализована без нее. Собственно говоря, это вечный конфликт между властвованием и управлением.

При этом надо обратить внимание на следующее. Описывая функции публичной власти надо исходить из того, что это функции публичной власти данной конкретной страны, о которой идет речь. Та же самая власть в отношении других стран может реализовывать как схожие, так и прямо противоположные функции: в стремлении обеспечить свою монополию она будет осуществлять экспансию на другие страны путем подавления (вплоть до уничтожения) публичной власти в этих странах, а в стремлении обеспечить жизнеспособность своей страны может негативно влиять на жизнеспособность других стран, вплоть до полного их уничтожения.

В связи с этим можно сделать предположение о наличии обратной связи: если результатом правления публичной власти в данной стране является снижение ее жизнеспособности, то публичная власть не только плохо реализует свои функции, но и может являться чужеродной по отношению к данной стране, реализуя чужие интересы, интересы других стран. Подобная ситуация может возникать как в случае свержения власти в стране в результате войны с другими странами (оккупация³ с аннексией⁴ или без нее или колонизация), так и без наличия признаков насильственного внешнего свержения власти, и даже вообще без наличия признаков свержения или смены власти. Последние два случая являются наиболее латентными и потому опасными для жизнеспособности страны, так как означают ее разрушение изнутри без видимых внешних признаков опасности. При этом, ввиду недостатка объективной информации, они слабо различаются с теми случаями, когда снижение жизнеспособности возникает в результате разбалансирования двух основных функций власти: обеспечения жизнеспособности и собственной монополии на территории страны. В связи с этим в ходе исследования изучалось соответствие действий (политики) публичной власти задачам обеспечения жизнеспособности страны.

Стремление к монополии как функция публичной власти задает ей важную особенность среди других образующих начал страны. Власть становится субъектной, получает возможность иметь и реализовывать собственные интересы, в том числе не связанные, или даже прямо противоположные жизнеспособности страны. То есть публичная власть в принципе может действовать вопреки интересам жизнеспособности страны в соответствии с рассматриваемой авторами моделью. Закономерно возникает вопрос: насколько долго может продолжаться такое состояние и не приведет ли оно

---

³ Занятие вооруженными силами государства не принадлежащей ему территории, не сопровождающееся обретением суверенитета над ней, обычно временное // Оккупация. Статья // <<http://ru.wikipedia.org/wiki/Оккупант>>.

⁴ Насильственный акт присоединения государством всей или части территории другого государства в одностороннем порядке. По международному праву аннексия — один из видов агрессии и в настоящее время влечет международно-правовую ответственность // Агрессия (политика). Статья // <[http://ru.wikipedia.org/wiki/Агрессия_\(политика\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Агрессия_(политика))>.

к гибели страны в принципе? Позволительна следующая оптимистическая гипотеза: диалектическая взаимосвязь двух основных функций публичной власти служит своеобразной страховкой от такого рода развития событий, так как не позволяет полностью утратить взаимосвязь и взаимозависимость самой страны и публичной власти. Друг без друга они существовать не могут. С исчезновением страны публичная власть теряет как основания своего могущества, так и объект применения своего властного ресурса. Страна, потерявшая публичную власть, перестает быть целостным образованием вплоть до ее восстановления.

На основании этого возможно предположить, что для своего появления, сохранения и воспроизводства публичная власть может быть заинтересована в различных переформатированиях страны, вплоть до временной утраты ее жизнеспособности в ходе слома одной модели страны и выстраивания новой. Иллюстрациями этому являются согласие с территориальными и людскими потерями для страны в целях сохранения собственной власти при агрессии, сепаратизм как стремление установить новую государственность на части территории страны, полное разрушение общественно-государственного устройства в ходе революции для становления новой государственности (становления новой страны). Даже отечественная, а уж тем более и мировая история изобилуют подобными примерами, которые показывают, что публичная власть обладает огромной силой, позволяющей ей форматировать саму страну, частью (образующим началом) которой она является. При этом, особенно в новейшей истории, «хвост виляет собакой». Ради сохранения и воспроизводства себя публичная власть (или сила, претендующая стать ею) активно форматирует свою страну. Наиболее ярким примером является распад СССР, когда ради сохранения и воспроизводства власти в ряде республик было разрушено единое государство вопреки волеизъявлению его народонаселения. В результате была создана новая государственность, появились новые страны, а их возникновение объяснялось, в том числе, заботой об их жизнеспособности (к сожалению, исторический анализ позволяет сделать предположение о том, что это была скорее манипуляция сознанием). Дело в том, что человеческая цена этому историческому эксперименту в демографическом отношении составила более 25 млн человеческих жизней (неродившихся, преждевременно умерших и тем самым сокративших численность эффективных человеческих жизней через сокращение продолжительности жизни) только для России.

Другой пример — кратковременное разрушение страны в ходе революции. Так, например, в ходе революций 1917 г. и последующего периода в стране не только поменялась публичная власть. Формально сама страна по всем ее образующим началам перестала существовать, была полностью разрушена. Более того, происходили фактические территориальные и людские потери, которые закреплялись юридически (например, Брестский мир)

ради сохранения и воспроизводства новой публичной власти. То есть осуществлялись действия, приводившие к подрыву жизнеспособности и основных образующих начал страны в краткосрочном периоде, однако в долгосрочном периоде жизнеспособность страны восстановилась (рис. 1.4.2), хотя пока не доказано, что это произошло благодаря сохранению и воспроизводству новой публичной власти.

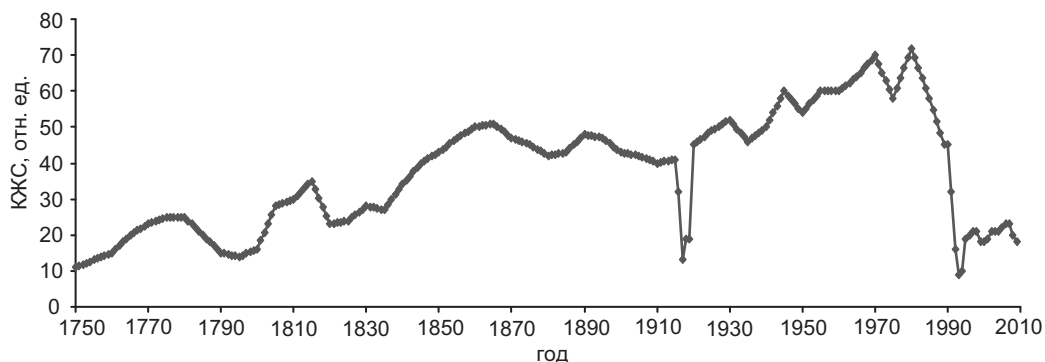

Рис. 1.4.2. КЖС России в ее истории

Вместе с тем необходимо отметить в качестве аналогии, что похожие процессы в Австро-Венгрии в это же время привели к безвозвратной утрате страны относительно того состояния, в котором она пребывала до «переформатирования». Указанные процессы также могли обосновываться властной элитой стремлением сохранить и обеспечить жизнеспособность вновь созданных стран. Ради своего сохранения и воспроизводства публичная власть выбрала иную проекцию своих властных претензий, «оптимизировала» объект управления, исходя из собственной жизнеспособности. Хотя почти столетние результаты распада Австро-Венгрии можно трактовать и иначе.

Таким образом, публичная власть оказывает сильнейшее влияние на жизнеспособность страны. Более того, она оказывает сильнейшее влияние и на саму страну, в том числе на ее форму, а также на иные образующие начала, во многом определяя их конфигурацию и конкретные показатели, а иногда и ставя их в качестве целей своей деятельности. Обладая таким активным началом, публичная власть, к тому же, может обладать интересами, идущими вразрез с интересами жизнеспособности страны в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах, т. е. обладает тенденцией к собственной автономизации (теневым целям) от страны. Иными словами, публичная власть является не только образующим началом страны, но и сильнейшим фактором ее жизнеспособности, действующим зачастую отрицательно. Именно поэтому в настоящем исследовании многие проблемы

и решения будут сводиться к деятельности публичной власти, оптимизации ее управленческих решений.

Какие факторы оказывают воздействие на выполнение публичной властью своих функций?

Обосновано предположение, что на две диалектически взаимосвязанные функции публичной власти (обеспечение жизнеспособности страны и обеспечение собственной монополии и воспроизводства на территории страны) оказывают влияние два фактора-потенциала первого уровня. Во-первых, результативность власти, понимаемая как способность достигать поставленные цели, среди которых — обеспечение своей монополии; во-вторых, патриотичность власти, понимаемая как соответствие поставленных целей национальным интересам и безопасности, т. е. жизнеспособности.

Понимая взаимосвязь и определенную противоречивость в воздействии этих факторов, их простейшие комбинации возможно отобразить в следующей матрице (табл. 1.4.1).

Таблица 1.4.1

Комбинации факторов-потенциалов верхнего уровня, воздействующих на функции публичной власти в обеспечении жизнеспособности страны

		Патриотичность	
		высокая	низкая
Результативность	высокая	Идеальный управленец	Умелый враг
	низкая	Неумелый патриот	Разрушитель-неудачник

Анализируя матрицу, можно достаточно легко расставить степень предпочтительности разных комбинаций для максимизации жизнеспособности страны (по убыванию):

- 1) «идеальный управленец» (высокая патриотичность — высокая результативность);
- 2) «неумелый патриот» (высокая патриотичность — низкая результативность);
- 3) «умелый враг⁵» (низкая патриотичность — высокая результативность);
- 4) «разрушитель-неудачник» (низкая патриотичность — низкая результативность).

⁵ Название намеренно несколько метафорично. Оно отражает то состояние, когда государством управляют хорошие профессионалы, которые в принципе безразлично относятся к судьбе своей страны. При этом признается, что они могут быть орудием в руках геополитических противников страны сознавая или неосознавая это.

Могут возникать споры по поводу того, что лучше: «умелый враг» или «разрушитель-неудачник»? При этом приводится аргументация в пользу того, что лучше уж «бардак и анархия», чем «внешнее управление», однако это не является предметом рассмотрения в рамках настоящего раздела.

К указанным характеристикам власти стоит добавить еще одну, а именно — порядочность в смысле коррупционной устойчивости. В последующих разделах этот показатель будет исследован более подробно.

Итак, основные факторы-потенциалы верхнего уровня выявлены. От чего, в свою очередь, зависят они?

Описать факторы, влияющие на результативность власти, относительно легко, так как этот процесс достаточно разработан в современной науке. В общем виде результативность власти зависит от совокупности внутренних и внешних факторов. К внутренним можно отнести состояние государственного аппарата и профессиональность элиты — два показателя, оценивающие соответственно административный и политический уровни публичной власти. Очевидно, что любой дисбаланс во взаимодействии административного и политического будет давать отрицательный эффект. Таким образом, оптимальной для жизнеспособности является ситуация, когда высока профессиональность элиты и работоспособен административный аппарат.

При этом третий фактор результативности — факторы внешней и внутренней политики, являющиеся внешними по отношению к самой публичной власти, могут оказывать различное воздействие: они могут выступать как катализаторами восходящих или нисходящих тенденций результативности, так и служить основаниями для их перелома. Можно видеть примеры: рост качества управления в период Великой Отечественной войны, резкое снижение его в период горбачевской перестройки.

В целях настоящего исследования интегральным показателем результативности государственного управления может служить коэффициент качества государственного управления (далее — КГУ), который рассчитан экспертным путем.

Расчеты его корреляции с КЖС представлены на рис. 1.4.3.

Расчеты коэффициента корреляции по историческим периодам дают весьма интересные результаты (табл. 1.4.2), а именно: на всех исторических промежутках времени⁶, кроме современного, корреляция очень высока. Вообще говоря, в дальнейшем и на многих других факторных примерах будет видно, насколько аномальна современная модель российской государственности, насколько несовместима она с идеей жизнеспособности страны. С идеей колонизации или внешнего управления страной совместима, а с идеей жизнеспособности страны — никак не совместима.

⁶ Чтобы исключить ошибки при расчетах по временным промежуткам, были убраны периоды возможных искажений, которые связаны с революционными трансформациями публичной власти.

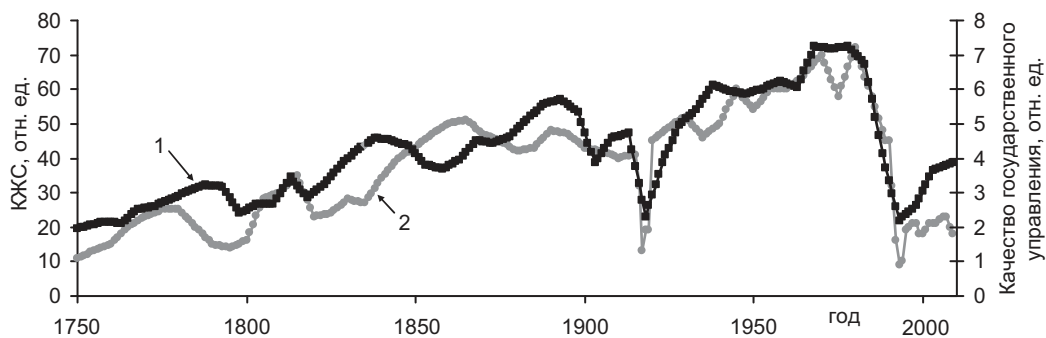

Рис. 1.4.3. Исторический ход качества государственного управления (1) и КЖС (2). Сквозной по периоду коэффициент корреляции равен 0,89

Таблица 1.4.2

Коэффициенты корреляции КЖС и КГУ по различным историческим периодам

Исторический период, годы	Коэффициент корреляции
1750–1910	0,818
1925–1990	0,813
1995–2009	0,356

Подобные результаты могут иметь различные объяснения: например, случайный характер из-за относительно короткой протяженности во времени последнего периода, возникновение инерционных связей фактор-результат или, иными словами, наличие лага по времени, наличие в этом промежутке времени иного фактора, оказывающего влияние на жизнеспособность.

Проверку относительно временной протяженности промежутка времени возможно провести только при наличии данных за более продолжительный промежуток времени, т. е. в средне- и долгосрочной перспективе. Однако анализ корреляции на всем доступном промежутке времени (1750 г. — настоящее время) позволяет сделать вывод, что с увеличением времени корреляция только возрастает (общий показатель корреляции 0,89 — выше, чем по любому из промежутков).

Не удалось установить и наличие лага по времени между показателями КГУ и КЖС.

Возможно сделать предположение и о том, что отсутствие роста КЖС на фоне роста КГУ в рассматриваемом периоде объясняется низким уровнем патриотизма как фактора публичной власти, что отчасти подтверждается результатами исследования, приведенными в разделе 2.5.

Рассмотрим иной фактор-потенциал верхнего уровня — патриотичность публичной власти.

Очевидно, что уровень ее патриотичности будет в целом определяться как патриотичностью самого общества (населения), так и патриотичностью элиты, которая воспроизводится данным обществом.

Данные факторы весьма сложны для описания, так как практически не имеют объективных критериев для оценки. Результаты проведенных экспертных оценок уровня патриотичности элиты России представлены в разделе 2.5.

Очевидно, что система факторов, оказывающих влияние на потенциал публичной власти, а через нее — на жизнеспособность страны, гораздо разнообразнее. В общем виде она представлена на рис. 1.4.4 (дерево факторов) и будет далее подробно рассмотрена в различных разделах настоящей работы. Здесь же дадим краткий обзор этих факторов.

Как мы уже установили, факторами самого высокого уровня являются результативность и патриотичность власти.

Результативность власти, в свою очередь, определяется факторами состояния государственного аппарата, профессиональностью элиты, а также факторами внешней и внутренней политики. Рассмотрим системы факторов, воздействующих на них.

Состояние государственного аппарата определяется действием следующих видов факторов:

- 1) уровень коррупции (рассмотрен в разделе 14.5);
- 2) ресурсное обеспечение (глава 15);
- 3) система построения государственного аппарата;
- 4) кадровая политика (раздел 8.5).

Одним из наиболее сложных в плане изучения и построения на практике является вопрос системного построения государственного аппарата, который упирается в необходимость решения задач построения аппарата «по вертикали» (т. е. построения иерархичной административной системы), «по горизонтали» (вопросы выстраивания аппарата в рамках одного уровня иерархии), а также в вытекающие из них задачи структурно-функционального построения и государственно-территориального устройства. Все эти вопросы касаются непосредственной «связки» публичной власти с территорией и населением как образующими началами. Указанные вопросы более подробно рассмотрены в разделах 14.3–14.4.

Профессиональность элиты как фактор рассматривается через призму интеллектуальной и морально-волевой готовности элиты решать любые классы задач, возникающие при осуществлении и, отчасти, при захвате и удержании власти. Профессиональность в данном случае отражает совокупность теоретических и практических знаний, а также устойчиво сформированных навыков осуществления деятельности в сфере государственного

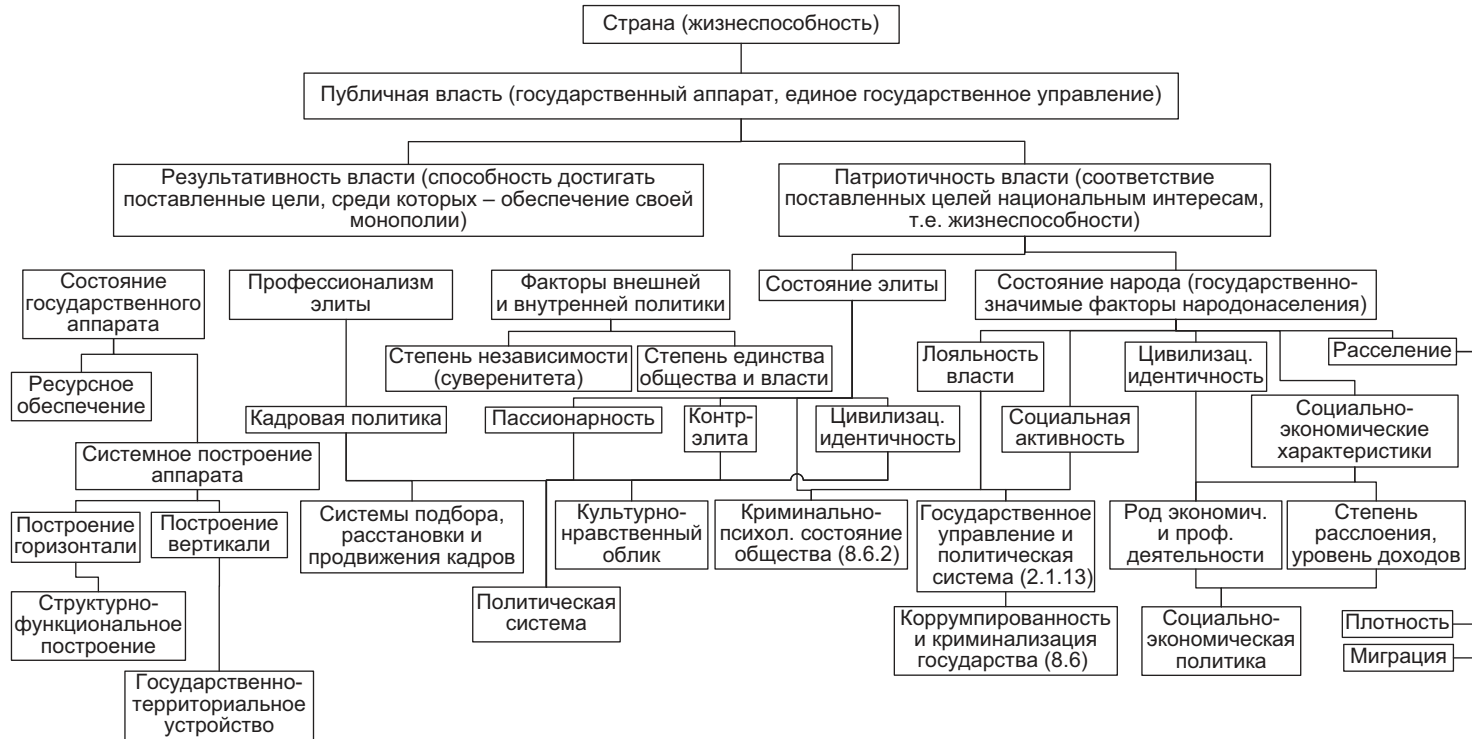

Рис. 1.4.4. Дерево факторов

управления. Соответственно, факторами, влияющими на профессиональность элиты, являются способность организовать систему получения и воспроизводства всех типов знаний о государственном управлении и возможность применения этих знаний на практике.

В контексте настоящего исследования для обозначения первого фактора будет применяться термин «научность государственного управления» (см. раздел 8.3). Изучение второго фактора целесообразно проводить в контексте кадровой политики и системы подбора, расстановки и продвижения кадров, а также построения политической системы (раздел 8.5).

Факторы внешней и внутренней политики являются в целом внешними по отношению к публичной власти и оказывают влияние как на ее результативность, так и на ее патриотичность. В то же время, в контексте настоящего исследования они рассматриваются прежде всего через призму результативности, так как находят в ней наиболее точное и достаточно объективное отображение. Эти факторы многообразны в своих проявлениях, однако для целей исследования они объединяются в две группы: степень независимости (суверенитета) публичной власти от внешних сил и степень единства общества и власти.

Необходимо отметить, что если степень единства общества и власти в целом имеет положительную взаимосвязь с результативностью и жизнеспособностью, то степень независимости может по-разному оказывать влияние на результативность. Как это было видно в исторических примерах оккупационная администрация тоже может быть результативной, а наличие фактора внешней силы, обеспечивающей необходимую степень насилия, в том числе в отношении внутренней оппозиции и собственного населения, может резко повышать результативность (как это было, например, в эпоху монгольского ига). Напротив, «смена тренда» на увеличение степени независимости от внешних сил может сталкиваться с мощным сопротивлением, в том числе и внутренним, подогреваемым извне, что может приводить к снижению результативности.

Патриотичность власти определяется состоянием элиты и состоянием народонаселения, его государственно значимыми факторами.

Патриотичность публичной власти (соответствие ее интересов и поставленных целей национальным интересам, т. е. целям обеспечения жизнеспособности страны) — это фактор прежде всего ценностного порядка. При этом патриотичность не сводится только к оценке некоего чувства долга перед Родиной и желания действовать ей во благо, заблуждения относительно истинных целей развития страны могут ей дорого обойтись — зачастую это тот случай, когда «простота хуже воровства».

Именно поэтому патриотичность элиты будет определяться и ее цивилизационной идентичностью (соответствием ценностно-целевых характеристик элиты ценностно-целевым характеристикам страны), и ее научностью как степенью осознания реальных процессов и реальных национальных интересов.

Важным фактором патриотичности элиты является наличие контр-элиты: с одной стороны — как постоянной потенциальной угрозы для тех, кто находится у власти; с другой стороны — как генератора альтернатив развития, в том числе в ценностно-целевом плане.

Еще один важный фактор патриотичности власти — состояние народонаселения. Являясь, с одной стороны, источником зарождения и реализации интересов, с другой — базой для формирования элиты, народонаселение и заложенные в нем качества определяют и состояние элиты, и состояние страны («народ имеет то правительство, которое заслуживает»). Набор факторов, определяющих состояние народонаселения с точки зрения государственно значимых факторов, весьма разнообразен. Перечислим их. Это:

- 1) уровень лояльности к публичной власти, определяющий степень ее легитимности;
- 2) уровень социальной активности (как созидательной, так и разрушительной);
- 3) цивилизационная идентичность общества;
- 4) социально-экономические характеристики народонаселения;
- 5) показатели размещения народонаселения по территории, характеризующие связь народонаселения и территории как образующих начал страны и взаимосвязанные с фактором государственно-территориального устройства.

Таким образом, жизнеспособность страны в части публичной власти формирует следующий перечень факторов-потенциалов первого уровня (см. рис. 1.4.4):

- 1) результативность власти, которая, в свою очередь, определяется следующими факторами:
  - 1.1) состояние государственного аппарата;
  - 1.2) профессиональность элиты;
  - 1.3) факторы внутренней и внешней политики;
- 2) патриотичность власти, которая определяется состоянием элиты и государственно значимыми факторами народонаселения.

При этом по результатам проведенного анализа возможно сделать предположение о наличии следующих основных особенностей российской публичной власти.

Отсутствие четкого разделения между политической и административной составляющими в рамках российской публичной власти вполне обычно. Характерна автосубъектность российской власти, означающая ее полную независимость в пределах Российского государства от кого бы то ни было, в том числе и от народонаселения. Важнейшей, хотя и не единственной, причиной «автосубъектности» власти является исторически определенный механизм возникновения в России гражданского общества. Все негосударственные общественные структуры (бизнес, партии, пресса

и т. д.) не порождались жизнью общества, а создавались искусственно самим государством. В результате этого все общественные институты являются дочерними структурами государства и скорее зависят от него, чем на него воздействуют. Поэтому общество не имеет инструментов для контроля над государством, государство пронизывает собой все общество.

Низкая ресурсная обеспеченность государственного аппарата является следствием сочетания целого ряда объективных причин, обуславливающих постоянно низкий (относительно иных развитых стран) уровень прибавочного продукта. В связи с этим Россия не может позволить себе большой и, самое главное, качественный (в смысле хорошей оплаты труда компетентных госслужащих) управленческий аппарат, который ей объективно нужнее в силу большой территории и значительной роли государства. При наличии многочисленного государственного аппарата возникает необходимость обеспечения социальной справедливости. Поэтому власть наиболее устойчива в том случае, если верховный руководитель отражает интересы большинства населения и ограничивает интересы верхушки государственного аппарата (властной элиты), что, однако, чревато внутриэлитными конфликтами.

Главным следствием низкого уровня прибавочного продукта является отношение населения к власти — непосредственное распределение и перераспределение государством хотя бы части благ становится необходимой для выживания общества функцией государства. Вмешательство государства в экономику и частную жизнь становится неотъемлемой чертой общества. В этих условиях гражданин не воспринимает свое социальное и материальное положение как стабильное и независимое. А это не позволяет гражданину воспринимать государство как партнера, с которым он находится в некоторых относительно равноправных отношениях, а заставляет воспринимать государство как силу, способную изменить его положение так, как государству захочется. В этих условиях гражданской позиции у гражданина быть не может. Борьба за гражданские права начинается там, где борьба за выживание заканчивается победой.

Власть в России очень персонифицирована. Харизматичность лидера имеет большое значение. По этой причине часто отдается предпочтение неформальным процедурам и институтам перед формальными. Отсюда особое отношение к закону и праву, российский правовой нигилизм и проблемы правоприменения, а также невозможность реализовать серьезные управленческие проекты только нормативными средствами, без наличия политической воли. Более того, в традиции укоренена практика реализация модернизационных проектов внеправовыми методами с правовой констатацией полученных результатов постфактум. При этом главным источником правового нигилизма является не харизматичность власти, а ее «автосубъектность». В условиях независимости власти и зависимости всех от нее

законы — это не результат «общественного договора», поддержание которого выгодно участникам, а форма, в которой власть общается с населением и задает ему границы поведения. В этих условиях законы, естественно, воспринимаются населением как искусственные ограничения, которые по возможности надо обходить.

Следствием автономизации власти от общества зачастую является низкий уровень патриотичности власти, особенно властной элиты. Этот процесс усугубляется традицией переноса и культивации сверху западных ценностей, национальным менталитетом неадекватной самокритики, несправедливым распределением собственности в пользу правящей элиты. В случае отсутствия резких и явных угроз для власти со стороны Рапада и наличия развитой системы отношений с западной политической и финансовой элитой это выливается в реализацию на территории России политики, объективно направленной против жизнеспособности страны и интересов народонаселения.

Между политической и административной составляющими существуют отношения симбиоза: верховный руководитель и высший слой элиты не могут эффективно функционировать без широких слоев аппарата, аппарату нужна легитимность верховной власти и готовность учитывать его интересы. Чем крепче этот симбиоз, тем шире возможности по укреплению жесткости власти. Однако ввиду того что ресурсы ограничены, широкого перераспределения собственности в отношении аппарата не происходит. Если процесс не контролируется сверху, то происходит резкая концентрация власти и собственности верхним слоем элиты, что порождает внутриэлитный и общесоциальный конфликт и несет риск разрушения всей системы государственного управления с ее полной «перезагрузкой» или локальный внутриэлитный конфликт с возможным переворотом (сменой верховного правителя).

Сама по себе административная система не претерпевает значительных изменений, которые к тому же мало влияют на ее результативность: минимально необходимый уровень результативности обеспечивается на инстинктивном уровне при любой структуре государственных органов (в том числе и в условиях реального или мнимого федерализма), а максимально необходимый обеспечивается за счет активизации политической воли и в основном благодаря репрессиям, т. е. при мобилизационном типе. Системные решения при мобилизационном типе могут быть успешными, но неустойчивыми в долгосрочной перспективе.

Исходя из советского опыта, проблему может составлять политизация регионального уровня управления, когда на нем начинают формироваться относительно самостоятельные центры политической власти, конкурирующие с центральной властью. Именно эти центры могут начать попытки реа-

лизации собственных государственных проектов, угрожающих единой государственности и территориальной целостности.

Результативность административной системы во многом зависит от кадрового обеспечения — наличия достаточно компетентных и опытных кадров, понимающих специфику работы системы и умеющих работать в ней. Такие кадры обладают возможностью решать поставленные задачи в рамках любой построенной административной системы на основе собственного опыта, профессионализма и подобранной команды. Проблему составляет выявление и мотивация таких кадров — советский опыт демонстрирует примеры мотивации, основанной на насилии и «естественном отборе», современный российский опыт демонстрирует отдельные примеры эффективной работы в сфере государственного управления в достижении узкогрупповых целей.

Формальные системы, институты и процедуры зачастую играют незначительную роль в функционировании административного уровня управления, особенно в случае пренебрежения ими со стороны верховного уровня власти. Однако в случае повышения требовательности к ним со стороны политического руководства они могут играть значительную стабилизирующую роль, что особенно важно в условиях относительно спокойного развития страны.

Межклановый консенсус как демократический механизм выработки позиции общества в России маловероятен. При «автосубъектности» государства нет различных по социальному положению, но равных по силам элитных групп, способных эффективно ограничивать эгоизм друг друга и вынужденных вырабатывать консенсус, а есть гомогенная государственная элита. В ней отсутствуют противоречия, ограничивающие ее эгоизм, а есть лишь борьба за «кусочек от пирога», победа в которой ничего не меняет в структуре общества.

Харизматичность и персонифицированность власти позволяет в России решать проблемы иначе, чем на Западе. Вместо невозможного в условиях «автосубъектности» внутриэлитного консенсуса выстраивается консенсус между лидером (монархом), массой рядовых государственных служащих (дворянством), при поддержке населения (горожан), который позволяет при помощи государственных институтов и процедур эффективно контролировать государственную элиту (аристократию), заставляя ее действовать в общественных интересах. Так были устроены абсолютная монархия и сталинский СССР. В современности существует нехватка харизматичного и волевого лидера и соответствующих институтов, в первую очередь кадровых.

Перечисленные выше особенности были характерны для российской государственной власти на значительном историческом периоде — от XVII в. до XXI в. Государственная власть в России и сейчас обладает всеми этими особенностями. Эволюции власти препятствуют продолжающиеся процес-

сы разложения советского социума, перманентный передел собственности как основной источник доходов (в результате проедается прошлое, но ничего не создается в настоящем). Не меняется зависимый сырьевой характер экономики, остается доминирование действия внешних факторов (политических, финансово-экономических, информационных), сохраняется клановый характер господствующих групп, которые так и не консолидировались в единый и целостный господствующий слой. Возрастает разрыв между низами и верхами при практическом отсутствии среднего слоя, в результате чего верхи и низы живут в разных социопространственных, властных и потребленческих плоскостях (подобную ситуацию в Великобритании 1830–1840-х гг. Б. Дизраэли охарактеризовал как «две нации в одной стране»).

Неадекватны заимствованные на Западе политические формы для русской жизни — даже в ее разлагающемся состоянии.

Эти вопросы будут рассмотрены в последующих разделах настоящего исследования.

В целом, становится очевидным, что, с одной стороны, власть и качество государственного управления есть важнейший фактор жизнеспособности страны. С другой стороны, факторное разложение показывает, что именно власть может и должна оздоровить и оптимизировать самое себя. Конкретные программные установления и управленческие решения возможны. Возможен синтез публичных и персональных интересов представителей элиты, что составляет в итоге всей работы содержание предлагаемых Доктрины безопасности и развития России и научного макета новой Конституции России.

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

1.5.1. Высшие ценности государства как факторы жизнеспособности страны и их конституционное закрепление

Об особых ценностях Российского государства говорят с самой высокой трибуны. К ним апеллирует в своих обращениях президент Российской Федерации. О значимости такой апелляции свидетельствует присутствие темы ценностей в посланиях к Федеральному Собранию. Однако разъяснений, что именно понимается под высшими ценностями Российского государства, не содержится ни в одном официальном документе и не следует из текущего политического контекста. Следует, например, «Свобода лучше, чем несвобода», но именно подобная примитивизация сложнейшего ценностного пространства существования страны в 1990–2000 гг. привела ее на грань распада и деградации. В Конституции акцентирована формула «свободы и права человека» и больше ничего. Нет указания даже на такие естественные и неотрывные ограничители этой ценности, как нравственность, ответственность, обязанность человека и гражданина.

Содержание провозглашаемого ценностного выбора является, при отсутствии его определения, предметом интерпретационным. При такой ситуации о едином стратегическом курсе государства не может быть речи.

Итак, политика России безусловно выстраивается на основе определенного набора ценностей, но что он собой представляет, никому в современной России достоверно неизвестно. Тем, кто располагает знанием о теневых целях, вероятно, известно, но ни обществу, ни внешним наблюдателям в мире это достоверно неизвестно. Поэтому в ходе исследования авторам предстояло ответить на вопросы: откуда берутся ценности соответствующей государственности? кто их генерирует? каковы формы и механизмы их трансляции? в чем они могут состоять?

Ключевыми категориями являются «государственность» и «высшие ценности государства». Под государственностью в данном случае понимается организованность и упорядоченность (пассивная и активная) существования территории, деятельности проживающего на ней населения при единой системе управления (публичной власти). Речь, таким образом, идет не только о государстве, но и о государственности как понятии, эквивалентном стране. Ее базовые потенциалы, как это предложено во вводной главе, выражаются триадой необходимых компонентов: территория, народонаселение, публичная власть. Фундаментальность этих составляющих утверждается исходя из факта их неустрашимости.

Под высшими ценностями Российского государства понимаются не только субъективно-психологические человеческие мотиваторы, но и, что важно для активной управленческой парадигмы настоящего исследования,

специфические конкретизированные состояния наиболее жизненно значимых для страны факторов.

Соподчиненные единой интегральной ценностной цели — жизнеспособности страны, эти факторы составляют перечень ценностей. Одни из них имеют более, другие менее весомое значение, а наиболее значимые факторы для жизни страны, находящиеся на первых уровнях факторной декомпозиции, составляют категорию высших ценностей.

Чтобы быть «работающими» факторы должны иметь деятельностно-мотивационный характер. Деятельностными субъектами выступают власть и народ. Следовательно, факторы жизнеспособности становятся ценностями при восприятии их в данном качестве государством и обществом. Возможно что жизнеспособность страны зависит от неких космогонических процессов. А.Л. Чижевский выразил это предположение посредством концепции солнечных ритмов, а Л.Н. Гумилев — теории пассионарности¹. Однако, не являясь социальным мотиватором, космогонический процесс не может быть отнесен к высшим государственным ценностям России.

Применение витального подхода к стране позволяет занять вполне определенную позицию в аксиологическом дискурсе. Высшие ценности государства, сообразно с ней, не даются в откровении свыше и не могут быть искусственно сформулированы. В этом смысле интенция *придумать* национальную идею принципиально неосуществима. Придумано будет что угодно, но только не национальная идея, которая животворит народ и государство. Ценности не изобретаются, а выявляются посредством изучения факторов функционирования каждой конкретной страны, ее цивилизационно идентичного ценностного набора как своеобразного генетического кода. В этом смысле национальная идея, как и высшие ценности государства, объективна.

Функцию защиты общественно значимых ценностей кроме общества должно брать на себя и государство. Права и свободы человека — это только одна из составных частей находящегося под государственной защитой ценностного арсенала. Только ими он далеко не ограничивается. Каждое государство исторически выработало свой специфический набор и иерархию ценностных ориентиров. Для российской государственности, имеющей в своем основании самостоятельную цивилизационную парадигму русской цивилизации, тема специфичности ценностного выбора представляется особо актуальной. В этой связи возникает проблема номинации высших государственных ценностей. Для того чтобы это номинирование имело

---

¹ Чижевский А.Л., Шишина Ю.Г. В ритме Солнца. Соч. М.: Наука, 1969; Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. Соч. М.: Мысль, 1976; Карнаух В. К. Космические циклы и социальные ритмы: концепция А.Л. Чижевского // Деятели русской науки XIX–XX веков. Сборник статей. Вып. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2001. С. 122–137; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Соч. СПб.: Кристалл, 2001; Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. Соч. М.: Экопрос, 1993.

объективные основания, необходимо выработать методологию выявления общественно значимых ценностей.

Наука о ценностях — аксиология существует довольно давно. Однако до настоящего времени она развивалась преимущественно вне практического применения, ограничиваясь сферой этнографической и культурологической феноменологии. Новационность формулируемой авторами задачи заключается в соединении аксиологического дискурса с практикой государственного управления².

Подход по использованию ценностей в качестве управленческой категории составляет один из базовых методологических принципов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Установление ценностных целей является, сообразно с методологией Центра, исходным пунктом выстраивания государственных политик как управленческой практики. В настоящем разделе ставится задача анализа высших ценностных оснований государственной политики Российской Федерации в целом.

Основой классификации ценностей выступают два базовых измерения ценностного континуума — время и пространство. Разные масштабы исторического времени позволяют выделить следующие категории ценностей: вечные (значимые для человечества во все времена), мегаисторические (масштаб существования цивилизаций и народов), эпохальные (масштаб эпохи), поколенческие (масштаб поколения), конъюнктурные (масштаб текущих событий) (рис. 1.5.1).

Аксиологические различия в пространственном измерении выводят на следующую классификацию ценностей: универсальные, национальные, локально-групповые и индивидуальные (рис. 1.5.2). К высшим ценностям государственности относятся первые два уровня в предложенных ценностных классификациях.

Вопрос о высших ценностях государства кажется тривиальным, но это далеко не так. Поскольку они объективны, то для их системы, иерархии свойственны определенные закономерности. Научное содержание поставленной задачи — выявление указанных закономерностей, связей и иерархий и номинированием ценностей в результате. На рис. 1.5.3 показано примерное дерево исследования и выявления высших ценностей государства.

---

² Чавчавадзе Н.Э. Культура и ценности. Монография. Тбилиси: Мецниерева, 1984; Философия и аксиология. Монография. Велико Търново: Изд-во университета свв. Кирилл и Мефодия, 1993; Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. Монография. М.: Республика, 1994; Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 34–36; Kluckhohn C. Values and Value-Orientations in the Theory of Action // Toward a general theory of action. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962; Parsons T. The Social System. N.Y.: Free Press, 1964.

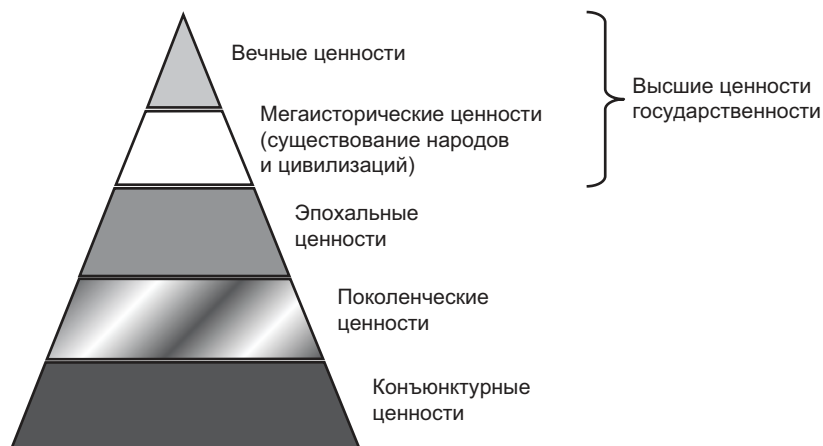

Рис. 1.5.1. Классификация ценностей по параметру времени

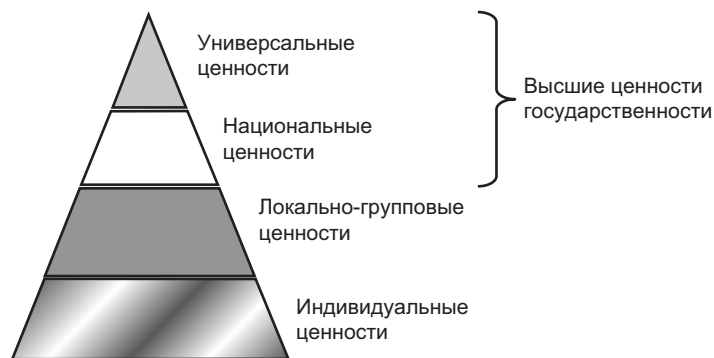

Рис. 1.5.2. Классификация ценностей по параметру пространства

Ввиду двойственного содержания ценностей, одновременно как факторов жизнеспособности и как мотиваторов активности субъектов деятельности, внимание акцентировалось на выявлении «несиловых» оснований государственности. Именно идеальные ориентиры, а не материальные потребности задают «белый пакет» ценностей человечества, восходящую динамику его развития от животного собственно к человеческому состоянию в мегаистории³.

Посредством логической факторной декомпозиции идентифицируются несколько десятков ценностей российской государственности, группируемых в рамках 12 универсальных ценностных блоков (рис. 1.5.4).

³ См. главу 3.

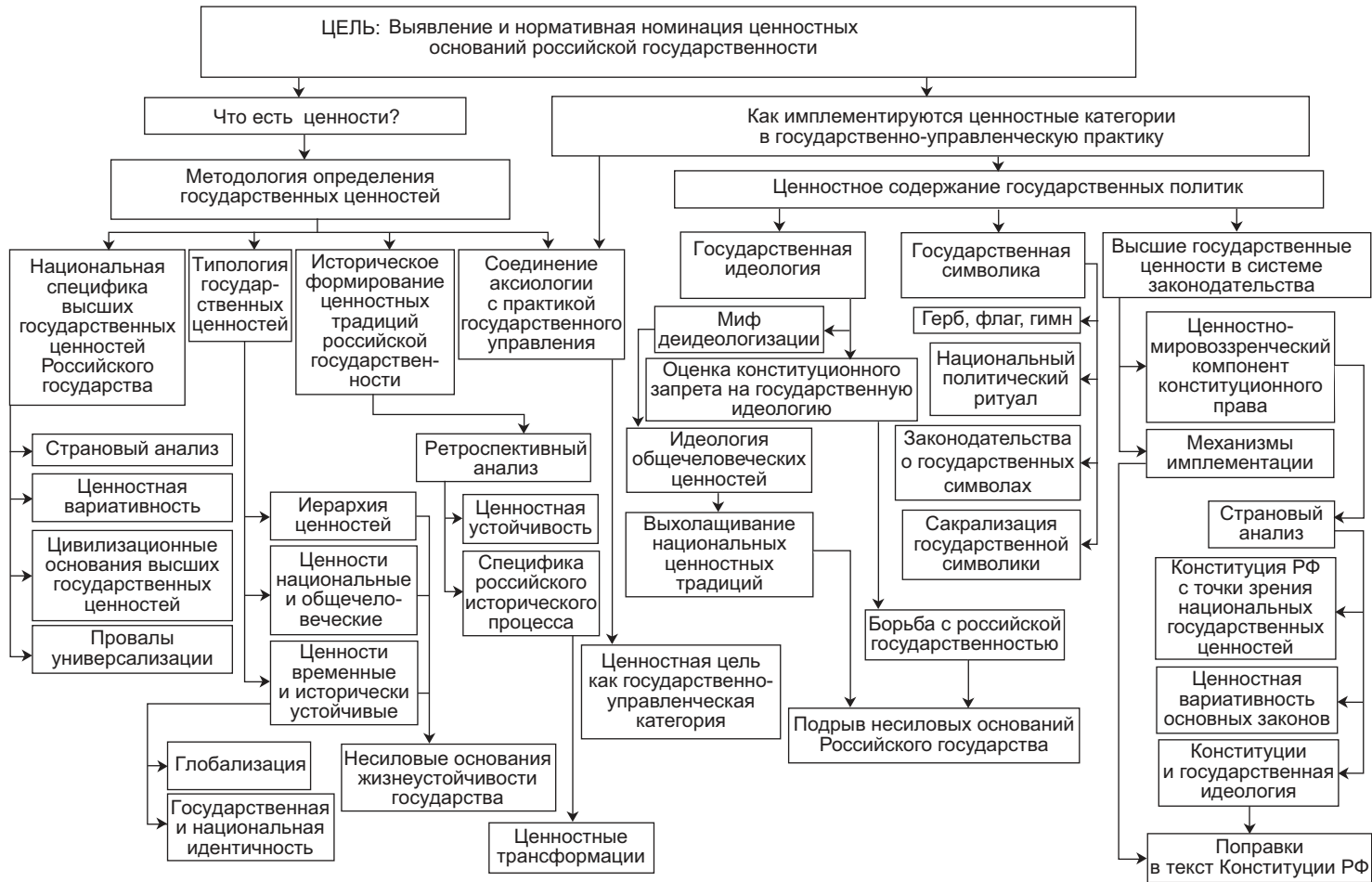

Рис. 1.5.3. Проблемно-тематическая декомпозиция задачи выявления высших ценностей государства

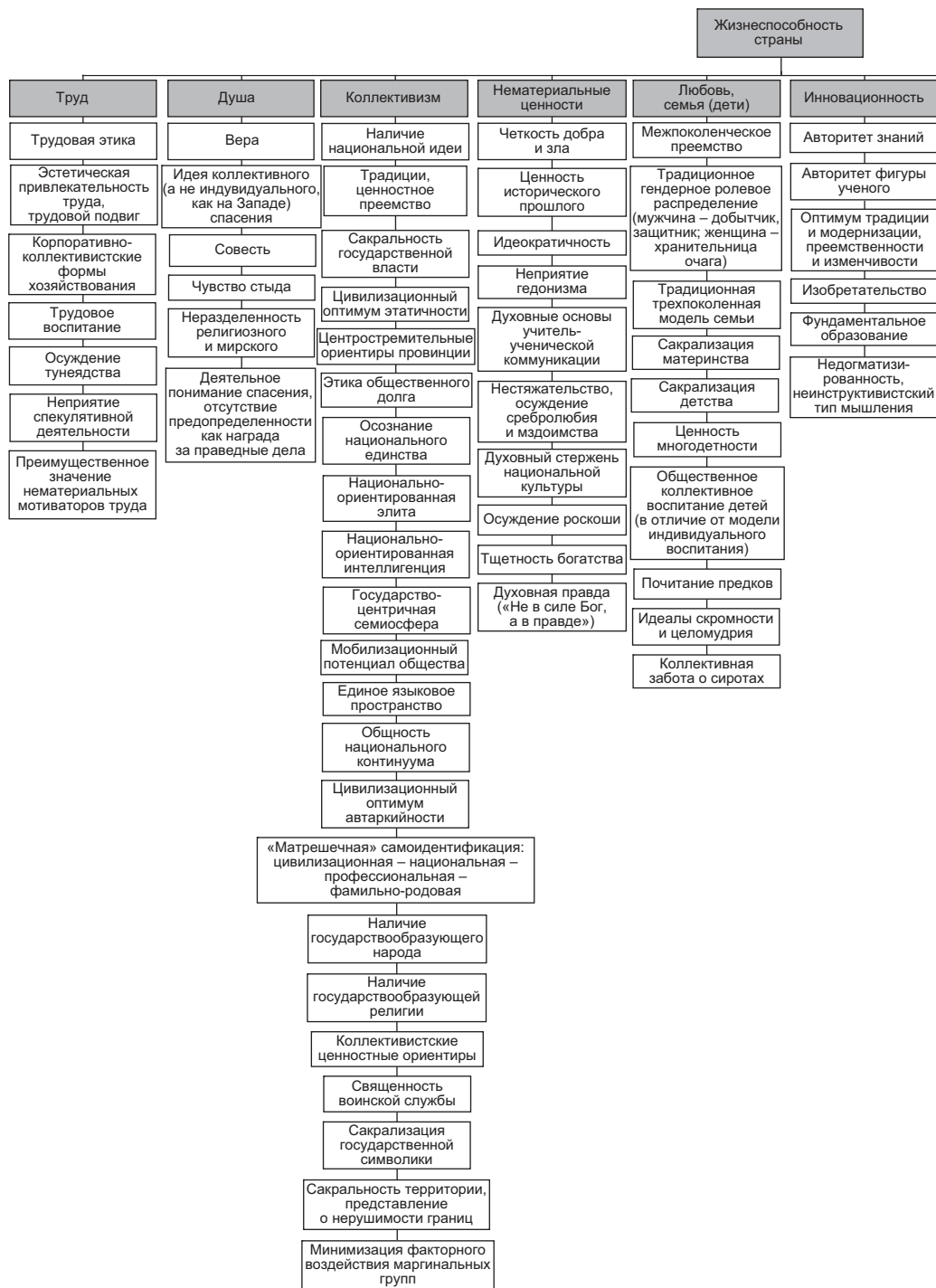
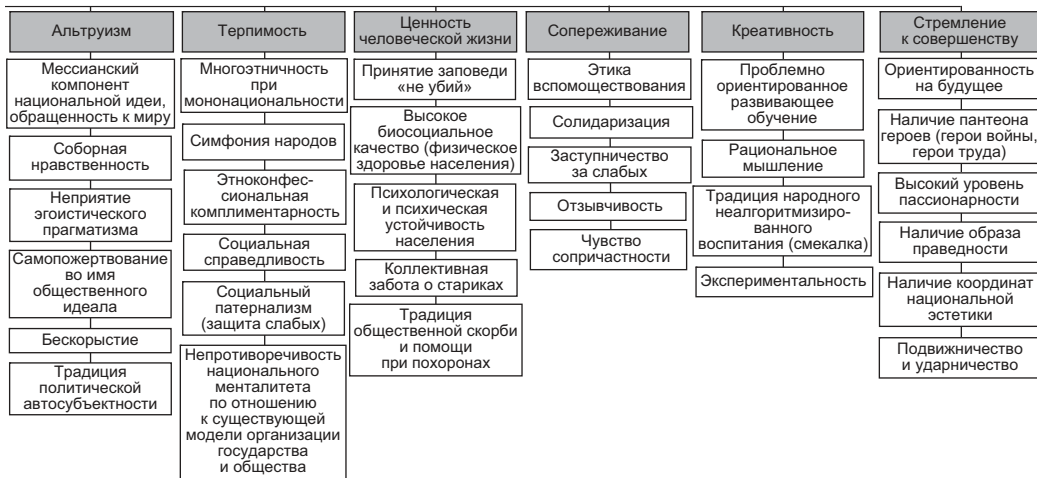

Рис. 1.5.4. Ценностные основания (факторы)

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

I. Труд

- 1) Трудовая этика
- 2) Эстетическая привлекательность труда, трудовой подвиг
- 3) Корпоративно-коллективистские формы хозяйствования
- 4) Трудовое воспитание
- 5) Осуждение тунеядства
- 6) Неприятие спекулятивной и ростовщической деятельности
- 7) Преимущественное значение нематериальных мотиваторов труда.

II. Душа

- 1) Вера
- 2) Идея коллективного (а не индивидуального, как на Западе) спасения
- 3) Совесть
- 4) Чувство стыда
- 5) Неразделенность религиозного и мирского
- 6) Деятельное понимание спасения, отсутствие предопределенности, спасение как награда за праведные дела.

III. Коллективизм

- 1) Наличие общей (национальной) идеи
- 2) Традиции, ценностное преемство
- 3) Сакральность государственной власти
- 4) Цивилизационный оптимум этатичности
- 5) Центростремительные ориентиры провинции
- 6) Этика общественного долга
- 7) Осознание национального единства
- 8) Национальная ориентированность элиты
- 9) Национальная ориентированность интеллигенции
- 10) Государство-центричная семиосфера
- 11) Мобилизационный потенциал общества
- 12) Единое языковое пространство
- 13) Общность национального континуума
- 14) Цивилизационный оптимум автаркийности
- 15) «Матрешечная» самоидентификация: цивилизационная — национальная — профессиональная — фамильно-родовая
- 16) Наличие государствообразующего народа
- 17) Наличие государствообразующей религии
- 18) Коллективистские ценностные ориентиры
- 19) Священность воинской службы
- 20) Сакрализация государственной символики
- 21) Сакральность территории, представление о нерушимости границ
- 22) Минимизация факторного воздействия маргинальных групп.

IV. Нематериальные ценности

- 1) Четкость дифференциации добра и зла
- 2) Ценность исторического прошлого
- 3) Идеократичность
- 4) Неприятие гедонизма
- 5) Духовные основы учитель-ученической коммуникации
- 6) Нестыжательство, осуждение сребролюбия и мздоимства
- 7) Духовный стержень национальной культуры
- 8) Осуждение роскоши
- 9) Тщетность богатства
- 10) Духовная правда («Не в силе Бог, а в правде»).

V. Любовь (семья, дети)

- 1) Межпоколенческое преемство
- 2) Традиционное гендерное ролевое распределение (мужчина — добытчик, защитник; женщина — хранительница очага)
- 3) Традиционная трехпоколенная модель семьи
- 4) Сакрализация материнства
- 5) Сакрализация детства
- 6) Ценность многодетности
- 7) Общественное коллективное воспитание детей (в отличие от модели индивидуального воспитания)
- 8) Почитание предков
- 9) Идеалы скромности и целомудрия
- 10) Коллективная забота о сиротах.

VI. Инновационность

- 1) Авторитет знаний
- 2) Авторитет фигуры ученого
- 3) Оптимум традиции и модернизации, преемственности и изменчивости
- 4) Изобретательство
- 5) Фундаментальное образование
- 6) Недогматизированность, неинструктивистский тип мышления.

VII. Альтруизм

- 1) Мессианский компонент национальной идеи, обращенность к миру
- 2) Соборная нравственность
- 3) Неприятие эгоистического прагматизма
- 4) Самопожертвование во имя общественного идеала
- 5) Бескорыстие
- 6) Традиция политической автосубъектности.

VIII. Терпимость

- 1) Многоэтничность при цивилизационном единстве
- 2) Симфония народов
- 3) Этноконфессиональная комплиментарность
- 4) Социальная справедливость
- 5) Социальный патернализм (защита слабых)
- 6) Непротиворечивость национального менталитета по отношению к модели организации государства и общества.

IX. Ценность человеческой жизни

- 1) Принятие заповеди «не убий»
- 2) Высокое биосоциальное качество (физическое здоровье и здоровый образ жизни) населения
- 3) Психологическая и психическая устойчивость населения
- 4) Коллективная забота о стариках
- 5) Традиция общественной скорби и помощи при похоронах.

X. Сопереживание

- 1) Этика вспомоществования
- 2) Солидаризация
- 3) Заступничество за слабых
- 4) Отзывчивость
- 5) Чувство сопричастности.

XI. Креативность

- 1) Проблемно ориентированное развивающее обучение
- 2) Рациональное мышление
- 3) Традиция народного неалгоритмизированного воспитания (смекалка)
- 4) Экспериментальность.

XII. Стремление к совершенству

- 1) Ориентированность на будущее
- 2) Наличие пантеона героев (герои войны, герои труда)
- 3) Высокий уровень пассионарности
- 4) Наличие образа праведности
- 5) Наличие координат национальной эстетики
- 6) Подвижничество и ударничество.

Заметно, как совмещаются в приведенных иллюстрациях мотивационные и управленческие ценности. Двенадцать групп ценностей отвечают полному набору цивилизационного выбора, который в той или иной порции формирует цивилизации и кодирует их наибольшую успешность.

Может показаться, что приведенный набор неполон или избыточен, однако специальная верификация по этому вопросу позволила обосновать именно такой набор.

Наряду с этим типом и стилистикой описания высших ценностей государства необходим и более определенный управленческий язык. В этом случае возникает как наивысшая ценность сама страна — Россия.

Возникают ее территория, народ и государственность, цивилизационно-ценностная русская (российская) идентичность, достоинство человека, нравственность как социальное воплощение совести, духовные ценности, свободы, права и ответственность (обязанность) человека и гражданина.

Множественность и иерархичность ценностей, их комплексированность, различные лексические формы обнаружения делают непростой задачу перевода ценностей в разряд управленческой категории. Задача эта решается во второй и третьей частях настоящей работы.

Необходимо нормативное правовое закрепление высших ценностей государства. Ввиду того, что Основным законом государства является Конституция, то и номинация высших ценностей должна закрепляться прежде всего на конституционном уровне.

1.5.2. Конституция как ценностно-мировоззренческий феномен

Конституция любой страны играет роль основного закона. Закон в принципе описывает и регулирует человеческие отношения. То есть конституция, являясь документом высшего уровня, должна описывать и высшие основания построения страны. К их числу иногда относят только административные институциональные основания, что характерно для либерального подхода. Вместе с тем очевидно, что если страна рассматривается в предлагаемом авторами витальном подходе, что если успешность страны производна от деятельности человека и общества, то ценностное мировоззренческое, мотивирующее человека и общество основание становится важнейшим в числе оснований государственности и общежития в целом. И оно должно быть закреплено в Конституции. Это принципиальная сторона авторского подхода, на котором основано все исследование и его результаты.

Это принципиальнейший момент, поскольку в истории человечества конфликт ценностей и жизнеустройства имел место и продолжается до настоящего времени. Цель авторов — найти путь к снятию этого конфликта. В знаменитой сенатской речи против рабства видный сподвижник Авраама Линкольна, будущий госсекретарь США Уильям Сьюард заявил: «Есть Закон и выше Конституции»⁴. Сенатор имел в виду Закон Божий и указывал

⁴ Цит. по: Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Е., Ланчиков В.К. Политика и крылатика: Высказывания деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. Сборник. М.: Р. Валент, 2004. С. 183.

на очевидный диссонанс между христианскими ценностями и узаконенным американской Конституцией институтом рабства. Как известно, в результате событий Гражданской войны эта конституционная норма была отменена, и ценностный диссонанс таким образом ликвидирован.

Задача данного раздела заключается в анализе ценностного содержания и ценностных диссонансов действующей Конституции Российской Федерации. В качестве исследовательского метода использовался сравнительный контент-анализ конституционных текстов многих стран мира.

Историко-аксиологическая эволюция Основного закона

В современности Конституция рассматривается как Основной закон страны. Однако в исторической проекции обнаруживается их категориальное разграничение. Исторически смысловое назначение Основного закона кардинально менялось (рис. 1.5.5).

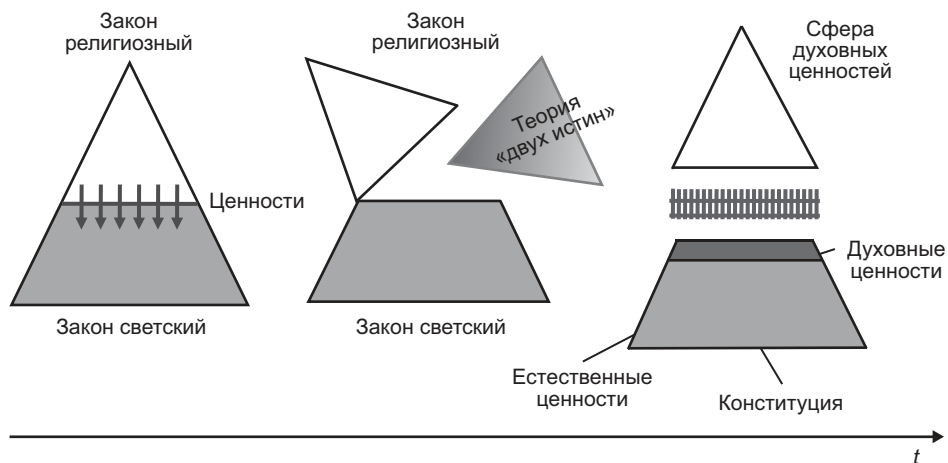

Рис. 1.5.5. Историческая трансформация аксиологии Основного закона

Первоначально под ним понимался комплекс религиозных заповедей. По существу во всех религиях под законом, в сакральном смысле слова, понимался именно Закон Божественный. В ином случае он попросту не был бы легитимен. Например, ведическая религия рассматривалась индусами как закон Ариев. Для евреев и Израиля Основной закон по сей день — это Тора. По этой причине израильтяне упорно воздерживаются от принятия Конституции⁵.

⁵ Гасратян С.М. Религиозные партии государства Израиль. Монография. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.

В правосознании населения средневековой Руси обнаруживается четкое разграничение: одно дело — Судебник и совсем другое — Закон Божий. Отмеченное разграничение сохранялось и в период Российской империи. Закон Божий по-прежнему рассматривался как приоритетный по сравнению со Сводом гражданских законов. Закон Божий в традиционных системах права всегда ценностно кодировал светское законодательство⁶.

Начало расщепления единой аксиологической системы правосознания происходит под влиянием распространения теории двух истин. Окончательно доминирование этого раздвоения относится к эпохе Просвещения. Именно в атмосфере просветительства конца XVIII — начала XIX в. возникают первые конституции, формируется правовое направление «конституционализм». В основе нового конституционного феномена, в диссонансе с прежним пониманием Основного закона, лежала секулярная идея. Хотя остались, конечно, и мировоззренческие компоненты, в большей или меньшей степени инкорпорированные в конституционные статьи.

Известно, что разработчиками первых конституций (и американской, и французской, и польской, и латиноамериканских, в том числе российских конституционных проектов эпохи Александра I)⁷ являлись лица, принадлежавшие к ложам вольных каменщиков. Обнаружены буквально текстовые совпадения уставов масонских братств с первыми конституциями (особенно в части преамбулы)⁸. С еще большей очевидностью такого рода компоненты обнаруживаются в Декларации прав человека и гражданина и в первых декларациях независимости. Так, Декларация прав человека и гражданина открывается апелляцией к некой теологической фигуре — Верховному существу. Характерно, что не к Христу. Далее в ней проводится связь Верховного существа (традиционное масонское наименование Демидурга) с выдвигаемым концептом естественных прав человека. Сообразно с пантеистическим миропониманием Бог растворяется в Природе, а человек, будучи частицей божественно-природной субстанции, уже в силу своего рождения наделен естественными правами. Отсюда выстраивается все дальнейшее развитие идеологии прав человека⁹.

⁶ Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Сборник. М.: Госюриздат, 1955; *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. Монография. М.: Аспект Пресс, 1996.

⁷ *Касаткин В.П.* Попытка становления конституционализма в России в период правления Александра I // Проблемы правоведения. Вып. 1. Белгород: Белгородский государственный университет, 2003. С. 25–30.

⁸ *Захаров В.Ю.* Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом // <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov_masonry/index.php?sphrase_id=4730>.

⁹ Французская Республика: Конституция и законодательные акты. Сборник. М.: Прогресс, 1989. С. 26–29.

Показательна также в этом отношении Декларация независимости США. Она открывается положением о том, что права человека устанавливаются по законам природы и ее Творца¹⁰. Далее следует, что все люди наделены Творцом неотчуждаемыми правами. Христианская мысль, как известно, ничего о неотчуждаемых правах, а тем более о естественном праве человека, не говорит. Напротив, в ней получила развитие прямо противоположная идея — о первородном грехе. Право, согласно с христианской традицией, дается не в силу рождения, а на основании Божественного завета: Ветхого завета — для евреев, Нового завета — для христиан.

В результате двухистинного расщепления духовные ценности оказываются вытесненными в сферу религии и культуры. Светское же законодательство фокусировалось в основном на естественном интересе, будучи связано с благосостоянием и гражданскими правами человека. Но вместе с тем проведенный анализ позволяет утверждать, что нет ни одной конституции, в которой не был бы представлен духовно-мировоззренческий компонент правосознания. Весь вопрос в пропорциях представительства. Именно духовные ценности конституций определяют их национальное своеобразие. В контексте настоящего исследования задача состоит в выявлении пропорций их представительства в Конституции РФ.

Конституционный ценностный классификатор

Классификация ценностных ориентиров, которые присутствуют в конституциях разных стран, позволяет выделить следующие типы аксиологических идеологем:

- 1) Бог, религиозные и этические ценности;
- 2) историческая традиция государственности, апелляция к предкам;
- 3) государственное единство;
- 4) идеологический проект, апелляция к будущему;
- 5) национальное освобождение, суверенность;
- 6) международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами;
- 7) специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия;
- 8) права и благосостояние человека.

Эти установки представлены в конституционных текстах стран мира в разных соотношениях и иерархиях (рис. 1.5.6).

¹⁰ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник. М.: Госюриздат, 1957; *Фурсенко А.А.* Американская буржуазная революция XVIII в. Монография. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960; *Аптекаер Г.* История американского народа. Американская революция 1763–1783. Монография. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.

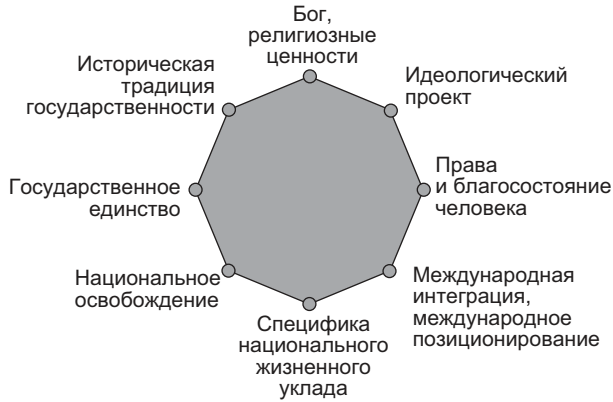

Рис. 1.5.6. Доминирующие ценностные ориентиры в конституциях стран мира

Посмотрим, как эти ценностные ориентиры находят отражение в современной российской Конституции. Ее преамбула содержит апелляцию к шести из восьми аксиологических принципов. Однако их формулировка в российской Конституции минимально решает те задачи, которые этими ценностными ориентирами определяются (рис. 1.5.7).

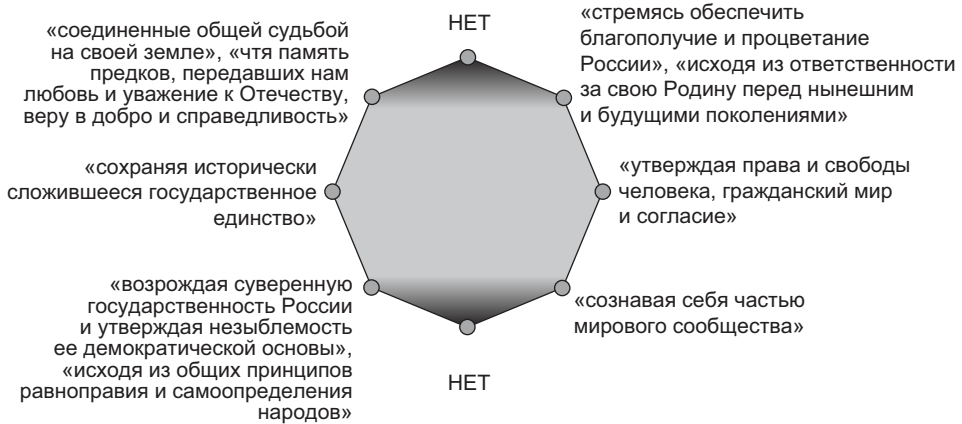

Рис. 1.5.7. Ценностные номинации в преамбуле Конституции РФ (НЕТ — означает отсутствие соответствующей ценностной номинации)

Сравним характер их выраженности с примерами из конституционных текстов иных государств.

Первый параметр: Бог, религиозные и этические ценности.

В Конституции РФ данный ценностный ориентир вообще отсутствует. Противопоставить этому варианту можно далеко не только законодательство, скажем, политеократического Ирана, но и конституционные тексты

традиционно светских либерально-демократических государств. Для примера возьмем Конституцию Швейцарии, демократизм которой вряд ли кто поставит под сомнение. Открывается она следующим обращением: «Во имя всемогущего Бога швейцарский народ и кантоны, чувствуя ответственность перед Творением...»¹¹.

Второй параметр: историческая традиция государственности, апелляция к предкам.

В Конституции РФ — «соединенные общей судьбой на своей земле». Что утверждает данная фраза? Она не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Проводится мысль, что народы России объединились, создав государственность не на основе какой-либо осознанной идеи, сознательного выбора, а в силу действия некоей судьбы, фатума, случайно сведшего их на одной территории. Для сравнения обратимся к тексту Конституции Словакии: «В смысле духовного наследия Кирилла и Мефодия и исторического завета Великой Моравии...» Совершенно другая постановка вопроса.

Третий параметр: государственное единство.

В Конституции РФ говорится: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство...» К данной формулировке может быть адресован тот же упрек, что и в предыдущем примере. Государственное единство России, указывает приводимый конституционный фрагмент, сложилось именно таким образом исторически, без объяснения причин и оснований этого единения. В общем, так случилось. Почему же народы России должны стремиться сохранить данный исторический конструктор, разъяснений не следует.

Совершенно иная формулировка предложена в тексте договора о Европейском союзе: «Полные решимости перейти на новый этап в европейской интеграции, заложенной образованием европейских сообществ; сознавая историческое значение прекращения деления европейского континента и необходимость образования прочных основ для строительства будущей Европы».

Четвертый параметр: идеологический проект, апелляции к будущему.

В российской Конституции данный ценностный ориентир представлен в минимально конкретизированном, с точки зрения номинации целей, виде: «обеспечить благополучие и процветание России». Может ли в современном мире быть нечто иное? Чтобы убедиться в такой возможности, достаточно обратиться к преамбуле турецкой Конституции: «В соответствии с концепцией национализма, а также формами и принципами, провозглашенными основателем Республики Турция бессмертным лидером и непревзойденным героем Ататюрком, настоящая Конституция, которая утверждает вечное существование турецкой нации и Родины, а также неделимое единство турецкого государства...» Между прочим, Турция — член Североатлантического

¹¹ Здесь и далее тексты конституций приводятся по следующему источнику: Конституции стран мира. Справочник // <<http://www.uznal.org/constitution.php>>.

альянса, для вхождения в который идеологически насыщенная Конституция не стала препятствием.

Пятый параметр: национальное освобождение, суверенность.

В этой смысловой нише ценностный ориентир представлен в Конституции РФ двумя утверждениями: «возрождая суверенную государственность» и «исходя из общих принципов самоопределения народов». Заявление о возрождении суверенной государственности отвергает советский опыт государственного строительства. Подразумевается, что суверенности в рамках СССР не было. Данное положение противоречит идее политического преемства Российской Федерации и Советского Союза и непрерывности потока национальной истории. С изгнанием в 1612 г. поляков из Москвы Россия как государственность никогда более не утрачивала суверенитет. Менялось лишь официальное название страны. Суверенность России сохранялась и в прославленном многими выдающимися достижениями советском периоде ее истории.

Апелляция к «общим принципам самоопределения народов» имеет в специфических российских условиях многоэтничности и вовсе дезинтеграционное и провокативное значение. Используемая якобы как обоснование государственного единства России фраза практически применима только в прямо противоположном смысле — в смысле «вплоть до отделения». Это конституционная формула сепаратизма. Отсюда чеченская трагедия.

Иной тип формулировки идей национального освобождения и суверенности представляет литовская Конституция: «Веками решительно защищавший свою свободу и независимость, сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи, воплощая естественное право человека и каждого народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков — в независимом Литовском государстве».

Шестой параметр: международное позиционирование, характер взаимоотношений с другими государствами.

Определение места России в мире исчерпывается в Конституции РФ следующим утверждением: «Сознавая себя частью мирового сообщества». Предельно пассивная позиция. Ни о роли, ни об ответственности, ни о значении России для судеб мирового развития нет ни слова. Главный смысловой ориентир — международная интеграция. Но ведь интегрироваться можно в диапазоне от полного растворения до все-таки сохранения идентичности и национальных интересов. В общем-то ясно, каков выбор авторов этой Конституции и какова современная практика в соответствии с этой Конституцией.

Для сравнения с этим выбором укажем, что, например, Конституция КНР расставляет приоритеты внешней политики совершенно иначе: «Китайский народ должен будет вести борьбу против внутренних и внешних вражеских сил и элементов, которые подрывают наш социалистический строй. Тайвань

является частью священной территории Китайской Народной Республики. Завершение великого дела воссоединения Родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване».

Седьмой параметр: специфика национального жизненного уклада, особенности национального бытия.

Данный ценностный ориентир в Конституции РФ совершенно не отражен. Тематика цивилизационной специфичности и национальной самобытности России оказалась чужда конституционным законотворцам. Для сравнения можно обратиться к Конституции Ирландии.

Первая (что само по себе показательно) статья Основного закона республики звучит следующим образом: «Ирландский народ настоящим утверждает неотъемлемое, неотчуждаемое и суверенное право избирать собственную форму правления, определять свои отношения с другими народами и развивать свою политическую, экономическую и культурную жизнь в соответствии с его собственными склонностями и традициями». Ирландские законодатели посчитали, таким образом, необходимым продекларировать, что политика, экономика и культура страны имеют собственные национальные традиции формирования и определяются в своем развитии в соответствии с ними.

Восьмой параметр: права и благосостояние человека.

Указанный ценностный ориентир не только номинирован в преамбуле, но и проходит через весь текст российской Конституции. Вторая статья дает перечень высших государственных ценностей: «человек, его права и свободы». И все! В этом ценностном ряду не нашлось места даже для самой России. Идеологический перекосяк в российской Конституции в направлении неолиберального ценностного подхода представляется, таким образом, очевидным.

Очень много для понимания смысловой конструкции конституции дает частотный терминологический анализ. Под частотой в данном случае понимается, сколько раз употребляется в тексте то или иное понятие (во всех его склонениях и падежах).

Всего с этой целью было проанализировано 60 конституций. Использовались главным образом конституции западных стран. Текстовые объемы конституций, как известно, различны. При большем объеме частота употребления искомых понятий также потенциально возрастает. Российский показатель в диапазоне сравниваемых текстов находится на среднем уровне, что говорит о корректности проведенных сравнений именно по отношению России. Особое внимание в данном сравнительном анализе обращалось на конституции: СССР (с точки зрения изменения ценностного насыщения Основного закона — увеличения/снижения), Китая (как одного из наиболее интенсивно развивающихся государств современного мира) и Белоруссии (как одного из наиболее интенсивно развивающихся государств на постсо-

ветском пространстве). Все указанные конституционные тексты несколько меньше российского аналога, при большем, как выяснится ниже, ценностном насыщении (рис. 1.5.8). При этом не ставилась задача ценностного сравнения конституций стран мира между собой, решался вопрос аксиологической оценки именно российского Основного закона в контексте мирового конституционного законодательства.

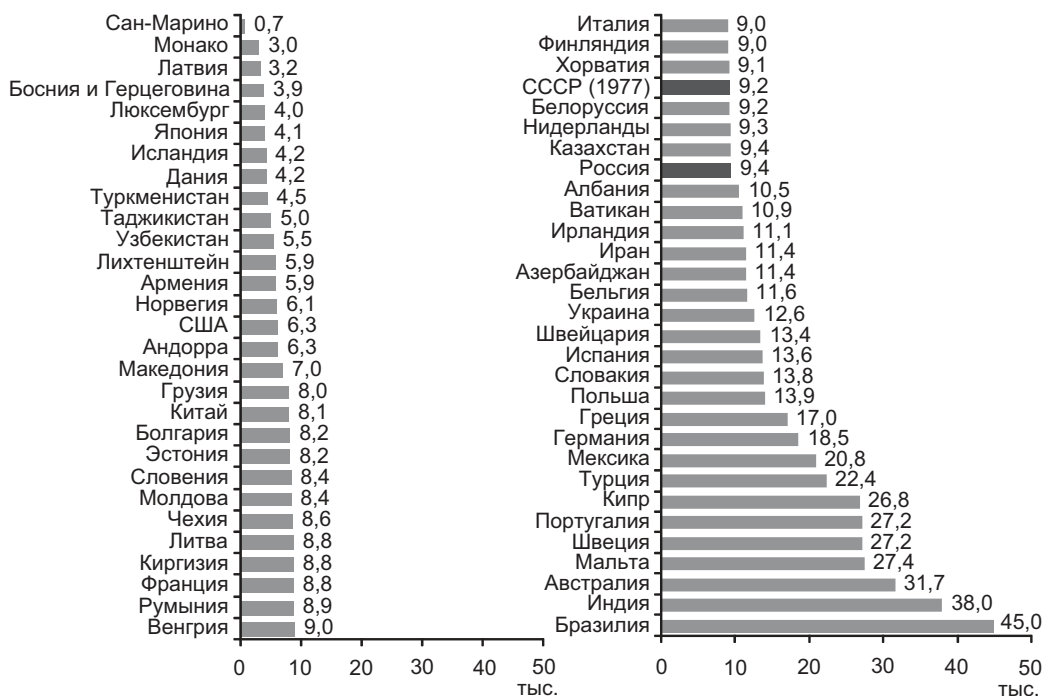

Рис. 1.5.8. Общее количество слов в конституциях стран мира

Сама категория ценности — насколько она приемлема для традиций российского законодательства? Данные контент-анализа показывают, что никакого отторжения данное понятие на уровне конституционного законодательства не находит. Напротив, частота употребления слова «ценности» в Конституции России выше, чем в основных законах других государств (рис. 1.5.9). Другое дело, что за номинируемым термином обнаруживается зачастую малосодержательная пустота.

Что получилось с частотой употребления в конституциях слова «Бог» и идущих от него лингвистических производных?

В конституционном тексте Российской Федерации данный понятийный ряд отсутствует полностью. Это не объясняется светским характером Российского государства. Например, в Конституции Германии понятие Бог употребляется 4 раза, Нидерландов — 7 раз, Ирландии — 9 раз. Все эти го-

сударства также, казалось бы, позиционируются в качестве светских. Но светскость не явилась для них основанием отвергать ценностное значение религии и религиозного мировоззрения. Речь уже не идет об Иране, в Конституции которого имя Бога упоминается 24 раза (рис. 1.5.10).

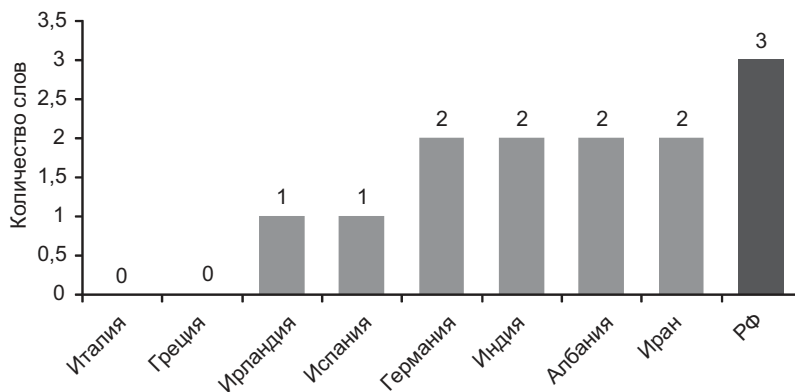

Рис. 1.5.9. Частота употребления слова «ценности» в конституциях стран мира

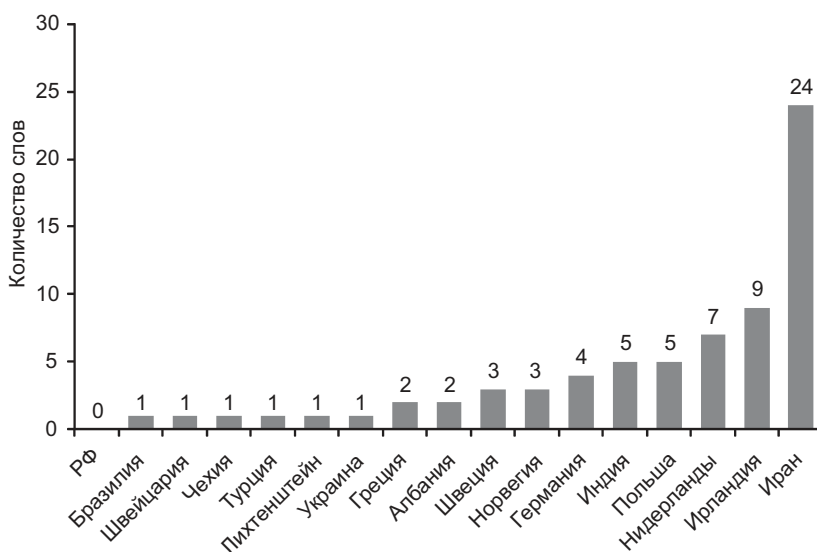

Рис. 1.5.10. Частота употребления слова «Бог» в конституциях стран мира

С апелляции к Божеству открываются преамбулы многих конституционных текстов. Германская Конституция: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми...» Греческая Конституция: «Во имя Святой, Единосущной Неразделимой Троицы...» Ирландская Конституция: «Во имя пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой как нашей

последней надежде должны быть направлены все действия человека и государства. Мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим священным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в столетних испытаниях...»

Все перечисленные государства признаются и светскими, и демократическими. Они представляют три различных направления в христианской культуре — соответственно, протестантизм, православие и католицизм. Очевидно, что российская Конституция является на этом фоне производной от гипертрофированного понимания сущности светского государства.

Сакральные ориентиры в конституционных текстах задаются не только апелляцией к Богу. Другим индикатором сакрализации является частота употребления слов «святой», «священный». В Конституции РФ и эти термины отсутствуют. Даже священный долг защиты Родины, о котором говорилось в советском конституционном тексте, в Основном законе РФ более не номинируется. Для сравнения: в Конституции Франции соответствующие термины употребляются 4 раза, КНР — 4 раза, конфессионально близкой России православной Греции — 24 раза (рис. 1.5.11).

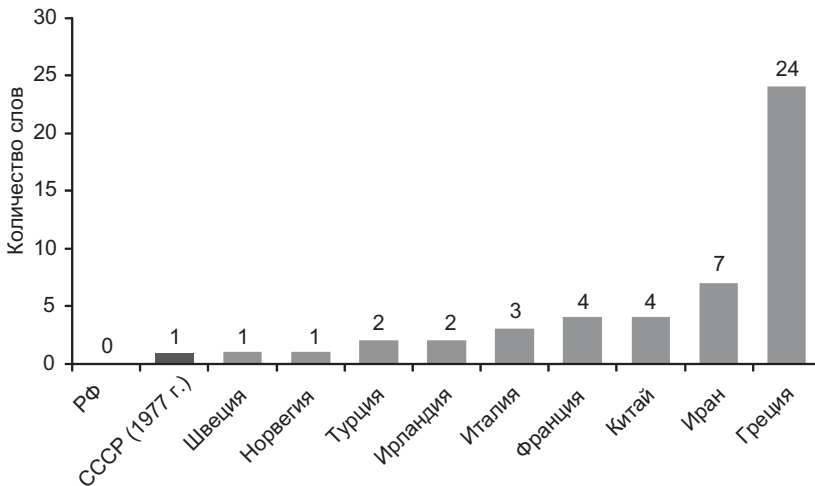

Рис. 1.5.11. Частота употребления слов «святой», «священный» в конституциях стран мира

Насколько текст Конституции РФ определяет российскую национальную идентичность? Кто мы такие? На этот вопрос Основной закон России не дает никакого ответа. Нет в ней ни наименования «русские», ни даже «россияне». Современная российская Конституция оказалась парадоксальным образом лишена субъекта государственной идентичности. Между тем в конституционных текстах большинства других государств, в том числе этнически неоднородных, такая идентификация содержится. Национальная

принадлежность фиксируется в соответствующих конституциях со следующей частотой: китайцы употребляется 6 раз, немцы — 8, швейцарцы — 9, греки — 15, бразильцы — 23 раза. Советский народ, как новая идентичная общность, фигурировал в тексте Конституции СССР 14 раз (рис. 1.5.12).

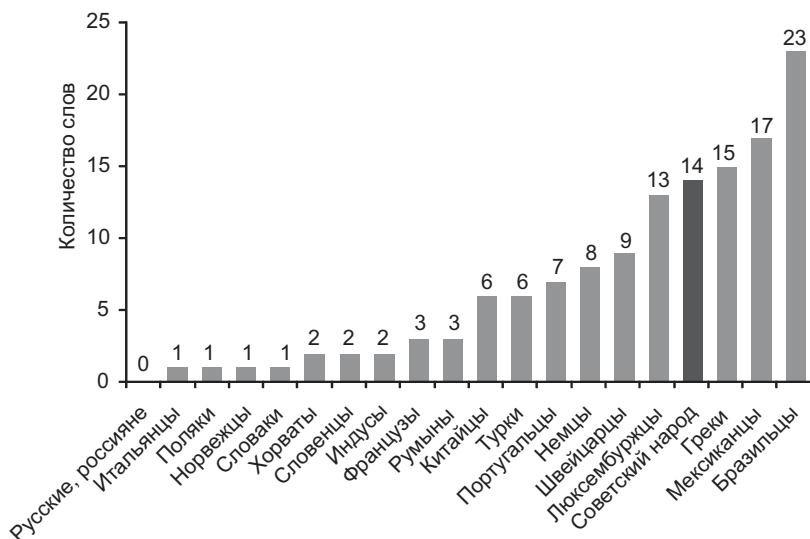

Рис. 1.5.12. Национальные идентификаторы в конституциях стран мира

Наряду с национальными в конституционных текстах применяются религиозные идентификаторы. В целом они используются значительно реже. Однако и данный тип идентичности нашел свое отражение в конституционном законодательстве зарубежных государств. Религиозные идентификаторы присутствуют, в частности, в конституциях Италии, Норвегии, Дании, Швеции, политические системы которых воплощают принципы либеральной демократии. В российском Основном законе ничего подобного не содержится (рис. 1.5.13).

В ряде исследований Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования было доказано основополагающее значение для жизнеспособности страны фактора идейно-духовного состояния общества. Одной из важнейших скреп государственности является идеология. Ее эквивалентом выступает национальная идея. В современной Конституции РФ слово «идеология» используется дважды и оба раза в негативном значении. Широкоупотребляемое слово «идея» и вовсе отсутствует. Парадоксальным образом Конституция России оказалась конституцией без идей. Для сравнения, в конституционных текстах иных государств указанные термины нашли свое отражение, получив при этом позитивное звучание: СССР — 5 раз, Китая — 5 раз, Турции — 9 раз (рис. 1.5.14).

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

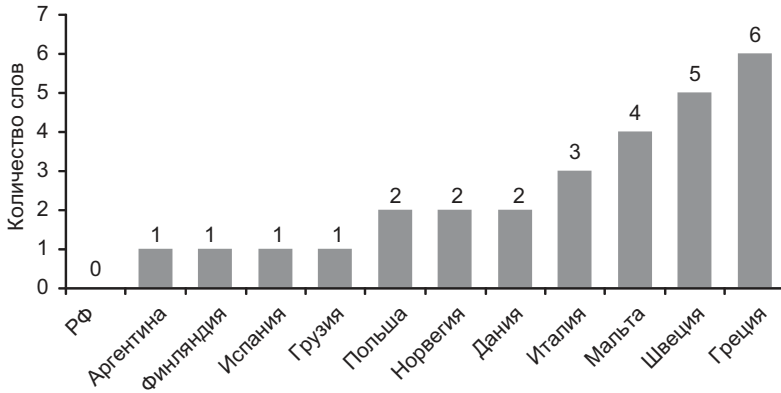

Рис. 1.5.13. Религиозные идентификаторы в конституциях стран мира

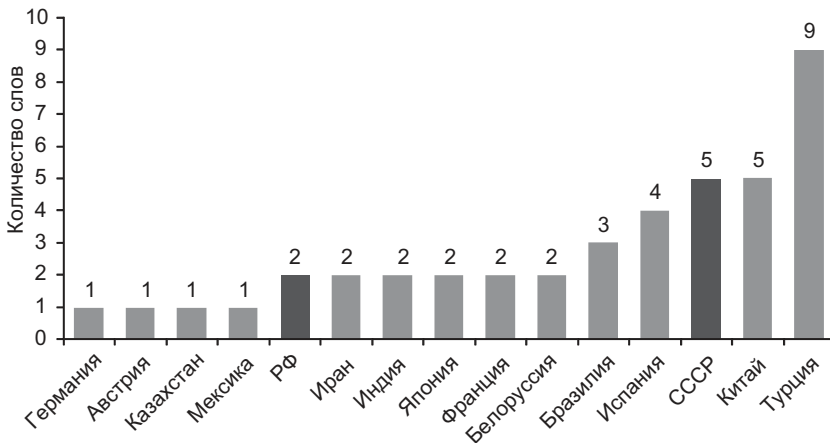

Рис. 1.5.14. Частота употребления слов «идеология», «идея» в конституциях стран мира

Показательно выглядит также частота употребления самих идеологем. Они определялись в данном случае на основе подсчета «-изм»-содержащих словообразований. В Конституции РФ, на удивление, нет ни одного понятия такого рода. Для сравнения, в конституционном тексте КНР они присутствуют 30 раз, СССР — 38 раз. Из констатации этой диспропорции следует прямой вывод об искусственном вычищении всех терминов, каким-либо образом уподобляемых идеологии из Конституции 1993 г. (рис. 1.5.15).

Может быть, фиксируемое выхолащивание идеологем есть не более чем реакция на доминирующую в советский период схоластику марксистско-ленинской теории? Для проверки этого предположения целесообразно обратиться ко второй составляющей идейно-духовного фактора, просчитав частоту употребления понятий «дух», «духовность». Удивительное дело: в Кон-

ституции РФ они также полностью отсутствуют. Основным законом Российской Федерации оказался вычищенным не только по отношению к идеологии, но и духовности тоже. Показательно, что в американской Конституции частота употребления духовной терминологии также находится на нулевой отметке. Не здесь ли обнаруживается «закладка» абсолютизированного секуляризма?

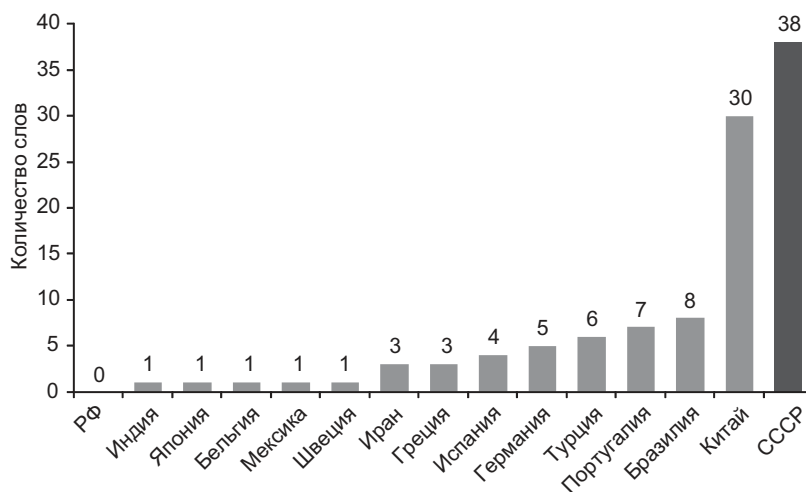

Рис. 1.5.15. Частота употребления «-изм»-содержащих словообразований в конституциях стран мира

В конституциях других стран частота употребления понятий «дух», «духовность» иная: Греция — 3 раза, КНР — 4, Белоруссия — 4, СССР — 5, Турция — 12 раз (рис. 1.5.16).

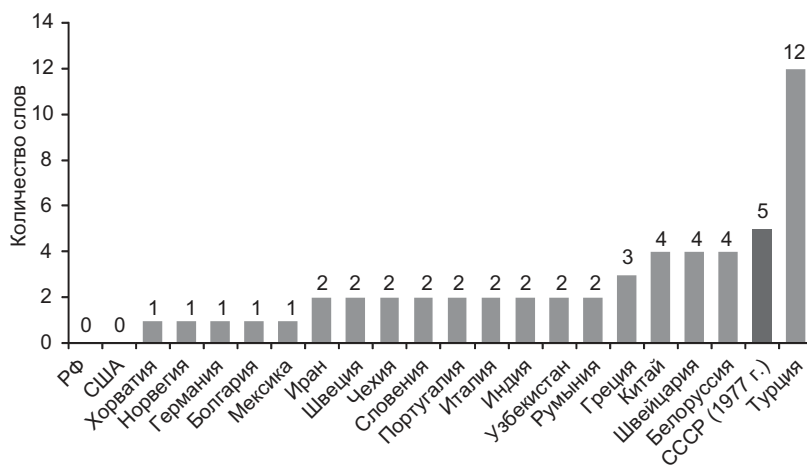

Рис. 1.5.16. Частота употребления слов «дух», «духовность» в конституциях стран мира

Важен и вопрос, насколько этически ориентирована российская Конституция. Этот показатель измеряется по частоте употребления понятий «мораль» и «нравственность». В российской Конституции данный показатель имеет минимальное значение — одно упоминание. Для сравнения: в конституционном тексте СССР — 4 раза, КНР — 5, Италии — 5, Греции — 6, Белоруссии — 8 раз (рис. 1.5.17).

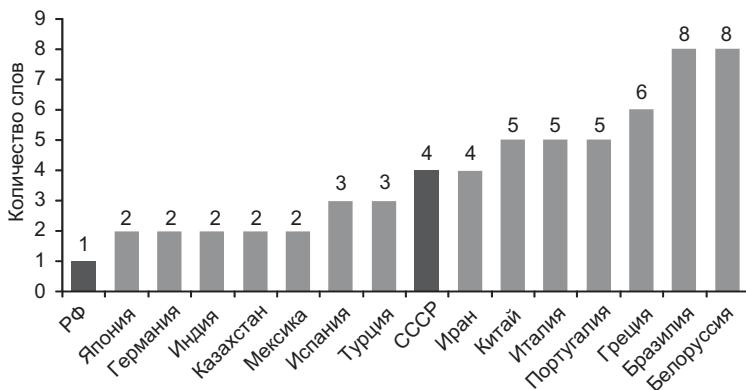

Рис. 1.5.17. Частота употребления слов «нравственность» и «мораль» в конституциях стран мира

Традиционным средством закрепления в сознании этических императивов выступает воспитание. Целесообразно проверить наличие данного понятия в сравнительном анализе конституционных текстов. В Конституции РФ показатель имеет среднее значение — четыре упоминания. Но это заметно меньше, чем в конституционных текстах СССР и Литвы — по 7 раз, а также КНР Португалии — по 9 раз (рис. 1.5.18).

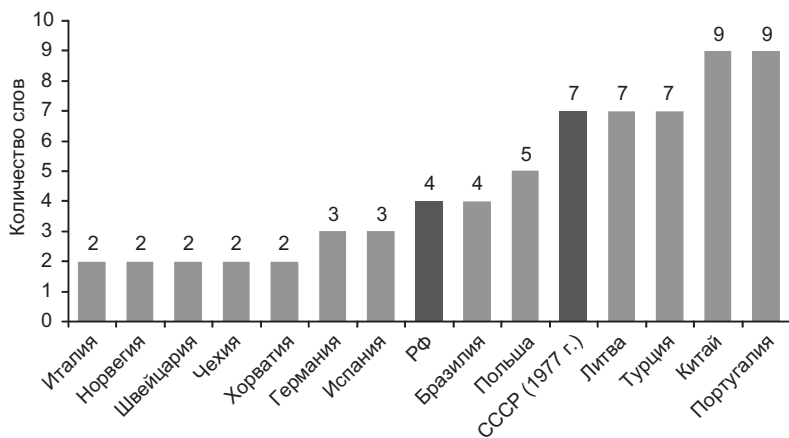

Рис. 1.5.18. Частота употребления слова «воспитание» в конституциях стран мира

Определенный смысловой маркер гуманитарной сферы — понятие «культура». Оно довольно часто употребляется в конституционных текстах, отражая присутствие в целом в общественной коммуникации. В Конституции России указанное понятие встречается, естественно, чаще чем иные ценностные термины — 11 раз. Но на мировом фоне этот показатель выглядит крайне незначительным. Так, в Конституции Украины он употребляется 25 раз, Китая — 26, СССР — 27, Португалии — 49 раз (рис. 1.5.19).

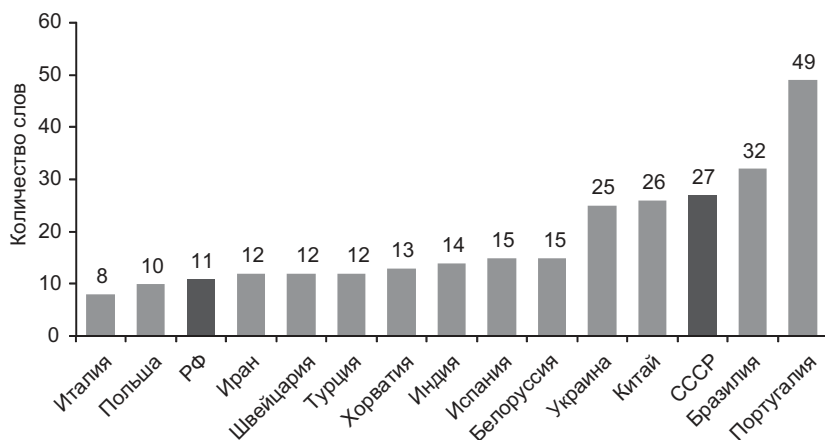

Рис. 1.5.19. Частота употребления понятия «культура» в конституциях стран мира

Слова «патриот», «патриотизм» в целом не имеют в конституционных текстах широкого употребления. Нет этих терминов и в современной российской Конституции. Однако данное обстоятельство не означает их полного отсутствия в мировом конституционном законодательстве. Они обнаруживаются, в частности, в конституциях Казахстана, Греции, СССР, Китая (четырежды) (рис. 1.5.20).

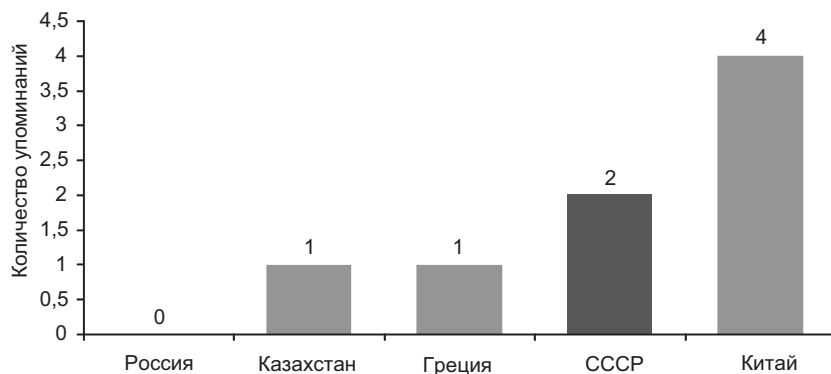

Рис. 1.5.20. Частота употребления слов «патриот», «патриотизм» в конституциях стран мира

Как отражение патриотического отношения к своей стране традиционно рассматривается понятие «Родина». В Конституции РФ данное слово встречается в единственном случае. На фоне других стран Россия и здесь занимает позицию аутсайдера. Финны посчитали целесообразным использовать слово «Родина» в своей Конституции — 3 раза, греки — 5, китайцы и турки — 6 раз (рис. 1.5.21).

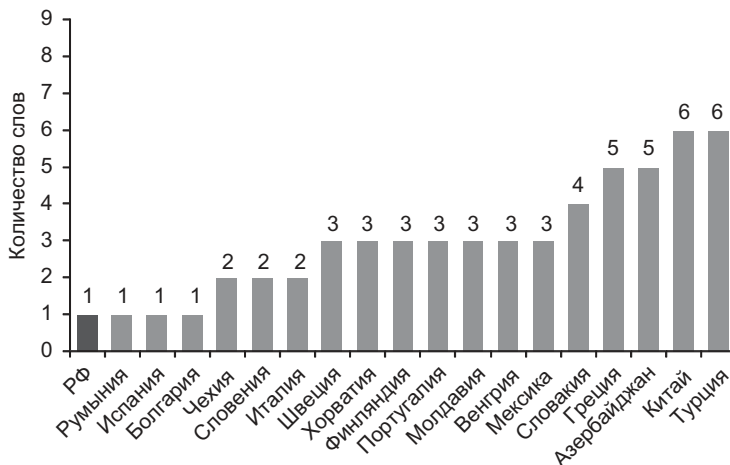

Рис. 1.5.21. Частота употребления слова «Родина» в конституциях стран мира

Сегодня с высот государственной власти формулируются задачи активизации демографической политики. А насколько адаптирован к ним Основной закон Российской Федерации? Об этом дает представление показатель частоты употребления слова «семья». Без соответствующего семейного фундамента демографическая политика нереализуема. И опять-таки по искомому показателю Конституция РФ оказывается при страновом сопоставлении в последних рядах — 3 упоминания. Для сравнения, в конституционном тексте СССР — 5 раз, КНР — 7, Мексики — 9, Бразилии — 10, Португалии — 15 раз (рис. 1.5.22).

Существенен ценностный индикатор — отношение к прошлому. Одним из его показателей может выступать частота употребления слова «история». В данном случае российская Конституция имеет среднее для мирового уровня значение. Тем не менее ее показатель ниже, чем в конституционных текстах Украины, Китая, Турции (рис. 1.5.23).

А каково практическое значение обращения к истории? Ценностное значение прошлого выражается в словах «традиция», «наследие». По частоте их употребления Конституция России снова находится на одном из последних мест. Таким образом, история оказывается в конституционном тексте понятием, не несущим значительной смысловой нагрузки (рис. 1.5.24).

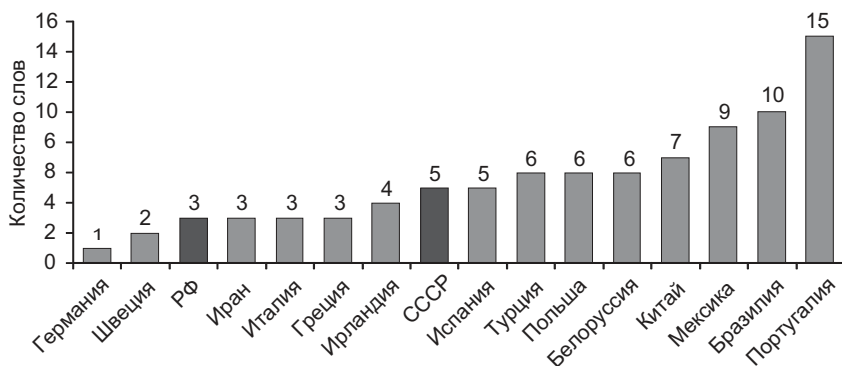

Рис. 1.5.22. Частота употребления слова «семья» в конституциях стран мира

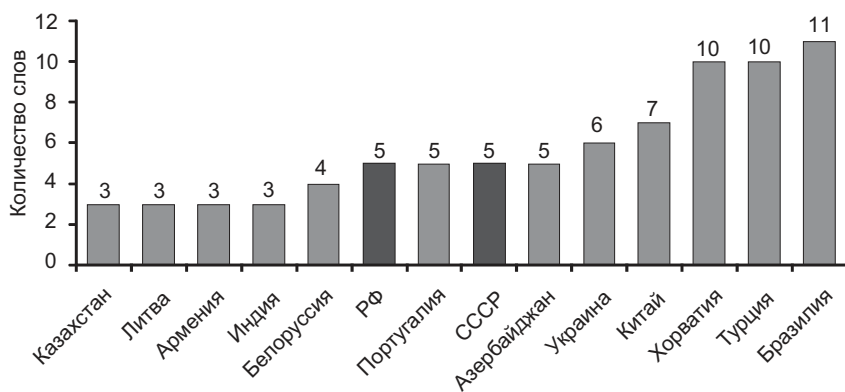

Рис. 1.5.23. Частота употребления слова «история» в конституциях стран мира

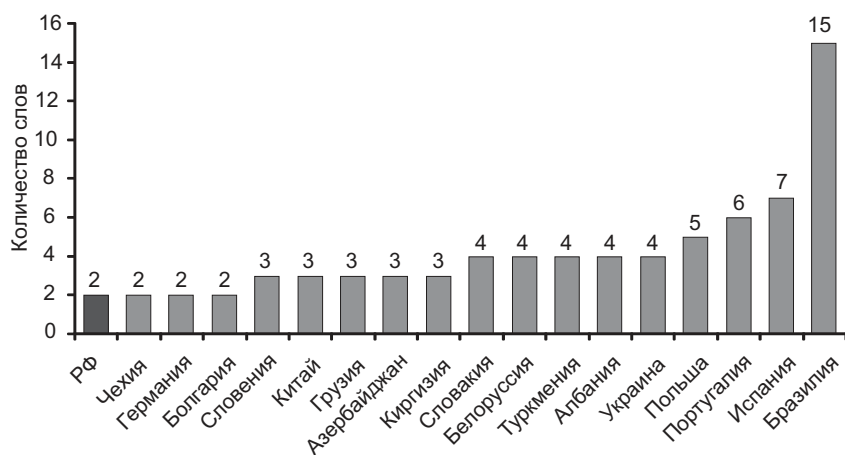

Рис. 1.5.24. Частота употребления слов «традиция», «наследие» в конституциях стран мира

Но, может быть, российская Конституция обращена не к прошлому, а к будущему? Проверить это также легко по частоте употребления соответствующего понятия. Категория «будущее» только один раз употребляется в российском Основном законе, в его преамбуле. Для сравнения, в Конституции Германии данное понятие фиксируется 5 раз. Конституционное законодательство закладывает в подсознание немецких граждан установку на развитие (рис. 1.5.25).

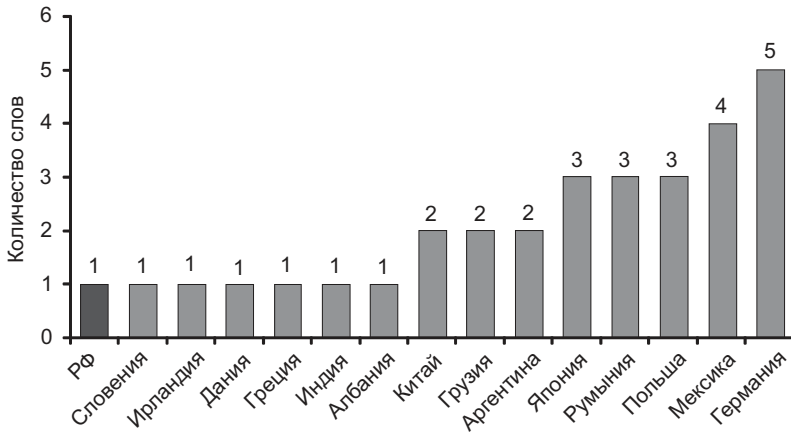

Рис. 1.5.25. Частота употребления слова «будущее» в конституциях стран мира

Насколько в Конституции РФ заложена идея развития? Развитие — важнейший в государственном строительстве термин. Следовало бы, соответственно, ожидать его широкую представленность в конституционном тексте. Однако в Конституции РФ он встречается минимально — 7 раз. При сравнении с конституционным законодательством интенсивно развивающихся государств современного мира Россия явно проигрывает: Белоруссия — 14 раз, Индия — 32, Китай — 34, Бразилия — 46, СССР — 55 раз. Не является ли текст Конституции, с соответствующей ценностной ориентированностью, одним из весомых факторов высокой динамики развития и, напротив, беспомощности страны? (рис. 1.5.26).

За счет чего предполагается в конституции обеспечивать развитие страны? Традиционным показателем инновационной ориентированности является понятие «наука». Конституция РФ по частоте употребления этого, казалось бы, актуальнейшего для третьего тысячелетия понятия также имеет крайне низкий показатель — 5 упоминаний. При этом в конституционном тексте Индии слово «наука» используется 10 раз, Китая — 15, Турции — 15, СССР — 16 раз. Деградация России по отношению к советскому времени и в этом очевидна (рис. 1.5.27).

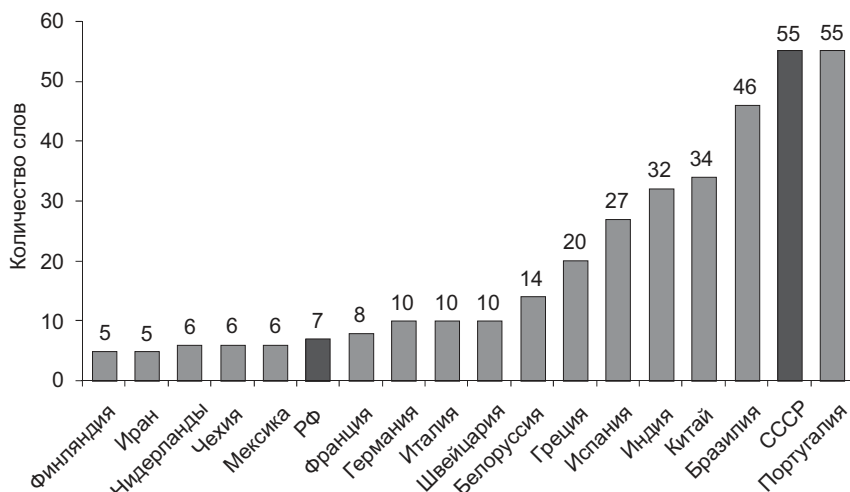

Рис. 1.5.26. Частота употребления слова «развитие» в конституциях стран мира

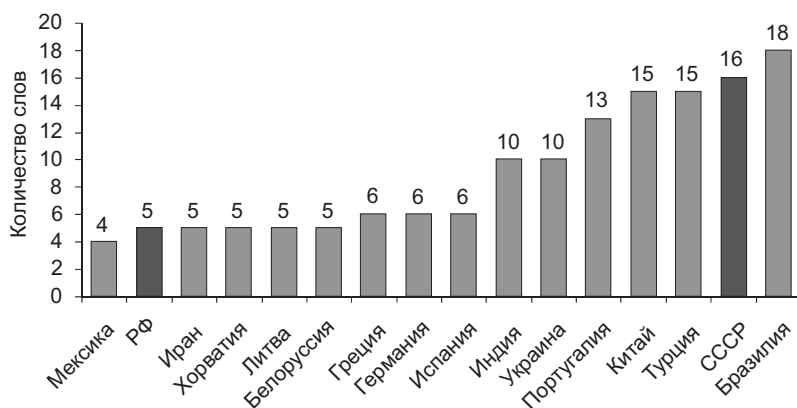

Рис. 1.5.27. Частота употребления слова «наука» в конституциях стран мира

При минимизации одних ценностей на первый план, замещая их, неизбежно выходят другие. Что это за преобладающие ценности применительно к Конституции РФ? Традиционно базовым понятием для либерального категориального словаря выступает «свобода». Частота употребления данного термина в тексте российской Конституции исторически прецедентна — 69 раз. Конституция России оказывается одной из самых «свободолюбивых» в мире. Впереди нее по рассматриваемому показателю только Конституция Германии (рис. 1.5.28).

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

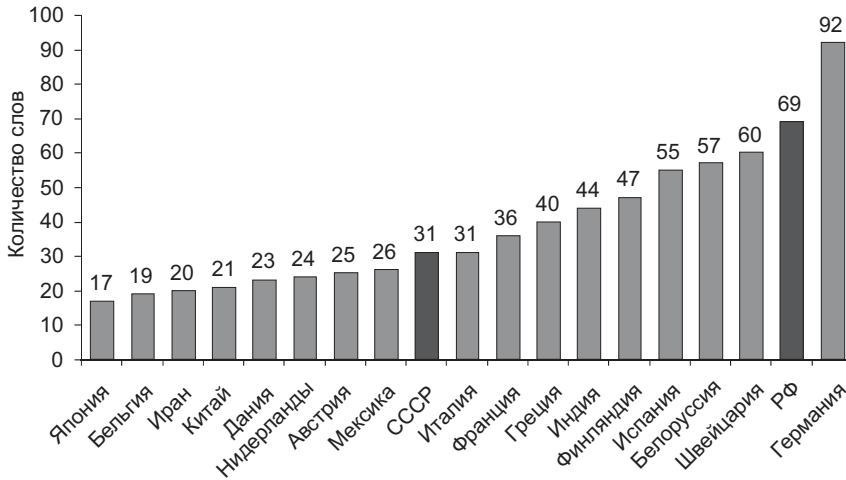

Рис. 1.5.28. Частота употребления слова «свобода» в конституциях стран мира

Показательно соотношение в конституциях разных стран категорий «права» и «обязанности». Слово «право» во всех без исключения конституционных текстах употребляется чаще. Различия заключаются в величине пропорций. В Конституции РФ термин «право» употребляется в шесть раз чаще, чем «обязанности». Это четвертый показатель среди всех конституций. Для сравнения, в США понятие «права» по частоте упоминаний только в 1,8 раза превосходит «обязанности» (рис. 1.5.29).

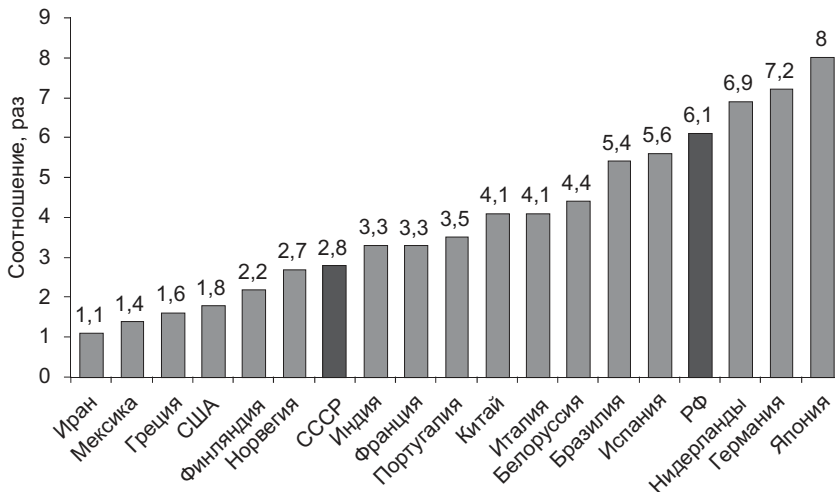

Рис. 1.5.29. Соотношение употребления слов «права» и «обязанности» в конституциях стран мира

Таким образом, серьезнейший ценностный диссонанс в действующей Конституции РФ налицо. Поэтому при создании новой российской Конституции задача ее духовно-ценностного насыщения становится вполне отчетливой. «Реформы нравов, — провозглашал в свое время К. Гельвеций, — следует начинать с реформы законов»¹². Очевидно, что начинать при такой постановке вопроса следует именно с конституции.

*Конституционные циклы и перспективы ценностной инверсии
российского Основного закона*

Главное, предупреждают российские приверженцы либеральной теории, ни в коем случае нельзя изменять конституцию. Такого рода изменения подрывают, с их точки зрения, основы правосознания, выстраивающиеся на безоговорочном признании авторитета высшего закона. Но конституция это не религиозный сакрализованный текст Божественного откровения. В отличие от последнего, конституционное законодательство выступает не целью, а средством, инструментарием реализации соответствующих ценностных установок. Поэтому консервативное отношение к тексту конституции имеет свои пределы. Несоответствие вызовам и запросам современности делает закон беспомощным или даже вредоносным. Ссылка на историческую устойчивость американской Конституции является на мировом фоне исключением из правил. Кроме того, исторический эксперимент вовсе не закончился. Один из политологических концептов авторов состоит в том, что американский либерализм рано или поздно приобретет характер тормоза и даже деструктивного начала относительно американской государственности и ее успешности.

На самом деле человеческая практика показывает, что конституционное законодательство часто модернизируется. Из существующих на сегодняшний день конституций значительная часть была принята уже после принятия российского Основного закона. Из всех существующих в мире конституций 37,7% были приняты или существенно модернизированы уже после того, как 12 декабря 1993 г. референдум в РФ утвердил новое конституционное законодательство.

«Возрастное» распределение конституций (рис. 1.5.30) позволяет заметить, что российская Конституция на общем мировом фоне не выглядит в достаточной степени «молодой»¹³. Исчисление ее «возраста» в данном случае велось от даты принятия конституционного закона. Российский Основной закон принадлежит к самой распространенной по численности возрастной группе конституций — 15–20 лет.

¹² Антология философской мысли. М., 1989. Т. 3. С. 152.

¹³ Саидов А.Х. Национальные парламенты мира. М., 2005. С. 666–672.

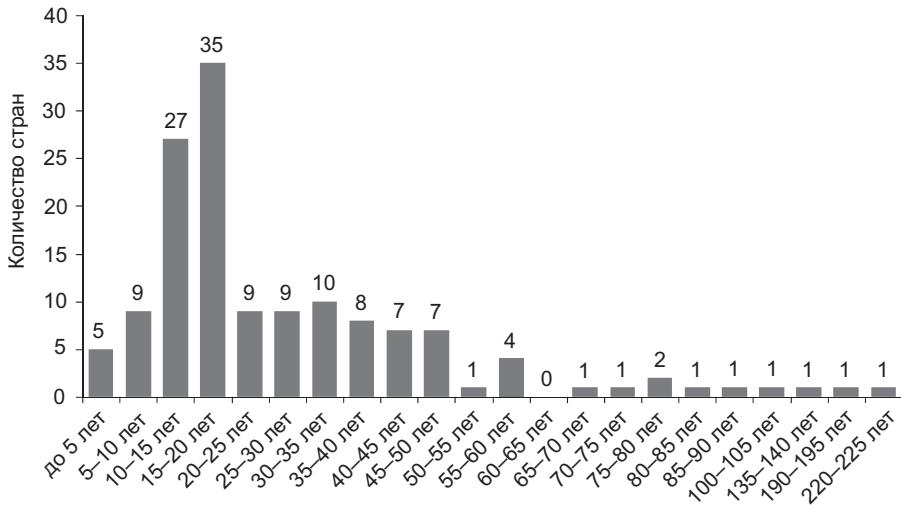

Рис. 1.5.30. «Возрастное» распределение конституций стран мира

За 15–20 лет происходит смена поколения. Соответственно, происходит определенная ценностная модификация (принцип «отцы и дети»). Должно ли конституционное законодательство реагировать на эти аксиологические инверсии? С одной стороны, базовые национальные ценности, составляющие фундаментальную основу цивилизационного бытия, не могут пересматриваться при каждом новом поколении граждан. Но с другой, не должно быть и конституционной законсервированности, препятствующей историческому развитию народа, в том числе его ценностной рефлексии. Особенно в случае, как российский, крайне неудачной и деструктивной модели конституции. Это в общем-то классическая задача на оптимизацию и примирение на уровне конституционного законодательства соотношения традиционного и модернизационного компонентов национальной жизни.

В 1990-е гг. записные либеральные публицисты настойчиво иллюстрировали советский правовой нигилизм частым пересмотром Основного закона — «ленинская конституция», «сталинская конституция», «брежневская конституция». Едва не состоялась еще и «хрущевская конституция». Но достаточно обратиться к мировому опыту, включая опыт западных государств, чтобы убедиться: конституционное реформирование является событием распространенным. Никто ведь не будет говорить о правовом нигилизме испанцев на том основании, что Конституция Испании менялась 11 раз, не считая вносимых поправок в каждую из них.

Для Франции ныне действующая Конституция и вовсе пятнадцатая по счету.

Осуществляя законодательную модернизацию, государства решают через нее возникшие управленческие задачи, вырабатывает адаптивную

модель соотношения основных законов с изменившейся исторической реальностью. На рис. 1.5.31 отражена общая для Европы высокая динамика конституционных реорганизаций. В странах третьего мира замены конституций осуществляются в целом с той же периодичностью¹⁴.

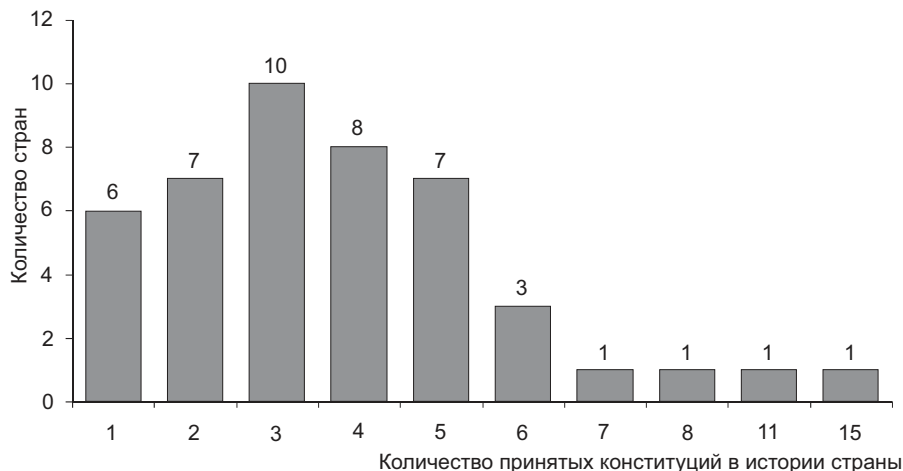

Рис. 1.5.31. Распределение количества конституций в истории стран Европы

Таким образом, если замена существующей Конституции РФ диагностируется как назревшая необходимость, общие доводы о противопоказанности такого шага не срабатывают.

Идея пересмотра основных законов актуализируется в российском политическом дискурсе с устойчивой периодичностью. Исследователи говорят об особых исторически проявляемых конституционных циклах России¹⁵. Действительно, можно проследить ритмическую динамику российских конституций, начиная с «Кондиций», предъявленных в 1730 г. Анне Иоанновне (рис. 1.5.32). Диапазон конституционного цикла в России составляет 13–26 лет. Соответственно, усредненная величина цикличности конституционной активности соответствует 19 годам. При такой периодичности вопрос об обновлении российской Конституции назреет к 2012 г.

Но, с другой стороны, конституция это не предмет вольного и неумного проектирования. Основной закон должен выражать базовые принципы цивилизационного бытия народа, его высшие ценностные ориентиры, программируя успешность и жизнеспособность страны. К сожалению, пренебрежительное отношение к системности и функциональности в указанном смысле конституции приводит к тому, что конституционные проекты соот-

¹⁴ Саидов А.Х. Национальные парламенты мира. Монография. М.: Институт государства и права РАН, 2005. С. 666–672.

¹⁵ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. Монография. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.

носятся в большой степени с описанием М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Чего-то хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать».

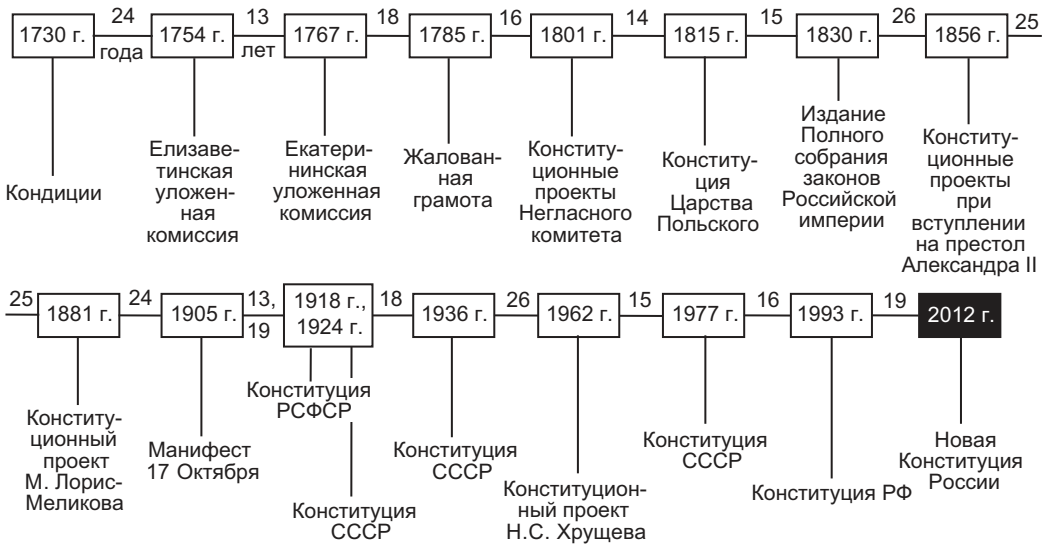

Рис. 1.5.32. Конституционные циклы в истории России

Если же посмотреть на социальное расслоение российского общества, то «кого-нибудь ободрать» с 1993 г. вполне получилось. А если проанализировать бенефициаров, то видно, что они практически все относятся к школе, лагерю и сторонникам либерализма западной ориентации, имеют двойное гражданство и мало задумываются о судьбе большинства народа России, да о судьбе самой России. Авторы же настоящей монографии эти вопросы весьма беспокоят.

1.5.3. Ценностно-мировоззренческий компонент в государственных документах высокого уровня

Типология ценностно-ориентированных государственных документов

Высшая власть должна обладать механизмом трансляции генерируемых ценностных установок народу. Одной конституции в этом отношении недостаточно. Она не может обеспечивать напрямую аксиологический уровень текущей государственной политики, ценностного реагирования на злободневные угрозы и вызовы. Не содержит она и разъяснения (толкования) ми-

ровоззренческих смыслов и номинируемых ценностей. В этих целях служат иные документы трансляции. Каждое государство устанавливает собственную традицию продуцирования ценностно-ориентированных документов. Они таким образом выполняют функцию ценностно-целевого форматирования надконституционного (мировоззренческие смыслы) и подконституционного (практическая политика) уровней (рис. 1.5.33).

Рис. 1.5.33. Уровни отражения высших ценностей государства в государственных документах высокого уровня

Декларация независимости для США является более ценностно значимым документом, чем Конституция. Конституционное законодательство есть в конечном итоге лишь инструмент реализации посредством законов, определенных в Декларации высших ценностей. Хронологическая последовательность четко указывает на логику ценностной имплементации. Вначале появилась Декларация независимости, и только через 11 лет на ее основе была создана Конституция. В других странах последовательность та же самая. Цивилизационно варьирует только тип базового аксиологически манифестационного документа.

Для советской государственной общности таким документом первоначально являлся «Манифест коммунистической партии»; затем — в условиях однопартийности — Программа КПСС. Идеология Ливийской Джамахирии раскрывается в «Зеленой книге» М. Каддафи, Туркменистана — в «Рухнаме»¹⁶. Для несекуляризированных государств роль идеологического источника выполняют религиозные тексты, «священные книги».

¹⁶ Каддафи М. Зеленая книга. Соч. М.: Международные отношения, 1989; Ниязов С. Рухнама. Соч. Ашхабад, 2005.

Ценностно-ориентированные документы в истории России

Для дореволюционной России роль ценностно-содержащего фундамента государственного управления выполняла Библия. Реагирование же царской власти на текущие вызовы и проблемы осуществлялось в форме издания императорских манифестов. По степени ценностного насыщения текста документа ни один из современных указов Президента РФ не идет с ними ни в какое сравнение. Каждое из принимаемых императорской властью решений обосновывалось в связи с высшими ценностями Российского государства.

Очень красноречиво об этом говорят примеры. Так, в 1848 г. в связи с актуализацией революционной угрозы в Европе Николаем I был подписан манифест следующего содержания: «После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящимися ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возрастающей по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империй Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и нашей, Богом нам вверенной России. Но да будет так! По заветному примеру православных наших предков, призвав на помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со святой нашей Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших. Мы удостоверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш ответит радостно на призыв своего государя; что древний наш возглас: за веру, царя и отечество! — и ныне предрекает нам путь к победе, и тогда в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог»¹⁷.

Не стоит ерничать по поводу устаревшего стиля изложения. Гораздо важнее содержательная, эмоциональная сторона, которая вполне переводится на современный язык. В восьми предложениях четырежды фигурирует слово «Бог», дважды — «святые», дважды — «русские», один раз — «православные». Использование наряду с «Россией» древнеотеческого обозначения «святая Русь» существенно усиливает ценностный резонанс документа. Манифест был зачитан всенародно и сыграл роль идеологического мобилизатора российского населения. А между тем речь шла о николаевском политическом курсе, традиционно трактуемом историками

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. В 55 т. Т. 23. Отд. 2. № 22 087. СПб.: Типография собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1849.

как проявление «жандармской политики царизма» («Россия — жандарм Европы»)¹⁸.

Манифест Александра II об отмене крепостного права (точное название — «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта») традиционно анализируется в исторической науке через призму столкновения сословных интересов. Их действительно в нем можно обнаружить. Однако в манифесте содержалась вместе с тем и апелляция к высшему ценностному целеполаганию российской государственности. Текст его был подготовлен не безымянным спичрайтером-конъюнктурщиком, а митрополитом Московским Филаретом, продуцировавшим документ в соответствии с православной аксиологической парадигмой. Главная идея состояла в распространении на народ христианского принципа равноценности человеческих душ. Христианин не может быть ни рабом, ни господином. Для составителя документа основной вопрос заключался в этике взаимоотношения сословий. Мотивы апелляции манифеста к высшим христианским ценностям отражаются, в частности, в следующих фрагментах.

«Божиим провидением и священным законом престолонаследия быв призваны на прародительский всероссийский престол, в соответствие сему призванию мы положили в сердце своем обет обнимать нашу царскую любовь и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохой или плугом. Вникая в положение званий и состояний в составе государства, мы усмотрели, что государственное законодательство, деятельно благоустроая высшие и средние сословия, определяя их обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной деятельности в отношении к людям крепостным, так названным потому, что они частью старыми законами, частью обычаем потомственно укреплены под властью помещиков, на которых с тем вместе лежит обязанность устроить их благосостояние. Права помещиков были доньше обширны и не определены с точностию законом, место которого заступали предание, обычай и добрая воля помещика. В лучших случаях из сего происходили добрые патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности помещика и добродушного повиновения крестьян. Но при уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственной выгоды, добрые отношения

¹⁸ *Виноградов В.Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. Монография. М.: Наука, 1985; *Киняпина Н.С.* Внешняя политика Николая I // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/PALK_OUT.HTM>.

ослабевали и открывался путь к произволу, отяготительному для крестьян и неблагоприятному для их благосостояния, чему в крестьянах отвечала неподвижность к улучшениям в собственном быте.

...Таким образом, мы убедились, что дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завещание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою провидения.

...Призвав Бога в помощь, мы решились дать сему делу исполнительное движение. В силу означенных новых положений, крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей. Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам, за установленные повинности, в постоянное пользование усадебную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

...Обращая внимание на неизбежные трудности предприемлемого преобразования, мы переее всего возлагаем упование на всеблагое провидение Божие, покровительствующее России. Засим полагаемся на доблестную о благе общем ревность благородного дворянского сословия, которому не можем не изъявить от нас и от всего Отечества заслуженной признательности за бескорыстное действование к осуществлению наших предначертаний. Россия не забудет, что оно добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовью к ближним, отказалось от упраздняемого ныне крепостного права и положило основание новой хозяйственной будущности крестьян. Ожидаем несомненно, что оно также благородно употребит дальнейшее тщание к приведению в исполнение новых положений в добром порядке, в духе мира и доброжелательства и что каждый владелец довершит в пределах своего имения великий гражданский подвиг всего сословия, устроив быт водворенных на его земле крестьян и его дворовых людей на выгодных для обеих сторон условиях, и тем даст сельскому населению добрый пример и поощрение к точному и добросовестному исполнению государственных повинностей¹⁹».

В советский период обращение государственных лидеров к народу также сохраняло черты ценностного послания. Слова национального вождя должны были соответствовать его статусу. Не дело главы государства описывать технические процедурные приемы проводимой политики. Этот вопрос лежит в компетенции чиновников более низкого ранга. Но изложение народу ценностных стратегических ориентиров развития государства — прямое назначение национального лидера. Классической иллюстрацией мобилизационного значения обращения главы государства к народу может служить речь И.В. Сталина во время парада 7 ноября 1941 г. Ее индикатив-

¹⁹ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989.

тивность в контексте рассматриваемой в настоящей работе проблематики определяется декларацией о существовании особой исторической миссии России (СССР). Само по себе использование слова «миссия», соотносимого прежде главным образом с религиозной терминологией, также весьма показательно. Апелляция к образам русских исторических героев, имена которых еще недавно находились под идеологическим запретом борьбы с монархическим прошлым, содержала в себе колоссальный психологический заряд. Неслучайно сталинская речь 7 ноября 1941 г. на Красной площади традиционно относится к началу перелома в Московской битве. «На вас, — обращался И.В. Сталин к борющимся с врагом представителям советского народа, — смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина! За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость! Под знаменем Ленина — вперед, к победе!»²⁰.

Возможно ли ныне сложить подобные призывы из словаря, содержащего слова такого рода, как «либерализм», «доходы», «конкурентоспособность», «цена на газ», «реформы» и т. п.?

Страновой опыт создания ценностно-ориентированных государственных документов высокого уровня

Но, может быть, требование ценностной насыщенности текста государственных документов высшего уровня является признаком идеократических режимов и неуместно для стран, избравших демократический путь развития? Обратимся к опыту «главного хранителя демократии» в современном мире — США. В отличие от Российской Федерации, Конституция в Соединенных Штатах не является высшим, с точки зрения выражения государственных ценностей, документом. Над ней аксиологически находится Декларация независимости. Учреждение американской государственности обосновывается в ней посредством апелляции к законам природы (естественнонаучное основание) и Творцу (трансцендентное основание). Далее излагается теория общественного договора, выводимая из особого представления об изначальном сотворении Богом человека. Все признаки государственной идеологии в ней

²⁰ Речь И.В. Сталина 7 ноября 1941 года // <<http://bg-znanie.ru/article.php?nid=33612>>.

наличествуют. Ввиду важности выдвигаемого тезиса об идеологичности американской государственной системы следует оценить фрагмент вводной части Декларации независимости США: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению. Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье»²¹. Заканчивается документ новой апелляцией к Богу «С твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью»²².

Могут возразить, что Декларация независимости США принималась в XVIII в. и, являясь своеобразным реликтом, не отражает современных реалий. Но вот Декларация о государственном суверенитете Израиля была принята в 1948 г. Тем не менее и в ней содержится определение ценностных оснований национальной государственности. Идеология декларации заключается в утверждении концепта «исторической родины». Через текст документа проходит «сюжетная» линия истории насильственного разлучения еврейского народа со страной Израилем. Развертывается идеологема расколотой нации. Декларация открывается словами утверждения исторических оснований создания израильской государственности: «В стране Израиля возник еврейский народ. Здесь сложился его духовный, религиозный и политический облик. Здесь он жил в своем суверенном государстве, здесь создавал ценности национальной и общечеловеческой культуры и завещал миру нетленную Книгу Книг. Насильно изгнанный со своей родины, народ остался верен ей во всех странах рассеяния, не переставал надеяться и уповать на возвращение на родную землю и на возрождение в ней своей политической независимости. Проникнутые сознанием этой исторической связи, евреи из поколения в поколение пытались вновь обосноваться на своей древней родине. Последние десятилетия ознаменовались массовым возвращением в родную страну.

²¹ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Сборник / Под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993.

²² Там же.

Пионеры-репатрианты, прорвавшие все преграды на пути к родине, и защитники ее оживили пустыню, возродили древнееврейскую речь и построили города и села. Они создавали развивающееся общество, самостоятельное в экономическом и культурном отношении, миролюбивое, но способное оборонять себя, приносящее благо прогресса всем жителям страны и стремящееся к государственной независимости»²³. Завершается декларационный текст конкретным в плане формулирования ценностно-целевых ориентиров призывом: «Мы призываем еврейский народ во всех странах рассеяния сплотиться вокруг евреев Израиля, участвуя в репатриации в страну, в ее строительстве, и поддерживая Израиль в великой борьбе за осуществление многовекового стремления еврейского народа к избавлению»²⁴.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г., несмотря на общность наименования с вышеприведенными документами, развернутого идейно-ценностного обоснования исторической легитимности российской государственности не содержит. Вся обосновательная часть документа ограничивается словами, которые могли бы быть адресованы абсолютно к любому государству: «сознавая историческую ответственность за судьбу России, свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, входящих в Союз Советских Социалистических Республик, выражая волю народов РСФСР, торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории и заявляет о решимости создать демократическое правовое государство в составе обновленного Союза ССР»²⁵.

Нет в российской декларации, в отличие от американской и израильской, какого бы то ни было призыва к нации. Да и с самой национальной идентификацией декларируемой государственной общности депутаты Верховного Совета РСФСР не смогли определиться. Понятие «народ», к суверенности которого апеллирует текст документа, фигурирует то в единственном, то во множественном числе. Между тем суверенитет «многонационального народа» и суверенитет каждого из народов противоречат друг другу, представляя различные принципы выстраивания государственности. В результате получился абсурд множественности суверенностей.

Можно проанализировать на предмет выявления ценностных компонентов текст Стратегии национальной безопасности США. Многие содержащиеся в нем положения четко формируют принципы идеологического позиционирования американской государственности в мире (табл. 1.5.1)²⁶.

²³ Израиль и Палестина. Сборник документов. М.: б/и, 1994. С. 85.

²⁴ Там же. С. 87.

²⁵ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

²⁶ Попов И.М. Стратегия национальной безопасности США. Статья // <<http://milresource.ru/NSS-2006-Demo.pdf>>.

Идеологические компоненты Стратегии национальной безопасности США 2006 г.

Структура документа	Фрагмент текста стратегии	Ценностный ориентир
Преамбула	«Подъем терроризма, питаемый агрессивной идеологией ненависти и убийства»	Формирование образа нового идеологического противника. Искусственное создание инфернального конструкта идеологии «ненависти и убийства»
Преамбула	«США находятся на ранней стадии длительной борьбы, подобной той, с которой наша страна столкнулась в начале холодной войны. XX век был свидетельством триумфа свободы над угрозой фашизма и коммунизма. Теперь угрожает новая тоталитарная идеология, идеология, которая жидется не на светской философии, а на извращении великой религии. Ее содержание может быть отличным от идеологий прошлого столетия, но ее средства остаются прежними: нетерпимость, убийства, террор, порабощения и репрессии»	Образ нового врага формируется в старом клише тоталитаризма. Свобода номинируется как главный идеологический маркер американской государственности. Именно против свободы, а вовсе не американской нации, ведут борьбу противники США. Характерно занесение в триумфальную хронологию «свободного мира» победы над фашизмом. Факт решающего вклада «тоталитарного» СССР в разгром фашистской Германии не укладывается в эту схему и, следовательно, будет историографически — ретушироваться. Религиозное учение официально определяется в качестве враждебной США идеологии. Маски сняты! Обнаружилась риторически нивелированная прежде секулярная парадигма США и новой западной цивилизации в целом. Религия зачисляется в разряд тоталитарных идеологий, будучи уподобленной концепциям фашизма и коммунизма. Название ислама при этом ни разу не упомянуто. Стратегия национальной безопасности оперирует нехарактерным для документов такого рода эзоповым языком намеков (например, некая «великая религия»). Используемая нечеткость в идентификации противника не случайна. Отсутствие прямого исламского идентификатора представляет возможность подвести под маркер тоталитаризма и другие традиционные религии (например, православие)
Глава 1	К достижениям последних лет отнесены смена «тирании» на «демократию» в Ираке и Афганистане, революции в Грузии, Украине и Киргизстане. Одновременно констатируется регресс демократии в ряде стран, усиление авторитарных тенденций	СНБ США считает себя вправе давать оценку в категориях «положительное»–«отрицательное» политическим событиям внутренней жизни других государств. Россия в документе ни разу не упоминается. Однако указание на некие страны с регрессирующей в последние годы демократией посредством

Структура документа	Фрагмент текста стратегии	Ценностный ориентир
		тривиального их перебора выводит прежде всего на образ Российской Федерации
Глава 2	«Для защиты нашей Родины и утверждения наших ценностей, США стремятся расширить свободу по всему миру, возглавляя международные усилия по окончанию тирании и продвижению эффективной демократии»	Речь без обиняков идет о ценностной экспансии США на международной арене. Американская идеология выстраивается через дихотомию «тирания» — «эффективная демократия». Предполагаются целенаправленные усилия по низложению режимов первого типа и продвижению второго, которые трудно классифицировать иначе, как признание права США вмешиваться во внутренние дела других государств
Глава 2	Предлагается перечень «тиранических» государств: КНДР, Иран, Сирия, Куба, Белоруссия, Бирма, Зимбабве	Образ врага США предельно конкретизирован. По существу, с учетом декларации об усилиях по окончанию тирании», приведен перечень стран, применительно к которым ставится задача изменения государственного строя
Глава 2	«Политическая, религиозная и экономическая свободы идут вместе и усиливают друг друга. Некоторые режимы открыли свои экономики, стараясь одновременно ограничить политические и религиозные свободы. Это не будет работать»	Какое, казалось бы, отношение имеет стратегия национальной безопасности США к выработке оптимума эффективного функционирования других государств? Что это — вольное отступление от функционального формата документа? Высокая квалификация разработчиков позволяет предположить, что связь между степенью свободы других государств и национальной безопасностью США действительно существует. Соединенным Штатам, как доминирующей в современном мире державе, категорически невыгодно появление серьезных конкурентов. Конкурентоспособное состояние отстающей стороны может быть достигнуто посредством ресурсной мобилизации, связанной с различного рода самоограничениями, в частности с ограничением индивидуальной свободы. Именно это и угрожает доминирующему положению США
Глава 3	«Мы ведем борьбу с новым противником с глобальным масштабом деятельности. США не могут более полагаться на сдерживание, чтобы держать	Концепция превентивного удара. Опережающий удар наносится уже не по лицам и организациям, совершившим теракт, а по потенциальным террористам. В такой постановке вопроса

Структура документа	Фрагмент текста стратегии	Ценностный ориентир
	террористов на расстоянии, или на оборонительные меры, чтобы уничтожить их в последний момент. Борьба должна быть навязана противнику и не давать ему передышки»	жертвой «контртеррористического» воздействия может оказаться едва ли не любое государство, включая Россию. Характерна установка о «навязывании» войны противнику, указывающая, что иницилирующей стороной конфликта выступают сами США
Глава 3	«Продолжающаяся борьба в Ираке извращенно представляется террористической пропагандой в качестве призыва к объединению их усилий. Некоторые государства, такие как Сирия и Иран, продолжают укрывать террористов у себя и поддерживать террористическую деятельность за рубежом»	В соответствии с объявлением США войны международному терроризму, на государства, определяемые в качестве террористических пособников — Сирию и Иран, также распространяется понятие зоны военных действий
Глава 3	«Великая религия — религия ислама — вывернута наизнанку и поставлена на службу злу, также как в другие времена и в других местах иные религии использовались во зло»	Использование этической категории зла, применительно к определению стратегии национальной безопасности. Этика как основа государственного стратегического целеполагания. Религия преподносится как универсальный (и «в другие времена, и в других местах») инструмент зла. А вот секулярность как потенциальная ниша зла, в отличие от религии, не упоминается
Глава 4	«Военное вмешательство может быть необходимым для прекращения кровопролитного конфликта, однако мир и стабильность установятся, если только последующие усилия по восстановлению порядка и реконструкции будут успешными»	Легитимизация особого права США на военное вмешательство
Глава 6	«Экономическая свобода является моральным императивом. Свобода создавать и строить или покупать, продавать и владеть собственностью является фундаментальной для человеческой природы и основополагающей для свободного общества»	Открыто формируется связь мировой экономической рецептуры с определенным моральным выбором

Структура документа	Фрагмент текста стратегии	Ценностный ориентир
Глава 6	«Что касается Международного валютного фонда, мы будем стремиться к тому, чтобы вернуть эту структуру к ее ключевой миссии: международной финансовой стабильности. Это означает укрепление способности МВФ отслеживать финансовую систему для предотвращения кризисов до их возникновения. Если кризис происходит, ответные меры МВФ должны укрепить ответственность каждой страны за ее собственные экономические действия»	Стратегия мирового финансового контроля США через структуру МВФ. Право на вмешательство в экономическую политику отдельных государств. Указанные положения были сформулированы на момент создания стратегии в 2006 г., т. е. до начала мирового экономического кризиса. Таким образом, весь кризисный сценарий предвиделся, так же как определялась заранее рецептура его преодоления в виде создания системы планетарного финансового контроля. Не свидетельствует ли это хронологическое соотношение об инспирированности мирового кризиса?
Глава 11	«Было время, когда два океана, казалось, обеспечивали защиту от проблем в иных землях, позволяя Америке лидировать одним своим примером. Те времена уже давно прошли. Америка не может обеспечить мир, безопасность и процветание, изолируясь от мира. Америка обязана лидировать как своими делами, так и своим примером»	Американский гегемонизм как целевой стратегический ориентир государственной политики США. Недостаточность одного морального лидерства

Достаточно очевидно, как выстраивается документ на базе ценностей США, главной из которых является безопасность (или, в терминологии настоящего исследования, жизнеспособность) страны.

Послания Президента РФ Федеральному Собранию

В современной России в определенной интерпретации для трансляции властью ценностных установок используется формат ежегодного послания Президента Федеральному Собранию. Не ясны при этом мотивы определения адресата. Вполне понятна роль Федерального Собрания, когда речь идет о бюджетном послании. Но в разъяснении основных направлений внутренней и внешней политики, стратегий развития государства нуждается не только парламент. Для сравнения, в Республике Казахстан президент обращается с посланием не к каким-либо органам власти, а непосредственно к казахскому народу. В других постсоветских государствах, как, например, на Украине, адресатом обращения национального лидера выступают одновременно и народ, и Верховная Рада. Таким образом, получается, что между властью и нацией в России отсутствует в настоящее время, не в пример другим странам, канал ценностной коммуникационной трансляции.

Для анализа было взято послание Президента РФ 2008 г. Ценностный выбор существует всегда, даже в тех случаях, когда о ценностях не говорят. В послании Президента налицо стремление, чтобы оно было воспринято в качестве ценностно-ориентированного документа. Слово «ценность» (вместе с различными лингвистическими производными) упоминается в тексте послания 15 раз. Для сравнения, в послании Президента 2007 г. — 5 раз, 2006 г. — 2 раза (рис. 1.5.34). На чиновничьем языке это означает: «приказано быть ценностно-ориентированными». Но вот в чем эти ценности?

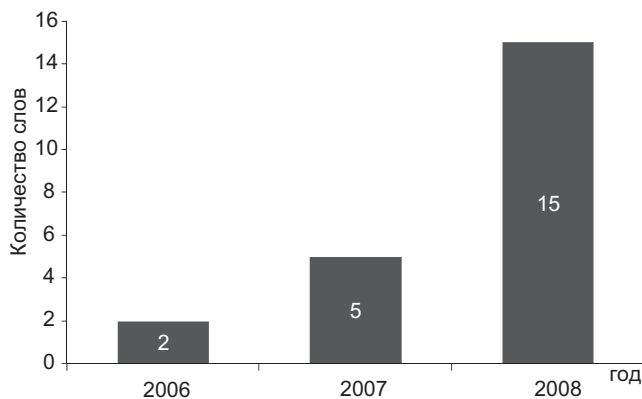

Рис. 1.5.34. Частота употребления слова «ценность» в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию

Слово «идеология» было произнесено. Это само по себе индикатор, имея в виду конституционный запрет на наличие государственной идеологии. Однако столь же очевидно, что имеющийся в распоряжении властей арсенал идеологием остается сугубо либеральным. От самого термина «либерализм» воздержались, но составляющие его ценностную основу понятия используются с высокой частотой: «свобода» — 30 раз, «демократия» — 26 раз, «права» — 34 раза, «человек» — 17 раз. При этом понятийный ряд, индикативно связанный с консервативным спектром, крайне ограничен: «традиции» — 4 раза, «патриотизм» — 1 раз, «русские» — 1 раз, «родина», «отечество», «церковь» — 0 (рис. 1.5.35).

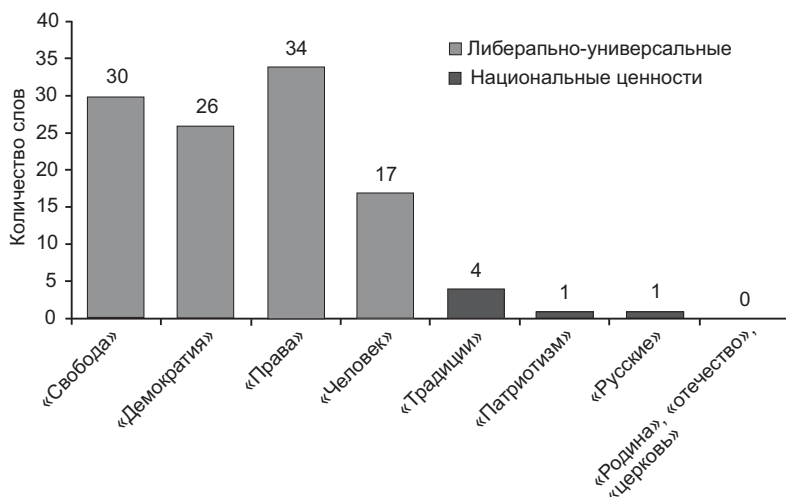

Рис. 1.5.35. Ценностные категории в тексте послания Президента РФ Федеральному Собранию 2008 г.

Апелляции к авторитету Бориса Чичерина и Петра Столыпина также весьма показательны. Для подтверждения либеральной ориентированности президентского послания достаточно привести следующий его фрагмент: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем — как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков... Поэтому принятие в 1993 году Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации»²⁷.

²⁷ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 года // <http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml>.

Предпринятый анализ позволяет таким образом констатировать ценностный вакуум российских государственных документов высшего уровня. Правда, если не говорить о ценностно либеральной платформе, которая, однако, противоречит опыту «веков» России. В настоящем исследовании доказан тезис о смертельной опасности для жизнеспособности России западной либеральной модели.

Соответственно, необходимо аксиологическое насыщение российских государственных документов высокого уровня, во-первых, ценностями там, где они нужны, но отсутствуют, а, во-вторых, там, где несбалансированные ценности иной цивилизации, либерализма должны уступить место идентичным российским ценностям, способным максимизировать жизнеспособность страны. Это, прежде всего, предлагаемые в итоговой части работы — Доктрина безопасности и развития России и новая Конституция России.

1.5.4. Ценностные основания витального потенциала российского народа

Что может быть важнее человеческой жизни? Только сама человеческая жизнь, много человеческих жизней, только жизнь более слабого, детей, женщин... Государство создается как инструмент номер один и именно для обеспечения благополучия и жизни людей. Авторы в принципе отвергают дискуссию, навязываемую либеральной школой: государство или человек. Нет этого противостояния. А вот сокращение численности населения России есть. И надо понимать, почему это происходит.

Четырехфакторная модель витальности российского народа

Напомним, что под витальным потенциалом российского народа понимается совокупная изменчивость численности населения за год, введенная впервые авторами в работе¹.

$$B(t) = H \left(\frac{P}{1000\Delta t} - \frac{C}{1000\Delta t} + \frac{1}{\text{ОПЖ}} \frac{d(\text{ОПЖ})}{dt} \right) + M$$

где H — численность населения (чел.), P — рождаемость (чел. на 1000 чел. населения в год), C — смертность (чел. на 1000 чел. населения в год), $t = 1$ год, ОПЖ — ожидаемая продолжительность жизни (лет), M — миграционное сальдо (чел. в год), B (эфф. чел. жизн. в год) — прирост населения с учетом эффективных человеческих жизней в связи с изменчивостью продолжительности жизни.

¹ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.

Витальный потенциал определяется рождаемостью, смертностью, салдо миграции и так называемыми эффективными человеческими жизнями, которые зависят от ожидаемой продолжительности человеческой жизни.

Подсчеты по этой формуле за 1991–2000 гг. дают убыль населения более 25 млн человек (рис. 1.5.36). Такой удар страна испытала в годы Великой Отечественной войны. Убыль населения не прекращается вплоть до 2010 г. Явления, подрывающие жизнеспособность страны в таких масштабах, конечно, требуют глубокого изучения и понимания. В авторской методологии это означает, что необходим ответ на вопрос о факторах — причинах, влияющих на витальный потенциал страны.

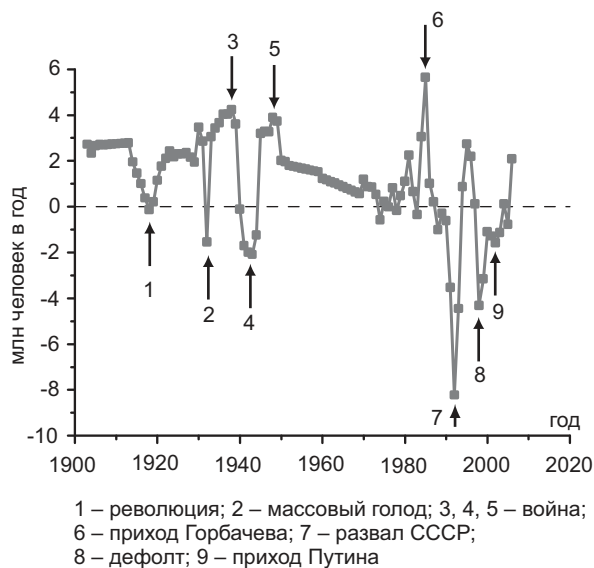

Рис. 1.5.36. Коэффициент витальности народонаселения страны

Демографические явления очень непростые: действуют, без преувеличения, десятки факторов, выдуманы множество мифов, кажущихся причин. Однако оказалось возможным обосновать четыре агрегированных фактора, управление которыми входит в возможности государственной политики.

Понимание государственности как живого организма в соответствии с биосоциальной дуальной природой человека позволяет в «вертикальном», антропологическом, разрезе видеть идейно-духовный и материальный уровень бытия. С ними соотносятся соответствующие агрегированные факторные группы. «Горизонтальный» разрез структуры любой государственности обнаруживает два субъекта государства — институт власти и народ (социум). Их субъектность обнаруживается, соответственно, в виде госу-

дарственного управления и цивилизационной (национальной) самоидентификации. Первая составляющая выражает активное деятельностное начало, вторая — направленную внутрь человека рефлексию самопознания (рис. 1.5.37).

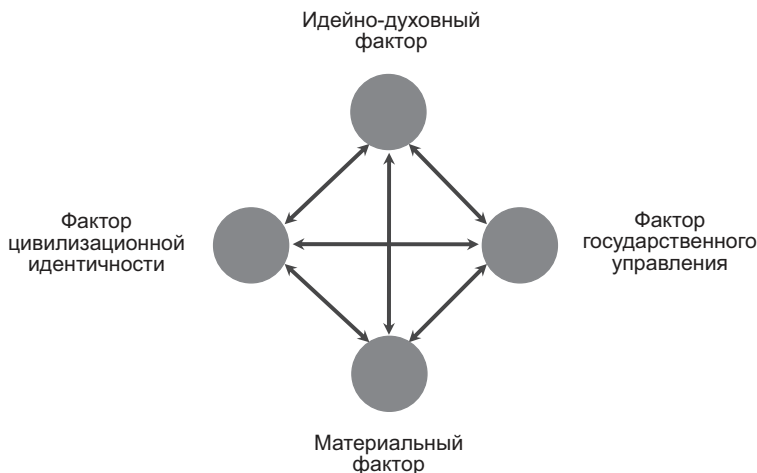

Рис. 1.5.37. Агрегированные факторные основания жизнеспособности русского народа

Посредством корреляционного анализа был установлен следующий рейтинг факторной значимости по убыванию.

1. Идейно-духовный фактор.
2. Фактор цивилизационной (национальной) идентичности.
3. Фактор качества государственного управления.
4. Материальный фактор.

Материальное состояние социума рассчитывалось статистически через совокупность социальных благ. Как видно, распространенное представление о единственном факторе демографии — материальном — является неправильным.

Слабоформализуемые факторы квантифицировались методом экспертной оценки. Всего для оценки идейно-духовного фактора использовалось 38 индикаторов, а фактора цивилизационной (национальной) идентичности — 34 индикатора (табл. 1.5.2–1.5.3).

Таблица 1.5.2

№	Индикаторы цивилизационной (национальной) идентичности
1	Апелляция к русской теме и русским традициям в государственной идеологии
2	Апелляция к русскому народу в риторике государственных лидеров
3	Национальная консолидированность русского народа

№	Индикаторы цивилизационной (национальной) идентичности
4	Отношение к государству как к русскому государству
5	Отношение к русскому фольклору, русским национальным героям
6	Отождествление народа (населения) страны с русским народом
7	Отраженность интересов и потребностей русского народа в государственном строительстве
8	Планетарная роль русских (наука, культура, идеология, экономика, военная мощь)
9	Положительное отношение к национальным меньшинствам
10	Представленность русских в военной элите
11	Представленность русских в государственных органах (региональных)
12	Представленность русских в государственных органах (центральных)
13	Представленность русских в научной элите
14	Представленность русских в органах государственной безопасности и общественного порядка
15	Представленность русских в политической элите
16	Представленность русских в творческой и культурной элитах
17	Представленность русских в хозяйственной и предпринимательской элите
18	Представленность русских в центральных средствах массовой информации и пропаганды
19	Роль и статус православной церкви
20	Роль и статус русского языка
21	Русская национальная ориентированность в учебниках по литературе
22	Русская национальная ориентированность исторической науки и учебников по истории
23	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в архитектуре
24	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в живописи
25	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в литературе
26	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в монументальном искусстве
27	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в музыке
28	Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в театре и кинематографе
29	Русские традиции в государственной символике

Продолжение таблицы 1.5.2

№	Индикаторы цивилизационной (национальной) идентичности
30	Сохранение русских традиций, русского культурного наследия
31	Уровень самоидентификации русских в зарубежной диаспоре
32	Уровень самоидентификации русских во внешней политике
33	Уровень самоидентификации русских во внутренней политике
34	Чувство национальной гордости у русского народа

Таблица 1.5.3

№	Индикаторы идейно-духовного фактора
1	Актуализация образа внешнего врага
2	Вера в национальных лидеров
3	Воспитательные функции в обществе — производственный коллектив
4	Воспитательные функции в обществе — семья
5	Воспитательные функции в обществе — улица
6	Воспитательные функции в обществе — церковь
7	Воспитательные функции в обществе — школа
8	Готовность и стремление народа к свершениям
9	Готовность к самопожертвованию
10	Духовная преемственность поколений
11	Значимость (ценность) труда
12	Идеологический компонент в общественной жизни
13	Коллективизм
14	Культурный потенциал
15	Научный потенциал
16	Образовательный потенциал
17	Опора на собственные силы
18	Отношение к военной службе
19	Отношение к нравственности
20	Отношение к традициям
21	Патриотизм
22	Преобладание духовных факторов поведения над с материальными
23	Состояние духовного потенциала российских провинциальных городов
24	Состояние духовного потенциала села

№	Индикаторы идейно-духовного фактора
25	Состояние духовных потенциалов столицы (Москвы / Санкт-Петербурга)
26	Состояние пропагандируемых ценностей поведенческих образцов
27	Социальный гуманизм
28	Сплоченность народа
29	Степень одухотворенности бытия
30	Уровень значимости консолидирующей национальной идеи
31	Уровень значимости общих целей развития (уверенность в будущем)
32	Уровень межэтнической комплиментарности
33	Уровень религиозности
34	Уровень суицидальности
35	Харизматичность национальных лидеров
36	Четкость представлений о добре и зле
37	Чувство запущенности в настоящем
38	Чувство уверенности в будущем своих детей

В экспертной оцифровке слабоформализуемых ценностных параметров приняли участие 24 эксперта, главным образом историки, представляющие различные вузы и научные организации. Замер осуществлялся на столетнюю временную глубину, охватывая период с 1897 по 2007 г. Помимо своего прямого назначения, связанного с задачами демографического факторного анализа, полученные данные имеют уникальный характер как единственная в своем роде комплексная оцифровка ценностного состояния российской государственности в достаточно глубокой временной ретроспективе.

Общая обнаруживаемая закономерность заключается в корреспонденции точек максимума и минимума практически для всех факторов. Апогеем ценностного подъема по большинству параметров идейно-духовного состояния общества стал период 1938–1947 гг., что очевидно связано с мобилизационной активизацией аксиологических потенциалов народа в условиях Великой Отечественной войны. Максимум значения фактора национальной идентичности относится к периоду Российской империи.

Десятилетие 1988–1997 гг. устойчиво проявляется как одна из двух исторических точек минимума. Исключение, применительно к этому интервалу, составляют такие индикаторы, как, например, религия. Но это также неудивительно, поскольку закономерность разрушена активным государственным актеизмом. Зато вполне естественно, что некоторый подъем религиозных показателей наблюдается в постсоветский период.

Вторая точка столетнего минимума рассредоточена вокруг даты 1917 г. Для показателей, связанных с определением уровня идейно-духовного состояния, эта минимизация приходится в основном на период 1908–1917 гг., для индикаторов национальной идентичности — на 1918–1927 гг. (рис. 1.5.38–1.5.109).

Индикаторы цивилизационной (национальной) идентичности (средние оценки экспертов)

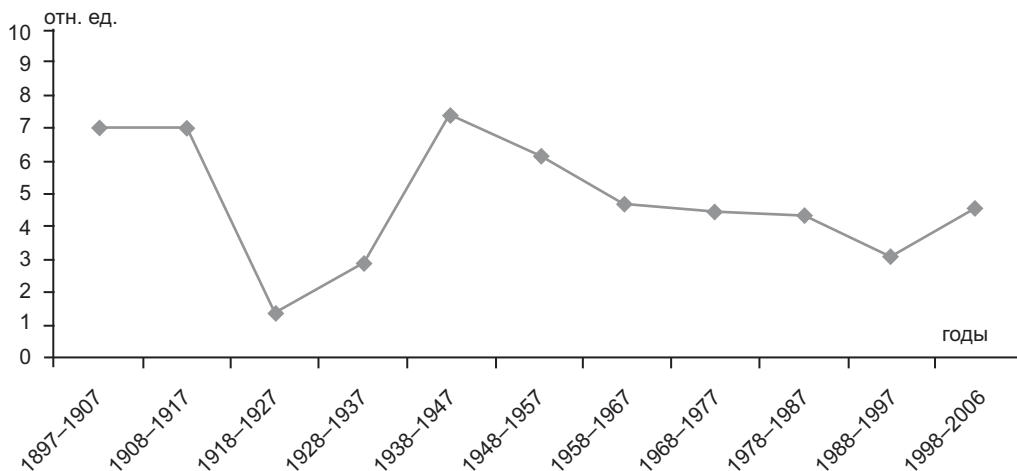

Рис. 1.5.38. Апелляция к русской теме и русским традициям в государственной идеологии

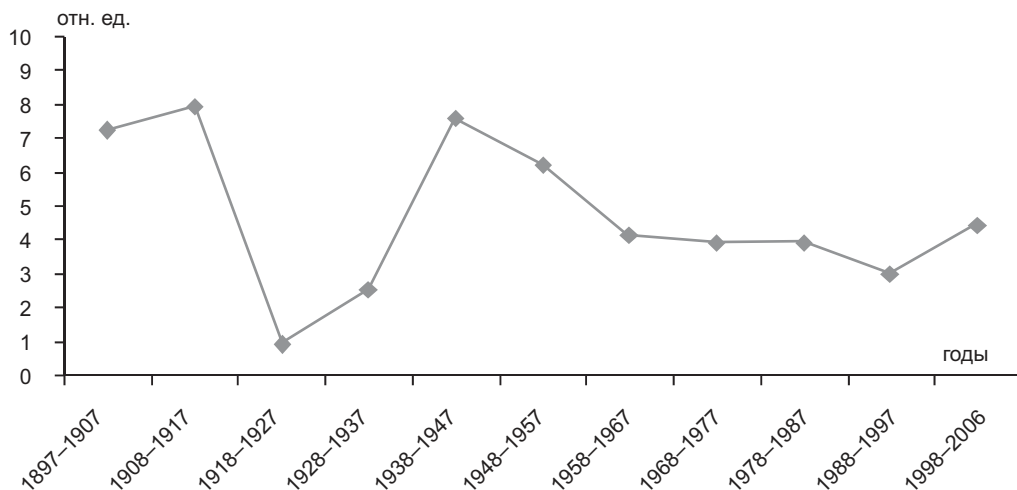

Рис. 1.5.39. Апелляция к русскому народу в риторике государственных лидеров

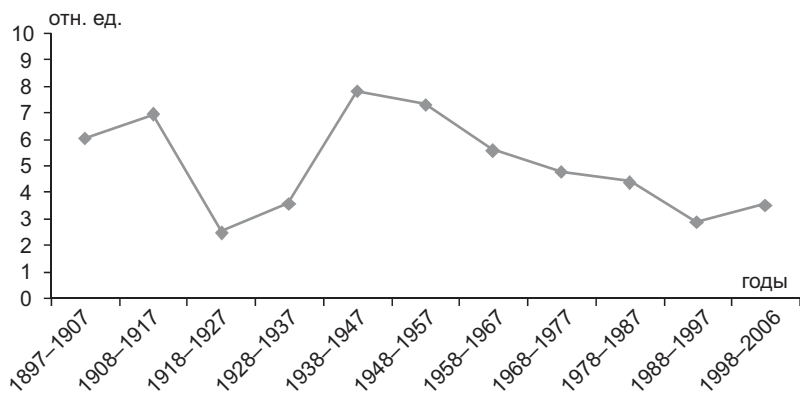

Рис. 1.5.40. Национальная консолидированность русского народа

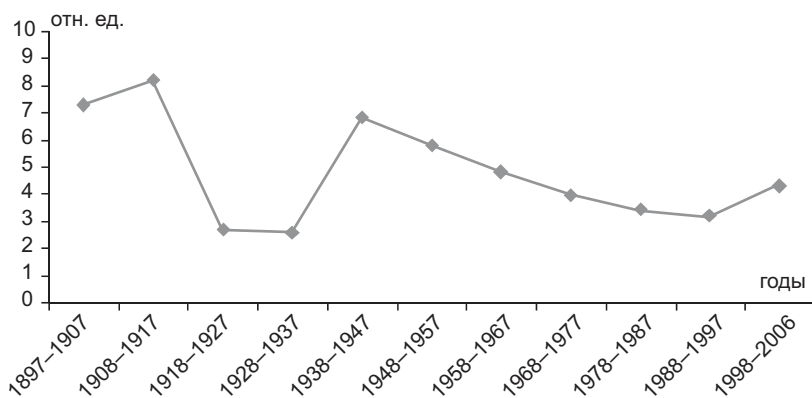

Рис. 1.5.41. Отношение к государству как к русскому государству

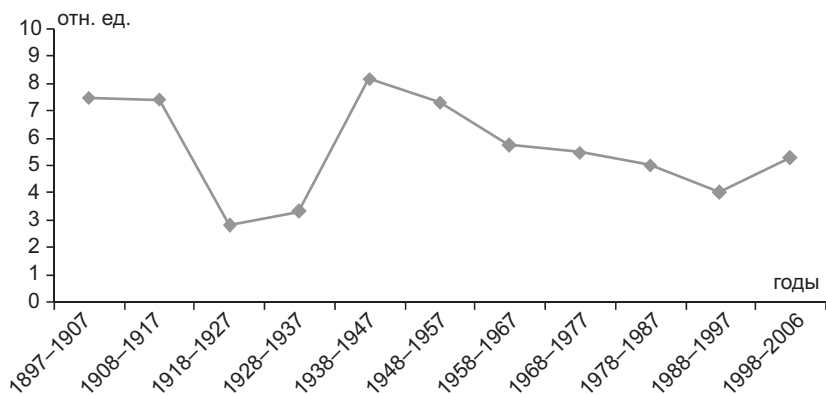

Рис. 1.5.42. Отношение к русскому фольклору, русским национальным героям

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

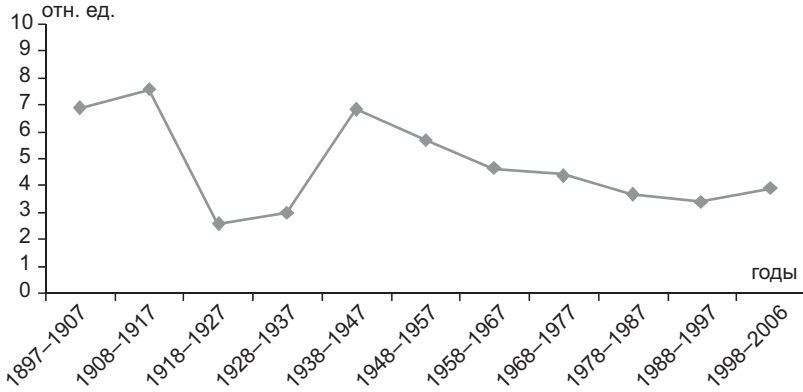

Рис. 1.5.43. Отождествление народа (населения) страны с русским народом

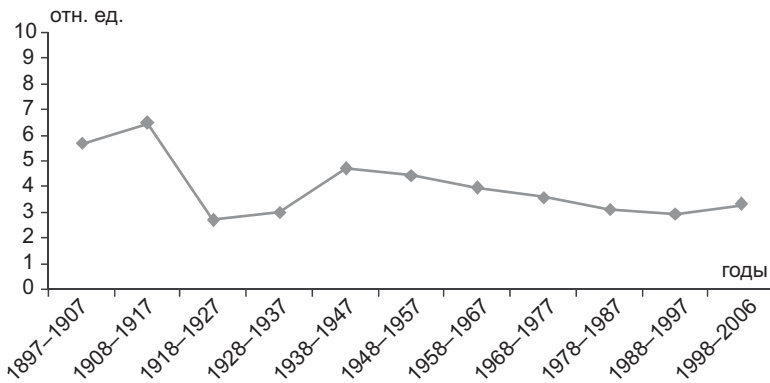

Рис. 1.5.44. Отраженность интересов и потребностей русского народа в государственном строительстве

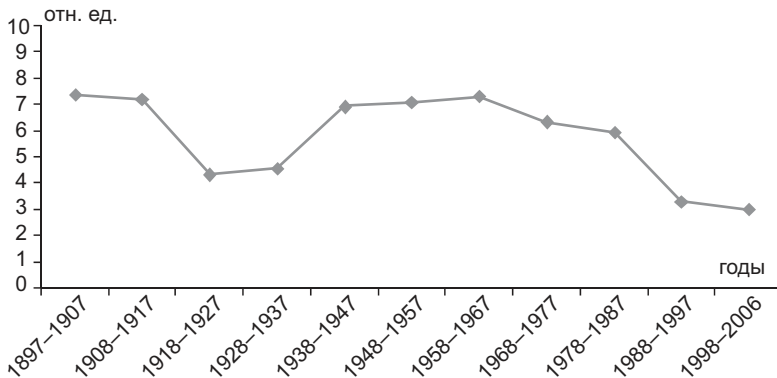

Рис. 1.5.45. Планетарная роль русских (наука, культура, идеология, экономика, военная мощь)

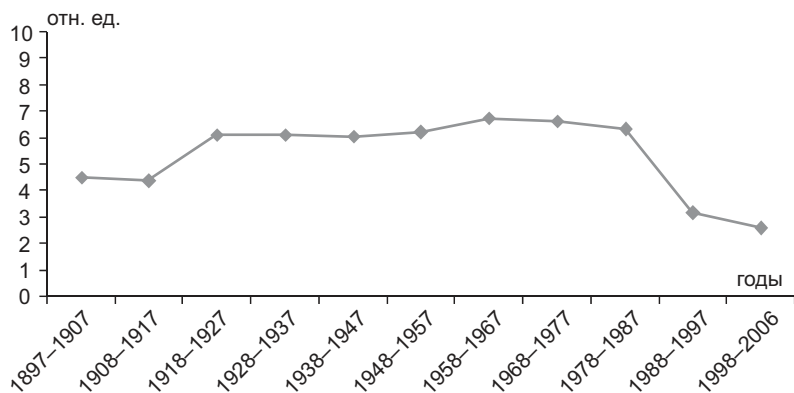

Рис. 1.5.46. Положительное отношение к национальным меньшинствам

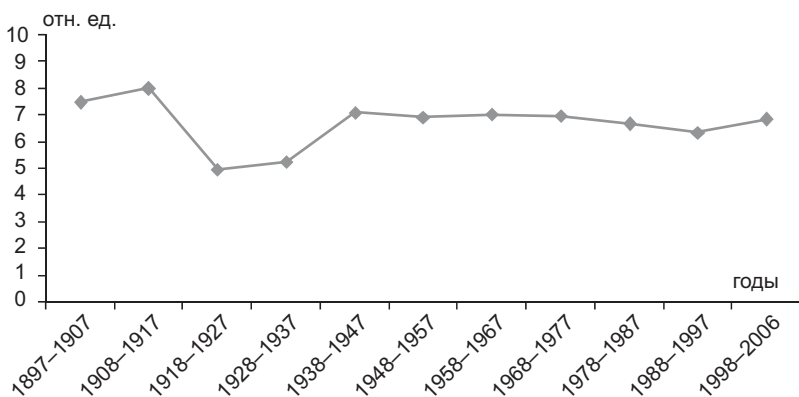

Рис. 1.5.47. Представленность русских в военной элите

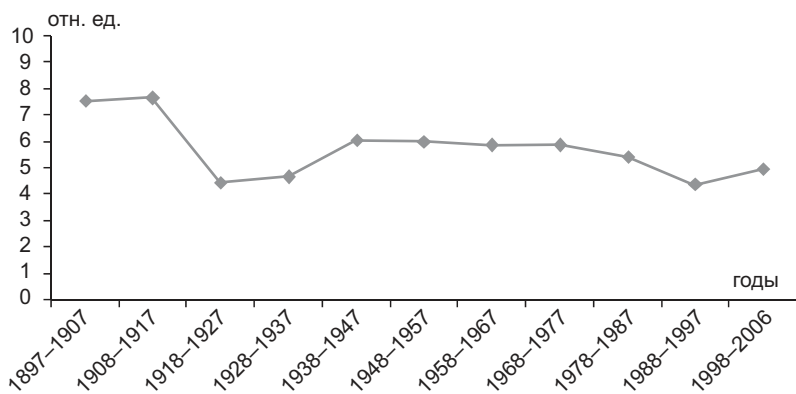

Рис. 1.5.48. Представленность русских в государственных органах — региональных

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

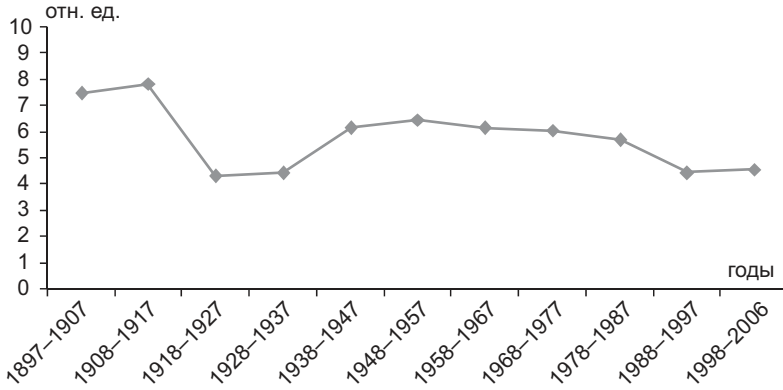

Рис. 1.5.49. Представленность русских в государственных органах — центральных

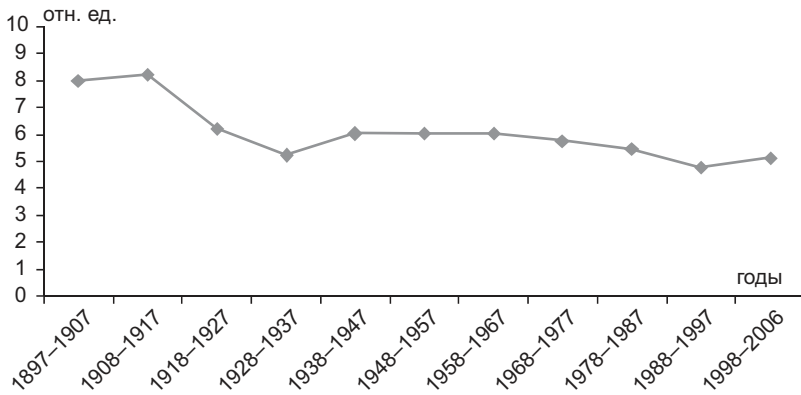

Рис. 1.5.50. Представленность русских в научной элите

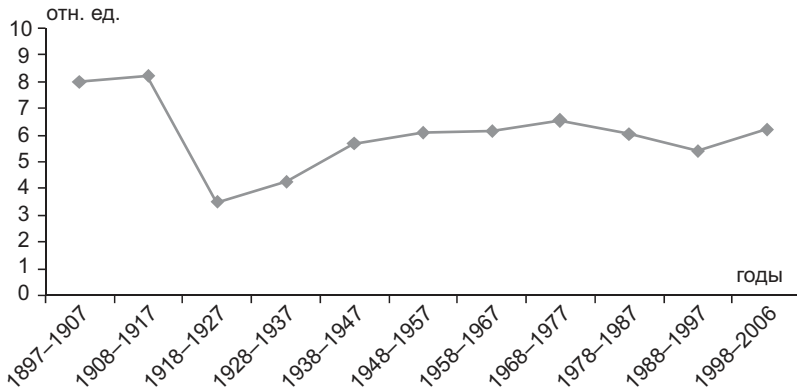

Рис. 1.5.51. Представленность русских в органах государственной безопасности и общественного порядка

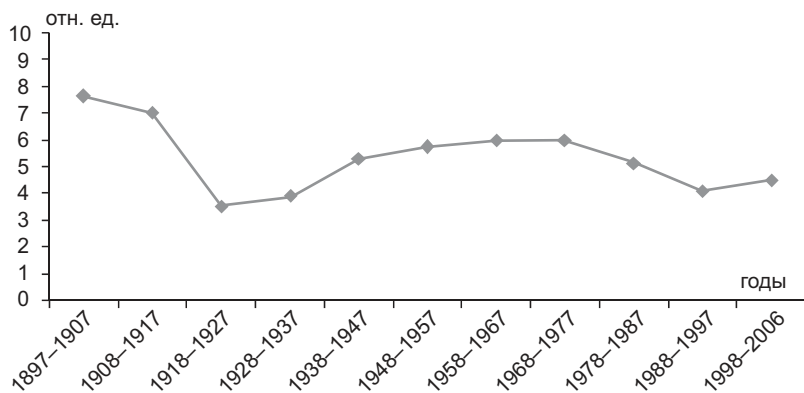

Рис. 1.5.52. Представленность русских в политической элите

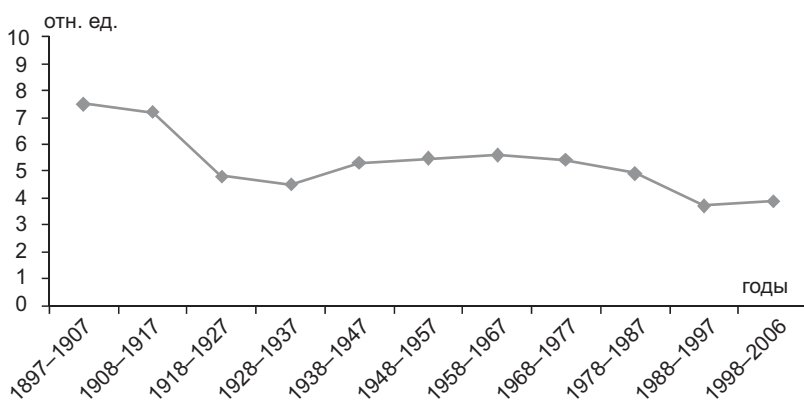

Рис. 1.5.53. Представленность русских в творческой и культурной элитах

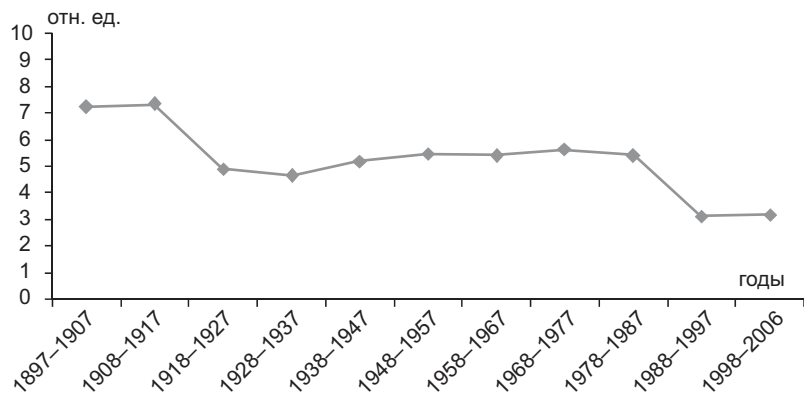

Рис. 1.5.54. Представленность русских в хозяйственной и предпринимательской элитах

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

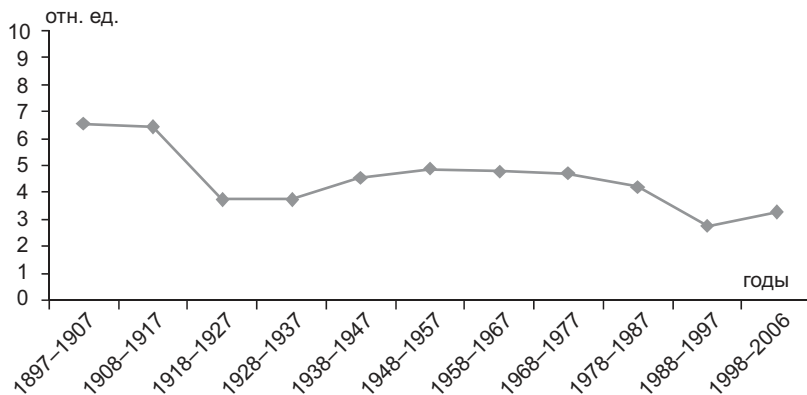

Рис. 1.5.55. Представленность русских в центральных средствах массовой информации и пропаганды

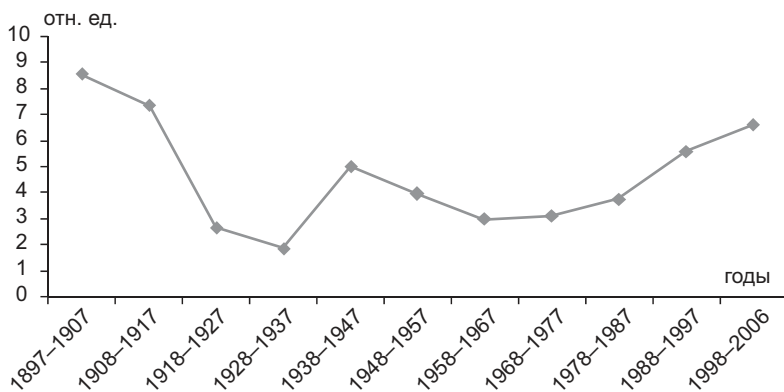

Рис. 1.5.56. Роль и статус православной церкви

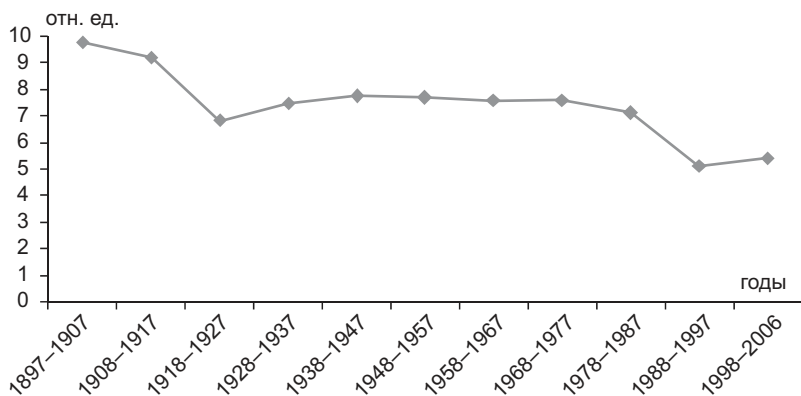

Рис. 1.5.57. Роль и статус русского языка

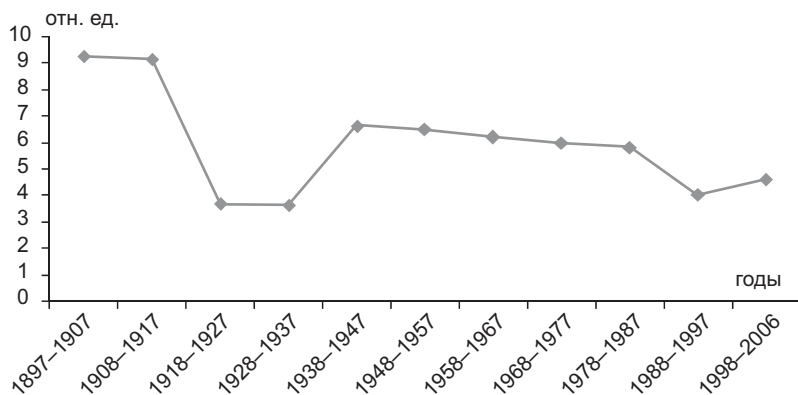

Рис. 1.5.58. Русская национальная ориентированность в учебниках по литературе

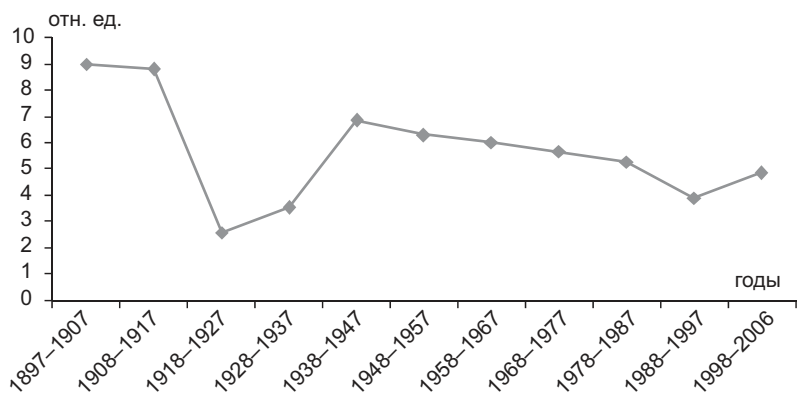

Рис. 1.5.59. Русская национальная ориентированность исторической науки и учебников по истории

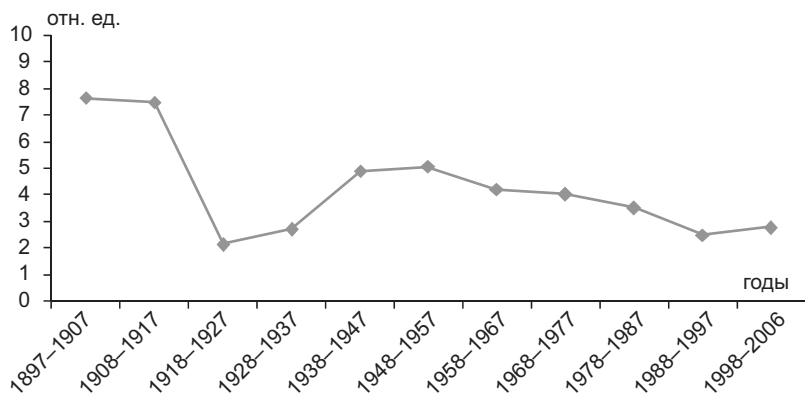

Рис. 1.5.60. Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в архитектуре

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

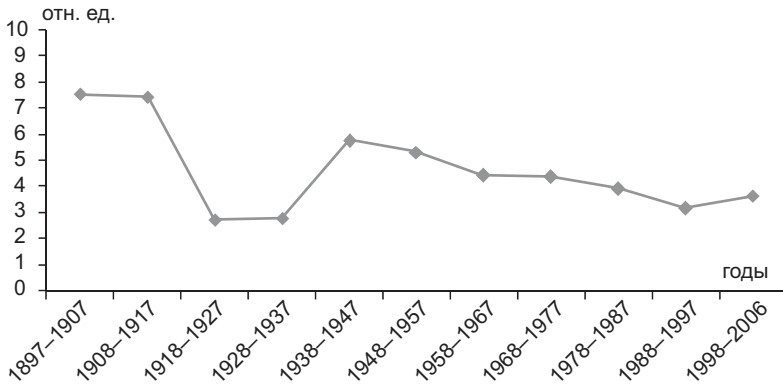

Рис. 1.5.61. Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в живописи

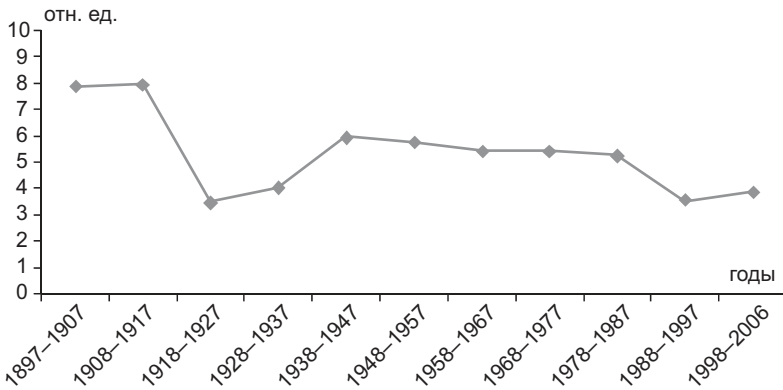

Рис. 1.5.62. Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в литературе

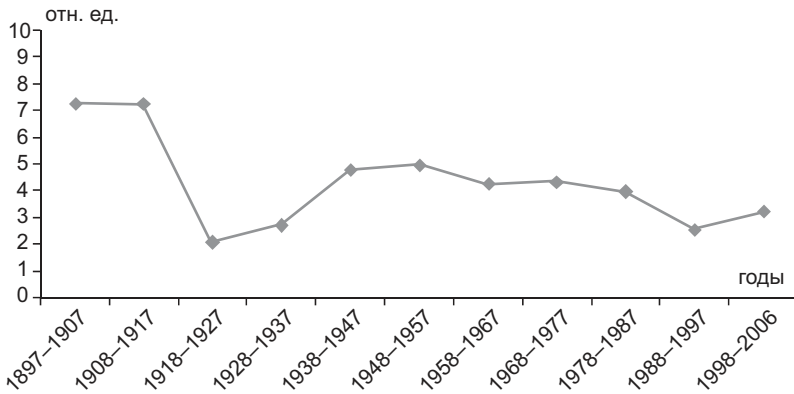

Рис. 1.5.63. Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в монументальном искусстве

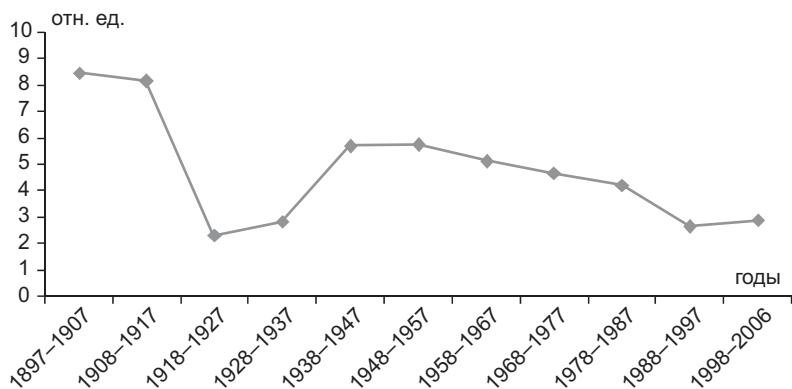

Рис. 1.5.64. Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в музыке

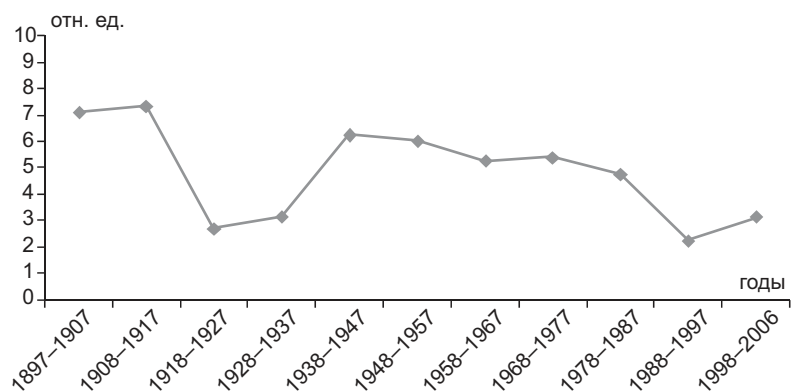

Рис. 1.5.65. Русская национальная ориентированность тематики и идейного содержания в театре и кинематографе

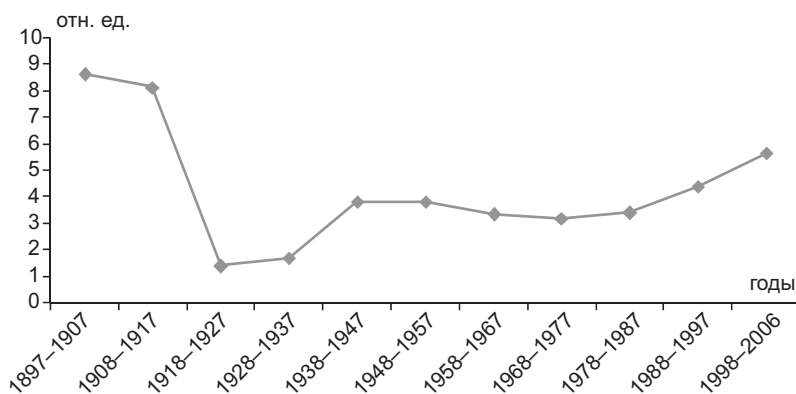

Рис. 1.5.66. Русские традиции в государственной символике

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

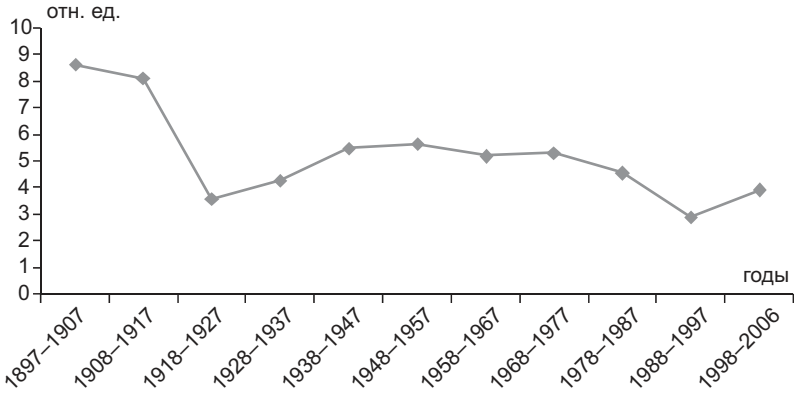

Рис. 1.5.67. Сохранение русских традиций, русского культурного наследия

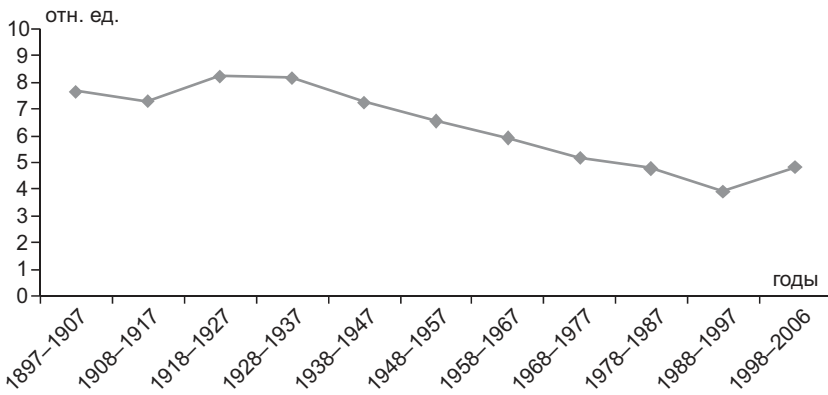

Рис. 1.5.68. Уровень самоидентификации русских в зарубежной диаспоре

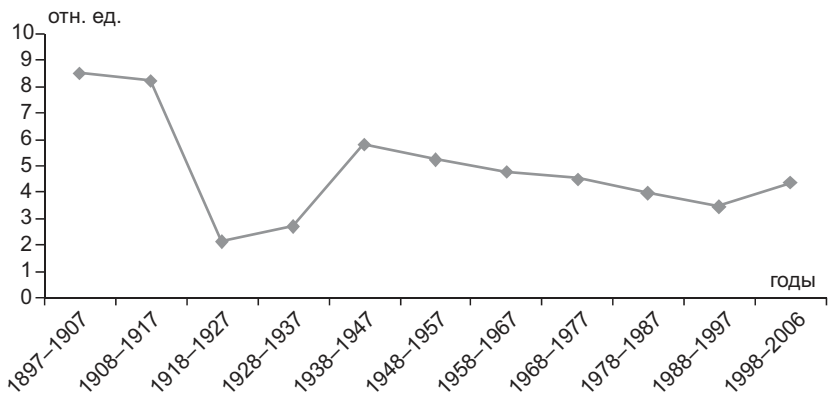

Рис. 1.5.69. Уровень самоидентификации русских во внешней политике

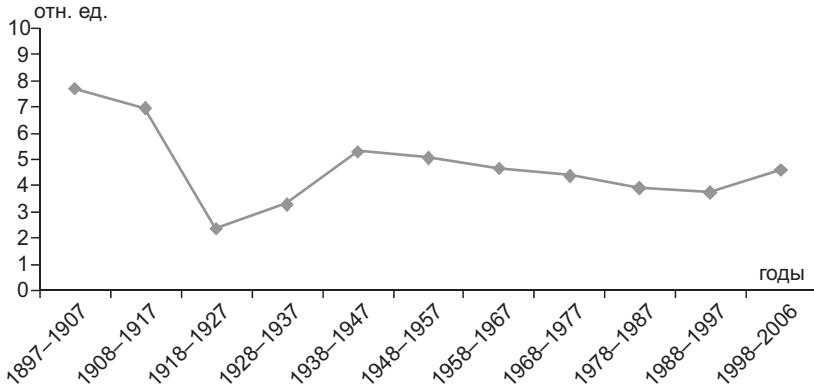

Рис. 1.5.70. Уровень самоидентификации русских во внутренней политике

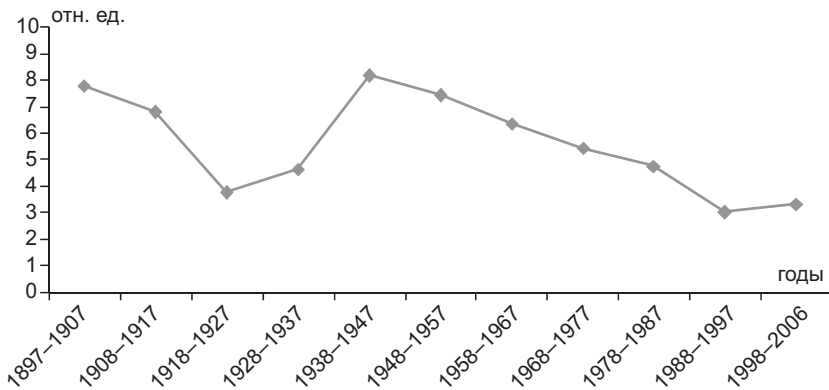

Рис. 1.5.71. Чувство национальной гордости у русского народа

Индикаторы идейно-духовного фактора (средние оценки экспертов)

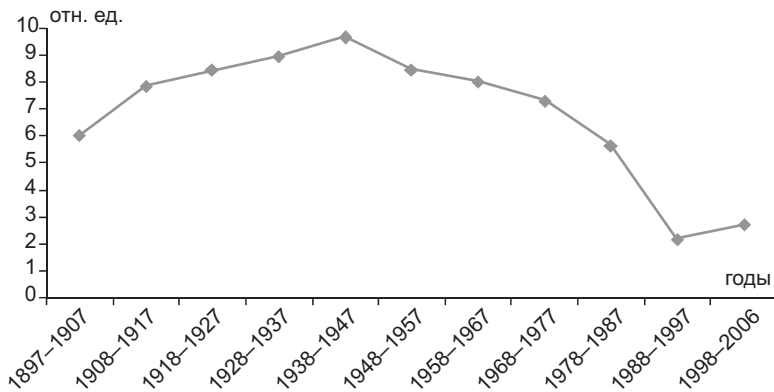

Рис. 1.5.72. Актуализация образа внешнего врага

1.5. Высшие ценности государства и их нормативное закрепление

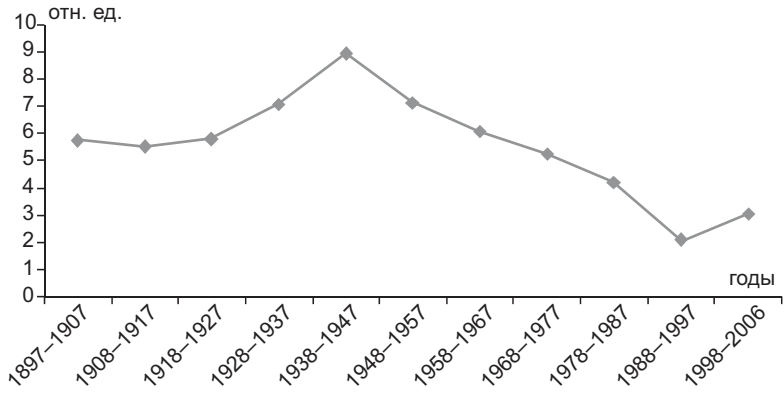

Рис. 1.5.73. Вера в национальных лидеров

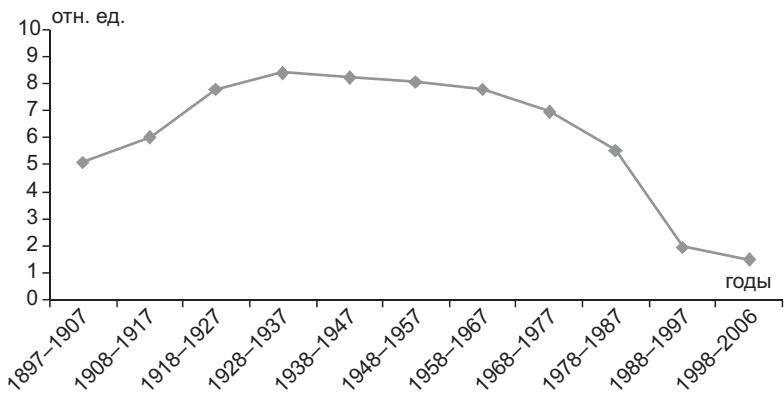

Рис. 1.5.74. Воспитательные функции в обществе — производственный коллектив

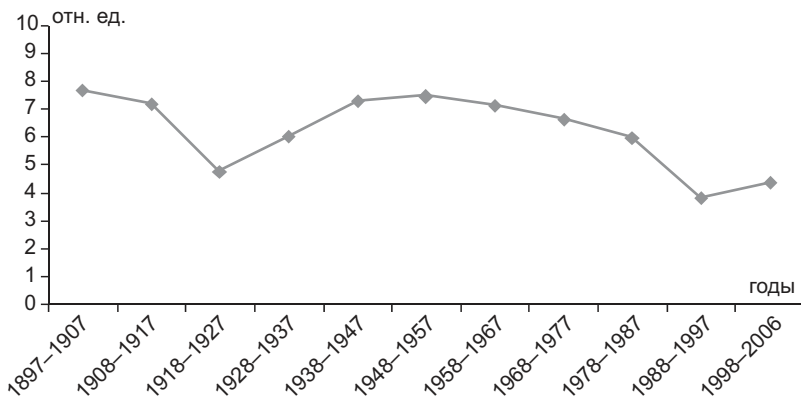

Рис. 1.5.75. Воспитательные функции в обществе — семья

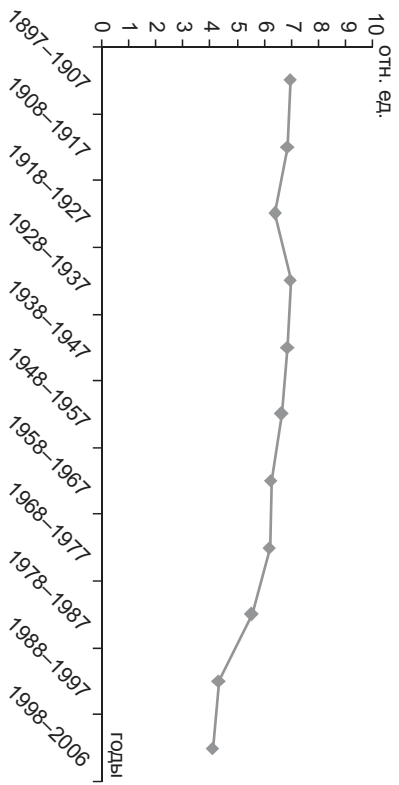

Рис. 1.5.76. Воспитательные функции в обществе — улица

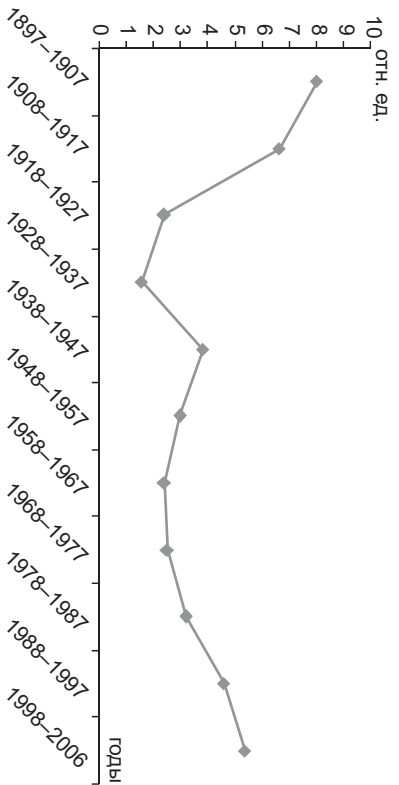

Рис. 1.5.77. Воспитательные функции в обществе — церковь

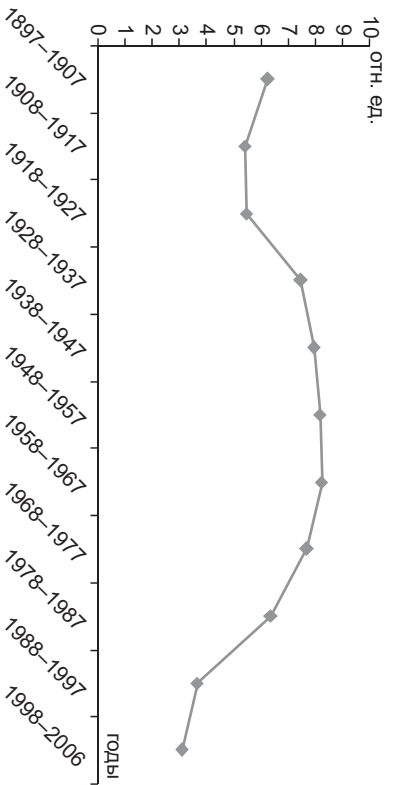

Рис. 1.5.78. Воспитательные функции в обществе — школа

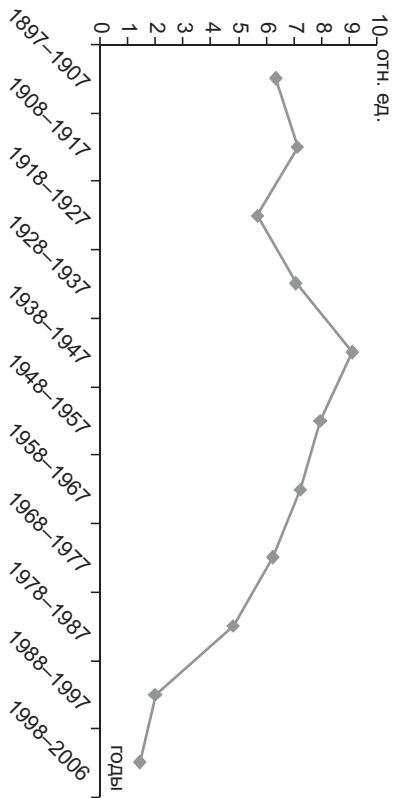

Рис. 1.5.79. Готовность и стремление народа к свершениям

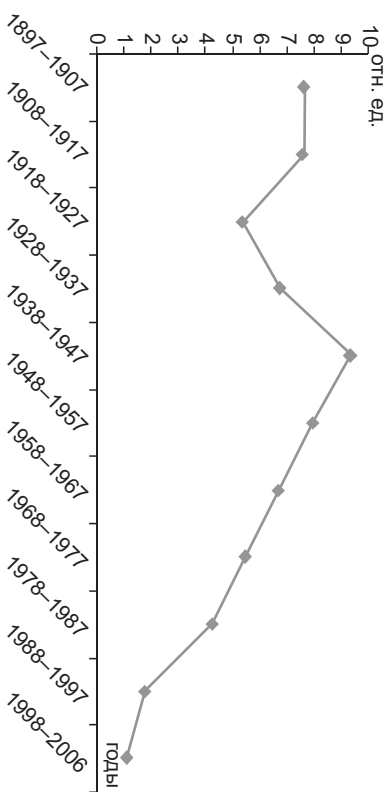

Рис. 1.5.80. Готовность к самопожертвованию

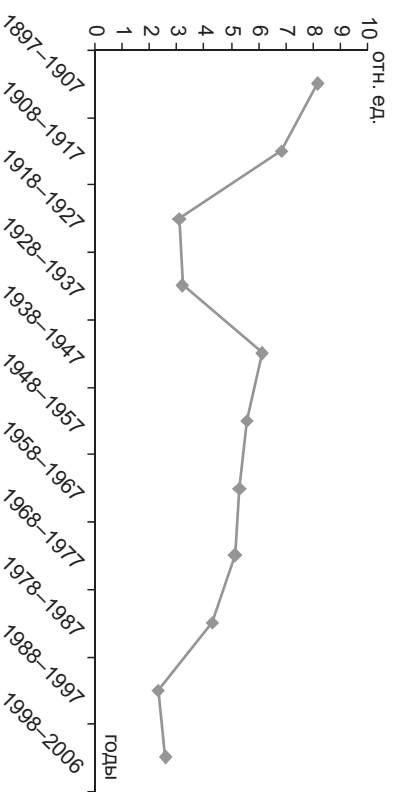

Рис. 1.5.81. Духовная преисправленность поколений

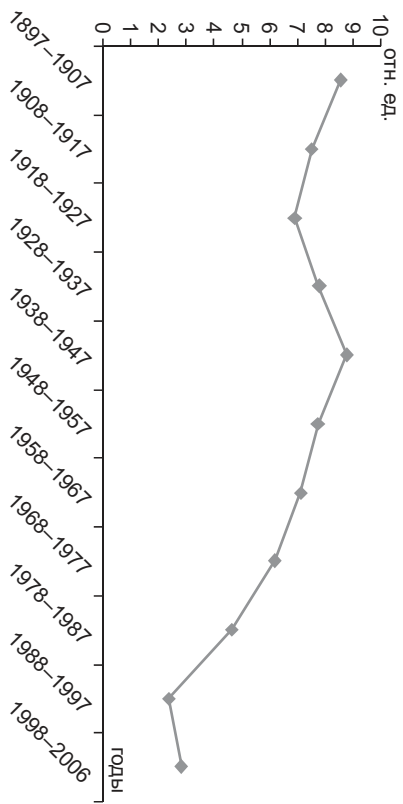

Рис. 1.5.82. Значимость (Ценность) труда

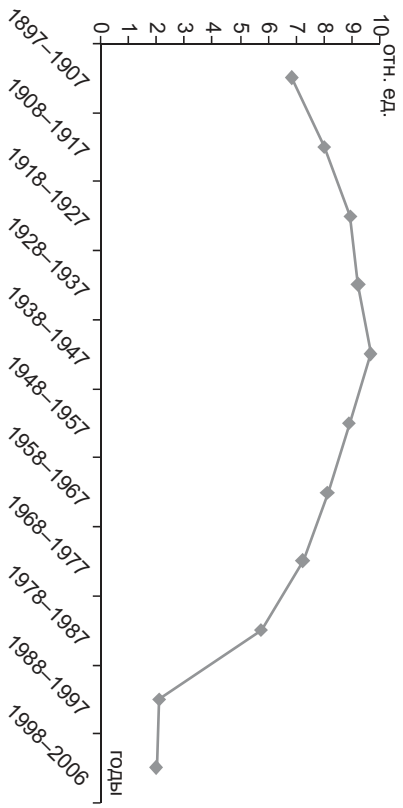

Рис. 1.5.83. Идеологический компонент в общественной жизни

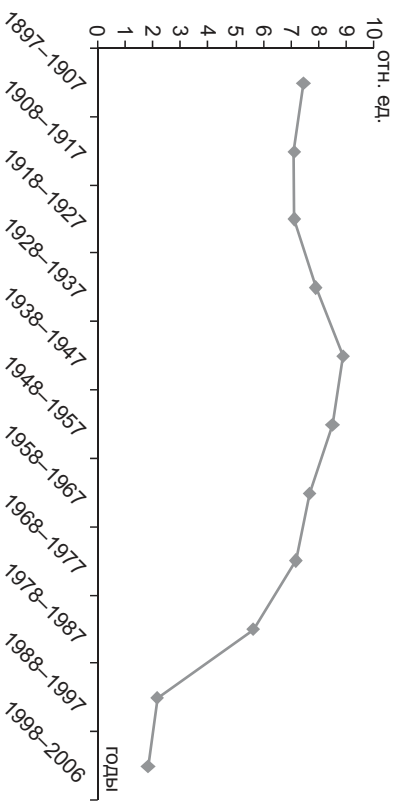

Рис. 1.5.84. Коллективизм

1.5. Выше ценности государства и их нормативное закрепление

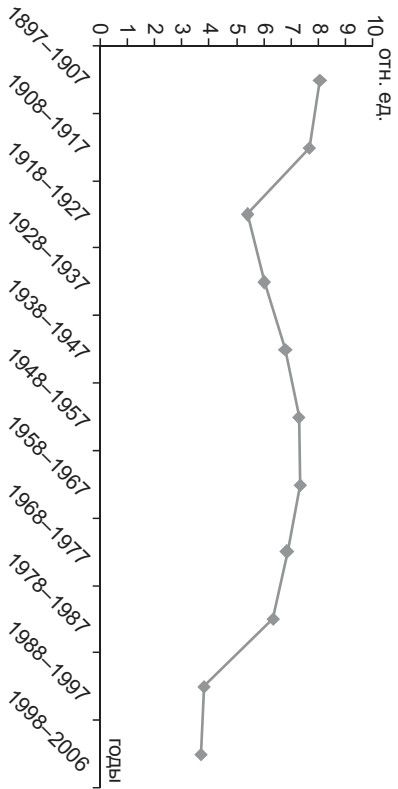

Рис. 1.5.85. Культурный потенциал

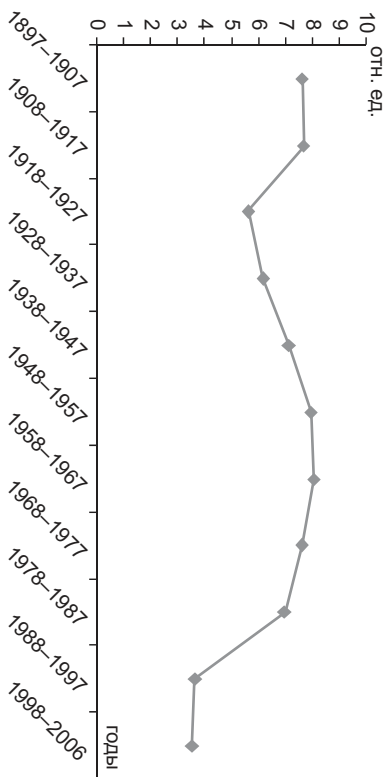

Рис. 1.5.86. Научный потенциал

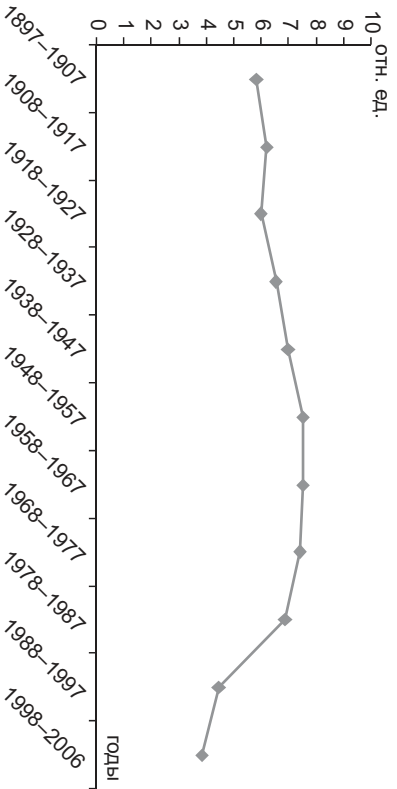

Рис. 1.5.87. Образовательный потенциал

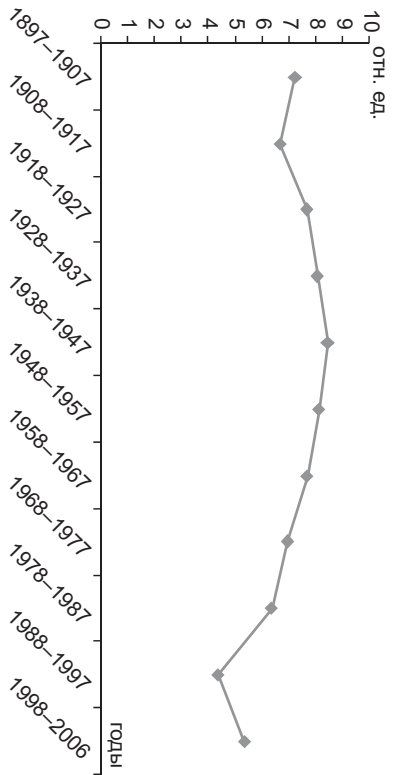

Рис. 1.5.88. Опора на собственные силы

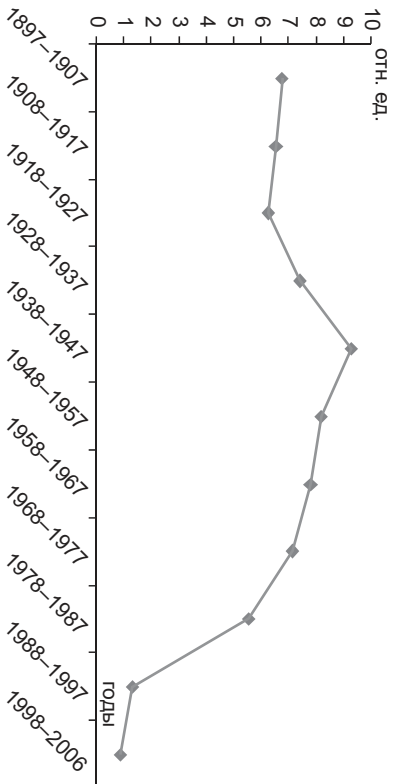

Рис. 1.5.89. Отношение к военной службе

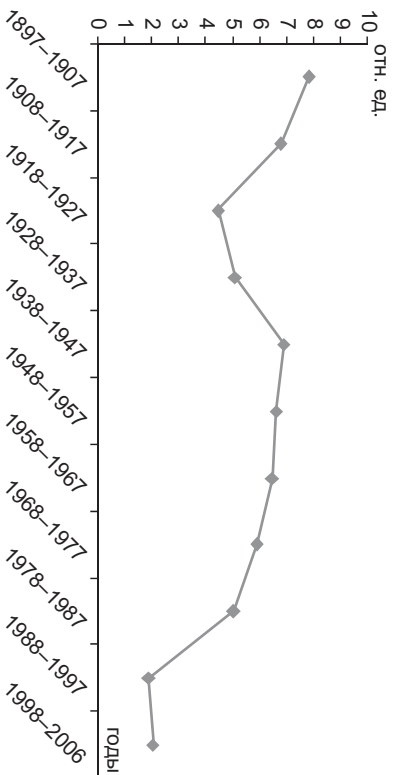

Рис. 1.5.90. Отношение к нравственности

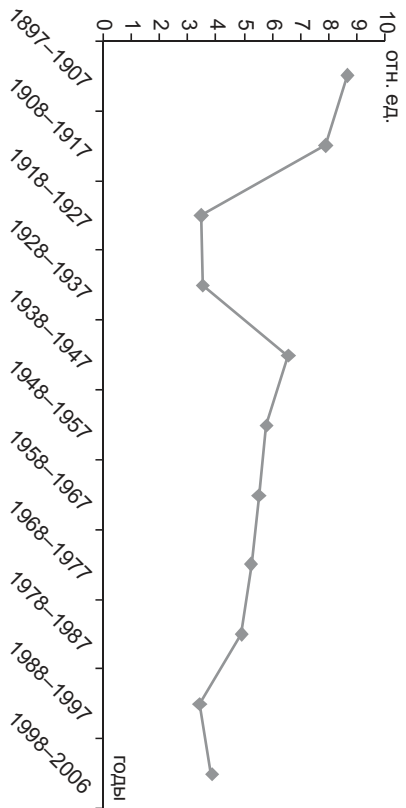

Рис. 1.5.91. Отношение к традициям

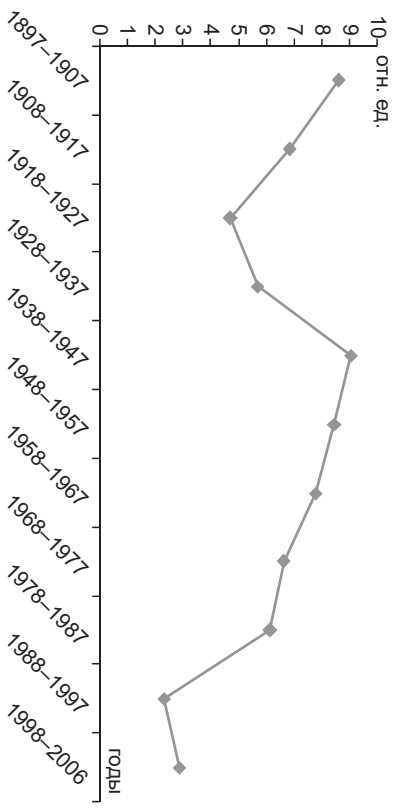

Рис. 1.5.92. Патриотизм

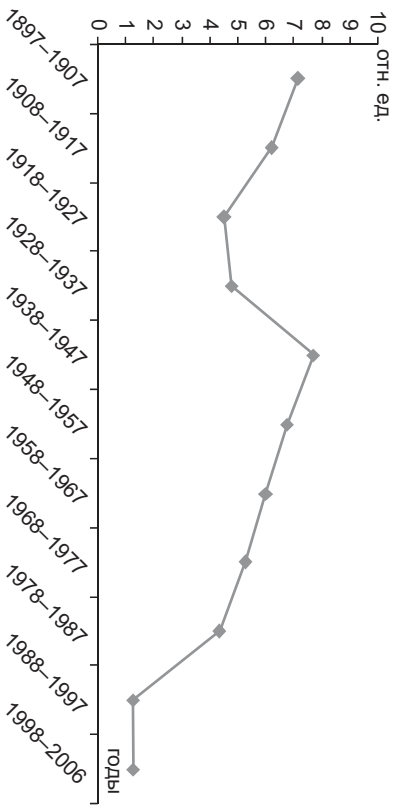

Рис. 1.5.93. Преобладание духовных факторов поведения над с материальными

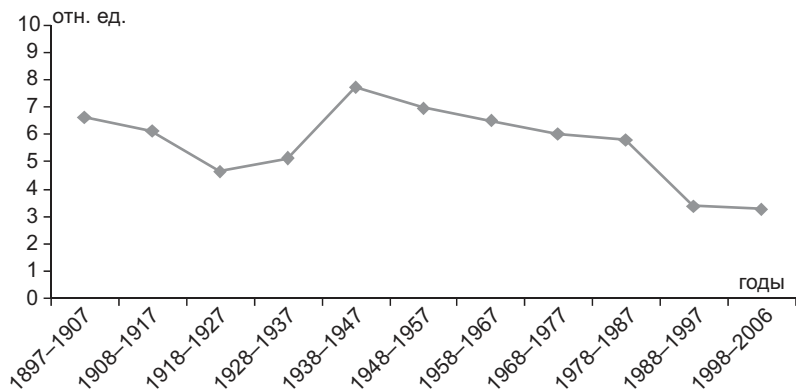

Рис. 1.5.94. Состояние духовного потенциала столиц (Москва / Санкт-Петербург)

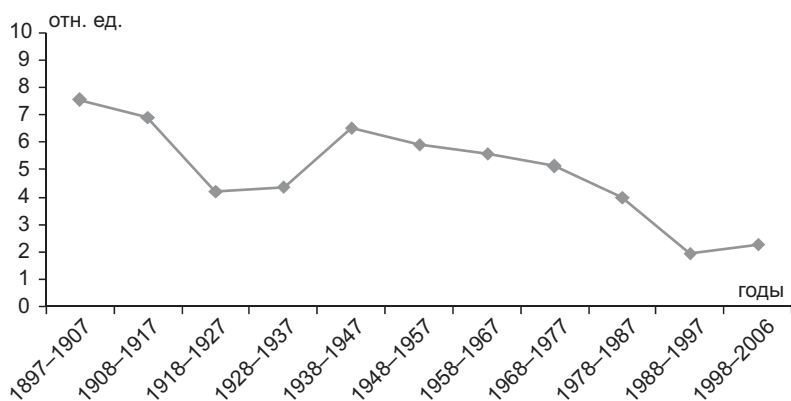

Рис. 1.5.95. Состояние духовного потенциала российских провинциальных городов

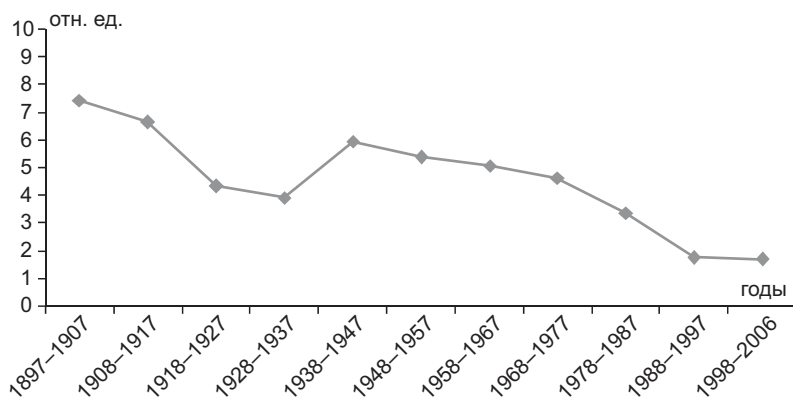

Рис. 1.5.96. Состояние духовного потенциала села

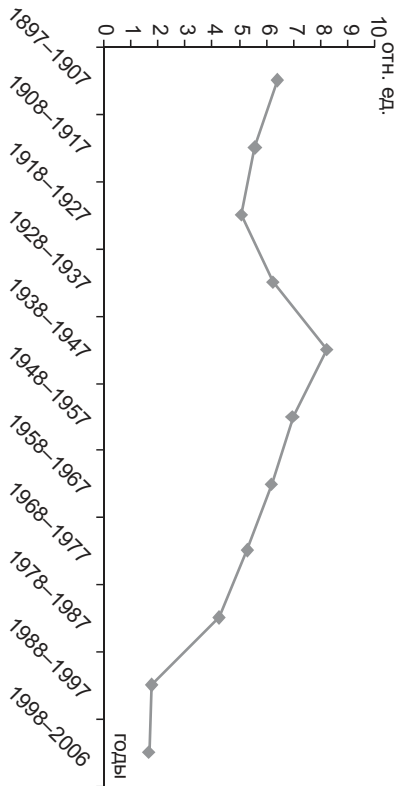

Рис. 1.5.97. Состояние пропагандируемых ценностей поведенческих образцов

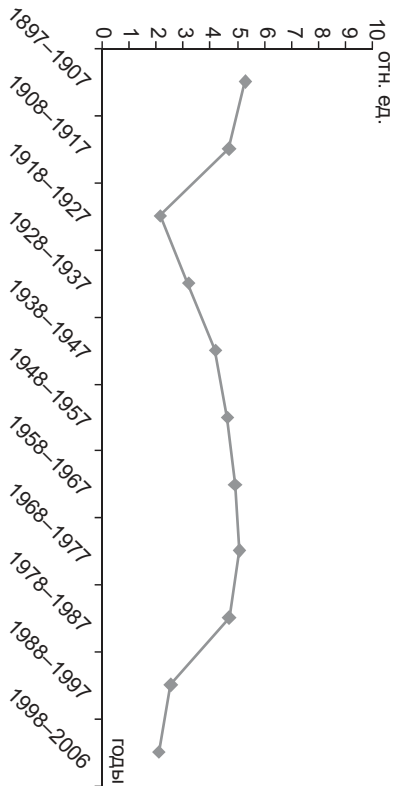

Рис. 1.5.98. Социальный гуманизм

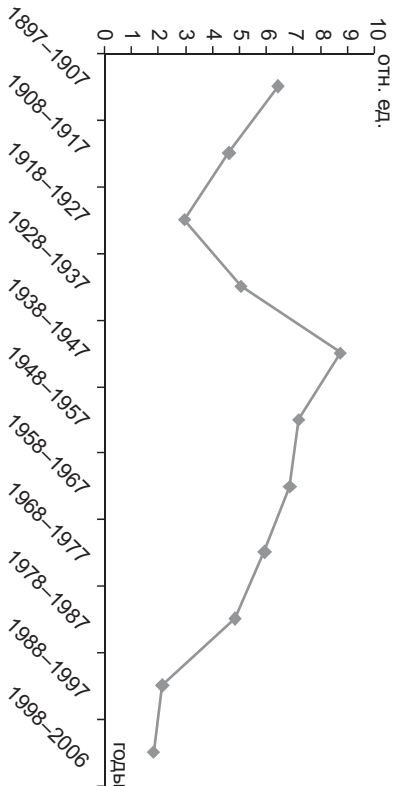

Рис. 1.5.99. Сплоченность народа

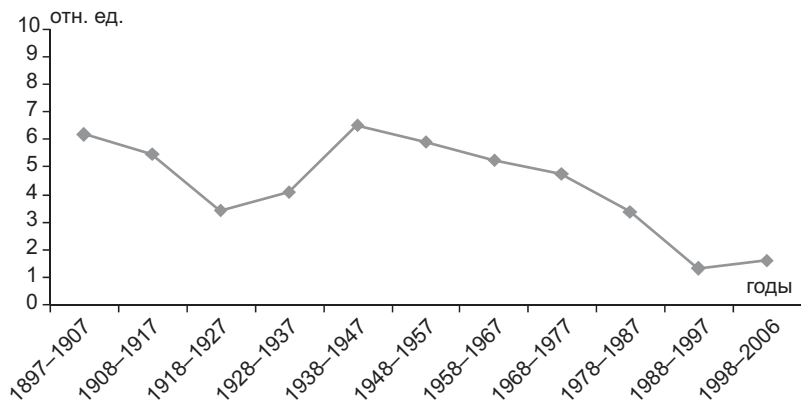

Рис. 1.5.100. Степень одухотворенности бытия

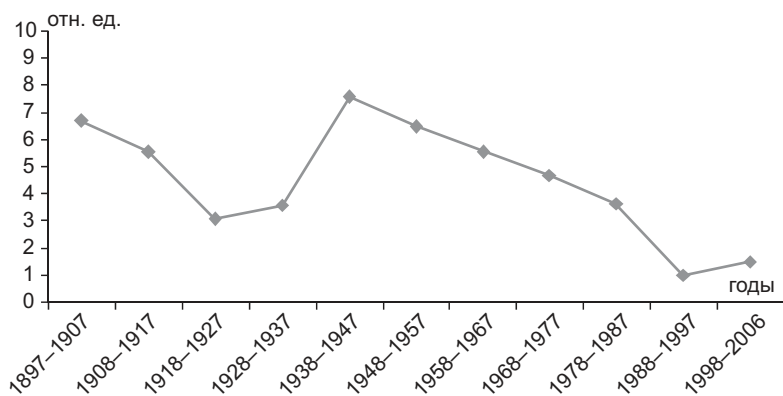

Рис. 1.5.101. Уровень значимости консолидирующей национальной идеи

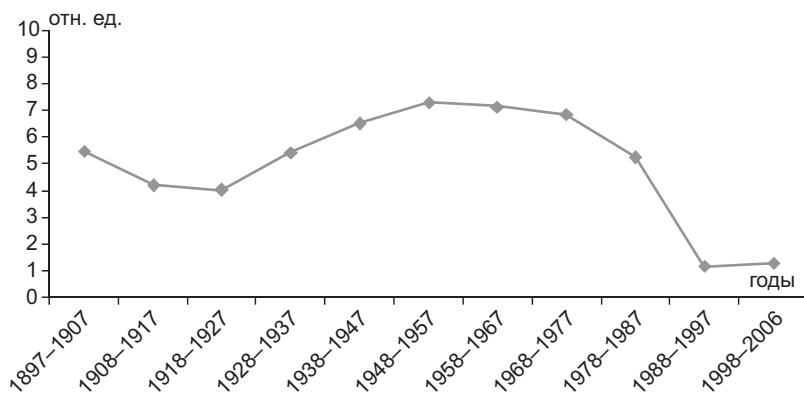

Рис. 1.5.102. Уровень значимости общих целей развития — уверенность в будущем

1.5. Выше ценности государства и их нормативное закрепление

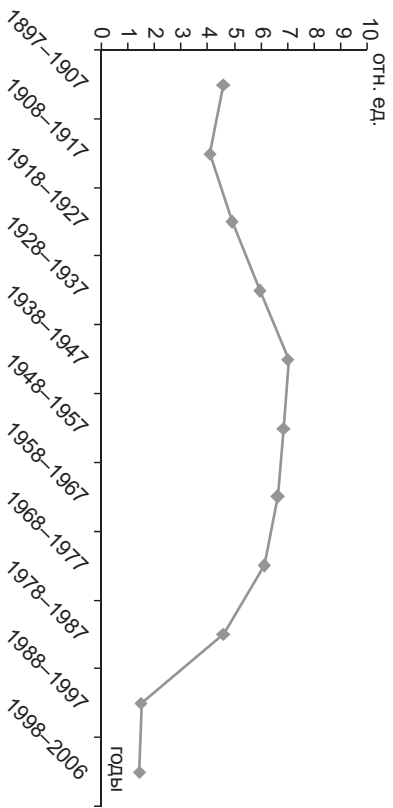

Рис. 1.5.103. Уровень межэтнической комплиментарности

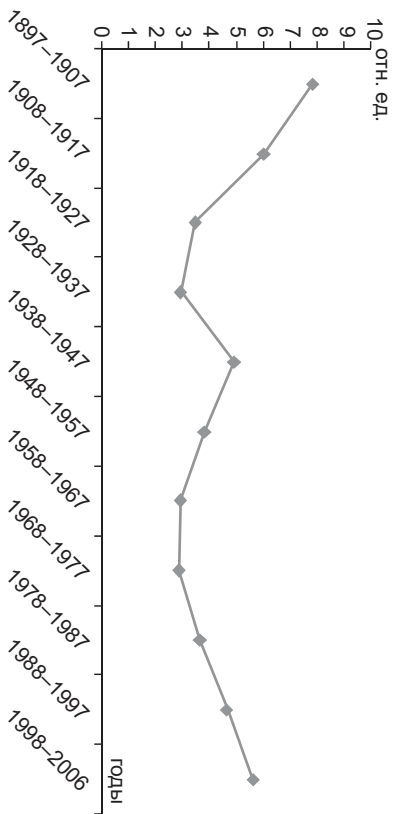

Рис. 1.5.104. Уровень религиозности

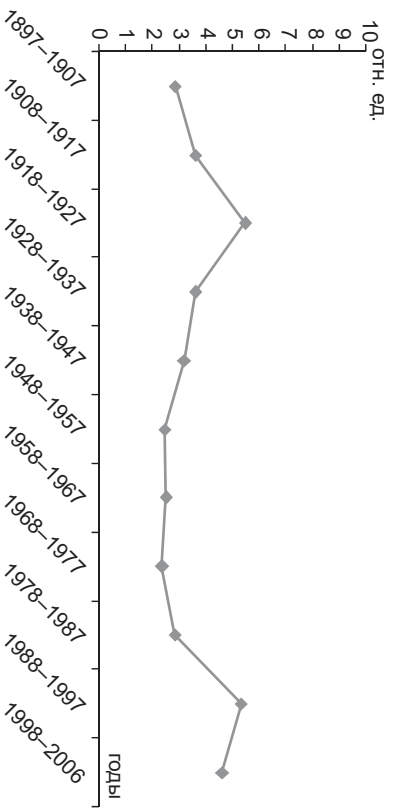

Рис. 1.5.105. Уровень суицидальности

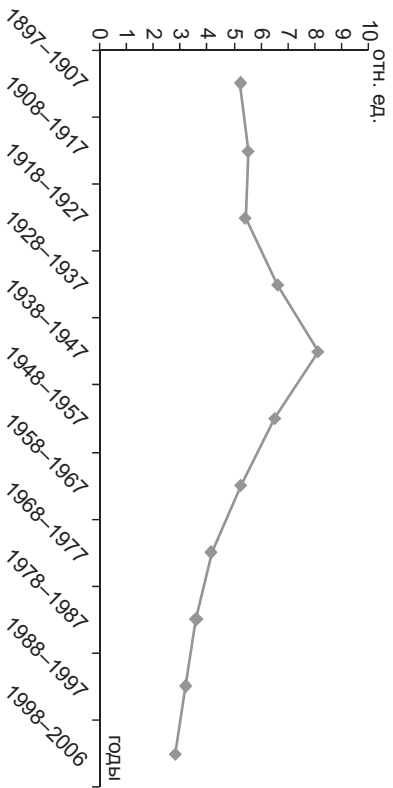

Рис. 1.5.106. Харизматичность национальных лидеров

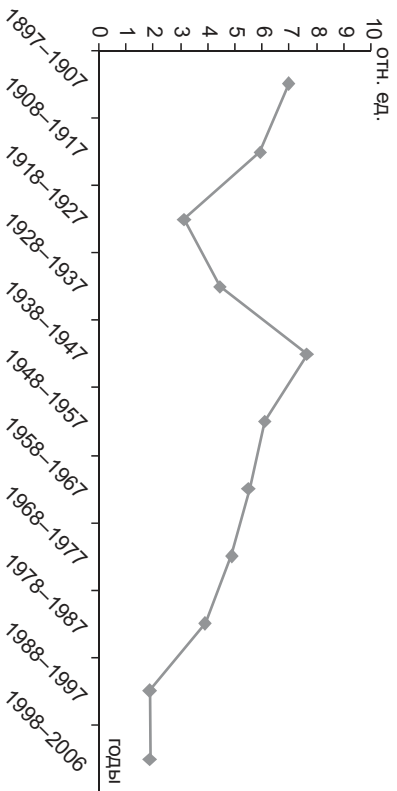

Рис. 1.5.107. Четкость представлений о добре и эле

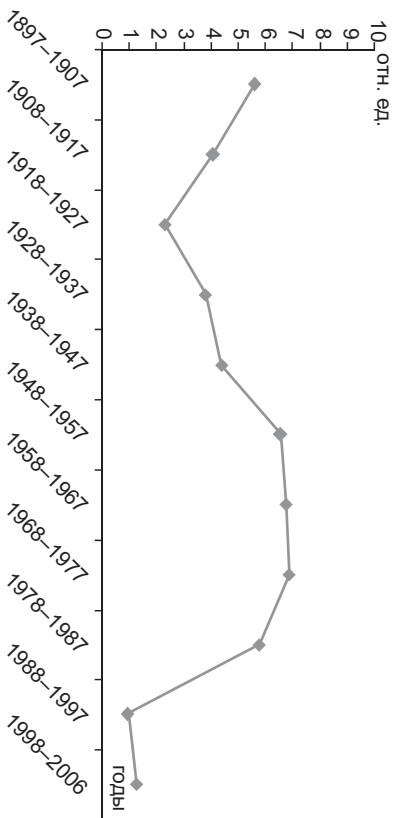

Рис. 1.5.108. Чувство зашпущенности в настоящем

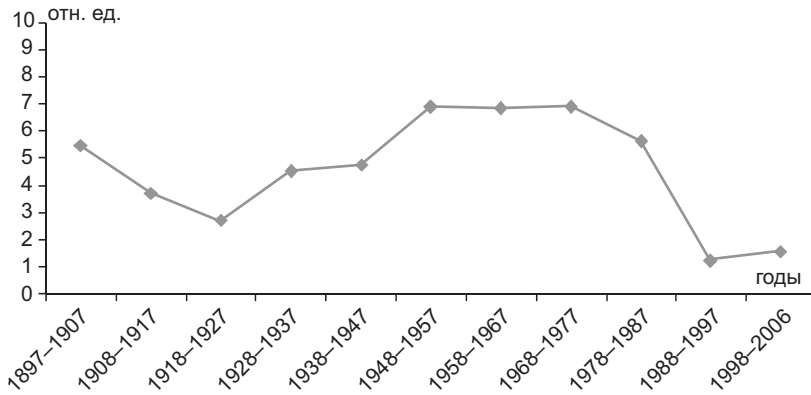

Рис. 1.5.109. Чувство уверенности в будущем своих детей

Факторы жизнеспособности могут действовать с задержкой по времени, которую можно установить методом корреляционного анализа с временным лагом.

Наибольшая корреляционная связь наблюдается в нулевой точке лаговой задержки для фактора государственного управления (рис. 1.5.110–1.5.111). Этот результат является по существу доказательством принципиальной управляемости со стороны государства развитием жизненных потенциалов страны. Характерно, что в поле управленческого воздействия находятся не только очевидные материальные активы и ресурсы, но и информационно-психологические параметры функционирования социума. Корреляционная связь между качеством государственного управления и коэффициентом жизнеспособности страны на уровне показателя 0,9 является весомым аргументом против неолиберальных теорий общественной саморегуляции (неуправляемость экономики, неуправляемость демографии, неуправляемость национальных и социальных процессов).

Возможно ли вести речь об управлении государством факторными потенциалами развития страны? Столкновение позиций государственнического и либерального подходов здесь общеизвестно. Весьма целесообразно при этом отстраиваться от любых вкусовых предпочтений.

Проверка возможностей факторного влияния государственного управления осуществлялась через его корреляцию с другими факторами развития социума. Обнаружилась высокая корреляционная связь качества государственного управления и развитости гуманитарных параметров. Факторное влияние, очевидно, имеет здесь взаимоопределяющий характер. С одной стороны, ментальные потенциалы народа определяются в значительной мере политикой государства. С другой стороны, от уровня идейно-духовного и национально-идентичного состояния общества зависит и процесс элитобразования (рис. 1.5.112).

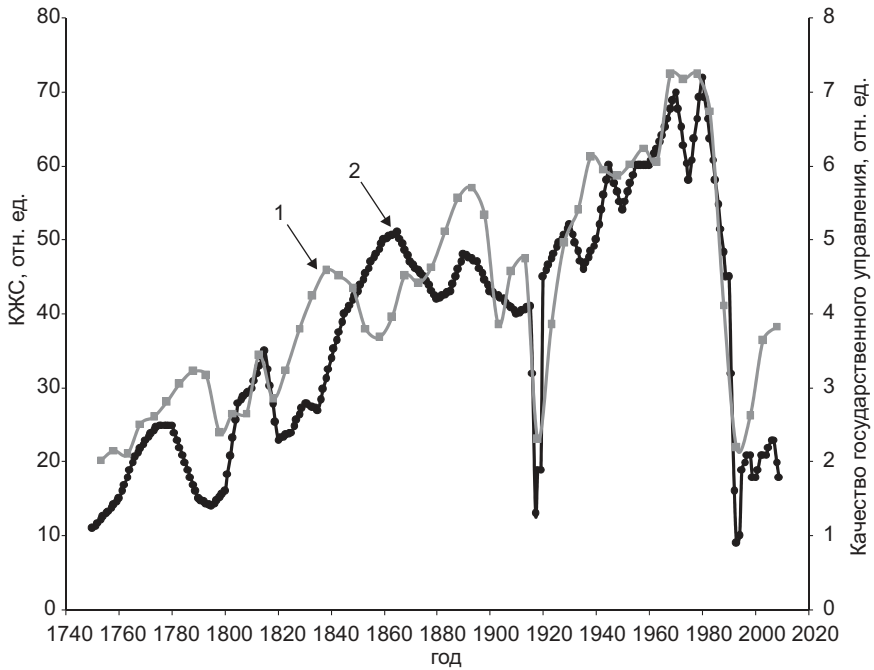

Рис. 1.5.110. Исторический ход рядов: качество государственного управления (1) и коэффициент жизнеспособности страны (2)

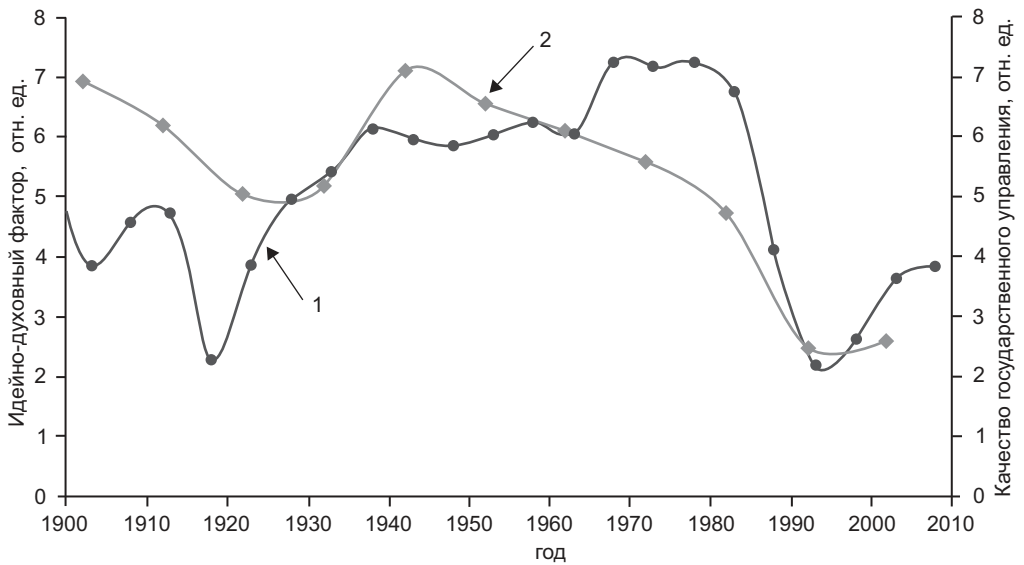

Рис. 1.5.111. Исторический ход рядов: качество государственного управления (1) и идейно-духовное состояние общества (2) (коэффициент корреляции $R = 0,65$)

Рис. 1.5.112. Исторический ход рядов: национальная идентичность (1) и качество государственного управления (2) (коэффициент корреляции $R = 0,83$)

Гуманитарные факторы оказываются даже более рефлексивными к управленческому воздействию, чем материальные. Государству легче добраться до сердца человека, чем изменить средовые условия его существования. Из всех механизмов государственного воздействия пропагандистский канал оказывается наиболее быстро — и сильнодейственным. Как показывает российский опыт начала 2000-х гг. (графически отражается некоторым подъемом), даже смены риторики политических лидеров иногда достаточно для изменения факторного состояния. Вопреки утвердившимся либеральным стереотипам, полученный вывод прямо доказывает необходимость для государства формирования политики государственного массового информационного воздействия (пропаганды как ценностного информационного предложения).

Если в краткосрочной временной перспективе сказывается прежде всего механизм пропаганды, то в долгосрочной — традиций и воспитания. Однако в современности, в противоречии с этим выводом, воспитательные задачи власти по отношению к обществу, исходя из гипертрофируемо трактуемой идеи прав личности, выведены из набора обязательных государственных функций.

Полученные результаты дают, тем не менее, основания для социального оптимизма. Не было выявлено ни одной из сфер жизни страны, которая бы не имела факторной связи с государственным управлением. Следовательно,

фатальной предопределенности нет. Каждый из идентифицированных факторов жизнеспособности может быть оптимизирован управленческим. Соответственно, возможность вывода России на уровень максимума ее жизнеспособности находится в руках самих россиян.

И в этом плане высшие ценности государства должны быть ясно и явно выписаны, зафиксированы в Конституции страны и должны быть целевым назначением государственного управления. Высшие ценности как факторы — это, как видно, не беллетристическая категория, а вполне управленческие параметры.

1.6. Программирующие документы стран мира и в истории России

В предыдущих разделах было показано, что необходимость и принципы оптимизации факторов жизнеспособности страны, входящие в сферу ответственности государства, именно по этой причине должны быть зафиксированы на высшем государственном документарном уровне. И действительно, высшие ценности страны, например, должны быть зафиксированы на уровне не ниже Конституции. Поэтому политико-юридический вопрос о закреплении в документах государства высокого уровня программирующих развитие страны обстоятельств приобретает системный характер.

В настоящем разделе рассмотрен содержательный опыт программирующих документов высокого уровня как отражение взаимоотношений политической власти и общества и инструмент государственного управления, способствующий повышению жизнеспособности страны. В результате его анализа может быть сформирован перечень основных требований, обеспечивающих необходимое качество выполнения органами власти своих полномочий в целях максимизации жизнеспособности страны. Настоящий раздел развивает описание верхней части пирамиды факторов государственной (публичной) власти, которая обсуждалась в разделе 1.4.

В действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует категория (дефиниция) программирующих документов. Для целей настоящей работы под программирующими документами понимаются документы, определяющие цели, задачи, средства, порядок действий для регулирования и развития определенной сферы общественных отношений и государственного управления на определенный срок и направленные на решение приоритетных задач развития общества и государства, оформленные, как правило, нормативными правовыми актами органов власти.

Общие вопросы государственного планирования и прогнозирования

Планирование как вид управленческой деятельности включает систематическое определение целей функционирования и развития государства, направлений и ресурсного обеспечения их достижения. Таким образом, в процессе планирования можно выделить следующие этапы:

- ценностный выбор и целеполагание на его основе;
- выявление проблемного поля, препятствующего достижению поставленных целей;
- подготовка управленческих решений и составление программы действий;

- определение ресурсной базы, необходимой для реализации принятых решений;
- доведение программы действий, ресурсного обеспечения и зон ответственности до непосредственных исполнителей.

Не менее важными являются примыкающие к процессу планирования вопросы реализации принятых программ и контроля результатов их исполнения. Системный процесс планирования позволяет обеспечить стратегический и оперативный процессы принятия решений, устанавливать четкие цели государственного развития и контролировать их достижение.

Результатом процесса планирования становится план (программа действий) как конкретная совокупность взаимосвязанных мероприятий, оперативных управленческих решений и их исполнителей, составленный на разный предметный и временной охват — общенациональный, региональный, отраслевой, долго-, средне-, краткосрочный и т. д. Итоговые документы (планы) могут носить как директивный (обязательный) характер, так и содержать мягкие индикативные ориентиры, зависящие от прогнозов экономической, политической, научно-технической и иных видов деятельности, внешних и внутренних средовых условий. Прогноз, как осмысление результатов предшествующих этапов управленческой деятельности и представление сценариев развития ситуации в будущем, должен предшествовать планированию. Именно процесс прогнозирования позволяет составить более приближенный к ситуации и исполнимый план действий, так как без этого условия процесс планирования вырождается в подготовку оторванных от реальной практики документов. И чем более отдалено от момента планирования целевое состояние объекта планирования при долгосрочном планировании, тем больше потребуются прогнозных индикаторов для оценки необходимых в виду сложности точного определения параметров внешней и внутренней среды, воздействующих на общество и общественные институты.

Долгосрочные планы и прогнозы можно подразделить на следующие виды: по содержанию (общественно-политические, социально-экономические, научно-технические, региональные, отраслевые); по цели разработки (индикативные, нормативные). По глубине планирования данные виды также различаются.

Если в сфере науки, техники и экономики нецелесообразно выходить за рамки 20–25-летнего цикла (динамика развития и появление новых факторов снижают точность прогнозов), то в социальной сфере и сфере территориального развития целевые ориентиры должны охватывать периоды в 40–60 лет². Чем ближе горизонт планирования, тем более определенным

---

² Комарек В., Ржига Л. Долгосрочное планирование и прогнозирование. Монография. М.: Экономика, 1973. С. 83–84.

является набор институтов и процессов, функционирующих в прогнозируемой сфере; и наоборот, чем длительнее временной период, тем больше вероятность появления новых факторов и структур социально-экономического развития. Но невозможность полного учета всех условий не должна вести к отказу от установления долгосрочных целей развития. Отсутствие плановых проектировок на долгосрочный период затрудняет принятие обоснованных и системных решений в отношении направления инвестиционных потоков, оптимальной схемы размещения производительных сил, управления внутренними миграционными потоками, проведения научных исследований и опытно-конструкторских работ.

Наличие долгосрочного планирования является также важным фактором глубокой проработки документов кратко- и среднесрочного планирования и повышения стабильности экономики и гражданского оборота в стране. Во многом дефицит «длинных денег» обусловлен изменчивостью экономической ситуации в стране, подпавшей не только под влияние внешнеэкономических конъюнктурных факторов, но и при отсутствии внутренних ориентиров развития. В стране необходимо развитие и практическое применение современных институтов индикативного и территориального планирования, активно используемых в странах Евросоюза, США, Японии, Китае, Индии и Бразилии. В России даже нет уполномоченного федерального органа, который увязывал бы три уровня планирования: общефедеральные и отраслевые стратегии правительства, региональные стратегии и инвестиционные планы крупнейших компаний.

В социально-экономической сфере современной России основными управленческими документами являются программы социально-экономического развития на среднесрочную перспективу и федеральный бюджет. Утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года³, хотя задача ее разработки ставилась еще в 1990-х гг. Программы социально-экономического развития на среднесрочную перспективу разрабатываются на три года, бюджет — на один и три года. Причем в условиях финансового кризиса на среднесрочное планирование был введен временный мораторий, и управленческое планирование вернулось к краткосрочному периоду управления, а концепция развития до 2020 г., по сути, так и остается на бумаге. Тем более что, в отличие от федерального закона о бюджете, это не просто подзаконный акт, но еще и акт ненормативный, т. е. не общеобязательный, поскольку Концепция утверждена всего лишь распоряжением Правительства Российской Федерации. Такого рода документы (как, например, Концепция промышленной политики на 1997–2000 годы) по факту никто и не собирается выполнять. Такой подход напоминает что-то вроде ритуала, но вовсе не управленческий процесс.

³ Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Российский опыт разработки программирующих документов

В России состояние программно-доктринального управления тесно связано с организацией государственной власти. В современной истории зарубежных стран управление более технологичное и обезличенное, в России же реформы и программирование развития напрямую привязаны к фигуре лидера, принимающего политические решения, реже — активного реформатора, имеющего поддержку лидера. В последние годы в российских программирующих документах возросло количество теневого целей, реконструируемых только из реальных действий власти.

На протяжении всей российской истории цели развития устанавливались в различных документах как юридического, так и чисто политического характера: в законах, постановлениях, статьях и выступлениях (речах), отражавших позицию государственных деятелей и представителей оппозиции. Весь объем данных документов гораздо шире, чем возможно проанализировать в рамках данного раздела, поэтому остановимся лишь на важнейших из них.

Исследование исторических документов допетровской России не имеет большого практического значения, так как многие документы той эпохи не содержали четко сформулированных доктринальных положений, подлежащих широкому распространению в обществе. Во многом эти документы носили характер размышлений и литературных произведений, и в виду невысокого уровня грамотности и малой распространенности такого рода литературы сложно говорить о том, что эти документы были рассчитаны на доведение до массового сознания. До XV в. трудно найти какой-то концепт, который мог бы быть позиционирован как отличная от христианской идеология, сплывающая общество и дающая вектор развития.

Возникнув в IX в., фактически половину своей истории русское протогосударство и государство находилось в «доидеологическом состоянии». Серьезные сомнения у историков существуют в отношении концепта «Москва — Третий Рим», так как ни один государственный документ не подтверждает его какой-либо официальный статус. Характерно, что в борьбу за византийское наследие Московская Русь так и не вступила⁴. Большинство текстовых памятников той эпохи отражают представления о желаемых форме и характере государственной власти, но во многом организация власти и направления развития государства выражались не в форме официальных документов, а являли собой свод обычных норм и некоторых приказов государя. Даже наиболее полные и системные документы того времени (Соборные уложения) сложно назвать доктринальными, так как списки с них были единичны и широкого распространения они не получали. Можно ска-

⁴ Багдасарян В.Э. Идеократия против вождизма. Статья // Российское государство в системе религиозных и светских ценностей. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: Научный эксперт, 2008. С. 78–81.

зять, что только развитие бюрократического аппарата стало основным проводником государственной идеологии на территории страны.

Пространные предисловия и комментарии законодательных актов эпохи Петра I нередко выступали в роли как раз таких программирующих документов, разъяснявших идеологию абсолютизма и задачи реформы, проводимой в соответствии с принимаемым документом⁵. Одной из попыток принятия документа, в общих чертах устанавливающего основные властные институты, были «Кондиции», подписанные Анной Иоанновной и ограничившие ее власть полномочиями Верховного тайного совета, состоявшего из восьми представителей знатнейших фамилий. Реальное отношение общества и монархии к такого рода документам становится понятным из его дальнейшей судьбы: по просьбе дворянского сословия «Кондиции» были разорваны императрицей. По сути, любой документ, формализующий отношения между монархом и различными властными институтами, воспринимался как ограничитель самодержавной власти, и верховной властью игнорировался. Но за этим документом последовали другие, уделявшие уже больше внимания если не вектору развития государства в целом, то хотя бы отдельным сословиям. «Жалованная грамота дворянству» и «Жалованная грамота городам» 1785 г. стали теми документами, которые на самом высоком уровне начали разрушать сложившийся строй «служилого государства» и освободили элиту российского общества от их обязанностей в отношении государства.

В XIX в. развитие общественно-политической и правовой мысли все более и более сосредотачивалось на вопросах поиска идеалов справедливого социального устройства и проектах перехода России к таким формам на основе ведущей роли дворянства в представительстве народных интересов.

Одним из программирующих документов, впоследствии воплощенных в практику государственного управления, была записка 1809 г. М.М. Сперанского «Введение к уложению государственных законов» — исследование «свойств и предметов государственных, коренных и органических законов». В том же году Александр I утвердил разработанное Сперанским «Положение о составе и управлении комиссии составления законов», где на долгосрочную перспективу были закреплены основные направления ее деятельности в виде Трудов Комиссии со следующими предметами. 1. Уложение Гражданское. 2. Уложение Уголовное. 3. Уложение Коммерческое. 4. Разные части к Государственной Экономии и к публичному праву принадлежащие. 5. Свод законов провинциальных для губерний Остзейских. 6. Свод законов таковых для губерний Малороссийских и Польских присоединенных.

1 января 1810 г. был объявлен Манифест о создании Государственного совета в качестве первого этапа реформ и органа, рассматривающего и утверждающего планы дальнейших преобразований, в соответствии

⁵ Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 11.

с которыми были реформированы система государственного управления, государственной службы и судов; положение крепостных; нормативно-правовая база. Однако не все из намеченного было доведено до конца. Под руководством Сперанского к 1830 г. было составлено «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах, в которое были включены пересмотренные законы, начиная с «Уложения» царя Алексея Михайловича (1649) и до конца царствования Александра I.

Основные направления развития российской государственной политики николаевского периода были отражены в императорском Манифесте 13 июля 1826 г., постулирующем превосходство православной и самодержавной модели власти в России по сравнению с Западом.

Идеология реформ Александра II нашла свое отражение в Манифесте об отмене крепостного права (1861 г.) и Положении о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшем из 17 законодательных актов.

Следующий этап, этап контрреформ, был подкреплен Высочайшим Манифестом о незыблемости самодержавия, провозглашенным 29 апреля 1881 г. императором Александром III. Основная идея была сформулирована в самом заголовке Манифеста — «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Удивительно, как современно для России звучит это название документа и сегодня!

Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» стал прообразом конституции и учредил парламент, распределивший ранее единоличное право монарха законодательствовать между ним и законодательным (представительным) органом — Государственной Думой. Но по сути смысл этих и других принятых после данного Манифеста актов был значительно изменен новым избирательным законодательством 1907 г.

Одним из первых советских программирующих развитие масштабных документов стал план ГОЭЛРО, разработанный на 10 и 15 лет и опиравшийся на исследования, проведенные еще в царской России. В декабре 1920 г. выработанный Государственной комиссией по электрификации России план был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов, через год его утвердил IX Всероссийский съезд Советов.

План был рассчитан на рост промышленности, транспорта, сельского хозяйства, территориальное развитие со стимулирующим этот рост опережающим развитием электроэнергетики. В рамках проекта было проведено экономическое районирование, выделен транспортно-энергетический каркас территории страны, сформированный с учетом близости источников сырья (в том числе энергетического), сложившегося территориального раз-

деления и специализации труда, а также удобного и хорошо организованного транспорта. Правительство СССР данным планом также предусмотрело стимулы для проявления инициативы со стороны частных субъектов в выполнении плана ГОЭЛРО. Те, кто занимался электрификацией, могли рассчитывать на налоговые льготы и кредиты от государства. План по ряду показателей к 1931 г. был перевыполнен (табл. 1.6.1).

Таблица 1.6.1

Выполнение плана ГОЭЛРО⁶

Показатель	1913 г.	1920 г.	План ГОЭЛРО	1930 г.	1935 г.	Год выполнения плана ГОЭЛРО
Валовая продукция промышленности (1913 г. за единицу)	1	0,14	1,8–2,0	2,5	5,8	1929–1930
Мощность районных электростанций (млн кВт)	0,2	0,25	1,75	1,4	4,1	1931
Производство электроэнергии (млрд кВт.ч.)	2,0	0,5	2,8	8,4	28,3	1931
Уголь (млн т)	29,2	8,7	62,3	47,8	109,8	1932
Нефть (млн т)	10,3	3,9	16,4	18,5	25,2	1929–1930
Торф (млн т)	1,7	1,4	18,4	8,1	18,5	1934
Железная руда (млн т)	9,2	0,16	19,6	13,7	26,3	1934
Чугун (млн т)	4,2	0,12	9,2	5,0	12,5	1934
Сталь (млн т)	4,3	0,19	6,5	5,8	12,6	1933
Бумага (тыс. т)	269,2	30,3	683,5	435,3	648,8	1936

Уже в июне 1921 г. Комиссия ГОЭЛРО была упразднена и на ее основе создана Государственная общеплановая комиссия (Госплан). Изначально Госплан СССР играл консультативную роль, координируя планы союзных республик и вырабатывая общий план, но уже с 1925 г. он начал формировать годовые планы развития народного хозяйства СССР, ставшие с 1928 г. главной формой перспективного планирования⁷.

Предметом государственных перспективных планов развития народного хозяйства являлось:

- установление основных пропорций в отраслях экономики;
- рациональное размещение производства и комплексное развитие территорий;
- проведение единой государственной политики в области научно-технического развития, капитальных вложений, оплаты труда, ценового регулирования, финансов и кредита;

⁶ ГОЭЛРО. Статья // <<http://ru.wikipedia.org/wiki/>>.

⁷ Васильев Ю.Н. Прогнозирование и перспективное планирование в промышленности. Монография. Л.: Лениздат, 1973. С. 123.

- обеспечение эффективного использования производственных фондов, материальных и природных ресурсов и человеческого капитала;
- решение основных экономических, научно-технических и социальных проблем.

Пятилетние народнохозяйственные планы СССР опубликовывались президиумом Госплана после обсуждения на съездах плановых органов и в Правительстве. Основные части плана утверждались Правительством в качестве программы хозяйственного строительства на соответствующее пятилетие⁸. По методологии построения гибкость и маневренность плану должна была обеспечить его подготовка в двух вариантах — оптимальном и отправном (программа-минимум), отличающимся в среднем на 20% по показателям, т. е. примерно на годовой срок развития⁹.

Структура плана включала в себя общую оценку народнохозяйственного уровня СССР, отдельные ключевые проблемы, строительную и производственную программы, социальные проблемы, проблемы распределения, труда и культуры, региональный разрез плана.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» разработка научно-технических прогнозов по важнейшим проблемам развития народного хозяйства была возложена на Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Госплан СССР, Академию наук СССР и Госстрой СССР совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами и советами министров союзных республик. На основании этого Постановления организации, ответственные за научно-техническое прогнозирование в стране, разработали порядок составления прогнозов и основные требования, предъявляемые к ним.

Указывалось, что в прогнозах должны содержаться конкретные рекомендации о наиболее рациональных путях достижения поставленных задач и соответствующих мероприятиях.

Эти рекомендации должны были также включать требования к отраслям и предприятиям-смежникам, принимающим участие в выпуске продукции данной отрасли, или к отраслям-потребителям.

Разработкой прогнозов по фундаментальным направлениям науки руководила Академия наук СССР, а прогнозов, носящих прикладной характер, — Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике. Прогнозирование проблем народонаселения было возложено на Центральное статистическое управление СССР и Главный вычислительный центр Госплана СССР.

---

⁸ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР на период 1928/29–1932/33 гг. Монография. В 3 т. Т. 1. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 5.

⁹ Там же. С. 11–12.

Основы к такому подходу в планировании были заложены в советских конституциях. Так, Конституцией СССР от 5 декабря 1936 г. в статье 11 устанавливалось, что хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

Вообще в качестве основополагающего документа, программирующего государственное строительство и развитие, конституцию (основной закон) страны следует назвать в первую очередь. Данный документ в той или иной степени подробно закрепляет основные принципы состояния государственного строительства, основные ценности и идеи нации и вектор развития. Такую роль могут выполнять и другие виды правовых актов и политических документов, среди которых можно назвать документы правящей партии.

Например, Программа РСДРП до Октябрьской революции состояла из двух частей — программы-минимум и программы-максимум¹⁰, содержащих требования в условиях существования капиталистического строя и отдельно — при самостоятельном осуществлении власти. Поскольку впоследствии компартия завоевала политическую власть и необходимость программы действий в условиях «враждебного буржуазно-помещичьего строя» отпала, то появилась единая программа¹¹ — программа коммунистического строительства.

Этот документ определил основные направления преобразований России после прихода партии к власти и перечислил первоочередные шаги по достижению поставленных в Программе задач. Программа, принятая на VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г., ставила две основные задачи: развитие производительных сил (производственный коммунизм) и сохранение и развитие основной производительной силы — рабочего класса. Программа являлась описанием тех мер, которые уже предприняты или предпринимаются, и общей программы на будущее. Структура документа строится по сферам жизнедеятельности страны и включает: общеполитическую сферу, область национальных отношений, военную, судебную области, народное просвещение, религиозные отношения, экономику, сельское хозяйство, область распределения, денежного и банковского дела, финансов, жилищные вопросы, охрану труда и социальное обеспечение, охрану народного здоровья.

¹⁰ Программа и Устав Российской социал-демократической рабочей партии 1903 г. с поправками, принятыми на объединительном съезде в Стокгольме в 1906 г. СПб.: Жизнь и знание, 1906.

¹¹ Программа и Устав Российской коммунистической партии (большевиков). Москва: Госиздат, 1919. С. 20–21.

Принимая первую программу на II съезде в 1903 г., большевистская партия призывала к установлению диктатуры пролетариата. После революций февраля и октября 1917 г. началось строительство нового государства. Первая Программа партии была выполнена. Принимая вторую Программу на VIII съезде в 1919 г., партия выдвинула задачу построения социалистического общества. В 1961 г. вторая Программа партии была также признана выполненной¹², и поставлена задача третьей Программы — построение коммунистического общества. Третья Программа была разделена на две части — программу перехода к целевому состоянию общества (коммунизму) к 1980 г. и задачи Коммунистической партии по строительству коммунистического общества, а также включала текст Морального кодекса строителя коммунизма — свода принципов коммунистической морали, но до конца эта Программа реализована не была.

На выполнение программ партии и были направлены уже упоминавшиеся пятилетние планы. В общем виде система документов, планирующих общесоюзное развитие в послевоенный период, выглядела следующим образом. Программа партии ставила основные задачи (целевое состояние общества), которые поэтапно находили отражение в основных направлениях развития народного хозяйства СССР на пятилетний период, утверждаемых съездами партии, и более детально закреплялись в пятилетних планах развития народного хозяйства СССР и ежегодных государственных планах развития народного хозяйства СССР, принимавшихся в форме закона и составляемых по отраслям (министерствам и ведомствам СССР) и союзным республикам. Далее реализация планов развития обеспечивалась посредством составления предприятиями, производственными объединениями и организациями собственных планов и их исполнением. С учетом того, что сектор государственной экономики доминировал, такие планы для предприятий выступали в качестве обязательных и их выполнение контролировалось и являлось существенным критерием оценки эффективности работы предприятия.

Так, например, десятый пятилетний план на 1976–1980 гг. определил следующие параметры пятилетки:

- 1) задача: последовательное осуществление курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства;

¹² Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XXII съездом КПСС). М.: Правда, 1961. С. 4–5.

- 2) девиз: пятилетка эффективности и качества¹³;
- 3) основные направления развития: промышленность (производство электроэнергии, добыча нефти и газового конденсата, добыча газа и угля, черная и цветная металлургия, развитие химической и нефтехимической промышленности, машиностроение и металлообработка, геологоразведочные работы, выпуск товаров народного потребления), сельское хозяйство, транспорт и связь, капитальное строительство, размещение производительных сил и развитие внешнеэкономических связей СССР.

Закон о Государственном пятилетнем плане, помимо одобрения плана развития народного хозяйства, утвердил основные показатели развития народного хозяйства, здравоохранения и образования, повышения материального и культурного уровня жизни на каждый год планового периода, а также важнейшие показатели плана по союзным республикам (промышленность, сельскохозяйственная продукция, товарооборот).

Зарубежный опыт программирования и прогнозирования

В зарубежных странах особый интерес к планированию и прогнозированию, особенно экономических процессов, стал проявляться в начале 1930-х гг. под воздействием мирового экономического кризиса. Первые примеры планирования затрагивали в основном финансово-бюджетную и денежно-кредитную сферы. Новый импульс система планирования получила в послевоенные годы в комплексе мер по демилитаризации экономик и восстановлению народного хозяйства.

Так, во Франции уже в 1946 г. начинается разработка общегосударственных планов и создается Генеральный комиссариат планирования. В следующем году уже был принят первый четырехлетний индикативный план. Послевоенная экономическая политика Франции столкнулась с необходимостью восстановления и ускорения темпов роста, что потребовало разработки активной долгосрочной стратегии. Значительный государственный сектор экономики и ограниченность капиталов национальных предприятий стали основными предпосылками для еще большего усиления государственного вмешательства в экономику. В конце 1940-х гг. социологической школой и Институтом прикладных экономических наук (Ф. Перру) была разработана теория «государственного дирижизма», ставшая основой для государственного управления экономикой и для практики индикативного планирования. Базовые принципы этой концепции — избирательность политики государства и «привилегированные точки применения силы», выбор локомотивных

¹³ Байбаков Н.К. О Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы и о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1977 год. Монография. М.: Политиздат, 1976. С. 6.

отраслей экономики, снижение уровня социальной напряженности в обществе¹⁴. Первый пятилетний план Франции (1947–1952 гг.) в качестве ключевых отметил следующие отрасли экономики: угольную промышленность, энергетику, черную металлургию, производство цемента, сельскохозяйственное машиностроение, внутренний транспорт. В 1970-х гг. наметился отход от такой политики, связанный с интеграционными процессами в рамках ЕЭС и усилением позиций крупных корпораций. Тем не менее, экономические программы развития отдельных отраслей получили широкое закрепление в VI-м и особенно в VIII-м плане экономического и социального развития, одобренном Парламентом в 1979 г. Процесс подготовки планирующего документа был разделен на два этапа: составление схемы основных направлений и создание непосредственно плана. Так, например, VI план экономического и социального развития Франции¹⁵ состоял из двух частей: общего доклада «Общие цели и приоритетные меры для выполнения Плана VI» и приложения к общему докладу, в котором представлены детальные программы деятельности по следующим конкретным проблемам и областям:

А. Общие программы

А0. Макроэкономические перспективы, связанные с докладом по Плану VI

А1. Содействие развитию экспорта

А2. Цены и конкуренция

А3. Занятость

А4. Профессиональное обучение

А5. Экономическая и социальная информация

А6. Сотрудничество с развивающимися странами

А7. Финансирование оснащения коммунального хозяйства и целевых программ

А8. Местное финансирование

А9. Государственное налогообложение

А10. Сбережения и финансирование инвестиций

А11. Выполнение Плана

В. Отраслевые программы

В1. Сельское хозяйство

В2. Морское рыболовство

В3. Агропромышленный комплекс

В4. Энергетика

В5. Промышленность

В6. Ремесленное и кустарное производство

¹⁴ Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории. Монография. М.: РОССПЭН, 2000. С. 202–204.

¹⁵ Драганов В.Г., Филиппов В.А. Опыт использования индикативного планирования. План VI экономического и социального развития Франции. Монография. М.: КомКнига, 2006.

- V7. Торговля и реклама
- V8. Туризм
- V9. Транспорт
- V10. Средства связи
- C. Программы, касающиеся общественной деятельности
  - C1. Образование
  - C2. Научные исследования
  - C3. Культурное развитие
  - C4. Спортивная и общественно-воспитательная деятельность
  - C5. Окружающая среда
  - C6. Вода
  - C7. Развитие городской среды
  - C8. Развитие села
  - C9. Жилье
  - C10. Социальная политика
  - C11. Пожилые люди
  - C12. Люди с ограниченными возможностями и неприспособленные к жизни в обществе
  - C13. Здравоохранение
  - C14. Семейная политика
  - C15. Социальные выплаты
- D. Программы развития зарубежных территорий и департаментов
  - D1. Зарубежные департаменты
  - D2. Зарубежные территории.

Каждая из программ содержит основные показатели состояния на начало и к окончанию планового периода и конкретные меры, осуществляемые в плановом периоде.

Десятилетием позже пятилетние планы стали рассматриваться в основном в качестве рекомендованных параметров развития, а в 1993 г. Франция отказалась от утверждения таких планов и перешла к практике выработки концептуальных подходов к определению и решению актуальных хозяйственных и социальных проблем, согласованных политической элитой, и разработке национальных стратегий социально-экономического развития на десятилетний период¹⁶. Сохраняется и направление регионального планирования, основанное на законодательно закрепленном разделении страны на 22 экономических района со своими специальными региональными комитетами экономического развития, сформированными из представителей местных и центральных органов исполнительной власти, предпринимателей, экономистов и других специалистов по экологии, территориальному развитию и другим наукам. При этом каждый разрабатываемый региональ-

¹⁶ Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец В.И. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. Монография. М.: Экономика, 2008. С. 461–462.

ный план проходит апробацию в центральном Межведомственном комитете по обустройству национальной территории.

В 1970-х гг. была проведена также реформа системы расходования бюджетных средств. Процедура рационализации бюджетного выбора была заимствована и адаптирована из опыта США и позволила более гибко расходовать бюджетные средства. Как показала предшествовавшая практика, министерствами делались заявки с большим запасом, и структура разделов бюджета не всегда позволяла оперативно перемещать средства из одной расходной статьи бюджета в другую, что в результате приводило к неэффективному расходованию бюджетных средств. Новый порядок в качестве ориентира для бюджетной политики установил определение целей деятельности министерств на длительный период времени (15–20 лет) и объемов средств, необходимых для их реализации. Процесс планирования предполагал определенную гибкость и возможность изменения и адаптации плановых указаний в процессе их выполнения.

Следующим этапом являлась разработка так называемых программ действий административных служб, направленных на достижение установленных целей. Оценка результатов реализации программ осуществлялась посредством разработки индикативных показателей развития отрасли, являющихся не предписаниями обязательного характера, содержащими юридические обязательства, а ориентирами для программ развития; но, например, для предприятий государственного сектора такие планы носят в основном обязательный характер. В результате к 1975 г. уже 8 министерств использовали при бюджетном планировании новую процедуру.

Одной из особенностей процедуры планирования во Франции является применение техники «согласованного планирования», основанной на том, что план будет добросовестно выполняться только в том случае, если он одобрен всеми субъектами (в том числе и в ходе региональных консультаций), заинтересованными в его исполнении и рассматривающими его как общее дело. В институциональном отношении задачи по реализации принятых планов возложены на те же органы исполнительной власти, которым была поручена их подготовка.

Такая «культура консенсуса» (или камеральная система, т. е. управление посредством совещательных органов) особенно характерна для процедур принятия управленческих решений в практике Швеции¹⁷. При принятии решений правительством Швеции большинство разногласий рекомендуется снимать на подготовительных этапах на низшем из возможных уровней принятия решений; и лишь в крайних ситуациях, затрагивающих вопросы государственной важности, споры улаживаются на заседаниях самого Кабинета¹⁸.

¹⁷ Драго Р. Административная наука. Монография. М.: Прогресс, 1982. С. 17–18.

¹⁸ Петерссон О. Шведская система правления и политика. Монография. М.: Ad Marginem, 1998. С. 8–10, 85.

По форме план представляет собой документ, публикуемый в «Журналь Оффисьель» — официальном периодическом издании Франции, в котором подлежат опубликованию все принятые законы, — в качестве приложения к закону, содержащему единственную статью об одобрении плана. Что касается роли Парламента и Счетной палаты в исполнении экономических программ, то она не выходит за рамки обычных надзорных функций.

Конкретизация программ развития проходила в рамках принятия ежегодных законов о бюджете, а также в актах, намечавших отраслевые перспективы в экономическом и социальном развитии (например, закон 1960 г. о направлениях развития сельского хозяйства, закон 1967 г. о земельных отношениях, закон 1968 г. о направлениях развития высшего образования). К данным актам примыкает серия законов, ордонансов, декретов, затрагивающих конкретные области экономической политики¹⁹.

Органический ордонанс 1959 г. («финансовая конституция») определил условия подготовки, принятия и исполнения финансового закона страны. Данный Ордонанс установил жесткие ограничения на процесс обсуждения бюджета: в процессе обсуждения финансовых законов парламент мог лишь высказать пожелания правительству, но был не вправе увеличить размеры или перераспределять расходы. Кроме того, обсуждению подлежали лишь новые меры, а не весь бюджет в целом, и только объемы выделяемых средств, без привязки к результатам реализации. Таким образом, парламент был практически лишен реального контроля над бюджетом, а правительство при исполнении бюджета по своему усмотрению принимало решения о перераспределении расходов, в том числе и по приоритетным направлениям, одобренным голосованием Парламента.

В 2001 г. был принят Органический закон о финансовом законодательстве, который был призван повысить ответственность исполнительной власти, активизировать участие парламентариев и увеличить прозрачность стратегических решений по вопросам государственных финансов. В соответствии с данным законом с 2006 г. бюджет должен представляться в виде направлений (47 основных направлений) и программ (158), а не назначения расходов, с приложением ежегодных планов и отчетов о результативности²⁰. Направление объединяет программы, способствующие его реализации, и возглавляется одним или несколькими министерствами или другими службами.

В Японии экономическое планирование также имеет характер индикативного, определяющего основные цели и мероприятия по развитию социально-экономической сферы, в том числе и в частном секторе. В Японии первый общегосударственный пятилетний план самообеспечения был

¹⁹ Доморацкая Э.И., Маклаков В.В. Государство и экономика во Франции: организационно-правовые аспекты. Монография. М.: Наука, 1981. С. 31.

²⁰ Уэйнтроп Ф., Чол С. Франция: попытка системной реформы // Франко-российский журнал по государственной реформе, 2005. С. 90–91, 97–99.

принят в 1956 г. В 1961 г. был принят уже десятилетний план удвоения национального дохода. В начале 1960-х гг. в Южной Корее была составлена долгосрочная программа развития (на двадцатилетний период), делившаяся на четыре пятилетних периода-плана.

Разработка среднесрочных и долгосрочных планов проводится под контролем премьер-министра Японии и включает в себя, в том числе, многочисленные консультации с представителями промышленных и финансовых компаний и обсуждение плановых проектировок в Экономическом совете. Такая практика во многом способствует тому, что большинство японских компаний функционируют исходя из плановых ориентиров общегосударственного развития. Каждый из разрабатываемых пяти- и десятилетних планов имеет свою основную цель, определяющую направления государственного развития в плановом периоде. Вот некоторые из них:

- достижение экономической независимости, обеспечение полной занятости;
- ликвидация диспропорций развития;
- создание благоприятных условий жизни нации путем сбалансированного и устойчивого экономического роста;
- стимулирование внутреннего спроса и сокращение значительного положительного сальдо платежного баланса, продвижение к самому высокому в мире уровню жизни, сбалансированное развитие провинции;
- осуществление кардинальной реформы экономической и социальной структуры страны.

При этом только три общегосударственных плана Японии потерпели ощутимый провал, во многом связанный с проблемами в мировой экономике и глубокой экономической депрессией в самой стране. Успехи планирования в Японии объясняются в том числе и заранее предусмотренной гибкостью планов — большинство принятых планов не просуществовало в неизменном виде до конечных сроков. Однако их досрочная замена очередными новыми программами — скорее результат досрочного выполнения плановых показателей и изменения в связи с этим социально-экономических условий, что и обусловило необходимость разработки новых ориентиров.

В настоящее время экономически развитые страны имеют соответствующие службы, занимающиеся вопросами планирования на уровне государства. Во Франции это Генеральный комиссариат по планированию, в Канаде и Японии — Экономический совет, в Нидерландах — Центральное плановое бюро, в США и Великобритании — специализированные совещательные органы при президенте и правительстве соответственно.

Заявленная функция по планированию и прогнозированию социально-экономического развития должна включать в себя соответствующие полномочия уполномоченных органов, законодательно установленную систему норм, регулиющую функционирование и развитие экономики в целом

и отдельные ее параметры. Такие параметры должны определять направления развития экономики, целевые характеристики ее структурных изменений, пропорции развитости — как межотраслевые, так и межрегиональные. Сложность управленческой материи обуславливает необходимость государственного характера планирования, целенаправленного воздействия на пространственно-протяженную территорию, координацию деятельности хозяйствующих субъектов.

Таким образом, из этого опыта представляется сомнительным, что российский орган социально-экономического развития — Министерство экономического развития Российской Федерации в состоянии, наряду с большим количеством выполняемых иных государственных функций по непосредственному текущему регулированию экономических отношений, заниматься такой масштабной задачей. А по факту этим занимается лишь один из департаментов Министерства, что говорит о том недопустимо низком значении, которое придается данной государственной функции.

Факторный анализ состояния политики прогнозирования и программирования развития

Общая оценка качества государственного управления рассмотрена в вводной главе и разделе 1.4, а четкая корреспонденция коэффициента жизнеспособности и коэффициента качества государственного управления представлена на рис. 1.4.3. Состояние политики прогнозирования и программирования развития является одним из факторов результативности власти, оказывающим воздействие на выполнение публичной властью своих функций по обеспечению жизнеспособности страны (рис. 1.6.1). Рассмотрим данные факторы.

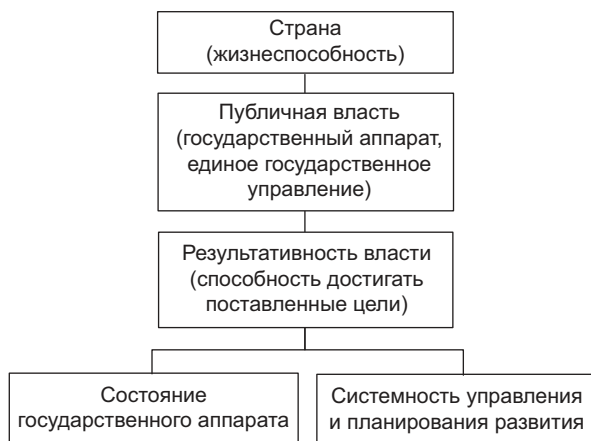

Рис. 1.6.1. Фрагмент дерева факторов жизнеспособности страны

Реформы 1990-х гг., по форме поменяв многое, не смогли изменить сущности или необходимой органической природы российской власти. Более того, в результате негативных последствий этих попыток запрос на восстановление вертикали стал очевидно высоким. И если в структуре органов такая вертикаль постепенно выстраивается, то в системе нормативных правовых актов — еще нет. А насущная потребность в этой пирамиде очевидна.

Государственное управление должно быть обеспечено нормативно-правовым инструментарием формирования и реализации его целевых установок. В обязательном порядке должна существовать система ценностей, которая должна транслироваться от документов самого высокого уровня (конституция, доктрины страны) через акты органов государственной власти (законы, указы и постановления) к актам, непосредственно регламентирующим все процедуры государственного управления (приказы, инструкции, распоряжения, регламенты и др.).

Высшие ценности России должны определять содержание программирующих документов на всех уровнях государственного управления и представлять основу для согласования политики развития как страны в целом, так и всех входящих в ее состав регионов. Такой принцип государственного управления называется еще принципом ценностного резонанса.

Программные документы должны провозглашаться явно и открыто, содержать однозначно трактуемые ценностные ориентиры, стратегические цели и принципы их достижения. Конкретизированное содержание государственных политик должно по возможности пронизывать всю управленческую деятельность, служить основой для разрешения управленческих коллизий и противоречий, а в некоторых случаях — основой для управленческих инициатив. Такие документы общего плана должны быть длительного действия, комплексного наполнения и должны быть обоснованными по механизму согласования интересов.

Фактор стабильности тесно связан с фактором системности и характеризует направления развития правовой системы в целом. В случае неясности (или теневого характера) ценностных установок или их частой смены общий курс государственного развития будет неизбежно утрачен, так как механизм трансляции не сможет обеспечить выстраивание системы управления, адекватной задачам.

С момента образования Российской Федерации как самостоятельного государства, законодательные органы страны должны были обеспечить управление нормативными актами, ориентированными на регулирование в новых внутренних и внешних условиях жизнедеятельности страны. Соответственно, механизм законотворчества обеспечивал принятие большого числа законодательных актов, количество которых из года в год только увеличивалось (рис. 1.6.2).

1.6. Программирующие документы стран мира и в истории России

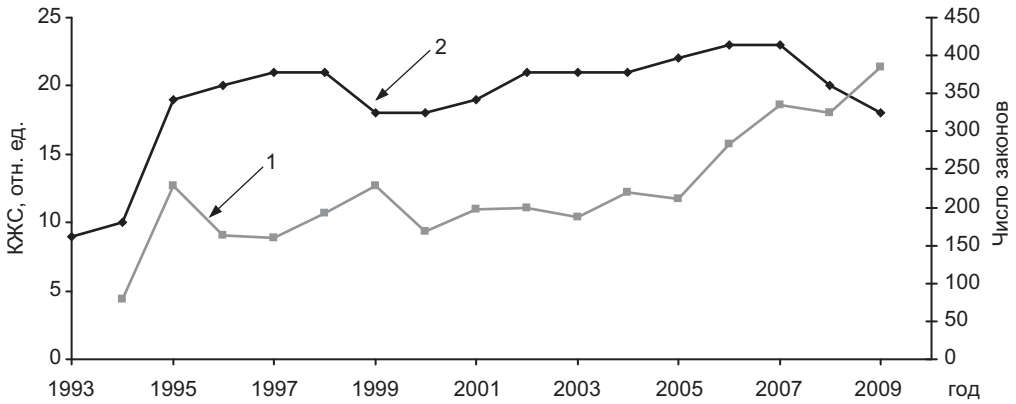

Рис. 1.6.2. Сопоставление исторической динамики количества принятых федеральных законов (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Если обратить внимание на регрессионную связь коэффициента жизнеспособности и количества принятых федеральных законов (рис. 1.6.3), то можно сделать вывод о том, что несмотря на высокую корреляцию, в экспертном плане следует говорить скорее о манипуляционном и имитационном характере законотворчества, нежели о реальном положительном воздействии на жизнеспособность страны. И действительно, жизнеспособность страны сколь-нибудь заметным образом не возрастает.

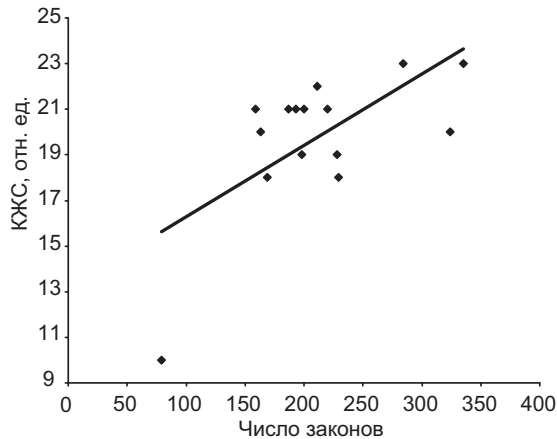

Рис. 1.6.3. Регрессионная связь количества принятых федеральных законов и коэффициента жизнеспособности страны. Общий коэффициент корреляции равен 0,65

Качество правотворчества

Эффективная публичная власть невозможна без качественных управленческих документов. Качество документов характеризуется не только проработанностью решений, но и их формальным закреплением в правовых актах. Одним из индикаторов качества документов является анализ характера принятых нормативных актов: являются ли они вновь принятыми актами или актами, вносящими изменения в уже действующие нормативные акты.

Рассмотрим данный фактор на примере анализа структуры числа принятых федеральных законов (рис. 1.6.4).

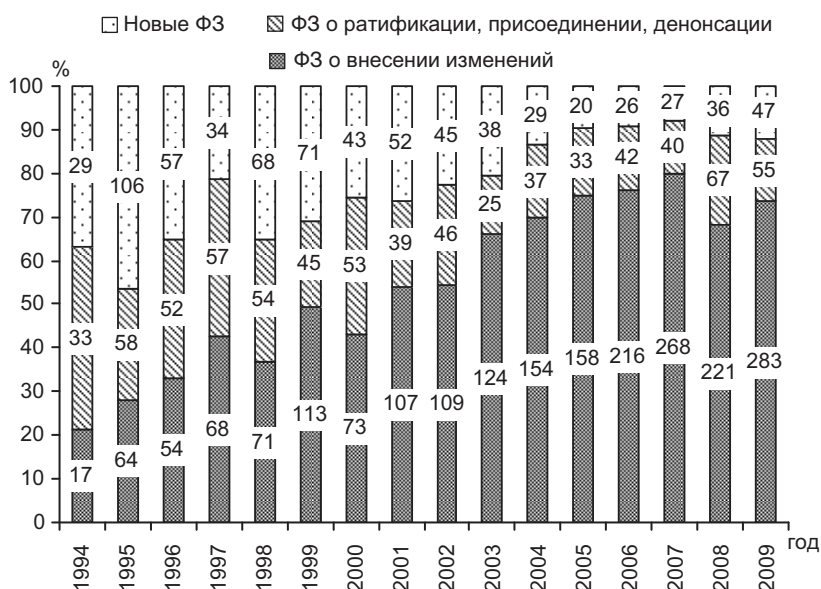

Рис. 1.6.4. Структура принятых федеральных законов

В первые годы законотворческого процесса в процедурах принятия преобладают вновь принимаемые законы, но уже на самых ранних этапах принимается значительное число поправок в уже действующие законы. На современном этапе число федеральных законов о внесении изменений в действующее законодательство является преобладающим.

Частое внесение изменений характеризует не только качество принятых законов, их юридико-технические свойства и уровень концептуальной научной проработанности (подробнее см. раздел 8.3), но и стабильность самой системы. Частое изменение основополагающих отраслевых законов характеризует отсутствие значимых целей в государственном управлении, высокий уровень воздействия теневого лоббизма, нивелирование самой роли правотворческих органов в системе государственной власти, не пла-

нирующих направления развития страны, а закрепляющих уже действующую практику.

Такая ситуация вызвала довольно интересные особенности в отношении правоприменителей и научных кругов к нормативным актам. Следует отметить сложившееся устойчивое восприятие законов, действующих в своей первоначальной редакции, как неработоспособных и никому не нужных. Во многом такое отношение спровоцировано самим законодателем, предпочитающим быстрое принятие общей концепции документа и дальнейшую доработку по результатам применения, в отличие от разработки и принятия изначально качественно и системно проработанного документа. Таким образом, именно большое число внесенных поправок становится своеобразным «знаком качества» документа, а не наоборот.

Еще одной существенной особенностью можно назвать отдаваемое предпочтение законам с более поздней датой принятия. Принятые в 1990-х гг. акты, особенно если в последнее время в них не вносилось существенных изменений, воспринимаются как морально устаревшие и несоответствующие реалиям текущей ситуации. И наоборот, чем более близкой является дата принятия акта и более казуальной норма, тем более современным считается сам закон.

Таким образом, сам уровень правосознания и правовой культуры в современной России не настроен на принятие долгосрочных, качественно проработанных и стабильных документов. Последним таким «островом стабильности» была Конституция 1993 г., в которую, если не считать изменений названий и числа субъектов Российской Федерации в статье 65, существенные содержательные изменения были внесены только спустя 15 лет, хотя предложений о поправках за годы ее действия было выдвинуто немало.

Организация системы исполнения программирующих документов

Для эффективного использования любого программного документа необходима система управления теми механизмами и программой действий, которые заложены в документе. Без системы управления и контроля любой, даже самый грамотный документ, остается декларативным и не может способствовать достижению предусмотренных им целей.

Юридическая техника составления программных документов в истории России, как правило, не предусматривала в самом документе установление определенного органа, ответственного за реализацию положений программного документа. Координирующий орган устанавливался актами, посвященными государственному управлению и компетенции органов власти.

Например, в «Жалованной грамоте дворянству», изданной императрицей Екатериной II в 1785 г.²¹, нормы, касающиеся органов власти, содержат-

²¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5. М.: Юридическая литература, 1987. С. 23–53.

ся только в разделах, которые посвящены процедуре лишения дворянства судом или Сенатом.

Даже такой всеобъемлющий и прогрессивный для своего времени документ, как Наказ Екатерины II²², не содержит указания на орган или комиссию, ответственные за проведение реформ.

«Русская правда»²³ П.И. Пестеля предусматривала создание временно-го верховного правления, которое было «обязано новым государственным Порядком, Русскою Правдою определенный, постепенными мероприятиями ввести и устроить, а народ обязан сему введению не только не противиться, но, напротив того, временному верховному правлению усердно всеми силами содействовать и неуместным нетерпением не вредить преуспеванию народного возрождения и государственного преобразования...». Кроме того, «Русская правда» определялась как «наказ или наставление временному верховному правлению для его действий, а вместе с тем и объявление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может. Она содержит обязанности, на временное верховное правление возлагаемые, и служит для России ручательством, что временное верховное правление единственно ко благу отечества действовать будет». При этом «Русская правда» не предусматривала переходного периода или иных сроков, в течение которых временное верховное правление должно осуществить преобразования.

В отличие от «Русской правды», проект Конституции Н.С. Муравьева не содержал положений, касающихся создания органа, ответственного за преобразования в государстве.

Для подготовки проекта Манифеста об отмене крепостного права был создан Главный комитет по крестьянскому делу, задача которого состояла в сборе предложений, их обобщении и представлению Императору итогового варианта Манифеста.

Вообще, для России дореволюционного периода было характерно создание совещательных органов при главе государства (великом князе, царе, императоре), состоявших из его ближайших советников. Эти органы (Непременный Совет и Негласный комитет Александра I, Избранная рада Ивана Грозного, Секретный комитет Николая I) разрабатывали проекты реформ, реализуемые в дальнейшем профильными органами власти (приказами, коллегиями, министерствами и их территориальными отделениями).

В СССР общее руководство выполнением любого программирующего документа (Программа КПСС, пятилетние планы) осуществляли соответствующие союзные органы власти (ЦК КПСС, Совмин, министерства) и их территориальные отделения. Успешная реализация плана ГОЭЛРО, кроме всего прочего, была связана с созданием специализированного органа

²² Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 // Екатерина II, императрица. Сборник. М.: ЭКСМО, 2003. С. 72–156.

²³ Восстание декабристов. Сборник документов. В 11 т. Т. 7. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

управления программой. Кроме того, в СССР был создан специфический орган управления экономикой в целом — Госплан СССР, который разрабатывал и контролировал исполнение всех экономических программ. Имевшиеся попытки изменить структуру управления (например, создание совнархозов в промышленности) не привели к позитивным результатам.

Программы постперестроечного времени («шоковая терапия», «500 дней») предусматривали передачу президенту СССР чрезвычайных полномочий в области денежно-кредитной политики, а также создание при нем специального органа, ответственного за проведение реформы (Межреспубликанского экономического комитета).

Указ Президента РФ, посвященный проведению конституционной реформы в Российской Федерации и роспуску Верховного Совета, предусматривал временное возложение всех функций по проведению реформ на Президента Российской Федерации²⁴.

Принятие Конституции РФ 1993 г. обусловило переход российского общества на принципиально новую систему государственного управления. Однако, как известно, в тексте Конституции нет формулировки о создании органа, ответственного за реформы. Конституция, как акт высшей юридической силы, отражает, кроме всего прочего, расклад политических сил в государстве. Сама концепция создания президентской (по мнению ряда теоретиков — суперпрезидентской) республики, а также провозглашение президента Российской Федерации гарантом Конституции, предусматривает возложение функций по проведению реформ именно на него. Но данное утверждение лишь выводится из общего системного толкования Конституции и прямо нигде не закреплено.

Подводя итоги анализа такого фактора-потенциала жизнеспособности страны, как государственные программирующие документы, еще раз нужно отметить, что декомпозиция данного фактора на факторы — управляемые параметры показала, что наиболее значительными являются следующие факторы:

- наличие долгосрочного планирования, как ключевого для проработки документов краткосрочного и среднесрочного планирования;
- системность и стабильность правовых актов;
- качество правотворчества;
- организация системы исполнения программирующих документов.

Во второй части монографии, в разделе 8.2, перечисленные факторы будут рассмотрены на предмет проблем, препятствующих их положительно-му воздействию на жизнеспособность России.

Таким образом, чтобы быть жизнеспособной, страна, кроме текущего жизнеосуществления и управления, должна быть устремлена в будущее,

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // САПП. 1993. № 39. Ст. 3597.

должна иметь ценности и цели, принципы и планы развития, закреплённые в государственных документах высшего уровня. К ним прежде всего относятся Конституция, доктрины, планы и программы развития.

В современной России по всем этим позициям наблюдается существенный дефицит управленческих действий и документов, а имеющиеся документы декларативны, управленчески малосистемны и потому малоработоспособны. Причиной прежде всего является, конечно, увлечение либеральной догматикой, упование на то, что все само собой как-нибудь рассосется («вот только цены на нефть опять вернутся на высокий уровень...»), пренебрежение неотъемлемой ответственностью государственного регулирования и отсутствие порядка планирования и управления.

1.7. Цивилизационно-ценностная «генная инженерия»

Для России XXI века остро встала проблема воспроизводства себя как цивилизации. Точнее, речь идет о воспроизводстве во времени, в каждом следующем поколении, ядра цивилизационных признаков, которые и придавали России статус отдельной самобытной локальной цивилизации в ряду других локальных цивилизаций как подсистем мировой цивилизации. Большое число периферийных свойств и признаков могут быть более подвижны, в ходе нормального развития (и даже катастрофических сдвигов) они изменяются, не приводя к разрушению цивилизации или смене ее типа. В целом вопрос о деталях связи цивилизационной идентичности и жизнеспособности страны рассматривается в главе 3.

Актуальность этой проблеме придали два катастрофических события конца XX в.

Во-первых, СССР, в формах которого была воплощена Россия на протяжении почти всего XX в., потерпел поражение в «холодной войне» с Западом. Это предопределило дальнейший ход событий в России. Запад, победивший в большой цивилизационной войне, «проник» в Россию, овладел ее важнейшими «нервными» центрами и, конечно, оказывает непосредственное влияние на ее судьбу. Речь идет о культурных, информационных, кадровых, идейных, финансовых, экономических, социальных и иных важнейших влияниях на обстоятельства жизни страны. С некоторой условностью обоснованно говорить о внешнем управлении страной. Как говорят, если в стране преобладают песни на английском языке, то это поют песни победителя. В Берлине в 1945 г. пели русские песни... Целенаправленно изменяется и цивилизационно-ценностная матрица России. И это очень опасно для ее жизнеспособности.

В этих условиях задача цивилизационного воспроизводства ставится для России совершенно иначе, чем прежде. Для ее решения требуется кардинальное обновление методов и механизмов.

И общество, и Российское государство не имеют такого опыта, ибо Запад вел эту войну на поражение, т. е. ставил целью именно демонтаж России как цивилизации, оказавшейся с XVI в. в роли экзистенциального оппонента Запада. Россия была второй большой христианской цивилизацией, по иному чем Запад отвечающей на главные вопросы бытия. Существование набирающей силу России было для Запада все более трудным историческим вызовом. И вот, наконец, победа (во многих смыслах).

В таком положении для народа совершенно необходимо понять себя и своего победителя в их соотношении, в их отражении «друг в друге, как в зеркале». Только это дает шанс «переварить» все цивилизационные яды, которые победитель будет впрыскивать в организм поверженной России; восполнить колоссальные изъятия ресурсов, которые приходится выплачи-

вать как дань; вытерпеть все издевательства наместников и надсмотрщиков, которые будут растлевать и перевербовывать молодежь.

Кроме того, в конце 1980-х гг. в России само государство (точнее, его лидеры) придумало и начало реформы, которые ставили целью «возвращение в общий европейский дом», т. е. переделку жизнеустройства России по западным образцам. Практически эта реформа представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Это большая программа имитации западных общественных институтов, типа хозяйства и социальных отношений.

Таким образом, в цивилизационной войне с Западом государство (его лидеры) перешло на сторону противника и стало главным агентом в демонтаже цивилизационного ядра России. С тех пор этот курс реформ неоднократно подтверждался как неизменный и обсуждению не подлежал. Допускались дебаты лишь по поводу коррекции частных изменений (типа монетизации льгот).

Так или иначе, проблема воспроизводства Россией новых поколений как «себе подобных» чрезвычайно осложнилась. В полной мере цивилизационного реформатирования России «победителям», видимо, достичь не удастся. Способность к регенерации поврежденных структур у России очень велика. Цивилизация такого масштаба и с таким разнообразием элементов и связей, как Россия, представляет собой слишком большую и сложную систему, на ее слом у реформаторов не хватает ни экономических, ни культурных ресурсов. Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих цивилизационных конструкций России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства превзошли некоторый критический порог¹.

Рассмотрим в качестве примеров лишь немногие из элементов цивилизации, в воспроизводстве которых с особой тщательностью необходимо не допускать сбоев и «повреждения программ». В логике факторной причинно-следственной декомпозиции представлена практически структура цивилизационного генокода страны (рис. 1.7.1). Это как и в биологическом организме: если мутация повредила генетический код, то организм, в данном случае социальный, теряет жизнеспособность.

¹ Видимо, этот порог будет отодвигаться, пока Россия «отстывает» — придется сдавать все новые и новые рубежи. Однако, как показывает опыт, до сих пор удавалось по множеству признаков определить ту последнюю черту, за которую нельзя отступать, — отсюда началось большое контрастопление.

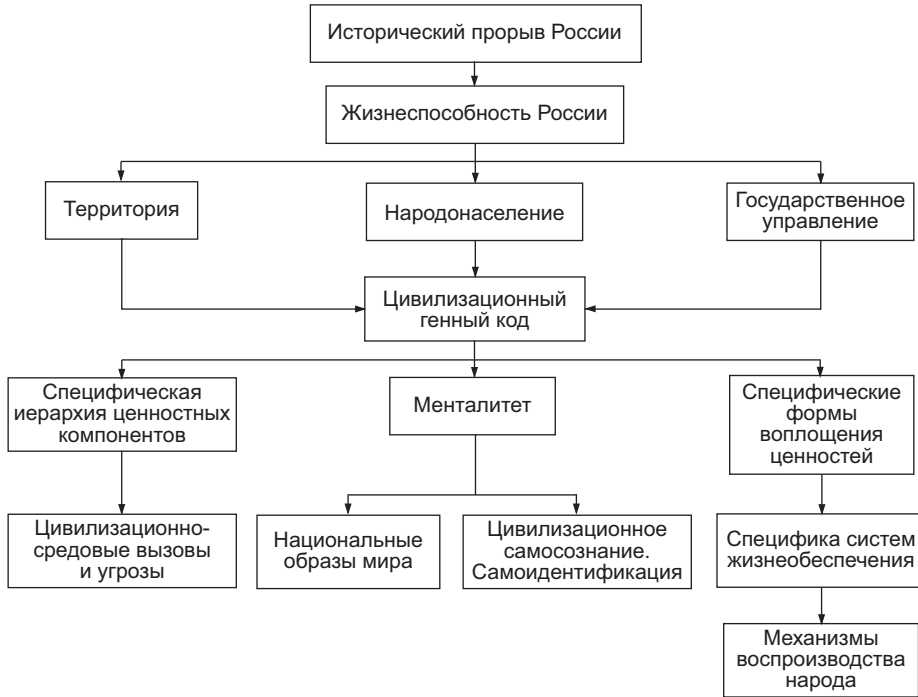

Рис. 1.7.1. Факторная декомпозиция цивилизационного генокода страны

Цивилизационный «генный инжиниринг» в рамках методологии витального подхода

Анализ в этом сегменте исследования проводится в рамках витального подхода к социальной системе, как частной разновидности системного подхода. Система, которая является объектом анализа, в этом случае уподобляется в некотором смысле биологическому организму.

Выдвигаемый подход основывается на предположении о том, что цивилизации устойчивы в своей идентичности, и эта устойчивость определяется их цивилизационной (видовой) природой. Цивилизации, в авторском понимании, это не только культурные различия народов, но и вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности жизни сообщества людей, закрепляемые лучшие для жизнеспособности обустройства и практики. В этом смысле можно говорить о социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных по существу с биологическими кодами живых организмов. И если мы понимаем, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и к гибели организма, то ровно так же попытки вторжения в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным последствиям. Как и в биологической

природе, в цивилизационном поле действуют принципы наследственности, нескрещиваемости, ареальных условий обитания, конечно, существенно усложняясь и модифицируясь.

В чем состоят особенности разграничения цивилизаций по отношению к себе подобным? Социально-генетические различия включают в себя факторные компоненты — этничности, конфессиональности, гражданственности, языка, культуры, традиций, устоев, укладов, территории, общности исторической судьбы, коллективной памяти, экономического, регионального и социального устройства, мотиваций труда и т. д. Сказываются они и проявляют себя в рефлекторной и социально-поведенческой культуре, психологии, ментальности, оптимальной степени автаркийности государства.

Каждый орган единого организма жизненно необходим для его функционирования. Цивилизации подобны экосистемам, искусственное вторжение в которые необратимо приводит к их разрушению. Между тем при рассмотрении цивилизаций через призму витальной теории разграничение цивилизационных компонентов на базовые и надстроечные (проецирование методологии формационного подхода) лишено смысла.

Каждый организм может и должен развиваться. В этом смысле консервация цивилизаций имеет для них губительные последствия. Однако если развитие подменяется мутагенезом, это может быть в прямом смысле смертельно опасно (российский пример ярко говорит об этом).

Познавательная ценность аналогии цивилизации с биорганом состоит в том, что она наглядна и излагает проблему доступно для обыденного сознания — без неприемлемого искажения. В то же время она позволяет привлечь хорошо разработанные в биологии понятия и с их помощью формулировать нетривиальные вопросы. Понятия генотипа, генетического аппарата, генетического кода, мутации, мутагена и пр., если их использовать с необходимыми оговорками, служат хорошими инструментами для выработки моделей важных процессов воспроизводства структур цивилизации.

Недостаток и ограничения аналогии с биологической генетикой заключаются в том, что она подталкивает к эссенциализму и побуждает к поискам скрытой сущности цивилизации, ее субстанции (подобно поискам субстанции этничности в «крови»). На деле «культурный генотип» цивилизации не является «вещью» и не передается, подобно генам в хромосомах, через механизмы биологической наследственности. Ребенка надо учить цивилизационным кодам и ценностям. Для этого обучения общество создало и воспроизводит множество институтов — семью, церковь, школу, национальную информационную систему, государственные службы и пр. Передача генокода осуществляется коллективно, а не индивидуально, т. е. социально.

Очевидно, что в условиях нынешней России обучение молодежи и ее цивилизационная индоктринация («передача цивилизационных кодов») идут

в «мутагенной» среде — сигналы целенаправленно искажаются и фальсифицируются. Цивилизационная холодная война продолжается, глупо это игнорировать. От общественных и государственных институтов зависит, чему обучают ребенка, защищены ли передаваемые ему коды от «программных вирусов», могут ли цивилизационные противники подключиться к информационным каналам и заполнить их своими сообщениями.

Цивилизация — категория сопоставительная. Важно понимать ее как систему отличий российской цивилизации от иных, схожие же черты следует воспринимать как фон, но о них практически не говорят. Сравнение «Россия — Запад» или «Франция — Англия» в цивилизационном плане ведется как оппозиция образов (этот подход и называется оппозиционизм), а часто и как «конфликт», понимаемый в широком смысле.

Таким образом, объектом анализа является воспроизводство тех цивилизационных признаков России, которые определяют ее отличие от «значимого иного» — той цивилизации, которая оказывает (и в обозримый период будет оказывать) наибольшее влияние на ее судьбу.

Сейчас это Запад. «Европеец» является стандартом, от которого отталкивается самоидентификация русских. Именно Запад составляет для русского самосознания главный вызов. И вызов этот уже с XVI в. стал практически очевидным. Причем вызов Запада проявлялся не только в военных нашествиях или их угрозе, но и в периодических волнах модернизации, проводимой по западным шаблонам с привлечением западных «экспертов»².

Трудов по систематическому сравнительному структурному анализу России и Запада пока нет. Но отдельных «мазков» этой картины в литературе можно собрать много. Вот, например, А. Безансон пишет: «Европа как целое — постепенно вызревший плод уникального исторического опыта. Но можно ли в таком случае сказать, что Россия — часть Европы? Пройдемся по списку главных признаков “европейскости”: средневековая церковь и империя? нет, ничего подобного Россия не знала. Феодализм и рыцарство? нет. Возрождение и Реформация? нет. Таким образом, нет никаких оснований считать Россию частью Европы»³.

Кажется, дан довольно убогий перечень элементов для сравнения. Но важна суть подхода. Прочитав этот перечень, человек задумается: разве в России не было «средневековой церкви и империи»? Да, в западном понимании не было, потому что и церковь, и империя России были настолько

---

² И. Аксаков так писал о программе модернизации, начатой Петром, в контексте исследуемой проблемы: «Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались спешно, без критики, на веру выпитые из-за границы семена цивилизации» (К.С. и И.С. Аксаковы. Литературная критика. Сборник статей. М.: Современник, 1981. С. 265).

³ Безансон А. Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа. Статья // <<http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=953>>.

отличающимися от европейских, что и вся цивилизационная конструкция оказывалась иной. Нужно вспомнить, какую роль сыграли в судьбе Европы религиозные ордены — тамплиеры и госпитальеры, францисканцы и иезуиты. Они создавали финансовую систему Запада, всепроникающую инквизицию, всемирную тайную политическую сеть и систему образования элиты.

Не было этого в России, как не было и многолетних внутриимперских войн европейского типа. Столетняя война, Тридцатилетняя война, война Алой и Белой розы — можно себе представить такое в России? Не было походов Карла Великого, превративших Европу в «кладбище народов», не было и Крестовых походов.

Не было в России феодализма и рыцарства, а быстро установилось самодержавие. В России было немыслимо, чтобы какой-то рыцарский орден, вроде Ливонского, владел, скажем, половиной Сибири как независимым государством. Поэтому России и не требовалось «возрождения» от темного средневековья, не надо было искать образцов в греческой античности. И такого «национального несчастья», как Реформация, у нас не случилось — православие не породило в России религиозных войн, уносящих до двух третей населения. В этом смысле наш раскол не идет ни в какое сравнение с ними. Не было и костров, на которых в Европе во время Реформации сожгли тысячи «ведьм».

Не было варфоломеевских ночей, не было алхимии и масонства (если не считать мимолетных увлечений прозападнической элиты). Не было «огораживаний», превративших большинство населения в пролетариев и бродяг. Не было очистки чужих континентов от местного населения. Не было работорговли, которая опустошила Западную Африку. Не было опиумных войн, поставивших на грань вымирания Китай. Не было русского Наполеона, не было и русского фашизма — колоссального по мощности «припадка» Запада. А ведь все это — конституирующие элементы становления современного Запада.

Неолиберальные реформы в России, начатые в самом конце 80-х гг. XX в., стали огромным экспериментом над Россией. Он породил большой объем знания, труднодоступного в спокойное время (на изломе хорошо видно строение ломаемой вещи). Нужно освоить это знание и перейти от проблем «анатомии и физиологии» организма России на уровень генетики ее воспроизводства. Ремонтировать повреждения от мутаций очень трудно, легче их предотвращать, но делать это все равно придется.

Исторические провалы социальной евгеники

Попытки генного инжиниринга в отношении цивилизационно-ценностного генокода столь же опасны и безнравственны, как и в биологической генной инженерии. Предпринимаемые исторически попытки выведения

новой породы человека окончились, как известно, провалом. Нет оснований полагать, что они будут успешны и в будущем.

Возможное объяснение истоков генного инжиниринга лежит в противопоставлении цивилизационных принципов «гонии» и «ургии». Традиция «гонии» (рождения) подразумевала сакрализацию природы и родовой (в широком понимании — национальной) преемственности. Ургийность секулярного общества соотносилась с архетипом человека-преобразователя. США явились наиболее адекватным историческим воплощением принципа ургийности. Гонические категории — «род», «природа», «народ», «родина» — в ургийной культуре окончательно перечеркивались⁴.

Одномерная материальная парадигма мира соотносилась в эзотерике с выведением новой породы человека — голема. Големическая природа есть материальный субстрат. В отличие от человека — божественного создания — у голема отсутствует духовная составляющая.

Согласно еврейским фольклорным преданиям, голем представлял собой оживленного магическими средствами глиняного великана. Он выступал как онтологический антипод Адама. По преданию, Альберту Великому удалось изготовить голема. Но тот был разрушен Фомой Аквинским, усмотревшим в его создании вызов Богу.

Современная западная система миростроительства по своей культурно-антропологической направленности големична. Под лозунгом свободы личности осуществлялось ее освобождение от высших духовных нормативов. Дух, как изначально заложенный Богом компонент человеческой природы, у современного человека все более атрофируется. Реализуется глобальный проект антропологической инверсии. Человек превращается в голема⁵.

Исторически, в различных идейных модификациях, многократно предпринимались попытки концептуального обоснования целесообразности цивилизационного генного инжиниринга. Манифестировалась идея создания человека «нового типа»⁶. Перечень наиболее значимых концептов социальной евгеники выглядит следующим образом:

- социальные теократические утопии Древнего мира и Средневековья (легизм, платонический «Прекрасный город», «Город Солнца» и т. п.);
- просветительская доктрина «разумного эгоизма»;
- локковский концепт — «человек как белый лист бумаги»;
- смитовский «экономический человек»;
- советская идеология нового человека (работники идеологического фронта как инженеры человеческих душ);
- ницшеанский сверхчеловек;

⁴ Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. Соч. М.: Академический проект, 2007.

⁵ Майринг Г. Голем. Вальпургиева ночь. Монография. М.: Прометей, 1990.

⁶ Хан Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra». Монография. М.: ИФ РАН, 2003.

- национал-социалистская евгеника;
- теософская «пятая раса»;
- маоистская культурная революция;
- общество «новых кочевников»;
- теория постчеловека.

Нужно добавить в этот ряд и совсем современную цитату, которая показывает, насколько актуальна для России цивилизационная вивисекция: **«Вместо прошлой построим настоящую Россию — современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».**

В тех случаях, когда дело доходило до практической реализации евгенических концептов, это всякий раз оборачивалось кровавыми потрясениями для человечества. Обнаруживший высокую жизнеспособность старый «цивилизационный человек» подвергся насильственной перековке. Когда же выяснялась ее бесперспективность, рецептура перевоспитания замещалась тривиальным геноцидом. Все реализуемые с античных времен социально-евгенические эксперименты закончились провалом. Конструируемый «новый человек» быстро сходил со сцены.

Существующая версия глобализации может быть охарактеризована именно как новая модификация социально-генной инженерии. Применительно к России речь идет именно об эксперименте генного инжиниринга. Но и исторические уроки, и современная демографическая, социальная статистика и социология показывают, что следуя логике реализуемой с 1990-х гг. политики, страна либо превратится в цивилизационного мутанта, либо окажется умерщвленной.

Показательно в этой связи признание одного из главных теоретиков российских реформ американца Д. Сакса о бесперспективности применения в России универсальных для западной цивилизации схем: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Другими словами, неправильная хирургическая метода обернулась тем, что пациент едва не был зарезан. Россия не может вписаться в систему нового мирового порядка в силу своего цивилизационного своеобразия — «у нее другая анатомия».

В этой связи важно выявить саму матрицу и структуру цивилизационных генокодов. Задача заключается в идентификации тех систем обеспечения жизнеспособности страны, пагубное воздействие на которые способно привести страну к гибели.

Признаки цивилизации — ядро и периферия

Цивилизация есть комбинация большого количества признаков. Можно выделить устойчивое ядро этой системы, хотя подвижная и противоречивая

«периферия» в конкретных ситуациях может маскировать это ядро. В ядре надо стараться выделить признаки *sine qua non*⁷ — те, без воспроизводства которых в следующем поколении резко меняется вся система цивилизации. Происходит мутация, многие «органы» уродуются или разрушаются, шрамы и повреждения надолго искажают родной образ.

Воспроизводство цивилизации есть процесс непрерывный и динамичный. Это не сохранение чего-то данного и статичного, это развитие всех ее подсистем в меняющихся условиях, но при сохранении культурного гено-типа, «центральной цивилизационной матрицы». Например, очевидно важным является для любой цивилизации обеспечение безопасности ее генетического аппарата, который выполняет свои функции только при условии его высокой устойчивости. Для этого требуется знание всех угрожающих ему мутагенных факторов (аналогичных радиации, хромосомным ядам, вирусам в биологической генетике). Непрерывный мониторинг наличия в среде главных мутагенов, их удаление или нейтрализация, создание защиты от них требуют существенных усилий и затрат. Они должны быть «защищенной статьей» любого бюджета — от государственного до семейного.

В данный момент положение России в этом отношении не просто неудовлетворительное, а даже угрожающее. Ни государство, ни организованные силы общества не выполняют своих функций целеполагания в обеспечении этой сферы безопасности. В обыденном сознании эта проблема как самостоятельная вообще не фигурирует. Защита складывается стихийно и эффективность ее низка.

Совокупность цивилизационных признаков представляет собой систему, в которой каждый главный признак — «срез» или своеобразное сечение всей этой системы. Поэтому иерархия признаков выглядит как ветвящееся дерево, каждый новый уровень в декомпозировании которого раскрывает и детализирует, конкретизирует воплощение вышеположенного генерального признака. Например, такой фундаментальный признак цивилизации, как господствующая в ней антропологическая модель («что есть человек?») выражается и в отношениях собственности, и в организации здравоохранения, и в праве, и в обыденном поведении. Воспроизвести этот признак в новом поколении — значит обучить детей и подростков тому, как в России понимается **человек** — в отличие от Запада. И не только обучить, но достичь интериоризации этого понимания, хотя и с новыми нюансами. В ходе этой социально-коммуникативной передачи генетической информации и разыгрывается в России цивилизационная драма. Именно этот фундаментальный код и стремятся заменить в последние двадцать лет. Исход этого конфликта предопределил облик России через двадцать лет. Этот облик может стать и нероссийским. Соответственно, это уже будет не Россия. Конкретно

⁷ без чего нет (необходимое условие) — лат.

речь идет о подмене (замещении) идеи труда идеей ростовщичества (не создавать, а обогащаться). Идея коллективизма замещается индивидуализмом. Идея соперничества замещается эгоцентризмом. Идея любви, семьи, детности замещается сексом, половыми девиациями, однополый семьей. Идея патриотизма, памяти предков, своей истории замещается обезличенным западничеством, общечеловечеством. В образовании российская педагогическая традиция, соединяющая образование и воспитание, замещается конвейерной дрессировкой для сдачи ЕГЭ. Выращивание личности в школе и вузе замещается подготовкой слабограмотной «болонской» obsługi для «всех цивилизованных стран». И т. д., и т. п. Собственно говоря, через всю представленную работу прослеживаются подобного рода опасные для жизнеспособности России замещения, и на этом основании конструируется управленческий, организационный и ментальный ответ. Авторам, как и подавляющему большинству здорового российского народа, никак не хочется, чтобы история их Родины прекратилась бы в угоду «всем цивилизованным странам».

Передача самоосознания российского общества как цивилизации. Защита цивилизационного статуса

Условием сохранения статуса цивилизации является общепринятое и регулярно подтверждаемое осознание России как цивилизации. Как только оно будет вытеснено из массового сознания, защита воспроизводства остальных «кодов» будет резко затруднена.

Эта проблема возникла в Новое время. К началу XVIII в. понятие «христианский мир» стало в Европе малоупотребительным и исчезло из международных договоров. На смену ему почти повсеместно пришло понятие «Европа». На Западе сложился цивилизационный подход к взгляду на историю. Запад и осознал себя в этих исторических понятиях как цивилизация. Но и другие большие культуры более или менее быстро освоили этот понятийный язык, цивилизационный подход появился и в России, в противовес евроцентризму. В трудах Н.Я. Данилевского были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций, введены представления о культурно-историческом типе как носителе главных черт той или иной цивилизации. Эти идеи затем, в XX в., развивались в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби и П. Сорокина⁸.

Изучение истории, развития и актуального состояния стран в рамках цивилизационного подхода стало частью рационального, в том числе научного, знания. В XX в. было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития.

---

⁸ См. подробнее главу 3.

В моменты глубоких кризисов государства, подобных революциям 1917 г. или ликвидации СССР, речь идет не об изолированных конфликтах (политических и социальных), а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему цивилизационного кризиса. Он охватывает все общество, он каждого ставит перед «вечными» вопросами.

В информационно-психологических войнах одна из главных целей — убедить население противника и мировое общественное мнение в том, что другая воюющая сторона не является цивилизацией. Если это достигается, противник теряет очень большую часть своих символических ресурсов. В обычном праве, а сейчас все больше и в формальном международном праве, страна, лишенная статуса цивилизации, практически перестает быть субъектом. На деле действует разработанная еще Локком презумпция права цивилизованного государства вести войну с варварской страной (причем эта война по определению считается «справедливой»), захватывать ее территорию, экспроприировать достояние и обращать в рабство ее жителей. Так в XVI–XIX вв. были легитимированы рабовладение и работорговля.

Во время колониальных захватов — для очистки земли от туземцев, работорговли и жестокой эксплуатации — требовалось создание идеологии, выводящей туземных «иных» за рамки принятых в западном обществе представлений о человеке и его правах. Одновременно «свои» повязывались круговой порукой солидарности цивилизованного человека. Идеологи хватались за любую научную теорию, манипулируя которой можно было «рационально» подтвердить представления о «цветных» как о не вполне людях.

Историк генетики Ч. Розенберг отмечает: «С принятием дарвинизма гипотетические атрибуты нервной системы цивилизованного человека получили верительную грамоту эволюционизма... Считалось, буквально, что примитивные народы были более примитивными, менее сложными в отношении развития головного мозга»⁹.

В настоящее время крайней степенью лишения страны статуса цивилизованной является ее квалификация как «страны-изгоя» или, как в случае СССР, «империи зла». Такие кампании достигают успеха в том случае, когда в самой стране-мишени возникает влиятельная общественная группа, воюющая на стороне противника, а в редких удачных случаях, как в случае СССР, когда такая сила возникает в лоне власти.

Во время перестройки и после 1991 г. было выдвинуто три версии, подрывающие цивилизационный статус России (СССР). Одна из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного разви-

⁹ Rosenberg Ch.E. Science and American social thought. Estudios sobre sociología de la ciencia. Madrid: Alianza, 1980. P. 291.

тия и осталась в состоянии варварства. Реформу представляли как «Реформацию России» — попытку политическими средствами превратить ее в цивилизованное общество. Эту мысль проводил А.Н. Яковлев.

Вторая версия состояла в том, что Россия представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов так излагал «особые нормы и стандарты», лежащие в основе российской цивилизации: «Ложь, клевета, преступление и т. д. оправданы и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т. е. укреплению военного могущества и расширению территории... Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях»¹⁰.

В подобной интерпретации России реформа виделась не как переход от варварства к цивилизации, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад». И.М. Клямкин прямо утверждал: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код».

Еще одна версия сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь отклонилась от «столбовой дороги» из-за советского эксперимента и теперь надо следовать Западу, чтобы наверстать упущенное за 70 лет.

Эта версия была сформулирована уже в 1960-е гг., во время «оттепели». В начале 1990-х гг. предлагались вариации этой идеи. Так, В.И. Мильдон пишет: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия»¹¹.

В 1990-е гг. образ России как нежизнеспособной цивилизации-монстра создавался в нескольких элитарных кружках гуманитариев. Красноречивы доклады и обсуждение на независимом теоретическом семинаре «Социокультурная методология анализа российского общества» (г. Москва) под руководством А.С. Ахиезера¹².

После 2000 г. власть какое-то время избегала выступать с декларациями о цивилизационном статусе России. К концу второго срока начали появляться взаимоисключающие заявления. В брошюре 2006 г. В.Ю. Сурков, который негласно считался идеологом Администрации президента, писал:

¹⁰ Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.

¹¹ Мильдон В.И. «Земля» и «небо» исторического сознания // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 87–99.

¹² По материалам сайта <<http://absentis.front.ru/>>.

«Развитие европейской цивилизации, частью которой является цивилизация российская, показывает, что люди на протяжении всех наблюдаемых эпох стремились прежде всего к материальному благополучию...»¹³

Но в восьмом Послании В.В. Путина Федеральному собранию (2007 г.) было сказано: «Мы должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю». «Базовые ценности, выработанные народом за тысячелетнюю историю» — это и есть мировоззренческая матрица, на которой собрана цивилизация.

Однако тотчас же последовала коррекция спичрайтеров президента (наверняка кто-то из них из-за такого недосмотра еще и пострадал). Идеиные отклонения от либерализма и западничества для «реформаторов» России являются недопустимыми.

8 июня 2007 г. в здании Президиума РАН В.Ю. Сурков выступил с лекцией, которую начал так: «Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии»¹⁴. Здесь важно утверждение, что российская цивилизация является частью европейской цивилизации, ее «версией» (как английская или испанская).

Это положение разрушительно для воспроизводства цивилизации. Вопрос о статусе России должен быть явно поставлен и заострен в национальной повестке дня. Если власть от этого уклоняется, его должны поднять социальные группы общества.

Необходимо видеть, что Россия — цивилизация, даже если это понимание идет вразрез с позицией некоторых властных группировок. Это слово должно быть сказано и должно повторяться постоянно, этот факт должен превратиться в стереотип коллективного бессознательного.

Тезис о «нереформируемости» России

Важным следствием представления о России как стране варварской или, в лучшем случае, как о деформированной («специфической») версии Запада, был вывод о том, что попытки реформирования или революционного преобразования России принципиально обречены на неудачу. Повторение этого тезиса разоружает молодежь, которая ощущает себя запертой в бесконечном порочном круге.

А. Безансон писал: «Когда «отстающая» страна принимается догонять тех, от которых она отстала, это нередко заставляет ее отклониться от вер-

¹³ Сурков В. Основные тенденции и перспективы развития современной России. Статья // <<http://polit.ru/dossie/2007/01/23/surkov.html>>.

¹⁴ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из Утопии. Статья // <<http://www.kreml.org/opinions/152681586>>.

ного пути и не позволяет достичь искомого результата. Руссо имел основания сказать, что Россия «сгнила, не успев созреть»¹⁵.

Еще более резкую оценку дает сегодня В.Ю. Сурков: «Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества... Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Все второпях, в ослеплении идеей. В раздражении чрезвычайно от вязкой реальности».

Метафорическую концепцию неудачных попыток «модернизации» России дал О. Шпенглер в книге «Закат Европы» (т. 2, раздел «Исторические псевдоморфозы»). Он применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии. Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, молодые чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе...»

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь... Прimitивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы... Народ, назначением которого было — в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути»¹⁶.

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, но сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивилизации можно ска-

¹⁵ Безансон А. Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа.

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века. Хрестоматия. В 2 т. Т. 2. М.: ИПЛ, 1991. С. 30.

зять, что она — псевдоморфоз (античная цивилизация Греции заимствовала многие формы не только у Египта, но и у черной Африки — и что из этого?).

И проекты, и реализация программ развития России с опорой на собственные цивилизационные структуры вызвали агрессивное неприятие части российской элиты, исповедующей евроцентризм (и в марксистской, и в либеральной версии).

Народники предложили концепцию индустриализации и модернизации России, отличную от того, как эти процессы осуществлялись в ходе буржуазной промышленной революции на Западе, — не через разрушение выработанных культурой общественных институтов, а с опорой на эти институты (прежде всего на общину и с вовлечением крестьянства)¹⁷. Проект народников вызвал у Маркса и Энгельса категорическое неприятие. Судя по их нетерпимости в полемике с народниками, проект «русского общинного социализма» оказался для них цивилизационно неприемлемым. Он стал вызовом Западу, и народники выглядели его экзистенциальными противниками. Российским марксистам было дано задание разгромить народников.

Переломный момент начала XX в., когда Россия «выпала из Европы», — русская революция. Она была началом мировой революции крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Израильский историк М. Агурский пишет: «Капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада... Социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации»¹⁸.

Ортодоксальные марксисты и в России, и на Западе (и потом в эмиграции) заклеили эту революцию. В разных вариациях говорилось о ней как об «азиатизации Европы»: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевик приносит с собой азиатизацию Европы»¹⁹. И это было почти общим местом в рассуждениях о социалистической революции. Возмущение вызывал именно ее цивилизационный характер, и навязанная Западом Граж-

¹⁷ По такому пути пошла Япония во время реставрации Мэйдзи: реформирование, имевшее целью форсированную модернизацию общества и хозяйства не по западному пути, а с опорой на *традиционные* (и даже архаичные) японские институты. Например, тогда была сознательно выработана специфическая японская модель промышленного предприятия, которая строилась не на принципах рынка рабочей силы, а на основе межсословного и межкланового контракта, как это практиковалось в Японии XI в. в контрактах между крестьянской общиной, ремесленниками и кланами самураев. К этому же принципу обратились в ходе модернизации Японии после Второй мировой войны.

¹⁸ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Монография. М.: Алгоритм, 2003.

¹⁹ Бухарин Н.И. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1988. С. 277–314.

данская война («война Февраля с Октябрем») также носила характер столкновения двух альтернативных цивилизационных проектов. В дальнейшем и ГОЭЛРО, и индустриализация 1930-х гг. трактовались как новый псевдоморфоз — негодная попытка модернизации.

Такое видение истории XX в. нагнетается в сознании молодежи через СМИ и систему образования под предлогом антисоветской коррекции образа России. На деле это убивает саму установку на модернизацию и развитие — все эти проекты заведомо обречены на неудачу. Одновременно заходя оправдывается неудача неолиберальной реформы («хотели как лучше, а получилось как всегда»). На этом участке генома российской цивилизации происходит важная мутация.

Картина мироздания

В любой цивилизации картина мироздания служит для человека той базой, на которой строятся представления об идеальном или допустимом жизнеустройстве.

Из того, насколько разными были самые фундаментальные мировоззренческие категории у разных народов, видно, что они не являлись отражением объективной реальности, а сложились на той матрице, которая возникла на ранних стадиях этногенеза. Эти категории очень устойчивы, и их смена сопряжена с цивилизационными сдвигами²⁰.

С мировоззрением тесно связано мироощущение. В западном обществе мир рационален (он десакрализован, лишен святости). В России человек видел мироздание как Космос — упорядоченное целое, с каждой частицей которого он был связан мириадами невидимых нитей, струн²¹. К.Э. Циолковский говорил, что Земля — колыбель человека, Космос — его дом. Воспринимая мир как Космос, человек испытывает не просто очарование, для него мироздание обладает святостью.

²⁰ Так, в V в. до н. э. высокого уровня достигли системы знаний о мире у древних греков и китайцев. Но совершенно разными были у них представления о *движении*. Физика Аристотеля не только не знала понятия *инерции*, но и отвергала как абсурдную саму идею движения, которое продолжалось бы без действия силы. В Европе принцип инерции открыл через *две тысячи лет* Галилей. Китайцы, напротив, видели мир в постоянном движении, для них оно было естественным состоянием всех вещей во Вселенной. Поэтому движение для китайцев не требовало объяснения, объяснять следовало изменение движения и особенно покой. Так в двух больших цивилизациях возникли разные идеи движения, а на них надстроились существенно разные картины мироздания. В XVII в. инерция была открыта в ходе научной революции, и это изменение картины мира было частью становления современного Запада.

²¹ Россия, которая включилась в промышленное развитие, восприняла научные представления о пространстве и времени, но так, что прежнее мироощущение при этом не было сломано. Научные представления, служа инструментами, сосуществуют с космическим чувством, хотя процесс их освоения был весьма болезненным.

Вот фундаментальное отличие: даже ближайшая к Западу (из незападных цивилизаций) Россия не претерпела такой мутации. В ней живо космическое чувство и ощущение смысла в существовании мира. В России не атрофировался естественный религиозный орган, и мир не предстает как профанная действительность. Немецкий историк В. Шубарт писал: «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России»²². Эта «надконфессиональная» религиозность, присущая всем евразийским народам СССР, была системообразующей силой цивилизации.

Понимание того, что у человечества есть «долг перед будущим», который не связан с прямым обменом «ты мне — я тебе», действует в концептуально разработанной христианством форме почти две тысячи лет. Эта установка утрачена, пожалуй, только у современного Запада. Вот вывод социологов, анализирующих мировоззренческие основания общества потребления: «Будущее не голосует, оно не оказывает влияния на рынок, его не видно. Поэтому настоящее стало красть у потомков».

Однако космическое чувство требуется воспитывать, как воспитывалось на Западе техноморфное, субъект-объектное восприятие мира. Над обучением молодежи этому чувству трудились русская поэзия (от Державина до Клюева и Заболоцкого), русская классическая литература, сказители всех народов России и массовые тиражи их сказок, мультфильмы и образ Гагарина. Все это сейчас замещается техноморфными образами западной массовой культуры, в том числе детской. Это — следствие определенной культурной политики, ответственность за которую несет государство, а не рынок. Рынок — институт регулируемый.

Процесс передачи главных смыслов картины мира как генетической информации российской цивилизации должен быть защищен от воздействия мутагенов.

Вызовы и угрозы

Необходимость оппозиции историческому вызову создает сильные связи солидарности, вплоть до соединения цивилизации в подобие военного ополчения. Русский народ испытывал угрозы военных нашествий на протяжении практически всего своего существования, что и предопределило многие специфические черты его культуры и национальной организации²³.

В истории русского народа с момента, когда завершалось его формирование, т. е. после освобождения от татарского ига, возникло общее ощущение

²² Шубарт В. Европа и душа Востока // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 83–93.

²³ Историк С.М. Соловьев насчитал за период с 1055 по 1462 гг. 245 нашествий на Русь и внешних столкновений. А на период с 1240 по 1462 гг. из этих 245 пришло 200 — война почти каждый год.

ние того исторического вызова, которым служила для русского народа экспансия Запада после разделения христианства в XI в.

Любая необходимость сплочения людей для того, чтобы срочно разрешить общую проблему, может быть представлена как вызов народу. Для этого разрешение проблемы должно быть истолковано как борьба. А значит, должен быть создан образ врага, от которого исходит угроза цивилизации как целому. Проект НЭП, в целом представленный как борьба с разрухой после непрерывной семилетней войны, включал в себя ряд больших программ ответа на исторические вызовы. Борьба с неграмотностью, борьба с массовыми заболеваниями и причинами массовой детской смертности, программа ГОЭЛРО, индустриализация 30-х гг. — ответ на вызовы и угрозы. Задача была поставлена именно как цивилизационная: «пройти за десять лет тот путь, который Запад прошел за сто лет, иначе нас сомнут».

Понятно, что сплывающее цивилизацию воздействие оказывают лишь программы, отвечающие на реальные вызовы и адекватные состоянию мировоззренческой матрицы общества. Несоответствие этих условий не дает возникнуть мобилизующей системе, и этого нельзя компенсировать интенсивностью и даже искусством пропаганды. Эффект симулякров может стать даже разлагающим. Так произошло с программой Хрущева (борьба с «культом личности» и гонка с США «по мясу и молоку»), так же произошло с программой реформ («борьба за демократию и рынок»).

Но главное, что этот опыт помог антироссийским «генетическим инженерам» выработать целую технологию профанации самого мировоззренческого понятия «вызов» и воспитания ненависти к большим мобилизационным программам предотвращения угроз. Само осознание жизни народа как непрерывного ответственного дозора было вытравлено из мышления молодежи. Силами масс-культуры и СМИ в России уже в течение двадцати лет ведется интенсивная кампания осмеяния самого понятия борьбы.

Даже в ходе нынешнего кризиса, которым «нас заразила Америка», в общественном сознании не возник вопрос, каким образом Россия (СССР) целый век защищалась от этой заразы. Сама идея активной защиты от какой-то цивилизационной угрозы выпала из интеллектуального арсенала российского общества. При передаче системообразующей информации была произведена важная мутация. Без срочной починки аппарата передачи этого знания Россия как цивилизация станет добычей самых ничтожных варваров и даже просто насекомых.

Воспроизводство народа

Конструктивная роль государства в сохранении цивилизации выражается в организации и содержании систем и институтов, которые непосредственно воспроизводят народ в его системных качествах.

К таким институтам относится, например, народное образование (школа). Так, превращение народов и народностей средневековой Европы в «буржуазные» нации современного Запада потребовало создания школы совершенно нового типа, с новой организацией учебного процесса, новым типом программ и учебников. Эта школа стала «фабрикой субъектов» западной цивилизации, очень специфического человеческого материала²⁴.

Цивилизация находится на подъеме, когда весь ее «личный состав» ощущает себя ее строителями и защитниками, когда все связано узами ответственности и «горизонтального товарищества». Демонстративный отказ власти или сословий выполнять этот негласный договор подрывает связность народа или нации и лояльность населения.

Например, попытка радикального отказа государства от охраны народного здоровья в Российской Федерации в начале 1990-х гг. воспринималась именно как знак того, что здоровье человека теперь никому не нужно. И народ стал рассыпаться. За этим стояла акция по смене антропологической модели, лежавшей ранее в основании российской цивилизации. Эта смена производилась без общественного диалога, без возможности высказаться основным социокультурным общностям России, что и вызвало латентный мировоззренческий конфликт. В результате дети и подростки России в настоящий момент получают в семье, в школе и через СМИ противоречащие друг другу или даже взаимоисключающие установки относительно главного для цивилизации вопроса: что есть человек?

Резко нарушено системное воспроизводство народа, а общественное сознание акцентируется только на количественных параметрах демографических процессов. Идет деградация структуры народа, резкое сокращение или даже исчезновение системообразующих для современной цивилизации общностей (например, рабочего класса или научно-технической интеллигенции). Более того, происходит неконтролируемое, кризисное передвижение по территории и перемешивание этнических общностей (этническая миграция), что вызывает болезненные процессы, повреждающие структуры цивилизации.

В 1990-е гг. были резко прерваны программы сплочения и развития сообществ, составляющих каркас общества, а также программы социокультурной интеграции этнических общностей в гражданскую нацию. Очевидно, например, цивилизационное значение роста в СССР числа межэтнических браков. Ведь смешанные браки — один из главных инструментов ослабления этнических барьеров и сборки больших наций. Механизмы воспроизводства России в этой плоскости претерпели неблагоприятную мутацию и продолжают деградировать.

---

²⁴ Превращение бывшей советской школы именно в такие «фабрики» и составляет суть школьной реформы в РФ.

Хозяйство

Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во всех составляющих цивилизации как системы, пересборку ее связей.

После 1991 г. в России была провозглашена программа изменения всех институциональных матриц. Реформы в России стали огромной программой имитации Запада. Это программа замены тех институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации — в данном случае Запада.

Имитация чужих институтов — важный симптом цивилизационного кризиса. К отказу от собственной традиции и от творчества скатываются культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени.

Имитация всегда сопряжена с низкопоклонством. Казалось бы, всегда можно найти объект для подражания и в собственном прошлом, наполнить творческим содержанием свою традицию. Нет, имитатор, подавляющий разум и творчество соотечественников, вынужден быть антинациональным (и наоборот, утрата национального чувства толкает к мышлению имитатора).

В сфере хозяйства самой крупномасштабной имитацией является попытка переделать советское хозяйство по шаблонам англо-саксонской рыночной системы. Л. Пияшева отмечала в 1990 г.: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого “экономического чуда” на нашу территорию... Моя надежда основана на том, что выпущенный на свободу “дух предпринимательства” возродит в стране и волю к жизни, и протестантскую этику»²⁵.

Здесь вера в имитацию сопряжена, как это часто бывает, с невежеством: как же это возможно возродить в православной России протестантскую этику, складывавшуюся столетиями!

К. Леви-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, писал: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут привести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим»²⁶. Такой синтез виден и в России (СССР), и в Японии, и в Китае. Дезорганизация и движение к краху наблюдаются сегодня в РФ.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт купли-продажи, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой цены. Общество формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально возможную выгоду за

²⁵ Цит. по: *Капа-Мурза С.Г.* Антисоветский проект. Монография // < http://www.situation.ru/app/rs/books/as_proj/as_proj16.htm>.

²⁶ *Levi-Strauss C.* Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds., 1990. P. 335.

счет приобретения собственности другого за наименьшую цену. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится рынок.

Напротив, в российском обществе акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи (обмена равными стоимостями) — рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Зато велико значение отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Мотивации труда тоже отличны: на Западе материальный мотив, в России — нематериальный. Всё это отношения, с точки зрения западного либерализма, несвободные и не поддающиеся рациональному расчету, они в значительной части мотивируются этическими ценностями.

В таком хозяйстве большой вес имеет сложение ресурсов и усилий, которое, как и в семье, регулируется критериями оптимизации целого, а не субоптимизации на уровне хозяйственной единицы (через прибыль). Цивилизационные различия этих двух типов хозяйства принципиальны и сказываются на всех сторонах общественной жизни.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов и оказывает большое влияние на исторический ход событий. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Это, как правило, приводило к огромным издержкам или провалу реформ, острым идейным и социальным конфликтам.

Уже два десятилетия из массового сознания вытесняются знание и понимание того типа хозяйства, на котором произошло становление и развитие России как цивилизации. Несколько поколений окажутся лишенными всяких цивилизационных программ в сфере хозяйства — они утратят информацию о тех больших системах, которые де-факто продолжают (хотя и в искаленном виде) действовать в России, но и не смогут освоить культурных основ и скрытых смыслов специфической системы Запада.

Происходит быстрая утрата населением России признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах. Западная система представлялась и представляется населению России в крайне идеологизированных формах и имеет характер пропаганды. Мутационным агентом в этом процессе является само государство, действующая власть.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было совершенно необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Ф. Бродель, изучав-

ший потоки ресурсов и всех средств жизни на Западе, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире. Для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда».

По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн ф.ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались практически все инвестиции, поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т. д. Средства, полученные из колоний, распределялись во всей интегрированной экономике Запады как цивилизации. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому Запад в XX в. имел возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро).

Таких источников Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Траектория развития Запады как цивилизации неповторима. Во всей истории не было случая, когда вторжение Запады в иную цивилизацию и культуру привело бы к возникновению «туземного» общества западного типа. Это всегда приводило к гибели местной культуры, если она не укрылась где-то в катакомбах. Причины такой неспособности Запады к «гибридизации» с иными культурами уже более ста лет осмысливаются философами и историками, и сейчас многое стало ясно. Звучит как парадокс, но известно: чтобы сблизиться с Западом, надо от него закрыться. Только так смогла освоить многие черты Запады Япония, сейчас с Западом конкурирует Китай.

Множественные цивилизационно-ценностные мутации, которые производит нынешняя либеральная реформа в генетическом аппарате России как цивилизации, подрывают воспроизводство всех ее главных структур. Без целенаправленной защиты этого аппарата и его «ремонта» Российская Федерация утратит признаки той цивилизации, которая была известна в мире как историческая Россия. Чревато это и потерей государственности как таковой.

Облик новых цивилизационных и культурных образований, которые возникнут на ее месте, пока не поддается рациональному предсказанию. Но урок СССР, на обломках которого сегодня существуют не слишком успешные государства, показывает степень угрозы для России.

1.8. Традиции и изменчивость

В работе, посвященной исследованию исторических изменчивостей страны, невозможно обойти такую тематику, как природа самой изменчивости. Если в биологической природе изменчивость есть процесс флуктуационных отклонений и их закрепление в наследственном аппарате, то в социальной природе действуют разум, опыт, инновация и традиция. Флуктуации и наследственность имеют вид модернизационных инноваций и социальных закреплений, передающихся в межпоколенных коммуникациях. Включаются институты культуры, образования, семьи.

Одним из основных вопросов в этом поле является вопрос о соотношении и оптимуме сочетания традиций и изменчивости как факторе жизнеспособности российской государственности.

В общей постановке эти вопросы подняты авторами в проблематике вариативности и цикличности глобального социального развития человечества¹. Конкретизация применительно к жизнеспособности России порождает очередные вопросы. Существует ли диапазон приемлемой и критической изменчивости в развитии цивилизаций? Каковы границы изменчивости и цивилизационной идентичности России? Каков оптимум сочетания традиций и инноваций? Существует ли предопределенность (тренд) модернизационного (постмодернизационного) разрушения цивилизаций?

Преемственность и изменчивость как базовые категории исторического процесса

История представляет собой сочетание двух сущностно противоположных, но системно связанных между собой принципов: изменчивости и преемственности. Исторический процесс формируется, как известно, в категориях прошлого, настоящего и будущего. Отсутствие изменений означает упразднение перспективы общественного развития (будущего), отсутствие преемственности — ее ретроспективы (прошлого). Любой из описанных случаев означал бы «конец истории».

Преемственность и изменчивость, взятые в качестве категорий общественного бытия, воплощаются через феномены традиции и модернизации.

Управленческий ресурс выдвигаемого авторами концепта заключается в тезисе о наличии оптимального по критерию жизнеспособности страны баланса преемственности и изменчивости. Он напрямую связан с базовыми потенциалами государственности — народонаселением и государственным управлением. Первая связь имеет прежде всего ментальную природу, вы-

¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакишин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М.: Научный эксперт, 2009.

ражаясь в соотношении традиционных и модернизационных ориентиров в сознании масс. Вторая определяется мерой традиций и инноваций в практике государственно-управленческих решений. Крайности модернизма и охранительства преодолеваются в их центристском синтезе (рис. 1.8.1).

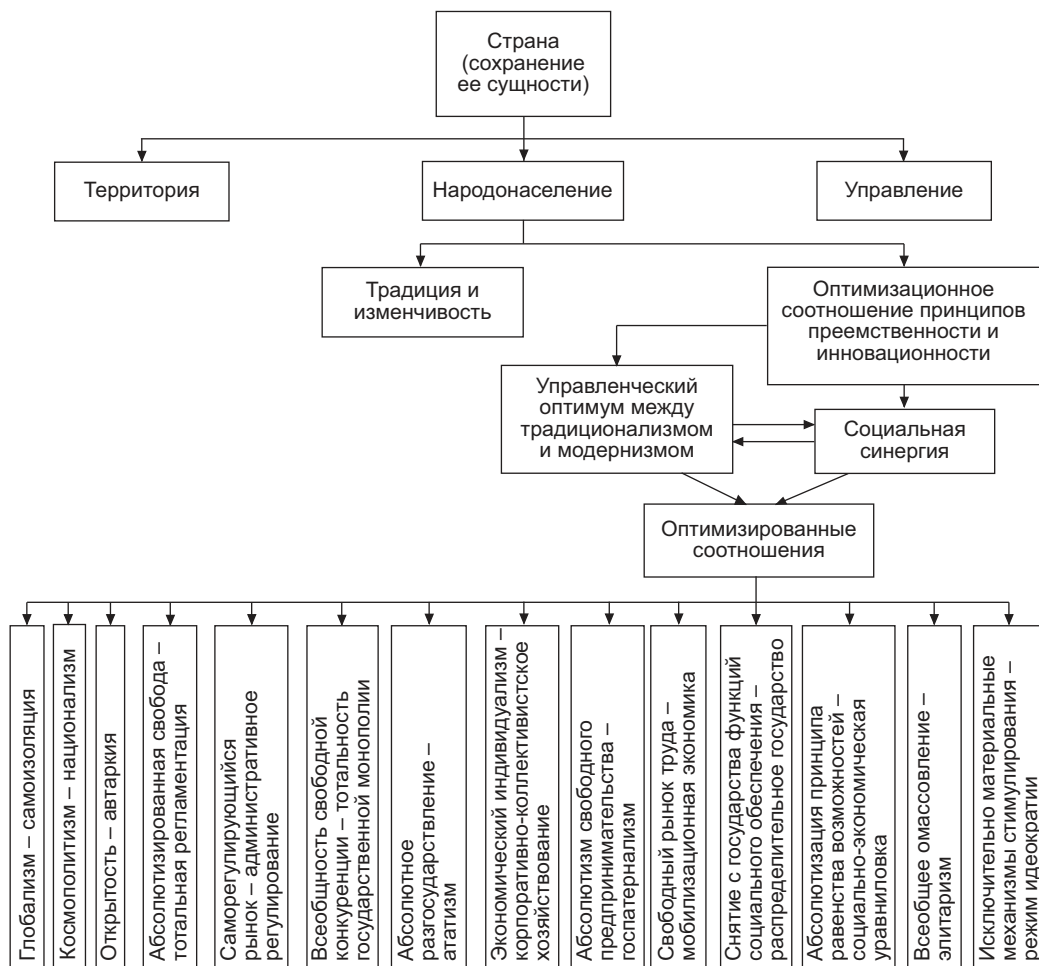

Рис. 1.8.1. Факторная декомпозиция фактора соотношения традиций и изменчивости в целях укрепления жизнеспособности страны

Практической задачей, решаемой на уровне ценностного целеполагания, является определение специфического для России оптимального сочетания управленческих решений. Как результат, формулируется задача нахождения меры соотношения ценностных принципов — меры автаркичности, меры этатичности, меры корпоративности, меры идеологизированности и т. п.

Авторами делается попытка осмысления истории и развития с позиций и религии, и науки. Обычно они противопоставлялись друг другу. Как вульгаризированное проявление этого противопоставления выступают концепты «линейного прогресса» (секуляризм) и «линейного регресса» (клерикализм). В действительности однонаправленного прогрессивного и регрессивного движения в истории не существует, всегда имеет место их комбинирование.

Важным теоретическим положением генонизма, взятым для объяснения процесса стадийных инверсий, является представление о феномене социальной эрозии. Возникая в идеальном облике (в религиозной традиции — божественном), каждая система в дальнейшем все более отдаляется от первоначального идеала и в конечном итоге подходит к своей гибели. Именно это объясняет феномен расконсервации тысячелетиями существовавшего традиционного общества, дает понимание, почему воплощавшая высшие ценностные ориентиры народов сакрализованная традиция становится на определенном этапе инструментом патерналистско-клерикального сдерживания.

Само формирование человеческого общества стало возможным благодаря появлению традиций. Через них осуществился исторический переход от биологического к социальному состоянию. Традиции выполняли функцию передачи из поколения в поколение накопленного опыта, а в эпоху, когда еще не существовала письменность, — и знаний².

Отсутствие развитой системы трансляторов знания (особенно в условиях дописьменной культуры) обуславливало жесткость механизмов табу и ритуала. Консервация в архаическом обществе выполняла, таким образом, охранительную роль в зыбком еще механизме трансляции познаваемого опыта. Но генезис традиций раскрывается в рамках не только религиозного, но и естественно-научного подхода.

Естественно-научная объяснительная модель рассматривает формирование традиций как протонаучную практику. Она представляла собой действие адаптационного механизма по отношению к природным условиям обитания соответствующей общности. Тысячелетия такой практики позволили выработать оптимум бытийных конструкторов — от специфики форм управления до локальных особенностей пищевого рациона. По многим параметрам современная наука даже отстает от уровня протопрактики. Достаточно указать на феномены ясновидения или целительства.

Еще один подход к генезису традиций вытекает из религиозного миропонимания. В нем необходима фигура «культурного героя», транслирующего

² Суханов И.В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. Монография. М.: Политиздат, 1976; Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. Статья // Советская этнография. 1982. № 2. С. 76–92; Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе. Статья // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.

человечеству «высшее знание». Задача сохранения полученного свыше откровения определяла специфику социального и политического структурирования традиционного общества. По источнику происхождения знания дифференцировались на божественные и мирские. Соответственно выделялись эзотерический — высший и профанный — низший познавательные пласты.

Знания включали в свой арсенал не только информационный, но и ценностные компоненты, выступавшие как синтезированное целое этического и феноменологического уровней. Понятие добра и зла едва ли не в каждой мифологической традиции являлось первоуровнем познавательной деятельности человека. Достаточно упомянуть мифологему библейского плода познания.

При всей вариативности локальных культов, представления о базовых человеческих ценностях в традиционных религиях удивительным образом совпадают. Так, под содержанием десяти христианских заповедей могли бы расписаться представители любой из конфессий. Но универсализм высшего познавательного уровня традиционных религий не означал существования единого универсального учения («брахмавидьи»), о котором говорили теософы. Совпадая на высшем уровне, на среднем и низшем пути познания расходились.

Это согласуется с подходом Рене Генона, трактовавшего различия сакральных форм знания через вариативность качеств человеческой и исторической среды. Но в ядре традиционных учений не обнаруживаются конфессиональные расхождения. Генон определял его как «Примордиальную традицию» или «Изначальное предание»³.

В отличие от современной сетевой модели структура знания традиционного общества может быть представлена в виде пирамиды (рис. 1.8.2).

Рис. 1.8.2. Иерархия традиций

³ Генон Р. Избранные произведения. М.: Беловодье, 2004; Элиаде М. Священное и мирское. Соч. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Соответственно, традиции различались по степени универсальности. Традиции с большой буквы адресовались как откровение всему человечеству, выражая его традиционалистское всеединство. На среднем уровне уже допускалась вариативность божественного знания. Среднеуровневая традиция закрепляла множественность возможных путей трансляции знаний.

Уместно говорить о своеобразном традиционалистском плюрализме миропознания. Современная плюрализация осуществляется в принципиально иной форме — системного унификаторства. Домодернистский плюрализм, напротив, был скорее плюрализмом систем, чем плюрализмом индивидуумов. Среднеуровневые традиции выступали как интеграторы цивилизационных общностей. Неслучайно, что модернистская детрадиционализация обернулась на практике эрозией цивилизаций.

Наконец, традиции третьего уровня связаны с микромасштабом. Они закреплялись главным образом на уровне повседневного бытия, смыкаясь с обрядовой практикой и заповедными нормативами. Разрушение традиций и профанизация приводили повсеместно к трансформации локальных знаний в суеверия. Степень вариативности путей познания, естественно, зависела от особенностей соответственного природно-средового локалитета.

Веками вырабатывались оптимальные семиотические пропорции, составляющие локально-этническую символику. Архитектура, аранжировка помещений, одежда, пища закреплялись традицией по принципу их наибольшего благоприятствования специфике антропологической природы и географической среды. Если традиции первых двух уровней выражались главным образом через религиозный и мифологический пласт познания, то для третьего была характерна ниша магического опыта. Поэтому противопоставлять религию и магию, как это часто делается в рамках теологической критики народных суеверий, гносеологически некорректно. Различие между ними есть различие не учений, а уровней познания⁴.

Важнейшей функцией традиции является обеспечение самосохранения человечества. В детрадиционализованном обществе модернистского типа данный регуляционный механизм оказался разрушен. Лишившись исторически выработанных механизмов выживания общество избрало себе в качестве ориентиров такие пути развития, которые ведут его к значительным угрозам, ставят даже на грань устойчивого существования, а то и существования как такового. Это явилось своеобразным парадоксом эпохи модерна. Прогрессивность оказалась нетождественной жизнеспособности. Напротив, поддавшись на приманку быстрого материального результата, человек оказался во многих отношениях в ловушке угроз и рисков.

---

⁴ *Mc Kinney J., Loomis C. The Typological Tradition // Urban Man and Society. A Reader in Urban Sociology. N.-Y., 1970.*

Угрозы человечеству при дальнейшем его движении в обозначенном современном фарватере развития налицо. Выход видится в определенном восстановлении значения традиций. Конечно, в свое время переход к модерну дал импульс развитию. Но именно разрушение традиций вызвало к жизни и деструктивные процессы. На эту угрозу обращал внимание еще «жениевский папа» Жан Кальвин: «Плохо живется при князе, все запрещающем, но много хуже — при князе, все дозволяющем»⁵.

Восстановить традиции в формате заветов и табу традиционного общества не представляется возможным. Да это и бесперспективно с точки зрения стратегии развития. Речь идет о синтезе традиционализма и модернизма. Развитие будет, таким образом, осуществляться не в противоречии с традиционными ценностными ориентирами, а на их основе. Данное положение явится залогом того, что вектор развития не будет направлен против самого человека и его высших ценностей (рис. 1.8.3).

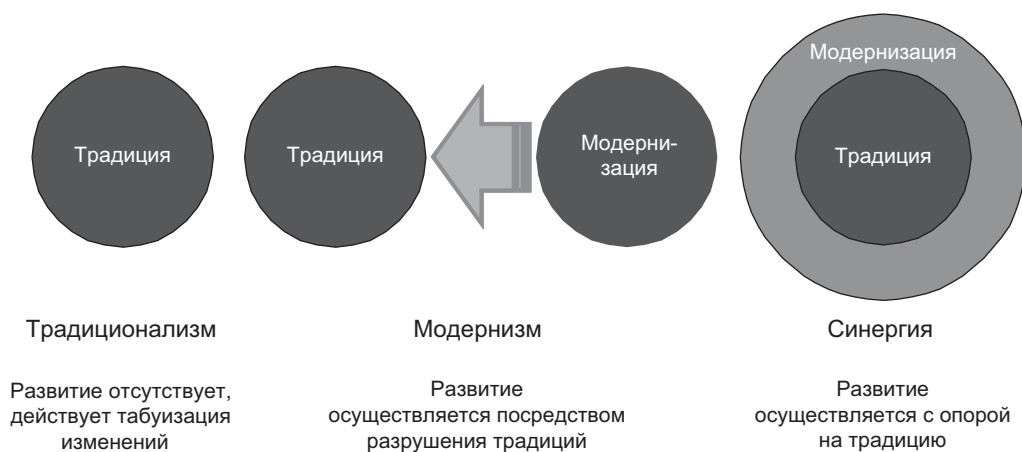

Рис. 1.8.3. Исторические парадигмы развития

Абсолютизированный и доведенный до логического предела модернизм трансформировался в постмодерн. Оба этих состояния есть две фазы единого модернизационного процесса. Несмотря на общее генетическое основание, в настоящее время они выступают в качестве антагонистических принципов. Стратегия успеха в борьбе с постмодернистской угрозой видится в союзе модернизма и традиционализма. Синергичный традиционалистско-модернистский подход может стать идеологической платформой такого альянса. Именно поэтому модернизация России с целью увеличения ее жизнеспособности, в отличие от либеральной версии модернизма, должна базироваться на ее цивилизационно-ценностных накоплениях.

⁵ Колсон Ч., Вон Э. Конфликт царств. Монография. М.: Гендальф, 1996. С. 229.

Принцип охранительства и идеология консерватизма: необходимая оговорка

Предлагаемое авторами восстановление значения принципа охранительства отличается от его одномерного понимания в идеологии консерватизма. Растущая популярность консерватизма обуславливает необходимость некоторых разъяснений.

Характеру современного осмысления феномена консерватизма наиболее точно соответствует фраза Владислава Суркова: «Мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое»⁶. «Единая Россия» презентует себя как консервативная партия, но при этом все, что она делает в Государственной Думе, является либеральным.

В результате такой откровенной бутафоризации консерваторы — это те, кто за все хорошее и против всего плохого. Кто же с ними не согласится? Важна ли церковь? Безусловно. Государство? Да. Нравственность, духовность? Никто не возражает против всех этих категорий. Однако делается иное.

Кроме риторического уровня, уровня номинации ценностей необходимо понимать и онтологию, фундаментальные основания явления.

Одним из таких базовых принципов является принцип охранительства. Он соотносится с присущим всему живому инстинктом самосохранения. В политическом же преломлении этот принцип выражается в консерватизме. Консерватизм — можно сослаться на определение С. Хантингтона — подразумевает огораживание, предохранение, защиту целевых установок⁷. В этом смысле без консервативной компоненты любое общество не может существовать.

Но достаточно ли для существования общества реализации единственного принципа охранительства? В частности, принцип изменчивости политически воплощается через модернизм. Принцип преемственности выражается в феномене традиционализма. Принцип групповой солидаризации реализуется политически через социализм в различных его модификациях. Наконец, принцип индивидуумной детерминированности раскрывается в либеральном направлении политического спектра. Перечень может быть продолжен.

Все перечисленные компоненты крайне важны для того, чтобы общественная система функционировала и нормально развивалась. Соответственно, жизненно необходимы и все представляющие их политические течения. Весь вопрос в их ролевых пропорциях для каждого конкретного типа общества.

⁶ Ремизов М. Консерватизм сегодня: аналитический обзор // <www.apn.ru/publications/article1748.htm>.

⁷ Huntington S. Conservatism as Ideology // The American Political Science Review. Vol. 51. 1957. P. 454–473.

Оптимальные пропорции представленности политических компонентов варьируют в зависимости от цивилизационного контекста. Различается, в зависимости от типа общественного устройства, и их иерархия.

Связанный, как указывалось выше, с инстинктом самосохранения человека консерватизм является особо значимым сегодня политическим направлением. Инстинкт самосохранения в современной модели мироустройства оказался снижен.

Консерватизм — это не только политическая онтология, и даже не только принцип бытия, но еще и определенный стиль мышления. Описание его характерных черт связано прежде всего с фигурой Карла Маннхейма⁸. В чем заключается этот стиль? С одной стороны, консервативная культура адаптивна. Для нее особенно важны средовые ограничители. С другой стороны, как ментальный тип консерватор в большей степени созерцатель-метафизик, нежели практик. Можно вспомнить в этой связи полушутливую фразу Вудро Вильсона: «Консерватор — это такой человек, который сидит и думает, но чаще — сидит»⁹. В этой непрактичности консерватора следует, вероятно, видеть одну из причин кризиса монархии в России начала XX столетия. В 1917 г. представители многочисленных монархических организаций «сидели и думали», тогда как другие действовали¹⁰.

Возвращаясь к изречению Владислава Суркова, уместно задаться вопросом: а какой собственно тип консерватизма сложился в современной России — «фундаментальный», «социальный», «революционный», «либеральный»?¹¹ Наиболее точно было бы охарактеризовать предлагаемую сегодня версию консерватизма как «консерватизм аппаратный».

Из всех весомых ценностных установок современного российского общества и российских властей доминирующее значение имеет доходящее до крайности нежелание развития. И власть, и народ панически не хотят перемен. Как бы чего не вышло! Если в конце 1980-х гг. лейтмотив умонастроенный масс выражался призывом: «Мы ждем перемен!», то для современной эпохи это будет апелляция к древнекитайской сентенции: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен».

Одной из исторических модификаций консерватизма выступал брежневизм. По существу в первом десятилетии XXI в. восстановлена именно брежневская модель общественной консервации. Россия, по сути дела, встала на путь развития, который был выбран СССР после известного

⁸ Манхейм К. Консервативная мысль. Сборник статей // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

⁹ Цит. по: Шагин А.С. Изречения о политике. Сборник. М., 2009. С. 42.

¹⁰ Степанов С.А. Черная сотня. 2-е изд., доп. и перераб. Монография. М.: Эксмо, Яуза, 2005; Кожин В.В. Черносотенцы и революция. Монография. М.: Прима В, 1998.

¹¹ Дугин А.Г. Четыре консерватизма. Статья // Русское Время. Журнал консервативной мысли. 2009. № 1. С. 10–15.

нефтяного кризиса 1970-х гг. Вновь доминирует иллюзия, что существование страны может быть обеспечено за счет нефтедолларов. В этом, собственно, и заключается парадигма аппаратного консерватизма. Такой консерватизм в свое время стал фактором развала Советского Союза. Новая генерация российских аппаратных консерваторов наступает на те же самые грабли. Отсюда неутешительный прогноз: когда ресурсы закончатся, закончится и эпоха аппаратного консерватизма. Возникнет скорее всего очередной революционаризм.

Вызывает, на первый взгляд, удивление политический кульбит, совершив который пришли к консерватизму современные российские консерваторы. В истории нет аналогов такого рода. Бывшие коммунисты и комсомольцы массово превратились в одночасье в «убежденных» либералов, а затем столь же дружно и столь же стремительно записались в консерваторы.

Проделанный кульбит во многом объясняется логикой развития капитала. На излете советского режима перед партноменклатурой встала задача приватизации государственной собственности и легализации накопленного под партийным прикрытием капитала. Идеологическим прикрытием указанных операций лучше всего могла послужить доктрина либерализма. Далее возникает задача обосновать свое эксклюзивное право на владение приватизированными ресурсами, ограждая их от вероятных международных претендентов. Отсюда — замена идеологии либерализма идеологемами национального консерватизма. Следуя обозначенной логике, новым идеологическим ориентиром российского капитала должен стать фашизм, перспектива которого уже реально обозначена в спектре массовых информационных технологий¹².

Движение, как известно, это одна из базовых характеристик жизни. Организм не может существовать в иных форматах, нежели развитие или деградация. Состояние покоя есть опасная иллюзия. Стагнирующая система неизбежно деградирует. Поэтому консерватизм, как консервация текущего состояния, бесперспективен. Собственно консерватизма в чистом виде не существует, да и, вероятно, не может существовать.

«У человечества, — писал в свое время логик и математик Альфред Уайтхед, — есть только два пути — или развитие, или деградация. Консерватизм в чистом виде противоречит сути законов Вселенной»¹³.

Основу предлагаемого видения исторического процесса представляет собой синтез модернизации и цивилизационного подхода. Главный недостаток существующих в историографическом дискурсе модернизационных схем заключается в их стирающем цивилизационную идентичность уни-

¹² Кургинян С.Е., Аутенцилюс Б.Р., Гончаров П.С., Громько Ю.В. и др. Постперестройка: Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. Монография. М.: Политиздат, 1990.

¹³ Шагин А.С. Изречения о политике. С. 415.

версализме. Логика модернизма заключена в модели восхождения от традиционного общества к обществу современного типа. Зачастую как грядущая перспектива выделяется еще третий постмодернизационный этап, связанный с окончательным завершением процесса глобализации и устранением с исторической сцены института национальных государств¹⁴.

Основной недостаток применения к истории методологии только цивилизационного подхода заключается в его статичности. В вину «цивилизационщикам» справедливо ставится облегченное отношение к исторической изменчивости и отрицание универсальных законов общественного развития. Сами цивилизации предстают в цивилизационном изложении как некие застывшие феномены. При абсолютизации применения к одной из указанных методологий обнаруживается, таким образом, выхолащивание базовой для исторического процесса категории развития, а в случае другой — его «пространственной» вариативности. Синтез же обозначенных подходов позволяет компенсировать содержащиеся в каждой из них изъяны¹⁵.

Модернизация есть, безусловно, закономерный компонент в мировом историческом развитии. Однако конкретное ее проявление существенно корректируется в зависимости от цивилизационного контекста. Уместно говорить о цивилизационной множественности моделей модернизации.

¹⁴ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна. Статья // < <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2680>>.

¹⁵ Барabanов О.Н. Реформы и контрреформы в России XIX–XX вв.: международный «круглый стол» ассоциации выпускников исторического факультета МГУ // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 5. С. 64–65; Долюцкий И.И. Россия в начале XX века: общее и особенное // Реформы второй половины XVII–XX в.: подготовка, проведение, результаты. Сборник статей. М.: Политиздат, 1989. С. 83–107; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. Монография. СПб.: РХГИ, 1998; Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: От сороковых к девяностым годам XIX в. Монография. М.: Уникум-Центр, 1997; Ионов И.Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. № 4. С. 62–73; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Монография. М.: РОССПЭН, 1998; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. Монография. М.: Таурис, 1994; Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Модернизация России. Мировой опыт и наши перспективы // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 80–88; Крестьянство и индустриальная цивилизация. Сборник статей. М.: Наука, 1993; Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. Монография. М.: Наука, 1996; Пантин И.К., Плимак Е.Г. Россия XVIII–XX вв. Тип «запаздавшего исторического развития». Статья // Свободная мысль. 1991. № 11; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–206; Российская модернизация XIX–XX веков: индустриальные, социальные, экономические перемены. Сборник статей. Уфа: Восточный университет, 1997; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27; Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 8. С. 70–79; Штомпка П. Социология социальных изменений. Монография. М.: Аспект Пресс, 1996.

Традиционное общество создавало свою своеобразную матрицу цивилизационного существования. Авторам представляется возможным с опорой на типологию, предложенную известным российским китаеведом А.С. Селищевым, идентифицировать подобную матрицу условий протекания модернизационных процессов (табл. 1.8.1)¹⁶. Базовые ценностные критерии развития оказываются принципиально различными, что зависит от идентифицируемой цивилизации. Для русской цивилизации они совершенно иные, чем, например, для сообществ Запада. Констатация этих различий позволяет ввести в качестве категории, отражающей своеобразие протекания модернизационных процессов, понятие «цивилизационного ограничителя развития» (или «цивилизационного коридора развития»).

Перед каждой из цивилизаций стоит выбор между двумя возможными моделями модернизации — «дискретной» и «консервативной». Дискретная модернизация протекала в разрыве с цивилизационной традицией. Она представляла собой радикальный вариант общественного обновления. Дискретная логика заключалась в высвобождении из рамок традиции. Напротив, консервативная версия модернизма заключалась в эксплуатации этой традиции в соответствии со стоящими перед обществом модернизационными задачами. Цивилизационная идентичность в данном случае не только не являлась препятствием, но служила особым ресурсом развития. Наряду с категорией «цивилизационного ограничителя» понятие «цивилизационный ресурс» отражает вариативность протекания модернизационных процессов.

Может, впрочем, возникнуть вопрос о том, насколько оправданно применять понятие модернизации к системе, опирающейся на традиционалистский потенциал. Не будет ли более точным определение ее как репродукции традиционного общества? В действительности между ними существует принципиальное отличие. Традиционное общество адаптивно к традиции. Модернизация же всегда ургийна. Традиция при ней может быть эксплуатируема в модернизационных задачах, но не может служить механизмом средовой адаптации¹⁷.

Цикличность развития

Существуют ли закономерности смены обозначенных выше модернизационных моделей? Насколько исторически определен выбор между дискретной и консервативной модернизациями?

¹⁶ Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. Монография. СПб.: Питер, 2004. С. 14–15.

¹⁷ Багдасарян В.Э. Традиционализм и цивилизационная идентичность России. Монография. М.: Собрание, 2006.

Цивилизационная матрица модернизации

Критерии	Западная (христианская) цивилизация	Исламская цивилизация	Индийская — (буддийская) цивилизация	Китайская (конфуцианская) цивилизация	Русская (православная) цивилизация
Отношение к материальному успеху	Индивидуальный успех	Материальный успех не поощряется	Высшая ценность бытия — Нирвана. Материальный успех — ничто	Постоянное самосовершенствование человека, включая рост материального достатка	Материальный успех имеет подчиненное по отношению к социальным нормативам и идеалам значение; диспаритет материальной успешности противоречит социальной гармонии
Отношение к индивиду	Индивид во все большей степени рассматривается как единица общества. Ставка на сильного индивида, на частную собственность, свободу	Человек — песчинка. Ставка на хорошо дисциплинированный и покорный воле старшего социум. Частная собственность. Основа общества — семья. Общая установка на общественное равенство	В центре индивид, но не как свободная личность, а как оболоченный человек, занятый мыслями о собственном спасении, а также спасении своей общины. Основа общества — семья	Организованность и дисциплина, но основанная не на покорности, а на чувстве долга. Основа общества — семья	Идеал соборности. Общинно-эгалитарный критерий индивидуальной деятельности
Социальная мобильность	Широкие возможности проявления квалификации в разных сферах деятельности. Высокая мобильность	Большая мобильность (сегодня — раб, завтра — эмир, и наоборот). Но все в основном зависит от удачи. Фатализм. Мобильность тормозится религиозно-нормативными ограничениями	Кастовость. Отсутствие социальной мобильности. Мобильность инициируется идеями сансары	Мобильное общество несколько тормозится жесткой структурой государства. Мобильность бюрократически-рангового типа	Госпатернализм. Высокий уровень социальной мобильности определяется активностью государства

Критерии	Западная (христианская) цивилизация	Исламская цивилизация	Индийская — (буддийская) цивилизация	Китайская (конфуцианская) цивилизация	Русская (православная) цивилизация
Отношение к закону	Перед законом индивид отвечает только за себя. Рациональное правосознание	Индивид часто несет ответственность за членов своей семьи, рода, гильдии, касты, общины. Традиционное правосознание			Трактовка закона определяется высшей государственной и идеологической целесообразностью. Харизматическое правосознание. Закон может быть противоположен справедливости
Отношение к религии	Сфера религии ограничена отношениями человека со святыми. Прочие отношения не религиозны	Важность религиозных отношений во всех сферах общества, в том числе и в экономике. Регламентационная роль религии	Религиозный иррационализм. Бегство от мира объективизации	Религиозные принципы как высшая целесообразность. Роль ритуала	Идеократия. Религия имеет характер идеологии, но не бытовой нормативности
Общественная активность	Усиление человеческой активности в общественных отношениях возможно и желательно	Смирение и послушание. Повиновение перед старшими	Жесткая кастовость. Общественная активность минимальна ввиду своей бессмысленности	Упор на общественную стабильность и порядок	Общественная активность инициируется сверху. Воля вместо свободы
Отношение к политической деятельности	Большинство людей в той или иной степени вовлечены в политическую деятельность	Заповеди ислама не препятствуют мусульманину заниматься политикой, при условии подчинения ее императиву веры	Безразличие индивида к власти, администрации, к государству. Политикой занимается ограниченное меньшинство населения	Слабая политическая, но сильная социальная активность. Политикой занимается ограниченное меньшинство населения. Император выше закона. Сакрализация высшей власти	Революции сверху. Всплески политической активизации. Персонафицированность политических ориентиров. Царистский культ. Феномен народной монархии

Для ответа на эти вопросы использовалась методика экспертной оцифровки слабоформализуемых факторов исторического процесса¹⁸. Оцифровывался, в частности, показатель управленческих усилий правящей элиты двух типов: про и контрацивилизационной идентичности государства. Оценка проводилась с шагом 5 лет за исторический период с 1750 по 2008 г. Количественная оценка усилий элиты лежит в диапазоне от плюс 10 до минус 10 (рис. 1.8.4). Полярность оценки означает, на пользу (плюс) или против (минус) цивилизационной идентичности направлены усилия элиты, модернизирующей страну в тот или иной период.

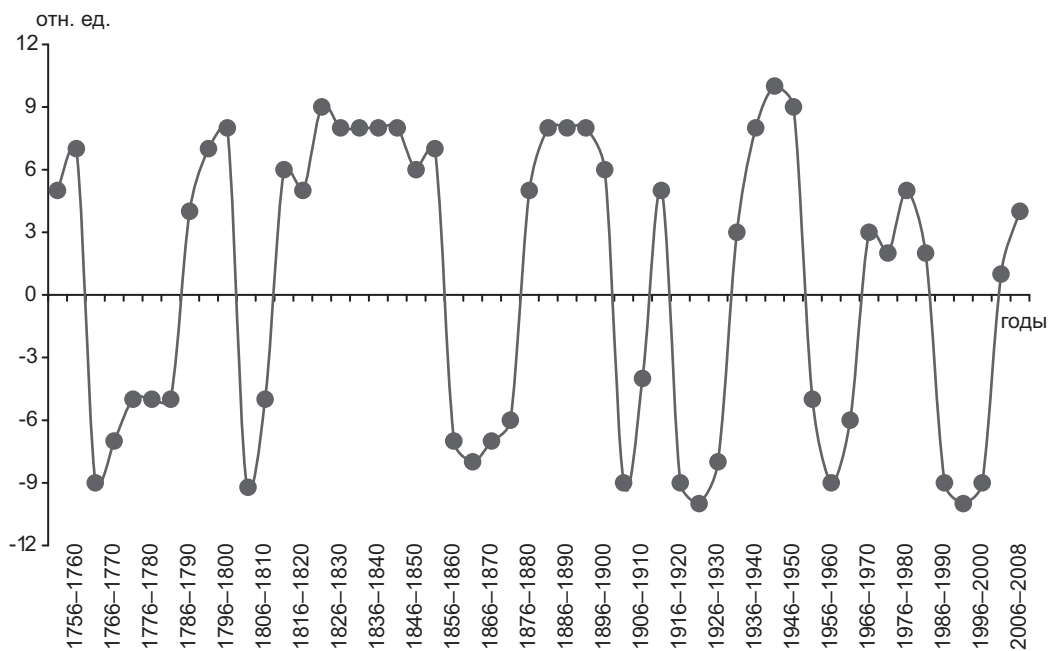

Рис. 1.8.4. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Российского государства

Полученные результаты для хода российской истории имеют почти «идеально» гармонический вид (другими словами, колебательный или циклический). Дискретная и консервативная модели модернизации находятся в режиме чередования. Сформулированный таким образом концепт получил условное обозначение «цивилизационного маятника»¹⁹.

¹⁸ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.

¹⁹ Багдасарян В.Э. Россия в условиях трансформаций: Теория цивилизационного маятника. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.

Для вывода системы (в данном случае цивилизационной системы) из состояния равновесия нужен внешний толчок. В качестве такого рода толчкового механизма выступают иносистемные внешние проникновения. Сталкиваются парадигмы охранительства и изменчивости.

На самом деле здесь проявляется фундаментальнейшее свойство материального мира. Развитие всегда связано с взаимодействием минимум двух «противоборствующих» сил или энергий. Для иллюстрации этой мысли обратимся к классическим примерам базовых социальных энергий, которые, взаимодействуя друг с другом, приводят к неким закономерностям исторического движения. Сложность заключается в том, что разные дисциплины (в особенности точные и гуманитарные) с разным «тезаурусом», разной методологией высвечивают различные стороны одного и того же предмета, зачастую не видя соседних достижений и не понимая языка друг друга, не имея возможности синтезировать и описать общие подходы.

Речь идет о сочетании двух конфликтующих начал (изменчивости и сохранности), которые перманентно присутствуют в любой точке исторического развития человечества — хоть на 1000 лет назад, хоть на 1000 лет вперед. Проблема взаимодействия этих двух факторов всеисторична, она постоянна. Независимо от времени на каждом отдельном историческом отрезке наблюдается устойчивый частотный состав спектра исторических колебаний. Независимо от того, каковы политический режим, экономический строй, происходит ли мор, война или, наоборот, prosperity — но два звена действуют всегда.

Фактически обнаруживаются два всеисторичных, перманентно действующих типа социальной энергии, абсолютно первичных, первородных, в результате которых происходит развитие. Здесь принципиально понимать, что развитие — понятие, нетождественное изменчивости. Развитие — это результат взаимодействия изменчивости и статичности. У развития должно быть два начала. В каждой точке времени на всей шкале человеческой истории они всегда присутствуют.

Этот вывод важен, несмотря на то, что кажется каким-то даже банальным. Но когда он подтверждается эмпирически, то дает проекции на многие детали для их понимания. Вытекают, в том числе, практические рекомендации, совершенно утилитарные проекты управления страной или позиционирования России в мировом и историческом пространстве. На некотором этапе развития человечества доминировал традиционализм. Затем — столкновение традиционализма и модернизма с разбалансировкой в пользу модернизма, что поставило и пока еще продолжает ставить и человечество, и Россию с ее нежизнеспособными реформами на грань слома системы и самоуничтожения.

Вывод из этого экскурса в смежные науки — вполне оптимистическая пролонгация — заключается в том, что должна возникнуть синергия как

гармоничное сочетание модернизации (изменчивости) и традиционализма (охранительства), которые как при безошибочном использовании тормоза и газа в автомобиле, приведут к гармоничному и устойчивому развитию человечества.

Цикличность обнаруживается и в природе кризисов общественного сознания, под которыми, в соответствии с греческой этимологией слова, понимается исход, поворотная точка, смена вектора развития. Трансформации, сообразно с концептом цивилизационной цикличности, есть следствие инноваций и их борьбы с охранительством, традицией. Результирующая направленность развития на той или иной исторической стадии определяется конкретным соотношением инновационного и традиционного потенциалов.

При доминировании первой составляющей происходит процесс инновационной трансформации (в российском варианте — периоды прозападного реформирования). Инновационный вектор объективно вызывает к жизни стагнацией замкнутой внутри себя системы, необходимостью преодоления сдерживающих барьеров и стереотипов, связанных с институционализированной традицией.

Однако инновации в свою очередь вызывают действие сил цивилизационного отторжения, что задает обратный ход «маятникового» механизма. Кризисы в этом смысле есть максимальные точки отклонения «маятника» от вертикальной оси. После достижения максимума инновационной амплитуды вектор общественного развития неизбежно сменяется на противоположный. Исторически реализуется период консервативной инверсии (в российском варианте — периоды контрпрозападных реформ).

Периодичность кризисов в истории России (фактически при каждой новой интронизации) особо наглядно раскрывает сущность маятниковых инновационно-цивилизационных инверсий. Данный подход позволяет различить ритмику кризисов общественного сознания, прогнозировать тип трансформаций и определять исторически оправданное реагирование на трансформационные процессы. Все это не означает отрицание инновационного пути, а напротив, дает его более глубокое понимание и возможность посмотреть на кризисные колебания как исторически объективное детерминированное явление.

Еще для XIX в. была замечена устойчивая повторяемость в идеологическом смысле российских государей через одного. Доминанта прозападных тенденций в политике одного неизменно сменялась почвенническим поворотом в последующем царствовании. Хронологические рамки каждого из этапов цивилизационных колебаний связаны с последовательностью интронизаций. Классический пример представляет собой циклическая триада смены общественного сознания эпох правления: Николай I (консервативная модель) — Александр II (инновационная инверсия) — Александр III (цивилизационное отторжение).

Маятниковая ритмика происходящих в России инверсий даже более наглядно прослеживается в XX столетии. Проявление хода цивилизационного маятника обнаруживается в самых различных сферах общественного бытия.

Экономический аспект истории может быть усмотрен в цикличности выбора между полюсами огосударственного управления и рыночной саморегуляции. Когда бюрократическая рутина становилась сдерживающим фактором экономического развития, узда государства несколько ослабевала и приоритет развития смещался в сферу частного предпринимательства. Однако с обеспечением временного инновационного прорыва, переориентированная на интересы предпринимателя экономическая система оказывалась в состоянии разбалансировки. Актуализировался курс на очередное усиление государственно-управленческих механизмов в экономике. Если с такой переориентацией правительство запаздывало, возникал экономический кризис. Последствия экономического кризиса могли бы быть гораздо менее масштабными при превентивном государственном реагировании. Принятие концепта циклического развития экономических систем позволяет создать более сложную, чем имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования, включая так называемые меры управленческой готовности.

Демографическая история России также позволяет проследить подобие маятниковой траектории в динамике естественного воспроизводства населения. Наложение на шкалу интронизаций показателей репродуктивной активности российского населения точно соответствует западническо-почвеннической ориентации монархов. При царях-«западниках» общий коэффициент рождаемости в России, варьируя по годам, в целом снижался, тогда как при «почвенниках» возрастал. Зигзаги демографической динамики в России на всем протяжении XX столетия также соотносятся в общих чертах с режимом ценностных инверсий. Как самые отрицательные в демографическом плане отрезки отечественной истории статистика дает ленинский и ельцинский периоды. Характерно, что оба они связаны с резким революционным разрывом с традицией цивилизационной идентичности России.

«Цивилизационный маятник» опровергает представление о существовании универсального модернизационного тренда развития. Исторический процесс разворачивается в действительности не только в соответствии с долгосрочной линейной закономерностью, но и в динамике циклических инверсий. Государство и общество оказываются всякий раз перед выбором принципа системного развития. Непредопределенность исторического процесса означает возможность управленческого конструирования будущего.

Использование представлений о цивилизационном маятнике позволяет переосмыслить некоторые сложившиеся историографические стереотипы. В частности, разрушается традиционная политическая спектральная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под каждым из маркеров «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две антагонистические

силы. Представители монархической власти могли выступать в качестве носителей революционной идеологии, а революционеры — в качестве консерваторов²⁰.

«Цивилизационный маятник» позволяет примирить между собой извечных диспутантов о путях российской истории — «славянофилов» и «западников». Как западническая, так и славянофильская платформы были исторически оправданны. Обе предложенные модели развития были объективны и политически целесообразны.

Теория «цивилизационного маятника» была верифицирована и на историческом материале ряда зарубежных стран применительно к истории США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Японии, Китая, Турции, Бразилии (рис. 1.8.5–1.8.14). Положение о цикличности управленческого подхода к модернизационному процессу находит во всех рассматриваемых случаях свое подтверждение. Страновые различия заключаются лишь в амплитуде и частоте исторических колебаний. Различия в ритмике модернизационных инверсий проливают дополнительный свет на проблему соотношения универсального и специфического в истории цивилизаций. Характерно, что в России амплитуда маятниковых колебаний оказывается больше, чем где бы то ни было, что совпадает с представлением о радикально-максималистском размахе российской истории.

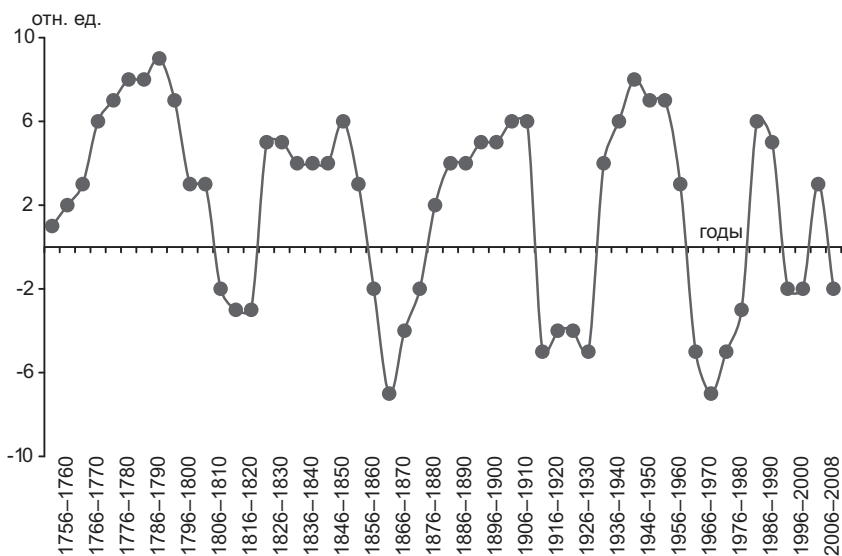

Рис. 1.8.5. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности США

²⁰ Багдасарян В.Э. Российская революция в контексте теории «цивилизационного маятника». Статья // Октябрь 1917: взгляд из XXI века. Сборник материалов конференции. М.: РИПО, 2007. С. 24–31.

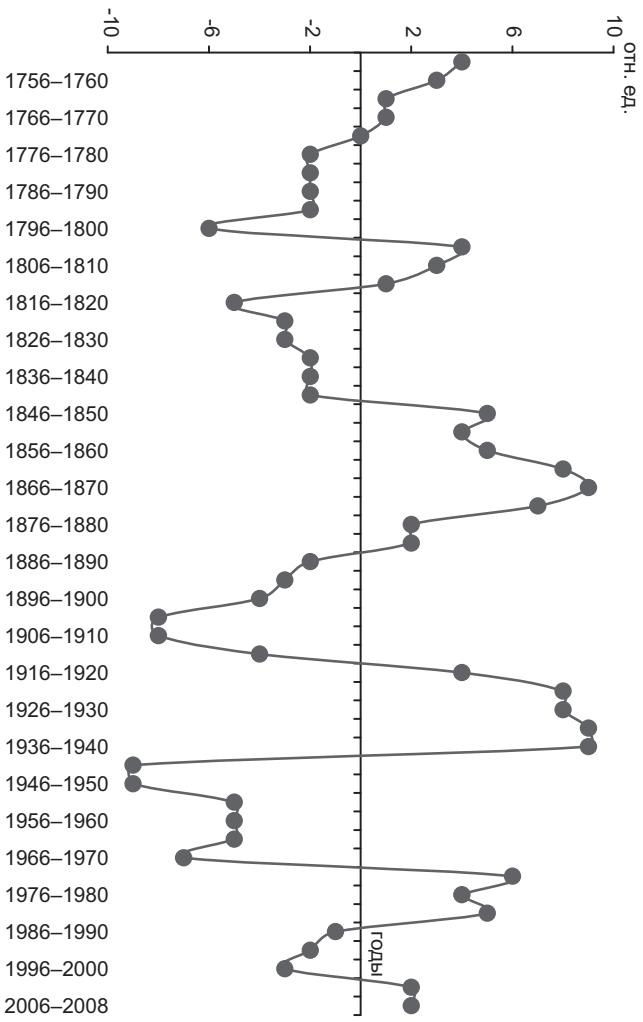
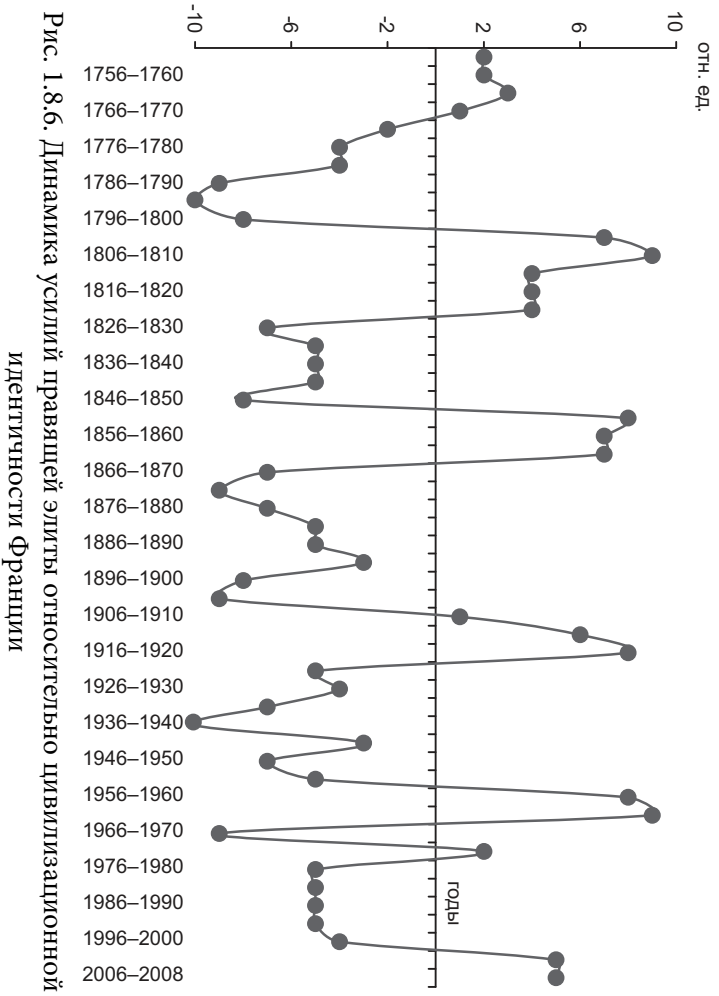

Рис. 1.8.7. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Италии

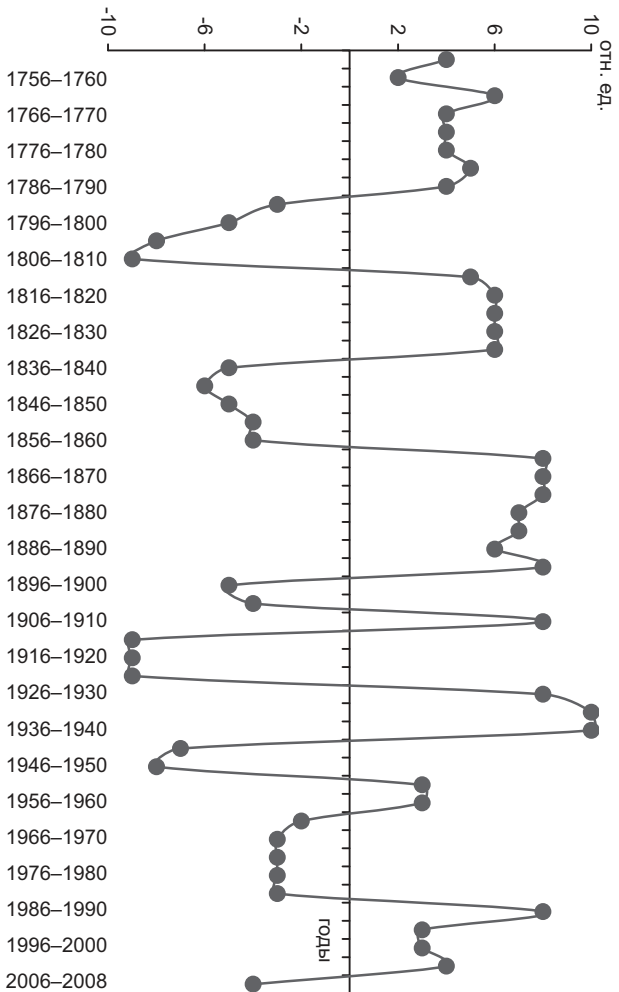

Рис. 1.8.8. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Германии

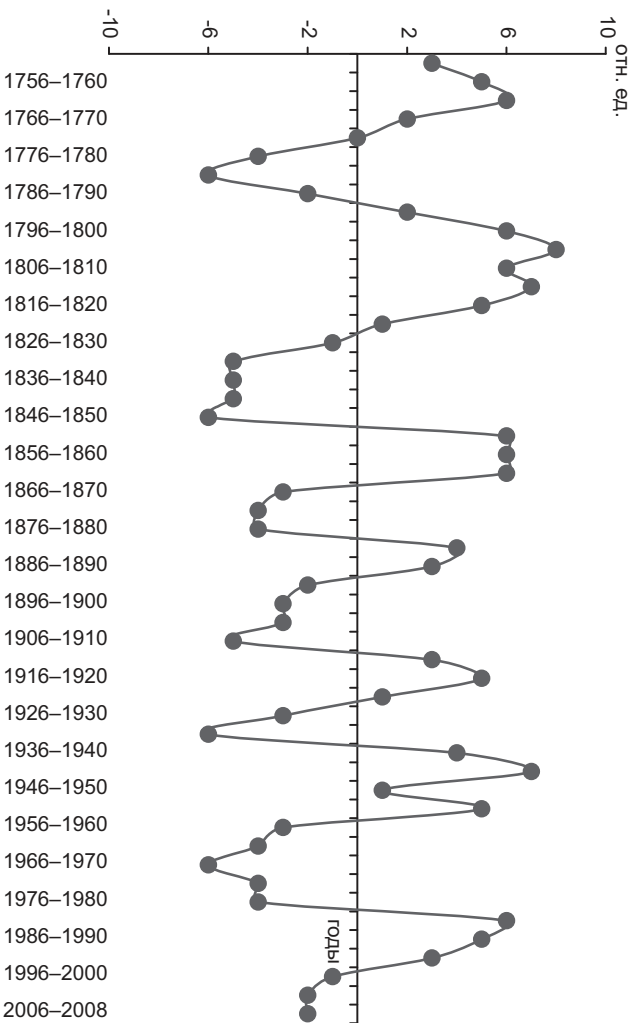

Рис. 1.8.9. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Великобритании

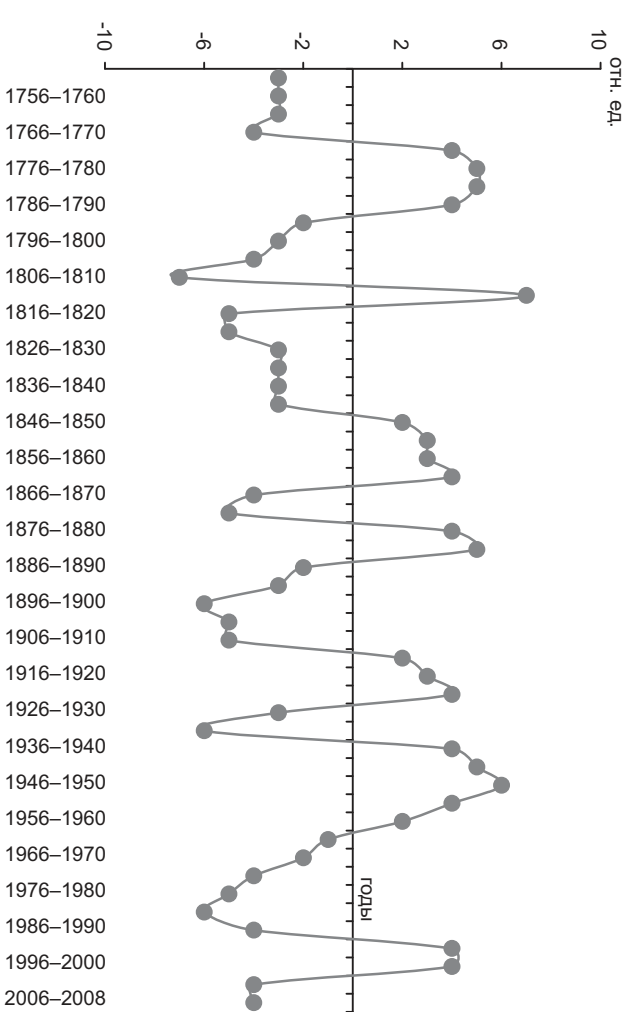

Рис. 1.8.10. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Испании

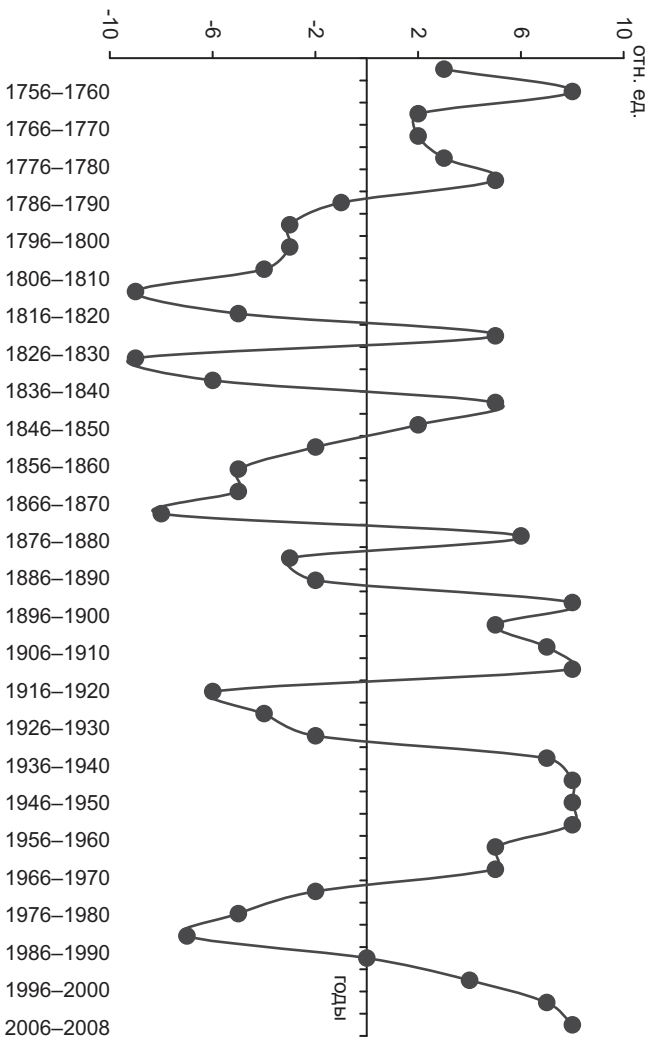

Рис. 1.8.11. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Китая

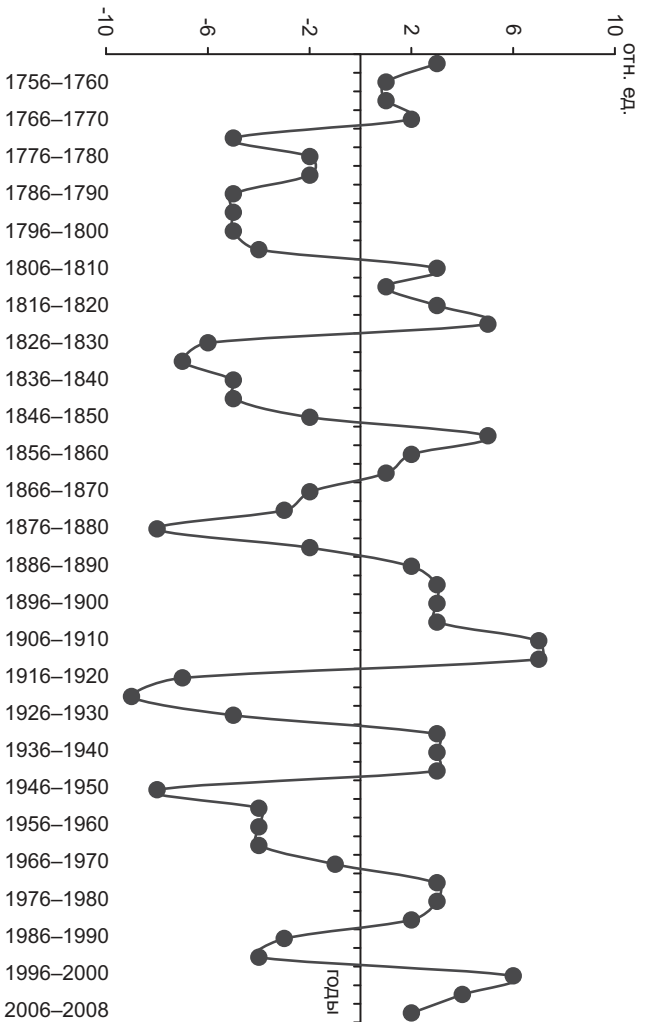

Рис. 1.8.12. Динамика усилий элиты относительно дивизиционной идентичности Турции

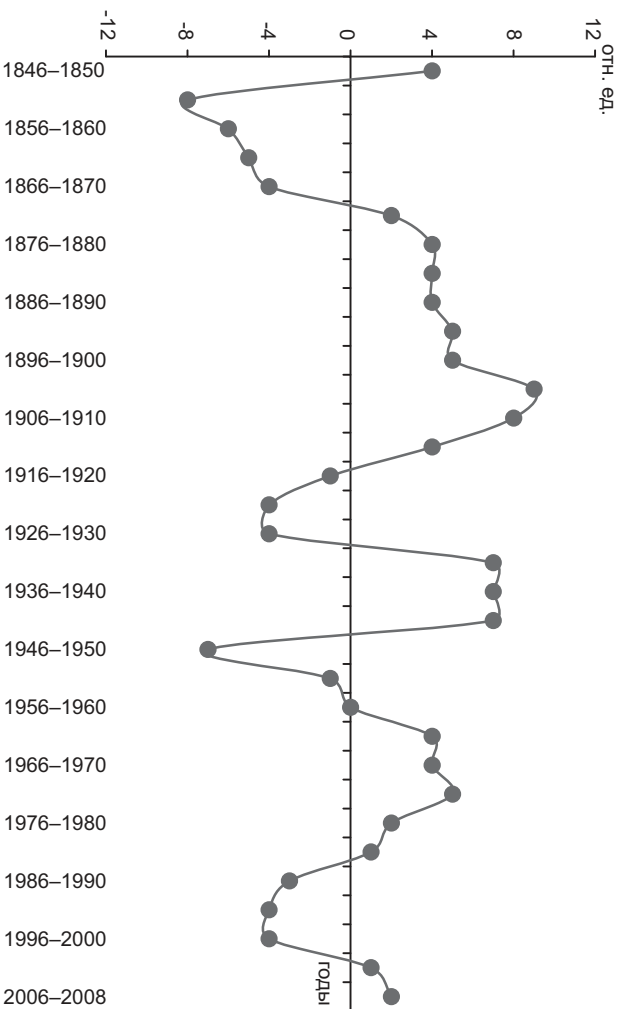

Рис. 1.8.13. Динамика усилий правящей элиты относительно дивизиционной идентичности Японии

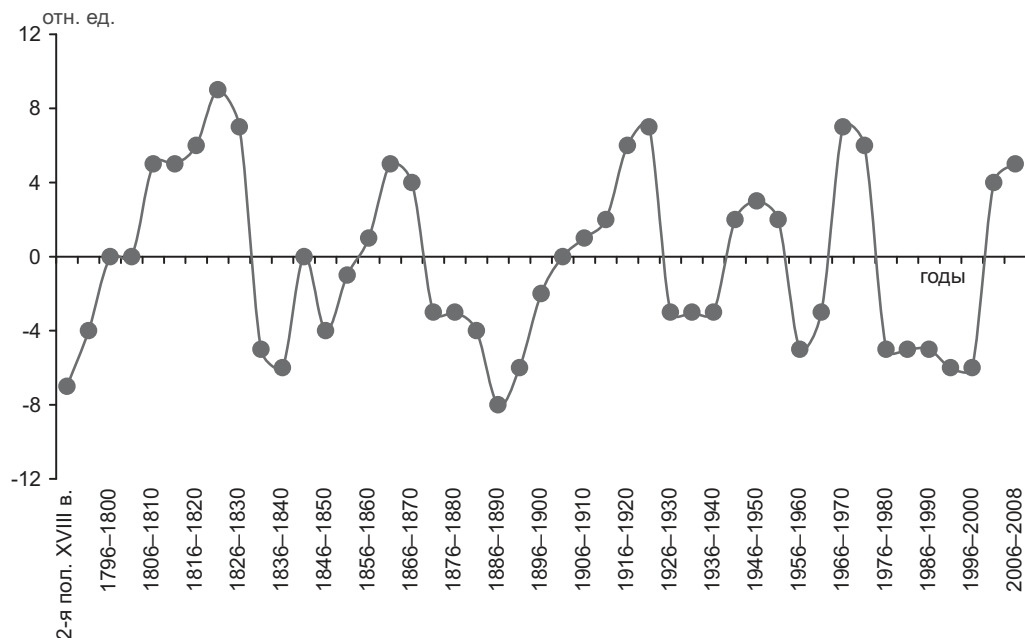

Рис. 1.8.14. Динамика усилий правящей элиты относительно цивилизационной идентичности Бразилии

Попытка обнаружения маятниковых инверсий в более глубокой временной ретроспективе показала, что действие «цивилизационного маятника» не распространяется на систему традиционного общества. Адаптивная сила традиции сдерживала инверсионную силу воздействия. Показателен в этом отношении опыт Японии, применительно к которой маятниковых колебаний до середины XIX в. вообще не обнаружено.

Следовательно, «цивилизационный маятник» есть характеристика вполне определенного периода истории, эпохи модернизации. Для объяснения волн в истории домодернизационных цивилизаций более актуальным было бы применение системы «вызов — ответ» А.Д. Тойнби. Тойнбиевская объяснительная модель — это модель развертывания исторического процесса в традиционном обществе. Для модернизационной эпохи развития этого недостаточно. Маятниковый механизм — не единичный вызов, выводящий цивилизацию из статического состояния, а встроенный механизм, обеспечивающий посредством модернизационных инверсий безостановочное развитие.

Другая обнаруженная через оцифровку «цивилизационного маятника» тенденция заключается в постепенном угасании колебаний маятника. Чем более сообщество модернизируется, тем меньше становится амплитуда колебаний. Реализованная в ряде стран двухпартийная модель не только минимизирует амплитуду инверсий, но и предусматривает политический

механизм их безболезненного сглаживания. Угасание цивилизационного маятника на современном этапе служит индикатором зарождения новой общественной системы и завершения эпохи модернизма.

Одним из основных практических результатов разработки концепции цивилизационного маятника является примирение принципов традиции и модернизации. Фактически доказана взаимодополняемость и историческая объективность обоих компонентов интегрированного фактора цивилизационной устойчивости.

Цивилизационный оптимум

Универсализм, положенный де-факто в основу реформаторской практики в России, представляет собой идеологическое прикрытие западного экспансионизма. Под видом реформ осуществляется проводимый в рамках глобализационного процесса экспорт в Россию организационной модели Запада.

Политологии известен ряд «чистых» или «идеальных моделей». В основе каждой из них лежит парадигма полярности образа. Естественно, что ни одно из реальных исторических государств не имело абсолютного соответствия критериям идеальных моделей. Каждое из них включало в себя в той или иной мере иносистемные компоненты. Так, за ширмой командно-административной системы СССР действовали элементы рыночных механизмов. Американский же капитализм никогда не исключал государственного регулирования экономикой и этатизации общественной жизни. Но развитие общественных систем может быть направлено как в сторону соответствия модели, так и в сторону отступления от нее.

Вместе с тем, логике полярного системостроения может быть противопоставлен путь оптимизационного конструирования, расчет оптимальных цивилизационно специфичных мер. В этом отношении цивилизационно-вариативный подход принципиально отличается от любых идеологий предшествующих эпох. Идеологемы прошлого ориентировались на выстраивание дихотомических альтернатив. Основу данного взгляда составляет одномерность (в лучшем случае — двумерность) мировосприятия.

Попытки внедрения «идеалов» в реальность исторического развития того или иного социума, как правило, оборачивались кризисом, вызванным несоответствием жизни идеальной модели. Выходом традиционно являлся выбор между идеологической ревизией и искусственным приведением реального бытия в соответствие с идеалом. Как следствие такой схемы — исторически репродуцируемое насилие. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!». Но сказка никогда былью стать не может, для этого она не должна быть сказкой. Былью, повторим, может стать только насилие.

Совершенно иную природу имеет генезис цивилизаций. Будучи живыми (а не «сказочными») органическими образованиями, они основываются не

на идеальных конструкциях (что не означает, впрочем, отсутствие идеалов), а на некоем оптимуме цивилизационного существования. Цивилизационно ориентированной политикой в этой связи является политика оптимизации. Она принципиально отличается от иных политических линий — реформ, революций, консервации. Главная ее задача заключается в нахождении оптимального сочетания модернистской и традиционалистской составляющих. Практически это выражается в определении меры по каждому из конструирующих конкретную государственность и развитие параметров.

Цикличность развития и государственное прогнозирование

Природа прогноза предполагает в одном из проявлений закономерностей развития определенную событийную повторяемость. Нельзя прогнозировать на основе бессвязной совокупности эмпирических данных и фактов. Парадигмы истории как информации и как интерпретации для научного предвидения будущего неприемлемы, зато значим поиск закономерностей исторического процесса.

Значительный прогностический потенциал заложен, в частности, в изложенном выше концепте «цивилизационного маятника». Обоснование цикличности исторического процесса дает основания для разносрочного описания будущего. Вычисление для оцифрованного исторического процесса функции автокорреляции доказывает возможность научного предсказания развития общества (рис. 1.8.15). Для России ближайшим ориентиром такого прогноза является рубеж усредненного двадцатилетнего цикла. Принятие концепта маятникового развития общественных систем позволяет создать более сложную, чем имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования.

«То, что забыли сыновья, пытаются вспомнить внуки», — афористически определял сущность традиции философ Эйлис Росси. Трехпоколенная традиционная модель организации семьи имела в этом смысле глубокие онтологические основания. Интересно установить значение внутрисемейных наследований как механизма или движителя исторического развития. Это возможно, если временной процесс цивилизационной изменчивости в своем спектре Фурье (частотном спектре) содержит для интервала анализа, много большем жизни поколения, устойчивые частоты (или периоды), связанные, тем не менее, именно с продолжительностью поколения. Длительный интервал анализа необходим для учета влияния всех других факторов развития: политических режимов, меняющихся экономических условий, форсмажорных условий войн, революций и т. п.

Вычисления показали, что фиксируемые через спектр Фурье масштабы исторических циклов биологически не случайны (рис. 1.8.16–1.8.26). Как правило, они удивительно точно совпадают с различными возрастными границами социализации.

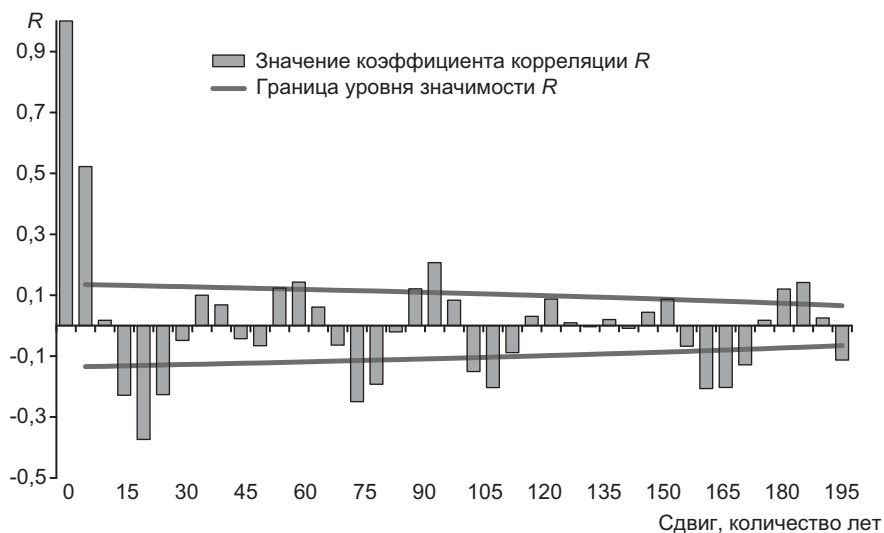

Рис. 1.8.15. Автокорреляционная функция «цивилизационного маятника» России

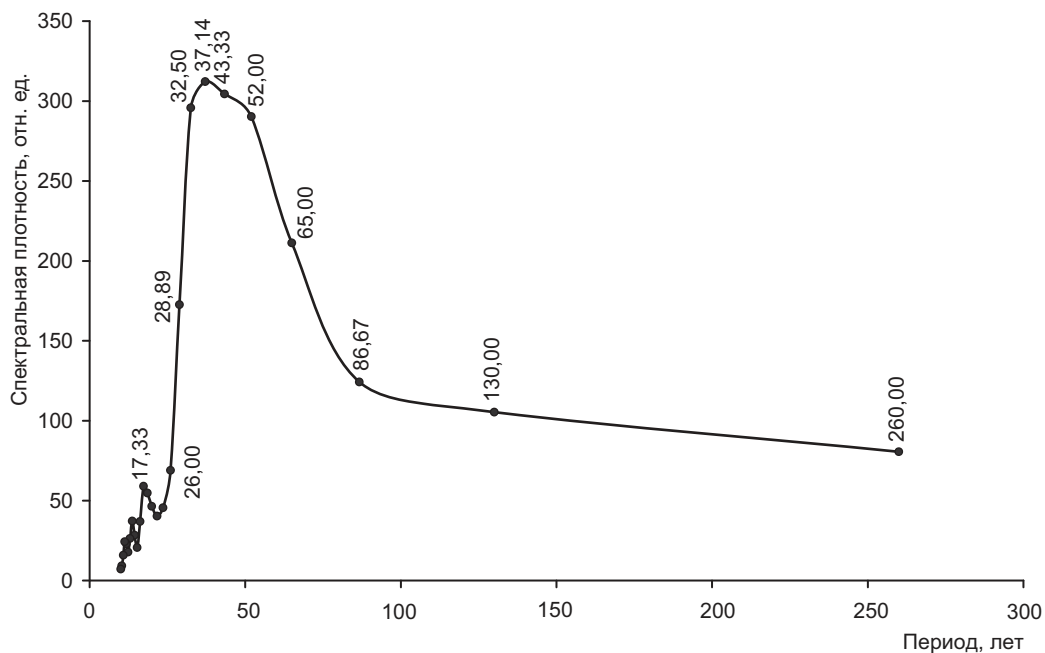

Рис. 1.8.16. Спектр Фурье для исторического процесса цивилизационной идентичности Российского государства

1.8. Традиции и изменчивость

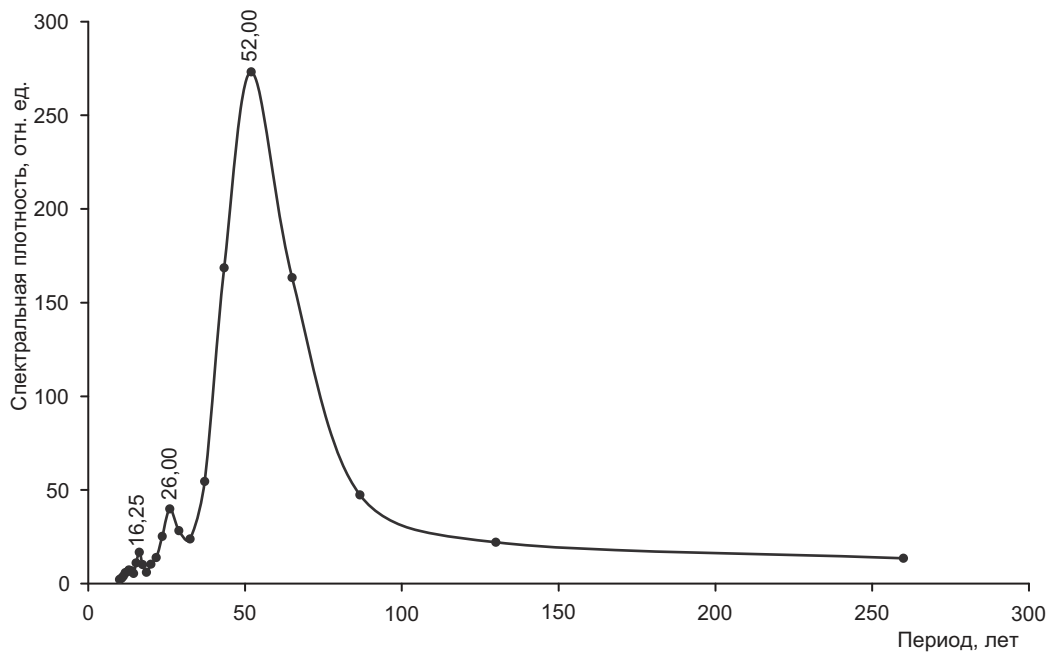

Рис. 1.8.17. Спектр Фурье для США

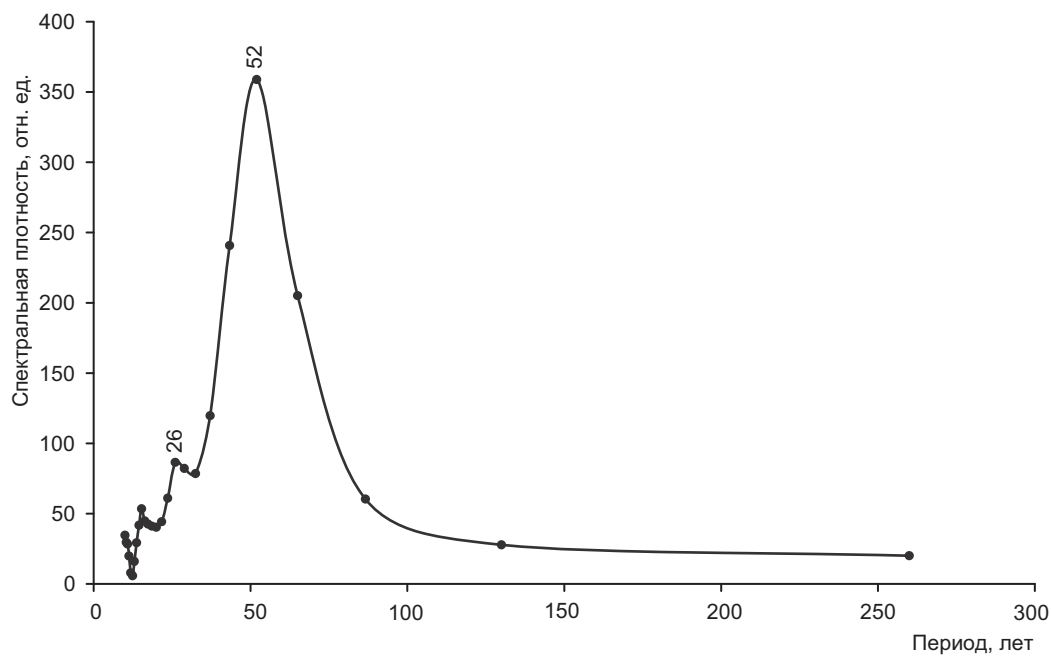

Рис. 1.8.18. Спектр Фурье для Франции

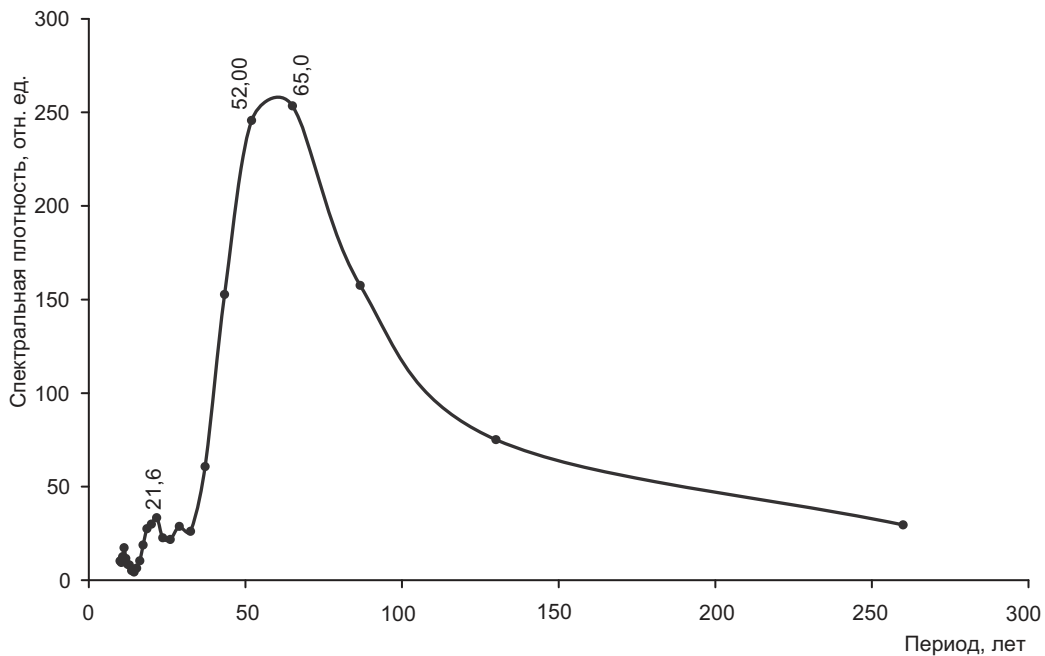

Рис. 1.8.19. Спектр Фурье для Италии

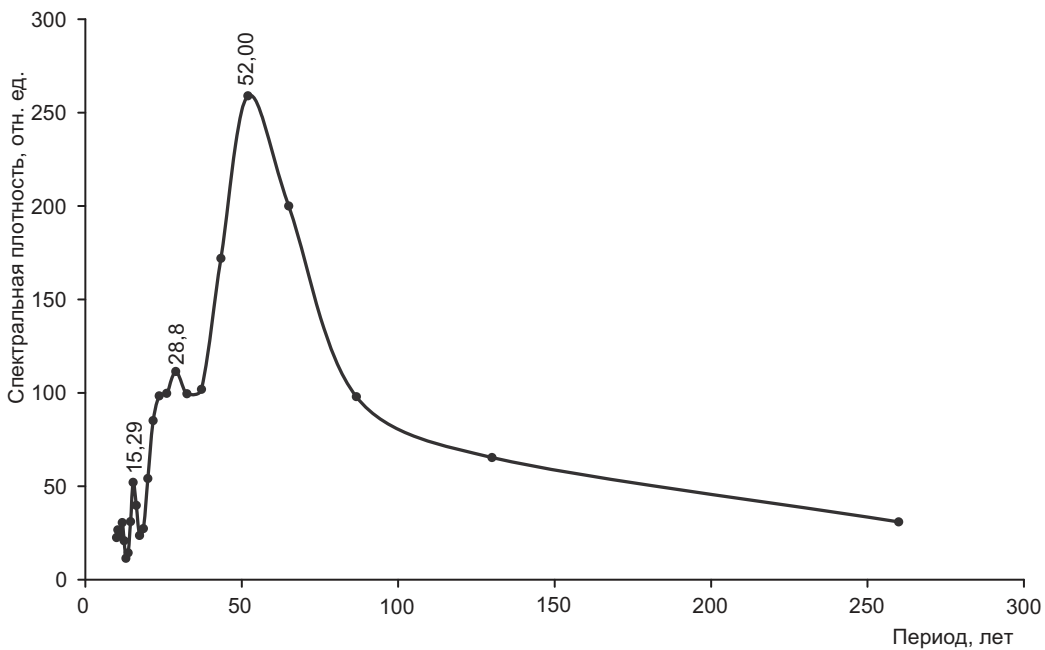

Рис. 1.8.20. Спектр Фурье для Германии

1.8. Традиции и изменчивость

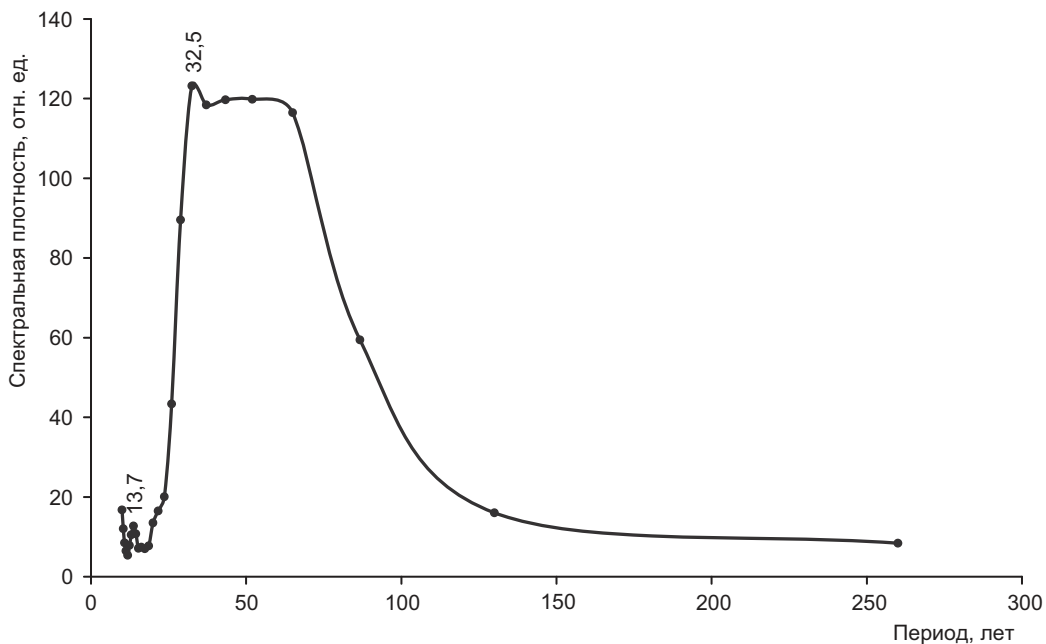

Рис. 1.8.21. Спектр Фурье для Великобритании

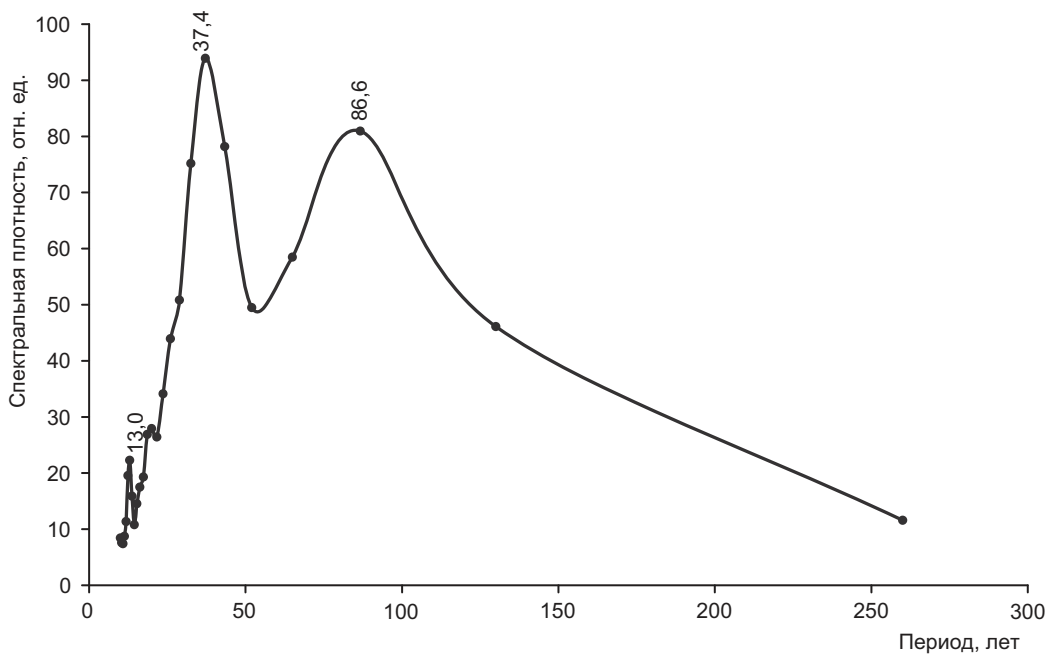

Рис. 1.8.22. Спектр Фурье для Испании

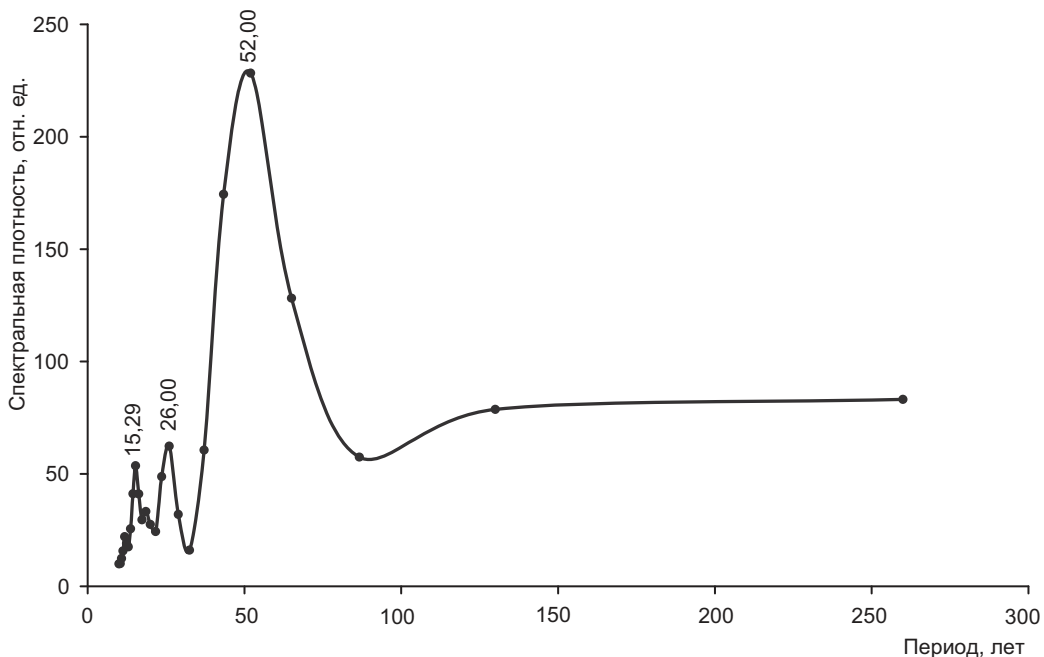

Рис. 1.8.23. Спектр Фурье для Китая

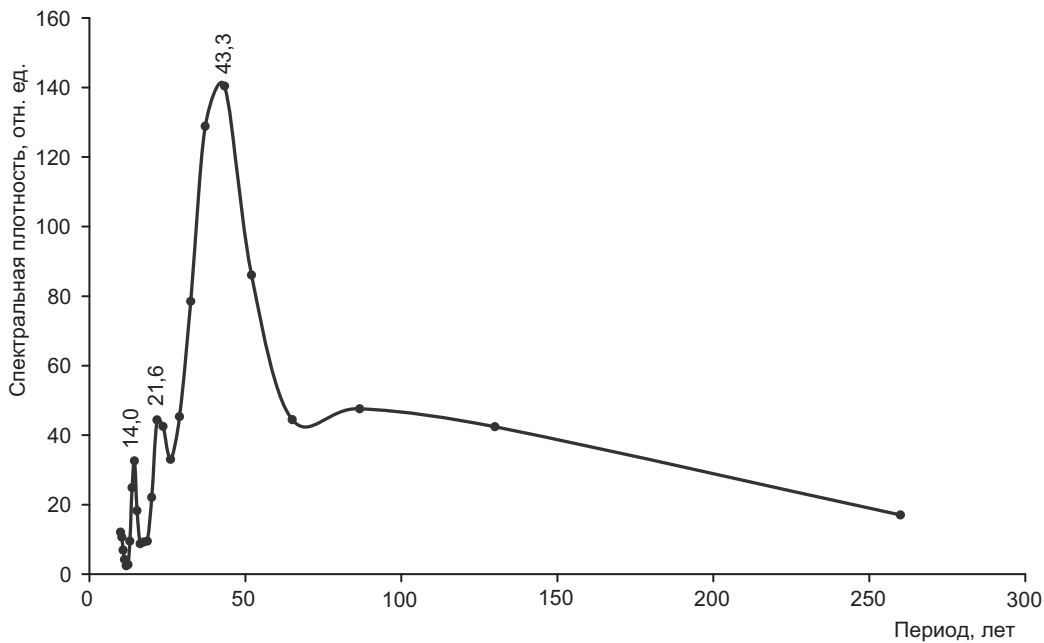

Рис. 1.8.24. Спектр Фурье для Турции

1.8. Традиции и изменчивость

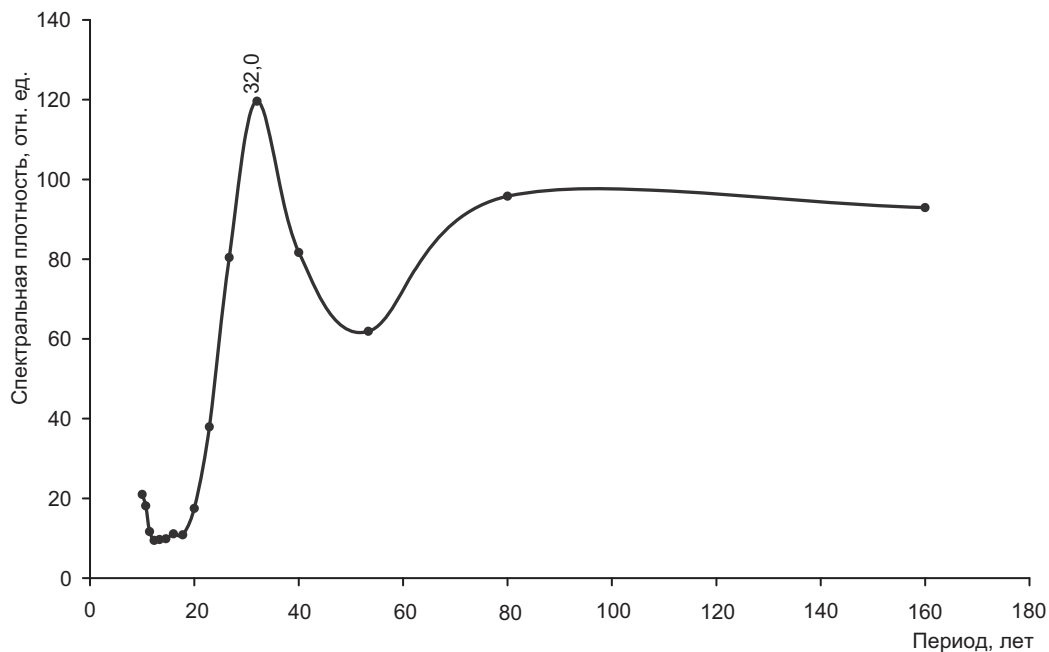

Рис. 1.8.25. Спектр Фурье для Японии

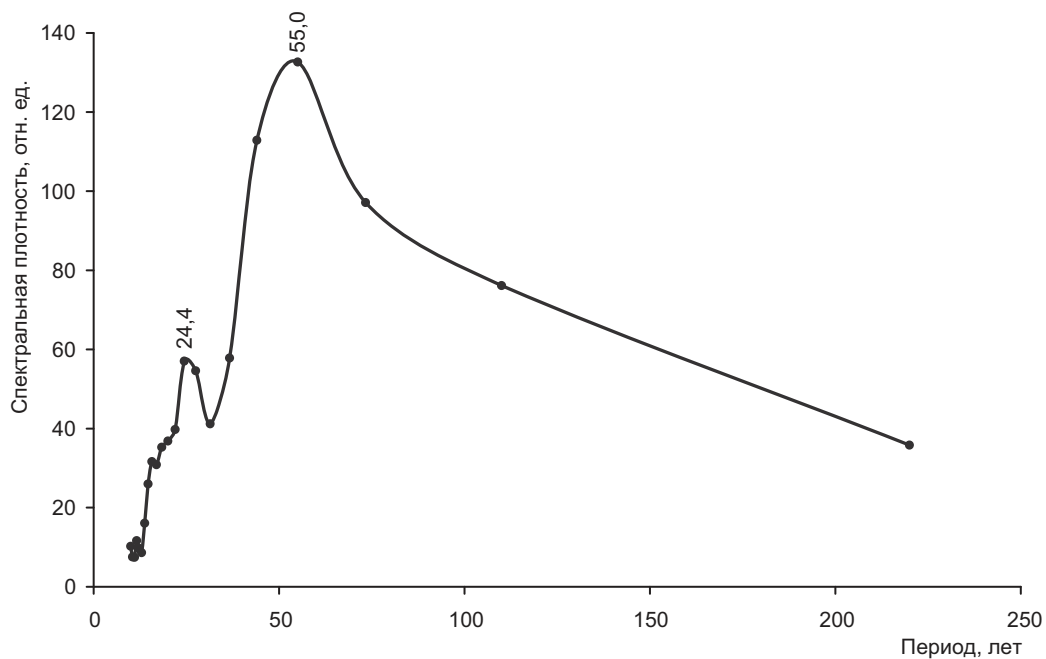

Рис. 1.8.26. Спектр Фурье для Бразилии

В семи из одиннадцати полученных спектров Фурье для разных стран устойчиво фиксируется временной период в 52 года плюс-минус несколько лет.

В переводе на биоритмику человека 52 года — это биологически установленный возрастной уровень старения. Достигнув указанной точки, человеческий организм развивается в нисходящем направлении. Характерно, что все три страны, не обнаруживающие 52-летней цикличности — Япония, Турция и Испания, имеют исторически отличный от других рассматриваемых стран возраст старения.

Первый максимум спектра Фурье совпадает с фазой юношеской социализации. Он выявлен для семи стран, варьируя в диапазоне от 13 до 17 лет. Вступление во взрослую жизнь (детородный возраст), согласно традиции, закреплялось, как правило, заключением брака. Сейчас брачный возраст существенно сдвинут в направлении поздней брачности. Однако речь в данном случае идет не о современных модификациях, а о регламентированном традиционными институтами биологическом оптимуме.

Тринадцатилетний возраст как раз и соответствовал нижней планке брачности. Для стран южного ареала с характерным ранним половым созреванием она была ниже, для северных — выше. Соответственно, по полученным данным спектрального анализа из семи стран, показавших наличие первого максимума, низшие показатели данного цикла имели Испания и Турция (13–14 лет), высшие — Россия (17 лет). Указанную закономерность нарушила только Великобритания.

Следующий период человеческой социализации биологически определяется переходом от юношества к зрелости и, главное, взрослением, вхождением в детородный возраст. Его возрастные границы, соответственно, должны составлять примерно удвоенный период первого цикла, т. е. 26–35 лет. Данный пик онтогенеза выявляется в спектральном анализе для восьми рассмотренных стран. Показательно, что наиболее раннее наступление указанного этапа фиксируется опять-таки у южных стран.

Обращает также на себя внимание совпадение для четырех стран максимума, приходящегося на 26-летие. Другая закономерность обнаруживается в схожести структуры циклов у стран, претендующих на то, чтобы представлять полюсы основных геополитических сил в современном мире (табл. 1.8.2, рис. 1.8.27).

Таблица 1.8.2

Соотношение исторической ритмики и фаз онтогенеза по ряду стран мира

Страны	Точка юношества, лет	Точка зрелости, лет	Точка старения, лет
Россия	17,3	26	52
США	16,3	26	52
Германия	15,3	28	52
Китай	15,3	26	52

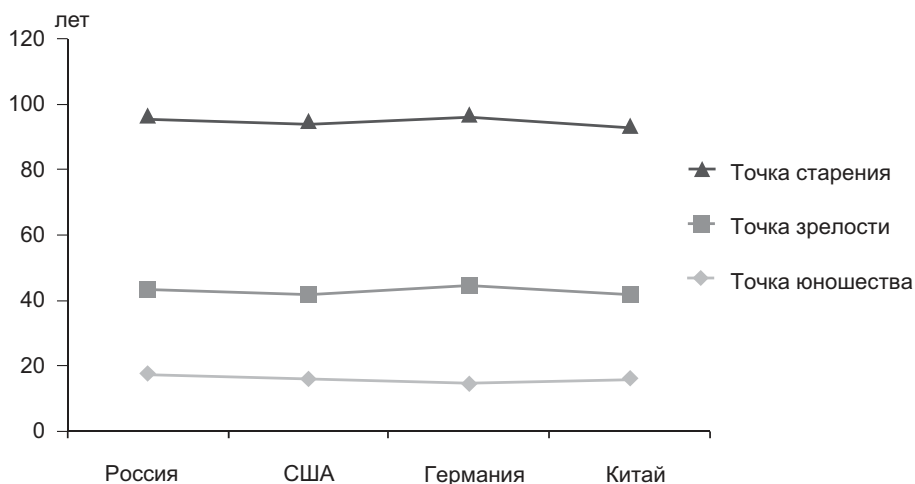

Рис. 1.8.27. Соотношение компонент исторической цивилизационной ритмики и фаз онтогенеза по ряду стран мира

Верификационная методика корреляционного анализа

В настоящей работе для определения значимых факторов жизнеспособности страны обширно используется корреляционный анализ.

Для обнаружения корреляционной связи с коэффициентом жизнеспособности фактора оптимальности сочетания традиции и модернизма необходимо рассмотреть историческую эпоху, в которую оптимизационное соотношение было однозначно нарушено. Предположительно, такая деоптимизация имела место на интервале прохождения Россией стадии форсированной модернизации. Для проверки данной гипотезы рассматривался период с начала мирового перехода к стадии постиндустриального общества. Традиционно этот переход датируется серединой 1960-х гг. Наличие корреляции с КЖС на этом отрезке фиксируется. Следовательно, можно констатировать, что основная угроза для российской государственности в эпоху модерна исходит не от фактора традиций, а от гипертрофированного возрастания фактора изменчивости. Гибель советского государства совпала с минимизацией состояния цивилизационной ориентированности власти. Таким образом, управленческая стратегия в России должна быть ориентирована прежде всего на преодоление модернизационного перекоса и укрепление потенциалов национальных традиций России, доводя это соотношение до оптимального. Но этот курс не является универсальным на все времена. Очевидно, со временем оптимум может сдвинуться к большему акцентированию факторных потенциалов, связанных с категорией изменчивости (рис. 1.8.28).

Рис. 1.8.28. Корреспонденция состояния цивилизационной идентичности Российского государства и коэффициента жизнеспособности страны (коэффициент корреляции $R = 0,50$)

Полученные результаты не только способствуют восстановлению практического потенциала истории как науки. Показаны возможности ее применения в государственно-управленческой практике. Знание принципов цивилизационного развития позволяет строить методики предвидения будущего, а соответственно, предвосхищать грядущие вызовы.

На смену борьбы антагонистических парадигм развития, вероятно, идет эпоха синергийного миростроительства. И модернизм, и традиционализм представляют собой необходимые составные компоненты общественного развития, одновременно присутствующие в практике государственного строительства и общественного развития. В этой связи следует не противопоставлять их друг другу, а синтезировать, определяя оптимум баланса на каждом конкретном этапе исторического развития. Необходимость такого синтеза выявлена как для мегаисторической шкалы развития человечества, так и для среднесрочных масштабов существования цивилизационных систем. Тот, кто вовремя овладеет методологией и методикой синергийного подхода, окажется на гребне истории. Напротив, придерживающийся исторически отживших парадигм одномерного традиционализма, как и одномерного модернизма, геополитический субъект обрекает себя на положение аутсайдера. Шархания из одной крайности в другую никак не максимизируют жизнеспособность страны.

Глава 2. Состояние и особенности российской государственности

Во вводной главе и главе 1 показано, что универсального облика у стран и цивилизаций не существует. Точно так же не существует и универсальных рецептов их строительства и развития, государственного управления. Для достижения максимальной успешности в развитии страны необходимо знание и понимание ее особенностей во всех сферах ее жизнедеятельности и, соответственно, жизнеустройства. Прежде всего это знание необходимо в государственном управлении. Напомним авторский рефрен настоящей работы: государство отвечает за все. Поэтому значительное внимание ниже уделено выявлению специфических картин российской жизни, но при этом представленных не художественно, а функционально, в целях применения этих знаний в государственном управлении. Первая, самая значимая картина касается цивилизационной идентичности России.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

Связь цивилизационных кондиций и жизнеспособности страны будет рассмотрена в главе 3. Здесь же рассмотрим в деталях специфику российской жизни.

2.1.1. Ментальность

Одним из глубинных факторов, определяющих специфику цивилизационного образа, является ментальность, которая консолидирует народ на основе общих ценностей, моделей поведения, традиций, жизненного уклада, культуры и заложена, если не сказать запрограммирована, на уровне сознания — как индивидуального, так и массового.

В настоящем исследовании под ментальностью понимается глубинный пласт общественного сознания, совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом.

Цивилизационная специфика общества проявляется и передается не только посредством объективных форм, но и в силу определенных глубинных психологических механизмов, связанных с поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, ценностно-нормативным каркасом. Естественно, одним из наиболее действенных механизмом является идеология, однако «мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде

сводили бы ее к проблеме осознанных мотивов»¹. Идеология как отрефлектированная форма общественного сознания позволяет фиксировать только верхний срез. Более глубокий анализ подразумевает обращение к духовным структурам, для осуществления которого необходимо обратиться к категории менталитета. Комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций, обозначаемый емким термином «ментальность», позволяет достигать более адекватного познания умонастроения масс в конкретную эпоху, поведения различных слоев, этносов, их представлений о себе, своей культуре, особенностях своего исторического развития.

Базовыми характеристиками менталитета выступают коллективность, неосознанность или неполная осознанность, устойчивость. Поскольку менталитет выражает повседневный облик коллективного сознания определенной социокультурной общности, является его «скрытым» слоем, независимым от собственно жизни индивида, он предстает реальностью коллективного порядка. Менталитет не является в полной мере результатом исторически кратковременной целенаправленной деятельности идеологов и мыслителей, его характеризует неосознанность или неполная осознанность, которая формируется длительное время. Отсюда вытекает и следующая характеристика менталитета — его устойчивость, которая порождена тем, что, являясь реальностью большой длительности, он остается неизменным по отношению к различным социальным образованиям и структурам общественного сознания, в силу чего определяется единство алгоритмов поведения на протяжении многих генераций. Отмеченные характеристики демонстрируют его онтологичность по отношению к отрефлектированным формам общественного сознания, более подверженным изменениям.

Среди причинных систем, способствующих как формированию менталитета, так и его эволюции, следует выделить: расово-этнические качества общности, естественно-географические условия ее существования, результаты взаимодействия данной общности и социокультурной среды ее проживания. Среди расово-этнических отличий социокультурной общности, воздействующих на менталитет, в первую очередь следует отметить ее численность, темперамент, уровень развития и т. п. Так, численность больших суперэтносов определяет в менталитете специфические черты, которых нет у малых наций: отсутствие ярко выраженных консолидирующих предпочтений, большая открытость и т. п. При анализе расово-этнических качеств и их воздействия на менталитет также важен учет этнической монолитности данной общности. Одна общность может быть монолитна в этническом плане (например, японцы или армяне), другая — представлять собой некий субстрат (например, американский народ, включающий в себя и автохтонные этносы, и переселенцев из Африки, Азии и Европы), третья —

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Соч. М.: Наука, 1986.

объединять различные этносы (например, россияне), что подразумевает необходимость общего знаменателя. Так, для россиян естественны, как правило, принципы терпимости и взаимовыручки, отсутствие религиозных войн и императивов насильственной элиминации иного. Достаточно действенным способом, позволяющим улавливать оттенки ментальностей различных социокультурных групп, является анализ пословиц и поговорок, существующих в различных языках.

Другая система причин — это естественно-географические средовые условия проживания социокультурной общности, которые накладывают непосредственный отпечаток на менталитет, закрепляют на субъективном уровне оптимальные способы адаптации и выживания. Именно климатические условия и масштаб территории во многом определяют не только психологические особенности, но и специфику доминирующих социальных и политических институтов.

Третья система причин — это зависимость от результатов многовекового взаимодействия данной общности и социокультурных средовых условий ее проживания. Именно это обстоятельство способствует формированию устойчивых социально-экономических способов и типов жизнедеятельности: коллективно-общинный (Россия) или индивидуалистический, характерный для Запада, кочевой или оседлый образы жизни, что обуславливает наличие инвариантных ментальных констант.

Итак, феномен ментальности связан с рядом устойчивых характеристик, определяющих сущностные признаки страны (территория, народонаселение и государственное управление) (рис. 2.1.1).

Среди основных факторов, непосредственно влияющих на феномен ментальности, авторами выделены два основных макрофактора: сохранение русских ментальных схем и сохранение ментальных схем нерусских народов.

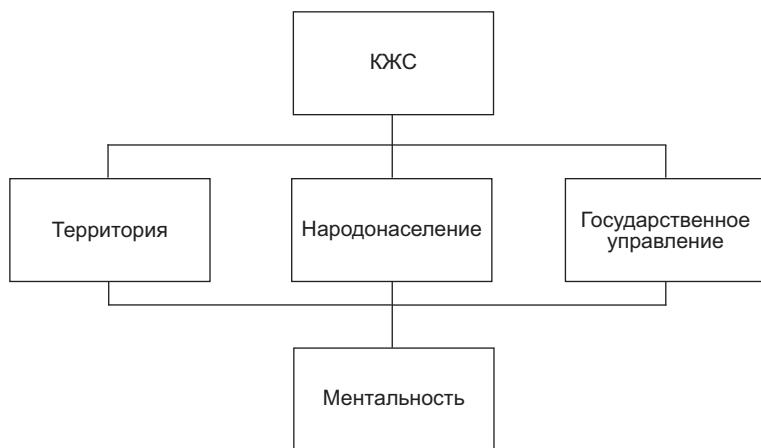

Рис. 2.1.1. Топология связи ментальности и КЖС

Сохранение русских ментальных схем

Для сохранения цивилизационного облика необходимо сохранение тех черт ментальности, которые составляют его каркас. В случае России естественно, что русские ментальные схемы так или иначе присутствуют в ментальности всех нерусских народов, объединенных с русскими общей исторической судьбой.

Тяжелые климатические условия и необходимость совместного выживания (см. ниже) обусловили *коллективизм, сплоченность и патриотизм* русских, значимость для них *общих целей развития*. Согласно данным экспертной оценки, коллективизм показывает сильную корреляцию с коэффициентом жизнеспособности страны ($R = 0,7$) (рис. 2.1.2).

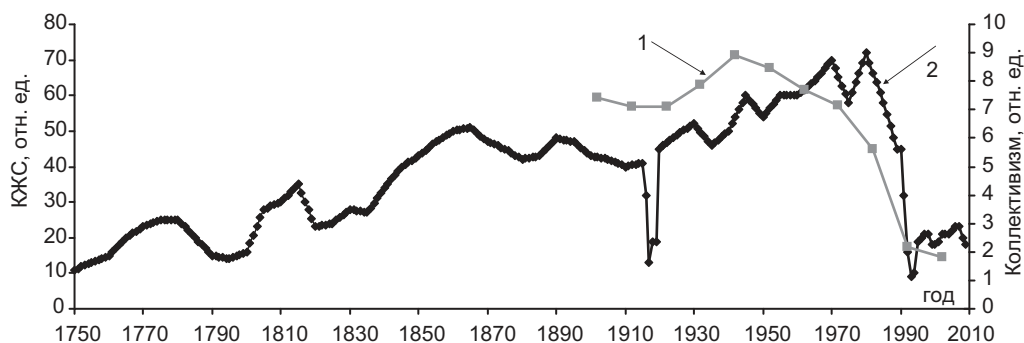

Рис. 2.1.2. Сопоставление исторической динамики коллективизма (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Вычисление коэффициента корреляции с временным лагом показывает, что данный фактор оказывает сильное влияние и через 10–20 лет (рис. 2.1.3) и указывает на причинно-следственную связь.

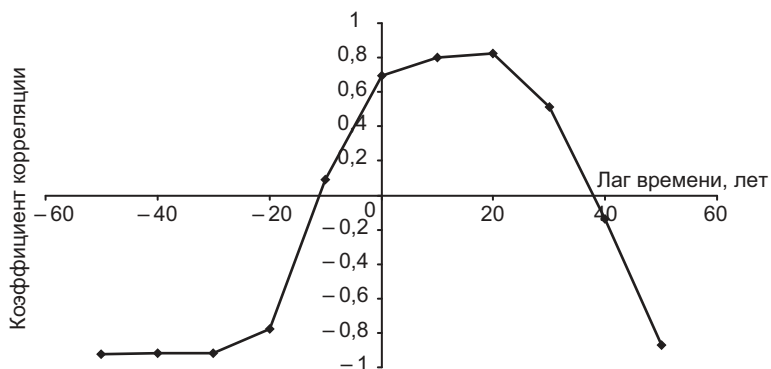

Рис. 2.1.3. Коэффициент корреляции коллективизма и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Такую же корреляцию показывают факторы сплоченности народа ($R = 0,7$) и патриотизма ($R = 0,7$) (рис. 2.1.4–2.1.7).

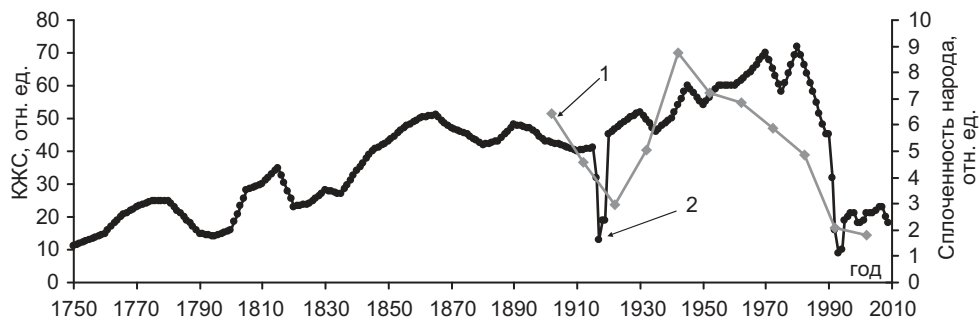

Рис. 2.1.4. Сопоставление исторической динамики сплоченности народа (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

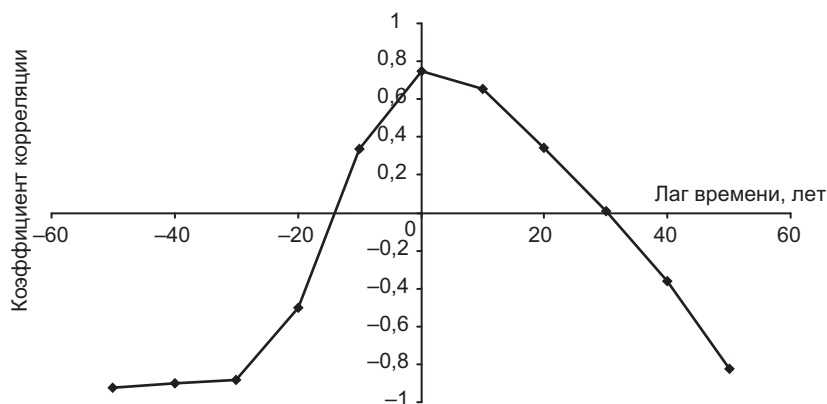

Рис. 2.1.5. Коэффициент корреляции сплоченности народа и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

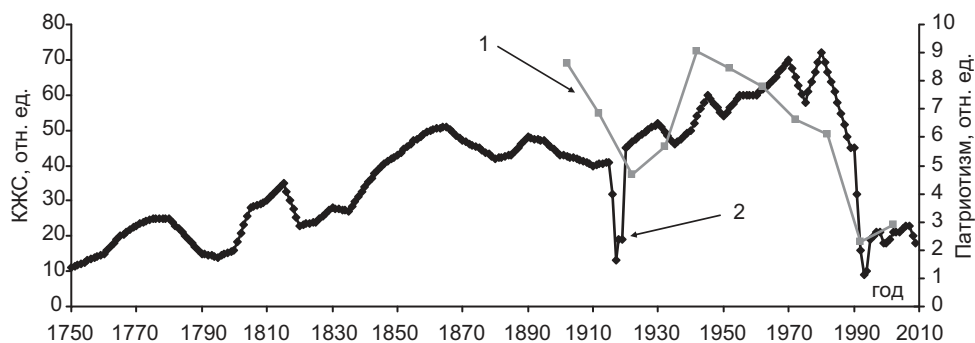

Рис. 2.1.6. Сопоставление исторической динамики патриотизма (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

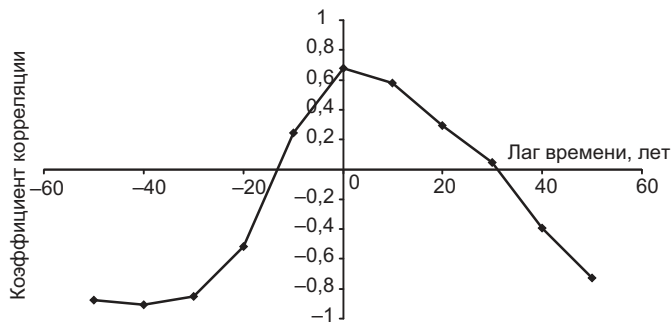

Рис. 2.1.7. Коэффициент корреляции патриотизма и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Уровень значимости общих целей развития показывает очень высокую корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,9$) (рис. 2.1.8–2.1.9).

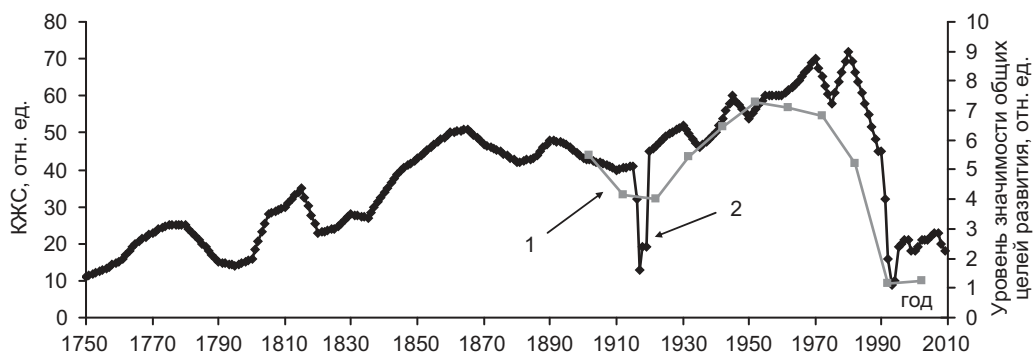

Рис. 2.1.8. Сопоставление исторической динамики уровня значимости общих целей развития (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

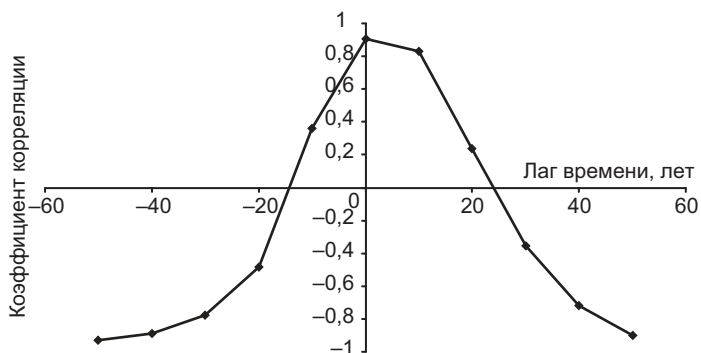

Рис. 2.1.9. Коэффициент корреляции уровня значимости общих целей развития и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Необходимость довольствоваться малым и помогать другим обусловило в русской цивилизации преобладание *нематериальных факторов мотивации, высокое нравственное чувство и готовность к самопожертвованию.*

Преобладание нематериальных факторов мотивации показывает корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,6$) (рис. 2.1.10–2.1.11).

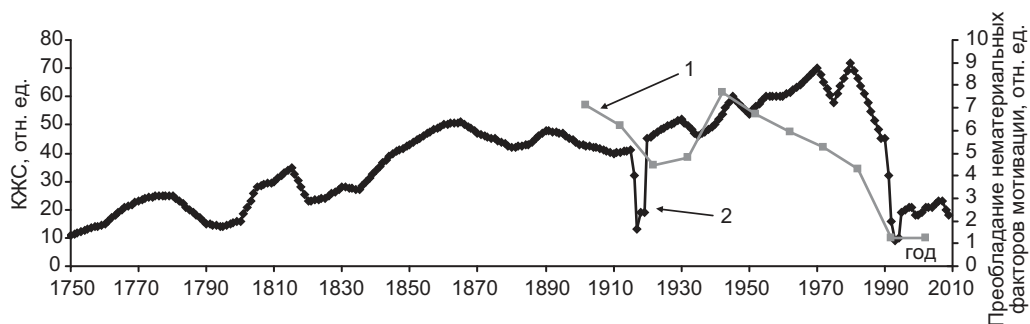

Рис. 2.1.10. Сопоставление исторической динамики преобладания нематериальных факторов мотивации (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

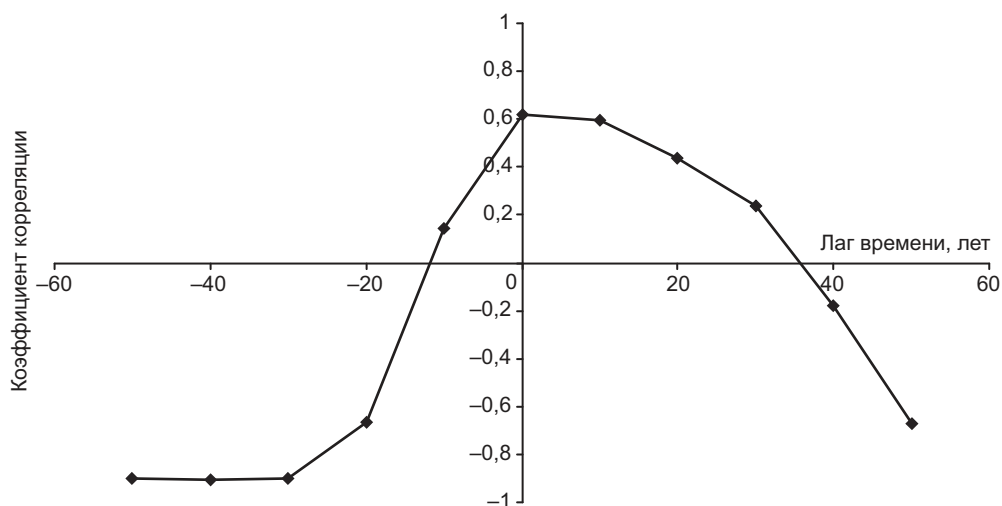

Рис. 2.1.11. Коэффициент корреляции преобладания нематериальных факторов мотивации и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Отношение к нравственности показывает корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,6$) (рис. 2.1.12–2.1.13).

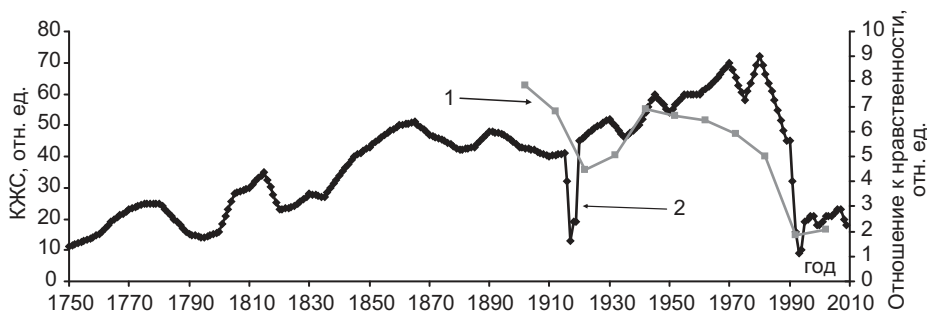

Рис. 2.1.12. Сопоставление исторической динамики отношения к нравственности (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

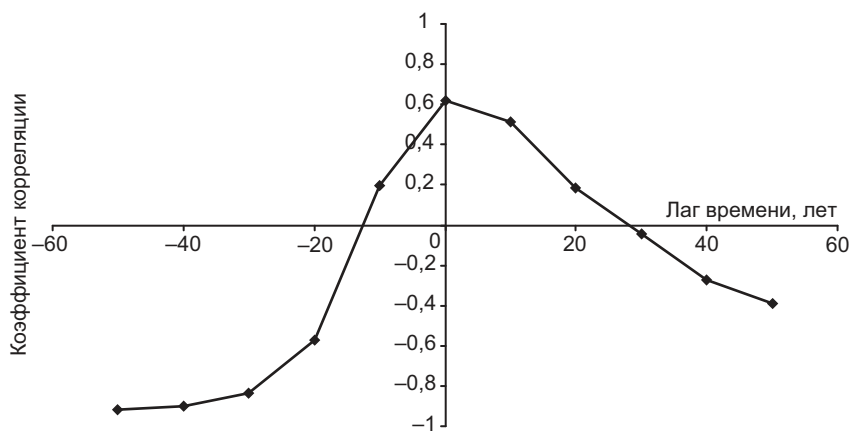

Рис. 2.1.13. Коэффициент корреляции отношения к нравственности и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Готовность к самопожертвованию показывает корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,5$) (рис. 2.1.14–2.1.15).

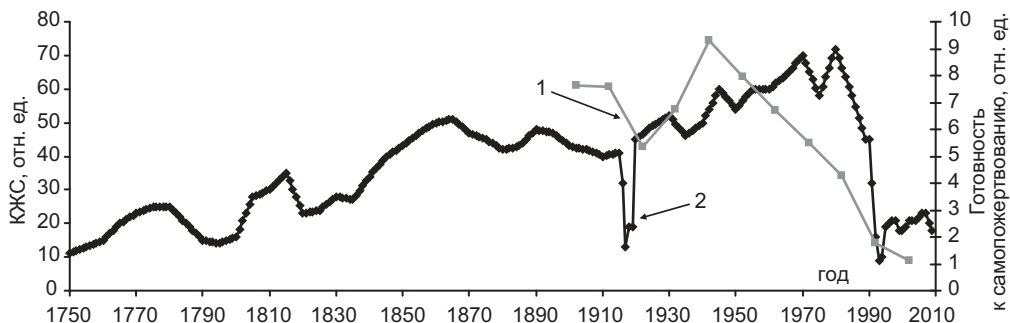

Рис. 2.1.14. Сопоставление исторической динамики готовности к самопожертвованию (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

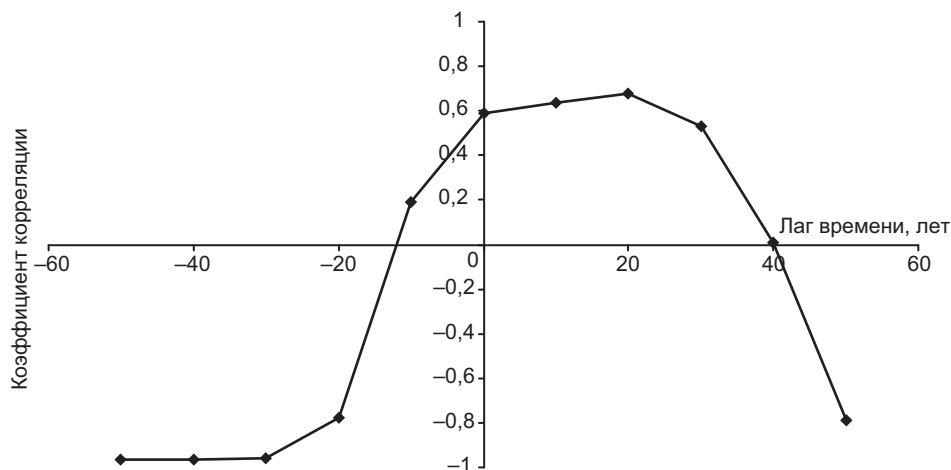

Рис. 2.1.15. Коэффициент корреляции готовности к самопожертвованию и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Поскольку «из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность» (И. Ильин), именно государство строило общество, а это сделало его политикоцентричным. Служилый характер российского государства, приоритет политических факторов закрепился и на ментальном уровне. Таким образом, характерная черта русской ментальности — *патернализм*.

Вера в национальных лидеров, патернализм обнаруживает корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,5$) (рис. 2.1.16–2.1.17).

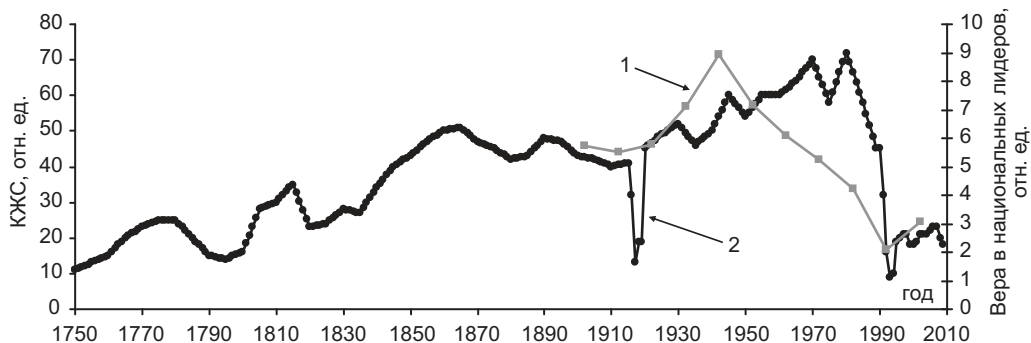

Рис. 2.1.16. Сопоставление исторической динамики веры в национальных лидеров (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

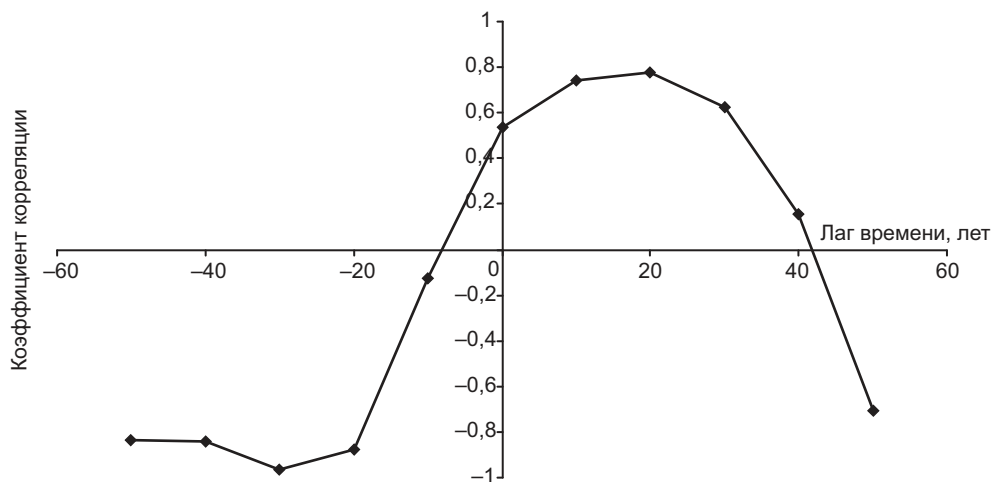

Рис. 2.1.17. Коэффициент корреляции веры в национальных лидеров и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Замедление темпов исторического развития (по отношению к Западу) и, как следствие, необходимость догоняющей стратегии модернизации, состояние постоянной мобилизации и концентрации основных ресурсов общества обусловили такие черты русской ментальности, как *актуализация образа внешнего врага, опора на собственные силы и готовность и стремление народа к свершениям.*

Актуализация образа внешнего врага и опора на собственные силы показывают корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,6$) (рис. 2.1.18–2.1.21).

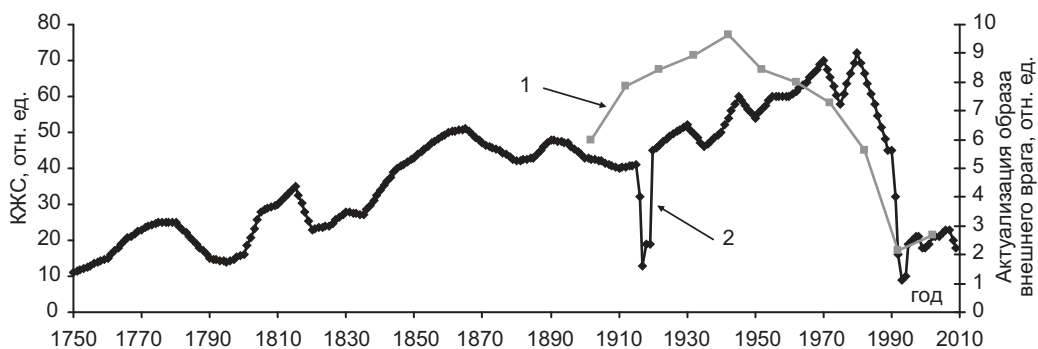

Рис. 2.1.18. Сопоставление исторической динамики актуализации образа внешнего врага (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

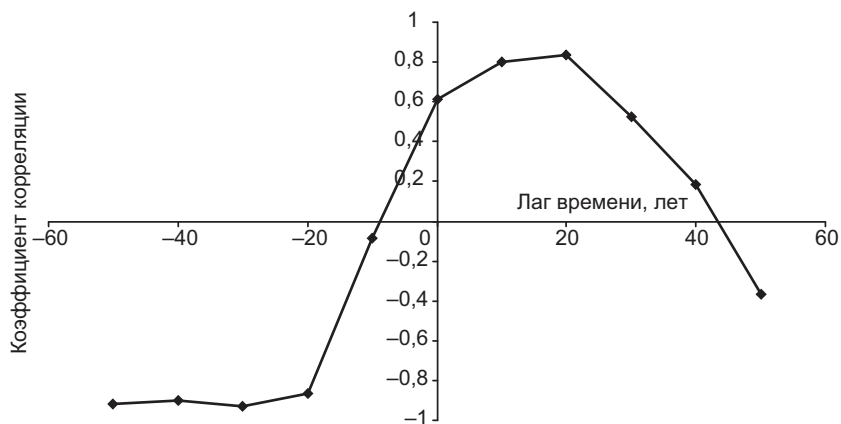

Рис. 2.1.19. Коэффициент корреляции актуализации образа внешнего врага и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

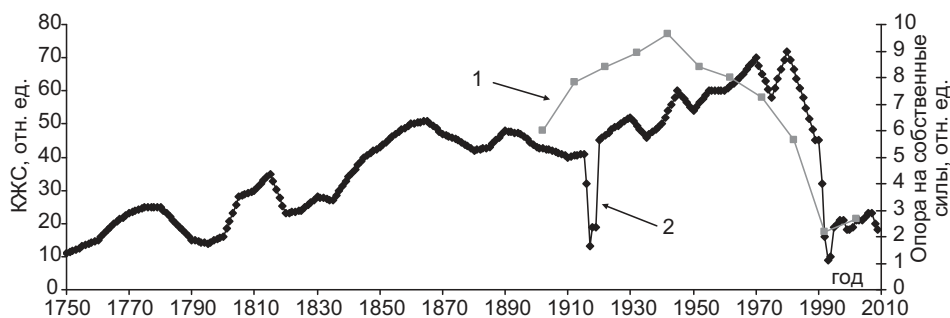

Рис. 2.1.20. Сопоставление исторической динамики опоры на собственные силы (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

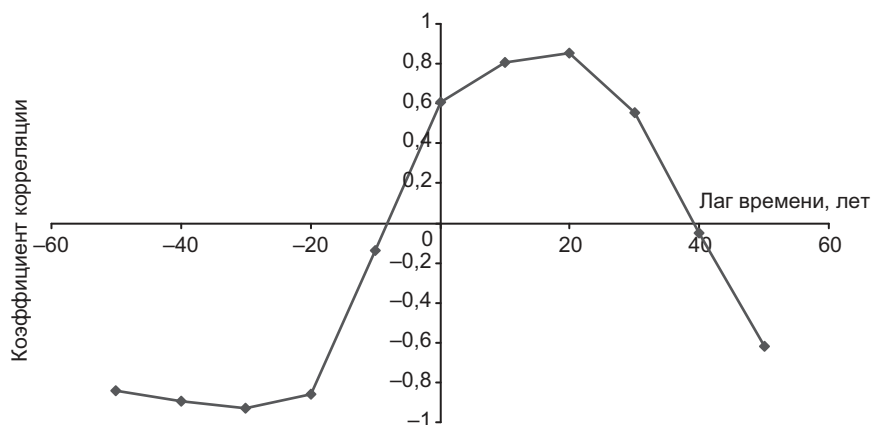

Рис. 2.1.21. Коэффициент корреляции опоры на собственные силы и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Фактор «готовность и стремление народа к свершениям» показывает высокую корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,7$) (рис. 2.1.22–2.1.23).

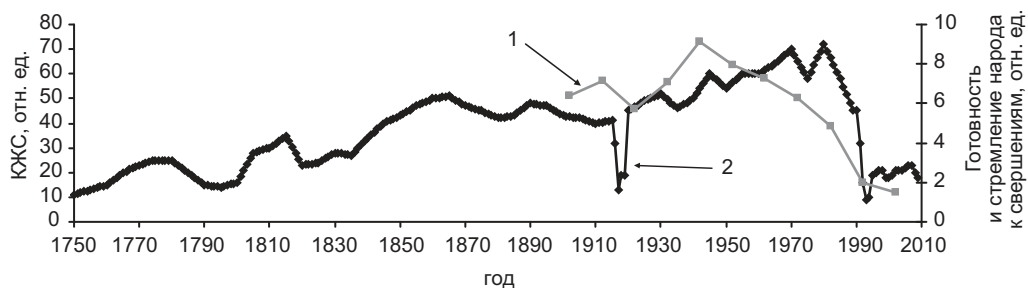

Рис. 2.1.22. Сопоставление исторической динамики готовности и стремления народа к свершениям (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

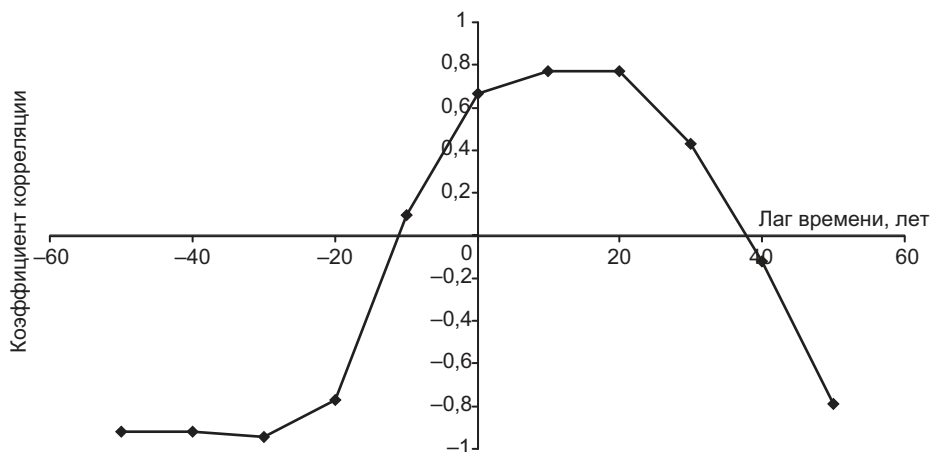

Рис. 2.1.23. Коэффициент корреляции готовности и стремления народа к свершениям и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Полученные из исторических рядов связи достаточно наглядны и убедительны. В целом можно сказать, что в ментальности русских присутствуют такие компоненты, как коллективизм, патернализм и явное предпочтение единоличной, самодержавной власти (монархии), дисбаланс в самооценке (либо чрезмерный мессианизм, либо непомерное самобичевание), эмоциональное, а не рациональное восприятие действительности, предпочтение неформальных отношений формальным, поиск абсолютной правды и счастья на земле, щедрость, милосердие к попавшим в беду, приоритет нематериальных ценностей.

В русской ментальности мобилизующими факторами всегда были и негативные: войны, социальные потрясения и т. д. Присутствует тяга к быстрым рывкам, а не к повседневному кропотливому труду.

Позитивными факторами в ментальности русских относительно жизнеспособности России, как видно, являются коллективизм, готовность к самопожертвованию, способность быстрой мобилизации перед лицом опасности, приоритет нематериальных ценностей.

Негативными факторами являются — неумение работать одинаково качественно длительное время, неумение просчитать результаты своих действий на длительную перспективу, неумение объективно оценивать собственные достижения и ошибки, привычка полагаться на начальство и нежелание проявлять самим инициативу и ответственность. В принципе все это является оборотной стороной коллективизма, которая требует своих коррекций, но при уважении цивилизационной приоритетности коллективизма.

Сохранение русских (российских) ментальных схем зависит от многих других факторов-потенциалов: территории, роли и статуса РПЦ (а также отношений с иными культуuroобразующими конфессиями), воспитания, массового информационного воздействия, СМИ, образовательной политики, политики в сфере культуры, политики в сфере духовного развития народа (рис. 2.1.24).

Рис. 2.1.24. Топология связи факторов-потенциалов с сохранением русских ментальных схем

От политики в сфере духовного развития народа зависит, насколько государство со своей стороны может обеспечить сохранение русских ментальных схем. Такие важные для ментальности факторы, как *состояние пропагандируемых ценностей и поведенческих образцов, идеологический компонент в общественной жизни и уровень значимости национальной идеи* — во многом находятся в компетенции государства.

Состояние фактора «пропагандируемые ценности и поведенческие образцы» показывает корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,6$) (рис. 2.1.25–2.1.26).

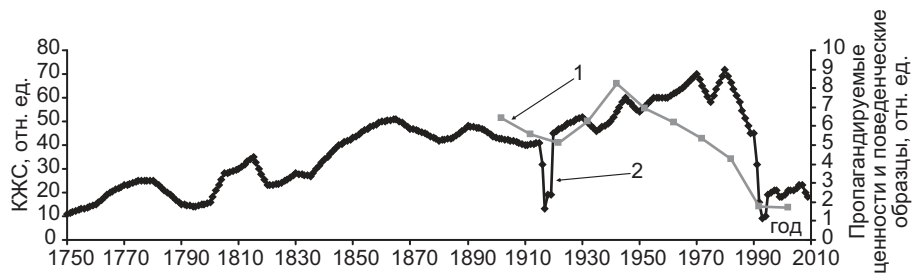

Рис. 2.1.25. Сопоставление исторической динамики фактора «пропагандируемые ценности и поведенческие образцы» (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

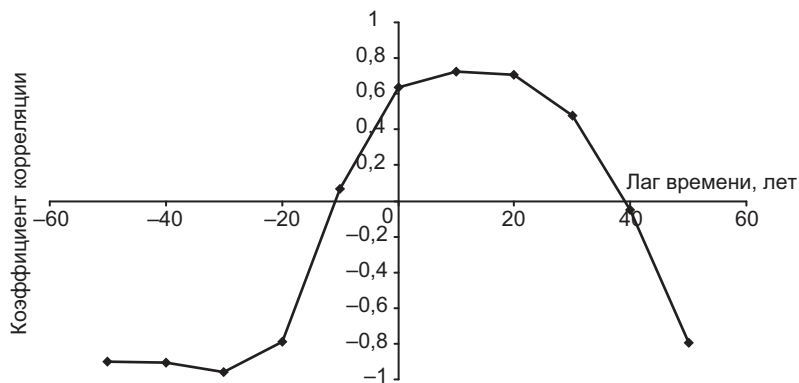

Рис. 2.1.26. Коэффициент корреляции фактора «пропагандируемые ценности и поведенческие образцы» и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Идеологический компонент в общественной жизни и уровень значимости национальной идеи показывают корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,6$) (рис. 2.1.27–2.1.28).

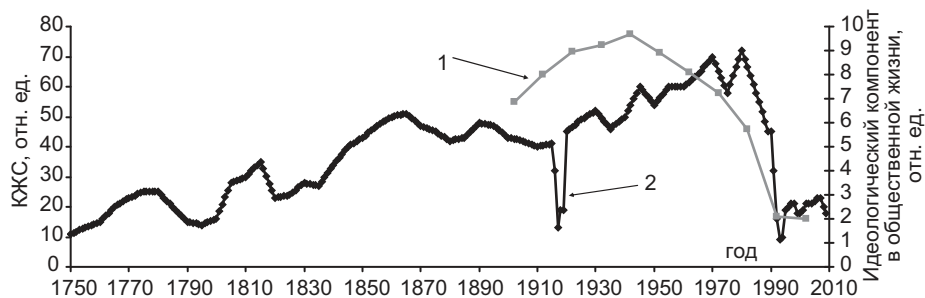

Рис. 2.1.27. Сопоставление исторической динамики идеологического компонента в общественной жизни (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

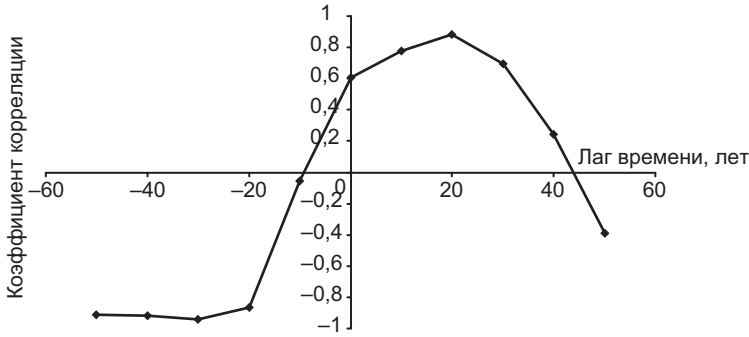

Рис. 2.1.28. Коэффициент корреляции идеологического компонента в общественной жизни и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Связь коэффициента жизнеспособности страны и фактора значимости национальной идеи показана на рис. 2.1.29–2.1.30.

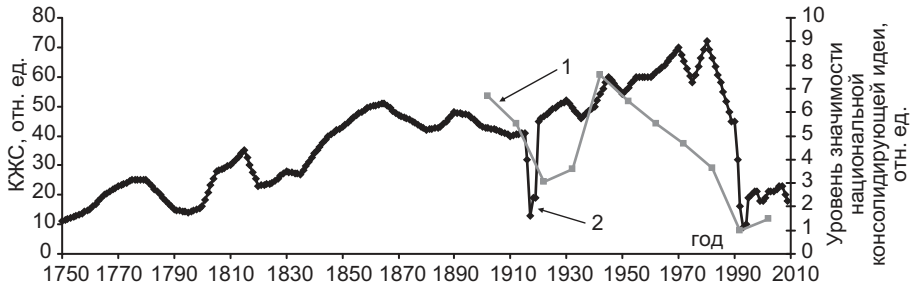

Рис. 2.1.29. Сопоставление исторической динамики уровня значимости консолидирующей национальной идеи (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

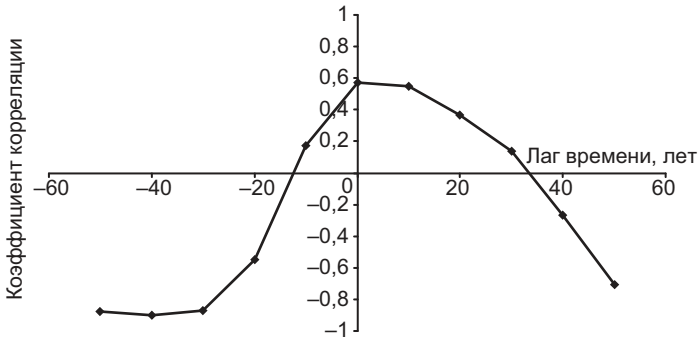

Рис. 2.1.30. Коэффициент корреляции уровня значимости консолидирующей национальной идеи и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Сама же политика идейно-духовного развития народа тоже показывает корреляцию с жизнеспособностью страны ($R = 0,5$) (рис. 2.1.31–2.1.32).

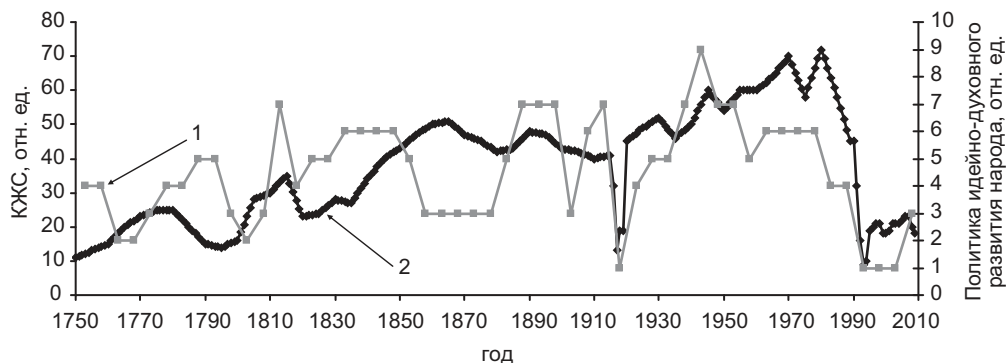

Рис. 2.1.31. Сопоставление исторической динамики политики идейно-духовного развития народа (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

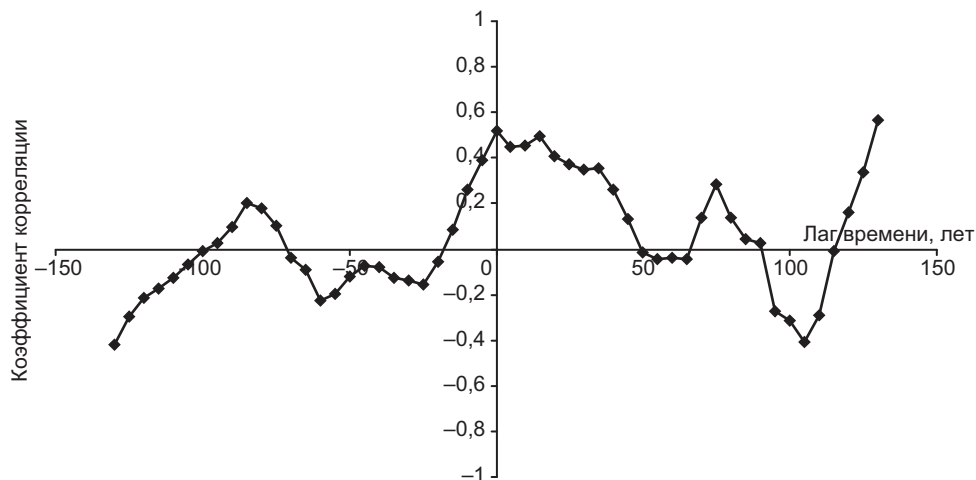

Рис. 2.1.32. Коэффициент корреляции политики идейно-духовного развития народа и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Реализация данного фактора зависит от ряда факторов-потенциалов: компетентности государственных служащих, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики, политики в сфере культуры (рис. 2.1.33).

Рис. 2.1.33. Топология связи факторов-потенциалов с государственной политикой в сфере духовного развития народа

Сохранение ментальных схем нерусских народов

В композитной русской (российской) цивилизации кроме собственно русскоэтнической компоненты весьма важен и многоэтнический вклад многих российских народов. Поэтому целесообразно рассматривать и такой макрофактор жизнеспособности, как сохранение ментальных схем нерусских народов России.

Взаимодействие этноконфессиональных общностей, совместное создание и защита ими общих ценностей и государственных структур формирует у полиэтнического и многоконфессионального населения чувство сопричастности судьбам России, ряд общих, ставших глубинными для психологии и сознания российских этноконфессиональных общностей, представлений, предпочтений, ориентаций. Географическое, природно-климатическое разнообразие, специфические исторические условия бытия способствовали формированию этносов с различным физическим обликом, с различными культурами, религиями, менталитетом. Однако, в отличие от колонизаторской политики западной цивилизации, приведшей к исчезновению ряда этносов на целых континентах и, соответственно, их культур и религий, в России сохранились народы, жившие здесь с древних времен.

Колонизация окраинных территорий русскими, их поселение рядом с коренными народностями, привнесение более высокой производственной культуры при уважительном взаимодействии с ними привели к смешению разных этносов и их взаимной культурной адаптации, к формированию самобытного цивилизационного пространства с разнообразными, специфичными культурами многих народов, находящихся в тесном взаимодействии в рамках единой российской многонациональной культуры. Особенностью России является огромная территория, где 20% нерусского населения занимают ее половину, проживая на исконно исторических площадях. Распространение цивилизационной специфики преимущественно мирным путем приводит к тому, что подобный процесс не подавляет,

а, наоборот, создает основания для укрепления национального самосознания, культурной самобытности, а также выработки оснований сопряжения ментальных алгоритмов.

Восприятие народами друг друга осуществляется посредством сложившихся этнокультурных стереотипов — обобщенных представлений о типичных чертах, характеризующих тот или иной народ. «Широкая русская душа», «кавказский темперамент», «восточная неторопливость» — эти выражения являются воплощением известных культурных стереотипов. Целесообразным представляется различие между автостереотипами (представлениями индивидов о своем народе) и гетеростереотипами, относящимися к другим народам. Оба эти вида этнокультурных стереотипов укореняются в массовом сознании в качестве общепринятых традиционных взглядов.

Как правило, гетеростереотипы более критичны, чем автостереотипы, вследствие чего восприятие иного народа сквозь призму этнокультурной специфики служит источником национальных предубеждений и предрассудков. Основными признаками этнической дифференциации выступают прежде всего различия в обычаях и традициях (по всей вероятности, «чужая» традиция фиксируется четче, чем «своя»), а также в особенностях поведения. Характерно, что в качестве объекта неприязни со стороны русских в изменившихся реалиях к представителям народов Кавказа выступают такие чуждые русскому поведению особенности, как вспыльчивость, темперамент и агрессивность. Интересно отметить, что религия в качестве критерия идентичности играет в ряду этнодифференцирующих признаков минимальную роль.

Особо следует остановиться на фундаменте, затрагивающем различные аспекты механизмов объединения столь разных по культурным и ментальным особенностям народов. Несомненно, важнейшую роль в подобных процессах играет государство, обеспечивающее социальное и политическое единство различных этнокультурных образований. Для этого в стране быть национальная политика и выражающие ее специальные органы государственного управления. Отличительной чертой российского государства является его многонациональность, предполагающая не соперничество народов и их столкновения и конфликты по поводу сепаратизма и создания собственных моноэтнических государств, а сотрудничество этносов в рамках общего государства, обеспечивающего им не только равноправное сосуществование, но и равномерное и хрономерное цивилизационное развитие.

На ментальном уровне этносы скрепляет также «русская идея», которая при своем возникновении не заключала этноцентристского или националистического содержания, что свидетельствует о преломлении в рефлексии глубинных неосознанных предпочтений. По мнению Вл. Соловьева, Россия представляет собой единую и великую державу, созданную не ради матери-

ального существования народов, а ради их достойного существования в соответствии с высшей моральной целью, лежащей за пределами национального бытия отдельных этносов.

Следует обратить внимание на то, как ментальные механизмы проявляются на личностном уровне. Индикаторами являются этноконсолидирующие и этнодифференцирующие признаки идентичности. В современном российском обществе основными признаками, сплачивающими этнокультурную общность, являются: государство, образ жизни, язык, которые ориентируют на этатическую идентичность, социальные характеристики менталитета и наиболее очевидный уровень этнокультурной идентичности. Язык становится основным этноконсолидирующим признаком в иноязычной среде. Факторами сплочения выступает общее историческое прошлое, а также народные традиции и обычаи. Показательны результаты современных исследований в ряде республик Российской Федерации, посвященных проблемам национальной и территориальной идентичности. Двойная и более идентичность — частое явление. Так, более 40% русских в Татарстане и Башкортостане чувствуют себя в равной мере и россиянами, и татарстанцами, башкортостанцами, а более 30% татар и башкир — и теми и другими или даже больше россиянами. Сдвоенную идентичность имеет и значительная часть русских, живущих в других республиках РФ (якуты, тувинцы). Аналогичная идентичность свойственна представителям многих диаспор, исторически существующих в России.

Характерны данные, определяющие отношение евреев к России, русской культуре: 84% считают Россию своей страной, а 99% считают родным русский язык. Российская идентичность проявляется в парадоксальных словосочетаниях («русский татарин», «русский немец», «русский еврей» и т. д.) и даже в понятиях, связанных с конкретным политическим устройством («советский народ»)².

Вместе с тем гетерогенность составляющих российской цивилизации, их нахождение на разных ступенях эволюции делает ее отчасти размытой (особенно на окраинах), порождает особую потребность в механизмах цивилизационной и политической интеграции, не последнюю роль в которых играет снятие противоречий на уровне ментальных алгоритмов.

Итак, сохранение ментальных схем нерусских народов зависит от следующих факторов-потенциалов: принципа многоконфессиональности, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики, национальной политики, политики в сфере культуры, политики духовного развития народа (рис. 2.1.34).

---

² Данные опросов по проекту «Социально-экономическая дифференциация этнических групп и проблемы интеграции в России» (2003 г., руководитель проекта — Л.М. Дробижева. Выборочная совокупность в Татарстане — 1000 чел., в Башкортостане — 1317 чел.).

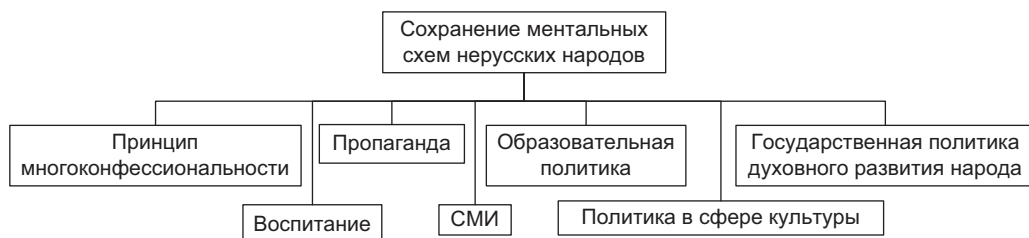

Рис. 2.1.34. Топология связи факторов-потенциалов с сохранением ментальных схем нерусских народов

Таким образом, ряд факторов, влияющих на феномен ментальности, являющийся, в свою очередь, важным фактором жизнеспособности страны, вполне выявляется на достаточно высоком уровне значимости и требует своего отражения в структуре государственного управления.

В целом топология факторного разложения выглядит как показано на рис. 2.1.35.

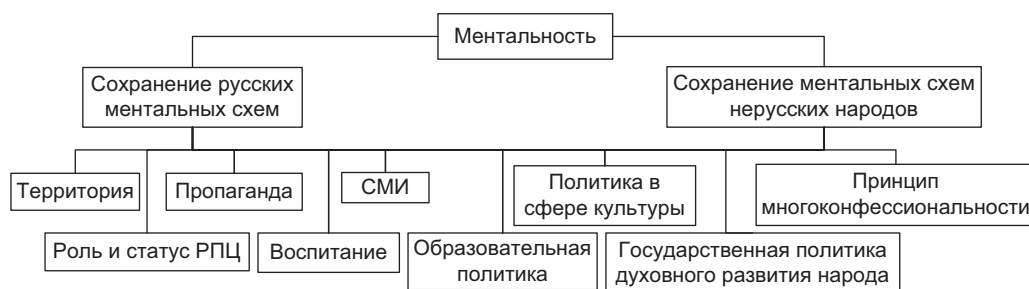

Рис. 2.1.35. Топология факторных связей в структуре фактора «ментальность»

2.1.2. Семья

В формировании и сущности российской цивилизационной идентичности особое место всегда занимала семья. В ней закладываются основы гражданской и национальной культуры, формируется индивидуальная ответственность, транслируются модели социального поведения, осуществляется физическое и духовное воспроизводство (рис. 2.1.36).

Именно семья является первичной колыбелью национальной идеи для подрастающих поколений (рис. 2.1.37).

Коэффициент корреляции $R = 0,62$ подтверждает тезис о том, что семья, как институт воспитания и трансляции ценностей в поколениях, оказывает непосредственное влияние на жизнеспособность страны. Причем коэффи-

коэффициент корреляции с лагом по времени (рис. 2.1.38) показывает, что фактор воспитательной функции семьи в обществе и жизнеспособность страны изменяются синхронно. Как только ослабевает воспитательная функция семьи, жизнеспособность страны снижается.

Рис. 2.1.36. Топология связи фактора семьи с жизнеспособностью страны

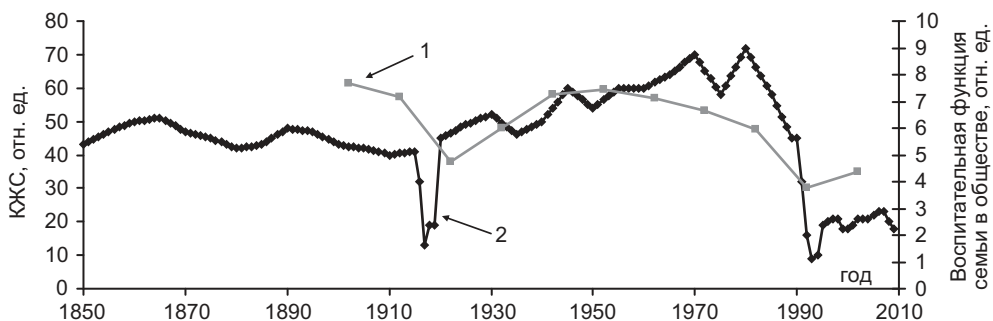

Рис. 2.1.37. Сопоставление фактора «воспитательные функции семьи в обществе» (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

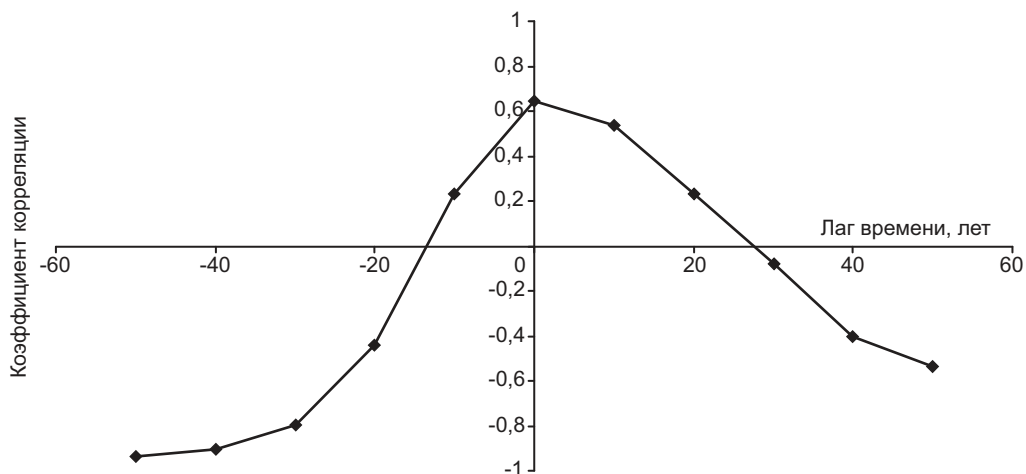

Рис. 2.1.38. Коэффициент корреляции фактора «воспитательные функции семьи в обществе» и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Семья также выступает базовой единицей в иерархии демографических образований, в связи с чем вполне справедливо утверждение о том, что население представляет собой не столько совокупность людей, сколько совокупность семей и лишь по традиции рассматривается как совокупность индивидов, не различающихся ничем, кроме возраста и пола³. На самом же деле люди живут в семьях: в семьях рождаются, в семьях взрослеют, в семьях дают начало новой жизни и в семьях умирают. Впрочем, в последнем случае необходима оговорка, так как ввиду более высокой продолжительности жизни женщин в современной России они, как правило, доживают свой век, будучи вдовами. Однако это не отменяет истинности утверждения об основополагающей роли семьи.

Предметом исследования в факторном дереве жизнеспособности страны выступает основополагающий элемент национальной идеи в виде уникального социального феномена традиционной русской семьи. Подробное рассмотрение последнего предполагает определение факторов (условий) успешного функционирования национальной семейной модели как особой формы культурно-исторической социальной организации русского народа.

Существует множество дефиниций семьи, выделяющих в качестве семьеобразующих отношений различные стороны семейной жизнедеятельности, начиная от простейших и крайне расширительных (например, семья — это группа людей, любящих друг друга, или же группа лиц, имеющих общих

³ Волков А.Г. Семья — объект демографии. Монография. М.: Мысль, 1986. С. 13.

предков либо проживающих вместе) и заканчивая обширными перечнями признаков семьи⁴.

По своей смысловой емкости выделяется определение семьи как исторически-конкретной системы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения⁵.

В институциональном понимании семья как совокупность социальных институтов — это социологическая категория, отражающая обычаи, законы и правила поведения, которые закрепляют отношения родства между людьми⁶. Семья как полифункциональный институт общественной системы представляет собой устойчивую форму взаимоотношений между людьми, в рамках которой осуществляется основная часть их повседневной жизни: сексуальные отношения, деторождение, первичная социализация детей, значительная часть бытового ухода, образовательного и медицинского обслуживания, особенно по отношению к детям и лицам пожилого возраста⁷.

Семью создает отношение «родители — дети», а брак оказывается легитимным признанием тех отношений между мужчиной и женщиной, тех форм сожителства или сексуального партнерства, которые сопровождаются рождением детей⁸. Для более полного понимания сути семьи следует иметь в виду пространственную локализацию семьи (жилище, дом, собственность) и экономическую основу семьи — общесемейную деятельность родителей и детей, выходящую за узкие горизонты быта и потребительства.

Таким образом, семья в социологической интерпретации — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества — родительства — родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи. Лишь наличие триединого отношения супружества — родительства — родства позволяет говорить о конституировании семьи как таковой в ее строгой форме. Факт отсутствия одного или двух из названных отношений характеризует фрагментарность семейных групп, бывших прежде собственно семьями, (по причине повзреления и отделения детей, распада семьи из-за

⁴ Социология семьи: Учебное пособие / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 44.

⁵ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Монография. М.: Мысль, 1979. С. 75.

⁶ Зритнева Е. И. Социология семьи. Учебное пособие. М.: Владос, 2006. С. 26.

⁷ Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. проф. Е.И. Холостовой. М.: Юристъ, 1997. С. 293.

⁸ Социология семьи: Учебное пособие / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 44–45.

болезни, смерти ее членов, из-за развода и других видов семейной дезорганизации, либо не ставших еще семьями (например, молодожены, характеризующиеся только супружеством и ввиду отсутствия детей не обладающие родительством (отцовством, материнством) и родством, кровным родством детей и родителей, братьев и сестер)⁹.

Только наличие крепких семейных связей в рамках многопоколенной семьи способно обеспечить духовную преемственность этих поколений. Вклад фактора духовной преемственности поколений в жизнеспособность страны очевиден, однако коэффициент корреляции за весь анализируемый период с 1902 г. по 2002 г. (рис. 2.1.39) не выявляет их устойчивой взаимосвязи. Если же рассмотреть более современный период с 1942 г. по 2002 г. — связь этих двух факторов устойчива с корреляцией $R = 0,83$. Общие демографические потери России, включающие погибшее мирное население в Великой Отечественной войне, привели к изменению возрастно-полового состава населения, возникла явная диспропорция между мужским и женским населением, доля мужского населения резко снизилась¹⁰.

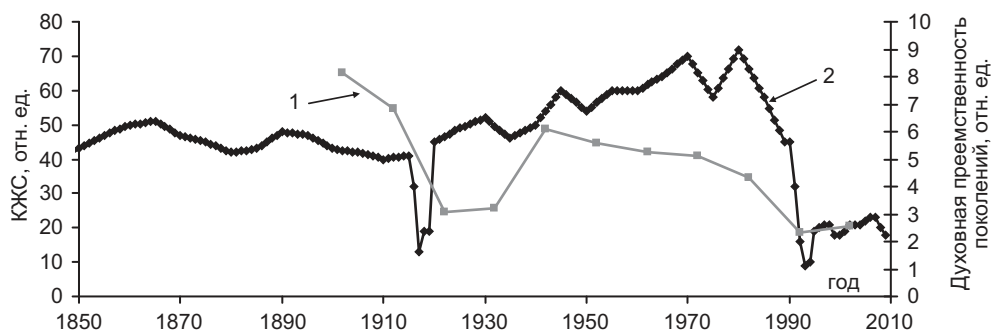

Рис. 2.1.39. Сопоставление фактора «духовная преемственность поколений» (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Именно на данном временном отрезке (послевоенном) вопрос сохранения неразрывной связи времен и поколений стал самым актуальным, поэтому и корреляция этого фактора с жизнеспособностью страны в этот период достаточно высока.

Христианство и гуманизация семейных отношений

Утверждение на Руси модели полноценной семьи в вышеприведенном понимании было связано в значительной степени с принятием православного христианства (988 г.). Спустя небольшое по историческим меркам вре-

⁹ Социология семьи: Учебное пособие.

¹⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 514.

мя после крещения Руси князем Владимиром православная вера стала для русского народа важнейшей основой его существования, интегрированной в его повседневную жизнь. Воцерковление начиналось на самом раннем этапе жизни — с крещения младенца и продолжалось до последнего часа. Христианство выступало универсальным способом отношения к внутреннему и внешнему миру со всеми его радостями и заботами. Вступали молодые в брак — совершалось Таинство Венчания; в трудных родах — молились Анастасии Узоразрешительнице; случалось заболеть младенцу — обращались за помощью к целителю Пантелеймону; приступал ребенок к учению — призывали преподобного Сергия Радонежского и равноапостольных Кирилла и Мефодия; наступало время собирать урожай — молились пред иконой Божьей Матери «Спорительница хлебов»; собирались в дорогу — просили заступничества у святителя Николая Угодника; заканчивали строительство новой избы — приглашали батюшку для освящения дома; приходила в дом радость — заказывали благодарственный молебен; постигало горе — совершали панихиду, раздавали милостыню и просили молитв по усопшем. Православие с момента своего зарождения было предельно семейно ориентированным: семья в нем получила название «малой церкви», священника называли батюшкой, отношения Христа и Церкви в духовном значении сравнивались с отношениями жениха и невесты. Ни одна мировая религия не отводит столь важное место семье в системе вероучения, как христианство. В данном отношении православие можно без преувеличения определить как религию семьи.

Процесс гуманизации брачно-семейных отношений, начавшись в X в., занял не одно столетие и впоследствии коренным образом изменил как базовую социальную ячейку (семью), так и облик всего русского общества. К концу XVI в. русский народ окончательно адаптировался к православному устройению в брачно-семейной сфере — брак стал восприниматься как богоустановленное таинство, формой его заключения было исключительно венчание, единственной приемлемой и практикуемой формой брака стала моногамия.

Предшествующие модели супружеских взаимоотношений в рамках языческого мироощущения нельзя назвать собственно семейными. Отношения мужа и жены в язычестве строились не на социальной иерархии, продиктованной логикой жизни, а на изначальной конфликтности. В славянском язычестве женщина характеризовалась мистической субъектностью, ее тайная «сила» — как правило, злоторная — являлась причиной ее власти над мужчиной и вызывала у последнего страх, почтение, ненависть, что в определенной мере способствовало насилию¹¹. Смягчение нравов и норма-

---

¹¹ Царевский А.А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. Статья // <<http://lib.eparhia-saratov.ru/books/22c/carevsky/importance/17.html>>.

лизацию отношений в русском семейном быту связывают с окончательным утверждением православия в конце XVI в.¹²

С распространением христианства тесно связана и гуманизация детско-родительских взаимоотношений. Если в язычестве на первый план выступают отношения между поколениями, причем не в культурном, а в чисто биологическом смысле, то в христианской культуре отношения отец — ребенок и мать — ребенок имеют важное и, что примечательно, самостоятельное значение. В результате изменения детско-родительских отношений с приходом православия на Русскую землю постепенно отмирала и практика человеческих жертвоприношений, в том числе убийства новорожденных младенцев¹³.

Немаловажным вкладом православия в формирование национальной модели русской семьи стал отход от первобытных и полигамных брачных отношений и закрепление моногамной формы брака как единственно приемлемой социальной нормы. Церковь в форме церковного права и государство (в лице православного правителя) в форме светского права создавали юридические документы, в которых сначала ограничивались, а потом запрещались полигамия, наложничество, прелюбодеяние, традиционно принятые во времена язычества и свидетельствовавшие об автономии брачного и сексуального поведения в дохристианскую эпоху¹⁴. Таким образом создавались нормативные условия для максимального благоприятствования распространению единобрачия.

Важно отметить решительное осуждение русскими добрачных связей, которое четко прослеживается в многочисленных источниках XVI–XIX вв. «Беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих, как зеницу ока и как свою душу... Если дочери у тебя, будь с ними строг, тем сохранишь от греха: чтобы не посрамила лица своего, пусть в послушании ходит, а не по своей воле, а то по глупости осквернит девство свое, будет всем знающим тебя в посмешище, и осрамишься пред множеством людей. Если отдашь замуж свою дочь невинной, то великое дело сделаешь и в любом обществе похвалишься, и при конце жизни не будешь плакать о ней»¹⁵.

Именно такие идейные основы брачно-семейной жизни донес до нас «Домострой» (XVI в.), конституирующий устами протопопа Сильвестра социальные нормы средневековой Руси. Аналогичные нравственные установки можно найти также в литературно-педагогическом произведении начала

¹² Дружинин В.Н. Психология семьи. Монография. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 46, 51, 63.

¹³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Монография. М.: Наука, 1988. С. 213; Багдасаров Р., Рыбаков А. Киев: От идолов к кресту. Статья // <<http://www.rusk.ru>>; Человеческие жертвоприношения у славян (из летописей). Статья // <http://www.ateismy.net/content/spravochnik/citati/slavjane_zhertvi.php>.

¹⁴ Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: Историко-социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2005. С. 99.

¹⁵ Домострой. Соч. М.: Паломник, 2006. С. 38, 41–42.

XVIII в. под названием «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов»¹⁶.

Характерно, что не только отцы Церкви, но и вражеские стратеги, посягнувшие на российские территории, хорошо осознавали значение нравственных запретов на добрачные связи для сохранения жизнеспособности нации. По воспоминаниям высших офицеров Третьего рейха, сведения о том, что почти все русские незамужние женщины не вступали в добрачные связи, Гитлер воспринял как угрозу национальным интересам Германии. Следствием подобного восприятия стало пропаганда на оккупированных славянских территориях сексуальных свобод, навязывание контрацептивно-абортивного мышления. В самой же фашистской «империи», наоборот, в то время существовала целая система запретов добрачных связей для немок и одновременное маркирование верхней одежды проституток и гомосексуалистов позорными знаками¹⁷.

Рождение внебрачного ребенка порицалось общественным мнением и приводило к социальной изоляции незамужней матери, практически лишая ее, в случае отказа отца ребенка от брака, всяких шансов на замужество в дальнейшем. В то же время строгий нравственный запрет на преждевременные половые отношения в равной степени распространялся и на мужчин. Не случайно юноше не доверялись некоторые сельскохозяйственные работы — например, посев, который ассоциировался с оплодотворением. Более того, покидать деревню молодым людям разрешалось только под присмотром взрослых¹⁸.

Однако при весьма строгих государственных и церковных запретах в русской культуре, тем не менее, существовали неприличные песни и частушки, скабрезные анекдоты, игры и другие внешние проявления сексуальности, но они выполняли роль своего рода карнавальной смеховой антикультуры (по М.М. Бахтину и Д.С. Лихачеву), своеобразного клапана для выхода сексуальной энергии молодого русского этноса. И каждый из нарушителей запрета знал, что нарушает (оттого и сладок был «запретный плод»!), но провинившемуся всегда предоставлялась возможность покаяния. При этом дети, особенно девочки, воспитывались в традициях домостроя. Широко,

¹⁶ Книга была выпущена в 1717 г. по указанию Петра I. Авторы издания неизвестны. Предполагаемый составитель — епископ Рязанский и Муромский Гавриил (Бужинский). Книга была в основном рассчитана на детей дворянского сословия и формировала новый стереотип поведения светского человека, который избегает дурных компаний, мотовства, пьянства, грубости и придерживается благородных манер. Вместе с тем «Зерцало» отражало отношение всего русского общества, а не только дворян, к вопросам нравственности, в том числе к правилам добрачного поведения.

¹⁷ *Абраменкова В.В.* Половая дифференциация и сексуализация детства: Горький вкус запретного плода. Статья // Вопросы психологии. 1987. № 5 // <[http://old.portal-slovo.ru/rus/infant_education/2390/2782/\\$print_text/](http://old.portal-slovo.ru/rus/infant_education/2390/2782/$print_text/)>.

¹⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Монография. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2000. С. 161.

особенно на Западе, известна «асексуальность» русской литературы, «оттого, что ее тема — любовь, а не секс, Эрос, а не эротика»¹⁹.

Объявляя «брак честен» и «ложе непорочно»²⁰, православная церковь всегда критически относилась к супружеским изменам, считая их смертным грехом. С утверждением на Руси христианства церковь, ограничивая сексуальное поведение рамками моногамного брака, тем самым укрепляла институт семьи и супружества. Ведь по сравнению с «блудом» супружеская неверность считалась более серьезным прегрешением. «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» (1 Кор. 7:4) — сказано в Священном Писании. Измена жене или мужу считалась настолько неприемлемой, что могла стать исключительным поводом для расторжения брака. Судя по тому, что последний был весьма редким событием в христианский период отечественной истории, можно полагать, что супружеская неверность в указанное время практически не встречалась.

Понятие чести для крестьян, которые в дореволюционной России составляли 85–90% населения, для мужчин включало отсутствие оснований для оскорблений (в том числе за безнравственный образ жизни) и умение ответить за незаслуженные поношения, а для девушек и женщин — соответственно, добрачную чистоту и отсутствие измен. Нарушение супружеской верности рассматривалось не только как предательство супруга и совершение тяжкого греха, но одновременно являлось вызовом всему обществу, в связи с чем могло стать предметом серьезного обсуждения на общинном сходе. При обвинении одного из супругов в измене обвинитель должен был доказать на сходе обоснованность своих претензий. Если это удавалось, то виновная сторона подвергалась жесткому общественному осуждению. В течение года такой человек не имел права посещать соседей и был нежеланным гостем в любом доме. Его честь в глазах общины была навсегда потеряна. Особенно предосудительной считалась неверность жены — хранительницы домашнего очага и благочестия.

Семейная честь, построенная на православных нравственных принципах, формировала стойкость национального характера, удивительное мужество и готовность к самопожертвованию.

Ради «второй половины» и чести семьи русские готовы были не задумываясь идти на смерть, но и от супруги (супруга) ожидали пожизненной верности. Если эти ожидания не оправдывались, что, подчеркнем особо, в дореволюционной России случалось крайне редко, то на виновника со всей силой обрушивалось общественное негодование. Что бывало при нарушении супружеской верности, наблюдал в 1891 г. М. Горький в деревне

¹⁹ *Абраменкова В.В.* Половая дифференциация и сексуализация детства: Горький вкус запретного плода.

²⁰ «Брак у всех да будет честен, и ложе непорочно, блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр. 13:4).

Кандыбовка Николаевского уезда Херсонской губернии: «Пострадавший привязал обнаженную жену к телеге, сам залез на телегу и оттуда хлестал жену кнутом. Телега в сопровождении улюлюкающей толпы двигалась по деревенской улице». В других местностях, по сведениям М. Горького, изменниц «обнажают, мажут дегтем, осыпают куриными перьями и так водят по улице»²¹. Справедливости ради отметим, что исторический опыт других государств и цивилизаций в их отношении к адюльтеру содержит куда более строгие социально-правовые практики.

Специфика национальной ментальности и семейной культуры русского народа в постязыческий период отличалась ярко выраженным семьецентризмом. От семьи зависело как экономическое положение, так и духовно-культурное. Поэтому создание семьи, вступление в брак было одним из наиболее важных и в то же время таинственных жизненных событий. Здесь уместно привести известное изречение: «браки совершаются на небесах», ибо православное учение о браке и семье утверждает, что православный брак — это таинство, т. е. событие духовное, принадлежащее к духовной реальности и духовному бытию²².

Еще со времен языческого разврата и моральной распущенности, когда отношения между людьми были сведены к самым ужасным, иногда противоземным, извращенным обычаям, христиане очень бережно относились к брачно-семейной сфере, полагая, что брак должен иметь особенное благодатное установление. Но даже в рамках христианского мировоззрения русское православное понимание семьи и брака значительно отличалось от иных интерпретаций. Например, с точки зрения католиков, брак есть договор двух сторон о союзе, и само таинство брака понимается как некое заключение договора. Конечно, это не означало, что католики не понимали благодатного устройства брака, но здесь присутствовал чуждый православному сознанию юридизм. Православный взгляд на брак совсем иной. Брак не есть договор, он есть таинство, дар любви, неразрушимый, божественный. Это не юридический акт. Это есть категория духовная, событие духовной жизни. Освящение брака епископом или священником было свидетельством того, что брак совершается в церкви, поскольку именно в лице епископа действует здесь вся церковная полнота. Именно епископ или священник являются совершителями этого таинства. У католиков же при понимании таинства как договора совершителями его являются договаривающиеся стороны, т. е. жених и невеста²³.

Религиозно-нравственное обоснование брака сформировало на Руси высокий престиж семейности и уникальную фамилистическую цивилизацию. Не иметь супруга в зрелом возрасте было греховным и противоестествен-

²¹ Райгородский Д.Я. Психология семьи. Учебное пособие. Самара: Бахрах-М, 2007. С. 217.

²² Воробьев В. Таинство брака. Статья // Беседы со старшеклассниками. М., 2008. С. 140.

²³ Там же. С. 142–147.

ным. Холостой мужчина до женитьбы в деревне не являлся полноценным членом социума. Он не имел права голоса при решении принципиально важных вопросов в семье и на крестьянском сходе. В российском обществе, в котором численно доминировали земледельцы, брак рассматривался как главное условие благонадежности и порядочности человека, его материального благополучия и общественной значимости. Община могла не разрешить неженатому молодому человеку одному покинуть деревню даже на короткий срок. Только после создания семьи он становился полноправным членом «мира» — сельской общины. Ведь, как правило, только семейный крестьянин получал земельный надел — главный источник средств существования — и затем начинал платить налоги, нести повинности. Сложным образом складывалось и положение незамужних крестьянских девушек. Поздний брак для них рассматривался как чрезвычайное обстоятельство, а безбрачие вызывало общественное осуждение²⁴.

Тема семьи и брака постоянно присутствовала в жизни подрастающих поколений, особенно внимание к ней усиливалось по мере приближения к брачному возрасту. Мальчики приобщались к мужским работам и будущим семейным обязанностям, девочки — к заботам будущей матери и хозяйки. Подростки рано приучались к разным видам труда. Над теми из них, кто не овладел мастерством, соответствующим, по местным представлениям, его возрасту, начинали насмехаться, о чем свидетельствуют насмешливые прозвища для неумелых, прочно вошедшие в речевой оборот. Так, ребят, которые не умели плести лапти, дразнили безлапотниками, а девочек, не научившихся в положенный срок (на 11-м году жизни) прясть, дразнили непряхами. По существу вся добрачная жизнь девушки была подготовкой к замужеству²⁵. Несмотря на то что дочь, выходя замуж, как правило, уходила в семью супруга («дочь — ключница чужому отцу, ларешница чужой матери»), даже эта в хозяйственно-экономическом и морально-психологическом смысле «потеря» никак не влияла на желание родителей получить выдать дочь замуж и достойно сыграть свадьбу. С самого рождения дочери мать начинала готовить ей приданое («дочка в колыбельку — приданое в коробейку»). К предбрачному возрасту к девушке менялось отношение в семье и окружающем деревенском социуме. Девушку-невесту «славили», за ней старались создать и упрочить лестную, похвальную репутацию. Она имела право одеваться лучше младших сестер, получала большую свободу в доме: «своя волюшка девке у батюшки», «у батюшки девка промеж пальчиков, у мужа в руках», — констатировали народные пословицы²⁶.

²⁴ Николаев М.Е. Стратегия народосбережения. Монография. М: Изд-во РГСУ, 2008. С. 13–15.

²⁵ Русские: История и этнография. Монография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М.: АСТ, Олимп, 2008. С. 446, 447, 645.

²⁶ Там же. С. 446.

К браку русское общество относилось очень ответственно («идучи на войну, молись, идучи в море — вдвое, хочешь жениться, молись втрое»), строго осуждая тех, кто не вступал в брак в установленное обычаем время, считая таких людей безнравственными, нарушающими законы крестьянской жизни и обычаи предков («женитьба вещь добрая, она от Бога показана»). Засидевшихся девушек считали «перестарками», «вековухами», и женихи их избегали, думая, что они с «пороком». Такое же недоверие и презрение вызывали засидевшиеся в холостых молодые люди («бобыли», «перестарки»)²⁷. При этом брачная мотивация для русских крестьян имела не только хозяйственно-экономическое и религиозное обоснование, но также убежденность в необходимости для человека любить и быть любимым. Однако при этом представлениям о любви в христианской культуре были чужды отношения страстной влюбленности в современном смысле. Любовь мужчины и женщины у русских ассоциировалась главным образом с семейной любовью матери и отца, в которой не было места примитивной романтике добрачных связей. Кроме того, немаловажным обстоятельством высокого престижа брачности была боязнь нравственного падения молодежи, которая в немалой степени способствовала ранней брачности и, как следствие, высокой репродуктивности русского народа. Еще в IV в. крупнейший богослов святитель Иоанн Златоуст призывал родителей не только не препятствовать ранним бракам, но и всячески содействовать им «во избежание блуда» и моральной распущенности.

Семья являлась институтом, способным гарантировать благоустроенность подрастающих поколений. О взаимосвязи чувства уверенности в будущем своих детей и жизнеспособности страны говорит их устойчивая корреляция ($R = 0,91$) (рис. 2.1.40). Связь между указанными факторами линейная (рис. 2.1.41).

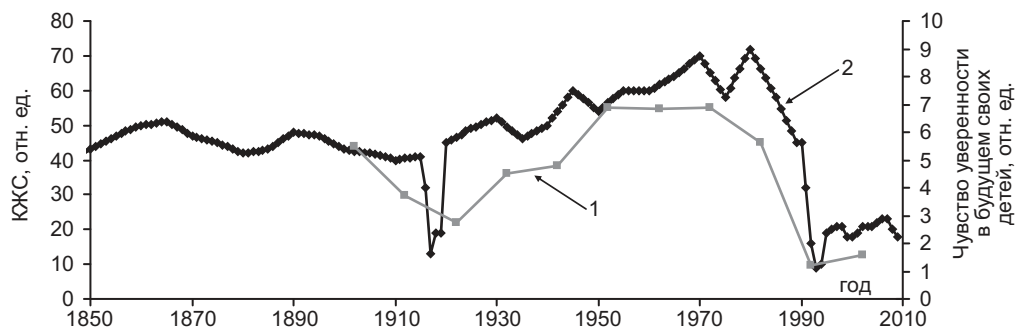

Рис. 2.1.40. Сопоставление фактора «чувство уверенности в будущем своих детей» (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

²⁷ Там же. С. 447–448.

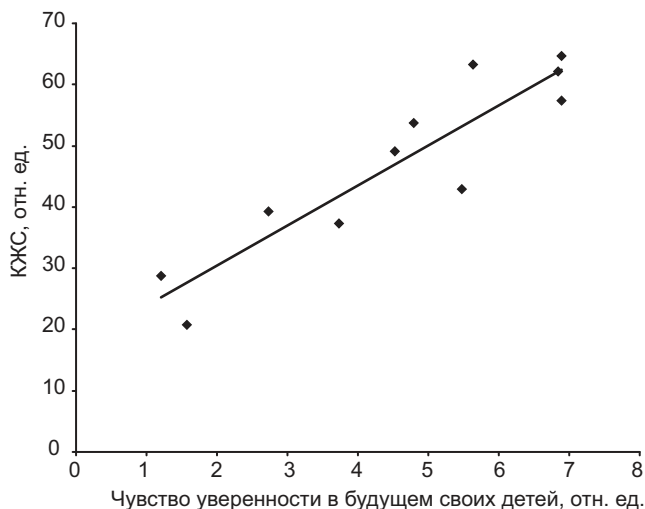

Рис. 2.1.41. Регрессионная связь фактора «чувство уверенности в будущем своих детей» и коэффициента жизнеспособности страны

Причем поскольку максимальна корреляция при нулевой задержке, изменение этих факторов происходит синхронно (рис. 2.1.42). Так, наивысшим показателям жизнеспособности страны (с 1950 г. по 1970 г.) соответствуют и наивысшие показатели уверенности в будущем, а снижение уровня жизнеспособности в отдельные периоды сопровождается снижением рассматриваемого фактора.

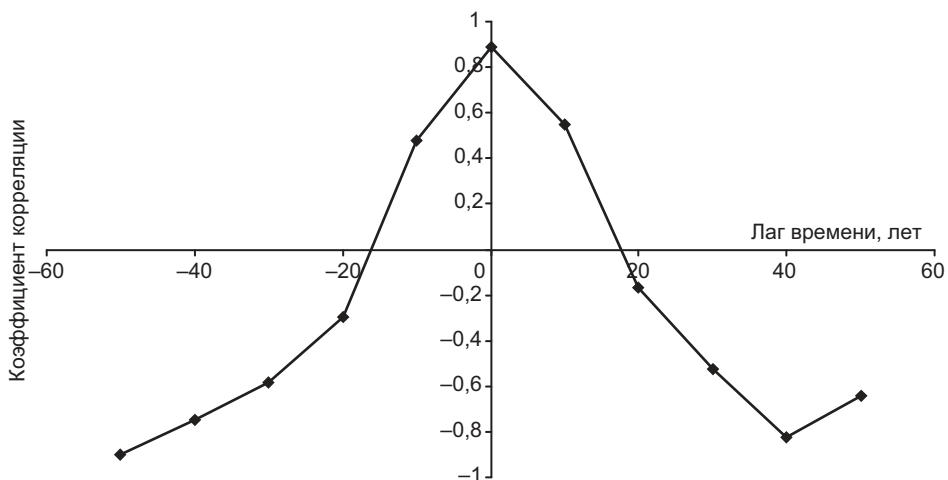

Рис. 2.1.42. Коэффициент корреляции фактора «чувство уверенности в будущем своих детей» и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Особым условием заключения брака была процедура его общественно-го одобрения, включающая главным образом церковную регистрацию. Без церковного освящения новой семьи союз мужчины и женщины не являлся браком.

Рассмотрим, как связан с жизнеспособностью страны фактор рождений вне брака. Коэффициент корреляции между удельным весом детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке (в процентах от общего числа родившихся детей), и КЖС: $R = -0,745$ (рис. 2.1.43). Это говорит о том, что рождение детей вне брака негативно сказывается на жизнеспособности страны, что подтверждается корреляцией с лагом по времени на всем периоде (рис. 2.1.44). Рост показателей по этому фактору не только отражает веяние времени — рождение детей в сожительстве, гражданском браке, но означает также увеличение численности неполных семей со специфическими проблемами воспитания детей.

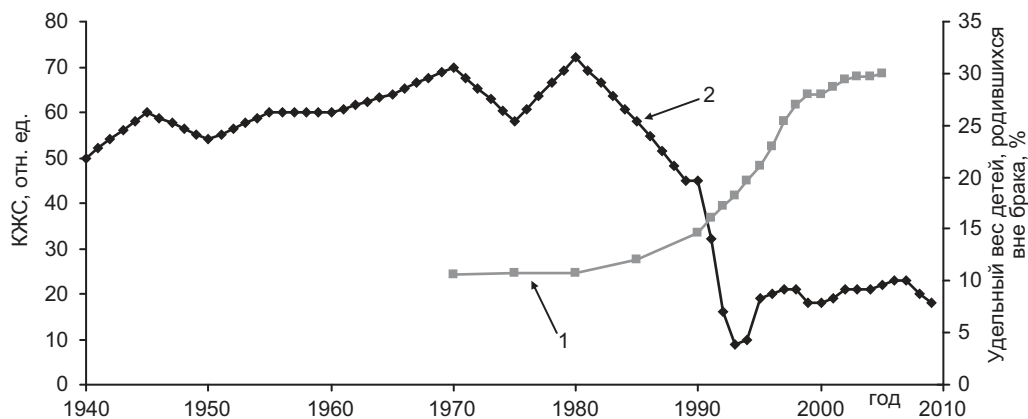

Рис. 2.1.43. Сопоставление фактора «удельный вес детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке» (1) и КЖС (2)

В русской церкви период заключения брака всегда предполагал длительный временной промежуток. В прежние времена брак никогда не заключался очень скоро, подготовка к нему проходила несколько этапов и включала в себя заботу и участие многих лиц. Процесс легитимизации будущего брака начинался с уведомления духовного отца, знающего свое духовное чадо на протяжении многих лет, исповедовавшего его и имевшего подробное представление об особенностях его души, достоинствах и недостатках. Сначала молодые сообщали духовнику о своих симпатиях. Затем, если отношения становились серьезными и родители не возражали против будущего супруга, батюшке говорили о намерениях вступления в брак, после чего он объявлял о предстоящем браке в храме. Если через некоторое время со сто-

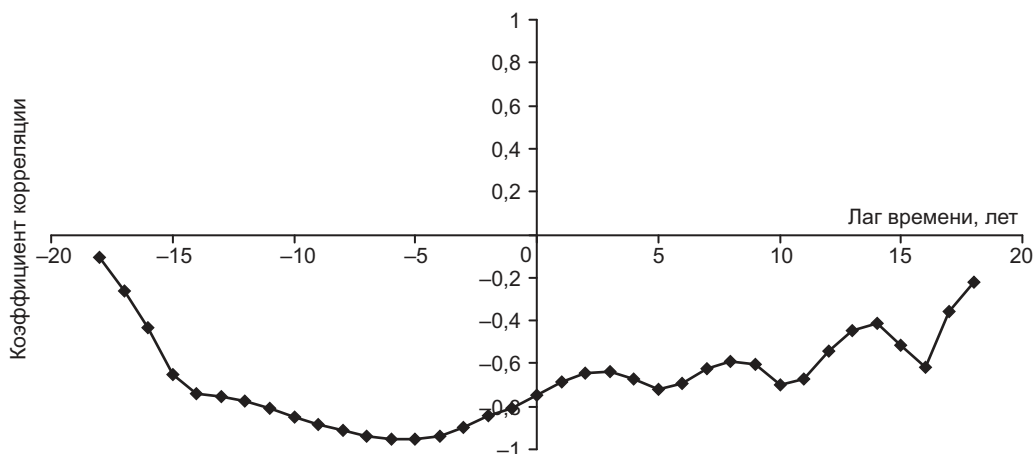

Рис. 2.1.44. Коэффициент корреляции фактора «удельный вес детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке» и КЖС с временным лагом

роны прихожан не поступало сообщений о препятствии к данному браку, то совершалось обручение, после чего через определенное время следовало венчание.

Для вступления в брак было обязательным родительское благословение. На Руси издревле считалось, что честь невесты — это честь рода. Поэтому отец невесты не сразу давал сватам ответ, но обещал подумать о том с женой и родичами. Совершив так называемый «совестливый разговор» с родственниками, отец объявлял согласие дочери на брак. Тем дело не оканчивалось: наступал период усиленных молитв к Богу о даровании мудрости, о благоприятных условиях к соединению «двух в плоть едину, душу едину и Дух животворящий».

До 1775 г. венчание отстояло от обручения на некоторое время, дабы жених и невеста имели возможность осмыслить и полнее подготовиться к предстоящему браку. Обручение как бы скрепляло брачный договор. Но даже после того, как церковное обручение стали совершать одновременно с венчанием, период последнего раздумья не упразднился. Оставалось семейно-общественное понятие сговора, т. е. договора между родными и близкими невесты и жениха, семейного благословения на брак. Сговор отстоял от венчания на различные продолжительные сроки. Эта традиция жива и сегодня, находя свое продолжение в церковной практике, согласно которой верующие молодые люди с момента уведомления духовного отца о желании создать семью могут обвенчаться не менее чем через год.

До революции существовала даже практика годового послушания перед женьтьбой в монастыре. Это делалось не только для получения дополнительных хозяйственных навыков, но и давало дополнительную широту для понимания таинства брака²⁸.

Сложившаяся традиционная модель брачного поведения русского народа, которая содержала в себе коренные этнические традиции и нормы христианской морали, с одной стороны, повторяла подобную модель других европейских обществ, но, с другой стороны, имела свои особенности.

В любом традиционном социуме такие демографические показатели, как средний возраст вступления в брак и доля лиц, никогда не вступавших в брак, были намного ниже сегодняшних аналогичных показателей. Социальные нормы традиционной культуры определяли высокий уровень брачности. Однако, несмотря на свою универсальность, эти нормы не были полностью идентичными для России и западноевропейских стран. Достоверная информация о брачности, которая имеется с XVIII в., показывает, что во многих европейских странах сложилась принципиально иная модель брачного поведения, отличавшаяся более поздним возрастом вступления в брак и высокой долей окончательного безбрачия²⁹.

Если в России в XVII–XVIII вв. наиболее распространенными были браки между 13–14-летней невестой и 15–16-летним женихом, то в Западной Европе в это время средний брачный возраст для женщин составлял 25–27 лет. К первой половине XIX в. брачный возраст для русских женщин был равен 16 годам, для мужчин — 18. И только с 1874 г. после введения в России всеобщей воинской повинности брачный возраст для мужчин поднялся до 24–25 лет (после службы в армии), для женщин он составлял 18–22 года. Однако это не помешало на момент первой переписи населения в Российской империи (1897 г.) иметь один из самых низких показателей среднего брачного возраста: для женщин — 21,4 года, для мужчин — 24,2 года³⁰. Для сравнения укажем, что в европейских странах преимущественно католического вероисповедания этот возраст в указанный период варьировал для женщин в пределах от 23,6–24,6 лет (Польша, Италия, Испания, Франция) до 25,5–27,5 лет (Чехия, Бельгия, Германия, Англия, Нидерланды, Швеция), а для мужчин — от 26,6–27,4 (Польша, Италия, Испания, Англия, Бельгия) до 27,8–29,5 лет (Чехия, Германия, Франция, Нидерланды, Швеция) (рис. 2.1.45)³¹.

²⁸ Худошин А. В напутствие новобрачным. Соч. Воронеж: Оранта, 2009. С. 13–15.

²⁹ Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2005. С. 278–279.

³⁰ Русские: История и этнография. Монография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М.: АСТ, Олимп, 2008. С. 379.

³¹ Захаров С. Брачность в России: История и современность. Статья // <<http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>>.

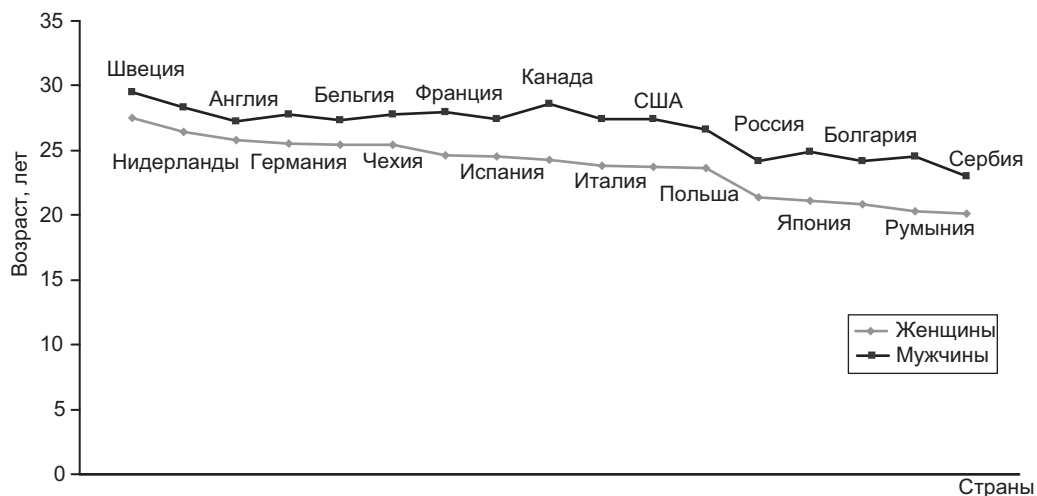

Рис. 2.1.45. Средний возраст вступления в первый брак в некоторых странах мира на рубеже XIX–XX вв.

Как показывают специальные исследования, в дореволюционной России вплоть до конца XIX в. доминировал традиционный тип брачности, для которого были характерны такие отличительные черты, как ранняя брачность и всеобщность брака (в брак вступали практически все представители каждого поколения). Исключением являлась небольшая часть людей, которые вынуждены были оставаться вне брака по состоянию здоровья или вследствие сознательного отказа (например, из-за монашества). Во второй половине XIX в. — начале XX в. к 45–49 годам вне брака оставались лишь около 4% мужчин и 5% женщин³².

Опираясь на данные межстрановых ретроспективных сравнений³³, отметим, что в европейских странах подобный тип брачности на рубеже XIX–XX вв. присутствовал в основном в регионах православной культуры: в Сербии, где доля безбрачия для женщин составляла 1%, для мужчин — 3%; в Болгарии (1% — для женщин, 3% — для мужчин), в Румынии (3% — для женщин, 3% — для мужчин) и в Греции (в отношении женщин — 4%; для греческих мужчин этот показатель в указанный период был несколько выше — 9%). Среди католических стран подобные показатели наблюдались лишь в Венгрии (4% — для женщин, 5% — для мужчин) (табл. 2.1.1)³⁴.

³² Волков А.Г. Семья — объект демографии. Монография. М. Мысль, 1986. С. 108.

³³ Захаров С. Брачность в России: История и современность.

³⁴ Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence. N.Y.: United Nations, 1990. P. 7–18. Цит. по: Захаров С. Брачность в России: История и современность.

Таблица 2.1.1

**Доля лиц, не состоявших в браке в возрасте 45–49 лет,
в некоторых странах мира на рубеже XIX–XX вв., в %**

Страна, год*	Женщины	Мужчины	Страна, год*	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	19,0	13,0	Австралия, 1901	9,3	22,4
Бельгия, 1900	17,1	16,1	США, 1900	8,6	12,0
Швейцария, 1900	17,0	16,0	Чехия, 1910	8,5	6,2
Нидерланды, 1900	14,0	13,0	Польша, 1900	7,8	6,1
Англия и Уэльс, 1901	13,4	11,0	Европейская Россия, 1897	5,0	4,0
Австрия, 1900	13,0	11,0	Греция, 1907	4,0	9,0
Канада, 1911	12,0	15,1	Венгрия, 1900	4,0	5,0
Франция, 1901–1905	11,2	10,4	Румыния, 1899	3,0	5,0
Италия, 1901	10,9	10,9	Япония, 1920	1,9	2,3
Испания, 1900	10,2	6,4	Болгария, 1900	1,0	3,0
Германия, 1900	10,1	8,2	Сербия, 1900	1,0	3,0

* Страны ранжированы в порядке убывания доли никогда не состоявших в браке женщин.

Остальные 12 европейских государств³⁵, а также Австралия, Канада и США, по которым имеются сопоставимые данные, демонстрировали совершенно иной тип брачности, что отражалось, в том числе, и на удельном весе лиц, никогда не состоявших в браке к концу бракоспособного возраста.

Корреляционный анализ между показателем брачности в России и жизнеспособностью страны (рис. 2.1.46) подтверждает положительное влияние этого фактора на жизнеспособность страны ($R = 0,86$).

Высокая мотивация на вступление в брак и престиж семейного образа жизни в целом были в немалой степени обусловлены типом семейной структуры. Расширенная многопоколенная разветвленная семья и существовавшая в ней форма хозяйственно-экономических связей способствовали сохранению раннего возраста вступления в брак и всеобщей брачности вплоть до начала XX в. Нормы обычного права и сложившиеся семейные традиции поощряли женатого сына оставаться вместе с родителями и быть включенным в общесемейную хозяйственную деятельность. Детям, вступающим в брак, необязательно было формировать отдельную хозяйственную единицу и сразу обладать экономической самостоятельностью. Заботу о женатых детях на этапе формирования новой молодой семьи в расширенной семейной системе брали на себя родители и другие родственники, образующие единое домохозяйство (двор, подворье). В таких социальных

³⁵ Швеция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды, Англия и Уэльс, Австрия, Франция, Италия, Испания, Германия, Чехия, Польша.

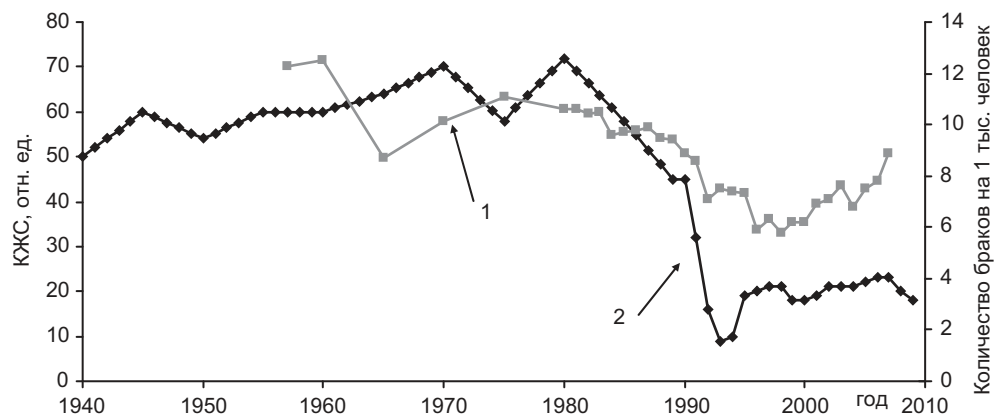

Рис. 2.1.46. Сопоставление количества заключаемых браков (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

условиях молодость и даже юность не являлись препятствием для заключения брака ни в жилищном, ни в хозяйственно-экономическом аспектах, но скорее наоборот — были во всех отношениях наиболее благоприятным периодом для образования семьи.

Еще до женитьбы второго сына отец, дед и старший сын начинали думать о постройке для него отдельного дома. Правда, при этом очень редко окончание строительства совпадало с образованием еще одной молодой семьи. Какое-то время два женатых сына жили под отцовской (дедовской) крышей³⁶.

Уместно обратить внимание и на тот факт, что в соответствии с историческими данными понятия «семья», «двор», «домохозяйство» применительно к XVIII в. — началу XX в. (впрочем, данное утверждение справедливо и к более раннему периоду, начиная с XIV в.) были тождественными и подразумевали совокупность близких родственников, живших вместе и имевших общее хозяйство под управлением одного человека, который считался хозяином (главой семьи). Понятия «семья» в его современном значении крестьянство не знало, хотя само слово «семья» существовало³⁷. В XVI в. к членам семьи в России официально стали причислять челядь — случайных приживалок, странников, наемных работников, лиц, связанных с хозяином договорными отношениями. Таким образом, даже не семья (в современном понимании), а домохозяйство являлось основной элементарной ячейкой общества. В те времена домохозяйство было основным производи-

³⁶ Семья: Книга для чтения. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. М.: Политиздат, 1990. С. 337.

³⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России. Монография. В 2 т. Т. 1. СПб.: Дм. Булавин, 2003. С. 219.

телем огромной массы рыночных и нерыночных благ, равно как и центром местной жизни. С ним и его главой имели дело община и местные органы власти при решении всех возникающих проблем и выполнении взаимных обязательств³⁸.

Всеобщей моделью семьи в доиндустриальный период была крестьянская семья, и не только в силу исключительного преобладания сельского населения, но и потому, что это была единая модель вплоть до XIX в., присутствующая в полной мере всем сословиям российского общества. В основе этой модели было признание семьи в качестве основной ценности, так как именно она давала защиту, средства к жизни, обеспечение нетрудоспособных родственников и близких людей. Отсюда берут начало нормы крестьянской этики и обычного права³⁹.

Русская крестьянская семья традиционно на протяжении многих веков вела свою родословную по мужской линии родственников. По своей экономической организации крестьянская семья являлась малой сельской общностью, ведущей натуральное хозяйство и поэтому самодостаточной. Полифункциональная патриархальная крестьянская семья была единицей биологического и социального воспроизводства, производственным коллективом, ячейкой организации потребления и социальной поддержки больных и нетрудоспособных. Крестьянские семьи были многодетными и многопоколенными, в их структуре обычно были представлены три-четыре поколения. Средний размер домохозяйства в европейской части России в исторической ретроспективе менялся следующим образом: 1710 г. — 7,6 чел., 1850 г. — 8,4, 1897 г. — 5,8, 1900-е гг. — 6,1, 1917 г. — 6,2 чел. Перепись 1897 г. показала, что в среднем на одно городское домохозяйство приходилось 0,9 чел. неродственников, а в сельских семьях было только 0,2 чел. неродственников в среднем на одно домохозяйство⁴⁰.

Фундаментальной нравственной опорой русской семьи, обеспечивающей ее стабильность, служила соответствующая семейная иерархия. Христианское мировоззрение и вытекавшие из него поведенческие нормы требовали безусловного почитания родителей. Сын или дочь не имели права противоречить отцу или матери. Религиозно-нравственная основа межпоколенных семейных отношений особенно четко проявлялась в крестьянских представлениях о важности родительского благословения и недопустимости родительского проклятия. Базовое положение, веками регулировавшее

³⁸ Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Домохозяйство и семья. Статья // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Казань, 13–14 ноября, 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2009. С. 136.

³⁹ Елисеева И.И., Васильева Э.К., Клупт М.А. и др. Демография и статистика населения. Учебное пособие / Под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 175.

⁴⁰ Там же. С. 177; Миронов Б.Н. Социальная история России. Монография. В 2 т. Т. 2. СПб.: Дм. Булавин, 2003. С. 221.

детско-родительские отношения, имело религиозное происхождение и входило в число десяти христианских заповедей. В частности, пятая заповедь прямым образом призывает к достойному почитанию родителей и звучит следующим образом: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Для более полного понимания значения данной заповеди в жизни верующего человека отметим, что среди остальных заповедей она находится даже выше той нравственной нормы, что запрещает убийство («Не убий»).

«Родительскому благословию здесь придают громадное значение», — решительно утверждал корреспондент Этнографического бюро из Ярославской губернии в 1900 г. Родительское благословение давалось перед свадьбой (перед сборами в церковь родители благословляли иконой), перед дальней дорогой, перед смертью отца или матери. Уважительное отношение к родителям, к дедам и прадедам было характерно для русских на всей территории их расселения; но уже в XVIII в., а особенно в XIX в. отмечалось некоторое ослабление авторитета старшего поколения. В то же время общественное мнение резко осуждало тех, кто позволял себе непочтительное отношение к старшим. Большое значение придавалось крестьянами и молитве отца и матери за детей. Человек же, получивший проклятье кого-либо из родителей, ожидал для себя тяжелые беды и несчастья. На проклятого родителями все смотрели как на отверженного⁴¹.

Если родители обращались к своей общине или в волостной суд с жалобой на непокорность сына или дочери, дело обычно решалось однозначно в пользу старших. Вместе с тем, степень подчинения детей родителям несколько менялась с выделением (вступлением в брак) сына и, тем более, с выходом замуж дочери. Указанный переход детей в более независимый социальный статус в чистом виде раскрывал нравственную основу межпоколенных отношений и давал широкий простор для проявления истинного уважения, любви, заботы, благодарности, стремления поддержать и обеспечить старых и больных родителей⁴².

По крестьянской этике, уважения были достойны не только родители, но старшие вообще. В семейном застолье лицам пожилым, а тем более престарелым предоставлялось почетное место. Их с почтением приветствовали при встречах на улице. Детям крестьяне прививали понятие об уважении к старшим с ранних лет. Существенную роль в воспитательном процессе играли сказки и бывальщины религиозно-поучительного характера, которые до сих пор популярны в сельской среде. Между тем формальная традиционная иерархия в русском семействе, как, впрочем, и в деревне, и в во-

⁴¹ Русские: История и этнография. Монография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М.: АСТ, Олимп, 2008. С. 633, 634.

⁴² Там же. С. 634.

лости, не всегда совпадала с нравственной, хотя существовало стремление к такому слиянию как к идеальному воплощению семейного устройства. Поэтому даже слабохарактерного отца дети слушались и уважали, даже не очень удачливый муж пользовался доверием жены, и даже не слишком толковому сыну отец, когда приходило время, отдавал старшинство.

Глава дома и семьи в отношениях с внешним миром был прежде всего посредником между общиной, властями и его семьей. Он же ведал главными сельхозработами, пахотой, севом, а также строительством, заготовкой леса и дров. Всю физическую тяжесть крестьянского труда он со старшими сыновьями нес на своих плечах. Власть от отца к старшему сыну переходила постепенно — по мере старения отца и накопления сыном хозяйственного опыта. Она как бы соскальзывала, переливалась от поколения к поколению, ведь номинально главой семейства считался дед, отец отца, но всем, в том числе деду, было ясно, что в силу возраста он уже не глава. По традиции на семейных советах деду всегда принадлежало первое слово, но решать все хозяйственные вопросы он уже не мог. Кстати, в добропорядочной семье любые важные дела решались в основном на семейных советах, причем открыто, при детях. Лишь дальние родственники (убогие или немощные, до самой смерти живущие в доме) благоразумно не участвовали в этих советах. Дед и отец наглядно разделяли суть старшинства: одному принадлежала форма главенства и общая координация семейной жизни, а другому — содержательная часть власти и повседневное управление делами. И все это понемногу сдвигалось — от деда к отцу, от отца к сыну.

То же самое происходило и на женской половине дома. Все руководство домашним хозяйством держала в руках большуха — жена хозяина. Она ведала, как говорится, ключами от всего дома, вела учет сену, соломе, муке и заспе (овсяной крупе). Весь скот и вся домашняя живность, кроме лошадей, находились под присмотром большухи. Под ее неусыпным надзором находилось все, что было связано с питанием семьи: соблюдение постов, выпечка хлеба и пирогов, стол праздничный и стол будничные, забота о белье, пошиве и ремонте одежды, баня и т. д. Разумеется, что эти работы она делала не одна. Дети, едва научившись ходить, понемногу вместе с игрой начинали делать что-то полезное. С годами главной у печи становилась молодая хозяйка. Это происходило естественно, поскольку свекровь старела. Золовкам надолго оставаться в девках было противоестественно. Однако здесь тоже примечательна строгая иерархия, которая была свойственна братско-сестринским отношениям. Типичным примером в данном отношении является очередность вступления в брак крестьянских детей. Сыновья, достигнув брачного возраста, создавали семьи и, как правило, оставались в отцовском доме, либо строили дом рядом в отцовском дворе. Дочери, взрослея, покидали отцовский дом. Однако и в том и в другом случаях младшие дети не вступали в брак раньше старшей сестры или брата.

«Через сноп не молотят» — говорилось в неписаном законе этой очередности⁴³.

Строгость семейных отношений исходила от традиционных нравственных установок, а вовсе не от деспотизма, исключая нежность к детям и заботу о родных. Авторитет старших и главы семейства держался не на страхе, а на совести членов семьи в духовном понимании этого слова. Для поддержания такого авторитета нужно было уважение, а не страх. Такое уважение заслуживалось только личным примером: трудолюбием, справедливостью, добротой, последовательностью⁴⁴.

Характерной чертой русского общества была высокая ответственность родителей за жизнь и судьбу своих детей, которая не ограничивалась удовлетворением элементарных потребностей для физического выживания. Показательным для данного утверждения является прежнее участие родителей в формировании детьми своей собственной семьи. В этом вопросе многовековая мудрость русского народа содержала в себе два важных принципа: свободная воля молодых людей при осуществлении брачного выбора и согласие родителей на брак. При внешней видимости взаимоисключающего смысла и возможной конфликтности этих принципов именно они способствовали укреплению брачных уз. По сути, в браке двух молодых людей участвовали не только они, но также два больших семейства, включая в первую очередь родителей и других родственников с обеих сторон. Это придавало пожизненному брачному союзу дополнительное важное значение в качестве межродовых договоренностей. По византийским кодексам, нормы которых транслировались на Руси через православные поведенческие установки, требовалось обязательное разрешение родителей или опекунов на заключение брака. Без этого условия брак мог состояться только в тех случаях, когда отец был душевнобольным или пропал без вести. Однако, согласно требованиям церковного устава Ярослава, если родители насильно принуждали дочь к браку, и она что-то делала над собой, то за это им полагалось наказание. Церковь, выступая за четкую семейную иерархию, в то же время в определенной мере ограничивала традицию, согласно которой выбор брачного партнера зависел от воли родителей, оберегая таким образом молодое поколение от возможных злоупотреблений властью со стороны родителей. Кормчая книга, а также уставы 1702, 1722, 1724, 1775, 1849 г. содержали в себе требования согласия на брак как самих брачующихся, так и их родителей. Сбалансированность отношений и ограничение попыток любого произвола в русской православной семье во многом достигалась благодаря церковной жизни: и муж, и жена, и дети, как правило, находились в послушании одного духовного отца (приходского священника), который во время исповеди и бе-

⁴³ Семья: Книга для чтения. С. 310–311, 336–337.

⁴⁴ Там же. С. 310.

сед с отдельными членами семьи в соответствии со своим саном стремился к миру и обоюдному согласию в окормляемой им семье.

Однако субординация супружеских отношений, как и общая семейная иерархия, не предполагали рабского послушания и, тем более, подчинения, основанного на животном страхе.

В русском традиционном обществе, в отличие от современной эпохи, не знали об утопии феминизма. Так называемая «эгалитарная» модель семьи была невозможна, так как и мужчинам, и женщинам были очевидны разительные отличия, заложенные в их характере, физиологии, духовном и социальном предназначении. Главенство мужа было, а во многих патриархальных цивилизациях и остается, прямым следствием изначальных супружеских свойств. Кроме того, по старорусским представлениям, в доме просто не могло быть двух глав. Где многоначалие — там безначалие⁴⁵.

В русской православной традиции жена была домашним человеком: воспитывала детей, занималась хозяйством. Лишь в редких случаях жене из-за тяжелой болезни мужа или по бедности семьи приходилось заниматься внесемейным трудом. Но даже когда семья, оказавшаяся в подобной ситуации, жила на заработки жены, семейная иерархия свято соблюдалась. Традиционно весь уклад семейной жизни на Руси подчеркивал авторитет мужа, отца, деда.

Твердо придерживаясь разделения семейных и супружеских ролей, в традиционном обществе никому не приходило в голову противопоставлять женщину мужчине, семью — главе семейства, детей — родителям и т. д. Историк Н.И. Костомаров, анализируя содержание «Русской правды» (XI в.), пишет: «Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбление, нанесенное ей, платилась одинаковая вира». Только испорченный, «без царя в голове», человек осмеливался допускать действия, оскорбляющие членов своей семьи. Но это никогда не оставалось безнаказанным: худая слава семейного самодура, подобно славе девичьего бесчестия, бежала далеко «вперед саней»⁴⁶.

Исторически в России женщины обладали гораздо более широкими экономическими и политическими правами, чем женщины на Западе. Русские женщины имели право распоряжаться собственным приданым, вести дела, снимать деньги с банковского счета, не получив на то юридически оформленного разрешения мужа. Возможно, этим во многом объясняется непопулярность в России агрессивных форм феминизма, характерных для Европы и Америки, где женщины десятилетиями боролись за то, что в России разумелось само собой⁴⁷.

---

⁴⁵ Как создать христианскую семью. Соч. Почаев: Изд-во Почаевской Лавры, 2002. С. 46.

⁴⁶ Семья: Книга для чтения. С. 336.

⁴⁷ *Сергеева А.В.* Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. Монография. М.: Флинта, Наука, 2008. С. 113.

Особенности матримониального поведения в дореволюционной России, помимо ранней и практически всеобщей брачности, также отличались редкостью расторжения брака, что было связано в первую очередь с высокой религиозностью населения. Православная Церковь всегда рассматривала брак как священное установление, а развод — как тяжкий грех. Единственной причиной для развода (причем не обязательной, а скорее снисходительной к человеческой немощи) была супружеская измена. Согласно законам Российской империи, действовавшим до начала XX в., брак прекращался только после смерти одного из супругов; расторжение же брака допускалось в качестве исключения лишь в крайних случаях при доказанной супружеской измене (прелюбодеянии), возникшей еще до брака «неспособности одного из супругов к брачному сожитию», которая не была известна до вступления в брак, когда другой супруг(а) был приговорен(а) к наказанию с лишением всех прав состояния или к ссылке в Сибирь, или в случае безвестного отсутствия другого супруга дольше пяти лет. Причем в случае прелюбодеяния виновный супруг на семь лет терял право на другой брак⁴⁸. В каждом из перечисленных случаев к разводу не принуждали, он оставался на усмотрение второго супруга и зависел только от его желания. Перед супругом осужденного вставал выбор: последовать в Сибирь и поддержать пораженного в правах или остаться и получить развод, продолжить жить с супругом, виновным в заключении второго брака при существовании не расторгнутого первого или подать прошение о разводе⁴⁹.

Христианский фамилистический императив надежно оберегал целостность семьи, что ясно подтверждает дореволюционная статистика, свидетельствующая о незначительном количестве случаев расторжения брака. Число разводов по сравнению с общей численностью браков было малоаметным. В стране с многомиллионным и постоянно растущим населением оно составляло: в 1840 г. — 198 случаев, в 1880 г. — 920, в 1890 г. — 942⁵⁰. К моменту первой переписи населения (1897 г.) в Российской империи среди православных, составлявших около 70% лиц в возрасте 20 лет и старше, было зарегистрировано лишь 1132 развода. Низкие показатели разводимости подтверждаются и данными о распределении населения по брачному состоянию, согласно которым по переписи 1897 г. на 10 000 женатых приходилось 14 разведенных мужчин, а на 10 000 замужних женщин — 21 раз-

⁴⁸ Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. М.: КДУ, 2008. С. 34; Демография: Учебное пособие / Под ред. проф. В.Г. Глушковой. М.: КНО-РУС, 2004. С. 67.

⁴⁹ Королева М.В., Сеница А.Л. Нравственно-религиозные основы семейной политики Российской империи начала XX века // Демографическая и семейная политика: Сборник статей / Под ред. В.В. Елизарова, Н.Г. Джанаевой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 140–162.

⁵⁰ Белякова Е. Брак и развод в России XIX века. Статья // Первое сентября. 2001. № 15 // <<http://demoscope.ru>>.

веденная⁵¹. В определенной степени такому положению дел способствовало строгое законодательство в отношении разводов, но основная причина устойчивости браков имела аксиологические причины и заключалась в высокой ценности семьи и брака во всех социальных группах.

При этом официальное расторжение брака представляло собой сложную, отнюдь не «пустяковую», как сегодня, процедуру. После ликвидации института патриаршества в 1700 г. для решения этих вопросов следовало обращаться в церковные инстанции, в том числе в Святейший Синод и консисторию (церковный суд)⁵², которые, учитывая все обстоятельства, прежде всего старались, при наличии такой возможности, сохранить целостность семьи.

Некоторые исследователи отмечают, что наряду с разводами, санкционированными церковью, были и так называемые фактические разводы в виде выдачи женам отдельного вида на жительство. Однако право на раздельное проживание появилось в России лишь в 1914 г., так что «разножитие» супругов, как оно тогда называлось, по всей видимости, не являлось до XX в. заметным общественным явлением⁵³.

Таким образом, и церковь, и государство были едины в том, что рассматривали посягательства против семьи в качестве греха и преступления. Такой подход себя оправдывал — количество разводов было небольшим, а показатель жизнеспособности страны находился на самом высоком уровне (рис. 2.1.47).

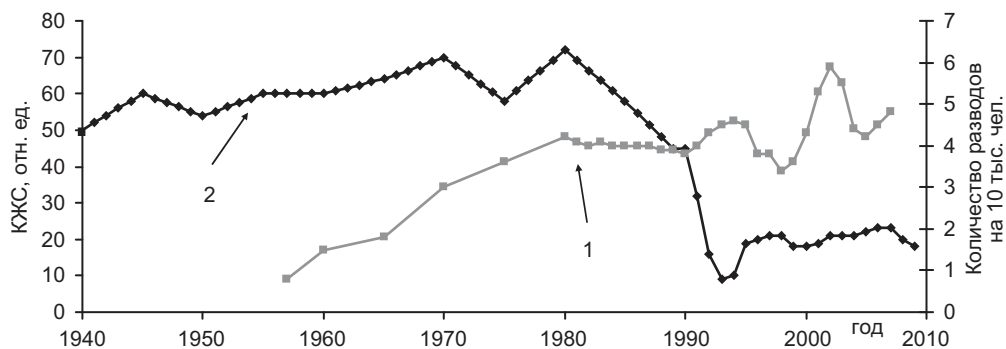

Рис. 2.1.47. Соотношение количества разводов (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2), $R = -0,51$

⁵¹ Зверева Н.В., Веселкова И.Н., Елизаров В.В. Основы демографии. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 142.

⁵² Демография. Учебное пособие / Под ред. проф. В.Г. Глушковой. М.: КНОРУС, 2004. С. 67.

⁵³ Зверева Н.В., Веселкова И.Н., Елизаров В.В. Основы демографии. С. 142.

Важнейшим фактором стабильности и благополучия русской семьи была высокая репродуктивность. Семья у русских в христианский период отечественной истории всегда была многодетной. Детоцентризм являлся неотъемлемой чертой ментальности представителей всех слоев общества, что выражалось в подлинной любви к детям, отсутствии практики регулирования рождаемости и, как следствие, в многочисленности детских контингентов. Дети, по мнению П. Сорокина, были теми «обручами», которые сплачивали семейный союз, заставляли супругов терпеливо относиться друг к другу, мешали им расходиться из-за пустяков, придавали смысл браку. Накануне большевистского переворота, в 1916 г. П.А. Сорокин обращал внимание на статистическое подтверждение ценности детей, указывая на то, что процент разводов обратно пропорционален проценту рождаемости: особенно высок он в странах с малой рождаемостью (Франция и Швейцария) и низок, где рождаемость высока⁵⁴ (в том числе в России). То же самое отчетливо прослеживается и в современной демографической статистике разных стран.

Важность деторождения определяла во многом обрядовый характер традиционного ритуала создания семьи — свадьба буквально насыщена действиями продуцирующего характера и пожеланиями многодетности. Всячески приветствовалось усыновление, считалось что в семье, приютившей сироту, и свои родные дети не будут болеть и умирать.

Соответственно, бесплодие при описанном отношении к детям считалось тяжким несчастьем: к таким людям окружающие относились с большим сочувствием. Малейшее подозрение в невозможности произвести потомство лишало человека любых шансов на брак, несмотря на все его прочие достоинства.

Традиционная для русских культура родовспоможения сложилась и функционировала как постоянное и неразрывное соединение практического опыта и религиозных воззрений. Разделить их при исследовании невозможно; более того, такие попытки привели бы к ошибочному пониманию жизни русского человека, особенно крестьянина. Влияние религиозного фактора было особенно ошутимо во всем, что касалось рождения и ухода за роженицей и новорожденным. На всем протяжении беременности женщины особенно усердно прибегали к средствам христианской защиты: регулярно крестились, пили святую воду, читали молитвы и акафисты, исповедовались и причащались.

На Руси в процессе непрерывного деторождения большую роль играл социальный институт повитух (повивальных бабок). Повитухой могла быть только пожилая женщина с безупречной репутацией, т. е. незамеченная в неверности мужу и других скверных поступках. Профессиональному искусству повитухи была свойственна определенная этика: все свои знания

⁵⁴ Сорокин П.А. Кризис современной семьи. Статья // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. М., 1997. № 3. С. 68–69.

и навыки она должна была направлять исключительно на сохранение жизни ребенка. Одно лишь подозрение в том, что она тайно делает аборты, могло лишить ее практики и привести к социальному протесту против таких действий⁵⁵.

Во всех христианских странах убийство нерожденных детей на протяжении многих веков было запрещено законом. Всегда под запретом и осуждением было оно и на Руси. Уже в древнерусских памятниках XI–XII вв. содержатся четкие указания на разные виды такого запрета. В «Заповедях» митрополита Георгия (XI в.) предусматриваются наказания за три из них: «аще ли которая жена удавит дитя», «аще ли... зелья ради извержет», «аще ли... блуд сотворит и проказит отроча в себе». Церковный устав Ярослава Мудрого того же века предусматривал наказание жене, которая «без своего мужа или при муже дитя добудет и погубит или утопит»⁵⁶.

Впрочем, в России, вплоть до прихода к власти большевиков, аборт был крайне редким явлением по причине отрицательного отношения к нему всего населения. Осуждение и наказание детоубийств неоднократно повторялись с некоторыми послаблениями и в последующих нормативных документах. Например, в Уголовном кодексе 1832 г. изгнание плода упоминалось среди видов смертоубийства, а согласно «Уложению о наказаниях» 1885 г. искусственный аборт карался «каторжными работами от 4 до 5 лет с лишением всех прав состояния, ссылкой в отдаленные места Сибири»⁵⁷.

Неудивительно, что при таком отношении к деторождению Россия долгое время была страной с самыми высокими показателями рождаемости и демографического роста. В дореволюционной России рождаемость к концу XIX в. находилась на уровне 50 рождений в год на 1000 жителей, что было близко к физиологическим пределам. В западноевропейских странах в это же время данный коэффициент был значительно ниже: во Франции — 22, в Англии — 29, Германии — 36. Даже в Балканских странах, несмотря на предельно высокую (даже выше, чем в России) интенсивность брачности, уровень рождаемости был существенно ниже: в Сербии — 40, Болгарии — 41, Румынии — 42⁵⁸. Суммарный коэффициент рождаемости⁵⁹ (СКР) в России составлял 7,06 рождений на одну женщину за весь репродуктивный

⁵⁵ Русские: История и этнография. С. 486–510.

⁵⁶ Демографическая модернизация России, 1900–2000. Монография / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 38.

⁵⁷ Обухов М. О грехе аборта. Сборник статей. М.: Артос-Медиа, 2009. С. 14–15.

⁵⁸ Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. Монография. М.: Госстатиздат, 1963. С. 16.

⁵⁹ Суммарный коэффициент рождаемости — обобщающий показатель интенсивности рождаемости условного поколения, свободный от воздействия возрастной структуры. Характеризует среднее число детей, которое родила бы женщина условного поколения в течение репродуктивного периода ее жизни при условии отсутствия смертности и сохранения в течение всей ее жизни повозрастных коэффициентов рождаемости данного года.

период; и хотя в условиях высокой детской смертности до совершеннолетия доживали чуть более половины всех рожденных, доминировавшие репродуктивные установки обеспечивали устойчивое демографическое развитие, исключая возможность депопуляции в мирное время.

Примечательно, что при исследовании конфессиональной детерминации рождаемости у представителей различных религий наблюдается значительная разница в показателях итоговой репродукции. Наибольшая реализация плодовитости, как показывает статистика того времени, была свойственна коренному православному русскому населению. В среднем число рождений на каждые 10 000 населения составляло⁶⁰: для православных — 511, католиков — 365, магометан (мусульман) — 439, евреев (иудеев) — 307, протестантов — 292.

Рождаемость русского населения за целых 128 лет почти не изменилась: как во второй половине XVIII в., так и во второй половине XIX в. на каждые 10 000 жителей российского населения круглым счетом рождалось около 480 детей⁶¹.

По данным профессора П.И. Куркина, исторический максимум общего коэффициента рождаемости (ОКР) в России наблюдался в 1873 г., когда его величина достигла 52,3⁶². Весьма наглядной и убедительной иллюстрацией доминировавших во второй половине XIX в. — начале XX в. тенденций в области рождаемости и репродуктивного поведения в России и европейских странах являются результаты межстрановых сопоставлений ОКР (рис. 2.1.48). Первое из них выполнено авторами для 15 государств (Россия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Франция, Австрия, Бельгия, Англия, Нидерланды, Германия, Шотландия, Италия, Сербия, Ирландия) за более чем сорокалетний период (1867–1907 гг.). Второе сравнение затронуло 20 европейских государств в сравнительном горизонте от 20 до 38 лет (1870–1907 гг.)⁶³.

Общий коэффициент рождаемости в России за указанный период не опускался ниже значения 45, в то время как в остальных 14 странах, за исключением Сербии (42), за этот же период значения ОКР не поднимались выше 40.

⁶⁰ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Сто лет спустя. Монография. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 60–61.

⁶¹ Там же. С. 61.

⁶² Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. Монография. М.: Союзгучет, 1938. С. 84.

⁶³ Более узкие рамки сравнительного периода и большее число государств во втором межстрановом сравнении обусловлены различным временем появления необходимых статистических данных в ряде стран: для Швейцарии — с 1870 г. (сравнительный период — 38 лет), для Венгрии — с 1871 г. (сравнительный период — 37 лет), для Румынии — с 1873 г. (сравнительный период — 35 лет), для Испании — с 1878 г. (сравнительный период — 30 лет), для Болгарии — с 1888 г. (сравнительный период — 20 лет).

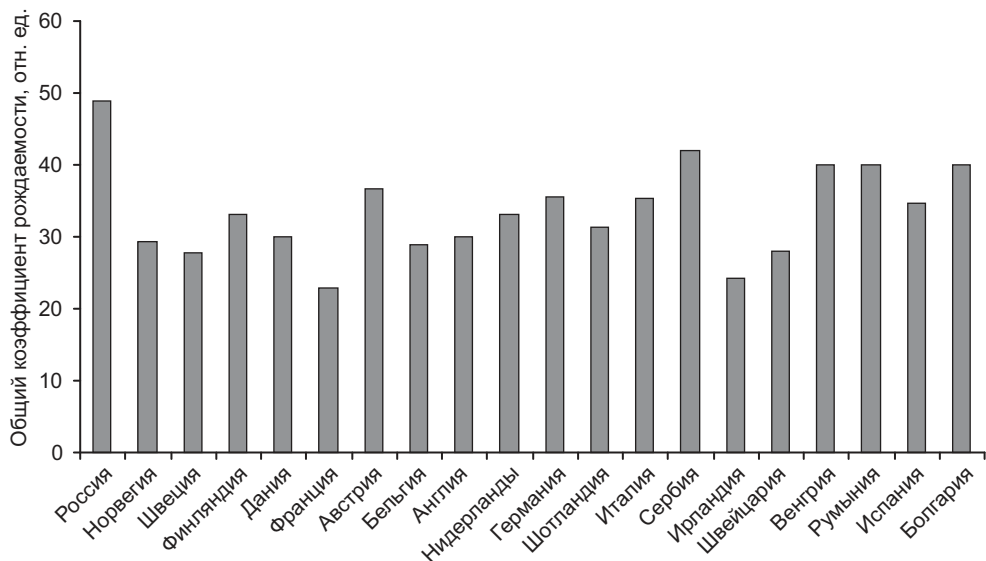
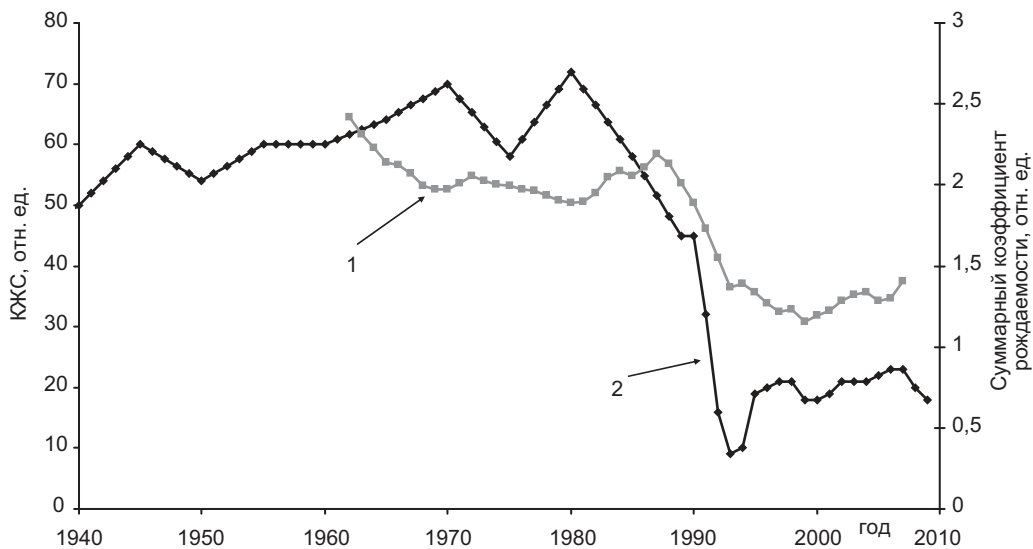

Рис. 2.1.48. Уровень рождаемости в России и Европе (в среднем в 1867–1907 гг.)

Если рассмотреть показатели рождаемости в России в советский и современный периоды (рис. 2.1.49) то видно, что в советский период тренд высокой рождаемости сохраняется до конца 1980-х гг., после чего начинает стремительно падать. Заметное падение данного коэффициента отмечается с 1988 г. по 1993 г. (с 2,15 до 1,4). Показатели рождаемости в настоящее время не соответствуют уровню, необходимому для стабилизации численности населения. Естественный уровень воспроизводства требует, чтобы на каждую женщину приходилось 2,15 ребенка. В 2007 г. этот коэффициент составил 1,4, что в полтора раза ниже требуемого для естественного восстановления населения страны⁶⁴. Корреляция между жизнеспособностью страны и суммарным коэффициентом рождаемости высока ($R = 0,89$); соответственно, невозможность обеспечения необходимого уровня воспроизводства населения страны может поставить под угрозу ее жизнеспособность.

Таким образом, говоря о российской национальной идее следует признать, что ее существование в столь неповторимой социально-культурной форме просто невысказимо без уникальной семейной культуры и традиций. При этом стержнем позитивного развития российской семьи на протяжении всего исторического процесса выступает ее духовно-нравственная составляющая — христианство, ставшее основой национальной религии (православия), крестьянской этики и морали, а также определяющим фактором в становлении системы отечественного права. Важнейшим звеном в цепочке отношений крестьянской семьи с окружающим миром и другими социаль-

⁶⁴ Рубанов И. Дальше— сами. Статья // Эксперт. 2008. № 6 (595). С. 72–73.

2.1.49. Соотношение суммарного коэффициента рождаемости (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

ными институтами была коллективистская сельская община, выполнявшая целый ряд социальных функций (социального контроля, презрения малоимущих, хозяйственной кооперации, социализации, физической защиты и т. д.) и выступавшая медиативной группой между крестьянской семьей и государством.

Базовыми факторами устойчивости российской семьи, веками обеспечивавшими социальную и демографическую стабильность, был целый комплекс этических принципов: единобрачие — как символ жертвенности ради любви к единственному избраннику (избраннице); целомудрие — как символ сохранения девственной чистоты и отвержения порока; супружеская верность — как выражение искренней преданности; семьецентризм — как престиж семейного образа жизни и раскрытия себя в семье; общественное одобрение брака — через согласие родителей и церковное венчание; ранняя брачность — как подтверждение стремления жить в семье, создать свою неповторимую «малую церковь»; межпоколенная семейная организация на базе общего домохозяйства — как символ непрерывной преемственности, взаимопомощи и уважения; строгая семейная иерархия — как богоустановленный порядок жизни; пожизненный характер брака — знаменующий недопустимость разводов, сохранение святости семьи при любых жизненных невзгодах; высокая репродуктивность — как следствие желанной многодетности и стремления продолжить себя в детях. Последний принцип слу-

жил причиной динамичного роста населения, несмотря на многочисленные войны, эпидемии и высокую детскую смертность, обеспечивая тем самым преемственность жизни.

Непосредственное влияние на эти факторы оказать невозможно, поэтому возникает необходимость эти факторы-потенциалы декомпозировать до факторов-параметров управления. В результате такого разложения, подробно представленного на рис. 2.1.50, были выявлены факторы-параметры управления, на которые должно быть направлено воздействие государства с целью максимизации жизнеспособности страны.

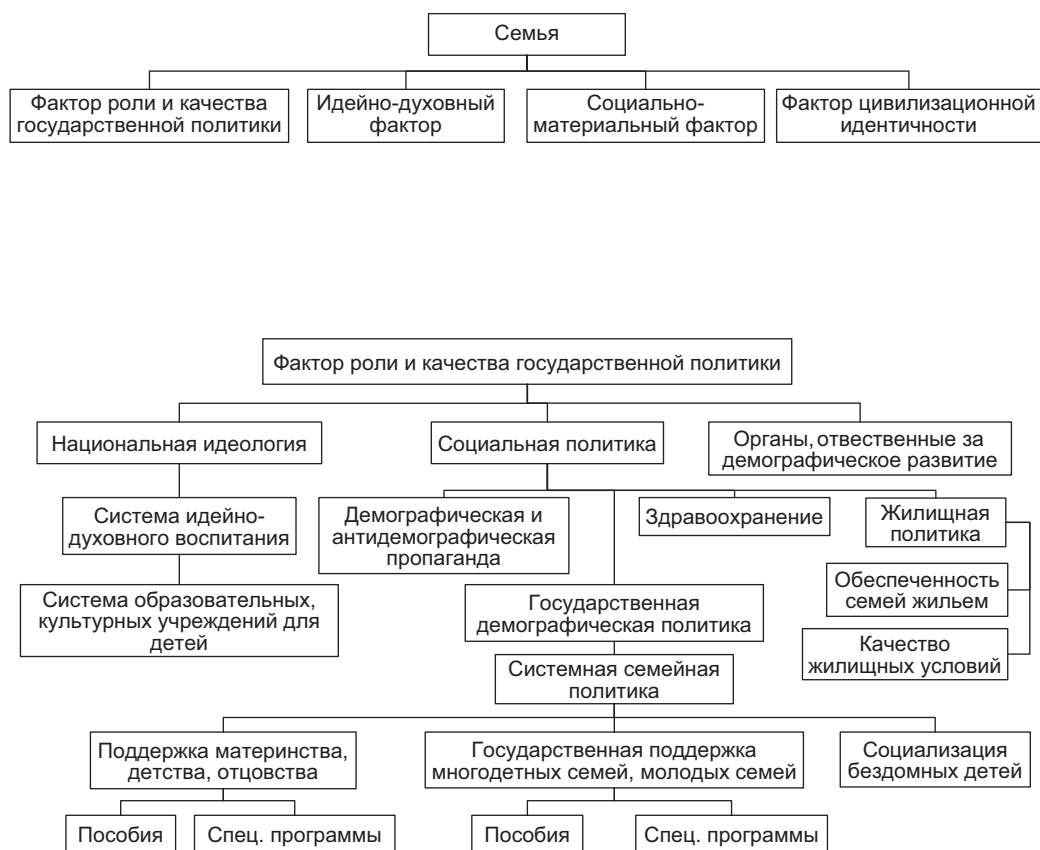

Рис. 2.1.50. Проблемно-управленческое дерево факторов влияния на жизнеспособность страны в сегменте «семья»

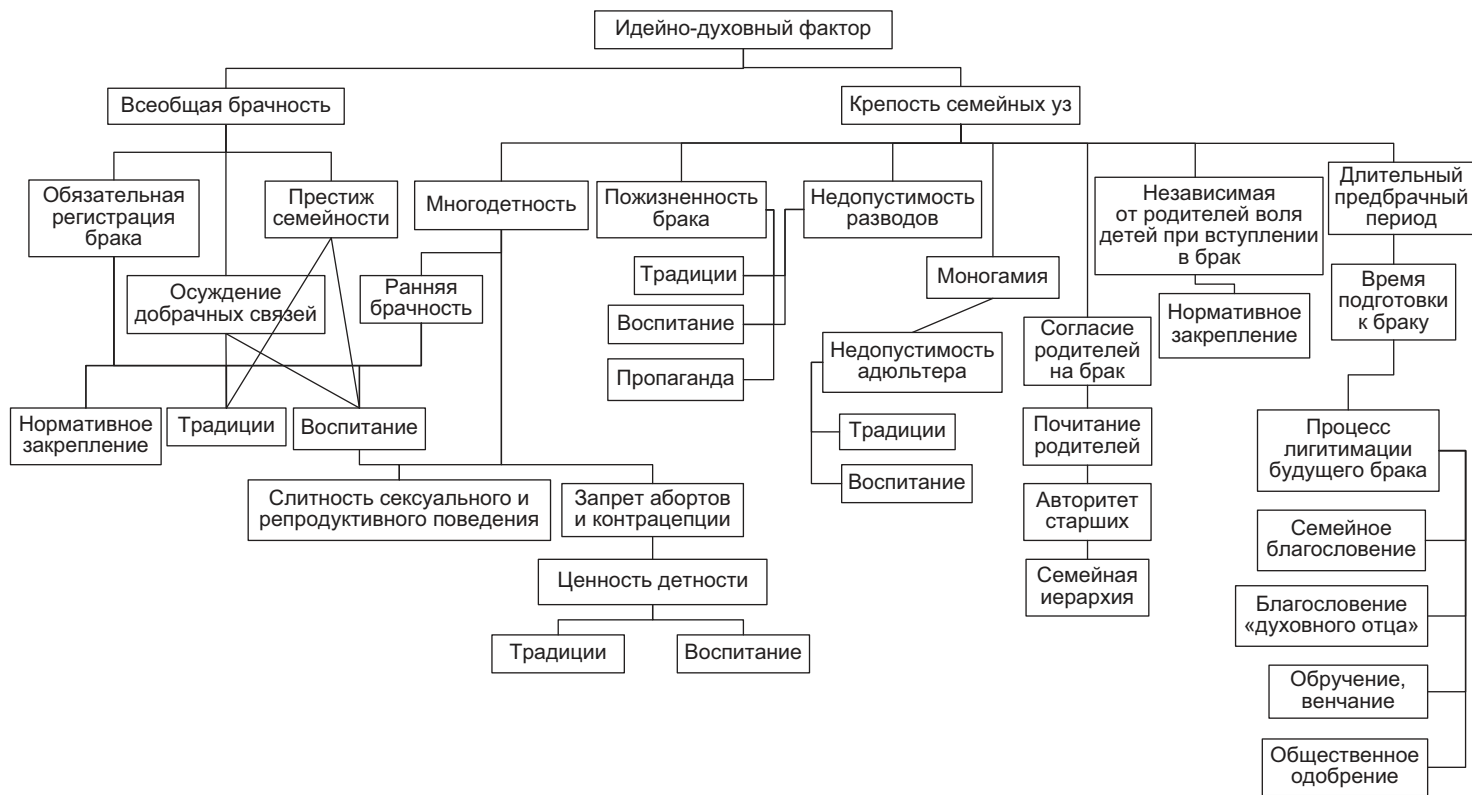

Рис. 2.1.50 (продолжение). Проблемно-управленческое дерево факторов влияния на жизнеспособность страны в сегменте «семья»

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

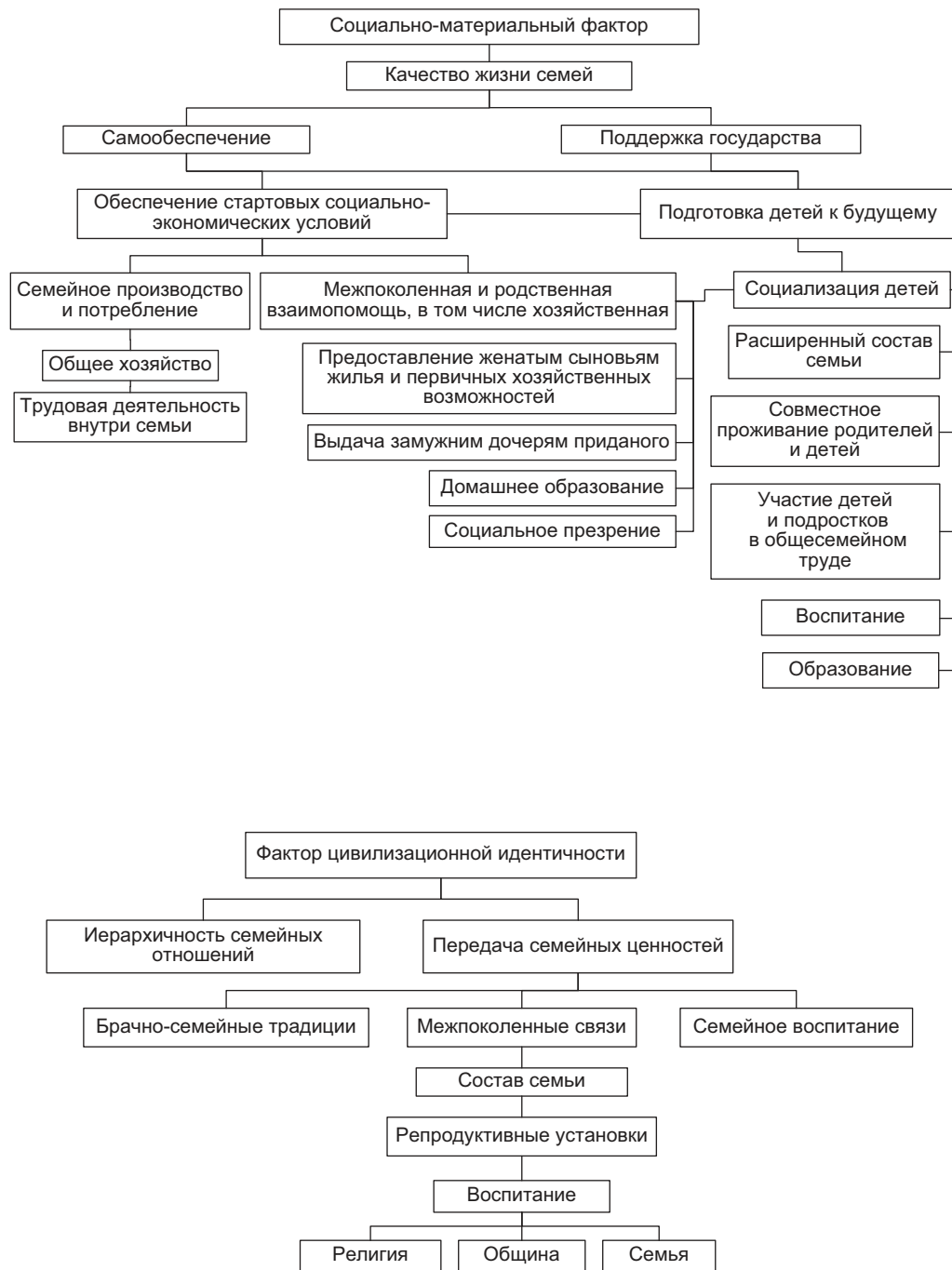

Рис. 2.1.50 (окончание). Проблемно-управленческое дерево факторов влияния на жизнеспособность страны в сегменте «семья»

2.1.3. Этничность

Одним из глубинных факторов, определяющих специфику цивилизационного образования, является этничность, которая консолидирует народ на основе общих ценностей, менталитета, традиций, жизненного уклада, языка, культуры и т. д.

В данном исследовании под этничностью понимается идентификация личности с определенной этнической группой.

Категория этничности порождает контекст, включающий такие понятия, как «этнос», «нация», «национальность», «национализм».

С самого возникновения человека как вида он существует в *общностях*: семьи соединялись в роды и общины, из них возникали племена, развитие государства превращало племена в народы, населяющие страны. Племя, народность, народ, национальность, нация — для всех них *этнос* является общим, «родовым» понятием.

Греческое слово «этнос» в древности означало любую совокупность одинаковых живых существ (такую, как стадо, стая и пр.). Позже оно стало использоваться и для обозначения «иных» — людей, говорящих на непонятных языках (в смысле, близком к слову «варвары»). В дальнейшем слово «этнический» употребляется, когда речь идет о неевреях и нехристианах. В церковном языке оно означало язычество и языческие суеверия. В западноевропейское богословие слово «этнический» в этом смысле вошло в 1375 г. Позже оно проникло в светский язык и стало использоваться для обозначения культур, непохожих на европейские.

В конце XIX в. *этническими* называли любые сообщества людей, непохожих на «цивилизованных». Любую самобытную культуру называли *этнической* (как иронизируют этнологи, «своя культура этнической быть не могла»).

В Новое и Новейшее время для жизни и самосознания народов (особенно больших стран) важное значение приобрело понятие «нация». В представлениях формационного подхода нация есть высшая стадия развития этнических общностей, отвечающая условиям индустриального общества. Она же — носитель культуры и цивилизационных черт в современном мире.

Исторически недавно категория «национальность» была неизвестна и просто недоступна для понимания жителями некоторых областей даже Европы. Во время первой переписи 1921 г. в восточных районах Польши, вышедшей из состава Российской империи, крестьяне на вопрос о национальности часто отвечали: «тутейшие» (местные). Сегодня этих крестьян однозначно зачислили бы в белорусы, но сами они свое отличие от господ (поляков-католиков) мыслили как *социальное и религиозное*, а не этническое или национальное.

В последние четыре века нация и принадлежность к ней (национальность) были важным признаком социальной классификации. Сам исходный

смысл слова «нация» (т. е. «быть урожденным») придает этому признаку качество естественного, которое оказывает магическое воздействие на сознание и потому очень ценится в идеологии.

Вторая сторона возникновения наций — формирование *национального государства*. Этот новый тип государственности стал главной формой политической организации народов, самой устойчивой и очень многосторонней по своим функциям. Национальное государство уже в ходе создания своих наций показало исключительную эффективность в деле сплочения населения страны в этническую общность. Национальное государство выработало качественно новую матрицу сборки народа, введя новое измерение для идентичности и самоосознания людей — *гражданственность*.

Два главных, принципиальных смысла нации таковы: нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии; и нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность.

Представления о нации неразрывно связаны с понятием *национализма*. Это — две стороны одного и того же явления. В практическом плане понимание взаимосвязи между нацией и национализмом важно в связи с международными конфликтами внутри государства и между национальными государствами.

Как и все понятия, связанные с проблематикой этничности, слово «национализм» имеет множество смыслов, так что воспринимать его надо с осторожностью, всегда учитывая контекст высказывания. Это понятие нередко толкуют расширительно, как следование национальному духу или даже как синоним *патриотизма*. Но патриотизм не сводится к национализму, он даже перекрывается с ним лишь в малой степени.

Патриотизм — необходимая часть любой государственной идеологии, но сам по себе несущей опорой не служит: он должен быть сцеплен с идеями, устремленными в будущее и гарантирующими реализацию патриотических ценностей. Как государственная идеология патриотизм утверждает «*вертикальную*» солидарность — приверженность личности стране. В нем нет акцента на многие ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность, даже столь широкую, как нация. Напротив, национализм активизирует чувство «*горизонтального товарищества*», ощущения национального братства («*всех французов*» или «*всех немцев*»).

Различают два крайних вида национализма, которые условно называют *гражданским* (или иногда «евронационализмом», так как он возник в ходе образования национальных государств в Западной Европе) и *этническим* (этнонационализмом), тип которого сформировался в XX в. в ходе национально-освободительной борьбы колоний.

Дж. Комарофф пишет: «Евронационализм и этнонационализм онтологически противопоставлены друг другу: отсюда то грубое непризнание и

непонимание, которые возникают при их столкновении и при попытках взаимодействия, когда переговоры проводятся через разделяющую их пропасть в понимании политики самоосознания. Полная противоположность исходных посылок относительно самой природы своего пребывания в этом мире заставляет их воспринимать друг друга в качестве принадлежащих к какому-то иному времени и пространству»⁶⁵.

Этнонационализм исходит из представления этнических оснований нации в понятиях *примордиализма* как изначально данной сущности. В политической практике этнонационалисты обращаются к обыденному сознанию, мобилизуя присущий ему примордиализм — при том, что сами эти идеологи в настоящее время чаще всего являются конструктивистами. Они именно конструируют политизированную этничность, манипулируя массовым сознанием в партийных целях.

В этнонационализме делается сильный акцент на *прошлом*, которое мифологизируется в соответствии с политической задачей. Также создается образ врага-инородца, который виновен в тех бедствиях, которые перенес народ в прошлом. Нация в этом случае объединяется на негативной основе — общим бедствием и общим врагом в прошлом. Это бедствие и образ этого врага нередко переносятся в настоящее (и даже становятся неустрашимой частью будущего) с нарушением норм рациональности и здравого смысла.

Использование национализма как политического оружия — искусство сложное, поскольку национализм легко выходит из-под контроля. За последние двадцать лет произошло множество трагедий целых народов, в массовом сознании которых этнонационализм вышел из-под контроля. Так, он в короткий срок разрушил Югославию, на территории постсоветских государств была мобилизована политизированная этничность с высоким потенциалом межнациональных конфликтов. Был создан вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, Грузия загнана в порочный круг противостояния с Абхазией и Южной Осетией. К жесткому типу этнонационализма относятся идеологии ряда политических движений Израиля, а с конца 80-х гг. XX в. — Прибалтики и Украины.

Этничность же возникает (или выявляется) лишь тогда, когда люди идентифицируют себя как принадлежащих к какому-то конкретному этносу и отличают себя от иных этносов. В некоторых исторических условиях у людей не возникает такой потребности. Этничности как статическому, более или менее устойчивому свойству человеческой общности соответствует процесс этнической идентификации. Он сравнительно легко подвергается воздействию извне.

---

⁶⁵ Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. Статья // Этничность и власть в полиэтничных государствах. Сборник статей. М.: Наука, 1994. С. 59–60.

В процессе идентификации идет работа по «формированию образов» — этническим общностям приписываются определенные культурные и другие характеристики. Некоторые наглядные элементы этой системы включаются в обиход как этнические маркеры — стереотипные, привычные черты образа. Этническими маркерами могут быть внешние антропологические характеристики или наследственные физиологические особенности организма (например, недостаток в крови фермента, окисляющего спирт, из-за чего человек быстро пьянеет). Сложными маркерами могут служить этнические психозы, присущие лишь определенным общностям (например, шизофрения у европейцев). Маркер может не иметь никакой культурной ценности, он всего лишь позволяет быстро и просто различить «своих» и «чужих».

На наших глазах менялись условия, и в некоторых общностях процесс их идентификации ослабевал или усиливался. Вот близкий пример: в советское время из лингвистически сходных групп в Дагестане сложилась «аварская народность». Но кризис стимулировал обратный процесс, и при переписи 1994 г. некоторые «аварцы» предпочли записать себя андиями, ботлихцами, годоберинцами, каратаями, ахвахцами, багулалами, чамалалами, тиндиями, дидоями, хваршинами, капучинами или хунзалами.

Какова же сущность этничности? Принадлежит ли она миру природы или миру культуры? Именно в таком понимании этничности возникли две несовместимые концепции: примордиализм и конструктивизм.

Согласно учению примордиализма (от лат. *primordial* — изначальный), этничность есть объективная данность, изначальная характеристика человека. Иными словами, этничность есть нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. Она неизменна, как пол или раса. Этничность является органичным образованием — вещью, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться.

Конструктивизм отвергает идею врожденного, биологического характера этничности. Ученые этого направления исследуют этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях. Этничность в таком представлении понимается как принадлежность человека к культурной группе. Разные ее проявления — результат творческой деятельности различных социальных агентов (государства, иных типов власти, церкви, политических и культурных элит, окружающих «простых» людей).

При таком подходе этничность есть процесс, в ходе которого дается *интерпретация* этнических различий, выбираются из материала культуры этнические маркеры, *формируются* этнические границы, *изобретаются* этнические мифы и традиция, формулируются интересы, создается (*воображается*) обобщенный портрет этнического сообщества, вырабатываются и внедряются в сознание фобии и образы этнического врага и т. д. Такая этничность не наследуется генетически, ей научаются. Человек обретает

этническую идентичность в процессе социализации — в семье, школе, на улице.

Как показал мировой опыт нациестроительства (и «демонтажа» народов), в парадигме конструктивизма действительно создаются и эффективно применяются технологии «этнической инженерии». Большими проектами были формирование европейских наций в Новое время, создание совершенно новой нации США, создание в XIX в. германской нации и многих народов Восточной Европы, «пересборка» китайской нации в XX в., «сборка» индийской нации по проекту Ганди — Неру, «пересборка» российской имперской нации в «советский народ», сборка нового немецкого народа в проекте фашизма и ряд других.

Особо надо выделить успешные «военные» программы и демонтажа, и создания этносов: создание с начала XX в. из австро-венгерских русинов (Западной Украины) нового «украинского» народа на антирусской и антироссийской основе, мобилизация политизированной этничности на антирусской основе на Северном Кавказе.

Среди основных факторов, непосредственно влияющих на феномен этничности, авторами выделены семь основных макрофакторов: территория, ментальность, вероисповедание, ведущая роль русского народа, сохранение идентичности нерусских народов, положительное отношение к национальным меньшинствам, политика в сфере национальных отношений (рис. 2.1.51).

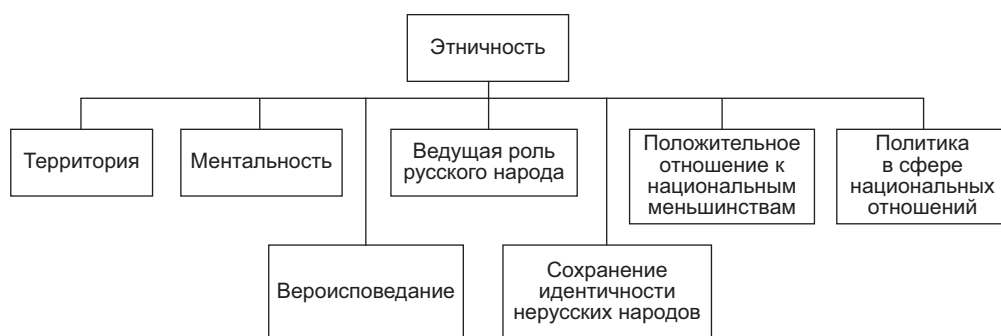

Рис. 2.1.51. Топология связи факторов-потенциалов с этничностью

В этногенезе очень велика роль земли: почвы, территории, пространства, ландшафта. Помимо самой земли на этногенез влияет символический фактор — граница. Она определяет пространство родной земли и часто становится этнической границей. Внутри нее живет *наш* народ.

Важно также, как соотносится *наша* земля с землями *других* народов и наций. Сами понятия «народ» и «нация» привязаны к географическому понятию «страна». Для этнического сплочения людей важен и образ «малой

родины», *местности*. В своей национальной идентификации люди придают большое значение и образу пространства большего, чем страна, — *континенту*. За определение географических признаков ведется ожесточенная идеологическая борьба.

В связи с границами, особенно в зонах междивизиационного контакта, часто возникают фобии — страх перед иными народами, якобы представляющими угрозу целостности «своего» пространства. К числу таких укорененных страхов относится и *руссофобия* Западной Европы, иррациональное представление о русских как о «варварах на пороге». Отношение этнического сознания к пространству — важный предмет этнологии.

Глобализация меняет привычную связь этноса с «его» территорией и резко усиливает этногенез.

Способом упорядочения реальности в этнических представлениях изначально был миф, и эта его роль сохраняется вплоть до современных национальных идеологий. Уже само выделение общности, разделение на «своих» и «чужих» происходит в логике мифа, которой присущи бинарные оппозиции. Тем более важно мифологическое восприятие этнических общностей в критические моменты, когда различия «должного» и «сущего» стираются. Тогда миф становится основой для интерпретации происходящих событий.

Важную часть онтогенеза этничности представляет собой ментальность, отражающая человеческие отношения, которые складываются из мировоззрения и типа сознания, хозяйственных отношений и чувства пространства. Зародившись в возникающей этнической общности, они затем служат средством ее сплочения, создают ее своеобразные маркеры и отграничивают от *иных*.

Ментальность также формирует общую историю, передающуюся из поколения в поколение. История требуется этносу для обоснования своего права на существование. «Безродным» на земле места нет. Чем древнее корень народа, тем больше у него моральных прав, их недостаток не всегда можно компенсировать даже силой. Поэтому над поисками корней в мире трудится огромная армия археологов, историков, писателей. И даже бедные страны не жалеют денег на устройство этнографических музеев. История часто оказывается «изобретенной традицией». Способствовать выработке этой традиции, ее передаче из поколения в поколение и защищать ее от диверсий информационно-психологических войн — одна из функций государства.

Для сохранения народа важны инерция и пережитки («традиция») ⁶⁶. Они же являются и условием подвижности народа. Это тот фонд, который

⁶⁶ А. Леруа-Гуран пишет: «Инерция по-настоящему бывает видна лишь тогда, когда [этническая] группа отказывается ассимилировать новую технику, когда среда, даже и способная к ассимиляции, не создает для этого благоприятных ассоциаций. В этом можно было бы видеть самый смысл личности группы: народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам». Если равновесие нарушается и группа не может ассимилировать по-

позволяет следующему поколению народа сэкономить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов.

Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию (рутину), создает угрозу для существования этноса. Отсюда общее правило уничтожения народов: хочешь стереть с лица земли народ — найди способ системного подрыва его традиций⁶⁷. Особенно опасна подвижность и радикальное нарушение рутины в межэтнических отношениях.

Следующий важный фактор этничности — это религия.

Особой, ключевой частью центральной мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ, является религиозное мировоззрение. Если на ранних стадиях этногенеза (возникновение племени) мировоззрение складывалось в основном в рамках мифологического сознания, то собирание больших этнических общностей со сложной социальной структурой и государственностью (народов) происходило уже под воздействием религий.

Спецификой российской цивилизации является доминирующая роль русского народа.

Россия изначально сложилась как страна многих народов (полиэтничная страна). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплывило» православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык, культура.

Российская империя как государственно-национальная система строилась на иных основаниях, по сравнению с другими большими государствами Европы. По выражению П.Н. Милюкова, до XVI в. это было военное-национальное государство: феодальные владыки и племенные вожди принимали российское подданство как средство избежать порабощения более опасными агрессивными соседями⁶⁸. Чаще всего местная знать сама ставила вопрос о присоединении к России, которое нередко признавалось в столице уже после того, как происходило де-факто на местах.

Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ создать на большом евразийском пространстве империю неколонального интегрирующего типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Элита этих народов, даже покоренных военной силой, автомати-

---

сторонние элементы, она «теряет свою индивидуальность и умирает», т. е. утрачивает свою этническую обособленность».

⁶⁷ Леруа-Гуран делает вывод: «Жизнеспособность этноса основывается на рутине, а завязавшийся диалог создает равновесие между рутинной и прогрессом: рутина символизирует капитал, необходимый для жизнеспособности группы, а прогресс — вторжение индивидуальных инноваций для улучшения жизнеспособности».

⁶⁸ В XVI–XVII вв. на южных и юго-восточных границах России войны происходили каждый год, на западных — примерно каждый второй год. Главная угроза с XVI в. шла с Запада.

чески включалась в дворянство, которое было правящим сословием всей России.

Для мировой политики это необычно. Военное сословие Золотой Орды постепенно влилось в офицерство русского войска потому, что для него Россия уже стала *их* страной⁶⁹. Так за пять веков в России был выработан сложный и даже изощренный тип межнационального общежития. Он отличался от других известных «моделей» следующим.

У народов России имелся общий значимый *иной* — русские. Между ними были интенсивные контакты, шло распространение русского языка и русской культуры, что усиливало связи других народов не только с русским ядром, но и между собой. Для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

По всем признакам, в России складывалась большая *полиэтническая нация*, но нация своеобразная, не соответствующая тем образцам и понятиям, которые были выработаны на Западе. Поэтому слово «нация» и не употреблялось в отношении подданных Российской империи, это слово подразумевало национализм и ассимиляцию народов, которую как раз и отвергала концепция национально-государственного устройства России. В формулу этой концепции входила *народность* — идея сохранения народов в единой семье.

Национально-государственная конструкция, созданная в России, обладает исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости, велик потенциал способной к мобилизации этничности (нациестроительство в Европе предполагало ослабление или удушение этничности, часто крайне жестокими методами).

Итак, ведущая роль русского народа зависит от нескольких факторов-потенциалов: юридического закрепления, роли и статуса русского языка, положительного отношения к национальным меньшинствам, политики в сфере национальных отношений, роли и статуса РПЦ, принципа многоконфессиональности, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики, политики в сфере культуры (рис. 2.1.52).

Для вскрытия позитивного значения для жизнеспособности этностроительства в России необходимо, чтобы этничность была закреплена правовым образом, открыто и ясно обозначена в культурном цивилизационном коде страны. Попытки искоренить слово «русский» в Конституции, разжигать

---

⁶⁹ Когда в 70-е гг. XIX в. происходило присоединение к России Средней Азии, индийские наблюдатели сравнивали с тем, как действовала английская администрация в Индии. Замечали, среди прочего, что в России такой-то генерал — мусульманин, а другой — армянин, и оба командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови», — писала индийская газета.

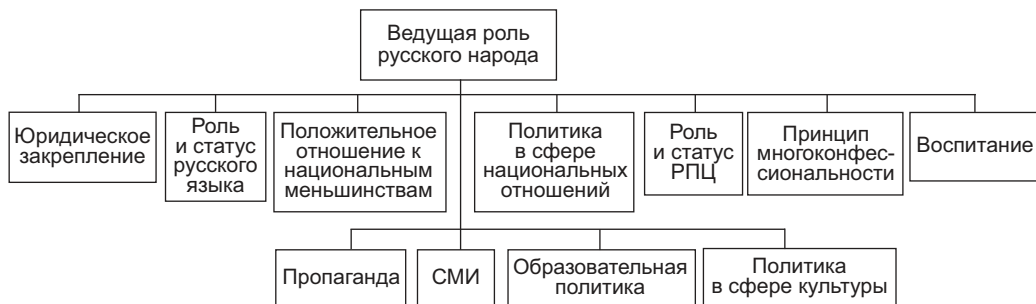

Рис. 2.1.52. Топология связи факторов-потенциалов с ведущей ролью русского народа

скрытый этнический сепаратизм, нивелировать личную самоидентификацию, лишив гражданина права указывать свою этничность в паспорте, внесли свой деструктивный вклад в снижение жизнеспособности России. Правовое закрепление возможно, во-первых, в Конституции, во-вторых — в паспорте (добровольно и по желанию гражданина).

У большинства государств (в том числе в Европе) есть преобладающий в структуре населения народ, доля которого существенно больше всех остальных. Практически у всех государств западной цивилизации доля преобладающего народа выше 50%. Именно поэтому мировая политическая система признает наличие национальных государств. Как национальные позиционируют себя крупнейшие европейские демократии. Более того, термин «американская нация» встречается и в отношении такого полиэтничного государства, как США.

Один из важнейших факторов формирования этноса и его развития — *язык*. Это одно из главных средств соединения «своих» и отграничения от «чужих», это и один из главных этнических маркеров. Язык не только служит средством коммуникации внутри этнической общности, он формирует ее «языковое сознание», задает общий набор понятий, общий арсенал мышления. Каждый язык есть особый способ мировоззрения и интерпретации опыта. В его структуре кроется целый набор неосознаваемых представлений о мире и жизни. Человек видит и слышит лишь то, к чему его делает чувствительным *грамматическая система* его языка. Сотворение языка и письменности становится частью этнического предания, мифические или реальные создатели причисляются к лику святых как прародители народа.

Проблема языка нередко превращается в инструмент национализма и ведет к *этнолингвистической* напряженности или даже к конфликтам в многонациональных странах. Притеснение родного языка, который воспринимается как воплощение культуры народа, накаляет страсти и становится средством мобилизации политизированной этничности.

Согласно переписи 1970 г., 76%, а 1979 г. — 81,9% всего населения СССР свободно говорили по-русски или считали русский родным языком (советский народ был связан языком сильнее, чем нация США, где 14% населения вообще не говорит по-английски).

Итак, роль и статус русского языка зависит от следующих факторов-потенциалов: юридического закрепления, политики в сфере национальных отношений, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики (рис. 2.1.53).

Рис. 2.1.53. Топология связи факторов-потенциалов с ролью и статусом русского языка

Для поддержания должного статуса языка титульной нации подавляющее большинство стран мира закрепляет его на уровне конституции. В мировой конституционной практике известны случаи государственного билингвизма, а также полилингвизма (например, четыре государственных языка в Швейцарии и Сингапуре и 11 официальных языков в Южно-Африканской Республике). Однако конституционное закрепление национальных языков как государственных на территории каждого национально-территориального образования, помимо Российской Федерации, существует только в Эфиопии. Отметим, что наличие в едином административном образовании даже двух государственных языков способно создать правовой и терминологический хаос.

От образовательной политики зависит, насколько дети будут знать государственный язык страны. Так, важную роль в сборке СССР сыграла единая общеобразовательная школа, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской культуре, и к общему господствующему типу познания мира. Выросшая из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР к русской классической литературе. Впрочем, необходимо, чтобы при доминантном изучении русского языка дети имели возможность изучать свой родной язык на факультативной основе.

Важным обстоятельством наряду с русской цивилизационной доминантой является поддержка и сохранение идентичности нерусских народов, образующих российское многоцветие.

Россия изначально была страной, сохранявшей идентичность этнических меньшинств. Российская монархия принципиально отказалась от политики планомерной ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия (как произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Слишком слаб и недолог был и капитализм для того, чтобы оказать свое унифицирующее воздействие. Не вела активной деятельности по христианизации и православная церковь — на Кавказе и в Средней Азии она практически совсем отказалась от проповеди.

Устои жизни на вошедших в Россию территориях резко не менялись, они управлялись с помощью местной знати. Правящая элита Российской империи с самого начала складывалась как многонациональная. По переписи 1897 г., только 53% потомственных дворян назвали родным языком русский.

В России не было самого понятия *метрополии*, не было юридически господствующей нации. Окраины империи обладали большими льготами, неправославное население было освобождено от воинской повинности. Управление и суды приноравливались к «вековым народным обычаям». В результате государственная система включала в себя множество укладов, норм и традиций.

Даже богатая часть евреев, интересы которой вступили в противоречие с нормами сословного общества и монархической государственности, вовсе не перешла целиком в лагерь противников Империи. Так, автором знаменитой столыпинской фразы «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!», которую так любят повторять и сегодня, был видный еврейский деятель И.Я. Гурлянд. Он и писал речи Столыпину, а тот был прекрасным оратором и зачитывал их — всегда по тетрадке, никогда наизусть⁷⁰.

Модернизация и европейское образование сделали популярными в российской элите федералистские идеи, стала вызревать идея России как федерации народов. В целях обретения союзников в борьбе против имперского государства прогрессивная интеллигенция со второй половины XIX в. вела кампанию по дискредитации той модели межэтнического общежития, которая сложилась в России, поддерживала сепаратистские и антирусские движения в Польше и Галиции. Миф о «бесправии» украинцев использовался для экстремистских нападок на царизм, но рикошетом бил и по русским как народу. В пропаганде применялся символический образ России как «тюрьмы народов»⁷¹.

⁷⁰ Сенчакова Л. Крестьяне и Государственная Дума (1906–1907 гг.). Статья // Россия — XXI. Сборник статей. 1996. № 9–10. С. 164–180.

⁷¹ Этот миф противоречил реальности. «Инородцы» нехристианских вероисповеданий в России никогда не были крепостными, а для крестьян прибалтийских народов крепостная зависимость была отменена еще при Александре I. Когда в США шла борьба за отмену рабства в отношении насильно завезенных туда инородцев, в России происходило освобождение от крепостной зависимости большей части «имперской нации». Вот немыслимый в западных империях факт: в России борьба инородцев за свои права начиналась чаще всего при попытках правительства *уравнять* их в правах с русскими.

В советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии, — формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Это и предопределяло прочность системы межнационального общежития.

Для каждого народа СССР была открыта вся территория страны, имелся доступ к учебе, творчеству, культурным ресурсам. Благодаря этому люди не замыкались в своем этноцентризме.

Широкое использование русского языка сочеталось с сохранением языка своей национальности: в 1926 г. свой родной язык сохраняли 94,2% населения, в 1970 г. — 93,9% и в 1979 г. — 93,1%. Это значит, что в СССР сложилась специфическая билингвистическая национально-русская культура.

Строительство межнационального общежития было большим цивилизационным проектом мирового масштаба. В подобных проектах взаимодействуют массовое обыденное сознание («здравый смысл» народов), теория (в понятиях которой мыслит правящая элита) и утопия (идеальный образ будущего — «стремление вдаль, братающее нас»). Здравый смысл (преимущества совместной жизни в большой сильной стране) побуждал большинство поддерживать связность советского народа. Это проявилось и на референдуме 1991 г., и во множестве последующих исследований. Утопия (братство народов в единой семье) также сохранила свою сплачивающую силу вплоть до ликвидации СССР.

Итак, реализация данного фактора зависит от следующих факторов-потенциалов: юридического закрепления, возможности пользоваться родным языком, положительного отношения к национальным меньшинствам, политики в сфере национальных отношений, принципа многоконфессиональности, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики, политики в сфере культуры (рис. 2.1.54).

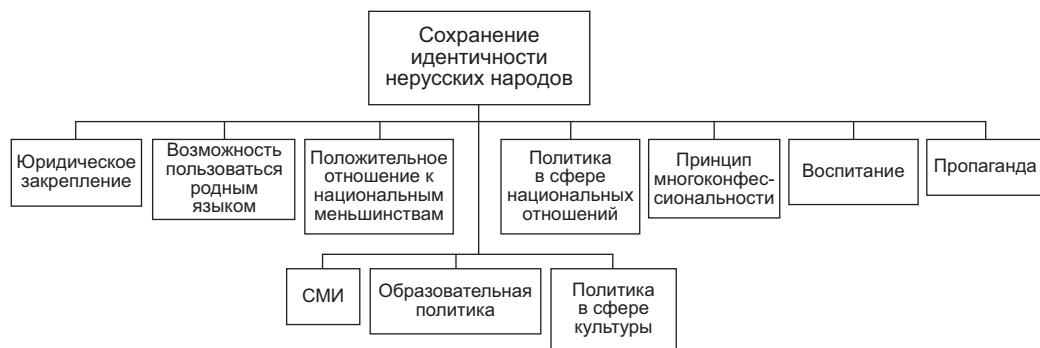

Рис. 2.1.54. Топология связи факторов-потенциалов с сохранением идентичности нерусских народов

Заметным макрофактором жизнеспособности страны в сегменте этничности является положительное отношение к национальным меньшинствам.

Этот фактор особенно важен, поскольку, как отмечают многие авторы, уживчивость — это культурная особенность русских как народа и как государства. Под этим понимается гибкость в культурных контактах, готовность понять *иного* и признать его право на инаковость.

Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тому, как очистили для себя Северную Америку англо саксонские колонисты. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавливающий многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии). Здесь не было и апартеида в разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (известен апартеид ЮАР, но иммигрантские гетто во Франции — тоже вариант апартеида).

Согласно данным экспертной оценки, фактор «положительное отношение к национальным меньшинствам» показывает сильную корреляцию с коэффициентом жизнеспособности страны ($R = 0,9$) (рис. 2.1.55–2.1.56).

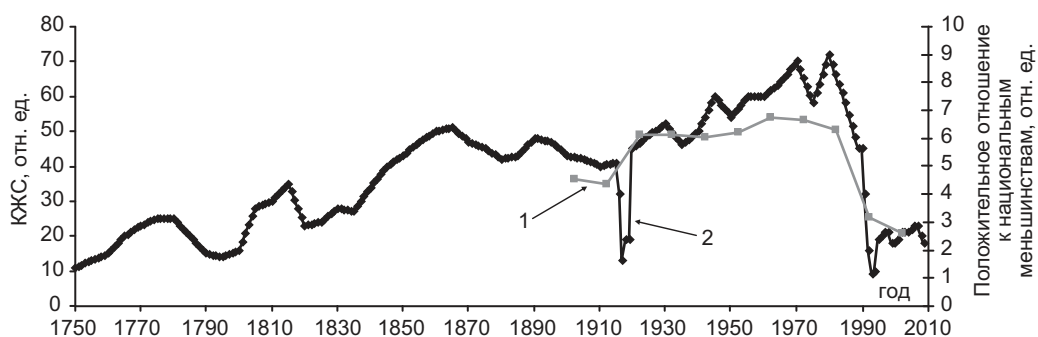

Рис. 2.1.55. Сопоставление исторической динамики положительного отношения к национальным меньшинствам (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Реализация данного фактора зависит от следующих факторов-потенциалов: политики в сфере национальных отношений, принципа многоконфессиональности, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики, политики в сфере культуры (рис. 2.1.57).

Данный фактор представляет собой зону исключительной ответственности государства, которое играет важную роль в этногенезе и «собрании» народов и наций.

Следующий макрофактор — политика в сфере национальных отношений.

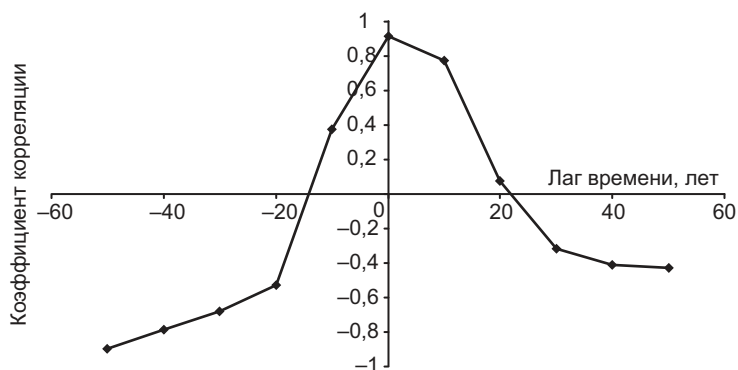

Рис. 2.1.56. Коэффициент корреляции положительного отношения к национальным меньшинствам и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Рис. 2.1.57. Топология связи факторов-потенциалов с положительным отношением к национальным меньшинствам

Государство есть и продукт, и создатель народа. Уже для создания племенных союзов требуется государственная власть (хотя бы в виде князей и дружин). Строго очерченная этническая целостность (народ) возникает лишь на зрелой стадии политического развития и формируется там, где есть государство и идеология, защищающая его авторитет и неприкосновенность, территория и границы, приобретающие характер этнических.

Так, государство организует информационное пространство этнической общности, создает регулярные централизованные потоки информации и «сгустки» информационной активности, охраняет границу информационного пространства своего народа. Государство организует и содержит институты, которые непосредственно воспроизводят народ (например, армию и школу). Только государство может обеспечить достаточно длительную политическую стабильность, необходимую для созревания большой этнической общности. Государство мобилизует общность на преодоление угроз и этнизирует ее через образ враждебных *иных*.

Ослабление государства и «рассыпание» народа (на враждующие классы, субкультуры, этносы, религиозные группы и т. д.) — процесс взаимоускоряющийся. Он может привести к катастрофе непостижимо быстрой. Глубокий кризис этнических связей большого народа вызывает кризис легитимности государства и в международном измерении.

Так, после краха монархии в среде этнических элит стало преобладать стремление к «огосударствлению наций» — начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра⁷². Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России. Начался территориальный распад.

В ходе Гражданской войны рассыпанная империя была «пересобрана» на новой социально-политической основе — в форме СССР. Возможность для этого была обусловлена тем, что подавляющее большинство населения предреволюционной России было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они с 1902 г. начали «снизу» сборку нового, уже советского народа — обдумывали проект его жизни, в том числе национальной.

Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии рассматривались красными как явление гражданской войны, а не межнациональных войн. Национальная политика советской власти была гибкой и учитывала социокультурную реальность регионов⁷³. Красная Армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, стягивала народы Российской империи обратно в единую страну.

В Гражданской войне СССР обрел свою территорию и быстро закрыл ее хорошо охраняемыми границами. И территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве, и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

В населении СССР возникло общее хорологическое пространственное чувство (взгляд «с небес») — общая ментальная карта. Территория всей страны была открыта для граждан СССР любой этнической принадлежност-

⁷² Сепаратизм, прежде всего, поразил армию. Еще до Февраля 1917 г. были созданы национальные части — латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После Февраля был сформирован чехословацкий корпус, и вдруг все стали требовать формирования *национальных* войск. Правительство не имело определенной установки и не было готово к этому. Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы» (!). Началась «украинизация» армии (солдаты отказывались идти на фронт под хитрым предлогом: «Підемо під українським прапором» — т. е. «Пойдем под украинским флагом»). В конце лета 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

⁷³ Так, например, в Башкирии в составе Красной армии воевал полк «Красный шарият».

ти, а границу охраняли войска, в которых служили юноши из всех народов СССР. Это скрепляло людей как граждан одной страны.

Согласно данным экспертной оценки, фактор «политика в сфере национальных отношений» показывает высокую корреляцию с коэффициентом жизнеспособности страны ($R = 0,8$) (рис. 2.1.58–2.1.59)⁷⁴.

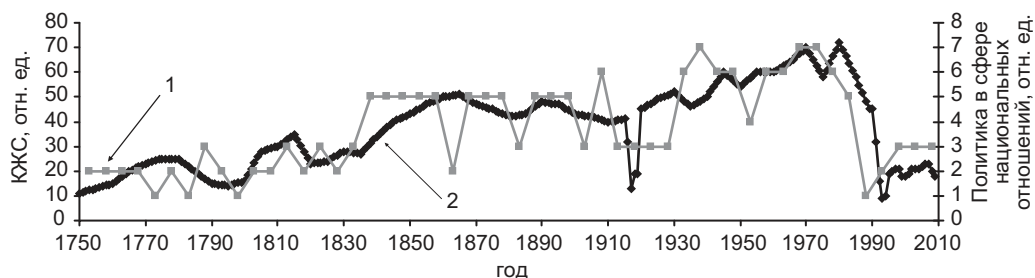

Рис. 2.1.58. Сопоставление исторической динамики политики в сфере национальных отношений (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

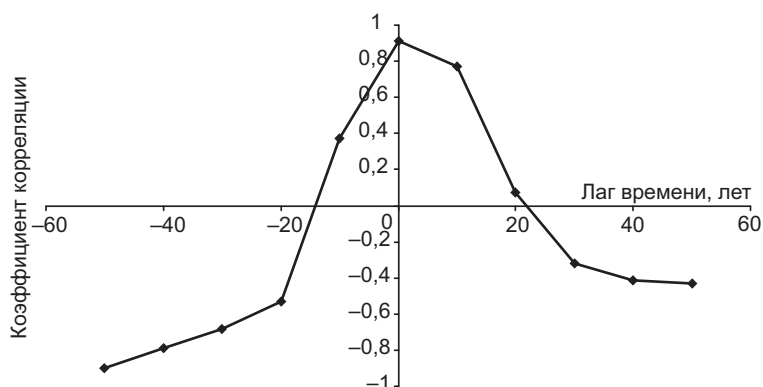

Рис. 2.1.59. Коэффициент корреляции политики в сфере национальных отношений и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Реализация данного фактора зависит от следующих факторов-потенциалов: подготовки специалистов в области национальных отношений, юридического закрепления ведущих принципов, государственного финансирования, воспитания, пропаганды, СМИ, образовательной политики, политики в сфере культуры (рис. 2.1.60).

⁷⁴ Данные экспертных опросов.

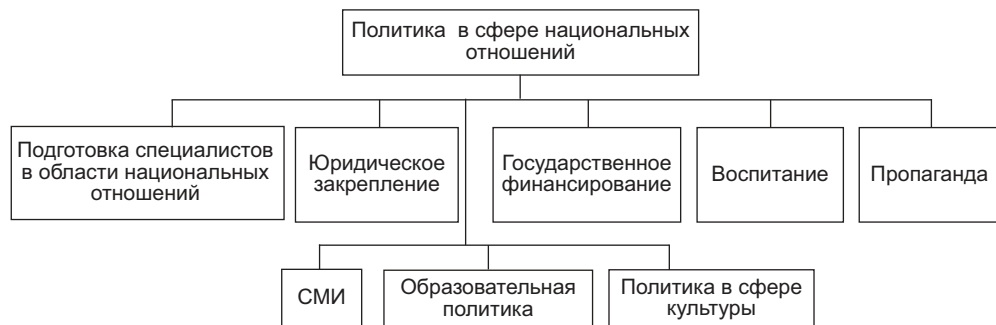

Рис. 2.1.60. Топология связи факторов-потенциалов с политикой в сфере национальных отношений

Таким образом, этническая структура России является цивилизационно уникальной и действительно представляет собой фактор жизнеспособности страны. Воспитание и культура, массовое информационное воздействие, национальная политика, функции и органы государственного управления, бюджетные расходы и программы являются обязательной атрибутикой максимизации жизнеспособности страны в этой сфере. Как в целом выглядит причинно-следственная факторная картина в этом сегменте жизнеспособности страны, показано на рис. 2.1.61.

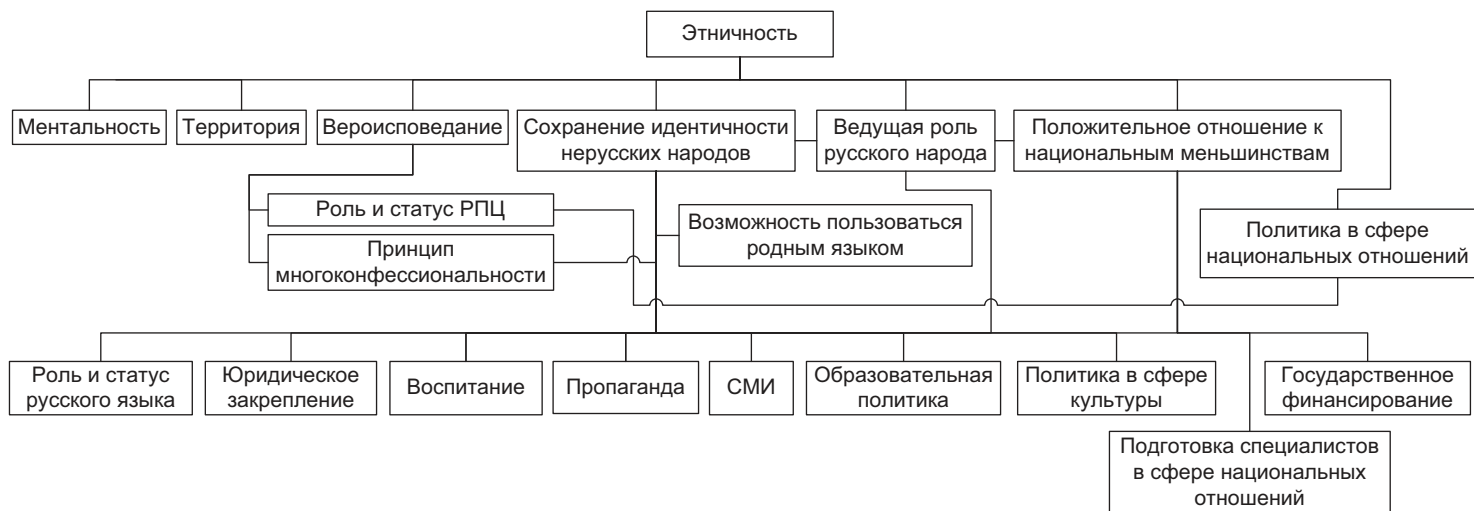

Рис. 2.1.61. Общая топология причинно-следственных факторных связей жизнеспособности страны в сегменте ее этничности

2.1.4. Ценности современного российского общества: реальность и мифы

С тех пор как западные ученые-обществоведы стали исповедовать философию индивидуализма с ее либерально-демократическими ценностями, попытки создания целостного и адекватного представления об обществах прекратились. Идеология либерального индивидуализма мешает западным социологам сформировать необходимое представление об обществах, где каждый человек играет определенную роль. Так, например, А. Турен⁷⁵ отвергает понятие «общество», заменяя его понятием «социальные отношения». Т. Лоусон и Д. Гэррод предпочитают рассматривать общество как сумму индивидуальных активностей или социальных взаимоотношений свободных личностей⁷⁶. Однако человек никогда не был свободен от общества, как это пытаются представить в либеральных моделях.

История развития социологии показывает, что все известные попытки понять общество наталкивались на идеологию — антропоцентризма, индивидуализма, марксизма, рационализма и др. — и испытывали ограничения в силу применяемой методологии научного познания. В результате научные знания инкорпорировали значительную долю мифологии, создающей искаженное представление об обществах, социальных институтах, социальных нормах, ценностях, общественной культуре⁷⁷.

Западные исследователи зачастую впадали в крайности, предпринимая попытки перенести на Россию традиционные концепты, работающие в западном обществе.

После распада СССР русофобия на Западе не только не ослабла, но, напротив, усилилась. Газеты, журналы, телевидение, кинофильмы, театральные постановки — все, что воздействует на общественное мнение, выливает на западного потребителя достаточно много русофобского. По этой установке в России плохо все: русские по натуре ленивы, жестоки и духовно ограничены.

С приходом к власти в начале 1990-х гг. либеральных реформаторов первой волны началась чрезвычайно опасная идеологическая обработка населения по внедрению не свойственных России ценностей. О том, что традиционные российские ценности в современных условиях обществу уже «не подходят», было заявлено открыто: «нравственно все, что приносит прибыль».

⁷⁵ Турен А. Социология без общества. Статья // Социологические исследования. 2004. № 7.

⁷⁶ Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А-Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: Фаир-пресс, 2000.

⁷⁷ Франчук В.И. Актуальные задачи социальной инженерии. Статья // Социально-гуманитарные знания. М., 2006.

Однако этот процесс натолкнулся, несмотря на определенные успехи, на вполне естественное сопротивление со стороны общества. Любое проявление этого сопротивления становится поводом для новых усилий. Вот, например, каково мнение обозревателя газеты «Известия» А. Колесникова: «Кто не верит в то, что россияне по сию пору враждебно относятся к западным (читай: общемировым) ценностям, может ознакомиться с одним из последних опросов... Фонда “Общественное мнение”. Вот хотя бы одна позиция: 45% опрошенных считают, что западные ценности отрицательно влияют на отношения между людьми в России. Что уж говорить о том, что 48% респондентов полагают: жизнь стала хуже из-за влияния Запада... Народ-богоносец по-прежнему ищет виноватых и врагов, заодно тяготея к сильной руке и руководителю-отцу. А чему, собственно, удивляться? Так легче жить и видеть в качестве причин личных неудач зловерные внешние силы, а не самого себя, свое собственное безделье, презрение к труду и “чужакам”»⁷⁸.

С другой стороны, одновременно с культивацией ценностей индивидуального успеха, выгоды, богатства, в последние годы стали набирать интенсивность процессы «научного» обоснования успехов такой культивации, в которых эти ценности преподносятся как преобладающие в российском обществе и противопоставляются «другим» ценностям западных стран.

Одним из примеров подобной научной подачи является интерпретация результатов «Европейского социального исследования»⁷⁹ — наиболее известного и уважаемого сравнительного проекта в области социальных наук в Европе, в котором наряду более чем с 20 европейскими странами впервые в 2006 г. приняла участие и Россия.

Авторы доклада «Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте» (2008 г.) из Института сравнительных социальных исследований утверждают: «Публицисты, ученые и общественные деятели выражают сегодня серьезную озабоченность низким уровнем альтруистических, солидаристских ценностей в российском обществе и, наоборот, гипертрофированностью индивидуалистических ориентаций. Часто бывает, что активность моральной критики не связана с реальным состоянием массовых нравов и ориентаций, но в данном случае это не так: результаты нашего исследования подтверждают, что проблема действительно существует. Сравнение России с другими европейскими странами явно свидетельствует, что у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и,

---

⁷⁸ Алфавит. 2001. № 4.

⁷⁹ По материалам European social survey.

наоборот, крайне высока значимость противостоящих им «эгоистических» ценностей»⁸⁰.

Чуть ранее на страницах этого же доклада авторы по итогам всех описанных ими ценностных сравнений представляют «портрет» среднего россиянина: «Средний россиянин сильнее, чем жители большинства других включенных в исследование европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию (но при этом в желаемых достижениях не акцентируются творчество и новации). Естественно, что при более сильной, чем в других странах, ориентации на индивидуальное самоутверждение в сознании среднего россиянина остается меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, для толерантности, заботы о природе и окружающей среде, и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает»⁸¹.

Картина нарисована вполне определенная, но как-то интуитивно неприемлемая, противоречащая жизненному опыту самих россиян.

На каких эмпирических данных основаны подобные выводы? Обратимся непосредственно к исследованию. Стремление к богатству оценивалось исходя из оценки респондентами по шестибальной шкале степени собственного сходства с человеком, для которого важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей. Доля респондентов, заявивших что человек, для которого важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей, очень походит на них, в России в 2006 г. действительно была выше, чем в других охваченных исследованием странах (рис. 2.1.62).

Однако означает ли это преобладание у россиян эгоистических ценностей, а у европейцев — ценностей альтруизма? Представляется, что нет.

Сама постановка вопроса, отсутствие альтернативы при ответе, по сути, сводят результаты к оценке респондентами степени нехватки у них материальных ресурсов, а вовсе не ценностных предпочтений.

А вот как распределились ответы на тот же вопрос (с идентичной методологией распределения ответов) в рамках не менее известного Всемирного исследования ценностей⁸², проводящегося с 1981 г. и охватывающего более 80 стран мира (рис. 2.1.63). Представленные результаты пятой волны данного исследования относятся как раз к этому же периоду времени (в частности, для России это 2006 г.).

---

⁸⁰ См. раздел данного доклада «Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами».

⁸¹ Там же.

⁸² Проект World Values Survey под руководством Р. Инглхарта.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

Насколько человек, для которого важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей, походит на Вас

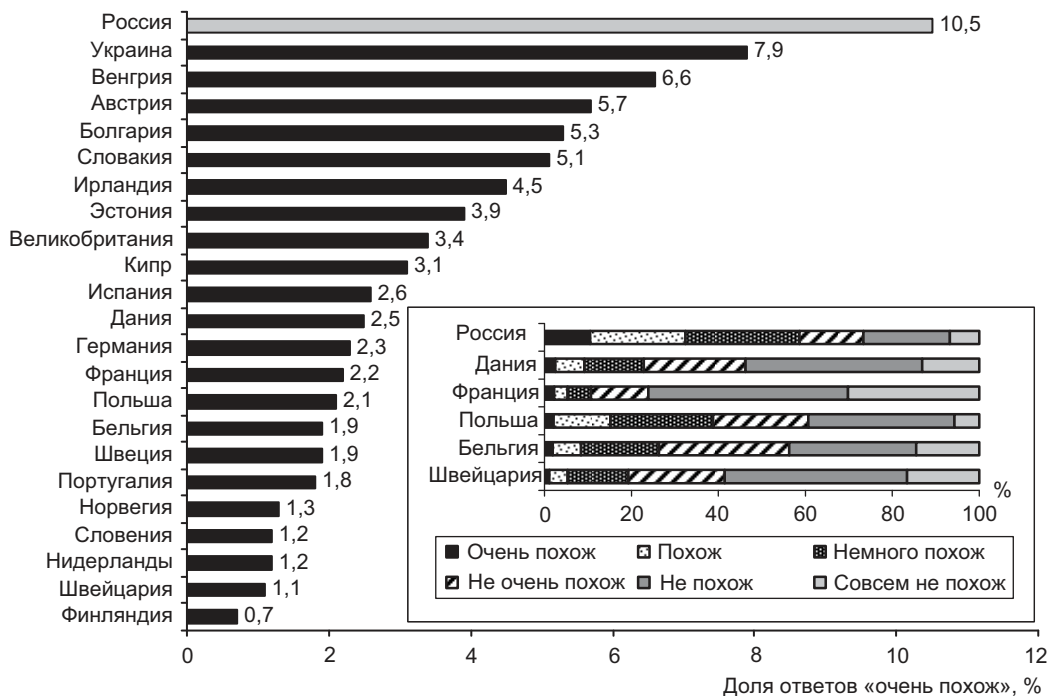

Рис. 2.1.62. Оценка собственного сходства с человеком, для которого важно быть богатым (по данным European Social Survey, 2006)

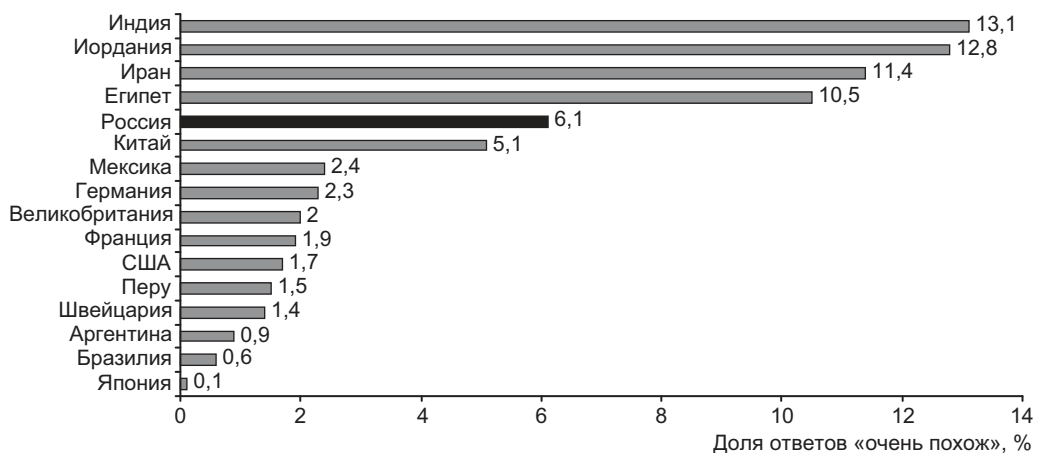

Рис. 2.1.63. Оценка собственного сходства с человеком, для которого важно быть богатым (по данным World Values Survey)

Даже если не принимать во внимание более чем четырехпроцентное расхождение в ответах россиян в двух исследованиях, очевидно, что не только эксперту-социологу, но и простому обывателю чрезвычайно трудно «заподозрить» китайцев или представителей традиционных обществ исламских стран в ориентации на индивидуальное самоутверждение. Таким образом, сделанные авторами упомянутого доклада выводы представляются в этой части не совсем корректными, «целенаправленными». Зато миф об индивидуализме и стяжательстве российского человека — запущен.

Так же создается еще один «небесспорный» вывод, а точнее миф: «Сегодняшние эмпирические данные не подтверждают приписываемой “русскому национальному характеру” склонности к покорности и послушанию, равно как и стремления следовать обычаям и традициям. Кроме того, в отношении всей этой группы столь существенных для развития страны ценностей [“открытости изменениям” и “сохранения”] не подтверждается и представление об уникальности, «особости» российского общества... средний россиянин не отличается от представителей целого ряда других европейских стран, демонстрируя общность России не только с постсоциалистическими, но и с развитыми капиталистическими странами»⁸³.

Очевидно, что представление об «особости» российского общества сложилось не в отношении какой-то одной категории ценностей, а в их совокупности, которая принципиально отлична от ценностей других обществ. Авторы же, делая общий вывод на основе частного аргумента, пытаются тем самым развеять «миф» об уникальности российского общества, противоречат даже собственному озвученному ранее суждению: «Сравнение средних значений показывает, что большинство различий России по ценностным индексам с другими европейскими странами статистически значимо, и следовательно, эти ценностные показатели среднего россиянина чаще отличаются от ценностей «средних» представителей других стран, чем совпадают с ними»⁸⁴.

Так уникально ли сегодняшнее российское общество, обладает ли оно идентичностью? Имеет ли на самом деле место «презрение к труду и чужакам» или все-таки есть оригинальные и иные ценности?

Все вышеизложенное актуализирует задачу выявления реальных ценностей современного российского общества. Более того, для решения задач государственного управления жизненно важно адекватное представление об объекте управления, т. е. об обществе. Андроповское «мы не знаем общества, в котором живем» становится критически неприемлемым, особенно в контексте непрерывного (преднамеренного и непреднамеренного) иска-

⁸³ Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: Сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. Статья // <<http://www.polit.ru/research/2008/06/02/rusvalues.html>>.

⁸⁴ Там же.

жения представлений об обществе. Облик российского человека и его общества должен быть познан и использован в действиях по воплощению национальной идеи России, максимизации жизнеспособности страны.

Авторами предложен самостоятельный подход к исследованию цивилизаций, основанный на выделении двенадцати цивилизационно-образующих ценностей-мотиваторов⁸⁵. Специальные исследования позволили выявить для человека двенадцать базовых ценностей-мотиваторов поведения и доказать, что все остальные психологические мотивации человека поглощаются отобранными или являются избыточными. Базовые ценности общества совпадают с цивилизационно-образующими ценностями и высшими ценностями государства⁸⁶.

Ценности-мотиваторы являются побудителями практических действий индивида, формируют психологический поведенческий тип личности в обществе, направляют жизнедеятельность общества, позволяют отличить одно общество от другого.

В рамках предложенного подхода проанализируем наиболее мифологизированные базовые ценности российского общества, являющиеся условиями сохранения жизнеспособности страны. Ключевая гипотеза исследования очевидна: российское общество обладает идентичностью, базовые ценности россиян отличны от ценностей других обществ.

Семья

Многие социологические исследования при определенной постановке вопроса демонстрируют значимость ценности семьи в российском обществе на уровне или ниже американского, европейского и прочих. Примером служит распределение ответов на вопрос «насколько для Вас важна семья?» в Исследовании мировых ценностей (рис. 2.1.64).

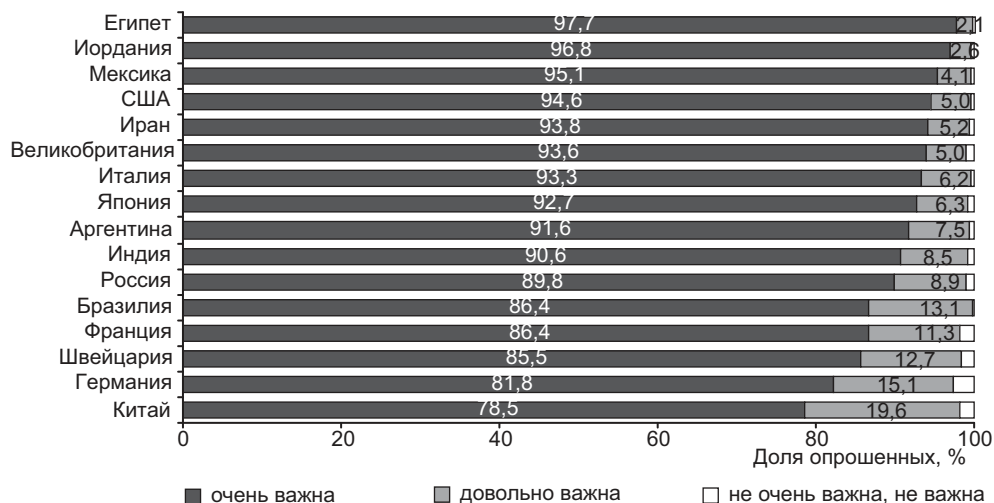
Получается, что ценность семьи в западных обществах так же высока, как и в России, или даже выше. Однако при более глубоком анализе выясняется, что это не совсем так. Потому что одно дело — это отношение к своей собственной семье, какая бы она ни была (состоящая из супругов, родителей и детей или считая семьей и более дальних родственников), а другое — это традиционное отношение к институту семьи в обществе. И здесь имеются глубинные отличия в свойствах российского и, например, европейского социумов.

Чем определяется положение общества на шкале ценностей от совокупления до семьи, любви и детности? Представляется, что уважение к институту семьи в обществе проявляется в отношении к так называемому гражданскому браку, разводам, содомии и пр. (рис. 2.1.65).

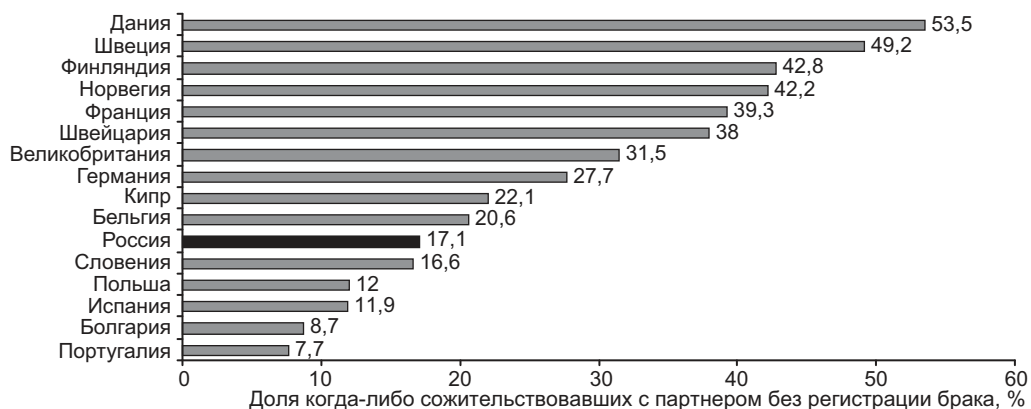
⁸⁵ Подробно авторский концепт изложен в главе 3 «Цивилизация и жизнеспособность страны (теоретико-методологическая модель)».

⁸⁶ См. раздел 1.5.

Источник: World Values Survey, 2005–2008

Рис. 2.1.64. Степень значимости семьи для респондентов по странам

Источник: European Social Survey, 2008

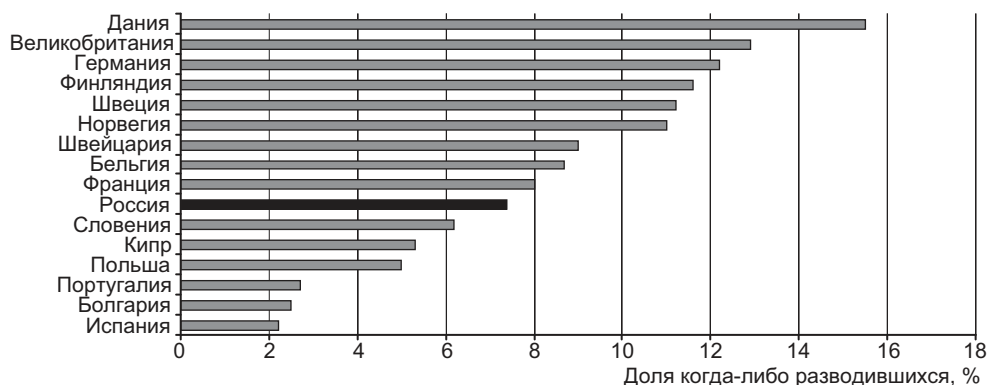
Рис. 2.1.65. Распространенность внебрачных отношений

В российском социуме гораздо ниже доля тех, кто когда-либо сожительствовал со своим партнером без заключения официального брака. И это уже более глубокий показатель, чем просто вопрос об отношении к семье.

Та же картина и с долей когда-либо разведившихся респондентов (рис. 2.1.66), что также является свидетельством более высокой ценности семьи в российском обществе.

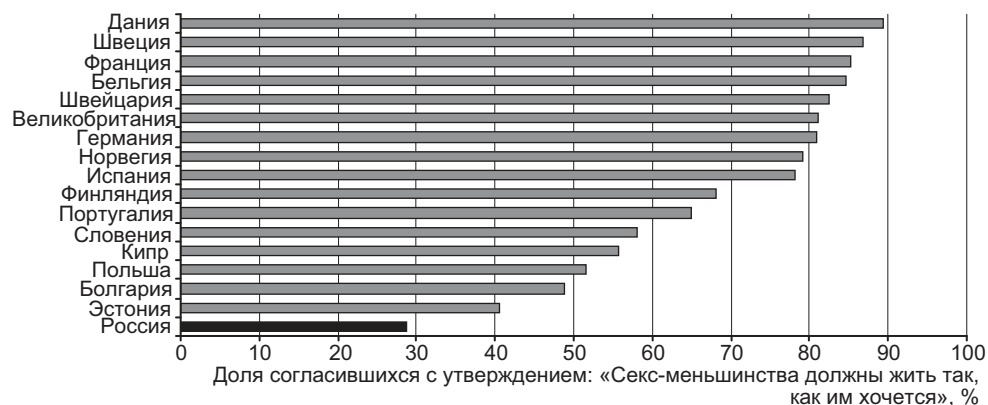
И, конечно, отношение к гомосексуалистам и лесбиянкам, которое либеральные западные и прозападные социологи склонны выдавать за толерант-

ность, представляется авторам данного исследования деградацией института семьи. Россия по этому показателю выглядит обнадеживающе, несмотря на развращающее влияние СМИ (рис. 2.1.67).

Источник: European Social Survey, 2008

Рис. 2.1.66. Распространенность разводов

Источник: European Social Survey, 2008

Рис. 2.1.67. Отношение к гомосексуалистам и лесбиянкам

На основе данных о распространенности гражданских браков, разводов и уровне одобрения содомии авторами вычислен интегральный индекс ценности семьи в обществе (рис. 2.1.68).

Именно этот индекс отражает реальную ценность семьи в современном российском обществе.

Вывод подтверждается и распределением респондентов по степени важности для детей быть предметом гордости своих родителей (рис. 2.1.69).

Здесь страны западного ареала также уступают России, которая больше тяготеет к традиционной восточной модели глубоких ценностных отношения отношений в семье.

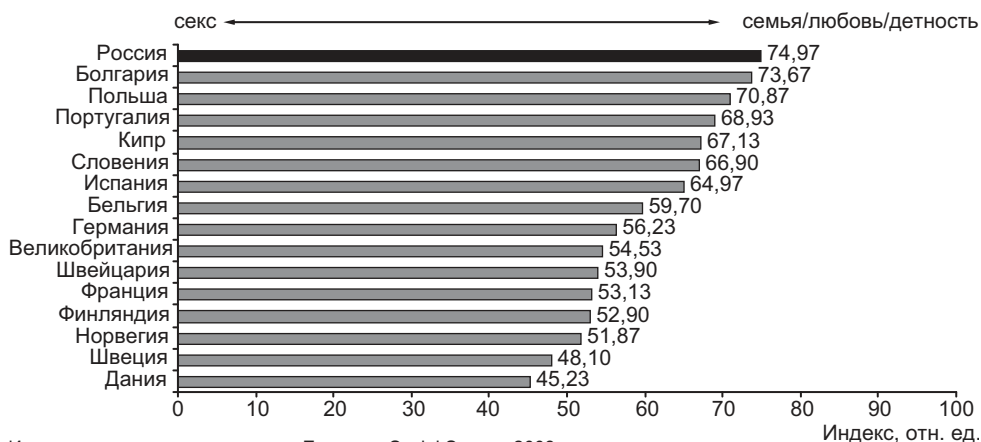

Рис. 2.1.68. Интегральный индекс ценности семьи

Рис. 2.1.69. Важность для детей быть предметом гордости родителей

Вот так развеивается миф о значительной ценности семьи в Европе и меньшей ее ценности в России.

Коллективизм

В начале XXI в. все чаще приходится слышать, что «в действительности» население РФ очень индивидуализировано и абсолютно не склонно к коллективистским формам взаимодействия, привержено им чуть ли не в меньшей степени, чем, например, западные общества. А все представления о коллективизме как особой черте российского сообщества — не более чем ложный стереотип. Попытки «научных» обоснований данного тезиса приводились выше.

Комплексный анализ социологических данных обнаруживает, что озабоченность «гипертрофированностью индивидуалистических ориентаций» российского общества не имеет реальных оснований, кроме как инструментария информационно-психологической войны, направленной как раз на выхолащивание российской сущности.

Ценность коллективизма в России хотя и частично утратила значимость по сравнению с СССР, но по-прежнему остается одной из фундаментальных ценностей российского социума.

Это подтверждает распределение мнений по поводу минимизации различий в уровне жизни, характерной для коллективизма (рис. 2.1.70).

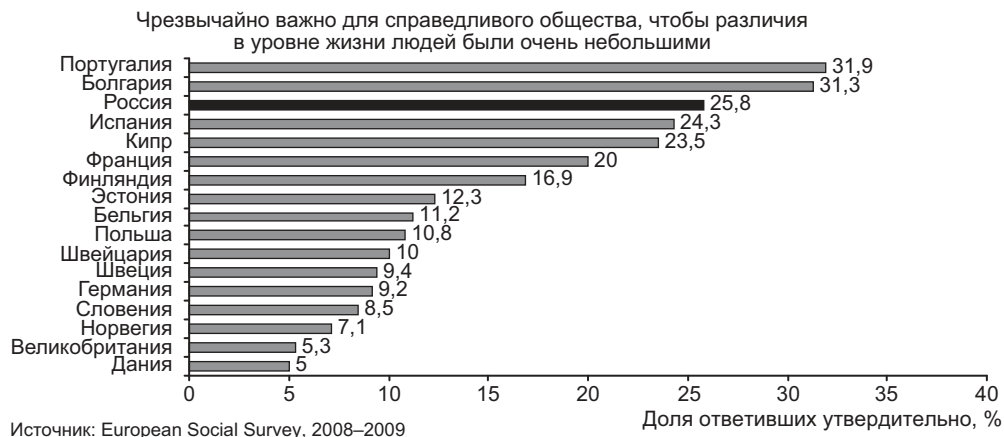

Рис. 2.1.70. Ценностное отношение к различиям в уровне жизни

Ведущие европейские общества в большинстве своем даже не приближаются к российскому. Подтверждается этот вывод и распределением мнений по поводу типично индивидуалистического утверждения (рис. 2.1.71).

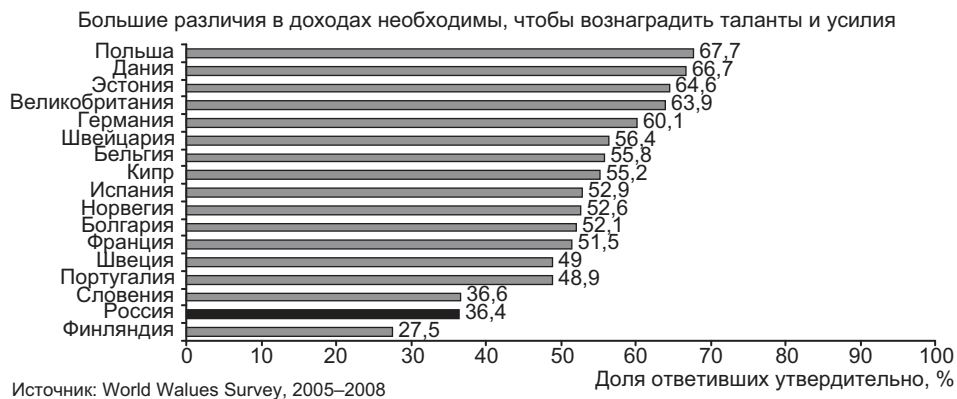
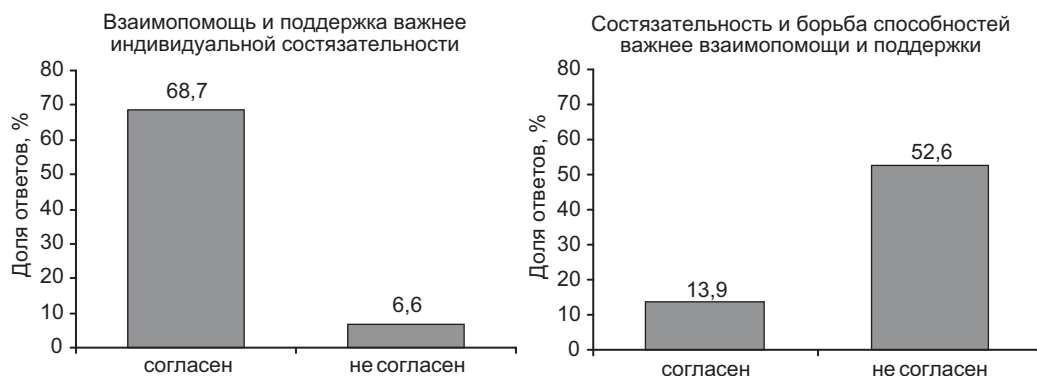

Рис. 2.1.71. Степень приверженности индивидуалистическим ориентациям

Картина принципиально иная: индивидуализм в России никак не более ярко выражен, он попросту отсутствует в значимой степени среди фундаментальных ценностей.

При ответах на альтернативные вопросы подавляющее большинство россиян делают выбор в пользу ценности коллективизма (рис. 2.1.72).

Источник: ИКСИ РАН, 1998

Рис. 2.1.72. Прямой альтернативный выбор по ценностной шкале «коллективизм — индивидуализм»

Еще одно подтверждение меньшей степени индивидуализма россиян обнаруживается в сравнительном исследовании жителей России и Польши⁸⁷.

Сходство двух народов проявляется в том, что большинство россиян и поляков наиболее часто выбирают в качестве «своих» семью и друзей. Отличие поляков в том, что для большинства из них значимы прежде всего семья и друзья (т. е. самое близкое окружение), активность в обустройстве частной жизни проявляется в ориентации на независимую приватную сферу. В то же время большинство россиян декларируют близость не только с семьей, но и с другими первичными группами, идентифицируют в качестве «своих» даже сверстников, людей того же достатка и земляков, что также является одним из проявлений ценностей коллективизма (рис. 2.1.73).

Таким образом, интенсивно внедряемый прозападными исследователями миф о преобладании в структуре ценностного сознания россиян индивидуальных личностных ценностей над общественными, в противоположность европейским обществам, не подтверждается.

⁸⁷ Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши). Статья // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробжижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220–224.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

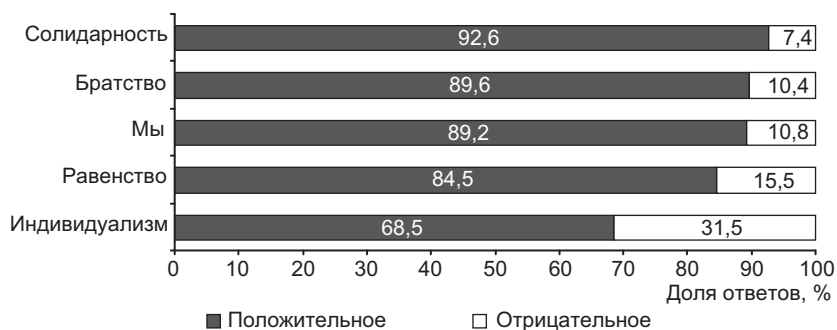
	Россия	%	Польша
	Семья	88	
		87	Семья
	Друзья	86	
	Сверстники	80	
	Люди того же достатка	80	
	Единомышленники	78	
		76	Друзья
	Люди той же национальности	74	
	Земляки	72	

Рис. 2.1.73. Распространенность групповых идентификаций в России и Польше (2002 г.)

Более того, даже постулат о ценности семьи в российском и западном обществах имеет совершенно различное наполнение с точки зрения преобладания ценности коллективизма. В первом случае семья — это общность, «мирок», в котором можно пережить трудности, спастись, сохранив самого себя и свои ценности, а во втором — это крепость, защищающая индивида от общества, от вмешательства в его частную жизнь. В России семья воспринимается как последний оплот подлинной общности, коллективизма, как росток, который окрепнет в более благоприятных условиях и откроется миру; а в западных обществах — как оплот приватности, индивидуализма (не случайно широкое распространение там получили брачные контракты).

В российском обществе семья является олицетворением «мы», а «мы» выражает подлинную сущность коллективизма — фундаментальной ценности российского общества.

Данные о психологическом восприятии россиянами понятий коллективизма и индивидуализма это подтверждают (рис. 2.1.74).

Источник: ИКСИ РАН, 2000

Рис. 2.1.74. Психологическое восприятие россиянами различных понятий

Прямое сопоставление ценности индивидуализма и коллективистских проявлений показывает значимое предпочтение последних.

Об этом писал С.Л. Франк⁸⁸: «В противоположность западному русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию “Мы”... Для нее последнее основание жизни духа и его сущность образуется “Мы”, а не “Я”. “Мы” мыслится не как внешнее единство большинства “Я”, только потом восходящее к синтезу, а как первичное далее неразложимое единство, из лона которого только и вырастает “Я” и посредством которого это “Я” становится возможно»⁸⁹.

Нематериальные ценности

Существует суждение, что российский народ является приверженцем нематериальных ценностей, которое представляется мифом для прозападных исследователей и публицистов. Они утверждают, что никаких особенных «духовных ценностей» у русского общества нет, оно не только ничем не отличается от западного общества потребления, но и превосходит его.

Между тем отсутствие ярко выраженных материальных ценностей в российском обществе обусловлено исторически.

На протяжении веков русский человек по природе своей был аскетичен, он умел и желал довольствоваться необходимым, потому что только по таким нормам можно было выжить в существовавших климатических и исторических условиях. Суровая жизнь приучила к самоограничению в материальной жизни. Поэтому среди русских не было распространено накопительство, стремление к обогащению любой ценой, и русский человек не мог все силы бросать на материальное благоустройство. Нестяжательство служило и православным ориентиром. В русской жизни материальное стяжание никогда не было общественным идеалом, отсутствовал европейский пиетет к собственности и богатству, не мог утвердиться приоритет денег.

Понятно, что всякий человек не может быть абсолютно равнодушным к материальным ценностям, которые облегчают жизнь; но в суровых российских условиях богатство, выделяющее человека из общего образа жизни, дается, как правило, несправедливыми средствами. Поэтому, когда встает вопрос о приоритетах, о первостепенном и второстепенном, т. е. о том, что лежит в основаниях жизни, то европейского уважения к богатству в России по природе вещей быть не могло⁹⁰. «У европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти; у русских богатый зачастую смотрит на бедного со стыдом. У западного человека сердце радостнее бьется, когда он обозревает свое имущество, а русский при этом чувствует порой угрызения совести.

⁸⁸ С.Л. Франк (1877–1950) — крупный русский философ, религиозный мыслитель и психолог.

⁸⁹ Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии. Статья // Философские науки. 1990. № 5.

⁹⁰ Аксютин В. Характерность русского характера. Статья // <<http://www.pravoslavie.ru>>

В нем живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владеть значит быть в плену того, чем владеешь, что в богатстве чахнет свобода души, а таинство этой свободы и есть самая дорога святыня»⁹¹.

Несмотря на усиленную обработку российского населения в ходе развернутой информационно-психологической войны по внедрению материальных ценностей, они не стали главенствующими в российском обществе. Детальная интерпретация социологических данных это подтверждает.

При интерпретации распределения ответов россиян и европейцев на вопрос «Насколько важно для человека быть богатым и иметь много денег?» следует учитывать, что 2/3 населения России последние почти 20 лет решали только одну задачу — выживания и борьбы с бедностью и даже нищетой. Представляется, что степень важности того или иного блага или ресурса пропорциональна его наличию (политэкономическая теория предельной полезности в чистом виде). Реальные ценности-мотиваторы россиян выявляются при ответе на конкретные альтернативные вопросы (рис. 2.1.75).

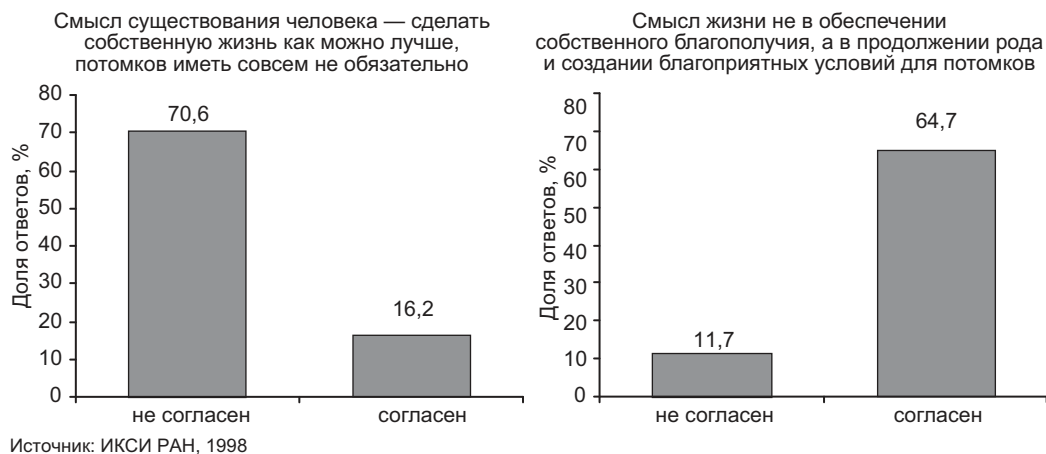

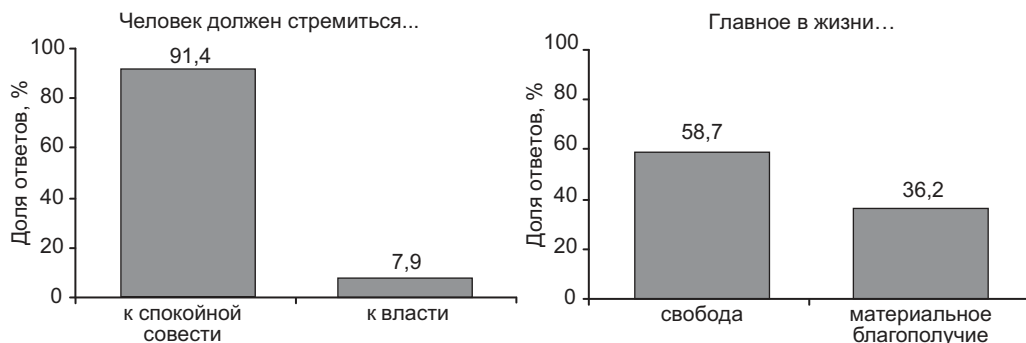
Рис. 2.1.75. Материальные и нематериальные ценности россиян

Однозначен выбор подавляющего большинства населения России в пользу истинных ценностей и против ценностей материального благополучия (рис. 2.1.76).

Здесь категорически опровергается утверждение о выраженном стремлении типичного россиянина к личной власти.

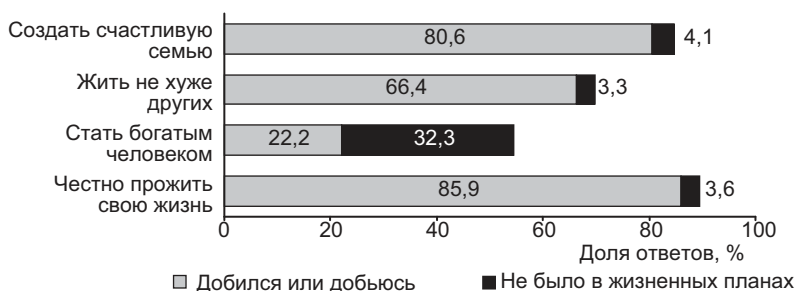
Стремление стать богатым человеком отсутствует у большинства членов российского общества и не является ценностью-мотиватором социального поведения (рис. 2.1.77).

⁹¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. Соч. М.: Эксмо, 2003.

Источник: ИКСИ РАН, 2001

Рис. 2.1.76. Ценностный выбор как альтернатива материальному и меркантильному

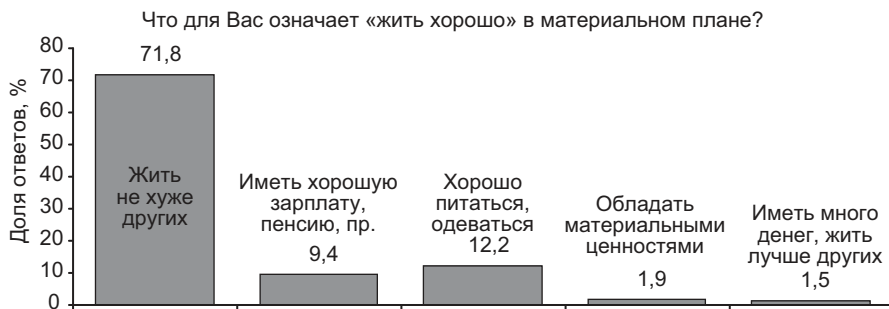

Источник: ИКСИ РАН, 2001

Рис. 2.1.77. Жизненные цели и планы россиян

Стремление к материальному благополучию для россиян означает всего лишь удовлетворение базовых потребностей, а не потребление во имя потребления и богатство во имя приумножения богатства.

В этом смысле отношение к материальным ценностям российского общества близко к отношению к ним советского общества (рис. 2.1.78).

Источник: исследование «Тенденции советского образа жизни», 1981

Рис. 2.1.78. Отношение к материальным ценностям в советском обществе

Итак, преобладание нематериальных ценностей в российском обществе над материальными — это не миф, а реальность, которая соотносится с глубинным цивилизационным выбором.

Альтруизм

Альтруизм россиян, готовых «снять с себя последнюю рубашку», в ряде публикаций подается также как миф, выражается «серьезная озабоченность низким уровнем альтруистических, солидаристских ценностей в российском обществе».

Конечно, навязчивая телевизионная реклама, постоянно подчеркивающая «мое удовольствие», «я заслуживаю», направлена на развитие эгоизма, который способствует гордыне. Однако социологические данные свидетельствуют о несостоятельности утверждения, что «у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей... и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им “эгоистических” ценностей» (рис. 2.1.79).

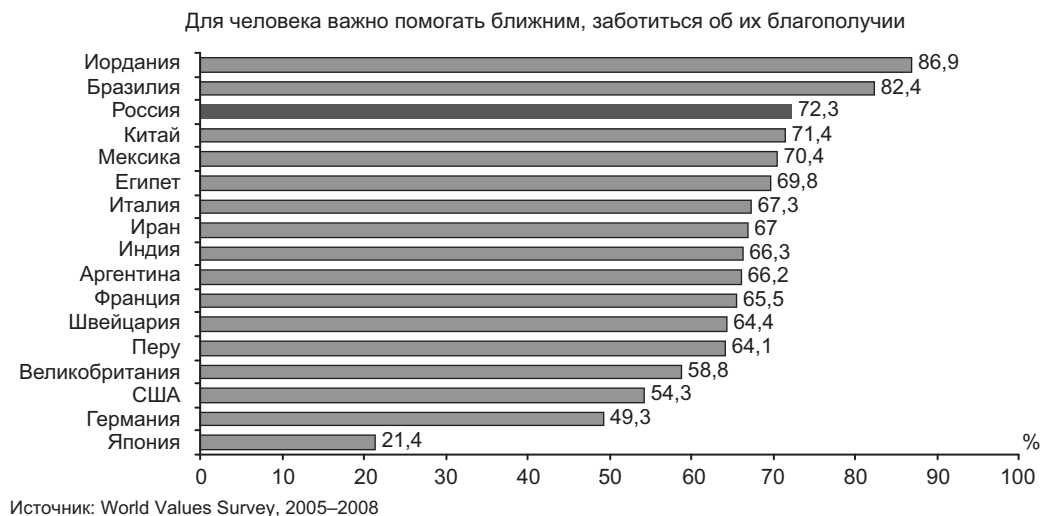
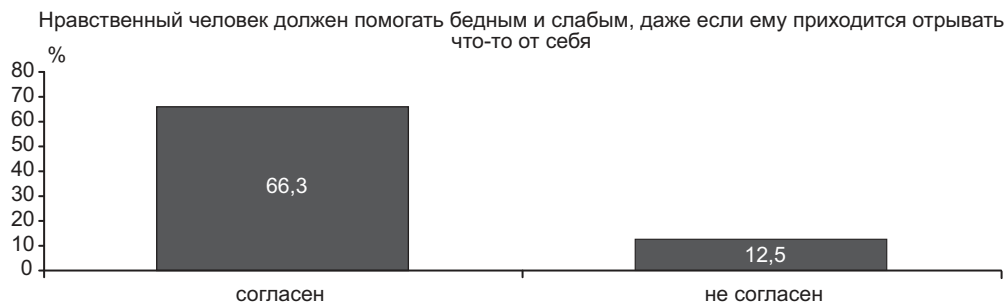

Рис. 2.1.79. Ценность альтруизма

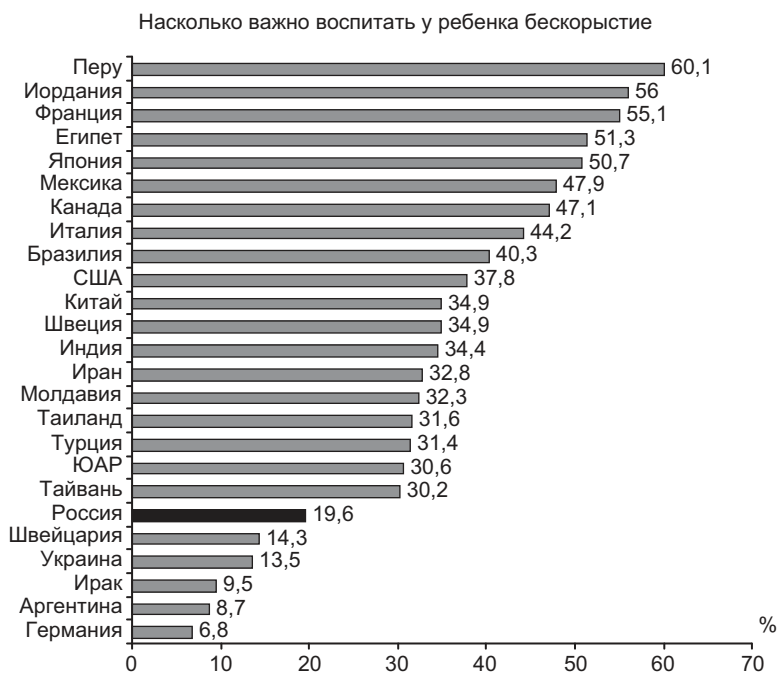
Более того, европеец заботится о слабых и обездоленных из чувства долга, он не склонен их жалеть и даже не очень любит, и уж конечно, в его помощи нет места солидарности. Русский же помогает именно из жалости (рис. 2.1.80).

Однако наблюдается интересный момент. Следствием навязываемых обществу реформ и падения уровня жизни россиян явилось смещение некоторых ценностных воспитательных ориентиров (рис. 2.1.81).

Источник: ИКСИ РАН, 1998

Рис. 2.1.80. Мнение россиян не поменялось даже в разгар кризиса 1998 г.

Источник: World Values Survey, 2005–2008

Рис. 2.1.81. Воспитательный ориентир: бескорыстие

Так, бескорыстие, оставаясь ценностью большинства взрослого населения России, больше не представляется важным воспитательным принципом.

Труд

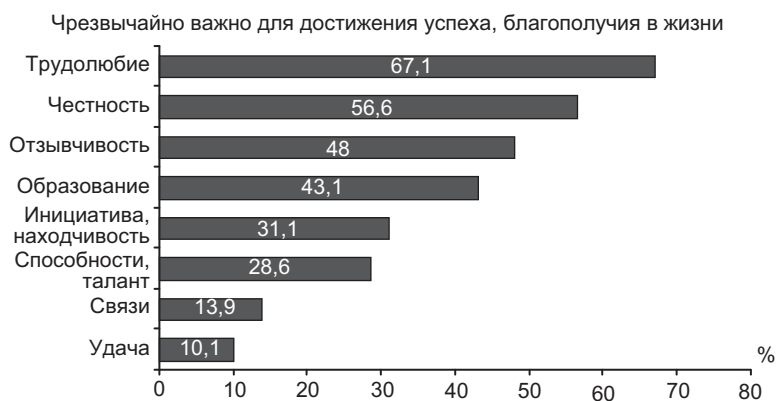
Труд, являющийся источником общественного богатства и жизненных благ, лежит в основании всех морально-этических систем. Доступность и размеры оплаты труда определяют отношение к нему, нравственную ат-

мосферу в обществе. С трудом, его формами, характером и распределением результатов напрямую связана социальная справедливость — одна из фундаментальных категорий всех известных морально-этических систем. Дискриминация ценностей труда, социальной справедливости, мотивации и этики трудовой деятельности приводит к деформации морально-этической системы, криминализации общественных отношений.

Реалии нашего времени таковы, что этические социально значимые нормы и ценности трудовых отношений перестали быть центральными категориями экономических и политических программ⁹².

Однако ценность труда была исторически значима для российского социума (рис. 2.1.82).

Источник: Исследование «Тенденции советского образа жизни», 1981

Рис. 2.1.82. Значимость труда для достижения благополучия в СССР

В советском обществе, вопреки навязываемым представлениям, именно труд, по мнению общества, являлся главным фактором достижения жизненного успеха, а не наличие связей и «нужных людей». В современном российском обществе ценность труда если и снижается, то в сравнении с другими странами остается значимой (рис. 2.1.83).

Если брать на веру утверждение о пренебрежении россиянами трудом, то в западных обществах, по сравнению с российским, можно говорить о его категорическом неприятии.

Ценность труда также является главным воспитательным ориентиром для российского общества (рис. 2.1.84).

Очевидно, что невозможно полагать самым важным в воспитании детей то, к чему относишься с пренебрежением.

⁹² Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций. Статья // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 27–45.

Источник: World Values Survey, 2005–2008

Рис. 2.1.83. Мнение о целесообразности понижения ценности труда

Источник: World Values Survey, 2005–2008

Рис. 2.1.84. Воспитательный ориентир: труд

Душа (религия)

Именно религия во многом исторически определяла и культуру, и жизненный уклад, и характер народов. Православие существенно формировало базовые ценности российского общества и обуславливало его идентичность, а также принципиальные отличия от европейского общества. Русская православная религиозность существенно отличается от западной католическо-протестантской.

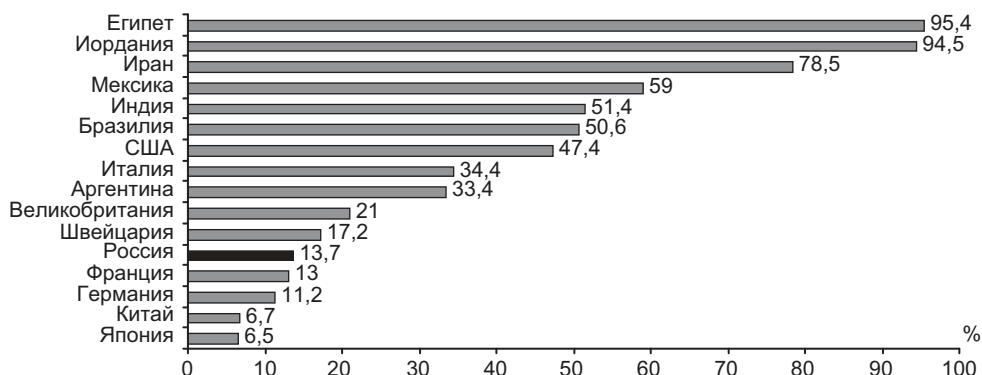
Католичество ориентировано на всеобщее, вселенское (греч. *katholikos* — всеобщий, вселенский) распространение христианства, ибо все народы должны подчиниться наследнику первоапостола Петра — Папе Римскому. Католики убеждены, что они должны обратить и переделать человечество, используя все допустимые мирские средства. Это — установка на религиозную экспансию. Католическая религиозность породила идеологию европоцентризма. В этом протестантизм не отличается от католичества.

Православное же мирозерцание онтологически не агрессивно, оно не разделяет людей на избранных и отверженных. Православие сосредоточено на защите подлинно христианского (православного) взгляда на мир, это установка на сохранение чистоты. Это установка на спасение человека и преобразование мира. Православные искренне считают, что они призваны сохранить унаследованную от святых отцов Церкви правую веру, они знают, как истинно (правильно) славить Бога. Православная религия более созерцательна, углубленна, терпима, она отрицает насильственное распространение своего учения и несвободу совести. Русская Церковь не проводила политики насильственного крещения, что было очень распространено на Западе.

Православие признает свободу вероисповедания и отвергает инквизицию, пытки и истребление еретиков. «Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяких посторонних мотивов, особенно от застраживания, политического расчета и материальной помощи (“благотворительность”); оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает “правоверие” благотворителя. Православие взывает к свободно-человеческому сердцу. Католицизм — взывает к слепо покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписания (законничество)... Православие идет в глубь души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели», — писал философ И.А. Ильин. На Западе, отмечал О. Шпенглер, господствует «воля к власти... стремление придать своей морали всеобщее значение, принудить человечество подчиниться ей, желание всякую иную мораль переиначить, преодолеть, уничтожить... Кто иначе думает, чувствует, желает, тот дурен, отступник, тот враг». Таким образом, терпимость — отличительная черта православия, и напротив, нетерпимость к инаковости имеет корни в католичестве и протестантизме.

В современном российском обществе в силу советского богоборчества ценность религии в значительной степени утрачена (рис. 2.1.85).

Однако есть более глубокий психологический срез отношения личности с религией. Образно он отражен в утверждении такого рода: «я атеист, но я православный атеист». Государственное богоборчество дает свои плоды через поколения, но является, к счастью, обратимым.

Источник: World Values Survey, 2005–2008

Рис. 2.1.85. Ценность религии

Интересны в этом плане неопубликованные данные Всесоюзной переписи 1937 г., включавшей вопрос о религиозной принадлежности. Так, 80% опрошенного населения ответили на вопрос о религии⁹³. Верующих среди них оказалось 56,7%. С большой долей вероятности можно предположить, что в основном 20% не ответивших на вопрос о религии были верующими, так как отказ от ответа на вопрос преимущественно был мотивирован страхом перед преследованиями верующих. Значительна была и доля населения, уклонившегося от переписи по этим же соображениям. Таким образом, по меньшей мере 65% советских граждан в 1937 г. (спустя поколение от 1917 г.) были верующими. Оценить глубину этой веры можно вспомнив, в каких исторических условиях и какой ценой гражданам удавалось ее сохранять.

В современном российском обществе тиражируются утверждения о всплеске религиозности после распада Советского Союза, культивируется миф о состоявшемся религиозном возрождении россиян. Но это не вполне так.

Согласно социологическим опросам, более 70% россиян считают себя приверженцами какой-либо религии. Однако что представляют собой современные российские «верующие»? Анализ социологических опросов на тему отправления религиозных обрядов позволяет утверждать, что подавляющее большинство номинированных верующих в России в действительности имеют к религии весьма отдаленное отношение (рис. 2.1.86).

Лишь 8% населения хотя бы раз в месяц исполняют религиозные обряды; таким образом, 70% самоидентифицировавшихся верующих оказываются религиозными относительно. Чаще всего под верой ими понимается собственное индивидуальное квазирелигиозное мировоззрение, не соответствующее ни одной из конфессиональных практик.

⁹³ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. Монография. М.: Наука, 1991.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

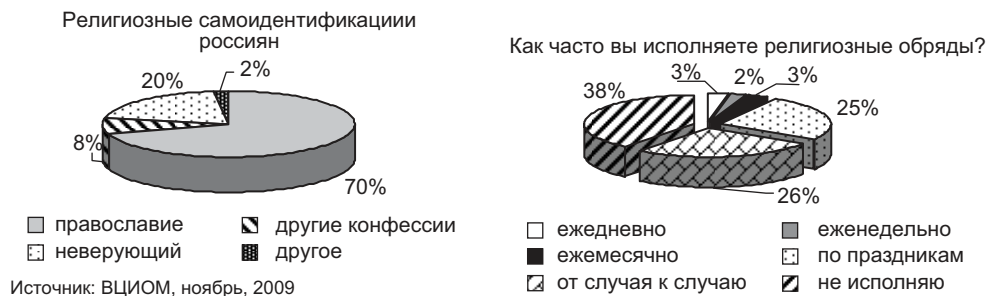

Рис. 2.1.86. Религиозные самоидентификации и религиозные обряды

Таким образом, численность воцерковленных православных в российском обществе составляет менее 8%.

Отсутствие значимости ценности религии среди реальных ценностей-мотиваторов современного российского общества подтверждается при межстрановом сравнении долей населения, отправляющего религиозный обряд не реже одного раза в месяц (рис. 2.1.87).

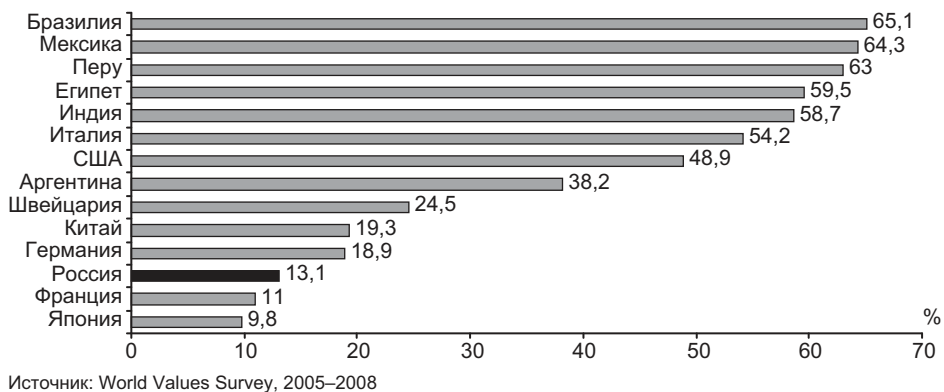

Рис. 2.1.87. Отправление религиозных обрядов респондентами по странам

Положение Церкви в этом отношении гораздо хуже, чем было при советской власти. За внешней массовостью и официальным респектом православие, как традиционная религия России, оказалось едва ли не уничтоженным. Трудно считать православным христианином человека, не имеющего даже представления о христианской молитве. Характерно, что в США верующими считаются люди, регулярно читающие Священное Писание (ежедневно — 20% американцев, не реже одного раза в неделю — 30%), а также посещающие церковь еженедельно и регулярно участвующие в таинстве причастия (в тех религиозных направлениях, где оно существует)⁹⁴.

⁹⁴ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009.

Религиозная вера также не является значимым воспитательным ориентиром (рис. 2.1.88).

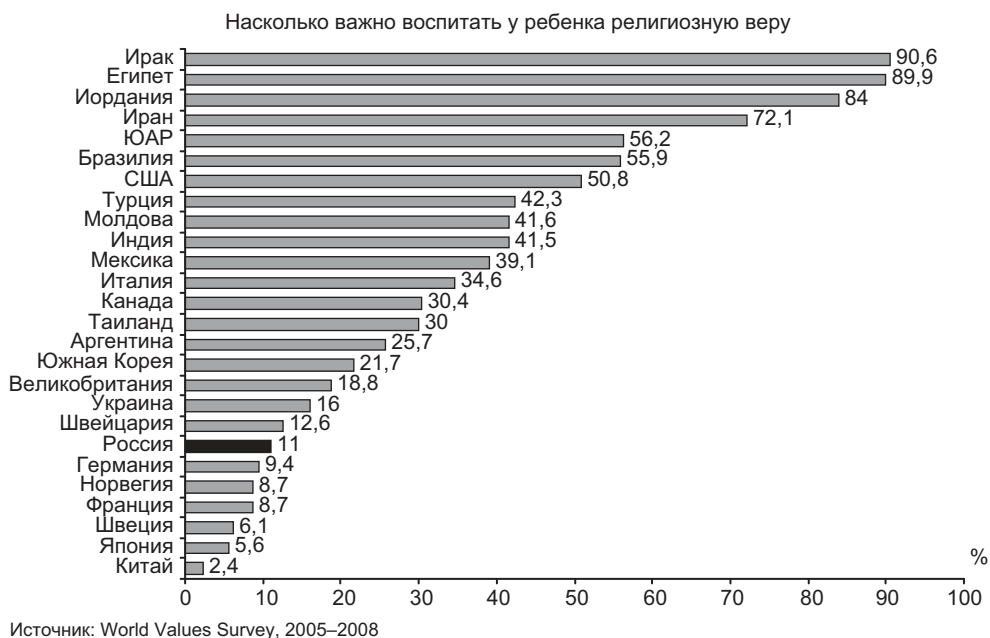

Рис. 2.1.88. Воспитательный ориентир: религиозная вера

Очевидно, что приведенная аргументация убедительно доказывает, что никакого религиозного «ренессанса» в российском обществе в действительности еще не произошло. А вся пропаганда, свидетельствующая о якобы всплеске религиозности, направлена на нивелирование разрушения религиозных скреп российской государственности. Есть такая информационно-психологическая технология: «В России лучшие в мире министры финансов, лучшие самолеты-истребители, Россия лучше всех выходит из кризиса — все хорошо, нечего беспокоиться и ничего делать не надо». Но как раз по этим «замазанным и заболтанным» направлениям формирования жизнеспособности страны дела в России обстоят практически хуже всех в мире.

Проблема с религиозностью народа в России стоит очень серьезно. Велико сопротивление либерального ядра власти робким попыткам восстановления веры в школе через учебную практику. И это не случайно, потому что вера действительно является цивилизационным свойством России.

Терпимость

Терпимость россиян в наивысшей степени обусловлена исторически. От природы русский народ был наделен удивительной выживаемостью, но

не за счет изживания других народов. Под непрерывными нашествиями со всех сторон, в суровых климатических и геополитических условиях русский народ колонизировал огромные территории. При этом он не истребил, не обратил в рабство, не грабил, не крестил насильственно ни один народ. В то время как колониальная политика цивилизованных западноевропейских народов привела к искоренению аборигенов трех материков, превратила в рабов население огромной Африки, а оставшихся крестили огнем и мечом — метрополии неизменно богатели за счет колоний. Русский народ, ведя не только оборонительные, но и захватнические войны, присоединяя, как и все большие народы, большие территории, нигде не обращался с завоеванными так, как это делали европейцы. От европейских завоеваний лучше жилось европейским народам, поскольку полное ограбление колоний неизмеримо обогащало метрополии. Русский же народ не грабил ни Сибирь, ни Среднюю Азию, ни Кавказ, ни Прибалтику. Россия до 1917 г. сохранила каждый народ, в нее вошедший. Она была их защитницей, обеспечивала им право на землю, собственность, на свою веру, обычаи, культуру. Россия никогда не была националистическим государством, она принадлежала одновременно всем в ней живущим. И русский народ имел только одно преимущество — нести основное бремя государственного строительства.

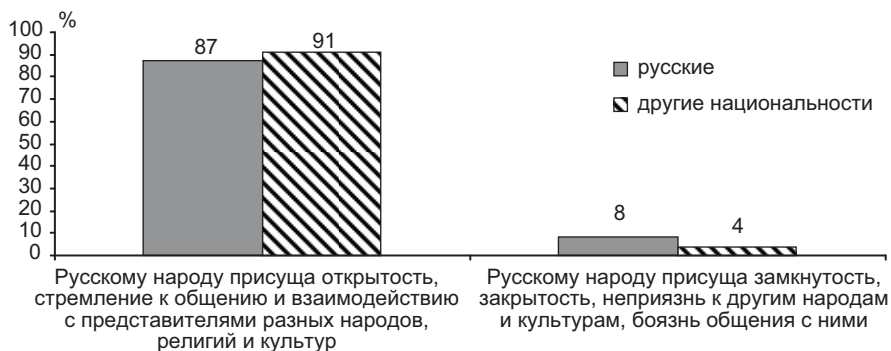
Все это говорит о том, что в русской экспансии было то, чего не было в европейской. Хотя никакие внешние обстоятельства не мешали русским вести себя на присоединенных территориях подобно европейцам-завоевателям. Кавказцы защищались так же упорно, как индейцы Северной Америки, Средняя Азия обладала богатствами, как и государства инков и ацтеков в Южной Америке, но нигде эти схожие обстоятельства не смогли заставить русских вести себя схожим с поведением «цивилизованных» европейских народов образом. Значит причины этого отличия внутренние. Необходимо признать, что русский народ в аналогичных обстоятельствах вел себя далеко не аналогичным с европейцами образом и проявил несравненную терпимость и человечность.

Русским людям меньше свойственны ксенофобские настроения, о чем свидетельствует и пронизанная заимствованиями русская культура, и многонациональная жизнь столиц, и множество представителей инородцев во власти во все века. Ничего подобного невозможно представить в европейских странах. Интернационализм и космополитизм американской цивилизации целиком выстроен на костях несогласных. Русская же цивилизация строилась соборно, совместно со всеми народами евразийского континента⁹⁵.

Русский народ и в современной России сохранил свою веками складывавшуюся терпимость (рис. 2.1.89).

---

⁹⁵ Аксютин В. Характерность русского характера. Статья // <<http://www.pravoslavie.ru>>.

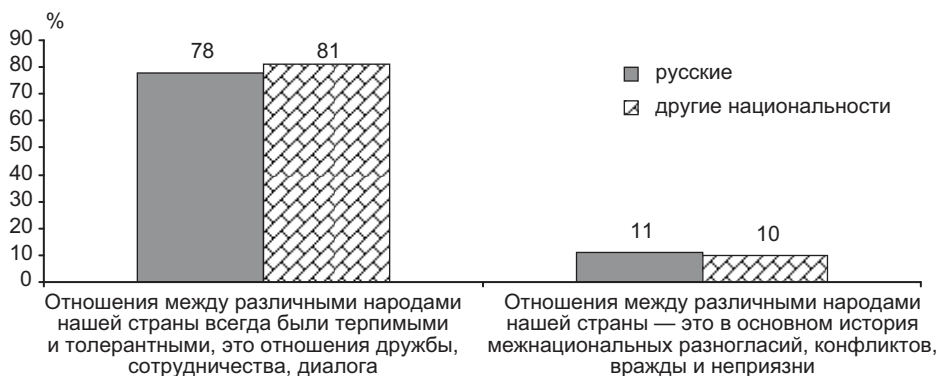

Источник: ВЦИОМ, 2007

Рис. 2.1.89. Россияне о терпимости русского народа

И это, судя по социологическим данным, не проявление национального нарциссизма. Опросы показывают, что практически все представители различных национальностей в России отмечают открытость русских, их склонность к общению и взаимодействию с представителями разных народов, религий и культур.

Традиции многовекового общежития не утрачены в современном российском обществе, несмотря на реанимацию стереотипа о России как о «тюрьме народов» и искусственное создание и поддержку русских националистических группировок (рис. 2.1.90).

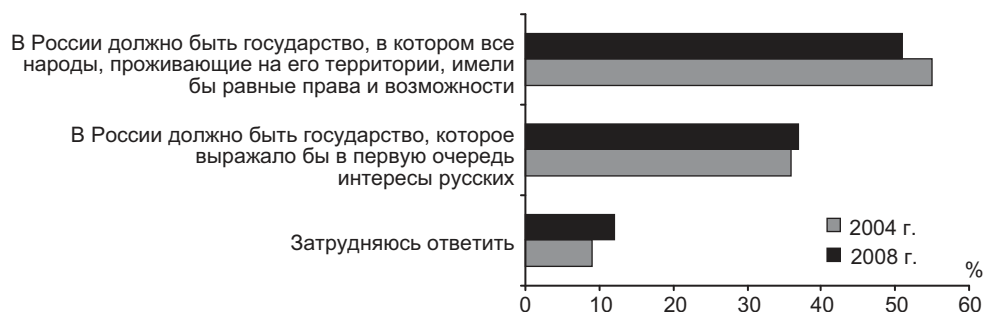
Источник: ВЦИОМ, 2007

Рис. 2.1.90. Мнение россиян об отношениях между народами в России

Подавляющее большинство россиян не отмечают межнациональной вражды и неприязни в отношениях между различными народами страны. Более того, большинство населения полагает, что ущемление государством интересов отдельных народов недопустимо, все народы должны иметь равные права (рис. 2.1.91).

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

Источник: ВЦИОМ, 2008

Рис. 2.1.91. Мнение россиян о том, чьи интересы должно в первую очередь выражать государство

И это при том, что этническая структура России относится к доминантному⁹⁶ типу, при котором преобладает одна этническая группа: русские составляют около 80% населения. Естественно, что проводящаяся политика ущемления прав и унижения достоинства русского народа дает свои результаты: появилась и увеличивается доля граждан, считающих, что государство должно выражать в первую очередь интересы русских.

Итак, «презрение к чужакам» — это не более чем плод пропитанного ненавистью к России воображения, который, тем не менее, навязывается всему миру.

Однако терпимость, хотя и проявляется преимущественно в межэтнических, межнациональных и межрелигиозных отношениях, ими не исчерпывается.

Авторами был рассчитан на основе социологических данных Европейского социального исследования индекс дискриминации в России и других странах. Респондентам задавали вопрос: сталкивались ли они с проявлениями нетерпимости по каждому отдельному признаку? Индекс дискриминации был рассчитан по всем признакам (расовому, языковому, национальному, половому, возрастному и прочим — всего 10 признаков) (рис. 2.1.92).

Таким образом, ни о какой нетерпимости россиян по отношению к кому бы то ни было говорить неверно. В ответах на вопросы исследования незначительное проявление враждебного отношения отметили в России только представители нетрадиционных сексуальных ориентаций. Но, во-первых, это отношение скорее к явлению, а не к определенным людям, а, во-вторых, согласно позиции авторов, это проявление приверженности традиционным семейным ценностям российской государственности и неприятие антиценностей разврата и сексуальной вседозволенности.

⁹⁶ По типологии Организации Объединенных Наций.

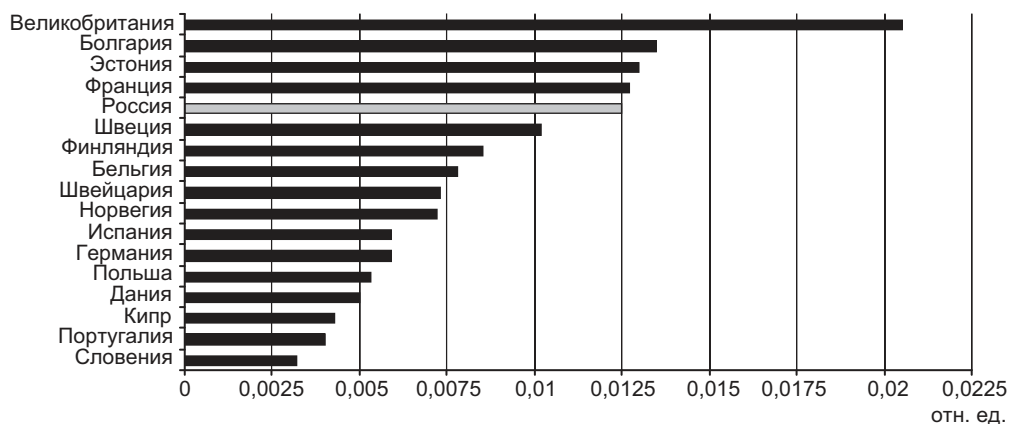

Рис. 2.1.92. Индекс дискриминации по странам

Итак, ценности российского общества отличаются от американских, китайских, европейских, исламских, латиноамериканских. Российское общество уникально по набору ключевых ценностей, его идентичность не может подвергаться сомнению. Жизненные ценности-мотиваторы россиян и есть смысловое и психоэмоциональное ядро национальной идентичности.

Не подтверждаются мифы об отсутствии отличий ценностей российского общества от ценностей западного общества потребления, о преобладании индивидуалистических ценностей в российском обществе, о меньшей, чем у западных обществ («вследствие погони за деньгами и властью») ценности семьи, о презрении к труду и ненависти к чужакам.

Не подтверждается навязываемое представление о всплеске религиозности в России. К современному «мифотворчеству» прибегают с целью деморализовать национальное сознание, искоренить базовые ценности общества, ослабить восстановительные процессы и тем самым подорвать жизнеспособность страны.

Система ценностей в России оказалась весьма устойчивой, несмотря на ведущуюся информационно-психологическую войну. Парадокс современной жизни заключается в том, что в условиях подавляющей бедности и необходимости буквально бороться за выживание, духовные ценности «сворачиваются», пребывают в латентном состоянии. Истинные ценности перестают являться мотиваторами каждодневного поведения, но они окончательно не исчезают. Колебания ценностных ориентаций вызываются именно внешними факторами, в число главных из них входит, помимо низкого уровня жизни, безусловно, деятельность СМИ. Тотальное навязывание потребительских ценностей смещает традиционные ценности россиян. В этих условиях вызывает большое опасение будущее российской молодежи, по сути лишенной каких-либо механизмов защиты от пагубного и растлевающего идеологического воздействия.

Существует опасность размывания традиционных ценностей, смены российской «культуры солидарности» на западную «культуру индивидуализма»⁹⁷.

Глубокое кризисное состояние российской экономики, провоцирующее внешнее окружение на попытки перевести этот кризис в свое политическое преимущество, дает сигнал об опасности для дальнейшего развития системы и о необходимости ее переключения на мобилизационный режим функционирования. Для того чтобы сделать «рывок», огромное значение имеют культура и общественное сознание. Для того чтобы человек добровольно ограничил себя в своем потреблении, одной экономикой не обойдешься. Здесь важно то, как мыслят люди и как соединяются они между собою в труде и общежитии.

2.1.5. Трудовые мотивации и культура труда

Трудовая мотивация и культура труда являются важнейшей цивилизационно идентичной качественной характеристикой народонаселения, влияющей на жизнеспособность страны, основой успешного существования государства (рис. 2.1.93)⁹⁸.

Рис. 2.1.93. Связь фактора «трудовые мотивации и культура труда» с жизнеспособностью страны

⁹⁷ Валянский С.И., Калужный Д.В. Понять Россию умом. Монография. М.: Алгоритм, 2001.

⁹⁸ Сулакшин С.С., Колесник И.Ю., Багдасарян В.Э. Производительность, оплата, мотивация труда и государственное управление в России. Монография. М.: Научный эксперт, 2010.

Будущее успешных государств основывается на развитии прежде всего человеческих ресурсов. Человеческие ресурсы — это не только ведущий фактор экономического развития, но и главное богатство любого общества. Человеческие ресурсы интегрируют профессионально-квалификационные и психофизиологические параметры, профессиональные компетенции, а также «капитализацию» и гуманизацию общества.

Важнейшим аспектом оценки человеческих ресурсов является способность части населения страны обладать необходимым физическим развитием, здоровьем, образованием, квалификацией, профессиональными знаниями для работы в сфере общественно-полезной деятельности (трудовые ресурсы).

В условиях снижения как потенциальных, так и фактических трудовых ресурсов вопрос трудовых мотиваций становится главенствующим.

Мотивацией труда в широком смысле принято называть субъективное отношение работников к труду, его заинтересованность (или незаинтересованность) в процессе и результатах труда, его эффективности.

Каковы были трудовые мотивации в разные исторические периоды российского государства?

По мнению Б.Н. Миронова⁹⁹, различаются два идеальных типа трудовой этики, один из которых можно назвать традиционным, или минималистским, другой — буржуазным, или максималистским. Согласно принципам минималистской трудовой морали, работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться к накоплению. Напротив, максималистская трудовая этика ориентирует человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя — на максимальную прибыль.

Основной чертой трудовой мотивации российского крестьянства было не получение прибыли, а пропитание. Это вовсе не означает, что крестьяне были ленивыми или неразвитыми. Просто смысл жизни в массе своей они усматривали не в накоплении собственности, не в увеличении власти и влияния с помощью богатства, а в спокойной и праведной жизни, которая одна только и могла обеспечить вечное спасение и добрую славу среди односельчан.

В формировании трудовой мотивации существенную роль играл культурно-религиозный фактор. Так, цели экономического поведения, ориентированного на удовлетворение насущных потребностей, а не на прибыль, были в большей степени присущи православному крестьянству.

Традиционная минималистская мотивация труда большинства российских крестьян оставалась практически без изменений до 1917 г.

---

⁹⁹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Монография. В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2000.

Крестьянин работал до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи, не стремился к накоплению, и весь годовой доход потреблял. В случае повышения потребностей семьи ввиду увеличения числа едоков он увеличивал «степень самоэксплуатации», но до определенных пределов, дальше которых крестьянин «идти не хотел».

Таким образом, трудовая мотивация крестьян была принципиально отлична от максималистской буржуазной трудовой мотивации.

Небольшие изменения трудовой мотивации в первой половине XIX в., вызванные развитием капитализма, увеличением численности рабочих, появлением около 30% крестьян, неудовлетворенных общинными порядками, в том числе и необходимостью следовать традиционной трудовой этике, которые захотели выделиться из общины и работать по новому, не изменили традиционной мотивации труда ни в городе, ни в деревне.

В результате настоящего исследования выявлены несколько факторов, влияющих на состояние трудовой мотивации и находящихся в причинно-следственной связи с жизнеспособностью страны.

Фактор признания значимости труда для жизнеспособности страны в государственной политике

Как показывают исследования, значимость (ценность) труда находится в очевидной причинно-следственной связи с жизнеспособностью страны (рис. 2.1.94).

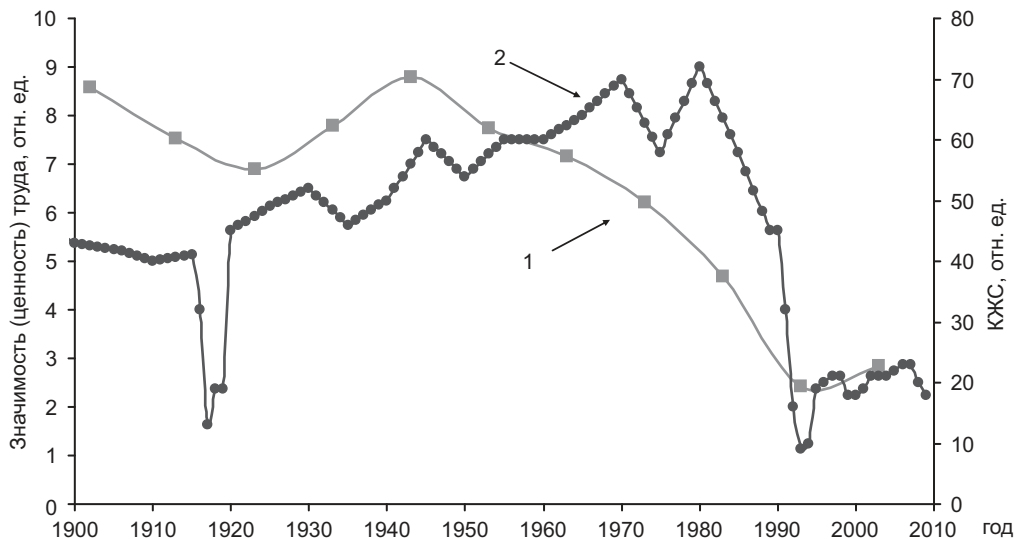

Рис. 2.1.94. Сопоставление исторической динамики значимости (ценности) труда (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Коэффициент корреляции составил 0,48, что свидетельствует о зависимости между значимостью (ценностью) труда и жизнеспособностью страны.

Между тем традиционная мотивация труда не могла обеспечить материального изобилия, поэтому народ жил скромно. Однако основные материальные потребности удовлетворялись. Подтверждением тому служит вывод историка В.И. Семевского, сделанный на основе анализа крестьянских повинностей. Согласно ему, благосостояние российских крестьян в XVIII в. было выше, чем немецких и польских и вряд ли уступало французским. Согласно выводам английского исследователя У. Тука, автора фундаментального труда о царствовании Екатерины II: «Большинство русских подданных живет лучше, чем огромное большинство населения во Франции, Германии, Швеции и некоторых других странах. Это можно сказать о всех классах».

Так, традиционная мотивация труда положительно влияла на население России и на развитие государства в целом.

Идейно-духовный фактор (значение нематериальной мотивации труда для жизнеспособности страны)

Идейно-духовный ресурс в традиционной теории экономического действия исследователями практически не рассматривается. Между тем, идейная мотивация не раз становилась решающим фактором экономического развития. Либеральный подход, построенный на противопоставлении индивидуальной мотивации командной организации труда и ее исключительно материальном характере, неоправданно упрощает факторное многообразие побудительных мотивов трудовой деятельности¹⁰⁰. Вариант, согласно которому человек может трудиться, не будучи принуждаем государством и стимулируемым ожидаемыми доходами, попросту не допускается.

Между тем, для России характерно преобладание духовных, по сравнению с материальными, факторов поведения. Сравнение экспертной оценки такого преобладания и жизнеспособности страны демонстрирует устойчивую связь (рис. 2.1.95).

Коэффициент корреляции составил 0,61, что демонстрирует причинно-следственную связь нематериальной мотивации с жизнеспособностью страны. Ее снижение, возвеличивание материальных стимулов и успехов через некоторый период времени ведет к существенному снижению жизнеспособности страны.

Между тем, вне мировоззренческого (идейно-ценностного) осмысления труд, как исторический феномен, не мог бы состояться. Трудовая деятельность — это прежде всего, по своему генезису, деятельность общественно-полезная. При понимании и имплементации этого в основы функционирова-

¹⁰⁰ Ойкен В. Основы национальной экономики. Монография. М.: Прогресс, 1996; Он же. Теория хозяйственного порядка: Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм. Монография. М.: Экономика, 2002.

ния экономики преодолевается отчуждение человека от труда. В противном случае устанавливается деформированное представление, при котором организационные средства воспринимаются в качестве цели.

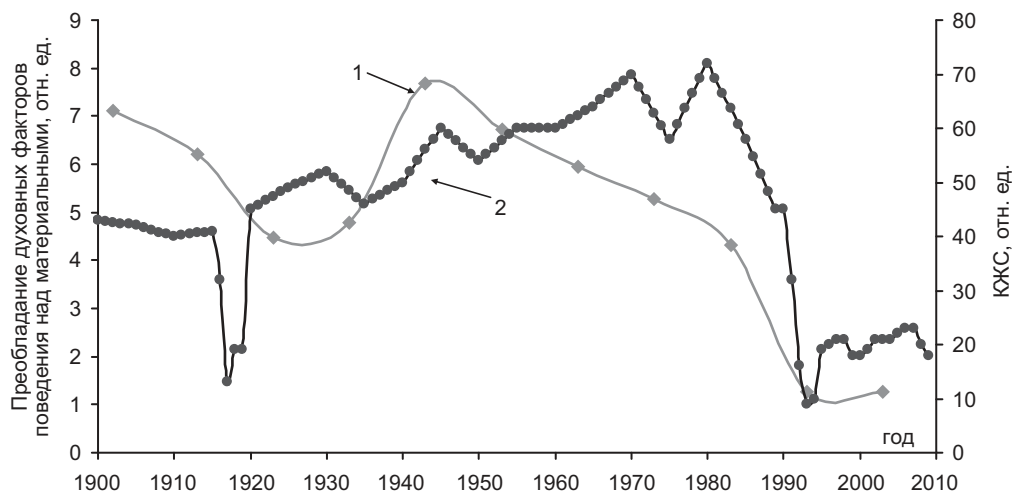

Рис. 2.1.95. Сопоставление исторической динамики преобладания духовных, по сравнению с материальными, факторов поведения (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Всякий раз при актуализации идейно-духовных мотивов труда соответствующие хозяйственные общности показывали значительно более высокие результаты, чем конкурирующие с ними экономические системы.

На основании представленных группой экспертов количественных оценок характеристик событий истории России XX столетия по 38 критериям идентификации идейно-духовного состояния была получена достаточно сложная немонотонная кривая. Идейная духовность российского общества имела подъемы и спады, будучи зависимой от деятельности государства в вопросах идеологии и национальной (цивилизационной) идентичности.

Из этого следует вывод о том, что формирование идейно-духовного ресурса можно и должно рассматривать в качестве государственной управленческой задачи. Особого внимания в контексте вопросов формирования экономической политики требует построенная на экспертной сессии зависимость отношения в российском обществе к труду. Характерно, что ее историческая изменчивость в целом совпадает с подъемами и спадами национальной экономики (рис. 2.1.96)¹⁰¹.

¹⁰¹ Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография. М.: Научный эксперт, 2007. С. 303–324; Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. Монография. М.: Наука, 2006. С. 134–136, 166–168.

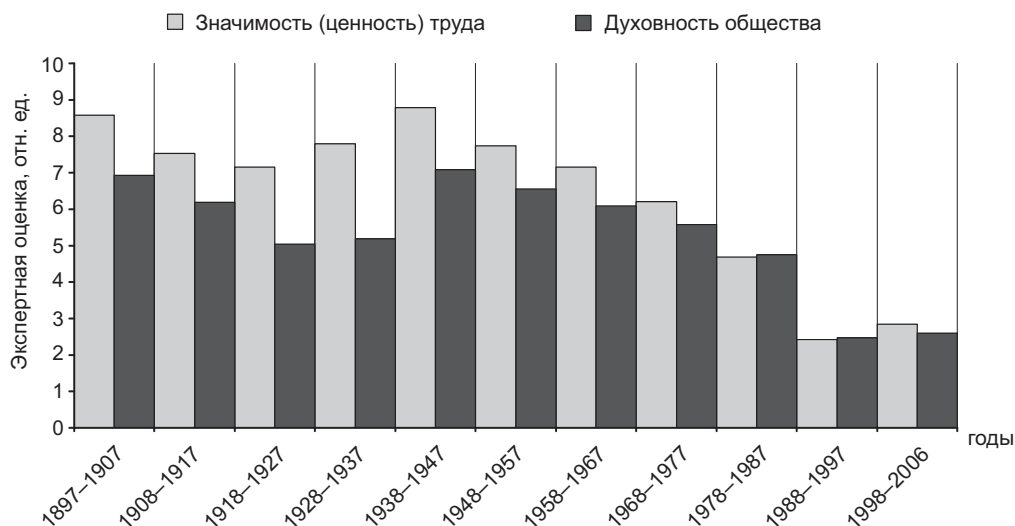

Рис. 2.1.96. Идеино-духовный фактор и отношение к труду в российском обществе в XX — начале XXI в.

Проведенный экспертный эксперимент позволил также ответить на вопрос: какой из двух факторов — идейно-духовные основания или материальное стимулирование — имеет более весомое значение для показателей экономического развития в России? Для этого по методике парной корреляции был рассчитан уровень причинно-следственной связи роста валового промышленного производства (рис. 2.1.97) с материальным уровнем (накопленные суммированные блага, определяющие качество жизни человека), идейно-духовной развитостью, а также ценностью труда в общественном сознании.

Для чистоты расчетов был взят временной интервал второй половины XX в. (1946–1950 гг.), исключая приходящиеся на первую половину форс-мажорные события масштабных войн (1904–1905, 1914–1920, 1941–1945 гг.) и революций, когда на показатели экономического развития оказывал воздействие третий — внешний фактор.

Полученные результаты с позиций неолиберальной теории выглядят просто обескураживающими. Коэффициент корреляции идейно-духовной развитости общества и роста валового промышленного производства составил плюс 0,59. Еще более весомой оказалась зависимость от фактора ценности труда в общественном сознании — коэффициент корреляции плюс 0,69.

Полученные данные доказывают значимость для российской экономики стимулов духовного содержания. А вот суммарный материальный фактор и рост валового промышленного производства находятся в России, судя по результатам проведенного анализа, в состоянии антикорреляции, давая значение минус 0,7.

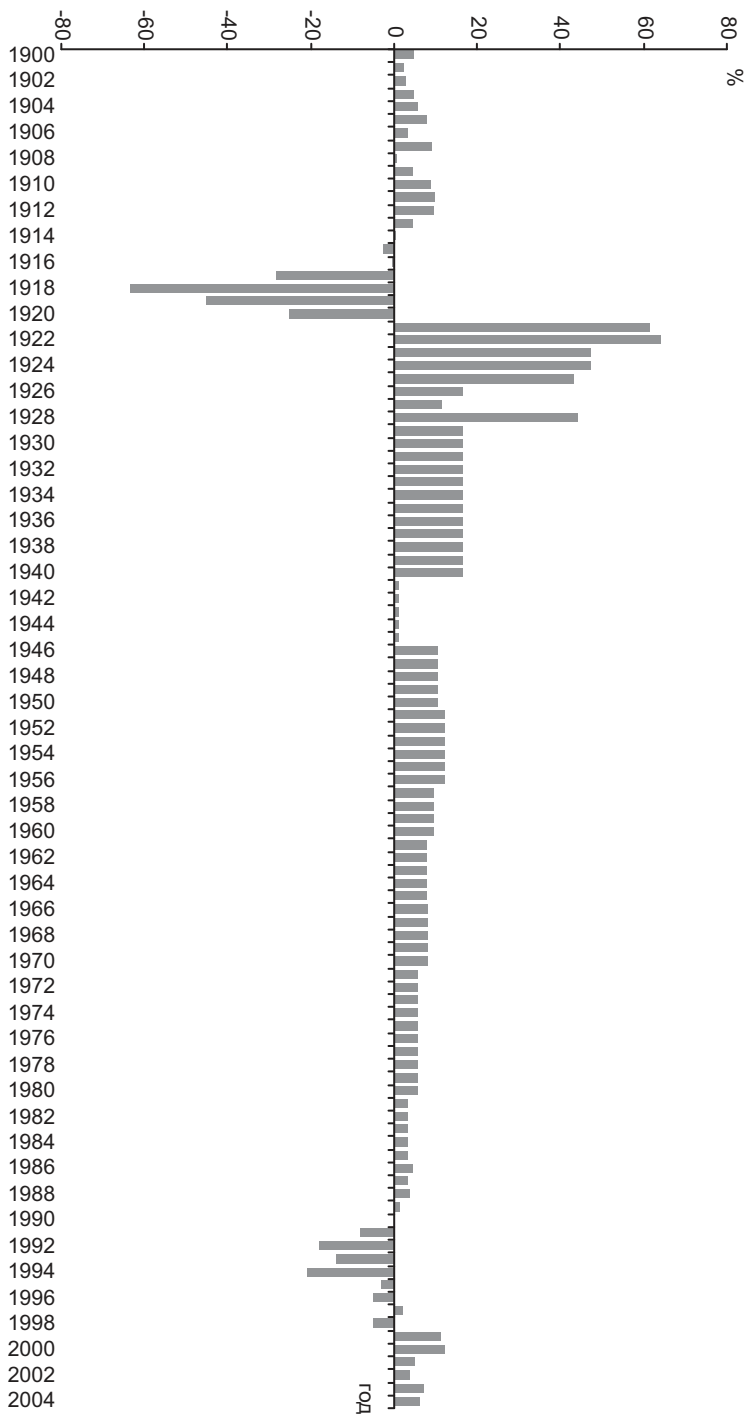

Рис. 2.1.97. Годовой прирост валового промышленного производства России

Природно-климатический фактор мотивации труда

Еще одним фактором выстраивания цивилизационной экономической специфики России явились ее особые климатические условия, предопределившие характер трудовой ритмики традиционного крестьянского хозяйства. Европейский работник трудился равнодинамично в течение почти всего года. Сравнительно мягкая европейская зима сглаживала сезонные различия трудовых затрат. Совсем другое дело — контрастный континентальный климат России. Доля труда в летнем бюджете времени русского крестьянина была более чем в два раза выше, чем в зимнем. Крестьянское хозяйство функционировало в режиме календарных рывков. На рис. 2.1.98 приводятся расчеты бюджета времени русских крестьян, полученные по проводимым по инициативе Г.С. Струмилина в 1923 г. обследованиям Воронежской губернии, на рис. 2.1.99 — распорядок для европейских крестьян. Традиционный уклад в то время еще не был окончательно разрушен, а потому созданная модель крестьянского дня может считаться репрезентативной по отношению к национальной традиции¹⁰².

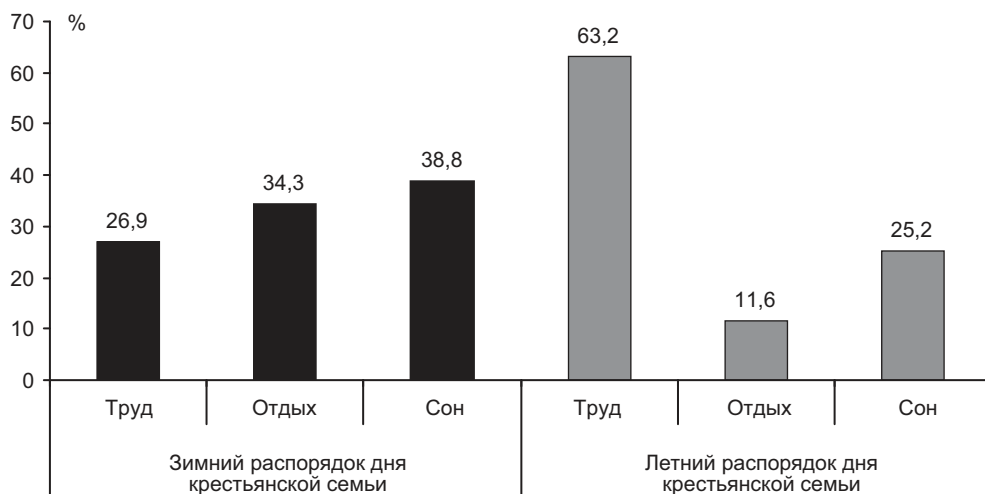

Рис. 2.1.98. Трудовая сезонная ритмика крестьянских хозяйств в России (бюджет времени)

Исследователи русского крестьянского мира пишут о закреплении сезонной ритмики труда в структуре национального менталитета в целом. Весь ход отечественной истории разворачивался по существу в режиме рывков¹⁰³. Указанная специфика национальной ментальности дает реалисти-

¹⁰² Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. Монография. М.: Госполитиздат, 1957. С. 236–259.

¹⁰³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Монография. М.: РОССПЭН, 1998.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

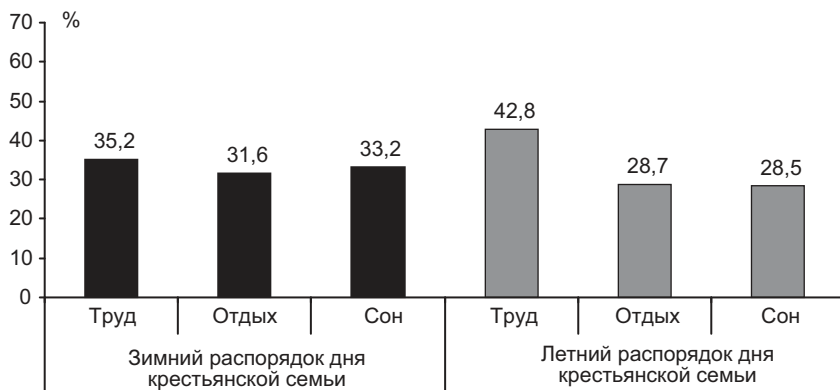

Рис. 2.1.99. Трудовая сезонная ритмика крестьянских хозяйств в Западной Европе

ческие основания для выработки стратегии форсированных экономических прорывов. Далеко не ко всем мир-экономикам она применима. Режим рывков предполагает особый формат управления, свои традиции сильного государства и коллективистско-общинные механизмы организации труда. Нужен особый командный импульс, пробуждающий Россию от зимней хозяйственной спячки. Соотношение оценки коллективизма в разные исторические периоды и коэффициента жизнеспособности страны представлено на рис. 2.1.100.

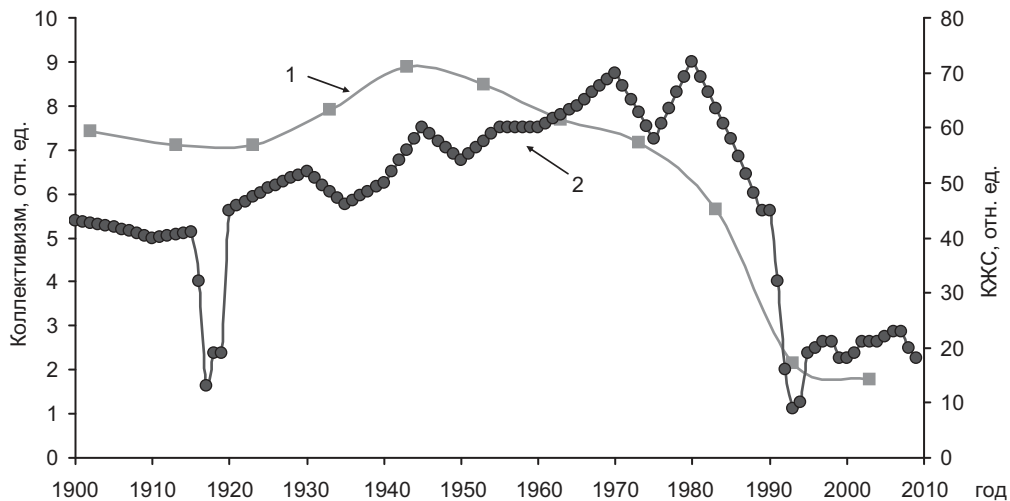

Рис. 2.1.100. Сопоставление исторической динамики коллективизма (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2). Коэффициент корреляции составил плюс 0,69.

Цивилизационно-страновое сравнение бюджета трудового времени крестьянских хозяйств позволяет также опровергнуть сформировавшийся на Западе стереотип о традиционной русской лени. Русский крестьянин работал в течение года даже больше европейца. Снижение его рабочей ритмики в зимний период связано с адаптированным к природной среде релаксационным механизмом максимального восстановления физических и эмоционально-психологических сил организма.

Правовая мотивация труда как фактор жизнеспособности страны

В послереволюционный период мотивация труда в праве носила прежде всего принудительный характер.

Конституцией (Основным законом) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов на заседании от 10 июля 1918 г.) была введена всеобщая трудовая повинность «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства». Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признавала труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашала лозунг: «Нетрудящийся да не ест».

В дальнейшем право сохраняет трудовую повинность, смягчая требования о ее всеобщем характере.

Конституция РСФСР 1925 г. предусматривала право граждан РСФСР на труд, т. е. право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

При этом провозглашалось, что право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) устанавливала, что труд в РСФСР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». Каждый гражданин РСФСР был обязан блюсти дисциплину труда. По свидетельству Л. Холмс¹⁰⁴, трудовое законодательство в 1930-е гг. сводилось к попытке обуздать путем угроз или принуждения случаи прогулов и текучку кадров. В октябре 1930 г. законом рабочий был лишен доступа к трудовой бирже на 6 месяцев за своевольное прекращение работы на фабрике. Двумя годами позже закон за такое же нарушение наказывал запрещением работы на

¹⁰⁴ Холмс Л. Социальная история России: 1917–1941. Монография. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1994.

шесть месяцев. Он также определял наказание за прогулы — лишение продуктовой карточки и жилья завода.

В 1938 г. была введена трудовая книжка для сдерживания текучки. Три безосновательных прогула в месяц признавались уголовным преступлением с отбыванием наказания в тюрьме.

В июне 1940 г. законом было предусмотрено 2–4 месяца тюрьмы за переход по своему желанию с одного предприятия на другое.

В этот период было развернуто стахановское движение как еще одна попытка мобилизовать трудовые силы. В августе 1935 г. шахтер Алексей Григорьевич Стаханов, работая 5 часов 45 минут, добыл 102 тонны угля, что соответствовало 14 нормам. Он заработал 200 руб. вместо обычных 25–30. Этот простой человек, непартийный (вступил в партию только в 1936 г.), мгновенно стал национальным героем. Его фотография не сходила с первых полос советских газет, у него была встреча со Сталиным в Кремле. Другие простые, но героические работники последовали за ним.

В западной исторической литературе стахановское движение получило различные толкования. Обычно его рассматривали как попытку заставить людей больше работать путем повышения норм, зачастую заниженных, но их повышение не особенно радовало других рабочих. Движение также рассматривалось как атака на бюрократов и специалистов, которые, якобы, противились народной инициативе повышения производительности труда.

Однако стахановское движение прежде всего было необходимо как пример для подражания и распространения. Следствием поддержки движения были премии, привилегии, известность и слава (включая личную встречу с вождем). Это и стало повышением психологической значимости и престижности труда, нематериальной мотивацией индивидуальной производительности труда.

В дальнейшем в конституционном и трудовом праве был провозглашен запрет принудительного труда.

В ходе рыночных либеральных реформ 1990–2000-х гг. новая система хозяйствования, переход организации производства в частные руки, значительное снижение уровня вмешательства государства в регулирование различных общественных отношений повлекли кардинальные изменения в конституционно-правовом регулировании общественных отношений в сфере наемного труда. Государство объявило новый конституционный принцип — свобода труда.

Однако из этой конституционной схемы выпала важнейшая конституционно-правовая гарантия равенства и допустимости лишь недискриминационных отношений в этой сфере, что требует равного потенциала работника и работодателя, позволяющего говорить о свободе этих отношений. Но работодатель и работник потенциально не равны в своем экономическом положении. Диктует свои условия экономически сильная сторона —

работодатель, т. е. регулятор, который «работает» в ст. 8 Конституции РФ и обеспечивает свободу экономической деятельности, никак не может быть адекватным в отношениях в сфере труда.

Свобода труда, таким образом, с позиций системного анализа российской государственности, сферы экономики никак не может быть истолкована как равенство работника и работодателя в трудовых отношениях, а соответственно, и в вопросах их обеспечения. Из названных конституционных норм вовсе не следует, что свобода труда обеспечит равные возможности работников на получение работы, тогда как работодатель свободен в своей экономической деятельности. Из этого постулата никак не вытекает социальное устойчивое равновесие.

Право человека выступать свободным в трудовых отношениях, т. е. не испытывать никакого, в том числе и экономического, принуждения более сильной (экономически) стороны правоотношений (работодателя) в сфере труда не достигается при таком толковании ст. 37 Конституции РФ. Между тем каждая норма Конституции действует в системе тех правоотношений, которые реально обеспечивают ее действительный конституционно-правовой смысл.

Свобода экономической деятельности работодателя на рынке труда автоматически означает отсутствие такой свободы у работника (он не конкурент работодателю).

Логика конституционного регулирования требует поиска механизмов, способных обеспечить реальную и действительную свободу труда, отсутствие экономического принуждения. Их основа заложена в ряде статей Конституции РФ. Так, ст. 7, провозгласившая Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и ст. 37, закрепившая наряду со свободой труда право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, а также право на защиту от безработицы, частично выражают конституционно-правовое наполнение принципа свободы труда. Содержащиеся в этих статьях качества (элементы) свободы труда не могут возникнуть и сохраниться в условиях произвольного поведения работодателя на рынке труда. Исходя из смысла конституционного регулирования, государство обязано создавать соответствующие условия правового регулирования трудовых отношений.

Отказ с 1990-х гг. государства от регулирования трудовых отношений в целом и мотивации труда в частности привел к тому, что позиция государства по отношению к принципу права на труд в его прежнем (доперестроенном) смысле однозначно не выражена. Это дает определенные основания сомневаться в сохранении конституционного права граждан на труд, понимаемого как гарантированное государством право на трудоустройство, и

рассматривать свободу труда как отсутствие обязательств государства, а соответственно, и работодателя по обеспечению права каждого на труд.

Между тем, государство должно поддерживать баланс интересов лиц наемного труда, самозанятых, работодателей и общества в целом. Государство может в условиях борьбы с безработицей принимать достаточно жесткие меры, направленные на ограничение права выбора работы. Так, безработного могут обязать пройти профессиональную переподготовку. Его труд может быть использован на общественных работах. Поиск им работы может быть интенсифицирован. Всякого рода обязывающие факторы могут быть увязаны с сохранением статуса безработного и выплатой соответствующего пособия. Однако нельзя не отметить, что действия государства здесь ограничены конституционными положениями о возможных пределах ограничения конституционных прав (ч. 2 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

В современном праве не существует административной и иной ответственности, а равно нет и в Уголовном кодексе Российской Федерации статьи об ответственности за «ведение паразитического образа жизни» (тунеядство). Однако государство не может не задаваться вопросом, какими источниками средств существования обладают лица, официально нигде не числящиеся. Необходимо это прежде всего для создания благоприятной атмосферы в обществе, предотвращения социальных конфликтов, профилактики преступлений, связанных с получением средств существования.

Экономический и правовой нигилизм в регулировании трудовых отношений в целом и мотивации труда в частности привел к крушению выстроеной в советские годы системы мотивации.

По мнению А.А. Сарно¹⁰⁵, одним из тревожных симптомов стал резкий спад трудовой мотивации в период с 1989 г. по 1993 г. Данные ВЦИОМ, использовавшего традиционную четырехэтажную шкалу мнений для оценки трудовой мотивации, в 1989 г. продемонстрировали, что большинство наемных работников (54%) достигали относительно высокого, третьего уровня: «нахожу труд интересным, но не даю ему мешать остальным делам». В августе 1993 г. их доля упала до 14% и до настоящего времени не поднималась выше 23%.

Низкая мотивация, выражаемая вторым уровнем («труд — это дело, чем больше платят, тем больше делаю»), в 1989 г. характеризовала 25% работников, а в августе 1993 г. — уже 58%. До сего дня она не опускалась ниже 45%.

Доля работников, выбравших четвертую позицию шкалы («хотел бы вложить в труд все лучшее, независимо от оплаты»), осталась неизменной и колебалась в диапазоне от 11 до 18%. То же самое можно сказать о занявших низ шкалы с позицией «труд — неприятная обязанность; если бы мог, не работал бы». Их доля колебалась в диапазоне 6–15%.

¹⁰⁵ Сарно А.А. Типы трудовой мотивации и их динамика. Статья // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 44–45.

Таким образом, уровень трудовой мотивации — эффективный показатель хода реформ; у большинства населения нет симптомов для ее повышения, что подтверждается зависимостью уровня мотивации производительности труда от его оплаты (рис. 2.1.101).

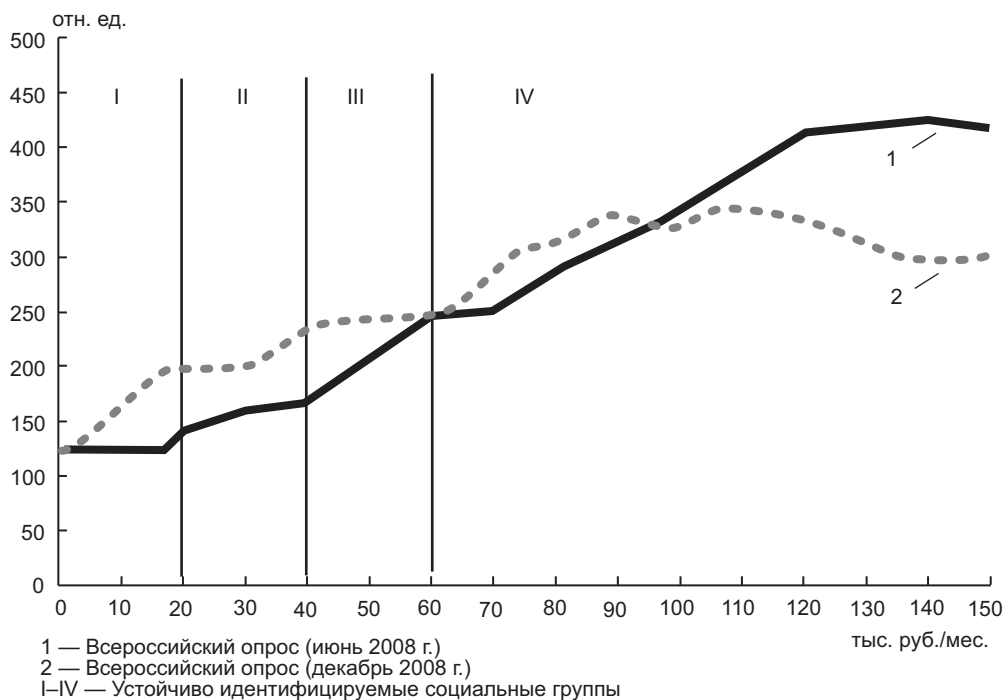

Рис. 2.1.101. Зависимость уровня мотивации производительности труда от его оплаты

Тип мотивации тесно связан с теми социальными ролями, которые работники выполняют, будучи поставленными в данные трудовые отношения. Формирование механизма мотивации носит характер публично заявленного ответственного диалога субъектов и институтов власти с субъектами трудовых отношений, группами наемных работников и населением в целом.

Мотивационный общественный диалог имеет характер сознательно регулируемого процесса, субъекты которого повышают взаимную компетентность по мере его развития.

В предыдущие десятилетия социальная роль работника определялась его местом в трудовом коллективе. Сам коллектив менял свою форму, детерминируя трансформацию ролей работников. Соответственно, динамика социального содержания роли работника во многом определяла основные мотивационные доминанты трудовой активности и влияла на формирование субкультуры труда.

Реформы 1990-х гг. уничтожили трудовой коллектив как социальную группу людей, исключив его как субъект трудовых правоотношений.

Законодательством исключена также возможность создания политических партий по профессиональному признаку. Роль трудового коллектива для целей трудовой мотивации сведена к минимуму. Российская Конституция освободила граждан от фетишизации труда, символической присяги труду как всеобщей повинности. Но государство не создало новую систему мотивации труда, учитывающую национальные традиции, исторический опыт, природно-климатические факторы.

В ходе анализа страновой вариативности менеджерской аксиологии важным являлся вопрос о различии национальных мотиваторов трудовой деятельности¹⁰⁶. Комплексное исследование на этот счет по ряду стран мира было проведено под эгидой Международной организации труда еще в 1980-е гг. На первом месте, как и следовало ожидать, оказался мотиватор получения необходимого дохода. Однако ни в одной из стран он не составлял и половины мотивационной значимости. Остальные факторы варьировали по своей весомости для разных стран, указывая на необходимость отказа от универсальных рецептов мотивации труда (рис. 2.1.102)¹⁰⁷.

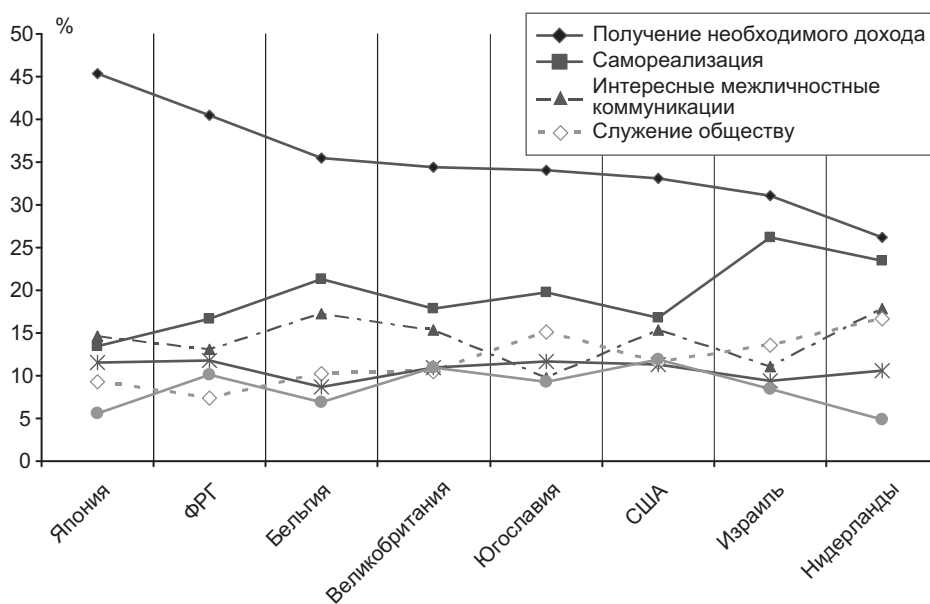

Рис. 2.1.102. Мотивационное значение функции труда по ряду стран мира

¹⁰⁶ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М.: Научный эксперт, 2009.

¹⁰⁷ Ropen S. Comparative and multinational management. N.Y.: John Wiley & Sons, 1986; Сравнительный менеджмент. Учебное пособие / Под ред. С.Э. Пивоварова. СПб.: Питер, 2006. С. 69.

Вместе с тем в России действует устойчивый иной принцип трудовой мотивации, основанный на нематериальной мотивации.

Идейно-духовные нематериальные мотиваторы

Проблема труда не может быть ограничена вопросами материального обеспечения трудящихся. Более того, сугубо материализованный подход к трудовой деятельности обрекает экономическую политику в целом на неуспех. Если стимулы к труду исчерпываются доходом, то еще более предпочтительным может оказаться получение дохода и вовсе без трудового напряжения. Потребительская, да и криминальная, мораль подменяет таким образом трудовую, что в целом негативно сказывается на состоянии экономической системы.

При применении методологии рассмотрения экономики, идущей от человека, а не наоборот, выявляются и другие аспекты природы труда. Во-первых, наряду с материальным стимулированием применяется и идейно-духовная мотивация трудовой деятельности. Для базирующейся на религиозных ценностях традиционной морали труд есть божественная заповедь, процесс сакральный, а в определенных культурах даже теургичный. Во-вторых, труд выступает в качестве одной из форм общественного служения. Престижность труда, трудовой подвиг относятся именно к данному ресурсу мотиваций. Вряд ли может быть названа подвигом деятельность, определяемая мотивом личного стяжания. Вероятно, это только та деятельность, которая осуществляется во имя всего общества.

В-третьих, через труд, как базовый компонент общественных отношений, осуществляется социальная самореализация человека. Критерии признания профессионального или карьерного роста зачастую оказываются более значительными, чем материальное стимулирование.

Пример эффективности целенаправленного использования в качестве катализаторов трудовой деятельности психологических установок самореализации являет собой экономическая система Японии.

Из признания многофакторной природы мотивировки труда следуют концепты управленческих решений: во-первых, разработка комплекса воспитательно-пропагандистских мер по развитию идейных основ трудовой этики (трудовое воспитание, трудовая пропаганда); во-вторых, установление государственных мобилизационных механизмов реализации трудового общественного долга (общественные работы); в-третьих, совершенствование практики нематериального поощрения, согласованной с психологическими амбициями человека (механизм устойчивого карьерного роста, коэффициенты профессионализма, почетные звания, награды, пожизненный найм).

Наряду с этической природа труда содержит и эстетическую составляющую. Богатым опытом эстетизации трудовой деятельности обладал Со-

ветский Союз. Героизация производственной тематики являлась одним из функциональных назначений соцреализма. При всей справедливости упреков о лакировке действительности советская художественная культура решала важную общественную миссию создания привлекательного образа человека труда. Госсозаказ на пропаганду художественными средствами эстетики труда может рассматриваться как одно из управленческих решений в новой конструируемой экономической политике России.

Народная афористическая мудрость содержит в своем арсенале двоякий образ трудовой мотивации — «кнута и пряником». Восток, исторически репродуцируя государственно-патерналистскую систему азиатского способа производства, избрал в качестве основного средства «кнут» (что может быть приравнено к государственному принуждению). Запад в своем экономическом развитии сделал ставку на «пряник» (материальное стимулирование).

Россия, имея в виду ее цивилизационную специфику, равнообращенность как к Востоку, так и Западу, может гармонизировать крайности обоих подходов, восстановив амбивалентную природу трудовой мотивации. Предлагаемая авторами версия экономической политики равно отрицает абсолютизацию и «кнута-командной» модели коммунистического эпохи, и «прянично-либеральной» системы постсоветского периода. Ее принципиальным подходом, обеспечивающим шансы на долгосрочный успех, является синтез позитивного потенциала обоих мотивационных механизмов.

Исследования материальной и нематериальной (см. ниже) мотивации труда демонстрируют особенные черты Российского государства, которые отличают ее от других стран (рис. 2.1.103)¹⁰⁸.

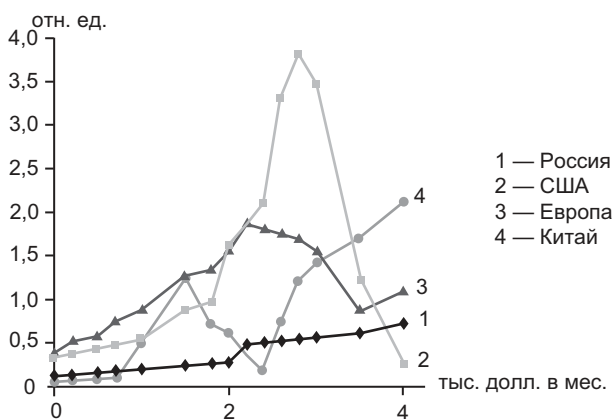

Рис. 2.1.103. Экспертная оценка материальной мотивации к производительному труду

¹⁰⁸ Сулакшин С.С., Колесник И.Ю., Багдасарян В.Э. Производительность, оплата, мотивация труда и государственное управление в России. Монография. М.: Научный эксперт, 2010.

В России исторически велика роль нематериального мотиватора трудовой деятельности, который «верой и правдой» служил советскому государству в самые успешные периоды его существования.

Согласно авторским исследованиям¹¹, в России мотивация индивидуальной производительности труда в зависимости от нематериального социального пакета имеет вид, показанный на рис. 2.1.104.

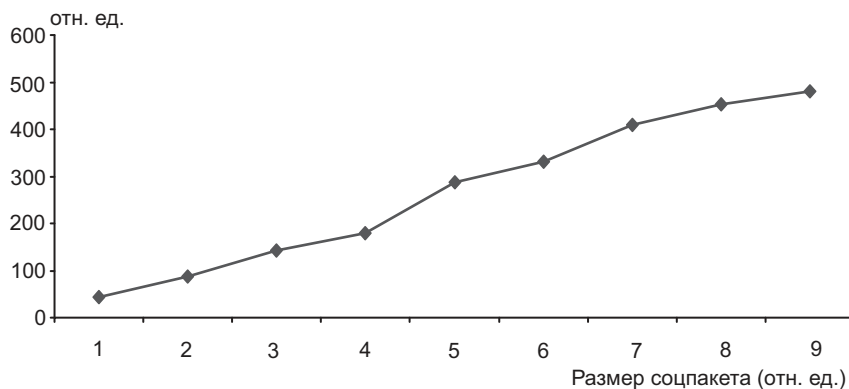

Рис. 2.1.104. Готовность интенсифицировать свой труд в зависимости от размера нематериального социального пакета в России

Россия демонстрирует самую высокую степень готовности интенсифицировать свой труд в зависимости от пакета нематериального поощрения труда, по сравнению с иными странами (рис. 2.1.105).

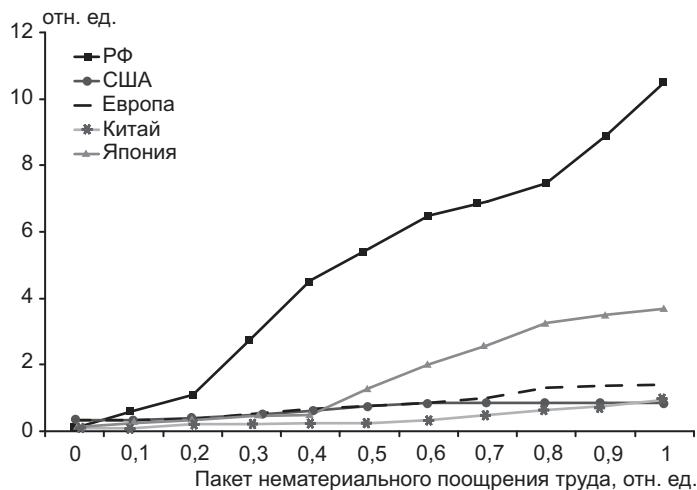

Рис. 2.1.105. Нематериальная мотивация труда в странах мира (по горизонтальной оси отложена полнота социального пакета)

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что вместе с разрушением государства СССР произошло разрушение одной из высших ценностей — труда.

Труд, согласно Конституции РФ 1993 г., стал свободным, но перестал быть эффективным в той части, когда нематериальные мотиваторы были закреплены в законодательстве, а сам труд был престижным и имел государственное значение.

Значимость труда среди важнейших ценностей жизни существенно снизилась. Ушла из ценностей труда польза людям. Содержательные (реализация способностей) и достижительные (повышение квалификации) ценности труда входят в ядро ценностей только у незначительного числа граждан.

Конечно, на структуру ценностей труда граждан существенное влияние оказало серьезное падение качества жизни, прежде всего покупательной способности заработной платы, а также смена идеологии — выдвигание на первый план материального благополучия, девальвация советских установок, представлений о ценности труда как одной из высших ценностей государственности и оценки последнего в контексте общественных интересов.

Инициатива в работе и ответственное к ней отношение остаются пока явно на периферии трудовых предпочтений. Слабая выраженность этих ценностей резко отличает россиян от работников экономически развитых стран. Государство устранилось от формирования трудовой мотивации, которая могла стимулировать развитие у граждан инициативы в работе и ответственного к ней отношения.

Необходимо вернуть государству роль регулятора общественных отношений в сфере труда и создании мотивационных механизмов. Ранее специалистами уже отмечалось, что «необходимо усиление целенаправленного влияния государства как ведущего макрофактора на формирование трудовых ценностей»¹⁰⁹.

Государство должно формировать условия для трудовой мотивации — прежде всего это качественное образование и необходимая квалификация работников (более подробно эти вопросы рассмотрены в разделе 6.1.3. Образование и квалификация), воспитание отношения к труду (раздел 6.1.5. Воспитание), проблемы и решения которых рассмотрены в последующих главах.

Актуальной представляется работа средств массовой информации по освещению сценариев цивилизованного трудового поведения, «достижительной» трудовой культуры. При этом важен учет особенностей интересов и моделей трудового поведения отдельных социальных слоев.

По результатам исследования выявлены следующие факторы жизнеспособности страны в сегменте труда.

1. Значимость (ценность) труда в государственной политике.

---

¹⁰⁹ Хайруллина Ю.Р. Ценности в сфере труда: Особенности и факторы. Статья // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 84–88.

2. Наряду с материальной — нематериальная мотивация труда.
3. «Рывковый» или мобилизационный характер труда.
4. Мотивация труда в праве, в том числе в трудовом законодательстве.

2.1.6. Экономическая российская специфика

Решаемая в данной части исследования проблема заключается в выявлении устойчивых и специфичных для России в ее исторической ретроспекции факторов экономической успешности и экономической кризисности.

По большому счету есть два подхода к экономике. Первый — это линия Адама Смита, переключаясь с механистическим мировосприятием XVIII века¹¹⁰. Экономика в нем производна от самой экономики. Но не все в обществе описывается с помощью эгоистических материалистических параметров. Выразителями идей альтернативной экономики являлись в разные эпохи Ф. Лист, Ж. Сисмонди, В. Рошер, Г. Шмоллер, М. Вебер, В. Зомбарт, И. Шумпетер, Ф. Перру. Они настаивали на главенстве исторических, национальных, государственных и религиозных факторов при объяснении экономической деятельности человека¹¹¹. С. Булгаков в «Философии хозяйства» доказывал, что экономика есть явление духовной жизни в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности¹¹².

Еще Аристотель противопоставлял друг другу два типа хозяйственной деятельности — «экономия» и «хрематистику». Под экономией подразумевалось материальное обеспечение «экоса» (дома) в целях удовлетворения насущных потребностей. Напротив, цель хрематистики заключалась в получении прибыли, накоплении богатств.

Благодаря трудам Макса Вебера, в общественных науках вновь актуализировалась проблема дифференциации двух типов «экономического человека». Деятельность первого из них ориентирована на скорейшее получение прибыли. Моральные сдержки для него при этом не действенны.

При преобладании данного типа человека складывается модель «торгового» или «спекулятивного» капитализма. Ее паразитарность определяется тем обстоятельством, что ни торговец, ни спекулянт не склонны к производству товаров. Для второго типа экономического человека капитал есть

---

¹¹⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Соч. М.: Соцэкгиз, 1962.

¹¹¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990; Зомбарт В. Буржуа. Монография. М.: Наука, 1994; Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры). Монография. М.: Прогресс, 1982.

¹¹² Булгаков С. Очерки по истории экономических учений. Соч. М.: Высшая школа, 1913. С. 68.

не самоцель, а лишь средство для освященного труда. Этика же трудовой деятельности определяется для него религиозными соображениями. Именно на такого рода духовных основах формируется, согласно Веберу, производящий тип капиталистического хозяйствования.

Хозяйственная деятельность в нем есть не самодостаточная, а подчиненная высшим духовно-нравственным критериям общества сфера. Именно использование идейно-духовного потенциала человека может обеспечить преимущества этой модели над материальной системой экономики Запада.

Экономические отношения представляют лишь одну из граней человеческого бытия. В иерархии ценностей традиционных сообществ экономика занимала подчиненное положение. Выше нее находились сферы религии и политики. Данная структура общественных функций соответствовала сословно-клановой модели социальной организации. Только в результате серии буржуазных революций произошла функциональная инверсия. Экономика заняла первую ступень в ценностной иерархии. Идейно-духовный и командно-мобилизационные ресурсы в результате произошедшей инверсии оказались исключенными из факторов управления.

В традициях русской православной цивилизации понимание феномена труда не исчерпывалось материальными аспектами существования человека, оно было сопряжено с этикой нравственного (религиозная сфера) и государственного (политическая сфера) служения. «Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение к труду, — писал русский религиозный философ В.С. Соловьев, — значит отнимать у труда значение всеобщей заповеди»¹¹³. Именно автор «русской идеи» еще в XIX в. выступил с призывом «не ставить Маммону на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной», а, соответственно, подчинить экономику высшим нравственным императивам¹¹⁴. Аналогичные взгляды развивал в философии духовного хозяйствования С.Н. Булгаков¹¹⁵.

Постановка экономики на вершину ценностной пирамиды приводит к деформации высших целей развития общества. Рост ВВП рассматривается как универсальный критерий успешности. Между тем, самоценность материального благосостояния, взятая сама по себе, сомнительна. Национальное понимание счастья далеко не всегда связано с потребительским благополучием.

Американская успешность есть в иноцивилизационных интерпретациях проявление общественной дегенерации. Русская традиция выдвигала этическим идеалом нестяжательский образ жизни, существование на миниму-

¹¹³ Русское хозяйство. Монография. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 21.

¹¹⁴ Там же. С. 23.

¹¹⁵ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Соч. М.: Наука, 1990.

ме удовлетворения материальных благ. При такой постановке вопроса рост ВВП не может рассматриваться как единственная самоценность, а лишь как средство решения высших цивилизационных задач — таких как поддержание государственной безопасности, человеческое развитие. Такое разграничение целей и средств задавало определенную специфику выстраивания российской экономической модели, в которой частный эгоистический интерес гармонизируется с государственно-общественными интересами.

Экономика есть производное от совокупности действий исторических, религиозных, национальных, государственных, ментально-аксиологических, идейно-духовных, природных факторов. Их совокупное рассмотрение позволяет ввести в экономический дискурс интегративный цивилизационный фактор. Цивилизационный фактор экономики видится в области формирования специфических механизмов хозяйствования, организационно-управленческих и мотивационных оснований трудовой деятельности (рис. 2.1.106).

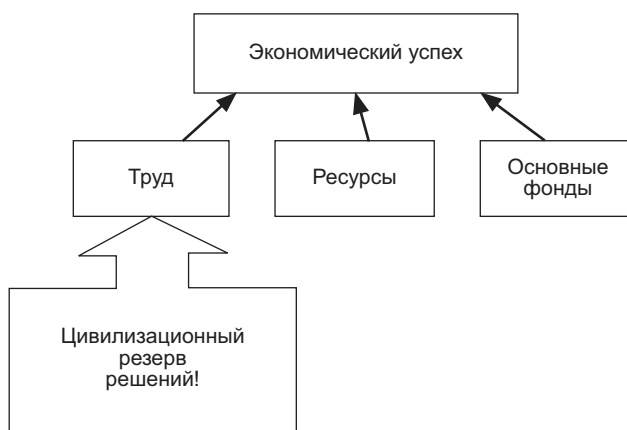

Рис. 2.1.106. Цивилизационный фактор экономики

Идейно-духовный цивилизационный фактор

Идейно-духовный ресурс в традиционной теории экономического развития практически не рассматривается. Между тем, идейная мотивация не раз становилась решающим фактором экономического развития. Либеральный подход, построенный на противопоставлении командной организации труда и его исключительно материальной мотивации, неоправданно упрощает факторное многообразие побудительных мотивов трудовой деятельности¹¹⁶. Всякий раз при актуализации идейно-духовных мотивов труда

¹¹⁶ Ойкен В. Основы национальной экономики. Монография. М.: Прогресс, 1996; Он же. Теория хозяйственного порядка: фрайбургская школа и немецкий неолиберализм. Монография. М.: Экономика, 2002.

соответствующие хозяйственные общности показывали значительно более высокие результаты, чем конкурирующие с ними экономические системы (см. раздел 2.1.5).

Религиозный фактор

Традиционные религии сакрализуют природу труда, возводят его этологию до уровня божественной заповеди. Как показал в свое время М. Вебер, экономический прорыв Запада определялся установлением соответствующего религиозного миропонимания, вне которого он попросту не состоялся бы.

Исторически мировоззренческую основу западной экономической системы составляло учение об «избранничестве». Богатство и вообще личный материальный успех религиозно освящается в нем как свидетельство Божьего благоволения. М. Вебер связывал генезис этого представления с протестантской этической традицией, В. Зомбарт — с иудейско-талмудической. Экономика раннего капитализма на Западе отражала установления соответствующего религиозного миропонимания. Вне его она исторически не состоялась бы. С императивом божественного избранничества формировалась аксиология западного индивидуализма. В соответствии с индивидуалистической парадигмой устанавливалась новая экономическая модель, характеризующаяся эгоистической конкурентной борьбой множества собственников. Будучи генетически скоррелированной с определенной религиозной спецификой такая модель диссонирует с этикой православия и ислама — наиболее широко представленными в России ее традиционных религий¹¹⁷.

М. Вебер, как уже указывалось выше, противопоставлял созидательный тип капитализма (собственно капитализма) авантюрному или спекулятивному капитализму. Формирование первого связано с идейным контекстом конкретно-исторических условий протестантской Реформации. Протестантизм, реабилитируя богатство, сохранил неприятие самодовольного наслаждения, противопоставив феодальной расточительности бюргерскую бережливость. Если католик ставил вопрос о минимуме работы для удовлетворения своих традиционных потребностей, то протестант — об увеличении заработка при интенсификации до максимума производительности труда. Очевидно, какому из духовных образов ближе российский ментальный тип¹¹⁸.

Можно ли, признав правоту веберовских выводов, привить капитализм на российскую социокультурную почву, если он имманентно связан с вполне определенным религиозным (для атеистов, скажем, мировоззренческим)

¹¹⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990; Он же. История хозяйства. Монография. Пг.: Наука и школа, 1923; Зомбарт В. Современный капитализм. Монография. В 3 т. Л.: Путь к знанию, 1924–1929; Он же. Евреи и хозяйственная жизнь. Монография. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Книгоиздательство «Разум», 1912.

¹¹⁸ Смирнова Н. Грядет ли дух капитализма? Статья // Знание — сила. 1992. № 9. С. 91.

типом? Ответ о его несовместимости с духовной линией традиционных религий России представляется очевидным.

Какую же модель экономики можно построить при осуществлении такого рода насильственной экстраполяции? На этот случай в веберовской классификации был предусмотрен второй тип капитализма — авантюрный или спекулятивный. Он возник еще на заре формирования института частной собственности, актуализируясь затем в качестве девиаций различных общественных моделей. Его императивом является не труд, а нажива любой ценой. Обогащение достигается, как правило, в результате насилия или спекуляций.

Описанная М. Вебером экономическая модель получила практически точное воплощение в России 1990-х гг. Необходимо отдавать отчет, что в ней всякий раз будет репродуцироваться система спекулятивного капитализма. Православная же трудовая этика предполагает выстраивание совершенно иной модели экономики, ориентированной на патерналистско-общинные начала¹¹⁹.

Но корректно ли применять веберовские выводы к экономике современного типа? Страново-статистический анализ соотношения религиозной идентичности с различными параметрами экономического развития позволяет ответить на данный вопрос утвердительно. Прослеживается удивительно точное совпадение конфессиональных границ с рассматриваемыми экономическими индикаторами.

По сей день, несмотря на глобализационную нивелировку культурной специфики, протестантские страны явно опережают католические по различным показателям инновационности¹²⁰.

По доле ВВП в расходах на научные исследования протестантские страны составляют полностью всю первую шестерку мест (Швеция, Финляндия, США, Швейцария, Германия, Исландия). Ни одна из православных стран не расходует на научные исследования в настоящее время более 1% от ВВП¹²¹.

Фиксация устойчивых различий инновационного потенциала в связи с конфессиональной принадлежностью приводит к выводу, что для стран, не относящихся к протестантскому культурному типу, повышение инновационности сопряжено с целенаправленной мобилизующей миссией государства. Путь частных инвестиций в науку не станет для них той же панацеей, какой он явился для стран протестантизма.

Различая экономическое поведение протестантов и католиков, М. Вебер указывал на особую ориентированность первых на индивидуально-предпринимательскую деятельность и склонность вторых к коллективистским формам хозяйственной организации. Что же сегодня?

¹¹⁹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

¹²⁰ Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М.: Госкомитет РФ по статистике, 2004. С. 149.

¹²¹ Там же. С. 150.

В современной Европе протестантские страны явно опережают католические по различным показателям индивидуальной трудовой ориентированности. Протестанты по-прежнему более экономически активны, чем католики. Факт нахождения Италии, являвшейся историческим символом католицизма, на последнем месте по рассматриваемому показателю среди стран Западной Европы весьма иллюстративен (рис. 2.1.107)¹²².

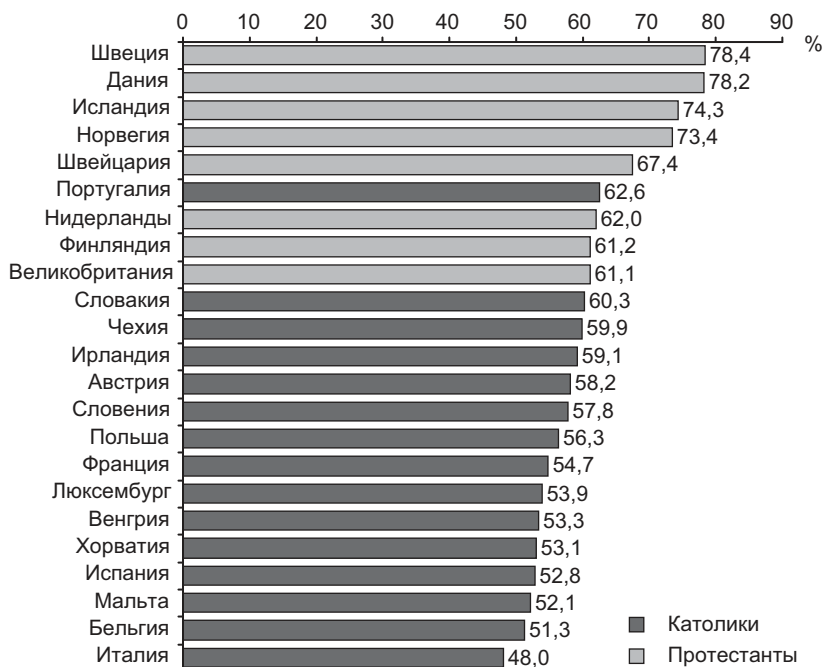

Рис. 2.1.107. Сопоставление уровня экономической активности населения (старше 15 лет) протестантских и католических стран современной Европы

С другой стороны, католики по-прежнему обнаруживают более высокую склонность к коллективистским формам хозяйственной самоорганизации. Это подтверждается, в частности, показателем долевого представительства семейных рабочих и членов кооперативов в общей структуре трудовой занятости. Еще более высокую склонность к общинным формам организации экономики демонстрируют страны православного культурного ареала (рис. 2.1.108¹²³)¹²⁴. Только в современной России, в диссонансе с собственной конфессиональной идентичностью, доля семейных рабочих и членов кооперативов крайне невелика — 0,7%.

¹²² Там же. С. 153.

¹²³ Там же. С. 157.

¹²⁴ Во Франции члены кооперативов включены в категорию самозанятых, куда входят также и работодатели — 8,9%.

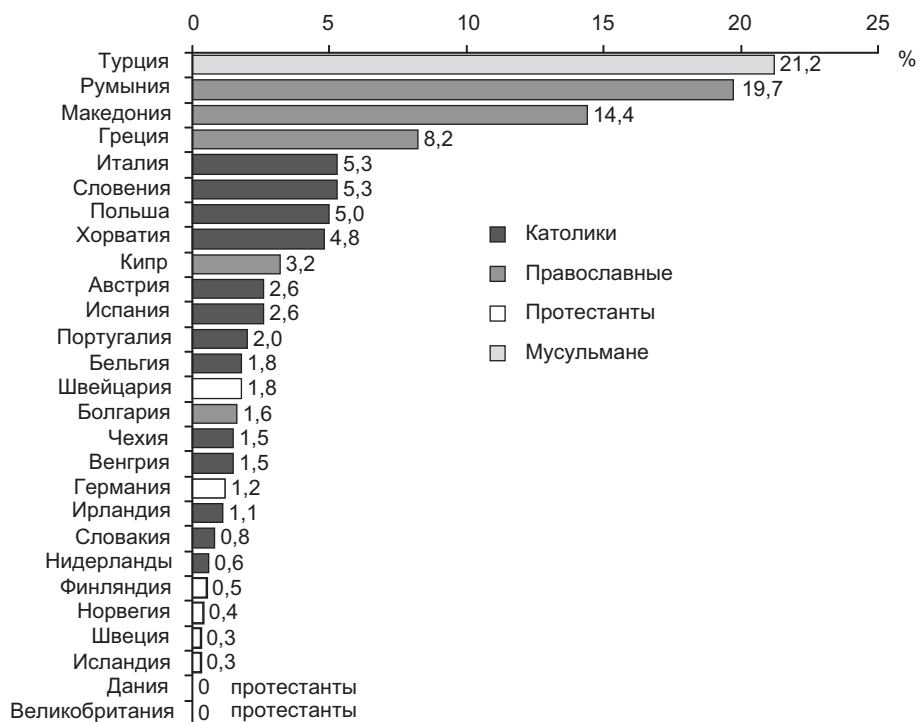

Рис. 2.1.108. Конфессиональное сопоставление доли семейных рабочих и членов кооперативов в структуре занятости населения европейских стран

Каким образом полученные на западноевропейском материале выводы о конфессиональных основаниях страновых различий экономического поведения человека могут быть применены к российскому контексту?

Очевидно, что православие еще более диссонирует в своем отношении к экономике с протестантизмом, чем католицизм. Существует распространенная точка зрения о несовместимости православной религии с рыночной экономикой. На основании принятия этого, в целом верного (если понимать под рыночностью ту модель спекулятивного капитализма, которая установилась в современной России), тезиса некоторые либеральные авторы рассматривают восточно-христианскую традицию в качестве препятствия экономическому развитию.

Применительно к российской цивилизационной модели корректней было бы сформулировать данную дихотомию в обратном соотношении: не православие обнаружило свое несоответствие парадигме мирового рынка, а рыночная экономика оказалась чужеродным концептом по отношению к православному типу культуры. Впрочем, не только православие, но и другие традиционные конфессии (буддизм или ислам) явно диссонируют с ней по своим аксиологическим параметрам.

Современные ортодоксальные либералы исходят из аксиомы об экономической безальтернативности рынка. Однако истории известны многочисленные примеры успешного развития «мир-экономик» в рамках этатистской и общинно-патерналистской моделей. Наиболее стремительные экономические прорывы в истории России были осуществлены как раз в периоды инволюции рыночных механизмов, возрастания роли государственного сектора.

Наблюдается подмена категорий рыночности и трудолюбия. Отторжение рынка в православной культуре вовсе не означает отсутствия в ней этики труда. За рассуждениями о ее нивелировке в православии зачастую, как в случае с Р. Пайпсом, скрывается тривиальная русофобия. Дескать, не ту веру избрал равноапостольный Владимир. «Католическая» или «протестантская» экономические модели признаются исторически правомочными, тогда как за «православной» закрепляется оценка «недо-экономики».

Между тем русское «экономическое чудо» конца XIX в. определялось именно православной культурной парадигмой.

Факторную связь экономического развития с религиозным состоянием общества ярко иллюстрирует феномен старообрядческого предпринимательства в Российской империи. Казалось бы, объективные условия для успехов старообрядцев на ниве экономики в России синодального периода отсутствовали. Они находились в ущемленном правовом положении. На них возлагалось повышенное, в сравнении с паствой РПЦ и инородцами, налоговое бремя. Периодически притеснения усиливались. Наряду с иными ограничениями правоспособности устанавливались и законодательные барьеры для самореализации старообрядцев в предпринимательской сфере. К таковым, например, относился введенный с 1855 г. запрет на инкорпорацию их в купеческое сословие.

Тем не менее, вопреки сдерживающим обстоятельствам, старообрядцы по показателю экономической успешности существенно превосходили неконфессиональные предпринимательские группы Российской империи. Следовательно, именно религиозная идентичность оказалась в данном случае наиболее весомым фактором успеха в экономике, превосходящим по степени значимости социальные и правовые преференции. Имеются более веские основания говорить о старообрядческом «чуде», чем о японских или германских «чудесах» в экономике. Условием успехов японцев и немцев явилось целенаправленное внешнее инвестирование, тогда как старообрядцы в России действовали вопреки средовой конъюнктуре.

Старообрядцы, согласно официальной статистике, составляли к концу XIX в. лишь 1,4% населения Российской империи¹²⁵. В то же время, по некоторым оценкам, они представляли около 60% торгово-промышленного класса и им принадлежало от 64 до 75% всего российского капитала¹²⁶. Даже

¹²⁵ Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 86.

¹²⁶ *Рошин М.Ю.* Старообрядчество и труд. Статья // Генезис кризисов природы и общества в России. Сборник статей. Вып. 2. М.: Наука, 1994. С. 133; *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные

допуская преуменьшение официальными статистическими службами численности старообрядцев и преувеличение исследователями их предпринимательской доли, очевидным представляется вывод о многократном превосходстве в хозяйственной интенсивности представителей старой русской веры над другими конфессиональными идентичностями. К старообрядцам принадлежали крупнейшие российские предпринимательские династии: Бобковы, Гучковы, Кузнецовы, Морозовы, Рахмановы, Рябушинские и др.¹²⁷

Тот факт, что крупный капитал в императорский период работал на российскую экономику, а не вывозился вовне, во многом обуславливался его старообрядческим происхождением. Один из наиболее известных исследователей конфессионально-этических факторов старообрядческого предпринимательства В.В. Керов в заключении своего фундаментального труда выносит следующее резюме: «В деятельности “Божьих доверенных по управлению собственностью” соединялись сохраненные и развитые старообрядцами элементы древнерусского национально-конфессионального менталитета с тенденциями, рожденными новой эпохой организации фабричной промышленности и сложных комбинаций производственно-сбытовых процессов. В старообрядческой системе конфессионально-экономических ценностей, институтов и установок осуществился синтез традиций православной цивилизации и посттрадиционного общества на новом цивилизационном этапе. Ментальность старообрядческих хозяев и хозяйственный этос старOVERия показали принципиальную возможность развития вне западной модели собственности, историческую реальность модернизации на основе русских православных ценностей, развивавшихся в старообрядчестве»¹²⁸.

Не только для старообрядчества, но и для паствы РПЦ прослеживалась закономерность более высокой трудовой активности убежденных адептов православного учения в сравнении с формально верующим и религиозно индифферентным населением. Уровень экономической эффективности монастырских хозяйств в царской России был весьма значительным¹²⁹. В этом смысле секуляризационное реформирование, давшее единовременную финансовую выгоду, имело крайне негативные последствия в перспективе.

основы хозяйства и предпринимательства. Монография. М.: Магистр, 1998. С. 171; *Старцев А.В.* Хозяйственная этика старообрядчества. Статья // Старообрядчество: история и культура. Сборник статей. Вып. 1. Барнаул: Лествица, 1998. С. 75; *Шахназаров О.Л.* Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года). Статья // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 53; *Керов В.В.* «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. Монография. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. С. 9.

¹²⁷ *Вургафт С.Г., Ушаков И.Д.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996.

¹²⁸ *Керов В.В.* «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. Монография. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. С. 590.

¹²⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. В 5 ч. М., 1904. С. 331.

Ментально-аксиологический фактор

Существование различных типов экономического менталитета, присутствующих разным обществам, доказывается социометрическими исследованиями¹³⁰. Основной решаемой проблемой являлся вопрос о приемлемости рыночной модели экономики для различных национальных ментальных типов. Индекс рыночности рассчитывался Г. Хофстеде по трем основным параметрам: дихотомия «индивидуализма» и «коллективизма»; дистанция от власти (коррелирует с приверженностью к госпатернализму и антикоррелирует с автономностью индивидов); избегание неопределенности (коррелирует с приверженностью сложившимся стереотипам экономического поведения и антикоррелирует со склонностью к риску). Согласно результатам, аксиология рыночности у россиян почти в три раза ниже, чем у американцев, но несколько выше, чем у латиноамериканцев (рис. 2.1.109, а-г).

Можно видеть три группы сходных стран.

1. Страны высокого уровня рыночности — индекс более 200 баллов (Дания, Великобритания, Ирландия, Новая Зеландия, США, Австралия).

2. Страны низкого уровня рыночности — индекс менее 100 (Венесуэла, Португалия, Греция, Югославия, Перу, Колумбия, Мексика, Россия, Китай, Турция, Пакистан, Тайвань, Таиланд, Бразилия, Филиппины).

3. Страны смешанной модели экономики — индекс от 100 до 200 баллов. Из последнего группового объединения выделяются подгруппы, заметно тяготеющие к либеральной (Австрия, Канада, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Финляндия) или государственно-патерналистской (Япония, Испания, Аргентина, Бельгия, Франция, Иран, Гонконг, Индия) модели.

Среди рыночно ориентированных фигурантов доминируют страны протестантского культурного ареала. Напротив, все государства православной традиции оказались в группе госпатернализма. В группе госпатерналистов оказались государства с различным уровнем экономического развития и динамикой роста, что указывает на некорректность интерпретации антирыночности в качестве проявления социально-экономической неразвитости¹³¹.

¹³⁰ Hofstede G. Problems remain, but theories will change: the universal and the specific in 21st-century global management // *Organizational dynamics*. N.Y., 1999. Vol. 28, № 1. P. 34–43; Наумов А.И. Хофштедово измерение России. Статья // *Менеджмент*. 1996. № 3. С. 71–95; Экономические субъекты постсоветской экономики. (Институциональный анализ). Монография. М.: Инфра-М, 2001. С. 103; Рязанов В. Экономическая культура и национальная идентификация. Статья // *Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций»*. Вестник. М., 2006. № 1. С. 373–376.

¹³¹ Экономические субъекты постсоветской экономики. (Институциональный анализ). Монография. М.: Инфра-М, 2001. С. 103; Рязанов В. Экономическая культура и национальная идентификация. Статья // *Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций»*. Вестник. М., 2006. № 1. С. 373–376.

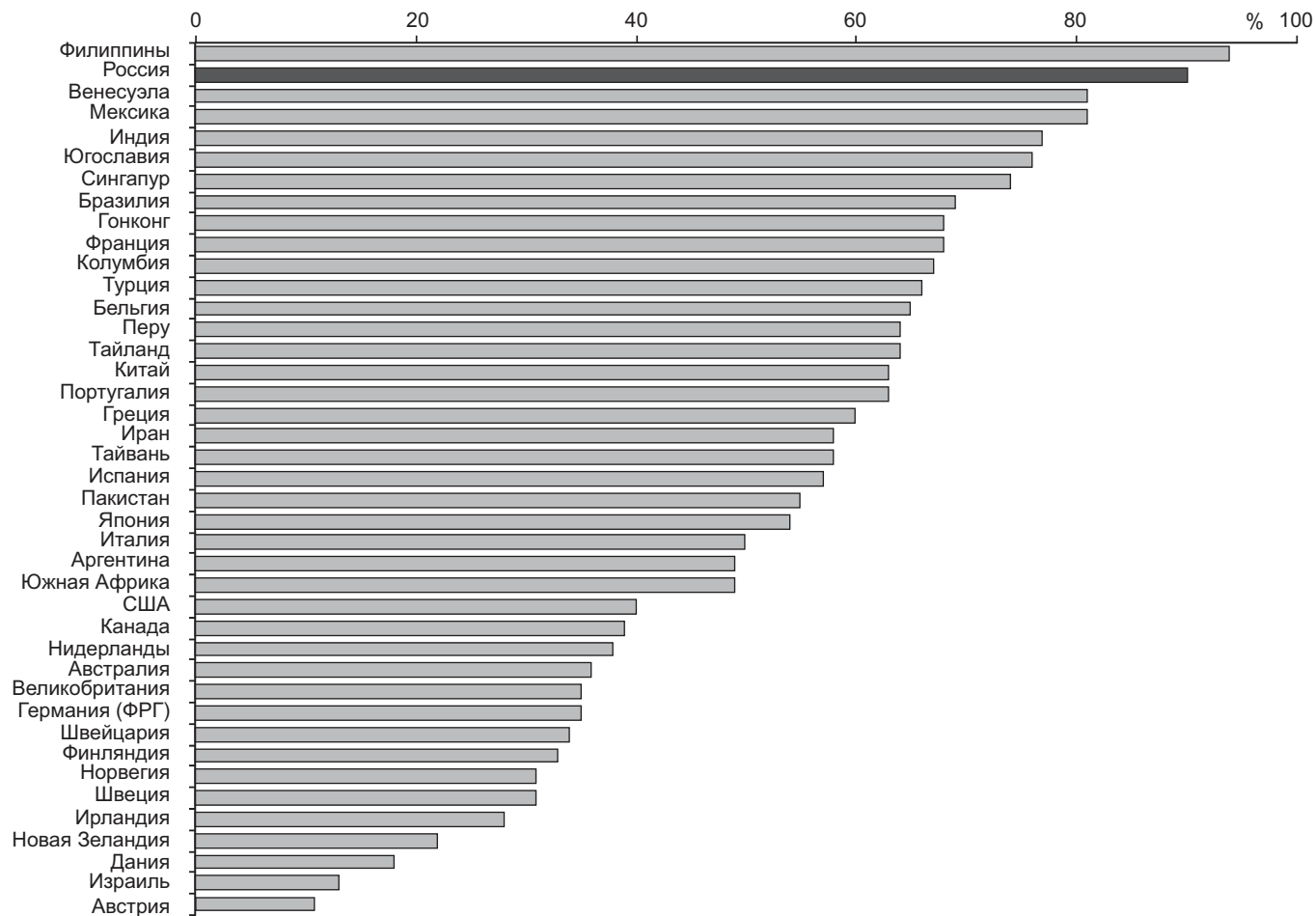

Рис. 2.1.109, а. Ценностные экономические характеристики в мире: дистанция от власти

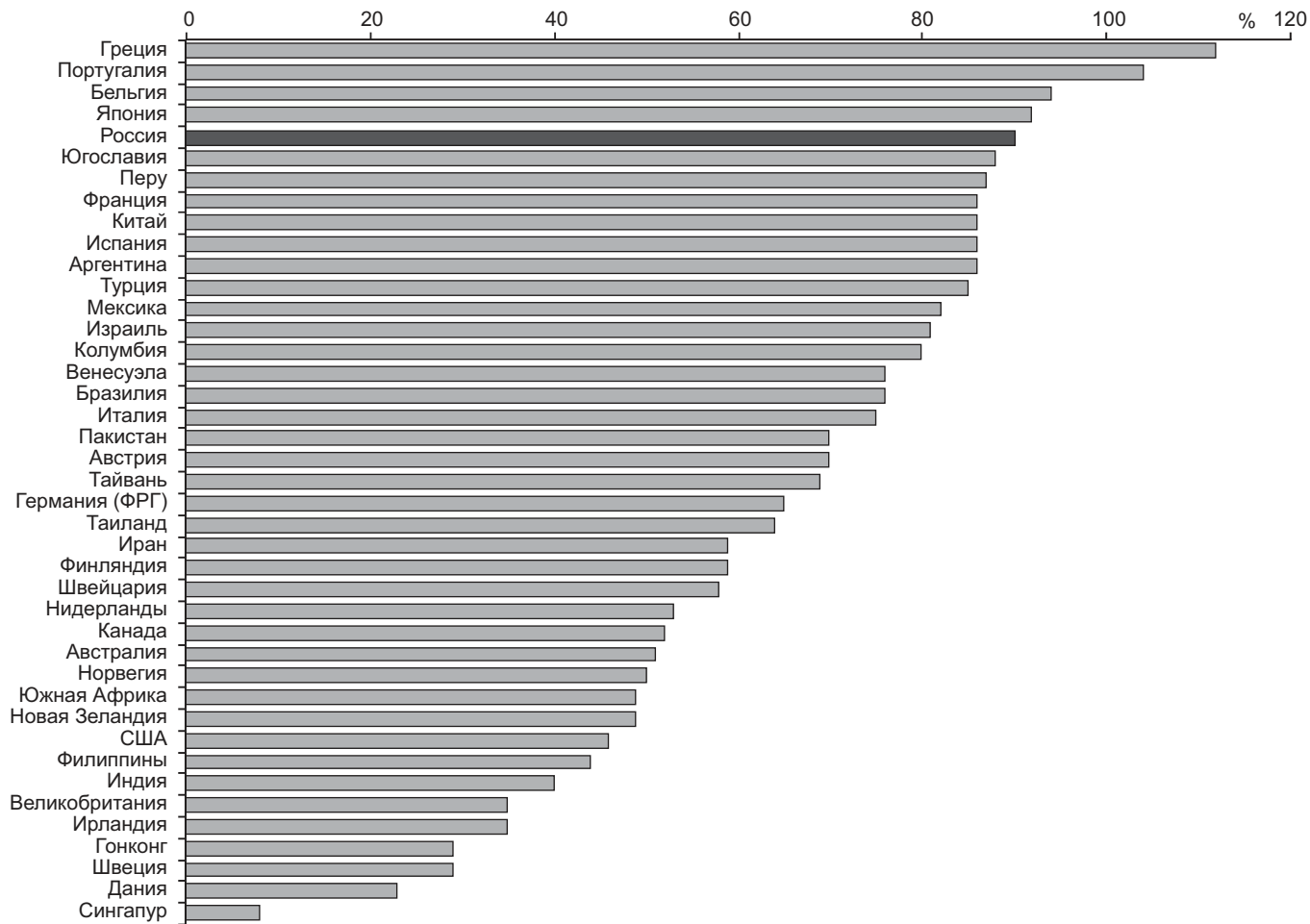

Рис. 2.1.109, б. Ценностные экономические характеристики в мире: избегание неопределенности

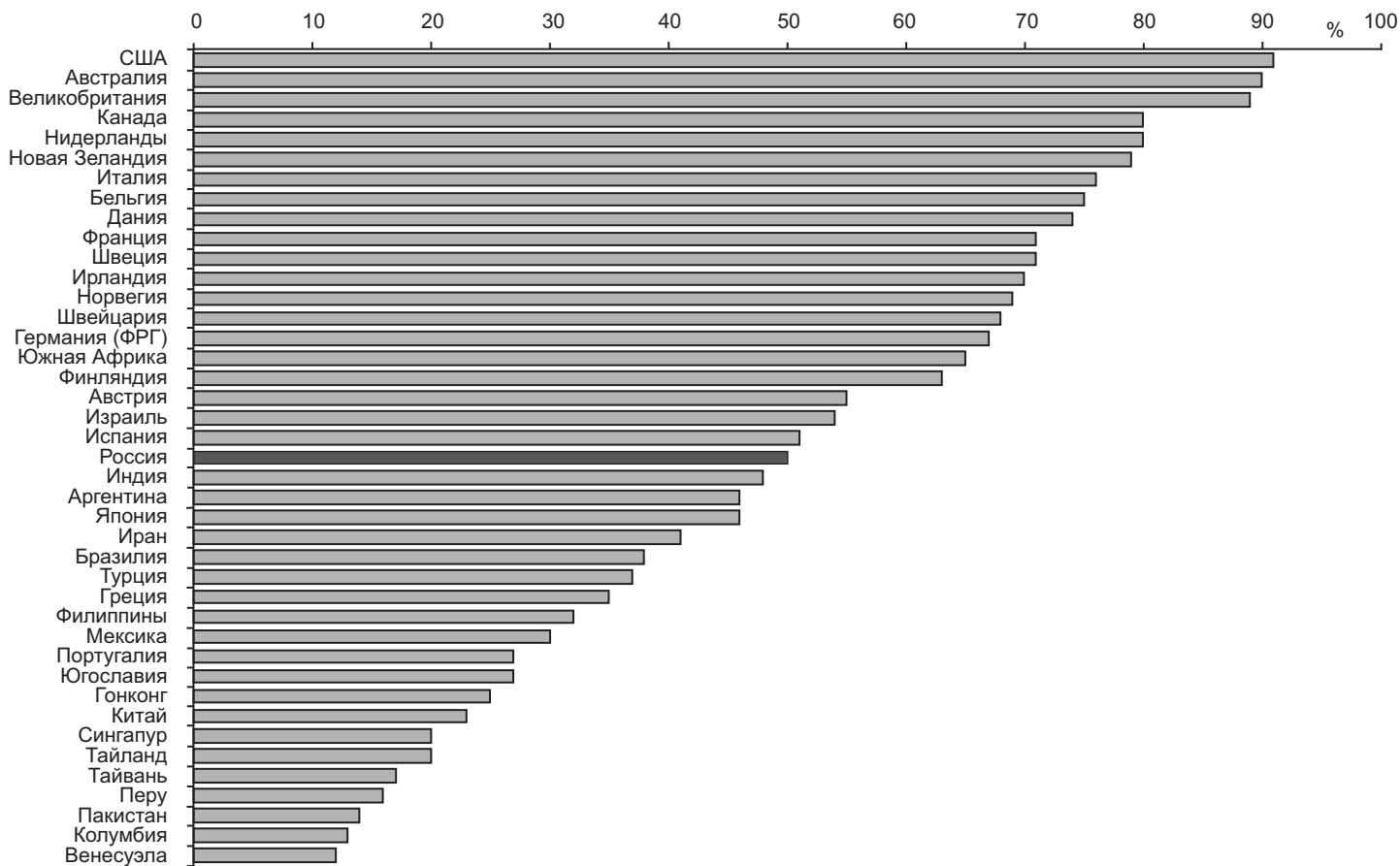

Рис. 2.1.109, в. Ценностные экономические характеристики в мире: индивидуализм

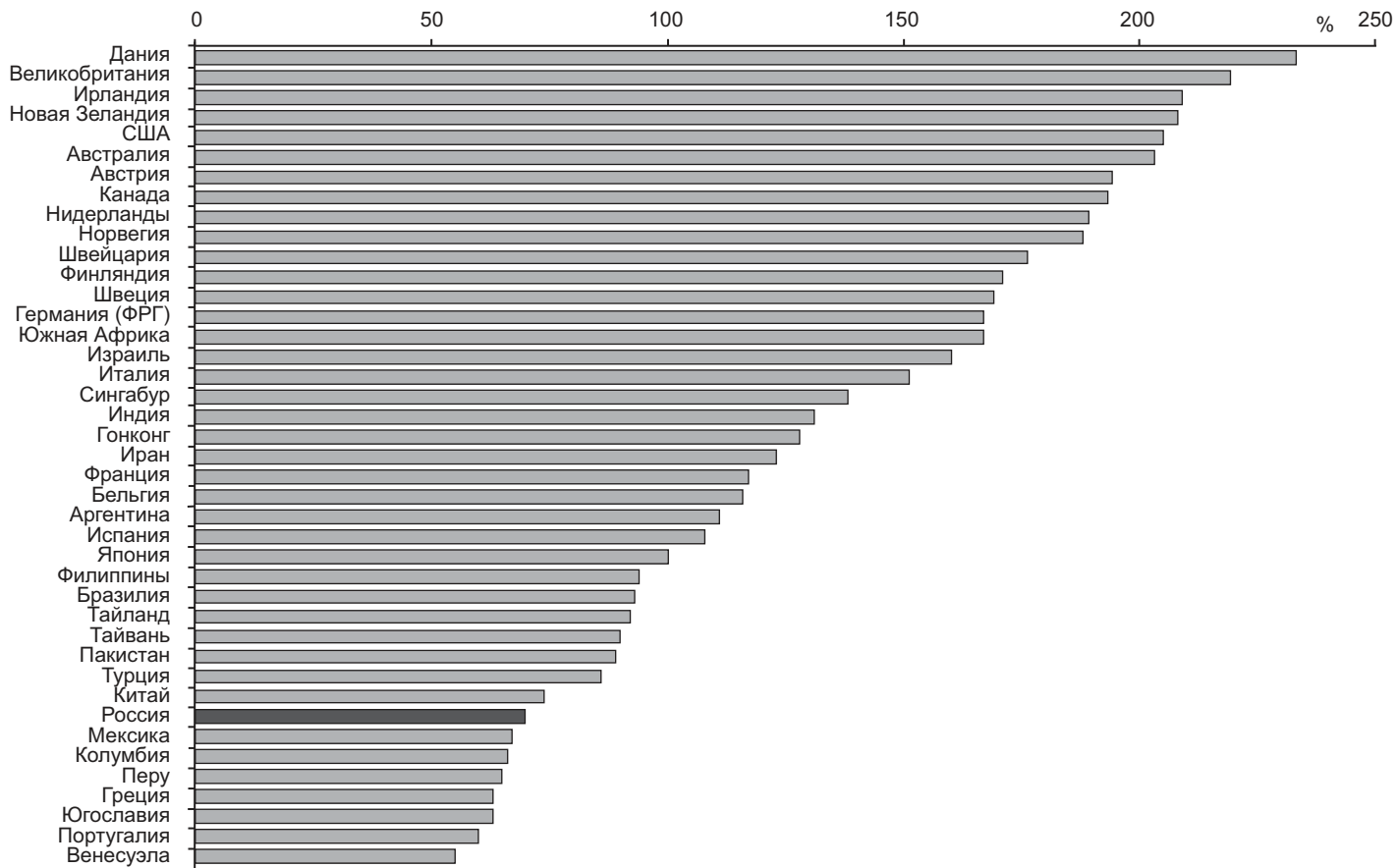

Рис. 2.1.109, г. Ценностные экономические характеристики в мире: общий индекс рыночности

Одной из базовых установок русского экономического национального менталитета является неприятие стяжательства. Господствовало (и продолжает господствовать) убеждение, что личное обогащение человека в российских условиях не может быть праведным. Визуализация богатства катализировала формирование классовых фобий. Если для западного человека деньги, сообразно с афоризмом Б. Франклина, есть «чеканная свобода», то для русского человека свобода виделась в обретении независимости от денег. Жить на минимуме потребностей, но быть освобожденным от унижительной кабалы существования ради зарабатывания денег. Об укоренившемся в народном сознании неприятии «сребролюбия» свидетельствует ряд пословиц¹³²:

«От трудов праведных не наживешь палат каменных».

«От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь».

«Не хвались серебром, хвались добром».

«Беда деньгу родит».

«Деньги что камень — тяжело на душу ложатся».

«Деньги — прах».

«Деньгами души не выкупишь».

«Деньги прах, ну их в тартарах».

«Богатство перед Богом — большой грех».

«Пусти душу в ад — будешь богат».

«Грехов много, да и денег вволю».

«В аду не быть — богатства не нажить».

«Деньги копил, да нелегкого купил».

«Копил, копил, да черта купил!»

«Не от скудости скупость вышла, от богатства».

«Богатство спеси сродни».

«Мужик богатый что бык рогатый».

«Богатство родителей — порча детям».

«Отец богатый, да сын неудатый».

«Лишние деньги — лишние заботы».

«Хлеб да живот — и без денег живет».

«Без денег сон крепче».

«Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою».

«Скупому душа дешевле гроша».

«Кто до денег охочь, тот не спит всю ночь».

«Бедность — святое дело».

В противоположность кальвинистской тезе, в русской ментальной традиции божьим наказанием считали не бедность, а богатство. Стремление к наживе противоречило представлениям о нравственной чистоте и гармо-

¹³² Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 12–13; Даль В.И. Пословицы русского народа. В 8 т. Т. 1. М.: Т-во М.О. Вольф, 1904.

нии. Сложившийся в 1990-е гг. на основании резкого имущественного расщепления разрыв материального выражения стилей жизни (расточительства и пауперизации) грозит России социальными катаклизмами.

Природно-климатический фактор

Еще одним фактором, сформировавшим цивилизационную экономическую специфику России, явились ее особые климатические условия, предопределившие характер трудовой ритмики традиционного крестьянского хозяйства (раздел 2.1.5). И это отличие носит глубинный характер.

Весь ход отечественной истории развертывался по существу в режиме рывков¹³³. Режим рывков предполагает особый формат управления, традиции сильного государства и коллективистско-общинные механизмы организации труда.

Фактор цивилизационной идентичности и мировые экономические тренды

Ориентация на цивилизационную специфику экономического развития страны выглядит как диссонанс на фоне глобализационных процессов современного мира. В действительности за ширмой глобализации скрывается соперничество за гегемонию ряда мир-экономических систем.

Современный Запад пережил цивилизационную инверсию. Протестантская трудовая этика в значительной степени выхолостилась в менталитете западного человека. Этический императив труда вытеснила мораль потребительства. Такого рода инверсионные трансформации трудовой этики выступали в мировой истории индикатором заката цивилизаций (классический пример — исторический опыт упадка римских нравов в Древнем Риме). Цивилизационный надлом Запада пришелся на 1960-е гг., когда на волне направленного на высвобождение из-под социального пресса молодежного движения протестантская аксиология каждодневного стоического труда стала замещаться культом развлечений, кальвинистская бережливость — парадигмой жизни сегодняшним днем.

Произошедшие изменения не замедлили сказаться на мировых макроэкономических показателях. Если ранее динамика развития экономики Запада была значительно выше, чем в любых других (за исключением СССР) хозяйственно-культурных сообществах, и этот разрыв устойчиво в течение длительного периода времени возрастал, то с 1960-х гг. разрыв стал сокращаться.

Этот факт показывает существование причинно-следственной факторной зависимости между сохранением национальной ценностной традиции

---

¹³³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Монография. М.: РОССПЭН, 1998.

и экономическим динамизмом. На эти же шестидесятые годы пришелся демографический надлом Запада, перешедшего в состояние репродуктивного упадка¹³⁴ (рис. 2.1.110).

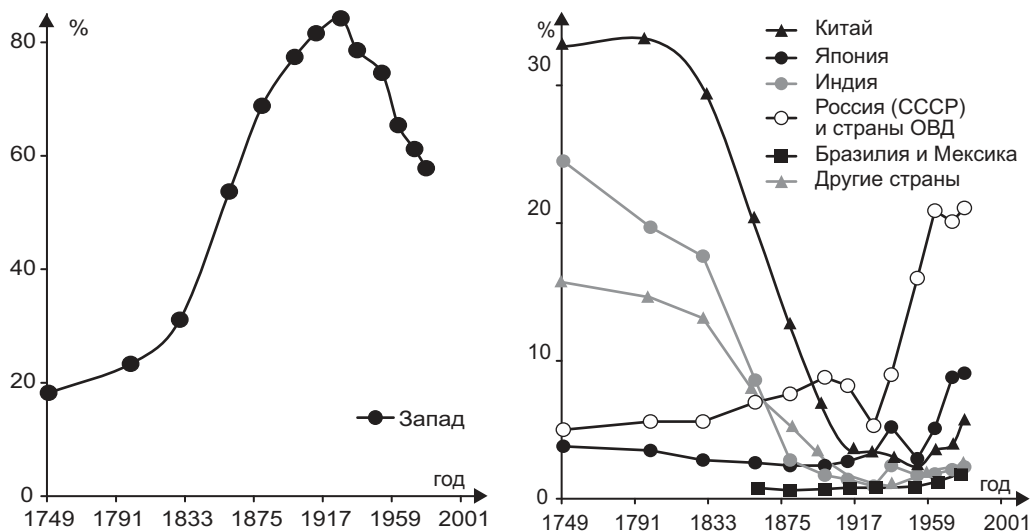

Рис. 2.1.110. Доля Запада и отдельных стран в выпуске продукции обрабатывающей промышленности в 1749–1980 гг.

Запад во главе с США еще сохраняет роль экономического лидера. Но шансы его на сохранение существующего статуса при девальвации национальных ценностных традиций труда (монополизации в сфере виртуальной экономики) в долгосрочной перспективе представляются слабыми.

Апелляция российских либералов к экономической системе Запада не соответствует существующим историческим тенденциям. За эталон взята исторически отживающая модель, уступающая место новому подходу в экономике. Специфика этого подхода определяется сочетанием инновационных технологий с фактором цивилизационной идентичности. хозяйственная система новых геоэкономических субъектов базируется на принципиально иной, по отношению к неолиберальной рецептуре, основе. Характерными чертами выдвинутой Востоком экономической альтернативы являются госпатернализм, национальные традиции, общинный корпоративизм, мобилизующая роль государства.

Посмотрим, соотносится ли с этими чертами исторически традиционная модель организации российской экономики.

¹³⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Соч. М.: АСТ, 2006. С. 122.

Оптимум регулирования внешней торговли

Любая экономическая модель представляет в своем генезисе определенную мировоззренческую парадигму, а вовсе не наоборот, как это преподносится приверженцами смитовской интерпретации общественных систем. Деидеологизация экономики России неизбежно ведет к ее космополитизации, что в свою очередь выливается в компрадоризацию. Поэтому национальная безопасность напрямую сопряжена с выдвиганием идеологемы «национально ориентированной экономики».

Еще в 1765 г. некий русский врач, рассуждавший о причинах экономических неурядиц в России, ссылаясь на опыт индийцев и китайцев, отказывавшихся покупать европейские товары «ежели это не часы, не скобяной товар и кое-какое оружие»¹³⁵. Так же и послевоенное поколение японцев, воспринимая экономическую деятельность как средство достижения цивилизационного рывка за унижение Второй мировой войны, отказывалось принципиально от покупки американских товаров, отдавая предпочтение собственному товаропроизводителю, создав тем самым инвестиционную базу для последующего торжества Японии над США¹³⁶.

По отношению к странам атлантистского Запада зачастую используются дефиниции «талассократическая», «торговая», «экономическая» цивилизация. Экономика в них занимает высшую ступень общественных приоритетов, тогда как в идеократических цивилизационных системах она играет вторичную, подчиненную роль¹³⁷. Можно ли рассчитывать на победу в торговле над торговой цивилизацией? Свободная экономическая конкуренция для России с Западом бесперспективна. Она есть заранее проигранная война, введущаяся по чужим правилам. Абсолютная интеграция в мировой рынок как целевая установка российского реформирования является принципиальной стратегической ошибкой.

Активная внешняя торговля плохо соотносится с форсированными темпами экономического развития. Для стран с экономикой догоняющего типа ставка на возрастание внешнеторгового обмена прямо противопоказана. Она не позволяет сконцентрировать национальные силы, сформироваться конкурентоспособному отечественному производителю.

Формула «торговля — двигатель прогресса» не универсальна. Ее экстраполяция применительно к российской мир-экономике сталкивается с многочисленными историческими опровержениями. Так, повышение торговой активности советского населения во второй половине 1980-х гг. отнюдь не сопровождалось промышленным подъемом¹³⁸.

¹³⁵ Бродель Ф. *Время мира*. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 477.

¹³⁶ Хорос В. Японские секреты. Статья // *Знание — сила*. 1991. № 10.

¹³⁷ Дугин А.Г. *Основы геополитики. Геополитическое будущее России*. Монография. М.: Арктогея, 1997.

¹³⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Монография. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 7.

Из всех христианских конфессий православие в наименьшей степени соотносится с принципами «торговой цивилизации»¹³⁹.

Даже не беря во внимание цивилизационный контекст, а лишь статистические показатели экономики, можно видеть, что открытый рынок выгоден для стран, экономически развитых, и противопоказан отстающим. Для России он неэффективен ввиду определяемой спецификой географического положения наивысшей по мировым меркам себестоимости труда.

Закрытость ряда традиционных сообществ была естественной реакцией на западный торговый экспансионизм. Рыночные коммуникации законсервированных сообществ с внешним миром осуществлялись через ниши «открытых зон». Статусом «открытой зоны» в Московской Руси обладал Архангельск¹⁴⁰.

Расконсервация «закрытых сообществ» для внешней торговли шла симметрично с процессом колонизации. Во имя утверждения принципа «свободы торговых отношений» Запад зачастую прибегал к применению военной силы. Китайская империя оказалась, как известно, принудительно интегрированной в мировой рынок посредством «опиумных войн», развязанных под предлогом защиты прав торговцев наркотиками¹⁴¹.

«Закрытость» национальных экономик есть главная угроза для торговой цивилизации Запада. Западная экономическая колонизация ярко прослеживается в решениях ныне совершенно забытой, но весьма резонансной в свое время Берлинской конференции 1884 г. Странам, обладающим залежами полезных ископаемых, их разработка и рыночная реализация вменялась в прямую обязанность. Те же из них, которые не обладали соответствующими техническими возможностями, должны были допустить к освоению природных ресурсов иностранные организации¹⁴². Очень похоже на современный взгляд Запада на Россию.

Для российского рынка по существу любой западный товар можно классифицировать в качестве демпинга. В экономической истории Запада существовали и экспортные табу, как, например, запрет на вывоз из Англии ткацких станков, за нарушение которого до 1842 г. применялась смертная казнь. Кстати, в период экономического спурта второй половины XIX в. — начала XX в., выведшего преимущественно аграрные до того Соединенные Штаты на первое место в мировом промышленном производстве, американцы строго придерживались противоречащей, казалось бы, принципам

---

¹³⁹ Россия и страны — члены Европейского союза. 2005. Статистический сборник. М.: Росстат, 2005. С. 64, 216–218.

¹⁴⁰ Огородников С.Ф. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. Монография. СПб.: Типография А.Е. Колинского, 1890.

¹⁴¹ История Китая с древнейших времен до наших дней. Монография. М.: Наука, 1974. С. 188–193, 202–205.

¹⁴² Там же. С. 287.

свободного рынка жесткой таможенной политики. Уровень пошлин на импортируемые в США в конце XIX в. товары достигал 3/5 их стоимости¹⁴³.

Так что свобода мирового рынка есть инструмент, используемый для подчинения более слабых в экономическом отношении систем.

Исторически основой поддержания национальной безопасности России выступала монополизация внешней торговли. В царский период государственная монополия, не будучи всеобщей, распространялась, тем не менее, на наиболее прибыльные статьи товарообмена. В середине XVII в. монопольные ограничения были установлены на торговлю солью, поташем, предметами роскоши, медами, пушниной, табаком, икрой, льняными тканями, смолой, кожами, мареной, юфтью, пенькой, говяжьим салом и т. д. На разрешенный в принципе экспорт зерна требовалось соответствующее царское распоряжение. Неоправданно считающийся адептом свободного рынка Петр I еще более расширил спектр монополизированных государством товаров¹⁴⁴.

Со времен Петра I в отношении добывающей промышленности действовало правило принудительной закупки сырья государством, приобретаемого обычно по себестоимости. В «свободную» рыночную продажу могли быть направлены лишь невостребованные «излишки». Поэтому, в отличие от современной эпохи, природные ресурсы страны использовались прежде всего в интересах национальной экономики¹⁴⁵.

Да и организованное в гильдии российские купечество находилось на царской службе и вынуждено было блюсти не только частные, но и общенациональные интересы. Русские купцы регулярно выполняли различные торгово-финансовые поручения правительства. Еще Иван IV в письме к королеве Елизавете иронизировал над английскими купцами, которые, в отличие от московских, «о государских головах и о чести и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»¹⁴⁶. Корпоративно-сословный принцип ведения торговой и предпринимательской деятельности был отменен только в 1898 г. с принятием нового Положения о государственном промысловом налоге. Следовательно, корпоративность не стала помехой стремительному экономическому рывку России 1890-х гг.¹⁴⁷

¹⁴³ История США. Монография. В 4 т. Т. 2. 1877–1918. / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М.: Наука, 1985. С. 13.

¹⁴⁴ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 376; *Бродель Ф.* Время мира. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 456–457; *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. Монография. М.: Независимая газета, 1993. С. 256–258.

¹⁴⁵ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 5 т. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 209–210.

¹⁴⁶ *Толстой Ю.В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553–1593. Монография. СПб., 1875. С. 109.

¹⁴⁷ *Вольтке Г.С.* Право торговли и промышленности в России в историческом развитии (XIX век). Монография. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. С. 20–31.

Хотя прямая монополия в Российской империи отсутствовала, но действовал монополизационный механизм. Закамуфлированным ее вариантом являлась политика установления высоких таможенных тарифов, особенно ярко проявившаяся в период правления Александра III.

Рис. 2.1.111 иллюстрирует принципиальные различия в таможенной политике Александра II и Александра III. В первом случае происходило устойчивое снижение таможенных тарифов, во втором — их подъем. Значительно более высокие темпы экономического развития при Александре III есть весомый исторический аргумент в пользу политики повышения таможенных пошлин¹⁴⁸.

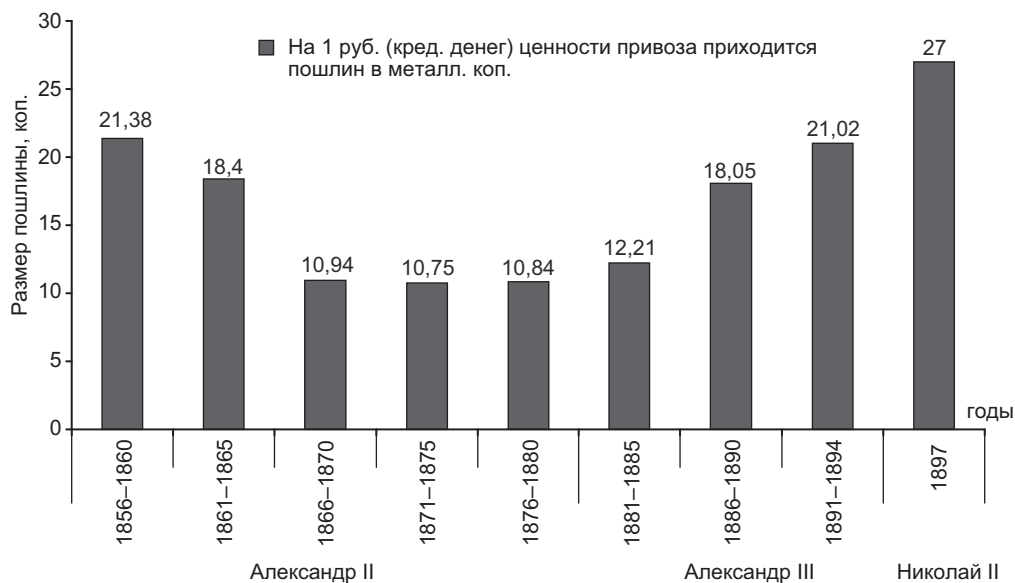

Рис. 2.1.111. Динамика кредитных пошлин в Российской империи во второй половине XIX в.

Для Советского Союза принцип монополизации торговой деятельности являлся, без преувеличения, базовым. В период обсуждения вопроса о характере внешней торговли В.И. Ленин в письме, адресованном Пленуму ЦК, указывал, что при цене льна в России 4 руб. 50 коп., а в Англии — 14 руб. никакая сила не удержит организуемых экспортерами русских крестьян от вывоза льна на Британские острова, минуя потенциального отечественного покупателя. Выход виделся в переходе от дореволюционного таможенного законодательства к монополизации¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Русское хозяйство. Монография. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 248.

¹⁴⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 220–221, 333–337.

Принципиальное отличие «нэповского» и «перестроечно-горбачевско-го» экономического реформирования заключается в сохранении, в первом случае монополии внешней торговли, при отказе от нее — во втором. Различие в последствиях обеих реформистских кампаний позволяет оценивать торговую монополизацию как важнейший фактор поддержания жизнеспособности российской «мир-экономики».

К подрыву внутреннего потенциала экономически замкнутых систем вела конверсия денежных знаков. Еще Ликург, желая обезопасить Спарту от внешнего влияния превосходящих по экономическим параметрам полисов, заменил золотые и серебряные деньги «неконвертируемыми» железными оболами¹⁵⁰. Искушением для царской России являлась массовая чеканка собственной золотой монеты. Показательно, что впервые в отечественной истории ее начали производить во времена «семибоярщины». В дальнейшем производимое в крайне незначительных количествах монетное золото шло главным образом на удовлетворение нужд двора. Однако стремительный его отток из страны в преддверии войны с Наполеоном (при том, что оттока бумажных денег не наблюдалось) заставил правительство Александра I отказаться от практики чеканки золотого рубля.

Конечно же, установленный в 1897–1898 гг. С.Ю. Витте золотой монометаллизм свидетельствовал о достигнутом экономическом потенциале страны. Но начавшийся, ввиду утраты государственного контроля обращения золота, его отток за границу привел к частичному ослаблению национальной экономики. В скором времени после виттевской реформы вновь актуализировались проблемы бюджетного дефицита и иностранного кредитования¹⁵¹.

Советская государственная валютная монополия не только оберегала национальную экономику, но и в определенном смысле выступала в роли духовного сдерживателя. Захлестнувшая ныне РФ волна наркоторговли, не находя сбыта в СССР, миновала в свое время его территорию. Помимо социальных факторов действовал и экономический: наркоторговцы не могли получить за сбываемый товар конвертируемую валюту.

Современная Россия не только конвертировала свою денежную систему, но и установила в качестве эквивалента стоимости национальной экономики валюту иностранного государства, оцениваемого к тому же многими аналитиками как главного геополитического противника. Кроме того, материальная необеспеченность долларовой массы позволяет характеризовать

¹⁵⁰ История Древнего мира. Учебное пособие. В 3 кн. Кн. 2. / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. М.: Наука, 1989. С. 91.

¹⁵¹ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 5 т. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 22–25; *Власенко В.Е.* Денежная реформа в России 1895–1898. Монография. Киев: Изд-во АН УССР, 1949; *Узденников В.В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. Монография. М.: Малая Медведица, 1995.

финансовую политику Российской Федерации по меньшей мере как парадоксальную.

Оптimum автаркизации

Российская империя, как впоследствии и Советский Союз, обладала таким хозяйственным укладом, который позволял ей полнокровно существовать вне зависимости от иностранного ввоза и вывоза.

Интеграция в мировую экономическую систему международного разделения труда предполагает установление внешней зависимости национальных экономик. Любой производственный сбой в одной из стран неизбежно приводит к кризису связанного с ним производства в другой. Уровень влияния транснациональных корпораций делает возможным инициирование экономического кризиса едва ли не в любой точке планеты. Поэтому специализация мир-экономик, приносящая, казалось бы, определенные дивиденды, существенно снижает уровень национальной безопасности и кризисостойчивости.

Так, порогом продовольственной безопасности страны считается 40-процентный уровень потребления импортных товаров в общем пищевом рационе. Российская Федерация уже переступила эту черту. Ее зависимость от импортного продовольствия составляет в настоящее время 55%, а по мясу доходит до 60%¹⁵².

Исторически Россия позиционировалась как мировая продовольственная житница. Парадокс ее современного экономического состояния заключается в крайне высокой доле продовольствия и напитков в структуре импортируемых товаров. Она явно опережает по этому показателю другие страны «Большой восьмерки», продовольственная база которых, за исключением США, значительно уже российской (Россия — 17,3%, Япония — 10,3, Италия — 8,2, Великобритания — 8,1, Франция — 7,6, Германия — 6,6, Канада — 5,6, США — 4,4%). Это означает неоправданность закупок значительной части продовольственных товаров за рубежом, тогда как они могли бы быть приобретены и у отечественного производителя. Искусственное установление зависимости от внешних поставок актуализирует проблему безопасности государства¹⁵³.

Впервые теория автаркии получила научное обоснование в работе И.Г. Фихте «Замкнутое торговое государство» (1800 г.), появившейся еще на заре складывания международной экономической инфраструктуры¹⁵⁴.

Высокая степень автаркизации СССР являлась одним из важных факторов его победы в Великой Отечественной войне. Во многом гитлеровская стратегия

¹⁵² Россия и ВТО: Сельское хозяйство. Статья // <<http://mir.udmweb.ru/go.aspx?pageid=205>>.

¹⁵³ «Группа восьми» в цифрах. 2006. Статистический сборник. М.: Росстат, 2006. С. 101.

¹⁵⁴ Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. Соч. М.: Красная новь, 1923.

блицкрига определялась именно соображениями о бесперспективности для германской экономики ставки на длительную войну с СССР¹⁵⁵.

Даже в традиционно ориентированной на участие в международной торговле Англии, когда Соединенное Королевство начало проигрывать экономическую гонку США и Германии, заговорили об автаркии, границы которой предполагалось установить в пределах колониальной Британской империи¹⁵⁶.

Есть целый ряд исторических примеров снижения уровня национальной безопасности в связи с деавтаркизацией.

С началом Первой мировой войны обнаружилось, что экономика России зависела от поставок германских промышленных товаров, включая ряд элементов, необходимых в производстве вооружения¹⁵⁷. Отсутствие страновой диверсифицированности внешнеторговых связей стоило Российской империи кризиса военных поставок, обернувшегося провалом на фронтах в 1915 г. Динамика представительства стран во внешней торговле России в предвоенный период создает впечатление, что страна готовилась воевать не с Германией, а со своим союзником по Антанте — Великобританией. Английская компонента торговли резко сокращалась, а германская столь же стремительно возрастала (рис. 2.1.112)¹⁵⁸.

Второй раз на грабли недиверсифицированности внешней торговли наступило руководство СССР, существенно расширив в 1940 г. долю внешнего товарооборота исключительно с одним торговым партнером, каковым, по иронии истории, вновь выступил будущий противник в войне — Германия.

Правда, в отличие от начала XX в., экспорт существенно превалировал над импортом. Советский Союз вывез в Германию в 1940 г. товаров общим объемом на 556 млн руб., тогда как ввоз составил только 214 млн руб. Активные торговые поставки продолжались вплоть до 22 июня 1941 г. Находящиеся в германских торговых гаванях советские суда были захвачены в первый же день войны. По существу, СССР непродуманной торговой политикой обеспечивал топливно-сырьевую основу функционирования в грядущем конфликте военной машины Вермахта (рис. 2.1.113)¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Патрушев А.И. Германия в XX веке. Учебное пособие. М.: Дрофа, 2004. С. 197–206.

¹⁵⁶ Чернавский М.Ю. Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX — начала XX века. Статья // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Сборник статей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. С. 436.

¹⁵⁷ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 307.

¹⁵⁸ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 5 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 414; Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Монография. В 2 кн. Кн. 1. М.: ИздАт, 1999. С. 163.

¹⁵⁹ Внешняя торговля СССР, 1918–1966. Монография. М.: Внешторгиздат, 1967. С. 14; Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Монография. В 2 кн. Кн. 1. М.: ИздАт, 1999. С. 280, 282.

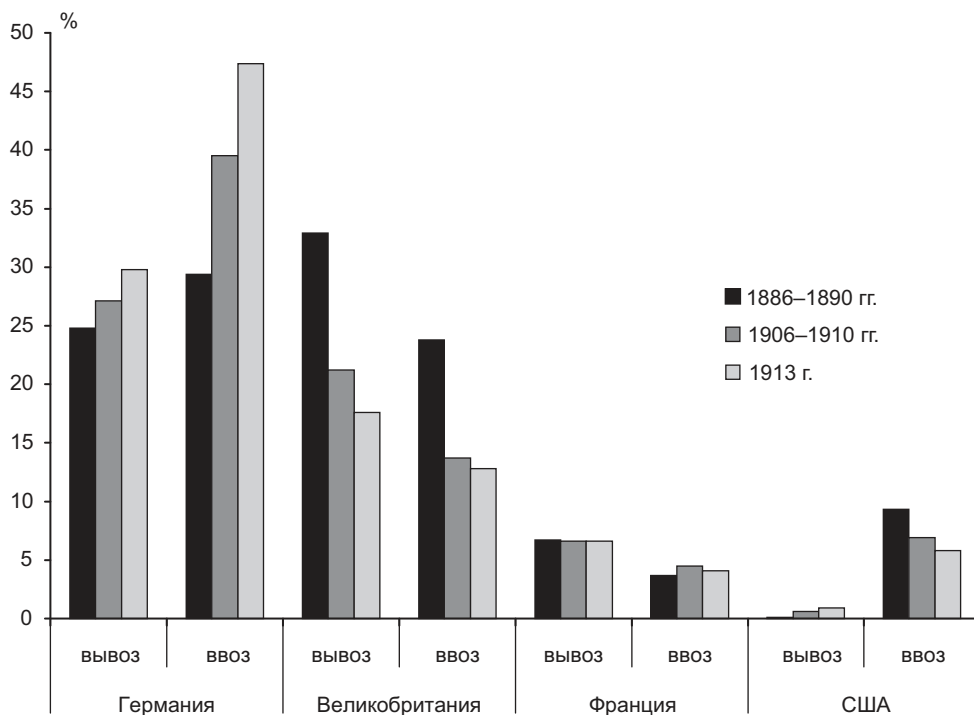

Рис. 2.1.112. Доля представительства отдельных стран во внешнеторговом балансе Российской империи в конце XIX в. — начале XX в.

Принцип страновой диверсифицированности стратегии внешнеторговой политики должен быть принципом РФ. Однозначная ставка на ЕС во внешнеторговом балансе чревата для России угрозой национальной безопасности. Изменение траектории энергопоставок в Европу, о чем уже сейчас говорят многие европейские лидеры, способно ввергнуть всю российскую экономику в состояние коллапса¹⁶⁰.

Наконец, в череде примеров негативных последствий деавтаркизации можно сослаться на опыт распада СССР. Ориентированность на нефтяную трубу обернулась для Советского Союза при инициированном американо-саудитской политической игрой резком падении в 1986 г. цен на нефть экономическим коллапсом горбачевской эпохи. Характерно, что из всех союзных республик сильнее всего в процессе суверенизации экономически пострадала Армения, хозяйственная система которой являлась наиболее специализированной¹⁶¹.

¹⁶⁰ Россия в цифрах. 2006. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2006. С. 428–431.

¹⁶¹ Погосян С.С. Проблемы современной суверенизации Армении в историографии и общественно-политической мысли: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 66.

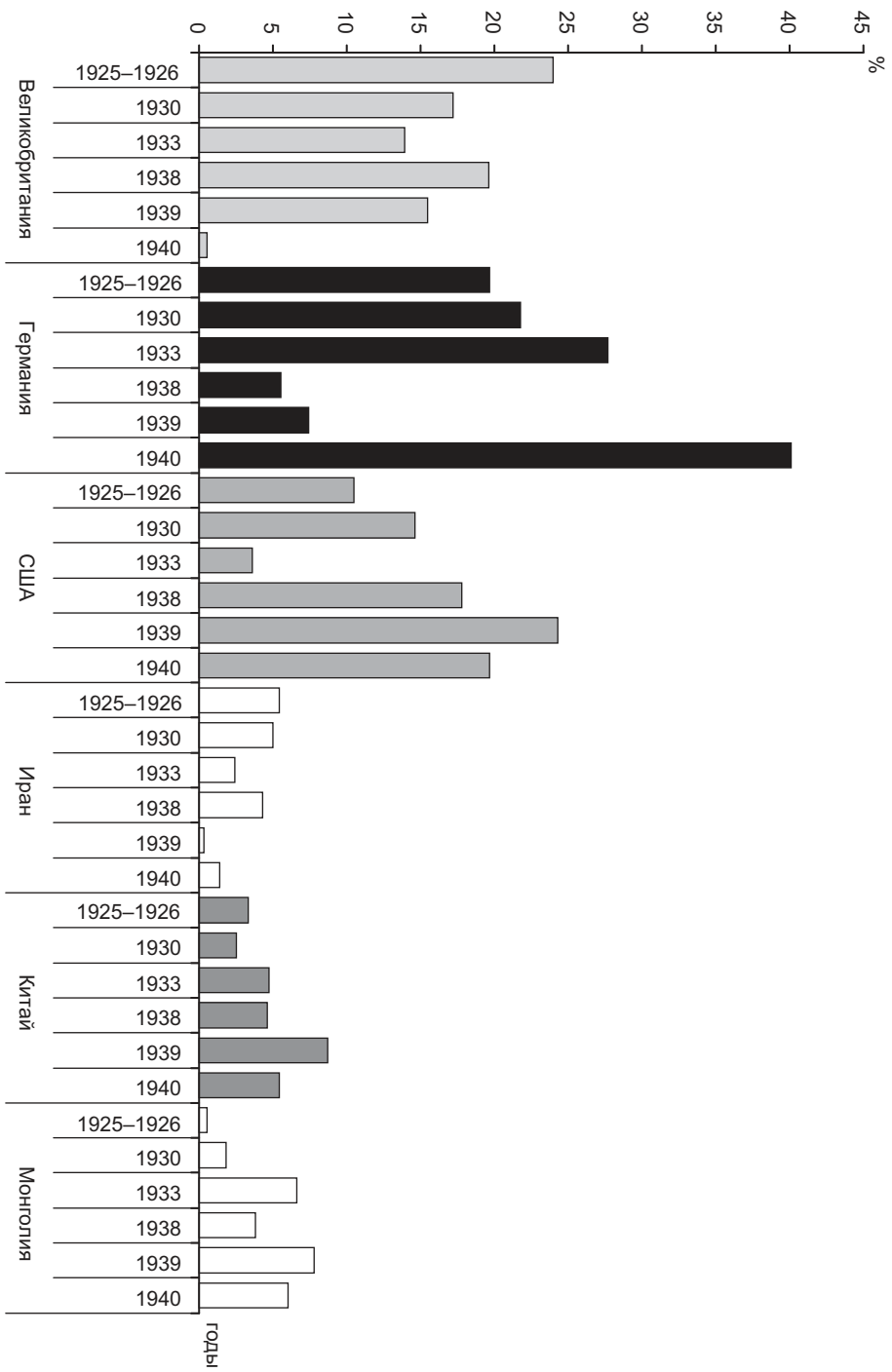

Рис. 2.1.113. Доля представительства отдельных стран во внешнеторговом балансе СССР в 1925–1940 гг.

При поддержании относительно самостоятельной системы хозяйствования Россия была устойчива к внешним потрясениям. Экономический кризис 1929 г. остановился, как известно, у границ Советского Союза. Таким же образом поразивший страны Юго-Восточной Азии финансовый кризис 1997 г. был с успехом отражен оптимально замкнутой китайской экономикой.

В отличие от современной России, внешняя торговля СССР периода индустриализации не была самоцелью. Она решала конкретные хозяйственные задачи развития страны.

Экономически неуязвимыми теоретически могут быть только автаркийные системы. Понятно, что ни одно из современных государств мира не способно полностью самоизолироваться. Однако природные ресурсы России позволяют ей — пожалуй, единственной в мире — рассчитывать на это в принципе. Она потенциально самодостаточна. Для реализации данного потенциала необходима, взамен губительного курса на безграничную интеграцию с Западом, разработка целесообразной (оптимальной) меры самодостаточности внутренней экономики.

При кажущейся экономической мощи современный Запад в случае оказания ему серьезного геополитического противодействия крайне уязвим. «Сервисная революция» явилась прямым следствием «деиндустриализации» западной экономики, перемещения товарного производства в страны третьего мира¹⁶². При реализации сценария глобального политического потрясения, актуализации противоречий «постиндустриального общества» с реальными производителями материальных благ, сложившаяся система международного разделения труда грозит для сервисного Запада, оставшегося без собственной промышленной базы, тотальным кризисом (тотальное военное присутствие США в мире есть превенция этой угрозы).

Согласно Й. Шумпетеру, одним из важнейших критериев экономического развития является расширение рынков сбыта. Если России предоставляется возможность без ущерба для собственной национальной безопасности включить в свой экономический ареал какой-либо новый регион, это следует оценивать только положительно. Степень инфраструктурной развитости присоединяемого к мир-экономике региона определяется собственной экономической мощностью. Чем она выше, тем больше возможностей у рассматриваемой системы к расширению. Мыслящие же совершенно другими категориями либеральные политики пытаются дискредитировать возможный процесс восстановления евразийской цивилизационной орбиты, подвергая, в частности, деструкции идею российско-белорусской интеграции.

---

¹⁶² Сфера услуг: Проблемы и перспективы развития. Монография. В 2 т. Т. 1. М.: Приор, 2000. С. 104–126.

К России должен объективно тяготеть в экономическом отношении ряд буферных государств. Восточная Европа, ввиду более высокой себестоимости товаров, неизбежно будет проигрывать экономическую конкуренцию Западной. Утопией, к примеру, оказались мечты прибалтийского фермерства эпохи перестройки о создании специализированного рентабельного молочного хозяйства, экспортирующего свою продукцию. Согласно примеру, приводимому А.П. Паршевым, специализирующийся на картофелеводстве немецкий крестьянин при прочих равных условиях собирает 300 центнеров с гектара, польский или прибалтийский — 150, российский — 100. Перспективы реализации своего товара на рынках Германии у прибалта минимальны, тогда как в России его продукция может оказаться востребованной. Но на современный российский рынок может выставить свой товар и немец. Поэтому оптимальная автаркизация России соотносится с экономическими интересами восточноевропейского производителя. От интеграции в рамки российской мир-экономики его удерживают в настоящее время отнюдь не экономические, а политические причины¹⁶³.

При экономической автаркизации существенно возрастает значение борьбы с торговой контрабандой. Кстати говоря, в императорской России наиболее масштабные контрабандные потоки шли из Китая. Их интенсивность приводила зачастую к неудачам в торговом обороте снаряжаемых раз в три года официальных караванов. В 1720 г. по приказу Петра I был казнен бывший сибирский губернатор князь М.П. Гагарин, наживший на русско-китайской контрабанде несметное состояние¹⁶⁴. Но для борьбы с контрабандистами требуются уже не экономические механизмы, а военно-политическое могущество, обеспечивающее эффективность государственной границы.

Автаркия является в настоящее время жупелом для либерально ориентированного сегмента российского общества. В противовес «страшилкам» о гибельности пути оптимальной самодостаточности (отнюдь не изоляции) хотелось бы напомнить, что сам термин «автаркия» (буквально — достаточность), введенный в оборот Фукидидом, подразумевал не более чем политическую и экономическую независимость государств. Экономическая независимость сама по себе не может привести к гибели системы. Напротив, отступление от принципа самодостаточности таит угрозу национальной безопасности.

Часто говорят о неудачности автаркийного опыта СССР. В действительности же Советский Союз никогда не являлся автаркийным государством. Идеомиф о железном занавесе имел отношение к идеологическому барьеру, но не к экономическому. Советский Союз вел активную внешнюю торговлю

¹⁶³ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Монография. М.: Крымский мост, 2001. С. 356–363.

¹⁶⁴ Бродель Ф. Время мира. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 437.

даже при Сталине, поэтому корректнее говорить не о сталинской автаркии, а о сталинской автаркизации. Если существовал Наркомат внешней торговли, следовательно, как минимум должна была существовать и подконтрольная ему сфера. По официальным данным, на 1938 г. внешнеторговый оборот СССР составлял лишь 0,5 млрд руб. (ниже уровня займов по подписке у советского населения).

Другое дело — тенденция. В сталинском курсе индустриализации определенно прослеживается автаркизационная парадигма. «Принципиально важным результатом осуществления в 1933–1937 годах политики индустриализации стало преодоление технико-экономической отсталости, полное завоевание экономической независимости СССР. За годы второй пятилетки наша страна, по существу, прекратила ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов, покупка которых за рубежом в предыдущую пятилетку обошлась в 1150 миллионов рублей. Столько же средств было тогда истрачено и на хлопок, теперь также снятый с импорта. Затраты на приобретение черных металлов с 1,4 миллиарда рублей в первой пятилетке сократились в 1937 году до 88 миллионов рублей. В 1936 году удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1–0,7%. Торговый баланс СССР к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль. Так, претворяя в жизнь политику индустриализации, партия и советский народ превратили нашу страну из ввозящей машины и оборудование в государство, которое самостоятельно вырабатывало все необходимое для строительства социалистического общества и сохраняло свою полную независимость по отношению к окружающему капиталистическому миру»¹⁶⁵. Процитированная экспертная оценка есть описание классической оптимизации автаркизационной политики.

Напротив, устойчивой тенденцией экономического развития СССР второй половины 1950-х — первой половины 1980-х гг. являлась деавтаркизация. Об этом свидетельствует официальная статистика объемов советской внешней торговли (рис. 2.1.114)¹⁶⁶.

Одной из главных стратегических ошибок являлось понижение уровня диверсифицированности советской экономики в 1970–1980 гг. Все более ощущалась привязка экономического развития СССР позднесоциалистического периода к нефтяному экспорту.

Развалу СССР способствовала не автаркизация, а как раз наоборот, отказ от принципа поддержания оптимальной автаркичности системы. В послевоенной эволюции экономики СССР четко прослеживается вектор его интеграции в международную систему разделения труда и товарного обмена.

¹⁶⁵ Лельчук В.С. Индустриализация. Статья // Переписка на исторические темы. М.: ИПЛ, 1989. С. 351–352.

¹⁶⁶ Внешние экономические связи в СССР в 1989 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 6.

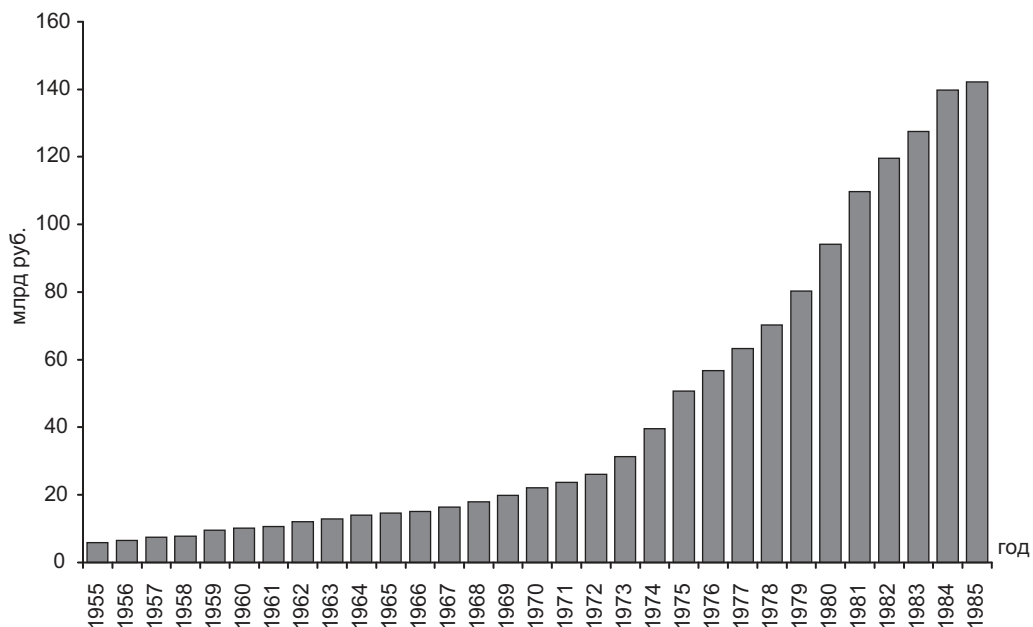

Рис. 2.1.114. Объем внешней торговли СССР в 1955–1985 гг.

Год от года наблюдался рост внешнеторгового баланса. К середине 1980-х гг. была накоплена критическая величина деавтаркизации. Собственно же процесс, приведшей в конечном итоге к гибели СССР, начался с горбачевского экономического реформирования, естественно, ничего общего с автаркийной политикой не имеющего.

Не тождественна автаркизация и обскурантизму. Она вовсе не означает отказа от заимствований современных достижений науки и техники. Автаркийная политика СССР вовсе не мешала созданию передовой военной и гражданской техники. Отбор лучшего, что есть в мировой научной и технической мысли, зависит не от открытости национального рынка, которой сам по себе не означает компетентность отбора высокого качества, а прежде всего от профессионализма ответственных за научно-техническую политику государства чиновников.

Конечно же, не может идти и речи об абсолютной автаркии. Автаркийная экономика есть некая идеальная модель. В реальной экономической политике корректнее говорить не об автаркии, а об ее оптимальной мере.

Основу составляет тривиальная логика здравого смысла: не импортировать те товары, которые могут быть созданы отечественным производителем, и не вывозить вовне собственной продукции до насыщения ею внутреннего рынка; вывозить столько, сколько нужно в связи с внутренними потребностями, а вовсе не в связи с потребностями внешних стран.

Оптимум этатизации

Государство на Западе и на Востоке исторически имело различное функциональное назначение. В западных сообществах оно было предназначено сдерживать деловую энергию граждан. Напротив, на Востоке ему вменялось в задачу заставить население работать. Особая хозяйственно-мобилизационная миссия определяла авторитарный формат государственной власти. Цивилизационная специфика политической власти выступала, таким образом, одним из наиболее весомых факторов экономического развития.

Появившееся в русском языке с начала XVIII в. слово «реформа» подразумевало первоначально сокращение армии. При всей кажущейся курьезности данного перевода, он довольно точно отражал специфику российского реформирования. Ее осуществление определялось парадигмой разгосударствления экономики. Между тем, вне государственного фактора российская экономическая система попросту не могла функционировать. Все ее великие свершения были прежде всего свершениями государства. Устрани его — и вся система мгновенно разрушится, перейдет в состояние «смуты». Поэтому периодически проявляющийся синдром реформирования объективно подрывал экономический потенциал России. Парадоксально, что актуализация феномена российского бунта приходилась именно на периоды реформ, отнюдь не обеспечивающих, вопреки своему функциональному предназначению, общественного согласия.

Роль своеобразногодемиурга в отечественной истории выполняло государство. Российское общественное здание строилось, в отличие от западных, не снизу вверх, а сверху вниз. Оно воздвигалось не с фундамента, а с крыши. Вернее сказать, что государство и было этим фундаментом. Отечественная история, как весьма точно определил ее парадигму Н.М. Карамзин, есть прежде всего история государства Российского. Специфическая роль государства в России обуславливалась рядом permanently действующих обстоятельств. Во-первых, к ним относилась высокая степень дисперсности населения, несопоставимость наличных людских ресурсов с пространственными параметрами, требующая поддержания территориальной целостности за счет включения фактора государственных скреп. Во-вторых, эта обусловленность связывалась с догоняющим типом российского модернизма, необходимостью форсированной ликвидации технической отсталости от Запада, достигаемой посредством этатистской мобилизации сил. В-третьих, особая роль государства в России определялась permanentной актуализацией военного фактора, парадигмой борьбы на уничтожение.

Характерно, что в Российской империи первые частные банки были учреждены лишь в 1860 г. Банковский кредит долгое время существовал лишь как кредит государственный¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Боровой С.Я. Кредит и банки России (сер. XVII в. — 1861 г.). Монография. М.: Госфиниздат, 1958.

Бюджет предреволюционной России на 60% определялся прибылями государственного сектора экономики¹⁶⁸. Не частные инвестиции, а именно государственные заказы и дотации составляли основу экономического роста страны. Да и роль казенного хозяйства в российской экономике на всем протяжении имперского периода оставалась доминирующей. Достаточно указать на государственные заводы-гиганты — Тульский, Александровский, Луганский, Пермские (Мотовилихинские), Обуховский (переведен в казну с 1886 г.), Сестрорецкий, Ижевский, Ижорский, Воткинский, Златоустовский (переведен в казну в 1799 г.), Адмиралтейский судостроительный, Путиловский (секвестрирован государством во время Первой мировой войны) и др. О доли казны в аграрном секторе свидетельствует принадлежность 45% всего земледельческого населения России к сословию государственных крестьян (в XVIII в. — только 19%). Фактор монополизации Александром III железнодорожного транспорта завершает презентацию этатистской модели экономики¹⁶⁹. В этой связи современная политика малообоснованного, скорее доктринизированного, приватизационного разгосударствления находится в явном диссонансе с российской исторической традицией.

Российская экономическая модернизация осуществлялась, как известно, в формате государственно-монополистической системы. Яркий пример угроз даже частичной демонополизации экономики России дает Первая мировая война, когда находящиеся вне ведения казны оборонные заводы не обеспечили армию в установленные сроки необходимым вооружением. Следствием такого сбоя явился «снарядный голод» 1915 г., стоивший России огромных территориальных потерь. Развитие государственно-монополистического капитализма (ГМК) в этих условиях соотносилось с вопросом о дальнейшем национальном существовании. Уже в 1916 г. стремительно осуществляемая монополизация вывела оборонную промышленность России из состояния кризиса¹⁷⁰.

В общественном сознании последних лет прочно утвердился неолиберальный стереотип об однозначно негативной роли монополий в экономи-

¹⁶⁸ *Шебалдин Ю.Н.* Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до Первой мировой войны). Статья // Исторические записки. 1959. № 65.

¹⁶⁹ *Витчевский В.* Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Монография. СПб.: Д.А. Казицын и Ю.Д. Филиппов, 1909; *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. Монография. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954; *Сидоров А.Л.* К вопросу о строительстве казенных военных заводов в России в годы Первой мировой войны. Статья // Исторические записки. М., 1955. Т. 54; *Шаццлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. Монография. М.: Наука, 1992; *Калинин Д.В.* Управление казенной промышленностью в дореволюционной России (на примере Морского ведомства). Монография. М., 1995.

¹⁷⁰ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Монография. М.: РОССПЭН, 1997. С. 19, 26.

ческой жизни. Сам термин «монополизация» используется исключительно в отрицательном смысле. Даже в Конституции РФ декларируется запрет любой экономической деятельности, направленной на монополизацию.

Тотальная монополизация, как и абсолютная свободная конкуренция, представляют собой две абстрактно-идеальные, полюсные модели. В чистом виде они не существуют и никогда не существовали.

Исторический опыт экономической модернизации России конца XIX в. — начала XX в. — яркая иллюстрация в пользу оптимума монополизации. Этот период дает возможность прямого сравнения эффективности развития различных отраслей, одни из которых были монополизированы, а другие — полисубъектны. Наиболее монополизированными являлись сферы металлургии, машиностроения, транспорта, нефтедобычи, сахарной промышленности. В результате, развитие этих отраслей осуществлялось с интенсивностью, в разы превосходящей средний уровень. Фактически не имелось монополий в сфере легкой промышленности. Как следствие, отрасль сильно отставала от общих темпов российской модернизации.

Вероятно, монополии не для всех стран приемлемы. Но в отношении России их развитие представляется объективной закономерностью. Одно дело, когда монополии исторически складываются на основе дисперсной мелкой промышленности, а монополист подменяет собой множественность мелких собственников. Именно таким было монополистическое развитие на Западе. Совсем другой сценарий представляет модернизация в России. Создание новых отраслей шло здесь не снизу, путем объединения мелких производителей, а сверху — посредством их государственной институционализации. Учрежденное в пустующей нише предприятие, естественно, оказывалось монополистом. Первое место в мире, которое Россия занимала по концентрации производства, являлось следствием именно такого сценария развития. Можно говорить об историко-страновой, и даже цивилизационной, вариативности путей монополизации. Логика формирования монополий в России соотносилась с характером экономики «догоняющего типа». Монополизация была одним из важнейших механизмов форсированного развития.

Характерной чертой российской экономической модернизации являлась ставка на крупную промышленность. На рубеже XIX–XX вв. Россия занимала первое место в мире по степени концентрации производства. Дисперсная модель развития экономики в странах Запада (прежде всего США) к ней не применима. Экономически прорывными для России являлись отрасли, связанные с функционированием сверхкрупных промышленных предприятий-монополистов. Соотношение крупной и мелкой промышленности в городской инфраструктуре России начала XX в. прослеживается в табл. 2.1.2. Из сопоставления колонок «Производство» и «Число рабочих» следует вывод о более высокой производительности труда в крупной промышленности.

Констатация данного факта противоречит сложившемуся стереотипу о превосходстве мелких компаний¹⁷¹.

Таблица 2.1.2

**Соотношение крупной и мелкой промышленности в России
в начале XX в.**

Виды промышленности	Производство		Число рабочих	
	млн руб.	%	тыс. чел.	%
Крупная промышленность	4900	77,5	2700	69,2
Мелкая городская промышленность	700	12,5	1200	30,8

Абсолютизация принципа хозяйственной самостоятельности имела в специфических условиях России весьма негативные последствия. Одной из базовых аксиом реформ начала 1990-х гг. являлось утверждение, что переход к рыночной экономике неизбежно приведет к исчезновению нерентабельных предприятий. Главная задача виделась в устранении государственной опеки. Однако, вопреки логике реформ, отказ от политики госпатернализма привел к резкому увеличению удельного веса убыточных предприятий (рис. 2.1.115)¹⁷².

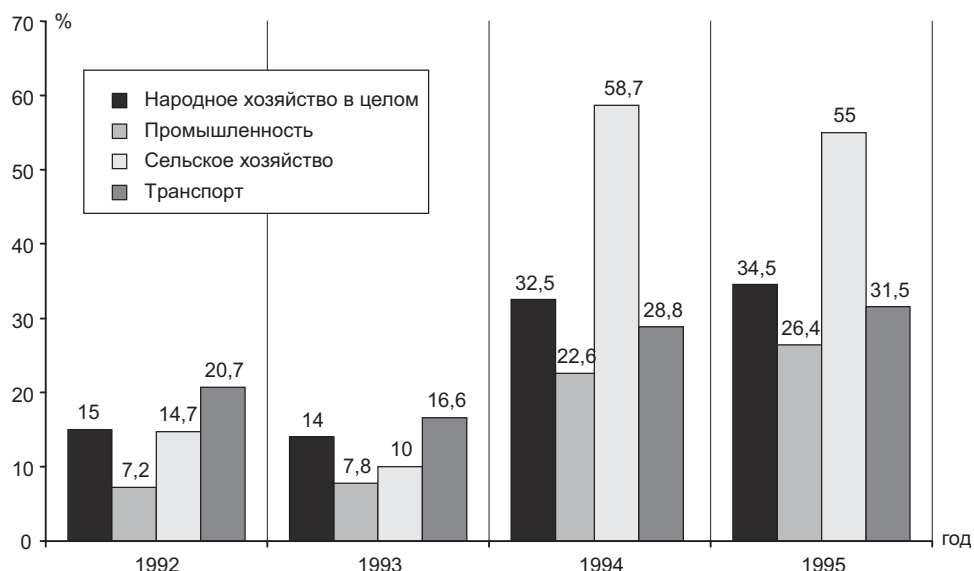

Рис. 2.1.115. Удельный вес убыточных предприятий в России в первой половине 1990-х гг. (в % от общего числа предприятий)

¹⁷¹ Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. Монография. М.: Кооперативное издательство, 1922. С. 4.

¹⁷² Российский статистический ежегодник. 1996. М.: Госкомитет РФ по статистике, 1996. С. 428; Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Монография. В 5 т. Т. 5. М.: Владос, 2006. С. 219.

Экономический опыт России свидетельствует в пользу не абсолютизации, а оптимизации ее этатичности.

Вопреки цивилизационной предрасположенности к этатизации, представительство государственного сектора в экономике современной России существенно ниже, чем даже на «либеральном» Западе. Если во Франции доля госсобственности составляет 55%, то в Российской Федерации — только 23% (а с учетом теневого сектора и того ниже — 15%)¹⁷³. Долевое участие государства по расходам в ВВП/ВНП за период с 1913 г. по 1990 г. возросла: в США — с 6,5 до 36%, Великобритании — с 10 до 44%, во Франции — с 12 до 51,4%, в Германии — с 10 до 43,7%, Италии с 9,5 до 49,3%. Вопреки мировой тенденции, в России за 1990-е гг. эти показатели сократились с 46–49% до 27,5%¹⁷⁴.

Опыт хозяйственного развития государств, экономическая система которых традиционно характеризуется в качестве рыночной, предоставляет массу примеров поддержки «нерентабельных» отраслей. Так, немцы в течение длительного времени поддерживали убыточную угольную промышленность, а японцы — некупающее себя рисоводство. Наряду с критерием рыночной микрорентабельности целесообразно видеть и критерий внутринациональной рентабельности. Он измеряется не по прямой прибыльности отдельных предприятий или хозяйственных отраслей, а для национальной экономики в целом. При этом используются макроэкономический (одна отрасль опосредованно обеспечивает развитие других), социальный (обеспечение трудовой занятости населения, снижение затрат на социальные нужды), оборонный (обеспечение обороноспособности страны как условие ее экономической субъективности), статусный (поддержание статуса экономически состоятельного государства, благоприятно сказывающегося на инвестиционной динамике, валютном курсе, трудовом психологическом тоне населения) и некоторые другие параметры.

Цивилизационная специфика организации российской мир-экономики обнаруживается в традиционной структуре налогообложения населения. В России, в отличие от стран Запада, несоразмерно более значимым в процентном распределении компонентом выступали косвенные налоги. Тогда как в Российской империи к началу XX в. они превышали объемы косвенного налогообложения почти в семь раз, во Франции — только в 3 раза, Англии — в 2,3 раза, Германии — менее чем в 2 раза.

Существовавшие различия зачастую использовались в качестве оснований для обвинения российской экономической системы в феодальном архаизме. Выдвигались упреки о сдерживающем воздействии косвенного

¹⁷³ Независимая газета. 2002. 5 апр. С. 2.

¹⁷⁴ Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст. Статья // Восток — Запад — Россия. Сборник статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 168.

налогообложения на развитие капиталистического предпринимательства. Сложился историографический стереотип рассмотрения высоких косвенных налогов в царской России в качестве индикатора ее отсталости.

В действительности еще в начале XIX в. по величине поступления в доходную часть бюджета между прямыми и косвенными налогами существовало примерное равенство (в 1805 г. — 44,8 млн руб. прямых налогов и 45,0 млн руб. — косвенных). Более того, к середине правления Александра I первый из указанных видов налогообложения имел даже преимущество (в 1810 г. — 82,3 млн руб. прямых налогов и 62,6 млн руб. — косвенных). Ситуация принципиально изменилась только в дальнейшем. Доля косвенных налогов имела на протяжении XIX столетия общую тенденцию возрастания. Особо динамичный их рост фиксировался в период царствования Александра III. Следовательно, интерпретацию высокого косвенного налогообложения в России в качестве феодального пережитка можно охарактеризовать как явное заблуждение. Уместно даже говорить о корреляции роста косвенных налогов с динамикой экономического развития страны (рис. 2.1.116)¹⁷⁵.

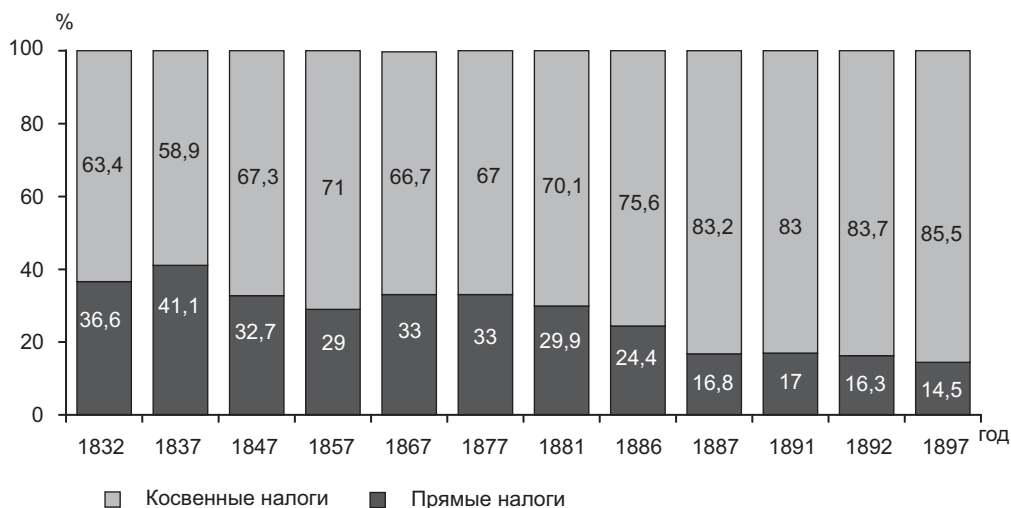

Рис. 2.1.116. Структура налогов в государственных доходах Российской империи в XIX в.

¹⁷⁵ Русское хозяйство. Монография. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 245–247; Печерин Я.И. Исторический обзор государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 включительно. Монография. СПб., 1896; Он же. Исторический обзор государственных доходов и расходов с 1844 по 1863 включительно. Монография. СПб., 1898; Безобразов В. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение, 1866–1872. Статья // Статистический временник. СПб., 1882; Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. Статья // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.

Данный феномен находит объяснение при анализе структурной специфики косвенных налогов в России. Обложению подлежала не хозяйственно-предпринимательская деятельность сама по себе, а главным образом сферы связанные с избыточным потреблением: алкоголь, табак, сахар, привозимые из-за границы предметы роскоши и т. п. В ценностном смысле оценки явления можно говорить об этическом подтексте косвенного налога (рис. 2.1.117)¹⁷⁶. Облагались, по существу, те аспекты человеческого бытия, которые хотя законодательно и не запрещались, но выходили за рамки представлений о праведном образе жизни. Установление налога на роскошь в современной России не только представляет новую доходную статью для бюджета, но может явиться одним из факторов идейно-духовного оздоровления общества.

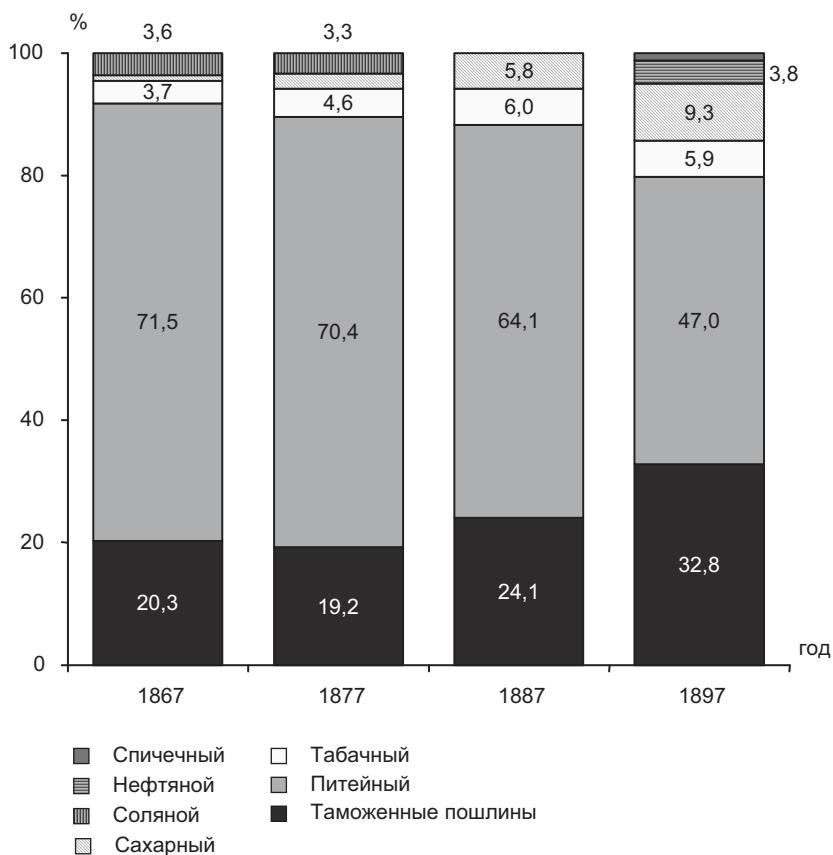

Рис. 2.1.117. Структура косвенных налогов в Российской империи в последней трети XIX в.

¹⁷⁶ Русское хозяйство. Монография. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 247.

Характерна произошедшая за рассматриваемый период отмена соляного налога (соль, как известно, издревле относится к предметам потребления первой необходимости). В то же время существенно возросли те виды акцизных сборов, которые свидетельствовали о высоком уровне достатка. Природа налога на спички определялась его связью с табачным акцизом.

Традиционно высокие питейные сборы в России в 2,5 раза превышали суммарные поступления от прямых налогов. С 1897 г. действовала норма десятикопеечных отчислений с каждого градуса спирта. Злословия критиков о «пьяном бюджете» только подчеркивали его значимость для российской экономики. Впрочем, и в ряде западных государств доходы от питейного сектора занимали видное место в структуре общих налоговых поступлений (во Франции — 14,1%, в Англии — 23,6%). Только недоумение может вызывать фактический откат от модели «пьяного бюджетного обеспечения» в постсоветской России¹⁷⁷.

Тезис о необходимости повышения роли государства в экономических процессах наталкивается на проблему кадровой недостаточности. В действительности афоризм о «тьме власти» в России не подкрепляется сопоставительной мировой статистикой. Управленческих кадров в России в общей структуре занятости населения существенно меньше, чем не только в большинстве западных стран (которые, казалось бы, идут по пути минимизации управления экономикой), но и чем в бывших республиках СССР¹⁷⁸. Порочность существующей российской бюрократии не может снять с повестки вопрос о расширении управленческого сектора (рис. 2.1.118).

Без бюрократического аппарата модель, основанная на парадигме активного государственного вмешательства в экономические процессы, не может надлежащим образом функционировать. Стремительное расширение хозяйственной бюрократии в начале 1930-х гг. обеспечило тогда эффективность воздействия приводных ремней государства в гонке индустриального прорыва.

Правда, увеличивая лишь количественные параметры кадрового контингента, положение дел принципиально не исправить. Динамика роста численности студенчества в постсоветской РФ и одновременное падение квалификационных характеристик системы высшего образования этому наглядное свидетельство. В современной России численность студенческих кадров неуклонно растет, значительно превышая показатель советского времени, тогда как научные инфраструктуры деградируют.

---

¹⁷⁷ Там же. С. 247.

¹⁷⁸ Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М.: Госкомитет РФ по статистике, 2004. С. 158.

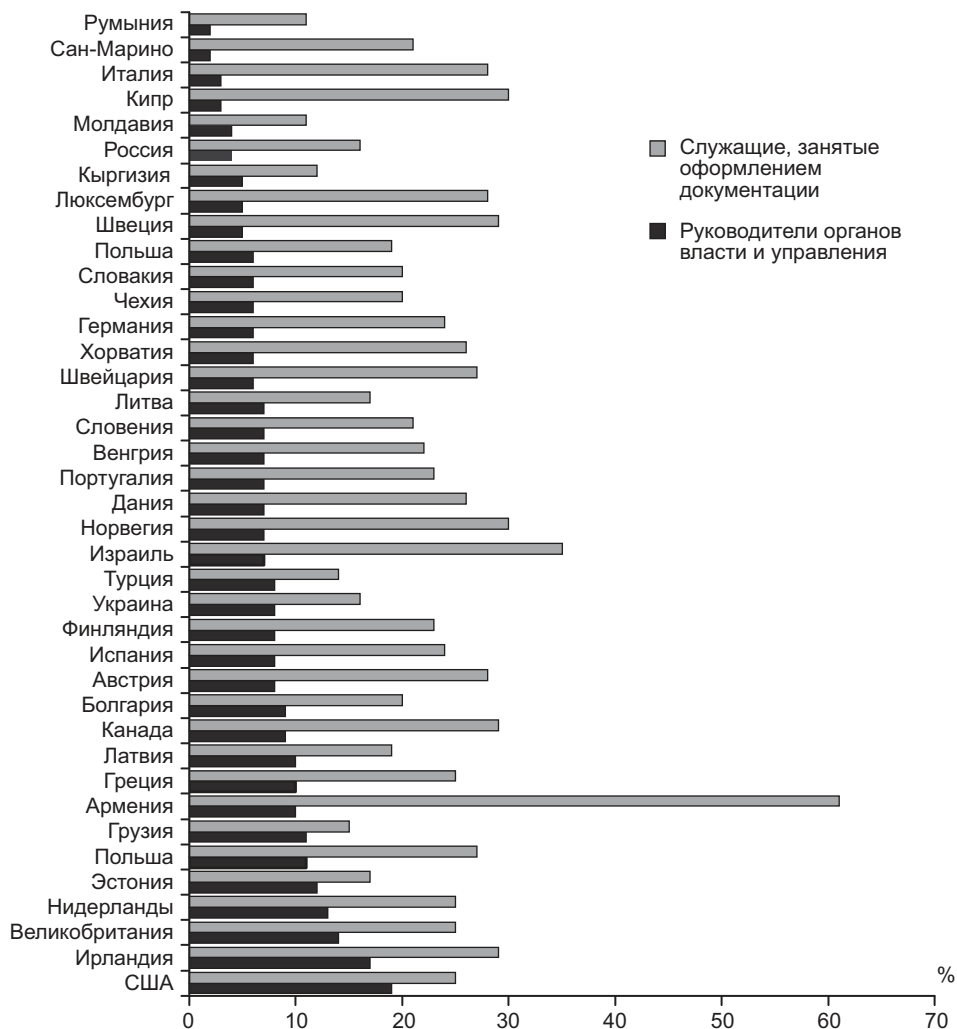

Рис. 2.1.118. Структура занятости по управленческим группам занятий в странах Европы, Северной Америки СНГ

Все чаще в последнее время исторически дезавуировавшие себя сторонники либерально-рыночной модели экономики прибегают к доводу, что настоящего либерализма в России еще не было, а вместо него в результате реформ сформировалась система государственного капитализма. Действительно, чистой, без иносистемных примесей либерально-рыночной экономики, равно как и автаркичной, вообще никогда нигде не существовало. Поэтому упрек в том, что либерализм «не настоящий», может быть адресован любой из самых либеральных стран.

Характерно, что российские либералы, утверждая о своем разрыве с марксистским идеологическим наследием, активно оперируют его понятийными конструкциями, такими как «государственно-монополистический капитализм». По отношению к современной России такого рода понятийная экстраполяция не выдерживает никакой критики. Доля государственного сектора в российской экономике в 2–3 раза уступает его представительству в экономических системах ведущих либерально-рыночных держав. О регуляторных функциях Российского государства пока не может быть и речи. В лучшем случае власть пытается умерить политические амбиции олигархов. Бурного роста военно-промышленного комплекса, традиционно рассматриваемого в качестве характерной черты государственно-монополистического капитализма, в Российской Федерации также не наблюдается.

Формами ГМК, в его классическом марксистском понимании, являются превращение государства в собственника средств производства и, в частности, некоторых отраслей промышленности, транспорта; создание смешанных государственно-частных предприятий; скупка государством акций частных компаний; государственные капиталовложения в различные отрасли производства, научные исследования¹⁷⁹. Очевидно, что ни одна из форм проявления ГМК к экономике современной России не имеет отношения.

Общинно-артельные принципы хозяйственной самоорганизации

С точки зрения исторических традиций особенно необоснованными представляются проекты отказа от государственного регулирования сельского хозяйства в России, где изобилие исключено в силу природных условий и даже для крестьянина всегда актуальной являлась проблема физического выживания. При традиционной урожайности на уровне сам-3 — сам-4 русское крестьянское хозяйство не могло быть товарным¹⁸⁰. Поэтому для развития промышленной сферы, науки и культуры, а по большому счету — для выживания России, требовалось заставить крестьянина отдать часть необходимой ему самому продукции. Таким образом, продрозверстка являлась, при известных модификациях, действенным на всем протяжении русской истории цивилизационным механизмом. Понимая это, С.Ф. Шарапов, в противоположность П.А. Столыпину, призывал оказывать финансовую поддержку не отдельным крестьянам, ушедшим в отруба или на хутора, а самой общине¹⁸¹.

Методология соотнесения экономических систем с цивилизационной традицией позволяет найти такой формат института собственности, который отражал бы национальные представления о социальной справедливости.

¹⁷⁹ Краткий политический словарь. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 87.

¹⁸⁰ Пайнс Р. Россия при старом режиме. Монография. М.: Независимая газета, 1993. С. 18–21.

¹⁸¹ Модели общественного переустройства России. XX век. Монография / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 195–196.

Сообразно с таким подходом собственность в России должна определяться в качестве функции труда, а не капитала. На трудовом ее понимании базировался, в частности, феномен русской хозяйственной колонизации, установившей существующие пространственные параметры России. Собственным правовым императивом исторически выступала формула «куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда являлась основанием земельного владения. Напротив, покупка земли далеко не всегда признавалась справедливой основой права собственности¹⁸². На уровне укоренившихся традиционных для русского менталитета представлений крестьян господствовало убеждение в том, что природные ресурсы не могут принадлежать кому-то персонально, ибо есть дар Господа. Земля Божья, а потому, в человеческом смысле, ничья. Работа на ней является единственным основанием землевладения¹⁸³. А.И. Васильчиков вообще отрицал наличие в традиционном национальном понятийном арсенале России дефиниции «собственность» в ее западноевропейском осмыслении, вместо этого циркулировали правовые значения держания, занятия, пользования землей¹⁸⁴.

Итак, собственность в России должна иметь трудовую, а не ростовщическую природу. Необходимо установить критерий ответственности за использование ее по функциональному назначению, что может повысить экономическую эффективность природопользования.

Историческим приводным ремнем государственного управления экономикой в России выступала общинная система хозяйствования. «Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, — писал консервативный экономист С.Ф. Шарапов, — и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий...»¹⁸⁵. Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйством. Другим ее назначением являлось решение социальных задач, что соотносилось с критериями социализированного типа экономики (рассмотрение экономических успехов с точки зрения социальной справедливости).

¹⁸² Щербина Ф.А. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Монография. Воронеж, 1897.

¹⁸³ Ефименко А.Я. Обычное право. Монография. М., 1894.

¹⁸⁴ Васильчиков А.И. О самоуправлении. Монография. В 3 т. СПб., 1862–1871; *Он же*. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Монография. В 2 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876; *Он же*. Сельский быт и сельское хозяйство России. Монография. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881.

¹⁸⁵ Шарапов С.Ф. Русские исторические начала и их современное положение. Монография. М., 1908. С. 25–26.

У общины имелись и собственно производственные преимущества над единоличным хозяйствованием. Реализуя принцип чересполосицы, она обладала значительно большей устойчивостью от воздействия природно-климатических факторов. Выше, в сравнении с единоличными хозяйствами, был и ее потенциал в распространении технических нововведений. Показательны в этом отношении опережающие темпы технических инноваций в аграрном секторе в общинных великорусских регионах, в сравнении с единоличными, по преимуществу, малороссийскими территориями¹⁸⁶.

Общинное хозяйство предоставляло возможность проведения масштабных аграрных мероприятий, каковой, за редким исключением, были лишены индивидуальные собственники. Именно община обеспечила переход крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной к многопольной системе севооборота¹⁸⁷.

Статистика урожайности в Российской империи развенчивает миф о якобы вызванном прежде всего фактором роспуска общины столыпинском аграрном чуде. Последний год премьерства П.А. Столыпина (1911 г.) был наименее успешным для российского аграрного сектора начала XX в. Наивысшей же динамики в сельскохозяйственном производстве удалось достичь уже после убийства премьера (в 1913 г.) и начавшегося свертывания его экономического курса (рис. 2.1.119)¹⁸⁸.

Опасность демонтажа общины для России и правота шарашовских идей обнаружили в Первую мировую войну. Вопреки предположениям, что частник будет более склонен к проявлениям патриотизма как человек, защищающий свою собственность, реально предстала прямо противоположная картина. Крестьянин-единоличник не желал ни идти на фронт, ни снабжать армию продовольствием за бесценку. Ленин был совершенно прав, когда писал о кулацком саботаже. Политика военного коммунизма была, как известно, еще до большевиков апробирована царским правительством. 20 ноября 1916 г. министр земледелия А.А. Риттих подписал распоряжение о введении продразверстки. Только с октября 1915 г. по февраль 1916 г. власти 50–60 раз прибегали к карательным реквизициям зерна, понижая ими же самими установленные твердые цены¹⁸⁹.

¹⁸⁶ *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). Монография. М.: Готика, 2006. С. 226–227.

¹⁸⁷ *Качаровский К.Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). Монография. СПб., 1890; *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Монография. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876; *Воронцов В.П.* Крестьянская община. Монография. М., 1897; *Карелин А.А.* Общинное владение в России. Монография. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1893.

¹⁸⁸ Статистический ежегодник на 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1913. С. 716.

¹⁸⁹ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Монография. М.: РОССПЭН, 1997. С. 19, 26.

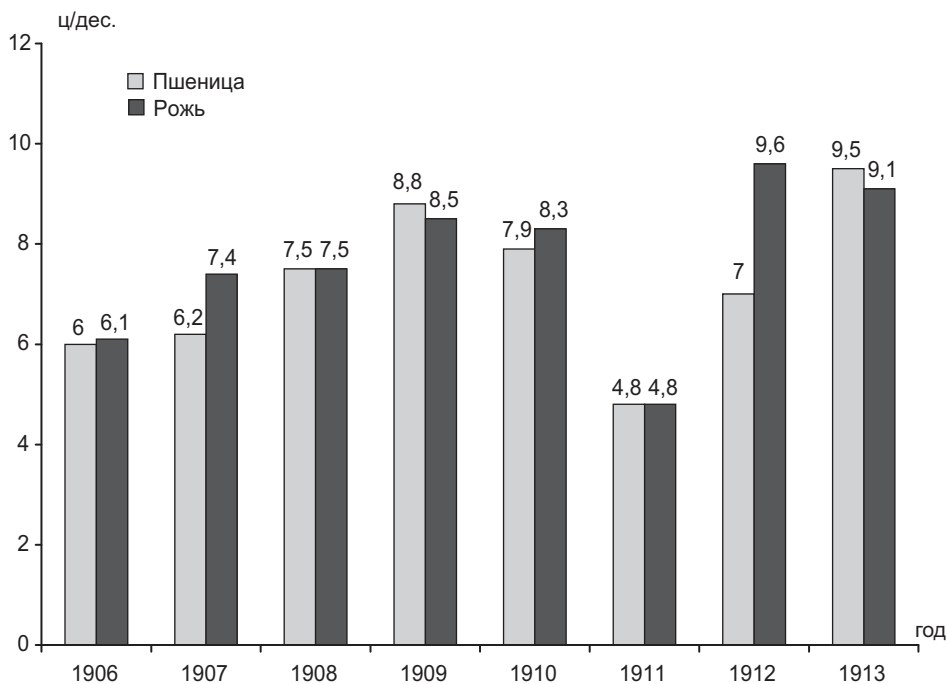

Рис. 2.1.119. Урожайность зерна и картофеля в России

Даже успешное развитие частного сектора не означает, что результаты затраченного в нем труда будут иметь национальное значение. Так, в Судане и Бангладеш валовое производство сельхозпродукции даже избыточно, что не исключает массовую физическую смертность от ее нехватки. Сомали выступает одним из крупных экспортеров мяса, а собственный народ умирает от голода.

Ставка на фермерский путь реорганизации сельского хозяйства второй раз в истории России XX столетия продемонстрировала свою бесперспективность в период либеральных реформ 1990-х гг. Русский общинно ориентированный крестьянин обнаруживал свое ментальное несоответствие эталону американского фермера. Из колхозной общины вышло единоличных хозяйств даже меньше, чем из «мирской» общины во время сталинских преобразований. К концу 1990-х гг. на долю фермеров в России приходилось лишь 6% обрабатываемой земли и 2% валовой продукции аграрного сектора¹⁹⁰. В настоящее время число зарегистрированных фермерских хозяйств обнаруживает тенденцию к сокращению¹⁹¹.

¹⁹⁰ Экономист. 1999. № 5. С. 69.

¹⁹¹ Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Монография. В 5 т. Т. 5. М.: Владос, 2006. С. 318–319.

Элементы общинной системы были с успехом инкорпорированы в промышленное производство. На ранних стадиях развития промышленности в России крестьяне приписывались (на крепостных предприятиях), либо нанимались (на вольнонаемных предприятиях) не в индивидуальном порядке, а общинно. Зачастую сами общины направляли своих представителей на заработки. К началу столыпинских реформ значительная часть русских рабочих не относилась к пролетариату в его марксовом понимании ввиду приписки их к определенному общинному землевладению (принадлежность к собственникам).

Модель общины была положена в организацию «русской артели», представлявшей собой исключительно национальную форму хозяйственной самоорганизации и самоуправления. Артельщиков связывала круговая порука, солидарное ручательство всех за каждого. Возведенное в принцип существования равноправие членов артели позволяет противопоставлять ее капиталистическим предприятиям (в литературе используется характеристика их как антикапиталистических организаций). Уместно также говорить об особом феномене русской трудовой демократии. В Российской империи были известны случаи, когда вся деревенская община представляла собой артельное объединение¹⁹².

О высокой трудовой эффективности артельного труда может свидетельствовать опыт форсированного строительства в течение 10 лет Великой Сибирской магистрали, проложенной главным образом руками артельщиков. Лишь 8 тыс. человек было задействовано в прокладке 7,5 тыс. км железнодорожного полотна¹⁹³. Модификацией в организационном отношении артельных форм труда явились впоследствии автономные бригады, получившие с 70-х гг. XX в. широкое распространение в ряде высокоразвитых стран с рыночной системой хозяйствования. Очевидно, что опыт общинно-артельной трудовой демократии в России может быть в соответствии с национальными традициями экономической жизни использован и в современной управленческой практике.

Вопреки национальной традиции артельного труда доля семейных рабочих и членов кооперативов в общей структуре трудовой занятости в экономике России крайне невелика — 0,7%. Это даже меньше, чем во многих западноевропейских странах, исторически более тяготевших к индивидуальным формам найма. Между тем в других православных государствах Европы численность указанной категории экономически занятого населения,

¹⁹² *Воронцов В.П.* Артельные начинания русского общества. Монография. СПб., 1895; *Исаев А.* Артель в России. Вып. 1–2. СПб., 1872–1873; Он же. Община и артель. Статья // *Юридический вестник.* 1884. № 1; *Калачев Н.В.* Артель в древней и нынешней России. Монография. СПб.: Типография В. Головина, 1864.

¹⁹³ *Паталеев А.В.* История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Монография. Хабаровск: Знание, 1951.

как правило, довольно высока, что свидетельствует о наличии связи православия с коллективной моделью организации трудовых отношений. Среди христиан наибольшую предпочтительность к коллективистскому хозяйствованию обнаруживают православные, несколько меньшую — католики, незначительную — протестанты¹⁹⁴.

Еще одно характерное сравнение. Руководство современной Грузии, как известно, декларирует стремление развивать экономику страны по американскому образцу. Однако ментальные трудовые предрасположенности у американцев и грузин совершенно различны. Если в протестантских по преимуществу США доля семейных рабочих и членов кооперативов составляет 0,1% экономически занятого населения, то в православной Грузии — 31,4%¹⁹⁵.

Принцип опоры на собственные силы

Интенсивное финансирование Западом экономики коммунистического Китая заставляет подвергнуть сомнению наличие прямой связи между демократией и притоком капитала. Масштабные инвестиции идут в Тайвань и Южную Корею, также не отличающиеся строгой приверженностью принципам гражданского общества. Следовательно, дело заключается вовсе не в политической привлекательности.

Конечно же, Россия — не Китай. Почему китайская коммунистическая экономика оказалось привлекательней для иностранных инвесторов, чем капиталистическая российская? Для ответа на этот вопрос достаточно обратиться к сопоставлению природно-климатических параметров. Россия — самая холодная страна мира. Издержки производства в ней неизмеримо выше, чем в Китае. Вложив деньги в китайскую экономику, инвестор извлечет больше прибыли, чем от российской. Перевести индустриальное производство из какой-либо страны Европы в Китай экономически выгодно, в Россию — убыточно. Поэтому опыт китайского правительства по привлечению иностранных инвестиций не может быть без должных поправок экстраполирован на российский экономический контекст.

Индикатором инвестиционной непривлекательности России может служить тот факт, что прямые иностранные инвестиции в РФ существенно уступают российским капиталовложениям за рубежом. Что же надеяться на западных спонсоров, если сами россияне не склонны инвестировать средства в национальную экономику¹⁹⁶?

Российский исторический опыт свидетельствует об утопичности ожиданий масштабных иностранных вкладов. Казалось бы, применительно

¹⁹⁴ Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М.: Госкомитет РФ по статистике, 2004. С. 157.

¹⁹⁵ Там же. С. 157.

¹⁹⁶ Российская бизнес-газета. 2002. 25 июня. С. 4; Там же. 2003. 26 августа. С. 4.

к Российской империи конца XIX — начала XX вв. складывалась благоприятная, в сравнении с современной Россией, общая конъюнктура для внешнего инвестирования. Она являлась, по сути, единственной страной тогдашнего мира, сочетающей индустриальную инфраструктуру со сравнительно низкими расценками заработной платы. Российская Федерация, ввиду индустриализации стран Азии и Латинской Америки, уже не обладает преимуществом исключительности. Это при том, что царская Россия так и не дождалась масштабного инвестирования.

Доля Российской империи в мировых инвестиционных потоках оставалась незначительной. Показательно, что уровень инвестиций в российскую экономику уступал объему внешнего долга. Основной же приток иностранного капитала обеспечивали государственные проекты железнодорожного строительства, содержащие, помимо собственно российской прибыли, перспективу получения дивидендов от континентальных транзитных потоков. К концу XIX в. почти 70% размещенных за границей ценных бумаг составляли государственные или гарантированные авторитетом правительства займы, взятые под проекты создания железных дорог¹⁹⁷.

Характерно, что несмотря на активное инвестирование железнодорожного строительства, за время правления Александра III инвестиционные поступления остались примерно на том же уровне, что и в предшествующее царствование (2460 млн руб. — в 1881 г. и 2951 млн руб. — в 1893 г.). Экономический прорыв происходил, таким образом, при опоре на собственные силы, а вовсе не на внешние источники финансирования¹⁹⁸.

При Александре III не только не создавалось благоприятного «инвестиционного климата», но, напротив, в целях защиты национальной экономики ставились многочисленные препоны для предпринимательской деятельности иностранцев. К примеру, был установлен запрет на занятие иностранцами горными промыслами. Им запрещалось приобретать недвижимость, а также владеть и пользоваться ей вне пределов городских и торговых поселений ряда западных губерний Российской империи. Слабонаселенные регионы страны — такие как Сибирь, или Приамурье — были ограждены законом от возможного заселения их иностранными гражданами. Да и вообще, для открытия собственного дела в России иностранцу, как правило, требовалось получить соответствующее императорское дозволение. Показательно, что с 1869 г. по 1896 г. в России было создано лишь 71 иностранное предприятие¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Монография / Под общей редакцией и с предисловием В.И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1996. С. 14.

¹⁹⁸ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 15, 315–316.

¹⁹⁹ Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861–1916 гг. Статья // Там же. М.: РОССПЭН, 1997. С. 23–25.

Иностранцы по масштабам деловой активности в российских столицах, наиболее тяготеющих в сравнении с другими городами к космополитизации, занимали лишь четвертое-пятое место среди различных групп населения (в Москве — четвертое, в Петербурге — пятое). Они составляли не более 8% как оптовых, так и розничных (лавочных) торговцев. Характерной чертой деятельности иностранных предпринимателей в России являлась ориентация на зажиточные слои населения, заинтересованные в дорогих импортных товарах²⁰⁰.

Соотношение между иностранными и отечественными вложениями в российские акционерные предприятия неизменно увеличивалось в сторону последних, достигнув к началу мировой войны превышения в 2,4 раза. Реальная доля иностранного инвестирования была даже ниже показателей, фиксируемых официальной статистикой. Российские компании и банки обращались к иностранцам главным образом не по финансовым, а по рекламным соображениям, желая заполучить западную маркировку, считавшуюся признаком высокого качества²⁰¹.

Даже в нэповский период иностранные концессии не играли существенной роли в советской экономике. Для их учреждения в СССР требовалось специальное разрешение Совета Народных Комиссаров. Всего за время НЭП было открыто лишь 144 иностранных концессии (в число которых входили совместные акционерные общества за рубежом, организации, финансирующие экспортные операции, и т. п.). Причем 39 из них предпочитали расплачиваться с советскими партнерами не деньгами, а продукцией. Другие — как, например, германская фирма «Юнкерс», заключившая договор об организации производства дюралюминия, — так и не институционализировались в Советском Союзе. Учитывая спекулятивный характер деятельности многих концессий уже в 1930 г. принимается решение об отказе от их дальнейшего открытия. В последующие годы происходила последовательная ликвидация концессионных структур. К 1936 г. в СССР сохранялось лишь 11 иностранных концессий, которые имели скорее политическое, чем экономическое значение²⁰².

Доктрина «опоры на собственные силы» составила, как известно, идеологию программы индустриализации. В результате ее реализации Советский Союз достиг такого положения, что мог бы в принципе существовать в автономном режиме. Уровень экономической диверсификации СССР был

²⁰⁰ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Монография. Л., 1984. С. 67; Шаццлло М.Н. Иностранцы в составе российского предпринимательства. Статья // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 40–41, 43.

²⁰¹ Бовыкин В.И. Заключение // Там же. М.: РОССПЭН, 1997. С. 316, 318.

²⁰² Пентелин А.В. Советская государственно-капиталистическая концессионная политика в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Косых Е.С. Советская концессионная политика в 1920-е гг. Статья // Сталин. Сталинизм. Советское общество: к 70-летию В.С. Лельчука. Сборник статей. М.: ИРИ-РАН, 2000. С. 75–95.

наивысшим в мире. Вовсе не иностранные инвестиции, а государственная мобилизация экономики обеспечила наиболее стремительный за всю отечественную историю индустриальный спурт²⁰³.

В противоречии с принципом опоры на собственные силы в настоящее время развивается структурная дифференциация российского экспорта. Она имеет крайне низкую степень диверсифицированности (табл. 2.1.3). Это особо наглядно проявляется при сопоставлении российских показателей с экспортной системой других стран «Большой восьмерки». Первая статья экспорта нигде не превышала 14,5% (показатель Японии) от общего объема поставок. Данный уровень даже уступает второй экспортной статье российской экономики — природному газу — 14,9%. Приоритетная же для России торговля сырой нефтью и вовсе составляет 29% ее совокупного экспорта. При сложении с продажей нефтепродуктов эта величина возрастает до 39,5%, что позволяет ставить вопрос об угрозе национальной безопасности²⁰⁴.

Таблица 2.1.3

Структура экспорта в странах «Большой восьмерки», в %

Название страны	Первая* статья экспорта	Вторая статья экспорта	Третья статья экспорта
Великобритания	6 (медицинская и фармацевтическая продукция)	5,8 (легковые автомобили)	4,7 (сырая нефть и нефтяные масла)
Германия	3,4 (легковые автомобили)	3,2 (медицинская и фармацевтическая продукция)	2,3 (пластмассы)
Италия	3,5 (медицинская и фармацевтическая продукция)	3,4 (мебель и детали к ней)	3,3 (детали и аксессуары к автомобилям)
Канада	11,5 (легковые автомобили)	7,5 (газ природный и искусственный)	5,4 (сырая нефть и нефтяные масла)
Россия	29,0 (сырая нефть)	14,9 (газ природный)	10,5 (нефтепродукты)
США	6,6 (электронная аппаратура, трубки, транзисторы)	5,5 (летательные аппараты и оборудование к ним)	3,9 (детали и аксессуары к автомобилям)
Франция	8,4 (легковые автомобили)	5,4 (летательные аппараты и оборудование к ним)	5,0 (медицинская и фармацевтическая продукция)
Япония	14,5 (легковые автомобили)	7,5 (электронные лампы и трубки, транзисторы)	4,3 (детали и аксессуары к автомобилям)

* По объему

²⁰³ Лельчук В.С. Индустриализация. Статья // Переписка на исторические темы. М.: ИТЛ, 1989. С. 351–352.

²⁰⁴ «Группа восьми» в цифрах. 2006. Статистический сборник. М.: Росстат, 2006. С. 98–100.

Конечно, далеко не все в России, особенно в Москве, поддержат рецептуру оптимизации меры автаркичности экономической политики. Однако такая позиция представляется крайне близорукой. То, что России отведен в проекте глобализуемого мира статус сырьевого придатка, — еще не факт. Российские либералы, оправдывая нефтяную специализацию, зачастую апеллируют к опыту различных «эмиратов», безбедно живущих за счет экспорта нефти. Но только Россия — это не эмираты. Она по-прежнему крупнейшая страна в мире, на территории которой проживают 142 млн человек. Так что более вероятным сценарием в происходящей глобализации является не консервация России в качестве «сырьевого придатка», а раздробление ее на множество «эмиратов». Нефтегазовым зонам может действительно найтись место в глобальном мире, тогда как индустриальные и аграрные территории с проживающим в них подавляющим большинством россиян ожидает весьма мрачная перспектива. Либеральные надежды на то, что Россия будет допущена к «мировому пирогу» «золотого миллиарда», представляются утопичными, если не прямо лукавыми.

Исторические модели российской экономики: оптимум успешности

В целях статистической иллюстрации концепта о цивилизационной парадигме формирования национальных экономик целесообразно рассмотреть «индустриальную фазу» развития Российской империи второй половины XIX в. — начала XX в., соотносящуюся с тремя царствованиями, и, соответственно, моделями экономической политики.

После 1861 г. применительно к России фиксировался определенный спад производства, что традиционно объясняется трудностями реструктуризации крепостного хозяйствования. В течение некоторого времени положение стабилизировалось, и наблюдался экономический прирост. Впрочем, темпы развития национальной экономики в период правления Александра II оказались в сравнении с передовыми странами Запада столь незначительны, что уместнее было бы говорить о провале. Занимая к середине XIX в. второе после Великобритании место по объемам промышленного производства Российская империя, ввиду стремительного рывка своих конкурентов, безвозвратно утратила свои былые позиции. К концу правления Александра II ее доля в мировом промышленном производстве составляла лишь 2,9%, что соответствовало пятой строчке в экономической иерархии государств мира. Вновь на второе место в очередной раз выведет ее ценой неимоверных усилий советская индустриализация.

В 1873–1875 гг. российская экономика была поражена первым за ее историю «капиталистическим кризисом». Характерно, что он сказался прежде всего на мелкой промышленности, фактически не затронув государственный сектор. С 1878 г., давшего 20% прироста промышленного производства, наконец-то начался подъем. Он соотносился с кардинальной сменой экономи-

ческого курса, которая выражалась, во-первых, в существенном увеличении государственных заказов, обусловленных обстоятельствами русско-турецкой войны; и, во-вторых, резким ужесточением таможенной политики²⁰⁵. Тем не менее, экономический итог правления Александра II выражался в истощении платежных сил и всеобщем понижении благосостояния населения. Из двадцати шести лет александровского царствования только пять оказались бездефицитными. Общая же сумма дефицита превысила миллиард рублей²⁰⁶.

Вопреки распространенному в советской историографии мнению о депрессивном состоянии российской экономики 1881–1887 гг. статистика фиксирует резкий прирост за данный период по всем промышленным направлениям. По оценке английских историков А. Милворда и С. Саула, начиная с 1880 г. «промышленный рост России был самым быстрым в Европе»²⁰⁷. После длительного дефицитного состояния, наконец, был достигнут профицит бюджета. Сравнительный анализ последнего десятилетия правления Александра II с первыми десятью годами царствования Александра III не оставляет сомнений, какая из экономических моделей была более предпочтительной для России (рис. 2.1.120)²⁰⁸.

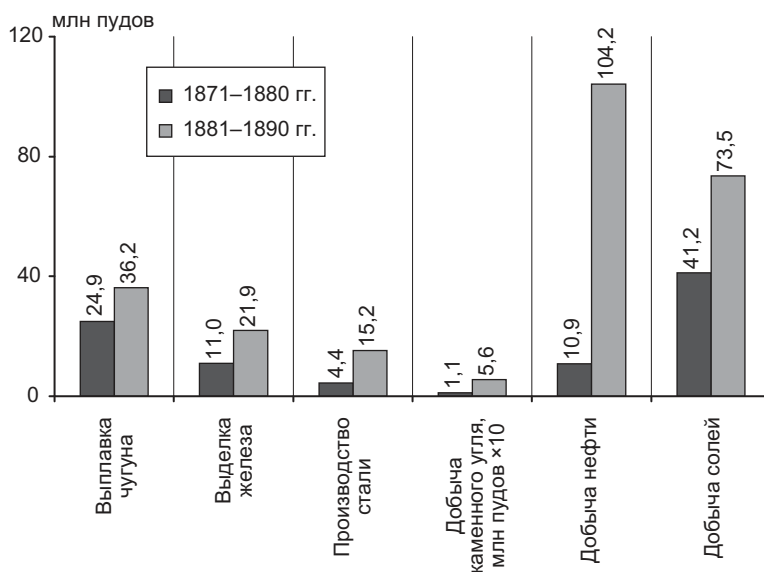

Рис. 2.1.120. Рост промышленного производства в Российской империи в 1871–1890 гг. (в среднем за год)

²⁰⁵ История СССР, 1861–1917. Учебное пособие / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1989. С. 66–67.

²⁰⁶ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 190–192.

²⁰⁷ *Milward A.S., Saul S.B.* The Development of the Economics of Continental Europe. 1850–1974. L., 1977. P. 424.

²⁰⁸ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 305–309.

С 1893 г. в Российской империи вообще начался небывалый экономический подъем, характеризующий зачастую в исторической литературе как «русское экономическое чудо». Среднегодовой прирост в промышленности составил 9%. Доля России в мировом промышленном производстве возросла к концу XIX в. до 7% (что позволило ей сравняться по валовым экономическим показателям с Францией)²⁰⁹.

Основу экономической стратегии при Александре III составил таможенный протекционизм. Его активными адептами выступали министры финансов — Н.Х. Бунге и особенно И.А. Вышнеградский. Повышение пошлин по различным статьям ввоза и вывоза осуществлялось фактически на всем протяжении царствования Александра III. Многие виды товаров, в целях поддержания отечественного производителя, вовсе запрещались для ввоза в страну. При этом размер таможенных сборов снижался при торговле с «благоприятствующими России» государствами²¹⁰.

Начавшийся уже с 1882 г. перевод в казну частного железнодорожного полотна отражал другой элемент экономического курса Александра III — приверженность принципу этатизации. Первоначально в русле обозначенной политики шел и министр финансов С.Ю. Витте, ярким свидетельством чего явилось установление в 1894 г. питейной монополии. Однако уже к концу 1890-х гг. обнаруживается противоположный крен виттевской политики, проявившийся, в частности, в установлении в 1898 г. золотого монометаллизма. Вслед за тем, уже в 1898 г. обнаруживается заметное снижение темпов промышленного производства. В 1900–1903 гг. российская экономика пребывала в состоянии глубокого экономического кризиса, что является общепризнанным в исторической литературе. Только в 1902 г. объемы промышленного производства сократились на 9%, а по некоторым отраслям — до 15%. Кризис сменился затяжной депрессией, продолжавшейся вплоть до второй половины 1909 г.²¹¹

Новый экономический рост 1909–1913 гг., как по своей продолжительности, так и по интенсивности, уступал подъему 1890-х гг. К началу войны представительство России в мировом промышленном производстве составляло 5,3%, что было несколько ниже ее же долевого участия в нем в 1898 г. Сократившееся было в конце XIX в. катастрофическое отставание России от США за период 1900–1913 гг. вновь возросло²¹². Некоторые исследователи оспаривают сам тезис о непрерывном подъеме 1909–1913 гг., указывая, что

²⁰⁹ История СССР, 1861–1917. Учебное пособие / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1989. С. 195.

²¹⁰ Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 192–196, 282–283.

²¹¹ История СССР, 1861–1917. Учебное пособие / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1989. С. 195–197.

²¹² *Folke H. Industrialization and Foreign Trade.* Geneva, 1945. P. 13; Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Монография / Под общей редакцией и с предисловием В.И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1996. С. 7.

для 1911 и 1912 гг. более подходит определение «экономическая заминка». Отмечаются также некоторые, пусть и не столь очевидные, этатистские подвиги в политике В.Н. Коковцова по сравнению со столыпинским экономическим курсом. Характерно, что кризис 1914 г. начался еще до вступления России в мировую войну, которая лишь усугубила его масштабы²¹³.

Сравнительная качественная характеристика различных систем экономической политики Российской империи фазы индустриализации подтверждает, таким образом, гипотезу о том, что вектор автаркизации и этатизации экономики, присущий политике Александра III, наиболее адекватно отражает российскую цивилизационную парадигму, дающую успех российскому экономическому развитию.

Уровень успешности сменяемых в истории России моделей экономики особенно наглядно прослеживается в сравнении с динамикой мирового производства. В России в период правления Александра II темпы экономического роста были существенно ниже, чем на Западе. Напротив, при Александре III — наивысшими в мире. При установлении виттевской экономической модели соотношение вновь изменяется в пользу Запада. Первой строчки в мировой таблице экономического развития удалось снова достичь в период советской индустриализации. Причины таких колебаний кроются, как было показано выше, в том числе в степени соотношения государственного курса с цивилизационной традицией.

Применительно к тезису о факторной зависимости динамики экономического роста в России с мерой автаркизации целесообразно проследить эволюцию внешнеторгового баланса. В Российской империи по преимуществу вывоз товаров преобладал над их ввозом. Обеспечиваемое протекционистской политикой государства такое положение являлось залогом развития инфраструктур национальной экономики. Активность торгового баланса характеризовалась Д.И. Менделеевым как один из главных механизмов процветания российской экономики. Напротив, для ряда других стран (таких как, например, Великобритания) он считал более естественным отрицательное сальдо во внешней торговле²¹⁴.

Только одиннадцать противоестественных в экономическом плане лет за все время существования Российской империи импорт преобладал над экспортом. Характерно, что десять из них (1866–1875 гг.) приходятся на эпоху правления Александра I, а один (1899 г.) — на время непосредственного вступления в действие виттевского золотого монометаллизма.

Еще до восшествия на престол Александра III само правительство, признав ошибочность прежней либеральной таможенной политики, выражен-

²¹³ *Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. Монография. М.: Экономическая жизнь, 1925. С. 164–165, 177–190.

²¹⁴ *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. Сборник. М.: Мысль, 1995. С. 99–134.

ной уставами 1857 г. и 1868 г., устанавливает с 1 января 1877 г. охранительные торговые пошлины. Результат не замедлил сказаться в виде почти сразу же наступившей фазы экономического подъема.

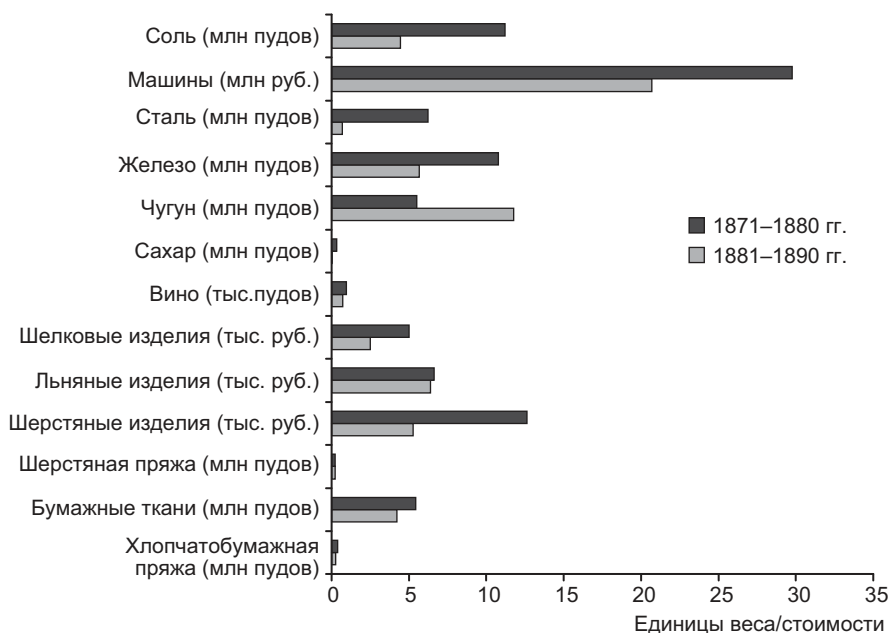

Рис. 2.1.121. Импорт товаров в Российскую империю в 1871–1890 гг. (в среднем за год)

В правление Александра III наблюдается не просто сокращение импорта в российском торговом балансе, а даже уменьшение по основным статьям абсолютных цифр ввоза товаров (рис. 2.1.121)²¹⁵.

Еще более удивительно, что в целом внешнеторговый оборот, при переводе его в денежную массу, не только не возрос или хотя бы остался на прежнем уровне, но уменьшился (рис. 2.1.122)²¹⁶. И это при том, что, как было показано выше, по всем направлениям отмечался активный экономический рост. Следовательно, взамен ориентации на внешнего потребителя происходило преимущественное насыщение внутреннего рынка.

В результате ограничительной политики правительства вовне реализовывались только те товары, которые не находили сбыта внутри страны. В этом, собственно, и заключается экономический эффект автаркичной оптимизации.

²¹⁵ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 5 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 414; Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 285–309.

²¹⁶ Там же. С. 328.

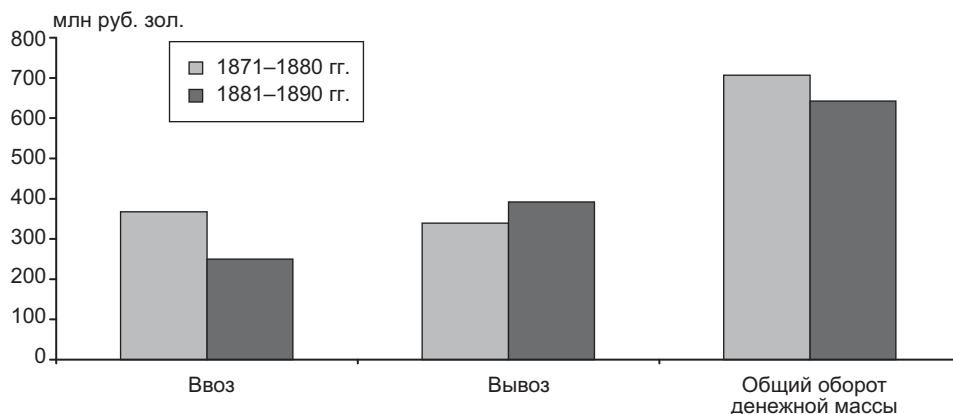

Рис. 2.1.122. Внешнеторговый оборот Российской империи в 1871–1890 гг. (в среднем за год)

Этатистско-автаркийным форматом управления экономикой характеризовался и опыт советской индустриализации. Ни одна из современных экономик не развивается со столь высокой динамикой. Набранные темпы были рекордными и в истории национального хозяйствования (табл. 2.1.4)²¹⁷.

Таблица 2.1.4

Среднегодовые темпы роста продукции промышленности в первые пятилетки, в %

	1-я пятилетка	2-я пятилетка	3-я пятилетка
Вся промышленность	19,2	17,1	13,2
Группа «А»	28,5	19,0	15,3
Группа «Б»	11,7	14,8	10,1
Оборонная промышленность	—	—	39,0

Беспрецедентный прорыв в сфере индустриализации был осуществлен в ущерб сельскому хозяйству, посредством связанной с процессом коллективизации эксплуатацией многомиллионной крестьянской массы. Действительно, в переходный период коллективизации показатели аграрного сектора снизились. Но к концу 1930-х гг. Советский Союз превзошел в сельскохозяйственной сфере показатели царской России (рис. 2.1.123)²¹⁸.

²¹⁷ Белоусов А.Р. Экономическая история России: XX век. Монография. В 5 т. Т. 3. М.: Владос, 2006. С. 138; Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 34.

²¹⁸ Белоусов А.Р. Экономическая история России. С. 222.

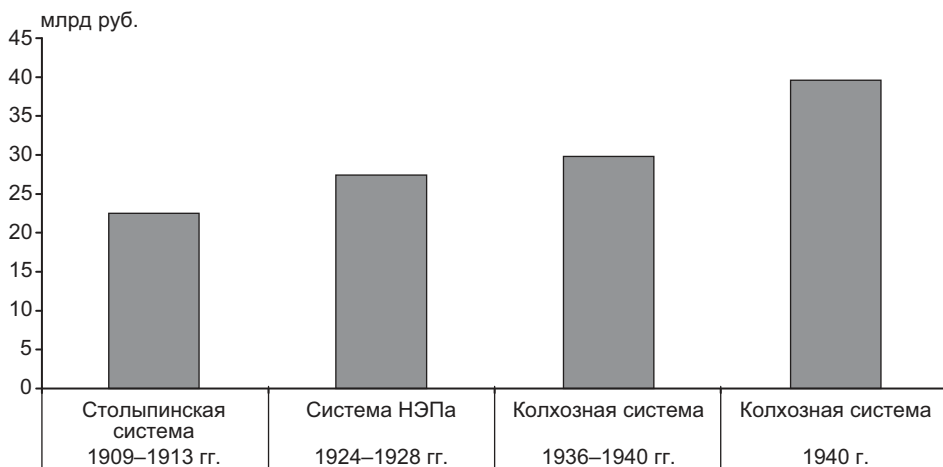

Рис. 2.1.123. Среднегодовой объем продукции сельского хозяйства (в ценах 1965 г.)

Результаты первых советских пятилеток выглядят еще более убедительными на фоне показателей экономического развития западных демократий. Сопоставление хозяйственной динамики вызывало у многих современников убеждение в преимуществе советской системы экономической организации. При принятии уровня 1928 г. (начало реализации первого пятилетнего плана) за 100% крупнейшие либеральные экономики мира фиксировали состояние промышленного производства к 1940 г. в следующих пропорциях: США — 126%, Великобритания — 130%, Франция — 87%. В то же время СССР достиг показателя в 645%²¹⁹.

Проверку на прочность советская система организации экономики прошла в период Великой Отечественной войны. Без государственно-мобилизационного потенциала, обеспечившего форсированную реструктуризацию народного хозяйства на военный лад и соответствующее перераспределение материальных ресурсов, страна не устояла бы. Характерно, что на протяжении всей войны, несмотря на потерю трудовых ресурсов и сложность эвакуации, объемы выпуска промышленной продукции превышали довоенный уровень (рис. 2.1.124)²²⁰.

В послевоенный восстановительный период Советский Союз вновь демонстрировал наивысшие в мире темпы экономического роста. Несмотря на многочисленные потери в войне, всего за 5 лет он более чем в 1,7 раза превзошел довоенные показатели развития промышленности (рис. 2.1.125)²²¹.

²¹⁹ Белоусов А.Р. Экономическая история России. С. 7.

²²⁰ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1990. С. 37.

²²¹ Симонов Н. Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920–1950 годы. Монография. М.: РОССПЭН, 1996. С. 223.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

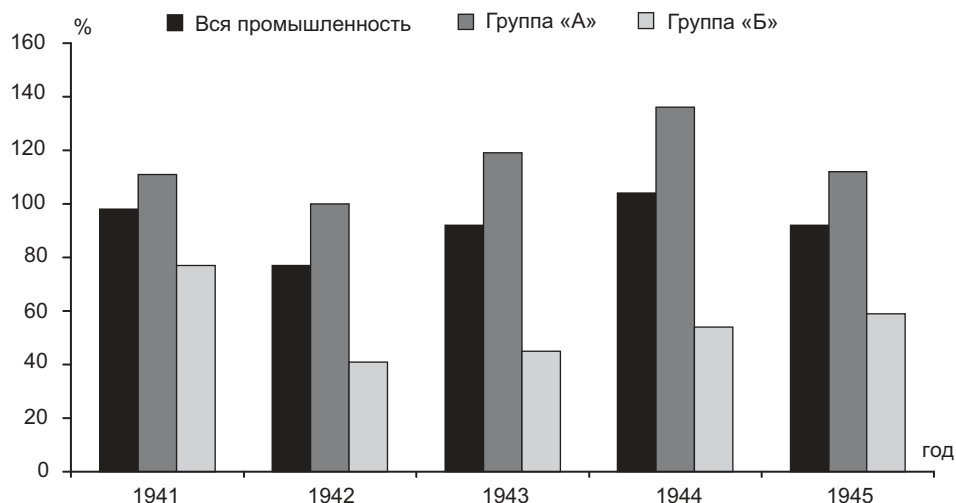

Рис. 2.1.124. Динамика выпуска промышленной продукции в СССР в период Великой Отечественной войны (1940 г. — 100%)

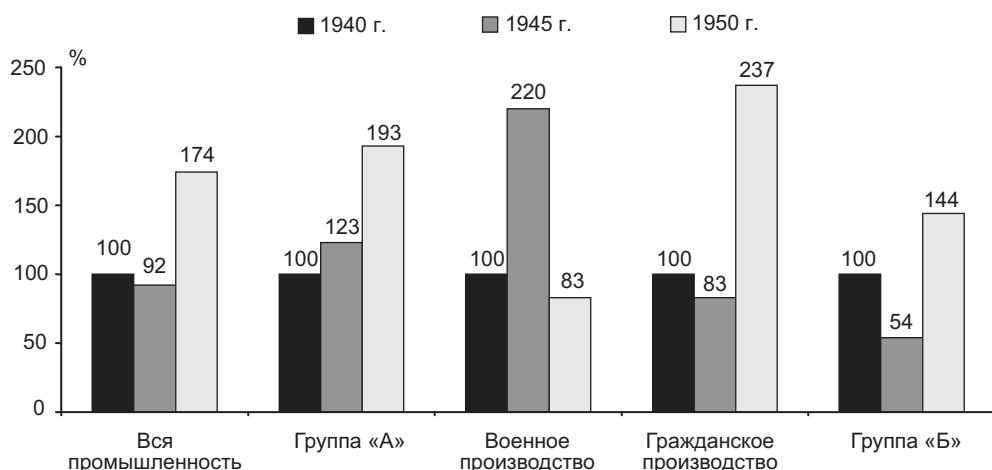

Рис. 2.1.125. Динамика общих объемов промышленной продукции в СССР в 1940–1950 гг.

Очередной прорыв был достигнут как за счет увеличения производительности труда, так и за счет снижения себестоимости продукции (табл. 2.1.5)²²². Констатация этих двух составляющих экономического успеха позволяет утверждать, что в основе форсированных темпов роста лежала не только эксплуатация населения, но и достижения инженерно-технической мысли.

²²² Белоусов А.Р. Экономическая история России. С. 305, 331, 373; Промышленность СССР. Статистический сборник. 1957. С. 25, 29; История социалистической экономики СССР. Монография. В 7 т. Т. 6. М.: Наука, 1980. С. 47–78.

Таблица 2.1.5

**Динамика производительности труда и себестоимости продукции
в промышленности в 1946–1950 гг. (в % к предыдущему году)**

Показатель	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Производительность труда	-24	+13	+15	+13	+13	+11	+7	+6
Снижение себестоимости	+0,7	-2,0	-8,6	-6,8	-5,4	-5,4	-4,4	-3,7

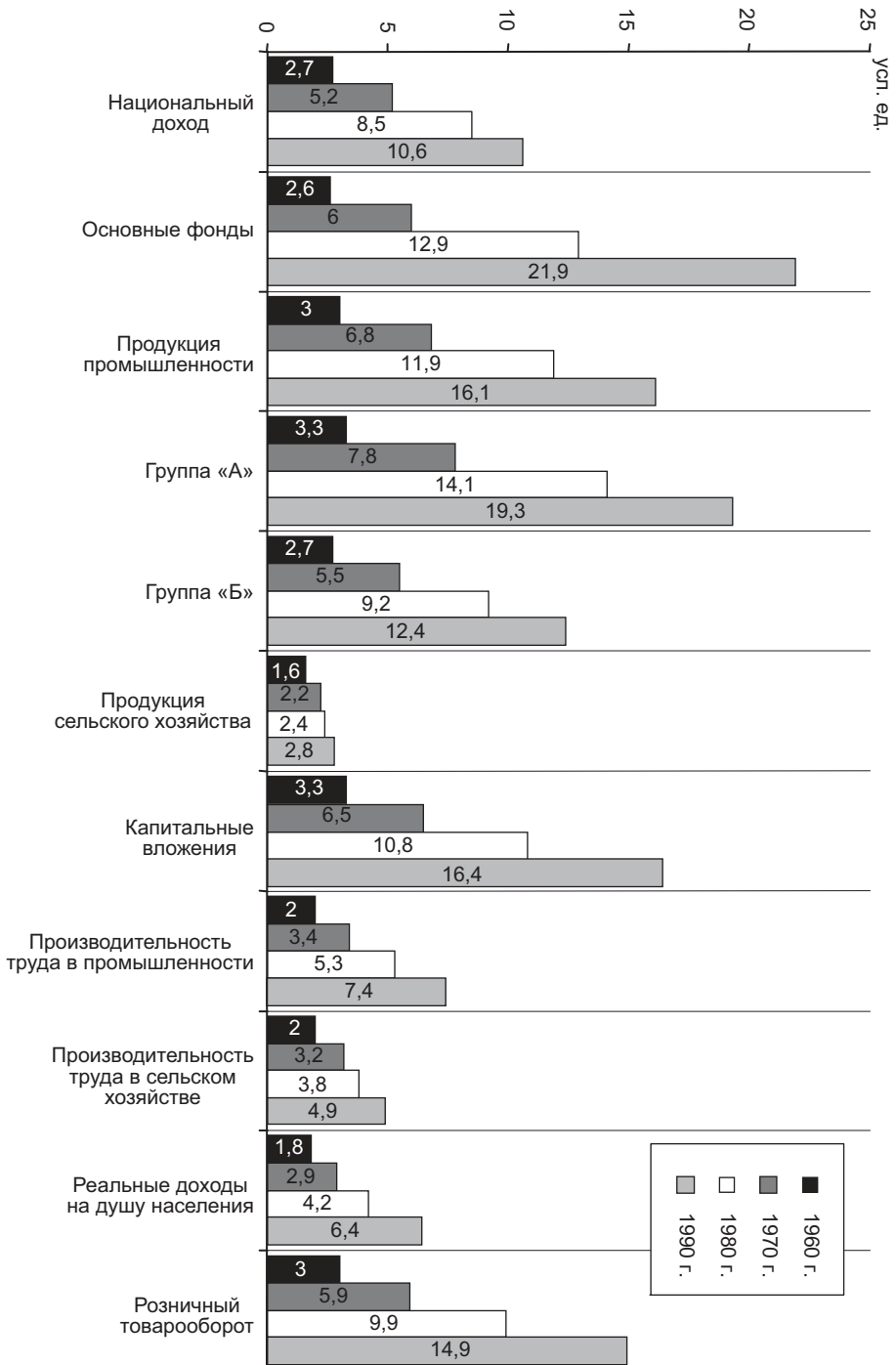
Современный исторический стереотип относительно кризиса позднесоветской системы экономики явно гиперболизирован. «Несомненно, было замедление темпов развития. Но чтоб промышленность, сельское хозяйство топтались на месте — это не так. Кому-то, видимо, понравилось слово “застой”, и пропагандистский аппарат постарался обыграть его на все лады. Но разве можно назвать застойным период, когда за 20 лет (1966–1985 гг.) национальный доход страны вырос в 4 раза, промышленное производство — в 5 раз, основные фонды — в 7 раз? Несмотря на то что рост сельскохозяйственного производства увеличился за этот период лишь в 1,7 раза, реальные доходы населения росли примерно такими же темпами, что и производительность общественного труда, и возросли в 3,2 раза. Приблизительно в 3 раза увеличилось производство товаров народного потребления на душу населения. Да, действительно, темпы экономического роста были ниже, чем в предыдущее пятилетие, но в сравнении с развитыми капиталистическими странами, кроме Японии, они были выше или равны» (рис. 2.1.126)²²³.

Другое дело, что среднегодовые темпы экономического роста СССР снижались. Впрочем, даже в начале 1980-х гг. экономический рост СССР был заметно активнее, чем у большинства западных высокоразвитых стран в настоящее время. Так что утверждение о проигрыше Советским Союзом гонки экономик требует более точной аргументации (рис. 2.1.127)²²⁴.

²²³ Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. Соч. М.: Республика, 1993. С. 220; Белоусов Р.А. Экономическая история России. С. 11; Страна Советов за 50 лет. Статистический сборник. М.: Статистика, 1967. С. 31; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 37–38; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 5.

²²⁴ Белоусов Р.А. Экономическая история России. С. 11; Страна Советов за 50 лет. Статистический сборник. М.: Статистика, 1967. С. 34,80; Народное хозяйство СССР за 1960 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1961. С. 82; Народное хозяйство за 1967 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1968. С. 328, 671, 712; Народное хозяйство СССР, 1922–1972. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1972. С. 48; Народное хозяйство СССР, 1922–1982. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1982. С. 464; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический сборник. М.: Финансы и

Рис. 2.1.126. Основные показатели развития советской экономики в 1960–1980 гг. (1950 г. = 1)

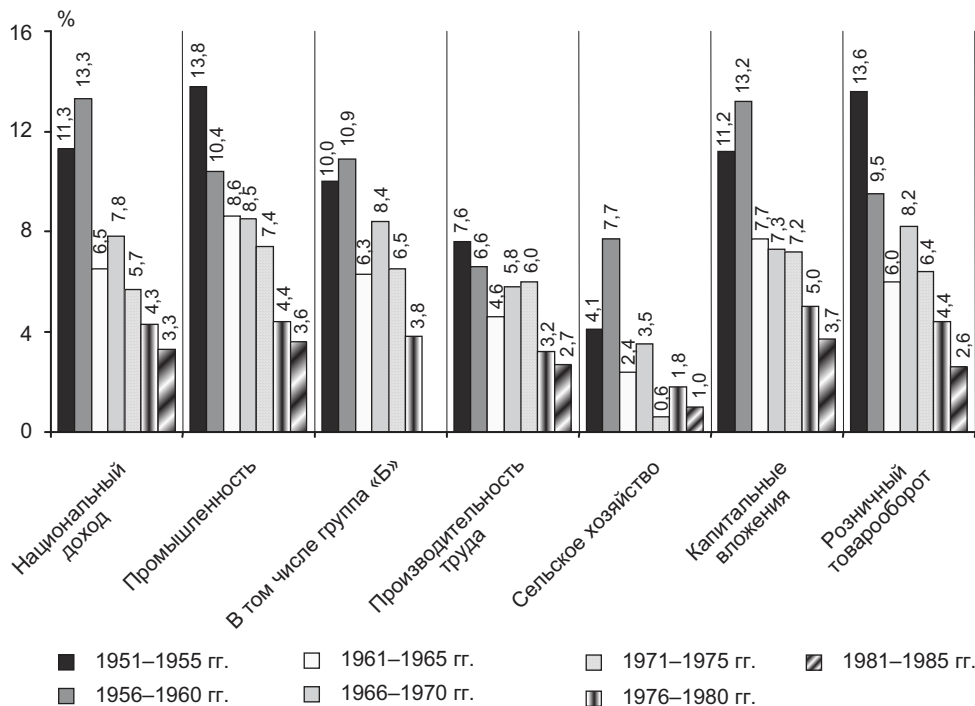

Рис. 2.1.127. Среднегодовые темпы пятилетнего прироста в народном хозяйстве СССР в 1951–1985 гг.

Принципиально иную ситуацию по отношению к характеризующим автаркийно-экономическими установками наиболее успешным периодам развития российской экономики можно наблюдать в эпоху «демократических реформ». Статистика говорит о произошедшей в конце 1980-х гг. резкой переориентации как отечественного потребителя, так и производителя на внешний рынок. Катализатором экономического упадка явился отказ от государственного регулирования внешнеэкономической деятельностью. Рубежный характер 1989 г., как даты ликвидации монополии внешней торговли (постановление Совмина СССР № 1405 «О дальнейшем развитии государственных, кооперативных и иных общественных организаций» от 2 декабря 1988 г.), четко отделяет фазы роста и упадка советской экономики (табл. 2.1.6)²²⁵.

статистика, 1991. С. 8; Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1988. С. 6; Капитальное строительство СССР. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1988. С. 8–9.

²²⁵ Страны — члены СНГ в 1991 г. Статистический ежегодник. М.: СК СНГ, 1992. С. 17.

**Производство важнейших видов промышленной продукции в СССР
в 1985–1991 гг.**

Вид продукции	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Электроэнергия, млрд кВт·ч	1486	1539	1604	1642	1653	1659	1619
Газ, млрд м ³	643	686	727	770	796	815	811
Нефть (включая газовый конденсат), млн т	595	615	624	624	607	571	516
Уголь, млн т	725	749	758	770	739	702	629
Чугун, млн т	109	113	113	114	113	110	90,4
Сталь, млн т	153	159	160	161	158	153	132
Готовый прокат черных металлов, млн т	106	110	112	114	114	110	95,0
Трубы стальные, млн погон. м; млн т	2715 18,8	2740 19,2	2773 19,8	2845 20,3	2839 20,1	2837 19,0	2485 16,5
Железная руда (товарная), млн т	248	250	251	250	241	236	199
Электродвигатели переменного тока, тыс. шт.	8320	8435	8344	8487	8202	7839	6378
Металлорежущие станки, тыс. шт.	186	177	166	162	153	147	132
Кузнечно-прессовые машины, тыс. шт.	52,6	51,6	46,1	43,6	42,1	42,2	38,4
Автомобили, тыс. шт.	2209	2234	2255	2185	2090	2097	1964
Тракторы, тыс. шт.	585	595	567	559	532	495	425
Зерноуборочные комбайны, тыс. шт.	112	112	96,2	71,3	62,2	65,7	55,4
Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), млн т	31,9	33,4	34,9	35,8	33,1	30,7	28,1
Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), млн т	346	332	327	317	276	205	168
Серная кислота в моногидрате, млн т	25,0	26,8	27,4	28,3	27,2	26,4	23,2
Каустическая сода, 100%, тыс. т	3056	3229	3288	3323	3185	2974	2749
Химические волокна и нити, тыс. т	1301	1378	1414	1449	1454	1385	1172
Синтетические смолы и пластические массы, тыс. т	4814	5121	5247	5423	5508	5304	4892
Шины автомобильные, для с/х машин, мотоциклов и мотороллеров, млн шт.	65,2	66,0	67,8	69,1	69,7	68,2	63,7
Пиломатериалы, млн м ³	93,8	97,9	97,9	100	98,2	88,9	77,2
Целлюлоза, млн т	8,1	8,4	8,4	8,5	8,3	7,7	6,6
Бумага, млн т	5,6	5,7	5,8	5,9	5,9	5,8	5,3
Картон, млн т	3,8	4,0	4,1	4,3	4,1	4,1	3,5
Цемент, млн т	124	128	131	133	134	131	123
Асбестоцементные листы (шифер), млн условных плиток	7956	8258	8463	8584	8714	8733	8765
Строительный кирпич, млрд шт. услов- ного кирпича	38,5	39,9	40,6	42,3	43,3	43,7	42,4

Продолжение таблицы 2.1.6, б

Производство важнейших видов продукции пищевой промышленности в СССР в 1985–1991 гг.

Вид продукции	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Мясо (промышленная выработка), тыс. т	9885	10721	11276	11843	12178	12047	10469
Колбасные изделия, тыс. т	3207	3343	3495	3630	3716	3757	3443
Мясные полуфабрикаты, тыс. т	1442	1500	1585	1632	1656	1652	1355
Улов рыбы и добыча других морепродуктов, тыс. т	9091	9722	9736	9849	9735	9183	8089
Животное масло, тыс. т	1367	1456	1512	1565	1577	1591	1377
Сыры жирные, тыс. т	725	751	772	801	809	804	692
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко), млн т	28,0	29,5	30,5	31,5	32,5	32,6	29,1
Маргариновая продукция, тыс. т	1367	1409	1487	1446	1457	1363	1091
Сахар-песок, тыс. т	11,3	12,2	13,1	11,5	12,8	11,9	9,1
Растительное масло, тыс. т	2524	2862	2926	3118	3226	3235	3100
Консервы, тыс. условных банок	16192	17961	18556	18903	19010	18702	16064
Сухие фрукты, тыс. т	61,2	79,7	68,9	60,0	37,2	49,4	40,0
Свежезамороженные овощи, тыс. т	3,4	3,5	3,9	3,6	4,7	4,2	7,1
Кондитерские изделия, тыс. т	4046	4191	4374	4594	4893	5003	4523
Макаронные изделия, тыс. т	1604	1631	1687	1729	1749	1790	1895
Минеральные воды, млн полулитров	2150	2504	2731	2939	3072	2809	2231
Безалкогольные напитки, млн дал	357	463	496	567	578	545	413
Соль (добыча), млн т	16,1	15,3	15,4	14,8	15,0	14,7	14,8

Таблица 2.1.6, в

Производство важнейших видов непродовольственных товаров в СССР в 1985–1991 гг.

Вид продукции	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Ткани всех видов, млрд м ²	11,3	11,6	12,0	12,3	12,4	12,1	10,8
Чулочно-носочные изделия, млн пар	1687	1743	1815	1876	1877	1949	1662
Трикотажные изделия, млн шт.	1549	1590	1646	1703	1749	1758	1528
Обувь, млн пар	744	755	763	773	782	796	705
Радиоприемные устройства, тыс. шт.	7274	7011	6271	6263	7075	7601	7472
Телевизоры, тыс. шт.	8734	8769	8377	8926	9260	9931	9345

Продолжение таблицы 2.1.6, в

Вид продукции	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Магнитофоны, тыс. шт.	4391	4232	4788	5291	5431	5980	6347
Холодильники и морозильники, тыс. шт.	5550	5620	5649	5886	6115	6236	6113
Стиральные машины, тыс. шт.	4421	4724	5118	5448	6086	7242	7303
Электропылесосы, тыс. шт.	3920	4117	4291	4629	4902	5544	5766
Швейные машины, тыс. шт.	1504	1530	1483	1550	1554	1754	1583
Мотоциклы и мотороллеры, тыс. шт.	1148	1129	1046	1068	1076	1093	1029
Обои, млн условных кусков	382	428	489	525	537	561	578
Тетради школьные, млн шт.	4690	4576	4521	4636	4699	4572	3914

Таблица 2.1.6, з

Валовой сбор сельскохозяйственных культур в СССР в 1985–1991 гг.

Вид продукции	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Зерно (в весе после доработки)	173306	188199	187605	175181	190401	211519	154896
Хлопок-сырец (закупки)	8755	8234	8084	8690	8566	8305	7790
Хлопок-сырец (в пересчете на волокно, закупки)	2782	2660	2502	2762	2657	2593	2410
Сахарная свекла (фабричная)	81035	77996	89448	86317	95905	80345	64595
Подсолнечник на зерно	5221	5266	6113	6147	7067	6550	5629
Льноволокно	325	347	410	305	326	231	284
Картофель	68659	81796	72288	58703	67766	60131	61615
Овощи	26785	28310	27945	27905	27499	25571	25213

Таблица 2.1.6, д

Производство основных продуктов животноводства в СССР в 1985–1991 гг.

Вид продукции	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
Мясо (в убойной массе), млн т	15,9	16,8	17,6	18,4	18,9	18,8	17,4
Молоко, млн т	91,7	95,2	96,6	99,6	101,3	101,5	94,9
Яйца, млрд шт.	73,9	77,2	79,1	81,4	81,2	78,3	76,4
Шерсть (в физической массе), тыс. т	439,4	461,9	454,4	470,3	472,0	467,9	434,7

Казалось бы, цифры душевого потребления на постсоветском пространстве рубежа 1991–1992 гг. не свидетельствовали о низком уровне жизни населения. По основным показателям они коррелировали со статистикой благосостояния граждан в выступающих ориентиром горбачевско-ельцинского реформирования ведущих капиталистических странах (табл. 2.1.7)²²⁶.

Таблица 2.1.7

Производство важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения в отдельных странах в 1991 г.

	Россия	Великобритания	Италия	Китай	США	Франция	ФРГ	Япония
Электроэнергия, кВт·ч	7183	5583	3804	588	12919	7541	6667	7886
Нефть (включая газовый конденсат), кг	3109	1523	74	123	1475	53	52	6
Газ естественный, м ³	4032	966	301	14	2064	53	241	17
Уголь, кг	2376	1594	27	931	3578	213	2732	65
Сталь, кг	518	288	434	60	317	325	634	885
Железная руда (товарная), кг	611	0,9	—	152	215	155	1,3	0,2
Минеральные удобрения (в пересчете на 100% питательных веществ), кг	101	27	22	18	92	63	48	11
Серная кислота в моногидрате, кг	78,0	32	30	12	160	64	54	57
Химические волокна и нити, кг	3,6	7	12	2	15	4	15	15
Синтетические смолы и пластические массы (без смол и полупродуктов для синтетического волокна), кг	18	40	56	2	119	76	135	103
Тракторы (без садово-огородных малой мощности; на 1000 чел. населения), шт.	1,2	1,4	1,0	0,4	0,4	0,2	1,2	1,2
Легковые автомобили (на 1000 чел. населения), шт.	6,9	22	28	0,05	21	56	77	79
Бумага, кг	32,0	70	81	11	139	117	157	136
Цемент, кг	521	244	707	215	279	441	478	723

²²⁶ Страны — члены СНГ в 1991 г. Статистический ежегодник. М.: СК СНГ, 1992. С. 568–569.

	Рос- сия	Велико- британия	Ита- лия	Ки- тай	США	Фран- ция	ФРГ	Япо- ния
Хлопчатобумажные ткани, м ²	35,6	3,1	20	15	15	13	13	13
Шерстяные ткани, м ²	2,6	1,4	7,8	0,4	0,5	1,5	1,2	2,7
Шелковые ткани, м ²	6,4	4,1	11	1,6	35	12	19	24
Обувь, пар	2,3	1,5	6,2	0,3	0,8	2,9	0,9	0,7
Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки), кг	599	408	302	338	1255	1030	413	114
Хлопок (в пересчете на волокно), кг	—	—	—	4,5	15,2	—	—	—
Сахарная свекла (фабричная), кг	163	140	221	13	98	513	390	31
Картофель, кг	231	112	43	24	69	83	114	28
Мясо (в убойной массе), кг	63	67	64	25	123	112	87	31
Молоко, кг	350	267	195	4,5	269	488	374	65
Сахар-песок, кг	20,9	22	26	5,5	22	75	53	7
Животное масло, кг	4,9	2,4	1,4	...	2,2	10,0	6,3	0,7
Улов рыбы и добыча морепродуктов, кг	46,8	15	10	11	23	15	3,4	91

Откуда же взялся пресловутый позднесоветский товарный дефицит? Очевидно, что производимая продукция, ввиду открытия шлюзов внешней торговли, попросту не доходила до отечественного потребителя. В отличие от эпохи Александра III, свободный советско-российский экспорт не носил остаточного по отношению к потребностям внутреннего рынка характера. Многие товары, минуя потенциального российского покупателя, шли напрямую за рубеж. Притчей во языцех стал, например, дефицит в СССР ширпотреба. При этом Советский Союз, вступая в последний год своего существования, производил: 75% мирового производства льняных тканей; 13% хлопчатобумажных; 19% шерстяных (2,6 м² на человека, тогда как в ФРГ — 2,4 м², США — 0,7 м²); 12% шелка; 19–20% чулочно-носочных изделий (2,9 пары на человека, конечно же, мало; но, для сравнения: в Великобритании — 0,8 пар, США — 3,5 пары); 22% трикотажных изделий; 10,9% телевизоров; 15% утюгов; 17,4% холодильников; 12,6% стиральных машин; 4,4% фотоаппаратов; 17,1% часов.

«Зерновая проблема» также оказывается на поверку парадоксальной, с учетом того, что в 1991 г. в СССР валовый сбор ячменя составил 29,5% его мирового производства; пшеницы — 16,2; овса — 45,1; ржи — 55; различных видов кормового зерна — от 10,1 до 13,7%.

В условиях исчезновения с прилавков магазинов тривиальной пищевой продукции доля Советского Союза в мировом производстве масла соответствовала 21,4%; молочных консервов — 33,7; мяса — 11,7; сахара — 15,7; пищевого растительного масла — 12,7; кондитерских изделий — 30,7; шоколада — 19,6; рыбных консервов — 42; маргарина — 12,2%. Доля же советского народонаселения по отношению к народонаселению мира составляла лишь 4,88%²²⁷.

Для классификации перманентного процесса вывоза товаров из страны в 1990-е гг. подходит даже не столько понятие «экспорт», сколько «распродажа». Табл. 2.1.8²²⁸ иллюстрирует стремительную переориентацию советского производителя на внешний рынок при снятии государственной регуляции экспортно-импортных отношений.

Таблица 2.1.8

Торговля товарами народного потребления в СССР в 1991 г., в млн шт.

	Экспортировано	Продано в СССР
Холодильники	3,152	3,448
Магнитофоны	2,516	4,085
Пылесосы	2,631	3,363
Мясорубки	0,650	0,35
Магнитолы	0,750	0,45
Радиоприемники	3,589	5,310
Швейные машины	0,624	0,976
Стиральные машины	3,724	3,876
Фотоаппараты	1,6	1,4
Часы	56	20
Автомобили	0,72	0,2
Телевизоры	7,42	2,5

Небывалый в мировой экономической истории рост экспортных операций, совпадающий по времени с процессом политической дезинтеграции СССР, объясняется минимизацией товарных цен. Продажа за бесценок на внешнем рынке продукции даже не позволила обеспечить инвестициями национальную экономику, приведя лишь к баснословному обогащению лиц, причастных к заключению торговых сделок.

²²⁷ Вся статистика. Сборник. М., 1992. С. 10–102.

²²⁸ Проблемы торговли. Статистический сборник. М., 1992. С. 22–32; Молодая гвардия. 1992. № 5–6. С. 171.

Впрочем, синдром тотальной распродажи не был преодолен и в последующие годы. Экспорт РФ составлял в 2000 г. 42,6% российского ВВП. В то время как в США он соответствует 7,2%, в Евросоюзе — 8,6%, в Японии — 9,7%²²⁹.

Современная структура отношения экспорта к импорту в России также находится в диссонансе с мировым хозяйственным опытом (см. раздел 7.6).

Взятый за основу столетий интервал историко-статистической верификации (рубеж 80–90-х гг. XIX в. и 80–90-х гг. XX в.) подтверждает, таким образом, тезис о закономерности роста распадных процессов в российской экономике при возрастании уровня ее открытости. Избранный Александром III вектор этатизации и автаркизации Российской империи обусловил экономический подъем, тогда как курс, начатый М.С. Горбачевым, на разгосударствление, демонополизацию и интеграцию в мировое сообщество привел к экономической деградации.

Совокупность представленных аргументов подтверждает верифицируемую гипотезу об обусловленности экономической успешности России уровнем цивилизационной адаптивности ее хозяйственной системы. Полученные выводы позволяют говорить о противопоказанности прямой экстраполяции в Россию западной модели экономики как не имеющей универсальной эффективности и имманентно связанной лишь с одним вполне определенным типом цивилизации.

Сам факт тысячелетней истории России, экономическая система которой, имея существенное национальное своеобразие, позволила обеспечить ей статус мировой экономической державы, противостоять внешней агрессии, осуществить хозяйственное освоение крупнейшего территориального пространства в мире, говорит об уместности обращения к цивилизационным основам конструирования современной российской экономической политики.

Таким образом, основные макроэкономические, структурные, организационно-хозяйственные решения для национальной экономики носят специфический для страны характер. Они оптимальны исходя из многолетней цивилизационной, адаптирующей к успеху и устойчивости развития практике. Особенности страны — размеры, климат, природные ресурсы, ментальность, традиции, уклады, вероисповедание и ценностная социально-поведенческая матрица — являются уникальными обстоятельствами, формирующими облик национальной экономики.

Степень автаркии и этатизма, соотношение материального и нематериального мотивирования труда, мотивация предпринимательства, отраслевая и экспортно-импортная структура, региональное размещение производительных сил, соотношение трудовой и рентной экономики и многое другое исторически, цивилизационно оптимизировано в России и не может быть просто скопировано из опыта иных стран. Россия не может следовать

---

²²⁹ Независимая газета. 2000. 26 июня. С. 11.

в фарватере интересов обезличенного мира или иных государств, речь может идти об оптимизации и балансе интересов. Российская экономика может быть только российской — тогда она будет максимально успешной в тех условиях, которые заданы для нее объективно.

2.1.7. Сельское хозяйство и сельское поселение

Сельское хозяйство и сельское поселение занимают важное место в обеспечении жизнеспособности страны, как с точки зрения ее территориального сущностного признака (рис. 2.1.128), так и с позиции количества и качества народонаселения, поскольку значительная часть российского населения проживает в сельских населенных пунктах (рис. 2.1.129). Село значительно более консервативно и самостоятельно в сохранении и воспроизводстве цивилизационно идентичных свойств населения.

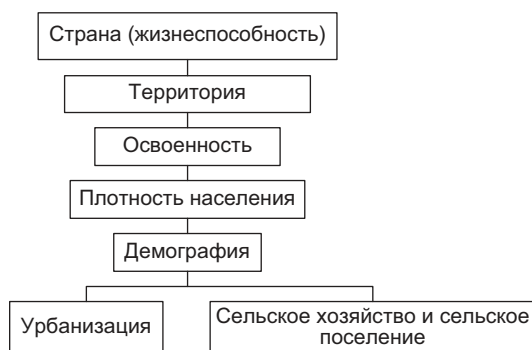

Рис. 2.1.128. Топология связи сельского хозяйства и сельского поселения с жизнеспособностью страны

Связь сельского хозяйства и сельского поселения с состоянием народонаселения и территории доказывается многообразием функций, выполняемых сельскими поселениями, в числе которых:

- производственная (заключается в удовлетворении потребностей общества и государства в продовольствии и сырье для промышленности);
- социально-демографическая (воспроизводство сельского населения, обеспечение сельского хозяйства и других отраслей экономики трудовыми ресурсами);
- культурная (создание и сохранение традиционных духовных ценностей, национально-культурных традиций и т. п.);
- природоохранная (поддержание экологического равновесия в агробиоценозах и на всей территории страны, охрана культурных ландшафтов и т. п.);

- рекреационная (создание условий для восстановления здоровья и отдыха городского и сельского населения);
- пространственно-коммуникационная (предоставление пространственного базиса и обслуживание инженерной инфраструктуры);
- функция социального контроля над территорией (содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и безопасности)²³⁰.

Деревня — место обитания 38,2 млн человек или 26,9% всего населения России (2010 г.). В сельских поселениях размещается и сельское хозяйство — ключевая часть народного хозяйства и системообразующий элемент российской цивилизации, один из важнейших механизмов воспроизводства этнических общностей России (прежде всего, русского народа).

Однако сельское хозяйство — это не только производство, но и образ жизни. Здесь, как ни в какой иной сфере, неразрывно связаны производство и быт людей, что исторически стало важной особенностью российского хозяйства в целом, включая промышленное производство. Поэтому деревня продолжает быть важным хранителем мировоззренческих и культурных кодов России, местом воспроизводства и обновления многих элементов культуры.

Даже сегодня, когда в городах живет 73% населения, деревня — более Россия, чем город. А город — это еще в очень большой степени деревня, переселившаяся в новое пространство.

До начала XX в. в сельских поселениях (деревне) проживало около 95% населения России, жизнь которого в основном была организована согласно укладам аграрной цивилизации. Структуры этого уклада в целом не изменились и по сей день. Модернизация XVIII–XIX вв. не превратила российское общество в гражданское буржуазное общество западного типа. Индустриализация России осуществлялась в рамках быстро развивающегося, но традиционного общества. Русская революция предотвратила экспансию в Россию западного капитализма, и в советский период культурные и социальные основания традиционного общества в России даже укрепились.

Принятая в реформе 1990-х гг. концепция «возврата в цивилизацию» предполагала глубокую трансформацию российской деревни и повторение цивилизационного развития Запада через раскрестьянивание — превращение крестьянина в фермера (буржуа) и сельского наемного работника (пролетария), а земли — в обычное средство производства, предмет купли-продажи. Реализация этой концепции натолкнулась на препятствия, возможно, непреодолимые, что делает необходимым ее критический анализ.

---

²³⁰ Петриков А.В. Устойчивое развитие сельских территорий в России: направления и проблемы. Статья / Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России. Сборник статей. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 229.

Население России издавна расселилось в трех пространствах — пространстве деревень и сел, малых и средних городов, больших городов. В начале XX в. Россия являлась слабо урбанизированной страной. За 70 лет, с 1920 г. по 1990 г., произошла массовая урбанизация, после чего переток населения в города затормозился (рис. 2.1.129 — 2.1.131).

Урбанизация с конца 1960-х гг. имеет отрицательную устойчивую корреляционную связь с коэффициентом жизнеспособности ($R = -0,74$), что еще раз доказывает значимость доли сельского населения для жизнеспособности страны.

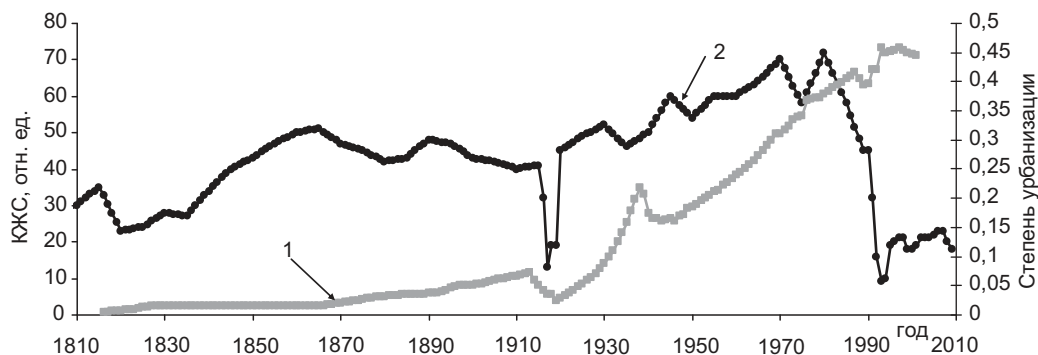

Рис. 2.1.129. Сопоставление исторической динамики доли городского населения в России (степени урбанизации) (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

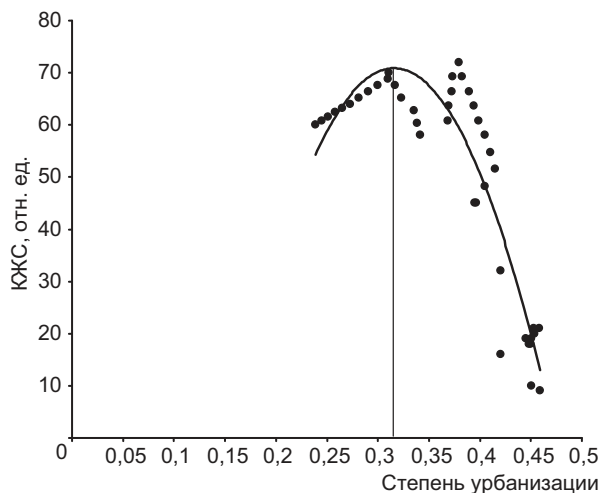

Рис. 2.1.130. Регрессионная связь степени урбанизации и коэффициента жизнеспособности страны

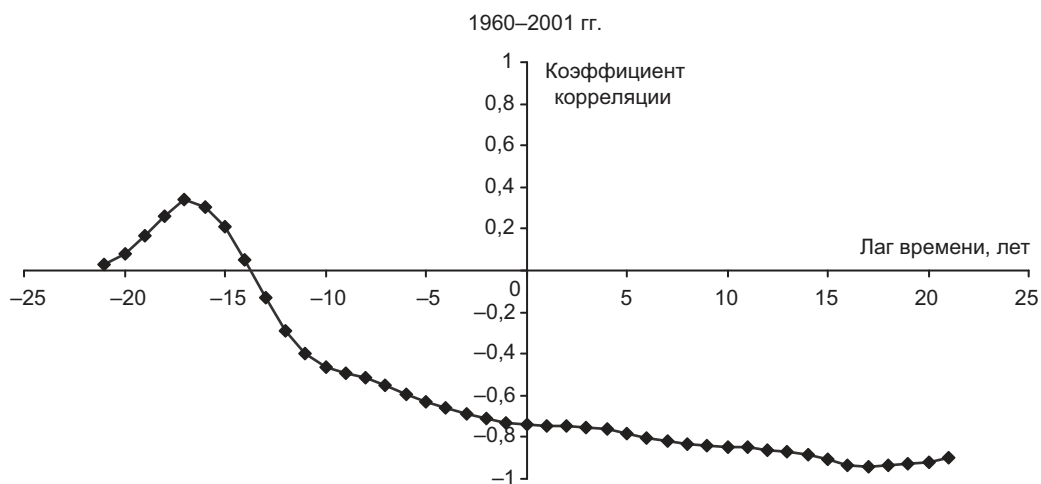

Рис. 2.1.131. Коэффициент корреляции степени урбанизации и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Оптимальный уровень урбанизации, равный 32% (см. рис. 2.1.130), явно превышен, поскольку его фактическое значение составляет около 45%.

В настоящее время сельское население имеет высший на обозримый период уровень численности жителей в трудоспособном возрасте — при снижении численности детей и подростков моложе трудоспособного возраста. В 2010 г. в сельской местности России проживали 18,2 млн мужчин и 20 млн женщин.

В настоящее время сельские территории занимают около 70% площади страны. Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., в сельских и близких к ним по укладу малых поселениях проживают около 49 млн человек. Кроме того, в малых городах с численностью жителей до 100 тыс. чел. имеются, как правило, большие слободы, которые по укладу жизни близки к сельским поселениям.

Следует отметить, что за период 1926–1988 гг. сельское население сократилось в 2 раза, а количество сельских населенных пунктов — более чем в 2,5 раза. При этом увеличилась средняя людность сельских поселений, которая, однако, недостаточна для организации учреждений сферы обслуживания. Причин тому несколько. Во-первых, в 1970–1980-е гг. проводилась политика по ликвидации мелких деревень, способствовавшая сокращению количества сельских поселений. Оправданно считалось, что уровень развития сферы обслуживания в сельской местности крайне низок. Поэтому проводилась политика переселения сельских жителей в крупные села с развитой социальной инфраструктурой. Во-первых, было прекращено выделение средств на развитие

мелких деревень. Тем не менее ресурсов не хватило на переселение жителей и развитие системы обслуживания в крупных поселениях. В результате люди из мелких деревень переезжали не в крупные села, а в города. Во-вторых, в начале 1990-х гг. возросла численность мигрантов из-за рубежа (в основном ими являлись беженцы и вынужденные переселенцы из стран СНГ). В-третьих, с начала 1990-х гг. происходили массовые преобразования поселков городского типа в сельские поселения. В результате почти 2,5 млн человек превратились из городских жителей в сельских, не меняя своего места жительства²³¹.

Однако увеличившаяся таким образом численность сельского населения с 1995 г. пошла на убыль, что было вызвано естественными причинами (старение населения) и оттоком молодежи.

В период между двумя последними переписями населения (1989 г. и 2002 г.) количество сельских населенных пунктов увеличилось на 2367. Однако при этом почти в два раза (с 16925 до 32997) выросло число сельских населенных пунктов, в которых проживают менее шести постоянных жителей. Это означает, что более 21% всех сельских населенных пунктов практически обречены на исчезновение в течение ближайших лет, что приведет к дальнейшему сокращению социально-экономического потенциала сельских территорий, ускорению выбытия из оборота сельскохозяйственных земель и ослаблению национальной безопасности России.

Краткий исторический обзор состояния сельского хозяйства и сельских поселений в России

По своим почвенно-климатическим условиям территория России — это зона рискованного земледелия. В среднем по России выход растительной биомассы с 1 га более чем в два раза ниже, чем в Западной Европе, и почти в пять раз ниже, чем в США. Сегодня лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Причем такое положение вещей исторически обусловлено.

Об условиях России академик Л.В. Милов пишет: «Главным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. В таких европейских странах, как Англия и Франция, “беспашенный” период охватывал всего два месяца (декабрь и январь)»²³². Возможность пасти скот практически круглый год и высокая биологическая продуктивность лугов позволяла держать большое количество скота и обильно удобрять пашню.

²³¹ Симагин Ю.А. Территориальная организация населения и хозяйства. Монография. М.: КНОРУС, 2009. С. 116, 123–124.

²³² Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. Статья // Вопросы истории. 1992. № 4–5.

Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ на пашне (исключая обмолот снопов) располагал примерно 100 сутками. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22–23 рабочих дня (если он выполнял полевою барщину, то почти вдвое меньше). В Парижском регионе затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли около 70 человеко-дней. В России же, даже если крестьянин стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22–23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей²³³.

Кроме того, требуется обратить внимание и на состояние скота, необходимого крестьянству для проведения как самих земледельческих работ, так и производства удобрений. «По нормам XIX в., для ежегодного удобрения парового клина нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара (т. е. 12 голов на средний двор). Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198–212 суток), то, по данным XVIII–XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь — 160 пудов, на корову — около 108 пудов, на овцу — около 54 пудов... Однако заготовить за 20–30 суток сенокоса 1244 пуда сена для однояглового крестьянина — пустая фантазия... Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, — 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг — 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал»²³⁴.

Ф. Бродель приводит документальные сведения об урожайности на Западе. В имениях Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 г. по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 г. по 1327 г. — от 12 до 17 ц/га (средний урожай сам–8)²³⁵. В целом по Англии дается такая сводка урожайности зерновых: в 1250–1499 гг. — 4,7 : 1; в 1500–1700 гг. — 7 : 1; в 1750–1820 гг. — 10,6 : 1. Такие же урожаи были в Ирландии и Нидерландах, чуть ниже — в Германии и Скандинавских странах. Итак, с XIII в. по XIX в. они выросли от сам-5 до сам-10.

Какие же урожаи были в России? «В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1 до сам-2,2. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1 до сам-2,5. Более надежные сведения об урожайности имеются

²³³ Там же.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности. Соч. М.: Прогресс, 1986. С. 135.

по отдельным годам конца XVIII в. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по всем культурам урожайность составляла сам-2,4; в Костромской (1788, 1796) — сам-2,2; в Тверской (1788–1792) средняя по ржи — сам-2,1; в Новгородской — сам-2,8»²³⁶.

На пороге XIX в. урожай равен сам-2,4! То есть в четыре раза ниже, чем в Западной Европе. Эта разница, из которой и складывалось «собственное» богатство Запада (т. е. полученное не в колониях, а на своей земле), накапливалась год за годом в течение тысячи лет. Величина такого преимущества с трудом поддается измерению, но если ее мысленно взвесить, то можно поразиться подвигу русских крестьян, которые вели хозяйство в таких условиях. Ведь и крестьянин, и лошадь работали впроголодь. В Древнем Риме рабу давали в пищу на день 1,6 кг хлеба (т. е. 1 кг зерна). У русского крестьянина суточная норма собранного зерна составляла 762 г. Но из этого количества он должен был выделить зерно «на прокорм скота, на продажу части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд»²³⁷. Запад делал инвестиции в строительство дорог и мостов, заводов и университетов главным образом за счет колоний. У России колоний не было, источником инвестиций было то, что удавалось выжать из крестьян.

Насколько прибыльным было их хозяйство? «На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII в. в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям) на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губернии в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятины при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в полтора раза превышали доходность земли... Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (рожь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход»²³⁸.

В этих условиях ни о каком капитализме и речи быть не могло. Организация хозяйства могла быть только крепостной, общинной, а затем — колхозно-совхозной. «Практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом... И в новейший период своей истории... в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации

²³⁶ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Милов Л.В. Земельный тупик: Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России. Статья // Независимая газета. 2001. № 31.

именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции... В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть»²³⁹.

Почвенно-климатические условия и в настоящее время оказывают огромное влияние и на трудоемкость производства продукции сельского хозяйства, и на ее себестоимость. Чтобы верно оценить условия сельского хозяйства страны, надо учесть так называемый «коэффициент биологической продуктивности» почв.

Если для России этот коэффициент принять равным 100, то, соответственно, в Западной Европе он равен 150, в США — 187, в Индии — 363, в Бразилии — 449, а в Индонезии — даже 523. То есть при одних и тех же затратах труда и других ресурсов с одного гектара пашни в США получают в среднем в 1,87 раз больше растительной массы, чем в России²⁴⁰.

После реформы 1861 г. в землепользовании стали господствовать преимущественно трудовые крестьянские хозяйства, а не фермеры. Если принять площади, полученные частными землевладельцами в 1861 г. за 100%, то к 1877 г. у них осталось 87%, к 1887 г. — 76, к 1897 г. — 65, к 1905 г. — 52 и к 1916 г. — 41%, из которых 2/3 использовалось крестьянами на условиях аренды. То есть за время «развития капитализма» в пользование к крестьянам перетекло 86% частных земель.

В целом, среднегодовая урожайность крестьянских полей после реформы 1861 г. стабильно возрастала. В 60-х гг. XIX в. она составляла 4,4 ц/га, а в 70-х — 4,7 (рост на 7%); в 80-х — 5,1 (рост на 8%), в 90-х — 5,9 (рост на 15%), в 1901–1910 гг. — 6,3 (рост на 7%), в 1922–1927 гг. — 7,4 ц/га (рост еще на 17%).

А.В. Чайнов, сравнивая капиталистическую ренту и прибавочный продукт крестьянина на той же земле, пишет: «В России в период, начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г., в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации»²⁴¹.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке. Монография. М.: Федеральный кадастровый центр, 2000.

²⁴¹ Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. Монография. М.: Экономика, 1989. С. 143.

Таким образом, используя чисто монетарное измерение, следует признать крестьянское хозяйство в условиях России более эффективным, чем фермерское капиталистическое. Это четко выявила реформа Столыпина.

Данная реформа была важна тем, что послужила наглядным экспериментом. В результате нее были созданы условия для капиталистического землевладения, которое позволяло организовывать фермы, нанимать рабочих и получать прибыль. Но, вопреки давлению, крестьянство не исчезало, а оказывалось жизнеспособнее, чем фермы. В 1913 г. 89% национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской части России, приходилось на крестьянские хозяйства — в 10 раз больше, чем на капиталистические²⁴² (по другим оценкам, для России в целом накануне Первой мировой войны доля крестьян по стоимости продукта в земледелии и животноводстве составила 92,6%). Фермы были менее эффективны, поэтому и помещики, и скупившие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду крестьянским дворам.

Во время реформы через Крестьянский поземельный банк до 1913 г. общинами было куплено 3,06 млн дес., товариществами (кооперативами) — 10 млн, а частными хозяевами 3,68 млн дес. Если учесть, что всего в России в 1911–1915 гг. посевных площадей было 85 млн дес., то видно, что распродать в руки частных удалось немного земли. Ее было скуплено ровно столько, сколько могло быть освоено в производстве с получением капиталистической ренты — прямо или через аренду. Остальная земля оставалась в общинном крестьянском землепользовании, поскольку только так она и могла быть эффективно использована.

Реформа не создала таких условий, чтобы процесс пошел по нарастающей, втягивая в себя крестьянство, пусть и после начального периода сопротивления. И переселенцы в Сибири стали объединяться в общины; сам Столыпин, посетив те места, признал, что это разумно.

В 80-е гг. XIX в. экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Важнейшим понятием в данной концепции было «народное производство», представленное прежде всего крестьянским трудовым хозяйством, включенным в общину²⁴³. Эта концепция исходила из природных и культурных условий России. Достаточно сказать, что в России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта состав-

²⁴² Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. Монография. СПб.: Наука, 1998. С. 337.

²⁴³ Возможность русской общины встроиться в индустриальную цивилизацию еще до народников предвидели славянофилы. А.С. Хомяков считал, что община крестьянская («уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории») может и должна развиваться в общину промышленную. Еще более определенно высказывался Д.И. Менделеев, размышляя о выборе для России такого пути индустриализации, основанном на общинном и артельном началах, при котором она не попала бы в зависимость от Запада.

ляли 50%, а, например, транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. Это сильно влияло на цену, рентабельность, зарплату, стоимость кредита и пр. По сути, один лишь географический фактор заставлял Россию принять хозяйственный строй, отличный от западного.

Община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн человек. В начале XX в. кооперацию в России экономисты (за исключением народников) ошибочно считали чисто буржуазным укладом и в ее развитии видели как раз признак разложения общины²⁴⁴.

Сегодня, после опыта реформы Столыпина и трудов Чаянова, показавшего тесную связь крестьянского двора и кооперации, можно рассматривать ситуацию иначе. «Как представляется, чрезвычайно быстрое распространение кооперативных форм было защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма. Так община приспособлялась к новым рыночным условиям хозяйствования»²⁴⁵.

Одновременно с кооперативами началось создание ссудо-сберегательных товариществ. Они имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались для средних крестьян. Они могли получить в год до 50 руб. (это цена двух лошадей или четырех коров) под 5–7% годовых, в то время как сельские ростовщики брали от 50 до 200%. С 1895 г. они перешли на «бесплатное начало», получая деньги для создания капитала из Государственного банка. Роль государства в кредитных кооперативах, в отличие от Запада, в России была очень велика. К 1914 г. из 12 млн членов кооперативов 9 млн состояли в кредитных.

В 1910 г. Госбанк списал безнадежных долгов на сумму 194 тыс. руб., а процентов по ссудам получил более 2,5 млн руб. В годы столыпинской реформы кредитные товарищества стали крупными покупателями земли, с ними так или иначе была связана примерно треть населения России. В 1911 г. был учрежден Московский народный банк, 90% акций которого приобрели кооперативы. Его оборот вырос к 1916 г. до 1,2 млрд руб. Это был крупнейший кооперативный банк в мире.

Вокруг кредитной кооперации стала развиваться и сельскохозяйственная — закупка машин, обработка льна, строительство зернохранилищ и зерноочистительных станций, маслодельных заводов. Кооперация в России

²⁴⁴ С.Ю. Витте писал в 1904 г.: «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности... Община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре». (Цит. по: *Рязанов В.Т. Указ. соч. С. 342*).

²⁴⁵ Там же.

стала огромной системой самоорганизации, которая вовлекла в себя десятки миллионов человек. Хотя главную роль в развитии кооперативного движения в России, в отличие от Запада, играло государство, правительство после 1905 г. стало подозревать кооператоров в стремлении изменить государственный строй. Так, созданный в 1915 г. Центральный кооперативный комитет и 100 его провинциальных отделений были запрещены, не успев начать работу²⁴⁶.

Но сведение социальных отношений на селе только к экономическим — глубокая ошибка. Эту ошибку в начале XX в. в равной степени совершали и марксисты, и либералы, и консерваторы. Работая батраком у помещика крестьянин с десятины обрабатываемой им земли получал, по данным министра земледелия (в 1894–1905 гг.) А.С. Ермолова, 17 руб. заработка, в то время как десятина своей надельной земли давала ему 3 руб. 92 коп. чистого дохода. Тем не менее крестьяне упорно боролись за землю и против помещиков.

Все теоретики начала XX в., кроме народников, видели причину этого в косности архаического мышления крестьян — примерно как и нынешние либеральные экономисты. «Ожесточенная борьба крестьян за снижение своего жизненного уровня должна представляться экономисту затяжным приступом коллективного помешательства»²⁴⁷. На деле батрак и хозяин крестьянского двора — не просто разные статусы, а фигуры разных мироустройств. И все теории, исходящие из модели «человека экономического», к крестьянину неприменимы и его поведения не объясняют.

На сегодня имеется исследованный многими школами опыт крестьянских стран третьего мира. Он показывает, что образ жизни крестьянина (общинного или кооперированного) предоставляет человеку такие блага, которые не компенсирует более высокий денежный доход наемного сельскохозяйственного работника. Еще более важен тот факт, что модернизация через превращение крестьян в фермеров неизбежно выбрасывает из общества большое число крестьян. Такая модернизация, даже если она считается успешной с точки зрения монетаризма, разрушительна для общества и тем более для народа.

Изучение стран третьего мира, втянутых в капиталистическую систему в качестве ее периферии, привело к важным выводам для России. Капитализм не может существовать без более или менее крупной «архаической» части, соками которой он питается. В ходе глобализации капитализма, которая началась с XVI в., эту «архаическую» часть Запад смог вынести за пределы метрополии — в колонии, а потом в третий мир. Создавая там анклав

²⁴⁶ Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года). Статья // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 24–40.

²⁴⁷ Ковалев С., Латов Ю. «Аграрный вопрос» в России на рубеже XIX–XX вв.: попытка институционального анализа. Статья // Вопросы экономики. 2000. № 4. С. 102–118.

современного производства капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» остальной части производственной системы — даже уничтожая структуры местного капитализма.

Но Россия, не будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части собственного общества. И прежде всего объектом этой архаизации стало крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину²⁴⁸.

Россия в конце XIX в. и начале XX в. была страной периферийного капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог.

Внедрение капитализма и рынка заставило увеличить посеы зерновых, предназначенных на экспорт, так что количество скота с начала XX в. стало быстро сокращаться, что, в свою очередь, привело к снижению плодородия почв. Это принесло в российскую деревню регулярный голод²⁴⁹. «Страх перед голодом был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины... В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей»²⁵⁰.

Монетизация налогов и податей разрушила натуральное хозяйство, заставила крестьян продавать свою продукцию. Это явление «вынужденной товарности» натурального хозяйства довольно хорошо изучено в последние десятилетия на периферии капиталистической системы, в крестьянских странах третьего мира. Но вторжение западного финансового капитала после 1900 г. привело к сужению свободного рынка для крестьянства. Это было такое же

²⁴⁸ Общая ошибка марксистов и либералов заключалась в том, что они ставили знак равенства между докапиталистическими формами и *некапиталистическими*. Если не видеть в общине ее цивилизационное, а не формационное содержание, то она, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX в. выглядела как пережиток и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, то в ней виден гибкий уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами. На основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общины лежат в построении больших кооперативов малых предприятий юга Италии, которые конкурируют с крупными корпорациями даже в области микроэлектроники.

²⁴⁹ И в Европе возникновение капитализма привело к резкому ухудшению питания — вплоть до момента, когда хлынул поток денег из колоний, мяса и пшеницы — из Америки.

²⁵⁰ Кондрашин В.В. Современные концепции аграрного развития. Статья // Отечественная история. 1995. № 4.

«отступление от капитализма», какое наблюдалось ранее в Ирландии или Индии, а в наше время наблюдается в третьем мире²⁵¹.

До конца 90-х гг. XIX в. основная масса зерна отправлялась на внутренний рынок, тесно связанный с мукомольной промышленностью. Это был, в общем, капиталистический рынок — децентрализованный, подвижный, с большим числом мелких агентов. Зерно у крестьян скупали кулаки, перекупщики и приказчики мукомолов. В начале XX в. произошла быстрая переориентация зернового рынка на экспорт. Вследствие полной зависимости банковской системы от иностранного капитала ему была подчинена и хлебная торговля. «При сосредоточении в руках банка (в портах или на крупных потребительских рынках) больших партий он, однако, не заботился ни об очистке зерна, ни об улучшении его качества, ни о правильности хранения: он должен был спешить с его продажей, часто влияя таким образом на понижение цен»²⁵².

Периферийный характер российского капитализма привел к тому, что деревня страдала от аграрного перенаселения. На Западе промышленность развивалась таким образом, что город вбирал из села рабочую силу, и численность сельского населения сокращалась. Село не беднело, а богатели. В 1897 г. в России на селе жили 87% населения, в Германии — 35,7%, (в 1907 г. — 28,7%). В Англии и Франции абсолютное сокращение сельского населения началось еще раньше (в 1851 г. и 1876 г.). Кроме того, избыточное сельское население Запада перемещалось в колонии (например, французским колонистам была бесплатно передана половина исключительно плодородной и издавна культивируемой земли Алжира, Туниса и Марокко), а также в США, Канаду, Латинскую Америку.

В России же быстро росло именно сельское население: 71,7 млн — в 1885 г., 81,4 млн — в 1897 г. и 103,2 млн — в 1914 г. Свыше половины прироста сельского населения не поглощалось промышленностью и оставалось в деревне. В начале XX в. увеличение численности рабочей силы в промышленности стало почти полностью обеспечиваться за счет естественного прироста самого городского населения. Промышленный город стал анклавом капитализма, окруженным морем беднеющего крестьянства.

В результате российское крестьянство не могло перейти от трехпольной системы к более интенсивной травопольной — было слишком мало скота, чтобы удобрять поля, и мало тягловой силы. Более того, положение стало ухудшаться, так как из-за роста населения приходилось распахать пастбища.

²⁵¹ Подробно фактическая сторона дела изложена в книге экономиста-аграрника П. Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства». М.: Коммунистическая Академия, 1927.

²⁵² Лященко П. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. Монография. М.: Коммунистическая Академия, 1927. Цит. по: Экономическое развитие России. Вып. 2. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 123.

Оптимальным для трехполья считается соотношение пастбища и пашни 1:2, а в Центральной России оно уже в середине XIX в. снизилось до 1:5 или менее того. За полвека количество крупного рогатого скота на душу населения и единицу площади сократилось в 2,5–3 раза и опустилось до уровня в 3–4 раза ниже, чем в странах Западной Европы. При отсутствии минеральных удобрений это не позволяло повысить урожайность, что заставляло еще больше распахивать пастбища. Порочный круг замкнулся.

Сегодня русская революция представляется как начало мировой волны крестьянских войн, вызванных сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего воздействия капитализма («раскрестьянивания»). В Западной Европе такие революции (типа восстания крестьян Вандеи) потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали огромное влияние на ход истории.

Подавляющее большинство населения России подошло к революции, соединенное в огромное сословие крестьян, сохранивших особую культуру и общинное мировоззрение — по выражению М. Вебера, «архаический аграрный коммунизм».

НЭП и коллективизация

После семи лет войны (Первой мировой и Гражданской) требовался восстановительный период. При выработке концепции НЭПа двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России — Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову — было поручено подготовить два альтернативных программных доклада. Литошенко рассмотрел возможность продолжения в новых условиях варианта «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. Чаянов исходил из концепции развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией.

Доклады в июне 1920 г. обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу государственной политики была положена концепция Чаянова. НЭП был вызван не конъюнктурой, а типом России как крестьянской страны. Во избежание конфликта с марксизмом он был назван «отступлением», хотя на деле опирался на принципиально новую оригинальную концепцию, основанную на представлениях о некапиталистических типах хозяйства.

Как ни парадоксально, советское обществоведение не донесло до нынешних поколений знания о НЭПе как большой программе изобретения и созидания новых социальных форм. НЭП означал вовсе не только «замену продразверстки продналогом» (хотя и это преобразование требовало создания принципиально новых форм). Для осуществления НЭПа требовались: обобщение научных концепций модернизации, большие медицинские про-

филактические программы на обширных территориях, глубокие изменения в системе права и кодификация большого числа законов, создание совершенно новой пенитенциарной системы, «конструирование» комсомола как необычной политической организации «для крестьян», большая философская дискуссия в сфере культуры (преодоление «пролеткульта») ²⁵³.

Вот пример реализации научной программы с большим социальным эффектом. Она предлагалась учеными в дореволюционное время, но стала возможной лишь в новых социально-политических условиях. К середине 1920-х гг. резко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX в. составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила на 12 лет. Это было достигнуто интенсивной и массовой культурно-просветительной работой.

НЭП позволил решить целый ряд критических задач по организации государственности, хозяйства и культуры, интегрирующих крестьянство в общество, не структурированное сословиями и с «низкой классовостью». Но к концу 1920-х гг. стало ясно, что НЭП позволил лишь восстановить село после войн, встать крестьянам на ноги, но не мог дать ресурсы для развития.

В условиях НЭПа крестьянство не обрело внутреннего импульса к модернизации и интенсификации хозяйства. Ликвидация помещичьих хозяйств даже привела к технологическому регрессу — полностью господствовала трехпольная система. До создания механизированных аграрных предприятий российское село не имело запаса прочности, чтобы перейти к интенсивному хозяйству (от трехполья к травопольным севооборотам).

Крупнейшей программой по модернизации села (а по сути, и всей страны) стала коллективизация. На первом этапе ее постигла тяжелая неудача. Ее исследование и гласное обсуждение актуальны и сегодня. Те частные причины, которые обычно называют (слишком высокие темпы коллективизации, низкая квалификация проводивших ее работников, разгоревшиеся на селе конфликты, злодейский умысел Сталина) недостаточны, чтобы объяснить катастрофу такого масштаба.

Причина провала была фундаментальной: несоответствие социально-инженерного проекта социально-культурным характеристикам русского крестьянства. Разработка модели кооператива для советской деревни, положенная в основу коллективизации, велась на основе опыта разных типов сельскохозяйственных кооперативов, которые возникали во многих странах, начиная с конца XIX в. Этот опыт был обобщен в 1920-е гг. в нескольких крупных трудах, изданных в Германии и Англии. Самым удачным проектом считался кибуц — модель кооператива, разработанная в начале

²⁵³ Каждая из этих программ означала проектирование совершенно новых структур и была крупной социально-инженерной разработкой, к которой привлекались все готовые к сотрудничеству научные силы страны. Объем работы, который выполняли тогда российские ученые, по нынешним меркам кажется совершенно невероятным.

XX в. во Всемирной сионистской организации. Эта разработка была начата учеными-аграрниками в Германии, затем продолжена сионистами (трудовиками и социалистами) в России.

Проект кибуца был разработан для колонистов-горожан и вполне соответствовал их культурным стереотипам. Они не собирались ни создавать крестьянское подворье, ни заводить скот. Обобществление в кибуцах было доведено до высшей степени: никакой собственности не допускалось, даже обедать дома членам кооператива было запрещено. Кибуцы показали себя как очень эффективный производственный уклад. Видимо, руководство и Наркомзема, и Аграрного института было под большим впечатлением от показателей этих кооперативов и без особых сомнений решило использовать готовую и проверенную модель. Вопрос о ее соответствии культурным особенностям русской деревни не ставился.

Тот тип колхоза, в который пытались втиснуть крестьян, был несовместим с их представлениями о хорошей и даже приемлемой жизни. Не имея возможности сопротивляться активно, большая часть крестьян ответила пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. В ряде мест были и вооруженные восстания, росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Однако не менее важным уроком является реакция власти. Уже в марте–апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд важных решений, чтобы выправить дело, хотя инерция процесса была велика и конфликт разгорался. Лишь весной 1932 г. местным властям было запрещено обобществлять скот и даже предписано помочь колхозникам в обзаведении скотом. С 1932 г. уже не проводилось и широких кампаний по раскулачиванию. Была изменена модель колхоза, и новый устав артели гарантировал существование личного подворья колхозника.

Вступили в действие крупные тракторные заводы, быстро создавалась сеть МТС, которая в 1937 г. обслуживала уже 90% колхозов. Переход к крупному и в существенной мере уже механизированному сельскому хозяйству произошел, производство и производительность труда стали быстро расти. Советское крестьянство «переварило» чуждую модель и приспособило колхозы к местным культурным типам (приспосабливаясь и само к новым формам). Экзаменом для колхозного строя стала война.

Когда в ходе модернизации сельского хозяйства перешли на основе технологий индустриального типа к интенсивным растениеводству и животноводству, то — с учетом климата, типа почв и расстояний — советский агропром стал исключительно эффективным. Трудозатраты на производство одного центнера зерна составляли всего один человеко-час!

Полезно сравнить кризис становления и кризис ликвидации колхозов как социального института. История дала это сравнение как чистый эксперимент. Кризис коллективизации привел к снижению производства зерна в 1931, 1932

и 1934 г. по сравнению с 1929 г. на 3%. Засуха 1933 г. была стихийным бедствием, а затем производство стало расти и через пять лет коллективизации превысило уровень 1929 г. на 36%. Рефлексия власти на действия, совершенные в первые два года коллективизации, была быстрой, а исправление ошибок — системным. Войдя после войны в стабильный режим, колхозы и совхозы довели производство зерна в 1986–87 гг. до 210–211 млн т, т. е. увеличили его более чем в три раза (а молока, яиц, технических культур — в 8–10 раз).

Колхозный строй начали демонтировать в 1990 г. С тех пор в течение 8 лет сельскохозяйственное производство стабильно снижалось и к 1998 г. упало вдвое. К 2010 г. оказалась подорвана производственная база, сокращаются посевные площади, поголовье скота и энергетические мощности сельского хозяйства. Идет быстрый износ основных фондов, деградация кадрового потенциала и архаизация труда и быта сельского населения. Но, в отличие от 1930-х гг., эти процессы не вызывают видимой рефлексии ни в государственных органах, ни в научной среде, ни в обществе в целом.

Современное состояние сельского хозяйства

Сельское хозяйство — системообразующая отрасль экономики и всего жизнеустройства любой страны. В сельском хозяйстве земля, вода, воздух и растения соединены в своеобразной «химико-биологической машине», которая работает на энергии Солнца. Кризис в сельском хозяйстве приводит к потере огромного количества бесплатных природных ресурсов, и эти потери приходится оплачивать при импорте продовольствия.

Вплоть до реформы, начатой в 1988 г., сельское хозяйство РСФСР развивалось высокими и стабильными темпами. Начавшаяся в 1990-е гг. интенсивная аграрная реформа привела к тяжелому кризису. В период 1990-х гг. произошло резкое сокращение производства в сельском хозяйстве. Физический объем продукции сельского хозяйства составил в 1998 г. 56% от уровня 1990 г. К 2008 г. достигнут только уровень производства сельскохозяйственной продукции 1980 г.

Земельная реформа

Едва ли не главным институциональным изменением в России стало превращение в товар земель сельскохозяйственного назначения — введение частной собственности на такую землю и разрешение ее купли-продажи. В период с 1990 г. по 1993 г. главные преобразования сводились к переводу и закреплению земель в частную собственность. С принятием Указа Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России»²⁵⁴ земля была введена в гражданский

²⁵⁴ СЗ РФ. 1993. № 44. Ст. 4191.

оборот, а граждане и юридические лица получили право совершать гражданские сделки с землей сельскохозяйственного назначения и в форме их купли-продажи согласно Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»²⁵⁵.

В результате перераспределения земель в ходе реформы практически во всех сельскохозяйственных предприятиях оказались нарушены границы производственных подразделений, севооборотов и полей в них, нарушена ранее сложившаяся организация территории сельскохозяйственных угодий. Большая площадь приватизированных земель сельскохозяйственного назначения перешла в собственность лиц, не обрабатывающих землю (пенсионеры, работники социальной сферы и др.).

До этого земля в России находилась или в феодальной собственности помещиков, или в собственности крестьянской общины. В советское время земля была национализирована и передана в пользование колхозам, совхозам и гражданам.

Приводимые доводы в пользу свободной купли-продажи земли сводились к следующему:

- если землю разделить на паи, то ее скупят эффективные предприниматели и в России возникнет, как на Западе, класс фермеров, которые будут вести рентабельное конкурентоспособное хозяйство;
- если фермер будет иметь землю в частной собственности, то он сможет заложить ее в банке и получить кредит, на который купит машины, скот, компьютер — все необходимое, чтобы вести эффективное хозяйство.

В 2005 г. Федеральное агентство кадастра опубликовало Государственный доклад об использовании земель в России²⁵⁶. В нем содержатся такие сведения: «Из 401 млн га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн га или более 30% от всех таких земель. Остальные 275 млн га (около 70%) находятся в государственной и муниципальной собственности. Из 121 млн га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн га (93% от 121 млн га) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн га (24%) — это невостребованные земельные доли».

Таким образом, 93% земли принадлежит частным лицам — это полученные от колхозов паи, а в собственности юридических лиц земли имеется всего 5 млн га, т. е. чуть больше 1%. При этом ликвидация колхозов и совхозов привела к сокращению посевных площадей на треть (на 42,5 млн га).

В массовом сознании сельского населения превращение земли в товар легитимации не получило, и активного участия в купле-продаже земли оно не принимает. Произошел пассивный отказ даже от оформления прав

²⁵⁵ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.

²⁵⁶ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г. М.: Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости, 2005.

собственности на земельные паи, полученные при разделе сельскохозяйственных предприятий. По данным первого заместителя Председателя Правительства РФ В.А. Зубкова, к началу 2009 г. из 12 млн дольщиков только 400 тыс. (3%) оформили свою землю в собственность²⁵⁷. И предприятия, и фермеры предпочитают не связываться с частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн га, что представляет собой существенную величину).

Оборот земли в России, охватывающий 4% всей площади земельного фонда страны, является важной составляющей экономики в целом. Однако доля сделок купли-продажи земельных участков, сектора частных сделок частных земельных собственников в объеме оборота земли находится на низком уровне и не оказывает практически никакого влияния на развитие экономики. Более 99% всех сделок земельного оборота приходится на сделки аренды государственной и муниципальной земли. Эти сделки совершаются в основном с землями сельскохозяйственного назначения, землями поселений (особенно городов), лесного фонда. Положения гражданского и земельного законодательства РФ, регулирующие сделки аренды земельных участков, отражают лишь общие ситуации и применимы, главным образом, к земле, находящейся в государственной собственности. Однако российский земельный рынок — это смешанный тип рынка с функционированием как государственного, так и частного секторов. В частном секторе распространена аренда сельскохозяйственными организациями земельных долей граждан. Сделки такой аренды, а также сделки аренды мелких частных земельных участков сельскохозяйственного назначения, заключенные гражданами (или юридическими лицами), не всегда учитываются статистикой.

Земельные доли — одна из проблем сельского хозяйства РФ, состоящая, в частности, в росте количества земельных участков и частей земельных участков и в целом всего количества объектов земельных отношений. Их рост работает на понижение оперативности и эффективности принятия управленческих решений по распоряжению объектами земельных отношений и, как следствие, на понижение эффективности землепользования, на расширение «теневых» поземельных отношений.

Изменения в системе сельхозтоваропроизводителей

Реформа изменила общественный строй России в части сельского хозяйства и всего жизнеустройства российской деревни. В 1989 г. в РСФСР действовало 12,9 тыс. госпредприятий (совхозов) и 12,5 тыс. кооперативных предприятий (колхозов). В совхозах работали 5,6 млн и в колхозах — 4 млн человек. Имелись также межхозяйственные предприятия (2,8 тыс. со 100 тыс. работ-

²⁵⁷ Только 3% крестьян оформили в собственность участки из земель сельхозназначения. Статья // <<http://www.i-stroy.ru/docu/government/17381.html>>.

ников). Они выполняли специальные функции (например, брали на откорм скот перед поставкой) и были очень рентабельными (в 1990 г. рентабельность составляла 64%). Особый тип представляли собой 14 тыс. подсобных сельских хозяйств городских предприятий. Им было предоставлено 4 млн га сельскохозяйственных угодий, посевные площади составляли 1,9 млн га.

Посевная площадь совхозов равнялась 61,5 млн га, а общественная посевная площадь колхозов — 52,3 млн га. Соотношение продукции растениеводства и животноводства в стоимостном выражении составляло в целом по всем предприятиям 1:1,6 (в совхозах 1:2). В 1989 г. сельскохозяйственные предприятия произвели, в стоимостном выражении, 77,6% продукции, а личные подсобные хозяйства населения (приусадебные участки, сады и огороды) — 22,4%.

На первом этапе реформы (1991–1999 гг.) проходили аграрные преобразования, в основу которых была положена фермерская стратегия. В 1992 г. осуществлялась длительная интенсивная идеологическая кампания, подрывавшая легитимность колхозно-совхозной системы в массовом сознании. Эта кампания, ставившая целью разрушение важного общественного института, во многом предопределила последующее развитие кризиса сельского хозяйства.

После 1992 г. сельскохозяйственные предприятия России были демонтированы как система — они утратили около половины производственных ресурсов. Ставились задачи максимально быстрой ликвидации колхозов и совхозов, передачи земли в частную собственность, развития рынка сельскохозяйственных земель. При этом в качестве главного аргумента выдвигалось положение о том, что эффективность сельскохозяйственного производства в фермерских хозяйствах должна быть выше, чем в коллективных хозяйствах.

В результате реформы произошло раздробление и изменение организационного типа более чем 2/3 бывших крупных предприятий. Значительная часть ресурсов и производственной деятельности переместилась из предприятий в мелкое производство — в личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и крестьянские (фермерские) хозяйства — К(Ф)Х.

Площадь приусадебного землепользования ЛПХ выросла с 1990 г. по 2006 г. от 3,25 млн га до 8,9 млн га, а средний размер участка — с 20 до 51 сотки. В 1990 г. предприятия произвели 73,7% продукции сельского хозяйства, а ЛПХ — 26,3%. В 2006 г. предприятия произвели 41,2%, а хозяйства населения (т. е. ЛПХ) — 52,3% продукции (в том числе 90,1% картофеля). В 2008 г. сельскохозяйственные предприятия произвели 48,1% продукции, а хозяйства населения — 43,4% (в том числе 83,5% картофеля).

Объем производства в ЛПХ приведен в табл. 2.1.9. Из нее видно, что объем производства стабилизировался в последние годы на весьма низком уровне (кроме картофеля и овощей). При этом в последние годы скота

и птицы на убой, а также молока ЛПХ производят практически наравне с сельскохозяйственными предприятиями: в 2008 г. — 42,7 и 51,7% соответственно. Однако основной прирост производства сельскохозяйственной продукции обеспечивается все же сельскохозяйственными организациями (табл. 2.1.10), поскольку ЛПХ не участвуют в производстве зерна, а сосредоточены в основном на производстве картофеля (удельный вес в общем объеме производства — 83,5% в 2008 г.) и овощей (70,7% — в 2008 г.).

Поэтому существенным потенциалом для развития производства ЛПХ не обладают и восполнить спад производства на предприятиях все-таки не могут.

Таблица 2.1.9

Производство некоторых видов продукции в ЛПХ

Продукция	1990 г.	1995 г.	2001 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Картофель, млн т	20,4	35,9	32,4	34,1	34,7	32,8
Овощи, млн т	3,1	8,3	10,6	12,2	12,2	12,2
Скот и птица (в убойном весе), млн т	2,5	2,8	2,5	2,5	2,5	2,6
Молоко, млн т	13,3	16,3	16,8	16,2	15,9	16,8
Яйца, млрд шт.	10,3	10,2	9,9	9,3	9,1	9,2
Шерсть, тыс. т	56	48	24	26	26	28

Таблица 2.1.10

Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах; в % к итогу)

	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:								
сельскохозяйственные организации	45,2	42,3	42,6	45,8	44,6	44,9	47,6	48,1
хозяйства населения	51,6	53,8	52,5	47,9	49,3	48,0	44,3	43,4
крестьянские (фермерские) хозяйства ¹	3,2	3,9	4,9	6,3	6,1	7,1	8,1	8,5

¹ Включая индивидуальных предпринимателей.

Что касается крестьянских (фермерских) хозяйств, то на первом этапе реформы они представлялись главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе. Их основная масса (83%) возникла до 1996 г., число вновь

созданных хозяйств с каждым годом уменьшается. В 2006 г. насчитывалось 255,4 тыс. хозяйств, а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий составила 21,6 млн га (со средним размером участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн га. По данным Сельскохозяйственной переписи 2006 г., из имеющихся крестьянских (фермерских) хозяйств сельскохозяйственную деятельность осуществляли в 2006 г. только 124,7 тыс. 107 тыс. фермеров относятся к категории «прекративших сельскохозяйственную деятельность». Еще 21,4 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств считаются «приостановившими сельскохозяйственную деятельность».

Несмотря на значительное увеличение площади предоставленных фермерам земельных угодий, соответствующего роста производства не происходит. В 2007 г. фермерские хозяйства произвели 7,5% всей валовой сельскохозяйственной продукции РФ. В 2008 г. фермерские хозяйства получили 8,1% продукции сельского хозяйства с 18,6% всех посевных площадей России. В расчете на 1 га посевных площадей продуктивность сельхозпредприятий в 1,4 раза выше, чем у фермеров²⁵⁸.

Российские крестьянско-фермерские хозяйства так и не приобрели важных черт капиталистической фермы. Они носят в основном семейный характер с малой долей наемного труда. В среднем на одно хозяйство в настоящее время приходится 1,3 наемных работника, затраты на оплату труда составляют не более 10% совокупных расходов крестьянских (фермерских) хозяйств. В фермерских хозяйствах зачастую используются упрощенные технологии производства растениеводческой продукции, которые отличаются достаточно низким уровнем, что приводит к существенному падению урожайности и технологических качеств сырья. Поэтому выдерживать конкуренцию со стороны продукции из других стран, опирающихся на мощную поддержку государства, крестьянские (фермерские) хозяйства просто не могут. В этих условиях устоять может лишь иной социально-производственный организм, каким были колхозы и совхозы, а теперь в определенной степени являются крупные сельхозпредприятия.

В результате такого положения вещей резко сократилось производство сильного зерна, понизилось качество овощей, картофеля. Причинами снижения производственного потенциала растениеводства стали нарушения технологий возделывания сельскохозяйственных культур в результате отсутствия необходимой в хозяйствах сельскохозяйственной техники, сокращения внесения минеральных удобрений, усиления процессов закисления, засоления и эрозии почв из-за сокращения мелиоративных работ.

В животноводстве произошел регресс в технологии и санитарии. В 1990-е гг. значительную часть скота забивали на подворьях, что привело к вспышкам ряда болезней (трихинеллез, гельминтозы), особенно в резуль-

²⁵⁸ Теперь эта категория хозяйств включает в себя «индивидуальных предпринимателей». Видимо, эта группа выделилась из состава «личных подсобных хозяйств».

тате бесконтрольной торговли свининой подворного убоя без проведения санитарно-ветеринарной экспертизы²⁵⁹.

В целом институциональные изменения в сельском хозяйстве России привели не только к спаду производства, но и к формационному результату, совершенно противоположному заявленной цели реформы. Декларируя переход от планового хозяйства к рыночному, реформа создала условия, в которых сельское хозяйство России существенно снизило товарность и отступило к укладу натурального хозяйства, как средству выживания. Начался процесс сокращения энергетических мощностей сельского хозяйства, снижения использования электроэнергии для производственных целей, уменьшения тракторного парка. Только за 2001–2007 гг. предприятия потеряли 2,8 млн работников (30% от уровня 1990 г.).

Таким образом, первый результат реформы — это разрушение системы сельхозпредприятий России (табл. 2.1.11). Динамика доли сельхозпредприятий, ЛПХ и К(Ф)Х в производстве продукции приведена на рис. 2.1.132–2.1.133. Данный этап реформы отчетливо показал, что в реальных условиях нашей страны фермер не может заменить крупные сельскохозяйственные предприятия.

Таблица 2.1.11

Основные показатели деятельности сельскохозяйственных предприятий по производству сельхозпродукции

Показатели	1990 г.	2001 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Число предприятий на конец года, тыс.	25,8	24,8	19	16,9	15,2
Среднегодовая численность работников, млн	8,3	4,2	2,5	2,2	1,9
Сельскохозяйственные угодья, млн га	202,4	146,1	130,9	125	
Посевная площадь, млн га	112,1	66,4	51,4	48,2	45,1
Поголовье скота (на конец года), млн голов:					
крупного рогатого скота	45,3	15,7	10,9	10,5	10,2
свиней	27,1	8,4	7,1	8,2	8,5
Производство продукции, млн т:					
зерна (в весе после доработки)	113,5	69,5	54,1	51,9	52
картофеля	10,1	1,9	1,8	2,1	1,9
скота и птицы (в убойном весе)	7,0	1,8	2,3	2,5	2,9
молока	41,4	15,7	13,9	14	14

²⁵⁹ В «Государственном докладе о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» (М., 1993) было сделано предупреждение: «Развитие и интенсификация индивидуальных хозяйств (частное свиноводство, выращивание овощей, зелени, ягодных культур с использованием необезвреженных нечистот для удобрения) приводит к загрязнению почвы, овощей, ягод, инвазии мяса и мясopодуктов».

Показатели	1990 г.	2001 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
яиц, млрд шт.	36,6	25,1	27,5	28,5	28,3
шерсти, тыс. т	169	14	12	11	11
Приходится в среднем на одно предприятие:					
работников	322	171	132	128	125
посевной площади всех культур, тыс. га	4,3	2,6	2,6	2,8	3,0
голов крупного рогатого скота	1756	600	535	571	604
свиней	1050	311	345	448	509
Доля убыточных хозяйств, %	3	46	40	32	22

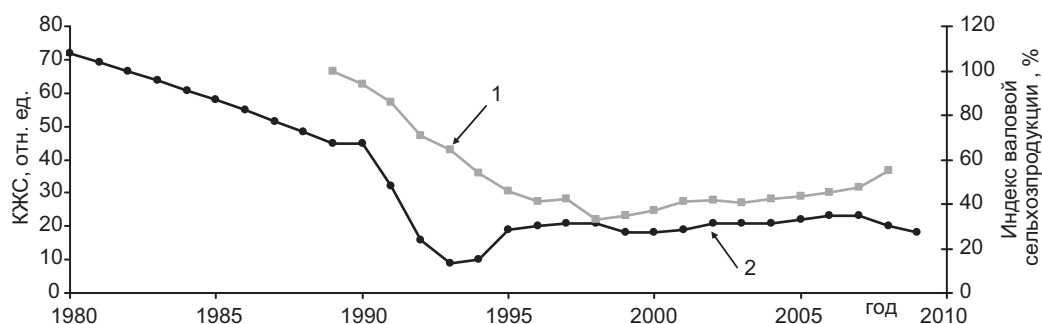

Рис. 2.1.132. Сопоставление исторической динамики индекса валовой продукции сельскохозяйственного производства на сельскохозяйственных предприятиях России (1) (1989 г. = 100) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,68$)

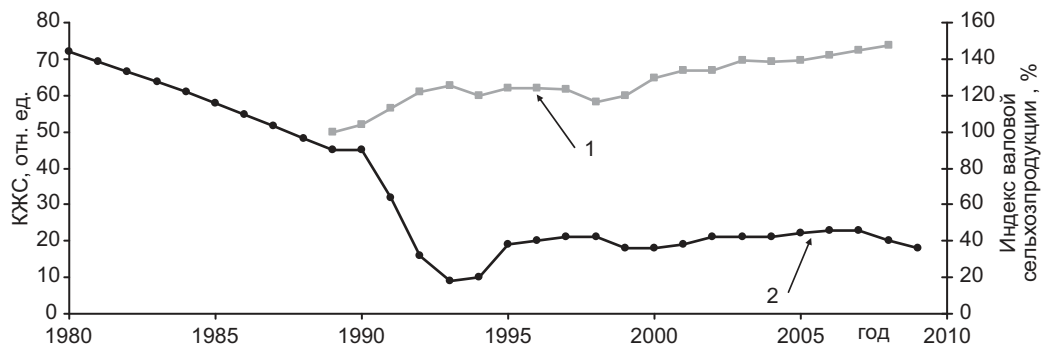

Рис. 2.1.133. Сопоставление исторической динамики индекса валовой продукции сельскохозяйственного производства в ЛПХ и К(Ф)Х (1) (1989 г. = 100) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = -0,51$)

Расчленение крупных предприятий и их технологической базы — акция, необъяснимая с точки зрения хозяйственной эффективности²⁶⁰. В 1999 г. все группы СХП с численностью занятых до 180 человек были убыточными.

Однако начиная с 1999 г., вследствие происходящих процессов импортозамещения, доля убыточных предприятий несколько уменьшилась. Существенное положительное влияние оказало также развитие законодательной базы и, в частности, принятие Федерального закона от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей»²⁶¹, на основании которого была произведена реструктуризация долгов предприятий, с них были сняты штрафные санкции.

Тем не менее по состоянию на конец 2008 г. пятая часть сельскохозяйственных организаций остается убыточной. При этом из-за отсутствия доступа к кредитным ресурсам и к участию в лизинговых программах, а также слабой инвестиционной привлекательности происходят процессы консервации и углубления экономических различий между предприятиями: сильные хозяйства становятся сильнее, а слабые — беднее.

Экономические условия для ведения сельского хозяйства

Известно, что продуктивное сельское хозяйство не может существовать без участия государства. В капиталистических странах основной механизм государственной поддержки — бюджетные субсидии. В СССР главным был государственный механизм планирования цен. Дотации служили для «тонкой настройки». Так, в 1988 г. дотации на покупку сельским хозяйством удобрений и машин составляли 1,8 млрд руб., на такую же сумму предоставлялись дотации убыточным хозяйствам.

Во время перестройки много говорилось о том, что советское сельское хозяйство дотируется и поэтому должно быть радикально реформировано. В какой степени в то же самое время дотировалось сельское хозяйство стран, которые ставились в пример отечественному? Данные приведены в табл. 2.1.12²⁶².

²⁶⁰ В одном из последних отчетов Министерства сельского хозяйства США сказано, например: «По переписи 1997 года в США насчитывалось 1,9 млн ферм. Они делятся на мелкие семейные с размером реализации до 250 тыс. и крупные, свыше 250 тыс. долл. Мелкие семейные фермы к началу нового века практически выпали из числа эффективных товаропроизводителей. И хотя таких сегодня в стране абсолютное большинство — 1,6 млн, или 82%, их вклад в общий доход не превышает 12%. Если бы не государственная поддержка в размере 1200 долл. на одну ферму, они еще в 1997 году оказались бы в убытке. Эти хозяйства существуют исключительно за счет внефермерской деятельности».

²⁶¹ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2787.

²⁶² Некоторые проблемы сельского хозяйства зарубежных стран. Информационно-аналитический сборник. М.: ВНИИ информации и технико-экономических исследований агропромышленного комплекса, 1989.

Бюджетные дотации сельскому хозяйству в зарубежных странах

	На 1 га сельхозугодий, долл.		На одного занятого, тыс. долл.	
	1979–1981 гг.	1984–1986 гг.	1979–1981 гг.	1984–1986 гг.
США	82	220	9,5	28,2
ЕЭС	781	1099	9,9	14,3
Япония	5412	11319	4,6	12,0

В 1984–1986 гг. в РСФСР использовалось 218,4 млн га сельскохозяйственных угодий. Если бы сельское хозяйство РСФСР дотировалось в той же степени, что и в Западной Европе, расходы на дотации из госбюджета составили бы 240 млрд долл. Миф об огромных дотациях в России был попросту недобросовестной пропагандой²⁶³.

В 2000 г. из консолидированного бюджета Министерства сельского хозяйства США на прямые, косвенные и скрытые субсидии, льготные ссуды или расходы на реструктурирование ссуд сельскому хозяйству было израсходовано 105 млрд долл.²⁶⁴

В 2000 г. на поддержку сельского хозяйства (включая рыболовство) из консолидированного бюджета РФ было выделено 55 млрд руб. (менее 2 млрд долл.), в 2006 г. — уже 110,8 млрд руб., однако с учетом динамики цен качественным изменением это не стало.

В 1992 г. был открыт рынок для импортных продуктов, производство и экспорт которых на Западе субсидируются государством. С учетом имеющегося уровня государственной поддержки российское сельское хозяйство не может стать конкурентоспособным на свободном рынке.

Если в России совокупный уровень господдержки в настоящее время составляет примерно 8–12 долл. в год на 1 га сельскохозяйственных угодий, то в США — 155 долл., в странах ЕС — 843 долл., а в Японии — 9529 долл.

Опыт развитых стран показывает, что уровень инвестирования в свои агропромышленные комплексы должен составлять до 20% бюджетных ассигнований²⁶⁵.

Таким образом, в российском бюджете неоправданно занижены расходы на сельское хозяйство. Наблюдается также ведомственная разобщенность

²⁶³ Только так называемые «прямые безвозмездные выплаты в фермерский бюджет из федерального бюджета США» составили в 1987 году 17 млрд долл. Бюджетные ассигнования в США в 6 раз превышали фермерские капиталовложения и составляли около 40% всей валовой продукции ферм (для сравнения: среди стран СЭВ самые большие дотации получало сельское хозяйство Венгрии, где бюджетные ассигнования составляли 13% капиталовложений в отрасль).

²⁶⁴ По материалам сайта <<http://www.usda.gov/agency/obpa/Budget-Summary/2001/text.htm>>.

²⁶⁵ Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 186.

управления сельским хозяйством. Село как отдельный объект управления не выделяется, поэтому федеральные целевые программы, содержащие сельские аспекты, между собой не скоординированы²⁶⁶.

Но даже тогда, когда имеются необходимые средства, они не всегда эффективно используются. Так, решение о проведении закупочных интервенций принимается с существенным опозданием, когда производители сельхозпродукции, получив хороший урожай зерна, уже вынуждены продавать его перекупщикам практически по себестоимости. Кроме того, проведение закупочных и товарных интервенций носит ограниченный характер, поскольку распространяется лишь на зерновую продукцию (преимущественно на пшеницу).

Несмотря на создание Россельхозбанка и выделение бюджетных средств на субсидирование части процентных ставок по кредитам, доступность кредитных ресурсов для сельхозпроизводителей продолжает оставаться на неудовлетворительном уровне.

Здесь можно выделить несколько основных факторов, оказывающих негативное воздействие на доступность кредитов: большое число убыточных предприятий, не имеющих возможности получить кредит по действующему законодательству, отсутствие даже у успешных сельхозпроизводителей соответствующего обеспечения исполнения обязательств по возврату кредита (залога имущества, банковских гарантий, поручительств, ценных бумаг и т. д.), высокие ставки по кредитам, трудности с оформлением кредита, диспропорции в территориальном размещении банков.

Фундаментальным остается тот фактор, что сельское хозяйство за 1990-е гг. было финансово обескровлено. В 1992–1993 гг. из аграрного сектора были перекачаны колоссальные средства за счет «ножниц цен» на продукты сельского и промышленного производства. Наиболее сложной проблемой, стоящей перед современным агропромышленным комплексом России, является его низкая эффективность, обусловленная существующим межотраслевым дисбалансом рентабельности между различными сферами АПК.

Межотраслевой дисбаланс рентабельности в АПК (известный также как диспаритет цен или неэквивалентный товарообмен со смежными отраслями) принято связывать с опережающим ростом цен на промышленную продукцию, потребляемую сельским хозяйством (горюче-смазочные материалы, сельскохозяйственная техника и оборудование, минеральные удобрения и т. п.) по сравнению с ценами на саму сельскохозяйственную продукцию, что приводит к снижению уровня рентабельности сельхозтоваропроизводителей относительно промышленных предприятий.

²⁶⁶ Петриков А.В. Устойчивое развитие сельских территорий в России: направления и проблемы. Статья // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России. Сборник статей. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 233.

Эта проблема существовала еще в Советском Союзе, где в процессе развития плановой экономики диспаритет цен между промышленностью и сельским хозяйством использовался в качестве средства, призванного обеспечить ускоренную индустриализацию страны. Однако особенно резкий рост диспаритета цен произошел с началом рыночных преобразований в период с 1992 г. по 1994 г., что привело к критическому ухудшению финансового состояния сельхозтоваропроизводителей.

За 1992 г. цены на сельхозпродукцию выросли в 8,6 раза, а на покупаемую селом продукцию и услуги — в 16,2 раза. Разрыв цен стал двукратным. В 1993 г. положение ухудшилось. В целом за 1992–93 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко — в 63 раза, а на бензин — в 324 раза, на трактора К-700 — в 828, а на трактора Т-4 — в 1344 раза.

К 2001 г. ценовой разрыв составил 4,2 раза. Он продолжает расти, хотя и медленнее: в 2008 г. цены сельхозпроизводителей составили 219% относительно уровня 2003 г., а цены на промышленные товары и услуги, приобретенные сельскохозяйственными организациями, — 224%. Цены на технику растут намного быстрее. В 2004 г. один трактор в среднем был по цене эквивалентен 25 головам крупного рогатого скота, а в 2008 г. — 44 головам.

Следует отметить, что резкое перераспределение добавленной стоимости, созданной в отраслях производства, в пользу транзакционного сектора стало одной из основных особенностей институционального развития в России. Это объясняется различными факторами: увеличением количества необходимых транзакционных услуг, возникновением монопольных цен на эти услуги, ростом их себестоимости. В результате сложился серьезный механизм перелива финансовых, материальных, трудовых ресурсов из традиционных отраслей в новые посреднические секторы.

Эти закономерности носят общий характер, в агропромышленном комплексе они проявились особенно четко на продовольственном рынке, несформированность которого приводит к значительному повышению издержек его функционирования и, прежде всего, транзакционных издержек. Стоимость услуг транзакционного сектора стала соизмерима с издержками производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Это связано с несовершенством рыночных институтов и со специфическими особенностями современного этапа развития продовольственного рынка.

При этом следует отметить низкую эффективность транзакционного сектора агропромышленного комплекса, обусловленную, главным образом, слабым развитием вертикальной и горизонтальной интеграции, неразвитостью рыночной инфраструктуры, отсутствием четкой спецификации прав собственности, отсутствием программы развития рыночной инфраструктуры. В результате, в силу неразвитости аграрных рынков существует значительное количество посредников на рынке, т. е. не обеспечивается связь между производителем и потребителем продовольствия, ограничивается

возможность сбыта продуктов сельхозтоваропроизводителями по приемлемым ценам.

Таким образом, одним из факторов, препятствующих развитию АПК, является слабое регулирование рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия, необеспеченность доступа крестьян на рынки.

Материально-техническая база сельскохозяйственного производства

Основные фонды сельхозпредприятий РСФСР выросли с 1970 г. по 1990 г. в расчете на одного работника с 3,7 до 27,3 тыс. руб., а в расчете на 100 га сельхозугодий — с 19,3 до 129,8 тыс. руб. В 1985–1990 гг., например, энергетические мощности в расчете на одного работника выросли с 40,3 до 50,5 л. с. По этим основным показателям советское сельское хозяйство вошло в число высокоразвитых. В 1989 г. в РСФСР на одного работающего приходилось 35,3 кВт энергетических мощностей²⁶⁷, а в Италии в 1988 г. — 23, в Нидерландах — 30,5 кВт²⁶⁸.

За последние же годы наблюдается нарастающее отставание технического уровня российских сельхозмашин от аналогичных мировых образцов, а также снижается качество их изготовления. По данным различных обследований, до 90% сельхозтехники изготовлено с отклонением от технических условий. Надежность новой отечественной сельхозтехники снизилась в 1,5–2 раза, и по этому показателю происходит отставание отечественной техники от аналогичной импортной в 8–10 раз. В качественном отношении парк сельхозмашин характеризуется тем, что его основу составляют морально устаревшие модели, разработанные и поставленные на производство в 1965–1975 гг. В настоящее время до 80% машинно-тракторного парка выработало свой срок службы и требует повышенных затрат на поддержание в работоспособном состоянии. Высокая степень износа приводит к тому, что около 20% из имеющейся в наличии техники не принимает участия в полевых работах.

Темпы выбытия сельскохозяйственной техники значительно превосходят темпы приобретения новой техники, т. е. не происходит полноценной замены, обновления изношенного парка машин. Капиталовложения (инвестиции) в основной капитал сельского хозяйства в ходе реформы уменьшились по сравнению с 1990 г. в 13 раз (рис. 2.1.134–2.1.135).

Главный материальный ресурс сельского хозяйства — земля, почва. Для поддержания ее в плодородном состоянии требуются постоянные усилия. Так, необходимо проведение известкования почв. В ходе реформы известкование почвы практически было прекращено. С 1998 г. ему подвергаются по 0,3–0,4 млн га кислых почв в год (вместо 5 млн га, как в 1980-е гг.).

²⁶⁷ Энерговооруженность одного работника в сельском хозяйстве РСФСР была примерно на 40% выше, чем в среднем по СССР.

²⁶⁸ По этому показателю США резко выпадали из общего ряда высокоразвитых стран — работники там снабжены избыточными энергетическими мощностями.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

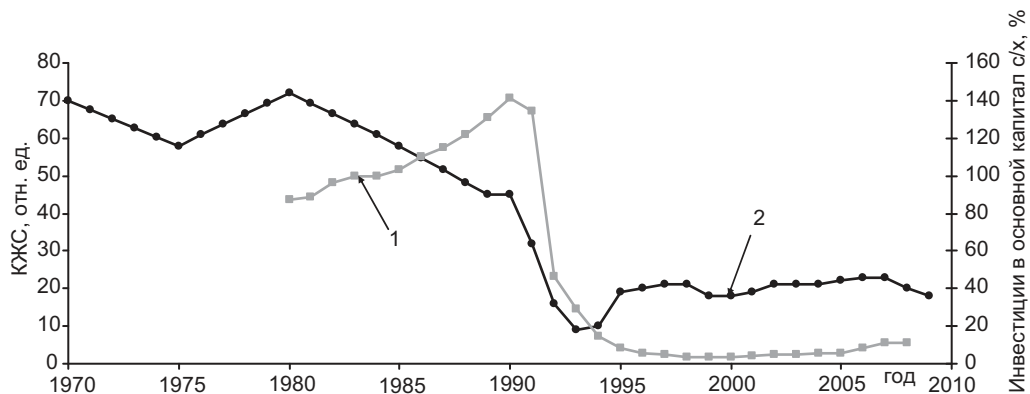

Рис. 2.1.134. Сопоставление исторической динамики уровня инвестиций в основной капитал сельского хозяйства (1) (1984 г. = 100) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,79$)

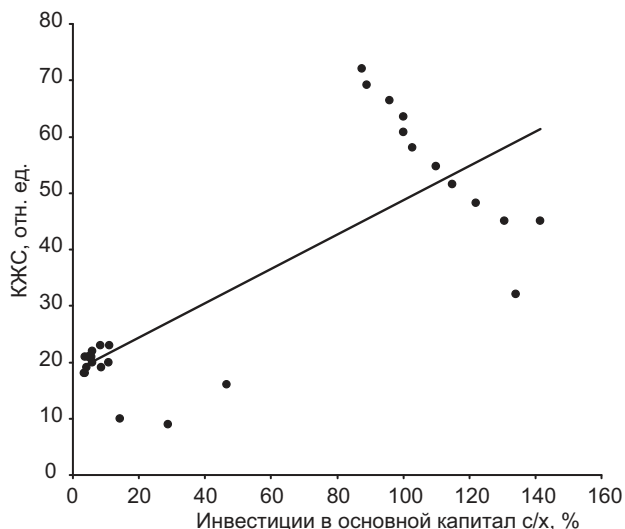

Рис. 2.1.135. Регрессионная связь уровня инвестиций в основной капитал сельского хозяйства и коэффициента жизнеспособности страны

Прекращены и главные мелиоративные работы — строительство систем для орошения земель и осушения угодий. В середине 1980-х гг. на орошенных и осушенных землях производилось 15–16% всей валовой продукции растениеводства РСФСР. В ходе реформы объемы мелиорации сократились в 20–25 раз (рис. 2.1.136–2.1.137)²⁶⁹.

²⁶⁹ Интенсивная идеологическая кампания против всех видов мелиорации и особенно против водного хозяйства началась уже с середины 1985 г. Это было первое организован-

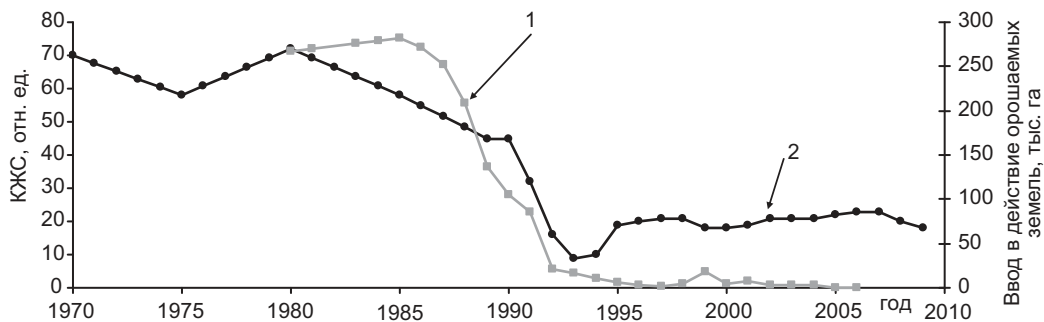

Рис. 2.1.136. Сопоставление исторической динамики уровня ввода в действие орошаемых земель в России (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,95$)

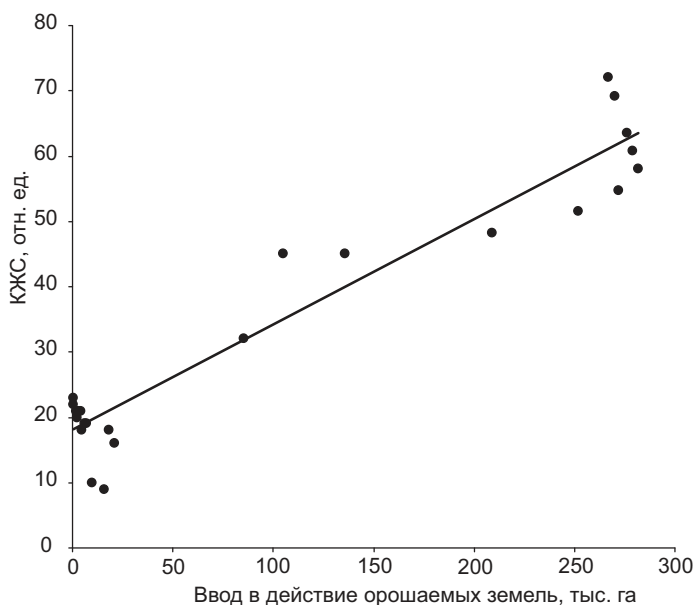

Рис. 2.1.137. Регрессионная связь уровня ввода в действие орошаемых земель в России и коэффициента жизнеспособности страны

Условием плодородия почвы при интенсивном земледелии является регулярное применение минеральных и органических удобрений. Начиная с 1990 г., внесение минеральных удобрений в почву на один гектар посева сельскохозяйственных культур сократилось в несколько раз. В последнее антисоветское движение, которое атаковало большие инфраструктурные проекты (на первом этапе — под экологическими лозунгами).

ледние годы ситуация немного улучшилась и, по состоянию на 2008 г., такое сокращение составляет 2,2 раза. При этом применение удобрений в сельскохозяйственных предприятиях РФ снизилось с 9,9 млн т в 1990 г. до 1,1 млн т — в 1999 г. (в 2000 г. данный показатель вернулся на уровень 1,4 млн т и колеблется на этом уровне по сей день). Для сохранения почвенного плодородия и получения устойчивых урожаев в условиях России требуется ежегодное внесение минеральных удобрений на уровне 6 млн т в действующем веществе, что в 4–5 раз превышает реальную практику последних 10–12 лет. При этом следует отметить, что производство минеральных удобрений в России уже превысило дореформенный уровень, однако практически все производимые ресурсы минеральных удобрений (около 90%) уходят на экспорт.

Россия начинает воспроизводить «двойную структуру» сельского хозяйства третьего мира — есть небольшие оазисы относительного благополучия, а остальная земля дичает. В 1987 г. минеральные удобрения получали 74% посевных площадей, а в 1993 г. эта доля упала до 25%. В 2006 г. она составила 34% посевных площадей (рис. 2.1.138–2.1.139). В 7 раз уменьшилось внесение в почву и органических удобрений.

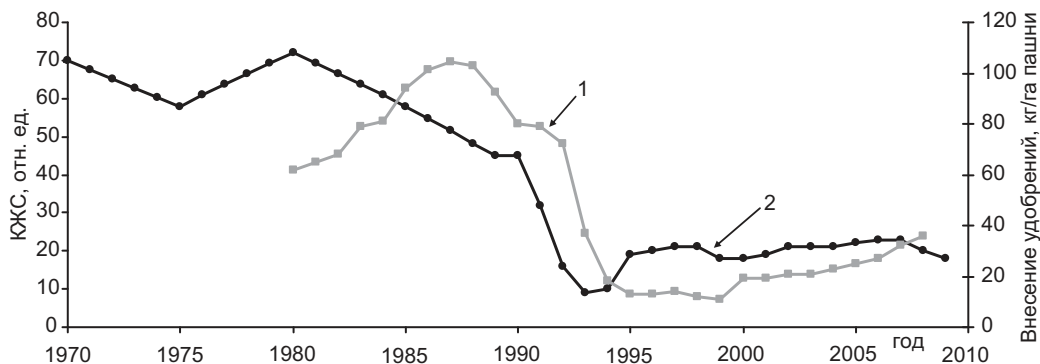

Рис. 2.1.138. Сопоставление исторической динамики уровня внесения минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях России (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,76$)

Такое положение вещей не имеет под собой никакого экономического обоснования: по оценкам экспертов, только в 1993 г. из-за лишения села удобрений недополучено продукции, эквивалентной 15–20 млн т зерна.

Резко сократилось за годы реформы применение авиации для проведения химических работ в сельском хозяйстве — подкормки минеральными удобрениями, обработки посевов инсектицидами и гербицидами. В резуль-

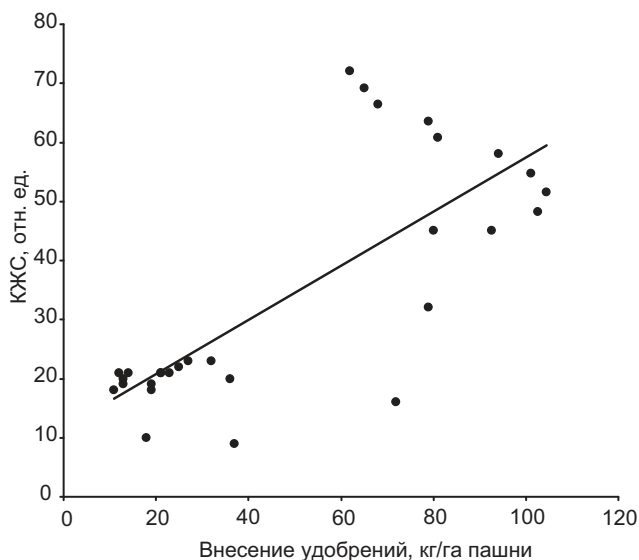

Рис. 2.1.139. Регрессионная связь уровня внесения минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях России и коэффициента жизнеспособности страны

тате потери продукции растениеводства только от вредных насекомых составляют около 20 млн т в год.

Важной составляющей инфраструктуры сельского хозяйства являются производственные сооружения, здания, постройки. Их строительство на селе почти прекратилось.

В 1970-е гг. велось ускоренное строительство крупных ферм. К середине 1980-х гг. их массовое строительство было завершено. В ходе реформы оно должно было возобновиться, поскольку для новых хозяйств требовались фермы другого типа. Этого не произошло. Значительная часть скота переведена на подворья, старые крупные фермы просто заброшены, а новых ферм оптимального размера не строится. За 15 дореформенных лет (1976–1990 гг.) в России было построено животноводческих помещений для содержания крупного рогатого скота на 26,9 млн ското-мест. За 15 лет реформы (1991–2005 гг.) построено ферм на 2,55 млн ското-мест, т. е. в 10,5 раза меньше. Значительное количество сооружений, предназначавшихся для содержания скота, попросту разобраны на кирпич и железобетон и разграблены.

Аналогичное положение в птицеводстве. Реформа не привела к замене советских птицефабрик более современными фермами — строительство было почти прекращено. За 1976–1990 гг. было построено птицефабрик на 630 млн голов птицы, а за 1991–2005 гг. — на 35,5 млн. Обвал строительства

птицефабрик начался с первых шагов реформы, а оживление наблюдается лишь в самые последние годы.

Состояние сельского хозяйства зависит от уровня механизации, а значит — от работы других отраслей, обеспечивающих его техникой и материалами. Динамика производства тракторов и зерноуборочных комбайнов отражена на рис. 2.1.140²⁷⁰–2.1.143 в сравнении с коэффициентом жизнеспособности страны. С началом реформы резко сократились поставки всех видов техники селу.

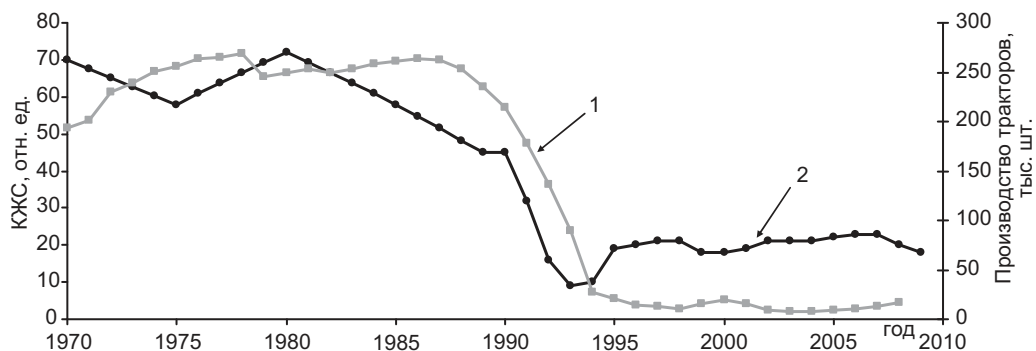

Рис. 2.1.140. Сопоставление исторической динамики объема производства тракторов в России (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,90$)

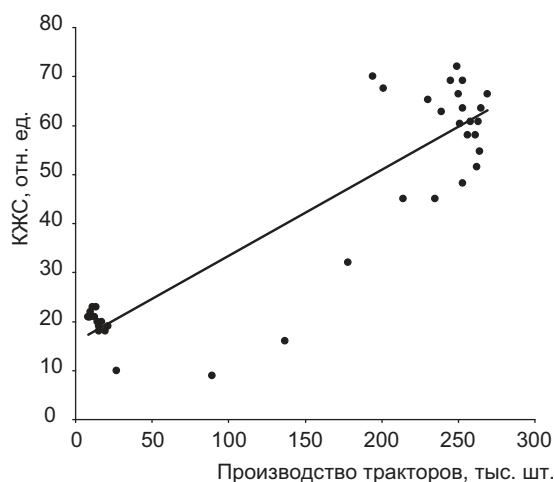

Рис. 2.1.141. Регрессионная связь объема производства тракторов в России и коэффициента жизнеспособности страны

²⁷⁰ Суммарная мощность двигателей тракторов, выпущенных в 1985 г., составляла 261 млн л.с., а в 2004 г. — 8,4 млн л.с.

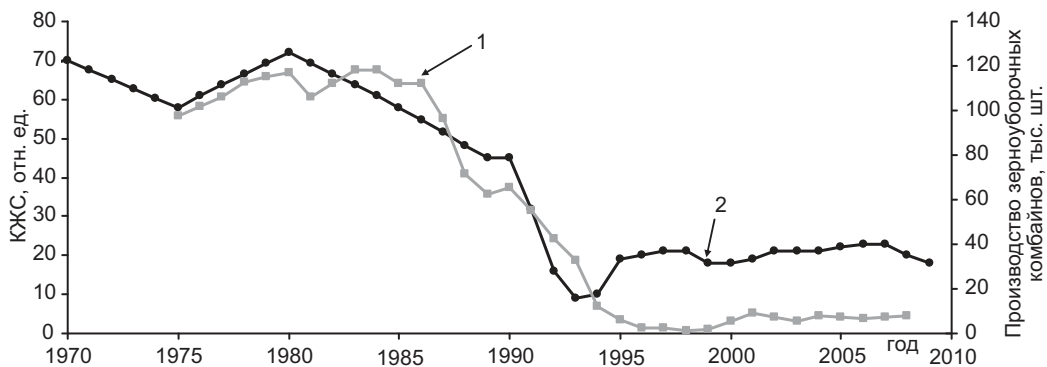

Рис. 2.1.142. Сопоставление исторической динамики объема производства зерноуборочных комбайнов в России (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,95$)

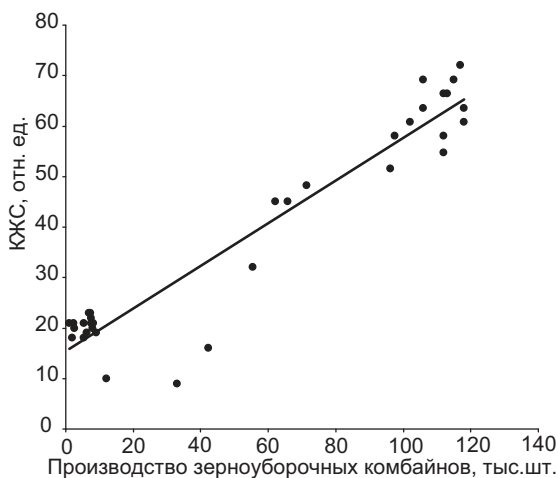

Рис. 2.1.143. Регрессионная связь производства зерноуборочных комбайнов в России и коэффициента жизнеспособности страны

В результате резкого сокращения поставок техники ускорился ее износ и стала быстро расти нагрузка на машины. За последние годы количество и тракторов, и зерноуборочных комбайнов на 1000 га пашни колебалось в пределах 4–6 штук, в то время как по норме на такую площадь пашни должно приходиться около 7 тракторов и 14 комбайнов. В результате в 2000 г. в РФ нагрузка пашни на один трактор составляла 135 га, а в 2008 г. достигла 210 га.

В сравнимых, хотя и более благоприятных почвенно-климатических условиях Западной Европы нормальными являются следующие площади пашни на трактор: в Великобритании — 13 га, Германии — 8, Италии — 6 га.

В целом приобретение сельскохозяйственной техники в России уже за первые четыре года реформ сократилось более чем на 90%. Состояние технической оснащённости и его изменение в ходе реформы представлены в табл. 2.1.13.

Таблица 2.1.13

Парк основных видов техники на сельскохозяйственных предприятиях РФ (на конец года, тыс. шт.)

Вид техники	1990 г.	1995 г.	2003 г.	2005 г.
Плуги	538,3	368,3	184,5	148,5
Комбайны зерноуборочные	407,8	291,8	158	129
Дождевальные и поливные машины и установки	79,4	46,3	12,1	8,6
Косилки	275	162	78	64
Жатки валковые	247	152	62	47
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	110,7	71,6	24,4	19,7
Опрыскиватели, опыливатели тракторные	103,2	56,9	27,2	24,6
Доильные установки и аппараты	242,2	157,3	65,7	50,3

Значительное уменьшение парка сельхозтехники и ее физический износ привели к утрате применяемых в недавнем прошлом на полевых работах функциональных механизированных комплексов, научно обоснованных региональных систем земледелия, передовых технологий возделывания и уборки зерновых культур. Так, из-за нарушения оптимальных сроков выполнения полевых работ не добирается, по различным оценкам, до 10% от общего объема валового сбора урожая.

Резко сократилось и продолжает непрерывно сокращаться водоснабжение сельского хозяйства: использование свежей воды (не считая расхода на орошение) только за 1995–2001 гг. снизилось с 3,5 до 1,2 куб. км — почти в три раза.

В отношении площади земель сельскохозяйственного назначения также следует отметить, что в 1980-е гг. были вложены значительные средства в развитие интенсивных технологий, что позволило несколько сократить посевную площадь. Во второй половине 1980-х гг. посевы занимали 119 млн га в год и стали сокращаться в 1990 г. с началом реформы — не в силу технологической целесообразности, а по экономическим причинам (рис. 2.1.144–2.1.145). Как видно на рис. 2.1.144, обнаруживается устойчивая положительная корреляционная связь КЖС и размера посевных площадей.

В 2007 г. посевные площади всех культур составили 74,8 млн га, сократившись по сравнению с 1988 г. на 44,8 млн га. Таким образом, выведенные за годы реформы из оборота посевные площади составляют почти 60% от

той площади, что засеивается в настоящее время. В 2008 г. посевные площади увеличились на 2,9% по сравнению с предыдущим годом. В 2009 г. произошло еще одно небольшое увеличение их размера — на 2,8% по сравнению с 2008 г.

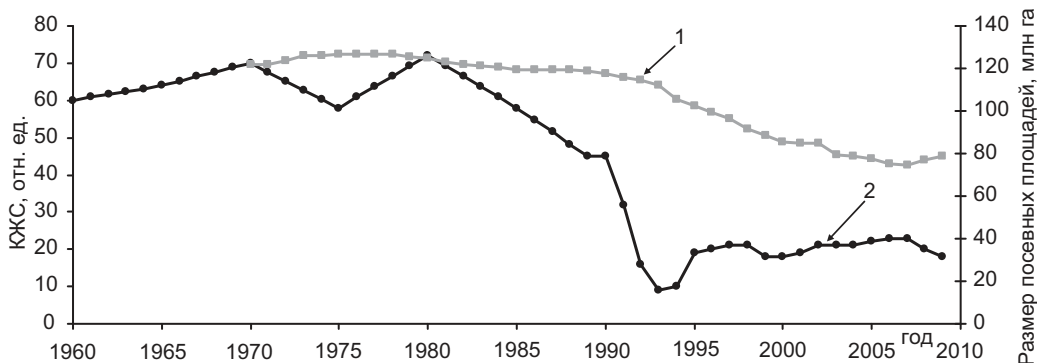

Рис. 2.1.144. Сопоставление исторической динамики размера посевных площадей сельскохозяйственных культур (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,81$)

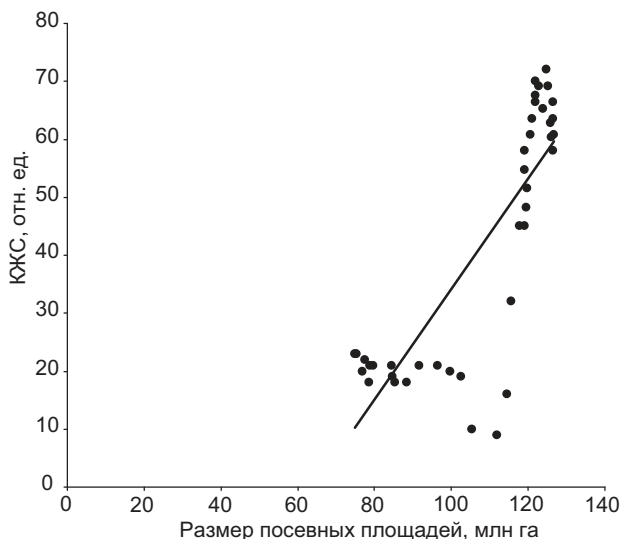

Рис. 2.1.145. Регрессионная связь размера посевных площадей сельскохозяйственных культур и коэффициента жизнеспособности страны

Результат сельскохозяйственной политики 1990-х гг. — это глубокий спад производства и технологический регресс. В целом в России сложилась ситуация из категории «исторических ловушек»: в стране происходит деиндустриализация, и в то же время она перестает быть аграрной страной.

Экономическая система «настроена» так, что сельское хозяйство России слабеет, а иностранному капиталу создаются столь льготные условия, что российский производитель конкурировать с ним не в состоянии.

Нельзя не рассмотреть одну из главных проблем, стоящих перед аграрной сферой России, — обеспечение продовольственной безопасности страны.

Всемирный совет по продовольственной безопасности при ООН определяет продовольственную безопасность как политику, позволяющую стране достичь «...наиболее высокой степени самообеспеченности в продовольствии в результате интегрированных усилий по увеличению производства жизненно необходимых продуктов, улучшению системы снабжения и потребления продовольствия, ликвидации недоедания и голода»²⁷¹.

В контексте авторского исследования особенно интересно рассмотреть часть продовольственной безопасности, определяемой продовольственной независимостью, т. е. способностью государства к продовольственному снабжению страны и ресурсному обеспечению агропромышленного комплекса в случае полного или частичного прекращения внешних импортных поставок.

Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 была утверждена Доктрина продовольственной безопасности РФ²⁷², в которой определены цели, задачи и основные направления государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности России. При этом стратегической целью продовольственной безопасности провозглашено обеспечение населения безопасной сельскохозяйственной, рыбной и иной продукцией, продовольствием.

Продовольственная безопасность, согласно Доктрине, оценивается по ряду показателей. В их числе — располагаемые ресурсы домашних хозяйств по группам населения, потребление пищевых продуктов, объемы производства, импорт, господдержка, использование земельных ресурсов. В целом оценивая положительно принятие данного документа, необходимо отметить, что для того, чтобы данная Доктрина не осталась лишь благим намерением, следовало бы поставить вопрос о приоритетности сельского хозяйства в экономической политике государства, а также о выделении необходимых средств из федерального бюджета на его поддержание и развитие²⁷³.

Кроме того, данная Доктрина (как и почти все остальные документы доктринального уровня на уровне Федерации) страдает отсутствием управленческого содержания (указания на конкретные управленческие решения, ответственные за их исполнение органы и т. д.), что также ставит под сомнение эффективность ее реализации.

---

²⁷¹ Состояние продовольственного обеспечения и аграрного сектора. 33-я конференция ФАО. Рим, 19–26 ноября 2005 г. // <<http://www.fao.org>>.

²⁷² СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 502.

²⁷³ Буздалов И. Почва для безопасности. Статья // <<http://opes.ru/1158213.html>>.

Следует отметить, что в последние годы вновь начинает расти импорт продовольственной продукции в результате излишней открытости российской экономики. Его доля в объеме производства валовой продукции сельского хозяйства России составляет около 30%. В то же время известно, что в соответствии с пороговыми значениями отрасль теряет инновационную и инвестиционную привлекательность, если доля импорта превышает 20% от объема производства валовой продукции отрасли.

Кроме того, серьезной проблемой в рамках обеспечения продовольственной безопасности является и низкий уровень государственной системы резервов продовольствия и управления этими запасами.

Состояние сельских поселений

Центрами организации жизнеустройства деревни в России всегда были сельская община (крестьянское «гражданское общество»), государство и внешняя по отношению к общине, но находящаяся с ней в симбиозе хозяйственная система. Формы этих составляющих менялись. Менялись полномочия, образ действия и отношения с внешней средой общины, менялись структуры государства.

Со второй половины 1950-х гг. развитие советской деревни вошло в стабильный режим, который и «вырастил» тип сельских поселений, унаследованных постсоветской Россией в 1991 г.

Этот режим можно охарактеризовать следующими признаками:

- укрепление крупного сельскохозяйственного предприятия как центра жизнеустройства деревни. Укрупнение колхозов и рост числа совхозов;
- стабильный рост производительности труда и доходов работников сельского хозяйства, сокращение доли личного приусадебного хозяйства в доходах;
- рост занятости сельского населения в несельскохозяйственных сферах деятельности;
- модернизация инфраструктуры деревни и социальных служб;
- повышение образовательного уровня сельского населения и квалификации работников.

После войны за 30-летний период произошло постепенное укрупнение колхозов, и они из небольших кооперативов жителей одной деревни превратились в многопрофильные крупные предприятия с высокой концентрацией кадров специалистов и техники. Структура занятости сельского населения до начала реформы 1990-х гг. приведена в табл. 2.1.14²⁷⁴.

К 1970 г. стабилизировалась структура занятости в поселениях, где действовали совхозы. В 1950 г. соотношение сезонных и постоянных рабочих

²⁷⁴ Труд в СССР. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1988.

Структура занятости в сельских поселениях, млн человек

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1987 г.
Работники всех типов сельхозпредприятий*	—**	—	12,2	11,2	10,8
Рабочие и служащие в сельской местности	7,3	9,6	11,7	12,5	12,3
Рабочие и служащие совхозов	1,5	3,7	4,9	5,3	5,3
Колхозники	13,7	9,3	6,3	4,8	4,3

* Включая ЛПХ, в 1980 г. — 760 тыс. чел. Численность работников межхозяйственных сельхоз предприятий невелика, в 1987 г. она составила 159 тыс. чел.

** нет данных

было 1 : 2,2. В 1960 г. оно сократилось до 1 : 5,3 и в 1970 г. — до 1 : 9,8. В дальнейшем доля сезонных рабочих в совхозах поддерживалась на уровне около 10%. В структуре персонала совхозов возрастала доля служащих (специалистов). Она составляла 7% в 1950 г., 7,4% — в 1970 г. и 11,7% — в 1987 г.

Неделимые фонды колхозов в расчете на один колхозный двор выросли с 1952 г. по 1960 г. в 3,64 раза. Неделимые фонды — коллективное богатство поселений, их рост сказывался на всем укладе жизни, это был «резерв мощности» хозяйства, гарантия благополучия (в рамках существующего общественного строя). Быстро и стабильно росли основные фонды колхозов и совхозов, а значит, и фондовооруженность труда. Только за десятилетие 1970–1980 гг. основные производственные фонды на одного работника выросли в 2,5 раза.

Очень быстро и неуклонно возрастало использование электроэнергии в производственных целях. Это резко снизило физическую и нервную нагрузку работника, сделало его труд более содержательным. Колхозник в среднем работал 23 дня в месяц. Работа в сельском хозяйстве стала привлекательной, и отток людей из деревни замедлился, а в 1980-е гг. почти прекратился.

В сельскохозяйственном общественном секторе стабильно росли объемы производства (табл. 2.1.15).

Валовая продукция сельского хозяйства

(в сопоставимых ценах 1973 г.) в среднем за год по пятилеткам, млрд руб.

1956–1960 гг.	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.
37,1	41,6	50,0	54,5	57,1

Этот рост происходил при сокращении числа занятых и был вызван постоянным ростом производительности труда. Среднегодовая выработка валовой продукции (в сопоставимых ценах) за один человеко-час возросла

по сравнению с 1966–1970 гг. в пятилетку 1971–1975 гг. на 18%, а в 1976–1980 гг. — на 32%. Соответственно, росла зарплата работников, приближаясь к среднему уровню по всему народному хозяйству (рис. 2.1.146–2.1.147). Это освобождало сельских жителей от значительной части ручного труда на личном приусадебном участке.

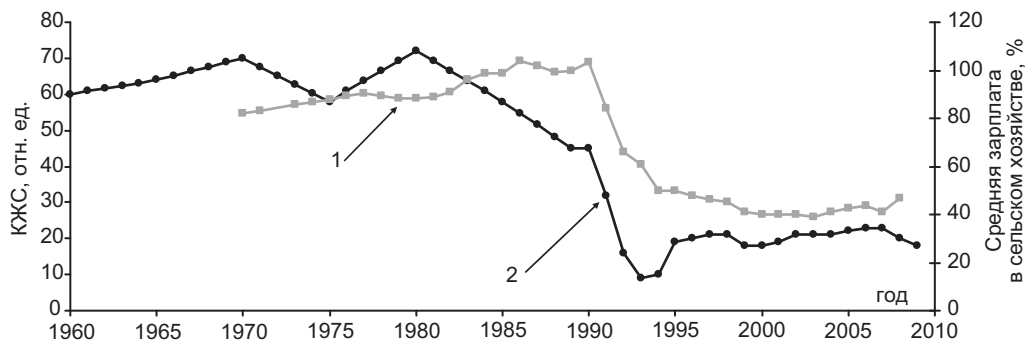

Рис. 2.1.146. Сопоставление исторической динамики уровня средней заработной платы в сельском хозяйстве (в % от средней зарплаты по всем отраслям народного хозяйства) (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,84$)

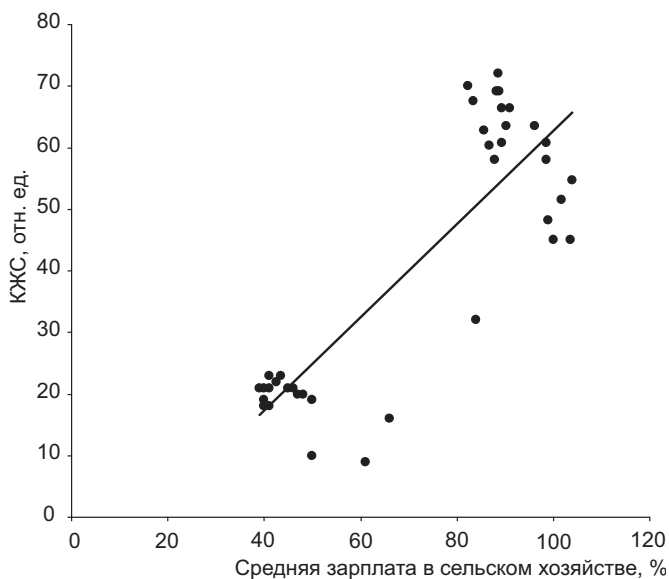

Рис. 2.1.147. Регрессионная связь уровня средней заработной платы в сельском хозяйстве и коэффициента жизнеспособности страны

В 1990 г. совокупный доход семьи колхозника в среднем складывался из таких источников, как доход от колхоза (58,6%), зарплата членов семьи (8,5%), пенсии, стипендии, дотации и пр. (7,3%), доход от личного подсобного хозяйства (21,5%), другие источники (4,1%)²⁷⁵.

Здесь надо затронуть вопрос о роли приусадебного хозяйства в жизни деревни. Она выходит далеко за рамки экономической рациональности, но остановимся именно на этой стороне проблемы, поскольку доктрина реформы 1990-х гг. представляла приусадебное хозяйство альтернативой предприятию (колхозу или совхозу), гипертрофируя роль «соток» в жизнеустройстве деревни.

Начиная с 1940 г. объем производства продуктов животноводства на приусадебных участках в РСФСР (как и в СССР в целом) непрерывно сокращался по мере развития крупных предприятий.

В единой «колхозно-приусадебной» системе ее части специализировались, и каждая часть производила то, что позволяло с наибольшей эффективностью использовать наличные ресурсы. Никому и в голову не приходило, например, сеять с «мотыгой и серпом» на приусадебном участке пшеницу. Зачем, если на больших полях колхоз производил зерно с затратами труда всего 1,2 человеко-часа на центнер?

Приусадебное хозяйство специализировалось почти исключительно на картофеле — в 1980-е гг. практически половина картофеля выращивалась на «сотках». Это культура интенсивная, особых преимуществ ее возделывание на больших полях не имело, поскольку в СССР уборка приходилась на дождливое время и выполнялась в основном вручную. Да и хранилась значительная часть картофеля в личных погребах, что давало экономию на транспортных расходах. Потому-то около половины картофеля выращивалось на «сотках». Это позволяло вовлечь все дополнительные ресурсы рабочей силы семьи и получить существенный доход.

Большое хозяйство (колхоз) и приусадебный участок не были альтернативами и не конкурировали друг с другом. Именно создание такой гибридной двойственной системы и стало той формулой, при достижении которой крестьянство согласилось на коллективизацию. Роль личного хозяйства («соток») в бюджете колхозников в спокойный период жизни уменьшалась, а доход от колхоза — увеличивался. В 1980 г. эти два источника доходов относились, в процентах от всех доходов, как 27,5 : 47,9, а в 1989 г. — как 24,9 : 51,9.

Это были две неразрывно связанные части одной производственно-бытовой системы. Противопоставлять их — большая ошибка. Колхоз и личное хозяйство были связаны технологически — в обоих использовались

²⁷⁵ При этом обязательные платежи были очень невелики: налоги и сборы составляли 1,8% совокупного дохода; жилищно-коммунальные услуги и расходы на содержание собственного дома — 1,7%.

машины, кадры, горючее, удобрение и другие ресурсы колхоза. Предоставление этих ресурсов было одной из форм распределения доходов кооператива между его членами и формой оплаты труда «натурой» в совхозах.

Симбиоз предприятий и личных хозяйств удовлетворял сельское население и отвечал национальным интересам в целом.

Сельскохозяйственные предприятия вместе с государственными организациями вели большую работу по модернизации быта деревни. В 1980-е гг. в сельской местности было введено в действие жилых домов общей площадью 183,2 млн м², из них 85,1% за счет государственного и общественного строительства.

В 1980 г. обеспеченность одного сельского жителя общей жилой площадью составила 13,8 м² (на 0,6 м² больше, чем у городского жителя). В 1989 г. у сельского жителя было 18,0 м² (на 2,6 м² больше, чем у городского). Бытовое потребление электроэнергии сельским населением составляло в 1970 г. 2,7 млрд кВт·ч. Благодаря газификации деревень оно снизилось в 1975 г. до 1,5 млрд кВт·ч и затем стало стабильно расти, составив в 1987 г. 3,7 млрд кВт·ч.

Модернизация сельского быта вела к диверсификации занятости в деревне. Она наполнялась работниками промышленности, образования, культуры и здравоохранения, сферы транспорта, строительства, торговли и бытовых услуг. Произошел значительный переток рабочей силы. Если в 1965 г. из всех сельских работников 71,1% были заняты в сельском хозяйстве, то в 1982 г. их доля составляла всего 52,7%. То есть почти половина работников, живущих в селе, занимались уже не сельским хозяйством. 14,1% работников были заняты в социально-культурном обслуживании села и 6,6% — в торгово-бытовом обслуживании²⁷⁶.

С 1965 по 1980 г. число специалистов с высшим и средним специальным образованием выросло в сельхозпредприятиях с 284 тыс. до 872 тыс. (в 1980 г. специалистов с высшим образованием было 263 тыс.). По уровню образования разрыв между селом и городом стал сокращаться. В 1959 г. в расчете на 1000 человек занятого населения в сельской местности было 11 человек с высшим образованием (соотношение с городом 1 : 5,1), а в 1979 г. — 41 человек (отношение 1 : 3). Важное место в жизни деревни стало занимать непрерывное образование. В 1980-е гг. ежегодно проходили обучение в системе повышения квалификации около миллиона колхозников, а около 200 тыс. проходили переподготовку или обучались вторым специальностям.

Накануне реформы вся жизнь сельского поселения двигалась в орбите сельхозпредприятия. Подрыв колхозно-совхозной системы совершил переворот в жизни деревни, которому нет аналога в российской истории. Удар был нанесен по всем сторонам жизни. Реформа лишила сельхозпредприятия воз-

²⁷⁶ Староверов В.И. Социальные аспекты развития производительных сил агропромышленного комплекса СССР. Статья // Социологические исследования. 1985. № 2.

возможности быть центром жизнеустройства, но нового организующего центра не возникло. Это не могло не сказаться самым драматическим образом на социальной сфере села.

Первым следствием для сельского населения стало «отступление на подворья». Но это уже были совершенно другие подворья, чем в колхозно-совхозной деревне. Был разрушен симбиоз приусадебного хозяйства с крупным предприятием. До 1991 г. 60–70% работы по вспашке, заготовке кормов для скота, агротехническому и ветеринарному обслуживанию в ЛПХ производились бесплатно или за символическую оплату колхозом или совхозом²⁷⁷. Слабые и убыточные частные предприятия, которые пришли им на смену, с таким сотрудничеством покончили. Оплатить указанные услуги ЛПХ в массе своей не могут.

Усиление подворья с его низкой технической оснащенностью — социальное бедствие и признак разрухи. Необходимость в XXI в. зарабатывать на жизнь тяжелым трудом на клочке земли, используя архаические средства производства, с колоссальным перерасходом времени — значит не только растрачивать свою жизнь, но и лишать ее общественного смысла. Старшие поколения еще смогут вынести такой уклад, прожив остаток лет в родной деревне, но молодежь этого терпеть не будет.

Наряду с отраслевой и межрегиональной дифференциацией, которую обычно рассматривают по оси «город — село», усиливаются и внутререгиональные различия по оси «пригород — периферия». Пригородные и периферийные районы все больше отличаются по составу населения, размерам и эффективности хозяйств, уровню товарности личных подворий. Расстояние до райцентра или города является в российских условиях показателем важнейшей социальной дистанции между хотя бы относительным сосредоточением социальных благ и возможностей в райцентре и бедной во всех смыслах периферией. Некоторое улучшение ситуации наиболее ощутимо в ближайшей к городу пригородной зоне, тогда как в отдаленных деревнях положение с каждым годом только ухудшается.

Сельская молодежь испытывает сильнейший стресс и фрустрацию. Давит и демонстрационный эффект большого города, где реализуется идея создания в России подобия западного «общества потребления». Город всплыл, как будто оттолкнувшись ногами от тонущих малых городов и села, он растлевет и одновременно обозлет молодых людей с периферии, захавших поглядеть на «настоящую жизнь». Ведь ножницы в возможностях, которые предоставляют

---

²⁷⁷ Колхозы и совхозы помогали «натурой» и пенсионерам. Обследование, проведенное в 1986 г., 1,3 тыс. семей сельских пенсионеров, в составе которых нет трудоспособных лиц, показало, что 1126 из них нуждались в помощи для обработки приусадебного участка. Помощь была оказана 74,6% этих семей, в том числе 53,8% в полном объеме, а 20,8% — не в полном объеме. В предоставлении транспорта помощь была оказана 60,6% пенсионеров, в обеспечении скота кормами — 54,1%.

столицы и села, разошлись до размеров пропасти. Поэтому распадается ткань всей сети поселений, скреплявшая страну. А это означает не только обезлюживание территорий и угрозу их потери, но и утрату социально-культурного гено типа страны в результате ликвидации сельскохозяйственной занятости.

В то же время телевидение с его идеологизированной рекламой и демонстраций образа жирующей столицы разбудили в сельской молодежи болезненные и несбыточные мечты и надежды. Отброшены свойственные деревне непритязательность и спокойствие жизненных планов, кризис заставляет хватать наслаждения здесь и сейчас. Наглядная пропасть между современным индустриальным аграрным производством и архаичным подворьем травмирует сознание человека.

В результате на селе стареет трудоспособное население, ухудшается здоровье сельских жителей, снижается общий уровень и качество образования.

Наряду с общими, характерными для всей России негативными тенденциями в демографическом развитии, подобное положение обусловлено, в первую очередь, низким социальным статусом сельских жителей, непрестижностью труда в аграрной сфере, вызванной потерей жизненной цели и нравственных ориентиров в результате разрушения традиционного уклада жизни, недостаточным обеспечением села объектами социальной и инженерной инфраструктуры и крайне низким уровнем заработной платы в сельском хозяйстве по отношению к другим отраслям экономики.

Все это неминуемо приводит к оттоку сельской молодежи, а также наиболее образованных и квалифицированных кадров из сельского хозяйства в другие сектора экономики, что порождает проблему недостатка квалифицированных кадров на селе. Кроме того, даже у оставшегося населения происходит значительное снижение мотивации к высокопроизводительному и качественному труду.

Как изменилась в России структура технологических укладов сельского хозяйства, видно из табл. 2.1.16²⁷⁸ (по данным мониторинга Института аграрной социологии). Все это сильно ударило по ЛПХ, реформа уничтожила рыночную инфраструктуру российского села (заготовительные службы, потребительские кооперативы, транспортные услуги сельхозпредприятий). Одновременно это усилило позиции иностранных экспортеров и коммерческих посредников.

Советские колхозы и совхозы не только обеспечивали население работой, но и предоставляли своим членам жилье со всеми необходимыми условиями, поддерживали комплекс социальных услуг. Теперь пользоваться ресурсами предприятий на льготных условиях могут лишь его работники и пайщики.

---

²⁷⁸ Проблемы возрождения современного российского села. Статья // Россия: Процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 году. Монография / Под ред. Г.В. Осипова и В.В. Локосова. М.: ИСПИ РАН. 2008.

Доля сельскохозяйственных работ, выполняемых разными культурными способами, в %

Способ работ	1991 г.	2000 г.	2003 г.	2007 г.
Механизированный	45–50	25–30	23–26	25–28
С помощью машин и механизмов	10–15	9–12	5–7	8–10
Конно-ручной	5–7	12–15	15–20	14–19
Ручной	15–20	52–58	57–60	53–58

Ликвидация колхозов и совхозов стала не только социальным бедствием, но и культурной травмой для населения. Совершенно неожиданно оно оказалось зависимым от небольшой прослойки людей нового (или забытого) культурного типа, обладающего свойствами, которые в массовом сознании прежде были предосудительными.

Автор социологического исследования деревни П.П. Великий пишет, например: «Для большинства населения работа по найму — это эксплуатация, понятие, которое носит негативный оттенок, поэтому порядка 40% респондентов категорически не приемлют такую работу». Точнее, в 1992 г. на вопрос «Смогли бы вы пойти в работники к зажиточным людям?» 48% ответили: «Не пойду ни при каких условиях». К 1994 г. люди оголодали и стали покладистее, поэтому столь непримиримо ответили лишь 37%. Но ведь 50% отвечают, что смогли бы пойти в работники «при определенных условиях» — оговорка многозначительная. Видно, что не хочется крестьянам идти в работники, как не хотелось и в начале XX в.²⁷⁹

Автор указанного исследования продолжает: «В целом же мотивация социально-экономического поведения почти не вбирает в себя рыночных элементов: старые ценностные стереотипы еще глубоко укоренены. Так, по данным опросов в сельских районах Саратовской, Ростовской, Новосибирской, Орловской, Псковской областей, в 1992, 1993, 1994 гг. из 7 тыс. респондентов большая часть (от 77,8% до 82,9%) предпочитает иметь скромный, но гарантированный доход... Похоже, фермерский уклад так и останется в России экзотическим явлением. Наверное, обществу придется использовать коллективные и ассоциативные общности, а значит, вдохнуть новую жизнь в них».

Ухудшение жизни сельских жителей в результате реформы и вызванного ею кризиса усугубляется тем, что на селе сворачиваются и многие промышленные предприятия и социальные службы, так что сокращается возможность приложения рабочей силы вне собственно сельского хозяйства.

²⁷⁹ Великий П.П. Социальные ожидания жителей сельской России. Статья // <http://www.viapi.ru/files/21_nik2006.pdf>.

В рамках сельского образа жизни произошел значительный переток рабочей силы, и к началу реформы примерно половина работников, живущих в селе, была занята уже не сельским хозяйством. В ходе реформы число таких рабочих мест резко сократилось.

Тем сельским жителям, которые потеряли рабочее место в сельхозпредприятии, чаще всего приходится соглашаться на работу по найму без какого бы то ни было правового регулирования. Безработица и бедность порождают теневую экономику и придают ей высокую устойчивость тем, что она выгодна и работникам, и работодателям. Но теневая экономика, в свою очередь, воспроизводит бедность, в результате чего замыкается порочный круг. Вот как обстоит дело на селе: «“Черный” рынок наемного труда выгоден работодателям — фермерам и предпринимателям, так как позволяет экономить на социальных отчислениях, использовать дешевый труд на сельхозработках, что выгоднее, чем применение дорогостоящих гербицидов и техники»²⁸⁰.

Обрушена прежняя система охраны труда. Численность специалистов по охране труда в сельском хозяйстве сократилась в 5 раз. Ежегодные медицинские осмотры работников, формально обязательные особенно для женщин в животноводстве и трактористов-машинистов, практически не проводятся. По этой причине у работников очень высок уровень профзаболеваний: среди доярок их уровень достигает 99%, в свиноводстве — 80%. Две трети заболеваний обнаруживаются только при обращении в лечебные учреждения, когда болезнь стала хронической и с трудом поддается лечению²⁸¹.

В результате реформ в России возникла структурная бедность — постоянное состояние значительной части населения. Огромная ниша застойной бедности — 39 млн сельских жителей России. В статье Л. Овчинцевой читаем: «Малоимущими являются около половины селян... Из общего числа сельских бедных треть является крайне бедными, т. е. ресурсы, которыми они располагают, ниже прожиточного минимума в два раза и более. Доля крайне бедных на селе в 2000 году была почти в два раза выше, чем в городе. Особенность сельской бедности в том, что это бедность работающих людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляют лица, имеющие работу»²⁸².

Самым прямым следствием реформы стало резкое падение заработной платы работников сельского хозяйства. Поскольку реальная стоимость денег в ходе реформы быстро менялась, зарплата сельских тружеников выражена относительно — в сравнении со средней зарплатой по всем отраслям народного хозяйства.

²⁸⁰ Овчинцева Л. Особенности сельской бедности. Статья // Отечественные записки. 2004. № 1.

²⁸¹ Проблемы возрождения современного российского села.

²⁸² Овчинцева Л. Указ соч.

Средняя зарплата у работников сельского хозяйства снизилась совершенно непропорционально другим отраслям. Это снижение никак не оправдано сокращением производства — по этому показателю сельское хозяйство мало отличается от промышленности. Ничуть не меньше стали в сельском хозяйстве затраты труда работников — напротив, тяжесть труда значительно возросла из-за деградации технологической базы и сокращения использования энергии. Следовательно, в результате реформы произошла глубокая дискриминация работников сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями производства.

В 1990 г. средний совокупный месячный доход на душу в семьях колхозников равнялся 175 руб., что составляло 88% от совокупного дохода рабочих и служащих — по среднедушевому доходу колхозники приблизились к горожанам. При этом доход от колхоза вместе с зарплатой членов семьи и с выплатами из общественных фондов составлял 72,4% всех доходов семьи колхозника, а доход от личного подсобного хозяйства — 21,5%. Теперь доход от оплаты труда составляет около 30% совокупного дохода семьи.

В январе 2001 г. средняя зарплата в сельском хозяйстве России составляла 852 руб. в месяц, а у служащих банков и страховых компаний — 13 341 руб. В 16 раз больше! В 2006 г. средняя номинальная начисленная зарплата в сельском хозяйстве России была 4 569 руб. в месяц, а у служащих банков и страховых компаний — 27 885 руб., т. е. в 6,1 раза больше, чем у работников сельского хозяйства (речь идет именно о зарплате, а не о доходах собственников капитала).

Начиная с 1994 г. по уровню заработной платы работники сельского хозяйства находятся на последнем месте среди отраслей отечественной экономики (только в 2008 г. сельское хозяйство переместилось с последнего на предпоследнее место в отраслевом ряду, опередив текстильное и швейное производство). В 1990 г. отношение среднемесячной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства к среднероссийскому уровню составляло 95,4%, в 2008 г. — 47%. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в 2008 г. достигла 8 062 руб. Межотраслевой разрыв в размере заработной платы за последние годы стабилизировался, однако значительного роста заработной платы в сельском хозяйстве не произошло, за чертой бедности находятся свыше 50% сельского населения.

В сельском хозяйстве России начисленную зарплату менее 6 600 руб. в месяц (что после вычета подоходного налога составляет 5 742 руб.) имели в апреле 2008 г. 54% работников. Если вычесть необходимые расходы на жилищно-коммунальные услуги и транспорт, то остается около 4 тыс. руб. У 40,6% работников начисленная зарплата была менее 5 тыс. руб. Таким образом, у четверти работающих сельских жителей зарплата не обеспечивает прожиточного минимума даже для самого работника, не говоря уже о членах семьи, для которых он является кормильцем.

Сельское население обеднело гораздо сильнее, чем городское. Согласно материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств (Росстат), в 2007 г. в сельских поселениях проживали 39,6% домохозяйств России, относящихся к категории «малоимущих», и 53,2% относящихся к категории «крайне бедных», хотя на селе проживало 26,6% населения России.

Но как низок критерий «бедности», определенный для деревни! В сельских поселениях в 2007 г. к категории «малоимущих» относились домохозяйства со среднедушевыми располагаемыми ресурсами (денежные доходы домохозяйств, суммы израсходованных накоплений и привлеченных заемных средств и стоимость натуральных поступлений) в размере 2417,3 руб., а к категории «крайне бедных» в размере 1392,1 руб. При этом увеличение численности бедных сельских жителей продолжалось постоянно и после 2004 г.

По данным Института аграрной социологии у 75–80% сельского населения среднедушевой доход меньше прожиточного минимума, в том числе у 16–20% населения доход составляет менее 27% прожиточного минимума, а у 10–15% доход лежит в диапазоне 16–19% этого минимума²⁸³.

Важнейшим жизненно важным благом и даже условием жизни является жилье. После войны выполнялась программа интенсивного жилищного строительства, в том числе на селе. Реформа повлекла за собой резкое — в три раза по сравнению с серединой 1980-х гг. — сокращение жилищного строительства в сельской местности. В 2003 г. жилья на селе было построено почти в 2 раза меньше, чем даже в 1970 г., затем началось оживление²⁸⁴. Динамика строительства и ее соотношение с коэффициентом жизнеспособности страны приведено на рис. 2.1.148.

Основную долю затрат на сельское жилищное строительство до реформы несло государство (в 1986–1990 гг. на средства государства было построено 59% жилой площади). Следующим по важности источником средств были колхозы и совхозы. В 1981–1985 гг. за счет средств самого населения (и кредитов, взятых у государства) было построено на селе 11,8 млн м² жилья, а только колхозами — 24,3 млн м². За 1986–1990 гг. за свой счет население построило 15,1 млн м², а колхозы — 18,4 млн м² (некоторое количество жилья колхозы и совхозы строили и в малых городах).

До 1990 г. общий сельский жилищный фонд быстро увеличивался, но только за счет государственного и колхозно-совхозного строительства. Новое строительство домов в собственности граждан велось для замены их

²⁸³ Проблемы возрождения современного российского села.

²⁸⁴ Надо к тому же отметить, что за годы реформы в сельской местности выстроено большое количество дач, загородных домов и коттеджей с очень большой, по сравнению с обычными жилищами, площадью. Это видно и из того, как резко возросло строительство домов в Московской области, где сосредоточилось большое количество коттеджей и дач, по сравнению с другими областями Центрального федерального округа. Отдельных данных по дачам и коттеджам статистика не приводит, однако если учесть эту компоненту, то объем строительства жилищ для сельских тружеников снизится еще больше.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

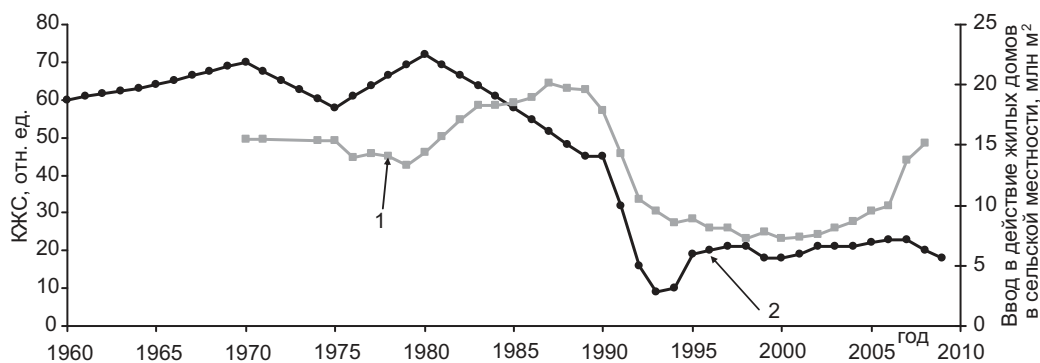

Рис. 2.1.148. Сопоставление исторической динамики объема ввода в действие жилых домов в сельской местности (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,75$)

выводимых из действия ветхих домов. С 1991 г. жилье стало переходить в собственность граждан в ходе приватизации.

С начала реформы доля государства и сельхозпредприятий в строительстве резко упала. Строительство почти исключительно ведется за счет средств населения и взятых им кредитов. Ход этого изменения виден на рис. 2.1.149. При этом отрицательная корреляция с КЖС объясняется, видимо, тем, что данный вид деятельности является сферой ответственности государства, от которой в ходе реформ оно, однако, устранилось, поскольку на предыдущем рисунке (см. рис. 2.1.148) видна положительная корреляция с жизнеспособностью более общего параметра — уровня ввода в действие жилых домов в сельской местности.

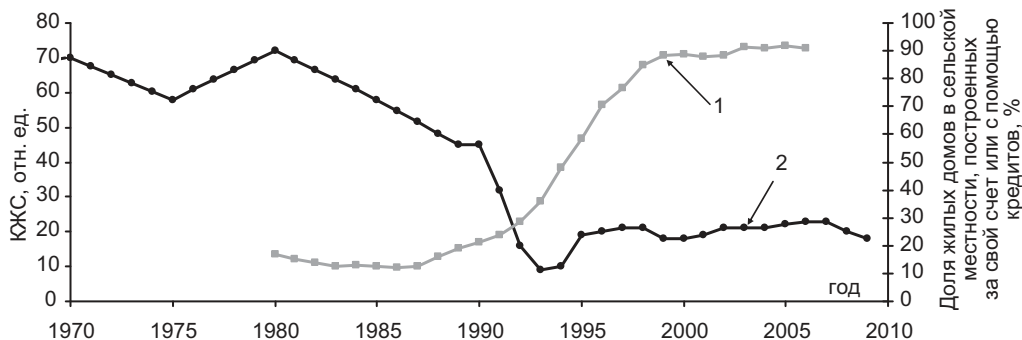

Рис. 2.1.149. Сопоставление исторической динамики доли жилых домов в сельской местности, построенных населением за счет собственных или заемных средств (1), и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = -0,76$)

Развитие инфраструктуры села

Ввод в действие, тыс. км	1990 г.	1995 г.	1999 г.	2001 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Водопроводные сети	5,9	1,61	0,62	0,76	1,16	1,27	1,5
Газовые сети	7,0	16,5	16,9	17,1	11,4	14,8	17
Линии электропередач напряжением 6–20 кВ	24,5	6,9	4,1	3,2	2,9	3,3	3

При этом в 2008 г. по сравнению с 2007 г. стоимость 1 м² жилья в сельской местности увеличилась на 42% — с 12 550 руб. до 17 825 руб., что значительно снижает его доступность за счет собственных средств сельского населения с учетом приведенного уровня заработной платы.

Также резко снизились масштабы строительства и реконструкции инфраструктуры российского села (за исключением работ по газификации). Это видно из табл. 2.1.17.

Население сельской местности, как и сельское хозяйство, сильно страдало от слаборазвитости дорожной сети. Это вело к большим экономическим издержкам и снижало качество жизни в сельских поселениях.

Недостаток дорог был во время перестройки важной темой критики советского хозяйства. Но нельзя не отметить, что интенсивное строительство дорог началось именно с середины 1970-х гг. и его темпы быстро росли. Так, обеспеченность сельского населения местными шоссейными дорогами с твердым покрытием составляла в 1980 г. 6,4 км на 1000 человек сельского населения, а в 1988 г. — 10 км. И едва ли не первая большая программа, которая была прекращена с началом реформ, было как раз дорожное строительство (рис. 2.1.150).

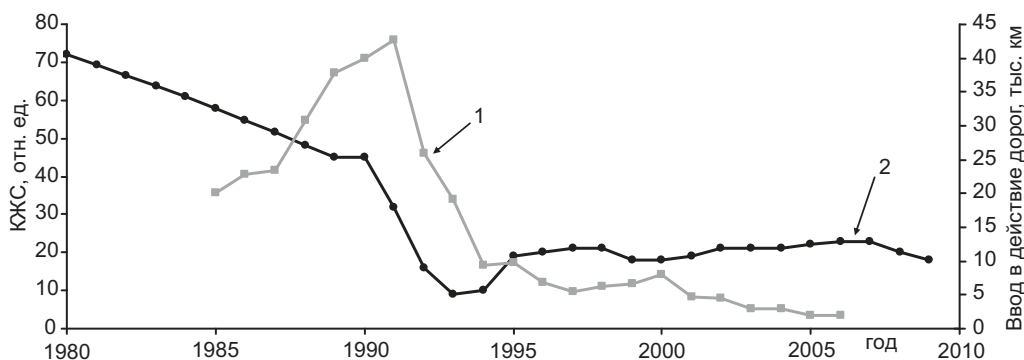

Рис. 2.1.150. Сопоставление исторической динамики уровня ввода в действие автодорог с твердым покрытием общего пользования и внутрихозяйственных дорог (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) (R = 0,61)

При этом именно строительство внутрихозяйственных дорог, т. е. относящихся к инфраструктуре сельского хозяйства и поселений, сократилось в наибольшей степени. Заметно также сказалась на данном показателе ликвидация дорожных фондов в 2001 г.

Более того, сеть местных и внутрихозяйственных дорог с твердым покрытием в России сокращается из-за недостатка средств на их содержание. По данным Министерства экономического развития РФ, чтобы привести в порядок 500 тыс. км российских дорог, находящихся в непригодном для эксплуатации состоянии, при сохранении современных темпов их строительства понадобится 300 лет²⁸⁵.

С началом реформы стало быстро сокращаться обслуживание сельского населения общественным транспортом. Уже в 1992 г. число сельских населенных пунктов, обслуживаемых автобусами, сократилось по сравнению с 1990 г. на 18%, а в 1997 г. — на 31%. 35 тыс. населенных пунктов были лишены автобусного сообщения. Число сельских автобусных маршрутов уменьшилось за 1991–1997 гг. на 32%, а их протяженность на 38%.

Этот процесс продолжился и после 2000 г. К 2006 г. число сельских автобусных маршрутов уменьшилось по сравнению с 1995 г. еще на 2,7 тыс. (на 17%), их протяженность — на 236,2 тыс. км (на 28%). В 2008 г. число автобусных маршрутов еще уменьшилось на 1,5 тыс. (на 14,4%) по сравнению с 2006 г., а длина маршрутов также уменьшилась на 88,9 тыс. км (на 11,1%).

Реформа ухудшила медицинское обслуживание сельского населения — в гораздо большей степени, чем городского. Вследствие большой территории России и низкой плотности населения система здравоохранения базировалась на очень широкой сети лечебных и профилактических учреждений, приближенных к населению. Поэтому всегда была очень актуальной проблема строительства, реконструкции и оборудования больниц и поликлиник. Масштабы этого строительства поддерживались на довольно высоком уровне. В ходе реформы это строительство сократилось чрезвычайно.

Если в 1989 г. на 10 тыс. населения имелось 138,7 больничных коек, то в 2006 г. их осталось 109. Это — очень существенное сокращение, особенно если учесть, что сильнее всего оно ударило по жителям удаленных от больших центров сел и деревень.

Особо следует отметить, что в советском здравоохранении действовала сеть участковых больниц со средней вместимостью около 30 коек. Все они находились в сельской местности. В 1990 г. было 4813 таких больниц, имевших в сумме 156,3 тыс. больничных коек, что составляло 7,7% всего числа больничных коек в стране.

Эта система продержалась, с некоторыми сокращениями, до конца 1990-х гг.: в 1995 г. было 4 409 больниц (129 тыс. коек), в 2000 г. — 3 310 больниц (85 тыс. коек), в 2005 г. осталась 2 631 больница (62,3 тыс.

²⁸⁵ Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях. С. 182.

коек), а затем эта сеть была практически демонтирована. В 2008 г. имелась только 481 такая больница, число коек составило в целом 14,1 тыс.

В сельской местности располагалось около половины амбулаторно-поликлинических учреждений. Демонтаж этой сети также произошел в последние годы. В 1995 г. в сельской местности оставалось 9 217 амбулаторно-поликлинических учреждений, в 2005 г. — 7 495, а в 2006 г. — уже 4 181. Восстановления этой сети не предполагается, ее строительство практически свернуто (рис. 2.1.151–2.1.152).

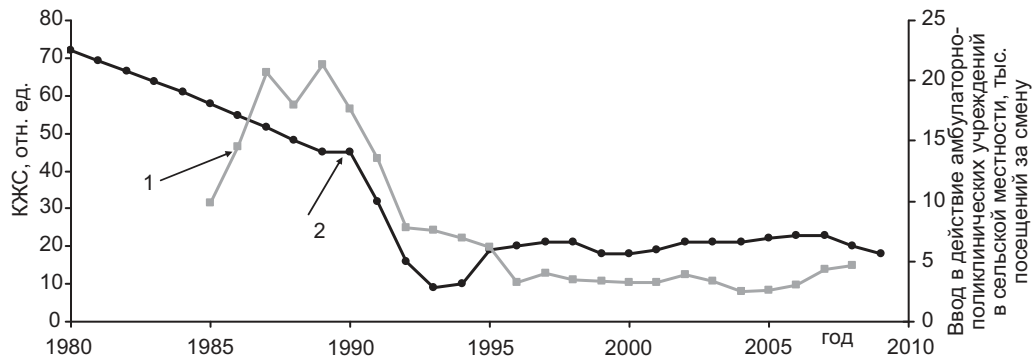

Рис. 2.1.151. Сопоставление исторической динамики уровня ввода в действие амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,78$)

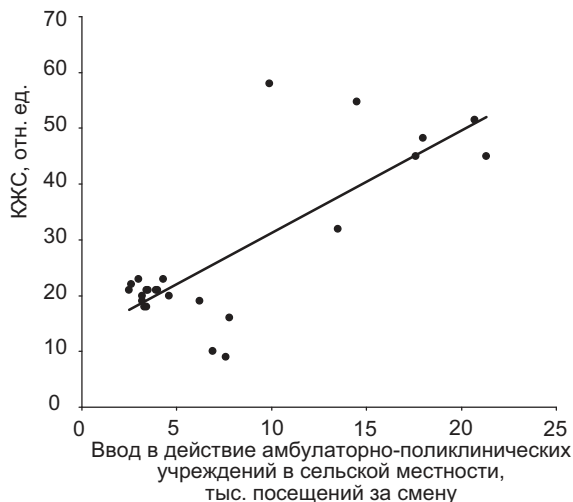

Рис. 2.1.152. Регрессионная связь уровня ввода в действие амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности и коэффициента жизнеспособности страны

Для семей сельских жителей с малолетними детьми большим подспорьем были детские дошкольные учреждения (прежде всего детские сады и ясли). В детских дошкольных учреждениях в сельской местности в 1950 г. было 278 тыс. детей, в 1960 г. — 591 тыс., в 1970 г. — 1 123 тыс. и в 1990 г. — 2 149 тыс. В 1990 г. охват детей в возрасте до 7 лет дошкольными учреждениями был равен 56%.

С началом реформы было прекращено строительство детских садов в деревне (рис. 2.1.153–2.1.154). При этом уже в 1995 г. 40% зданий детских садов в сельской местности требовали капитального ремонта, а 5,4% были в аварийном состоянии. В 1990 г. было построено детских дошкольных учреждений на 83,7 тыс. мест, а в 2005 г. — на 0,9 тыс.

Таким образом, отставание уровня и качества сельской жизни от городской происходит практически по всем показателям.

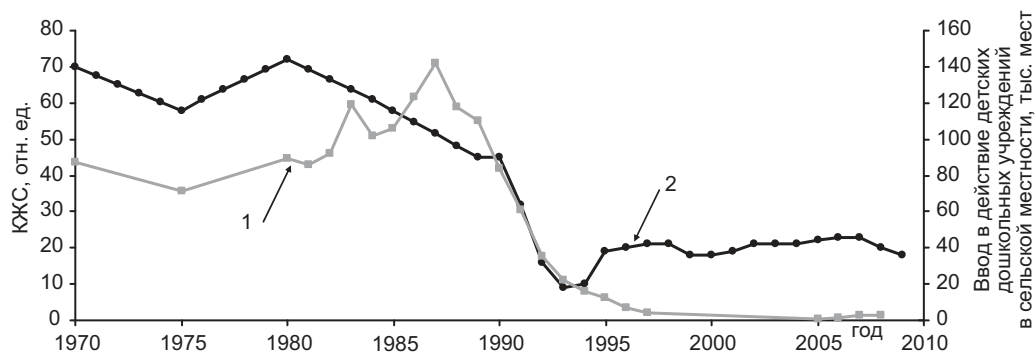

Рис. 2.1.153. Сопоставление исторической динамики уровня ввода в действие детских дошкольных учреждений в сельской местности (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,82$)

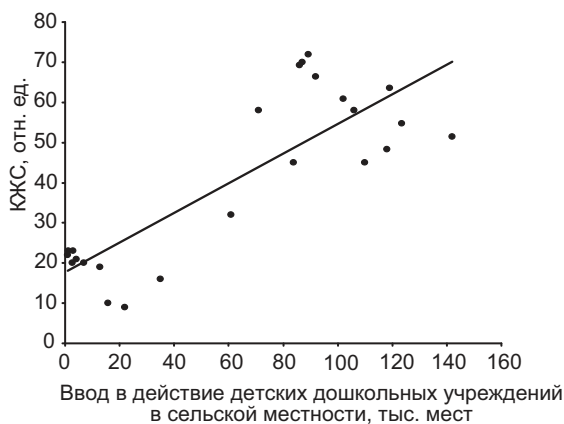

Рис. 2.1.154. Регрессионная связь уровня ввода в действие детских дошкольных учреждений в сельской местности и коэффициента жизнеспособности страны

В 2000-е гг. предпринимаются усилия по улучшению условий жизни в сельской местности. Существует двенадцать федеральных целевых программ, включающих меры по развитию сельских территорий, однако практически все эти программы не имеют инновационной направленности, слабо координируются, а также постоянно недофинансируются.

Наиболее успешно проходила лишь реализация Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2012 года», в которой предусматривается развитие социальной сферы, инженерной инфраструктуры и информационно-консультационной службы в сельской местности, однако и здесь можно говорить лишь о некоторых положительных количественных сдвигах, тогда как при имеющихся диспропорциях необходимы серьезные качественные изменения.

Вывод из сказанного выше прост. Реформа сельского хозяйства и всего жизнеустройства сельских поселений России привела к тяжелому кризису. Глубина деформаций настолько велика, что их устранение и комплексная модернизация сельского хозяйства должны стать особым приоритетом государственной политики. Корректировка и улучшение существующего положения в области сельского хозяйства вполне возможны, вопрос лишь в выборе органами власти правильной стратегии развития аграрного сектора и проведении соответствующей государственной аграрной политики, которая, в свою очередь, играет большую роль в обеспечении жизнеспособности страны и является фактором высшего уровня, поскольку оказывает влияние на все остальные выявленные факторы (рис. 2.1.155–2.1.157).

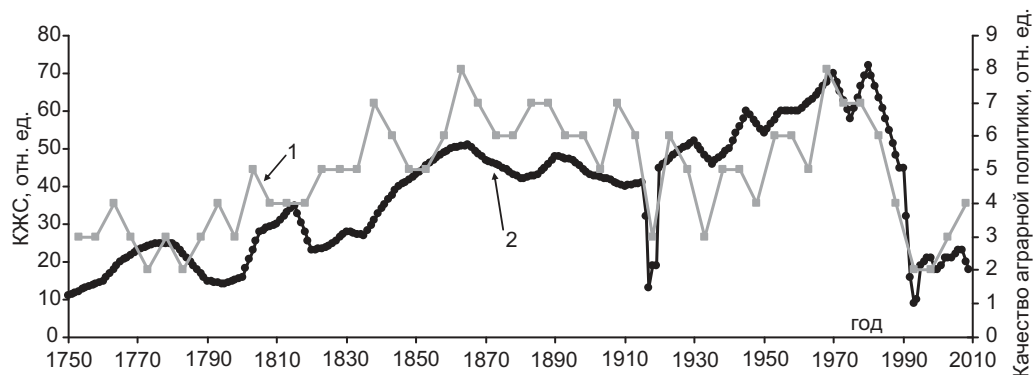

Рис. 2.1.155. Сопоставление исторической динамики качества аграрной политики (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2) ($R = 0,70$)

В России государство в своей аграрной политике ушло от выполнения своей первой функции — целеполагания. Цель реформы никогда не была определена в явном виде. Между тем каждый шаг реформы вызывает принципиальные вопросы.

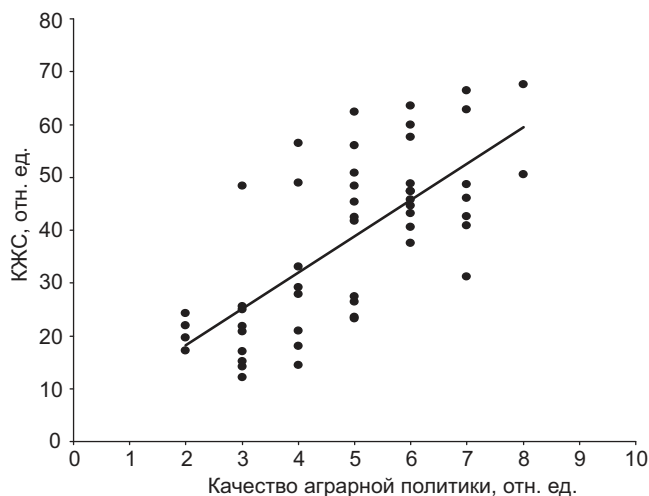

Рис. 2.1.156. Регрессионная связь качества аграрной политики и коэффициента жизнеспособности страны

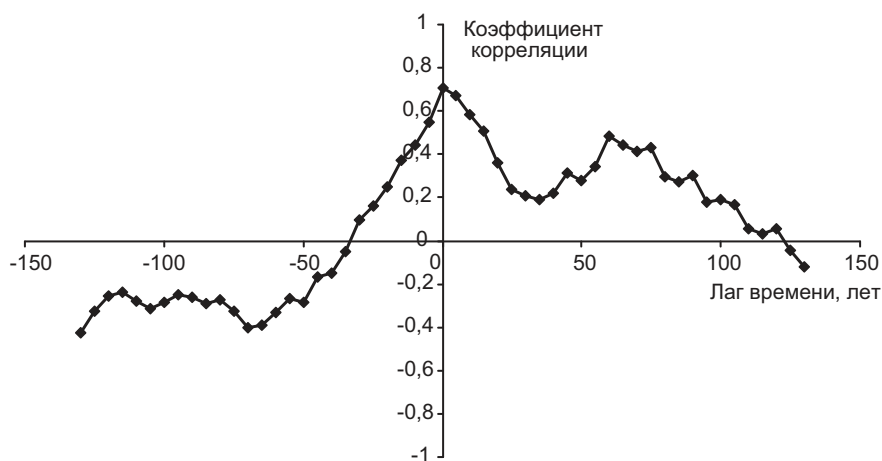

Рис. 2.1.157. Коэффициент корреляции качества аграрной политики и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Начиная реформу, власть была обязана объявить, какими она видит место и роль сельского хозяйства и сельских поселений в России как системы. Из такого структурно-функционального анализа только и должна выводиться рациональная аграрная политика. Одно дело — если деревня рассматривается как «хоспис» для доживания носителей традиционной культуры России и постепенного бесконфликтного освобождения земли для будущих «эффек-

тивных инвесторов», другое дело — если это необходимый для всего организма России «орган» (как наука или армия).

Практика реформы определенно свидетельствует, что власть неявно исходит из первого определения. На это указывает и тенденция к «отделению деревни от государства», которой проникнуты дух и буква программы по превращению органов государственной власти в сельской местности в органы местного самоуправления.

Последний этап реформирования сельского хозяйства начался в 2006 г. в рамках приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса («Развитие АПК»). В соответствии с этим проектом основными направлениями в сфере агропромышленного производства на 2006–2007 гг. стали ускоренное развитие животноводства, стимулирование развития малых форм хозяйствования и обеспечение жильем молодых специалистов на селе.

Разработка и реализация данного проекта является, безусловно, важным шагом на пути преодоления ряда кризисных явлений, сложившихся в отечественном сельском хозяйстве. Однако проект, как и все предыдущие программы, направлен на решение отдельных локальных задач, а не проблемы в целом. Как и раньше, практически все мероприятия по реформированию АПК осуществляются в рамках его отдельных отраслей и подотраслей, без анализа межотраслевых взаимосвязей, их влияния на функционирование смежных отраслей, учета синергетического эффекта от проводимых изменений на макроуровне. Предложенные мероприятия по-прежнему не решают болезненные вопросы взаимодействия аграрного сектора как с отраслями, производящими сельскохозяйственную технику, горюче-смазочные материалы, удобрения и т. п., так и с отраслями, закупающими и перерабатывающими сельскохозяйственную продукцию; проект ориентирован на поддержку успешных сельскохозяйственных предприятий, оставляя неясным ответ на вопрос, что же будет с остальными, и т. д.

Таким образом, обеспечение устойчивого развития сельских территорий — одна из наиболее приоритетных задач государственной аграрной и сельскопоселенческой политики, поскольку она является не только одним из определяющих факторов эффективного функционирования экономики страны и наращивания его инновационно-инвестиционного потенциала, но также и важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности и жизнеспособности страны в целом.

При этом ключевыми факторами, вытекающими из проведенного анализа, на которые должно быть направлено воздействие государства являются следующие.

1. Государственная поддержка сельского хозяйства.
2. Оптимальная степень автаркии внешнеэкономической политики, таможенно-тарифное регулирование (установление квот, тарифов, импортных пошлин и экспортных субсидий на сельхозпродукцию).

3. Уровень оплаты труда сельского населения (отношение среднемесячной начисленной заработной платы работников в сельском хозяйстве к заработной плате работников в экономике в целом).
4. Обеспеченность сельских жителей социальной и инженерной инфраструктурой.
5. Обеспеченность сельскохозяйственных предприятий сельскохозяйственной техникой.
6. Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства по сравнению с экономикой в целом.
7. Площадь земель, используемых сельскохозяйственными предприятиями и организациями.
8. Уровень плодородия почв (внесение минеральных удобрений на один гектар посева сельскохозяйственных культур в сельскохозяйственных предприятиях, проведение мелиоративных работ, известкования почв).
9. Самодостаточность в продовольствии (отношение импорта к производству).
10. Наличие стратегии по поддержке и развитию аграрного сектора.
11. Степень урбанизации и наличие государственной программы расселения по территории РФ.
12. Государственное регулирование рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Основные существующие проблемы сельского хозяйства и сельских поселений представлены в табл. 2.1.18.

Очевидно, что в рамках поддержания и развития жизнеспособности страны необходима разработка государственной социально ориентированной сельскохозяйственной и сельскопоселенческой политики, ценностным выбором которой является способность агропромышленного комплекса и инфраструктуры сельских территорий обеспечить потребности населения (в том числе сельского) и нужды государства в устойчивой и долгосрочной перспективе; социальная ориентация сельскохозяйственной и сельскопоселенческой политики; сохранение традиционного сельского образа жизни; обеспечение продовольственной безопасности.

Непосредственными же целями модернизации действующей версии государственной политики являются: развитие сельскопоселенческой инфраструктуры, приостановление процессов деградации сельских территорий; эффективный механизм социально-экономического воспроизводства на селе; ресурсообеспеченность сельского хозяйства на постоянной основе; инноватизация типа агропромышленного производства; обеспеченность населения сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием (достижение продовольственной независимости).

Основные проблемы и направления их решения в сфере сельского хозяйства

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
1	Государственная поддержка сельского хозяйства	Минимум 500 млрд руб. (1,15% объема федерального бюджета)	107 млрд руб. (0,24% объема федерального бюджета)	1.1. Недостаточность мер по государственной поддержке АПК. 1.1.1. Отсутствие необходимых средств на дотации и субсидии сельхозтоваропроизводителям	Увеличение государственной поддержки АПК
2	Оптимальная степень автаркии внешнеэкономической политики, таможенно-тарифное регулирование			2.1. Неэффективность внешнеторговой политики. 2.1.1. Недостаточность мер по таможенно-тарифному регулированию импорта сельхозпродукции. 2.1.2. Незрелость экспортноориентированной инфраструктуры АПК	Разработка и реализация государственной торговой политики, направленной на защиту интересов отечественных производителей сельскохозяйственного сырья и продовольствия
3	Уровень оплаты труда сельского населения (по сравнению с уровнем оплаты труда по экономике в целом)	104%	47%	3.1. Низкие доходы сельского населения. 3.2. Рост безработицы сельского населения. 3.3. Уменьшение количества рабочих мест на селе. 3.4. Отсутствие возможности альтернативной занятости, не связанной с сельским хозяйством	Принятие мер по повышению уровня и качества жизни на селе

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
4	Обеспеченность сельских жителей социальной и инженерной инфраструктурой	21 тыс. посещений амбулаторно-поликлинических учреждений за смену, 142 тыс. мест в детских дошкольных учреждениях и т. д.	3 тыс. посещений амбулаторно-поликлинических учреждений, 0,9 тыс. мест в детских дошкольных учреждениях и т. д.	4.1. Недостаточное обеспечение села объектами социальной и инженерной инфраструктуры. 4.1.1. Снижение уровня и качества жизни сельского населения. 4.1.2. Недостаточность централизованного водо- и газоснабжения на селе. 4.1.3. Неудовлетворительное состояние дорожной сети на селе. 4.1.4. Перебои с электроснабжением села. 4.1.5. Недостаточность обеспечения средствами связи и транспорта на селе. 4.1.6. Отсутствие современных систем канализации и утилизации отходов на селе. 4.1.7. Удаленность сельских населенных пунктов от образовательных учреждений, больниц, правоохранительных органов, учреждений культуры, аварийно-спасательных служб, служб соцобеспечения, учреждений, оказывающих ритуальные услуги	Развитие транспортной инфраструктуры для обеспечения взаимосвязи сельских поселений между собой и с аграрными комплексами. Уменьшение межрегиональных диспропорций в развитии сельских территорий. Внедрение современных инновационных технологий на комплексной основе в социальную сферу села (развитие электронных коммуникаций, дистанционное образование и медицинские консультации, обеспечение удаленного доступа к библиотекам и художественным галереям, к музыкальной и кинематографической продукции, развитие электронной торговли и т. д.)

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
5	Обеспеченность сельскохозяйственных предприятий сельскохозяйственной техникой	264 тыс. шт. тракторов; 118 тыс. шт. зерноуборочных комбайнов	17,1 тыс. шт. тракторов, 8 тыс. шт. зерноуборочных комбайнов	5.1. Отсталый технологический уровень производства. 5.1.1. Ухудшение материально-технической базы. 5.1.2. Низкий уровень технического обслуживания производства. 5.1.3. Отсутствие необходимой производственной инфраструктуры. 5.1.4. Незрелость производственной кооперации. 5.1.5. Недостаточное количество сельхозтехники. 5.1.6. Межотраслевой дисбаланс рентабельности. 5.1.7. Физический и моральный износ основных фондов. 5.1.9. Отсутствие оборотных средств у сельхозпроизводителей	Ликвидация диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и поставляемых ему ресурсов. Привлечение инвестиций для обновления основных фондов, предоставление долгосрочных и сезонных кредитов сельхозтоваропроизводителям, развитие лизинга сельхозтехники
6	Инвестиции в основной капитал сельского хозяйства по сравнению с экономикой в целом	141%	10,8%	6.1. Отсталый технологический уровень производства. 6.2. Ухудшение финансового состояния аграрного сектора. 6.2.1. Высокая доля убыточных организаций.	Предоставление долгосрочных и сезонных кредитов сельхозтоваропроизводителям, развитие лизинга сельскохозяйственной техники. Развитие сети кредитных учреждений в сельской местности

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
				6.2.2. Высокие риски при производстве сельскохозяйственной продукции. 6.2.3. Незрелость производственной кооперации. 6.2.4. Слабая доступность кредитных ресурсов. 6.2.5. Высокие кредитные ставки	
7	Площадь земель, используемых сельскохозяйственными предприятиями и организациями	около 120 млн га	78,5 млн га	7.1. Сокращение площади земель сельскохозяйственного назначения и посевных площадей. 7.1.1. Уменьшение количества сельских населенных пунктов. 7.1.2. Уменьшение доли сельского населения. 7.1.3. Неурегулированность вопросов собственности на землю. 7.1.4. Трудности с оформлением прав собственности на землю. 7.1.5. Фрагментации земельных участков, вклинивание, вкрапливание, дальнотельность, изломанность границ. 7.1.6. Раздел земли на мелкие земельные доли.	Отказ от идеи создания в стране рынков преимущественно купли-продажи земель и переход к постепенному созданию эффективных конкурентных рынков преимущественно аренды, продажи прав аренды, субаренды земель государственной и муниципальной собственности. Дебюрократизация и снижение стоимости оформления прав собственности на землю. Меры по ограничению роста количества объектов земельных отношений и развитию оборота земель целостными крупными земельными полями и земельными участками

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
				7.1.7. Переход земель сельскохозяйственного назначения в собственность лиц, не обрабатывающих землю. 7.1.8. Возможность предоставления сельхозугодий для не сельскохозяйственных целей. 7.1.9. Несовершенство правового регулирования форм оборота земельных участков и контроля за ним	
8	Уровень плодородия почв	270 тыс. га орошаемых земель; 102 кг удобрений на 1 га пашни	0,6 тыс. га орошаемых земель, 36 кг удобрений на 1 га пашни	8.1. Ухудшение плодородия сельскохозяйственных земель. 8.1.1. Усиление процессов закисления, засорения и эрозии почв. 8.1.2. Сокращение мелиоративных работ. 8.1.3. Сокращение внесения удобрений в почву. 8.1.4. Отсутствие ответственности собственников за целевое использование земель. 8.1.5. Высокий уровень экспорта минеральных удобрений	Ужесточение ответственности, применяемой в отношении лиц, не обрабатывающих или нецелевым образом использующих землю сельскохозяйственного назначения. Введение инструментов поощрения землепользователей, выполняющих работы по охране земли и воспроизводству плодородия почв. Кредитование сельхозтоваропроизводителей. Восстановление общенационального мониторинга состояния почв и разработка дифференцированных нормативов антропогенной нагрузки на сельскохозяйственные угодья

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
9	Самодостаточность в продовольствии	20%	30%	9.1. Отсутствие продовольственной независимости. 9.1.1. Рост импортных закупок отдельных видов продовольствия. 9.1.2. Недостаточность мер по таможенно-тарифному регулированию. 9.1.3. Недостаточный уровень собственного производства продуктов питания. 9.1.4. Низкое качество сельскохозяйственного сырья, продовольствия, питьевой воды	Создание единой целостной системы формирования и использования государственных резервных фондов продовольствия. Повышение эффективности государственного регулирования внешнеэкономических связей, обеспечивающего защиту внутреннего продовольственного рынка протекционистскими таможенно-тарифными и нетарифными методами регулирования, рационализация структуры экспортно-импортных поставок с соблюдением баланса экономических интересов предприятий и населения, превращение импортных пошлин в источник целевого финансирования отечественных сельхозтоваропроизводителей. Меры по развитию системы контроля качества продуктов питания и питьевой воды, включая совершенствование (пересмотр и развитие) системы стандартизации и оценки качества продукции, принятие необходимых технических регламентов

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
10	Наличие стратегии по поддержке и развитию аграрного сектора	1	0	10.1. Отсутствие комплексной стратегии государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей. 10.1.1. Отсутствие последовательной государственной политики по комплексному развитию АПК. 10.1.2. Отсутствие единой структуры управления агропромышленным комплексом. 10.2. Слабая информатизация АПК. 10.3. Низкий инновационный уровень сельскохозяйственного производства. 10.3.1. Отсутствие средств у сельхозтоваропроизводителей на инновационные разработки. 10.3.2. Отсутствие государственных программ поддержки инноваций в сельском хозяйстве. 10.4. Незрелость институциональной структуры АПК. 10.4.1. Отсутствие значимых результатов политики «фермеризации» страны.	Выработка стратегии поддержки и развития аграрного сектора. Придание министру сельского хозяйства статуса первого заместителя Председателя Правительства РФ (как руководителя АПК и координатора деятельности соответствующих министерств по поддержанию межотраслевых пропорций, по формированию единой системы законодательных и нормативно-правовых актов и т. п.). Развитие вертикально-интегрированных структур и сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Разработка и реализация Государственной программы инновационного развития АПК. Развитие информационно-консультационных служб. Разъяснение экономической эффективности и социальной значимости внедрения инноваций. Подготовка новых управленческих кадров. Предоставление долгосрочных и сезонных кредитов сельхозтоваропроизводителям, развитие

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
				10.4.2. Незрелость институтов потребительской и производственной кооперации. 10.4.3. Медленное развитие интеграционных процессов в АПК	лизинга сельскохозяйственной техники (создание Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда)
11	Степень урбанизации и наличие государственной программы расселения по территории РФ	32%	44%	11.1. Ухудшение демографической ситуации. 11.1.1. Разрушение традиционного уклада жизни. 11.1.2. Отток населения из сел. 11.1.3. Приток мигрантов в страну. 11.1.4. Снижение уровня и качества жизни сельского населения. 11.1.5. Неуправляемость процессов миграции. 11.1.6. Старение трудоспособного населения. 11.1.7. Снижение общего уровня и качества образования сельского населения. 11.1.8. Ухудшение здоровья сельского населения. 11.2. Ухудшение территориально-пространственной организации села.	Совершенствование системы расселения

№	Фактор	Оптимальное значение	Фактическое значение	Результат сравнения — проблема	Концепт, идея управленческого решения проблемы для программы действий
				11.2.1. Усиление региональных диспропорций в развитии сельских территорий. 11.2.2. Уменьшение количества сельских населенных пунктов	
12	Государственное регулирование рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия			12.1. Низкая эффективность управления АПК. 12.1.1. Слабое регулирование рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия. 12.1.2. Наличие административных барьеров в доступе сельхозтоваропроизводителей на розничные рынки. 12.1.3. Высокий уровень криминализации на розничных рынках. 12.1.4. Монополизм перекупщиков сельскохозяйственной продукции. 12.2. Несвоевременность проведения товарных и закупочных интервенций на продовольственном рынке. 12.3. Низкий уровень рентабельности в сельском хозяйстве по сравнению со сферами, обеспечивающими движение продукции от сельскохозяйственного производства к конечному потребителю	Обеспечение доступа непосредственных сельхозтоваропроизводителей на рынки сельскохозяйственной продукции. Усиление борьбы с коррупцией. Своевременное проведение товарных и закупочных интервенций по зерну Расширение товарных и закупочных интервенций на другие виды сельскохозяйственной продукции. Создание эффективного механизма перераспределения дополнительных доходов от роста цен на энергоресурсы в несырьевые сектора экономики, в том числе в АПК

Основой такой политики должно стать успешное и комплексное решение главных, наиболее интегративных проблем сельского хозяйства и сельских поселений, что позволит выйти на траекторию устойчивого развития всей аграрной сферы России.

К числу таких проблем можно отнести: неприемлемый уровень ресурсного обеспечения сельского хозяйства; низкую эффективность государственной сельскохозяйственной и сельскопоселенческой политики (в том числе политики продовольственной безопасности); недостаточный уровень заселенности сельских территорий; цивилизационный и социальный упадок села. Рассмотрение и декомпозиция каждой из этих интегративных проблем приведены на рис. 2.1.158.

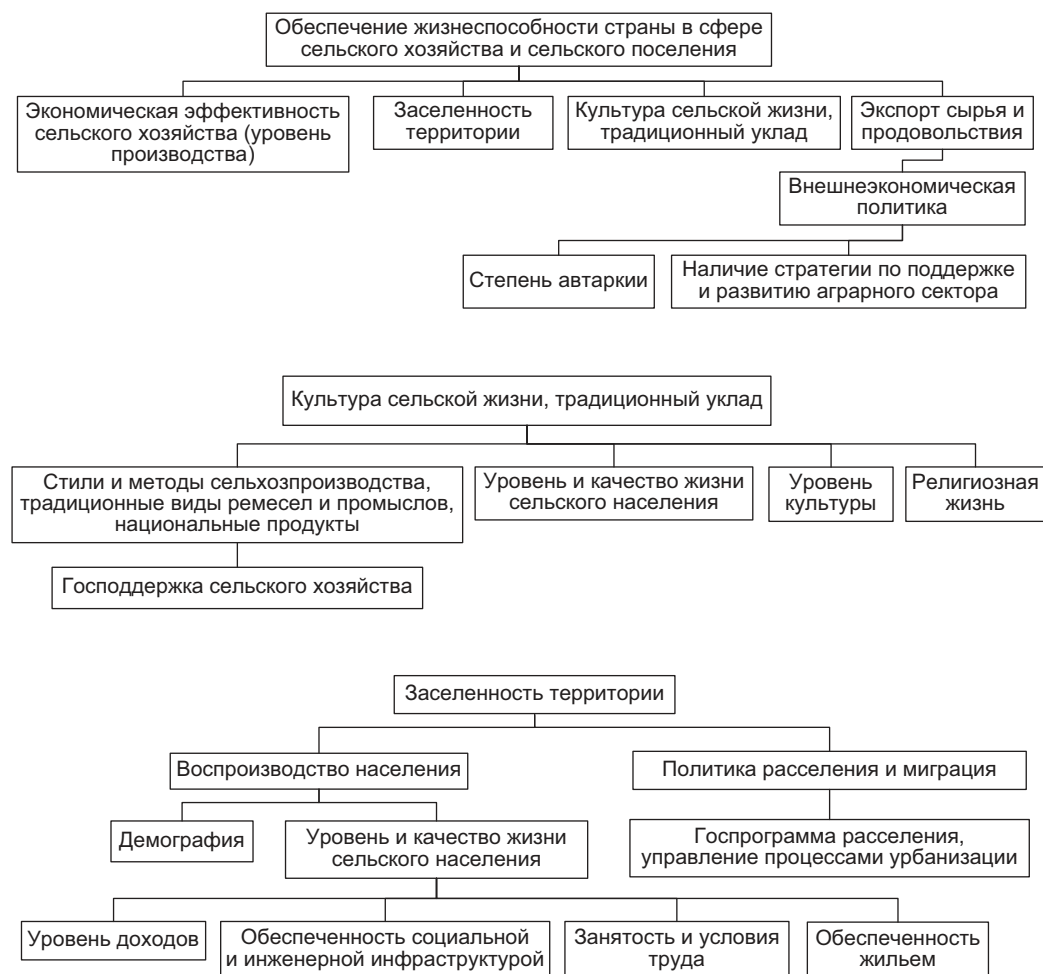

Рис. 2.1.158. Проблемное декомпозированное дерево жизнеспособности страны в сегменте сельского хозяйства и сельского поселения

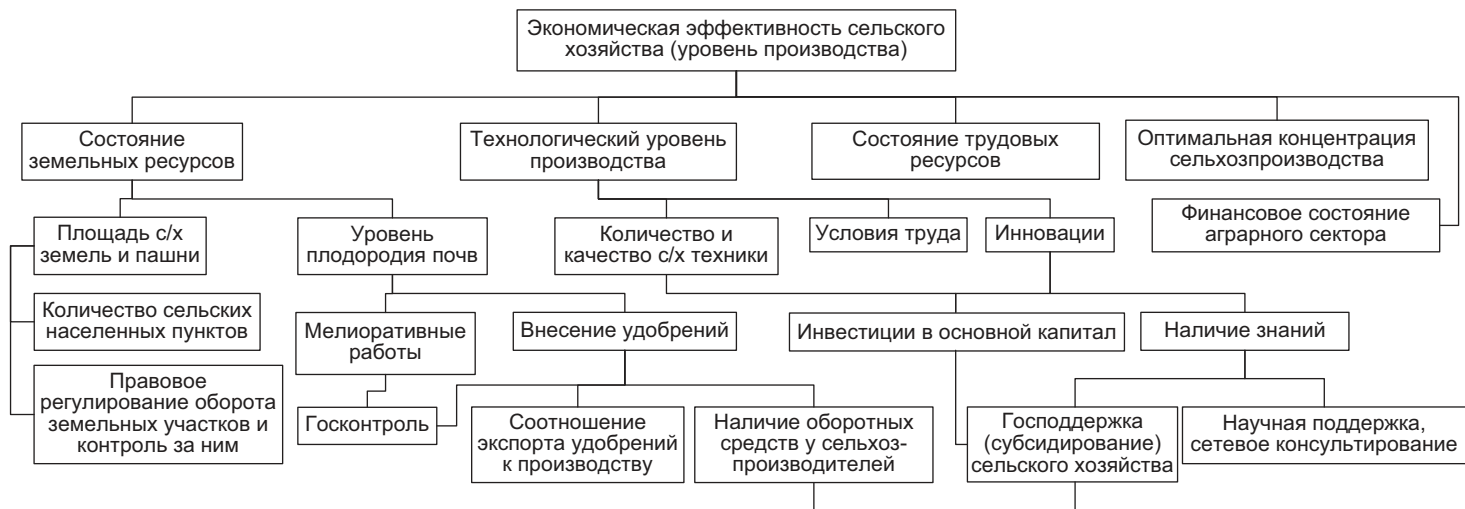

Рис. 2.1.158 (продолжение). Проблемное декомпозированное дерево жизнеспособности страны в сегменте сельского хозяйства и сельского поселения

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

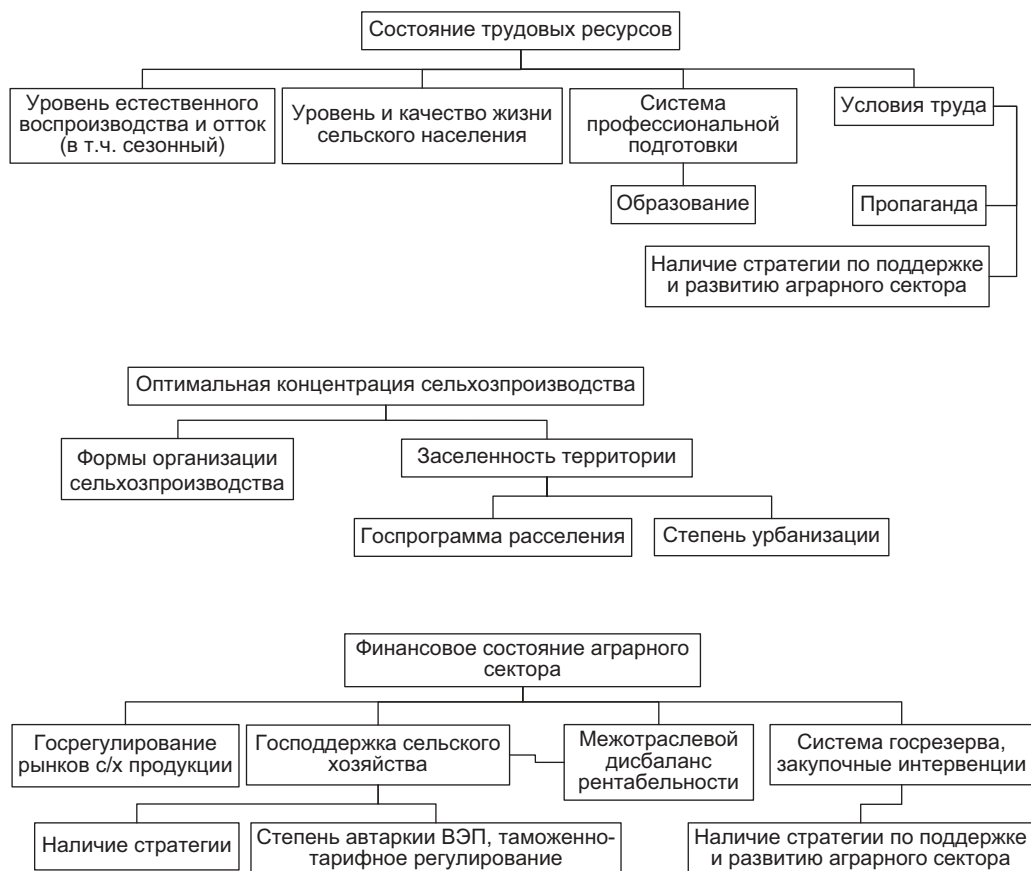

Рис. 2.1.158 (окончание). Проблемное декомпозированное дерево жизнеспособности страны в сегменте сельского хозяйства и сельского поселения

В отношении низкого уровня ресурсного обеспечения сельского хозяйства (недоступность кредитных ресурсов, изношенность основных фондов) проблема может быть решена посредством формирования упрощенных условий для предоставления долгосрочных и сезонных кредитов сельхозтоваропроизводителям и развития лизинга сельскохозяйственной техники посредством создания Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда РФ²⁸⁶.

²⁸⁶ Сулакшин С.С., Вилисов М.В., Сазонова Е.С. и др. Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд: восстановление монетизации и инвестиционная подкачка развития экономики России. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.

Кризисную ситуацию, сложившуюся в сельском хозяйстве России ввиду усиления межотраслевого дисбаланса рентабельности с остальными сферами агропромышленного комплекса, значительно усугубляет отсутствие комплексной стратегии государственной поддержки аграрной сферы. Реализуемые государством меры поддержки сельского хозяйства носят ограниченный, половинчатый, а иногда и противоречивый характер и не образуют целостную систему, направленную на повышение эффективности и конкурентоспособности агропромышленного комплекса, а потому малоэффективны. В связи с этим необходимо разработать комплексную стратегию государственной поддержки сельского хозяйства, а также заложить в структуру федерального бюджета расходы на сельское хозяйство как одну из стратегических позиций расходной части.

Проблема слабого регулирования рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия решается посредством развития вертикально интегрированных структур (агрохолдингов, агроконцернов, агрофирм) и сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

Проблема существенного снижения качества трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, что проявляется в старении трудоспособного населения, ухудшении его здоровья, снижении общего уровня и качества образования и приводит к оттоку сельской молодежи, а также наиболее образованных и квалифицированных кадров из сельского хозяйства в другие сектора экономики, решается посредством повышения уровня заработной платы до среднего уровня по стране, воссоздания системы распределения студентов, обучающихся за счет бюджетных средств, с обязательной отработкой нескольких лет по месту распределения.

Проблема деградации земельных ресурсов решается посредством развития арендных отношений на земельном рынке и перевода земельной реформы на путь укрепления государственной и муниципальной земельной собственности (собираение заброшенных земель, изъятие сельскохозяйственных земель, используемых нецелевым образом, перевод неоформленных земельных долей, выкуп земельных долей и т. д.). Действенным направлением совершенствования земельного законодательства РФ может стать принятие специального закона об аренде земли, а также государственной программы коррекции земельной реформы в сельском хозяйстве страны.

Решением проблемы ухудшения плодородия почв является развитие научной поддержки АПК, т. е. формирования сети информационно-консультационных служб.

Необходимо ужесточение ответственности лиц, не обрабатывающих или нецелевым образом использующих земли сельскохозяйственного назначения, а также введение инструментов поощрения землепользователей, выполняющих работы по охране земли и восстановлению плодородия почв.

Для обеспечения продовольственной безопасности России требуется повышение эффективности государственного регулирования внешнеэкономических связей, обеспечивающего защиту внутреннего продовольственного рынка протекционистскими таможенно-тарифными и нетарифными методами регулирования, рационализацию структуры экспортно-импортных поставок с соблюдением баланса экономических интересов предприятий и населения, превращение импортных пошлин в источник целевого финансирования отечественных сельхозтоваропроизводителей, для чего необходимо принять соответствующий федеральный закон.

Необходимо воссоздание духовно-нравственной основы жизнедеятельности сельского населения и соответствующие усилия государства, направленные на устойчивое развитие сельских территорий.

Реализация концепции устойчивого развития сельских территорий предполагает учет этнических особенностей российского сельского образа жизни, его пространственной специфики, роли сельской местности в реализации российских геополитических интересов, природно-климатических и социально-экономических особенностей регионов. Это означает необходимость переориентации агропромышленной политики государства в направлении сочетания региональных программ поддержки сельского хозяйства с федеральной, реализация которых является условием модернизации аграрной отрасли, роста уровня жизни на селе.

Устойчивое развитие сельских территорий требует совершенствования системы расселения сельских жителей, включающей предварительную санацию сельских населенных пунктов с последующим комплексным развитием всех типов сельских поселений, выделение базовых поселений как центров обслуживания группы сельских населенных пунктов и создание на их основе аграрных комплексов (на базе районных центров), развитие взаимосвязи сельских поселений между собой и с районными центрами для преодоления их изолированности.

Создание таких аграрных комплексов с передовой социально-производственной инфраструктурой должно привести к значительному повышению эффективности сельскохозяйственного производства и решению многих социальных проблем.

Подобный путь развития агропромышленного комплекса используется в нескольких странах. Особо можно отметить подобный опыт в соседней с Россией стране — Белоруссии. Государственной программой возрождения и развития села на 2005–2010 гг. в Белоруссии²⁸⁷ запланировано формирование 1481 агрокомплекса с передовым уровнем культурно-бытового обслуживания, развитой современной инфраструктурой. Они создаются на базе сельсоветов и центральных усадеб сельскохозяйственных организаций и должны стать притягательными центрами для жителей расположенных

---

²⁸⁷ По материалам сайта <http://www.pravo.by/webnpa/text_txt.asp?RN = P30500150>.

вблизи сел и деревень. Помимо создания комфортных условий для проживания, предусмотрены меры по техническому перевооружению базовых хозяйств, а также по повышению плодородия земель. Такие аграрные комплексы должны служить активными проводниками новых технологий и высоких социальных стандартов. Вокруг них концентрируется крупнотоварное аграрное производство. Условия жизни в них должны максимально приближаться к городским. Для этого ускоренными темпами ведутся работы по их газификации и телефонизации (с расширенным использованием мобильной связи), а также строительство современных дорожных магистралей.

Следует отметить, что создание подобных аграрных комплексов начинается и в России, где это весьма целесообразно.

Для этого необходимо принять комплексный федеральный закон «Об устойчивом развитии сельских территорий», в соответствии с которым будут реализовываться соответствующие ФЦП и будет выделяться финансирование. Также необходимо принять федеральный закон «О системе расселения в Российской Федерации».

Подробнее управленческие решения с указанием ответственных органов представлены в табл. 2.1.19.

Таблица 2.1.19

Состояние факторов жизнеспособности страны в сегменте сельского хозяйства и сельского поселения

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
1	Увеличение государственной поддержки АПК	Привязка расходов бюджета на сельское хозяйство к процентам от ВВП. Выделение дотаций и субсидий на производство сельскохозяйственной продукции. Разработка комплексной стратегии государственной поддержки сельского хозяйства, фиксация в структуре федерального бюджета расходов на сельское хозяйство как одну из стратегических позиций	Минфин России	ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» и «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства»	Федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ
2	Разработка и реализация государственной торговой политики, направленной на защиту интересов отечественных производителей сельскохозяйственного сырья и продовольствия, а также политики обеспечения качества продовольствия. Введение эффективных мер таможенно-тарифного регулирования (квотирование, экспортное субсидирование и т. п.), импортозамещение	Создание единой целостной системы формирования и использования государственных резервных фондов продовольствия. Повышение эффективности государственного регулирования внешне-экономических связей, обеспечивающего защиту внутреннего продовольственного рынка протекционистскими таможенно-	Минэкономразвития России, Минсельхоз России	ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О таможенном тарифе»; ФЗ «О продовольственной безопасности»	Федеральный бюджет

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
		тарифными и нетарифными методами регулирования, рационализация структуры экспортно-импортных поставок с соблюдением баланса экономических интересов предприятий и населения, превращение импортных пошлин в источник целевого финансирования отечественных сельхозтоваропроизводителей. Меры по развитию системы контроля качества продуктов питания и питьевой воды, в том числе совершенствование системы стандартизации и оценки качества продукции, принятие необходимых технических регламентов			
3	Принятие мер по повышению уровня и качества жизни на селе	Повышение уровня заработной платы до среднего по стране. Развитие мотивационных механизмов для высокопроизводительного и качественного труда.	Минздравсоцразвития России, Минсельхоз России	ФЗ «Об устойчивом развитии сельских территорий»; ФЗ «О системе расселения в Российской Федерации»	Федеральный бюджет

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
		Стимулирование процессов самоорганизации сельхозтоваропроизводителей в агропромышленном комплексе			
4	Развитие транспортной инфраструктуры для обеспечения взаимосвязи сельских поселений между собой и с аграрными комплексами. Уменьшение межрегиональных диспропорций в развитии сельских территорий. Внедрение современных инновационных технологий на комплексной основе в социальную сферу села (развитие электронных коммуникаций, дистанционное образование и медицинские консультации, обеспечение удаленного доступа к библиотекам и художественным галереям, к музыкальной и кинематографической продукции, развитие электронной торговли и т. д.)	Санация сельских населенных пунктов (районных центров), создание аграрных комплексов с передовой социально-производственной инфраструктурой	Минсельхоз России	ФЗ «Об устойчивом развитии сельских территорий»	Федеральный бюджет

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
5	Ликвидация диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и поставляемых ему ресурсов. Привлечение инвестиций для обновления основных фондов, предоставление долгосрочных и сезонных кредитов сельскохозтоваропроизводителям, развитие лизинга сельскохозяйственной техники. Развитие сети кредитных учреждений в сельской местности	Создание Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда РФ	Минэкономразвития России	ФЗ «О Государственном внебюджетном инвестиционно-кредитном фонде Российской Федерации»	Федеральный бюджет
6	Отказ от идеи создания в стране рынков преимущественно купли-продажи земель и переход к постепенному созданию эффективных конкурентных рынков преимущественно аренды, продажи прав аренды, субаренды земель государственной и муниципальной собственности. Дебюрократизация и снижение стоимости оформления прав собственности на землю. Меры по ограничению роста количества объектов земельных отношений и развитию оборота земель целостными крупными земельными полями и земельными участками	Совершенствование арендных земельных отношений и укрепление государственной и муниципальной земельной собственности (собираение заброшенных земель, изъятие сельхозземель, используемых нецелевым образом, перевод неоформленных земельных долей, выкуп земельных долей и т. д.)	Минсельхоз России		Федеральный бюджет

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
7	Принятие мер по повышению плодородия почв в виде мер поощрения и соответствующих санкций	Ужесточение ответственности, применяемой в отношении лиц, не обрабатывающих или нецелевым образом использующих землю сельскохозяйственного назначения. Введение инструментов поощрения землепользователей, выполняющих работы по охране земли и воспроизводству плодородия почв. Восстановление общедерального мониторинга состояния почв и разработка дифференцированных нормативов антропогенной нагрузки на сельскохозяйственные угодья	Минсельхоз России		Федеральный бюджет
8	Выработка стратегии поддержки и развития аграрного сектора. Создание структуры управления АПК. Развитие научной поддержки на сельских территориях.	Придание министру сельского хозяйства статуса первого заместителя Председателя Правительства РФ (как руководителя АПК и координатора деятельности соответствующих министерств по поддержанию	Администрация Президента РФ, Минэкономразвития России, Минсельхоз России	ФЗ «О Государственном внебюджетном инвестиционно-кредитном фонде Российской Федерации»; ФЗ «О холдингах»;	Федеральный бюджет

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
	Предоставление долгосрочных и сезонных кредитов сельхозтоваропроизводителям, развитие лизинга сельскохозяйственной техники	межотраслевых пропорций, по формированию единой системы законодательных и нормативно-правовых актов и т. п.). Разработка и реализация Государственной программы инновационного развития АПК. Развитие информационно-консультационных служб. Разъяснение экономической эффективности и социальной значимости внедрения инноваций. Подготовка новых управленческих кадров. Развитие вертикально интегрированных структур и сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Создание Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда)		ФЗ «Об устойчивом развитии сельских территорий»; Указ Президента РФ «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и в Указ Президента Российской Федерации «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»; Приказ Минсельхоза РФ и Россельхозакадемии «О внесении изменений в Концепцию научного обеспечения развития АПК Российской Федерации на период до 2010 г., утвержденную приказом Минсельхоза РФ и Россельхозакадемии от 27 июня 2002 г. № 584/44»	

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
9	Совершенствование системы расселения сельских жителей	Принятие государственной программы регулирования миграционных процессов в России, включая трудовую миграцию, упорядочение требований к мигрантам, приезжающим на работу в Россию. Установление правового регулирования в сфере миграции, направленного на добровольное переселение мигрантов из числа наших соотечественников, проживающих за рубежом. Воссоздание системы распределения для студентов, обучающихся за счет бюджета, с обязательной отработкой нескольких лет по месту распределения. Создание благоприятных условий жизнедеятельности для специалистов, приезжающих работать в сельскую местность. Создание условий, способствующих закреплению молодежи на селе	Минрегион России, МВД России	ФЗ «О миграции»; ФЗ «О системе расселения в Российской Федерации»	Федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ

Окончание таблицы 2.1.19

№	Концепт, идея управленческого решения проблемы для Доктрины безопасности и развития России	Управленческое решение по приведению в соответствие фактора — управляемого параметра	Ответственный орган	Нормативно-правовой акт и организационно-управленческие решения	Ресурсная база
10	Обеспечение доступа непосредственных сельхозтоваропроизводителей на рынки сельскохозяйственной продукции. Усиление борьбы с коррупцией. Своевременное проведение товарных и закупочных интервенций по зерну. Расширение товарных и закупочных интервенций на другие виды сельскохозяйственной продукции. Создание эффективного механизма перераспределения дополнительных доходов от роста цен на энергоресурсы в несырьевые сектора экономики, в том числе в АПК	Передача розничных сельскохозяйственных рынков под управление вертикально интегрированных структур в АПК. Придание министру сельского хозяйства статуса первого заместителя Председателя Правительства РФ (как руководителя АПК и координатора деятельности соответствующих министерств по поддержанию межотраслевых пропорций, по формированию единой системы законодательных и нормативно-правовых актов и т. п.). Создание Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда РФ	Минэкономразвития России, Администрация Президента РФ	ФЗ «О холдингах»; ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О розничных рынках» и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»; ФЗ «О Государственном внебюджетном инвестиционно-кредитном фонде Российской Федерации»; Указ Президента РФ «О внесении изменения в Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и в Указ Президента РФ «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»	Федеральный бюджет

2.1.8. Обороноспособность

Политика страны в области обороны и безопасности является одной из важнейших для сохранения ее жизнеспособности (рис. 2.1.159). Способность государства отражать прямые военные вторжения на свою территорию и своим потенциалом минимизировать саму возможность такого вторжения в явной или скрытой форме напрямую зависит от состояния военной сферы.

Рис. 2.1.159. Обороноспособность как фактор жизнеспособности страны

Среди всех сфер жизнеустройства страны оборонная тема является особенной. Она актуализируется тогда, когда осуществляется либо прямая агрессия, либо производятся существенные враждебные действия, нацеленные на уничтожение суверенитета страны, т. е. лишение ее субъектности. На языке жизнеспособности происходит то, что называется «страна прекращает свое существование». Не случайно обороноспособность апеллирует к особым режимам: чрезвычайному и военному, к ограничению прав и свобод граждан; и вообще, война — это, конечно, совершенно особые, крайние обстоятельства. Поэтому многие понятия приобретают здесь самостоятельное и ответственное значение. Приведем основные из этих понятий, которые организуют всю последующую логику исследования вклада обороноспособности в жизнеспособность страны.

Обороноспособность — способность государства выявлять, пресекать и минимизировать внешние и определенные внутренние угрозы государственности страны, отражать эти угрозы в случае их реализации.

Агрессия — воздействие иных государств или неидентифицируемых внешних сил на российские государственные институты и инфраструктуры контролирования суверенной территории и объектов собственности России, саму территорию и объекты, а также воздействие на население страны с целью ослабления суверенитета или ликвидации российской государственности.

Агрессия прямая — агрессия, ущерб от которой возникает в существенной форме непосредственно во время ее осуществления.

Агрессия скрытая — агрессия, ущерб от которой может возникать в незначительных, но накапливаемых со временем объемах, действует продолжительное время, носит неявный или скрытый характер.

Безопасность России — это способность страны сохранять свою неизменность в условиях разрушающих воздействий или состояние факторов функционирования системы государственного управления и местного самоуправления, существования территории и жизнедеятельности населения, обеспечиваемое деятельностью публичных и общественных институтов, позволяющее снижать вероятность действий и событий, могущих повлечь ущерб, и предотвращать (минимизировать) сам ущерб интересам государственного управления и местного самоуправления, населению, территориальной целостности в случае наступления таких событий и совершения действий.

Военная политика страны является важным фактором КЖС (рис. 2.1.160).

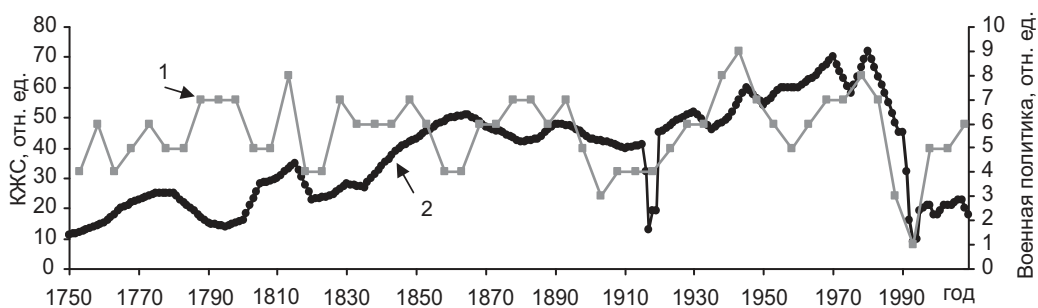

Рис. 2.1.160. Сопоставление исторической динамики эффективности военной политики²⁸⁸ (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Причем ее важность в последние годы только повысилась (коэффициент корреляции составил за период 1923–1988 гг. 0,38; за 1993–2008 гг. — 0,90), что свидетельствует о том, что при всем возрастании масштаба применения несиловых методов борьбы традиционные формы ведения войн не утратили своей актуальности и решения, принятые в данной сфере, непосредственно воздействуют на результат практически безотлагательно (рис. 2.1.161).

Среди основных факторов, непосредственно влияющих на эффективность военной политики, при анализе были выявлены следующие ключевые факторы-потенциалы:

- состояние кадрового потенциала вооруженных сил;
- финансирование военной сферы, оборонно-промышленного комплекса и научно-технологической сферы;
- отношение к стране в мире;
- национальные материальные ресурсы страны.

²⁸⁸ Данные экспертных опросов.

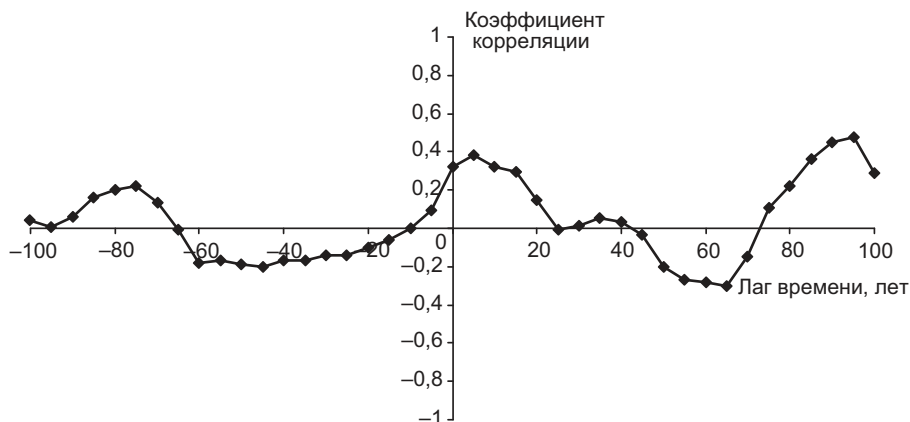

Рис. 2.1.161. Коэффициент корреляции эффективности военной политики и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Состояние кадрового потенциала вооруженных сил

Современная армия для обеспечения обороноспособности государства должна не только показывать высокий профессионализм и слаженность действий с обеспечивающими их функционирование гражданскими структурами, но и по своей численности быть достаточной для защиты внешних границ как в случае возникновения локальных конфликтов, так и ведения полномасштабных боевых действий. Таким образом, факторы, характеризующие состояние кадрового потенциала вооруженных сил, можно классифицировать по двум основным группам: воздействующие на качественные и количественные характеристики (рис. 2.1.162, а-б).

Рис. 2.1.162 (а). Топология связи управляемых параметров — количественных характеристик кадрового потенциала вооруженных сил с фактором-потенциалом обороноспособности

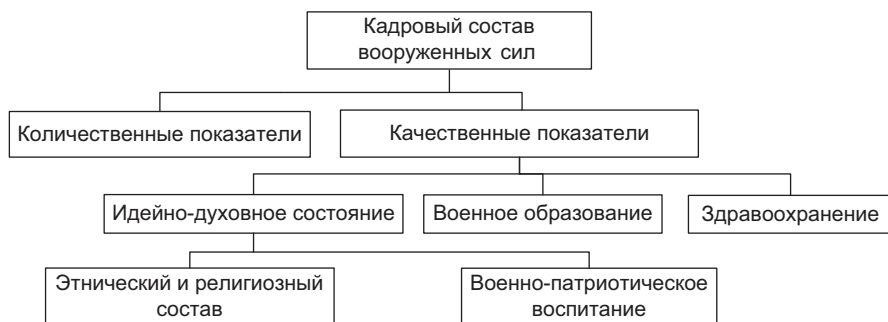

Рис. 2.1.162 (б). Топология связи управляемых параметров — качественных характеристик кадрового потенциала вооруженных сил с фактором-потенциалом обороноспособности

Целый ряд особенностей, оказавших воздействие на состояние обороноспособности государства в исторической перспективе, характерен для России.

Прежде всего это сильное влияние обширного пространственного ресурса (подробнее см. раздел 1.2) и большая протяженность границ при слабой выраженности естественных границ. Такие внешние условия обусловили высокую проницаемость и уязвимость границ страны. Также довольно большую роль сыграло такое внешнее условие, как наличие обширного северного пограничного сектора, являющегося, с одной стороны, неосвоенным и довольно открытым для явного или скрытого проникновения, а с другой — богатого природными ресурсами и представляющего собой потенциальный объект для захвата. Если в советский период северной границе страны уделялось большое внимание, то в настоящее время этот сектор в значительной степени оголен, и все внимание руководства страны сосредоточено на других пограничных территориях.

Преимущественно оборонительный характер российских войн и военных стратегий влек за собой довольно «статусный» и престижный характер военной службы. Выделение и институционализация своеобразного «среднего слоя» — дворянства (служилого сословия) происходило не в процессе ассимиляции иноземных наемников и военных дружин, а в ходе возложения обязанности по защите государства на отдельный и довольно обширный слой населения страны. Сложившиеся представления общества о военной службе и отношении к военным были одним из важнейших нематериальных факторов обеспечения обороноспособности страны.

Обширный пространственный ресурс, являющийся сам по себе довольно привлекательным объектом для военного и несилового захвата, и значительная ресурсная база при протяженных границах стали не только факторами

потенциальной угрозы целостности государственности, но также повлекли за собой проникновение в общественные структуры элементов военной организации общества (особенно на приграничных территориях) и сильные позиции иерархичных структур управления (подробнее см. раздел 1.4).

Российский оборонительный потенциал всегда основывался на мобилизационной готовности при условии призывной армии, и это также сформировало часть национальной психологии.

Рассмотрим один из наиболее спорных и обсуждаемых в связи с проведением военной реформы факторов — численность вооруженных сил.

Традиционная американская формула оценки соотношения сил состоит в следующем: «Судить не по намерениям другой стороны, а по ее возможностям», т. е. при определении необходимой численности войск целесообразно исходить не только из сложившейся текущей обстановки и имеющихся сил, а из того, что может потребоваться в перспективе, в самой неблагоприятной обстановке.

Использование при определении численности вооруженных сил в мирное время принятого в ряде западных стран количественного показателя (1% от населения страны) совершенно неприемлемо для России в силу особенностей ее геополитического и геостратегического положения, заключающихся в громадности ее территории, невысокой плотности населения на довольно больших (в том числе и приграничных) участках и в непосредственном окружении государств, большинство из которых имеют территориальные и иные претензии к России.

История России свидетельствует, что подавляющее большинство военных действий велось на ее территории, нанося экономике страны и ее населению существенный ущерб. Поэтому при определении численности Вооруженных сил Российской Федерации следует исходить из особенностей ее геополитического и геостратегического положения, существующих и потенциальных военных угроз и опасностей, возможностей экономики и демографического фактора (рис. 2.1.163). При этом необходимо помнить, что расходы на оборону всегда значительно меньше расходов на компенсацию ущерба стране, который она несет в мировой экономике из-за слабости ее вооруженных сил, неспособных служить гарантом защиты ее жизненно важных национальных интересов, а также ущерба от военных действий, в том числе и на собственной территории в случае развязывания войны.

Численность войск и коэффициент жизнеспособности не имеют устойчиво высокой корреляции, особенно в ситуациях исторического вызова. Так, в отдельные исторические периоды численность войск могла только расти, но это были добровольческие полки, не представляющие собой хорошо подготовленную и обученную профессиональную армию, а жизнеспособность страны в такие периоды могла быть сильно снижена в результате войн и революций, социальной напряженности.

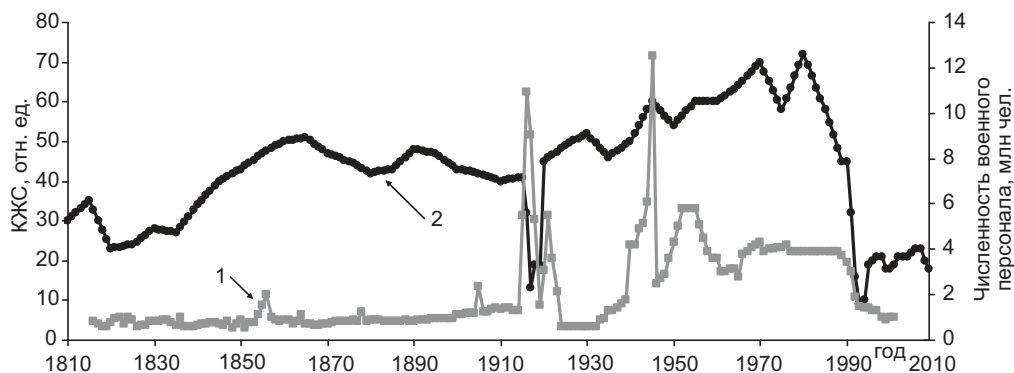

Рис. 2.1.163. Сопоставление исторической динамики численности военного персонала (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Тем не менее в современной России и пресловутый показатель в 1% не выполняется. На 1 января 2007 г. штатная численность Вооруженных сил РФ составила 1 млн 130,9 тыс. военнослужащих.

В октябре 2008 г. министр обороны Анатолий Сердюков объявил о грядущем реформировании российской армии, в соответствии с которым к 2012 г. все соединения и части будут переведены в категорию постоянной боевой готовности (это фактически означает отказ от принципа мобилизационной готовности кадрированной армии и ее разворачивания в военных условиях), а численность армии и флота составит 1 млн человек. Решение принципиальнейшее. Объяснений ему — фактически никаких. Почему численность именно один миллион? Процесс сокращения численности армии идет на протяжении 20 лет, а качественных улучшений не усматривается — видимо, потому, что практически нет никаких серьезных научных обоснований как ее численности, так и самой реформы.

По итогам призывной кампании 2009 г. в Генштабе подсчитали, что с учетом осеннего призыва (270 тыс.), контрактников (около 200 тыс.) и офицеров (около 150 тыс.) общая численность Вооруженных сил России приблизится к миллиону.

В 2009 г. прошло успешное сокращение личного состава армии и флота до 1 млн человек. Об этом Верховный главнокомандующий сообщил руководству Минобороны России на ежегодной коллегии ведомства.

Впрочем, по оценкам экспертов военного ведомства, после увольнения задержавшихся в штате офицеров и сокращения числа призывников из-за демографической ямы численность Вооруженных сил России может в дальнейшем только уменьшиться до 700–800 тыс. человек.

Аналогичную ситуацию отражает и сопоставление коэффициента жизнеспособности с соотношением военного персонала и общего числа населения страны (рис. 2.1.164).

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

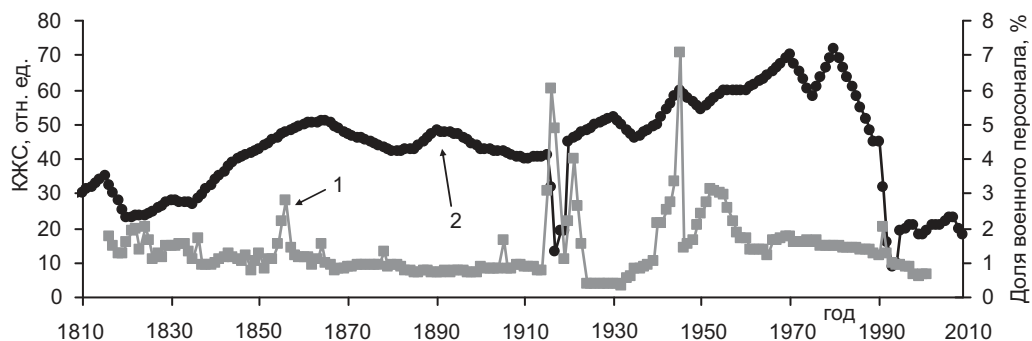

Рис. 2.1.164. Сопоставление исторической динамики доли военного персонала в общей численности населения (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Если рассматривать связь жизнеспособности страны с соотношением площади территории страны и численности армии, то здесь прямая корреляция также не прослеживается и показатель составляет только лишь $-0,39$ (рис. 2.1.165).

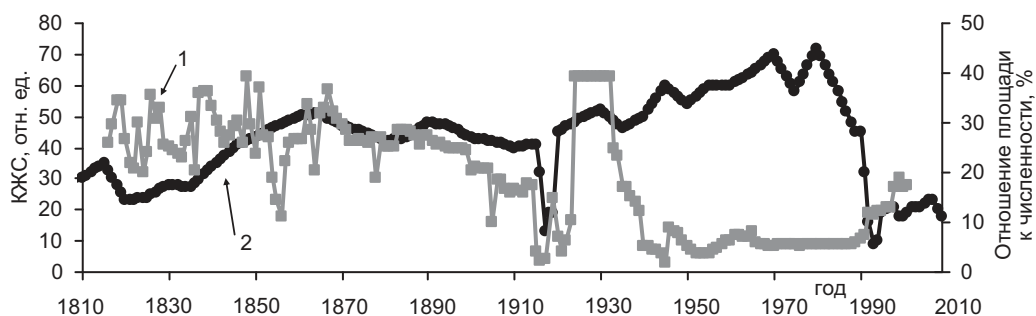

Рис. 2.1.165. Сопоставление исторической динамики отношения площади территории страны к численности военного персонала (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

Рост числа военнослужащих в исторической перспективе нередко был связан с необходимостью оборонять границы страны, и не всегда увеличение численности военного контингента было связано напрямую с территориальным фактором; свое влияние оказывала и демографическая, и экономическая ситуация в стране. Что касается состояния данного фактора на период с начала 90-х гг. XX в., то он во многом связан с резким уменьшением территории государства (распад СССР). В целом можно сказать, что в условиях активного использования новых способов ведения войн в XX в. недостаточность численности войск в отдельные исторические периоды и значительная протяженность границ России компенсировались активной

разработкой новых видов вооружений. Данный механизм перестал действовать с распадом СССР и резким сокращением расходов по военным статьям бюджета, что привело к «оголению» в военном смысле значительной части территории.

Здесь необходимо отметить значимость обширных приграничных территорий для обеспечения обороноспособности страны. Режим данных территорий отличен от режима остальной территории за счет того, что требуется большая привязанность и ориентация окраин на федеральный центр. Факторами, оказывающими наибольшее воздействие на силовые и несиловые методы обеспечения высокой жизнеспособности страны на данной территории, являются:

- выраженность естественных границ (высокая/низкая проницаемость);
- разнородность пограничных территорий;
- частная собственность на землю и объекты инфраструктуры;
- оформление территориальной власти;
- развитость городской приграничной инфраструктуры;
- направления пассажиро- и грузопотоков, их качественный и количественный состав;
- направления коммуникаций (ориентация на федеральный центр или центры граничащих государств);
- заселенность приграничных территорий и урбанизация (обезлюживание городов и запустение территории в данном случае являются еще более мощным антифактором жизнеспособности, чем аналогичные процессы, протекающие в центре страны);
- доступ к частной инфраструктуре гражданского назначения;
- размещение армии и пограничных служб;
- восстановление Северного морского пути и других связывающих приграничные зоны крупных трасс;
- учет этнических границ при определении границ приграничных субъектов Российской Федерации;
- развитость гуманитарной инфраструктуры (преимущественно — образования, культуры, религии, традиций воспитания) и восприятие приграничной территории как российской;
- понимание северных территорий как полноценной границы страны;
- взаимодействие армии и пограничных служб.

В следующих разделах настоящей работы будет проведен более полный анализ факторов состояния военного персонала, его количественного и качественного состава с учетом прогнозов развития демографической ситуации в стране. Качественные характеристики зависят не только от военного образования и патриотического воспитания, но и от уровня рождаемости в стране, половозрастной структуры населения, состояния здоровья потенциальных военнослужащих.

*Финансирование военной сферы, оборонно-промышленного комплекса
и научно-технологической сферы*

Необходимым условием решения задач обороноспособности страны является достаточное финансирование вооруженных сил, поскольку их численность, организационно-штатная структура, техническая вооруженность, принципы комплектования, подготовленность личного состава и его морально-психологическое состояние во многом зависят от величины и структуры оборонного бюджета.

При этом остро стоит вопрос о предельной доле военных расходов в валовом внутреннем продукте (ВВП). Не вызывает сомнения утверждение о том, что уровень милитаризации экономики не должен превышать оптимальные рамки, выход за которые влечет за собой отрицательные последствия для государства. Страна не может длительное время поддерживать степень милитаризации экономики на уровне выше 9% ВВП без серьезных экономических последствий. В то же время, данный показатель в 4–5% может быть приемлем в течение достаточно длительного периода.

В Основах (концепции) государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2005 года был предусмотрен специальный раздел — «Финансовое обеспечение военного строительства». В нем указывалось, что в установленных рамках расходов федерального бюджета на военное строительство по разделу «Национальная оборона» должно выделяться не менее 3,5% от ВВП. Однако, несмотря на реальный рост ВВП страны с 2000 г., доля расходов бюджета на национальную оборону не приблизилась к нормативной цифре 3,5%.

В расходной части федерального бюджета она составляла: в 1998 г. — 2,98% от ВВП, в 1999 г. — 2,34, в 2000 — 2,63, в 2001 — 2,66, в 2002 — 2,60, в 2003 — 2,67, в 2004 — 2,64, в 2005 — 2,75, в 2006 — 2,52, в 2007 г. — 2,63%.

Что касается прогнозных данных по бюджету на 2011–2013 гг., то в 2011 г. расходы на оборону планируются в размере 2,9% от ВВП, в 2012 г. — 2,8, в 2013 г. — 3,3%.

Расчеты, проведенные по ориентировочным показателям экономики и затратам на национальную оборону некоторых стран, показывают, что при доле затрат в 2,4% Россия обеспечивает свою безопасность на уровне, который обеспечивает Индии ее армия. Для того чтобы противостоять объединенной группировке европейских стран НАТО, России потребуются увеличить долю затрат на национальную оборону до 3,8%. При этом структура этих затрат оказывается существенно отличной от фактической: 65,7% придется потратить на техническое переоснащение вооруженных сил, и 34,3% — на их содержание. Для того, чтобы противостоять ВС США, России придется израсходовать 15,15% ВВП, сделав еще большей долю затрат на переоснащение вооруженных сил: 73% — на закупки вооружений и военной техники (ВВТ) и НИОКР и лишь 27% — на содержание вооруженных сил.

Необходимость финансирования затрат на оборону в полном объеме определяется и опосредованным влиянием их на развитие страны. Тезис о высокой роли оборонных расходов в развитии отечественной экономики неоднократно подтверждался на практике не только в России, но и в других государствах. По имеющимся данным, в СССР военные расходы в 1980-е гг. существенно окупались ростом национального богатства (более 50% расходов на национальную оборону возвращалось в виде национального богатства, а если брать только капиталовложения в оборонную промышленность, то каждый вложенный рубль приносил почти два рубля в объем национального богатства).

И сегодня, хотя эффективность военных расходов с этой точки зрения ниже, тем не менее они вносят огромный вклад в поддержание научно-технического и производственно-технологического потенциалов России. Ведь, прежде всего, за счет расходов, выделяемых на развитие системы вооружения, финансируется развитие наиболее высокотехнологичного сектора отечественной промышленности — ОПК (рис. 2.1.166 и 2.1.167, а–б). Без этого деградация России как технологической державы была бы неизбежной.

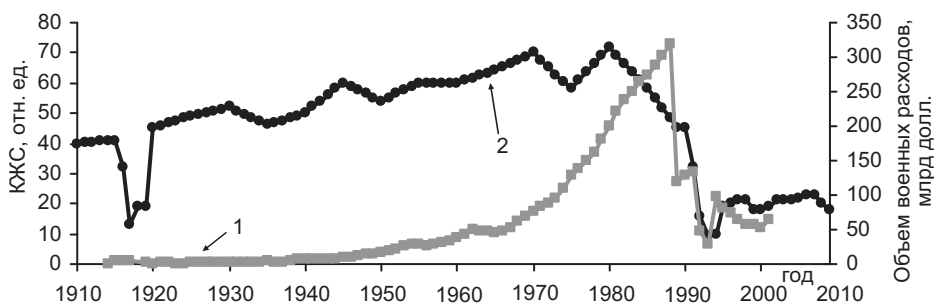

Рис. 2.1.166. Сопоставление исторической динамики объемов военных расходов (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

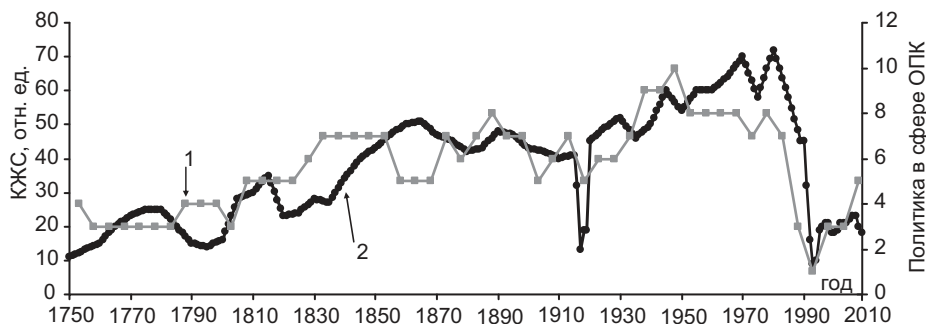

Рис. 2.1.167 (а). Сопоставление исторической динамики эффективности политики в сфере развития оборонно-промышленного комплекса (1)²⁸⁹ и коэффициента жизнеспособности страны (2)

²⁸⁹ Данные экспертных опросов.

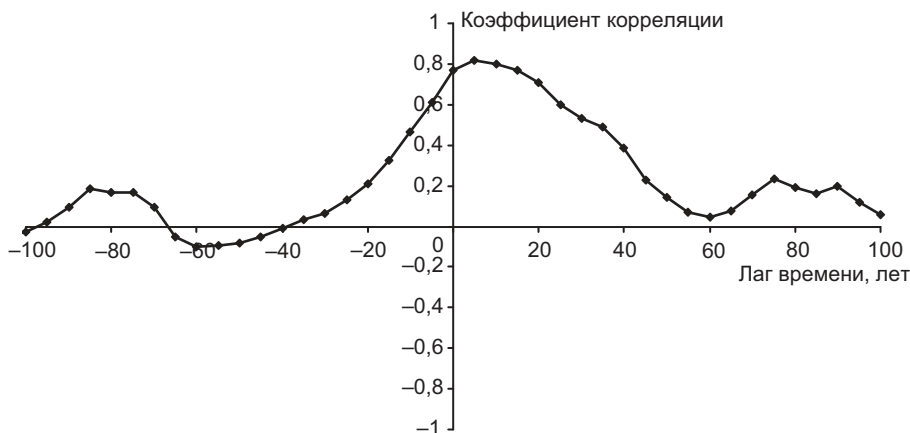

Рис. 2.1.167 (б). Коэффициент корреляции эффективности политики в сфере развития оборонно-промышленного комплекса и коэффициента жизнеспособности страны с временным лагом

Коэффициент корреляции политики в сфере развития ОПК с жизнеспособностью страны довольно высок — более 0,5, а в период с 1993 г. и по настоящее время — 0,89. Высокая корреляция с КЖС в 1990–2000 гг. связана с общей утратой рычагов управления в стране. Подъем оценки качества управления в последние годы скорее связан с тем, что начали предприниматься шаги по реформированию отрасли и ее финансовой поддержке в связи с общим ухудшением экономической ситуации в стране и угрозой банкротства многих крупных предприятий отрасли.

Данный фактор целесообразно рассматривать не только в сопоставлении с национальной жизнеспособностью, но и в совокупности с показателями общемировой структуры военных расходов и структуры национальных расходов на оборону.

Рост расходов на оборону с 1960-х гг. был в первую очередь связан с втягиванием СССР в «гонку вооружений», а их снижение в последние десятилетия связано скорее с общим процессом сжатия государственных расходов, чем с резкой сменой вектора военной политики.

В общемировой структуре расходов на военную сферу основную долю занимают военные расходы США (рис. 2.1.168).

Таким образом, даже при сопоставимых долях бюджета (или ВВП), направляемых на финансирование военной сферы, необходимо учитывать и абсолютные показатели. В абсолютных цифрах тенденции можно проследить, например, из сопоставления уровня расходов на одного военнослужащего в России и США (табл. 2.1.20)²⁹⁰.

²⁹⁰ Рукавишников В.О. Насколько сильна Россия? Комментарий к геополитическому дискурсу // Социс. 2007. № 10.

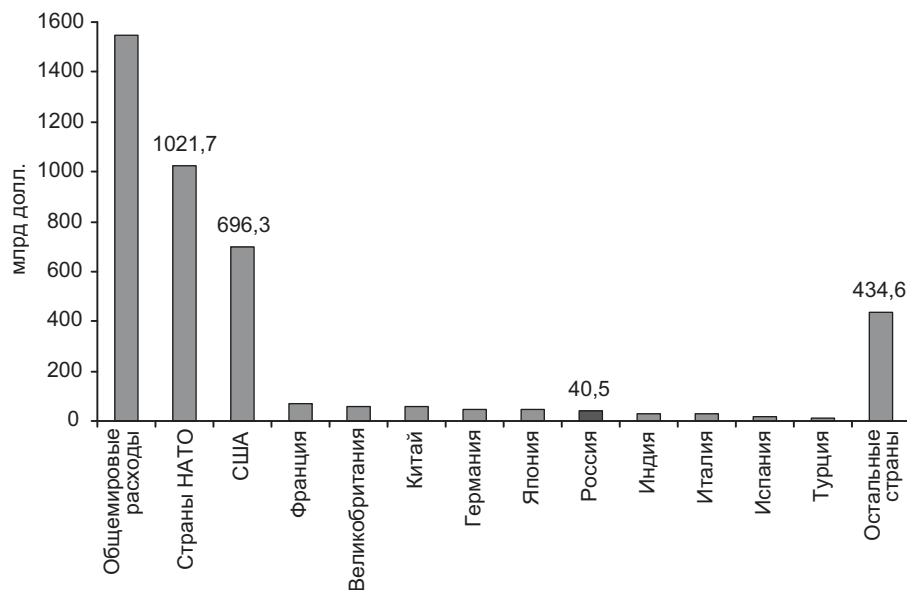

Рис. 2.1.168. Объемы военных расходов ведущих стран мира в 2008 г. (по данным Military Balance, 2010)

Таблица 2.1.20

Уровень расходов на одного военнослужащего в России и США

Год	Доля всех военных расходов в запланированных расходах бюджета (%)		Расходы на одного военнослужащего (долл.)	
	Россия	США	Россия	США
2003	14,69	20,07	9 307	309 303
2004	15,47	19,90	11 833	319 588
2005	17,43	20,33	15 577	350 401
2006	15,60	17,36	21 509	328 151
2007	15,05	15,71	28 041	306 936

Что касается такого фактора, как расходование средств на закупку вооружения и военной техники и их содержание, то боевая способность вооруженных сил во многом определяется их технической оснащенностью. В свою очередь, уровень технической оснащенности напрямую зависит от ассигнований внутри военного бюджета на боевую подготовку личного состава и на содержание военных структур и инвестиционные расходы, которые включают в себя затраты на НИОКР, закупки ВВТ, ремонт существующих систем ВВТ и капитальное строительство. Повышение технического уровня армии предполагает более качественный личный состав, а более высокое качество личного состава требует больше средств на содержание и боевую подготовку.

В СССР на инвестиционные расходы приходилось 72% затрат на национальную оборону, а на содержание военных структур — 28%. В течение 90-х гг. прошлого века при резком сокращении абсолютного объема военных расходов произошло изменение структуры военного бюджета при увеличении в нем доли текущих расходов (содержание вооруженных сил и боевая подготовка) и снижении доли инвестиционной компоненты (закупки вооружения, НИОКР, военное строительство). Если в 1990 г. соотношение между ними было 1 : 2, то в 2005 г., наоборот — 2 : 1, что противоречит ведущим мировым тенденциям. Прямым следствием этого стало ослабление ОПК и снижение в войсках доли вооружения новейшего поколения.

Таким образом, фактор финансирования военной сферы, оборонно-промышленного комплекса и научно-технологической сферы сам по себе не может являться определяющим для обеспечения обороноспособности страны и поддержания высокой жизнеспособности. При анализе данного фактора необходимо обратить внимание не только на абсолютные показатели, но и на структуру расходования средств, выбор направлений развития данной сферы. Так, анализ структуры государственных расходов показывает, что расходы на текущие нужды и военный персонал по размеру сопоставимы с расходами на научные исследования и разработки в военной сфере. Такая структура не ориентирует на разработку и внедрение новых образцов ВВТ и опережающее проведение научных исследований и консервирует техническую отсталость армии (рис. 2.1.169).

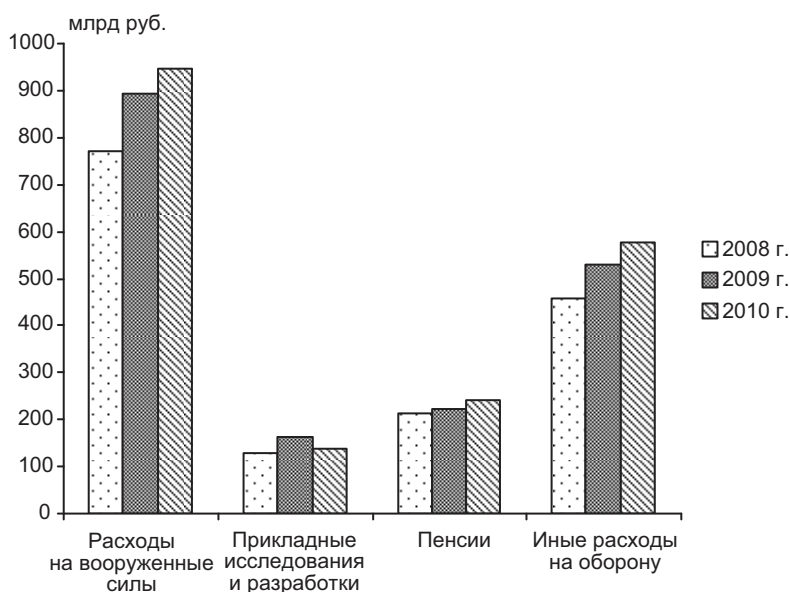

Рис. 2.1.169. Структура военных расходов в России в 2008–2010 гг.
(по данным Минфина России и Минобороны России)

Отношение к стране в мире

Отношение к стране в мире является важным фактором проведения не только внешнеполитической и внешнеэкономической, но и политики по обеспечению обороноспособности. Оборонная политика не является чисто внутренней политикой и тесно связана и с участием России в различных военно-политических союзах, и с присутствием российских ВС в мире (подробнее см. раздел 7.7).

Сопоставление исторической динамики имиджа страны в мире и КЖС (подробнее см. раздел 2.1.9) показывает, что ухудшение отношения к стране и снижение информационного влияния России в мире влечет за собой активизацию геополитических противников России и привлечение ими новых сторонников. Недостаточность проводимой внешней информационной политики может в будущем привести не только к утрате и без того немногочисленных союзников страны (как военных, так и чисто политических и экономических, что не менее важно для обеспечения обороны государства при использовании несиловых методов борьбы), но и к изоляции страны, превращению ее в общественном мнении во вселенского врага. В то же время активная информационная, культурная и иные направления внешней политики способны налаживать прямые контакты с представителями гражданского общества других государств и оказывать воздействие на политику других стран.

Наиболее показательными при анализе состояния данного фактора являются социологические опросы населения в разных странах мира, проводимые на регулярной основе и отражающие динамику представлений о России у населения. Данные последнего ежегодного глобального опроса общественного мнения Global Attitudes, проводимого американской социологической службой The Pew Research²⁹¹, показывают что Россия не вызывает симпатии у жителей других стран мира.

В общей сложности было опрошено свыше 26 тыс. человек из 25 стран мира (включая Палестинскую автономию). Выяснилось, что среди стран и международных организаций, претендующих на мировое влияние, Россия пользуется наименьшей популярностью.

Усиление влияния России не вызывает положительного отношения у абсолютного большинства респондентов в 14 странах, и только в трех мнение большинства оказалось на стороне России.

При этом Россия получила большой процент негативных оценок в Западной Европе: во Франции — 56%, Германии — 51%, Испании — 44%. Только в Великобритании количество позитивных оценок (45%) в целом преобладает над негативными (33%); но все же с симпатией относящиеся к России британцы не составляют абсолютного большинства.

---

²⁹¹ По материалам сайта <<http://pewglobal.org/>>.

В Польше, единственной стране Восточной Европы, где проводился опрос, негативное отношение к России также взяло верх: 56 против 33%.

Но ни Западной, ни Восточной Европе в своей неприязни не удалось зайти так далеко, как Японии (здесь Россию негативно воспринимают 68%, а позитивно — только 23%), Израилю (65 против 31%) и Турции (63 против 13%).

Поразительное равнодушие к России продемонстрировали жители стран Латинской Америки: почти половина респондентов в Аргентине (48%), более трети опрошенных в Мексике (36%) и каждый четвертый в Бразилии (24%) не смогли сказать ничего вразумительного, когда их спросили о России.

Симпатию к России испытывают большинство жителей Ливана (57%), Канады (51%) и Нигерии (51%), однако исследователи отмечают, что еще два года назад в Нигерии Россия пользовалась заметно большей популярностью (58%), да и в других африканских странах к ней за это время стали относиться заметно прохладнее.

Аналогичное явление наблюдается и в Китае: здесь дали позитивные оценки лишь 46%, тогда как в 2007 г. России симпатизировали 54% китайцев.

Таким образом, данные общемировых опросов показывают, что отношение в большинстве исследуемых стран мира к России заметно меняется, и не в позитивную сторону. Дополнительное исследование данных опросов может способствовать не только оценке отношения населения стран-союзников и потенциальных союзников России, но выстроить целенаправленную политику по улучшению имиджа страны.

Национальные материальные ресурсы страны

Обеспечение обороноспособности государства возможно не само по себе, в отрыве от проведения государственной политики в иных направлениях, а только при опоре на общее состояние экономики, демографического потенциала и ресурсной базы. Такую оценку возможно провести с использованием так называемого «индекса боеспособности страны», составляемого группой американских экспертов (Correlates of War Project²⁹²). Данный индекс объединяет следующие показатели: объем выпуска стали, объем военных расходов, численность военного персонала, энергопотребление, общая численность населения, численность городского населения (рис. 2.1.170).

Данный индекс показывает значительную корреляцию, особенно в период с начала 1970-х гг. (близка к единице), что свидетельствует о достаточно высоком значении в повышении жизнеспособности основных составляющих обеспечения обороноспособности государства. Данный индекс интересен также тем, что он может использоваться для сравнительной оценки потенциалов стран в сфере обычных вооружений в исторической перспективе (рис. 2.1.171, а-б). Так, например, при сопоставительном анализе индексов России, США, Великобритании, Германии, Китая и Японии прослеживаются

²⁹² По материалам сайта <<http://www.correlatesofwar.org>>.

ся следующие связи: индекс боеспособности России в различные исторические периоды находился в довольно высокой антикорреляции с индексами Великобритании, Китая и США, в то время как с индексами Японии и Германии в отдельные периоды прослеживается слабая положительная корреляция (0,28–0,35).

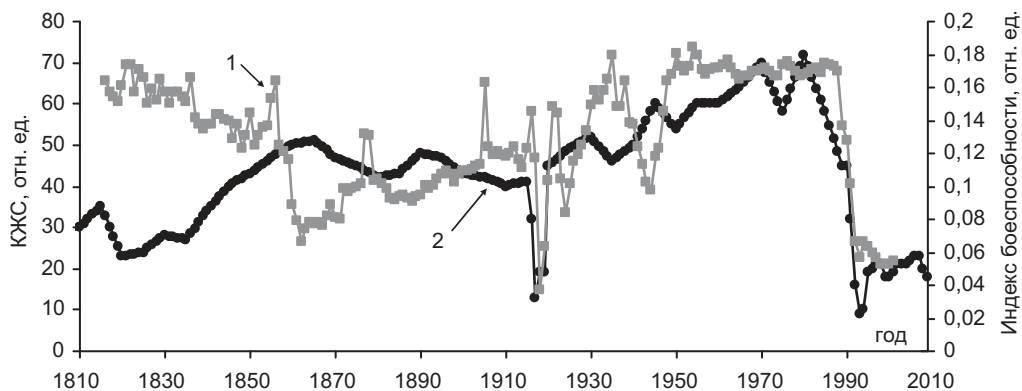

Рис. 2.1.170. Сопоставление исторической динамики индекса боеспособности России (1) и коэффициента жизнеспособности страны (2)

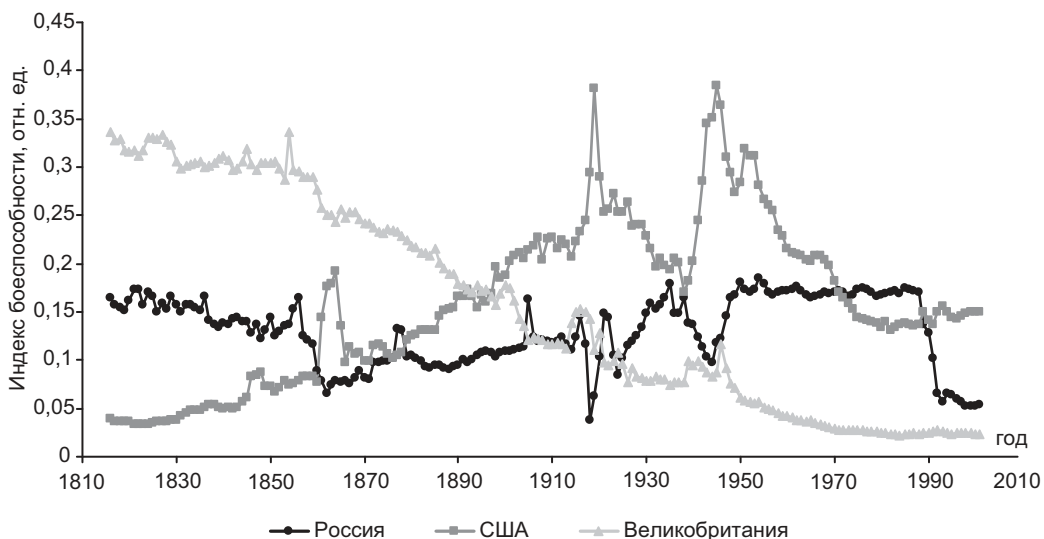

Рис. 2.1.171 (а). Индекс боеспособности России, США и Великобритании

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

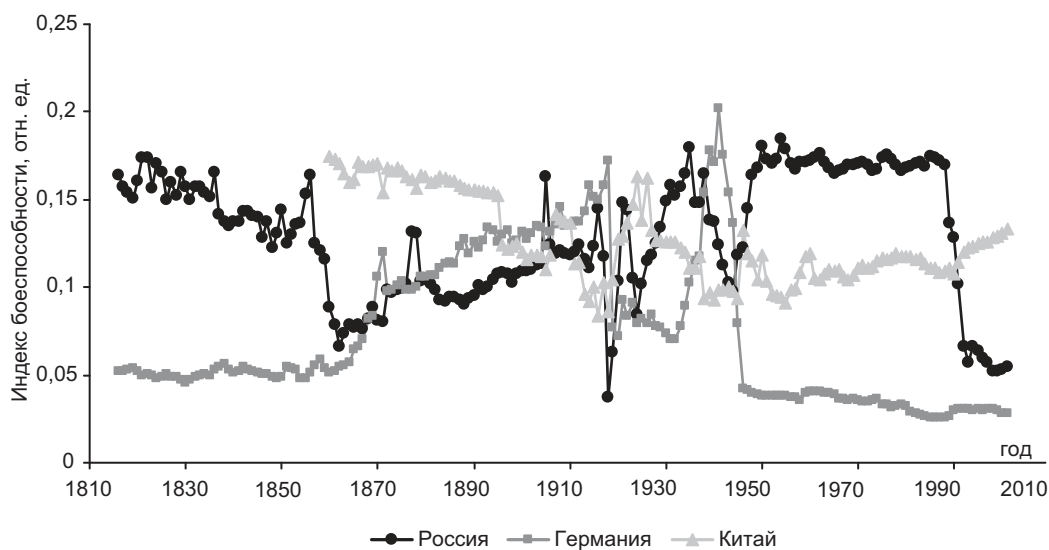

Рис. 2.1.171 (б). Индекс боеспособности России, Германии и Китая

Декомпозиция военной политики как фактора жизнеспособности страны на управляемые параметры показала, что значительными для повышения качества обороноспособности и КЖС являются следующие факторы:

- обеспеченность вооружением и военной техникой;
- бюджетное финансирование гособоронзаказа;
- финансирование обустройства государственных границ;
- определение приоритетов в расходовании средств на оборону (структура расходов);
- международные договоры и соглашения по видам вооружений;
- установление особого режима для приграничных территорий;
- комплексная военная доктрина и доктрина безопасности;
- статус Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и других значимых для России союзных организаций;
- доля государственных расходов на военный сектор;
- договоры со всеми приграничными государствами, их участие в российских региональных и мировых инициативах;
- обеспеченность вооруженных сил ключевыми ресурсами;
- доля на мировых рынках вооружений;
- кадровый состав армии, ее мобилизационный потенциал;
- демографическая структура населения;
- социальное расслоение;
- социальное обеспечение;
- идейно-духовное состояние армии;

- подготовка и повышение квалификации военнослужащих;
- структура и состав вооруженных сил;
- мобильность войск;
- состояние оборонно-промышленного комплекса;
- научный потенциал военной сферы;
- технологическая суверенность;
- безопасность границ;
- планирование и прогнозирование в военной сфере;
- отношение к стране в мире;
- военно-техническое сотрудничество;
- военное и миротворческое присутствие в мире;
- развитость инфраструктуры;
- дублирование транспортных потоков;
- отношение в обществе, патриотизм;
- состояние национальных систем мониторинга угроз;
- геополитическое положение;
- институты влияния на государственную власть.

В целом, факторное дерево в сегменте обороноспособности и безопасности для КЖС страны показано на рис. 2.1.172 и 2.1.173.

Данные управляемые параметры будут более подробно рассмотрены в соответствующих разделах настоящей работы.

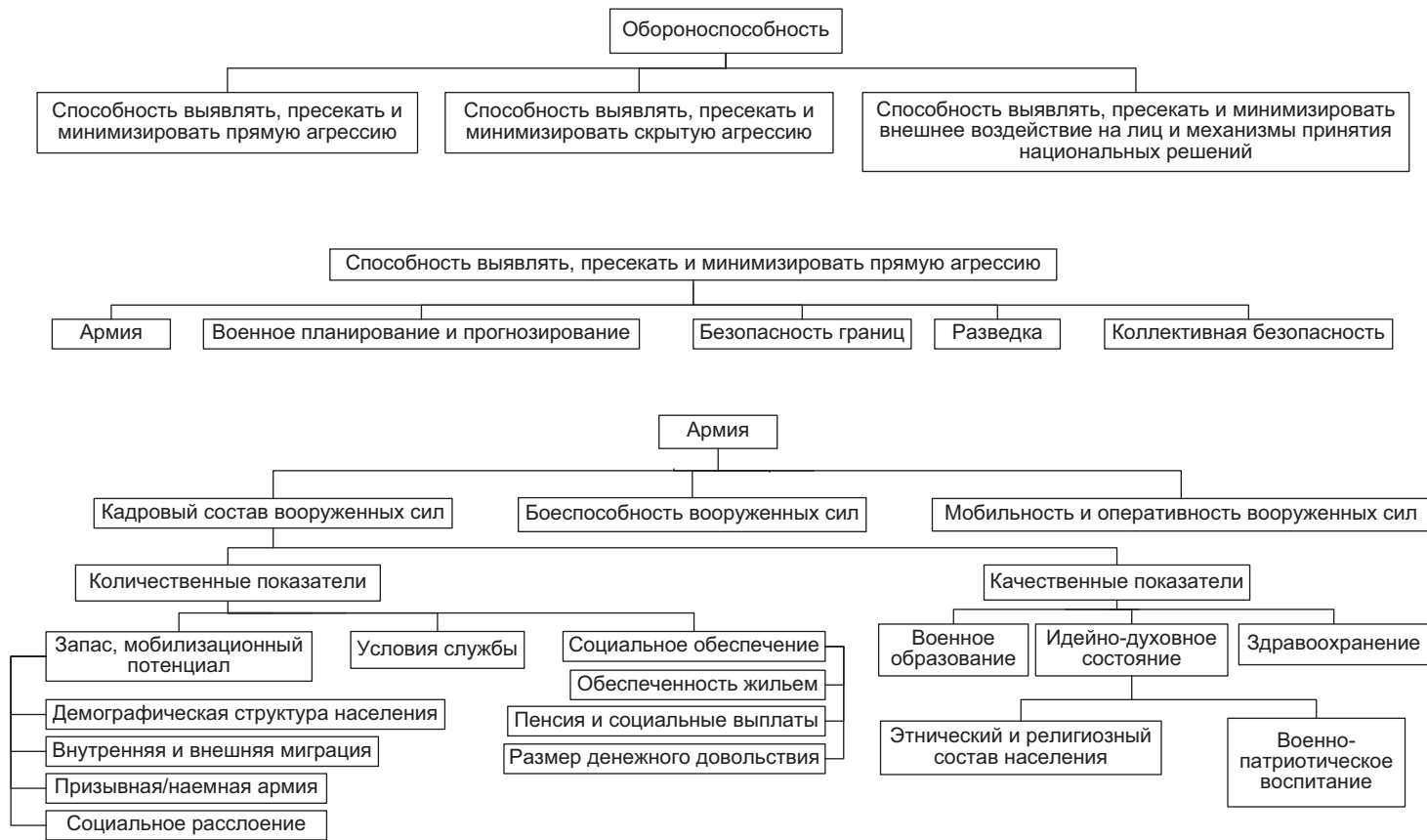

Рис. 2.1.172. Факторное дерево жизнеспособности России в сфере обороноспособности

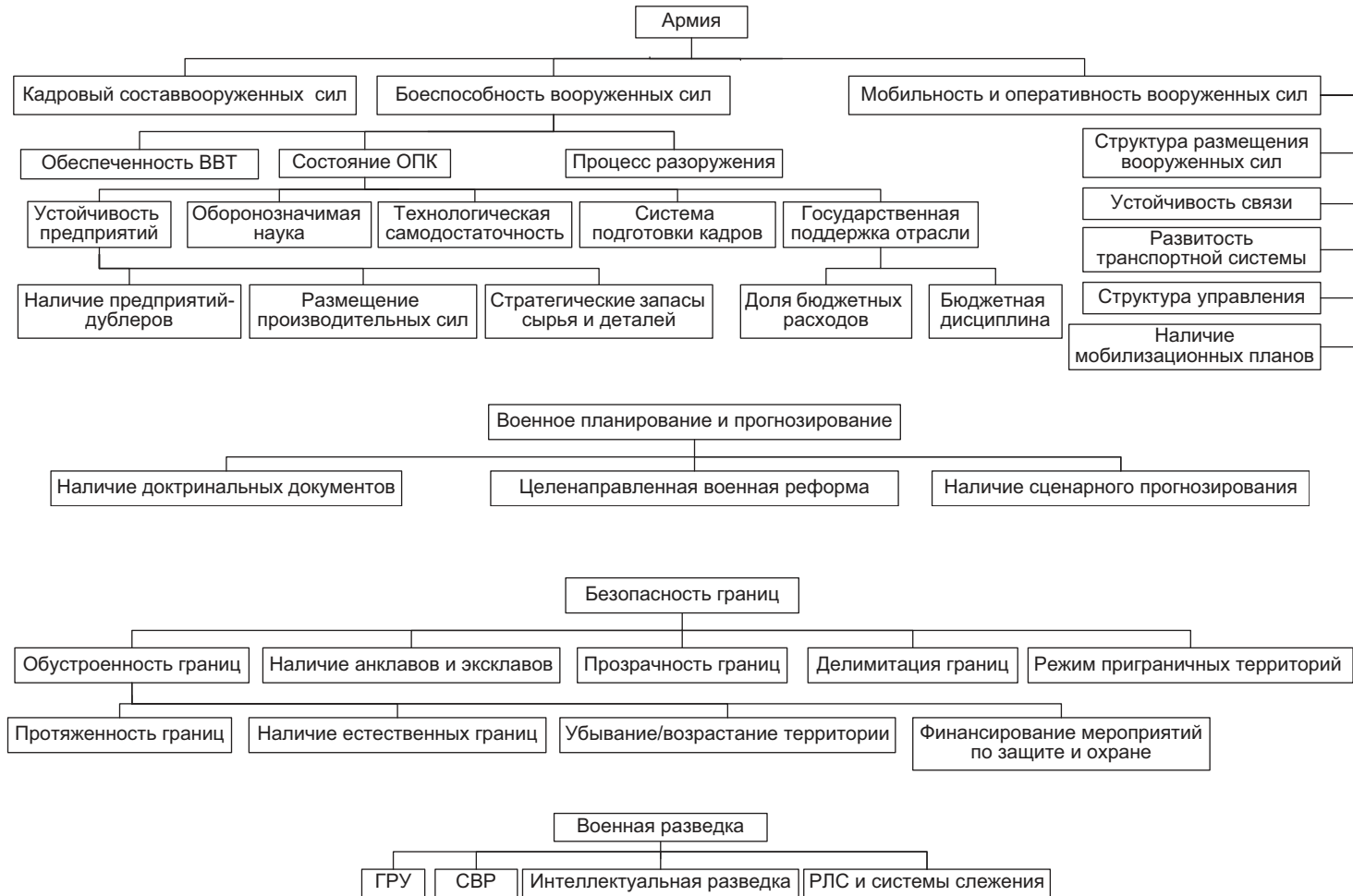

Рис. 2.1.172 (продолжение). Факторное дерево жизнеспособности России в сфере обороноспособности

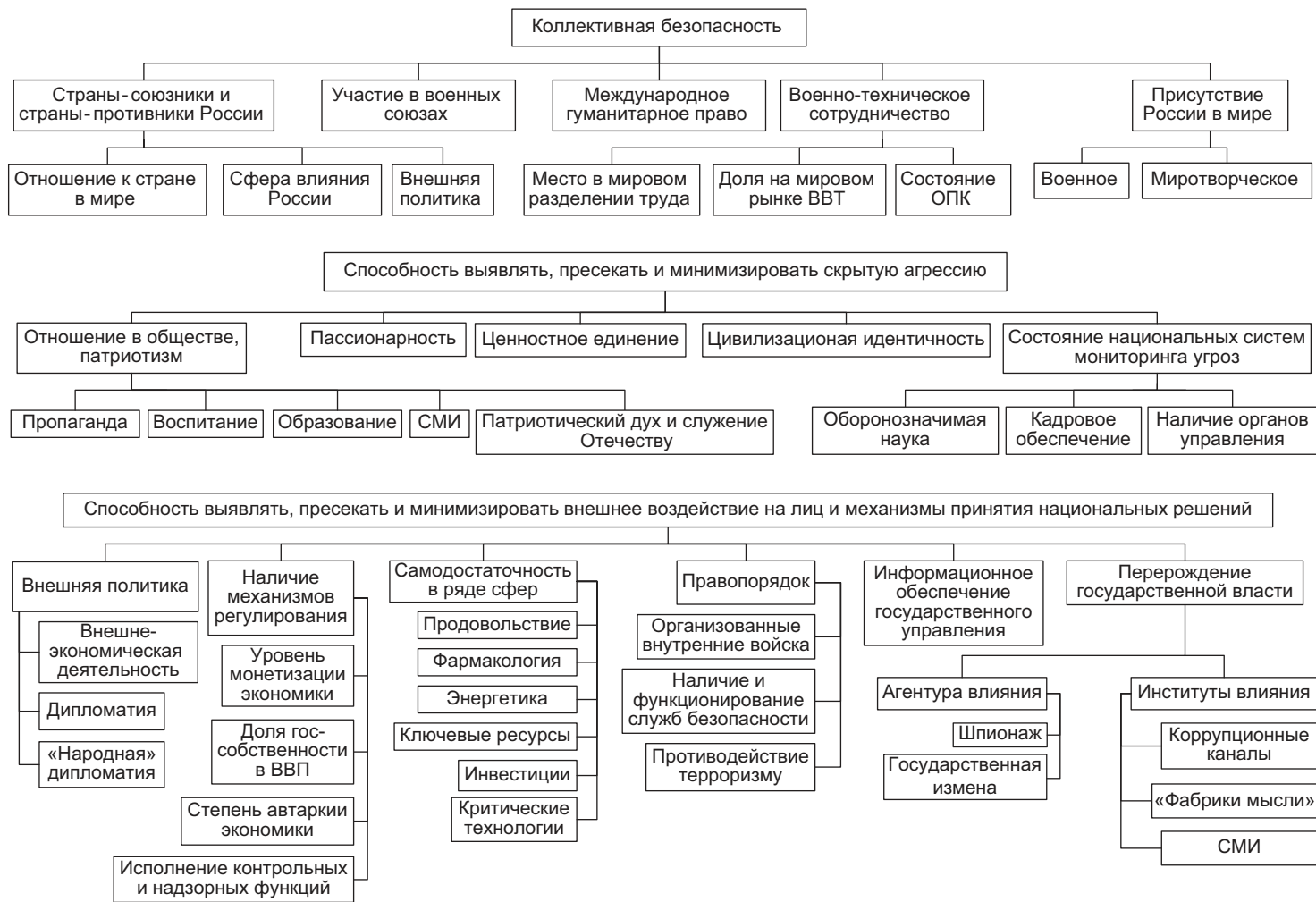

Рис. 2.1.172 (окончание). Факторное дерево жизнеспособности России в сфере обороноспособности

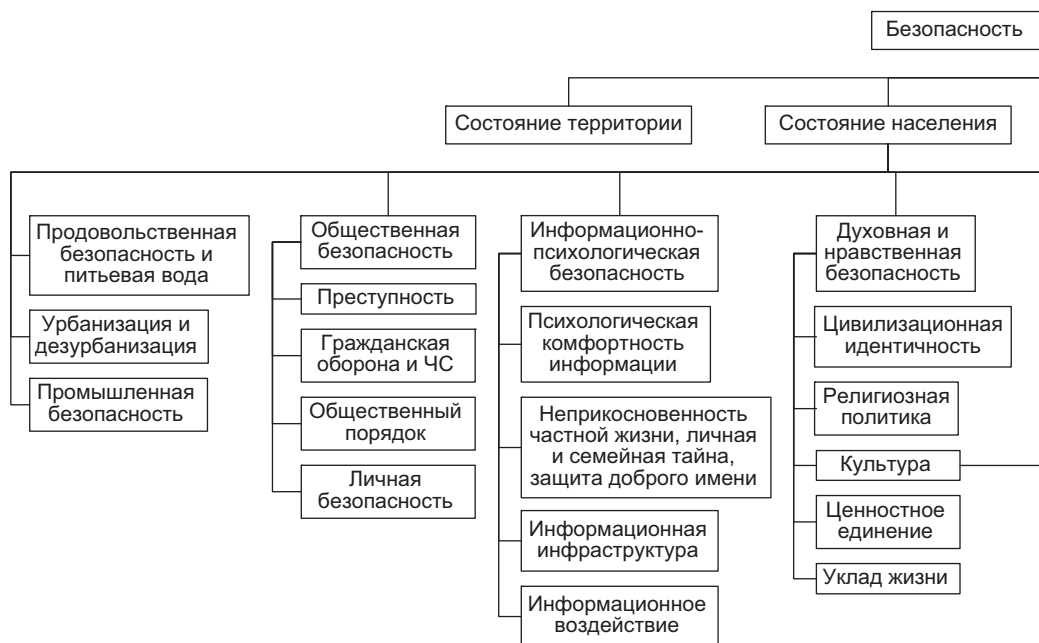
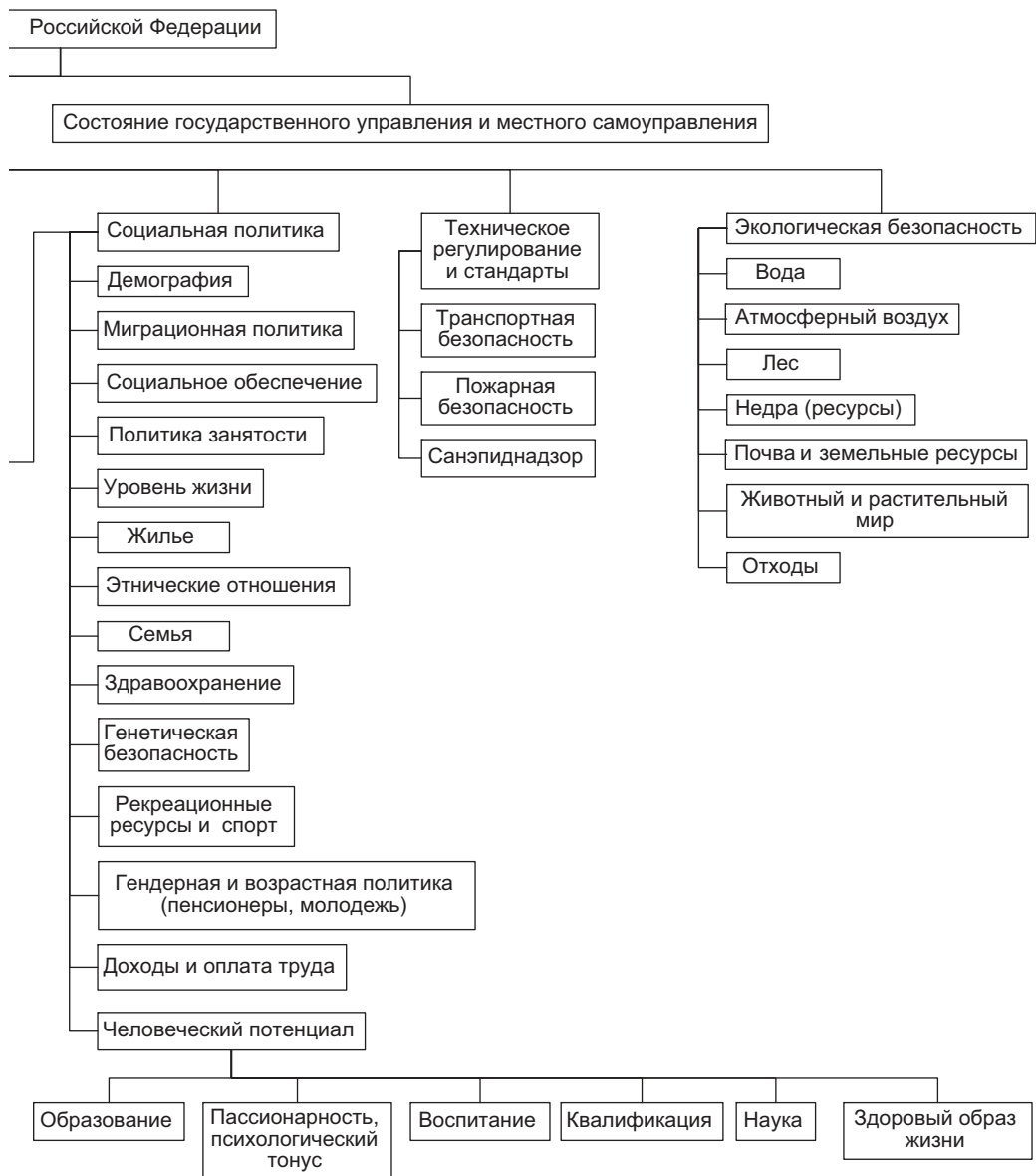

Рис. 2.1.173. Факторное дерево жизнеспособности

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

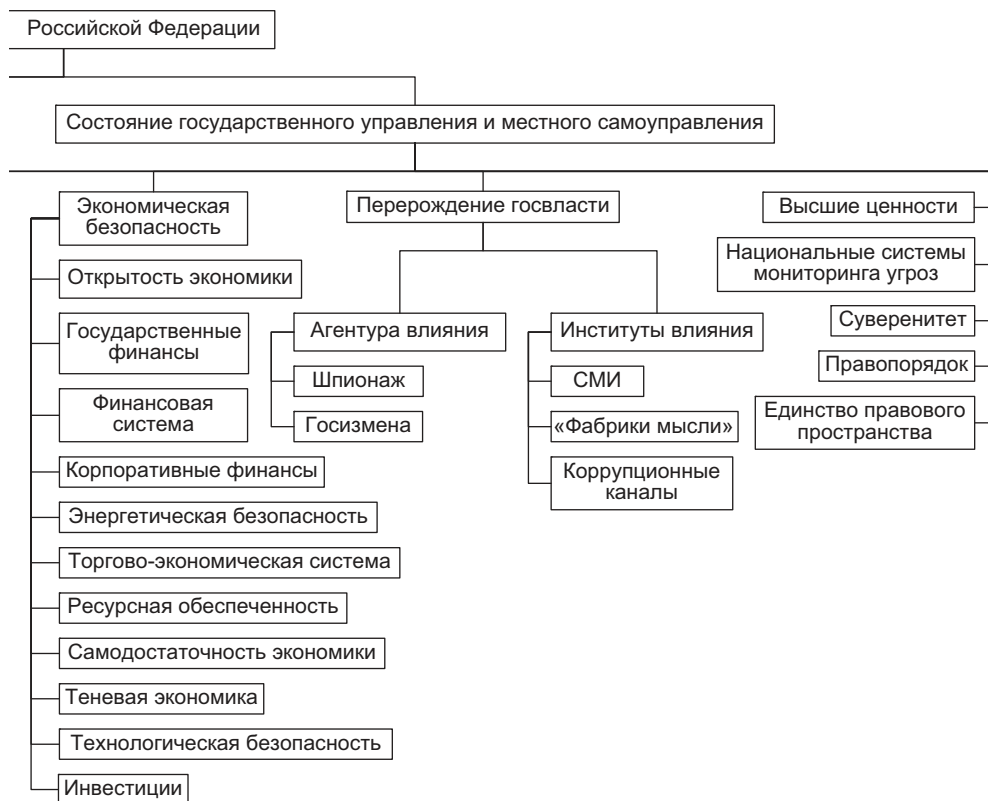

России в сфере безопасности

Рис. 2.1.173 (продолжение). Факторное дерево

жизнеспособности России в сфере безопасности

Рис. 2.1.173 (окончание). Факторное дерево жизнеспособности России в сфере безопасности

2.1.9. Внешнеполитическая судьба России

Внешняя политика страны является чрезвычайно важным фактором жизнеспособности страны, поскольку ориентирует ее во внешней среде, чаще всего в истории выступающей, как враждебная для государства. Особенно увеличивается значение внешнеполитического фактора в условиях глобализации, когда внешние связи государства обеспечивают благоприятный климат для инвестиций, торговых связей, миграционных потоков, а также безопасности страны.

Начало изучения внешней политики государства как научного предмета непосредственно связано со становлением международных отношений как самостоятельной научной области с момента ее институционализации, пусть и символического, в 1919 г.²⁸⁸ Но и задолго до этого внешняя политика государства изучалась в рамках исторических дисциплин²⁸⁹.

Однако, несмотря на значительный багаж знаний, накопленный в этой области, до сих пор нет четкой ясности, какими именно факторами определяется эффективность внешней политики России. Целесообразно поэтому выявление и верификация тех факторов-потенциалов эффективности внешней политики, которые оказывают непосредственное влияние на жизнеспособность государства. Продуманное государственное воздействие на них является значимым для устойчивого развития России.

Следует отметить, что в качестве исходной гипотезы авторы принимают тезис об идентичности внешнеполитического развития страны, которое зависит от таких характеристик, как природно-климатические условия территории, ментальность народонаселения и традиции государственного управления, геополитическое окружение и позиция. Эта «предначертанность», образно отраженная в заголовке раздела как «внешнеполитическая судьба», имеет прямое отношение к цивилизационной специфике России. Будучи самобытной цивилизацией, страна, если она желает сохранить свой цивилизационный код к выживанию, должна проводить самостоятельную и эффективную внешнюю политику, препятствующую развитию на мировой арене любых процессов, представляющих угрозу цивилизационной идентичности государства.

Под **внешней политикой страны** авторы понимают государственно-управленческую деятельность по реализации национальных интересов страны на мировой арене несилowymi (дипломатическими) методами.

Национальные интересы страны — это государственно-управленческое целеполагание во имя максимизации жизнеспособности страны, вы-

---

²⁸⁸ Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов. Статья // Международные отношения: Социологические подходы. Монография / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998. С. 222–239.

²⁸⁹ Лебедева М.М. Внешняя политика: Исчезновение или перезагрузка? Статья // Внешняя политика: Вопросы теории и практики. Монография / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2009. С. 32–42.

зывающее к жизни военно-силовые и специальные, дипломатические, экономические, культурные, диаспорные, информационные, языковые, религиозные и другие действия по ее достижению.

Авторское определение национальных интересов скорее вызовет вопросы, но с ним легко «сжиться», если по-серьезному определить интересы как таковые, понимая, что они всегда субъектны.

Интересы — это психологическое состояние субъекта действий (например, человека), подвигающее его на действия во имя реализации неких потребностей.

Если же субъект — страна, то ее «психологическое» состояние — это, конечно, целеполагание и целеустремленность. А цель, как это утверждается всем настоящим исследованием, — это жизнеспособность страны. Все остальное ей только подчинено. Аналог и носитель субъектности в этом случае — это государственная власть и в определенной степени общество, массовое сознание.

Как уже отмечалось выше, внешняя политика, проводимая государством, опирается на ряд устойчивых характеристик, определяющих существенные признаки страны (территорию, народонаселение и государственное управление). В то же время от эффективности внешней политики зависит не только общее качество государственного управления в стране, но она также оказывает влияние на размер территории, так как пространственная экспансия в первую очередь определяется внешнеполитической стратегией, выбранной страной в тот или иной период ее развития (рис. 2.1.174).

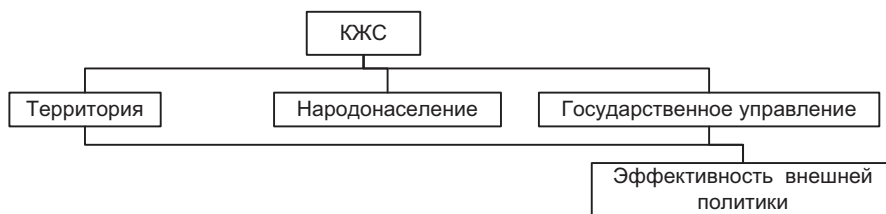

Рис. 2.1.174. Топология связи эффективности внешней политики с жизнеспособностью страны

В то же время внешняя (международная, дипломатическая) политика является довольно значимым фактором КЖС (рис. 2.1.175).

При этом разбивка по историческим периодам наглядно демонстрирует, что влияние дипломатии на КЖС со временем только усиливается (рис. 2.1.176), что, по всей вероятности, объясняется возрастанием роли несилового фактора (*soft power*) в мировой политике, связанного в том числе с интенсификацией процесса глобализации.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

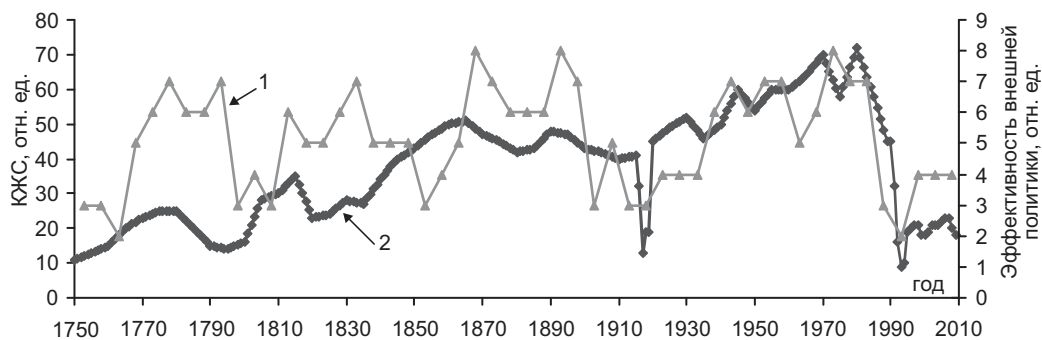

Рис. 2.1.175. Сопоставление исторической динамики эффективности внешней политики²⁹⁰ (1) и КЖС (2)

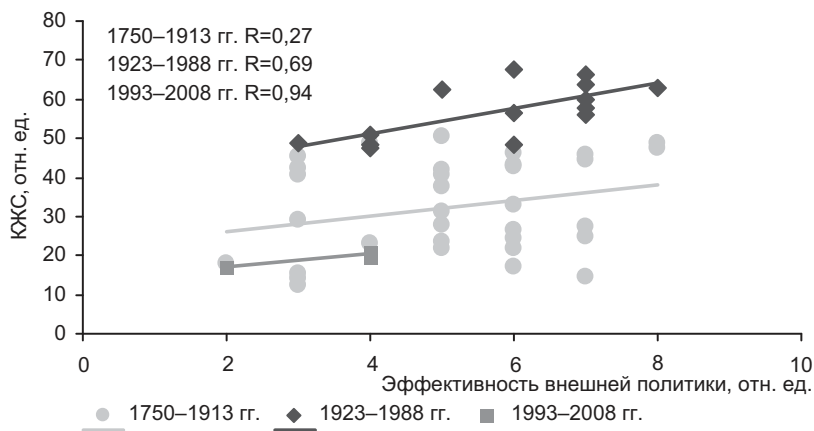

Рис. 2.1.176. Регрессионная связь эффективности внешней политики и КЖС

Безусловно, возрастание роли дипломатии следует учитывать при стратегическом планировании развития страны. При этом необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что увеличение эффективности внешней политики оказывает непосредственный эффект на КЖС (рис. 2.1.177) (в пределах от -50 до $+50$ лет максимальная связь возникает при отсутствии временного лага). Это означает возможность быстрого повышения КЖС путем увеличения эффективности внешней политики.

Среди основных факторов, непосредственно влияющих на эффективность внешней политики, авторами выделены четыре фактора-потенциала первого уровня. Это эффективность стратегического планирования, независимость при принятии внешнеполитических решений, геополитическая специфика страны и состояние кадрового потенциала внешнеполитических ведомств (рис. 2.1.178).

²⁹⁰ Данные экспертных опросов.

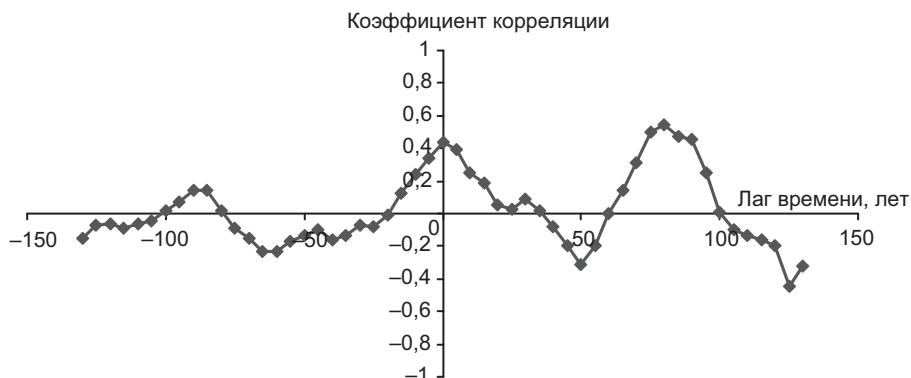

Рис. 2.1.177. Коэффициент корреляции эффективности внешней политики и КЖС с временным лагом

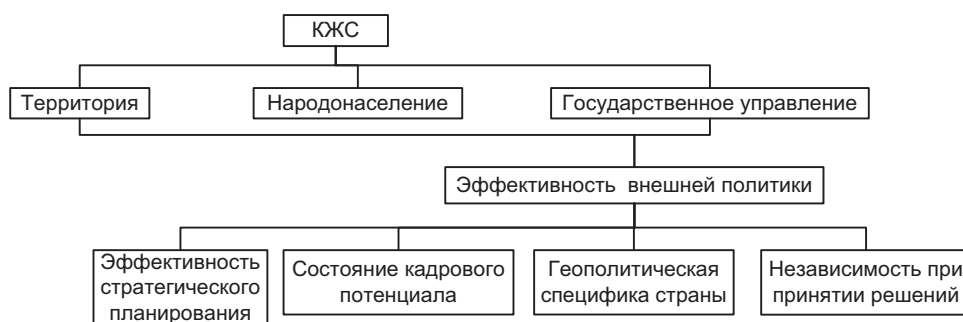

Рис. 2.1.178. Топология связи факторов-потенциалов эффективности внешней политики с КЖС

Эффективность стратегического планирования

Вся система современных международных отношений характеризуется высокой подвижностью и стремительными переменами. «В такой системе выигрывают те государства, которые способны мгновенно реагировать на происходящие изменения, быстро адаптироваться к новым требованиям, осваивать постоянно возникающие все новые и новые «правила игры», соизмеряя цели и имеющиеся ресурсы, искусно используя свои экономические, политические, военные, технологические, информационные и интеллектуальные возможности»²⁹¹.

Неудивительно, что вопрос о стратегическом планировании внешней политики является одним из главных при разработке ориентиров внешнеполитической деятельности (рис. 2.1.179).

²⁹¹ Кортунов С. О механизме принятия внешнеполитических решений. Статья // Вестник аналитики. 2004. Вып. 3 (17).С. 25.

Рис. 2.1.179. Топология связи управляемых параметров государственного управления с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Под процессом планирования внешней политики обычно понимают перспективную разработку конкретных действий на международной арене²⁹².

Прагматичная внешняя политика государства, построенная в соответствии с четко сформулированными интересами, позволяет максимально динамично менять направления и степень развития международных контактов, учитывая постоянно меняющуюся конъюнктуру.

Очевидно, что для этого государству требуется иметь высокоэффективный механизм планирования.

Наличие эффективных механизмов планирования

Среди основных признаков такого механизма подготовки, принятия и выполнения решений по стратегическим вопросам международной деятельности можно выделить два основных: опору на глубокую аналитику и экспертизу правительственных и неправительственных научно-исследовательских центров и коллегиальный характер принятия решений (за исключением военного времени).

Если первый пункт не вызывает сомнений с учетом сложности процесса внешнеполитического планирования, то касательно второго следует подчеркнуть, что коллегиальность при подготовке решений в сфере управления международной деятельностью характерна для государств в целом, независимо от культурно-цивилизационных различий, их геополитического, геостратегического и геоэкономического положения. «Это обстоятельство обусловлено в первую очередь тем, что, по сути, любая международная проблема — комплексна в своей основе. Как правило, она имеет взаимоза-

²⁹² Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ, изд-во «Союз», 1997. С. 165.

висимые военно-политическую, экономико-финансовую, социальную, дипломатическую и другие составляющие и, соответственно, последствия как временного, так и длительного характера»²⁹³.

Отметим, что соответствующий указанным выше признакам механизм планирования уже существовал в истории России. Речь идет о так называемой «пятерке» при ЦК КПСС с участием в ней представителей МИДа, Минобороны, КГБ и Комиссии Совмина СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК). Эта межведомственная комиссия готовила проекты решений руководства страны по основным вопросам национальной безопасности и внешней политики. Во многом благодаря этому механизму СССР добился значительных успехов в сфере ограничения ядерных вооружений и других видов оружия массового уничтожения, а также обычных вооружений в Европе²⁹⁴.

Существует подобный механизм и в современной управленческой практике США. В XX в. именно США отличались самой динамичной внешней политикой и именно Америка вышла победителем из глобального противостояния холодной войны.

Что касается современного координационного механизма в России по вопросам внешней политики, то управленческие дефициты достаточно очевидны при сравнении с более успешными примерами (табл. 2.1.21²⁹⁵).

Таблица 2.1.21

Координационный механизм принятия внешнеполитических решений

	США	СССР	РФ
Координационный орган	Совет национальной безопасности (СНБ) под непосредственным руководством президента США	Межведомственная комиссия («пятерка») при ЦК КПСС	Формально вопросы координации возложены на МИД России. Фактически — механизм отсутствует
Структура	Многоуровневая. Ядро СНБ (президент, госсекретарь, советник президента по национальной безопасности, глава Пентагона, председатель объединенного комитета начальников штабов и директор ЦРУ) + межведомственные комиссии	Многоуровневая. Эксперты, руководители среднего и высшего звена МИДа, Минобороны, КГБ, Комиссии Совмина СССР по военно-промышленным вопросам	Фактически отсутствует

²⁹³ Кортунов С. О механизме принятия внешнеполитических решений. С. 29.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

Наличие достоверной информации

Очевидно, что для эффективного планирования внешнеполитического развития государству необходимо располагать достоверной информацией о том, какие процессы происходят на мировой арене, а также о перспективных и текущих планах и намерениях других акторов международных отношений.

Наличие достоверной внешнеполитической информации определяется, в первую очередь, эффективным функционированием внешних информационных каналов страны, важнейшим из которых является разведка.

Несмотря на то, что дипломаты на протяжении веков занимались разведывательной деятельностью в странах своего пребывания, функция информационного обеспечения руководства страны сведениями о внешнеполитических целях других стран получила организационное оформление только в 1947–1953 гг., в ходе реорганизации службы внешней разведки. Постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1947 г. был создан Комитет информации при Совмине СССР, предназначенный для решения вопросов политической, военной и научно-технической разведки. Он объединил Первое управление Министерства государственной безопасности (внешняя разведка), созданное в марте 1946 г., и Главное разведывательное управление Генштаба Советской Армии, став «ответом Сталина на создание ЦРУ»²⁹⁶.

Впоследствии конкретная структура отдела не раз подвергалась реорганизации и, тем не менее, «обеспечение Президента Российской Федерации, Федерального Собрания и Правительства разведывательной информацией, необходимой им для принятия решений в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической областях»²⁹⁷, до сих пор является первой и главной целью Службы внешней разведки Российской Федерации (СВР России).

Руководители Службы внешней разведки несут персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за достоверность, объективность разведывательной информации и своевременность ее представления²⁹⁸.

Однако, по объективным причинам, доступ к сведениям, позволяющим сделать оценку деятельности Службы внешней разведки, крайне затруднен, особенно если речь идет о современности. Единственным общедоступным источником информации оказываются в данном случае публичные выступления начальников Службы или мемуары вышедших на пенсию сотрудников СВР.

---

²⁹⁶ Карих М. Комитет информации — наш ответ ЦРУ. Статья // Военно-промышленный курьер. 2009. 15 апреля // <<http://svr.gov.ru/smi/2009/vpk20090415.htm>>.

²⁹⁷ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // СЗ РФ, 1996, № 3, ст. 143.

²⁹⁸ Служба внешней разведки СССР. Статья <http://ru.wikipedia.org/wiki/Служба_внешней_разведки_Российской_Федерации>.

Обобщая такого рода косвенную информацию, можно сделать вывод, что российская разведка оказалась не подготовленной к быстрому развалу СССР и понесла невосполнимые потери в начале 1990-х гг. прошлого века. Как пишет экс-разведчик Борис Гигорьев, «когда с легкой руки Главного Перестройщика в стране наступила чехарда... для Службы наступили самые черные времена с момента ее основания: народ повалил из нее валом... Потери были огромные и невосполнимые»²⁹⁹.

С другой стороны, хотя потенциал СВР оказался подорванным, он не был уничтожен. Тот же автор указывает, что «такой нелегальной службы, которой в настоящее время располагает российская разведка СВР, насколько мне известно, не было и нет ни в одной службе мира»³⁰⁰. Нет повода сомневаться и в словах бывшего директора СВР генерал-полковника С.Н. Лебедева, который, отвечая на вопросы журналиста «Российской газеты», в декабре 2002 г. подчеркнул: «Наши успехи трудно исчислить деньгами. Чем можно измерить правильное политическое или экономическое решение, в основе которого лежит своевременная достоверная информация?.. Добавлю, что прибыль, которую дает разведка, достаточна для содержания десятка служб, аналогичных нашей. Нас считают довольно эффективной разведкой»³⁰¹. Однако очевидно, что этой информации недостаточно для того, чтобы свести фактор информированности субъектов, ответственных за принятие внешнеполитических решений, к набору управляемых параметров.

Глубина планирования

Несмотря на чрезвычайную нелинейность развития мировой политики и влияние множества государственных и негосударственных акторов, чья реакция в разных ситуациях непредсказуема, долгосрочная концепция внешней политики государства становится возможной лишь при наличии четко сформулированных национальных интересов страны³⁰², не зависящих от внешнеполитической конъюнктуры. Прекрасным примером такого планирования является неизменное высказывание британских премьер-министров — от У. Пита старшего до У. Черчилля: «У моей страны нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы»³⁰³.

²⁹⁹ Григорьев Б. Повседневная жизнь советского разведчика. Соч. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 466–467.

³⁰⁰ Там же. С. 218.

³⁰¹ Лебедев С.Н. С кем пойдем в разведку? Статья // <<http://www.dosye.ru/archiv/rg201202.php>>.

³⁰² Русское понятие «национальный интерес» не совсем верно отражает значение термина. С европейских языков (англ. — *national interest*; ит. — *ragion di Stato*; фр. — *raison d'État*; нем. — *Staatsräson*) более верным был бы перевод термина как «государственный интерес», «интерес государства».

³⁰³ Подробнее о происхождении и употреблении фразы см.: У Англии нет вечных врагов и вечных друзей, но есть вечные интересы (Дизраэли) // <<http://www.mer-maids.com/publisher/article/72/u-anglii-net-vechnykh-vragov-i-vechnykh-druzei-no-est-vechnye-interesy-dizraeli>>.

Можно утверждать, что все современные государства руководствуются в своей политике национальными (т. е. государственными) интересами. В то же время в истории государственные интересы определялись множеством факторов: динамикой развития в определенный период, геополитическим положением, протяженностью границ, залежами полезных ископаемых и т. п.

Концептуальные основы внешней политики, фиксирующие национальные интересы государства, могут служить отправной точкой в оценке эффективности использования потенциала международного влияния. «По меньшей мере, концептуальные документы задают основные цели и приоритеты, а также средства их реализации, очерчивают актуальные и потенциальные вызовы и угрозы. Это дает основание соотносить их с событийным рядом внешней политики страны, а также использовать в качестве критериев оценки ее эффективности»³⁰⁴.

К числу основных концептуальных документов, на которых базируется внешняя политика, относится Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная 12 июля 2008 г. Однако, несмотря на высокие оценки, которая получила Концепция из уст отечественных кадровых дипломатов³⁰⁵, очевидно, что текст Концепции не является управленческим документом. Так, основные цели внешней политики России, сформулированные в Концепции, не сведены до уровня задач и технологически разрешимых проблем в рамках конкретного периода, не определен и сам период, в рамках которого эта концепция является определяющей.

С учетом того, что Концепция 2008 года является развитием и дополнением Концепции 2000 года, которая в ряде положений пересекается с Концепцией 1993 года³⁰⁶, средний «срок жизни» Концепции внешней политики, а значит и потолок планирования, ограничен 7–8 годами. Означает ли это, что за прошедшие с 1993 г. 15 лет уже трижды коренным образом изменились национальные интересы страны или международная обстановка?

Государственное финансирование внешней политики

Несмотря на то, что финансирование является важным фактором эффективности внешней политики страны, определить объемы средств, выделяемых бюджетом страны на международную деятельность, не так уж просто.

Во-первых, курс страны на международной арене складывается из огромного количества самых разнообразных процессов и факторов, оценить которые в материальном выражении крайне сложно.

³⁰⁴ Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008 — начало 2009 года). Монография / Под общ. ред. А. Мельвиля. М.: МГИМО, 2009. С. 119.

³⁰⁵ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2008 году. Обзор МИД России. Март 2009 // По материалам сайта <<http://regionica.narod.ru>>.

³⁰⁶ Следует отметить, что в Концепции 2000 года указывается, что некоторые расчеты, изложенные в документе 1993 г., не оправдались.

Во-вторых, многие статьи федерального бюджета Российской Федерации, имеющие отношение к внешней политике, либо носят слишком общий характер, либо и вовсе засекречены. Сильно различается степень полноты данных по разным направлениям³⁰⁷.

В-третьих, в параметры федерального бюджета не включены дополнительные доходы, которые российские загранучреждения получают от разрешенных видов деятельности. Они увеличивают рассматриваемый бюджет внешней политики на неизвестную сумму³⁰⁸.

В результате все данные о затратах на внешнюю политику, которые удастся найти, имеют весьма специфическую форму, и корреляционный анализ влияния доли расходов на международную политику в бюджете на КЖС приводит к абсурдному результату, говорящему об отрицательной направленности связи (рис. 2.1.180 и 2.1.181).

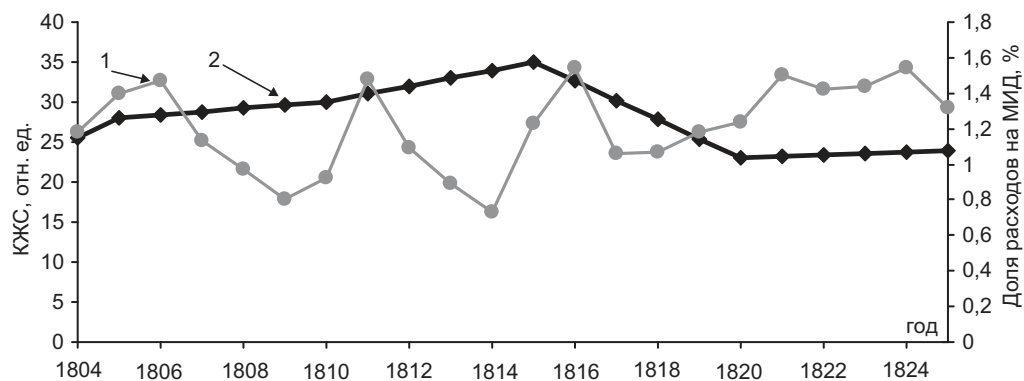

Рис. 2.1.180. Сопоставление исторической динамики доли расходов на МИД³⁰⁹ (1) и КЖС (2), $R = -0,48$

³⁰⁷ В функциональном распределении расходов такая статья, как «внешняя политика» отсутствует. В основном она финансируется из подраздела «международные отношения и международное сотрудничество» (до 2005 г. — «международное сотрудничество»), который входит в раздел «общегосударственные расходы». Однако по этой же статье проходятся заграничные командировки и международные контакты всех госструктур — например Счетной палаты, Федеральной службы по тарифам, Министерства регионального развития и др. Таким образом, по функциональной классификации ассигнования на внешнюю политику и дипломатию «растворены» в других расходах.

³⁰⁸ Сафранчук И.А. Аудит российской внешней политики. Статья // Россия в глобальной политике. № 6, ноябрь — декабрь 2006 // <<http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6693.html>>.

³⁰⁹ База данных — Eighteenth-century and Early Nineteenth-century Russia (ESFDB) // Supplied by the Project Director, Professor Richard Bonney, drawing upon Kahan A. The plow, the hammer and the knot. An economic history of eighteenth-century Russia. Ed. R. Hellie (Chicago and London, 1985) and Khromov P. A., Ekonomicheskoe razvitie Rossii, 1800–1917 (Moscow, 1950) // <<http://www.le.ac.uk/hi/bon/ESFDB/RUSSIA/russia.html>>.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

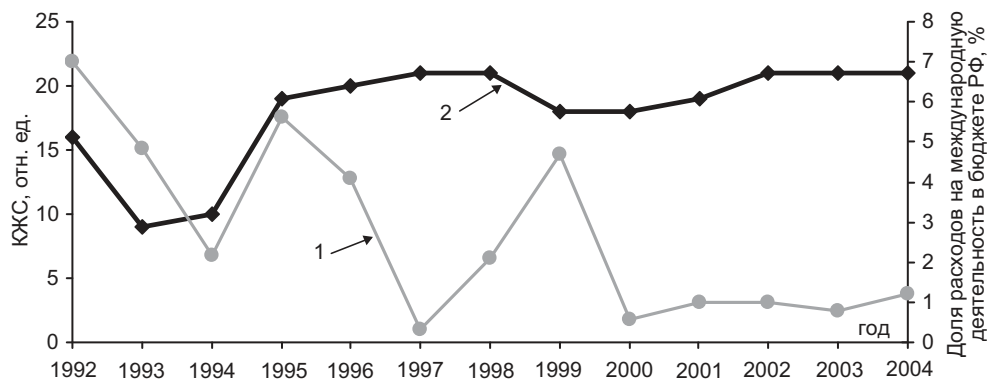

Рис. 2.1.181. Сопоставление исторической динамики доли расходов на международную деятельность в консолидированном бюджете РФ³¹⁰ (1) и КЖС (2)

С учетом оговорки о неясности и непрозрачности процесса бюджетирования внешней политики в РФ, тем не менее, важно сделать сопоставление с другими экономиками. В качестве примера сошлемся на подсчеты С. Кортунова³¹¹ (рис. 2.1.182).

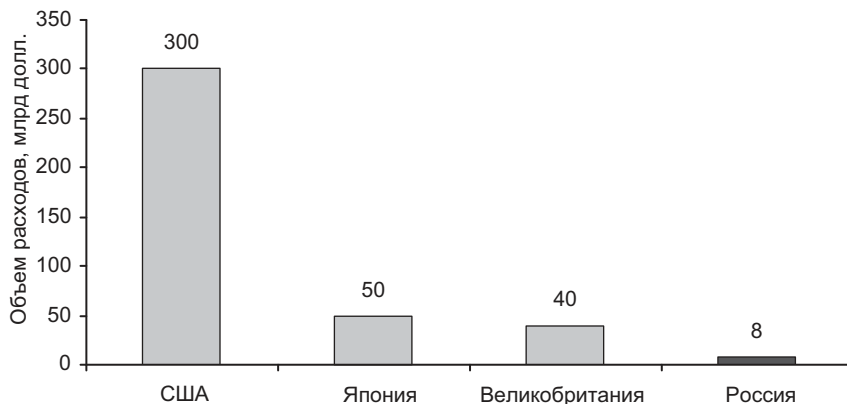

Рис. 2.1.182. Расходы бюджета на внешнеполитическую деятельность по странам

Выводы из этого сопоставления вытекают совершенно понятные.

³¹⁰ Данные Росстата.

³¹¹ Кортунов С. О механизме принятия внешнеполитических решений. Статья // Вестник аналитики. 2004. Вып. 3 (17). С. 37.

Состояние кадрового потенциала

Профессиональные кадры в области дипломатии и международных отношений являются необходимым элементом достижения могущества государства. Однако следует заметить, что численность и профессионализм кадров сами по себе не могут восполнить отсутствие четко сформулированных национальных интересов или пассивность внешней политики государства (рис. 2.1.183).

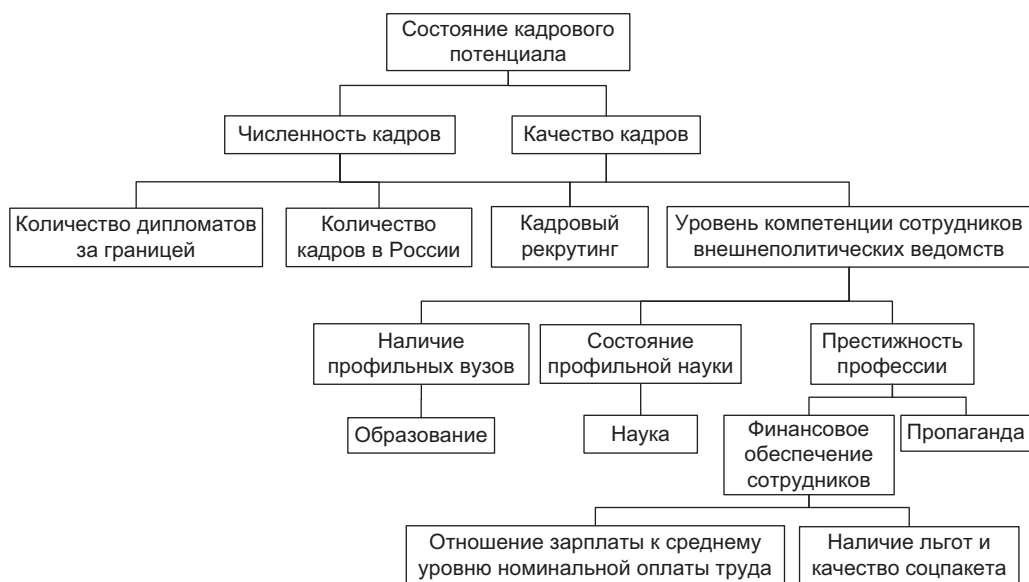

Рис. 2.1.183. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Численность кадров не является значимым фактором для КЖС. С одной стороны, число дипломатов (в абсолютном выражении) во всех странах на протяжении истории имеет четкую тенденцию к росту в связи с расширением ареала дипломатических связей и усложнением системы международных отношений (рис. 2.1.184).

С другой стороны, в истории России были периоды, когда число дипломатов резко сокращалось, что в целом не оказывало негативного влияния на эффективность внешней политики страны. Так, после революции 1917 г. штат НКВД составлял всего 125 человек, в 1918 г. — 340, в 1920 г. — 268, и лишь в 1921 г. перевалил за тысячу человек, составив 1217 сотрудников³¹². И в то же время столь незначительному персоналу за счет усиленной много-часовой работы (по воспоминаниям очевидцев, у некоторых рабочий день

³¹² Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: Монография. В 3 т. Т. 1 / Отв. ред. Сахаров А.Н. Б/м., 2002.

длился порой 24 часа в сутки) удалось добиться значительного успеха в деле защиты национальных интересов молодого государства на внешнеполитической арене.

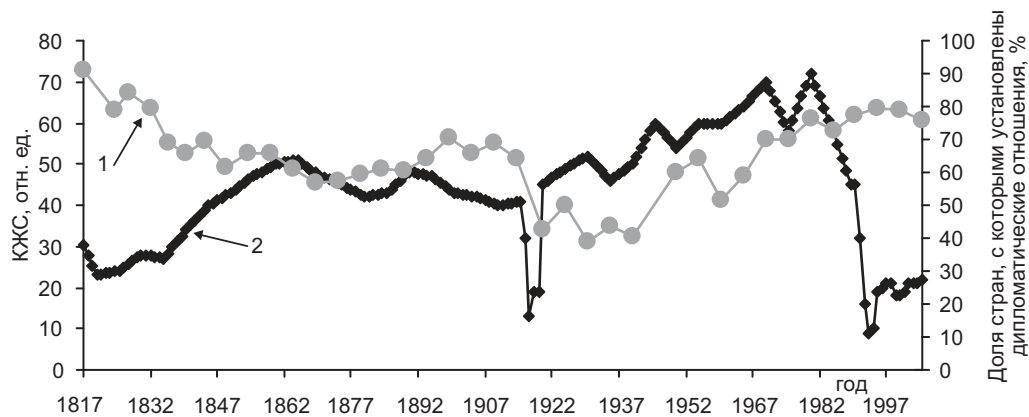

Рис. 2.1.184. Сопоставление исторической динамики доли стран, с которыми у России установлены дипломатические отношения³¹³ (1), и КЖС (2)

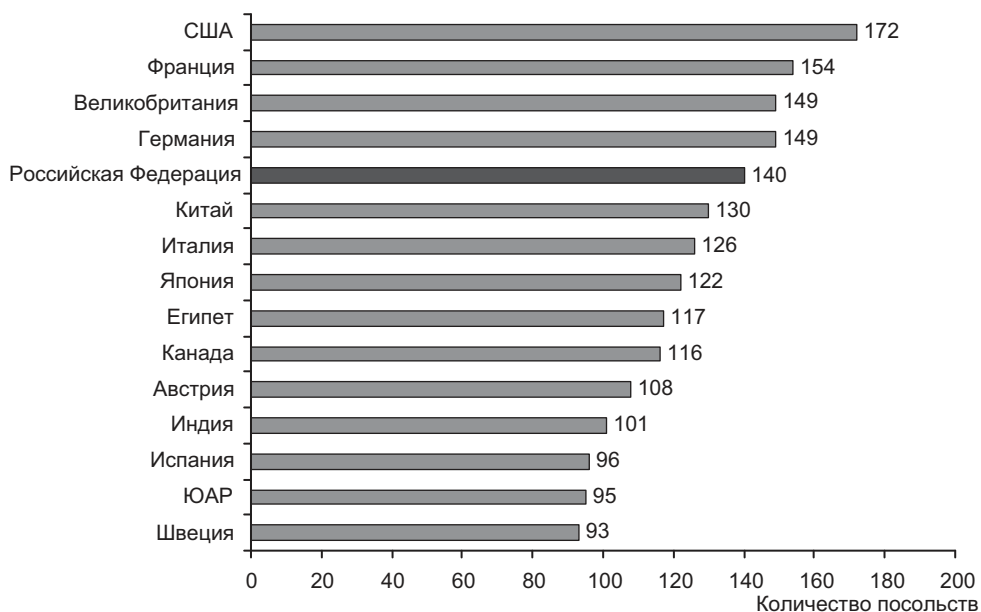
Тем не менее очевидно, что приведенный выше пример характеризует экстремальную ситуацию, и для нормального функционирования внешнеполитического ведомства численность кадров должна соответствовать объему задач, поставленному перед Министерством иностранных дел. Так, в настоящее время в системе МИД, включающей региональные и функциональные подразделения, представительства и консульства за рубежом, сотрудников в международных организациях, а также подведомственные предприятия, работают около 10 тыс. человек. Загранаппарат министерства насчитывает более 140 посольств и, по меньшей мере, 76 генконсульств. Российских дипломатов за границей трудится около 2,5 тыс.³¹⁴

Такое число дипломатов обусловлено не только сложностью современной системы международных связей, но и масштабностью российских внешнеполитических установок (поддержание статуса великой державы) (рис. 2.1.185).

Следует четко разделять теорию и практику международных отношений. Практическая дипломатия и теоретические аспекты внешней политики государства и международных отношений в целом — разные направления деятельности. Исследовательские страноведческие, регионоведческие и политологические центры готовят кадры для создания теоретической базы.

³¹³ Данные: Bayer R. 2006. Diplomatic Exchange Data set. V. 2006.1 // <<http://correlatesofwar.org>>; подсчеты Центра.

³¹⁴ Гулия К. Голуби МИДа. Статья // Коммерсантъ Деньги. № 5 (710) от 09.02.2009 // <<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1108422>>.

Источник : Europa World Yearbook, London: Europa Publications, Ltd.

Рис. 2.1.185. Количество посольств иностранных государств в стране

Специальные учебные заведения при МИД РФ — дипломатов-практиков, которые защищают национальные интересы России, пользуясь полученными теоретическими знаниями. По количеству и качеству учебных заведений и исследовательских институтов, занимающихся проблемами мировой политики и международных отношений, можно судить об активности внешней политики государства (табл. 2.1.22)³¹⁵. Бесспорным лидером в области теоретических разработок международных отношений и подготовки кадров в настоящее время являются США. Это позволяет говорить о том, что в настоящее время именно США являются законодателем мод, «хозяйном дискурса» в этой области. Фактически создание мощнейших исследовательских центров, организация международных конференций и издание журналов позволяет США почти единолично контролировать большинство новых веяний в этом направлении, издавать учебную литературу, готовить дипломатов для значительного количества стран³¹⁶.

³¹⁵ International Relations // <http://en.wikipedia.org/wiki/International_relations>.

³¹⁶ Такой интерес к внешнеполитической деятельности и науке о международных отношениях появился в США сравнительно недавно. В первой половине XX в. в США международными отношениями почти не занимались. Только в 40-е гг. XX в. под влиянием событий Второй мировой войны стали создаваться специальные школы и научные центры, осваивались европейские концепции, печатались работы, посвященные внешней политике США.

Всемирно признанные специальные учебные заведения, занимающиеся подготовкой специалистов в области международных отношений и профессиональных дипломатов, ассоциации, журналы (по версии APSIA³¹⁷)

Страна	Специальные учебные заведения	Члены APSIA	Специализированные журналы
США	29	21	37
Великобритания	13	3	4
Бразилия	11	0	0
Китай	3	1	0
Российская Федерация	3	2	0

Кадры для обеспечения внешней политики государства, как правило, готовятся специальными учебными заведениями на базе ведущих университетов.

Сейчас, по данным Begin Media, обучение по специальности «международные отношения» ведется более чем в 50 вузах России. Наиболее известны МГИМО, Российский университет дружбы народов (РУДН), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Московский государственный лингвистический университет. А недавно специальность «международные отношения» появилась даже в Московском инженерно-физическом институте, Международном независимом эколого-политологическом университете и Международной академии маркетинга и менеджмента (МАМАРМЕН)³¹⁸. Однако рост числа учебных заведений вовсе не свидетельствует об увеличении численности профессиональных кадров. «До сих пор выпускники МГИМО демонстрируют лучшую подготовку и составляют примерно две трети от вновь принятых на работу», — заявляет советник 1-го класса, доктор политических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО Татьяна Зонова. В самом же МГИМО базовый факультет международных отношений — не самый популярный среди абитуриентов. «В прошлом году <2008> средний конкурс на другие факультеты на бюджетной основе составил 5,9 человека на место, а на факультет международных отношений — 4,6 человека», — рассказывает чрезвычайный и полномочный посол, доктор исторических наук, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО Игорь Мелихов.

Нежелание молодежи начинать дипломатическую карьеру можно объяснить отношением к дипломатической службе, культивируемым современным российским обществом (рис. 2.1.186).

³¹⁷ APSIA — Всемирная ассоциация учебных заведений, занимающихся подготовкой специалистов в области международных отношений. См. сайт <<http://www.apsia.org>>.

³¹⁸ Гулия К. Голуби МИДа. Статья // Коммерсантъ Деньги. № 5 (710) от 09.02.2009 // <<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1108422>>.

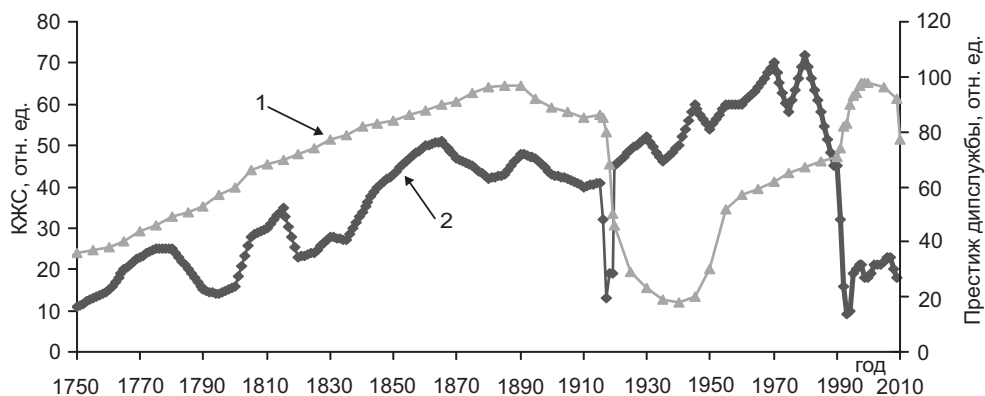

Рис. 2.1.186. Сопоставление исторической динамики престижа дипломатической службы³¹⁹ (1) и КЖС (2)

Несмотря на то что, по оценкам экспертов, с 1990 г. престижность профессии дипломата возросла, с авторской точки зрения этот рост не является нормальным поведением фактора. В частности, разбивка по периодам демонстрирует исчезновение связи между престижностью профессии дипломата и КЖС, что характерно только для Российской Федерации (рис. 2.1.187).

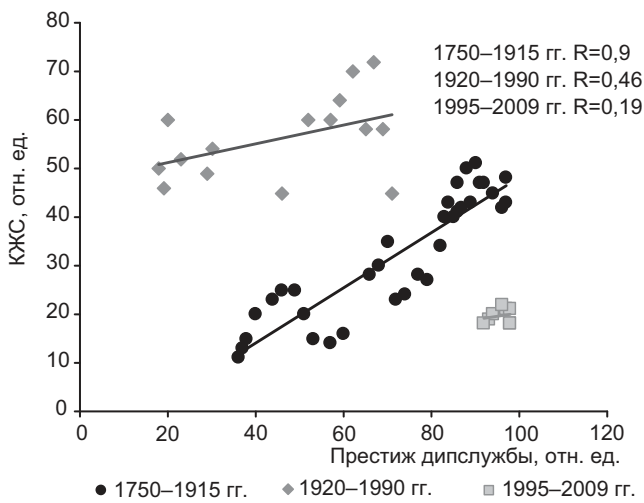

Рис. 2.1.187. Регрессионная связь престижа дипломатической службы и КЖС

В царские же времена связь была наиболее сильная ($R = 0,9$), что не удивительно: в императорской России «занимавшиеся по разным линиям внешней политикой люди были кровь от крови и плоть от плоти правяще-

³¹⁹ Данные экспертных опросов.

го социального слоя. Не наемные бюрократы, в которых сегодня хотят превратить всех госслужащих, а люди, готовые делить с властью политическую ответственность»³²⁰.

В советское время эта связь несколько ослабла ($R = 0,46$) и, тем не менее, не исчезла. Внешней политикой в СССР занималась элита, хотя ее служение государству определялось уже главным образом материальными стимулами. Работа в МИД являлась в первую очередь признаком высокого благосостояния, что часто определяло выбор молодежи с верхов социальной лестницы. Об этом можно судить даже по распространенным тогда стихам: «Простой советский дипломат, две тыщи сто рублей оклад». Помимо зарплат и льгот на родине дипслужба позволяла выезжать за границу — едва ли не высшая привилегия в условиях железного занавеса.

В современной России ситуация коренным образом изменилась. Менеджеры даже среднего звена в частном секторе стали получать больше тех, кто делал карьеру на госслужбе. И поездками за рубеж теперь никого не удивишь³²¹. Но главная проблема заключается в том, что общественно-политические интересы малочисленного правящего сословия и подавляющего большинства тех, кто призван осуществлять внешнюю политику, принципиально различаются.

Проблемы кадрового рекрутинга в МИД по большей части совпадают с теми, что характерны и для других органов власти.

На низовом уровне — требования к подготовке кандидатов то ужесточались, то, наоборот, сводились к усредненному уровню представителя пролетариата, как это произошло сразу после революции 1917 г.

Однако ситуация с высокими должностями в истории страны развивалась по иному сценарию. Начиная с советского времени и до сих пор в России допускается практика назначения отставных или провинившихся чиновников на должность посла даже в самые важные для России государства, что негативно сказывается на качестве внешней политики России³²².

³²⁰ Демури́н Михаил Васильевич — чрезвычайный и полномочный посланник II класса, член политсовета, руководитель международного управления исполкома партии «Родина» // Михаил Демури́н: внешняя политика России: от частных интересов к общенациональной платформе. Статья // <www.regnum.ru/news/591275.html> 08:00 16.02.2006>.

³²¹ Гу́лиа К. Голуби МИДа. Статья // Коммерсантъ Деньги. № 5 (710) от 09.02.2009 // <<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1108422>>.

³²² Например, должность посла в Украине на протяжении восьми лет (что противоречит практике ротации послов, принятой в МИД) занимал бывший премьер-министр В.С. Черномырдин. Во время его пребывания на должности происходит антироссийская «оранжевая революция», имидж России резко ухудшается, Украина фактически из ближайшего партнера, страны с наиболее цивилизационно близким населением превращается в едва ли не главного противника. На смену Черномырдину 05.08.2009 был назначен бывший министр здравоохранения и социального развития М.Ю. Зурабов, один из самых непопулярных российских чиновников.

Независимость при принятии внешнеполитических решений

Внешняя политика всегда должна соизмеряться с внутренней мощью государства, которая традиционно определяется состоянием ее экономики, обороноспособности и демографического потенциала, хотя, в принципе, необходимо принимать во внимание абсолютно все факторы жизнеспособности страны (рис. 2.1.188).

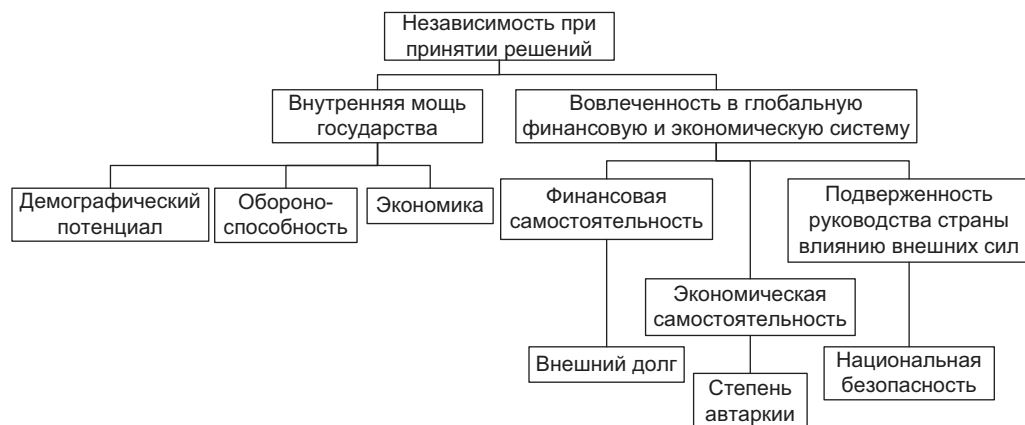

Рис. 2.1.188. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Именно хорошо продуманная и взвешенная ресурсная политика призвана обеспечить эффективность внешней политики. «Если кто-то, например, “принял решение” поехать с семьей на Багамы, имея в кармане 10 долларов, то это значит, что он никакого решения не принял, ибо не просчитал свои ресурсы»³²³.

В то же время очевидно, что незначительная внутренняя мощь страны не является препятствием для проведения активной внешней политики. Скорее наоборот, внешнеполитическая деятельность государства призвана компенсировать временную слабость страны высоким профессионализмом и дипломатическим искусством. В истории России есть немало примеров, когда ситуация развивалась именно по такому сценарию. Например, известно, что «после окончания Смуты, к времени Деулинского перемирия с Польшей, Россия была не просто слаба, она была дотла разорена и физически обескровлена. До конца XVII столетия, т. е. примерно 80 лет, Россия старалась не ввязываться в крупные затяжные войны со своими основными и наиболее сильными противниками (хотя и воевала с поляками, шведами, крымскими татарами, турками). При этом все 80 лет “вынужденной передышки” ослабленная Россия вела очень активную внешнюю политику,

³²³ Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: Стратегия избирательной вовлеченности. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 139.

что позволило ей значительно расширить размер собственной территории (табл. 2.1.23). В итоге за восемь десятилетий военно-политического “прозябания” некогда разоренная Россия накопила такой потенциал, что потом непрерывно воевала 21 год и нанесла такое поражение одной из мощнейших держав Европы — Швеции, от которого та уже никогда не смогла оправиться»³²⁴.

Таблица 2.1.23

Территориально-политическая экспансия России в XVII в.³²⁵

Территория	Год обретения	Направление от Москвы	Статус/источник территории, этапы ее обретения	Современный статус территории
Серпейский уезд	1634	запад	от Польши, согласно заключенному по итогам войны договору	Мещовский район Калужской области
Малороссия (Левобережная Украина) — Чернигов, Стародуб, Переяслав, Кодак, Запорожье, Сумы, Полтава и др.	1654	юг	от Польши (закреплено Андрусовским перемирием 1667 г. по итогам войны, позднее подтвержденным Вечным миром 1686 г.). Автономия, ликвидация автономии в 1764 г. Запорожская Сечь — совладение с Польшей в 1667–1686 гг., в Турции в 1713–1734 гг., к России с 1733–1739 г.	Черниговская, Полтавская, Сумская, Киевская области Украины, Брянская область России
Киев, Триполье	1667	юг	от Польши. Аренда согласно перемирию по итогам войны, покупка в 1686 г. согласно Вечному миру.	Киевская область Украины
Ельня	1667	запад	с 1552 г., в Польше в 1609–1667 гг., вновь в России согласно заключенному в 1667 г. по итогам войны перемирию	Ельнинский район Смоленской области

³²⁴ Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: Стратегия избирательной вовлеченности. С. 144–145.

³²⁵ Территориально-политическая экспансия России. Статья // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Территориальнополитическая_экспансия_России>.

Территория	Год обретения	Направление от Москвы	Статус/источник территории, этапы ее обретения	Современный статус территории
Южный Урал, Курган, Ишим, Прибайкалье, Якутия, побережье Охотского моря (до Шантарских островов), Колыма, Анадырь	1619–1689	восток	колонизация и добровольное вхождение	Челябинская, Курганская, Тюменская, Иркутская, Амурская, Магаданская области, Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ
Забайкалье	1680–1703	восток	колонизация и добровольное вхождение. Нерчинский договор с Китаем в 1689 г.	Забайкальский край, Республика Бурятия
Албазинское воеводство (Приамурье)	1681–1684	восток	Колонизация и добровольное вхождение. По договору с Китаем в 1689 г. частично уступлено	Амурская область, Забайкальский край, Хабаровский край, Еврейская АО, КНР

Такого рода «передышки» случались еще не один раз в истории страны. Например, после смерти Петра Великого (28 января 1725 г.) вплоть до Семилетней войны (1756–1763) или примерно 20 лет спокойствия после поражения в Крымской войне 1856 г.

Степень вовлеченности страны в глобальную экономическую и финансовую системы в первую очередь определяется тем, насколько страна способна к автаркичности и независимости в экономическом и финансовом аспектах. Российская мир-экономика в силу имеющейся ресурсной базы и сохраняющихся с советского времени инфраструктур представляет собой потенциально самодостаточную систему. Россия — единственная страна мира, принципиально способная сегодня к автаркичному существованию³²⁶. Тем не менее в последние годы именно этот важнейший потенциал России был подорван путем искусственной привязки ее к международной экономической конъюнктуре.

Причем, если говорить о финансовой зависимости, то речь в данном случае должна идти не о суверенном внешнем долге. Он, как известно, лишь в ограниченные периоды времени достигал столь значительного объема, что был способен оказывать непосредственное влияние на независимость

³²⁶ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009. С. 56.

при принятии внешнеполитических решений (например, во время кризиса 1998 г.). Понятно, что связь между динамикой этого показателя и КЖС отсутствует ($R = 0,1$) (рис. 2.1.189).

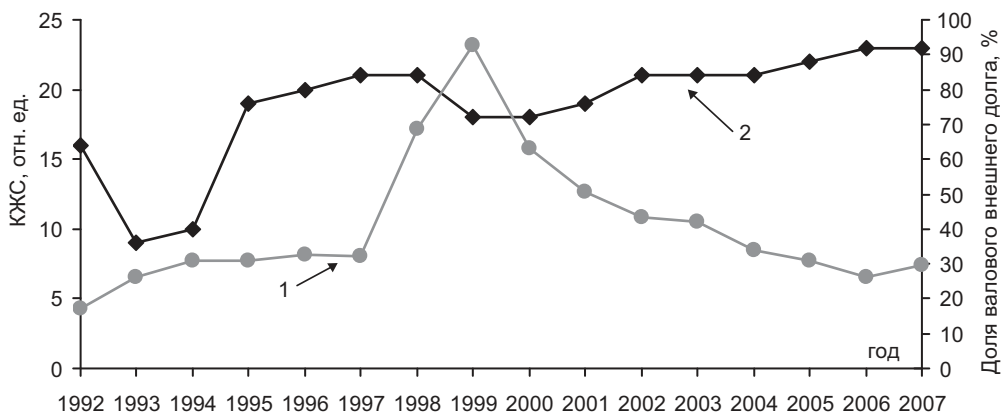

Рис. 2.1.189. Сопоставление исторической динамики доли валового внешнего долга в ВВП³²⁷ (1) и КЖС (2)

Тем более что в настоящее время размеры суверенного внешнего долга незначительны по сравнению с накопленными резервами (рис. 2.1.190).

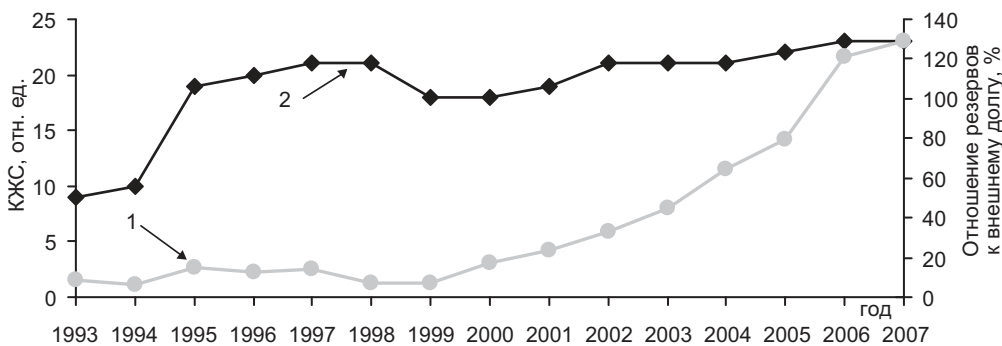

Рис. 2.1.190. Сопоставление исторической динамики отношения резервов страны к валовому внешнему долгу³²⁸ (1) и КЖС (2)

Однако финансовой независимостью страна все равно в полной мере не обладает, так как основные субъекты (предприятия и банки) российской экономики привязаны к мировому капиталу не опосредованно (через долги

³²⁷ Данные ОЭСР.

³²⁸ Там же.

правительства), а напрямую — через собственные долги крупнейшим западным банкам и финансовым институтам. Иными словами, отчисления в различные фонды (под лозунгом борьбы с инфляцией) повлекли за собой другую негативную тенденцию — демонетизацию российской экономики и, следовательно, рост внешнего долга российских компаний, что, безусловно, оказывает непосредственное влияние на характер международных связей государства в текущем периоде.

Не менее серьезные последствия для внешней политики имеет вовлеченность государства в глобальные экономические процессы, основным показателем которой может служить степень автаркии. Так, на рис. 2.1.191 очевидна антикорреляция жизнеспособности и избыточной открытости страны.

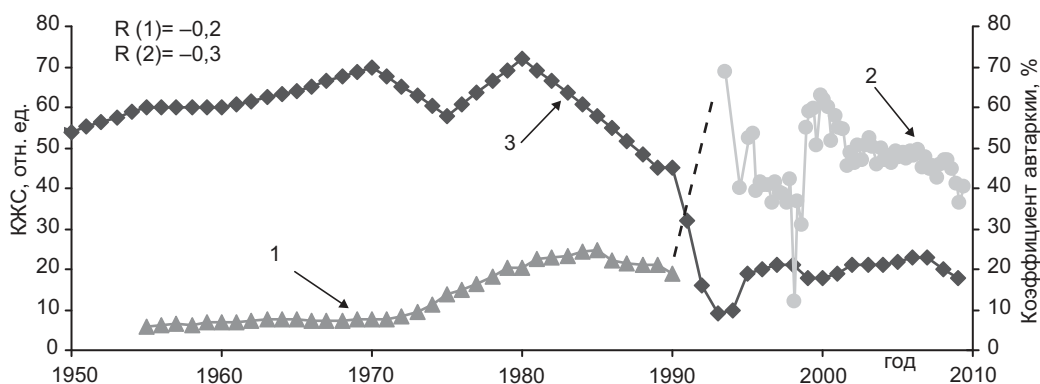

Рис. 2.1.191. Сопоставление исторической динамики коэффициента автаркии за 1958–1990 гг.³²⁹ (1), 1993–2009 гг.³³⁰ (2) и КЖС (3).

Увеличение числового значения этого параметра, с точки зрения принятия внешнеполитических решений, свидетельствует о возрастании зависимости страны от своих торговых партнеров. Важна также и страновая диверсификация внешнеторгового оборота России. Россия не раз вела крупные войны именно с теми странами, с которыми непосредственно перед этим активно торговала³³¹.

Важно отметить, что на независимость при принятии внешнеполитических решений могут влиять не только объективные факторы, такие как обозначенные выше экономическая или финансовая зависимость, но и субъективные мотивы и установки внешнеполитической элиты страны.

³²⁹ Данные Госкомстата, расчеты Центра.

³³⁰ Там же.

³³¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. С. 314–315.

Геополитическая специфика страны

Невозможно говорить о внешней политике России без учета ее геополитической специфики. Известно, что с геостратегической точки зрения Россия отождествляется с самой Евразией, совпадает с геополитическим понятием Heartland или, по Маккиндеру, с «географической осью истории». «Она объединяет евразийский Запад и евразийский Восток, являясь самостоятельным, особым геополитическим организмом — ни Востоком, ни Западом — со своей особой культурой “Срединной империи”»³³².

Учитывая значительные размеры территории, авторы исходят из гипотезы о том, что внешнюю политику России определяет не только специфика ее геополитического окружения, но и особенности так называемой «внутренней геополитики» (рис. 2.1.192), которая складывается из таких факторов, как связанность территории, ее размер, природно-климатические условия и т. д.

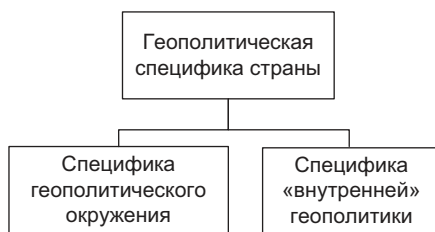

Рис. 2.1.192. Топология связи факторов-потенциалов эффективности внешней политики

Так или иначе геополитика в ее самом широком понимании оказывает существенное влияние на КЖС ($R = 0,53$) (рис. 2.1.193).

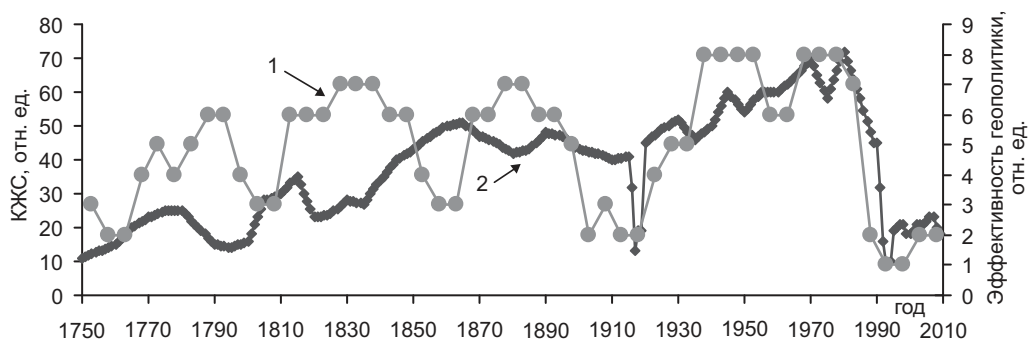

Рис. 2.1.193. Сопоставление исторической динамики эффективности геополитики³³³ (1) и КЖС (2)

³³² *Нартов Н.Н.* Геополитика. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007. С. 160.

³³³ Данные экспертных опросов.

При этом самая сильная связь характерна для современного периода (1993–2008 гг.), что, вероятнее всего, объясняется обусловленностью многих процессов, имеющих место в современной России, последствиями «крупнейшей геополитической катастрофы» в истории страны, а именно — развала Советского Союза со свойственным ему укладом жизни, структурой экономики, политической системой и характером межгосударственных связей (рис. 2.1.194). Иными словами, распад СССР спровоцировал кризис во всех перечисленных сферах, что объясняет синхронный спад обеих кривых после 1990 г.

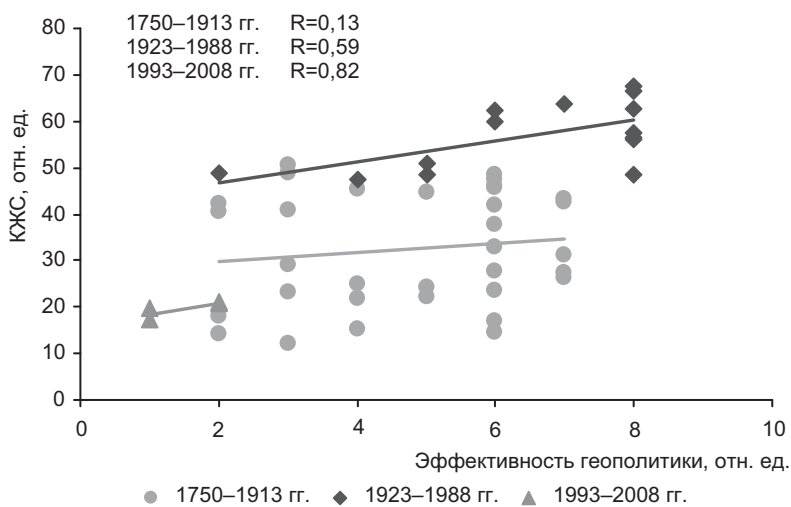

Рис. 2.1.194. Регрессионная связь КЖС и эффективности геополитики

Говоря о влиянии «внутренней геополитики» на эффективность внешней политики, авторы должны еще раз констатировать взаимозависимость внешней политики и территориальной специфики, инфраструктуры, обороноспособности и региональной политики страны (рис. 2.1.195).

В классической геополитической мысли, даже несмотря на послевоенные подходы и трактовки, Россия всегда занимала, по сути, центральное место в анализе политических отношений и их теоретическом проектировании. Характерно в связи с этим, что не только отечественные, но и зарубежные ученые прогнозировали создание разнообразных политических конфигураций с участием России в качестве ведущего (или одного из ведущих) государства на европейском и азиатском континентах. Это доказывает постоянство пространственно-политического статуса страны, обладающего особым местом во взаимосвязях мировой политики и то, что при всех вариантах расчета политического курса значение территории как географического фактора не исчезает.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

Рис. 2.1.195. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Таким образом, учет пространственно-географических факторов при разработке любых сколько-нибудь масштабных решений и проектов является константой государственного управления. Так, на приведенной ниже диаграмме (рис. 21.196) видно, что удельный вес территории Российского государства в мире образует значимую связь с КЖС ($R = 0,8$).

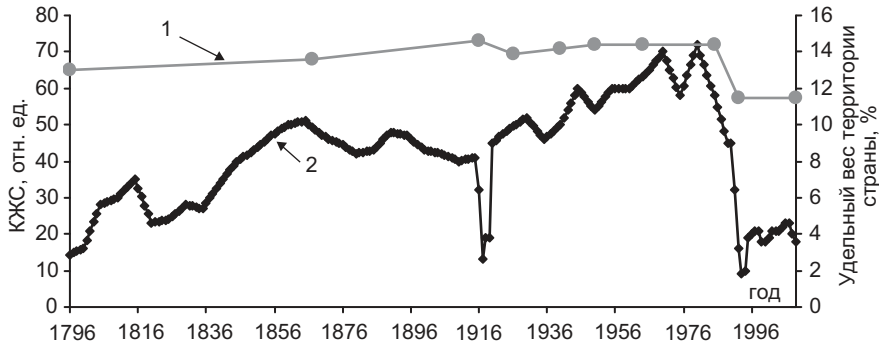

Рис. 2.1.196. Сопоставление исторической динамики удельного веса территории Российского государства в мире³³⁴ (1) и КЖС (2)

³³⁴ Расчеты авторов.

Тем не менее важно отметить, что огромные размеры страны, которые исторически несли России, а потом Советскому Союзу благо — например, во время войны, когда необъятные просторы Руси губили немало войск завоевателей, — это не только благо. С тех пор как во второй половине XX в. мировое хозяйство двинулось по пути интенсификации производства, в СССР на всю территорию просто не хватало населения. «Создание инфраструктуры, сопоставимой с европейскими стандартами, обходилось Советскому Союзу многократно дороже. Например, среднее “плечо” транспортировки грузов (топлива, различного сырья от мест добычи до переработки) в 3–5 раз длиннее, чем в США»³³⁵.

Другая немаловажная проблема связана с обустройством границы и необходимостью регулирования отношений с большим количеством приграничных государств, возникновение конфликтов в которых напрямую угрожает национальной безопасности страны, особенно в условиях глобализации, когда во много раз возрастает опасность интернационализации конфликта и подключения к нему не только миротворцев ООН, но и военного блока НАТО.

В связи с этим, увеличение количества приграничных государств, безусловно, таит в себе определенные риски и угрозы России (рис. 22.1.197).

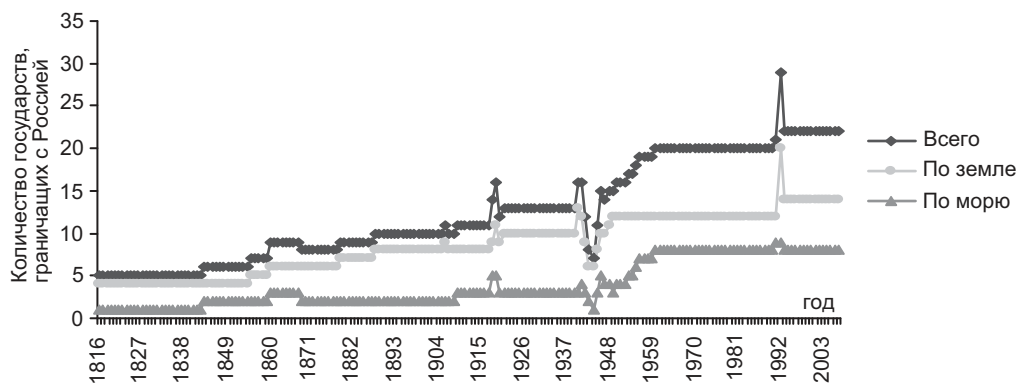

Рис. 2.1.197. Количество государств, граничащих с Россией³³⁶

Угроза интернационализации конфликтов становится особенно актуальной в условиях падения авторитета международного права. Последнее так или иначе происходит в периоды кризисов системы международных отношений, когда закрепленные юридическими актами или практикой международных отношений правила перестают соответствовать интересам основных акторов мировой политики. История показывает, что пересмот-

³³⁵ Нартов Н.Н. Геополитика. Учебное пособие. С. 165.

³³⁶ Correlates of War Project. Direct Contiguity Data, 1816–2006. Version 3.1.

ром норм международного права сопровождался периоды становления всех систем международных отношений. Это значит, что риски, связанные с силовыми сценариями решения конфликтов на границах РФ, вероятно, будут актуальны и в перспективе.

Особую ценность теоретические построения геополитики как мировоззрения обретают в разрезе российской философской и политической мысли. В этом смысле многовековые «попытки покорить пространство и время», вписав эволюционно «растянутую», территориально разнородную Россию в архитектуру мировой политики, дали весьма противоречивые результаты. «Осуществление этих (или находящихся под их воздействием) политических представлений в нашей стране всегда было сопряжено с трудностями, вызванными масштабами занимаемого государством пространства и замедленностью протекающих в них процессов, а также особым устройством политико-административных механизмов власти и управления»³³⁷.

Тем не менее на практике Россия в силу своих геополитических характеристик всегда была одним из главных субъектов международных отношений, прежде в региональном, а с начала XIX в. — и в мировом масштабе. При этом в советский период стране впервые удалось распространить свое политическое и идеологическое влияние более чем на 20 млн км² или почти на 1/6 поверхности суши. Принципиально важно, что несмотря на колоссальные усилия, которые стране приходилось затрачивать на поддержание статус-кво, корреляционный анализ (рис. 2.1.198) показывает положительную направленность связи ($R = 0,74$) между жизнеспособностью России и ее геополитической субъектностью.

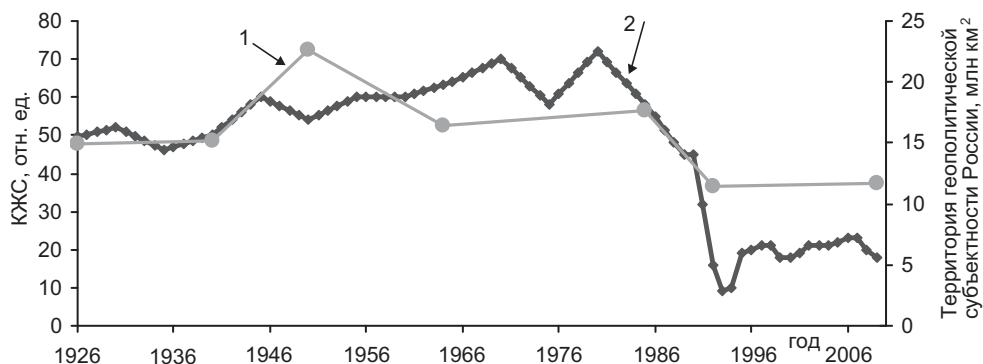

Рис. 2.198. Сопоставление исторической динамики территории геополитической субъектности России³³⁸ (1) и КЖС (2)

³³⁷ Якунин В.И. Механизм разработки геостратегий в современном Российском государстве (на примере транспортно-железнодорожной сферы): дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.

³³⁸ Расчеты Центра.

Говоря о специфике геополитического окружения России, нельзя обойти вниманием вопросы союзнических отношений (рис. 2.1.199).

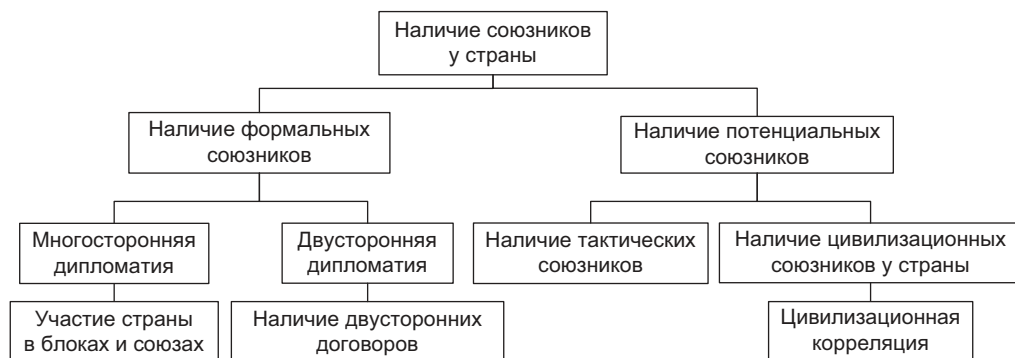

Рис. 2.1.199. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

При этом речь не столько о формальных военно-политических союзниках, т. е. независимых государствах, заключивших официальное соглашение о сотрудничестве (оказании военной или иной помощи, сохранении нейтралитета или взаимных консультациях) в случае возникновения реальной или потенциальной военной угрозы³³⁹, сколько о союзниках потенциальных, сотрудничество с которыми с учетом совпадения интересов между этими государствами может принести ощутимую выгоду обоим государствам. Причина в том, что, как свидетельствует корреляционный анализ, доля стран — формальных союзников от общего числа государств не является фактором жизнеспособности страны ($R = 0,11$) (рис. 2.1.200).

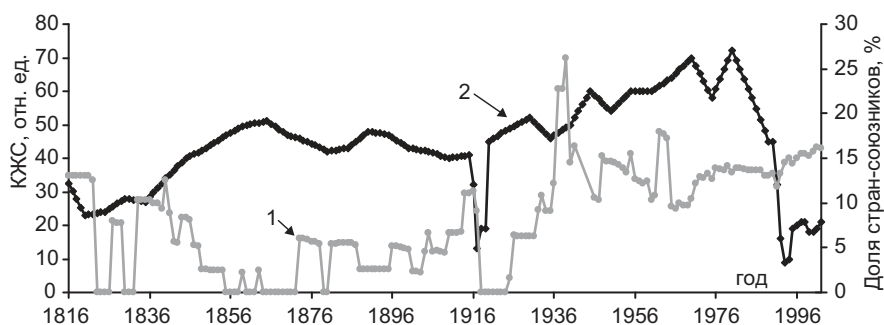

Рис. 2.1.200. Сопоставление исторической динамики доли стран-союзников в общем количестве государств³⁴⁰ (1) и КЖС (2)

³³⁹ Leeds B., Ritter S., McLaughlin S., Long A. 2002. Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944. International Interactions. P. 237–260.

³⁴⁰ Leeds B. Alliance Treaty Obligations and Provisions (ATOP) Dataset. Version 3.0. July 12, 2005.

Более того, корреляция с лагом по времени обнаружила такой вид связи, который наглядно демонстрирует, что изменения доли стран-союзников являются следствием изменения уровня жизнеспособности (рис. 2.1.201).

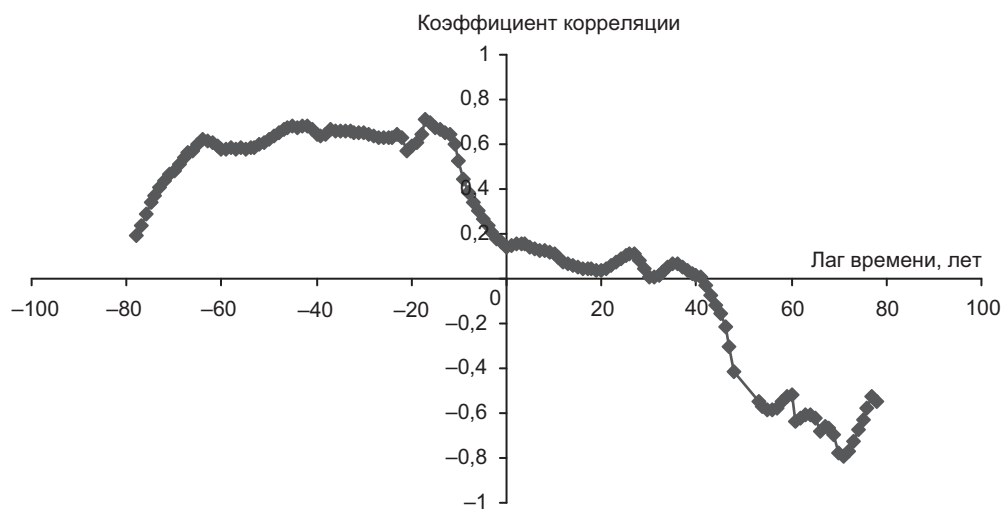

Рис. 2.1.201. Коэффициент корреляции КЖС и доли стран-союзников с временным лагом

Иными словами, это означает, что союзная политика России всегда опиралась скорее на авторитет страны, чем на нахождение каких-либо реальных общих интересов с другими государствами. Последнее, однако, не исключает наличия у других стран общих с Россией интересов на мировой арене. Эти интересы могут быть как долгосрочного характера (в таком случае союзники являются стратегическими или цивилизационными), так и краткосрочными (в этом случае союзники являются тактическими).

Авторы используют здесь понятия «стратегические» и «цивилизационные» союзники как синонимы, т. к. исходя из определения цивилизации³⁴¹, государства, относящиеся к одной цивилизации, или цивилизации, обладающие сходным ценностным кодом, заинтересованы в усилении и распространении своих ценностей-мотиваторов в мире, поскольку это способствует увеличению их жизнеспособности. Иными словами, ослабление или уничтожение какого-либо государства с неизбежностью наносит удар по его цивилизационному союзнику и наоборот.

Однако вопрос о том, какие именно страны были, являются или могли бы стать надежными стратегическими партнерами России, является одним

³⁴¹ Цивилизация — это устойчивое пространственное и временное человеческое сообщество, объединенное сходными цивилизационными ценностями-мотиваторами человеческого поведения как кодом и условием его выживания и успешности в разных природно- и социально-средовых исторических условиях.

из самых дискуссионных среди специалистов, занимающихся изучением внешней политики страны. Сложно отрицать, что нередко немаловажным мотивом, побуждающим тех или иных ученых причислять к потенциальным союзникам России определенные государства, оказываются их идеологические или иные субъективные и вкусовые представления, которые становятся еще более очевидными, когда дискуссия перетекает в политическую плоскость.

Дабы избежать субъективизма, авторы предлагают обратиться к сопоставлению цивилизационных матриц, описание которых приводится в главе 3. Цивилизация и жизнеспособность страны.

Исходя из анализа этих матриц, можно видеть, что в мире существуют цивилизации, родственные друг другу, — примером могут послужить западноевропейская и североамериканская цивилизации.

Однако Россия, на сегодняшний день *фактически отказавшаяся от собственной цивилизационной идентичности*, не имеет цивилизационных союзников, равно как не может осуществлять роль цивилизационного ядра для народов, исторически являющихся частью российской цивилизации.

Что касается тактических союзников, то здесь речь должна идти не столько о «союзниках» и «противниках», сколько об «оппонентах» и «партнерах»³⁴². Последние могут образовывать временные союзы и коалиции для решения конкретных внешнеполитических задач.

Помимо общих интересов страны-партнеры могут также обладать общей идеологией или иметь общих идеологических оппонентов. Однако очевидно, что для того, чтобы иметь возможность использовать идеологическое воздействие в дипломатии, страна должна сама обладать официально сформулированной и понятной государственной идеологией, которая должна не только существовать на бумаге, но и актуализироваться в массах посредством эффективной государственной пропаганды, а также быть частью риторики внешнеполитической элиты страны (рис. 2.1.202).

К сожалению, на сегодняшний день в стране по Конституции запрещена государственная идеология, так что «идеологический рычаг» временно бездействует. Тем не менее история России знает немало примеров, когда государственная идеология выходила на внешнеполитический уровень, обосновывая и подкрепляя аргументацию страны в пользу реализации своих национальных интересов. Рис. 2.1.203 демонстрирует корреляцию между масштабом геополитической адресации государственной идеологии (где 0 означает, что идеология отсутствует, а 7 — что она обращена ко всему миру) и КЖС.

Очевидно, что связь между двумя приведенными кривыми является довольно заметной.

³⁴² Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: Стратегия избирательной вовлеченности. С. 189.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

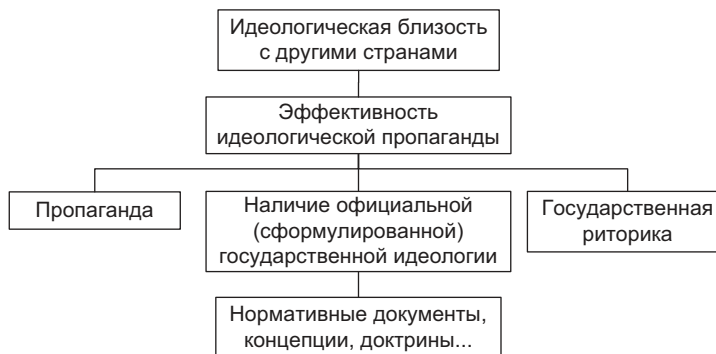

Рис. 2.1.202. Топология связи факторов-потенциалов эффективности внешней политики

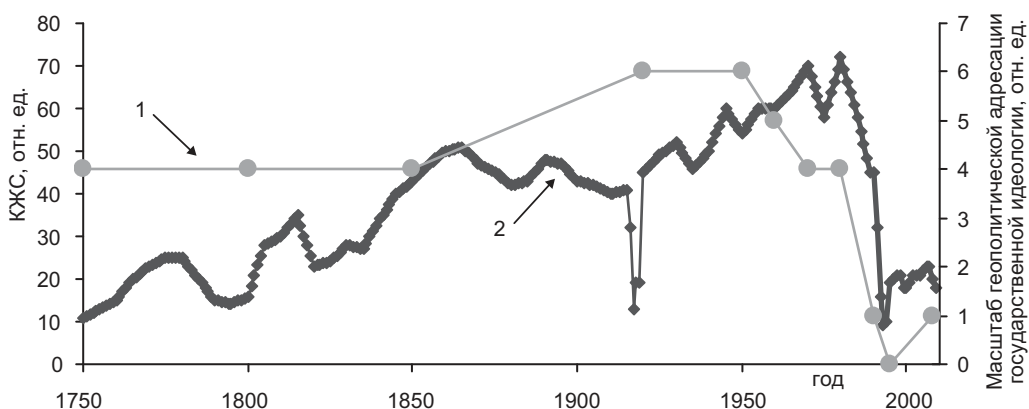

Рис. 2.1.203. Сопоставление исторической динамики масштаба геополитической адресации государственной идеологии³⁴³ (1) и КЖС (2)

Как уже отмечалось выше, другим методом, позволяющим создавать союзы и коалиции, является согласование и использование общих интересов между различными государствами. Среди наиболее важных для государства интересов, являющихся достаточным основанием для заключения внешнеполитического союза, выступают общие интересы в сфере безопасности и общие экономические интересы. В первом случае военно-стратегические союзы могут появляться в конкретный временной период, как следствие неблагоприятного воздействия внешней среды (т. е. возникновение угрозы) или как результат реализации продуманной внешнеполитической стратегии, в случае если военный союз носит наступательный характер (рис. 2.1.204).

³⁴³ Данные экспертных опросов.

Рис. 2.1.204. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Однако такие альянсы, как отмечают исследователи, являются феноменом «хрупким и недолговечным, ибо, в отличие от экономических союзов, под ними нет прочного фундамента. Роль основного цементирующего фактора играет здесь общая для государств-участников внешняя угроза»³⁴⁴.

В частности, в российской историографии бытует мнение, что страны Центральной и Восточной Европы, входившие в Организацию Варшавского договора, «...были не чем иным, как стратегическим предпольем СССР в условиях доядерного мира... Союз держался на конфронтации и потому был обречен. Не стало конфронтации — и “союз” рассыпался в одночасье, лопнул, как мыльный пузырь»³⁴⁵.

По мнению авторов, такое понимание отношений в рамках ОВД, хотя и является упрощением, тем не менее, отражает важную мысль о том, что внешнеполитические союзы, построенные на общей внешней угрозе, в случае, если страна преследует цель сделать их прочными и долговременными, следует подкреплять экономическими отношениями (рис. 2.1.205).

³⁴⁴ Шишков Ю. Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету. Статья // Pro et Contra. Сборник статей. Т. 6. № 1–2. Зима — весна 2001. С. 101.

³⁴⁵ Кортунов С.В. Современная внешняя политика России: Стратегия избирательной волеуверенности. С. 191.

2.1. Русская (российская) цивилизационная идентичность

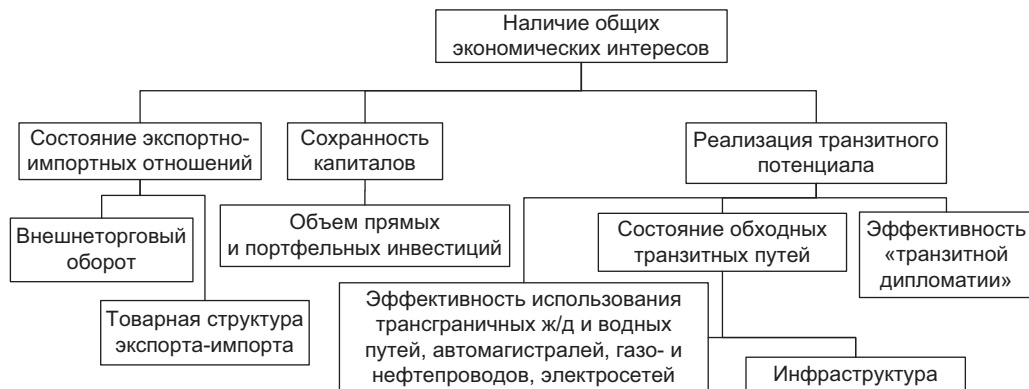

Рис. 2.1.205. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

С этой точки зрения ярким примером недалёковидной внешней политики России может служить состояние межгосударственных отношений в рамках СНГ. Широко известно, что Содружество, на пространстве которого «развитие региональной и субрегиональной интеграции» обозначено в Концепции внешней политики РФ от 12 июля 2008 г. как один из главных приоритетов развития страны, по внешнеторговому обороту с Россией в разы отстает от стран дальнего зарубежья (рис. 2.1.206).

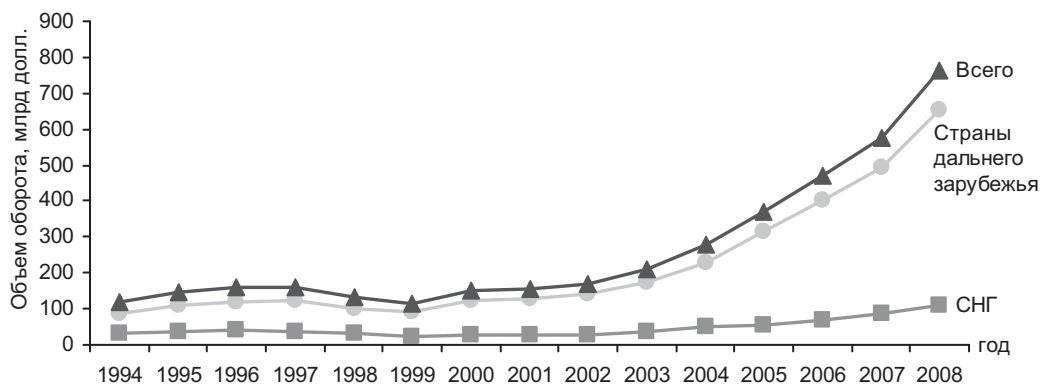

Рис. 2.1.206. Внешнеторговый оборот (по методологии платежного баланса)³⁴⁶

Следует отметить, что сложившаяся ситуация ведет не только к хрупкости такого рода межгосударственных образований, но и тянет за собой целый ряд других проблем, центральной из которых оказывается нездоровый характер экономических отношений между странами — участниками СНГ.

³⁴⁶ Данные Росстата.

Так, например, в отсутствие реальных общих экономических интересов, попытки России сплотить вокруг себя государства — члены Содружества оборачиваются иждивенческими настроениями, на основании которых выдвигаются вполне конкретные требования. Россия по политическим соображениям вынуждена подчиняться этим требованиям (в качестве примера можно привести безвозмездные субсидии в экономики Украины и Белоруссии за счет заниженных цен на нефть и газ), в то время как эти уступки не окупаются даже проявлением минимальной политической лояльности.

Безусловно, эта проблема сформировалась не сегодня — ее корни можно найти в истории СССР. Вполне очевидно, что на протяжении многих десятилетий союзные республики «видели в РСФСР метрополию советской империи»³⁴⁷. «Действительно, все решения о строительстве тех или иных объектов союзного и даже республиканского значения, о выделении фондов... принимались в Москве. Здесь же находились Госбанк СССР, Золотой и Алмазный фонды. Здесь располагались ЦК КПСС и Политбюро — реальный центр политической и экономической власти. Причем в течение большей части своей истории РСФСР, в отличие от других союзных республик, не имела ни автономной компартии, ни своего ЦК. Иначе говоря, реальные механизмы управления СССР и самой большой республикой были слиты воедино»³⁴⁸.

Тем не менее, очевидно, что отношения с СНГ должны оставаться стратегическим направлением проведения внешней политики, так как общая угроза после распада ОВД не только не исчезла, но, наоборот, посредством расширения блока НАТО на Восток практически вплотную приблизилась к границам России (намерения Альянса по размещению ПРО в Болгарии и Румынии или зенитных ракет Patriot в Польше).

С этой точки зрения можно говорить о том, что наличие противников у страны является таким же значимым фактором эффективности внешней политики, как и наличие союзников, поскольку внешнеполитическое противостояние, как неизбежное следствие столкновения интересов с другими странами, определяет не только тактические задачи внешней политики, но и конфигурацию отношений между странами-партнерами.

Среди основных факторов, приводящих к противостоянию с другими странами, выделяются цивилизационные противоречия, столкновение интересов с другими странами и идеологическое противостояние (рис. 2.1.207).

Выявить цивилизационных противников, как и в случае с цивилизационными союзниками, можно сопоставив ценностный набор тех или иных стран. В случае, если этот набор не является комплиментарным, цивилиза-

³⁴⁷ Шишков Ю. Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету. Статья // Pro et Contra. Сборник статей. Т. 6. № 1–2. Зима — весна 2001.

³⁴⁸ Там же. С. 99.

Рис. 2.1.207. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

ции оказываются заинтересованными в ослаблении ценностного кода противника, что приводит к разрушению как цивилизации, так и государств, к ней относящихся. В ином случае речь идет о столкновении национальных интересов, которые могут преломляться как в экономической, так и в военно-стратегической сфере.

Отдельно следует выделить идеологическое противостояние, так как оно чаще всего является не причиной, а следствием столкновения национальных интересов или даже методом борьбы с противниками, когда ценностный (цивилизационный) код страны, обеспечивающий ее жизнеспособность, подменяется чуждым ей набором ценностей-мотиваторов. Ярчайшим примером применения идеологического оружия во внешней политике является государственная деятельность США, распространяющих в мире «вирус либерализма»³⁴⁹. К чему приводит заражение таким вирусом легко понять, критически взглянув на современную российскую действительность.

³⁴⁹ Амин С. «Вирус либерализма», перманентная война и американизация мира. Монография. М.: Европа, 2007.

По мере роста влияния народных масс на ход политической истории все большее влияние на эффективность внешней политики начал оказывать авторитет государства на мировой арене. Авторитет страны, по мнению авторов, складывается из нескольких факторов (рис. 2.1.208), среди которых — военное, экономическое, политическое, культурное, религиозное и научное влияние, а также имидж страны в мире.

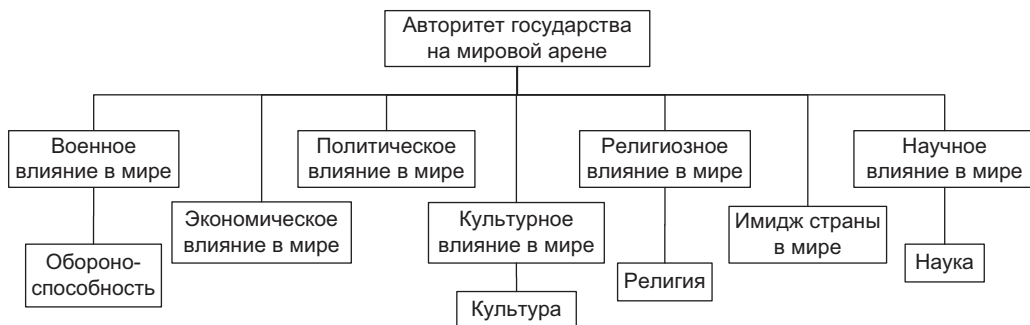

Рис. 2.1.208. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Остановимся на нескольких примерах влияния факторов управляемых параметров на КЖС.

Тесную связь с КЖС ($R = 0,73$) демонстрирует эффективность внешнеэкономической политики (рис. 2.1.209), подчеркивая тем самым важность для жизнеспособности страны распространения ее экономического влияния в мире.

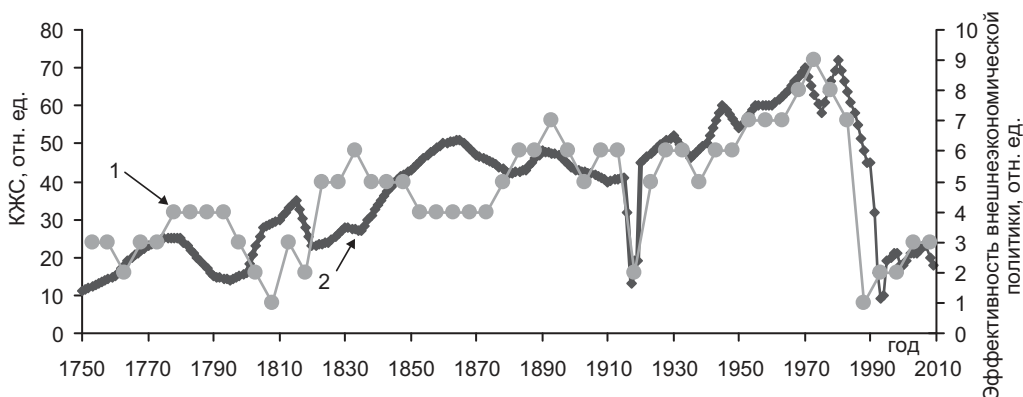

Рис. 2.1.209. Сопоставление исторической динамики эффективности внешнеэкономической политики (1)³⁵⁰ и КЖС (2)

³⁵⁰ Данные экспертных опросов.

При этом важно отметить, что обозначенная связь между фактором и КЖС усиливается со временем. Это демонстрирует разбивка по периодам (рис. 2.1.210).

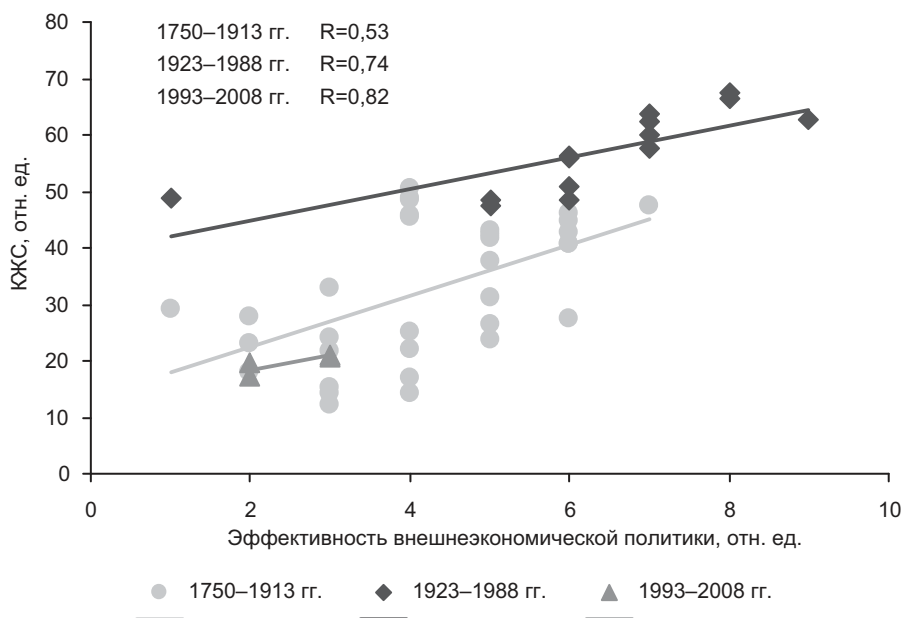

Рис. 2.1.210. Регрессионная связь КЖС и эффективности внешнеэкономической политики

Данное возрастание соответствует постепенному усилению влияния экономического фактора в международных отношениях, особенно очевидному с началом процессов глобализации. Однако не секрет, что это таит для России ряд опасностей. Глобализация, интенсифицирующая процессы трансграничного движения товаров, услуг и капиталов, ведет к повышению благосостояния развитых стран и закреплению за развивающимися государствами их подчиненного положения.

Очевидно, что присутствие страны на мировых товарных, финансовых площадках и рынках рабочей силы является важным значимым фактором КЖС (рис. 2.1.211). Однако степень и характер этого участия должны регулироваться государством в соответствии с национальными интересами страны.

Положение, которое государство занимает в системе мировых обменов, зависит от наличия тех или иных ресурсов или производимых продуктов и потребности в них в данный момент времени. Очевидно, что богатые страны, помимо товаров и капиталов, могут предложить разные культурно-

Рис. 2.1.211. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

образовательные программы и интеллектуальные ресурсы (новые технологии, ноу-хау, образцы культуры)³⁵¹. Менее развитым странам в лучшем случае отводится роль рынков сбыта этой продукции, а в худшем — они просто становятся сырьевыми придатками глобальной экономики. Разрушительное воздействие последнего сценария на жизнеспособность страны вполне понятно. Корреляционный анализ подтверждает отрицательную направленность связи между повышением доли энергоресурсов в российском экспорте (рис. 2.1.212) и КЖС ($R = -0,6$).

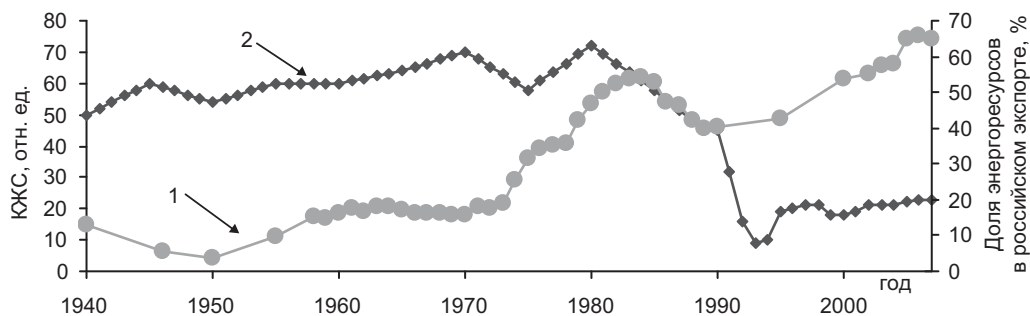

Рис. 2.1.212. Сопоставление исторической динамики доли энергоресурсов в экспорте (1)³⁵² и КЖС (2)

При этом разбивка динамического ряда, отражающего долю энергоресурсов в экспорте, на два периода — до и после нефтяного кризиса 1973–1974 гг. (когда Россия увеличила экспорт нефти) — наглядно демонстрирует, что при сохранении доли энергоресурсов в экспорте, не превышающей 20%, отрицательного влияния этого фактора на КЖС не обнаруживается (рис. 2.1.213).

Корреляция с лагом по времени показала негативное влияние фактора на КЖС в течение всего 35-летнего периода с локальным максимумом в точке 10 лет (рис. 2.1.214). Иными словами, отрицательный эффект увеличения доли энергоресурсов в экспорте страны продолжает сказываться в долгосрочной перспективе.

Не менее важное значение для авторитета государства имеет его политическое влияние в мире, которое зависит от эффективности зарубежного лобби, прямой, публичной и общественной дипломатии, а также места, которое страна в соответствии с международными договорами занимает в системе межгосударственных отношений (рис. 2.1.215).

³⁵¹ Романова Е.В. Потенциал и риски мобильности рабочей силы в ЕС и России. Статья // Мировая экономика и международные отношения. Вып. 10. М., 2009. С. 160.

³⁵² Данные Росстата.

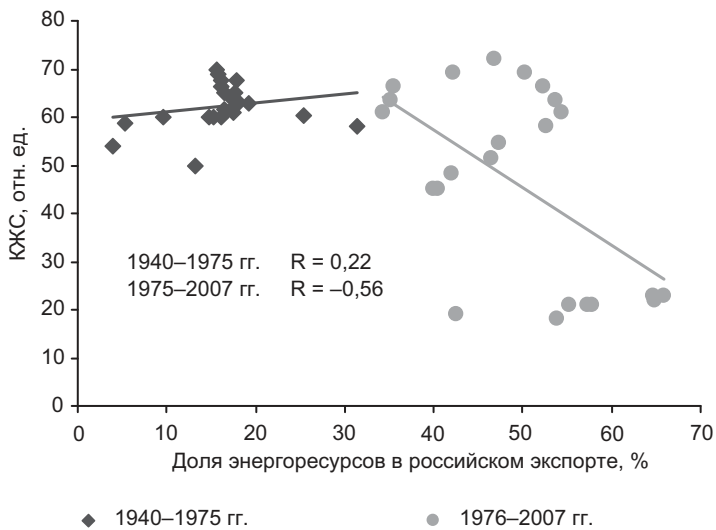

Рис. 2.1.213. Регрессионная связь КЖС и доли энергоресурсов в экспорте

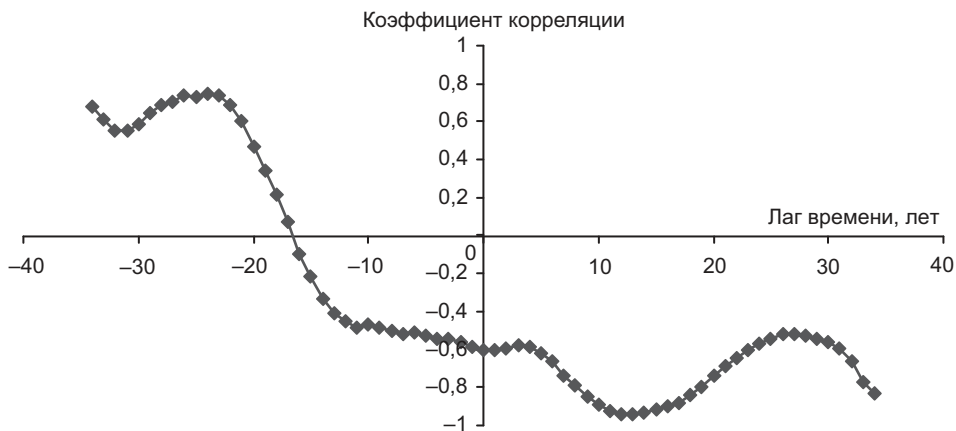

Рис. 2.1.214. Коэффициент корреляции КЖС и доли энергоресурсов в экспорте с временным лагом

Рис. 2.1.215. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Однако более подробное рассмотрение каждого из указанных выше факторов демонстрирует, что по мере усиления влияния Запада (и его капиталистического проекта) на международные дела (а именно Запад со времен Вестфальского мира по факту определяет контуры всех систем международных отношений, вплоть до современной постбиполярной) в мировой политике произошло размежевание политической и экономической сфер жизнедеятельности общества. Речь идет о том, что реальная ситуация в мире определяется главным образом экономическими факторами, в то время как политика, как таковая, постепенно деградирует до простого «театрализованного представления», рассчитанного на народные массы. Фактор военной силы закрепляет такой расклад, а на международное право возлагается лишь доведение позиции сильных до разумения слабых.

В качестве примера остановимся на анализе роли в обеспечении жизнеспособности страны такого фактора, как участие страны в международных организациях (МО), который определяет то место, которая страна де-юре занимает в системе международных отношений (рис. 2.1.216).

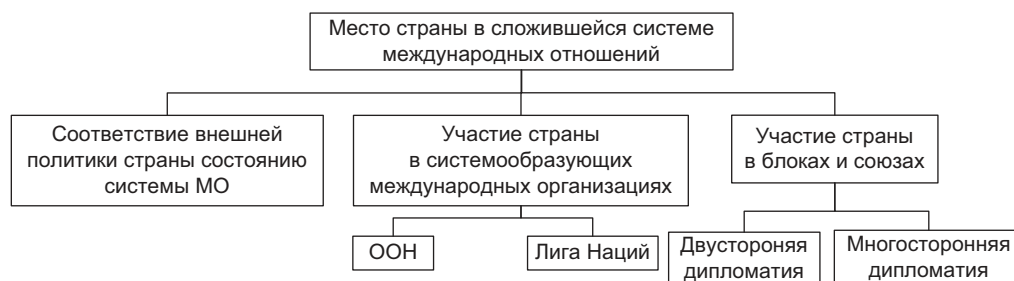

Рис. 2.1.216. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Соотношение динамики КЖС и доли международных организаций с участием России (рис. 2.1.217) демонстрирует отсутствие значимой связи между этими двумя параметрами в период с 1816 г. по 2001 г. ($R = -0,06$).

Проблема видится в том, что международные организации не определяют основные тренды мировой политики, а лишь придают легитимность сложившемуся в результате экономического и военного противостояния положению дел. Кроме того, в XX в. появилось значительное количество международных организаций, функционирующих только на бумаге, — без реальных целей, задач, полномочий и каких-либо результатов своей деятельности. Примером может послужить постсоветское пространство, на котором ныне действуют девять региональных межгосударственных орга-

низаций (и это не считая прочих организаций общеевропейского и мирового масштаба); однако говорить о какой-либо интегрированности в рамках региона не приходится (табл. 2.1.24)³⁵³.

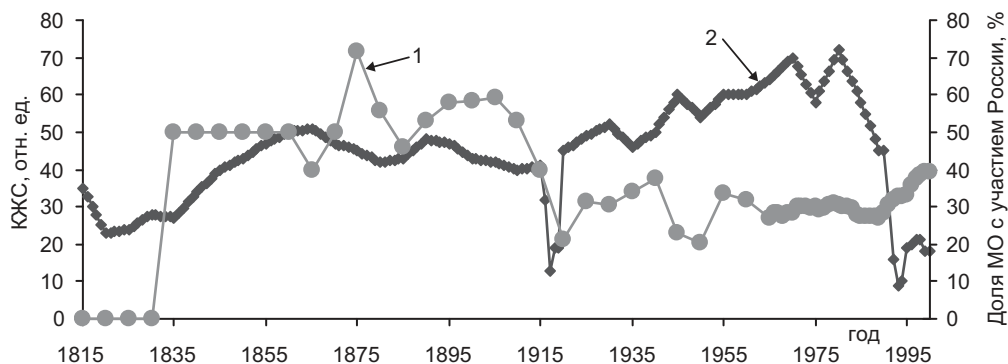

Рис. 2.1.217. Сопоставление исторической динамики доли международных организаций, членом (в том числе в статусе наблюдателя) которых является Россия, в общем количестве международных организаций³⁵⁴ (1) и КЖС (2)

Таблица 2.1.24

Участие государств, бывших в составе СССР, в межгосударственных объединениях, созданных под эгидой прочих стран (по состоянию на 1 января 2009 г.)

Страна	СНГ	ЕврАзЭС	ОДКБ	ЕЭП	СДВ	ШОС	ГУАМ	Союзное государство России и Белоруссии	Таможенный союз (ТС)
Россия	+	+	+	+		+		+	+
Белоруссия	+	+	+	+				+	+
Молдавия	+	+			+		+		
Украина	+	+		+	+		+		
Казахстан	+	+	+	+		+			+
Киргизия	+	+	+			+			
Таджикистан	+	+	+			+			
Туркмения	+								
Узбекистан	+	+	+			+			

³⁵³ Международные организации. Статья // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Международные_организации>.

³⁵⁴ Pevehouse J., Nordstrom T. Warnke K. The COW-2 International Organizations. Dataset Version 2.0 // Conflict Management and Peace Science 21 (2). P. 101-119.

Страна	СНГ	ЕврАзЭС	ОДКБ	ЕЭП	СДВ	ШОС	ГУАМ	Союзное государство России и Белоруссии	Таможенный союз (ТС)
Азербайджан	+						+		
Армения	+	+	+						
Грузия					+		+		
Эстония					+				
Латвия					+				
Литва					+				
Всего стран	11	9	7	4	6	5	4	2	3

Отдельно следует остановиться на участии страны в системообразующих международных организациях, к которым принято причислять Лигу Наций (для Версальско-Вашингтонской системы международных отношений) и ООН (для биполярной и постбиполярной систем). Создание такого рода организаций отразило попытки предотвратить возникновение крупных военных конфликтов между странами, организовав такой порядок, в рамках которого любые противоречия могли бы разрешаться мирным путем. Однако равно как Лига Наций не предотвратила Второй мировой войны (и целого ряда менее крупных вооруженных столкновений между государствами), так и ООН оказалась малоэффективной в решении большинства поставленных перед ней проблем, включая войны и глобальные угрозы человечеству.

Тем не менее совершенно списывать со счетов деятельность этих организаций было бы легкомысленно. Так, например, право вето в Совете Безопасности ООН, дающее возможность постоянным членам Совбеза ООН оказывать единоличное влияние на решение целого ряда международных вопросов, безусловно, является важным элементом российской внешней политики, выступая, по крайней мере, предметом торга в отношениях с США и Европой. Однако эта возможность практически сведена к нулю российской дипломатией с конца 1980-х гг. (рис. 2.1.218).

Подобный тренд лишний раз свидетельствует о фактической утрате каких-либо самостоятельных относительно Запада целей российской внешней политики. Иными словами, Россия не пытается использовать ООН даже как площадку для дискуссий по важнейшим вопросам международных отношений с целью оказания информационного воздействия на лидеров и население других стран. Хотя известно, что еще в начале XIX столетия шеф жандармов А.Х. Бенкендорф говорил, что знание общественного мнения так же важно для властей, как топографическая карта для командующего

войсками. А начиная с XX в. значение информационных методов во внешней политике только усилилось: теперь речь идет уже о стремлении активно воздействовать на общественное мнение в массовых масштабах — в том числе через использование глобальных информационных систем.

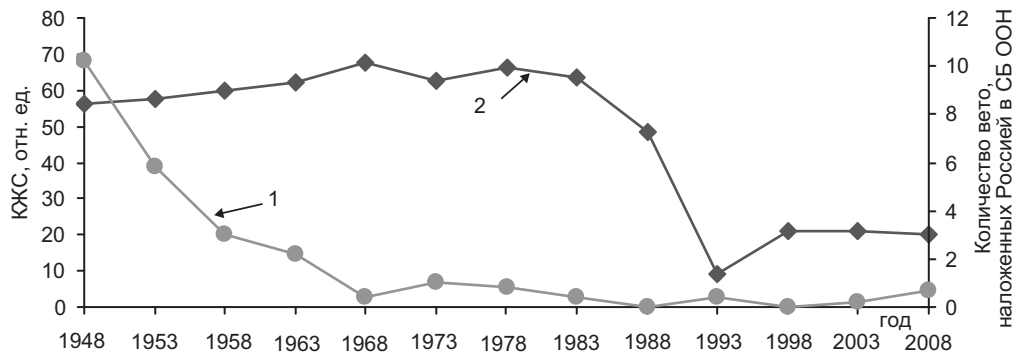

Рис. 2.1.218. Сопоставление исторической динамики количества вето, наложенных Россией в СБ ООН³⁵⁵ (1), и КЖС (2)

Возрастание роли фактора информационного влияния отражает история Отдела печати МИД России. Как известно, вплоть до июля 1914 г. информационно-пропагандистская деятельность в МИДе носила эпизодический и бессистемный характер. Попытка ввести ее в организованное русло была предпринята лишь в начале Первой мировой войны Николаем II, когда в структуре министерства впервые появилось новое подразделение — Отдел печати. В 1917 г. этому Отделу отводилось уже значимое место в структуре Народного комиссариата по иностранным делам (с 1918 г. — НКИД РСФСР), что неудивительно, так как начало XX в. ознаменовалось невиданным на тот момент в истории развитием прессы и заметным усилением ее общественного и политического влияния во всем мире. «Молодое государство рабочих и крестьян, едва родившись, оказавшееся почти в полной экономической и политической изоляции, как никакое другое нуждалось в информационном обеспечении своей деятельности. И поэтому по-настоящему активные мероприятия на данном направлении начала именно советская дипломатия»³⁵⁶. Так, уже в 1920-х гг. выходили журнал «Международная жизнь» (предшественник нынешнего, выпускаемого с 1954 г.), ежемесячник «Вестник НКИД».

Однако особый размах информационно-разъяснительная работа СССР за рубежом приобрела после Великой Отечественной войны: в 1956 г. для

³⁵⁵ Data compiled by Global Policy Forum with Information from the United Nations.

³⁵⁶ По материалам сайта <http://www.mezhizn.ru/n8_1i2_c4.htm>.

усиления координации внешнеполитической пропаганды, информации и культурных связей был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами (возглавил его видный журналист-международник Ю.А. Жуков). В структуру Комитета входило Главное управление радиовещания, телевидение, Совинформбюро, Издательство литературы на иностранных языках, В/О «Совэкспортфильм» и «Международная книга», журнал «Советский Союз», издававшийся на всех основных языках мира.

Перестройка, гласность и тем более распад Советского Союза кардинально изменили всю отлаженную систему внешнеполитической пропаганды. В 1970-е гг., когда в СССР (затем в Россию) хлынул поток информации с Запада, «это было важной составной частью целенаправленной внешней политики этих стран по отношению ко всему постсоветскому пространству»³⁵⁷. Однако адекватного «встречного» информационного потока не наблюдается до сих пор.

Результатом фактического отсутствия информационного влияния России в мире является то, что данное поле активно осваивается ее соперниками, ярчайшим примером чему может послужить история с вещанием на российском Кавказе в течение января 2010 г. «Первого кавказского» телеканала на русском языке. Вещание проводилось с территории Грузии через французский спутник и было ориентировано на тиражирование антиросийской риторики. По данным мировых СМИ, деятельность телеканала была прекращена после того, как «Кремль оказал сильнейшее давление на Eutelsat, чтобы заставить ее отказаться от контракта с Грузией»³⁵⁸.

Главным следствием диспропорций в представленности различных точек зрения в мировом информационном поле является формирование неадекватного представления о России в мире.

Безусловно, имидж страны в мире зависит не только от эффективности собственно деятельности по созданию этого имиджа на мировой арене; «формирование образа любого государства определяется совокупностью множества факторов, которые имеют отношение как к истории, культуре и сложившимся за рубежом представлениям о характере этого государства и его национальных особенностях и ценностях, так и к современным тенденциям в его внутреннем и внешнеполитическом развитии, и к тому, как само государство позиционирует себя на международной арене»³⁵⁹ (рис. 2.1.219).

³⁵⁷ Ровинская Т.Л. Формирование негативного образа России в зарубежных СМИ. Статья // Россия в мировой политике и международных отношениях. Мировое развитие. Сборник статей. Вып. 5. С. 132.

³⁵⁸ «Первый кавказский» русскоязычный канал прекратил вещать. Статья // <http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/01/100128_georgia_tv_satellite.shtml>.

³⁵⁹ Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства. Монография / Отв. ред. Н.К. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 5.

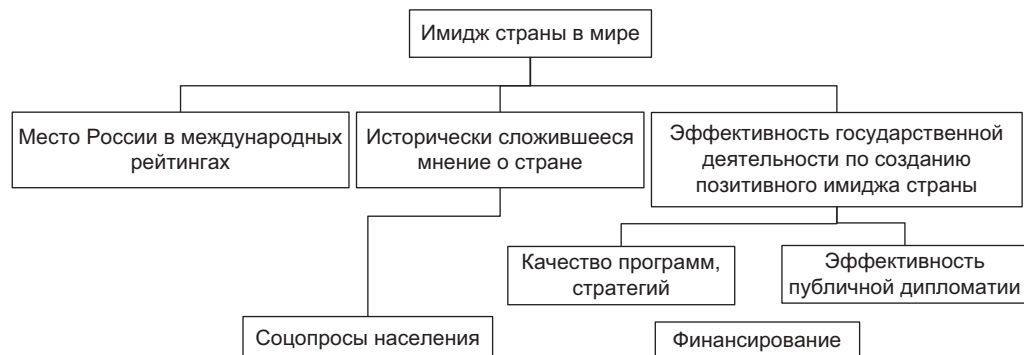

Рис. 2.1.219. Топология связи управляемых параметров с фактором-потенциалом эффективности внешней политики

Очевидно, что наличие цивилизационных противников у России вряд ли позволит принципиально улучшить информационный образ России во всем мире. В то же время положительная корректировка этого образа представляется вполне возможной. Для этого необходима активная политика по распространению знаний о России, русского языка и культуры, расширению социальных контактов и практики общественной дипломатии. Главное — необходим возврат к настоящему суверенитету и национальным интересам. Если страна сама себя не уважает, то кто же ее будет уважать вовне?

На анализе влияния на эффективность внешней политики «народной» дипломатии следует остановиться отдельно, учитывая ее возрастающую роль в международной политике.

Не является секретом, что некоторые международные неправительственные организации, прикрываясь благородными и бескорыстными целями, на самом деле проводят работу для достижения глобальных и региональных интересов различных международных акторов. Особенно эффективно используют эти организации в проведении своего внешнеполитического курса США. Общеизвестно, что несмотря на их неправительственный статус, финансирование их деятельности осуществляется исключительно за счет Государственного департамента США и Агентства международного развития США (АМР США)³⁶⁰. Например, при АМР США есть официальный консультативный совет по добровольной иностранной помощи. Он существует с начала 1950-х гг. и предоставляет частным организациям и отдельным

³⁶⁰ Агентство США по международному развитию (АМР США) (англ. United States Agency for International Development, USAID) — независимое агентство федерального правительства США. Основные направления работы Агентства включают в себя поддержку торговли, сельского хозяйства, экономического роста, здравоохранения, экстренную гуманитарную помощь, содействие в предотвращении конфликтов и поддержку демократии в более чем 100 странах мира.

гражданам возможность больше узнавать о программах помощи, реализуемых правительством США, и давать рекомендации по их направленности. Имеется также консультативный совет в составе представителей неправительственных организаций, который поддерживает с Государственным департаментом постоянный диалог по внешней политике³⁶¹.

Несмотря на то, что в Концепции внешней политики России 2008 г. указано: «Важными факторами являются также укрепление институтов гражданского общества и государственная поддержка национальных неправительственных организаций, заинтересованных в обеспечении российских внешнеполитических интересов»³⁶², Россия пока не проводит достаточно активной политики в этом направлении.

Результатом неэффективной информационной политики является ухудшение отношения к России в мире, наблюдаемое с конца XX в. (рис. 2.1.220).

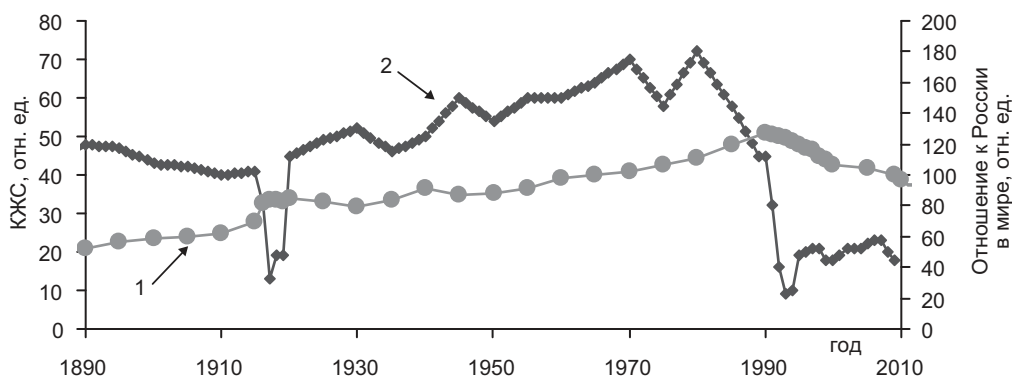

Рис. 2.1.220. Сопоставление исторической динамики отношения к России в мире³⁶³ (1) и КЖС (2)

Вопреки ожиданиям многих реформаторов перестройки, с окончанием холодной войны образ России в западных средствах массовой информации не только не улучшился, а, напротив, даже ухудшился. «В 1990-е гг. в своем новом состоянии ельцинская Россия, в первую очередь, перестала пользоваться тем уважением в мире, которым пользовался СССР, что нашло отражение в иностранных СМИ. Политическая демократизация и переход экономики на рыночные рельсы — в том виде, в котором это происходило в России, — вызывали на Западе не столько удовлетворение, сколько на-

³⁶¹ Ибрагимов Д. Международные НПО как инструмент внешней политики (на примере США). Статья // <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1168600680>>.

³⁶² Концепция внешней политики Российской Федерации / Утверждена Приказом Президента Российской Федерации от 12 июля 2008 г. № Пр-1440.

³⁶³ Данные экспертных опросов.

пряжение и большую тревогу. Затем усиление российской государственности и укрепление экономики путинской России снова не вызвали на Западе энтузиазма»³⁶⁴.

Иными словами, для своих геополитических противников слишком сильная Россия (как и слишком слабая) — это опасный и непредсказуемый сосед, а влияние России на своих потенциальных союзников падает по мере того, как страна отходит от своих цивилизационных оснований, и потому не может что-либо предложить миру в идейном плане.

Таким образом, анализ эффективности внешней политики России, как фактора потенциала жизнеспособности страны, показал следующее. Значительными для повышения качества внешней политики и КЖС являются факторы, приведенные в табл. 2.1.25.

Таблица 2.1.25

Значимые факторы КЖС в сегменте внешней политики

Факторы-потенциалы эффективности внешней политики	Значимые факторы КЖС
Эффективность стратегического планирования внешней политики	Наличие иерархии долгосрочных внешнеполитических целей, закрепленных в нормативных документах страны
	Опора на глубокую аналитику и экспертизу правительственных и неправительственных научно-исследовательских центров при внешнеполитическом планировании
	Наличие координационного органа (или механизма), обеспечивающего единый (согласованный) внешнеполитический курс при коллегиальном характере принятия важнейших стратегических решений
	Достаточная финансовая обеспеченность внешнеполитической деятельности страны
Состояние кадрового потенциала внешнеполитических ведомств	Гражданская мотивация дипломатических работников (уровень патриотизма)
	Престижность профессии дипломата
	Уровень финансового обеспечения сотрудников внешнеполитических ведомств
	Качество профильной науки

³⁶⁴ Ровинская Т.Л. Формирование негативного образа России в зарубежных СМИ. С. 130.

Факторы-потенциалы эффективности внешней политики	Значимые факторы КЖС
Независимость при принятии внешнеполитических решений	Совокупный внешний долг страны (суверенный долг + долги компаний)
	Коэффициент автаркии
	Процент наполняемости бюджета за счет внешней торговли
	Доля импорта в продовольствии
	Доля импорта машин и высокотехнологичной продукции
	Доля представительства отдельных стран во внешне-торговом балансе
	Наличие у иных стран рычагов влияния на внешнеполитическую элиту страны
Геополитическая специфика страны	Удельный вес территории Российского государства в мире
	Территория геополитической субъектности (км ²)
	Цивилизационная идентичность внешней политики. Наличие актуализированной внешнеполитической идеологии
	Доля стран-союзников во внешнеторговом обороте
	Масштаб геополитической адресации внешней политики страны
	Доля сырья в российском экспорте
	Товарная и географическая структура экспорта и импорта России
	Объем прямых и портфельных инвестиций России в другие страны
	Наличие государственной политики по созданию позитивного имиджа страны
	Привлечение российских неправительственных организаций к проведению внешней политики

Во второй части монографии перечисленные выше факторы будут исследованы на предмет проблем, препятствующих их позитивному воздействию на жизнеспособность страны.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
2. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 143.
3. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
5. Федеральный закон от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2787.
6. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
7. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // САПП. 1993. № 39. Ст. 3597.
8. Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» // СЗ РФ. 1993. № 44. Ст. 4191.
9. Доктрина продовольственной безопасности РФ, утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 // СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 502.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Приказом Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Научная литература

1. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Монография. М.: Алгоритм, 2003.
2. Аксаковы К.С. и И.С. Литературная критика. Сборник статей. М.: Современник, 1981.
3. Амин С. «Вирус либерализма», перманентная война и американизация мира. Соч. М.: Европа, 2007.

4. Антология философской мысли. В 4 т. М.: Мысль, 1989.
5. *Аптекер Г.* История американского народа. Американская революция 1763–1783. Монография. В 2 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
6. *Арбатская М.* Система организации избирательных процедур — инструмент реализации активного избирательного права. Статья // Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов. Материалы международной конференции / Под ред. А. Иванченко и А. Любарева. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 303–313.
7. *Багдасарян В.Э.* Идеократия против вождизма. Статья // Российское государство в системе религиозных и светских ценностей. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: Научный эксперт, 2008. С. 78–81.
8. *Багдасарян В.Э.* О неизбежности смены современной российской социально-экономической модели. Доклад // Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы Всероссийской научной конференции, 4 июня 2010 г., Москва. М.: Научный эксперт, 2010. С. 66–103.
9. *Багдасарян В.Э.* Российская революция в контексте теории «цивилизационного маятника». Статья // Октябрь 1917: взгляд из XXI века. Сборник материалов конференции. М.: РИПО, 2007. С. 24–31.
10. *Багдасарян В.Э.* Россия в условиях трансформаций: Теория цивилизационного маятника. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.
11. *Багдасарян В.Э.* Традиционализм и цивилизационная идентичность России. Монография. М.: Собрание, 2006.
12. *Байбаков Н.К.* О Государственном пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы и о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1977 год. Монография. М.: Политиздат, 1976.
13. *Байбаков Н.К.* Сорок лет в правительстве. Соч. М.: Республика, 1993.
14. *Барабанов О.Н.* Реформы и контрреформы в России XIX–XX вв.: международный «круглый стол» ассоциации выпускников исторического факультета МГУ // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 5. С. 64–65.
15. *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». Монография. М.–Л.: Наука, 1965.
16. *Безобразов В.* Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение, 1866–1872. Статья // Статистический временник. СПб., 1882.
17. *Белинский В.Г.* ПСС. В 13 т. Т. 4. М., 1954.
18. *Белоусов Р.А.* Экономическая история России: XX век. Монография. В 5 т. М.: Владос, 2006.
19. *Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси. Монография. М.: Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1902.

20. Бердяев Н.А. Судьба России. Соч. М.: АСТ, 2004.
21. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Соч. М.: Наука, 1986.
22. Бокль Г. История цивилизации в Англии. Монография. В 2 т. М.: Мысль, 2007.
23. Большаков С.Н. Дискурс национальной идентичности в условиях глобализации. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 544–546.
24. Большой юридический словарь / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007.
25. Боровой С.Я. Кредит и банки России (сер. XVII в.–1861 г.). Монография. М.: Госфиниздат, 1958.
26. Бочаров О. Выход из кризиса как общенациональная идея. Статья // Независимая газета. 1998. 13 нояб.
27. Бродель Ф. Время мира. Монография. В 3 т. М.: Прогресс, 1992.
28. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Монография. В 3 т. М.: Прогресс, 1992.
29. Бродель Ф. Структуры повседневности. Монография. М.: Прогресс, 1986.
30. Буданов В.Г. Ритмокаскады в истории России. Статья // Стратегии динамического развития России. Единство самоорганизации и управления. Международный симпозиум «Синергетика в решении проблем человечества XXI века: диалог школ». Т. 3. Ч. 2. М.: Проспект, 2004. С. 31–33.
31. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории: Россия и будущее цивилизации. Статья // Новые методы в социальных науках. Сборник статей / Под ред. В.Г. Федотовой. М.: ИФ РАН, 2006. С. 308–322.
32. Булгаков С. Очерки по истории экономических учений. Соч. М.: Высшая школа, 1913.
33. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Соч. М.: Наука, 1990.
34. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Монография. М.: РОССПЭН, 1997.
35. Бунин И.А. Окаянные дни. Соч. М.: АСТ, 2006.
36. Бухарин Н.И. Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1988.
37. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Понять Россию умом. Монография. М.: Алгоритм, 2001.
38. Васильев Ю.Н. Прогнозирование и перспективное планирование в промышленности. Монография. Л.: Лениздат, 1973.
39. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Монография. В 2 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876.
40. Васильчиков А.И. О самоуправлении. Монография. В 3 т. СПб., 1862–1871.
41. Васильчиков А.И. Сельский быт и сельское хозяйство России. Монография. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881.

42. Вебер М. История хозяйства. Монография. Пг.: Наука и школа, 1923.
43. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Соч. // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
44. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Монография. М., 1989.
45. Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. Монография. М., 1994
46. Вернадский Г.В. Россия в средние века. Монография. Тверь–М.: Леан, Аграф, 1997.
47. Вернадский Г.В. Русская история. Монография. М.: Аграф, 1997.
48. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. Монография. М.: Наука, 1985.
49. Витчевский В. Торговля, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Монография. СПб.: Д.А. Казицын и Ю.Д. Филиппов, 1909.
50. Власенко В.Е. Денежная реформа в России 1895–1898. Монография. Киев: Изд-во АН УССР, 1949.
51. Внешние экономические связи в СССР в 1989 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1990.
52. Внешняя торговля СССР, 1918–1966. Статистический сборник. М.: Внешторгиздат, 1967.
53. Волков А.Г. Семья — объект демографии. Монография. М.: Мысль, 1986.
54. Воловикова М.И. Нравственный идеал и антиидеал в контексте особенностей российского менталитета. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
55. Вольтке Г.С. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии (XIX век). Монография. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905.
56. Воробьев В. Таинство брака. Статья // Беседы со старшеклассниками. М., 2008.
57. Воронцов В.П. Артельные начинания русского общества. Монография. СПб., 1895.
58. Воронцов В.П. Крестьянская община. Монография. М., 1897.
59. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века. Статья // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.
60. Восстание декабристов. Сборник документов. В 11 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
61. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. Монография. М.: Наука, 1991.
62. Вся статистика. Сборник. М., 1992.
63. Вургафт С.Г. Ушаков И.Д. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996.

64. *Вязовик Т.П.* Особенности консолидирующей идеи в России. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
65. *Ганжа А.Г., Тугаринов И.А.* Место «всеобщего банка знаний» в концепции ноосферы. Статья // Техничко-экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика. М.: ГЕО-ПЛАНЕТА, 2000. С. 176–188.
66. *Гасратян С.М.* Религиозные партии государства Израиль. Монография. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.
67. *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. Монография. М.: Академический проект, 2007.
68. *Гегель Г.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
69. *Гегель Г.* Политические произведения. М.: Политиздат, 1978.
70. *Генон Р.* Избранные произведения. М.: Беловодье, 2004.
71. *Генон Р.* Очерки о традиции и метафизике. Соч. СПб., 2000
72. *Генон Р.* Символика креста. Соч. М., 2004.
73. *Генон Р.* Символы священной науки. Соч. М., 2002.
74. *Генон Р.* Традиционные формы и космические циклы. Соч. М., 2004.
75. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. Соч. М., 1994.
76. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. Соч. М.: Наука, 1977.
77. Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации Монография. В 2 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008.
78. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Монография. В 2 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008.
79. Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике. Монография. В 5 т. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008.
80. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г. М.: Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости, 2005.
81. Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов. М.: Изд-во МГУ, 1996.
82. *Григорьев Б.* Повседневная жизнь советского разведчика. Соч. М.: Молодая гвардия, 2004.
83. *Грум Дж.* Растущее многообразие международных акторов. Статья // Международные отношения: социологические подходы. Монография / Под ред. проф. П.А. Цыганкова. М.: Гардарика, 1998. С. 222–239.

84. «Группа восьми» в цифрах. 2006. Статистический сборник. М.: Росстат, 2006.
85. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Соч. М.: Экопрос, 1993.
86. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. Соч. М.: Экопрос, 1993.
87. Гусейнов А.А. Понятие веры, Бога и ненасилия в учении Л.Н. Толстого. Статья // Разум и экзистенция. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
88. Гущин В. Отчизна-мать в предвкушении нового мученика. Статья // Независимая газета. 1999. 12 нояб.
89. Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года). Статья // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 24–40.
90. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 8 т. М.: Т-во М.О. Вольф, 1904.
91. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001.
92. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Соч. СПб.: Изд-во СПбГУ, Глаголь, 1995.
93. Данилов А.А. История России, XX век: Справочные материалы. М., 1996.
94. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши). Статья // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220–224.
95. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Монография / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.
96. Демография: Учебное пособие / Под ред. проф. В.Г. Глушковой. М.: КНОРУС, 2004.
97. Долуцкий И.И. Россия в начале XX века: общее и особенное. Статья // Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты. Сборник статей. М.: Политиздат, 1989. С. 83–107.
98. Доморацкая Э.И., Маклаков В.В. Государство и экономика во Франции: организационно-правовые аспекты. Монография. М.: Наука, 1981.
99. Домострой. Соч. М.: Паломник, 2006.
100. Драганов В.Г., Филиппов В.А. Опыт использования индикативного планирования. План VI экономического и социального развития Франции. Монография. М.: КомКнига, 2006.
101. Драго Р. Административная наука. Монография. М.: Прогресс, 1982.
102. Дружинин В.Н. Психология семьи. Монография. СПб.: Питер, 2006.
103. Дугин А.Г. Абсолютная Родина. Монография. М.: Арктогея, 1999.
104. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Монография. М.: Арктогея, 1997.

105. *Дугин А.Г.* Структура русского социогенеза. Доклад // Социогенетические и политэкономические корни России как общества, страны, государства. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: Научный эксперт, 2009.
106. *Дугин А.Г.* Четыре консерватизма. Статья // Русское Время. Журнал консервативной мысли. 2009. № 1. С. 10–15.
107. *Дулуман Е.К., Глушак А.С.* Введение христианства на Руси: легенды, события, факты. Монография. Симферополь: Таврия, 1988.
108. *Елисеева И. И., Васильева Э. К., Клупт М. А. и др.* Демография и статистика населения. Учебное пособие / Под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2006.
109. *Ефименко А.Я.* Обычное право. Монография. М., 1894.
110. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. Монография. М.: Магистр, 1998.
111. *Зарубина Н.Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. Монография. СПб.: РХГИ, 1998.
112. *Зверев В.В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России: От сороковых к девяностым годам XIX в. Монография. М.: Уникум-Центр, 1997.
113. *Зверева Н.В., Веселкова И.Н., Елизаров В.В.* Основы демографии. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004.
114. *Захаров А.В.* Традиционная культура в современном обществе. Статья // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.
115. *Здерева Г.В.* Современная концепция патриотизма — основа идейного позиционирования в международном сообществе. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
116. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовное движение XVII века. Монография. М.: Церковь, 1995.
117. *Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И.* Российское село в рыночных условиях. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
118. *Зомбарт В.* Буржуа. Монография. М.: Наука, 1994.
119. *Зомбарт В.* Евреи и хозяйственная жизнь. Монография. В 2 ч. СПб.: Книгоиздательство «Разум», 1912.
120. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Монография. В 3 т. Л.: Путь к знанию, 1924–1929.
121. *Зритнева Е.И.* Социология семьи. Учебное пособие. М.: Владос, 2006.
122. *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Монография. В 3 т. Варшава: б/и, 1931–1938.

123. Зюганов Г.А. Современная русская идея и государство. Соч. М.: «РАУ — Корпорация», 1995.
124. Игрицкий Ю. Россия и Запад. К философско-политическому осмыслению проблемы. Статья // Свободная мысль. 2000. № 5.
125. Израиль и Палестина. Сборник документов. М.: б/и, 1994.
126. Ильин И.А. О русской идее. Статья // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 430–431.
127. Ильин И.А. Путь к очевидности. О противлении злу силою. Соч. М.: Республика, 1993.
128. Индикаторы науки — 2007. Статистический сборник. М.: ГУ–ВШЭ, 2007.
129. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М.: РОССПЭН, 1997.
130. Ионов И.Н. Россия и современная цивилизация. Статья // Отечественная история. 1992. № 4. С. 62–73.
131. Исаев А. Артель в России. Вып. 1–2. СПб., 1872–1873.
132. Исаев А. Община и артель. Статья // Юридический вестник. 1884. № 1.
133. Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н.А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007.
134. История Древнего мира. Учебное пособие. В 3 кн. / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. М.: Наука, 1989.
135. История Китая с древнейших времен до наших дней. Монография. М.: Наука, 1974.
136. История социалистической экономики СССР. Монография. В 7 т. М.: Наука, 1980.
137. История СССР, 1861–1917. Учебное пособие / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1989.
138. История стран Азии и Африки в новое время. Монография. В 2 ч. М., 1989.
139. История США. Монография. В 4 т. / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М.: Наука, 1985.
140. Каддафи М. Зеленая книга. Соч. М.: Международные отношения, 1989.
141. Как создать христианскую семью. Соч. Почаев: Изд-во Почаевской Лавры, 2002.
142. Калачев Н.В. Артель в древней и нынешней России. Монография. СПб.: Типография В. Головина, 1864.
143. Калинин Д.В. Управление казенной промышленностью в дореволюционной России (на примере Морского ведомства). Монография. М., 1995.
144. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Соч. В 3 т. М.: Изд-во РГГУ, 1997–1999.

145. Капитальное строительство СССР. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1988.
146. *Карако П.С.* Философия и методология науки: В.И. Вернадский. Учение о биосфере. Монография. Мн., 2007.
147. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Соч. В 4 кн. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
148. *Карелин А.А.* Общинное владение в России. Монография. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1893.
149. *Карнаух В. К.* Космические циклы и социальные ритмы: концепция А.Л. Чижевского. Статья // Деятели русской науки XIX–XX веков. Сборник статей. Вып. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2001. С. 122–137.
150. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Монография. В 2 т. М.: Наука, 1991.
151. *Касаткин В.П.* Попытка становления конституционализма в России в период правления Александра I. Статья // Проблемы правоведения. Вып. 1. Белгород: Белгородский государственный университет, 2003. С. 25–30.
152. *Качаровский К.Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). Монография. СПб., 1890.
153. *Кашепов А.В., Сулакишин С.С., Малчинов А.С.* Рынок труда: проблемы и решения. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
154. *Керов В.В.* «Се человек и дело его ...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. Монография. М.: ЭКОН — ИНФОРМ, 2004.
155. *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. Монография. М.: Аспект Пресс, 1996.
156. *Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Е., Ланчиков В.К.* Политика и крылатика: высказывания деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. Сборник. М.: Р. Валент, 2004.
157. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. В 5 ч. М., 1904.
158. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. М.: Мысль, 1995.
159. *Ковалев С., Латов Ю.* «Аграрный вопрос» в России на рубеже XIX–XX вв.: попытка институционального анализа. Статья // Вопросы экономики. 2000. № 4. С. 102–118.
160. *Кожин В.В.* Черносотенцы и революция. Монография. М.: Прима В, 1998.
161. *Колсон Ч., Вон Э.* Конфликт царств. Монография. М.: Гендальф, 1996.
162. *Комарек В., Ржига Л.* Долгосрочное планирование и прогнозирование. Монография. М.: Экономика, 1973.

163. *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. Статья // Этничность и власть в полиэтнических государствах. Сборник статей. М.: Наука, 1994.
164. *Кондрашин В.В.* Современные концепции аграрного развития. Статья // Отечественная история. 1995. № 4.
165. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Сборник. М.: Госюриздат, 1957.
166. *Королева М.В., Сеница А.Л.* Нравственно-религиозные основы семейной политики Российской империи начала XX века. Статья // Демографическая и семейная политика: Сборник статей / Под ред. В.В. Елизарова, Н.Г. Джанаевой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 140–162.
167. *Кортунов С.В.* О механизме принятия внешнеполитических решений. Статья // Вестник аналитики. 2004. Вып. 3 (17).
168. *Кортунов С.В.* Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М.: ГУ — ВШЭ, 2009.
169. *Косых Е.С.* Советская концессионная политика в 1920-е гг. Статья // Сталин. Сталинизм. Советское общество: к 70-летию В.С. Лельчука. Сборник статей. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 75–95.
170. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. Монография. М.: Восточная литература, 2006.
171. *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком. Монография. М.: РОССПЭН, 1998.
172. *Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др.* Модернизация: зарубежный опыт и Россия. Монография. М.: Таурус, 1994.
173. *Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В.* Модернизация России. Мировой опыт и наши перспективы // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 80–88.
174. Краткий политический словарь. М.: Издательство политической литературы, 1988.
175. Крестьянство и индустриальная цивилизация. Сборник статей. М.: Наука, 1993.
176. *Кузык Б.Н.* Россия и мир в XXI веке. Монография. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
177. *Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец В.И.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. Монография. М.: Экономика, 2008.
178. *Кузьмин С.А.* Социальные системы: опыт структурного анализа. Монография. М.: Наука, 1996.
179. *Кургинян С.Е., Аутеншлюс Б.Р., Гончаров П.С., Громько Ю.В., Сундиев И.Ю., Овчинский В.С.* Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. Монография. М.: Политиздат, 1990.

180. Куркин П. И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. Монография. М.: Союзоргучет, 1938.
181. Куценков А.А. Индия: идея «на вырост». Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004.
182. Лапицкий М.И. «Американская мечта». От «плавильного котла» к «салатнице». Доклад // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004.
183. Лебедева М.М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? Статья // Внешняя политика: вопросы теории и практики. Монография / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2009. С. 32–42.
184. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций. Статья // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 27–45.
185. Лельчук В.С. Индустриализация. Статья // Переписка на исторические темы. М.: ИПЛ, 1989.
186. Ленин В.И. ПСС. В 55 т. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1967.
187. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 34–36.
188. Лойко П.Ф. Земельный потенциал мира и России: пути глобализации его использования в XXI веке. Монография. М.: Федеральный кадастровый центр, 2000.
189. Ломунов К.Н. Лев Толстой в современном мире. Монография. М.: Современник, 1975.
190. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А–Я: Словарь-справочник. М.: Фаирпресс, 2000.
191. Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст. Статья // Восток — Запад — Россия. М., 2002.
192. Львова Н. Национальная (цивилизационная) идентичность, этничность и гражданственность — российская формула гражданской нации. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
193. Лященко П. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. Монография. М.: Коммунистическая Академия, 1927.
194. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Монография. М.: Просвещение, 1967.
195. Мадор Ю.П. Английская идея. Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004.
196. Майринг Г. Голем. Вальпургиева ночь. Монография. М.: Прометей, 1990.

197. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакишин С.С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. Монография. М.: Научный эксперт, 2007.
198. Малиновский Л.Г. Анализ статистических связей. Модельно-конструктивный подход. Монография. М.: Наука, 2002.
199. Малиновский Л.Г. Модельно-конструктивное мышление. Монография. М.: Наука, 2003.
200. Манхейм К. Консервативная мысль. Статья // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
201. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции. Статья // Советская этнография. 1982. № 2. С. 76–92.
202. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. В 50 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1955.
203. Маслаков А. Потерянное поколение? Статья // Советская Россия. 1998. 21 июля.
204. Медушевский А.Н. Общество и государство в русском историческом процессе. Статья // Вестник МГУ. Сер. № 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1.
205. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. Монография. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
206. Межуев В.М. Гуманитарная наука и идеология. Доклад // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2007.
207. Мелешко Е.Д. Философия непротivления Л.Н. Толстого: систематическое учение и духовный опыт. Монография. Тула: Изд-во ТГПУ, 1999.
208. Менделеев Д.И. Заветные мысли. Сборник. М.: Мысль, 1995.
209. Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.
210. Менищиков В.В. Евразийство и национальная идентичность России. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
211. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М., 1991.
212. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Монография. М.: РОССПЭН, 1998.
213. Милов Л.В. Земельный тупик: Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России. Статья // Независимая газета. 2001. № 31.
214. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. Статья // Вопросы истории. 1992. № 4–5.
215. Мильдон В.И. «Земля» и «небо» исторического сознания. Статья // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 87–99.
216. Миронов Б. Н. Социальная история России. Монография. В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2000.

217. *Митрофанова А.В.* Россия и славяно-православный мир: от иллюзий к реальности. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 178–179.
218. Модели общественного переустройства России. XX век. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.
219. *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. Монография. СПб.: ОВИЗО, 2002.
220. *Молодяков В.Э.* Япония: от «национальной науки» к «рисовой цивилизации». Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004.
221. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.
222. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 // Екатерина II, императрица. Сборник. М.: ЭКСМО, 2003. С. 72–156.
223. Народное хозяйство за 1967 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1968.
224. Народное хозяйство СССР, 1922–1972. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1972.
225. Народное хозяйство СССР, 1922–1982. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1982.
226. Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический сборник. М., 1959.
227. Народное хозяйство СССР в 1960 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1961.
228. Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1981.
229. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991.
230. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1990.
231. *Нартов Н.Н.* Геополитика. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007.
232. *Наумов А.И.* Хофштедово измерение России. Статья // Менеджмент. 1996. № 3. С. 71–95.
233. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: Научный эксперт, 2009.
234. Некоторые проблемы сельского хозяйства зарубежных стран. Информационно-аналитический сборник. М.: ВНИИ информации и технико-экономических исследований агропромышленного комплекса, 1989.
235. *Николаев М. Е.* Стратегия народосбережения. Монография. М: Изд-во РГСУ, 2008.

236. *Ниязов С. Рухнама*. Соч. Ашхабад, 2005.
237. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
238. *Новодворская В.И.* По ту сторону отчаяния. Соч. М.: Новости, 1993.
239. *Носкова А. В.* Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2005.
240. *Обухов М.* О грехе аборта. Сборник статей. М.: Артос-Медиа, 2009.
241. Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М.: МГСУ, Союз, 1997.
242. *Овчинцева Л.* Особенности сельской бедности. Статья // Отечественные записки. 2004. № 1.
243. *Огородников С.Ф.* Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. Монография. СПб.: Типография А.Е. Колинского, 1890.
244. *Ойкен В.* Основы национальной экономики. Монография. М.: Прогресс, 1996.
245. *Ойкен В.* Теория хозяйственного порядка: фрайбургская школа и немецкий неолиберализм. Монография. М.: Экономика, 2002.
246. *Орлов И.Б., Сулакшин С.С., Колесник И.Ю.* Государство социального гуманизма — от теории к практике. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
247. Основные идеи Сан-Мин. Сборник. Харбин: б/и, 1929.
248. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. В 5 т. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994.
249. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: Монография. В 3 т. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. Б/м., 2002.
250. *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. Монография. М.: Независимая газета, 1993.
251. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV—XV вв. Сборник. М.: Госюриздат, 1955.
252. *Пантин И.К., Плимак Е.Г.* Россия XVIII—XX вв. Тип «запоздавшего исторического развития». Статья // Свободная мысль. 1991. № 11.
253. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. Монография. М.: Крымский мост–9Д, 2005.
254. *Паталеев А.В.* История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Монография. Хабаровск: Знание, 1951.
255. Патриарх Никон: трагедия русского раскола. Сборник статей. М.: ДАРЪ, 2006.
256. *Патрушев А.И.* Германия в XX веке. Учебное пособие. М.: Дрофа, 2004.
257. *Пациорковский В.В., Пациорковская В.В.* Домохозяйство и семья. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матери-

- алы Третьей Всероссийской научной конференции (Казань, 13–14 ноября, 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2009.
258. *Пентелин А.В.* Советская государственно-капиталистическая концессионная политика в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
259. *Первушин С.А.* Хозяйственная конъюнктура. Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. Монография. М.: Экономическая жизнь, 1925.
260. *Перфильева А.А.* Религиозная оставляющая национальной идентичности как инструмент противодействия глобализационным и вестернизационным тенденциям в современном политическом процессе. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 537–541.
261. *Петерссон О.* Шведская система правления и политика. Монография. М.: Ad Marginem, 1998.
262. *Петриков А.В.* Устойчивое развитие сельских территорий в России: направления и проблемы. Статья // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России. Сборник статей. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005.
263. *Печерин Я.И.* Исторический обзор государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 включительно. Монография. СПб., 1896.
264. *Печерин Я. И.* Исторический обзор государственных доходов и расходов с 1844 по 1863 включительно. Монография. СПб., 1898.
265. *Пешель О.* История эпохи открытий. Монография. М.: б/и, 1884.
266. *Поварницын Б.И.* Российская национальная идентичность и советский опыт. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
267. Повесть временных лет. В 2 ч. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
268. *Погосян С.С.* Проблемы современной суверенизации Армении в историографии и общественно-политической мысли: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
269. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. В 55 т. СПб.: Типография собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1849.
270. Полное собрание русских летописей. В 43 т. Т. 2. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843.
271. *Попов М.Е.* Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 607–617.

272. Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008-й — начало 2009 года). Монография / Под общ. ред. А. Мельвиля. М.: МГИМО, 2009.
273. Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–206.
274. Проблемы возрождения современного российского села // Россия: процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 году. / Под ред. Г.В. Осипова и В.В. Локосова. М.: ИСПИРАН. 2008.
275. Проблемы торговли. Статистический сборник. М., 1992.
276. Программа Коммунистической партии Советского Союза (принята XX съездом КПСС). М.: Правда, 1961.
277. Программа и Устав Российской коммунистической партии (большевиков). М.: Госиздат, 1919.
278. Программа и Устав Российской социал-демократической рабочей партии 1903 г. с поправками, принятыми на объединительном съезде в Стокгольме в 1906 г. СПб.: Жизнь и знание, 1906.
279. Проект Россия. В 4 кн. М.: Эксмо, 2005–2008.
280. Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957.
281. Промышленность СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1988.
282. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР на период 1928/29–1932/33 гг. Монография. В 3 т. М.: Плановое хозяйство, 1929.
283. Райгородский Д. Я. Психология семьи. Учебное пособие. Самара: Бахрах — М, 2007.
284. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок. Статья // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.
285. Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007.
286. Региональное измерение государственной экономической политики России. Монография / Под общ. ред. А.С. Малчинова. М.: Научный эксперт. 2007.
287. Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). Монография. М.: Готика, 2006.
288. Ровинская Т.Л. Формирование негативного образа России в зарубежных СМИ. Статья // Россия в мировой политике и международных отношениях. Мировое развитие. Сборник статей. Вып. 5.
289. Рогульченко М.Г. Синетика. Русская национальная идея. Монография. М., 2004.
290. Родионова Н.А. Кризис российской идентичности и поиски общенациональной идеи. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.

291. Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства. Монография / Отв. ред. Н.К. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
292. *Романова Е.В.* Потенциал и риски мобильности рабочей силы в ЕС и России. Статья // *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2009. Вып. 10.
293. Российская модернизация XIX-XX веков: индустриальные, социальные, экономические перемены. Сборник статей. Уфа: Восточный университет, 1997.
294. Российская модернизация. Экономические беседы / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М: ЗАО «Издательство Экономика», 2007.
295. Российский статистический ежегодник — 1996. М.: Госкомитет РФ по статистике, 1996.
296. Российский статистический ежегодник — 2007. М.: Росстат, 2007.
297. Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. / Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989.
298. Россия в цифрах — 2006. Статистический сборник. М.: Росстат, 2006.
299. Россия в цифрах — 2010. Статистический сборник. М.: Росстат, 2010.
300. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Монография / Под общей ред. В.И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1996.
301. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001.
302. Россия и страны — члены Европейского союза — 2005. Статистический сборник. М.: Росстат, 2005.
303. Россия и страны мира — 2006. М.: Росстат, 2006.
304. Россия. Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991.
305. *Роцин М.Ю.* Старообрядчество и труд. Статья // *Генезис кризисов природы и общества в России*. Сборник статей. Вып. 2. М.: Наука, 1994.
306. *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Сто лет спустя. Монография. М.: Изд-во РАГС, 2009.
307. *Рубанов И.* Дальше — сами. Статья // *Эксперт*. 2008. № 6 (595). С. 72–73.
308. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. Монография. М.: ОГИЗ, 1941.
309. Русская доктрина. Монография / Под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., Яуза-пресс, 2007.
310. Русские: история и этнография. Монография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М.: АСТ, Олимп, 2008.
311. Русское хозяйство. Монография. М.: Институт русской цивилизации, 2006.
312. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. Монография. М.: Наука, 1988.
313. *Рыбников А.А.* Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. Монография. М.: Кооперативное издательство, 1922.

314. *Рязанов В.Т.* Экономическая культура и национальная идентификация. Статья // Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Вестник. М., 2006. № 1. С. 373–376.
315. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. XIX–XX вв. Монография. СПб.: Наука, 1998.
316. *Саидов А.Х.* Национальные парламенты мира. Монография. М.: Институт государства и права РАН, 2005.
317. *Салмин А.М.* Миф истории и история мифа. Вместо введения // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004.
318. *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе со второй половины XVII и до конца XVIII вв. Статья // ЧОИДР. 1891. Кн. 3–4.
319. *Сарно А.А.* Типы трудовой мотивации и их динамика. Статья // Социологические исследования. 1999. № 5.
320. *Светлов Р.В.* Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. Монография. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 1996.
321. *Селищев А.С., Селищев Н.А.* Китайская экономика в XXI веке. Монография. СПб.: Питер, 2004.
322. *Семенов С.И.* Преображение «нации» в Латинской Америке. Статья // Национальная идея: история, идеология, миф. Сборник статей. М.: ИСР РАН, 2004.
323. Семья: книга для чтения. В 2 кн. / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. М.: Политиздат, 1990.
324. *Сенчакова Л.* Крестьяне и Государственная Дума (1906–1907 гг.). Статья // Россия — XXI. Сборник статей. 1996. № 9–10. С. 164–180.
325. *Сергеева А. В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. Монография. М.: Флинта, Наука, 2008.
326. *Сидоренко П.* Чего стоит имперский стакан без украинского сала? Статья // Российская газета. 1996. 5 дек.
327. *Сидоров А.Л.* К вопросу о строительстве казенных военных заводов в России в годы первой мировой войны. Статья // Исторические записки. Т. 54. М., 1955.
328. *Симагин Ю.А.* Территориальная организация населения и хозяйства. Монография. М.: КНОРУС, 2009.
329. *Симонов В.В., Сулакшин С.С., Подпорина И.В.* Бюджет и налоги в экономической политике России. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
330. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920–1950-е годы. Монография. М.: РОССПЭН, 1996.
331. *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. Монография. М.: Наука, 2006.

332. Синельников А. Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. М.: КДУ, 2008.
333. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). Монография. М.: Индрик, 1998.
334. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. проф. Е.И. Холостовой. М.: Юристъ, 1997.
335. Смирнова Н. Грядет ли дух капитализма? Статья // Знание — сила. 1992. № 9.
336. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Соч. М.: Соцэкгиз, 1962.
337. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Сборник / Под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993.
338. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Спецвыпуск. Брошюра к газете «Комсомольская правда» от 18.09.1990 г.
339. Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века. Статья // Новый мир. 1994. № 7.
340. Соловьев В.С. Русская идея. Соч. М.: Республика, 1992.
341. Соловьев В.С. Спор о справедливости. Соч. М.-Харьков: Эксмо — Пресс, Фолио, 1999.
342. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Голос, 1993.
343. Соловьев Э. Почему русская национальная идея до сих пор не овладела массами? Статья // Московские новости. 1997. № 12.
344. Солоневич И.Л. Народная монархия. Соч. Минск: Лучи Софии, 1997.
345. Сорвина Г.Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории. Монография. М.: РОССПЭН, 2000.
346. Сорокин П.А. Кризис современной семьи. Статья // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3.
347. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Монография. М.: Политиздат, 1992.
348. Социология семьи: Учебное пособие / Под ред. проф. А.И. Антонова. М.: ИНФРА — М, 2005.
349. Спенсер Г. Основания социологии. Монография. СПб., 1908.
350. Сравнительный менеджмент. Учебное пособие / Под ред. С.Э. Пивоварова. СПб.: Питер, 2006.
351. Староверов В.И. Социальные аспекты развития производительных сил агропромышленного комплекса СССР. Статья // Социологические исследования. 1985. № 2.
352. Старцев А.В. Хозяйственная этика старообрядчества. Статья // Старообрядчество: история и культура. Сборник статей. Вып. 1. Барнаул: Лествица, 1998.
353. Статистический ежегодник на 1913 г. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1913.
354. Степанов С.А. Черная сотня. Монография. М.: Эксмо, Яуза, 2005.

355. *Столович Л.Н.* Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. Монография. М.: Республика, 1994.
356. Страна Советов за 50 лет. Статистический сборник. М.: Статистика, 1967.
357. Страны — члены СНГ в 1991 г. Статистический ежегодник. М.: СК СНГ, 1992.
358. *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. Монография. В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
359. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. Монография. М.: Госполитиздат, 1957.
360. *Сулакшин С.С.* Об инфляции «не по Кудрину». Монография. М.: Научный эксперт, 2009.
361. *Сулакшин С.С.* Российская экономика: от сырья к знаниям (технология перехода). Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
362. *Сулакшин С.С.* Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. Монография. М.: Научный эксперт, 2006.
363. *Сулакшин С.С.* Системная методология проектирования государственно-управленческих решений // Труды Центра. Вып. № 2. М.: Научный эксперт, 2006.
364. *Сулакшин С.С., Вилисов М.В., Сазонова Е.С. и др.* Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд: восстановление монетизации и инвестиционная подкачка развития экономики России. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
365. *Сулакшин С.С., Колесник И.Ю., Багдасарян В.Э.* Производительность, оплата, мотивация труда и государственное управление в России. Монография. М.: Научный эксперт, 2010.
366. *Сургуладзе В.Ш.* Русская идея и отражение кризиса национальной идентичности в русской философии. Монография. М.: Компания Спутник+, 2006.
367. *Суханов И.В.* Обычай, традиции, преемственность поколений. Монография. М.: Политиздат, 1976.
368. Сфера услуг: проблемы и перспективы развития. Монография. В 2 т. М.: Приор, 2000.
369. Тенденции в странах Европы и Северной Америки. Статистический ежегодник ЕЭК ООН, 2003. М.: Госкомитет РФ по статистике, 2004.
370. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Монография. СПб.: БСК, 1992.
371. *Ткаченко О.В.* Архетип народных представлений в формировании новой тимической парадигмы. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007.
372. *Тойнби А.* Постигание истории. Соч. М.: Прогресс, 1991.

373. Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553–1593. Монография. СПб., 1875.
374. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. Монография. М.: Новый хронограф, 2009.
375. Троицкий Е.С. Русская этнополитология и возрождение Отечества. Статья // Русская этнополитическая и национальная идея. Сборник статей. М.: Граница, 2006.
376. Труд в СССР. Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1988.
377. Турен А. Социология без общества. Статья // Социологические исследования. 2004. № 7.
378. Тэн И. Происхождение современной Франции. Монография. СПб.: Типография П.О. Пантелеева, 1907.
379. Узденников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. Монография. М.: Малая Медведица, 1995.
380. Ульянов Н.И. Исторический опыт России. Монография. Нью-Йорк: б/и, 1962.
381. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. Монография. М.: Госстатиздат, 1963.
382. Устрялов Н.В. Элементы государства. Монография. Харбин: б/и, 1932.
383. Уэйнтрон Ф., Чол С. Франция: попытка системной реформы // Франко-русский журнал по государственной реформе. 2005. С. 90–99.
384. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Ростов н/Д.: ИДДК, 2004.
385. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.
386. Философия и аксиология. Монография. Велико Търново: Изд-во университета свв. Кирилла и Мефодия, 1993.
387. Финансовые рынки и экономическая политика России. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008.
388. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство. Соч. М.: Красная новь, 1923.
389. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии. Статья // Философские науки. 1990. № 5.
390. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. Сборник. М.: Прогресс, 1989.
391. Франчук В.И. Актуальные задачи социальной инженерии. Статья // Социально-гуманитарные знания. М., 2006.
392. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Монография. В 3 ч. М.: Праксис, 2006.
393. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. Монография. М.: АСТ, 2006.

394. *Фурсенко А.А.* Американская буржуазная революция XVIII в. Монография. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
395. *Хайруллина Ю.Р.* Ценности в сфере труда: особенности и факторы. Статья // Социологические исследования. 2003 № 5. С. 84–88.
396. *Хан Ю.В.* Евгенический проект: «pro» и «contra». Монография. М.: ИФ РАН, 2003.
397. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Соч. М.: АСТ, 2003.
398. *Харт Г.* Морской путь в Индию. Монография. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.
399. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. Монография. М.: Мысль, 1979.
400. *Хождение игумена Даниила* // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1978.
401. *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1994.
402. *Хорос В.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты). Статья // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 8. С. 70–79.
403. *Хорос В.* Японские секреты. Статья // Знание — сила. 1991. № 10.
404. *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Монография. Смоленск: Русич, 2001.
405. *Худошин А.* В напутствие новобрачным. Соч. Воронеж: Оранта, 2009.
406. *Чавчавадзе Н.Э.* Культура и ценности. Монография. Тбилиси: Мецниерева, 1984.
407. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Монография. М.: Экономика, 1989.
408. *Чернавский М.Ю.* Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX — начала XX века. Статья // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Сборник статей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.
409. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. Соч. М.: Мысль, 1976.
410. *Чижевский А.Л., Шишина Ю.Г.* В ритме Солнца. Соч. М.: Наука, 1969.
411. *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран. Учебное пособие. М.: Юрист, 1997.
412. *Шагин А.С.* Изречения о политике. Сборник. М., 2009.
413. *Шарапов С.Ф.* Русские исторические начала и их современное положение. Монография. М., 1908.
414. *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в.–1914 г. Монография. М.: Наука, 1992.
415. *Шахназаров О.Л.* Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года). Статья // Вопросы истории. 2004. № 4.
416. *Шебалдин Ю.Н.* Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до 1-ой мировой войны). Статья // Исторические записки. 1959. № 65.

417. *Шишков Ю.* Россия и СНГ: неудавшийся брак по расчету/ Pro et Contra. Т. 6. № 1–2. Зима — весна 2001.
418. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1993.
419. *Шпет Г.* К вопросу о гегельянстве Белинского: этюд // Вопросы философии. 1991. № 7.
420. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. Монография. М.: Аспект Пресс, 1996.
421. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. Статья // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 83–93.
422. *Шумилова Е.А.* Особенности становления российской гражданской идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. Сборник статей / Отв. ред. В.С. Магун. М.: ИС РАН, 2006. С. 132–140.
423. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры). Монография. М.: Прогресс, 1982.
424. *Щербина Ф.А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Монография. Воронеж, 1897.
425. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. Соч. М.: Книга, 1989.
426. Экономическая доктрина Российской Федерации (макет-проект). Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2008.
427. Экономические субъекты постсоветской экономики. (Институциональный анализ). Монография. М.: Инфра-М, 2001.
428. *Элиаде М.* Священное и мирское. Соч. М.: Изд-во МГУ, 1994.
429. *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Монография. Л., 1984.
430. *Якунин В.И.* Механизм разработки геостратегий в современном российском государстве (на примере транспортно-железнодорожной сферы): дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
431. *Якунин В.И.* Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития Монография. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2006.
432. *Якунин В.И.* Формирование государственной политики в современной России. Монография. М.: РОССПЭН, 2006.
433. *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Куликов В.И., Сулакшин С.С.* Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М.: Научный эксперт, 2010.
434. *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Идеология экономической политики. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.

435. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. Монография. М.: Научный эксперт, 2009.
436. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
437. Якунин В.И., Богомолов О.Т., Макаров В.Л. и др. Постановка задачи разработки концепции экономической политики России (приглашаем к сотрудничеству). Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2006.
438. Якунин В.И., Роик В.Д., Сулакшин С.С. Социальное измерение государственной экономической политики. Монография. М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007.
439. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт. 2007.
440. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Образование как фактор экономического развития. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
441. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Вилисов М.В. и др. О модернизации государственной системы управления экономическим развитием в России. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
442. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Межуев В.М. и др. От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. Монография / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2006.
443. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Порфирьев Б.Н. и др. Проблемы формирования государственной политики транспортной безопасности. Монография. М.: Наука. 2006.
444. Ярощук Н.З. Национальная идея в современном обществе. Статья // Инновации в условиях реформ (экономические, технологические, социально-психологические). М., 1998.
445. Ярощук Н.З. Политическая нация и национальная идея. Доклад // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции (20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 728–729.
446. Dataset Version 2.0 // Conflict Management and Peace Science 21 (2). P. 101–119.
447. David S. American Holocaust: The Conquest of the New World. Oxford: University Press, 1993.
448. Economy policy ideology. М.: Nauchnyi expert, 2009.
449. Folke H. Industrialization and Foreign Trade. Geneva, 1945.

450. *Hill F., Gadey C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.
451. *Hofstede G.* Problems remain, but theories will change: the universal and the specific in 21st-century global management // *Organizational dynamics*. N.Y., 1999. Vol. 28. № 1. P. 34–43.
452. *Huntington S.* Conservatism as Ideology // *The American Political Science Review*. Vol. 51. 1957. P. 454–473.
453. *Kluckhohn C.* Values and Value-Orientations in the Theory of Action // *Toward a general theory of action*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962.
454. *Leeds B., Ritter S., McLaughlin S., Long A.* Alliance Treaty Obligations and Provisions, 1815–1944 // *International Interactions*. 2002. P. 237–260.
455. *Levi-Strauss C.* Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds., 1990.
456. *Maddison A.* Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris, 1995.
457. *McKinney J., Loomis C.* The Typological Tradition // *Urban Man and Society. A Reader in Urban Sociology*. N.Y., 1970.
458. *Milward A.S., Saul S.B.* The Development of the Economics of Continental Europe. 1850–1974. L., 1977.
459. *Molokotos-Liederman L.* The Religious Factor in the Construction of Europe: Greece, Orthodoxy and the European Union. L.: London School of Economics. 2003.
460. *Parsons T.* The Social System. N.Y.: Free Press, 1964.
461. *Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence*. N.Y.: United Nations, 1990.
462. *Radelet S., Sachs J.* Asia's Reemergence // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 6. P. 46.
463. *Rosenberg Ch.E.* Science and American social thought. Estudios sobre sociología de la ciencia. Madrid: Alianza, 1980.
464. *Ronen S.* Comparative and multinational management. N.Y.: John Wiley & Sons, 1986.
465. *Russell T.* American Indian Holocaust and Survival: A Population History Since 1492 // *Civilization of the American Indian*. Vol. 186. Oklahoma City: University of Oklahoma, 1990.

Интернет-ресурсы

1. <<http://ru.wikipedia.org/>>.
2. <<http://www.gallup.com/>>.
3. <<http://kafgospr.narod.ru/>>.
4. <<http://upload.wikimedia.org/>>.

5. <<http://geraldika.ru/>>.
6. <<http://lawers-ssu.narod.ru/>>.
7. <<http://www.patriotica.ru/>>.
8. <<http://www.yurclub.ru/>>.
9. <<http://www.image-contact.ru/>>.
10. <<http://www.moskvam.ru/>>.
11. <<http://www.km.ru/>>.
12. <<http://www.antropotok.archipelag.ru/>>.
13. <<http://natio-idea.narod.ru/>>.
14. <<http://zarusl.narod.ru/>>.
15. <<http://edinros.ru/>>.
16. <<http://edin.ru/>>.
17. <<http://mos-partya.ru/>>.
18. <<http://nationidea.bntru.com/>>.
19. <<http://www.angelfire.com/>>.
20. <<http://cccp-kpss.narod.ru/>>.
21. <<http://www.usinfo.ru/>>.
22. <<http://zpu-journal.ru/>>.
23. <<http://www.uznal.org/>>.
24. <<http://vivovoco.rsl.ru/>>.
25. <<http://bg-znanie.ru/>>.
26. <<http://milresource.ru/>>.
27. <<http://archive.kremlin.ru/>>.
28. <<http://www.strana-oz.ru/>>.
29. <<http://absentis.front.ru/>>.
30. <<http://polit.ru/>>.
31. <<http://www.kreml.org/>>.
32. <<http://www.situation.ru/>>.
33. <www.apn.ru/>.
34. <<http://gtmarket.ru/>>.
35. <<http://www.rusk.ru/>>.
36. <<http://www.ateismy.net/>>.
37. <<http://old.portal-slovo.ru/>>.
38. <<http://demoscope.ru/>>.
39. <<http://www.pravoslavie.ru/>>.
40. <<http://mir.udmweb.ru/>>.
41. <<http://www.i-stroy.ru/>>.
42. <<http://www.usda.gov/>>.
43. <<http://opec.ru/>>.
44. <<http://www.viapi.ru/>>.
45. <<http://www.pravo.by/>>.
46. <<http://pewglobal. />>>.

47. <<http://www.correlatesofwar.org>>.
48. <<http://www.dosye.ru/>>.
49. <<http://www.mer-maids.com/>>.
50. <www.regnum.ru/>.
51. <<http://www.mezhizn.ru/>>.
52. <<http://www.bbc.co.uk/>>.

Для заметок

Научное издание

Национальная идея России

Том I

Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Редакторы *Ю.Е. Мешков, В.В. Тихонова*
Художник *С.Г. Абелин*
Верстка *О.П. Максимова*

**Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования**

107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15.
Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09.
www.rusrand.ru
E-mail: frpc@cea.ru

Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 47. Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru